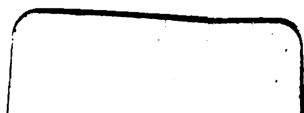
МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ XIX И НАЧАЛА XX ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

XIX и начала XX века

*

ДОКУМЕНТЫ
РОССИЙСКОГО МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Государственное издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1961

9(С)15
В 60

КОМИССИЯ
ПО ИЗДАНИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ
при МИД СССР

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

1801—1815 гг.

ТОМ ВТОРОЙ

апрель 1804 г.— декабрь 1805 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВТОРОГО ТОМА:
А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ (ответственный редактор),
И. В. ЕВСТИГНЕЕВ, С. Д. СКАЗКИН,
В. П. ЯКУБОВСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том первой серии документов внешней политики России охватывает период с апреля 1804 г. по декабрь 1805 г. Большинство включенных в него материалов публикуется впервые.

Многие документы второго тома отражают деятельность русской дипломатии, имевшую целью ограничить завоевательную политику наполеоновской Франции. Решению этой задачи служили, в частности, соглашения России с Пруссией (май 1804 г.), Австрией (ноябрь 1804 г.), Швецией (январь 1805 г.).

Документы тома показывают роль России и других государств в дипломатической подготовке третьей антинаполеоновской коалиции и дают обширный материал для выяснения задач внешней политики России в 1804—1805 гг. Так, впервые полностью публикуются инструкция Александра I Н. Н. Новосильцеву о ведении переговоров с правительством Англии о создании коалиции и отчет Новосильцева о его беседе с Питтом, в ходе которой были определены цели и принципы коалиции. Также впервые печатается инструкция Н. Н. Новосильцеву, известная в исторической литературе как «секретная инструкция А. Чарторыйского». В то же время документы показывают, что широко известная записка «Об устройстве европейских дел», опубликованная в мемуарах А. Чарторыйского с датой 1804 г. и часто принимаемая за изложение программы внешней политики России, не могла быть написана ранее конца 1806 г., когда А. Чарторыйский уже не стоял во главе Министерства иностранных дел (см. прим. 79). Поэтому данная записка не может быть отнесена к российским дипломатическим документам. В томе широко освещена деятельность русской дипломатии по привлечению Австрии, Пруссии, Турции, Королевства Обеих Сицилий и других государств к участию в коалиции и приводятся союзные договоры с ними. В частности, публикуются неизвестные до сих пор материалы о попытках русского правительства привлечь к участию в коалиции Испанию и Португалию.

Ряд документов посвящен предполагавшейся миссии Н. Н. Новосильцева в Париж летом 1805 г. с целью урегулирования дипломатическим путем отношений участников коалиции с Францией.

Часть публикуемой переписки показывает благожелательное отношение русского правительства к восстанию сербов и свидетельствует о выступлениях России в защиту славянского, албанского и греческого населения Балканского полуострова от притеснений турецких властей.

В томе освещаются также история вступления закавказских ханств в российское подданство и политика России в Закавказье.

Некоторые документы относятся к миссиям Н. П. Резанова в Японию и Ю. А. Головкина в Китай с целью установления дружественных отношений и развития торговли с ними.

Том завершается инструкциями российским представителям в Англии, Пруссии и др. государствах по поводу мероприятий русского правительства в связи с поражением под Аустерлицем и выходом Австрии из войны против империи Наполеона I.

Как и в первом томе, на важнейшие ранее опубликованные документы даются краткие аннотации с отсылкой к соответствующим изданиям.

В комментариях приводятся в выдержках либо полностью многочисленные документы, не вошедшие в том, но важные для понимания публикуемых материалов.

Принятые в данном издании принципы оформления и публикации документов изложены в предисловии к первому тому.

Работа по выявлению и подготовке документов к печати, а также составлению комментариев, указателей и библиографии выполнена под руководством профессора *А. Л. Нарочницкого* сотрудниками Редакционного аппарата Комиссии по изданию дипломатических документов при МИД СССР тт. *О. Б. Авсеневой*, *Л. И. Бойко*, *С. И. Дивильковским*, *И. В. Евстигнеевым*, *Г. Н. Селяхом*, *В. М. Тарасовой*, *Ф. А. Федоровой* при участии научных сотрудников институтов истории, славяноведения и народов Азии Академии наук СССР тт. *М. А. Лобынцевой*, *Л. Д. Нефедовой*, *В. Г. Сироткина* и кандидатов исторических наук *Н. Н. Болховитинова* и *Г. Ф. Сухомлиновой*.

1804

1. Нота министра-резидента в Регенсбурге Ф. А. Клюпфеля Сейму Германской империи

8(20) апреля 1804 г. *

L'événement,[1] qui vient de se passer dans les Etats de son altesse sérénissime l'électeur de Bade et dont la fin a été aussi affligeante, a fait éprouver la plus vive douleur à s. m. l'empereur de toutes les Russies. Elle n'a pu voir qu'avec un profond chagrin l'atteinte portée à la tranquillité et à l'intégrité du territoire de l'Allemagne. S. m. i. en fut d'autant plus affectée qu'elle ne pouvait en aucune manière s'attendre qu'une puissance qui avait exercé de concert avec elle la médiation et qui s'était obligée, par conséquent, de partager ses soins à l'égard de la prospérité et du repos de l'Empire germanique pût s'écarter de la sorte des principes sacrés du droit des gens et des engagements qu'elle avait contractés récemment.

Il serait inutile de fixer l'attention de la Diète sur les conséquences funestes auxquelles s'exposerait l'Empire germanique, si les actes de violence, dont on vient de voir le premier et l'unique exemple, étaient passés sous silence. Elle sentira facilement dans sa prévoyance accoutumée à quel point la tranquillité et la sûreté future de tout l'empire et de chacun de ses membres seraient compromises si de pareilles violences pouvaient se réputer admissibles et avaient lieu sans être ressenties ni rencontrer d'obstacles.

L'empereur, mû par ces considérations et dans sa qualité de garant de la constitution de l'Empire germanique et de médiateur, croit devoir solennellement protester contre un acte aussi attentatoire au repos et à la sûreté de l'Allemagne. S. m., justement alarmée sur la perspective affligeante qu'il présente, n'a point balancé de manifester en même temps sa façon de voir à ce sujet au premier consul par la voie du chargé d'affaires de la Russie à Paris.**

S. m. i., en faisant une démarche que les considérations les plus importantes pour le bien du Corps germanique lui ont dictée, est convaincue que la Diète de l'empire ainsi que son chef, rendant justice à des soins aussi désintéressés qu'évidemment indispensables, s'empresseront de réunir leurs efforts aux siens et n'hésiteront pas à faire parvenir au gouvernement français leurs

---

* Дата утверждения проекта ноты Александром I. Нота была вручена Ф. А. Клюпфелем Имперскому сейму 24 апреля (6 мая) 1804 г.

** См. док. 6.

justés réclamations pour le porter à se prêter à toute démarche et mesure qui serait due de sa part à leur dignité compromise et nécessaire au maintien de leur sûreté future.

Помета Александра I: Быть по сему.
Апреля 8 дня 1804 г.

Отправлено апреля 9 с фельдъегерем Артемьевым.

Печат. по отпуску.
Опубл. Rose, Select dispatches, p. 8—9.

Перевод

Событие [1], которое недавно имело место во владениях его светлости курфюрста Баденского и которое окончилось столь прискорбно, глубоко опечалило е. в-во императора всероссийского. Естественно, что его весьма огорчило это посягательство на спокойствие и территориальную целостность Германии. Е. и. в-во был тем более удручен этим, что он никоим образом не мог ожидать, что держава, которая совместно с ним осуществляла посредничество и которая, следовательно, обязалась разделить с ним его заботы о благоденствии и спокойствии Германской империи, сможет так отклониться от священных принципов международного права и от недавно принятых ею обязательств.

Было бы излишне обращать внимание Сейма на то, какие пагубные последствия грозили бы Германской империи, если бы акты насилия, первый и единственный в своем роде пример которых только что имел место, были обойдены молчанием. С присущей ему предусмотрительностью Сейм легко поймет, насколько непрочными были бы будущее спокойствие и безопасность империи и каждого из ее членов, если бы подобные насилия были признаны допустимыми и осуществлялись беспрепятственно и безнаказанно.

Руководствуясь этими соображениями, император в качестве гаранта конституции Германской империи и посредника счел своим долгом заявить официальный протест против поступка, являющегося столь грубым посягательством на спокойствие и безопасность Германии. Е. в-во, справедливо опасаясь пагубных последствий, к которым может привести этот поступок, нисколько не колеблясь, решил высказать свою точку зрения по этому вопросу также и первому консулу через поверенного в делах России в Париже **.

Е. и. в-во, предпринимая демарш, продиктованный соображениями, имеющими важнейшее значение для блага Германской империи, убежден в том, что Имперский сейм так же, как и глава империи, отдавая должное его заботам, столь же бескорыстным, сколь и безусловно необходимым, незамедлительно присоединятся к нему и, не колеблясь, заявят французскому правительству свой справедливый протест с тем, чтобы побудить его согласиться на все меры и демарши, которые оно должно будет предпринять для удовлетворения оскорбленного достоинства Германской империи и для обеспечения ее будущей безопасности.

2. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику Королевства Обеих Сицилий в С.-Петербурге Серра-Каприола

8(20) апреля 1804 г.

Outre les communications que je Vous ai faites de bouche, M[r] le duc, par ordre de s. m., au sujet de l'intérêt extrêmement vif que prend l'empereur à la situation affligeante dans laquelle se trouve le roi Votre maître, et des ouvertures que le ministère impérial a été chargé de faire à ce sujet au cabinet de St. James, [2] je dois encore Vous exprimer le désir qu'aurait s. m. i. que le roi des Deux Siciles voulût bien employer ses insinuations auprès de s. m. catholique [3] à l'effet de l'engager de joindre, quand il en sera temps, ses efforts à ceux des autres gouvernements bien intentionnés, pour tirer l'Europe de l'asservissement dans lequel elle gémit. Ce serait bien dommage qu'une monarchie comme l'Espagne, gouvernée par un prince qui se distingue par tant de vertus, ne participe pas à l'honneur d'une telle entreprise. Il n'est pas douteux que l'Espagne se trouve dans une position qui exige des ména-

gements, mais elle pourrait d'avance prendre des arrangements et suivre une conduite qui tend au but convenu; s. m. i. aurait sans doute beaucoup de joie d'apprendre quelles sont à cet égard les vues et les intentions de s. m. catholique; les communications directes entre St.-Pétersbourg et Madrid vont devenir de plus en plus difficiles, c'est ce qui m'a encore empêché de passer à ce sujet des instructions à notre ministre en Espagne, en attendant rien n'empêchera, je pense, que Vous ne transmettiez, Mr le duc, le contenu de la présente sous les yeux du roi Votre maître; s.m.i. est persuadée que d'une explication sur cet objet important entre les souverains de Naples et d'Espagne, motivée par l'empereur et à laquelle il pourrait prendre part, ne saurait découler que des résultats très utiles pour la bonne cause.

J'ai l'honneur etc.

Помета Александра I: Быть по сему.
Апреля 8 дня 1804 г.

Подписано и вручено на конференции того же числа в 10 часов пополудни.

Печат. по отпуску.

Перевод

Помимо сообщений, сделанных мною Вам, г-н герцог, в устной форме по повелению е. в-ва относительно живого участия, проявляемого императором к прискорбным обстоятельствам, в которых находится король, Ваш государь, и предложений, которые императорскому министерству было поручено сделать по этому вопросу сент-джемскому кабинету [2], я должен также заявить Вам, что е. и. в-во желал бы, чтобы король Обеих Сицилий соблаговолил обратиться к его католическому в-ву [3] с внушениями, имеющими целью побудить его присоединиться, когда придет время, к другим благонамеренным правительствам в их усилиях, направленных на избавление Европы от ига, под которым она стонет. Было бы весьма досадно, если бы монархия, подобная Испании, во главе с государем, отличающимся столькими добродетелями, не приняла участия в подобном почетном предприятии. Нет сомнения в том, что Испания находится в положении, требующем осторожности, но она могла бы заранее принять соответствующие меры и следовать линии поведения, которая вела бы к условленной цели; е. и. в-во, без сомнения, был бы очень рад узнать, каковы виды и намерения его католического в-ва на этот счет; прямые сношения между С.-Петербургом и Мадридом становятся все более затрудненными, что и помешало мне направить инструкции по этому вопросу нашему посланнику в Испании; а пока ничто, мне кажется, не помешает Вам, г-н герцог, сообщить содержание этого письма королю, Вашему государю; е. и. в-во убежден, что обмен мнениями между неаполитанским и испанским монархами по этому важному вопросу, который был бы предпринят по почину императора и в котором он мог бы принять участие, был бы весьма полезен для правого дела.

Имею честь...

3. Александр I Фридриху-Вильгельму III

9(21) апреля 1804 г.

Je sais déjà par ce que m'en a écrit Mr d'Alopeus, que v.m. a vivement ressenti l'indignité que vient de se permettre Bonaparte en enlevant le duc d'Enghien[1], au mépris de tout ce que la justice et le droit des gens peuvent présenter de plus inviolable, le livrant pour ainsi dire gratuitement au supplice. Connaissant le cœur de v. m. et sa façon de penser, je n'ai pas douté un instant de la profonde impression que ferait sur elle ce nouvel attentat du gouvernement français qui donne la mesure de ce que l'Europe a à attendre de sa part; mais, sire, à notre place souvent il ne suffit pas de sentir une juste indignation dans le fond de son âme, il faut la témoigner. C'est ce que je me suis décidé de faire, comme v. m. le verra par les communications que Mr d'Alopeus transmettra à son ministère.

La Russie et la Prusse, ainsi que la plupart des autres Etats européens, ont suivi jusqu'à présent envers le gouvernement français un système de condescendance et de douceur qu'elles ont cru propre au maintien de la paix et de la tranquillité. Qu'ont-elles gagné par leur modération et leur complaisance sur l'ambition et les injustices du premier consul? L'expérience prouve, qu'elles ont entièrement manqué leur but, et que pour l'atteindre il faut prendre une autre règle de conduite. Croyez moi, sire, la terreur panique, que Bonaparte a su inspirer à tous les gouvernements, est la base principale de sa puissance. Qu'il rencontre une opposition ferme à ses violences de tout genre, et sa fougue se calmera. Autant par sentiment que par raison je me suis déterminé à des démarches énergiques vis-à-vis du gouvernement français, qui seules sont capables de l'arrêter dans le cours de ses injustices. J'espère que v. m. ne me laissera pas agir seul en faveur de l'honneur outragé et de la sûreté détruite de l'Empire germanique et qu'elle joindra ses démarches aux miennes pour prévenir dorénavant une lésion aussi manifeste du droit des nations soit par une négociation commune à Paris, conduite sur un ton de fermeté et de dignité inconnu jusqu'ici au gouvernement français, soit en opposant une vigoureuse résistance à ses funestes entreprises. Je suis très éloigné de désirer la guerre, mais je ne la crains nullement. Le but unique de mes soins est de sauver l'Europe d'un bouleversement immanquable et d'y faire cesser un état d'anxiété, de danger, d'incertitude, qui tous les jours devient plus flétrissant et plus intolérable pour les pays qui l'endurent.

J'ai reçu avec une véritable joie l'avis préalable des réponses déclinatoires et fermes que v. m. a données au dernier office du gouvernement français[4]. Vous désirez de l'arrêter, s'il prétend marcher en avant; je suis prêt à Vous soutenir de tous mes moyens, mais, sire, je souhaiterais que nous puissions clairement convenir de nos faits et établir entre nous une union qui devienne le centre d'un système d'opposition générale contre l'ennemi déclaré des droits et des propriétés d'autrui. C'est ce que je crois pouvoir, pour ainsi dire, demander à v. m. en appuyant mes instances sur l'intérêt de nos deux Etats et sur l'amitié personnelle qui s'est formée pour toujours entre nous. Je ne le cacherai pas à v. m.: je mettrais un grand prix à pouvoir de préférence me lier avec elle pour le maintien de l'ordre, de la justice et du repos en Europe.

Помета Александра I: Быть по сему.
Апреля 8 дня 1804 г.

Написано и подписано е. в-вом 9-го и отправлено с надвор[ным] совет[ником] Байковым.

Печат. по отпуску.
Опубл. Bailleu, Correspondance inédite, p. 46—47.

Перевод

Из донесений г-на Алопеуса я уже знаю, что в. в-во глубоко возмущены недостойным поступком, который позволил себе Бонапарт, похитив герцога Энгиенского и предав его, так сказать, без всяких оснований, казни, поправ тем самым все незыблемые основы справедливости и международного права [1]. Зная благородство в. в-ва и Ваш образ мыслей, я ни на мгновенье не усомнился в том, что это новое посягательство французского правительства, позволяющее судить о том, чего должна ожидать Европа с его стороны, произведет на Вас глубокое впечатление; однако, государь, при том положении, которое мы занимаем, нередко недостаточно испытывать справедливое негодование в глубине души, нужно проявить его. Это именно и решил я сделать, как в. в-во увидите из сообщений, которые будут сделаны г-ном Алопеусом Вашему министерству.

Россия и Пруссия, так же как и большинство других европейских государств, до настоящего времени придерживались по отношению к французскому правительству политики снисходительности и мягкости, считая, что она способна сохранить мир и спокойствие. Чего же

они добились, отвечая умеренностью и уступчивостью на властолюбие и беззакония первого консула? Опыт показывает, что они совершенно не достигли своей цели и что для достижения ее следует избрать иную линию поведения. Поверьте мне, государь, панический страх, который Бонапарт сумел внушить всем правительствам, есть главная основа его могущества. Стоит ему встретить твердое противодействие своим всевозможным насилиям, и его пыл остынет. Побуждаемый как чувствами, так и рассудком, я решил предпринять по отношению к французскому правительству энергичные демарши, которые одни только способны заставить его прекратить беззакония. Я надеюсь, что в. в-во не оставите меня действовать в одиночку в защиту оскорбленной чести и нарушенной неприкосновенности Германской империи и вместе со мной выступите с демаршами, чтобы не допустить впредь столь явных нарушений международного права то ли путем совместных переговоров в Париже, которые следует вести в твердом и достойном тоне, неведомом до сего времени французскому правительству, то ли противопоставив решительное сопротивление его пагубным предприятиям. Я очень далек от того, чтобы желать войны, но я нисколько не боюсь ее. Единственная цель моих забот — спасти Европу от неминуемого потрясения и покончить с состоянием тревоги, опасений и неуверенности, которое становится с каждым днем все более постыдным и невыносимым для стран, пребывающих в нем.

Я испытал истинную радость, получив предварительное уведомление об отрицательном и твердом ответе в. в-ва на последние официальные предложения французского правительства [4]. Вы желаете остановить его, если оно вознамерится пойти далее; я готов поддержать Вас всеми средствами; однако. государь, я желал бы, чтобы мы смогли определенно договориться о наших действиях и установить между собой союз, который стал бы центром системы всеобщего противодействия открытому врагу чужих прав и владений. Это именно то, о чем я считаю себя, так сказать, вправе просить в. в-во, основывая свои настояния на интересах обоих наших государств и на личной дружбе, связавшей нас навеки. Я не скрою от в. в-ва: для меня представляла бы особую ценность возможность действовать преимущественно совместно с Вами в деле поддержания в Европе порядка, справедливости и спокойствия.

4. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

9(21) апреля 1804 г.

Monsieur, les dépêches [5], qui depuis plus de 8 jours devaient être expédiées à v. ex. relativement à l'affaire de la noblesse immédiate [6], ont été retenues jusqu'aujourd'hui par la nouvelle inattendue de l'arrestation et puis de la mort du duc d'Enghien [1]; ces dépêches quoique arriérées Vous mettront à même d'instruire la cour, où Vous êtes, du point de vue sous lequel nous avons envisagé la discussion à l'égard de l'ordre équestre que l'infraction commise à Ettenheim a, pour ainsi dire, supplantée pour le moment dans l'attention des cabinets.

Nous espérons que la manière, dont se prononce s.m.i. sur l'attentat récent de Bonaparte contre la sécurité de l'Empire germanique et le droit des gens *, sera le premier signal à une opposition qu'il est instant de voir naître dans l'Europe et particulièrement en Allemagne contre l'oppression et les violences du gouvernement français. S. m. attend avec impatience la réponse du roi de Prusse à sa lettre autographe **, et Vous trouverez ci-jointe une seconde *** que l'empereur lui écrit dans le même sens et que v. ex. fera parvenir à sa destination de la manière accoutumée. S. m. a appris avec beaucoup de satisfaction le refus qui allait être donné au gouvernement français sur ses dernières propositions faites à la cour de Berlin [4], ainsi que l'intention qu'a celle-ci de ne point souffrir aucune démonstration qui serait de nature à compromettre le repos de l'Allemagne et sa résolution de regarder les intérêts du roi de Dannemarc et de l'électeur de Saxe comme les siens propres. Des sentiments pareils coïncident parfaitement avec ceux de s.m. l'empereur qui est prêt d'assister de ses forces s.m. prussienne et les autres princes d'Allemagne

* См. док. 1.
** См т. I, прим. 315.
*** См. док. 3.

Перевод

Милостивый государь, трагическая участь, постигшая герцога Энгиенского по вине французского правительства[1], вызвав глубокое сожаление е. и. в-ва, довела до крайних пределов недовольство, которое с некоторых пор возникло у нашего августейшего государя в связи с неподобающими поступками этого правительства. Средства, употребленные для осуществления этого беззаконного и варварского дела, настолько противоречат всем понятиям о справедливости и гуманности, что трудно было бы, пожалуй, найти еще что-либо подобное. Справедливо обеспокоенный тем, что повторение подобных нарушений международного права неминуемо привело бы к опасным последствиям для безопасности всей Европы, император в то же время счел, что его достоинство и долг посредника обязывают его во всеуслышание заявить об осуждении нарушения территориальной неприкосновенности Германской империи, совершенного недавно французским правительством. Вследствие этого нашему поверенному в делах в Париже предписано вручить министру внешних сношений ноту[8], копию которой я посылаю в. пр-ву в приложении под литерой «А». Одновременно Вы получите при сем под литерой «В» копию ноты *, которую резиденту Клюпфелю приказано представить Имперскому сейму.

Выполняя, таким образом, то, что он обязан был сделать, исходя из интересов будущей безопасности Германии, доверенной его гарантии, император нисколько не сомневается, что его прусское в-во, признавая необходимость положить конец актам произвола со стороны первого консула, которые следуют один за другим с поистине устрашающей быстротой, с готовностью присоединится к его демаршам перед Имперским сеймом, а также к тем демаршам, которые будут предприняты нами в Париже, и с удовольствием воспользуется этим случаем, чтобы открыто провозгласить свое намерение способствовать обеспечению безопасности Германской империи.

Соблаговолите, милостивый государь, объясниться в этом смысле с прусским министерством и без промедления поставьте меня в известность об ответе, который Вы получите от него по этому вопросу.

Пребываю...

Князь А. Чарторыйский

6. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский поверенному в делах в Париже П. Я. Убри

9(21) апреля 1804 г.

L'événement tragique, qui vient de se passer en France et dont le duc d'Enghien a été la victime[1], a pénétré l'empereur de la plus vive douleur. Ses justes alarmes sur la marche, que le gouvernement français semble avoir adoptée pour sa conduite ultérieure, se joignent aux regrets que la fin malheureuse de ce prince inspire à s. m. i. Quelque fréquentes qu'aient été jusqu'ici les irrégularités que le premier consul s'est permises dans ses rapports avec les autres puissances, il était impossible d'être prépa[ré] à un attentat pareil contre le droit des nations et l'humanité entière. Cet acte révoltant de l'abus de la force et de l'oubli de tout ce qu'il y a de plus sacré a été appris par l'empereur avec l'indignation qu'il mérite. S. m. i. s'est empressé de manifester ses regrets de la mort du duc d'Enghien en ordonnant le deuil à sa cour. Mais en satisfaisant ainsi ce qu'il a cru devoir à la mémoire de ce prince infortuné, il croirait manquer à sa dignité, s'il ne déclarait à l'Europe entière la désapprobation formelle de la conduite de Buonaparte. A cet effet, Mr Klupffel a reçu l'ordre de présenter à la Diète de Ratisbonne une note * qui doit instruire les Etats de l'empire et leur chef du déplaisir, avec lequel notre auguste maître a appris la violation du territoire et du droit des gens que le gouvernement français vient de se permettre en Allemagne, et de les inviter à se joindre à lui pour en demander la réparation.

S. m. ne croit cependant pas devoir attendre leur adhésion pour faire vis-à-vis du premier consul la démarche qu'il a jugé être indispensable et Vous

* См. док. 1.

aurez, m[onsieu]r, à présenter la note ci-jointe sub lit. «A»[8] immédiatement après sa réception, et d'insister sur une réponse prompte et catégorique. Et comme d'après la violence connue du caractère de Buonaparte on peut s'attendre que l'énergie, que notre cour déploie à cette occasion, le portera peut-être à quelque détermination extrême, il Vous est formellement enjoint, m[onsieu]r, en cas que Vous receviez à Votre office une réponse offensante pour l'empereur, ou si Vous prévoyez l'intimation de quitter la France, ou bien si Vous apprenez que l'ordre sera expédié au général Hedouville de quitter la Russie, Vous présenterez alors la note que Vous trouverez ici sub lit. «B»[9] et demanderez Vos passeports, en donnant à cette démarche toute la publicité possible.

La conduite prudente que Vous avez tenue, m[onsieu]r, jusqu'ici, nous sert de garant que Vous saurez dans cette circonstance épargner à notre cour le déplaisir de voir son chargé d'affaires renvoyé et que Vous trouverez les moyens d'être instruit à temps des résolutions de Buonaparte à cet égard, afin de pouvoir prendre les devants.

Je suis etc

Помета Александра I: Быть по сему.

Апреля 8 дня 1804 г.
Подписано и отправлено 9 числа с надворным советником Байковым.

Печат. по отпуску.

Перевод

Происшедшее во Франции трагическое событие, жертвой которого стал герцог Энгиенский[1], глубоко опечалило императора. К скорби, которую испытывает е. и.в-во в связи с трагической смертью этого принца, присоединяются справедливые опасения относительно той линии, которой французское правительство как будто намерено придерживаться в своих дальнейших действиях. Хотя первый консул в своих отношениях с другими державами очень часто позволял себе неподобающие поступки, трудно было ожидать подобного посягательства на международное право и все человечество. Этот возмутительный акт злоупотребления силой и забвения всего, что есть наиболее святого, был встречен императором с негодованием, которого он заслуживает. Е. и. в-во не замедлил выразить свою скорбь по поводу смерти герцога Энгиенского, объявив траур при дворе. Но отдав должное памяти этого несчастного принца, он счел, что поступится своим достоинством, если не осудит официально перед лицом всей Европы действий Буонапарте. С этой целью г-ну Клюпфелю было предписано представить Сейму в Регенсбурге ноту *, которая должна уведомить имперские государства и главу империи о неудовольствии нашего августейшего государя по поводу нарушения территориальной неприкосновенности и международного права, которое французское правительство позволило себе в Германии, а также предложить им присоединиться к нему, чтобы потребовать удовлетворения.

Е. в-во, однако, не считает, что он должен ожидать, пока они присоединятся к нему, чтобы предпринять перед первым консулом демарш, который он счел необходимым, и Вы, милостивый государь, должны вручить ноту, приложенную здесь под литерой «А»[8], тотчас после ее получения и настаивать на быстром и категорическом ответе. И так как, учитывая общеизвестную необузданность нрава Буонапарте, можно ожидать, что энергичные действия, предпринимаемые нашим двором в данном случае, могут вызвать с его стороны какие-либо крайние решения, Вам, милостивый государь, предписывается в случае, если Вы получите на Вашу ноту ответ, оскорбительный для императора, или если Вы увидите, что собираются предложить Вам покинуть Францию, или же, если Вы узнаете, что генералу Гедувилю будет послан приказ покинуть Россию, тогда Вы вручите ноту, которую найдете в приложении под литерой «В»[9], и потребуете Ваши паспорта, придав этому демаршу самую широкую огласку.

Осторожность, с которой Вы, милостивый государь, до сих пор действовали, служит гарантией того, что Вы сумеете в настоящих обстоятельствах избавить наш двор от неприятности видеть высланным своего поверенного в делах и что Вы изыщете возможности своевременно узнать о решениях Буонапарте на этот счет, чтобы быть в состоянии опередить его.

Пребываю...

7. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский поверенному в делах в Париже П. Я. Убри

9(21) апреля 1804 г.

Monsieur, s'il arrivait que le premier consul prît en douceur notre manière d'agir actuelle envers lui (à quoi l'on ne peut guère s'attendre) et que le ministre des relations extérieures Vous montrât un désir de se rapprocher derechef de nous, et de chercher les moyens de renouveler la bonne intelligence, qui est au moment de se rompre entre les deux Etats, Vous pourrez lui articuler, selon la teneur de la dépêche qui Vous a été envoyée en duplicata, que l'unique mode, que le gouvernement français puisse suivre pour arriver à ce but, serait, en remplissant ses engagements envers la Russie, de donner une compensation au roi de Sardaigne et d'évacuer immédiatement le royaume de Naples et le Nord de l'Allemagne, en s'obligeant de n'y plus faire rentrer de troupes. De cette manière le gouvernement français calmerait les justes appréhensions qu'il a inspirées à toute l'Europe, prouverait qu'il est capable de modération et de respect pour les droits d'autrui, et redresserait au moins en partie les torts multipliés qu'il a à se reprocher vis-à-vis des autres Etats et qu'il vient de combler par son dernier attentat.

Dans la même hypothèse, très peu probable, il est possible que le ministre des relations extérieures, tout en se conduisant d'une manière qui Vous permette à continuer Vos rapports avec lui et en montrant de la facilité à un redressement satisfaisant de conduite, pour ce qui a trait à la question du droit des gens et aux intérêts des Etats de l'Europe, témoigne pourtant en même temps son étonnement à l'égard du deuil porté pour le duc d'Enghien, tandis que Louis XVIII a cessé d'être reconnu par la Russie pour roi de France. Il Vous sera facile de répondre à cet argument que la branche dépossédée des Bourbons n'en reste pas moins apparentée avec deux familles actuellement régnantes. A l'égard de l'électeur de Bade Vous aurez soin de tenir, quand il le faudra, un langage qui mette ce prince de côté dans la crise actuelle et l'expose le moins que faire se pourra au ressentiment du premier consul. Vous pourrez assurer très positivement que son altesse électorale n'a fait parvenir à St. Pétersbourg aucune réclamation quelconque, démarche que la cour de Carlsrouhé n'aurait pas même eu le temps de faire, lorsque s. m. a pris ses déterminations.

Je serai au reste fort étonné s'il y avait encore possibilité à des discussions amiables entre Vous et Mr Talleyrand.

Les dépêches[10] que Vous porte le Sr Baykoff sont en quelque façon deux expéditions dont l'une devait partir il y a dix jours et que les nouvelles de l'arrestation et bientôt de la mort du duc d'Enghien[1] ont fait traîner jusqu'à présent. Je ne doute pas que Vous ne vous acquittiez des différents ordres, qui Vous sont donnés, avec précision, fermeté, présence d'esprit et sagesse; et c'est dans cette pleine assurance que je suis ...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Reçu le 27 avril (9 mai) 1804.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, если случится, что первый консул спокойно отнесется к нашему нынешнему образу действий по отношению к нему (чего вряд ли можно ожидать), и если министр внешних сношений выразит Вам желание снова сблизиться с нами и изыскать способы возобновить то доброе согласие между двумя государствами, которое готово нарушиться сей-

час, Вы сможете в соответствии с содержанием депеши, дубликат которой послан Вам, заявить, что единственный образ действий, которого французское правительство должно придерживаться для достижения означенной цели, это, во исполнение его обязательств по отношению к России, предоставить возмещение королю сардинскому и немедленно вывести войска из Неаполитанского королевства и Северной Германии, обязавшись впредь не вводить туда своих войск. Тем самым французское правительство успокоило бы справедливые опасения, которые оно внушило всей Европе, доказало бы, что может быть умеренным и уважать права других, и исправило бы, хотя бы частично, многократно содеянное им по отношению к другим государствам зло, верхом которого явилось его последнее беззаконие.

Если исходить из того же, очень маловероятного, предположения, то возможно, что министр иностранных дел, продолжая вести себя так, что это позволит Вам поддерживать сношения с ним, и выражая готовность дать достаточное удовлетворение за действия Франции в вопросах, затрагивающих интересы европейских государств и международное право, выразит в то же время свое удивление по поводу объявления траура в связи со смертью герцога Энгиенского, в то время как Россия не признает более Людовика XVIII королем Франции. Вы сможете возразить на этот аргумент, что лишенная своих владений ветвь Бурбонов попрежнему остается в родственных отношениях с двумя ныне царствующими домами. В том, что касается курфюрста Баденского, постарайтесь, когда это понадобится, говорить в таком духе, чтобы оставить этого государя в стороне от нынешнего кризиса и возможно меньше подвергать его опасности испытать злопамятство первого консула. Вы можете положительно заверить, что его высочество курфюрст никаких жалоб в С.-Петербург не посылал и что двор в Карлсруэ даже не успел бы предпринять подобный демарш до принятия е. в-вом решения.

Впрочем, я буду весьма удивлен, если Вам представится возможность беседовать с г-ном Талейраном в дружественном духе.

Депеши[10], которые Вам везет г-н Байков, некоторым образом могут быть разделены на две части, из которых одна должна была быть отправлена десять дней тому назад, но была задержана до сего дня в связи с известиями об аресте, а затем и о смерти герцога Энгиенского[1]. Не сомневаюсь, что Вы выполните все отданные Вам распоряжения с точностью, твердостью, присутствием духа и благоразумием; в полной уверенности в этом пребываю...

Князь А. Чарторыйский

Получено 27 апреля (9 мая) 1804 г.

8. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

10(22) апреля 1804 г.

La nouvelle de l'attentat, que le gouvernement français vient de commettre sur la personne du duc d'Enghien[1], a pénétré l'empereur de la plus vive douleur. Aux justes regrets que la fin tragique de ce prince fait éprouver à s. m. i. vient se joindre la plus forte indignation, lorsqu'on considère que pour y parvenir le premier consul n'a pas hésité de fouler aux pieds le droit des nations et d'insulter en même temps à l'Europe entière en violant d'une manière aussi manifeste l'intégrité d'un territoire étranger. Pour donner à la désapprobation de s. m. i. tout le caractère d'évidence que la nature du fait exige, notre chargé d'affaires à Paris a l'ordre de faire parvenir au ministère français la note jointe en copie à la présente sub lit. «A»[8] en même temps que notre résident à Ratisbonne est chargé de présenter à la Diète de l'empire la note dont v. ex. recevra ci-joint copie sub lit. «B» *.

L'empereur en sa qualité de médiateur dans les derniers arrangements en Allemagne ** faisant ainsi connaître à l'association germanique ainsi qu'à son chef le déplaisir qu'il éprouve de la violation du territoire de l'empire que le gouvernement français vient de se permettre et les invitant à se joindre à lui pour en demander réparation, croit en même temps devoir appeler l'atten-

* См. док. 1.

** Имеется в виду посредничество России в деле индемнизации германских князей (см. т. I, прим. 5).

tion de la cour de Vienne sur les suites fâcheuses qui résulteraient pour tout le Corps germanique, au cas qu'on voulût passer sous silence une pareille infraction de la foi des traités et de la morale publique.

Quel serait en effet le garant de la sûreté de l'Allemagne, si un gouvernement, qui s'est engagé avec nous à la face de l'Europe entière à la préserver de toute atteinte, se croira autorisé à enfreindre ses obligations aussi souvent qu'il verra la possibilité de le faire impunément. Où s'arrêtera le cours des violences du gouvernement français, s'il s'accoutume à les excuser par la raison du plus fort et l'impuissance de ses voisins d'en demander raison. Des considérations aussi importantes pour le bien général de l'humanité auront sans doute été pleinement senties par la cour de Vienne. Dans sa sagesse accoutumée elle reconnaîtra pareillement, nous n'en doutons pas, que la gravité du cas qu'il s'agit de relever n'admet dans l'exemple que le chef de l'empire doit donner de sa sollicitude pour le bien-être de l'Allemagne ni vacillations ni demi-mesures. S. m. i. s'attend par conséquent que l'empereur et roi, partageant ses justes appréhensions sur les conséquences du dernier acte de violence exercé par le premier consul dans l'électorat de Bade[1], s'empressera d'acquiescer à la démarche***, que le résident Klupfel a eu ordre de faire à la Diète de l'empire et qu'il réunira ses efforts aux siens pour obtenir une réparation à sa dignité lésée et surtout une sécurité nécessaire qu'à l'avenir une semblable infraction ne se renouvellera plus.

En Vous chargeant, Mr le comte, par ordre de s. m. i. de vous expliquer dans ce sens avec le ministère autrichien, j'attendrai avec impatience Votre information sur le résultat qu'aura eu cette démarche.

J'ai l'honneur...

Помета Александра I: Быть по сему.
Апреля 9 дня 1804 г.

Подписано и отправлено 10 апреля 1804 г.
с камер-юнкером Васильчиковым.

Печат. по отпуску.
Опубл. в купюрах Васильчиков, Семейство Разумовских, т. 3, стр. 480—481.

Перевод

Известие о насилии, совершенном французским правительством над герцогом Энгиенским[1], глубоко опечалило императора. Помимо справедливых сожалений по поводу трагической смерти этого принца, е. и. в-во испытывает также сильнейшее возмущение тем, что для этого первый консул, не колеблясь, попрал международное право и вместе с тем нанес оскорбление всей Европе, нарушив столь явным образом неприкосновенность чужой территории. Чтобы выразить наиболее очевидным образом неодобрение е. и. в-ва, как того требует характер данного факта, нашему поверенному в делах в Париже дано указание вручить французскому министерству ноту, копия которой приложена к настоящей депеше под литерой «А»[8]; одновременно нашему резиденту в Регенсбурге поручено представить Имперскому сейму ноту, копию которой в. с-во найдете здесь же под литерой «В»*.

Таким образом, император в своем качестве посредника при недавнем урегулировании дел ** в Германии, доведя до сведения Германского союза, а также его главы о недовольстве, которое вызвало у него нарушение территориальной неприкосновенности империи, совершенное французским правительством, предлагает им присоединиться к нему, чтобы потребовать удовлетворения, и в то же время считает нужным обратить внимание венского двора на то, что, если подобное нарушение святости договоров и общественной морали будет обойдено молчанием, это может привести к пагубным последствиям для всего Германского союза.

*** Имеется в виду предписание Ф. А. Клюпфелю вручить Имперскому сейму ноту протеста по поводу ареста и казни герцога Энгиенского (см. док. 1).

В самом деле, кто сможет гарантировать безопасность Германии, если правительство, которое обязалось вместе с нами перед лицом всей Европы охранять ее от всяких посягательств, будет считать, что оно может нарушать свои обязательства всякий раз, когда будет полагать возможным сделать это безнаказанно? Где остановится в своих насилиях французское правительство, если оно привыкнет оправдывать их правом сильнейшего и тем, что его соседи бессильны потребовать от него ответа за это? Нет сомнения, что столь важные для общего блага человечества соображения будут полностью восприняты венским двором. С присущей ему мудростью он должен также признать — мы в этом не сомневаемся,— что серьезность случая, который надлежит осудить, требует, чтобы глава империи, подавая пример заботы о благе Германии, не допускал ни колебаний, ни полумер. Следовательно, е. и. в-во ожидает, что император и король, разделяя его справедливые опасения относительно последствий недавнего акта насилия [1], совершенного первым консулом в курфюршестве Баденском, не замедлит присоединиться к демаршу ***, который резидент Клюпфель должен предпринять перед Имперским сеймом, что он объединит свои усилия с его усилиями, чтобы добиться удовлетворения за оскорбление своего достоинства и особенно необходимой гарантии того, что в будущем подобные нарушения не повторятся.

Поручая Вам, г-н граф, по повелению е. и. в-ва объясниться в этом духе с австрийским министерством, я буду с нетерпением ожидать Ваших сообщений о результате этого демарша.

Имею честь...

9. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

10(22) апреля 1804 г.

Monsieur le comte, le silence obstiné, que la cour de Vienne garde depuis si longtemps sur les propositions * que nous lui avons faites relativement à un concert de mesures communes et propres à mettre un frein au débordement toujours croissant de l'ambition du gouvernement français, commence à surprendre singulièrement l'empereur. S. m. i. en cherche inutilement l'explication dans les conseils de cette prudence qui pouvait être de saison, lorsqu'on espérait encore de ramener le premier consul à des sentiments plus modérés par la complaisance et la douceur, mais qui ne trouve plus de place après l'extension effrayante qu'on lui voit donner tous les jours à ses projets subversifs de tout ordre et tranquillité en Europe.

Sans s'arrêter plus longtemps à deviner les motifs d'une impassibilité qui a prédominé jusqu'à présent dans le système de l'Autriche, nous observerons que l'expérience ayant justifié pleinement la sollicitude prévoyante de s. m. i., il était difficile de s'attendre qu'elle rencontrerait dans le cabinet de Vienne tant d'irrésolution. L'empereur avait au contraire tout le droit de présumer qu'une ouverture, qui portait l'empreinte d'une confiance illimitée de sa part et qui dans ses applications touchait de si près aux intérêts majeurs de la cour de Vienne, y serait accueillie, il le faut articuler, avec gratitude, et qu'elle jugerait bon d'y répondre avec plus d'empressement. Quoi qu'il en soit, de plus longues vacillations sont devenues inutiles: il est temps de s'expliquer péremptoirement sur le parti que le cabinet de Vienne croit nécessaire de prendre relativement à nos propositions confidentielles.

L'événement d'Ettenheim et l'atrocité qui en fut la suite[1] doivent faire voir clairement à l'Allemagne entière ce qu'elle a à attendre d'un gouvernement qui se joue si manifestement et du droit des gens et des principes de justice universellement reconnus.

L'empereur, convaincu plus que jamais de la nécessité de prendre des mesures repressives et désirant sortir de l'incertitude où il se trouve sur le compte des résolutions de la cour de Vienne, incertitude que les circonstances pressantes du jour ne comportent plus, enjoint à v. ex. de réitérer à ce sujet ses

* См. т. I, док. 246.

instances auprès du ministère autrichien de la manière la plus forte et la plus formelle. Je ne veux pas cacher à v. ex. que l'empereur est d'autant plus impatient de connaître la résolution de la cour de Vienne, qu'il lui importe de songer aux mesures qu'il veut prendre soit pour l'appuyer, soit pour y trouver remède. S. m. i. est de même intentionnée de faire dépendre du résultat de la démarche qui Vous est prescrite ici, la conduite active qu'elle se propose de tenir relativement aux affaires d'Allemagne qui doivent nécessairement être subordonnées aux affaires générales de l'Europe.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Par Mr de Vassilcfchikoff le 23 avril (5 mai) 1804.

Печат. по подлиннику.
Опубл. в купюрах Васильчиков, Семейство Разумовских, т. 3, стр. 481—482.

Перевод

Господин граф, упорное молчание, которое венский двор так долго хранит по поводу сделанных ему нами предложений * относительно соглашения о совместных мерах, с помощью которых можно было бы обуздать переходящее всякие границы и все возрастающее властолюбие французского правительства, начинает вызывать удивление императора. Е.и. в-во тщетно пытается объяснить это соображениями осторожности, которая могла быть уместной в то время, когда еще надеялись снисходительностью и мягкостью вернуть первого консула к большей умеренности; но она не должна больше иметь места после того, как первый консул придал своим планам, направленным на подрыв всякого порядка и спокойствия в Европе, столь ужасающий, возрастающий с каждым днем размах.

Не задерживаясь более на разгадывании причин бесстрастности, преобладавшей до сих пор в политике Австрии, мы отметим лишь, что поскольку опыт полностью оправдал предвидения и опасения е. и. в-ва, то трудно было ожидать, что он встретится с такой нерешительностью венского кабинета. Напротив, у императора были все основания предполагать, что предложение, отмеченное печатью безграничного доверия с его стороны и во всех отношениях столь близко затрагивающее основные интересы венского двора, будет им принято, следует прямо сказать, с благодарностью, и он сочтет за благо ответить на него с большей готовностью. Как бы то ни было, нет смысла и далее медлить с принятием решения; настало время определенно объясниться о том, какое решение венский кабинет считает необходимым принять относительно наших конфиденциальных предложений.

Событие в Эттенгейме и последовавшее за ним злодеяние[1] должны ясно показать всей Германии, чего ей следует ожидать от правительства, которое столь открыто выказывает пренебрежение к международному праву и общепризнанным принципам справедливости.

Убежденный более чем когда-либо ранее в необходимости принять репрессивные меры, император, желая покончить с неизвестностью, в которой он пребывает относительно решений венского двора и нетерпимой более в нынешней напряженной обстановке, предписывает в. с-ву возобновить перед австрийским министерством в самой решительной и категорической форме настояния по этому предмету. Я не стану скрывать от в. с-ва, что император с тем большим нетерпением ожидает решений венского двора, что ему надлежит подумать о мерах, которые он хочет принять, либо для того, чтобы поддержать его, либо для того, чтобы изыскать средства исправить положение. Е. и. в-во намерен также поставить в зависимость от результатов демарша, предписываемого Вам настоящим письмом, то, насколько активного образа действий он будет придерживаться в отношении германских дел, которые по необходимости должны быть подчинены делам общеевропейским.

Честь имею...

Князь А. Чарторыйский

С г-ном Васильчиковым 23 апреля (5 мая) 1804 г.

10. Посланник в Копенгагене В. Г. Лизакевич товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

№ 13 *16(28) апреля 1804 г.*

Сиятельнейший князь! Милостивый государь! En attendant que je puisse répondre plus amplement aux différentes dépêches * de v. ex., qui accompagnaient la déclaration ** signée de s. m. en réciprocité de celle de s. m. danoise ***, je crois de mon devoir ne pas tarder à entrer dans des explications confidentielles avec elle sur le contenu de son apostille du 20 mars****, par laquelle elle m'exprime ses soupçons, comme si on avait ici arrière-pensée de s'avancer le moins que possible et de ménager la facilité de se mettre de côté au lieu de déployer la plus grande franchise et la vigueur de leurs moyens dans les engagements contractés avec notre cour dont le but est de délivrer le Nord de l'Allemagne du joug de Bonaparte. Il est à observer que la cour de Danemarc, en désirant d'entrer dans le concert des mesures avec nous, n'avait dès l'origine que sa propre défense, ce qui l'a porté à embrasser avec tant d'empressement les premières ouvertures qui lui ont été faites de notre part à ce sujet; aussi peut-on remarquer que, dans tout ce qui regarde immédiatement le Danemarc, on s'est prononcé ici franchement et loyalement, en stipulant dans leur déclaration *** les points distincts, qu'ils étaient résolus d'observer soit en refusant toutes les demandes extravagantes qui pourraient leur être faites de la part de la France pour la fermeture du passage du Sund à la navigation marchande des Anglais, soit en résistant de toutes leurs forces à l'invasion de leurs Etats en Allemange par les armées républicaines. Quant aux autres objets, qui ne les regardaient pas de si près, on n'a fait que s'exprimer en termes généraux et on n'a pas caché l'éloignement qu'on avait ici de faire dépendre *le casus foederis* de l'occupation du pays de Mecklembourg ou des villes de Hambourg et de Lubec par les troupes françaises, comme le prouve encore la dernière explication que m'en a donnée là-dessus M[r] le comte de Bernstorff et dont j'ai eu l'honneur de rendre un compte fidèle à v.ex. dans mon très humble rapport en date du 15 avril[11] n[ouveau] st[yle]. Toutes les fois, que je suis revenu avec ce ministre sur ce point, il m'a toujours répondu, que vu leur situation critique et la modicité de leurs moyens, il leur était impossible d'embrasser plus qu'ils ne pouvaient maîtriser, que, s'il prenait fantaisie aux Français de franchir leur ligne actuelle et de faire mine d'occuper Hambourg ou Lubec, ou bien d'envahir le Mecklembourg, que bien qu'un pareil mouvement serait des plus alarmants pour la sûreté de leurs propres possessions, cependant, malgré eux, ils seraient encore obligés de rester sur leurs armes par une raison forcée, c'est-à-dire par la conviction intime que, seuls, ils ne sont en état ni de prévenir ni d'empêcher un pareil attentat; que s'ils s'avisaient de s'y opposer par les armes, la lutte serait trop inégale par la supériorité du nombre des troupes françaises, pour qu'on puisse en espérer une issue favorable, et ils y succomberaient avant même qu'on puisse venir à leur secours, ce qui produirait les suites les plus funestes pour la cause commune. Mais que si les Français venaient à envahir leurs propres possessions ou bien à leur faire des demandes incompatibles avec leur dignité et avec les intérêts de leur pays, que, dans ce cas, ils sont fermement résolus de risquer le tout pour le tout et de préférer la guerre et toutes ses calamités plutôt que de compromettre leur honneur et leur indépendance.

---

* См. т. I, док. 272, 273.
** См. т. I, док. 270.
*** См. т. I, прим. 327.
**** См. т. I, док. 273.

On s'est renfermé toujours ici dans ce cercle, et je crains bien qu'ils n'en sortiront pas. Pour le reste, je connais et la grandeur d'âme du prince royal, son caractère ferme et décidé, et les dispositions prononcées de tous les Danois pour affirmer d'avance, qu'une fois venu à la rupture avec les Français, on se battra à toute outrance et l'on se défendra jusqu'à la dernière extrémité sans craindre les conséquences.

Имею честь...

Василий Лизакевич

Полу[чено] мая 3 1804 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

До того как я смогу ответить более подробно на различные депеши в. с-ва*, присланные вместе с декларацией**, подписанной е. в-вом в обмен на декларацию его датского в-ва***, я считаю своим долгом без промедления войти в конфиденциальные объяснения с Вами по содержанию Вашей приписки от 20 марта ****, где Вы пишете мне о своих подозрениях относительно того, что здесь как будто имеется задняя мысль — как можно меньше брать на себя и обеспечить себе возможность остаться в стороне, вместо того чтобы проявить величайшую искренность и исходить из использования всех своих средств при заключении с нашим двором соглашения, имеющего целью освобождение Северной Германии от ига Бонапарта. Следует отметить, что датский двор, желая вступить с нами в соглашение о совместных действиях и принимая с такой готовностью первые предложения, сделанные ему нами на этот счет, с самого начала исходил лишь из интересов защиты своих собственных владений; поэтому нетрудно заметить, что в том, что касается непосредственно Дании, здесь высказались откровенно и честно, четко указав в своей декларации *** те пункты, которые они решили соблюдать, а именно: ответить отказом на все сумасбродные требования, которые могли бы быть сделаны Францией, о закрытии прохода через Зунд для английских торговых судов и сопротивляться всеми силами вторжению республиканских армий в датские владения в Германии. Что же касается тех вопросов, которые не затрагивали их столь непосредственно, то в этом отношении они объяснились лишь в самых общих выражениях и не скрывали своего нежелания связывать наступление casus foederis с оккупацией Мекленбурга или городов Гамбурга и Любека французскими войсками, о чем свидетельствует и последнее разъяснение, данное мне на этот счет г-ном графом Бернсторфом, о чем я имел честь подробно доложить в. с-ву в моем нижайшем донесении от 15 апреля нового стиля[11]. Всякий раз, когда в разговоре с этим министром я возвращался к данному вопросу, он неизменно отвечал мне, что ввиду критического положения, в котором они находятся, и ограниченности их средств они не могут брать на себя больше, чем это в их силах, и что если французам придет в голову фантазия пересечь ту линию, на которой они находятся сейчас, и будет похоже, что они намерены занять Гамбург или Любек или же захватить Мекленбург, то, хотя подобные действия поставят под угрозу безопасность их собственных владений, тем не менее, вопреки своему желанию, они и в этом случае будут вынуждены воздержаться от военных действий в связи с их глубоким убеждением в том, что одни они не в состоянии ни предупредить подобное посягательство, ни помешать ему; что в случае если бы они вознамерились воспротивиться этому силой оружия, то из-за численного превосходства французских войск борьба была бы слишком неравной, чтобы можно было надеяться на благоприятный исход, и они были бы разгромлены прежде, чем им была бы оказана помощь, что имело бы самые пагубные последствия для общего дела. Однако если французы двинутся против владений Дании или предъявят датчанам требования, несовместимые с их достоинством и интересами их страны, то в этом случае они полны решимости поставить все на карту и скорее предпочтут войну и все ее бедствия, чем позволят посягнуть на их честь и независимость.

Здесь замкнулись в этом круге, и я весьма опасаюсь, что они не выйдут из него; впрочем, я знаю величие души наследного принца, его твердый и решительный характер и настроение всех датчан и могу заранее утверждать, что если дело дойдет до разрыва с французами, то они будут сражаться до конца и защищаться до последней возможности, не опасаясь последствий.

11. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

16(28) апреля 1804 г.

Monsieur, s. m. i., en considération de l'amitié sincère, de l'alliance et de la parfaite harmonie qui existent si heureusement entre cet empire et la Porte Ottomane, pas moins que pour l'utilité commune de s'entendre et de se concerter mutuellement sur les circonstances du temps et prévenir les suites fâcheuses qui peuvent en résulter, a jugé nécessaire que v. ex. expose en personne au ministère ottoman ce qui suit, pour qu'il en fasse rapport à sa hautesse et Vous communique après sa réponse.

L'événement[1] incroyable, qui vient d'arriver sur le territoire de l'empire d'Allemagne dans les Etats de l'électeur de Bade, où le duc d'Enghien a été enlevé à main armée par les Français pour être mené au supplice, aura pénétré la Porte d'un sentiment d'étonnement et d'une douleur pareils à celui qu'il a fait éprouver partout ailleurs. Le premier consul de la République française, peut-être, par trop de confiance dans la fortune qui a favorisé ses entreprises jusqu'ici, paraît avoir conçu l'idée que sa volonté doit être la loi suprême en Europe et qu'il n'est pas tenu à observer des obligations qui depuis des siècles sont généralement respectées et qui constituent la sûreté des nations. L'on risquerait du moins sans aucun doute de voir s'établir parmi elles des principes aussi subversifs à leur existence, si l'événement arrivé à Ettenheim, les circonstances qui l'ont accompagné et le résultat affligeant qui s'en est suivi étaient passés sous silence. Ce serait persuader à tout gouvernement qu'il lui est permis de ne suivre d'autres règles que celles qui lui sont dictées par son ambition, sans respecter le droit sacré des gens, ni avoir égard à ses engagements avec les autres puissances. L'empereur, conduit par son penchant pour la paix et pour le bien de l'humanité, du moment de son avènement au trône n'a rien négligé de son côté pour contribuer à la tranquillité générale de l'Europe et a même employé sa médiation pour l'arrangement définitif des affaires de l'Allemagne, croyant par là pouvoir assurer le repos et la tranquillité de tous les Etats qui la composent. Mais malheureusement pour l'humanité, ses espérances à cet égard ne se sont par réalisées, et la lésion du droit des gens, qui vient d'avoir lieu sur le territoire de son altesse sérénissime l'électeur de Bade de la part du gouvernement français, ne le prouve que trop, d'autant plus qu'elle a été commise par une puissance qui peu avant avait exercé avec s. m. une médiation qui imposait le devoir de partager ses soins au sujet de la prospérité et du repos de l'Empire germanique. Toutes ces considérations réunies n'ont pas permis à l'empereur de rester indifférent sur un événement de cette nature, et s. m. i. a manifesté ses regrets sur la mort du duc d'Enghien en ordonnant à sa cour le deuil d'usage à cette occasion. Pour ce qui est de l'atteinte portée au territoire neutre de l'électeur de Bade, l'empereur s'est vu obligé, tant comme co-médiateur et garant de la constitution de l'Empire germanique, que comme un des premiers souverains de l'Europe, d'exprimer directement au premier consul sa façon de penser à cet égard par la voie de notre chargé d'affaires à Paris, qui a l'ordre de présenter au ministre des relations extérieures du gouvernement français la note ci-jointe en copie sous lit. «A»[8], en même temps que le résident de Russie à Ratisbonne remettra à la Diète de l'empire celle dont Vous trouverez copie ci-près sous lit. «B» * à l'effet de fixer l'attention des princes de l'empire et de son chef sur les conséquences funestes, auxquelles ils s'exposeraient, si les actes de violences, dont

---

* См. док. 1.

il est question, restaient sans réclamations, et de les inviter en commun à aviser conjointement aux démarches et aux mesures qu'exigent leur dignité lésée et leur sûreté future. L'empereur est dans la persuasion que sa hautesse, son fidèle allié, applaudira à ces déterminations, et que quoique l'événement qui vient d'arriver en Allemagne ne la regarde pas directement, elle ne pourra pas le contempler avec indifférence, vu que la Porte a déjà éprouvé par l'invasion inattendue des Français en Egypte, combien elle est intéressée à l'égal des autres Etats au maintien de l'ordre public, du droit des nations en Europe et qu'après avoir appris par l'expérience que le gouvernement français les transgresse facilement et ne se croit pas toujours lié par les traités, elle craindra de se reposer avec une sécurité dangereuse sur son amitié et ses assurances, tandis qu'elle est menacée de sa part d'une nouvelle et même beaucoup plus conséquente entreprise du côté des Etats ottomans en Europe. Ces motifs et plus encore les liens de l'alliance et de la sincère amitié si fortement consolidés et affermis entre les deux empires ne permettent pas de douter à s. m. i. que si la démarche, qu'elle vient de faire auprès du gouvernement de la République française, et dont le but est de l'inviter à adopter des mesures qui puissent assurer la sûreté de ses voisins et tranquilliser l'Europe alarmée, ne produira pas l'effet désiré, mais, au contraire, malgré les intentions pures et bienfaisantes de s. m. n'engageait le premier consul qu'à amener un refroidissement ou une cessation de relations, ou même une rupture entre la Russie et la France, qu'alors la Sublime Porte, non seulement, ne changera en rien son système actuel, mais bien plus s'empressera de maintenir et même de renouveler son alliance avec s. m. i. et que, sans être obligée de déclarer la guerre à la France, elle continuera à se tenir sur un pied imposant de défense dans ses provinces exposées à une invasion de la part des Français, aussi longtemps que ceux-ci n'évacueront pas entièrement l'Italie. L'empereur est dans la ferme attente que sa hautesse voudra par une conduite sage et soutenue concourir aussi de son côté à déjouer tout projet dirigé autant contre l'indépendance et la sûreté de l'Europe, que contre celle de l'Empire ottoman lui-même, et qu'à ces causes elle mettra le plus vif intérêt à voir des troupes amies continuer leur séjour à Corfou; l'empereur est donc convaincu, que le passage du renfort de 4 à 5 mille hommes, dont Vous avez été chargé par le courrier précédant de démontrer la nécessité au ministère ottoman, n'éprouvera pas de sa part la moindre entrave, et qu'aussi il ne trouvera aucune difficulté à ce que nos vaisseaux de guerre, qui sont dans les parages de Sept Iles, puissent toutes les fois qu'ils auront besoin d'être ravitaillés faire place à d'autres bâtiments qui viendront les relever. C'est ainsi que les deux empires par des soins réciproques raffermiront leur union et la rendront imposante aux autres Etats par un concert nécessaire de mesures, et que s. m. i., qui pour elle-même n'a point à redouter d'attaque directe, éprouvera la plus vive satisfaction d'avoir contribué d'en garantir son voisin et son allié.

Lorsque Vous ferez verbalement au ministère ottoman l'exposition de tout ce qui vient d'être ci-dessus énoncé, Vous lui communiquerez aussi les copies des deux notes susmentionnées et même celle de cet exposé, s'il le désirera, ce qui Vous autorisera à demander par écrit la réponse que la Porte y fera au nom de sa hautesse.

Il n'est pas nécessaire de Vous développer en détail, de quelle importance il nous est que la Porte ne change en rien le système qu'elle a suivi jusqu'ici à l'égard de notre auguste cour, et combien il est instant que Vous mettiez en mouvement tous les ressorts que Vous pouvez employer tant avant, qu'après Votre conférence avec le ministère ottoman, pour disposer la Porte à nous donner une réponse satisfaisante, et s'il se peut même obligatoire, comme quoi elle suivra une conduite analogue aux dispositions qu'elle nous a témoi-

gnées jusqu'à présent et conformes à la méfiance que doit lui inspirer la France et qui ne peut qu'augmenter de jour en jour. Il conviendrait aussi que Vous tinssiez le plus grand secret sur tout cela avant Votre conférence avec le ministère ottoman et que Vous ne vous ouvriez à ce sujet qu'avec Mr de Straton qui pourrait aussi, mais pas avant le jour de Votre conférence, agir de son côté et coopérer à disposer la Porte à adopter le système et la conduite que nous désirons de lui voir suivre.

Je suis...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Reçu le 17(29) mai 1804.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, е. и. в-во, принимая во внимание искреннюю дружбу, союз и полное согласие, столь счастливо существующие между нашей империей и Оттоманской Портой, исходя также из того, что было бы полезно для общего дела условиться и договориться относительно нынешних обстоятельств и предотвратить те печальные последствия, которые могут явиться их результатом, счел необходимым, чтобы в. пр-во лично изложили нижеследующее оттоманскому министерству, с тем чтобы оно довело об этом до сведения его высочества султана и затем сообщило Вам его ответ.

Невероятное событие[1], недавно происшедшее на территории Германской империи во владениях курфюрста Баденского, откуда французы, используя силу оружия, похитили герцога Энгиенского с целью казнить его, вызвало, вероятно, у Порты чувство изумления и скорби, сходное с тем, которое оно вызвало повсеместно. Похоже, что первый консул Французской республики, быть может, чрезмерно доверяясь фортуне, до сих пор благоприятствовавшей его предприятиям, решил, что его воля должна быть непреложным законом для Европы и что он может не соблюдать те правила, которые выполняются повсюду уже много веков и обеспечивают безопасность государств. Если бы событие, происшедшее в Эттенгейме, обстоятельства, его сопровождавшие, и горестный его исход были обойдены молчанием, мы, несомненно, самое меньшее рисковали бы тем, что среди государств укоренились бы столь пагубные для их существования принципы. Это значило бы убедить все правительства в том, что им дозволено не соблюдать иных правил, кроме тех, которые им подсказываются их властолюбием, не считаясь со священными принципами международного права и не сообразуясь с их обязательствами в отношении других держав. Император, движимый стремлением к миру и благу человечества, с момента вступления на престол ничем не пренебрег со своей стороны для того, чтобы содействовать общему спокойствию Европы, и даже выступил посредником в окончательном урегулировании дел в Германии, полагая, что тем самым он сможет обеспечить спокойствие всех государств, входящих в ее состав. Однако, к несчастью для человечества, его надежды на это не осуществились, и нарушение международного права французским правительством, недавно имевшее место во владениях его высочества курфюрста Баденского, слишком убедительно это доказывает, тем более что это нарушение было совершено державой, которая незадолго до этого осуществляла совместно с е. в-вом посредничество, что налагало на нее обязанность разделить с ним заботу о процветании и спокойствии Германской империи. Все эти соображения, вместе взятые, не позволили императору остаться равнодушным к такого рода событию, и е. и. в-во выразил свое сожаление по поводу смерти герцога Энгиенского, объявив в связи с этим при своем дворе траур согласно обычаю. Что касается нарушения неприкосновенности нейтральной территории курфюршества Баденского, то император как в качестве одного из посредников и гарантов конституции Германской империи, так и в качестве одного из главнейших государей Европы счел себя обязанным прямо выразить первому консулу то, что он думает на этот счет, через нашего поверенного в делах в Париже, которому дано повеление вручить министру внешних сношений французского правительства ноту, прилагаемую в копии под литерой «А»[8], в то время как российский резидент в Регенсбурге вручит Имперскому сейму ноту, копию которой Вы найдете в приложении под литерой «В» *, с тем чтобы обратить внимание государей империи и ее главы на роковые последствия, которые могут возникнуть для них в случае, если не будет выражен протест против актов насилия, о которых идет речь, а также предложить всем им совместно наметить демарши и меры, которых требуют их оскорбленное достоинство и их будущая безопасность. Император убежден, что его высочество султан, его верный союзник, одобрит эти решения и что, хотя событие, только что имевшее место в Германии, непосредственно султана не затрагивает, он не сможет отнестись к нему равнодушно, учитывая, что Порта уже испытала на себе в связи с неожиданным вторжением французов в Египет, сколь сильно она заинте-

ресована наравне с другими государствами в охране общественного порядка и международного права в Европе, и что, узнав на опыте, как легко французское правительство нарушает их, не всегда считая себя связанным договорами, она не рискнет довериться его заверениям в дружбе и оставаться в гибельном для нее спокойствии в то время, как ей угрожают новые и даже более далеко идущие предприятия, замышляемые этим правительством в отношении оттоманских владений в Европе. Эти соображения и еще в большей мере узы союза и искренней дружбы, столь прочно установившиеся между двумя империями, не позволяют е. и. в-ву сомневаться в том, что если демарш, только что предпринятый им перед правительством Французской республики с целью предложить ему согласиться на меры, способные обеспечить безопасность ее соседей и успокоить встревоженную Европу, не произведет желаемого действия, а наоборот, несмотря на честные и благожелательные намерения е. в-ва, побудит первого консула лишь к охлаждению или прекращению отношений или даже к разрыву между Россией и Францией, то в этом случае Блистательная Порта не только ни в чем не изменит своей нынешней политики, а, более того, поспешит сохранить и даже возобновить свой союз с е. и. в-вом и что, не будучи обязана объявлять войну Франции, она и впредь будет тщательно укреплять оборону своих провинций, подверженных угрозе нападения со стороны французов, до тех пор пока они полностью не очистят Италию. Император твердо надеется, что его высочество султан пожелает и со своей стороны мудрыми и энергичными действиями способствовать тому, чтобы помешать любому проекту, направленному как против независимости и безопасности Европы, так и против безопасности самой Оттоманской империи, и что по изложенным выше соображениям он проявит самую большую заинтересованность в дальнейшем пребывании дружественных войск на Корфу; так, император убежден, что переброска подкреплений в количестве 4—5 тыс. человек, на необходимость чего Вы должны были указать оттоманскому министерству в соответствии с предыдущими депешами, не встретит с его стороны ни малейших препятствий и что оно не будет также иметь никаких возражений против того, чтобы наши военные суда, находящиеся в районе Семи островов, каждый раз, когда им нужно будет возобновить запасы, могли быть заменены другими судами, которые придут им на смену. Таким образом обе империи, оказывая друг другу услуги, укрепят свой союз, и после осуществления необходимого согласования действий этот союз станет весьма внушительной силой в глазах других государств, а е. и. в-во, которому не приходится опасаться прямого нападения на него самого, испытает самое глубокое удовлетворение, содействуя тому, чтобы гарантировать от такого нападения своего соседа и союзника.

После того как Вы изложите в устной форме оттоманскому министерству все, о чем говорилось выше, Вам нужно будет также передать ему копии двух вышеупомянутых нот и даже, если оно этого пожелает, копию вышеизложенного текста; тогда у Вас будет основание требовать, чтобы ответ, который Порта даст от имени его высочества султана, был сделан в письменной форме.

Излишне подробно говорить Вам о том, сколь важно для нас, чтобы Порта ни в чем не изменяла политики, которой она следовала до настоящего времени по отношению к нашему августейшему двору, и сколь необходимо, чтобы Вы использовали как до, так и после Вашей беседы с оттоманским министерством все имеющиеся в Вашем распоряжении средства с целью склонить Порту дать нам удовлетворительный ответ, если возможно даже в форме обязательства о том, что она будет придерживаться линии поведения, соответствующей добрым намерениям, какие она проявляла до сего времени в отношении нас, и недоверию, которое должна внушать ей Франция и которое должно возрастать с каждым днем. Вам следовало бы также держать все это в самом большом секрете до Вашей беседы с оттоманским министерством и не сообщать об этом никому, за исключением г-на Стратона, который со своей стороны также мог бы начать действовать, но не ранее дня Вашей беседы, и помочь склонить Порту принять такую систему и такую линию поведения, которым нам хотелось бы, чтобы она следовала.

Пребываю...

Князь А. Чарторыйский

Получено 17(29) мая 1804 г.

12. Александр I посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

22 апреля (4 мая) 1804 г.

Monsieur le conseiller privé d'Alopeus. Par la copie du rescrit[12] adressé au comte de Goltz, que le ministère prussien Vous a communiqué en extrait et que Vous avez annexé à Votre dépêche sous № 75, j'ai appris avec un contentement bien vif, que la cour de Berlin, appréciant la franchise de mes dernières ouvertures confidentielles * et reconnaissant la pureté des motifs que

* См. т. I, прим. 315.

je prends pour guide dans ma conduite vis-à-vis d'elle, se soit montrée si jalouse d'user de réciprocité, en mettant dans ses procédés et la même confiance et la même sincérité. Il m'est doux, sans doute, de retrouver dans cette dernière communication amicale et les éclaircissements qu'elle contient un témoignage aussi manifeste du désir de s. m. prussienne de voir à jamais consolidés les rapports d'amitié et de confiance qui subsistent entre nous. Le plaisir, que je ressens d'une conviction si analogue à mes vœux, est augmenté par la certitude, où je me trouve après la lecture de cette pièce, qu'un accord d'action, succédant à un accord de principes, s'établira bientôt entre la Russie et la Prusse et leur permettra de réunir leurs efforts pour satisfaire aux obligations que leur impose l'état critique des affaires générales du continent et la place distinguée qu'elles occupent parmi les puissances de l'Europe.

Le ministère prussien doit maintenant connaître par sa propre expérience, ce qu'il y a à attendre d'un gouvernement qui, sourd à toutes les exhortations amicales, qu'on lui adresserait pour le ramener à des principes de modération, est accoutumé à ne prendre pour règle dans sa conduite que le sentiment de sa force et celui de la faiblesse des autres. Autant j'ai désiré, pour le bien de l'humanité, que le succès des démarches de la cour de Berlin, lors de ses dernières relations avec le gouvernement français, démentît en quelque façon une expérience plus d'une fois répétée, autant j'ai vu avec plaisir le langage ferme et décidé qu'elle a tenu après s'être convaincue de l'inutilité de ses efforts pour porter le premier consul à faire évacuer le Nord de l'Allemagne par les troupes françaises. Ce langage est assurément aussi convenable à la dignité d'une monarchie puissante, qu'il est d'accord avec les véritables intérêts de la Prusse. L'issue des négociations commencées à Bruxelles **, en éclairant s. m. prussienne sur les vues d'un gouvernement, qui se plaît dans le mal, la met dans l'heureuse possibilité de satisfaire à sa gloire et à son honneur sans compromettre l'opinion qu'on a généralement de ses dispositions pacifiques, et d'emporter en même temps le témoignage consolant de sa propre conscience de n'avoir rien négligé pour se dispenser des moyens extrêmes.

J'applaudis avec d'autant plus d'empressement à la déclaration énergique que le ministère prussien a faite dernièrement au citoyen Laforest[13], qu'elle est parfaitement d'accord avec ma manière d'envisager la position de la Prusse vis-à-vis de la France, et que les propositions, que je me trouve maintenant dans le cas de faire à s. m. le roi de Prusse, ne contiennent rien dont la prudence la plus susceptible puisse s'effaroucher, puisque par leur nature elles ne peuvent éveiller en aucune façon la méfiance inquiète du premier consul.

Tout en approuvant la réflexion, contenue dans le rescrit au comte de Goltz, relativement à l'inconvénient qu'il y aurait pour le moment à provoquer un homme tel que Bonaparte qui, comme il y est dit, se lie par ses propres torts, je ne crois pas néanmoins qu'il soit prudent ni même profitable sous aucun rapport d'attendre quelque nouvelle incartade de sa part pour aviser aux moyens de précaution dont l'urgence a été bien sentie par la cour de Berlin. Je suis au contraire intimement convaincu que dans l'état actuel des choses dans le Nord de l'Allemagne, au lieu de s'occuper des moyens qui peuvent empêcher les progrès du mal, c'est-à-dire un nouvel empiétement de territoire de la part des troupes françaises, il aurait été et plus prudent, et plus efficace de songer à le prévenir, surtout lorsqu'on a à faire à un ennemi dont l'audace dans la conception de ses plans d'envahissement ne peut être égalée que par sa promptitude à les exécuter. Ce n'est donc qu'en gagnant du temps sur cette promptitude funeste, qu'on aurait pu atteindre à un résultat aussi bien-

** См. т. I, прим. 284.

faisant et dont la sollicitude de s. m. prussienne est si vivement occupée. Respectant néanmoins les motifs de sa répugnance d'admettre pour objet des mesures communes, que je lui avais offertes, l'entière évacuation du Nord de l'Allemagne par les troupes françaises, je me borne maintenant à lui proposer celles que la cour de Berlin a elle-même trouvées indispensables et qui ne doivent servir pour le moment qu'à arrêter le premier consul dans ses projets ultérieurs à l'égard de cette partie d'Allemagne.

La déclaration *** que je Vous fais parvenir ci-près signée de ma propre main et revêtue de toutes les formalités nécessaires pour en constater l'authenticité, n'est autre chose que le résumé des explications, que le ministère prussien a eues dernièrement avec le citoyen Laforest. On n'a fait que convertir en acte des errements que la cour de Berlin y a hautement reconnu vouloir suivre et j'ai d'autant moins balancé d'en faire les premiers frais, que l'existence d'un pareil acte confié à très peu d'individus et devant par conséquent demeurer dans le plus profond mystère, ne peut aucunement compromettre la cour de Berlin vis-à-vis du gouvernement français. Je me flatte qu'on me saura gré de cet empressement et que s. m. le roi de Prusse reconnaîtra sans peine dans sa sagesse, que lorsqu'on est une fois d'accord sur la nécessité de prendre en commun certaines mesures, il est instant de convenir, de bonne heure, des moyens qu'on y veut mettre, afin de ne pas perdre un temps précieux à des négociations, lorsque le moment d'agir sera arrivé.

Tel est l'unique but de la déclaration présente que Vous inviterez le ministère prussien d'agréer. Pour envisager la partie comme entièrement liée, je ne demande qu'une déclaration de la même teneur de la part de la cour de Berlin.

Je ne doute nullement que s. m. prussienne, appréciant l'urgence des circonstances qui m'ont porté à lui demander de constater notre dessein commun de concourir à préserver les Etats du Nord de l'Allemagne, qui restent encore intacts de l'invasion des troupes françaises, ne s'empresse à y donner les mains. Je suis ...

Alexandre ****

Получено 30 апр[еля] (12 мая) 1804 г. с курьером подпоручиком Беренсом.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин тайный советник Алопеус. Из приложенной к Вашей депеше № 75 копии направленного графу Гольцу рескрипта[12], который в выдержках был сообщен Вам прусским министерством, я с величайшим удовольствием узнал, что берлинский двор, оценив откровенность моих последних конфиденциальных предложений* и признавая чистоту побуждений, которыми я руководствуюсь в своем поведении по отношению к нему, проявил со своей стороны такое желание ответить взаимностью, действуя с подобным же доверием и искренностью. Мне, несомненно, приятно снова найти в этом последнем дружественном сообщении и в содержащихся в нем разъяснениях столь явное свидетельство желания его прусского в-ва видеть навеки скрепленными существующие между нами отношения дружбы и доверия. Удовлетворение, которое я испытываю, видя, что убеждения короля столь совпадают с моими желаниями, еще более возрастает в связи с появившейся у меня после прочтения этого документа уверенностью в том, что вскоре между Россией и Пруссией вслед за единодушием в принципах установится единодушие в действиях, что позволит им объединить свои усилия, чтобы выполнить обязательства, возникающие для них в связи с критическим состоянием общих дел на континенте и той выдающейся ролью, которую они играют среди европейских держав.

Прусское министерство должно теперь знать по своему собственному опыту, чего следует ожидать от правительства, которое, оставаясь глухим ко всем дружеским увещаниям,

*** См. док. 13.

**** Контрассигновано А. А. Чарторыйским.

с которыми обращаются к нему с целью вернуть его к принципам умеренности, привыкло руководствоваться в своем поведении лишь сознанием своей силы и убеждением в слабости других. Заботясь о благе человечества, я весьма желал, чтобы демарши, предпринятые берлинским двором в ходе его последних переговоров с французским правительством, увенчались успехом, что некоторым образом опровергло бы неоднократно повторявшийся опыт, но я также с удовлетворением увидел, что, убедившись в бесполезности своих усилий побудить первого консула вывести французские войска из Северной Германии, он заговорил твердым и решительным тоном. Этот тон, безусловно, столь же соответствует достоинству могущественной монархии, сколь и отвечает подлинным интересам Пруссии. Исход начатых в Брюсселе переговоров **, показав его прусскому в-ву, какие намерения питает правительство, погрязшее во зле, предоставляет ему счастливую возможность выполнить то, чего требуют его слава и честь, не ставя под сомнение сложившееся повсеместно представление о его миролюбивых намерениях, и вынести в то же время утешительное для своей совести убеждение, что ничего не было упущено для того, чтобы избежать крайних средств.

Я с тем большей готовностью приветствую решительное заявление, сделанное недавно прусским министерством гражданину Лафоре[1*], что оно полностью согласуется с моими взглядами на положение Пруссии по отношению к Франции и что предложения, которые я имею возможность сейчас сделать е. в-ву королю прусскому, не содержат ничего, что могло бы встревожить самую подозрительную осторожность, поскольку по характеру своему они никоим образом не могут возбудить беспокойное недоверие первого консула.

Одобряя соображение, содержащееся в рескрипте графу Гольцу, относительно того, что было бы невыгодно в данный момент провоцировать такого человека, как Бонапарт, который, как там сказано, сам себя связывает своими собственными проступками, я тем не менее считаю, что во всех отношениях было бы неблагоразумно и невыгодно дожидаться какой-нибудь новой оскорбительной выходки с его стороны, чтобы наметить меры предосторожности, неотложную необходимость которых уже хорошо почувствовал берлинский двор. Напротив, я глубоко убежден в том, что при нынешнем положении вещей в Северной Германии, вместо того чтобы заниматься мерами, которые могли бы препятствовать распространению зла, то есть новому посягательству французских войск на чужую территорию, было бы гораздо осмотрительнее и полезнее подумать о том, чтобы предотвратить его, особенно когда имеешь дело с врагом, дерзость захватнических планов которого можно сравнивать лишь с быстротой, с которой он их осуществляет. Следовательно, только в том случае, если мы опередим его даже при этой губительной быстроте, можно было бы ожидать столь благотворного результата, которого так сильно желает его прусское в-во. Тем не менее, уважая мотивы, по которым он не соглашается, чтобы целью совместных мер, которые я ему предлагал, был полный вывод из Северной Германии французских войск, я ограничиваюсь в данный момент тем, что предлагаю ему меры, которые берлинский двор сам счел необходимыми и которые должны быть направлены лишь на то, чтобы остановить первого консула в его дальнейших планах в отношении этой части Германии.

Посылаемая Вам при сем декларация ***, собственноручно мною подписанная и составленная со всеми формальностями, необходимыми для удостоверения подлинности ее, представляет собой не что иное, как резюме тех объяснений, которые прусское министерство недавно имело с гражданином Лафоре. Мы лишь изложили в форме документа тот порядок действий, которому берлинский двор, как он во всеуслышание признал, желает следовать, и я с тем меньшими колебаниями первым сделал это, что существование подобного документа, который будет известен лишь весьма немногим лицам и поэтому должен остаться в строжайшей тайне, никоим образом не может скомпрометировать берлинский двор перед французским правительством. Я льщу себя надеждой, что мне будут благодарны за это и что е. в-во король прусский в своей мудрости без труда признает, что, после того как уже достигнуто согласие относительно необходимости принять сообща некоторые меры, нужно заранее договориться о средствах, которые хотят употребить для этого, чтобы не терять драгоценного времени на переговоры, когда наступит время действовать.

Такова единственная цель данной декларации, принять которую Вы предложите прусскому министерству. Для того чтобы считать это соглашение заключенным по всей форме, я лишь прошу, чтобы берлинский двор дал декларацию такого же содержания.

Я нисколько не сомневаюсь в том, что его прусское в-во с готовностью даст свое согласие на это, понимая неотложность тех обстоятельств, которые побудили меня просить его констатировать наличие у нас намерения действовать совместно с целью оградить государства Северной Германии, еще не затронутые нашествием французских войск.

Пребываю...

Александр ****

13. Декларация России о совместных действиях с Пруссией по защите Северной Германии [14]

22 апреля (4 мая) 1804 г.

Nous Alexandre Premier par la grâce de dieu empereur et autocrateur de toutes les Russies, de Moscovie, Kiovie, Wladimirie, Novogorod, czar de Casan, czar d'Astracan, czar de Sibérie, czar de la Chersonèse-Taurique, seigneur de Plescau et grand duc de Smolensko, de Lithuanie, Volhynie et Podolie, duc d'Estonie, de Livonie, de Courlande et Semigalle, de Samogitie, Carélie, Twer, Jugorie, Permie, Wiatka, Bolgarie et d'autres; seigneur et grand duc de Novogorod inférieur, de Czernigovie, Résan, Polock, Rostow, Jaroslaw, Belo-Osérie, Udorie, Obdorie, Condinie, Witepsk, Mstislaw, dominateur de tout le côté du Nord, seigneur d'Iverie, de la Cartalinie, de la Géorgie et de la Cabardie, prince héréditaire et souverain des princes de Czircassie, Gorsky et autres; successeur de Norvège, duc de Schleswick-Holstein, de Stormarie, de Dithmarsen, d'Oldenbourg et seigneur de Jever etc. etc. etc. La situation critique où se trouve le Nord de l'Allemagne et la gêne imposée à son commerce, de même qu'à celui de tout le Nord par le séjour des troupes françaises dans l'électorat d'Hannovre, de plus les dangers imminents qui sont à prévoir pour la tranquillité des Etats qui dans cette partie du continent n'ont pas encore subi le joug des Français, ayant excité toute notre sollicitude, nous nous sommes appliqués à chercher les moyens propres à calmer nos appréhensions à cet égard.

L'invasion de l'électorat d'Hannovre n'ayant pu être prévenue, et les circonstances ayant malheureusement empêché dans le temps de le délivrer de la présence des troupes françaises, nous avons jugé convenable de ne point adopter pour le moment aucune mesure active, tant que le gouvernement français se bornera à l'occupation des possessions allemandes de s. m. britannique, mais aussi à ne point permettre que les armées françaises dépassent en Allemagne la ligne derrière laquelle elles se trouvent maintenant.

S. m. le roi de Prusse, que nous avons prévenu en toute confiance de nos alarmes et des mesures qui nous paraissaient indispensables pour écarter le danger que nous prévoyons, ayant exprimé son assentiment à nos vues, ainsi que son désir de concourir à des soins aussi salutaires et de s'opposer à de nouveaux empiétements du gouvernement français sur d'autres Etats de l'Europe, étrangers à sa querelle avec l'Angleterre, nous sommes tombés d'accord avec sa dite majesté des points suivants:

1. L'audace et l'activité reconnues du gouvernement français lui faisant entreprendre et exécuter spontanément ses desseins, il est de nécessité absolue de surveiller les préparatifs qu'il peut employer pour la confection de ses projets sur le Nord de l'Allemagne; on attachera donc un œil vigilant sur le corps des troupes qui séjournent dans ces contrées et en cas que leur nombre soit augmenté, on s'empressera sans perte de temps à se mettre en posture propre à faire respecter la protection qu'on est intentionné d'accorder aux Etats qui par leur faiblesse ne sauraient se soustraire aux dangers dont ils sont menacés.

2. Pour prévenir toute incertitude sur l'époque de la mise en activité des moyens destinés de part et d'autre et ci-dessous énoncés à préserver le reste du Nord de l'Allemagne de toute invasion étrangère, il est convenu avant tout entre nous et s. m. prussienne de déterminer avec précision le *casus foederis* du présent arrangement. A cet effet on s'est accordé de l'envisager comme échu au premier empiétement que les troupes françaises stationnées dans les Etats électoraux de s. m. britannique se permettront sur les pays adjacents.

3. *Le casus foederis* échéant, s. m. le roi de Prusse, se trouvant plus à portée du théâtre des événements, n'attendra pas pour agir la réunion des forces respectives qui seront ci-dessous spécifiées, et fera commencer les opérations aussitôt qu'elle aura la nouvelle que les troupes françaises ont franchi la ligne qu' elles occupent présentement dans le Nord de l'Allemagne.

4. Tous les moyens que nous nous proposons d'employer à cette même fin se trouvant prêts pour être mis en activité, nous nous engageons de la manière la plus formelle de marcher au secours de s. m. prussienne au premier signal qui nous en sera donné et avec toute la célérité possible.

5. Les forces qui seront employées de notre part à la défense du reste du Nord de l'Allemagne s'élèveront à 40 mille hommes de troupes réglées et pourront être augmentées jusqu'à 50 mille hommes, suivant le besoin. S. m. le roi de Prusse s'oblige de son côté d'employer à ce même usage un nombre égal de troupes réglées. Une fois les opérations militaires commencées, nous nous obligeons de ne poser les armes, ni d'entrer en accommodement avec l'ennemi commun, que du consentement de s. m. prussienne et après un accord préalable avec elle, bien entendu, que s. m. le roi de Prusse s'imposera également l'obligation de ne poser les armes, ni d'entrer en accommodement avec l'ennemi commun que de notre consentement et après un accord préalable avec nous.

6. Immédiatement après le commencement des hostilités, ou plus tôt, si la convenance en sera reconnue entre les deux cours contractantes, le roi de Dannemarc et l'électeur de Saxe seront invités à adhérer à ce concert et à y coopérer par des moyens proportionnés à leur puissance, ainsi que tous les autres princes et Etats du Nord de l'Allemagne, qui par la proximité de leurs pays doivent participer aux bienfaits du présent arrangement.

7. Après qu'on aura atteint le but qu'on s'y propose, nous nous réservons de nous entendre avec s. m. prussienne sur les mesures ultérieures à prendre afin de purger entièrement le sol de l'Empire germanique de la présence des troupes étrangères et d'assurer d'une manière solide pour l'avenir cet heureux résultat, en avisant à un ordre des choses, qui n'expose plus l'Allemagne aux inconvénients dont elle a dû souffrir depuis le commencement de la guerre actuelle.

Cette déclaration devant être échangée contre un acte* signé par s. m. le roi de Prusse et conçu dans le même sens, nous promettons sur notre foi et parole impériale de remplir fidèlement les engagements que nous y avons pris. En foi de quoi, nous l'avons signée de notre main et y avons fait apposer le sceau de notre empire. Donné à St.-Pétersbourg le 22 d'avril, l'an de grâce 1804 et de notre règne le quatrième.

(L. S.) (signé) A l e x a n d r e**

Печат. по копии.
Опубл. Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire, t. 5, p. 28—31.

Перевод

Мы, Александр Первый, божьей милостью император и самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, царь Херсониса Таврического, государь Псковский и великий князь Смоленский, Литовский, Волынский и Подольский, князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Карельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северные страны повелитель, го-

* См. док. 23.
** Контрассигновано А. А Чарторыйским.

сударь Иверские, Карталинские, Грузинские и Кабардинские земли; Черкасских и Горских князей и иных наследный государь и обладатель; наследник Норвежский, герцог Шлезвиг-Гольштинский, Стормарнский, Дитмарсенский, Ольденбургский и государь Еверский и пр. и пр. и пр. Поскольку критическое положение,в котором находится Северная Германия, и стеснения, чинимые ее торговле, так же как и торговле всего Севера, пребыванием французских войск в курфюршестве Ганноверском, и, кроме того, опасность, которая, как это можно предвидеть, нависнет в ближайшее время над спокойствием еще не подчиненных французскому ярму государств этой части континента, вызвали нашу глубокую озабоченность, мы постарались изыскать средства, которые могли бы успокоить наши опасения на сей счет.

Так как вторжение в курфюршество Ганноверское не могло быть предотвращено и обстоятельства, к несчастью, помешали в свое время изгнанию из него французских войск, то мы сочли уместным не предпринимать пока никаких активных мер до тех пор, пока французское правительство будет ограничиваться занятием немецких владений его британского в-ва, но в то же время не допускать, чтобы французские армии перешли в Германии линию, за которой они находятся в настоящее время.

Поскольку е. в-во король прусский, которого мы с полным доверием предупредили о наших тревогах и о мерах, казавшихся нам необходимыми для устранения предвидимой нами опасности, выразил свое согласие с нашими видами, а также свое желание содействовать столь спасительным усилиям и воспротивиться новым посягательствам французского правительства в отношении других европейских государств, не имеющих отношения к его распре с Англией, мы согласились с его речённым величеством по следующим пунктам:

1. Так как в силу своей общеизвестной дерзости и активности французское правительство может внезапно начать осуществлять свои намерения, абсолютно необходимо наблюдать за приготовлениями, которые оно может производить для выполнения своих планов в отношении Северной Германии; следовательно, надлежит бдительно следить за войсками, находящимися в этих районах, и в случае увеличения их численности, не теряя времени, поспешить привести себя в такое положение, благодаря которому можно было бы заставить уважать покровительство, которое мы намерены оказать государствам, не могущим по причине своей слабости отвратить угрожающие им опасности.

2. Чтобы не допустить какой-либо неопределенности в отношении времени приведения в действие поименованных ниже средств, предназначенных обеими сторонами для ограждения остальной части Северной Германии от всякого иноземного вторжения, мы и его прусское в-во прежде всего договорились точно определить casus foederis данного соглашения. С этой целью согласились, что casus foederis будет считаться наступившим при первом же посягательстве размещенных в курфюршеских владениях его британского в-ва французских войск на расположенные по соседству страны.

3. При наступлении casus foederis е. в-во король прусский, будучи ближе к месту событий, начнет действовать, не ожидая соединения соответствующих сил, которые будут указаны ниже, и прикажет начать операции, как только получит известие о том, что французские войска перешли линию, занимаемую ими сейчас в Северной Германии.

4. Поскольку все средства, которые мы намереваемся употребить для этой цели, приведены в боевую готовность, мы по всей форме обязуемся выступить на помощь его прусскому в-ву по первому сигналу, который будет нам дан, и со всей возможной поспешностью.

5. Силы, которые будут употреблены с нашей стороны для защиты остальной части Северной Германии, составят 40 тыс. человек регулярных войск и в случае необходимости могут быть увеличены до 50 тыс. человек. Е. в-во король прусский со своей стороны обязуется употребить для этой же цели равное число регулярных войск. Мы обязуемся после начала военных действий не складывать оружия и не идти на примирение с общим врагом, если только мы предварительно не согласуем это с его прусским в-вом и не получим его согласия, подразумевая, конечно, что е. в-во король прусский равно примет на себя обязательство не складывать оружия и не идти на примирение с общим врагом, если только он предварительно не согласует это с нами и не получит нашего согласия.

6. Сразу же после начала военных действий или даже раньше, в случае если оба договаривающихся двора признают это целесообразным, королю датскому и курфюрсту Саксонскому будет сделано предложение присоединиться к настоящему согласию и сотрудничать в нем средствами, соответствующими их силам; такое же предложение будет сделано и всем остальным князьям и государям Северной Германии, которые ввиду близости их владений должны получить выгоду от этого соглашения.

7. Мы оставляем за собой право договориться с его прусским в-вом, после того как будет достигнута цель, которую мы ставим, о дальнейших мерах, необходимых для того, чтобы полностью очистить территорию Германской империи от иноземных войск и прочно закрепить на будущие времена этот счастливый результат, наметив такой порядок вещей, при котором Германии не будут больше угрожать те неприятности, какие ей пришлось претерпеть с начала нынешней войны.

Учитывая, что эта декларация должна быть передана в обмен на документ *, подписанный е. в-вом королем прусским и составленный в том же духе, мы заверяем нашей честью и

императорским словом, что будем в точности исполнять принятые нами на себя обязательства. В удостоверение чего мы собственноручно подписали его и повелели приложить к нему печать нашей империи. Дано в С.-Петербурге 22 апреля лета господня 1804 г. и нашего царствования четвертого.

(подпись) Александр**

(М. П.)

14. Александр I послу в Вене А. К. Разумовскому

25 апреля (7 мая) 1804 г.

Monsieur le conseiller privé actuel comte de Rasoumoffsky. Quoique les réponses[15], que vient de donner la cour de Vienne aux ouvertures importantes que je lui avais adressées sur l'état critique des affaires en Europe, n'aient pas été entièrement telles que je m'y attendais, cependant les propositions qui les ont accompagnées sont si fort remplies de sincérité et de confiance, que je ne saurais ne pas y répondre d'une façon tout aussi franche et amicale.

S. m. l'empereur d'Allemagne m'a fait communiquer par son ambassadeur ici le projet d'une lettre autographe[16] qui contient les engagements réciproques qu'elle est prête de contracter avec moi.

J'ai été infiniment sensible à cette proposition de la part de s. m. impériale et royale, qui me prouve dans mon auguste ami un désir, qui ne peut que m'être bien précieux, de se lier de plus en plus avec la Russie. Je n'ai pu cependant me dissimuler que les stipulations, qui seraient contractées d'après cette base, ne répondraient nullement au but principal qu'on aurait en vue en les formant.

Malgré que, par la position de mes Etats, j'aie peu à redouter de la part des Français, j'ai cru néanmoins ne pouvoir rester indifférent aux dangers dont ils menaçaient d'autres Etats de l'Europe, et dès que j'ai vu que la force seule pouvait arrêter leurs vues ambitieuses, je me suis empressé d'offrir ma coopération et mes secours à la cour de Vienne, comme la plus intéressée au maintien de l'équilibre en Europe dans lequel uniquement elle peut trouver sa propre sûreté. Cependant, la Russie, libre dans ce moment de tout intérêt direct, ne peut en avoir dans les concerts qu'elle serait dans le cas de former qu'autant que le bien général de l'Europe pourrait s'y trouver immédiatement compris, et que mes alliés et les pays dont la conservation tient également à cœur aux deux cours impériales en retireraient de la sûreté et de l'avantage. Or, dans l'union proposée cet objet principal paraît n'être qu'accessoire, et l'on ne saurait disconvenir, considérant la manière dont sont conçues les stipulations de cet arrangement, qu'après sa conclusion le reste de l'Europe resterait tout aussi peu en sûreté qu'il l'est actuellement.

Le renouvellement de l'alliance de 1792 * et des autres actes[17] qui l'ont suivie, que me propose la cour de Vienne, me paraît être un objet qui, si on le mêlait à celui qui nous démontre aujourd' hui l'urgence de réunir nos forces mutuelles, nécessiterait une discussion qui pourrait retarder une décision à laquelle il est instant d'en venir.

Quoique pour mon compte je sois d'avis que les alliances les plus sûres sont les liens que les intérêts mutuels de deux Etats rendent inaltérables entre eux, et la conduite présente de la Russie envers l'Autriche est une nouvelle preuve de cette vérité, je suis cependant très éloigné de me refuser d'en contracter une de durée avec la cour de Vienne, qui de tous les Etats est celui avec lequel je serais le plus empressé de souscrire à de tels engagements, mais je ne saurais être d'opinion qu'une alliance de ce genre puisse garantir l'Europe

* *См. т. I, прим.* 33.

des maux qui sont prêts à fondre sur elle, et pour le redressement desquels il faut des remèdes plus violents que ne l'est en politique un simple traité défensif qui tout au plus peut préserver un équilibre existant, mais non le rétablir, quand il est aussi complètement détruit. Par ces considérations et d'autres que j'ai chargé mon ministère de Vous détailler, pensant d'ailleurs qu'il fallait écarter toute discussion qui pourrait faire perdre un temps précieux, j'ai cru ne pouvoir mieux faire que de tâcher de réduire, pour le moment, nos offres réciproques à l'objet qui me paraît le plus pressant et le plus imminent; et pour prouver ma confiance à la cour de Vienne et mon empressement à en venir avec elle à un arrangement qui puisse et rassurer l'Autriche sur ses craintes et fournir quelque sécurité à d'autres Etats qui sont libres encore du joug français, je me suis décidé d'expédier sans le moindre retard un contre-projet de lettre autographe ainsi que l'original** écrit et signé de ma main, que Vous trouverez ci-joints et que Vous inviterez la cour de Vienne à échanger contre un pareil de la part de s. m. impériale et royale, afin que par ce moyen nous puissions sans perte de temps aviser aux arrangements ultérieurs, sur lesquels il nous reste à convenir. Les changements, que j'ai pensé être indispensables dans la rédaction de ladite lettre, si même ils paraissaient au premier coup d'œil peu satisfaisants à la cour de Vienne, seront du moins une nouvelle preuve pour elle que c'est sincèrement, en cas de besoin, que je veux entrer dans un concert d'action avec elle et que mon seul désir est de ne pas le rendre illusoire pour le bien de l'Europe.

Au reste, je suis fort éloigné de désirer la guerre; je souhaite même de la retarder autant que possible et dans tous les cas je ne voudrais la commencer que quand j'y serais absolument forcé par une agression des Français, ou bien en les voyant étendre leurs empiétements sur des pays dont l'existence ne peut qu'intéresser plus ou moins la Russie.

C'est une assurance que Vous pouvez donner au ministère autrichien; et quoique je sois convaincu qu'envers le gouvernement français, ce n'est pas provoquer la guerre que de prendre un ton ferme et soutenu, je ne prétends gêner en rien la conduite que la cour de Vienne croira nécessaire de suivre, afin de ne pas se compromettre avant le temps avec le premier consul, mais si la guerre se trouvait une fois commencée entre la Russie et la France, ne dois-je pas m'assurer que l'Autriche n'en sera pas spectatrice passive? Sa coopération me semble même être due, puisque la conduite des Français est telle que de quelque manière que commence la guerre sur le continent, elle doit toujours être regardée comme défensive, le gouvernement français étant depuis longtemps en agression directe contre tous les Etats de l'Europe. Je me fie en conséquence sur la loyauté de mon allié, que quoi qu'il arrive, il ne me laissera pas combattre seul contre l'ennemi commun, mais agira aussi de son côté conformément au concert établi et au plan qui va se régler. Cette coopération me semble indispensable et pouvant avoir lieu sans difficulté, puisque l'attention du gouvernement français étant une fois détournée, les préparatifs de l'Autriche pourront alors se pousser avec vigueur, et que, si on laissait trop longtemps aux Français le loisir d'agir avec toutes leurs forces d'un seul côté, après y avoir remporté des succès, ils se reporteraient avec plus d'avantage encore contre la cour de Vienne. Il m'a donc paru nécessaire de fixer un terme quelconque, au bout duquel la coopération de l'Autriche devrait commencer et je me crois obligé avec d'autant plus de raison d'insister sur cet article, que c'est d'après sa teneur et en général d'après le succès, qu'auront mes démarches présentes, que je serai dans le cas de me décider sur la part plus ou moins active qu'il me conviendra de prendre aux affaires de l'Europe souffrante,

---

** См. док. 15.

qui pourraient bien devenir désespérées au point qu'on serait forcé de ne plus s'en mêler.

En entrant dans un concert éventuel avec la cour de Vienne, je n'ai pas perdu de vue le grand avantage qui résulterait pour la cause commune, si d'autres puissances étaient amenées à joindre leurs efforts aux nôtres. Je sais que la position de l'Autriche lui fera craindre de se compromettre en faisant des ouvertures de ce genre partout ailleurs, mais je prends pour le moment volontiers cette tâche sur moi et je me flatte que la cour de Vienne aura pleine confiance dans ma discrétion et dans ma loyauté et qu'elle sera assurée que le but de toutes mes démarches ne sera jamais autre que le bien général, que nous désirons également et celui de l'Autriche y compris.

D'autres stipulations, qui ne se trouvaient pas dans le projet de lettre autographe de l'empereur d'Allemagne et que j'ai ajoutées dans la mienne, n'ont pas besoin d'explication, puisqu'elles sont d'un genre à être agréées par la cour de Vienne sans réclamation et lui prouveront au contraire toute la sincérité de mes sentiments pour elle; mais je dois une explication à s. m. impériale et royale sur la diminution que j'ai apportée au nombre de troupes qu'elle m'avait demandé pour agir contre la France [18]. Si j'offre des forces moins considérables, c'est pour pouvoir les tenir toujours au complet par des renforts continuels envoyés de l'armée de réserve qui sera sur mes frontières. D'ailleurs, cette armée de réserve, ainsi que j'en prends l'engagement formel, servira en même temps à garantir les Etats de la maison d'Autriche de toute attaque et lui permettra à ne tenir sur ses frontières tranquilles que des corps d'observation de peu de valeur. Des 100 mille hommes que je compte tenir au complet et en activité continuelle pour le bien de la cause commune, le corps placé aux Sept Iles, qui sera de 10 mille hommes, est en quelque façon déjà en présence et pourra rendre de grands services dans cette position essentielle soit pour garantir la Grèce de toute atteinte, soit pour contribuer, lorsque le moment en sera arrivé, à une diversion dans le Midi de l'Italie. Sans m'en tenir à ma première proposition, j'offre à s. m. impériale et royale 40 mille hommes qui pourront être portés jusqu'à 50 mille et qui seront à sa pleine disposition. La destination de 50 mille restants ne saurait être précisée d'avance, attendu qu' elle dépendra du point où l'ennemi portera ses efforts, soit vers le nord ou vers le midi. Cependant, si l'on a lieu d'être en sûreté sur quelques-uns des points menacés, je ne laisserai pas ces forces inactives et je les porterai là, où elles pourront agir avec avantage, suivant le plan qui sera arrêté. Je compte aussi ne pas tenir dans l'inaction ma flotte et je veux en tirer tout le parti possible dans la lutte qui aurait lieu. Ce surcroît de moyens qui peuvent être très utiles à nos opérations doit être également ajouté à la somme des efforts auxquels la Russie s'astreint.

Telles sont les explications que Vous aurez à donner au cabinet de Vienne. Différentes autres ouvertures que Vous êtes chargé de lui faire, l'offre, sans même attendre la conclusion d'un concert préalable, que je m'empresse d'adresser dans les circonstances présentes à s. m. impériale et royale, de marcher à l'instant à son secours, si elle venait à être attaquée dès à présent par les Français, promesse que Vous aurez soin de réitérer à son ministère, sont autant de preuves de mes sentiments d'attachement pour l'empereur d'Allemagne, et d'intérêt constant pour tout ce qui a rapport à sa monarchie. Les motifs qui me guident ne me permettent pas de douter du succès des propositions que Vous êtes chargé de lui faire de ma part. Je m'en repose du reste sur Votre zèle pour mon service et sur Votre habileté, que cette négociation importante aura l'effet désiré qui me tient fort à cœur, moins pour la Russie que plutôt pour l'Europe entière et particulièrement pour la maison d'Autriche elle-même. La réussite de mes vœux désintéressés qui sera due en grande partie à Vos

soins, Vous donnera de nouveaux titres à ma bienveillance et à ma satisfaction, que je serai très aise en toute occasion de reconnaître.

Je suis...

Alexandre***

Par le feldj[äge]r Prochnitzky le 7(19) mai 1804.

Печат. по подлиннику.
Опубл. в купюрах Васильчиков, Семейство Разумовских, т.3, стр. 488—489.

Перевод

Господин действительный тайный советник граф Разумовский. Хотя ответы[15], только что данные венским двором на сделанные мною ему важные предложения по вопросу о критическом положении дел в Европе, не полностью соответствуют моим ожиданиям, однако сопровождавшие их предложения преисполнены такой искренности и доверия, что я не могу не ответить на них столь же откровенно и дружески.

Е. в-во император Германии сообщил мне через своего посла в Петербурге проект собственноручного письма[16], содержащего взаимные обязательства, которые он готов заключить со мной.

Я был бесконечно тронут этим предложением его императорского и королевского в-ва, которое свидетельствует о радующем меня желании моего августейшего друга более тесно связать себя с Россией. Я не мог, однако, не признать, что условия соглашения, заключенного на этой основе, никоим образом не отвечали бы главной цели, которую мы преследовали бы, заключая его.

Несмотря на то, что в силу местоположения моих владений мне нечего особенно опасаться французов, я все же счел, что не могу оставаться безразличным к опасностям, угрожающим другим государствам Европы; и когда я увидел, что лишь сила может остановить властолюбивые устремления французов, я поспешил предложить свое сотрудничество и помощь венскому двору, как наиболее заинтересованному в поддержании равновесия в Европе, ибо только в этом может обрести он свою безопасность. Однако Россия, в данный момент непосредственно не заинтересованная в том, чтобы вступать в соглашения о совместных действиях, которые ей представится возможность заключить, будет в этом заинтересована лишь постольку, поскольку эти соглашения непосредственно будут иметь в виду общее благо Европы и поскольку они будут обеспечивать безопасность и выгоду моих союзников, а также стран, сохранения которых равно желают оба императорских двора. Между тем в союзе, который нам предлагают заключить, эта главная цель выглядит лишь как второстепенная, и, анализируя условия этого соглашения, нельзя не признать, что после его заключения безопасность остальных стран Европы была бы столь же мало обеспечена, как и в настоящее время.

Мне представляется, что если рассматривать вопрос о предлагаемом венским двором возобновлении союзного договора 1792 г.* и других актов[17], последовавших за ним, совместно с вопросом, обусловливающим ныне необходимость срочного объединения наших сил, то это потребует обсуждения, в связи с чем задержится принятие решения, являющегося неотложной необходимостью.

Хотя я лично придерживаюсь того мнения, что самые надежные союзы — это связи, являющиеся нерушимыми в силу соответствия обоюдным интересам обоих государств, и нынешнее поведение России по отношению к Австрии есть новое доказательство этой истины, я тем не менее отнюдь не намерен отказываться от заключения длительного союза с венским двором, с которым я охотнее, нежели с любым другим государством Европы, подписал бы такие обязательства; но я не могу согласиться с мнением, что союз подобного рода мог бы гарантировать Европу от бедствий, готовых обрушиться на нее, для предотвращения которых нужны средства, более сильные, нежели то, каким является в политике простой оборонительный договор, который, самое большее, может сохранить существующее равновесие, но не может восстановить его, когда оно столь серьезно нарушено. Исходя из этих и некоторых других соображений, о которых я поручил своему министерству сообщить Вам более подробно, считая к тому же, что следует избегать всяких споров, которые могли бы привести к потере драгоценного времени, я счел, что лучше всего попытаться ограничить сейчас наши взаимные предложения вопросом, представляющимся мне наиболее обязательным и неотложным; чтобы доказать мое доверие к венскому двору и мою готовность заключить с ним соглашение, которое могло бы и успокоить опасения Австрии и обеспечить известную безопасность другим государствам, еще не порабощенным французами, я решил незамедлительно отправить контрпроект собственноручного письма, так же как и оригинал **, написанный и подписанный мною собственноручно, которые Вы найдете в приложении. Вы предложите венскому двору обменять его на подобное же письмо его императорского и королевского в-ва, с тем чтобы тем

*** Контрассигновано А. А. Чарторыйским.

самым мы получили возможность, не теряя времени, наметить дальнейшие меры, относительно которых нам остается договориться. Изменения, которые я счел необходимым внести в текст упомянутого письма, если даже они покажутся венскому двору на первый взгляд малоудовлетворительными, будут для него, по крайней мере, в случае нужды, новым доказательством того, что я искренне хочу вступить с ним в соглашение о совместных действиях и желаю лишь, чтобы оно не оказалось иллюзорным для блага Европы.

Впрочем, я очень далек от того, чтобы желать войны; я даже хочу оттянуть ее, насколько возможно, и, во всяком случае, хотел бы начать ее только тогда, когда буду вынужден к этому агрессией французов или же когда увижу, что они распространяют свои посягательства на страны, существование которых может интересовать в той или иной мере Россию.

Вы можете заверить в этом австрийское министерство, и, хотя я убежден, что принять твердый и решительный тон по отношению к французскому правительству не означает провоцировать войну, я не намерен каким-либо образом стеснять венский двор в выборе линии поведения, следовать которой он сочтет необходимым, чтобы не испортить раньше времени своих отношений с первым консулом; но я должен иметь уверенность в том, что в случае, если между Россией и Францией начнется война, Австрия не останется пассивным зрителем. Мне кажется, что она даже обязана сотрудничать со мной, так как французы ведут себя так, что каким бы образом ни началась война на континенте, она должна рассматриваться как оборонительная, поскольку французское правительство уже давно начало прямую агрессию против всех европейских государств. Вследствие этого я полагаюсь на прямодушие моего союзника, на то, что он, что бы ни произошло, не оставит меня одного сражаться против общего врага и со своей стороны будет также действовать в соответствии с достигнутым соглашением и с планом, который должен быть разработан в ближайшее время. Это сотрудничество мне кажется необходимым и легко осуществимым, ибо, поскольку внимание французского правительства будет отвлечено, приготовления Австрии могут сильно продвинуться вперед; если же в течение слишком долгого времени давать французам возможность действовать всеми своими силами только в одном направлении, то, добившись там успехов, они с еще большим преимуществом могли бы начать действовать против венского двора. Поэтому я счел необходимым установить какой-то срок, по истечении которого Австрия должна начать сотрудничать со мной, и считаю, что обязан настаивать на этой статье с тем большим основанием, что принятие решения о том, насколько активным должно быть мое вмешательство в дела страждущей Европы,— дела, могущие стать столь безнадежными, что мы будем вынуждены больше в них не вмешиваться,— зависит от того, как эта статья будет составлена, и вообще от успеха моих настоящих демаршей.

Вступая в эвентуальное соглашение о совместных действиях с венским двором, я не терял из виду ту большую пользу для общего дела, которой удалось бы добиться, если бы мы сумели убедить другие державы объединить свои усилия с нашими. Я знаю, что положение Австрии заставляет ее опасаться скомпрометировать себя, если она станет делать предложения подобного рода всем остальным державам, но в настоящий момент я охотно беру эту задачу на себя и льщу себя надеждой, что венский двор полностью доверится моему умению хранить тайну и моему прямодушию и не будет сомневаться, что целью всех моих демаршей всегда будет только общее благо, коего мы равно желаем, включая и благо Австрии.

Прочие условия, которых не было в проекте собственноручного письма германского императора и которые я добавил в моем письме, не нуждаются в объяснении, так как по своему характеру они должны быть приняты венским двором без возражений и, напротив, докажут ему искренность моих чувств по отношению к нему; но я должен дать объяснение его императорскому и королевскому в-ву относительно уменьшения мною численности войск, которые он просил меня выставить для действий против Франции[18]. Если я предлагаю менее значительные силы, то делаю это с тем, чтобы иметь возможность всегда поддерживать их полностью укомплектованными, постоянно посылая подкрепления из резервной армии, которая будет расположена на моих границах. К тому же я беру на себя обязательство по всей форме, что эта резервная армия будет служить в то же время для того, чтобы обезопасить владения Австрийского дома от любого нападения, а это позволит ему держать на своих обеспеченных границах только незначительные обсервационные корпусы. Из 100 тыс. человек, которые я рассчитываю поддерживать в полном боевом составе и в постоянной готовности к действиям на благо общего дела, корпус, размещенный на Семи островах, уже некоторым образом имеется в наличии; в дальнейшем его численность будет доведена до 10 тыс. человек. Занимая столь важную позицию, он сможет оказать большие услуги как для защиты Греции от каких-либо посягательств, так и для содействия, когда настанет время, диверсии в Южной Италии. Отходя от своего первоначального предложения, я предлагаю его императорскому и королевскому в-ву 40 тыс. человек, причем численность этого корпуса может быть доведена до 50 тыс., которые будут находиться в его полном распоряжении. Назначение остальных 50 тыс. заранее нельзя точно определить, так как оно будет зависеть от того, куда враг направит свои усилия: то ли на север, то ли на юг. Однако, если будут основания считать в безопасности некоторые из угрожаемых пунктов, я не оставлю эти силы в бездействии и направлю их туда, где они могут с выгодой действовать согласно плану, который будет разработан. Я также не намерен оставлять в бездействии свой флот и хочу извлечь из него всю возможную пользу в предстоя-

щей борьбе. Эти дополнительные силы, которые могут быть весьма полезны при осуществлении наших операций, также должны быть учтены при оценке вклада России.

Таковы объяснения, которые Вы должны будете дать венскому кабинету. Различные другие предложения, которые Вам поручено передать, а также обещание, которое я даю в настоящих обстоятельствах его императорскому и королевскому в-ву — даже не ожидая заключения предварительного соглашения, немедленно идти к нему на помощь, если он уже сейчас подвергнется нападению со стороны французов, и это обещание Вы не преминете подтвердить перед его министерством, — служат лишним доказательством моих дружеских чувств к германскому императору и неизменного интереса ко всему, что касается его монархии. Мотивы, руководящие мною, не позволяют усомниться в успехе предложений, которые Вам поручено сделать от моего имени. Впрочем, я полагаюсь на Ваше усердие к службе и Вашу опытность и уверен, что эти важные переговоры дадут желаемый результат, к которому я очень стремлюсь не столько ради России, сколько ради всей Европы, и в частности ради самого Австрийского дома. Успех моих бескорыстных устремлений, зависящий в значительной части от Ваших стараний, даст Вам новые основания рассчитывать на мое благоволение и удовлетворение, которые я буду всегда весьма рад засвидетельствовать. Пребываю...

Александр***

С фельдъегерем Прохницким 7(19) мая 1804 г.

15. Александр I Францу II*

25 апреля (7 мая) 1804 г.

Monsieur mon frère! Les mêmes motifs de cordialité et d'intime amitié, qui ont déterminé nos augustes prédécesseurs à adopter antérieurement la forme des lettres autographes pour stipuler leurs engagements respectifs, nous portent à suivre aujourd'hui la même forme pour contracter entre nous un concert adapté à l'état de crise et au danger auquel l'Europe se trouve exposée.

L'influence prépondérante exercée par le gouvernement français sur les Etats circonvoisins et le nombre de pays occupés par ses troupes inspirant de justes inquiétudes pour le maintien de la tranquillité et de la sûreté générale de l'Europe, je partage la conviction de v. m. i., que cet état de choses est de nature à réclamer notre sollicitude la plus sérieuse.

Je promets et m'engage en conséquence d'établir à ce sujet le concert le plus intime avec v. m. i., de ne faire aucune démarche à cet égard sans m'entendre avec elle; ce qui toutefois ne peut gêner en rien les négociations ou les concerts que je serais dans le cas de lier avec d'autres puissances pour le même but commun, convenu entre nous, et sur lesquelles démarches nous aurons soin de nous prévenir mutuellement. Au contraire, comme il est de la plus grande importance pour la cause, que nous embrassons, d'y intéresser et d'y faire coopérer le plus grand nombre d'autres Etats marquants, je ne demande pas mieux, autant qu'il dépendra de moi, d'aider aux soins de v. m. pour parvenir à ce résultat; et les démarches, que je ferai de mon côté dans ce même but, duquel les intérêts de l'Autriche ne sauraient être exceptés, seront conduites de manière à ne compromettre en aucune façon, avant qu'il devienne public, le concert arrêté entre nous. En attendant, je promets de ne négliger aucune occasion et facilité pour me mettre en état de coopérer d'une manière efficace aux mesures actives que nous jugerions nécessaires pour prévenir des dangers qui menaceraient immédiatement la sûreté générale de l'Europe, et si, en haine de l'opposition que les deux cours impériales sont intentionnées d'apporter aux vues ambitieuses de la France, l'une d'elles se trouvait immédiatement attaquée (les troupes russes stationnées pour le moment aux Sept Iles Ioniennes faisant partie de la présente stipulation), chacun de nous s'oblige de la manière la plus formelle de mettre en action pour la défense commune le plus tôt que possible les forces ci-dessous énoncées; de plus, si, à la suite d'obliga-

* Письмо это вручено не было (см. док. 25).

tions défensives que v. m. aurait prises avec d'autres Etats, elle se trouvait par une attaque entreprise contre ses alliés, entraînée dans une guerre avec le gouvernement français, je m'engage dans ce cas à considérer une telle attaque comme immédiatement dirigée contre moi et d'agir en conséquence; et s'il arrivait que le gouvernement français, abusant des avantages que lui procure la position de ses troupes qui occupent maintenant le territoire de l'empire d'Allemagne, se portait à l'envahissement des pays adjacents, dont l'intégrité et l'indépendance est essentiellement liée aux intérêts de la Russie, et que, par conséquent, ne pouvant voir un tel empiétement d'un œil indifférent, je me verrais obligé d'y porter mes forces, v. m. voudra bien regarder une telle conduite de la part de la France, comme une agression qui lui imposera le devoir de se mettre au plus tôt en état de me fournir un prompt secours conformément aux stipulations de notre présent concert.

Je partage complètement le vif intérêt que v. m. prend au maintien de la Porte Ottomane, dont le voisinage nous convient à tous les deux; et comme une attaque dirigée contre la Turquie Européenne par toute autre puissance, ne peut que compromettre essentiellement la sûreté de la Russie et de l'Autriche, et que la Porte Ottomane, dans son état de trouble actuel, ne saurait elle-même repousser une entreprise formée contre elle; dans ladite supposition, et si la guerre se trouvait par cette raison engagée entre l'un de nous et le gouvernement français, l'autre se préparera aussitôt, afin d'assister dans le plus court délai possible par ses efforts la puissance en guerre, et contribuer de concert à la conservation de la Porte Ottomane dans son état de possession actuel.

Vu l'incertitude, où nous nous trouvons encore actuellement, sur les dispositions futures des parties belligérantes en général et sur les desseins du gouvernement français en particulier, je me réserve en outre de ce qui est stipulé ci-dessus de convenir avec v. m., suivant l'exigence des circonstances, des différents cas qui seraient de nature à exiger aussi l'emploi de nos forces mutuelles, lesquels échéants, ou bien lorsque nous jugerions de commun accord indispensable d'en venir à des mesures actives, je promets et m'engage:

En premier lieu de coopérer simultanément et conjointement avec v. m., d'après un plan qui sera convenu incessamment entre nous, avec des forces suffisantes pour espérer de combattre avec succès celles de l'ennemi et pour le repousser dans ses propres foyers, lesquelles forces ne seront pas moins de 100 mille hommes pour ma part (non compris mes forces maritimes que je m'engage aussi à mettre en activité); bien entendu que les troupes, que je destinerais pour déloger l'ennemi des différents pays qu'il occupe actuellement ou qu'il occupera, feront partie de ce nombre; et de 200 mille hommes pour celle de v. m. i. outre un corps d'observation qui sera laissé pour s'assurer que la cour de Berlin restera passive. Persuadé que v. m. ne donnera aucun sujet de juste mécontentement à cette dernière cour, en acquérant de nouvelles possessions en Allemagne (hors ce qui est dit relativement à l'électorat de Saltzbourg dans la dépêche ci-dessous mentionnée) [19], ce seul cas excepté, je prends sur moi et m'oblige de garantir les Etats autrichiens de toute attaque de la part de la Prusse, des bonnes dispositions de laquelle je suis fondé de me croire assuré; si cependant, et contre toute attente, s. m. prussienne sans la raison précitée, venait à agir hostilement contre v.m., pendant qu'elle serait occupée à combattre l'ennemi commun, je m'engage et promets à venir à son secours avec 80 mille hommes que je tiendrai prêts à cet effet sur mes frontières.

En second lieu, que dans le concert à prendre il sera porté un juste égard aux obstacles qui résultent tant de l'état actuel des forces et des frontières de la monarchie autrichienne, que des dangers imminents auxquels elle serait

exposée dans cet état par des démonstrations et des armements qui provoqueraient immédiatement une invasion prématurée de la part de la France. En conséquence, dans la détermination des mesures actives dont on conviendra mutuellement, et tant que la sûreté des deux empires et l'intérêt essentiel de la cause commune le permettront, il sera porté la plus grande attention à en combiner l'emploi avec le temps et la possibilité de mettre les forces et les frontières de v. m. en situation de pouvoir ouvrir la campagne avec l'énergie nécessaire pour atteindre le but de la guerre. Une fois, cependant, que les empiétements des Français m'auront contraint à commencer les hostilités contre eux, v.m. voudra bien s'engager à ne pas perdre un instant pour se mettre en état dans le plus court délai possible et qui ne devra pas dépasser le temps de 3 mois après la réclamation faite, de me secourir efficacement et de procéder avec vigueur à l'exécution du plan qui sera arrêté.

En troisième lieu, que le but de la guerre ne tendrait nullement à opposer une contre-révolution en France, mais uniquement à remédier aux dangers communs de l'Europe.

Quatrièmement, dans le cas d'une guerre heureuse je trouve justes et convenables les vues de dédommagements territoriaux pour la maison d'Autriche, ainsi qu'elles sont exprimées dans la dépêche[19] à ce sujet jointe en copie à la lettre autographe de v.m. et signée de sa main, laquelle dépêche se trouve jointe ici signée également de ma main, et je promets et m'engage à coopérer à l'accomplissement de ces vues, autant que les circonstances et le succès de nos armes le comporteront.

En cinquième lieu, je promets également que par égard pour le désir de v.m. je concourrai dans un pareil cas de succès de la guerre à faire obtenir au roi de Sardaigne, soit son rétablissement même avec quelques agrandissements, si les circonstances le rendent possible, soit un dédommagement convenable en Italie.

Sixièmement, la guerre une fois commencée, je m'engage à ne poser les armes et à ne traiter d'un accommodement avec l'ennemi commun que du consentement de v.m. et après un accord préalable avec elle et j'ai pleine confiance que v.m. remplira en allié fidèle et loyal la même obligation réciproque envers moi.

En bornant pour le moment aux objets et points ci-dessus le présent concert préalable (sur lequel nous nous promettons de part et d'autre le secret le plus inviolable), je me réserve sans aucun retard et immédiatement de convenir par des arrangements ultérieurs tant sur un plan d'opérations pour le cas que la guerre serait inévitable, que pour tout ce qui est relatif à l'entretien des troupes respectives tant sur les Etats autrichiens, que sur territoire étranger.

V.m. voudra bien considérer tous les engagements renfermés dans ma présente lettre autographe, comme s'ils se trouvaient consignés dans l'acte le plus solennel et le plus sacré, et considérant de même ceux qu'elle voudra bien contracter en échange vis-à-vis de moi dans la même forme, je promets et m'oblige [pour] * moi, mes héritiers et successeurs, de les accomplir avec la fidélité la plus inviolable et la plus scrupuleuse.

Je serai toute ma vie avec les sentiments de la plus vive amitié, ainsi qu'avec ceux d'une haute estime et considération de v.m.i. le bon frère, ami et fidèle allié,

Alexandre

Печат. по подлиннику (автограф).

* Восстановлено по отпуску.

Перевод

Государь и брат мой! Те же соображения сердечности и тесной дружбы, которые в прошлом побудили наших августейших предшественников избрать форму обмена собственноручными письмами для скрепления их взаимных обязательств, сейчас побуждают нас использовать эту же форму для заключения между нами соглашения о совместных действиях применительно к обстановке кризиса и к опасности, угрожающей Европе.

Поскольку преобладающее влияние, оказываемое французским правительством на близлежащие государства, и оккупация его войсками многих стран внушают справедливую тревогу за сохранение спокойствия и безопасности всей Европы, я разделяю убеждение в.и. в-ва, что такое положение дел требует самого серьезного внимания с нашей стороны.

Вследствие этого я обещаю и обязуюсь установить в этом вопросе самое тесное согласие с в.и. в-вом и не предпринимать никаких демаршей в этом отношении, не договорившись с Вами; это, однако, ни в чем не может препятствовать ведению мною переговоров или заключению соглашений с другими державами ради этой общей цели, относительно которой между нами достигнута договоренность, причем мы не преминем взаимно предупреждать друг друга о таких демаршах. Напротив, поскольку для дела, которое мы предпринимаем, чрезвычайно важно, чтобы мы привлекли к участию в нем возможно большее число других значительных государств, то я, насколько это будет зависеть от меня, с величайшей готовностью помогу усилиям в. в-ва, направленным на достижение этого результата; демарши, которые со своей стороны я буду предпринимать с этой же целью, соответствующей также и интересам Австрии, будут осуществляться так, чтобы никоим образом не скомпрометировать соглашение, заключенное между нами, раньше, чем оно будет оглашено. Тем временем я обещаю не упускать ни одного случая или возможности, чтобы подготовиться к деятельному участию в осуществлении решительных мер, которые мы сочтем необходимыми для предотвращения опасностей, могущих угрожать в самое ближайшее время общей безопасности Европы, и если бы вследствие недовольства Франции тем противодействием, которое оба императорских двора намерены оказать ее властолюбивым видам, один из них подвергся бы непосредственному нападению (данное условие распространяется и на русские войска, расположенные в данный момент на Семи Ионических островах), каждый из нас самым положительным образом обязуется в кратчайший срок ввести в действие для целей общей обороны силы, перечисленные ниже; кроме того, если в силу оборонительных обязательств, которые в. в-во могли бы заключить с другими государствами, Вы в результате нападения на Ваших союзников оказались бы втянутым в войну с французским правительством, то в этом случае я обязуюсь рассматривать подобное нападение как направленное непосредственно против меня и действовать соответствующим образом; а если бы французское правительство, злоупотребив выгодами, проистекающими для него из расположения его войск, занимающих сейчас территорию Германии, вознамерилось захватить близлежащие страны, целостность и независимость которых существенным образом связана с интересами России, вследствие чего я был бы вынужден направить туда свои вооруженные силы, поскольку я не мог бы равнодушно отнестись к подобному посягательству, то в этом случае в. в-во соблаговолите рассматривать подобные действия со стороны Франции как агрессию, налагающую на Вас обязательство в возможно более короткий срок подготовиться к оказанию мне быстрой помощи, согласно условиям настоящего соглашения.

Я полностью разделяю живой интерес, проявляемый в. в-вом к сохранению Оттоманской Порты, соседство которой устраивает нас обоих; и поскольку нападение на Европейскую Турцию со стороны любой другой державы неизбежно создаст существенную угрозу безопасности России и Австрии, а Оттоманская Порта в ее теперешнем состоянии смуты вряд ли сможет сама отразить удары, направленные против нее, то, если это предположение осуществится и в результате начнется война между одним из нас и французским правительством, второй должен немедленно подготовиться к тому, чтобы в кратчайший срок оказать помощь воюющей державе и общими усилиями способствовать сохранению Оттоманской Порты в ее нынешних границах.

Ввиду неуверенности, в которой мы пока еще пребываем относительно дальнейших намерений воюющих сторон вообще и, в частности, относительно намерений французского правительства, я оставляю за собой право, помимо того, что обусловлено выше, договориться с в. в-вом, в зависимости от обстоятельств, о различных случаях, которые по своему характеру также могли бы потребовать использования наших вооруженных сил; если эти случаи будут иметь место или же если мы с общего согласия сочтем необходимым прибегнуть к активным мерам, я обещаю и обязуюсь:

Во-первых, действовать совместно и одновременно с в. в-вом в соответствии с планом, который должен быть согласован между нами в кратчайший срок, используя силы, достаточные для того, чтобы можно было надеяться на успех в борьбе против неприятельских войск, и для того, чтобы отбросить их на их собственную территорию; я выставляю не менее 100 тыс. человек (не считая моих морских сил, которые я также обязуюсь привести в действие); разумеется, войска, предназначенные мною для изгнания неприятеля из различных уже занятых им стран или тех, которые он еще захватит в дальнейшем, будут входить в это число;

в. и. в-во со своей стороны должны выставить 200 тыс. человек, не считая наблюдательного корпуса, который будет выделен для того, чтобы быть уверенным в том, что берлинский двор ничего не предпримет. Будучи убежден, что в. в-во не дадите этому двору никаких оснований для справедливого недовольства приобретением новых владений в Германии (это не относится к тому, что сказано относительно курфюршества Зальцбургского в нижеупоминаемой депеше [19]), я обязуюсь, за исключением этого случая, гарантировать австрийские владения от какого бы то ни было нападения со стороны Пруссии, в добрых намерениях которой я имею основания быть уверенным; если все же, вопреки всякому ожиданию, его прусское в-во, не имея основания, о котором речь шла выше, начал бы военные действия против в. в-ва, в то время как Вы будете вести борьбу против общего врага, я обязуюсь и обещаю выставить в помощь Вам 80 тыс. человек, которых с этой целью я буду держать в готовности на моих границах.

Во-вторых, в будущем соглашении будут правильно учтены трудности, связанные как с нынешним состоянием вооруженных сил и границ австрийской монархии, так и с той опасностью, которой она подверглась бы, будучи в этом положении, если бы передвижения войск и вооруженные приготовления вызвали нападение со стороны Франции раньше, чем мы будем готовы. В связи с этим при определении активных действий, относительно которых мы должны договориться друг с другом, и в той мере, в какой это позволят безопасность обеих империй и основные интересы общего дела, нужно будет уделить серьезное внимание тому, чтобы приурочить их осуществление ко времени, когда вооруженные силы и границы в. в-ва будут приведены в состояние, позволяющее начать кампанию с энергией, необходимой для достижения целей войны. Однако на случай, если посягательства французов вынудят меня начать военные действия против них, соблаговолите, в. в-во, принять на себя обязательство подготовиться, не теряя ни минуты времени, к тому, чтобы оказать мне действенную помощь и активно приступить к выполнению намеченного плана в кратчайший срок и не позднее трех месяцев после того, как я обращусь к Вам с просьбой об этом.

В-третьих, цель войны будет состоять отнюдь не в организации контрреволюции во Франции, а лишь в устранении опасностей, угрожающих всей Европе.

В-четвертых, я считаю справедливыми и приемлемыми требования о территориальных возмещениях для Австрийского дома в случае удачной войны в том виде, как они изложены в депеше [19] по этому вопросу, копия которой приложена к собственноручному письму в. в-ва и подписана Вами; означенная депеша при сем прилагается, будучи подписана также и мною, и я обещаю и обязуюсь содействовать осуществлению этих требований, насколько позволят обстоятельства и успехи нашего оружия.

В-пятых, я также обещаю, что, учитывая пожелание в. в-ва, я буду способствовать опять-таки в случае удачной войны тому, чтобы добиться либо восстановления короля сардинского в его владениях, даже с некоторым их расширением, если обстоятельства сделают это возможным, либо подобающего для него возмещения в Италии.

В-шестых, я обязуюсь после того, как война будет начата, не складывать оружия и не вступать в какие-либо переговоры о примирении с общим врагом, иначе как с согласия в. в-ва и после предварительного согласования с Вами, и совершенно уверен в том, что и в. в-во, как верный и честный союзник, выполните такое же взаимное обязательство по отношению ко мне.

Ограничивая на данный момент лишь вышеозначенными вопросами и пунктами настоящее предварительное соглашение (относительно которого мы взаимно обещаем друг другу хранить нерушимую тайну), я оставляю за собой право незамедлительно договориться путем последующих соглашений как относительно плана военных действий на случай, если война стала бы неизбежной, так и относительно всего, что касается содержания войск обеих сторон как на территории австрийских владений, так и на территории других государств.

Соблаговолите, в. в-во, рассматривать обязательства, содержащиеся в этом моем собственноручном письме, так, как если бы они были закреплены в самом торжественном и священном акте, и, рассматривая таким же образом те обязательства, которые Вы соблаговолите в порядке взаимности и в той же форме взять на себя по отношению ко мне, я обещаю и обязуюсь за себя и за моих наследников и преемников выполнять их с неукоснительной тщательностью и точностью.

На всю жизнь остаюсь с чувством самой глубокой дружбы и величайшего уважения и почтения в. и. в-ва любящий брат, друг и верный союзник

Александр

16. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

25 апреля (7 мая) 1804 г.

Monsieur le comte ! Le contenu de la lettre autographe * de l'empereur à s.m. impériale et royale, par laquelle nos mesures communes avec la cour de Vienne relativement aux affaires générales de l'Europe seraient finalement arrêtées, a été par ordre de s.m. préalablement communiqué ici au comte de Stadion. Les observations, que cet ambassadeur m'a faites sur quelques articles de la lettre en question, ayant été mises sous les yeux de l'empereur, s.m.i. a bien voulu agréer dans la rédaction divers amendements indiqués par l'ambassadeur d'Autriche, voulant par là prévenir, autant que cela dépendait d'elle, toutes les difficultés qui pourraient se rencontrer dans le cours de cette négociation, et prouver de plus en plus à l'empereur d'Allemagne combien elle désire de la voir terminée à la pleine satisfaction des deux parties.

Nous espérons après cela que v.ex. ne rencontrera pas des obstacles dans l'échange de cet acte contre un pareil de s.m. impériale et royale.

De toutes les dispositions sur lesquelles le c[om]te de Stadion a jugé à propos de faire des observations, s.m. a cru ne pouvoir pas céder sur celle qui se rapporte à la fixation d'un terme de trois mois pour entrer en activité de mesures combinées, après que la réquisition en sera faite, tandis que l'ambassadeur de Vienne aurait désiré que cette obligation eût été exprimée dans des termes plus vagues. Vous ne manquerez certainement pas d'arguments, M^{r} le comte, pour faire sentir au ministère impérial et royal la nécessité de déterminer avec clarté et précision en cas de guerre l'époque de l'ouverture des opérations arrêtées en commun, et nous sommes d'avance assurés que la cour de Vienne reconnaîtra la justesse de Vos raisonnements à l'égard de l'impossibilité, où se trouverait l'empereur, de ne pas insister sur cet article.

J'ai l'honneur ...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Par le feldj(äger) Prochnitzki le 7(19) mai 1804.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин граф! Содержание собственноручного письма* императора его императорскому и королевскому в-ву, которым будут, возможно, окончательно определены наши совместные с венским двором меры, касающиеся общих дел в Европе, было предварительно сообщено здесь по повелению е. в-ва графу Стадиону. Замечания, сделанные этим послом относительно некоторых статей, содержащихся в данном письме, были представлены императору, и е.и. в-во соизволил принять при окончательной редакции различные поправки, указанные австрийским послом, желая тем самым предупредить в той мере, в какой это от него зависело, все трудности, которые могли бы встретиться в ходе этих переговоров, и дать императору Германии новые доказательства того, как сильно он желает, чтобы эти переговоры были завершены к полному удовлетворению обеих сторон.

Мы надеемся, что после этого в. с-во не встретите препятствий при обмене этого акта на аналогичный акт со стороны его императорского и королевского в-ва.

Из всех тех положений, по поводу которых граф Стадион нашел нужным высказать свои замечания, е. в-во не счел возможным уступить в вопросе об установлении трехмесячного срока для развертывания совместных действий после нашего обращения с просьбой об этом,

---

* См. док. 15.

тогда как австрийский посол желал бы, чтобы это обязательство было изложено в более неопределенных выражениях. У Вас, г-н граф, не будет, конечно, недостатка в аргументах, чтобы убедить императорское и королевское министерство в необходимости ясно и точно определить на случай войны время начала совместно намеченных операций, и мы заранее уверены, что венский двор признает правильность Ваших доводов относительно того, что император не может не настаивать на этой статье.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

С фельдъегерем Прохницким 7(19) мая 1804 г.

17. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

25 апреля (7 мая) 1804 г.

Monsieur le comte, Mr de Wassiltschicoff, Votre neveu, qui Vous a porté, Mr le comte, les derniers ordres de s.m. se mettait en voiture pour partir d'ici, presqu'au même moment où le courrier autrichien, porteur des réponses de la cour de Vienne[15] aux dernières ouvertures qui lui ont été faites de notre part, arrivait à St.Petersbourg. Ces réponses, il faut l'avouer, n'ont pas répondu à l'espoir de l'empereur, surtout après une si longue attente et tant de retard. Cela n'empêche pas que s.m.i. n'ait eu du regret que l'arrivée du courrier autrichien et les communications, qui en ont été la suite,n'aient pas eu lieu avant le départ de Mr Wassiltschicoff. Il a été porteur d'une lettre autographe et particulière[20] à l'empereur et roi, dans laquelle s.m.i. exprimait sa douleur sur le peu d'empressement que semblait lui témoigner son auguste ami et allié de s'entendre et de s'unir avec elle pour sauver l'Europe d'une ruine inévitable. Dans cette expression de douleur et de regret s.m. impériale et royale ne verra qu'une effusion de sensibilité et de franchise et de plus la meilleure preuve possible du prix que notre auguste maître attache à son intime amitié.

Les mêmes sentiments de confiance et d'attachement, qui ont engagé s.m. à s'adresser directement à l'empereur d'Allemagne pour hâter, s'il est possible, les réponses du cabinet de Vienne à nos dernières propositions, sont une raison maintenant pour que l'empereur réitère ses instances et représentations pressantes relativement à leur teneur.

Le ministère autrichien aura sans doute donné connaissance à v.ex. des pièces que le comte de Stadion nous a communiquées ici. Je n'entrerai pas dans une discussion suivie sur le contenu du mémoire dont la copie se trouve ci-jointe et qui sert de réponse aux ouvertures confidentielles faites de notre part à Vienne au sujet des dangers que court l'Europe dans ce moment. Plusieurs des arguments développés dans cet écrit se trouvent déjà entièrement réfutés par les événements qui sont arrivés depuis. Je me bornerai à observer, ainsi que je l'ai fait au comte de Stadion, dans les conférences que j'ai eues ici avec lui à ce sujet, qu'il est plus qu'évident qu'il n'entre ni dans le caractère ni dans la politique et les vues de Bonaparte de penser à raffermir son gouvernement par une administration sage et modérée; qu'au contraire on le voit prendre décidément la marche opposée, et pour se soutenir, se porter à tous les excès et à toutes les violences qui ont eu lieu pendant le règne de la terreur; s'attendre donc à un changement de conduite dans Bonaparte, c'est compter sur un événement qui n'arrivera jamais. Il y aurait tout autant de danger de se reposer sur les chances que pourrait fournir l'exaspération des esprits dans l'intérieur de la France contre le p[remie]r consul et l'issue de la descente en Angleterre. Ces chances sont plutôt de nature à jeter Bonaparte dans des mesures extrêmes au lieu de le rendre plus modéré. On ne saurait être plus convain-

cu que nous le sommes, qu'une union des deux cours impériales est ce qui peut le mieux arrêter Bonaparte et préserver l'Europe de son ambition ; mais pour que cette union produise l'effet désiré, il faut qu'elle donne lieu de leur part à un langage ferme et énergique au cabinet des Thuilleries, qui lui prouve qu'on est déterminé à le soutenir et à ne pas souffrir ses violences et ses empiétements ultérieurs.

Une union tacite des deux cours impériales aura beau exister, qu'elle ne produira aucun effet ; et si elle est pénétrée par l'ennemi, elle n'en attirera pas moins sur l'Autriche les inconvénients que sa position lui fait craindre. Nous entrons complètement dans cette position, et s.m. ne désire rien tant, que de la ménager autant qu'il dépendra d'elle, prenant un intérêt vif et réel à la conservation de la monarchie autrichienne et sachant que tout ce qui arriverait à son détriment ne serait qu'au plus grand avantage de l'ennemi commun. Cependant, il faut observer à cet endroit que les inconvénients que redoute la cour de Vienne pour le premier moment d'une rupture avec la France sont inévitables, si toutefois l'Autriche veut contribuer au salut de l'Europe et ne pas prendre le chemin d'une entière soumission aux vues de Bonaparte. Dans cette supposition, quoi que l'on fasse, quelque prudence et mesure que l'on mette dans la conduite que l'on suivra à Vienne, les inconvénients dont il s'agit existeront toujours, dès qu'il faudra se prononcer d'une manière qui porte réellement remède aux maux que l'on veut arrêter; la dislocation et l'état présent de l'armée autrichienne est telle qu'on ne pourra ni la compléter, ni la rendre mobile à l'insu de la France, et les préparatifs ainsi que la marche des troupes vers les frontières pourront difficilement être cachés à Bonaparte.

Les inconvénients qui découlent de ces causes étant inévitables, il ne s'agit pas de les détruire, mais de les diminuer autant que possible et de voir, s'il n'y aura pas des occasions où l'intérêt même et la sûreté de la monarchie ne commanderont pas de les affronter. La persuasion, dans laquelle le cabinet de Vienne paraît être, que Bonaparte n'entreprendra rien ni contre la Turquie, ni vers le Nord de l'Allemagne, ne saurait être avancée comme une preuve de l'inutilité du concert proposé par s.m.i. Si Bonaparte change de conduite, s'il n'exécute aucun de ses projets, ce n'en sera que mieux, et il ne résultera par là aucun inconvénient d'un arrangement éventuel, qui n'aurait d'effet que dans la supposition contraire et pour le cas précisément que ces appréhensions se réalisent. Je ne sais au reste quel bien pourrait résulter pour la cause commune si s.m., comme le paraît indiquer le ministère autrichien, s'exposait seule à une guerre avec la France en envoyant des secours à divers Etats menacés et en exécutant des expéditions partielles, sans que la cour de Vienne se crût obligée de se mêler de la lutte. Des efforts isolés, entrepris par s.m. et qui ne rentreraient pas dans les opérations d'un plan plus vaste, ne pourraient que compromettre inutilement le sort des armes de la Russie sans aucun profit réel pour le bien général de l'Europe.

S.m. i., considérant les maux et les dangers qui sont prêts à fondre sur une grande partie du globe, n'a point attendu que les puissances, qui en ont le plus à craindre, viennent lui demander ses secours, mais s'est empressée de les offrir et de déclarer son désir de concourir à toute mesure qui aurait pour but de réduire l'ambition de Bonaparte et d'en arrêter les effets. Que si pourtant il arrivait, contre tous les calculs de l'intérêt personnel, que ces mêmes puissances ne voulussent pas s'opposer efficacement aux entreprises funestes qui les regardent de plus près et contribuer à sauver l'Europe de l'abîme ouvert pour l'engloutir, l'empereur alors les verra avec douleur courir à leur perte, et libre de tout reproche vis-à-vis d'elles ne sera pas embarrassé d'aviser aux

mesures que lui dicterait la sûreté et l'avantage de ses propres Etats, en les séparant entièrement des intérêts de ses voisins qu'il perdra l'espoir si cher à son cœur de pouvoir assister avec succès.

J'ai l'honneur ...

Le p[r in]ce A. Czartoryski

Par le feldj(äger) Prochnitzki le 7(19) mai 1804.

Печат. по подлиннику.
Опубл. в купюрах Васильчиков, Семейство Разумовских, т. 3, стр. 486—488.

Перевод

Господин граф, Ваш племянник г-н Васильчиков, который повез Вам последние повеления е. в-ва, садился в экипаж, чтобы выехать отсюда, почти в тот самый момент, когда австрийский курьер, доставивший ответы [19] венского двора на последние предложения, сделанные ему с нашей стороны, прибыл в С.-Петербург. Следует признать, что эти ответы не соответствуют тому, на что надеялся государь, особенно после столь долгого ожидания и такого запоздания. Тем не менее е. в-во сожалеет о том, что прибытие австрийского курьера и сообщения, которые были сделаны после его приезда, имели место после отъезда г-на Васильчикова. Он повез собственноручное и личное письмо [20] императору и королю, в котором е. и. в-во выражал свое сожаление по поводу того, что его августейший друг и союзник проявляет, как кажется, столь мало желания договориться и объединиться в целях спасения Европы от неминуемого краха. В этом выражении сожаления и прискорбия его императорское и королевское в-во должен видеть только излияние искренних чувств, а также наилучшее доказательство того значения, которое наш августейший государь придает тесной дружбе с ним.

Те же чувства доверия и дружбы, которые побудили е. в-во обратиться непосредственно к императору Германии с целью ускорить, если возможно, ответ венского кабинета на наши последние предложения, побуждают сейчас государя повторить свои настоятельные просьбы и представления относительно их содержания.

Австрийское министерство, несомненно, ознакомило в. с-во с документами, которые граф Стадион сообщил нам здесь. Я не буду входить в последовательное обсуждение содержания памятной записки, копия которой прилагается и которая служит ответом на конфиденциальные предложения, сделанные нами венскому двору в связи с опасностями, угрожающими в настоящий момент Европе. Некоторые из аргументов, приводимых в этой записке, уже полностью опровергнуты событиями, имевшими место после ее написания. Я ограничусь замечанием, уже сделанным мною графу Стадиону во время бесед с ним по этому вопросу, о совершенной очевидности того, что ни с характером, ни с политикой и видами Бонапарта несовместима мысль о том, чтобы укреплять положение своего правительства мудрым и умеренным правлением; напротив, он явно вступил на противоположный путь и, чтобы удержаться, прибегает ко всякого рода беззакониям и насилиям, которые имели место во времена господства террора. Таким образом, надеяться на перемену в поведении Бонапарта — значит рассчитывать на то, чего никогда не случится. Было бы столь же опасно рассчитывать на шансы, которые могли бы возникнуть в связи с раздражением умов против первого консула в самой Франции и исходом истории с десантом в Англию. По своему характеру они скорее могут толкнуть Бонапарта на крайние меры вместо того, чтобы сделать его более умеренным. Мы совершенно убеждены в том, что союз двух императорских дворов — это лучшее средство остановить Бонапарта и спасти Европу от его честолюбивых замыслов; но для того, чтобы этот союз произвел желаемое действие, нужно, чтобы после его создания оба двора сделали тюильрийскому кабинету твердые и решительные заявления, которые показали бы ему, что мы полны решимости поддержать эти заявления силой и не терпеть более его беззаконий и посягательств.

Молчаливый союз двух императорских дворов может существовать сколько угодно, но это не произведет никакого действия; если же враг узнает о нем, то те неприятности, которых Австрия опасается в силу своего положения, не станут из-за этого меньшими. Мы входим в положение Австрии, и е. и. в-во ничего так не желает, как оберегать ее, насколько это будет зависеть от него, так как он проявляет живейшую и действительную заинтересованность в сохранении австрийской монархии и знает, что все, что наносит ей вред, будет только к выгоде общего врага. Однако здесь следует заметить, что неприятные последствия, которых опасается венский двор на первое время после разрыва с Францией, неизбежны, если только Австрия хочет способствовать спасению Европы, а не встать на путь полного примирения с видами Бонапарта. Если исходить из этого предположения, то, что бы ни предпринималось и как бы ни был осторожен и умерен в своих действиях венский двор, эти неприятные последствия всегда будут иметь место, едва только придется принять решение, действительно предусматривающее средство против бед, которые мы хотим предотвратить. Дислокация и со-

стояние австрийской армии в данный момент таковы, что ее нельзя ни пополнить, ни привести в состояние готовности так, чтобы Франция не знала об этом; подготовительные мероприятия, точно так же как и движение войск к границам, будет очень трудно скрыть от Бонапарта.

Поскольку неприятные последствия, проистекающие из указанных причин, неизбежны, то речь идет не о том, чтобы совершенно устранить их, а о том, чтобы уменьшить, насколько возможно, и посмотреть, нет ли обстоятельств, при которых сами интересы безопасности монархии требуют пренебречь ими. Уверенность, в которой, кажется, пребывает венский кабинет относительно того, что Бонапарт не предпримет ничего ни против Турции, ни против Северной Германии, не может явиться доказательством бесполезности соглашения о совместных действиях, предлагаемого е. и. в-вом. Если Бонапарт изменит свое поведение, если он не приведет в исполнение ни одного из своих проектов, то тем лучше, и никаких неприятных последствий не будет иметь эвентуальное соглашение, рассчитанное на противный случай, а именно—на случай, если эти опасения осуществятся. Я, наконец, не знаю, какая была бы польза для общего дела, если бы е. в-во, как это, кажется, намечает австрийское министерство, один подвергался опасности войны с Францией, оказывая помощь государствам, находящимся под угрозой, и осуществляя военные экспедиции в различные пункты, в то время как венский двор не считал бы себя обязанным принять участие в этой борьбе. Изолированные усилия, которые предпринял бы е. в-во, не будучи частью операций более широкого характера, только напрасно поставили бы под угрозу русские армии без какой-либо реальной выгоды для общего блага Европы.

Е. и. в-во ввиду бедствий и опасностей, готовых обрушиться на большую часть земного шара, не стал ожидать, когда державы, которые более других должны опасаться этого, попросят его о помощи, а сам поспешил предложить ее и объявить о своем желании содействовать любому мероприятию, целью которого было бы обуздать властолюбие Бонапарта и не допустить осуществления его намерений. Если, однако, вопреки всем соображениям собственной выгоды, эти державы не захотят действенным образом воспротивиться пагубным предприятиям, прежде всего касающимся именно их, и способствовать спасению Европы от бездны, разверзнувшейся, чтобы поглотить ее, император, с болью глядя на то, как они стремятся к своей собственной гибели, и зная, что им не в чем упрекнуть его, без труда наметит меры, диктуемые безопасностью и пользой его собственных владений, совершенно отделив их от интересов своих соседей, поскольку утратит столь дорогую его сердцу надежду — успешно прийти к ним на помощь.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

С фельдъегерем Прохницким 7(19) мая 1804 г.

18. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

25 апреля (7 мая) 1804 г.

Monsieur le comte! Par la réponse [15] de la cour de Vienne à nos propositions confidentielles que le comte de Stadion nous a communiquée dernièrement, l'empereur a été instruit, entre autres, des démarches que cette cour avait jugé à propos de faire préalablement auprès de celle de Londres, pour en obtenir des subsides, ainsi que du peu de succès dont ces démarches furent accompagnées [21]. Saisissant avec empressement toutes les occasions qui se présentent pour obliger son intime allié, s. m. i. se charge volontiers du soin de poursuivre cette négociation à Londres et d'employer tous les bons offices qui dépendront d'elle pour engager le gouvernement britannique à prendre en considération les ouvertures confidentielles qui lui furent faites par la cour impériale et royale, se proposant de s'en acquitter de manière à ne compromettre aucunement ni le secret ni la dignité de son intime allié.

L'empereur, en se chargeant de cette intervention, croit néanmoins devoir le prévenir d'avance que ses efforts auprès du gouvernement britannique pour le porter à se prêter au désir de la cour de Vienne ne pourront avoir de suite, qu'autant que celle-ci se montrera déterminée à embrasser l'accord *, auquel

* См. док. 15.

s. m. i. l'a invitée, vu que ce motif serait le seul capable d'amener la cour de Londres au point désiré.

V. ex. voudra bien s'expliquer dans ce sens avec Mr le comte de Cobenzl. Elle préviendra en même temps ce ministre de la nécessité pour la cour de Vienne d'entrer en relation directe avec le cabinet de St. James après que celui-ci, ayant consenti à lui payer ses subsides, il sera question d'en déterminer l'époque.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Par le feldj(äger) Prochnitzki le 7(19) mai 1804.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин граф! Из сообщенного нам недавно графом Стадионом ответа[15] венского двора на наши конфиденциальные предложения император узнал, между прочим, о предварительных демаршах, которые этот двор счел нужным предпринять перед лондонским двором с целью получить от него субсидии, а также о том, что эти демарши имели мало успеха[21]. Спеша воспользоваться любым представляющимся случаем оказать услугу своему ближайшему союзнику, е. и. в-во охотно берет на себя заботу продолжить переговоры по этому вопросу в Лондоне и употребить все зависящие от него добрые услуги, чтобы побудить британское правительство принять во внимание конфиденциальные предложения, которые были ему сделаны императорским и королевским двором; император рассчитывает сделать это так, чтобы никоим образом не поставить под угрозу секретность этого дела и достоинство своего ближайшего союзника.

Император, беря на себя это посредничество, считает своим долгом, тем не менее, заранее предупредить, что его усилия, направленные на то, чтобы убедить британское правительство пойти навстречу пожеланиям венского двора, смогут дать результат только в том случае, если этот последний выразит готовность заключить соглашение *, которое е. и. в-во предложил ему, так как только этот довод может склонить лондонский двор к желательному решению.

Соблаговолите, в. с-во, объясниться в этом смысле с г-ном графом Кобенцлем; одновременно предупредите этого министра, что венскому двору необходимо будет войти в непосредственные сношения с сент-джемским кабинетом после того, как последний согласится выплачивать субсидии и встанет вопрос об установлении сроков их выплаты.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

С фельдъегерем Прохницким 7(19) мая 1804 г.

Договор о вступлении Имеретии в российское подданство

25 апреля (7 мая) 1804 г.

Дубровин, Закавказье, стр. 525—528.

Александр I Францу II

25 апреля (7 мая) 1804 г.

Подтверждение получения письма Франца II от 1 апреля 1804 г.[16] Изложение обязательств, которые готова взять на себя Россия, и обещание придти на помощь Австрии в случае нападения на нее Франции, если даже соглашение к этому времени не будет заключено.

Beer, Österreich und Russland, S.63—64.

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

25 апреля (7 мая) 1804 г.

Соображения по поводу возможности присоединения к России Поти, Батуми и Анаклии.

АКАК, т. 2, стр. 471.

19. Посол в Вене А. К. Разумовский товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

№ 189 *27 апреля (9 мая) 1804 г.*

Mon prince, le départ du c[om]te de Bulgarie ayant été retardé de 24 heures, j'en profite pour rendre compte à v. ex. de mon audience chez l'empereur et de mes conférences avec les ministres comtes de Colloredo et de Cobenzl. S. m. i. a écouté avec beaucoup d'attention tout ce que je lui ai dit pour accompagner la lettre[20] que j'ai eu l'honneur de lui présenter. J'ai tâché de lui peindre des couleurs les plus vives la position politique, dans laquelle il se trouve, pour l'engager à saisir les moyens propres à l'améliorer en profitant des sentiments généreux et des dispositions énergiques de notre auguste maître. S. m., en appréciant ces dernières, s'est attachée à me retracer tout ce que sa position particulière vis-à-vis de la France exigeait de ménagements et de circonspection pour ne pas l'exposer aux premières atteintes du ressentiment d'une puissance dont la masse et les moyens étaient si disproportionnés avec ceux qu'il pouvait leur opposer. S. m. m'a répété à plusieurs reprises, et cette assurance paraissait être son argument favori, qu'elle avait mis toute la franchise possible dans ses dernières explications[18] vis-à-vis de notre cour, et qu'elle attendait avec impatience d'apprendre comment elles avaient été accueillies, en me témoignant sa surprise et ses regrets sur le retard du courrier qui en avait été porteur. Dans mon entretien avec le c[om]te de Colloredo faisant usage du même raisonnement, auquel il répliqua à peu près dans les mêmes termes que son auguste maître, j'ai cru cependant devoir insister plus particulièrement sur une réponse catégorique, touchant les intentions de cette cour-ci en conformité de celles qu'annonce la nôtre. Je lui observai, que, si leurs dernières explications étaient franches et détaillées quant aux moyens, on ne pouvait disconvenir qu'elles ne fussent vagues et indéterminées sur l'époque où ces moyens pourraient être joints à ceux que nous leur offrions, et que je ne pouvais, ni ne devais dissimuler que l'empereur mon maître plein de confiance dans les sentiments et la loyauté de son auguste allié, avait à cœur de connaître l'époque où ce dernier se croirait à même d'en donner des preuves analogues aux vues et aux intentions de l'empereur mon maître pour le bien général de l'Europe. Le c[om]te de Colloredo, pressé par mes instances, me dit et m'autorisa d'en rendre compte à ma cour que, dès ce qu'on recevrait ici des réponses à cet éternel courrier qui n'arrive jamais, on m'en donnerait de plus positives sur l'objet de ma demande. Ce ministre, prenant ensuite avec moi un ton tout à fait amical et confidentiel, à titre d'ancienne connaissance, me dit: «Convenez que Vous nous soupçonnez d'une grande timidité et de manque d'énergie». La question était étrange, je n'en fus point fâché, et je n'hésitais pas sur l'affirmative. Il m'en sut gré et me répliqua: «Eh bien, soyez persuadé que vous n'aurez point à nous faire ce reproche, mais il faut nous donner le temps de prendre nos mesures, de les bien concerter avec vous, en dérobant à la connaissance des Français tout ce que nous jugerons convenable de déterminer». Sans m'étendre ici sur tout ce que m'a dit le c[om]te de Cobenzl, qui ne serait qu'une répétition de ce que je viens de dire à v. ex., je remarquerai qu'il m'a fait la même interrogation que son collègue sur la timidité et le manque d'énergie, que j'y ai répondu de même et en ai reçu les mêmes assurances pour l'avenir. Il est une circonstance plus essentielle de mon entretien avec ce dernier, dont je ne dois point omettre de Vous informer, mon prince. En repassant dans la conversation tout ce qui pourrait serrer et affermir les liens d'une nouvelle coalition, il me dit d'un ton d'hésitation: «J'ai eu une idée, je ne sais pas si Vous l'approuverez. Ne pourrait-on pas engager la Prusse à

se joindre à nous? Toutes les rivalités doivent être mises de côté; il n'est plus question pour nous de courir après la Silésie, un plus grand objet doit nous occuper ; nous serions de bonne foi dans la réunion des efforts qu'il exige, mais il faudrait se garantir de la perfidie et de la duplicité du cabinet de Berlin, et c'est au vôtre qu'appartient cette tâche; ce serait également à lui que nous voudrions déférer le soin de porter la parole vis-à-vis de la Prusse et de la lier de manière à n'avoir rien à redouter de sa politique fallacieuse dont nous avons fait si souvent une funeste expérience». Après l'avoir écouté attentivement, je lui répliquai qu'en mon particulier j'étais bien loin de désapprouver son idée, et que je pensai que susceptible de développement, il pourrait convenir qu'elle fût portée à la connaissance de l'empereur mon maître, et le c[om]te de Cobenzl, accueillant mon opinion, me dit qu'il en ferait l'objet d'une ouverture en profitant du courrier dont il m'a depuis bien des jours annoncé l'expédition, et qu'il se propose d'effectuer ces jours-ci. Il m'a fait lecture d'une note[22] dont l'empereur m'avait parlé à mon audience. Elle est adressée à tous les ministres de cette cour-ci à Ratisbonne pour les autoriser à se joindre à l'office que la nôtre a prescrit au résident Klüpffell *. Le c[om]te de Cobenzl, après l'avoir lue, prévint la réflexion que j'allais faire, en me disant : «Vous la trouverez douce et modérée, mais nous l'avons faite ainsi pour nous assurer la pluralité des voix que nous aurions craint de ne pas réunir, si elle avait été faite plus forte et plus positive». Mon silence lui témoignant suffisamment que je n'étais point de son avis, et qu'il me paraissait inutile de discuter un motif qui se rapportait davantage à un système général qu'à cette circonstance particulière, je me bornai à lui demander une copie de cette note pour la transmettre aujourd'hui à ma cour; il me la promit et j'espère qu'elle parviendra à temps pour la joindre à cette dépêche, mon prince.

Les nouvelles de la santé de l'archiduc Charles sont plus alarmantes aujourd'hui qu'hier. On ne dit pas précisément que ses jours soient en danger mais on redoute l'apoplexie dans ses fréquents accès, et quand même il y échapperait, il paraît hors de doute que la maladie sera suivie d'une longue convalescence et d'un grand affaiblissement d'organes. Le c[om]te de Cobenzl lui-même est tourmenté d'une forte attaque de goutte qui le retient dans son lit, et l'empereur a dû se rendre chez lui à la suite des communications dont j'ai été chargé.

Agréez, mon prince, les assurances réitérées des sentiments de considération et d'attachement avec lesquels j'ai l'honneur...

C[omte] de Rasoumoffsky

Получено 18 мая 1804 г.

Печат. по подлиннику.

Опубл в купюрах Васильчиков, Семейство Разумовских, т. 3, стр. 484—486.

Перевод

Князь, пользуясь тем, что отъезд графа Булгари был отложен на сутки, я сообщу в. с-ву о моей аудиенции у императора и моих беседах с министрами графом Коллоредо и графом Кобенцлем. Е. и. в-во с большим вниманием выслушал все, что я ему сказал при передаче письма[20], которое имел честь ему вручить. Я постарался обрисовать ему как можно убедительнее политическое положение Австрии с целью побудить его употребить средства, способные улучшить это положение, используя благородные чувства нашего августейшего государя и его решительные намерения. Е. в-во, отдав должное этим чувствам, начал говорить мне об осторожности и осмотрительности, которые он должен соблюдать в его особом положении по отношению к Франции, чтобы не пострадать в результате первых приступов ярости со сто-

* См. док. 1.

роны державы, чьи силы и средства в такой степени превосходят то, что он может ей противопоставить. Е. в-во несколько раз повторил (это заверение является, кажется, его излюбленным аргументом), что он был очень откровенен в своих последних объяснениях[15] с нашим двором и что он с нетерпением ожидает известий о том, как они были приняты, и выразил мне свое удивление и сожаление по поводу задержки курьера, который их вез. В беседе с графом Коллоредо я использовал те же доводы, и он ответил мне почти в тех же выражениях, что и его августейший государь; однако я счел нужным более настойчиво требовать определенного ответа относительно намерений этого двора в связи с намерениями, выраженными нашим двором. Я заметил ему, что если их последние объяснения были откровенными и подробными в том, что касается средств, то нельзя не признать, что они были неясными и неопределенными в отношении времени, когда эти средства могли бы быть присоединены к тем, которые мы им предлагали; я сказал далее, что не могу и не должен скрывать, что император, мой государь, преисполненный доверия к чувствам и чистосердечию своего августейшего союзника, весьма желал бы знать, когда этот последний сочтет для себя возможным дать этому доказательства, отвечающие видам и намерениям императора, моего государя, в отношении общего блага Европы. Граф Коллоредо, вынуждаемый моими настояниями, сказал мне, позволив сообщить об этом моему двору, что, как только здесь получат ответы на почту, отправленную с этим «вечным» курьером, который никак не доедет, мне дадут более определенный ответ на мой запрос. Затем этот министр, перейдя на совершенно дружеский и конфиденциальный тон, как старому знакомому сказал мне: «Согласитесь, что Вы подозреваете нас в большой робости и нерешительности». Вопрос был странный, но я нисколько не смутился и, не колеблясь, ответил утвердительно. Он выразил мне свою признательность за это и возразил: «Будьте уверены, что вам не придется упрекать нас в этом, но нужно дать нам время принять свои меры, хорошенько согласовать их с вами, скрывая от французов все те решения, которые мы сочтем нужным принять». Не распространяясь здесь относительно всего того, что сказал мне граф Кобенцль, так как это было бы простым повторением того, о чем я только что написал в. с-ву, замечу, что он задал мне такой же вопрос, как и его коллега, относительно робости и нерешительности, на который я дал такой же ответ и получил такие же заверения в отношении будущего. Есть одно более существенное обстоятельство, относящееся к моей беседе с последним, о котором мне следует, в. с-во, уведомить Вас. Во время разговора, снова говоря о том, что могло бы укрепить и сделать более тесными узы новой коалиции, он сказал мне нерешительным тоном: «У меня есть одна идея, не знаю, одобрите ли Вы ее. Нельзя ли попытаться побудить Пруссию присоединиться к нам? Всякое соперничество должно быть позабыто, для нас больше не стоит вопрос о том, чтобы добиваться Силезии, нас должна занимать более важная цель. Мы будем искренни в объединении усилий, которого эта цель требует, но следовало бы гарантировать себя от вероломства и двуличия берлинского кабинета, и это надлежит сделать вашему кабинету; кроме того, мы желали бы, чтобы он же вел переговоры с Пруссией и связал ее такими обязательствами, чтобы можно было совершенно не опасаться ее лживой политики, которую нам столь часто приходилось испытывать на собственном печальном опыте». Внимательно выслушав его, я заметил, что лично я весьма далек от того, чтобы не одобрять его идею, и думаю, что ее можно развить и тогда, возможно, довести до сведения императора, моего государя; граф Кобенцль, согласившись с высказанным мною мнением, сказал, что он сделает это предметом соответствующего предложения, воспользовавшись курьером, об отправке которого объявил мне уже несколько дней тому назад и которого он собирается отправить в ближайшие дни. Он зачитал мне ноту[22], о которой император говорил мне во время аудиенции. Она адресована всем посланникам этого двора в Регенсбурге и уполномочивает их присоединиться к демаршу, предписанному нашим двором резиденту Клюпфелю*. Зачитав ее, граф Кобенцль предупредил замечания, которые я хотел сделать, сказав мне: «Вы найдете ее мягкой и слишком умеренной, но мы сделали так с целью обеспечить большинство голосов, так как мы опасались, что не смогли бы его собрать, если бы она была составлена в более сильных и определенных выражениях». Мое молчание достаточно свидетельствовало о том, что я не согласен с ним и что я считал бесполезным обсуждать вопрос, относящийся скорее к общей системе, нежели к этому частному обстоятельству. Я ограничился тем, что попросил у него копию этой ноты, чтобы переслать ее сегодня моему двору. Он обещал мне ее, и я надеюсь, князь, что получу ее своевременно, чтобы приложить к этой депеше.

Сегодняшние известия о состоянии здоровья эрцгерцога Карла более тревожны, чем вчерашние. Прямо не говорят, что его жизнь в опасности, но опасаются апоплексии в связи с частыми приступами, и даже если он этого избежит, то кажется несомненным, что за болезнью последует длительное выздоровление и сильное ослабление организма. Сам граф Кобенцль страдает сильным приступом подагры, которая удерживает его в постели, и император должен был сам отправиться к нему в связи с теми сообщениями, которые мне было поручено сделать.

Примите, князь, новые заверения в чувствах уважения и преданности, с которыми имею честь ...

Граф А. Разумовский

4*

20. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Лондоне С. Р. Воронцову

30 апреля (12 мая) 1804 г.

Милостивый государь граф Семен Романович. Прежде отправления к в. с-ву сего курьера я нужным счел объясниться с аглинским послом по содержанию депеш[23], к Вам посылаемых, о необходимости, чтобы аглинский двор вспомоществовал субсидиями тем державам, кои бы приняли участие в войне противу Франции, вследствие чего получил я по тому предмету конфиденциальное письмо[24] от кавалера Варрена, коим извещает он меня о данном ему поручении от двора его трактовать оное дело здесь. В сем письме, ничего решительного не определяющем, полагается, однако, основанием к даче субсидий то время, когда обе империи вместе с Пруссиею утвердят союз на содейственное ополчение противу общего врага. На другой же день после получения мною сего отзыва, посол, быв у меня, в разговорах, между прочим, в откровенности коснулся о готовности Англии снабдить субсидиями союзных держав, кои решатся теперь же обратить оружие противу Франции, приняв за правило приведение всего *in status quo ante bellum*.

Оба сии предложения, учиненные аглинским послом, весьма затруднительно принять за основание для условий о субсидиях. Первое — потому, что хотя предвидится возможность убедить венский двор ко взаимному содействию с нами, но чтоб приступил к тому в то же время берлинский двор, не прежде надеяться должно как по долговременным внушениям и постепенно убедясь стечением обстоятельств; а потому, естьли аглинское министерство захочет ожидать соглашения Австрии с Пруссиею к деятельным мерам и не иначе подастся на вспоможение субсидиями, то в таковом случае ничего теперь предварительно не будет заключено, и венский двор, не видя себя обеспеченным в даче тех субсидий, ему необходимо нужных, не приступит к плану, который был бы оному предложен. Излишним нахожу я останавливаться здесь изложением всех вредных последствий, кои сие за собою повлечет, ибо в. с-во сами оные легко представить себе можете и не упустите, конечно, объяснить тамошнему министерству.

Второе предложение неудобно потому, что могущество Франции и быстрые успехи ее предприятий устрашили до такой степени тех держав, кои более имеют причины опасаться и кои по положению своему должны необходимо первые действовать, что ни одна из них не решится начать войну наступательную, и по сей-то существенной причине, зная боязливость и нерешимость, существующую в кабинетах тех держав, едва мы надеемся склонить их к ополчению, внушая необходимость противостать Франции тогда токмо, когда бы войска ее покусились преступить черту, за которою ныне находятся.

Государь император поручает в. с-ву объяснить все сии доводы аглинскому министерству и убедить оное к признанию необходимости, чтобы сделано было венскому двору без отлагательства или чрез посредство наше или прямо предложение о готовности дать субсидии на случай, естьли бы оный решился на союз, о котором предстоит от нас речь.

Податливостию таковою сент-жемского кабинета австрийское министерство ободрившись, без всякого сомнения, побудится к скорейшей решимости на соглашение к соучастию в положении препон дальнейшему распространению властолюбивых видов первого консула; напротив того, предложениями начать действие немедленно устрашится оный совершенно и, увеличивая себе опасность, ему от того предстоящую, отклонится от всякой меры. В дополнение к сим соображениям нужно ко вниманию аглинского министерства присовокупить: что, как теперь австрийская армия совершенно на мирной ноге, то, чтобы поставить оные в возможность деятельно и успеш-

но действовать, сколько я мог понять из пояснений по предмету сему посла графа Стадиона, венский двор должен употребить до 40 миллионов флоринов, кампания же каждая не менее обойдется как во 100 миллионов, следовательно и может Англия сим надобностям соразмерить число субсидий или сообразоваться тем, кои она дала сему двору в последнюю войну. Одно токмо то обстоятельство должно необходимо приметить, что расстроенное положение финансов Австрии не позволит ей принять субсидий по прежним примерам в виде займа; сверх сего кондиционального соглашения с венским двором, Англия должна сознать необходимость состоять в подобных и на таковой же конец с другими державами в Севере Германии и в Италии на случай, естьли бы оные приняли участие в общем деле, к чему государь император не престанет употреблять деятельнейшие меры склонить их; но для вящшего успеха в внушениях е. в-во желал бы быть в известности о пособиях, которые Англия полагает которой-либо из оных сделать. Государь император, не желая ни мало препятствовать Англии в непосредственных ее сношениях по сим делам, находит, однако же, что на таковые лондонского двора некоторые державы, а наипаче первейшие имперские князья с трудностию станут подаваться, ибо всегда будут приписывать тут личные выгоды Англии. Напротив того, естьли сент-жемский кабинет предоставит России действовать в сих негоциациях, то, зная уверительно, что она по тем делам приемлет участие единственно токмо для того, чтобы охранить Европу от совершенного потрясения и обеспечить целость и независимость тех самых держав, подадут веру ее внушениям и с большею охотливостию склонятся на соглашение, кое им предложено будет.

Хотя теперь в союзах к общему содействию и не полагается первым основанием восстановление *status quo ante bellum*, со всем тем не должно терять надежды, чтобы со временем не сообразить средства и меры к принуждению французов войти в пределы свои и оставить Европу спокойною. Таковаго события более ожидать должно от обстоятельств и от успехов, кои иметь будут действующие державы, естьли же настоять ныне предварительно в том, то слабость и опасения многих кабинетов соделают сей предмет безуспешным, а между тем не достигнем и нужнейшей цели, состоящей в положении препон к дальнейшим завоеваниям Французской республики, кои для самой Англии не безвредны.

Союз, имеющий в виду сие токмо намерение, должен составить первейшее теперь попечение, ибо, утвердивши оный и укрепившись со временем мало-помалу содействием многих дворов, из коих даже удаляющиеся ныне от всякого соглашения, увидев соединенными обе империи, не упустят воспользоваться случаем и присовокупиться к оным, тогда представится легчайшая возможность изыскать средства и положить на твердой мере соглашение к достижению и другого предмета.

Государю императору весьма приятно будет известиться без отлагательства о дальнейших откровениях сент-жемского кабинета, кои сочтет он нужными учинить по сим предметам, равномерно иметь подробные объяснения о началах, до того относящихся, на которых должно основываться.

Сообщая о сем в. с-ву и изложив в сей депеше разные рассуждения для внушения лондонскому министерству, я уверен, что, присовокупив к оным те, кои дознанная опытность Ваша и благоразумие необходимыми Вам покажут, успеете Вы в совершении возлагаемого на Вас по высочайшей воле поручения, о чем с нетерпеливостию ожидать будем здесь уведомления Вашего.

Пребываю ...

К[нязь] Адам Чарторыский

Получено с фельдт-егерем Ратинским 5 июня н[ового] ш[тиля] 1804 г.
Печат. по подлиннику.
Опубл. Арх. кн. Воронцова, т. XV, стр. 172—176.

Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Лондоне С. Р. Воронцову

30 апреля (12 мая) 1804 г.

Соображения о действиях Англии в Египте и обстоятельствах гибели Али-паши Александрийского.

Поведение командования английских войск в Египте в деле Али-паши вызвало недовольство турецкого правительства и дало Франции повод возбудить подозрения Порты относительно намерений английского правительства. Изложение беседы реис-эфенди с русским посланником в Константинополе по этому вопросу.

Арх. Воронцова, кн. XV, стр. 185—187.

Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Лондоне С. Р. Воронцову

30 апреля (12 мая) 1804 г.

Соображения о целесообразности привлечения Швеции к участию в коалиции и предоставления ей субсидий.

Арх. Воронцова, кн. XV, стр. 182—184.

Нота поверенного в делах в Париже П. Я. Убри министру иностранных дел Франции Талейрану

30 апреля (12 мая) 1804 г.

Протест против ареста и расстрела герцога Энгиенского.

Сб. РИО, т. 77, стр. 593—595.

Поверенный в делах в Париже П. Я. Убри товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

1(13) мая 1804 г.

Отчет о беседе с Талейраном, в ходе которой Убри потребовал выполнения французским правительством обязательств, принятых им по отношению к России, и вручил ноту[8] с протестом против ареста герцога Энгиенского.

Сб. РИО, т. 77, стр. 595—604.

21. Вербальная нота [товарища министра иностранных дел А. А. Чарторыйского] шведскому послу в С.-Петербурге Штедингу

2(14) мая 1804 г.

L'ouverture confidentielle[**] faite par s. ex. Mr l'ambassadeur de Suède, ayant de suite été portée à la connaissance de l'empereur, s. m. i. a été très sensible à la confiance que s. m. le roi de Suède veut bien lui témoigner et s'empresse d'y répondre avec une parfaite réciprocité, charmée de pouvoir donner à cette occasion des preuves non équivoques des sentiments d'amitié et d'estime qu'elle professe pour s. m. suédoise.

Mr le baron de Steding, en faisant part au ministère impérial du danger que le roi son maître prévoyait pour la Poméranie Suédoise qui, par sa localité et la position de la forteresse et du port de Stralsund, présentait un appât

qui peut être convoité par le premier consul, a demandé au nom de s. m. suédoise si elle pouvait compter sur l'assistance de la Russie en cas que les Français dirigeassent leurs opérations militaires sur la Poméranie, et indiqua l'introduction d'un corps de troupes russes dans ce duché comme le moyen le plus propre à le préserver d'une invasion française. Le ministère impérial est autorisé à participer à s. ex. que l'empereur, ne se dissimulant pas l'extrême facilité qu'aurait le premier consul à pousser jusqu'en Poméranie une partie de ses troupes stationnées dans l'électorat de Hannovre, partage à ce sujet les appréhensions de s.m. suédoise et n'hésite pas de l'assurer qu'ayant fort à cœur de lui donner des marques évidentes de son amitié, il était prêt à le secourir au moindre indice de l'approche du danger. Mais pour asseoir solidement son opinion sur le nombre de troupes russes qui pourrait être suffisant à cet emploi, il serait préalablement nécessaire de connaître les forces suédoises destinées à la défense de cette province et nommément à la garde de Stralsund.

L'empereur attendra donc des explications plus précises de la part de s.m. suédoise pour donner suite à cette négociation avec toute la célérité que les circonstances semblent exiger. Il croit, en attendant, devoir lui communiquer son opinion sur les moyens qui lui paraissent les seuls propres à mettre fin aux anxiétés qui doivent nécessairement tourmenter tout le Nord de l'Allemagne. Convaincue que les Etats de cette partie de l'Empire germanique, qui se sont jusqu'à présent soustrait au joug français, ne sauraient à la longue éviter d'en devenir la proie, s'ils ne déploient de leur côté une énergie proportionnée à la gravité du danger qu'ils courent, persuadée en même temps que la situation alarmante, dans laquelle ils se trouvent, doit nécessairement se prolonger pour autant que les troupes françaises continueront de séjourner dans l'électorat de Hanovre, s.m.i. serait d'avis qu'en cas d'agression par les Français, les hostilités une fois commencées, on ne se bornât pas à la seule défense des pays qu'il leur plairait d'attaquer, mais qu'après avoir pourvu à la sûreté de la Poméranie Suédoise il serait instant de songer à libérer tout le Nord de l'Allemagne de la présence des troupes françaises et détruire ainsi dans leurs sources des sujets d'alarmes qui pourront sans cela renaître continuellement. L'empereur rend trop de justice au caractère noble et énergique de s.m. le roi de Suède pour n'être pas persuadé d'avance de son intention, dans le cas que la conduite ultérieure du gouvernement français nécessitât des mesures communes entre la Russie et les puissances du Nord de l'Allemagne, de contribuer aussi par ses moyens à atteindre un but aussi salutaire pour l'Allemagne que rassurant pour les puissances riveraines de la Baltique qui certes doivent porter un œil attentif sur les projets ultérieurs de Bonaparte dans ces contrées.

S.m.i. apprendra avec intérêt l'opinion de s.m. suédoise sur cet objet important et ne saurait mieux prouver son désir d'écarter les difficultés qui pourraient mettre obstacle aux déterminations de ce souverain qu'en le prévenant que, si pour parer aux dépenses extraordinaires qu'exigerait le transport des troupes suédoises et leur emploi en Allemagne, le roi jugeait avoir besoin de secours pécuniaires de l'Angleterre, l'empereur est prêt à lui en faciliter la négociation, et son ambassadeur à Londres sera instruit d'appuyer les démarches que le ministre de Suède, résidant dans cette capitale, pourra faire à cet égard auprès du ministère britannique.

S.m.i., allant ainsi au-devant de ce qui peut être utile à la cour de Stockholm, se félicite d'avoir trouvé une occasion de mettre dans tout son jour la sincérité de ses sentiments pour s. m. le roi de Suède.[26]

Помета Александра I: Быть по сему.
Мая 2 дня 1804 г.

Вручена на конференции мая 2 дня 1804 г.
Печат. по отпуску.

Перевод

Конфиденциальное сообщение[25], сделанное е. пр-вом г-ном послом Швеции, было незамедлительно доведено до сведения императора; е. и. в-во был весьма тронут доверием, проявленным е. в-вом королем шведским по отношению к нему, и спешит ответить на это полной взаимностью, радуясь возможности дать по этому случаю самые недвусмысленные доказательства чувств дружбы и уважения, которые он питает к его шведскому в-ву.

Г-н барон Штединг, сообщив императорскому министерству о том, что король, его государь, предвидит опасность для Шведской Померании, которая в силу своего местоположения и позиции, которую представляет собой крепость и порт Штральзунд, является весьма лакомым куском, на который может позариться первый консул, спросил от имени его шведского в-ва, может ли его государь рассчитывать на помощь России в случае, если французы начнут свои военные операции против Померании, и указал на ввод корпуса русских войск в это герцогство как на лучшее средство защитить его от нападения французов. Императорское министерство уполномочено сообщить е. пр-ву, что император, понимая, что первый консул легко мог бы направить в Померанию часть своих войск, расположенных в курфюршестве Ганноверском, разделяет опасения его шведского в-ва на этот счет и, не колеблясь, заверяет его, что, желая дать очевидные доказательства своей дружбы, готов прийти ему на помощь при малейшем признаке приближения опасности. Но чтобы составить обоснованное мнение о количестве русских войск, необходимых для этой цели, нужно предварительно знать, какие шведские силы выделены для обороны этой провинции, и в частности для охраны Штральзунда.

Император будет, следовательно, ожидать более точных разъяснений его шведского в-ва, чтобы дать ход этим переговорам со всей возможной поспешностью, которой, видимо, требуют обстоятельства. В ожидании этого он считает нужным сообщить свое мнение о мерах, единственно, по его мнению, пригодных для того, чтобы положить конец тому беспокойству, которое терзает, без сомнения, весь север Германии. Будучи убежден, что государства этой части Германской империи, до настоящего времени не подпавшие под французское иго, не смогут в конце концов избежать этого и станут добычей французов, если не проявят со своей стороны энергии, соответствующей серьезности нависшей над ними опасности, и будучи в то же время уверен, что эта опасность будет существовать до тех пор, пока французские войска остаются в курфюршестве Ганноверском, е. и. в-во полагает, что, если в случае нападения французов начнутся военные действия, нельзя будет ограничиться только защитой тех стран, на которые французам вздумается напасть, но следовало бы, обеспечив безопасность Шведской Померании, подумать о том, как освободить от французских войск весь север Германии и уничтожить таким образом источник причин для беспокойства, которые в противном случае будут возникать снова и снова. Император слишком хорошо знает благородный и решительный характер е. в-ва короля Швеции, чтобы не быть заранее уверенным в том, что он намерен в случае, если дальнейшие действия французского правительства вызовут необходимость совместных мер России и держав Северной Германии, содействовать своими силами достижению цели, столь же спасительной для Германии, как и успокоительной для держав, расположенных на побережье Балтийского моря, которые, конечно, должны внимательно следить за дальнейшими планами Бонапарта относительно этих областей.

Е. и. в-ву будет интересно узнать мнение его шведского в-ва по этому важному вопросу, и он не мог бы лучше доказать свое желание устранить трудности, которые могли бы препятствовать принятию решения этим государем, чем предупредив его заранее, что если король сочтет, что для покрытия чрезвычайных расходов, потребных для перевозки шведских войск и их использования в Германии, ему нужна денежная помощь Англии, император готов помочь ему в переговорах об этом, и русский посол в Лондоне получит указание поддерживать демарши, которые посланник Швеции в этой столице может предпринять на этот счет перед британским министерством.

Е. и. в-во, идя, таким образом, навстречу стокгольмскому двору в том, что может оказаться ему полезным, счастлив, что ему представился случай доказать всю искренность своих чувств по отношению к е. в-ву королю шведскому[26].

Письмо сербских старейшин посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

3(15) мая 1804 г.

Просьба помочь сербам в их борьбе против турецкого гнета.

М. Вукићевић, Карађорђе, кн. I, стр. 402—406.

Нота министра иностранных дел Франции Талейрана поверенному в делах России в Париже П. Я. Убри

16 мая 1804 г.

Отклоняется протест русского правительства по поводу ареста герцога Энгиенского французскими властями, заявленный в ноте Убри Талейрану от 30 апреля (12 мая) 1804 г.[8] Заявляется, что так как Бонапарт не вмешивается во внутренние дела России, то и Александр I не должен вмешиваться во внутренние дела Франции. Бонапарт не желает войны, но если ему навяжут ее, то «...он предпочтет ее такому положению вещей, которое клонилось бы к нарушению равенства между великими державами в ущерб Франции». В ноте содержался также намек на причастность Александра I к убийству Павла I.

Опубл. Сб. РИО, т. 77, стр. 606—609.

22. Докладная записка товарища министра иностранных дел А. А. Чарторыйского Александру I

№ 195 *Не позднее 5(17) мая 1804 г.*

Les avis, que l'on reçoit de tous côtés, s'accordent à nous annoncer un changement prochain dans la forme du gouvernement français. La nouvelle constitution qu'on y prépare doit mettre la couronne impériale sur la tête de Buonaparte et fixer l'hérédité dans sa maison. Un tel événement, s'il a lieu, est trop intéressant pour l'Europe entière pour qu'on puisse négliger d'en discuter les conséquences et tracer d'avance la ligne que l'on suivra dans nos rapports avec la France. Le rétablissement d'une monarchie héréditaire en France doit produire un double avantage pour toutes les nations européennes: le premier, de leur prouver l'absurdité des systèmes (soit dits) régénérateurs qui après de fortes et périlleuses commotions finissent par ramener l'Etat au même point, d'où il était parti, et par y replacer le même ordre de choses dont il voulait s'affranchir. L'exemple de la France servira sans doute à détruire cette malheureuse tendance vers les innovations qui agite, au temps où nous vivons, toutes les classes de la société, et à les rattacher aux anciennes institutions. Son second résultat, non moins important, sera de susciter à Buonaparte des embarras dans l'intérieur, qui pourront le forcer d'ajourner du moins ses idées de domination universelle. En se plaçant sur le trône des Bourbons, il aura consommé son usurpation, mais en même temps il donnera l'éveil à tous les partis que l'opinion sur la forme du gouvernement partage en France. Jacobins, républicains et royalistes, tous seront portés à examiner ses droits à la couronne de France. Un pareil examen, dans une nation aussi susceptible d'exaspération, donnera des inquiétudes au nouveau souverain et, l'obligeant à régner militairement, le fera détester de plus en plus. Un sceptre de fer dans des mains habiles comprime pour un temps le mécontentement, mais ne détruit pas la haine et ne saurait toujours en prévenir les effets.

La résolution de Bonaparte de prendre place parmi les monarques de l'Europe ne peut donc qu'amener des chances favorables pour l'indépendance du continent. Mais on peut en retirer plus ou moins d'avantages d'après la conduite qu'on aura adoptée.

Si Bonaparte, avant de prendre son parti, avait la patience de sonder les dispositions des principales cours de l'Europe, il serait peut-être convenable, lorsqu'il s'adressera à nous, de donner une réponse insignifiante qui, ne nous engageant à rien, ne soit pas de nature cependant à décourager le premier consul. Un fait, non encore arrivé, ne peut pas fixer l'opinion; d'ailleurs, l'objet est d'une telle importance qu'il semble prudent d'attendre pour se décider

qu'il ait eu lieu. Des phrases pareilles ou telles autres de cette nature rempliraient, ce me semble, le but. L'exemple des souverains de la Prusse qui ne sont parvenus à se faire reconnaître *rois* par les autres puissances de l'Europe, qu'après de longues négociations, les difficultés qu'a fait la France d'accorder le *prédicat de majesté impériale* qui appartient sans contredit à l'empereur de Russie, sont autant de réflexions à mettre en avant, au cas que le ministre de France pressât notre décision. Une réponse évasive, mais qui laisse entrevoir la nécessité d'une négociation, est celle qu'il conviendrait, ce me semble, de donner à Bonaparte en cas qu'il fasse sonder nos dispositions avant que de ceindre le diadème. Mais s'il nous fait notifier son avènement au trône, après qu'il s'y sera placé, l'interruption des relations officielles devra lui prouver qu'on ne sera pas empressé à lui aplanir la voie, dans laquelle il s'est glissé. En n'acceptant pas les nouvelles lettres de créance du ministre de France, on le placerait pour un temps dans la classe des étrangers de distinction résidant en Russie, et notre chargé d'affaires, continuant de séjourner à Paris, s'abstiendrait d'aller à la cour, mais pourrait entretenir des relations confidentielles avec le ministère, et servirait de canal aux explications qui pourraient amener les deux gouvernements à s'entendre sur leur prétentions respectives.

La Russie étant l'unique égide contre l'ambition démesurée de la France, dans laquelle les puissances européennes du second ordre mettent tout leur espoir, il est de sa dignité et même de son propre intérêt de ne point négliger les occasions, qui s'offrent à elle, pour ramener en Europe l'équilibre qu'elle a perdu et le rasseoir sur une assiette plus stable, en rendant aux Etats l'indépendance sans laquelle leur existence ne saurait être que précaire.

Au point, où en sont les choses maintenant, une telle tâche est sans doute difficile à remplir. Mais quel moment plus favorable pour la commencer que celui où le moteur de l'agitation du continent s'en prépare pour lui-même et autour de lui, lorsqu'outre les embarras d'une guerre étrangère, il est obligé de veiller à sa propre conservation, plus que jamais compromise par son insatiable ambition dans un moment où, pour satisfaire à cette ambition qui le tourmente, il pourra se porter à des sacrifices que la force lui arracherait avec peine.

Il faut distinguer les empiétements de Bonaparte en deux classes: celle, qui comprend les pays qu'il a occupés par ses troupes depuis sa rupture avec l'Angleterre, peut cesser avec la cause qui y a servi de prétexte. Celle au contraire des pays réunis à la France ou subjugués par elle après la conclusion du traité de Luneville doit prolonger l'inquétude pour autant que la France ne fasse en cela un pas rétrograde. C'est donc à l'y amener qu'il est nécessaire de travailler constamment. La France ne disposant pas à son gré de la Hollande et de la Suisse, ses invasions en Allemagne ne pourront plus être aussi spontanées, et quand les Alpes se trouveront entre elle et l'Italie, elle ne disposera plus à son gré ni de la Lombardie, ni du royaume de Naples et la Grèce sera a l'abri d'un coup de main.

Les conditions, sous lesquelles on proposerait de reconnaître le nouvel empereur, seraient donc de replacer la France dans les limites qui lui avaient été adjugées par le traité de Luneville *, de rendre la liberté au Nord de l'Allemagne et de faire évacuer l'Italie entière par les troupes françaises. Telle est la nomenclature des empiétements de la France, qu'exiger leur redressement paraît presque imposer des conditions dures à remplir. Si on ne pourra en obtenir qu'une partie, ce sera déjà un grand service rendu à l'Europe. Le désir connu de Bonaparte de s'établir chef d'une dynastie régnante peut le porter à des complaisances; l'attitude menaçante de la Russie, les alliances,

* См. т. I, прим. 24.

qu'elle est prête de former, invitent l'empereur à rendre son consentement conditionnel, si quand même malgré les probabilités une pareille détermination n'amenait point la délivrance du continent de l'oppression française, s.m.i., en se résolvant à être le dernier à reconnaître ce fondateur d'une dynastie nouvelle, aura tenu une conduite conforme à sa gloire et à la dignité du puissant empire qu'elle gouverne.

Je n'y ai pas fait mention du roi de Sardaigne parce qu'il entre dans la clause du rétablissement des limites de la France en Italie. Ce serait peut-être aussi le moment de montrer quelqu'intérêt à la maison de Bourbon.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Поступающие отовсюду известия предвещают изменение в ближайшем будущем формы правления во Франции. Согласно подготавливаемой там новой конституции на голову Бонапарте должна быть возложена императорская корона, а за его домом закреплено право наследования. Такое событие, если оно произойдет, будет иметь слишком большое значение для всей Европы, чтобы не задуматься о его последствиях и не наметить заранее той линии, которой нужно будет следовать в наших сношениях с Францией. Восстановление наследственной монархии во Франции должно представлять собой двойную выгоду для всех европейских наций: во-первых, это послужит доказательством абсурдности так называемых освободительных режимов, которые после сильных и опасных потрясений приводят государство в конце концов к исходному пункту и к восстановлению того порядка вещей, от которого хотели освободиться. Пример Франции будет способствовать уничтожению того злополучного стремления к новшествам, которое будоражит в наше время все классы общества и вновь сделает для них желанными прежние установления. Другим, не менее важным, следствием будет то, что это создаст для Бонапарте затруднения внутри страны, которые могут заставить его, по меньшей мере, отложить осуществление его идей о мировом господстве. С занятием трона Бурбонов его узурпаторство получит свое завершение, но в то же время это взбудоражит все партии, на которые разделилась Франция вследствие различия во мнениях относительно формы правления. Якобинцы, республиканцы и роялисты — все они займутся обсуждением его прав на французскую корону. Подобное обсуждение в стране, народ которой столь легко возбуждается, вызовет беспокойство нового монарха и вынудит его царствовать, опираясь на военную силу, в связи с чем ненависть к нему будет расти. Умело применяя силу, можно сдержать на время недовольство, но нельзя уничтожить ненависть и не всегда можно предотвратить ее последствия.

Следовательно, решение Бонапарта занять место среди европейских монархов должно создать благоприятные для независимости континента возможности. Однако в зависимости от того, какая линия поведения будет принята, можно будет извлечь из этого большую или меньшую пользу.

Если Бонапарт, прежде чем принять свое решение, будет иметь терпение выявить отношение к этому основных европейских дворов, может быть, следовало бы, когда он обратится к нам, дать ему неопределенный ответ, который, ни к чему нас не обязывая, все же по своему характеру не обескуражил бы первого консула. Нельзя иметь определенное мнение по поводу еще не совершившегося факта; к тому же, это вопрос такой важности, что, по-видимому, разумно будет подождать с принятием решения до тех пор, пока событие не свершится. Такие или подобные фразы, мне кажется, достигнут своей цели. Пример прусских государей, которым удалось добиться их признания королями со стороны других европейских держав лишь после длительных переговоров, трудности, которые чинила Франция тому, чтобы согласиться на добавление атрибута «императорское в-во», бесспорно принадлежащего русскому императору, также являются соображениями, которые можно было бы выдвинуть, если бы французский посланник стал настаивать на скорейшем принятии нами решения. Мне кажется, что в случае, если Бонапарт, прежде чем возложить на себя диадему, попытается выяснить наше отношение к этому, ему следует дать ответ уклончивый, но в то же время такой, который намекал бы на необходимость переговоров. Но если он уведомит нас о своем восшествии на престол после того, как взойдет на него, прекращение официальных отношений должно показать ему, что мы не торопимся облегчать ему путь, на который он встал. Не принимая новых верительных грамот французского посланника, мы на некоторое время поставили бы его в положение знатного иностранца, проживающего в России; а наш поверенный в делах, продолжая оставаться в Париже, воздерживался бы от того, чтобы являться ко двору, но мог бы поддерживать конфиденциальные отношения с министерством, и через него оба правительства могли бы объясниться и договориться относительно их взаимных претензий.

Поскольку единственным оплотом против чрезмерного властолюбия Франции является Россия и второстепенные европейские державы возлагают на нее все свои надежды, то ее достоинство и даже ее собственная выгода предписывают ей не пренебрегать представляющимися возможностями для восстановления в Европе утерянного равновесия и утвердить его на более прочной основе, вернув государствам независимость, без чего их положение будет весьма непрочным.

При нынешнем положении вещей такая задача, без сомнения, трудно выполнима; но можно ли выбрать более благоприятный момент, чтобы приступить к ней, чем тот, когда виновник волнений на континенте готовит такие волнения для себя самого и вокруг себя, когда, помимо затруднений, связанных с ведением войны на чужой территории, у него появятся заботы о сохранении собственного положения, которое станет в результате его ненасытного властолюбия более непрочным, чем когда бы то ни было,— момент, когда, мучимый честолюбием, он ради его удовлетворения может пойти на жертвы, которые трудно было бы вырвать у него силой.

Следует различать две категории захватов, совершенных Бонапартом. К первой из них относится оккупация некоторых стран после разрыва с Англией. Эти страны могут быть очищены после того, как будет устранена причина, послужившая поводом для этого. Что же касается другой категории стран, а именно присоединенных к Франции или порабощенных ею после заключения Люневильского договора, то они будут служить источником беспокойства до тех пор, пока Франция не отступит в этом отношении. Значит, необходимо постоянно трудиться над тем, чтобы побудить ее сделать это. Если Франция не будет распоряжаться по своему усмотрению ни Голландией, ни Швейцарией, ее вторжения в Германию не смогут больше быть такими же внезапными, а когда Альпы окажутся между ней и Италией, она не сможет больше по своему усмотрению распоряжаться ни Ломбардией, ни Неаполитанским королевством, а Греция будет гарантирована от нападения.

Следовательно, можно было бы предложить признать нового императора на следующих условиях: вернуть Францию в границы, обусловленные для нее Люневильским договором*, вернуть свободу Северной Германии и вывести французские войска из всей Италии. Перечень совершенных Францией захватов таков, что требовать полного удовлетворения означало бы выставлять трудно выполнимые условия. Если бы удалось добиться хотя бы только частичного удовлетворения требований, то и это уже было бы большой услугой Европе. Общеизвестное желание Бонапарта утвердиться в качестве главы царствующей династии может побудить его пойти на уступки; учитывая занятую Россией угрожающую позицию и ее намерение заключить союзы, император должен сделать свое согласие условным, и, если даже вопреки ожиданиям подобное решение не принесет континенту освобождения от французского ига, е. и. в-во, принимая решение последним признать этого основателя новой династии, действовал бы так, как того требуют его слава и достоинство могущественной империи, которой он правит.

Я не упомянул здесь о короле сардинском, потому что в пункте о восстановлении прежних границ Франции в Италии речь идет и о нем. Быть может, в такой момент стоило бы проявить некоторое участие к дому Бурбонов.

Поверенный в делах в Париже П. Я. Убри товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

6(18) мая 1804 г.

Сообщение о впечатлении, произведенном во Франции образом действий русского правительства в деле герцога Энгиенского[1] и о намерении Убри вручить Талейрану ноту о решении Александра I прекратить дипломатические отношения с Францией.

Сб. РИО, т. 77, стр. 612—616.

Александр I генерал-майору Анрепу

7(19) мая 1804 г.

Инструкция, которой следовало руководствоваться русским вооруженным силам на Ионических островах в целях противодействия намерениям Франции в отношении Турции.

Морской сборник, СПб, 1882 г., т. CLXXXXII, сентябрь, № 9, стр. 40—51 (опубл. с купюрами).

Поверенный в делах в Париже П. Я. Убри товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

9(21) мая 1804 г.

Отчет о беседе, в ходе которой Убри пытался убедить Талейрана смягчить формулировки ноты от 16 мая*. Соображения, в силу которых Убри решил отложить вручение Талейрану ноты с извещением о разрыве дипломатических отношений с Францией.

Сб. РИО. т. 77, стр. 620—626.

23. Декларация Пруссии о совместных действиях с Россией по обороне Северной Германии**

12(24) мая 1804 г.

Nous Frédéric Guillaume III par la grâce de Dieu, roi de Prusse, Margrave de Brandebourg, Archi-Chambellan et Prince Electeur du St. Empire Romain, Souverain Duc de Silesie, Souverain Prince d'Orange, de Neuchatel et de Valangin, aussi que du comté de Glatz, Duc de Magdebourg, de Clèves, de Bergue, de Stettin, de Poméranie, des Cassubes et Vandales, de Meklenbourg et de Crossen, Bourgrave de Nuremberg, Prince de Hildesheim, de Paderborn, de Halberstadt de Munster, de Minden, de Camin, de Vandalie, de Swerin, de Ratzebourg, d'Ostfriese, d'Eichsfeldt, d'Erfurt, d'Essen, de Quedlinbourg et d'Etten, Comte de Hohenzollern, de Rupin, de la Mark, de Ravensberg, de Hohenstein, de Tecklenbourg, de Swerin, de Lingen, de Büre et de Leerdam, Seigneur de Rostock, de Sturgard, de Werden, de Limbourg, de Lauenbourg, de Butau, d'Arlay et de Bréda etc. etc. etc.

La guerre qui s'est rallumée entre l'Angleterre et la France ayant exposé le Nord de l'Allemagne à une invasion étrangère, les suites qui dès à présent en sont résultées pour Notre monarchie et pour nos voisins, ont excité toutes Nos sollicitudes, mais celles surtout qui pourraient en résulter encore ont exigé de Nous de peser et de préparer à temps les moyens d'y porter remède.

Quelque pénible que soit l'occupation d'Hannovre et son résultat indirect, la clôture des fleuves, après avoir épuisé pour faire cesser cet état des choses, tout ce qui n'était pas la guerre, Nous avons résolu de faire à la paix ce sacrifice, de ne point revenir sur le passé et de ne point procéder à des mesures actives, tant que de nouvelles usurpations ne Nous y auront pas forcés.

Mais si, malgré les promesses solennelles*** données par le gouvernement français, il étendait au-delà du *status quo* de ce moment-ci ses entreprises contre la sûreté de quelqu'un des Etats du Nord, Nous sommes décidés à leur opposer les forces que la Providence a mises entre Nos mains.

Nous en avons fait à la France la déclaration solennelle[13], et la France l'a acceptée, mais c'est surtout envers Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies que la confiance et l'amitié Nous faisaient un devoir de Nous en ouvrir, et Nous avons eu la satisfaction de Nous convaincre que Nos résolutions étaient absolument dans les principes de Notre auguste allié et que Lui-même était décidé à les maintenir avec Nous. En conséquence, Nous sommes tombés d'accord avec Sa Majesté Impériale des points suivants.

I. On s'opposera de concert à tout nouvel empiétement du gouvernement français sur les Etats du Nord de l'Empire étrangers à sa querelle avec l'Angleterre.

---

* Аннотацию на ноту Талейрана П. Я. Убри от 16 мая см. на стр. 57.

** Данная Декларация является ответом на русскую Декларацию, адресованную Пруссии (см. док. 13).

*** См. т. I, прим. 284.

II. Pour cet effet, on commencera par donner une attention suivie et sévère aux préparatifs de la République. On attachera un œil vigilant sur le corps de troupes qu'elle entretient en Allemagne, et, si le nombre en est augmenté, on se mettra sans perte de temps en posture de faire respecter la protection qu'on est intentionné d'accorder aux Etats faibles.

III. Si le cas d'une nouvelle usurpation existe en effet, Nous sentons qu'avec un adversaire aussi dangereux, les demi-moyens seraient funestes. Ce serait alors avec des forces proportionnées à la puissance immense de la république que Nous marcherions contre elle. Ainsi, en acceptant avec reconnaissance l'offre de Notre auguste allié de faire joindre incessamment Nos troupes par une armée de quarante ou de cinquante mille hommes ****, Nous n'en compterions pas moins sur les stipulations antérieures du traité d'alliance entre la Russie et la Prusse*****, stipulations qui lient tellement les destinées des deux Empires que, dès qu'il s'agit de l'existence de l'un, les devoirs de l'autre n'ont plus de bornes.

IV. Pour déterminer le moment, où le *casus foederis* existera, il faut voir les choses en grand et dans leur esprit. Les petits Etats d'Empire situés au-delà du Weser, peuvent offrir passagèrement des scènes qui répugnent aux principes, soit parce qu'ils sont le théâtre continuel du passage des troupes françaises, soit parce que leurs Souverains sont ou vendus par l'intérêt à la France, comme le Comte de Bentheim, ou dépendants d'elle sous d'autres rapports, comme le Duc d'Ahremberg. Là, des déviations minutieuses qu'une représentation redresse, comme à Meppen, ou qui ne compromettent la sûreté de personne, sont étrangères à un concert dont la sûreté fut le motif. C'est sur les bords du Weser que les intérêts deviennent essentiels, parce que, de ce point-là, il s'agit du Dannemarc, du Meklenbourg, des villes Anséatiques etc. et le *casus foederis* par conséquent aura lieu à la première entreprise des Français contre un Etat d'Empire situé sur la droite du Weser, et particulièrement contre les provinces Danoises et le Meklenbourg, dans la juste attente où Nous sommes que Sa Majesté le Roi de Dannemarc fera dès lors conjointement avec Nous cause commune contre l'ennemi.

V. Les marches énormes que les troupes russes auraient à faire pour joindre les Nôtres et la difficulté d'arriver à temps pour prendre part aux coups décisifs, Nous fait juger qu'il serait convenable qu'on adoptât pour les différentes armes un mode de transport différent. Ainsi, tandis que la cavalerie Russe et les chevaux d'artillerie défileront à travers nos provinces, il semblerait préférable que l'infanterie et le canon partissent par mer et fussent débarqués dans quelque port de la Poméranie, du Meklenbourg ou du Holstein, selon les opérations de l'ennemi.

VI. Immédiatement après le commencement des hostilités, ou plus tôt, si la convenance en est reconnue par les deux cours contractantes, le Dannemarc et la Saxe seront invités à adhérer à ce concert et à y coopérer par des moyens proportionnés à leur puissance, ainsi que tous les autres Princes et Etats du Nord de l'Allemagne qui par la proximité de leurs pays doivent participer aux bienfaits du présent arrangement.

VII. Dès lors Nous nous obligeons à ne poser les armes et à n'entrer en accommodement avec l'ennemi que du consentement de Sa Majesté Impériale et après un accord préalable avec Elle pleins de confiance dans Notre auguste allié qui a pris le même engagement envers Nous.

VIII. Après qu'on aura atteint le but qu'on s'y propose, Nous nous réservons de Nous entendre avec Sa Majesté Impériale sur les mesures ultérieures

---

**** См. док. 13.
***** См. т. I, прим. 37.

à prendre afin de purger entièrement le Nord de l'Allemagne de la présence des troupes étrangères et d'assurer d'une manière solide pour l'avenir cet heureux résultat, en avisant à un ordre de choses qui n'expose plus l'Allemagne aux inconvénients dont elle a dû souffrir depuis le commencement de la guerre actuelle.

Cette déclaration devant être échangée contre une autre signée par Sa Majesté l'Empereur de Russie et conçue dans le même sens, Nous promettons sur Notre foi et parole Royale de remplir fidèlement les engagements que Nous y avons pris. En foi de quoi, Nous avons signé les présentes de Notre main et y avons fait apposer notre sceau Royal. Fait à Berlin, le 24 Mai, l'an de grâce Mil huit cent et quatre et de Notre règne le huitième.

(М. П.) Frederic Guillaume******

Печат. по подлиннику.

Опубл. Ф. Мартенс, т. VI, стр. 341—345.

Перевод *******

Мы, Фридрих-Вильгельм III, божьей милостью король Прусский, маркграф Бранденбургский, великий камергер и князь-курфюрст Священной Римской империи, державный герцог Силезский, державный князь Оранский, Невшательский и Валангенский, также и граф Глатцкий, герцог Магдебургский, Клевский, Бергский, Штеттинский, Померанский, Кашубов и Вандалов, Мекленбургский и Кроссенский, бургграф Нюренбергский, князь Гильдесгеймский, Падерборнский, Гальберштадта на Мюнстере, Минденский, Каминский, Вандалийский, Шверинский, Ратцебургский, Остфризский, Эйхсфельзский, Эрфуртский, Эссенский, Кведлинбургский и Эттенский, граф Гогенцоллернский, Рупинский, де ла Марк, Равенсбергский, Гогенштейнский, Текленбургский, Шверинский, Лингенский, Бурейский и Леердамский, государь Ростокский, Штургардский, Верденский, Лимбургский, Лауэнбургский, Бютауский, Арлайский и Бредерский и пр. и пр. и пр.

Война, вновь возгоревшаяся между Англиею и Франциею, предоставила Северную Германию неприятельскому нашествию, и проистекшие от сего по настоящее время для нашей монархии и для наших соседей последствия возбуждали вполне нашу заботливость, но те последствия в особенности, которые могли бы еще наступить, потребовали, чтобы мы заблаговременно обсудили и приготовили средства для исправления сего.

Сколь бы ни тягостно было занятие Ганновера и проистекающее от него закрытие рек, мы, истощив для прекращения такового положения дел все средства, кроме войны, решились принести в пользу мира сию жертву, дабы не возвращаться к прошедшему и не приступать к активным мерам, пока новые узурпации нас к тому не принудят.

Но если бы, несмотря на торжественные обещания***, данные французским правительством, оно простерло бы далее нынешнего status quo свои предприятия против безопасности которого-либо из северных государств, мы решились противопоставить им силы, которые вручило нам провидение.

Мы сделали по этому поводу торжественную декларацию[13] Франции, и Франция оную приняла, но наше доверие и дружба к е. в-ву императору всероссийскому поставили нам долгом откровенно объясниться на этот счет, в особенности, с ним ********, и мы имели удовольствие убедиться, что наши решения совершенно совпали с принципами нашего августейшего союзника и что он сам решился поддерживать их вместе с нами. Вследствие сего мы вошли с е. и. в-вом в соглашение по следующим пунктам:

I. Будет противопоставлено совокупное сопротивление всякому новому завладению французского правительства в северных владениях империи, неприкосновенных к спору его с Англиею.

II. С этою целью будет установлено постоянное и строгое внимание за приготовлениями республики. Приложено будет неусыпное наблюдение за корпусом войск, который она содержит в Германии, и если численность его увеличится, то без потери времени принято будет положение, чтобы заставить уважать покровительство, которое предполагалось оказать государствам слабым.

III. Если бы случай нового захвата оказался в действительности, мы находим, что полумеры с противником столь опасным были бы пагубны. В таком случае мы выступили бы против

****** Контрассигновано министром иностранных дел Пруссии Гарденбергом.

******* Дается по Ф. Мартенсу, сверен с подлинником.

******** «...откровенно ... с ним...» — перевод редакции; у Мартенса — «...сделать сию декларацию...»

республики с силами, соразмерными с громадным ее могуществом. Таким образом, принимая с благодарностью предложение нашего августейшего союзника немедленно присоединить к нашим войскам армию в 40 или 50 тыс.****, мы тем не менее будем рассчитывать на постановления предшествующего ********* союзного трактата ***** между Россией и Пруссией, постановления, которые настолько связывают судьбы двух империй, что лишь только речь идет о существовании одной, обязанности другой не имеют более пределов.

IV. Дабы определить момент, когда casus foederis наступит, необходимо рассмотреть положение дел вообще и в их духе. Небольшие государства империи, расположенные по ту сторону Везера, могут по временам представить виды, противоречащие принципам, или же потому, что они постоянно служат местом перехода французских войск, или же потому, что их государи или предались из интереса Франции, как граф Бентгейм, или зависят от нее в других отношениях, как герцог Аремберг. Там суетные уклонения, которые исправляются представлениями, как в Меппене, или же которые не компрометируют ничью безопасность, не согласуются с союзом, в основание которого положена безопасность. Именно на берегах Везера интересы оказываются существенными, потому что с сего пункта речь идет о Дании, о Мекленбурге, о ганзейских городах и т. д., и, следовательно, casus foederis будет иметь место при первом предприятии французов против какого-либо государства империи, расположенного на правом берегу Везера, и в частности против провинций датских и мекленбургских, в справедливом ожидании нашем, что е. в-во король датский будет в то время действовать совокупно с нами против неприятеля.

V. Громадные переходы, которые пришлось бы сделать русским войскам для соединения с нашими войсками, и затруднения прибыть в свое время, чтоб принять участие в решительном ударе, привели нас к мысли, что было бы полезно принять для различного оружия войск различного рода доставку. Так, в то время, когда русская кавалерия и артиллерийские лошади будут переходить через наши провинции, казалось бы предпочтительным, чтобы пехота и пушки переправились морем и были высажены в каком-либо порте Померании, Мекленбурга или Гольштинии, смотря по действиям неприятеля.

VI. Непосредственно за открытием неприязненных действий или же и раньше, если это признано будет обоими договаривающимися дворами удобным, Дания и Саксония будут приглашены приступить к этому соглашению и содействовать в этом деле средствами, соразмерными с их могуществом, а равным образом и все остальные принцы и государства Северной Германии, которые по близкому расстоянию их стран должны принять участие в благодетельных последствиях настоящего соглашения.

VII. После сего мы обязываемся не оставлять оружия и не входить с неприятелем в примирение иначе, как с согласия е. и. в-ва и по предварительному с ним соглашению, с полным доверием к нашему августейшему союзнику, который принял такое же обязательство по отношению к нам.

VIII. По достижении цели, которая здесь предположена, мы предоставляем себе согласиться с е. и. в-вом относительно принятия дальнейших мер к окончательному очищению севера Германии от присутствия иностранных войск и обеспечить для будущности основательными способами сей счастливый результат, имея в виду положение дел, которое не подвергнет более Германию тем бедствиям, каковые она должна была терпеть с начала настоящей войны.

Сия декларация должна быть обменена на другую, подписанную е. в-вом императором России и изложенную в том же смысле, и мы даем наше обещание и королевское слово верно исполнить все обязательства, принятые нами. В уверение чего мы подписали настоящие статьи собственноручно и повелели приложить здесь нашу королевскую печать. Учинено в Берлине 24 мая тысяча восемьсот четвертого года и нашего правления восьмого года.

(М. П.) Фридрих-Вильгельм******

24. Посланник в Берлине М. М. Алопеус товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

№ 117 *14(26) мая 1804 г.*

Mon prince, peu après le passage d'un courrier français, allant dans la nuit d'avant-hier de Paris à St. Petersbourg, est arrivée une estafette expédiée de Vesel avec des dépêches[27] du marquis Luchesini, qui y avaient été apportées par un courrier extraordinaire. A s'en rapporter à celles-ci, on devait croire que la guerre continentale était prête à éclater. Mais le baron de Hardenberg,

********* «...постановления предшествующего...» — перевод редакции; у Мартенса — «...дальнейшие постановления...»

qui connaît parfaitement la valeur des phrases de Luchesini et ses exagérations, n'en fut pas la dupe. Et en effet, il eut lieu de se convaincre immédiatement après, par les explications de Mr Laforest, que les choses n'en étaient pas à ce point. Ce ministre, ayant demandé une conférence, a été faire la communication de la réponse[28] à la note[8] remise par Mr d'Oubril, mais quoiqu'il l'ait donné à lire à Mr de Hardenberg, il n'a pas voulu consentir qu'il en fît tirer une copie. D'après ce que m'en a dit le dernier, elle est conçue dans des termes polis; on s'est servi surtout des expressions les plus distinguées, lorsqu'il est question de l'auguste personne de l'empereur.

Cette note doit articuler le désir de conserver la paix en énonçant toutefois la demande: la Russie veut-elle absolument la guerre? Il doit y être dit que la France ne la craint avec aucune puissance; on est cependant entré dans des explications sur le malheureux événement d'Ettenheim.[1]

La lecture de la note finie, Mr Laforest a demandé au baron de Hardenberg de déterminer le roi à s'employer auprès de l'empereur pour empêcher que le feu de la guerre ne s'étende plus loin et que l'embrasement ne devienne général. Il a dit que le général Hedouville avait ordre de quitter St. Petersbourg, mais simplement sous le prétexte d'un congé accordé; il doit à son départ présenter un chargé d'affaires.

Le ton de Laforest en général a été modéré, même doux, par conséquent, très différent de celui de Luchesini. Tel a été aussi le style des dépêches ostensibles adressées au ministre de France, que celui-ci a permis à Mr de Hardenberg de lire.

Ce dernier m'avait promis la copie de la relation[27] du marquis Luchesini tout comme celle du rescrit[29], adressé à ce ministre et expédié par un courrier extraordinaire parti hier au soir. Le rescrit, j'ai l'honneur de le joindre ici en copie, mais celle de la relation, Mr de Hardenberg n'a pu me la donner, Mr Lombard parti avec le roi, ayant oublié de retourner cette relation qui était restée chez s. m. avec d'autres papiers.

Sur la remarque que j'avais faite à Mr de Hardenberg, que le dispositif du sixième article de la contre-déclaration * pouvait faire naître des doutes sur la protection à accorder au duché d'Oldenbourg et à la seigneurie de Yever, ce ministre en a entretenu le roi qui lui a dit que l'intérêt, que s. m. l'empereur attache à la conservation de ces provinces, était très naturel et qu'il le partage sous tous les rapports, que, par conséquent, le baron de Hardenberg devait m'assurer que leur défense entre positivement dans le *casus foederis* comme celle des provinces danoises et du Meclembourg. Heureusement, le ministre du cabinet prussien a été dans le cas de s'en expliquer hier dans une conférence qu'il a eue avec Mr Laforest. Lui ayant exposé à peu près tout le contenu du rescrit adressé hier à Luchesini, parce qu'il ne se fie absolument pas à cet Italien, le ministre de France a demandé si l'on pouvait être sûr que s.m. l'empereur ne ferait point débarquer des troupes à Yever, à Lubek etc. Mr de Hardenberg a répondu, que comme on croyait pouvoir présumer avec une espèce de certitude que s. m. i. n'avait point de projets d'agression, il était naturel de croire que ce n'était pas le cas, mais qu'il ne pouvait s'empêcher d'observer qu'il serait également nécessaire que la France ne se permît rien d hostile ou d'arbitraire contre le duché d'Oldenbourg, la seigneurie de Yever et les villes anséatiques, vu qu'alors le roi ne pourrait plus se renfermer dans les bornes de la neutralité qu'il s'était prescrite.

Si s. m. i. juge à propos d'accorder sa haute approbation à l'idée de Mr de Hardenberg relativement à la signature d une convention secrète, on pourrait y ajouter un article séparé relativement au duché d'Oldenbourg et la

* См. док. 23.

seigneurie de Yever, ou bien on ferait entrer cette stipulation même dans le corps du traité en l'ajoutant à l'énoncé de l'article IV de la contre-déclaration.

J'ai l'honneur ...

Alopeus

Получено 21 мая 1804 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин князь, позавчера ночью, вскоре после того как проехал французский курьер, направлявшийся из Парижа в С.-Петербург, прибыл нарочный из Везеля с депешами[27] от маркиза Люккезини, которые были доставлены туда с чрезвычайным курьером. Если судить по ним, то следовало бы считать, что континентальная война готова разразиться. Однако барон Гарденберг, который превосходно знает цену словам Люккезини и его склонность к преувеличениям, не дал ввести себя в заблуждение. И в самом деле, сразу же после этого в результате объяснений, данных г-ном Лафоре, он убедился в том, что дело еще не дошло до этого. Упомянутый посланник, испросив аудиенцию, прибыл сделать сообщение об ответе[28], который был дан на ноту[8], врученную г-ном Убри, но он, хотя и дал прочитать его г-ну Гарденбергу, не согласился, чтобы с него была снята копия. Судя по словам барона Гарденберга, ответ составлен в вежливом тоне; особенно почтительные выражения употреблены в тех случаях, когда речь идет об августейшей особе императора.

Похоже, что в этой ноте говорится о желании сохранить мир, но в то же время содержится вопрос, непременно ли Россия желает войны. В ней утверждается, что Франция не боится войны с какой бы то ни было державой; вместе с тем французское правительство вступает в объяснения относительно злосчастного события в Эттенгейме[1].

После прочтения ноты г-н Лафоре попросил барона Гарденберга побудить короля приложить усилия к тому, чтобы повлиять на императора и помешать пожару войны распространиться далее и стать всеобщим. Он сообщил, что генерал Гедувиль имеет повеление покинуть С.-Петербург, но лишь под предлогом предоставления ему отпуска; перед отъездом он должен представить поверенного в делах.

Тон Лафоре в общем был умеренным, даже мягким, и, следовательно, сильно отличался от тона донесения Люккезини. Таким же был и стиль открытых депеш в адрес французского посланника, которые последний разрешил прочитать г-ну Гарденбергу.

Этот последний обещал мне копию донесения[27] маркиза Люккезини, а также копию рескрипта[29] этому посланнику, отправленного с чрезвычайным курьером, выехавшим вчера вечером. Копию этого рескрипта имею честь приложить при сем, однако г-н Гарденберг не смог дать мне копию донесения, так как г-н Ломбард, уехавший с королем, забыл вернуть это донесение, которое оставалось у е. в-ва вместе с другими документами.

В связи со сделанным мною ранее замечанием г-ну Гарденбергу о том, что редакция шестой статьи контрдекларации * может породить сомнения относительно принятия под защиту герцогства Ольденбургского и земли Еверской, этот министр беседовал об этом с королем, который сказал ему, что заинтересованность е. и. в-ва в целостности этих провинций является вполне естественной, что он разделяет ее во всех отношениях и что барон Гарденберг должен, следовательно, заверить меня, что защита их, без сомнения, подходит под casus foederis так же, как защита датских провинций и Мекленбурга. К счастью, министр прусского кабинета имел возможность объясниться по этому вопросу вчера во время беседы с г-ном Лафоре. После того как он изложил ему почти полностью содержание рескрипта, отправленного вчера Люккезини, поскольку он совершенно не может положиться на этого итальянца, французский посланник спросил, можно ли быть уверенным в том, что е. в-во император не произведет высадку своих войск в Евере, в Любеке и пр. Г-н Гарденберг ответил, что поскольку можно полагать с известной уверенностью, что е. и. в-во не имеет каких-либо агрессивных намерений, естественно думать, что этого не случится, однако он не может не указать на необходимость того, чтобы и Франция воздерживалась от каких-либо враждебных или незаконных действий против герцогства Ольденбургского, земли Еверской и ганзейских городов, имея в виду, что в противном случае король не сможет оставаться в рамках нейтралитета, который он решил соблюдать.

Если е. и. в-во сочтет уместным дать свое высочайшее одобрение идее г-на Гарденберга относительно подписания секретной конвенции, можно было бы добавить к ней отдельную статью относительно герцогства Ольденбургского и земли Еверской или можно было бы включить это условие даже в самый текст договора, добавив его к тому, что уже сказано в четвертой статье контрдекларации.

Имею честь...

Алопеус

Посол в Лондоне С. Р. Воронцов министру иностранных дел Англии Гарроуби

14(26) мая 1804 г.

Памятная записка о необходимости согласования действий России и Англии для противодействия политике Франции в отношении Сардинского королевства, Королевства Обеих Сицилий и европейских владений Турции.

Арх. Воронцова, кн. XVI, стр. 357—368.

Поверенный в делах в Париже П. Я. Убри товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

20 мая (1 июня) 1804 г.

Талейран потребовал от баденского посланника в Париже, чтобы курфюрст Баденский сделал Сейму Германской империи заявление, которое ослабило бы впечатление от русской ноты Сейму *.

Сб. РИО, т. 77, стр. 635—636.

25. Посол в Вене А. К. Разумовский товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

№ 198 *22 мая (3 июня) 1804 г.*

Mon prince, ma dernière conférence avec le comte de Cobenzl a eu lieu avant-hier. N'ayant pas pu tomber entièrement d'accord sur l'objet de la négociation[30], je m'empresse, mon prince, de renvoyer le courrier qui en attendait l'issue, tandis que, de son côté, ce ministre se propose d'en expédier un incessamment au c[om]te de Stadion. Je reprendrai ma relation à l'endroit où j'en suis resté dans ma dépêche du 12 (24) mai[31]. Vous y aurez vu, mon prince, qu'après nos premières conversations, le c[om]te de Cobenzl a cherché d'éviter toutes discussions sous prétexte qu'il ne les reprendrait que lorsqu'il serait à même de me communiquer l'ensemble de ce qu'on aurait à me répondre. Cette même défaite eut lieu, lorsque je me présentais chez lui une couple de fois pour solliciter de connaître la détermination de l'empereur, et lui répéter tout ce qui pouvait l'accélérer et la rendre conforme au vœu et aux intentions de ma cour. Enfin, le vice-chancelier me fixa, il y a quelques jours, une conférence et il jugea à propos que b[ar]on de Collembach, référendaire du département, y assistât. Ce dernier fit lecture du projet de lettre autographe **, tandis que le vice-chancelier tenait en main les points sur lesquels on désirait des changements. Il me demanda ensuite si je voulais prendre sur moi de signer un acte qui admettrait tous ces changements et qui, présenté à la ratification de nos souverains respectifs, acquerrait la même force que les lettres autographes et remplirait le but sur lequel je ne cessais d'insister, celui de terminer au plus tôt l'objet en négociation. Je lui fis quelques objections sur les points susmentionnés, mais, ne pouvant prendre instantanément la résolution à laquelle il m'invitait, je lui offris, s'il voulait m'envoyer le lendemain matin copie du papier susmentionné, de le prendre en délibération et, après l'avoir confronté avec les instructions qui devaient me servir de guide, de lui donner une réponse définitive dans la journée même. Le c[om]te Cobenzl, acquiesçant à ma proposition, ne m'envoya cependant son papier que vers le soir du jour

* См. док. 1.
** См. док. 15.

5*

suivant, ce qui m'obligea de différer de 24 heures mon dernier entretien dont j'ai à rendre compte à v. ex. Elle trouvera ci-joint le papier en question sous le titre de *Remarques sur la lettre autographe de s. m. i. de toutes les Russies*[32]. A cette conférence, ainsi qu'à la précédente, le baron de Collembach se trouva en tiers. Je l'ouvris en observant qu'ayant parcouru attentivement les 9 articles, sur lesquels portait la différence d opinion du ministère de s. m. i. et royale avec le contenu de la lettre autographe, il me semblait qu'il n'y en avait que deux, et ce sont les articles 1 et 7, qui méritassent une discussion sérieuse, les autres ne me paraissant qu'une simple substitution de mots qui ne valait pas la peine d'être débattue entre deux cours dont la bonne foi, la loyauté et l'intérêt commun devaient écarter toute subtilité, ainsi que toute méfiance dans les liens qu'elles se proposaient de resserrer entre elles. Le jugement que j'en portais était tellement évident que le c[om]te de Cobenzl ne put s'empêcher d'en tomber d'accord. Ce n'est donc que sur les deux articles, que je viens d'excepter, que je vais Vous rapporter, mon prince, ce que j'ai cru devoir dire. Le premier contient la proposition de substituer à l'engagement entre les deux cours, au lieu de lettres autographes, des déclarations ministérielles signées par les plénipotentiaires, échangées entre eux et présentées ensuite à la ratification de leurs souverains respectifs. Le rescrit que s. m. i. a daigné m'adresser, aussi bien que les ordres *, qu'elle Vous a chargé, mon prince, de me transmettre, ne m'autorisaient en aucune manière à m'écarter du projet de la lettre autographe. Je ne pouvais l'être, par conséquent, d'adopter une forme nouvelle pour l'objet de négociation qui m'était prescrite; d'ailleurs je Vous avouerai, mon prince, que je n'ai considéré la proposition qu'on m'en faisait que comme un incident pour retarder la conclusion, supposant bien que je serais dépourvu de pleins pouvoirs pour y souscrire, et cette difficulté de la part du vice-chancelier n'était que le préliminaire d'une autre bien plus grande et sur laquelle s'établit principalement notre débat, je veux dire l'article 7 des *Remarques*. Le c[om]te de Cobenzl insista invariablement sur ce que l'empereur son maître ayant demandé 150 mille hommes pour être joints aux forces qu'il déploirait en cas de guerre, cette demande avait été faite d'après un calcul proportionné des moyens indispensablement nécessaires à opposer à la masse de ceux qu'on avait lieu de croire que l'ennemi mettrait en campagne, et cela en les évaluant même au plus bas possible, puisqu'il était à présumer que son armée ne serait point au-dessous de 400 mille hommes, tandis que celles des deux cours imperiales combinées ne se monteraient qu'à 350 mille. Sans m'arrêter à peser le plus ou moins d'exactitude qu'il pouvait y avoir dans ces données sur les forces de l'ennemi, je convins avec lui qu'il serait de nécessité que celles de la coalition fussent au moins en nombre égal pour pouvoir se promettre des succès correspondant à la grandeur de l'entreprise et aux résultats qui devaient en être le but. J'ajoutai que je ne balançais pas à lui être caution, que telle était l'opinion de l'empereur, mon maître, et d'assurer qu'on aura lieu de s'en convaincre par le développement ultérieur des plans qu'il adopterait, que, par conséquent, il ne fallait point s'attacher littéralement à la spécification du nombre des troupes énoncées dans la lettre autographe, mais en saisir l'esprit avec la confiance qui est due à la magnanimité et à l'énergie qui en fait le principe, et que réclame de la part de son allié le vif intérêt que prend notre auguste maître au salut de la monarchie autrichienne dans l'état de crise où elle se trouve vis-à-vis de la France ; il faut considérer, ajoutai-je, que l'empereur, mon maître, appréciant toute l'étendue du danger auquel sont exposés les Etats autrichiens et combien sa position délicate exige de ménagement, n'a mis aucune borne à ses dispositions amicales et généreuses envers son allié,

* См. док. 14, 17, 18, 20.

en lui offrant, dès à présent et préalablement à aucun engagement mutuel, de se porter à son secours dans le cas d'une attaque imprévue des Français, que de plus, et d'après la même considération, s. m. voulait que, la guerre venant à éclater, ce fût elle qui en soutînt la première explosion, et que la cour de Vienne pour avoir le temps de s'y préparer ne fût requise d'y prendre part que 3 mois après le commencement des hostilités. Il s'en suivait donc naturellement que la Russie ne pouvait distraire ses forces au début de la guerre, mais que lorsque celles de l'ennemi se trouveraient divisées par une diversion qu'il entreprendrait contre les Etats autrichiens, l'empereur mon maître, sans s'arrêter alors rigoureusement au calcul des secours stipulés, se porterait à assister son intime allié avec tous les moyens propres à remplir leur but commun et à justifier le sentiment qui le guide. Que cette manière d'envisager les choses, la seule digne de la bonne foi qui doit caractériser l'union des deux cours, satisfait pleinement l'argument, que le c[om]te Cobenzl n'a cessé de mettre en avant, qu'il fallait que les forces combinées des alliés fussent égales à celles de l'ennemi. J'ai terminé mon raisonnement en proposant que la lettre autographe fût acceptée et échangée purement et simplement, sauf à renvoyer à une note ou un acte séparé une explication plus étendue dans le sens de ce que je venais de lui dire, et que je ne ferais pas difficulté de la signer, persuadé, comme je le suis, de n'être point désavoué par mon auguste maître. Plus je devenais pressant à cet égard et plus je vis augmenter l'embarras du c[om]te de Cobenzl. Il se retrancha obstinément (le terme n'est pas trop fort) dans la réplique: que, malgré toutes les assurances que je lui donnais, il ne pouvait s'en contenter, et que les stipulations d'un traité aussi solennel devant être en termes clairs et précis, que, puisque je ne me croyais point autorisé aux changements qu'on me demandait et surtout à celui des secours fixés pour la coopération commune, toute discussion ultérieure devenait inutile et qu'il fallait envoyer des courriers à Petersbourg pour s'entendre sur les points sur lesquels on n'était point d'accord. C'est ainsi, mon prince, que se termina cette dernière conférence. Le récit détaillé, que je viens d'en faire à v. ex., rend superflue toute réflexion que je pourrais y ajouter, il Vous mettra à même, mon prince, d'apprécier le véritable motif des difficultés qu'on m'a opposées; je les ai indiquées dans le rapport ci-joint que j'adresse directement à notre auguste maître, et que je prie v. ex. de porter aux pieds de s. m. i.

J'ai l'honneur ...

C[omte] A. Rasoumoffsky

Получено 3 июня 1804 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин князь, моя последняя беседа с графом Кобенцлем состоялась позавчера. Поскольку мы не достигли полного согласия по предмету переговоров[30], спешу, князь, отправить курьера, ожидавшего их исхода; в то же время австрийский министр со своей стороны намерен незамедлительно послать своего курьера к графу Стадиону. Я продолжу свое донесение с того места, на котором остановился в своей депеше от 12(24) мая[31]. Очевидно, в. с-во уже знаете из нее, что после первых наших бесед граф Кобенцль старался избежать какого-либо обсуждения под тем предлогом, что он возобновит его только тогда, когда будет в состоянии сообщить все, что мне должны ответить. Такая же неудача постигла меня и тогда, когда я пару раз являлся к нему с просьбой о том, чтобы мне сообщили решение императора и чтобы повторить графу все то. что могло бы ускорить принятие решения и сделать его соответствующим желаниям и намерениям моего двора. Наконец, вице-канцлер несколько дней тому назад назначил мне встречу и счел уместным, чтобы при беседе присутствовал барон Коллембах, референдарий департамента. Этот последний читал проект собственноручного письма*, а вице-канцлер держал в руках перечень пунктов, в которые желали внести изменения. Затем он спросил меня, согласен ли я взять на себя ответственность и подписать акт, который был бы составлен с учетом всех этих изменений и который после ратификации

нашими государями получил бы такую же силу, как и собственноручные письма, чем была бы достигнута цель, которой я настойчиво добиваюсь: как можно скорее завершить дело, о котором мы ведем переговоры. Я сделал несколько возражений против упомянутых пунктов, но я не мог тут же принять решение, о котором он говорил, и попросил прислать мне на следующее утро копию вышеупомянутого документа, чтобы я мог внимательно обдумать его и, сопоставив с инструкциями, которые должны служить мне руководством, дать ему окончательный ответ в тот же день. Граф Кобенцль согласился на мое предложение, но прислал мне этот документ лишь к вечеру следующего дня, что заставило меня отложить на сутки мою последнюю беседу, о которой я должен доложить в. с-ву. Вы найдете в приложении документ, о котором идет речь, под заголовком *«Замечания на собственноручное письмо е. в-ва императора всероссийского»*[52]. При этой беседе, как и при предыдущей, присутствовал барон Коллембах. Я начал с замечания, что после того, как я внимательно просмотрел те девять статей, по которым министерство его императорского и королевского в-ва было не согласно с содержанием собственноручного письма, у меня сложилось мнение, что лишь две статьи, а именно 1 и 7, заслуживают серьезного обсуждения, а в остальных, как мне кажется, предлагается просто заменить одни слова другими, и они не стоят того, чтобы наши дворы занимались их обсуждением, ибо их добросовестность, чистосердечие и общность интересов должны устранить всякую хитрость и недоверие в том, что касается тех уз, которые они намерены еще более укрепить. Высказанное мною суждение было столь очевидным, что граф Кобенцль не мог не согласиться с ним. Поэтому, князь, я буду Вам докладывать лишь о том, что счел нужным сказать по поводу двух ранее выделенных мною пунктов В первом из них содержится предложение оформить обязательства между двумя дворами не в виде собственноручных писем, а в виде министерских деклараций, подписанных полномочными представителями, которые после обмена такими декларациями представят их для ратификации своим государям. Рескрипт, который е. и. в-во соблаговолил направить мне, так же как и повеления**, которые он поручил Вам, князь, передать мне, никоим образом не уполномочивали меня отступать от проекта собственноручного письма. Следовательно, я не имел полномочий соглашаться на новую форму закрепления результатов порученных мне переговоров. Впрочем, должен Вам признаться, князь, что я рассматривал сделанное мне предложение лишь как повод для отсрочки завершения переговоров, так как они знали, что я не располагаю необходимыми полномочиями для того, чтобы согласиться на него; это возражение, выдвинутое вице-канцлером, было лишь вступлением к другому, более серьезному возражению, которое мы в основном и обсуждали. Я имею в виду статью 7 *«Замечаний»*. Граф Кобенцль настойчиво указывал на то, что император, его государь, выдвигая просьбу о том, чтобы к войскам, которые он выставит в случае войны, были присоединены еще 150 тыс. человек, исходил из расчета количества войск, необходимых для противодействия тем силам, которые, как есть основания полагать, будут выставлены неприятелем, даже если брать минимальную численность, поскольку предполагается, что численность неприятельских армий будет не ниже 400 тыс. человек, в то время как численность объединенных армий обоих императорских дворов достигнет лишь 350 тыс. Не входя в обсуждение степени точности этих данных о силах врага, я согласился, что было бы необходимо, чтобы силы коалиции по численности были по крайней мере равны им, дабы можно было надеяться на успех, соответствующий важности предприятия и результатам, которые должны быть его целью. Я добавил, что без колебаний поручусь за то, что таково мнение и императора, моего государя, и заверил графа, что в этом сможет убедить дальнейшее развитие планов императора, что не следует поэтому цепляться за букву в отношении численности войск, упомянутой в собственноручном письме, а нужно постичь дух письма и положиться на великодушие и решительность, лежащие в основе его. Мы вправе ожидать этого от союзника и в связи с живым участием, проявленным нашим августейшим государем в деле спасения австрийской монархии, находящейся в критическом положении по отношению к Франции; нужно принять во внимание, добавил я, что император, мой государь, понимая всю величину опасности, угрожающей австрийским владениям, а также то, сколь осторожной следует быть Австрии в ее положении, всецело последовал великодушным и дружеским чувствам, которые он питает к своему союзнику, предложив уже сейчас, до заключения какого-либо взаимного обязательства, прийти на помощь Австрии в случае неожиданного нападения французов; более того, исходя из тех же соображений, е. в-во согласился на то, что, если вспыхнет война, он примет на себя первый удар, а венский двор должен будет вступить в нее лишь спустя 3 месяца после начала военных действий, чтобы иметь время для подготовки. Поэтому, естественно, Россия не может распылять свои силы в начале войны, но, когда в результате нападения неприятеля на австрийские владения его силы окажутся разделенными, император, мой государь, не будет строго придерживаться обусловленных размеров помощи и поддержит своего союзника всеми средствами, необходимыми для достижения общей цели, доказав искренность воодушевляющих его чувств. Такой подход является единственным, достойным того доверия, которое должно характеризовать союз двух дворов, и он никоим образом не противоречит аргументу, постоянно выдвигаемому графом Кобенцлем, относительно того, что объединенные силы союзников должны быть равны силам неприятеля. В заключение я предложил просто принять собственноручное письмо и в обмен дать соответствующее письмо, с тем чтобы более подробные объяснения в смысле того, о чем я говорил ему, были даны в ноте или каком-либо отдельном акте; я сказал,

что охотно подпишу его, будучи уверен в том, что мои действия не будут дезавуированы моим августейшим государем. Чем больше я настаивал на этом, тем больше росло замешательство графа Кобенцля. Он очень упрямо (это не преувеличение) повторял, что, несмотря на все мои заверения, он не может удовольствоваться ими и что, поскольку условия такого торжественного договора должны быть составлены в ясных и точных выражениях, а я считаю, что не имею полномочий на принятие предлагаемых мне изменений, в особенности в том, что касается определения численности русских войск, которые должны быть выделены для совместных действий, всякое дальнейшее обсуждение становится излишним, и что необходимо послать курьеров в Петербург с целью договориться относительно пунктов, по которым не достигнуто соглашения. Так закончилась, князь, эта последняя встреча. В связи с тем, что я очень подробно рассказал о ней в. с-ву, нет необходимости приводить какие-либо дополнительные соображения; то, что я сообщил, даст в. с-ву возможность оценить действительные мотивы тех возражений, которые были мне сделаны; я указал их в прилагаемом здесь донесении, которое я направляю непосредственно нашему августейшему государю; я прошу в. с-во повергнуть это донесение к стопам е.и.в-ва.

Имею честь...

Граф А. Разумовский

Мирза-Мамед-Шефи, визирь Фетх-Али-шаха, главноуправляющему в Грузии П. Д. Цицианову

1804 г., не позднее 23 мая (4 июня)

Угрожая войной, требует ухода русских войск из Грузии. Предлагает прислать представителя для переговоров.

АКАК, т. II, стр. 807—808.

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов Мирза-Мамед-Шефи, визирю Фетх-Али-шаха

27 мая (8 июня) 1804 г.

Осуждает угрозы Мирза-Мамед-Шефи* и требует выдачи грузинских царевичей Александра и Теймураза, затевавших междоусобную войну в Грузии.

АКАК, т. II, стр. 808—809.

26. Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

№ 295 *29 мая (10 июня) 1804 г.*

Милостивый государь мой, князь Адам Адамович! Мирза Шефига, первый визирь Бабахана, готовящегося с войсками выступить к Еривани и к границам Грузии или чрез Шушу, на сих днях прислал ко мне письмо[33] с персидским чиновником Ягуп-беком, в коем он, стращая многочисленностию войск бабахановых, советует мне оставить Грузию и вывести из оной российские войски. По сему ни с чем не сообразному требованию я ответствовал ему письмом моим[34], которое, равно как и перевод с письма его, имею честь при сем почтеннейше в. с-ву представить на благоусмотрение, присовокупляя, что, надеясь на бога, покровительствующего непобедимое е. и. в-ва оружие, пришествие персидских войск может прибавить оному новые лучи славы.

Я же с совершенным почитанием и таковою же преданностию имею честь...

К[нязь] Пав[ел] Цицианов

Получено 25 августа 1804 г.

Печат. по подлиннику
Опубл. АКАК, т. II, стр. 809.

---

* См. аннотацию на письмо Мирза-Мамед-Шефи П. Д. Цицианову на стр. 71.

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

29 мая (10 июня) 1804 г.

Опасаясь иранского шаха, Шушинский хан просит покровительства императора и обещает всегда сохранять верность России.

АКАК, т. II, стр. 697—698.

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

29 мая (10 июня) 1804 г.

Сообщает о предложенных им Ереванскому Мамед-хану условиях вступления Ереванского ханства в подданство России.

АКАК, т. II, стр. 614.

Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский министру иностранных дел А. Р. Воронцову

29 мая (10 июня) 1804 г.

Сообщается, что продолжать сношения с Францией невозможно, если она не согласится выполнить условия русско-французской секретной конвенции 1801 г. и не выведет свои войска из Ганновера. Со стороны России будет сделано все возможное, чтобы склонить Австрию, Пруссию и Турцию не признавать за Наполеоном императорского титула. Излагаются затруднения, возникшие при подготовке ответа на ноту Талейрана* в связи с оскорбительными намеками по поводу обстоятельств смерти Павла I.

Czartorisky, Mémoires, т. II, стр. 23—27.

27. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский кардиналу—секретарю папы римского Э. Консальви

1(13) июня 1804 г.

J'ai mis sous les yeux de l'empereur le contenu de la lettre que V[otre] é[minence] m'a fait l'honneur de m'écrire en date** du... dernier, en même temps que j'ai présenté à s. m. celle que sa sainteté lui avait adressée que Vous m'avez fait parvenir, monseigneur, sous le même pli[35].

L'empereur n'a pu se défendre d'une surprise mêlée de regret en apprenant l'extradition du chevalier du Vernègues. S. m., ayant fait connaître au st. siège l'aspect sous lequel elle envisageait cette affaire et l'intérêt qu'elle croyait devoir y prendre, elle n'a pu qu'être fort peinée du peu d'efficacité qu'ont eu ses efforts pour prévenir une pareille résolution de la part de sa sainteté. Sans doute il faut l'attribuer à l'impérieuse fatalité des circonstances où se trouve présentement le st. siège, puisqu'il serait impossible de l'expliquer autrement. Mais cette même conviction, en rassurant s. m. sur les dispositions personnelles de sa sainteté à son égard, présente en même temps la conséquence affligeante que la cour de Rome, maîtrisée par une volonté étrangère, l'est au point de ne pouvoir même suivre les principes de justice universellement reconnus et avoués par sa propre conviction. Les offices, que le comte de Cassini a

---

* См. аннотацию на ноту Талейрана П. Я. Убри от 16 мая 1804 г. на стр. 57.
** Пропуск в документе.

fait parvenir successivement à la cour de Rome, touchant l'affaire du chevalier du Vernègues, ont dû suffisamment lui démontrer que dans les réclamations, dont cet individu fut l'objet, la justice était tout autant intéressée que la dignité de s. m. i. Il serait, par conséquent, fastidieux et inutile d'en reproduire le contenu et si je donne place ici à quelques observations de plus que me fournit en abondance la question si précipitamment décidée par la résolution de la cour de Rome relativement à du Vernègues, ce ne sera que pour briser une fois pour toutes sur un cas qui a dû affecter si désagréablement s. m. i.

De quelque manière qu'on veuille envisager la position des émigrés relativement à la France, il est incontestable que tous les liens, qui attachaient ces individus à leur patrie, ont été rompus de fait et par le décret qui prononça leur bannissement et la confiscation de leurs biens et par la peine de mort qu ils encourraient en essayant de rentrer dans leur pays natal. En effet, y a-t-il la plus légère apparence de droit à prétendre qu'un gouvernement puisse être autorisé à poursuivre partout des émigrés auxquels il avait interdit, pour ainsi dire, l'eau et le feu et dont le crime capital est dans cette divergence d opinions qui accompagne ordinairement les mutations politiques. Repoussés pour toujours et irrévocablement du sein de la patrie, comment ne leur serait-il pas permis de se chercher un asile dans une terre étrangère, et peut-on mettre en principe que les autres souverains, dont ils auraient invoqué la protection à charge d'abjurer toute autre sujétion, n'auraient pas le droit de satisfaire à leur vœu? Quelle est la loi divine ou humaine qui ait établi des principes qui répugnent à ce point à l'humanité ainsi qu'à la saine raison? L'amnistie, dira-t-on, annoncée par le gouvernement français aux émigrés, en leur ouvrant la voie du retour en France, leur a ôté en même temps tout prétexte plausible de persister dans le parti qu'ils avaient embrassé. Mais cette amnistie ne saurait être envisagée comme telle, que relativement à ceux d'entre eux qui voulurent en profiter en s'avouant d'eux-mêmes coupables, et ne peut être en aucune manière appliquée aux émigrés qui restèrent inébranlables dans leur première abnégation et se naturalisèrent depuis dans d'autres pays. S'il est reconnu que dans l'état où ils étaient réduits, ils avaient le droit de se choisir une nouvelle patrie, il n'est pas moins indubitable qu'une puissance, qui les avait admis au nombre de ses sujets, s'imposait par là même l'obligation de les protéger et de les réclamer comme tels dans l'occasion.

Je n'ai pas besoin d'observer à V[otre] é[minence] que toutes ces réflexions trouvent complètement leur application dans l'affaire du chevalier du Vernègues. S. m., pour donner une preuve non équivoque de son impartialité, n'a désiré que de recevoir des preuves fondées du délit imputé à du Vernègues et ne pouvait fournir un témoignage plus éclatant de ses sentiments envers le st. père, qu'en se reposant entièrement sur sa stricte justice pour prononcer si effectivement du Vernègues méritait d'être déclaré coupable, sans laquelle persuasion l'empereur supposait que sa sainteté elle-même ne se porterait jamais à livrer un individu honoré du titre de sujet russe et réclamé par s. m.

Ces considérations réunies n'ont pu qu'ajouter à l'impression pénible qu'a éprouvée l empereur en apprenant le dénouement de cette affaire et qui lui paraît d'autant plus affligeant, qu'il ne lui laisse aucun moyen de continuer ses relations avec un gouvernement que s. m. est dans l'alternative de considérer ou comme mal disposé envers elle, ou comme dépouillé de son indépendance. Je me trouve donc dans le cas de faire savoir à V[otre] é[minence] qu'à la suite des ordres de s. m. i., l'ambassadeur du st. siège a reçu l'intimation de quitter cette capitale. L'empereur, en satisfaisant ainsi à un devoir dicté par le sentiment de sa dignité et celui de sa justice, attendra, pour renouer ses relations avec la cour de Rome, le retour d'un ordre de choses plus favorable aux rapports réciproques des deux gouvernements ainsi qu'à l'indépendance de l'Etat ecclé-

siastique et qui ne laisse plus craindre à s.m. que l'événement qui vient de se passer se renouvelle à l'avenir. Je joins ci-après la réponse[36] de s. m. i. à la lettre de sa sainteté, en Vous priant, monseigneur, de la faire parvenir à sa destination et je profite de cette occasion pour Vous offrir l'assurance etc.

P. S. Votre éminence dans sa lettre a bien voulu appuyer sur la connaissance personnelle que j'eus l avantage de contracter avec elle et sur le bonheur que j'ai eu de faire ma cour au saint père pendant mon séjour à Rome. Je me rappelle certainement avec beaucoup de sensibilité du témoignage bienveillant dont j'ai été honoré par sa sainteté à cette occasion, ainsi que des politesses et amitiés que j'ai reçues de la part de V[otre] é[minence]. Mais elle saura mieux apprécier que personne que dans l'exercice de la place qui m'est confiée dans ce moment, ce n'est pas comme particulier que je puis jamais agir, mais comme homme en place dont le premier et unique devoir est d'exécuter les hautes volontés de son souverain d'une manière qui réponde à la confiance qu'il daigne lui accorder.

Помета Александра I: Быть по сему.

Мая 26 дня 1804 г.
Подписано 1 июня и отправлено с фельдъегерем Федоровым июня 7 1804 г.

Печат. по отпуску.

Перевод

Я представил императору письмо, которое Ваше высокопреосвященство оказали мне честь написать...*, одновременно я передал е. в-ву письмо его святейшества, присланное мне Вами, Ваше высокопреосвященство, в том же пакете[35].

Император был удивлен и огорчен известием о выдаче кавалера Вернега. Е. в-во извещал святой престол о том, как он смотрит на это дело и какое участие он счел нужным проявить к этому; поэтому его глубоко огорчило то, что его усилия предупредить подобное решение его святейшества оказались столь безуспешными. Нет сомнения в том, что это следует приписать тем фатальным обстоятельствам, в которых находится в настоящее время святой престол, так-как иное объяснение дать невозможно. Но именно это убеждение, успокоив е. в-во относительно личных чувств его святейшества по отношению к нему, в то же время заставляет сделать печальный вывод о том, что римский двор настолько подчинен чужой воле, что не может даже следовать принципам справедливости, повсеместно признанным и соответствующим его собственным убеждениям. Многократные представления графа Кассини римскому двору по делу кавалера Вернега должны были в достаточной мере ему показать, что, заявляя протесты по делу этого человека, руководствовались как соображениями справедливости, так и достоинства е. и. в-ва. Было бы, следовательно, излишне и бесполезно повторять их содержание, и если я уделяю здесь место нескольким дополнительным замечаниям, которых я мог бы сделать очень много в связи с решением по делу Вернега, столь поспешно принятым римским двором, то исключительно ради того, чтобы раз и навсегда покончить со случаем, который оставил столь неприятное впечатление у е. и. в-ва.

С какой бы точки зрения не пожелали рассматривать положение эмигрантов по отношению к Франции, бесспорно то, что все узы, которые связывали этих людей с их родиной, фактически были порваны как в силу декрета об их изгнании и конфискации их имущества, так и в связи с угрозой смертной казни, которой они подверглись бы при попытке вернуться в родную страну. В самом деле, есть ли хоть малейшие основания утверждать, что какое-либо правительство может иметь право преследовать повсюду эмигрантов, которым оно абсолютно все запретило и главное преступление которых состоит в том, что, как это обычно бывает при политических переменах, они имеют другое мнение. Разве можно не позволить этим людям, навсегда и безвозвратно изгнанным с родины, искать себе убежище в другой стране и можно ли возводить в правило, чтобы другие государи, о покровительстве которых они стали бы просить при условии отказа от всякого иного подданства, не имели права удовлетворить их просьбу? Какие законы, данные богом или принятые людьми, устанавливают начала, противные как человечности, так и здравому смыслу? Могут возразить, что амнистия, объявленная эмигрантам французским правительством, открывая им путь для возвращения во Францию, в то же время лишила их всякого уважительного предлога для оправдания своего нежелания отказаться от ранее принятого решения. Но эту амнистию можно рассматривать таким образом только в отношении тех из них, кто пожелал ею воспользоваться, признав себя виновным, и закон об амнистии никоим образом не может быть применен к тем эмигрантам, которые

остались непоколебимы в своем первоначальном решении и за это время натурализовались в других странах. Если признано, что они имели право в том положении, в которое они были поставлены, выбрать себе новое отечество, то не менее бесспорно, что держава, принявшая их в число своих подданных, тем самым брала на себя обязательство защищать их и вступаться за них, как равных, в случае необходимости.

Мне нет необходимости говорить Вашему высокопреосвященству, что все эти соображения полностью применимы к делу кавалера Вернега. Чтобы дать недвусмысленное свидетельство своего беспристрастия, е. в-во высказал лишь пожелание получить обоснованные доказательства преступления, вменяемого в вину Вернегу, и дал лучшее свидетельство своих чувств по отношению к святому отцу, целиком положившись на его справедливость при определении того, действительно ли Вернег заслуживал быть признанным виновным, так как император полагал, что его святейшество, не будучи убежден в этом, никогда не выдал бы человека, который был удостоен звания русского подданного и за которого заступился е. в-во.

Все эти соображения, взятые вместе, только усилили тягостное впечатление, произведенное на императора известием о развязке этого дела, представляющейся ему тем более прискорбной, что она не оставляет ему никакой возможности продолжать сношения с правительством, которое е. в-во вынужден рассматривать или как недружелюбно настроенное по отношению к нему, или же как лишенное независимости. Итак, я должен сообщить Вашему высокопреосвященству, что вследствие повелений е. и. в-ва посол святого престола извещен о том, что он должен покинуть С.-Петербург. Император, исполнив таким образом долг, продиктованный ему чувствами достоинства и справедливости, возобновит свои отношения с римским двором лишь после того, как будет восстановлен порядок вещей, более благоприятствующий отношениям между обоими правительствами и независимости Церковной области, и е. в-во сможет не опасаться более, что только что имевшее место событие повторится в будущем. Прилагаю к сему ответ[36] е. и. в-ва на письмо его святейшества и прошу Вас, Ваше высокопреосвященство, доставить его по назначению. Я пользуюсь этим случаем, чтобы заверить Вас...

P. S. Ваше высокопреосвященство в своем письме соблаговолили сослаться на личное знакомство, которое я имел удовольствие завязать с Вами, а также на то, что я имел счастье быть представленным святому отцу во время моего пребывания в Риме. Конечно, я вспоминаю с большой признательностью о благосклонном отзыве, которым его святейшество меня почтил по этому случаю, так же как и о той учтивости и дружбе, которые были проявлены Вашим высокопреосвященством. Но Вы лучше, чем кто-либо другой, понимаете, что при исполнении той должности, которая мне доверена в настоящий момент, я должен действовать не как частное лицо, а только как должностное лицо, первая и единственная обязанность которого так исполнять высочайшие повеления своего государя, чтобы оправдать его доверие.

28. Посланник в Константинополе А. Я. Италинский товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

3(15) июня 1804 г.

Monseigneur, le conseiller de cour Charles Fonton consul général à Raguse m'a informé par son rapport de 23 avril (4 mai)* dernier qui m'est parvenu le 1(13) de ce mois que le métropolite d'Herzegowine Eremia, étant parti de Raguse pour aller remplir dans son diocèse les vues de la cour impériale, a été arrêté à Trebinia, la ville la plus voisine du territoire de Raguse, avec un de ses archimandrites Arsenie par ordre du pacha de cette contrée; que ce pacha les avait mis l'un et l'autre aux arrêts en les menaçant de traitements plus durs encore; qu'il a fini par expédier à Travnik au pacha de Bosnie le métropolite et toute sa suite que ce gouverneur n'avait pas demandé et qu'il ne paraît vouloir inquiéter, et il a retenu en prison à Trebinia l'archimandrite Arsenie. Le consul général Fonton m'ajoute que celui-ci s'étant adressé secrètement à lui pour le délivrer, il en a de suite fait part à M[r] le général comte Ivelitche, parce que cette affaire a du rapport avec sa commission; que ce général en ayant écrit au pacha de Trebinia, il en a reçu une réponse peu satisfaisante.

Dès que cette information du consul général Fonton m'est parvenue, je me suis empressé, en mettant sous les yeux de la Porte cette conduite du pacha de

---

* *Так в документе.*

Trebinia et en demandant qu'il soit immédiatement pris des mesures pour la mise en liberté de l'archimandrite Arsenie, de requérir le ministère ottoman qu'il soit expédié au pacha de Bosnie des ordres d'une nature à garantir désormais tant au métropolite, qu'aux autres moines grecs, qui par un effet des circonstances actuelles doivent avoir avec nous des liaisons dont l'effet est de servir la cause de l'Empire ottoman comme la nôtre, la sûreté et la tranquillité qu'ils sont en droit d'espérer de notre coopération et de la bonne harmonie qui subsiste entre la cour impériale et la Porte.

En renouvelant à cette occasion au ministère ottoman les considérations, qui toujours, mais essentiellement dans la situation actuelle des choses, lui font, pour son intérêt le plus majeur, une nécessité indispensable de ménager ses sujets chrétiens et de s'abstenir de ces avanies et de ces procédés qui rendent leur joug intolérable, je ne lui ai pas dissimulé l'étonnement et la peine que s. m. i. éprouvera en voyant que le ministère ottoman n'a point eu égard aux conseils réitérés qu'elle lui a fait donner; je lui ai représenté que c'est disposer ces habitants à servir des projets qu'il importe tant à la Sublime Porte de déjouer; que tous nos efforts et les siens pour s'opposer aux tentatives des Français échoueront, si les populations des contrées à défendre et de celles qui les avoisinent sont en leur faveur; que les conséquences d'une telle situation seraient des plus funestes à la Porte, enfin, j'ai fait en sorte d'émouvoir le ministère ottoman de manière à le décider à l'expédition des ordres tels que nous pouvons les désirer et à réitérer les prescriptions aux autres commandants.

Le reis-effendi, en convenant de la parfaite justesse de mes observations, m'a fait assurer que les ordres les plus précis avaient été donnés partout de traiter les rayas avec douceur et bonté, et que les divers commandants avaient promis d'y obéir ponctuellement. Il s'est récrié contre leur avidité et leurs vexations, il a paru singulièrement ému du procédé du pacha de Trebinia et a ordonné en présence du premier drogman Fonton d écrire une lettre très énergique au pacha de Bosnie dont il relève. Elle sera expédiée par un tartar *ad hoc* et le reis-effendi m'a promis de m'en remettre une copie que je lui ai demandée.

J'ai l'honneur de joindre ici la copie de la lettre[37] de Mr le général-major Ivelitche, indiquant ses opérations à Monténégro et que j'ai communiquée à la Porte dans mon entrevue avec le reis-effendi.

Je suis...

A. d'Italinsky

Получ[ено] июля 2 1804 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Ваше сиятельство, надворный советник Карл Фонтон, генеральный консул в Рагузе, своим донесением от 23 апреля (4 мая)* с. г., полученным мною 1(13) сего месяца, уведомил меня, что митрополит Герцеговины Иеремия, выехавший из Рагузы для того, чтобы осуществлять в своей епархии виды императорского двора, был арестован в Требинии (наиболее близком к территории Рагузы городе) вместе со своим архимандритом Арсением по распоряжению паши этой области; этот паша посадил их обоих под арест, угрожая обойтись с ними еще более сурово; в конце концов он отправил в Травник к боснийскому паше митрополита и всех сопророждавших его лиц, чего этот правитель не требовал и, видимо, он не имел желания беспокоить их, а архимандрита Арсения оставил в тюрьме в Требинии Генеральный консул Фонтон добавляет, что, поскольку этот последний тайно обратился к нему с просьбой вызволить его, он немедленно уведомил об этом генерала графа Ивелича, так как это дело имеет отношение к данному ему поручению; генерал Ивелич написал об этом паше Требинии, но получил малоудовлетворительный ответ.

Как только я получил это сообщение генерального консула Фонтона, я незамедлительно обратил внимание Порты на подобное поведение паши Требинии, попросив принять срочные меры к освобождению архимандрита Арсения, и потребовал от оттоманского министерства, чтобы боснийскому паше были отправлены приказания, которые могли бы гарантировать в дальнейшем как митрополиту, так и другим греческим монахам, которые в силу нынешних

обстоятельств должны поддерживать с нами связи, призванные служить как интересам Оттоманской империи, так и нашим интересам, безопасность и спокойствие, на что они вправе рассчитывать в связи с сотрудничеством с нами и добрым согласием, существующим между императорским двором и Портой.

Вновь изложив по этому случаю оттоманскому министерству соображения, в силу которых всегда, а в особенности при нынешнем положении вещей, Порте настоятельно необходимо, ради ее собственных коренных интересов, хорошо относиться к своим христианским подданным и воздерживаться от таких притеснений и действий, которые делают ее иго невыносимым, я не скрыл от него, что е. и. в-во будет крайне удивлен и огорчен, узнав, что оттоманское министерство совершенно не учло неоднократно дававшихся по его указанию советов. Я заявил, что такие действия побуждают местное население служить планам, осуществления которых Блистательной Порте столь важно не допустить, что все усилия России и Порты, направленные на то, чтобы противодействовать посягательствам французов, потерпят неудачу, если население областей, которые нужно защищать, а также соседних с ними областей, будет на их стороне, и что последствия такого положения вещей оказались бы весьма пагубными для Порты. В общем, я действовал таким образом, чтобы расшевелить оттоманское министерство и побудить его послать повеления в желательном для нас духе и дать повторные предписания другим военачальникам.

Реис-эфенди, согласившись со справедливостью моих замечаний, заверил меня, что всем военачальникам даны самые точные повеления относиться к райя мягко и доброжелательно и что многие из них обещали в точности исполнять их. Он снова жаловался на их жадность и чинимые ими притеснения, и было похоже, что он крайне возмущен действиями паши Требинии; в присутствии первого драгомана Фонтона он распорядился написать очень решительное письмо боснийскому паше, которому паша Требинии подчинен. Это письмо будет отправлено курьером-татарином *ad hoc*, и реис-эфенди по моей просьбе обещал дать мне его копию.

Имею честь приложить к сему копию письма[37] г-на генерал-майора Ивелича, где говорится о его действиях в Черногории и которое я сообщил Порте во время беседы с реис-эфенди.

Пребываю...

А. Италинский

29. Посланник в Константинополе А. Я. Италинский товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

3(15) июня 1804 г.

Monseigneur, j'ai l'honneur de transmettre à v. ex. la copie d'une lettre[38] qui m'est parvenue de la part des Serviens en insurrection[39] contre les dais de Belgrade[40].

Je ne crois pas devoir leur répondre par écrit, avant d'avoir connu les intentions de v. ex. à cet égard. D'ailleurs, il me semble qu'il ne serait pas sans inconvénient pour eux-mêmes et pour ne pas compromettre la cour impériale de leur faire passer ma réponse, puisque eux-mêmes ne m'en ont pas indiqué les moyens. Je ferai en sorte, cependant, de leur faire savoir verbalement que leur lettre m'est parvenue et de les assurer de tout l'intérêt que la cour impériale prendra à leur position. Je crois que pour pouvoir leur être utile, il serait convenable de leur faire insinuer que l'époque à laquelle ils pourront obtenir par eux-mêmes, et appuyés par l'intervention de la cour impériale, des assurances pour l'avenir, contre l'oppression des Turcs, sera sans doute lorsqu'ils se seront rendus maîtres de Belgrade, et en ne remettant cette place entre les mains de la Porte que lorsqu'ils auront obtenu des assurances suffisantes pour leur tranquillité future; que tous leurs efforts doivent donc tendre à s'emparer de cette forteresse et à faire en sorte que des troupes turques ne s'y introduisent pas avec eux, pour être en état de prendre avec la Porte un ton capable de la mettre en considération et de la faire consentir à leurs propositions pour lesquelles ils demanderont exclusivement la garantie de la cour impériale.

En effet, ce sera le moment le plus favorable et le seul qui pourra décider la Porte à consentir à notre intervention, car quelle que soit sa confiance dans les sentiments de la cour impériale, quelle que soit sa faiblesse, elle cherchera à

éviter une intervention étrangère entre elle et ses sujets et n'y consentira que lorsqu'elle ne pourra pas faire autrement; pour y être forcée, il me paraît donc que les Serviens doivent suivre la marche que je me propose de leur tracer.

V. ex. sentira aisément la délicatesse de telles insinuations à leur faire, s'il serait de la prudence de les mettre par écrit, et si je n'ai pas besoin d'une autorisation particulière de v. ex. pour agir en conséquence. Je m'occuperai néanmoins immédiatement des moyens d'établir des relations sûres avec eux et de m'assurer préalablement jusqu'à quel point ils peuvent avoir des intelligences avec les Autrichiens, car il est à présumer que le voisinage y a donné lieu de part et d'autre, que la cour de Vienne cherchera à les cultiver pour des circonstances à venir et que, surtout ne pouvant voir que d'un œil jaloux l'influence que donnerait à la cour impériale une intervention de cette nature en faveur des Serviens, elle voudra nous contrecarrer.

Sans pouvoir certifier à v. ex. la vérité de quelques renseignements, que j'ai pu recueillir sur la conduite de la cour de Vienne dans cette querelle entre les dais et les Serviens, je dois les communiquer à v. ex.

L'information donnée à la Porte en dernier lieu par l'internonce, et comme pour se concerter avec elle, consiste dans les demandes que les deux parties ont faites aux commandants autrichiens, savoir les dais en vivres, et les Serviens en munitions. L'internonce a ajouté que sa cour désirait connaître lequel de ces deux partis la Porte voudrait que l'on favorisât.

Le ministère ottoman n'a point voulu s'expliquer catégoriquement et a répondu à l'internonce que les uns et les autres étaient sujets de la Porte.

En attendant l'on est instruit que les dais qui manquaient de vivres, ce qui donnait l'espoir aux Serviens d'une prochaine reddition de la place, en ont tiré des Etats autrichiens, et qu'ils sont pourvus pour 6 mois.

Ne pourrait-on pas supposer aux Autrichiens l'intention de favoriser la résistance des dais pour porter les Serviens au découragement et les engager à chercher un asile dans les Etats de la cour de Vienne, ou bien n'a-t-elle seulement que l'idée de prolonger cette situation désagréable de la Porte?

Les succès des Serviens se maintiennent cependant, et Mr l'internonce a communiqué à la Porte la nouvelle de la reddition de Sabache sur la Save et la capitulation dans laquelle un général autrichien est intervenu.

La garnison a obtenu de se rendre à Belgrade et a été escortée, en passant la Save, par un régiment autrichien. Les femmes ont été transportées en Bosnie, sous l'escorte des Serviens.

Je suis ... A. d'Italinsky

Получено июля 2 1804 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Ваше сиятельство, имею честь переслать Вам копию письма[38], полученного мною от сербов, восставших[39] против белградских дахиев[40].

Я не думаю, что мне следует давать им письменный ответ, не узнав предварительно намерений в. с-ва на этот счет. К тому же, мне кажется, отправление мною письма им могло бы иметь неприятные для них самих последствия и скомпрометировать императорский двор, так как они сами не указали мне для этого путей. Все же я постараюсь известить их в устной форме, что это письмо мною получено, и заверю в том, что императорский двор проявит всяческое участие к их положению. Чтобы иметь возможность принести им пользу, следовало бы, по-моему, намекнуть им на то, что, опираясь на посредничество императорского двора, они смогут, без сомнения, сами добиться гарантий на будущее против угнетения турками, если они завладеют Белградом и не будут возвращать эту крепость Порте до тех пор, пока не получат достаточных гарантий их будущего спокойствия; что все их усилия поэтому должны быть обращены на то, чтобы овладеть этой крепостью, не допустив при этом проникновения туда вместе с ними турецких войск, и получить тем самым возможность разговаривать с Портой языком, способным заставить ее считаться с ними и согласиться на их предложения;

им следует потребовать для этих последних гарантий только императорского двора, а не какого-либо другого.

В самом деле, это будет наиболее благоприятный момент и единственная возможность для того, чтобы вынудить Порту дать согласие на наше посредничество, так как, каково бы ни было доверие ее к чувствам императорского двора и какова бы ни была ее слабость, она будет стараться избежать иностранного посредничества между нею и ее подданными и даст свое согласие на него лишь в том случае, если у нее не будет другого выхода; чтобы вынудить ее к этому, сербы, как мне кажется, должны следовать советам, которые я собираюсь им дать.

Вы, в. с-во, хорошо понимаете, сколь щекотливым делом являются подобные намеки, что поэтому вряд ли благоразумно излагать их письменно и что мне нужно особое разрешение в. с-ва, чтобы действовать соответствующим образом. Все же я немедленно займусь изысканием средств, для того чтобы установить с ними надежные связи и предварительно разузнать, насколько далеко зашли их отношения с австрийцами, так как следует предполагать, что соседство способствовало этому как с той, так и с другой стороны, что венский двор будет стараться поддерживать их в расчете на обстоятельства, могущие возникнуть в будущем, и, главное, что он захочет противодействовать нам, поскольку он не может не отнестись ревниво к тому влиянию, которое приобретет императорский двор благодаря такого рода вмешательству в пользу сербов.

Не имея возможности ручаться перед в. с-вом за достоверность некоторых сведений, которые я смог собрать относительно поведения венского двора в этой распре между дахиями и сербами, я все же должен довести их до сведения в. с-ва.

В сообщении, сделанном недавно Порте интернунцием как бы для того, чтобы посоветоваться с ней, говорится, что обе стороны обратились к австрийским военачальникам с просьбами: дахии — о продовольствии, а сербы — о боеприпасах. Интернунций добавил, что его двор хотел бы знать желание Порты относительно того, какой из этих двух партий следует благоприятствовать.

Оттоманское министерство не пожелало объясниться определенно и ответило интернунцию, что и те и другие являются подданными Порты.

Между тем получено известие, что дахии, у которых не хватало продовольствия, что давало сербам надежду на скорую сдачу крепости, получили его из австрийских владений и что они обеспечены продовольствием на шесть месяцев.

Можно предположить, что у австрийцев имеется намерение содействовать сопротивляющимся дахиям, чтобы отнять у сербов надежду и вынудить их искать убежища во владениях венского двора, или же они лишь хотят продлить это неприятное для Порты положение.

Однако сербы продолжают добиваться успехов, и г-н интернунций сообщил Порте о сдаче Шабаца на Саве и о капитуляции, при которой был посредником какой-то австрийский генерал.

Гарнизону было разрешено уйти в Белград, и он переправился через Саву под прикрытием полка австрийских войск. Женщины были отправлены в Боснию под конвоем сербов.

Пребываю...

А. Италинский

30. Александр I посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

4(16) июня 1804 г.

Monsieur le conseiller privé Alopeus. Les principes qui m'ont guidé dans la proposition, que j'ai faite au roi de Prusse, d'unir nos moyens pour préserver le reste du Nord de l'Allemagne du sort, sous lequel gémit l'électorat d'Hannovre, ayant de même conduit s. m. prussienne à conclure les engagements qu'elle vient de prendre avec moi, la satisfaction que j'en ai ressentie m'a décidé à accepter la contre-déclaration* que Vous m'avez fait parvenir, malgré les changements notables qui s'y trouvent. Le ministère prussien s'étant d'ailleurs expliqué avec Vous, que les termes de cet acte n'altèrent en rien le sens, dans lequel ma déclaration** a été rédigée, je Vous autorise à lui déclarer que le considérant sous cet aspect, j'en suis parfaitement satisfait. L'assurance verbale, donnée par s. m. prussienne, de comprendre dans le *casus foederis* la seigneurie de Jever et le duché d'Oldenbourg, me paraît être une sûreté équivalant à l'acte le plus solennel, et m'en reposant sur la loyauté de s. m. pour en remplir

* См. док. 23.
** См. док. 13.

les engagements, je trouve la conclusion d'une convention à ce sujet totalement superflue, à moins que mon allié ne veuille de lui-même constater sa promesse par un article additionnel à sa déclaration. J'en laisse la décision à sa volonté et je le recevrai avec plaisir en cas qu'il s'y porte de lui-même.

La confiance, à laquelle je me plais à m'abandonner vis-à-vis de s. m. prussienne, sera, je n'en doute pas, appréciée par elle d'autant plus, qu'elle porte sur des parties du Nord de l'Allemagne, qui sont au premier rang dans les objets de ma sollicitude, et si je consens à mettre le Veser entre les Français et nous, ce n est qu en établissant au préalable que la seigneurie de Iever et le duché d'Oldenbourg sont expressément inclus dans le *casus foederis*. Vous aurez donc soin de vous expliquer à ce sujet d'une manière tellement claire, qu'elle ne puisse donner lieu à aucune interprétation ou mésentendu.

Si je trouve un plaisir réel à donner à s. m. prussienne des témoignages non douteux de l'estime que je porte à la loyauté de son caractère, je ne veux pas non plus Vous cacher que j'aurais préféré de ne pas retrouver dans l'exorde de la déclaration prussienne, une sorte de déférence pour le gouvernement français, qui paraît inutile dans une transaction entre nous deux. La déduction des motifs, qui ont porté le roi de Prusse à ne point souffrir de nouveaux empiétements de la part des Français en Allemagne, semble être plutôt une apolcgie sur la nécessité qui l'y contraint, qu'un exposé énergique des raisons sans nombre, qui sont de nature à décider une puissance, à laquelle sa position géographique et les moyens, dont elle peut disposer, ont confié le noble emploi de soustraire les Etats qui l'avoisinent de l'asservissement que la France leur prépare. J'aurais aussi désiré qu'on eût admis à Berlin ma proposition de commencer nos opérations contre les troupes françaises du moment que celles-ci auraient dépasse la ligne, derrière laquelle elles se trouvaient au moment de l'échange des déclarations. En faisant cette proposition, je n'ignorais pas le peu d'importance qu'offraient les possessions des princes nommés dans le quatrième article de la déclaration prussienne; si j'ai voulu ne pas les exclure de *casus foederis*, c'est parce que leur territoire offrait des avantages pour l'armée française dans le Hannovre, qu'il me paraissait convenable de ne pas lui laisser prendre. Les postes militaires que les Français pourront occuper, devant servir soit à renforcer leur position, soit à préparer leurs opérations ultérieures, tous les mouvements qui serviraient à mettre le premier consul en état de porter au reste du Nord de l Allemagne les coups qu'il médite, devaient être pour nous un appel de guerre, et lorsqu'on ne peut douter des projets hostiles de son ennemi, il est plus prudent de les prévenir que de lui laisser le temps de les mûrir et de se donner les facilités qu'il peut désirer pour leur exécution. Ce raisonnement s'applique naturellement aux circonstances dans lesquelles nous nous trouvons. Je ne doute nullement que Votre sagacité ne Vous l'ait suggéré, et j'aurais voulu que Vous n eûssiez pas omis d'en faire usage dans Vos conversations avec le baron de Hardenberg. Néanmoins, ayant accepté la déclaration prussienne, j'en adopte le dispositif et ne doute nullement que mon allié n'apporte tous ses soins à remplir avec promptitude, au premier indice du danger que nous sommes convenus de prévenir, tous les engagements qu'il s'est imposés. Vous vous empresserez de l'assurer en mon nom qu'il peut aussi compter sur l exécution fidèle de mes engagements et sur l'emploi des mesures énergiques, dont je sens vivement l urgence.

Il me serait difficile de décider dès à présent, de quelle manière les différentes armes du corps de troupes, que je destine pour le Nord de l'Allemagne, devront être transportées sur le théâtre des opérations; mais Vous devez prévenir le ministère prussien que je ne pense pas que toute l'infanterie du corps russe puisse être envoyée par mer, et qu'il puisse y avoir un grand avantage de séparer les pièces d'artillerie de leur train. Au reste c'est un objet de détail qui

ne saurait se régler définitivement qu'au moment de l'expédition et selon les circonstances. Dans tous les cas je préférerai certainement le mode qui offrira le plus de célérité et qui sera le plus à la convenance de mon allié.

Je ne peux pas finir sans Vous assurer de ma bienveillance pour la part que Vous avez eue à amener à sa confection une affaire, à laquelle j'ai pris un intérêt si vif. Je suis...

A l e x a n d r e***

Получен 14(26) июня 1804 г. с курьером подпоручиком Меркелем.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин тайный советник Алопеус. Принципы, которыми я руководствовался, предлагая королю прусскому объединить наши силы с целью избавить остальную часть Северной Германии от прискорбной участи, постигшей курфюршество Ганноверское, недавно побудили также и его прусское в-во взять на себя обязательства по отношению ко мне. Будучи весьма удовлетворен этим, я решился принять пересланную мне Вами контрдекларацию *, несмотря на внесенные в нее значительные изменения. Ввиду того, что прусское министерство к тому же объяснило Вам, что формулировки этого акта ни в чем не изменяют смысла моей декларации **, я уполномочиваю Вас заявить ему, что, рассматривая его с этой точки зрения, я нахожу его вполне удовлетворительным. Данное его прусским в-вом устное заверение считать землю Еверскую и герцогство Ольденбургское включенными в casus foederis представляется мне гарантией, равноценной самому торжественному акту, и, полагаясь на честность е. в-ва в деле выполнения взятых им на себя обязательств, я считаю совершенно излишним заключать конвенцию по этому вопросу, если только мой союзник сам не захочет подтвердить свое обещание дополнительной статьей к своей декларации. Я предоставляю решение этого вопроса на его усмотрение и с удовольствием приму его в случае, если он сам склонится к этому.

Я не сомневаюсь, что доверие, с которым я полностью полагаюсь на его прусское в-во, будет оценено им, тем более что речь идет о тех частях Северной Германии, которые являются одним из важнейших предметов моих забот, и если я соглашаюсь на то, чтобы нас и французов разделял Везер, делаю это, лишь оговорив предварительно, что земля Еверская и герцогство Ольденбургское самым определенным образом включаются в *casus foederis*. Следовательно, Вы должны постараться объясниться на этот счет настолько ясно, чтобы какие-либо иные толкования или недоразумения не могли иметь места.

Если я испытываю истинное удовольствие, давая его прусскому в-ву несомненные доказательства того, сколь сильно я уважаю прямодушие его характера, то я не хочу также скрывать от Вас, что я предпочел бы не видеть во вступительной части прусской декларации некоторой почтительности по отношению к французскому правительству, которая представляется ненужной при заключении соглашения между нами двумя. Изложение соображений, побудивших короля прусского не допускать новых посягательств со стороны французов в Германии, более похоже на оправдательную речь о том, что его вынуждает к этому необходимость, чем на изложение в решительном тоне бесчисленных причин, которые по своему характеру должны побудить действовать державу, на долю которой в связи с ее географическим положением и средствами, имеющимися в ее распоряжении, выпала благородная миссия оградить соседние с нею государства от порабощения, уготованного им Францией. Я бы желал также, чтобы в Берлине приняли мое предложение начать наши операции против французских войск, как только последние перейдут линию, на которой они будут находиться к моменту обмена декларациями. Делая это предложение, я знал, сколь небольшое значение имеют владения князей, перечисленных в четвертой статье прусской декларации; и если я не захотел исключить их из casus foederis, то лишь потому, что их территория предоставляет преимущества французской армии в Ганновере, и мне представлялось важным не позволить французам воспользоваться ими. Поскольку позиции, которые могут занять французские войска, должны служить укреплению их положения или подготовке их будущих операций, то поэтому все передвижения войск, направленные на то, чтобы обеспечить первому консулу возможность нанести остальной части Северной Германии замышляемые им удары, должны явиться для нас сигналом войны, а когда враждебные замыслы неприятеля не вызывают сомнения, то разумнее предупредить их, чем дать ему время хорошо подготовиться к осуществлению своих планов и обеспечить себе для этого наиболее благоприятные условия, каких он только может желать. Это соображение приложимо, естественно, к обстоятельствам, в которых мы находимся. Я нисколько не сомневаюсь, что Ваша проницательность уже подсказала его Вам, и мне хотелось бы, чтобы Вы не преминули использовать его в Ваших беседах

*** Контрассигновано А. А. Чарторыйским.

с бароном Гарденбергом. Тем не менее, приняв прусскую декларацию, я согласился и с той ее частью, где речь идет об обязательствах, нисколько не сомневаясь в том, что мой союзник приложит все усилия к тому, чтобы при первом же признаке опасности, предупредить которую мы договорились, быстро выполнить все принятые им на себя обязательства. Соблаговолите заверить его от моего имени, что он также может рассчитывать на то, что я в точности выполню свои обязательства и употреблю самые решительные меры, неотложную необходимость которых я хорошо понимаю.

Мне было бы трудно решить уже сейчас, каким образом различные рода войск армейского корпуса, выделяемого мною для действий в Северной Германии, должны быть перевезены к театру военных действий; но Вы должны предупредить прусское министерство, что я не думаю, что всю пехоту русского корпуса можно будет перевезти морем и что было бы выгоднее отправлять артиллерийские орудия отдельно от их обоза. Впрочем, это вопрос о деталях и его можно будет окончательно разрешить лишь в момент отправки корпуса и сообразно обстоятельствам. В любом случае я, конечно, предпочту тот способ, который обеспечит наибольшую быстроту и более всего устроит моего союзника.

В заключение я хочу выразить Вам мое благоволение за то участие, которое Вы приняли в доведении до конца дела, в котором я был столь заинтересован. Пребываю...

Александр***

31. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

*7(19) июня 1804 г.**

Monsieur le comte. Le général Hédouville vient de quitter cette capitale par congé, après avoir installé le Sr Reyneval en qualité de chargé d'affaires de la république. Il ne s'est acquitté ici d'aucun office en réponse à celui[8] que notre chargé d'affaires à Paris avait remis au ministre des relations extérieures, relativement à ce qui s'était passé dans l'électorat de Bade. Son départ ayant précédé l'arrivée du courrier dépêché par le Sr Oubril avec la réponse [28] du gouvernement français, je me suis trouvé dans le cas de faire accompagner les passeports que ce ministre avait demandés de la note[41] que v. ex. trouvera ci-jointe en copie. Par ce courrier du Sr Oubril nous apprîmes que le premier consul s'était fait proclamer empereur des Français[42].

Ce nouveau changement dans le gouvernement français doit, sans doute, fixer l'attention des principales cours de l'Europe. Quoique ce titre n'ajoute rien à la puissance que Bonaparte exerce en France, il pourrait servir de prétexte à son ambition désordonnée pour étendre sa domination encore fort au delà de ses limites actuelles. Dans cette supposition, que le caractère connu de Bonaparte rend probable, aucune cour autant que celle de Vienne, n'est intéressée à se procurer une garantie capable de la rassurer sur les projets ultérieurs de Bonaparte qui ne se fera sans doute pas scrupule de chercher à s'emparer de tous les titres dont Charlemagne (qu'il annonce déjà avoir pris pour modèle) avait été revêtu. Toutes ces considérations, quoique absolument étrangères aux intérêts de notre auguste maître, occupent cependant sa prévoyance relativement aux résultats qui pourraient intéresser tout le reste de l'Europe, et en particulier la maison d'Autriche. Dans cet état de choses, s. m. i. n'a donc pu recevoir qu'avec un plaisir bien vif, l'assurance donnée d'avance par la cour de Vienne, sans aucune insinuation préalable de notre part, de ne point se décider à reconnaître l'empereur des Français, avant de savoir l'opinion de notre auguste maître. S. m. a été d'autant plus sensible à cette nouvelle marque de confiance, qu'elle est toujours bien aise de pouvoir agir de concert avec s. m. impériale et royale.

---

* Настоящее письмо (за исключением постскриптума) было написано и утверждено 2(14) июня 1804 г., но было задержано отправкой в связи с получением известия о намерении Франца II провозгласить себя наследственным императором Австрии.

On ne saurait disconvenir, d'ailleurs, qu'il serait très profitable pour la chose publique que les grandes puissances, au lieu de se presser à satisfaire la gloriole de Bonaparte, voulussent au contraire profiter d'une occasion qui pourrait ne pas renaître de sitôt pour imposer à sa vanité des sacrifices dont l'humanité entière profiterait. Si elles rendaient leur consentement conditionnel, leur propre dignité serait conservée en ce qu'en se prêtant à légitimer l'usurpation de Bonaparte, et associant sa race à l'auguste famille des maisons souveraines de l'Europe, on aura du moins obtenu quelque acheminement vers le rétablissement, plus ou moins complet, de l'équilibre en Europe, et l'on aura donné protection aux puissances qui par leurs propres moyens ne pouvaient se procurer l'indépendance dont elles sont en droit de jouir.

S. m. i., par suite de cette confiance illimitée dont elle aime à user vis-à-vis de la cour de Vienne, n'hésite pas à faire part à l'empereur et roi, qu'elle ne se propose de procéder à la reconnaissance du nouvel empereur qu'aux conditions suivantes: l'évacuation instante du royaume de Naples, une indemnisation convenable pour le roi de Sardaigne, et la retraite totale des troupes françaises de dessus le territoire de l'Empire germanique.

L'empereur serait très sensible si l'ambassadeur d'Autriche recevait ordre d'appuyer les démarches de notre chargé d'affaires, et s. m. ne demanderait pas mieux en réciprocité que d'intervenir par son appui dans les conditions que la cour de Vienne jugerait de son côté nécessaire de mettre à sa reconnaissance. Elle n'a donc qu'à s'expliquer franchement avec nous là-dessus et se tenir pour assurée que ses intérêts en cette occurence seront ménagés et poursuivis par nous avec tout le zèle qu'elle pourrait attendre de l'allié le plus intime.

V. ex. voudra bien s'ouvrir immédiatement dans ce sens avec le ministère impérial et royal, et m'instruire le plus tôt possible du résultat de cette ouverture; et si, dans ce but, la coopération de notre chargé d'affaires était nécessaire au comte de Cobenzl, pour quelque autre point à exiger du gouvernement français, v. ex. pourra en faire part directement au Sr Oubril, auquel l'ordre de se concerter avec le comte de Cobenzl et de joindre à ses propositions sera envoyé d'ici par un courrier qui va être expédié incessamment pour Paris, avec les déterminations finales de notre auguste maître sur la réponse que nous venons de recevoir de la France; résolution qui Vous sera aussi transmise en détail, afin que Vous en fassiez part au ministère, mais que j'ai cru convenable de faire précéder par ces communications préalables, afin de donner au cabinet de Vienne le temps de prendre les déterminations qu'il croira les plus convenables.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

P. S. Cette dépêche était prête à être expédiée par le présent courrier, lorsque le feldjäger Prochnizki, chargé des rapports ** de v. ex. est arrivé ici. Ce n'est pas aujourd'hui que je puis m'étendre sur ce qui fait l'objet principal[30] de cette expédition que je n'ai eu le temps que de parcourir à la hâte et sur laquelle, avant de prendre les ordres de l'empereur, je dois attendre que le c[om]te de Stadion reçoive son courrier; mais je ne veux pas remettre à une autre fois de Vous parler de la surprise que nous avons éprouvée ici en apprenant le dénouement des communications qui Vous ont été faites par le c[om]te de Cobenzl relativement à la reconnaissance de Bonaparte comme empereur[41] et dont Vous nous avez informé précédemment.

Il est vraiment étonnant de voir, dans un moment aussi critique, le ministère de Vienne ne s'occuper que d'un point de vanité et ne point s'arrêter plutôt sur des objets qui auraient trait aux intérêts majeurs de la monarchie et

** В частности, имеется в виду донесение А. К. Разумовского от 12(24) мая 1804 г. (см. прим. 31).

de l'Europe. Comment croire que la maison d'Autriche, aux dépens de sa gloire et de son honneur, veuille avoir une telle obligation à Bonaparte; rien ne pourrait faire un effet plus fâcheux en Europe, que si l'on voyait le chef de l'empire d'Allemagne, qui jusqu'ici a été le plus ferme appui de sa constitution, profiter de ce qui se passe en France pour obtenir des concessions contraires aux principes de cette même constitution et sanctionner la nouvelle usurpation de Bonaparte en s'y associant en quelque façon.

D'ailleurs, ce n'est pas de la France seule qu'il dépend de rendre héréditaire la dignité impériale en Allemagne; mais si même cela était, il serait infiniment impolitique de la part de l'Autriche, dans un moment où il s'agit de faire sentir à tous les Etats la nécessité de l'union et des mesures communes, de mettre en avant une telle proposition qui ne pourra manquer de mécontenter et de rendre soupçonneux à nouveaux frais tous les princes d'Allemagne et particulièrement la Prusse, à laquelle la cour impériale disait vouloir inspirer de la confiance et l'engager à un rapprochement sincère.

Je n'ai pas grand espoir, d'après les dispositions dans lesquelles se trouve la cour de Vienne, que les démarches que Vous ferez en vertu des instructions contenues dans les dépêches d'aujourd'hui, aient le résultat désiré et que la cour de Vienne veuille entrer dans les intentions de s. m. i. qui dans ces circonstances se propose d'exiger l'exécution des engagements que la France a contractés avec la Russie et qui tous ont pour but le bien général.

Si nous offrons à la cour où Vous êtes de soutenir les propositions qu'elle ferait de son côté, ce n'est pas sans doute dans la supposition qu'elles seraient du genre de celle que le c[om]te de Cobenzl Vous a mentionnée, mais dans le cas qu'elles auraient un but réellement utile à la monarchie autrichienne et tendraient à garantir, autant que faire se peut, la sûreté et le repos de l'Europe.

Dans cet état de choses, s. m. s'en fie à Votre zèle, M^{r} le comte, et désire que Vous employiez tous Vos soins pour obtenir au moins du ministère autrichien qu'il ne se presse pas d'acquiescer à la demande de Bonaparte.

Les observations susmentionnées dans ce P. S., et dont v. ex. pourra faire usage dans ses explications avec le comte de Cobenzl, seront regardées, je me flatte, comme une preuve de l'intérêt sincère que l'empereur, notre maître, porte à s. m. i[mpériale] et r[oya]le. Mais c'est avec peine que s. m. voit, par incidents de ce genre, la différence d'opinion et de principes, qui paraît quelquefois entre les deux cours, ce qui pourrait faire craindre qu'un concert entre elles ne devienne difficile. Dans tous les cas, la conduite de l'empereur ne variera pas; parfaitement tranquille pour la sûreté de son empire et ayant rempli ce que sa dignité exigera, il laissera aisément à ceux qui croiront pouvoir faire tête à l'orage, en suivant un autre système que le sien, le soin de le conjurer.

Ut in litteris

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Par le f(eld)j(äger) Fedoroff le 16(28) juin 1804.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин граф! Генерал Гедувиль недавно выехал из Петербурга в связи с отпуском, оставив г-на Рейневаля в качестве поверенного в делах республики. Он не вручал здесь никаких официальных бумаг в ответ на ноту[8], которую наш поверенный в делах в Париже вручил министру иностранных дел, относительно события, имевшего место в курфюршестве Баденском. Так как он выехал до прибытия курьера от г-на Убри с ответом[28] французского правительства, то я сопроводил затребованные им паспорта нотой[41], копию которой в.с-во най-

дете в приложении. Из привезенных этим курьером донесений г-на Убри мы узнали, что первый консул провозгласил себя императором французов[42].

Это новое изменение формы правления во Франции должно, несомненно, привлечь внимание главнейших европейских дворов. Хотя этот титул и не прибавляет ничего к власти, которой Бонапарт пользуется во Франции, но все же он может послужить для его необузданного властолюбия предлогом для еще большего расширения его господства за пределы существующих границ. Если исходить из этого предположения, а оно очень вероятно, учитывая хорошо известный характер Бонапарта, то ни один двор не заинтересован так, как венский, в получении гарантий, способных успокоить его относительно дальнейших планов Бонапарта, который, несомненно, не будет очень щепетильным в своем стремлении приобрести все титулы, принадлежавшие Карлу Великому (которого он уже объявляет образцом для себя).

Хотя все эти соображения совершенно не затрагивают интересов нашего августейшего государя, тем не менее он не упускает их из виду, учитывая результаты, которые могли бы затронуть интересы всей остальной Европы, и в частности Австрийского дома. Естественно, что при таком положении дел е. и. в-во встретил с большим удовлетворением заверение венского двора, данное им без какого-либо предварительного намека с нашей стороны, в том, что он примет решение о признании французского императора лишь после того, как узнает мнение нашего августейшего государя. Е. в-во тем сильнее был тронут этим новым свидетельством доверия, что он всегда рад возможности действовать в согласии с его императорским и королевским в-вом.

К тому же нельзя не согласиться, что для общего дела было бы очень полезно, если бы великие державы, вместо того чтобы торопиться удовлетворить мелкое тщеславие Бонапарта, напротив, воспользовались этим случаем, который еще раз, может быть, не так скоро представится, чтобы вынудить его пойти ради удовлетворения своего тщеславия на уступки, которые послужили бы на пользу всему человечеству. Дав согласие лишь на определенных условиях, они сохранили бы свое достоинство, ибо, соглашаясь узаконить узурпацию Бонапарта и принимая его род в августейшую семью царствующих домов Европы, мы по крайней мере добились бы некоторого сдвига в деле более или менее полного восстановления равновесия в Европе и оказали поддержку державам, не могущим собственными силами обеспечить себе независимость, которой они вправе пользоваться

Е. и. в-во, питая безграничное доверие к венскому двору, без колебаний сообщает императору и королю, что он намерен признать нового императора лишь на следующих условиях: немедленный вывод войск из королевства Неаполитанского, достойное возмещение королю сардинскому и полный вывод французских войск с территории Германской империи.

Император был бы очень признателен, если бы австрийский посол получил повеление поддерживать демарши нашего поверенного в делах, и е. в-во в порядке взаимности охотно выступил бы в поддержку того, что венский двор со своей стороны сочтет необходимым выставить в качестве условия признания. Венскому двору нужно лишь чистосердечно объясниться с нами на этот счет и пребывать в полной уверенности в том, что его интересы в этом случае будут нами учитываться и защищаться со всем усердием, какого он может ожидать от своего самого близкого союзника.

Соблаговолите, в. с-во, немедленно объясниться в этом смысле с императорским и королевским министерством и как можно скорее уведомить меня о результатах; если для этого графу Кобенцлю будет необходимо содействие нашего поверенного в делах в связи с каким-либо иным требованием к французскому правительству, в. с-во можете сообщить об этом непосредственно г-ну Убри; повеление выступать совместно с графом Кобенцлем и поддерживать его предложения будет послано отсюда г-ну Убри с курьером, который незамедлительно будет отправлен в Париж с окончательными решениями нашего августейшего государя в связи с ответом, недавно полученным из Франции; это решение будет также передано Вам во всех подробностях, чтобы Вы смогли сообщить его австрийскому министерству Однако я счел, что следует предпослать ему эти предварительные сообщения, с тем чтобы дать венскому кабинету время для принятия решений, какие он сочтет наиболее подходящими.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

P. S. Эта депеша была готова к отправлению с настоящим курьером, когда сюда прибыл фельдъегерь Прохницкий с донесениями** в. с-ва. Сегодня я еще не могу подробно остановиться на главном предмете[30] Ваших донесений, которые я успел лишь наскоро просмотреть и относительно которых я не могу испрашивать повелений императора до прибытия к графу Стадиону его курьера; но я не хочу ждать другого случая, чтобы сообщить Вам о том удивлении, которое мы здесь испытали, узнав конечный результат сообщений, сделанных Вам графом Кобенцлем относительно признания Бонапарта императором[42], о которых Вы нам ранее сообщали.

Поистине удивительно, что в такой критический момент венское министерство поглощено лишь вопросом тщеславия и совершенно не уделяет внимания вопросам, затрагивающим высшие интересы монархии и Европы. Можно ли поверить, что Австрийский дом в ущерб своей славе и чести хочет принять подобную услугу от Бонапарта; ничто не могло бы произвести

более неблагоприятного впечатления в Европе, чем то, что глава Германской империи, бывший до сих пор самым надежным защитником ее конституции, воспользовался тем, что происходит во Франции, чтобы добиться уступок, противоречащих принципам этой же самой конституции, и санкционировал бы новую узурпацию Бонапарта, некоторым образом соучаствуя в ней.

К тому же не от одной Франции зависит, чтобы императорский титул стал наследственным в Германии; но даже если бы это было и так, со стороны Австрии было бы крайне неразумно в момент, когда стоит вопрос о том, чтобы убедить все государства в необходимости объединиться и действовать совместно, выдвигать такое предложение, которое неминуемо подаст новый повод к возникновению недовольства и подозрительности у всех немецких государей, и в частности у короля Пруссии, которому императорский двор, как он заявлял, желает внушить доверие к себе и которого хочет склонить к искреннему сближению.

Учитывая настроение венского двора, я не питаю большой надежды на то, что демарши, которые Вы предпримете в соответствии с указаниями, содержащимися в сегодняшних депешах, приведут к желаемому результату и что венский двор пожелает присоединиться к планам е. и. в-ва, намеревающегося в этих условиях потребовать выполнения обязательств, взятых Францией по отношению к России и имеющих целью общее благо.

Если мы предлагаем двору, при котором Вы находитесь, поддержать выдвигаемые им предложения, то делаем это, разумеется, не в предположении, что они будут такого рода, как предложение, упомянутое графом Кобенцлем, а только на случай, если они преследовали бы действительно полезную для австрийской монархии цель и были бы направлены на то, чтобы гарантировать, насколько это возможно, безопасность и спокойствие Европы.

При таком положении вещей е. в-во полагается на Ваше усердие, г-н граф, и желает, чтобы Вы приложили все усилия для того, чтобы австрийское министерство, по крайней мере, не торопилось соглашаться на требование Бонапарта.

Я льщу себя надеждой, что приведенные в этом постскриптуме соображения, которыми Вы, в. с-во, сможете воспользоваться в своих объяснениях с графом Кобенцлем, будут рассматриваться как доказательство искреннего участия, которое император, наш повелитель, питает к его императорскому и королевскому в-ву. Но е. в-во на примере подобного рода инцидентов с огорчением видит, что между двумя дворами иногда возникает расхождение во взглядах и принципах, в связи с чем появляются опасения, что достижение между ними соглашения о совместных действиях будет затруднено. В любом случае образ действий императора останется неизменным; будучи совершенно спокоен за безопасность своей империи и выполнив все, чего потребует его достоинство, он охотно предоставит тем, кто надеется противостоять буре, следуя иной, отличной от его, системе, заботу о том, чтобы отвратить ее.

Ut in litteris

Князь А. Чарторыйский

С фельдъегерем Федоровым 16(28) июня 1804 г.

32. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

7(19) июня 1804 г.

Monsieur le comte. Je n'ai pas voulu laisser partir le présent courrier sans Vous entretenir, M[r] le comte, du nouveau trait de machiavélisme de Bonaparte, qui, voulant éviter de faire une réponse catégorique sur l'enlèvement d'Ettenheim[1], cherche à contraindre l'électeur de Bade à donner une opinion à la Diète de l'empire pour l'engager à surseoir toute délibération sur la note * que Mr de Klüpfell y avait présentée avec la déclaration que son altesse sérénissime avait déjà reçu sur cette affaire des éclaircissements satisfaisants de la part du gouvernement français. De cette manière le premier consul s'efforce de faire retomber tout l'odieux de l'enlèvement d'Ettenheim sur ce vertueux et respectable prince. Ses Etats par leur position se trouvant à la portée immédiate de la France, il sera peut-être obligé de souscrire à la volonté de Bonaparte; mais il serait peu convenable à la dignité de l'empire et de son chef, si tous les princes d'Allemagne, essentiellement blessés par la violation du territoire germanique, se déclaraient contents de cette espèce de satisfaction. Ce n'est pas à l'électeur de Bade seul que, dans cette occasion, le gouvernement français a

* См. док. 1.

manqué et doit donner des éclaircissements: le chef de l'empire et toute l'association germanique est lésée par les violences exercées dans les possessions de l'un de ses membres; conséquemment c'est à la Diète de l'empire que le premier consul doit adresser ses explications et ses assurances.

Nous espérons, d'après ce que v. ex. nous mande dans une de ses dépêches[44] apportées par Prochnitzki relativement à sa conversation à ce sujet avec le c[om]te de Cobenzl, que la cour de Vienne, sentant toute la solidité de ce raisonnement, prescrira à son ministre à Ratisbonne de suivre une marche au moins consonant avec son premier vote, en vertu duquel il doit être insisté au nom de la Diète auprès du gouvernement français sur des explications satisfaisantes sur l'attentat commis et tranquillisantes pour l'avenir.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Par le f(eld)j(äger) Fedoroff le 16(28) juin 1804.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин граф. Я не хотел отправлять этого курьера, не написав Вам о новом проявлении маккиавеллизма со стороны Бонапарта, который, желая уклониться от ясного ответа относительно эттенгеймского похищения [1], пытается вынудить курфюрста Баденского предложить Имперскому сейму отложить какое-либо обсуждение ноты*, представленной г-ном Клюпфелем, заявив, что его светлость уже получил удовлетворительные разъяснения по этому делу от французского правительства. Таким путем первый консул стремится переложить всю гнусность эттенгеймского похищения на этого достойного и уважаемого государя. Поскольку его владения находятся в пределах непосредственной досягаемости Франции, он, быть может, будет вынужден подчиниться воле Бонапарта; но было бы несовместимо с достоинством империи и ее главы, если бы все германские государи, оскорбленные нарушением неприкосновенности территории Германской империи, объявили, что они довольны подобным удовлетворением. Не одного курфюрста Баденского в данном случае задело французское правительство и не ему одному должно дать объяснения: насилиями, совершенными во владениях одного из членов германского союза, нанесено оскорбление главе империи и всему союзу. Следовательно, первый консул должен направить свои объяснения и заверения Имперскому сейму.

На основании того, что Вы, в. с-во, сообщаете нам в одной из депеш[44], доставленных Прохницким, относительно Вашей беседы по этому вопросу с графом Кобенцлем, мы надеемся, что венский двор, сознавая всю справедливость этих доводов, предпишет своему посланнику в Регенсбурге следовать линии, по меньшей мере совпадающей с позицией, занятой им во время первого голосования, в силу которого сейм должен настаивать перед французским правительством на том, чтобы оно дало по поводу совершенного им преступления удовлетворительные объяснения, которые могли бы успокоить относительно будущего.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

С фельдъегерем Федоровым 16(28) июня 1804 г.

33. Представитель при Республике Семи Соединенных островов Г. Д. Моцениго товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

7(19) июня 1804 г.

Monseigneur, les intentions de s. m. i. au sujet de l'accord projeté entre les peuples de l'Epire [45] pour les mettre en état d'agir contre Ali-pacha viennent d'être en grande partie remplies. En effet, j'ai la satisfaction de pouvoir annoncer à Votre altesse que malgré tous les efforts d'Ali-pacha pour se pacifier les autres pachas ses ennemis, les hostilités entre eux ont déjà commencé depuis

3 jours. Il n'est pas moins vrai, cependant, que ce pacha cherche par toute voie à faire sa paix, et il est possible même qu'il réussisse, puisqu'il paraît très disposé d'accéder à toutes les demandes que ses ennemis lui ont faites. Quoi qu'il en soit, le fils de Hassan Zaparri vient d'arriver, me portant tout ce qu'il faut pour me rassurer des dispositions et du concours des Epirotes. Si les hostilités continuent, il ne tardera pas de partir pour Constantinople où je lui donnerai une direction telle à pouvoir mettre en état Mr d'Italinsky de représenter à la Porte toute l'inconduite d'Ali-pacha et lui prouver par des faits les moins douteux, combien elle doit se méfier de ses intentions. J'en préviens Votre altesse pour qu'elle puisse donner à ce ministre les ordres qu'elle jugera convenables. Je dois de plus informer Votre altesse qu'indépendamment des secours que je me suis mis en mesure de pouvoir tirer de l'Albanie, toutes les fois que le besoin pourra l'exiger, sans constituer la cour pour le moment à des dépenses inutiles, je viens d'arrêter aussi une convention secrète[46] avec les Cimariotes, moyennant laquelle je puis dès ce moment disposer de 2 mille hommes. C'est tout ce que cette province peut offrir en fait d'hommes capables de porter les armes. S. m. i. sera informée *par extensum* de toutes mes opérations aussitôt que je me verrai en mesure de pouvoir dépêcher un des feldjägers dont l'expédition m'occupe tout entier.

Monseigneur, de Votre altesse le très humble et très obéissant serviteur

C[omte] G. Mocenigo

Получено 29 июля 1804 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, намерения е. и. в-ва относительно плана установления согласия между народами Эпира[45], с тем чтобы они были в состоянии действовать против Али-паши, в значительной части выполнены. В самом деле, я с удовлетворением могу сообщить Вашей светлости, что, несмотря на все усилия Али-паши помириться с другими пашами, своими врагами, военные действия между ними уже начались три дня назад. Однако не менее верно и то, что этот паша всячески добивается заключения мира, и возможно даже, что это ему удастся, так как похоже, что он весьма склонен согласиться на все требования, предъявляемые его врагами. Как бы то ни было, только что прибывший сын Гассана Запарри доставил мне все нужное для того, чтобы уверить меня в расположении и содействии эпиротов. Если военные действия будут продолжаться, он незамедлительно отправится в Константинополь, и я дам ему такие указания, которые позволили бы г-ну Италинскому показать Порте всю недостойность действий Али-паши и доказать ей с помощью неоспоримых фактов, что его намерения должны внушать ей тревогу. Я предупреждаю об этом Вашу светлость, чтобы Вы могли дать этому посланнику распоряжения, какие Вы сочтете нужным. Кроме того, я должен сообщить Вашей светлости, что независимо от подкреплений, которые я могу получать из Албании всякий раз, как это будет необходимо, не вводя пока двор в излишние расходы, я заключил также секретное соглашение[46] с химариотами, благодаря которому с этого момента буду иметь в своем распоряжении 2 тыс. человек. Большего количества людей, способных носить оружие, данная провинция выставить не может. Е. и. в-во будет осведомлен par extensum обо всех моих действиях тотчас же, как только я смогу послать одного из фельдъегерей, отправкой которого я целиком занят.

Г-н граф, Вашей светлости нижайший и покорный слуга

Граф Г. Моцениго

Министр иностранных дел Англии Гарроуби послу России в Лондоне С. Р. Воронцову

26 июня 1804 г.

Соображения английского правительства по вопросу о подготовке коалиции против Франции. Условия предоставления английских субсидий участникам коалиции.

Rose, Select dispatches, p. 14—19.

34. Посланник в Константинополе А. Я. Италинский товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

17(29) июня 1804 г.

Monseigneur, en transmettant à v. ex., par ma dépêche de 3(15) de ce mois*, la lettre[38] qui m'a été écrite par les Serviens, j'ai eu l'honneur de lui observer qu'il me paraissait important de s'assurer jusqu'à quel point s'étendaient leurs liaisons avec l'Autriche, et auxquelles le voisinage devait avoir donné lieu.

Il sera aisé à v. ex. d'en juger la nature par les communications[47] que l'internonce imp[éria]l et roy[a]l a faites à la suite d'une estafette qu'il avait reçue de Vienne, et dont le reis-effendi m'a donné connaissance.

Elles portent en substance, que les Serviens avaient fait savoir à sa cour qu'ils étaient déjà maîtres de Sabatz, de Passarovitz et des autres places de la Servie, qu'il ne leur restait plus à prendre que Belgrade, dont ils espéraient être aussi bientôt maîtres, qu'ils offraient de mettre tout le pays et toute la nation sous la protection de la cour de Vienne, et que si elle refusait leurs offres, sous prétexte qu'elle est en paix avec la Porte, ils s'adresseraient alors à une autre puissance.

L'internonce ajouta à cette communication que sa cour, par une suite de son amitié, n'avait pas accepté leurs offres, mais qu'il ne pourrait, cependant, lui convenir que cet état de trouble et de désordre se prolongeât plus longtemps si près de sa frontière, et qu'elle demandait à la Porte d'y remédier le plus tôt possible et de lui donner une réponse sur ce sujet.

Le reis-effendi témoigna à l'internonce la surprise et le mécontentement que lui causait une communication aussi sèche. Il lui observa que sa cour, au lieu d'écouter purement et simplement le langage des Serviens et de le prendre *ad referendum*, aurait dû, puisqu'elle est amie de la Porte, leur exprimer son refus d'une manière péremptoire et leur remontrer même l'inconvenance de leurs offres; qu'il lui paraissait fort étrange que les sujets de la Porte offrissent une de ses provinces à des étrangers et que ceux-ci ne trouvassent point l'offre extraordinaire; que ce n'était pas ainsi que la Porte en avait agi, lorsque, pendant la dernière guerre[48] même, les Hongrois et les Transilvains s'étaient adressés à elle et voulaient secouer le joug des Autrichiens pour se mettre sous sa protection; qu'elle leur avait répondu qu'elle ne faisait pas la guerre pour soustraire des sujets à l'obéissance de leur souverain, mais pour avoir la paix et pour obtenir des avantages que le sort des armes et les voies loyales peuvent comporter; que les Serviens avaient sans doute raison d'être irrités contre les *dais* de Belgrade, leurs oppresseurs, mais qu'ils avaient étendu leur vengeance sur des innocents; qu'ils avaient partout fait main basse sur les mahométans, violé leurs femmes, détruit leurs mosquées et brûlé leurs villages, que la Porte, cependant, ne s'en était pas plainte et qu'elle continuait à les favoriser comme elle l'avait fait dès le commencement.

Le drogman de l'internonce chercha à justifier le langage de son ministre en disant qu'il ne faisait qu'exécuter les ordres de sa cour, et il pria le reis-effendi de lui donner une réponse officielle pour qu'il pût la transmettre par le retour de l'estafette.

Le reis-effendi, après lui avoir observé qu'il appartenait à un ministre sage et qui connaît les convenances locales à corriger les expressions de sa cour, lorsqu'elles n'y étaient point adaptées, lui dit qu'il donnerait à l'internonce une réponse officielle, mais qu'elle ne différerait point de celle qu'il lui faisait aujourd'hui en son particulier.

Il la donna en effet deux ou trois jours après, mais elle fut un peu différente quant à la forme. Le reis-effendi y mit beaucoup d'aménité. Il répondit que la

* См. док. 29

Porte voyait, dans le refus qu'avait fait la cour de Vienne des offres des Serviens, le témoignage des sentiments d'un bon ami et voisin, qu'elle n'ignorait point, combien la cause des Serviens était juste, qu'elle l'avait favorisée depuis le commencement; que le gouverneur de Bosnie Bekir-pacha, qui était en marche pour se rendre en Servie et même à Belgrade pour mettre fin à ces troubles, avait ordre de la favoriser aussi, d'expulser de Belgrade les *dais* qui tyrannisaient ce peuple et de lui procurer toutes les sûretés et les avantages qu'il pouvait raisonnablement désirer.

A la suite de cette information si peu agréable pour la Porte, le ministère ottoman a reçu la nouvelle qu'un des chefs des Serviens nommé Georges, et dont j'ai remarqué que la signature se trouve au bas de la lettre qui m'a été adressée, abandonnant le système de fidélité envers la Porte, auquel dans l'insurrection contre les *dais* de Belgrade, les Serviens avaient déclaré vouloir se tenir, agit hostilement contre elle-même avec un corps nombreux sous ses ordres.

La Porte a dû me taire naturellement cette circonstance fâcheuse pour elle, et j'en ai été prévenu par l'agent du prince *Ipsilanty*.

Je ne chercherai pas, en ce moment où je rends compte à v. ex. de la démarche de la cour de Vienne, à découvrir les motifs qui ont pu la déterminer, je peux encore moins faire des conjectures sur la marche qu'elle tiendra avec les Serviens après avoir dénoncé leurs intentions, et je me bornerai à informer v. ex., que cette communication de la cour de Vienne, suivie de l'avis de la levée de boucliers contre la Porte même d'un des chefs de ces populations, a produit dans le ministère ottoman une impression défavorable pour les Serviens en général et déterminé l'expédition au pacha de *Bosnie* et à d'autres commandants et officiers de la Porte, des ordres pour surveiller leur conduite, pour menacer ces habitants de la colère du sultan, enfin pour faire en sorte de les retenir dans la soumission envers la Porte.

L'agent du prince *Ipsilanty*, en me donnant ces informations, m'a ajouté qu'il fallait s'attendre que ces dispositions de la Porte seront changées par le caractère des commandants ottomans en mesures de rigueur qui, bien loin d'apporter remède au mal, l'empireront et contribueront à la ruine et à la destruction des Serviens, ou donneront à leur insurrection un caractère beaucoup plus dangereux; qu'il avait fait tout son possible pour tempérer la nature des ordres de la Porte à ses commandants, en prévenant le ministère ottoman des conséquences qui peuvent en résulter pour l'Etat, et quoique les représentations n'aient pas eu un plein succès, elles ont en partie modéré les instructions adressées aux commandants ottomans.

Cette situation des choses nous impose encore plus de ménagement dans une intervention en faveur des Serviens, et surtout dans l'établissement de quelques relations avec eux. Je ne manquerai cependant pas, conformément aux instructions générales de la cour impériale relativement à la manière dont la Porte doit se comporter envers les sujets chrétiens dans les circonstances actuelles, de saisir la première occasion favorable pour entretenir le ministère ottoman de la nécessité de ne pas aigrir l'esprit des Serviens, afin de ne pas les porter au désespoir.

Je persiste toujours à croire que le moment, où ils se seront emparés de Belgrade, sera celui dont ils devront profiter pour réclamer utilement notre intervention.

C'est la première insinuation que je chercherai à leur faire, mais de manière à ne pas nous compromettre avec la Porte.

Je suis...

A. d'Italinsky

Получено 12 июля 1804 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Ваше сиятельство, направляя Вам с депешей от 3(15)* этого месяца письмо[38], которое было мне адресовано сербами, я имел честь заметить в. с-ву, что мне казалось важным выяснить, насколько далеко зашли их отношения с Австрией, которым должно было способствовать их соседство.

В. с-во сможете составить мнение об их характере из сделанных императорским и королевским интернунцием после прибытия к нему нарочного из Вены сообщений[47], с которыми реис-эфенди ознакомил меня.

Основное содержание их сводится к тому, что сербы сообщили венскому двору, что они уже овладели Шабацем, Пожаревацем и другими крепостями Сербии и им остается только захватить Белград, которым они надеются овладеть в ближайшее время; что они предлагают отдать всю страну и всю нацию под покровительство венского двора и что если последний ответил бы отказом на их предложения под тем предлогом, что он находится в мире с Портой, то они обратились бы тогда к другой державе.

Интернунций добавил к этому сообщению, что его двор по соображениям дружбы не принял их предложения, но что его, однако, не может устраивать, чтобы смута и беспорядки продолжались и далее в такой близости от его границ, и что он просит Порту как можно быстрее покончить с подобным положением и дать ему по этому вопросу ответ.

Реис-эфенди выразил интернунцию удивление и неудовольствие в связи со столь недружелюбным заявлением. Он заметил, что венский двор, вместо того чтобы спокойно выслушивать заявления сербов и принимать их ad referendum, должен был бы, поскольку он является другом Порты, решительно заявить им о своем отказе и даже указать, что им не подобало бы делать подобные предложения; что ему кажется весьма странным, что подданные Порты предложили одну из ее провинций иностранной державе, а последняя вовсе не нашла это предложение необычным. Реис-эфенди заявил далее, что Порта действовала иначе, когда, даже во время последней войны[48], венгры и трансильванцы обратились к ней и хотели свергнуть австрийское иго, чтобы встать под ее покровительство; она тогда заявила им, что ведет войну не с целью вырвать подданных из повиновения их государю, а с целью установления мира и получения выгод, которые могут быть добыты оружием и честными, законными средствами; что сербы, конечно, были правы, возмутившись против белградских дахиев, их притеснителей, но они распространили свою месть на невинных, истребляли повсюду магометан, бесчестили их жен, разрушали их мечети и сжигали их деревни, но Порта не жаловалась, однако, на это и продолжала благоприятствовать сербам, как она это делала с самого начала.

Драгоман интернунция попытался оправдать своего посланника, говоря, что, делая это заявление, тот лишь выполнял указания своего двора, и попросил реис-эфенди дать ему официальный ответ, с тем чтобы он мог направить его с возвращавшимся нарочным.

Реис-эфенди заметил ему, что умный дипломат, знающий местные обычаи, должен исправлять формулировки своего двора, когда они совершенно не соответствуют этим обычаям, и заявил, что даст интернунцию официальный ответ, но последний ни в чем не будет отличаться от того, который он дает ему сегодня неофициально.

Действительно, спустя два-три дня он дал ответ, но последний несколько отличался по форме. Реис-эфенди составил его в очень любезных выражениях. Он написал в ответе, что Порта видит в отказе венского двора от предложений сербов свидетельство добрососедских и дружественных чувств, что ей известно, сколь справедливо дело сербов, которому она благоприятствовала с самого начала, что правитель Боснии Бечир-паша, направляющийся в Сербию и даже в Белград с целью положить конец этим волнениям, также имеет повеление благоприятствовать их делу, изгнать из Белграда дахиев, угнетавших этот народ, и обеспечить последнему все гарантии и преимущества, которых он мог справедливо желать.

После этого малоприятного для Порты сообщения оттоманское министерство получило известие о том, что один из сербских вождей, некий Георгий, подпись которого я заметил под письмом, адресованным мне, отказался от политики верности Порте, о желании проводить которую сербы заявляли, поднимая восстание против белградских дахиев, и выступил против самой Порты с большим отрядом, находящимся под его командованием.

Порта вынуждена была, естественно, умолчать об этом досадном для нее обстоятельстве, о котором я был извещен представителем князя Ипсиланти.

Сейчас, сообщая в. с-ву о демарше венского двора, я не ставлю перед собой задачу выяснить мотивы, которые определили его решение, и тем более не могу делать предположения относительно образа действий, которого он будет придерживаться в отношениях с сербами после того как он разгласил их намерения; я ограничусь тем, что доведу до сведения в. с-ва о том, что это сообщение венского двора и последовавшее вслед за этим известие о вооруженном выступлении против самой Порты одного из вождей этих народов произвело в оттоманском министерстве впечатление, в целом неблагоприятное для сербов, и в результате паше Боснийскому и другим военачальникам и должностным лицам Порты были отправлены распоряжения следить за их действиями и пригрозить местным жителям гневом султана — в общем сделать все для того, чтобы удержать их в подчинении Порте.

Представитель князя Ипсиланти, информировав меня об этом, добавил, что следует ожидать, что эти распоряжения Порты в связи с известным характером оттоманских военачальников превратятся в суровые меры, которые не только не исправят зло, а усугубят его, будут способствовать разорению и истреблению сербов или придадут их восстанию гораздо более опасный характер; что он сделал все возможное для того, чтобы смягчить характер распоряжений Порты ее военачальникам, предупредив оттоманское министерство о последствиях, которые могут явиться результатом этого для государства, и хотя эти представления не имели полного успеха, но благодаря им инструкции, посланные оттоманским военачальникам, были несколько смягчены.

Такое положение вещей заставляет нас соблюдать еще большую осторожность при ходатайствах в пользу сербов и особенно при установлении каких-либо связей с ними. Однако в соответствии с общими инструкциями императорского двора относительно образа действий Порты по отношению к христианским подданным в настоящих условиях я не премину использовать первый благоприятный случай для того, чтобы заявить оттоманскому министерству о необходимости не ожесточать сербов, чтобы не довести их до отчаяния.

Я по-прежнему считаю, что сербы должны использовать захват Белграда как благоприятный момент для того, чтобы потребовать нашего посредничества.

Это первое, что я попытаюсь им внушить, но таким образом, чтобы не испортить наших отношений с Портой.

Пребываю...

А. Италинский

Посол в Лондоне С. Р. Воронцов товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

17(29) июня 1804 г.

Сообщает о своих беседах с Питтом и Гарроуби по вопросам противодействия намерениям Франции в отношении Турции и Королевства Обеих Сицилий и предоставления Англией субсидий участникам коалиции против империи Наполеона I.

Арх. Воронцова, кн. XV, стр. 215—221.

35. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский поверенному в делах в Париже П. Я. Убри

22 июня (4 июля) 1804 г.

Monsieur, nous aurions désiré, il est vrai, que Vous tenant strictement à Vos instructions*, après avoir reçu du gouvernement français une réponse[28] à Votre office[8], que Vous avez jugé Vous-même d'un contenu à blesser la dignité de s. m., Vous eussiez persévéré dans notre résolution de demander Vos passeports et de remettre la note[9] qui Vous avait été envoyée éventuellement d'ici à cet effet. Cette démarche de Votre part nous aurait mis fort à l'aise en coupant court à une guerre de plumes désagréable et entièrement inutile. Elle n'aurait nullement été le signal d'une guerre immédiate, car cesser de correspondre ne comporte pas la nécessité absolue de commencer à se battre.

En suivant à la lettre les ordres qui Vous furent transmis, Vous auriez mis la France dans l'obligation de faire les premiers pas vers un rapprochement avec nous (en cas qu'elle trouvât de son intérêt de prévenir la rupture à laquelle elle nous voyait décidés) et les griefs que nous avons à sa charge étant amplement détaillés dans la seconde note[9] que Vous étiez chargée de présenter, elle se trouverait alors dans la nécessité de proposer leur redressement et, par cela même, en convenant de notre droit à l'exiger, se mettre dans l'impossibilité de ne point remplir, si ce n'est la totalité, du moins une partie des engagements qu'elle avait contractés. Ou bien, en Vous remettant Vos passeports, elle nous aurait fait atteindre incontinent notre but de ne plus être en relation avec un gouvernement sanguinaire qui venait de se souiller d'un crime odieux, et dont la con-

* См. док. 6.

duite est telle que tous les Etats européens devraient le regarder comme hors de leur association et renoncer à toute correspondance avec lui, puisqu'il a pris pour règle de ne pas en respecter les principes.

Mais quoique d'après ces considérations s. m. ne puisse pas approuver une détermination à laquelle Vous n'étiez pas autorisé, elle rend cependant justice à Votre zèle et même à la plupart des motifs qui Vous ont guidé, et qui, dans la position où Vous vous trouviez, pouvaient en quelque sorte Vous paraître valables. Pour ce qui est de Votre conduite, jusqu'au moment où Vous avez pris le parti de remettre Votre départ, elle ne mérite que des éloges, mais il y a dans Votre dépêche[49] quelques réflexions que Vous avez suivies pour guide et qui Vous ont égaré. Je dois donc redresser Vos idées sur leurs objets pour qu'elles ne puissent plus embarrasser Votre marche.

La nomination du général Bernadote au commandement de l'armée de Hannovre et les renforts qu'on voulait envoyer à cette armée semblent être les considérations qui ont le plus contribué à Vous retenir à Paris. Le délai que Vous mettiez à demander Vos passeports, devant d'après Vos idées servir à nous préparer aux hostilités auxquelles Votre départ allait, selon Vous, donner le signal, Vous deviez croire, monsieur, que nous ne nous sommes pas portés à la démarche qui Vous a été prescrite sans en avoir combiné d'avance les résultats et avoir pourvu aux moyens de les parer; nous sommes depuis longtemps en mesure de ne point craindre l'agression de Bonaparte; quant à une attaque de notre part, cette supposition est purement gratuite, car en relisant plus attentivement la note[9] qui Vous a été envoyée, Vous pourrez vous convaincre qu'il n'y s'agissait pas de déclaration de guerre, il n'y était question et qu'il n'est encore question, que d'une suspension totale de correspondance qui plus d'une fois a existé déjà entre les deux puissances sous les règnes précédents, sans qu'à plusieurs reprises la guerre s'en soit même suivie. Pour ce qui est des opérations militaires que Bonaparte voudrait diriger contre nous, un léger examen de la position respective de la Russie et de la France doit Vous convaincre que les hostilités ne peuvent entre elles si facilement commencer d'un jour à l'autre. Nous avons à cet égard encore bien plus de moyens et de facilités contre la France, tandis que la Russie est absolument hors de son atteinte. Bonaparte ne peut ne l'avoir pas senti, et la nomination de Bernadote et les renforts pour l'armée de Hannovre ne peuvent être de sa part que des mesures de précaution pour défendre le Hannovre en cas qu'on voulût l'en déloger, ainsi donc tous les prétendus préparatifs et les marches de troupes, dont on fera courir le bruit, ne sauraient être nullement dangereux pour nous, et plus on mettra d'ostentation à en publier le dessein, moins il faudra croire à sa réalité. La vraisemblance que Bonaparte profitera avec empressement du plus léger prétexte pour commencer une guerre continentale, afin de s'éviter la honte d'avouer l'impossibilité de la descente en Angleterre est contredite par l'état actuel de l'Angleterre, qui, ayant à sa disposition une armée de terre d'une force jusqu'à présent inconnue dans ce pays, ne manquera pas de s'en servir à la moindre possibilité pour effectuer des débarquements sur les côtes de France et réaliser les vaines menaces de son ennemi, cette réflexion ne peut avoir échappé à Bonaparte qui, certes, se gardera bien de faciliter aux Anglais l'entrée du territoire français, à quoi cependant il l'exposerait infailliblement, s'il dégarnissait les côtes. La rupture avec la Russie, au lieu de concentrer les moyens de la France ou de les diriger vers des points à sa plus grande convenance, ne peut donc qu'ajouter à ses embarras, diviser son attention et par cela même affaiblir ses déterminations. Si, cependant, Bonaparte pouvait croire qu'il est de son intérêt de profiter de ce moment pour commencer une guerre continentale, s. m. veut qu'elle semble offensive de la part de Bonaparte, et soit motivée par une première déclaration ou par de nouvelles provocations de sa part. L'empereur

désire que le gouvernement français continue, comme il n'a cessé de le faire, d'accumuler tous les torts; et c'est d'après ce principe que la Russie ne déclare pas la guerre, mais simplement ne veut plus avoir rien à démêler avec un gouvernement révoltant et insupportable.

Vous vous attacherez donc (toutefois sans Vous compromettre) à ne point laisser de doute sur les intentions justes, fermes et modérées de s. m. de manière que ni le gouvernement ni le corps diplomatique ni même, s'il est possible, le public ne puisse les juger autrement. Si Vous parvenez à ce but, en précisant bien que tout ce qu'on veut c'est n'avoir plus aucunes relations ensemble, et en laissant du reste au gouvernement français tous les torts, qu'il voudra prendre sur lui, Vous aurez rempli le désir de s. m.

Quant à Vos démarches d'offices Vous voudrez bien, monsieur, ne point les faire sortir de la ligne que je vais Vous tracer.

A la réception du courrier présent Vous aurez soin de présenter la note ci-jointe sub lit. «A»[50] et d'insister sur une réponse catégorique; si elle est négative, déclinatoire ou évasive, Vous présenterez immédiatement la seconde note sub lit. «B»[51] et Vous ne remettrez Votre départ, qu'autant que le gouvernement français se portât après l'avoir reçue à consentir à nos propositions. Parmi les points exigés par notre cour, il y en a qui peuvent être immédiatement exécutés, d'autres qui par leur nature demandent à être discutés, quand même le principe en serait convenu. L'indemnité du roi de Sardaigne et l'accord sur les affaires de l'Italie, en général, appartiennent sans contredit à cette dernière classe. En cas donc que le gouvernement français, soit en recevant Votre première note, soit après que Vous lui auriez fait passer la seconde, se montrât disposé à satisfaire aux demandes de l'empereur, Vous lui proposerez l'évacuation du Nord de l'Allemagne et du royaume de Naples comme conditions qui demandent à être effectuées préalablement; si, cependant, la retraite instante des troupes françaises, qui occupent le territoire germanique, rencontre trop de difficultés, Vous pourrez vous relâcher sur ce point, toutefois après l'avoir tenté, et Vous contenter d'une promesse formelle dont l'exécution aura lieu à la suite d'un arrangement préalable. Mais l'évacuation immédiate du royaume de Naples est l'article *sine qua non*, sans lequel Vous ne devez pas rester un instant de plus à Paris.

Ce point accordé, les autres trois promis comme devant se régler à la suite d'une négociation, laquelle terminée à la satisfaction de l'empereur, s. m. pourrait se décider à reconnaître la nouvelle dignité de Bonaparte. Il est probable que Mr Talleyrand Vous objectera qu'ils n'ont pas avec qui traiter, Votre caractère diplomatique ne permettant pas de Vous donner les pleins pouvoirs nécessaires à la confection d'une transaction; Vous pourrez, afin de ne lui laisser aucun prétexte, répondre à cette objection que s. m., après avoir acquis la certitude que le royaume de Naples aura, par l'évacuation entière des troupes françaises, été réintégré dans son indépendance, ferait choix d'une personne qui munie des pleins pouvoirs nécessaires se rendra à Paris pour terminer la négociation. Mais que son arrivée sera absolument dépendante de la délivrance entière des provinces napolitaines.

Après vous être entendu sur tous ces points avec Mr Talleyrand, il sera nécessaire de le constater par une note munie de la signature de ce ministre. L'expérience que Vous devez avoir de son caractère doit naturellement Vous mettre en garde sur sa manière d'agir, et Vous observerez soigneusement qu'il ne se glisse rien de louche dans la rédaction de cette note qui doit servir pour nous d'instrument contre la mauvaise foi si souvent éprouvée du cabinet des Thuilleries. Quand Vous serez en possession de cet acte obligatoire, Vous nous l'enverrez sans délai et ferez en même temps partir pour Naples un courrier par lequel Vous instruirez le conseiller d'Etat Karpoff de ce qui sera convenu

relativement à ce royaume, afin qu'il soit en état de prémunir le ministère de s. m. sicilienne contre les pièges que les Français pourraient lui tendre encore pour lui faire acheter par de nouveaux sacrifices la retraite des troupes qui doit s'effectuer purement par la protection de notre auguste maître.

S. m. i. ne se dissimule pas que, quand même contre toute apparence le gouvernement français accordait toutes nos demandes, les inquiétudes qu'elle aurait calmées pourraient facilement renaître et, par conséquent, nos démêlés avec la France recommencer au premier jour, et, sans doute, ce sera toujours avec répugnance que l'empereur reconnaîtra légitime la couronne impériale sur la tête de Bonaparte, mais, du moins, si l'amour pour le bien général doit l'emporter dans cette occasion, il faut que les conditions qu'on impose à Bonaparte soient de nature à être, ne serait ce que momentanément, d'une utilité majeure pour l'Europe et satisfaisantes pour la dignité de notre auguste maître. Je ne doute nullement que Votre sagacité ne Vous fournisse la mesure et le ton convenable à Vos explications avec le ministre des relations extérieures, et dont le principe se trouve suffisamment développé par les détails, dans lesquels je suis entré avec Vous, ainsi que le véritable but des démarches qui Vous sont prescrites.

Je suis...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

P.S. La seconde dépêche[53] que Vous trouverez sous ce pli a été rédigée pour servir de supplément à la note, dans laquelle il n'était pas séant de faire entrer l'énumération de tous les procédés choquants que la France s'est permis contre nous. Vous aurez donc soin de la lire à Talleyrand, après que Vous lui aurez remis la première note, et lui en laisser même une copie. Il s'entend de soi-même que, d'après le nouvel ordre de choses, si Mr Talleyrand ne se trouvait plus chargé du portefeuille, Vous adresserez Vos offices à son successeur.

Dans le cas où Bonaparte se résolût à nous accorder nos demandes, il serait prudent de lui cacher l'expédition du courrier qui Vous est ordonné pour Naples. Vous pourriez lui faire prendre la route d'Allemagne en le faisant partir ensemble soit avec Mr Baykoff ou quelqu'autre employé de la légation; ils pourront se séparer à Francfort, l'officier de chancellerie continuera la route pour Pétersbourg, et le feldjäger dirigera la sienne sur l'Italie. Vous aurez à prévenir M[r] Karpoff qu'il ait à garder ce feldjäger, jusqu'à ce qu'il puisse nous le renvoyer avec la nouvelle de la retraite totale des troupes françaises de dessus le territoire napolitain.

Ut in litteris

Le p[rin]ce A. Czartoryski

P. S. Si M[r] Talleyrand Vous parlait, monsieur, des troupes russes stationnées aux Sept Iles, demandant leur retraite pour condition de l'évacuation de royaume de Naples par les Français, Vous répondrez que les troupes russes ont occupé Corfou à la demande même du pays, du consentement de la Porte Ottomane, et que le gouvernement français dans le temps y a exprimé aussi son assentiment; que cette expédition n'avait pas eu lieu pour cause d'aucune guerre et ne pouvait se comparer ni pour ses motifs ni pour ses effets aux occupations faites par le gouvernement français; que, du reste, Vous n'êtes muni d'aucune instruction sur cet objet, mais que Vous supposiez qu'il pourra être discuté dans la négociation qui s'ouvrirait après que le gouvernement français aurait agréé nos demandes quant au principe.

Ut in litteris

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, мы, правда, хотели, чтобы Вы, строго придерживаясь данных Вам инструкций*, после получения от французского правительства ответа[28] на Вашу ноту[8], который Вы сами сочли оскорбительным для достоинства е. в-ва, неукоснительно выполняя наше решение, потребовали свои паспорта и вручили ноту[9], посланную Вам отсюда в предвидении такой возможности. Такой демарш с Вашей стороны весьма бы нас устроил, положив конец неприятной и совершенно бесполезной чернильной войне. Он никоим образом не мог бы явиться сигналом к немедленной войне, так как прекращение сношений не означает, что абсолютно необходимо начинать воевать.

В точности следуя данным Вам распоряжениям, Вы поставили бы Францию перед необходимостью первой сделать шаги к сближению с нами в случае, если бы она увидела, что мы готовы пойти на разрыв, но сочла бы, что в ее интересах предупредить его. Поскольку во второй ноте, которую Вам поручено было представить, подробно изложены наши претензии к ней, ей пришлось бы согласиться удовлетворить их, и, признав тем самым за нами право требовать этого, она поставила бы себя в такое положение, при котором ей нельзя было бы не выполнить если не все, то по крайней мере некоторые из взятых на себя обязательств. Если же она вручила бы Вам паспорта, это позволило бы нам сразу же достичь нашей цели — прекратить отношения с кровожадным правительством, которое недавно запятнало себя гнусным преступлением и ведет себя таким образом, что все европейские государства должны были бы рассматривать его как стоящее вне их сообщества и отказаться от всяких сношений с ним, так как оно взяло за правило не уважать его принципов.

Хотя по этим соображениям е. в-во не может одобрить решение, на которое Вы не были уполномочены, он тем не менее отдает должное Вашему усердию и даже признает справедливость большинства мотивов, которыми Вы руководствовались и которые в Вашем положении могли до некоторой степени казаться Вам весьма серьезными. Что касается Вашего поведения до момента, когда Вы решили отложить Ваш отъезд, то оно заслуживает только похвал, но в Вашей депеше[49] приводятся некоторые соображения, которыми Вы руководствовались и которые повели Вас по неверному пути. Поэтому я должен указать Вам, в чем состоит ошибочность этих соображений, с тем чтобы они не препятствовали более Вашим действиям.

Назначение генерала Бернадота командующим армией, находящейся в Ганновере, и намерение послать подкрепление этой армии, по-видимому, более, чем что-либо другое, побудило Вас задержаться в Париже. Ваше решение отсрочить предъявление требования о выдаче Вам паспортов должно было, по Вашей мысли, дать нам возможность подготовиться к ведению действий, сигналом к началу которых, как Вы полагали, должен был послужить Ваш отъезд. Вам следовало знать, милостивый государь, что мы решились на демарш, который был Вам предписан, лишь обдумав заранее его последствия и подготовив средства для того, чтобы оказать соответствующее противодействие. Мы давно уже настолько подготовились, что можем не бояться нападения Бонапарта; что же касается нападения с нашей стороны, то это предположение совершенно необоснованно, и, перечитав более внимательно посланную Вам ноту, Вы можете убедиться, что в ней речь шла не об объявлении войны, а, как тогда, так и сейчас, лишь о полном прекращении сношений, что не раз уже имело место в отношениях между обеими державами в предшествующие царствования, причем в ряде случаев это отнюдь не влекло за собой войны. Что же касается военных действий, которые Бонапарт захотел бы начать против нас, то даже поверхностное изучение взаимного положения России и Франции должно убедить Вас в том, что не так-то легко начать в любое время военные действия между ними. В этом отношении мы даже располагаем гораздо большими средствами и возможностями по сравнению с Францией, в то время как Россия для нее совершенно недосягаема. Бонапарт, несомненно, понял это, и назначение Бернадота, так же как отправка подкрепления армии, расположенной в Ганновере, не могут быть с его стороны не чем иным, как мерами предосторожности для защиты Ганновера на тот случай, если бы французов захотели вытеснить оттуда. Таким образом, все пресловутые приготовления и передвижения войск, о которых будут распространяться слухи, ни в коей мере не могут быть опасными для нас, и чем больше будут они шуметь о подобных намерениях, тем меньше нужно будет верить в их реальность. Правдоподобие того, что Бонапарт поспешит воспользоваться малейшим предлогом, для того чтобы начать континентальную войну с целью избежать позорного признания невозможности высадки в Англию, вступает в противоречие с нынешним положением Англии, которая, располагая сильнейшей за всю свою историю сухопутной армией, не преминет ею воспользоваться при малейшей возможности, для того чтобы произвести высадку десантов на побережье Франции и на деле осуществить пустые угрозы своего врага. Это соображение не могло ускользнуть от Бонапарта, который, безусловно, остережется облегчать англичанам возможность высадки на французскую землю, угроза чего неминуемо возникнет, если он отведет войска с побережья. Разрыв с Россией, вместо того чтобы способствовать сосредоточению сил Франции или выдвижению их к наиболее выгодным для нее пунктам, только увеличит ее затруднения, раздробит ее внимание и ослабит тем самым ее решительность. Однако, если Бонапарт все же

начнет континентальную войну, сочтя выгодным для себя воспользоваться этим моментом, то е. в-во желает, чтобы она выглядела агрессивной со стороны Бонапарта и возникла или в результате объявления им войны, или же в результате провокаций с его стороны. Император желает, чтобы французское правительство продолжало по-прежнему усугублять свою вину, как оно это и делало до сих пор. Следуя этому принципу, Россия не объявляет войну, но просто не хочет больше иметь никаких дел с правительством, поведение которого столь возмутительно и невыносимо.

Следовательно, Вы должны постараться (но не компрометируя себя) исключить всякие сомнения относительно справедливых, твердых и умеренных намерений е. в-ва и сделать это так, чтобы ни правительство, ни дипломатический корпус, ни даже, если это возможно, общество не могли рассматривать их иначе. Если Вы достигнете этой цели, уточнив, что все, чего мы хотим,— это не иметь больше с французским правительством никаких сношений и предоставить ему брать на себя всю вину, какую ему заблагорассудится, то тем самым Вы выполните волю е. в-ва.

Что касается Ваших официальных демаршей, то соблаговолите, милостивый государь, не отступать от той линии поведения, которую я Вам сейчас намечу.

По получении настоящей почты Вам надлежит вручить ноту, приложенную под литерой «А»[50], и настаивать на категорическом ответе. Если он будет отрицательным или уклончивым, Вам нужно будет немедленно вручить вторую ноту под литерой «В»[51] и отложить Ваш отъезд лишь в том случае, если французское правительство, получив ее, решит согласиться на наши предложения. Среди требований, выдвигаемых нашим двором, есть такие, которые могут быть выполнены немедленно, а другие по своему характеру требуют обсуждения, даже если в принципе договоренность по ним была бы достигнута. Вопрос об индемнизации короля Сардинии и соглашение по итальянским делам вообще, несомненно, относятся к этому последнему разряду. Следовательно, в случае, если французское правительство по получении Вашей первой ноты или же после вручения Вами второй покажет, что оно склонно удовлетворить требования императора, Вы предложите ему вывести войска из Северной Германии и королевства Неаполитанского в качестве условия, которое должно быть осуществлено предварительно; если, однако, незамедлительный вывод французских войск, занимающих германскую территорию, будет связан со слишком большими трудностями, Вы можете уступить в данном вопросе (но лишь после того, как Вы попытаетесь добиться этого) и удовольствоваться официальным обещанием, которое должно быть выполнено после достижения предварительного соглашения. Но немедленный вывод войск из королевства Неаполитанского является условием sine qua non, и, если на это не согласятся, то Вы не должны ни минуты больше оставаться в Париже.

После того как будет дано согласие по этому пункту и получено обещание урегулировать три остальных путем переговоров и если результаты их удовлетворят императора, е. в-во сможет принять решение признать новый титул Бонапарта. Весьма вероятно, что г-н Талейран возразит Вам, что им не с кем вести переговоры, ибо Ваше дипломатическое звание не позволяет дать Вам полномочия, необходимые для заключения соглашения. Дабы не оставлять ему никаких предлогов, Вы можете ответить на это возражение, что, когда е. в-во получит уверенность в том, что в результате вывода французских войск независимость королевства Неаполитанского будет восстановлена, он назначит лицо, которое, будучи облечено необходимыми полномочиями, направится в Париж для завершения переговоров. Но его прибытие будет целиком зависеть от полного освобождения неаполитанских провинций.

После того как Вы договоритесь по всем этим пунктам с г-ном Талейраном, необходимо будет закрепить это нотой за подписью этого министра. Вы, очевидно, на своем опыте узнали его характер, и это, естественно, должно насторожить Вас в отношении его образа действий; Вам надлежит тщательно проследить за тем, чтобы какие-либо сомнительные формулировки не проскользнули в текст этой ноты, которая должна служить нам орудием против недобросовестности тюильрийского кабинета, столь часто нами испытанной на себе. Когда Вы получите акт, закрепляющий это обязательство, Вы незамедлительно перешлете его нам и одновременно отправите курьера в Неаполь, чтобы уведомить статского советника Карпова о том, что будет договорено в отношении этого королевства, для того чтобы он был в состоянии предостеречь министерство его сицилийского в-ва относительно тех ловушек, которые французское правительство могло бы еще расставить ему, чтобы вынудить его новыми жертвами заплатить за вывод войск, который должен быть осуществлен единственно благодаря покровительству нашего августейшего государя.

Е. и. в-во не скрывает от себя, что даже если, вопреки всякой вероятности, французское правительство согласится на все наши требования, то наши тревоги, которые оно тем самым успокоило бы, легко могут вновь возникнуть, а следовательно, очень скоро могут возобновиться и наши разногласия с Францией. Нет сомнения в том, что императору в любом случае было бы неприятно признать законность возложения императорской короны на голову Бонапарта, но если в этом случае стремление к общему благу должно все же одержать верх, то, по крайней мере, нужно, чтобы условия, которые мы ставим Бонапарту, были таковы, чтобы они, пусть хотя бы ненадолго, принесли наибольшую пользу Европе и не умаляли достоинства нашего августейшего государя. Я нисколько не сомневаюсь, что Ваша проница-

тельность подскажет Вам, насколько умеренно и в каком тоне Вам надлежит объясниться с министром внешних сношений, а основной принцип, которому Вы должны следовать во время этих объяснений, я изложил Вам достаточно подробно, так же как и истинную цель предписываемых Вам демаршей.

Пребываю...

Князь А. Чарторыйский

P. S. Вторая депеша[52], которую Вы найдете в этом же конверте, была составлена в качестве дополнения к ноте, в которой было неуместно перечислять все оскорбительные действия, которые Франция позволила себе по отношению к нам. Поэтому Вам надлежит зачитать ее Талейрану после того, как Вы вручите ему первую ноту, и даже оставить ему копию ее. Само собой разумеется, что, если при новом положении вещей г-ну Талейрану не будет более поручен портфель министра, Вам нужно будет направить официальные сообщения его преемнику.

В случае, если Бонапарт решит удовлетворить наши требования, было бы разумно скрыть от него отправление курьера в Неаполь, относительно чего Вы имеете распоряжение. Вы могли бы направить его через Германию, послав его вместе либо с г-ном Байковым, либо с каким-нибудь другим чиновником миссии. Они смогут разъехаться во Франкфурте: чиновник продолжит свой путь в Петербург, а фельдъегерь направится в Италию. Вам надлежит предупредить г-на Карпова, чтобы он задержал этого фельдъегеря до тех пор, пока не сможет отослать его к нам с известием о полном выводе французских войск с неаполитанской территории.

Ut in litteris

Князь А. Чарторыйский

P. S. Милостивый государь, если г-н Талейран заговорит с Вами о русских войсках, расположенных на Семи островах, и потребует вывода их в качестве условия вывода французских войск из Неаполитанского королевства, Вы ответите, что русские войска заняли Корфу по просьбе самой страны, с согласия Оттоманской Порты, что французское правительство в свое время также дало свое согласие на это и что эта экспедиция не была вызвана военными действиями и ни по своим причинам, ни по своим следствиям не может сравниваться с оккупацией ряда стран французским правительством; что, впрочем, Вы не имеете никаких инструкций по этому вопросу, но, как Вы предполагаете, он может быть обсужден во время переговоров, которые начнутся после того, как французское правительство в принципе примет наши требования.

Ut in litteris

Князь А. Чарторыйский

36. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

22 июня (4 июля) 1804 г.

Monsieur, d'après les dernières nouvelles Bonaparte va aussi se faire proclamer roi de Lombardie, en conséquence du soi-disant vœu qui vient de lui être manifesté à cet effet par les corps constitués de la République italienne[53]. C'est ainsi qu'il marche sans cesse à de nouvelles usurpations, et sans doute s. m. i. aura lieu de se féliciter, si elle se trouve à temps délivrée de toute participation quelconque à des événements dont les mauvais effets sous tous les rapports se feront bientôt très péniblement sentir. L'empereur, cependant, après avoir rempli ce que sa dignité exigeait, pourra attendre tranquillement l'issue qu'aura la maladie politique dont l'Europe souffre et fixer ses déterminations d'après le cours qu'elle prendra.

C'est avec plaisir que s. m. a appris, par les communications que le baron de Hardenberg Vous a faites dernièrement, qu'on avait lieu d'être tranquille pour le moment sur les entreprises des Français du côté du Nord de l'Allemagne. Cependant v. ex. ne saurait assez insister pour que la cour, où Vous êtes, d'après notre dernier concert * attache sans relâche un œil vigilant sur la force et les mouvements des Français dans l'électorat d'Hannovre et pour qu'elle ne se

* См. док. 13, 23.

laisse pas endormir par leurs belles paroles. Afin que l'arrangement ** qui vient d'être conclu entre les deux cours produise l'effet qu'on doit en attendre, il serait indispensable que les troupes dans les provinces prussiennes qui sont exposées soient rendues mobiles et même réunies dans des camps ou des cantonnements rapprochés pour pouvoir agir à l'instant contre un ennemi aussi prompt à prendre des décisions inattendues qu'à les exécuter. L'empereur, de son côté, tiendra ses troupes prêtes pour remplir à la première nécessité les engagements qu'il a contractés envers s. m. prussienne.

V. ex. voudra bien s'expliquer dans ce sens avec le ministère prussien et y ajouter que sur sa demande des ordres vont être incessamment donnés à Mr de Lisakewitsch à Copenhague pour engager le Danemarc à prêter l'oreille à nos insinuations communes; s. m. désirerait cependant être instruite auparavant de quel genre seront les insinuations que le cabinet de Berlin est intentionné de faire à celui de Copenhague, si elles ne seront que préparatoires et en termes généraux, ou bien si ce sera déjà pour l'engager à prendre part formellement à notre concert, et dans ce cas nous ne voyons pas pourquoi on ne ferait pas aussi de pareilles démarches communes vis-à-vis de la Saxe et de la Hesse, dont les moyens ne sont pas sans doute à négliger.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Получено 1(13) июля 1804 г. с курьером Зимниковым.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, согласно последним известиям, Бонапарт собирается также устроить провозглашение его королем Ломбардии на основании так называемого пожелания, выраженного на этот счет консультой Итальянской республики [58]. Именно таким образом он осуществляет все новые и новые узурпации, и е. и. в-во, несомненно, сможет себя поздравить, если он будет вовремя избавлен от какой бы то ни было причастности к событиям, тягостные последствия которых вскоре дадут себя почувствовать самым пагубным образом во всех отношениях; однако император, исполнив все, что требовало от него его достоинство, сможет спокойно ожидать исхода политического недуга, которым страдает Европа, и принять свои решения в зависимости от того, как он будет протекать.

Е. в-во с удовольствием узнал из сообщений, сделанных Вам недавно бароном Гарденбергом, что пока можно не беспокоиться в отношении предприятий французов со стороны Северной Германии. Однако в. пр-ву следует упорно настаивать на том, чтобы двор, при котором Вы находитесь, в соответствии с нашим последним соглашением *, бдительно следил за силами и передвижениями французов в курфюршестве Ганноверском и чтобы он не давал себя усыпить красивыми словами. Для того чтобы соглашение*, только что заключенное между двумя нашими дворами, дало результат, которого должно от него ожидать, было бы необходимо привести в походное состояние войска, размещенные в угрожаемых прусских провинциях, и даже сосредоточить их в лагерях или в находящихся поблизости пунктах расквартирования войск, с тем чтобы они могли немедленно выступить против врага, который столь же быстро принимает свои неожиданные решения, как и выполняет их. Император со своей стороны будет держать свои войска наготове, чтобы при первой же необходимости выполнить обязательства, принятые им на себя по отношению к его прусскому в-ву.

Соблаговолите, в. пр-во, объясниться в этом смысле с прусским министерством и добавить при этом, что по его просьбе г-ну Лизакевичу в Копенгаген незамедлительно будут даны предписания побудить Данию прислушаться к нашим общим внушениям; но е. в-во желал бы быть заранее осведомленным о том, какого рода внушения берлинский кабинет намерен сделать копенгагенскому кабинету: будут ли они иметь лишь подготовительный характер и будут сделаны в общих выражениях, или же речь будет уже идти о том, чтобы побудить его примкнуть к нашему соглашению о совместных действиях, и в таком случае мы не видим, почему бы не предпринять подобные совместные демарши также в отношении Саксонии и Гессена, чьими средствами, несомненно, не следует пренебрегать.

Честь имею...

Князь А. Чарторыйский

** См. док. 13, 23.

37. Посланник в Берлине М. М. Алопеус Александру I

26 июня (8 июля) 1804 г.

Sire, autorisé, par le très gracieux rescrit du 4 juin*, à déclarer que v. m. i. avait daigné accepter la contre-déclaration ** du roi de Prusse, vu l'assurance donnée par son ministère, que l'acte de s. m. prussienne n'altérait en rien le sens dans lequel Votre déclaration***, sire, a été rédigée, j'ai rempli sans délai cet office important. J'ai dit en même temps à Mr le baron de Hardenberg, que l'assurance verbale donnée par le roi de comprendre dans le *casus foederis* la seigneurie de Yever et le duché d'Oldenbourg paraissant être une sûreté équivalant à l'acte le plus solennel, v. m. i. se reposait sur la loyauté de s. m. prussienne pour en remplir les engagements et trouvait, par conséquent, la conclusion d'une convention à ce sujet totalement superflue, à moins que le roi ne veuille de lui-même constater sa promesse par un article additionnel à sa déclaration.

Mr le baron de Hardenberg, me garantissant d'avance l'extrême satisfaction, que le roi éprouverait en apprenant ce que je venais de déclarer, n'entrevit point de difficulté par rapport à l'engagement relatif à Yever et à Oldenbourg et s'engagea d'en rendre incessamment compte à s. m. Le lendemain, ce ministre m'assura que le roi, dans la lettre qu'il se proposait d'écrire à v. m. i., s'en expliquerait d'une manière à écarter le moindre doute sur cet objet en distinguant toutefois, afin de prévenir des malentendus, entre une attaque véritablement hostile et une légère violation de territoire, qui, vu la position géographique d'Oldenbourg, pourrait arriver dans ce duché et dont il serait possible d'obtenir le redressement sans en venir à une rupture.

Je passe maintenant à la seconde partie de Votre très gracieux rescrit, sire. En conformité de son énoncé j'ai articulé, avec le ménagement qui y est observé, les remarques sur l'exorde de la déclaration prussienne. Le baron de Hardenberg en a pris occasion d'entrer dans une ample explication sur la politique de cette cour-ci. S'étant appuyé de la position géographique de la Prusse, il a relevé les ménagements qu'elle lui prescrit envers la France et l'impérieuse nécessité de les observer dans les circonstances actuelles où les provinces prussiennes en Westphalie auraient été exposées et la cause commune extrêmement compromise par une attaque provoquée, même avant l'établissement du concert entre v. m. i. et le roi. Il a protesté que les sentiments et la manière d'envisager les objets de v. m. i. et du roi s'accordent parfaitement quant au principe, l'un et l'autre ayant en vue de maintenir la paix et la tranquillité du continent, de conserver la France florissante et de ne pas l'abaisser, mais d'empêcher qu'elle ne pousse pas plus loin ses empiétements sur les droits et l'indépendance des autres Etats. Cependant tout en avouant ces principes le roi devait convenir aussi qu'il ne se croyait appelé ni par les intérêts les plus essentiels de sa monarchie ni par ses moyens à étendre ses soins à cet égard au-delà du Nord; que quant au Midi qu'il peut et qu'il doit se reposer sur les puissances qui y sont plus intéressées que lui, par exemple, sur l'Autriche. Ici ce ministre plaça l'observation, dont il a appuyé son raisonnement et sur laquelle il a insisté fortement, qu'on est convenu de se borner à ne pas souffrir de nouvelles usurpations, parce que entreprendre à réprimer celles qui ont eu lieu jusqu'ici serait vouloir immédiatement la guerre qu'on s'est proposé d'éviter, tandis que rien n'autorise dans ce moment à supposer à Bonaparte le dessein d'attaquer le Nord. Ce despote de la France témoignant le désir de la paix, et le besoin en

* См. док. 30.
** См. док. 23.
*** См. док. 13.

étant également senti en Angleterre, où un nouvel arrangement dans le gouvernement peut la faciliter d'un jour à l'autre, il n'y aurait rien de plus dangereux, dit le ministre de cabinet prussien, que de provoquer des hostilités sur le continent, tandis qu'inopinément pourrait arriver la nouvelle de la paix entre les puissances belligérantes, plusieurs exemples des temps passés prouvant combien un tel événement est dans la série des possibilités, et l'Angleterre ayant conclu la paix à l'improviste, lors même qu'elle n'était pas sans alliés comme c'est aujourd'hui son cas; qu'une telle explosion du feu de la guerre sur le continent était sans doute aussi éloignée des intentions de v. m., qu'elle est contraire à ses intérêts. Sans disconvenir des avantages qu'offre aux Français leur position militaire en Allemagne, il déduisit de l'existence de ces avantages la preuve qu'on ne peut les leur enlever sans faire la guerre.

Daignez agréer, sire, que dans le plus profond respect j'ose Vous demander la permission de citer, à ma justification, que plus d'une fois dans mes entretiens avec M[r] le baron de Hardenberg, j'ai relevé le besoin de prévenir les projets hostiles de l'ennemi, lorsque leur évidence n'admet point de doute sur leur existence. Nommément, je l'ai fait à l'occasion des discussions qui ont préparé les engagements qui viennent d'être sanctionnés. Si je ne suis pas entré dans de grands détails à cet égard, c'est que j'ai craint d'abuser de ces précieux moments de v. m. i. qu'elle emploie avec tant d'ardeur à préparer le bien-être de son vaste empire. Mes conversations avec M[r] le baron de Hardenberg ont été si fréquentes et si longues, que je n'en aurais jamais osé rendre compte en détail; il m'importait d'arriver à des résultats et ceux-ci ont été amenés, autant que les circonstances, les principes et la position de cette cour-ci, de même que son système l'ont comporté. Le ministre du roi de Prusse est entré alors déjà dans les explications que je viens de consigner dans ma très respectueuse relation présente et je ne saurais disconvenir que le véritable moment manqué, il y a plus d'un an, pour déjouer les projets de Bonaparte et pour s'opposer à l'invasion dans le Hannovre, il serait difficile actuellement d'attaquer les Français de ce côté-ci, sans leur ouvrir les portes des villes anséatiques où ils trouveraient de nouveaux aliments pour plusieurs campagnes. Dans la position qu'ils occupent, il est physiquement impossible que la Prusse ou le Danemarc puissent les empêcher de s'emparer de Bremen, de Hambourg et de Lubeck; dès lors ils sont maîtres des richesses de ces trois villes et la seule véritable banque, qui reste encore en Europe, saute en l'air.

Le baron de Hardenberg a terminé cette conférence en exprimant la vive reconnaissance du roi des assurances, que v. m. i. m'a ordonné de donner, qu'elle préférera, en cas d'événement, le mode qui offrira le plus de célérité et qui sera le plus à la convenance de s. m. prussienne.

Souffrez, sire, que je dépose à Vos pieds le plus profond hommage de ma gratitude et de ma soumission d'avoir daigné à cette occasion m'assurer de Votre haute bienveillance; la mériter fait l'objet de mes plus zélés efforts et l'occupation, à laquelle ma vie est préférablement consacrée.

Je suis...

M. Alopeus

Получ[ено] 10 июля 1804 г.

Печат. по подлиннику

Перевод

Государь, будучи уполномочен всемилостивейшим рескриптом от 4 июня* заявить, что в. и. в-во соизволили принять контрдекларацию короля прусского, учитывая данное его министерством заверение в том, что акт ** его прусского в-ва ни в чем не изменяет смысла, в котором составлена Ваша, государь, декларация***, я незамедлительно сделал это важное официальное сообщение. Одновременно я сказал барону Гарденбергу, что, поскольку устно

данное королем заверение считать землю Еверскую и герцогство Ольденбургское включенными в casus foederis представляется гарантией, равноценной самому торжественному акту, то в. и. в-во полагаетесь на честность его прусского в-ва в деле выполнения этих обязательств, вследствие чего и считаете совершенно излишним заключение конвенции по этому вопросу, если только король не захочет сам подтвердить свое обещание дополнительной статьей к своей декларации.

Г-н барон Гарденберг, заверив меня заранее в том, что король будет весьма удовлетворен этим моим сообщением, заявил, что он не видит никаких затруднений в отношении обязательства о Евере и Ольденбурге и обещал незамедлительно доложить об этом е. в-ву. На следующий день этот министр заверил меня, что король в письме, которое он намеревается написать в. и. в-ву, объяснится по этому предмету так, чтобы исключить даже малейшие сомнения на этот счет, но во избежание недоразумений проведет различие между действительным вооруженным нападением и незначительным нарушением границы; такое нарушение в связи с географическим положением Ольденбурга легко могло бы произойти в этом герцогстве, но за него можно было бы добиться удовлетворения, не доводя дела до разрыва.

Я перехожу теперь ко второй части Вашего всемилостивейшего рескрипта, государь. В соответствии с ним я высказал с той же осторожностью, которая там соблюдена, замечания, касающиеся вступительной части прусской декларации. Барон Гарденберг воспользовался этим случаем, чтобы вступить в подробные объяснения относительно политики берлинского двора. Сославшись на географическое положение Пруссии, он подчеркнул, что в связи с этим должна соблюдаться величайшая осторожность и осмотрительность в отношениях с Францией и что особенно необходимо соблюдать их в данных обстоятельствах, когда прусские провинции в Вестфалии были бы поставлены под угрозу, а общему делу был бы причинен большой ущерб в результате нападения, вызванного еще до установления системы совместных действий между в. и. в-вом и королем. Он заверил, что чувства и взгляды в. и. в-ва и короля полностью совпадают в том, что касается основного начала, так как и Вы и он имеете в виду сохранить мир и спокойствие на континенте, сохранить процветающую Францию и не унизить ее, а лишь помешать ей идти далее по пути посягательств на права и независимость других государств. Полностью одобряя эти принципы, король должен был, однако, указать также на то, что, по его мнению, наиболее существенные интересы его монархии и его возможности призывают его ограничиться в своих заботах в этом отношении Севером; что же касается Юга, то он может и должен предоставить заботу о нем державам, более его заинтересованным в этом, например Австрии. Здесь этот министр в подкрепление своей мысли сделал замечание, на которое он весьма упирал, относительно того, что мы договорились ограничиться недопущением новых захватов по той причине, что предпринимать какие-либо меры в отношении захватов, имевших место до сих пор, значило бы желать немедленной войны, которой намеревались избежать, в то время как в данный момент ничто не дает оснований предполагать, что у Бонапарта имеется намерение произвести нападение на Север. Поскольку этот французский деспот обнаруживает желание мира, а необходимость его равно чувствуется и в Англии, где новые изменения в правительстве могут способствовать заключению его в ближайшее время, то нет ничего более опасного, сказал министр прусского кабинета, чем спровоцировать военные действия на континенте, в то время как неожиданно могло бы прийти известие о заключении мира между воюющими державами, поскольку многочисленные примеры прошлого подтверждают, что это весьма возможно, а Англия уже однажды внезапно заключила мир, даже тогда, когда у нее были союзники, в то время как сейчас их у нее нет. Он сказал, что подобная вспышка пламени войны на континенте, безусловно, столь же чужда намерениям в. и. в-ва, сколь и противоречит Вашим интересам. Не оспаривая преимуществ, которые дают французам занимаемые ими военные позиции в Германии, он доказывал, что именно в силу этого их нельзя отнять у французов без войны.

Соблаговолите, государь, разрешить мне испросить с глубочайшим почтением Вашего позволения сказать в свое оправдание, что во время бесед с г-ном бароном Гарденбергом я неоднократно ставил вопрос о необходимости предупредить враждебные замыслы неприятеля, когда их наличие не вызывает никаких сомнений. Я это делал, в частности, во время переговоров, в ходе которых были выработаны утвержденные недавно обязательства. Если я не писал подробнее по этому вопросу, то лишь потому, что боялся злоупотребить драгоценным временем в. и. в-ва, которое Вы с таким усердием используете для обеспечения благоденствия Вашей обширной империи. Мои беседы с г-ном бароном Гарденбергом были столь часты и столь продолжительны, что я никогда не решился бы докладывать о них во всех подробностях; для меня важно было достигнуть результатов, и последние были достигнуты в той мере, в какой это позволили принципы, положение, а также система этого двора. Министр прусского короля выступил тогда уже с объяснениями, которые я изложил в этом моем всеподданнейшем донесении, и мне трудно не согласиться с тем, что поскольку свыше года тому назад был упущен момент для того, чтобы расстроить замыслы Бонапарта и воспрепятствовать вторжению в Ганновер, то теперь трудно было бы атаковать французов с этой стороны, не дав им повода к занятию ганзейских городов, где они нашли бы новые ресурсы для нескольких кампаний. При занимаемой ими позиции просто физически невоз-

можно, чтобы Пруссия или Дания смогли помешать им овладеть Бременом, Гамбургом и Любеком; в этом случае в их руках окажутся богатства этих трех городов и лопнет единственный настоящий банк, еще оставшийся в Европе.

В заключение этой беседы барон Гарденберг выразил глубокую признательность короля за те заверения, которые в. и. в-во повелели мне дать относительно того, что в случае наступления имеющегося в виду события Вы предпочтете способ, который обеспечит наибольшую быстроту и более всего будет устраивать его прусское в-во.

Разрешите, государь, повергнуть к Вашим стопам мои уверения в глубочайшей благодарности и преданности в связи с тем, что Вы соизволили по этому случаю заверить меня в Вашем высочайшем благоволении; стараться заслужить его — цель моих самых ревностных усилий и основное занятие, которому посвящена моя жизнь.

Пребываю...

М. Алопеус

38. Полномочный представитель при Республике Семи Соединенных островов Г. Д. Моцениго товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

27 июня (9 июля) 1804 г.

Monseigneur. Je crois qu'il est de mon devoir de représenter à Votre altesse quelle est la conduite des agents, avec lesquels je me vois tenu, par ses ordres, de vivre sur un pied de confiance et d'amitié; je veux parler ici de Mr Marier, consul général britannique en Morée. Votre altesse se rappellera que par mes rapports précédents je lui disais qu'en Grèce les Anglais sont adorés des Turcs et souverainement détestés des Grecs, et qu'il en est autrement de nous, vu que tous les Grecs, en général, ont pour le nom russe un véritable attachement qui date de loin et qui tient essentiellement à la conformité de notre religion. D'après cette vérité incontestable, je pense que tout en recommandant à nos agents en Grèce de vivre sur un pied d'intimité avec ceux d'Angleterre, il faut cependant y mettre une certaine mesure pour ne pas heurter l'opinion que les Grecs ont de nous, et voici les motifs qui ont motivé cette observation.

Je sais que Mr Marier, à peine arrivé à Patras, y a donné quelque preuve de vivacité qui n'a pu nullement être agréable aux Grecs, ayant fait, de plus, entendre aux Turcs qu'il fallait se méfier d'eux. Les Ottomans en furent charmés, parce que ce sont des occasions dont ils tirent toujours parti à la charge des Grecs, sur lesquels la soldatesque turque continue à peser d'une manière effroyable. Or, je laisse juger à Votre altesse de l'impression que des propos pareils de la part de l'agent britannique doivent avoir fait et feront sur les pauvres Grecs. Je conçois que les intérêts de l'Angleterre exigent de susciter de nouveaux ennemis à la France, et que peu s'embarrasse du mal réel qui se fait par là aux habitants de ces contrées, mais je crois aussi que nous avons, sous ce rapport, des intérêts opposés à ceux de la Grande-Bretagne. En partant donc de ce principe, j'avais engagé le consul Mintschaky de modérer, autant qu'il le pourra, Mr Marier, et de lui faire connaître tous les inconvénients qui peuvent résulter, si nous prenons deux chemins différents; en effet, notre consul marque qu'à la suite de ses avis, il paraît que cet agent britannique s'est beaucoup modéré, tout en m'informant de l'offre des secours qu'il a faite au bey actuel de Maina et aux capitaines qui sont sous ses ordres, ainsi que de la profusion d'argent que cet agent fait par ordre de sa cour, au nom de laquelle il a déjà remis plusieurs cadeaux à presque tous les voïvodes et à quelques évêques des villes de la Morée qu'il a parcourues; j'ai cru qu'il ne serait pas inutile que Votre altesse sache toutes ces particularités.

J'ai l'honneur...

C[omte] G. Mocenigo

P. S. Je reçois à l'instant des nouveaux renseignements sur le compte de Mr Marier, et tout concourt à me le faire regarder comme un homme très actif et qui se prête à toute insinuation amicale, j'en ai la preuve dans le rapport du Sr Mintschaky qui vient de me répéter que cet agent s'est beaucoup modéré, et qu'ils sont parfaitement bien ensemble.

Ut retro,

C[omte] G. Mocenigo

Получено 3 августа 1804 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь. Я считаю своим долгом сообщить Вашей светлости о поведении агентов, с которыми я должен, согласно Вашим указаниям, поддерживать дружеские и доверительные отношения; в частности, я хочу рассказать здесь о г-не Мориере, английском генеральном консуле в Морее. Как Вы помните, Ваша светлость, я писал Вам в своих предыдущих донесениях о том, что в Греции англичан любят турки, а греки их сильно ненавидят и что совсем по-другому они относятся к нам, потому что все греки вообще издавна питают к русским подлинную приверженность, объясняющуюся, главным образом, общностью нашей религии. Вследствие этой неоспоримой истины я полагаю, что, рекомендуя нашим агентам в Греции поддерживать дружеские отношения с английскими агентами, необходимо все-таки соблюдать в этом деле какую-то определенную меру, чтобы не задевать чувства греков, и вот на чем я основываю это замечание.

Я знаю, что г-н Мориер, как только приехал в Патры, проявил некоторую резкость, что никоим образом не могло быть приятно грекам, поскольку он к тому же дал понять туркам, что им следует остерегаться греков. Турки же были этим очень довольны, так как они всегда используют подобные поводы для того, чтобы извлечь для себя выгоду за счет греков, для которых турецкая солдатня по-прежнему продолжает оставаться тяжким бременем. Итак, предоставляю Вашей светлости судить, какое впечатление должны были произвести и произведут на бедных греков подобные намеки британского агента.

Я понимаю, что в интересах Англии порождать новых врагов Франции, при этом ее мало смущает то зло, которое при этом причиняется населению этих областей, но я думаю также, что в этом отношении наши интересы прямо противоположны интересам Великобритании. Исходя из этого принципа, я предписал консулу Минчаки убедить, насколько это окажется возможным, г-на Мориера быть умереннее в своем поведении и указать ему на нежелательные последствия, которые могут возникнуть, если мы пойдем разными путями; действительно, наш консул сообщает, что вследствие его советов британский агент как будто бы стал значительно сдержаннее в своем поведении. Консул сообщает мне о том, что этот агент предложил помощь теперешнему бею Майны и подчиненным ему офицерам, а также о щедрости, проявляемой им по указанию его двора, от имени которого он сделал подарки почти всем воеводам и некоторым епископам в городах Мореи, которые он объехал. Я счел, что Вашей светлости будет небесполезно узнать все эти подробности.

Имею честь...

Граф Г. Моцениго

P. S. Я только что получил новые сведения, касающиеся г-на Мориера, и все они побуждают меня считать его человеком весьма энергичным и прислушивающимся к дружеским внушениям; я нахожу подтверждение этому в только что полученном донесении г-на Минчаки, где он повторяет, что британский агент стал намного сдержаннее и что они отлично с ним ладят.

Ut retro,

Граф Г. Моцениго

39. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

2(14) июля 1804 г.

Monsieur, Votre dépêche du 2(14) mai[54], que Vous m'avez adressée en réponse à la mienne du 16 mars*, ayant été mise sous les yeux de l'empereur, j'ai à Vous dire, monsieur, que tout en rendant justice aux motifs, qui ont dicté les

* См. т. I, док. 269.

raisonnements qu'elle contient, et les appréciant, quand il ne s'agit que du moment et de la manière d'exécuter les ordres qui Vous ont été transmis, nous ne pouvons pas être de Votre avis quant au fond de la question.

Je ne me propose pas d'entrer ici dans une discussion détaillée de tous les points de Votre dépêche et les raisons que Vous alléguez en faveur de l'existence et de la teneur du diplôme en question et d'examiner si tel événement a eu lieu avant ou après telle époque, puisque cela ne ferait que nous distraire encore du but proposé. Il est inutile de revenir sur le passé et de vouloir le juger: tout ce qui nous importe, c'est de réussir à remédier aux inconvénients du moment et à ceux que l'on peut prévoir dans l'avenir. Les points essentiels de l'affaire dont il s'agit sont renfermés dans les deux questions suivantes, savoir: si la Porte avait le droit, d'après la convention de 1800*, de donner un diplôme d'un contenu différent de celui de Raguse** et si la République septinsulaire a lieu d'être contente de ce qui a été fait contre cette convention; ni l'un ni l'autre cas ne pouvant être résolus par l'affirmative, on ne saurait disputer à la république le droit de demander le redressement de ce qui est contraire à ses privilèges, et la Porte ne peut non plus se refuser à lui accorder sa demande sans s'écarter de ses engagements les plus solennels contenus dans la convention susmentionnée.

Si le diplôme, comme Vous l'observez Vous-même, est tombé dans l'oubli dès sa naissance et qu'il soit devenu un acte qui peut être considéré comme non avenu et nul, c'est au séjour de nos troupes dans les Sept Iles qu'il faut l'attribuer, tout comme l'heureuse tranquillité et l'ordre qui y règnent à présent. Celles-ci une fois parties de ce pays, la Porte ou ses délégués ne manqueront pas de faire sentir tout le poids du pouvoir qu'elle s'est arrogé par le diplôme; mais alors il ne sera plus temps de le redresser, et comme Vous êtes Vous-même convenu de la nécessité de le miner, ce qui démontre que les inconvénients de cet acte Vous sont parfaitement connus, Vous sentirez facilement combien il sera essentiel de ne pas laisser au jugement arbitraire de la Porte de la remettre ou non en vigueur. Persuadés également que, par la suite du temps, aussitôt que nos troupes quitteront ces contrées, des troubles pourront y éclater de nouveau, nous souhaitons d'autant plus vivement que les Ioniens soient contentés dans toutes leurs demandes justes et légitimes, afin de leur ôter toute raison de mécontentement et de les attacher à la Porte par les liens de la reconnaissance.

Nos instances à cet égard ne peuvent nullement fournir à nos ennemis l'occasion de faire naître à Constantinople des soupçons contre nous, puisque le ministère turc, malgré son ignorance, ne s'apercevra pas moins pour cela que nous ne travaillons que pour l'intérêt de la Porte. Une démarche de ce genre est la meilleure preuve des intentions bienveillantes et sincères de l'empereur. Si nous méditions quelque projet contraire, si nous avions l'intention de garder les Sept Iles, ce serait bien alors, que nous ne dirions mot sur le diplôme qui n'aurait aucune importance quelconque dans cette supposition, et ce n'est pas en prêchant aux habitants l'attachement à la Porte et en conseillant à celle-ci de s'en faire aimer, que nous l'aurions exécuté. Il est évident que nous aurions pris à tâche plutôt d'entretenir leur mécontentement mutuel.

En Vous exposant, monsieur, toutes ces considérations, il ne me reste, par ordre de s. m. i., qu'à me référer à ma dépêche du 16 mars* relativement à la nécessité absolue que la Porte reprenne son diplôme ou qu'elle en donne un autre à l'instar de celui de Raguse, et s'il s'agissait d'y faire des changements, il faudrait qu'ils fussent tout à fait à l'avantage de la République des Sept Iles. Au reste, c'est à Vous de juger de l'instant qui sera le plus propre pour faire

* См. т. *I*, *прим.* 87.
** См. т. *I*, *прим.* 325.

réussir cette négociation; il n'est point nécessaire d'y insister dès à présent, le séjour de nos troupes à Corfou remédiant aux mauvaises suites que pourrait avoir ce retard. Si Vous avez été instruit à temps des intentions de s. m., c'est pour que Vous puissiez saisir chaque occasion favorable pour préparer le ministère turc à ce que nous désirons et lui ouvrir les yeux sur ses véritables intérêts, et si Vous ne jugez pas convenable de le faire avant, il faudra absolument, quand la retraite de nos troupes sera résolue, dire à l'agent septinsulaire à Constantinople, qu'il présente un office à la Porte relativement à leurs demandes, que Vous appuierez fortement en insinuant même au reis-effendi, si le cas l'exigeait, que s. m. i. ne saurait retirer ses troupes des Sept Iles avant d'être persuadée de leur tranquillité future par le redressement de tout ce qui a été fait au détriment de ces insulaires contre la convention de 1800.

Persuadé que Votre habileté dans les affaires et Votre prudence accoutumée Vous suggéreront les moyens d'en venir à une fin désirable, je puis Vous assurer d'avance, monsieur, que ce sera acquérir de nouveaux titres à la bienveillance de s. m. i.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Получ[ено] 26 июня 1804 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, Ваша депеша от 2(14) мая[64], которую Вы отправили в ответ на мою депешу от 16 марта*, была представлена императору, и я должен сказать Вам, милостивый государь, что, отдавая должное мотивам, лежащим в основе соображений, содержащихся в этой депеше, и одобряя их в том, что относится ко времени и способу выполнения данных Вам повелений, мы не можем согласиться с Вами в том, что касается существа вопроса.

Я не собираюсь входить здесь в подробное обсуждение всех пунктов, затронутых в Вашей депеше, и доводов, приводимых Вами в пользу диплома, о котором идет речь, и его содержания, и выяснять, имело ли место такое-то событие до или после того или иного определенного времени, так как это лишь еще более отвлекло бы нас от намеченной цели. Излишне возвращаться к прошлому и пытаться давать ему оценку: самое главное для нас — это постараться исправить невыгоды данного момента, а также те, которые можно предвидеть на будущее. Существо рассматриваемого дела сводится к двум следующим вопросам, а именно: имеет ли Порта право по конвенции 1800 г.** дать диплом, отличный по своему содержанию от рагузского диплома***, и есть ли у Республики Семи островов основания быть довольной тем, что было сделано вопреки этой конвенции. Поскольку ни на один из этих вопросов не может быть дан утвердительный ответ, то трудно оспаривать право республики требовать исправления того, что является нарушением ее привилегий, а Порта также не может отказаться удовлетворить ее просьбу, не отходя от самых торжественных обязательств, содержащихся в упомянутой конвенции.

Если, как Вы сами отмечаете, диплом с самого начала был позабыт и превратился в акт, который может рассматриваться как недействительный, то это, так же как и счастливое спокойствие и порядок, царящие в настоящее время на Семи островах, следует объяснить пребыванием там наших войск. Как только последние покинут эту страну, Порта или ее представители не преминут дать почувствовать всю тяжесть власти, присвоенной ею посредством этого диплома, но тогда уже будет поздно исправлять это. Поскольку Вы сами согласны с необходимостью свести на нет этот диплом, что говорит о том, что Вам хорошо известны все невыгоды, связанные с этим актом, то Вы легко поймете, насколько важно не предоставлять Порте возможности решать вопрос о том, возобновлять или не возобновлять его действие. Будучи убеждены также в том, что с течением времени, как только наши войска покинут эти края, там могут вновь возникнуть волнения, мы тем более желаем, чтобы законные и справедливые просьбы ионийцев были удовлетворены, чтобы лишить их каких-либо оснований для недовольства и привязать их к Порте узами благодарности.

Наши настояния на этот счет никоим образом не могут предоставить нашим врагам случай вызвать в Константинополе подозрения в отношении нас, поскольку турецкое министерство, несмотря на свое невежество, все же поймет, что мы действуем лишь в интересах Порты. Подобные действия являются наилучшим доказательством благожелательных и искренних намерений императора. Если бы у нас были какие-либо противоположные замыслы, если бы мы намеревались сохранить за собой Семь островов, то именно тогда мы не упомянули бы ни слова о дипломе, который в таком случае не имел бы никакого зна-

чения; к тому же мы не можем осуществлять подобные проекты, убеждая население быть приверженным Порте и советуя последней поступать так, чтобы завоевать его любовь. Ясно, что в таком случае мы постарались бы поддерживать их взаимное недовольство.

После того как я изложил Вам, милостивый государь, все эти соображения, мне остается лишь, в соответствии с повелением е. и. в-ва, сослаться на мою депешу от 16 марта* относительно абсолютной необходимости того, чтобы Порта взяла назад свой диплом или дала другой диплом, по образцу рагузского, а если бы зашла речь о внесении в него изменений, то нужно, чтобы они были полностью благоприятны для Республики Семи островов. Впрочем, именно Вам предстоит определить наиболее подходящий момент для успешного проведения этих переговоров; нет никакой необходимости настаивать на этом уже сейчас, так как пребывание наших войск на Корфу позволит исправить те нежелательные последствия, которые возможное промедление могло бы повлечь за собой. Если мы заблаговременно осведомили Вас о намерениях е. в-ва, то это сделано с той целью, чтобы Вы смогли использовать каждый благоприятный случай, для того чтобы подготовить турецкое министерство к нашим требованиям и открыть ему глаза на действительные его интересы. И если Вы не сочтете уместным сделать это заранее, то, когда вопрос о выводе наших войск будет решен, Вам необходимо будет сказать представителю Республики Семи островов в Константинополе, чтобы он вручил Порте ноту относительно требований этой республики; Вам нужно будет активно поддержать эти требования и даже, если это потребуется, дать понять рейс-эфенди, что е. и. в-во не сможет вывести свои войска с Семи островов до тех пор, пока он не убедится в том, что их спокойствие будет обеспечено в результате исправления всех нарушений конвенции 1800 г., совершенных в ущерб жителям этих островов.

Будучи убежден в том, что Ваше умение вести дела и присущее Вам благоразумие подскажут Вам средства, необходимые для достижения желаемой цели, я могу заранее заверить Вас, милостивый государь, что Вы приобретете тем самым новые права на благоволение е. и. в-ва.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

40. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

3(15) июля 1804 г.

Monsieur le comte. J'ai l'honneur, ainsi que j'en avais prévenu v. ex. par ma dépêche du 7 juin*, de lui transmettre ci-près en copie la réponse française[28] à la note[8], dont le Sr Oubril s'était acquitté auprès du gouvernement français, relativement à ce qui s'était passé à Ettenheim[1], ainsi que l'office subséquent[9] que ce chargé d'affaires a eu ordre de faire parvenir au ministre des relations extérieures. Vous voudrez bien, M[r] le comte, participer confidentiellement le contenu de ces pièces au ministère de s.m. i[mpéria]le et r[oya]le en lui communiquant en outre qu'il a été enjoint au S[r] Oubril de quitter sans délai Paris, aussitôt que le gouvernement français ne se montrera pas disposé à satisfaire à nos justes demandes**. La position des deux pays nous permet d'interrompre la communication sans que la guerre s'en suive, et l'empereur, après avoir fait ce que sa dignité exigeait de lui, ne se portera point à d'autres démarches hostiles à moins qu'il n'y soit forcé par le gouvernement français. Au reste, je n'ai rien à ajouter de plus à ce sujet, le cabinet de Vienne ayant sans doute, à l'heure qu'il est, pris déjà ses décisions sur les propositions que v. ex. a été chargé de lui faire par l'expédition du chasseur Artemieff.

Le comte de Stadion, ayant reçu son courrier, vient de nous faire part d'un projet de déclaration[55] relatif au concert des mesures que nous avons proposé dans le temps à la cour de Vienne. Comme cette communication n'a été faite que depuis quelques jours, il ne m'a pas été possible d'y répondre jusqu'à présent, je n'ai pas même été encore en état de pressentir à ce sujet les déterminations de s. m. et je me bornerai aujourd'hui à Vous faire la remarque, M[r]

---

* См. док. 31.

** См. док. 6.

le comte, que le cabinet de Vienne a diminué, d'une part, de l'intérêt que pouvait trouver notre cour à prendre part à un concert de mesures actives contre la France, puisqu'il a voulu omettre l'article qui regardait la protection des alliés, et cependant a augmenté les charges de la Russie en insistant sur les 150 mille hommes, objet sur lequel v. ex. avait fourni au ministère autrichien des explications qui devaient le convaincre que c'était sur des raisons très fondées que s. m. avait cru devoir ne placer dans l'acte en question que l'offre de 100 mille hommes avec l'obligation de les tenir constamment au complet.

Je me félicite, en attendant, d'avoir à faire part à v. ex. que bien que les déterminations de la cour de Vienne n'aient pas entièrement répondu à notre attente, l'empereur n'en est pas moins complètement satisfait de la manière dont v. ex. a suivi et traité cette affaire, et s. m. m'a nommément ordonné de Vous transmettre, Mr le comte, le témoignage de son entière approbation.

Recevez...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

P. S. Le comte de Stadion, auquel j'avais communiqué le contenu des deux notes que je transmets aujourd'hui à v. ex., vient de me déclarer que notre démarche à Paris pouvant amener de suite la guerre entre la Russie et la France, et que cet incident n'ayant pas été prévu dans le projet de déclaration qu'il m'avait remis, il se croyait obligé de demander à sa cour la décision de ce point avant de rien conclure avec nous. Quelqu'étonné que j'aie été de cette manière d'envisager le concert de mesures qui se négocie entre les deux cours impériales, je me suis volontiers prêté à l'intention de Mr le comte Stadion et lui ai en même temps annoncé que je n'étais nullement empressé de mon côté de discuter les autres points de la déclaration jusqu'à la rentrée des ordres que s. ex. a trouvé nécessaire de demander. Notre auguste maître, ayant fait tout ce qui a dépendu de lui pour soustraire l'Europe au joug qui pèse sur elle, verra l'inutilité de ses soins avec regret, mais sans inquiétude pour la sûreté de son empire dont la force et la position sont telles qu'il conservera son indépendance quand même toutes les autres l'auront perdue.

Je n'ai pas le temps de m'entretenir au long avec v. ex. sur cette matière, Mr le comte Stadion étant pressé de faire partir son courrier, mais je compte sous peu de jours en expédier un, par lequel j'aurais l'honneur de causer plus en détail avec Vous. Ne m'attendant nullement à la nouvelle difficulté de l'ambassade de cour de Vienne, je n'ai pu qu'en être surpris. Je lui ai cependant marqué la plus grande indifférence sur sa détermination; il sera bon que v. ex. fasse de même car, après tout, ce n'est pas à nous, qui leur offrons notre secours, de les solliciter à ne pas le rejeter.

Ut in litteris

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Par le courrier autrich(ien) le 15(27) juil(let) 1804.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин граф! В соответствии с тем, о чем я уже предупреждал в. с-во своей депешей от 7 июня*, имею честь переслать Вам при этом в копии французский ответ[28] на ноту[8], врученную г-ном Убри французскому правительству, относительно того, что произошло в Эттенгейме[1], а также последующую ноту[9], которую этот поверенный в делах имел повеление вручить министру внешних сношений. Соблаговолите, г-н граф, конфиденциально ознакомить с содержанием этих документов министерство его императорского и королевского в-ва, а также сообщить, что г-ну Убри было предписано незамедлительно покинуть Париж, коль-

скоро французское правительство покажет, что оно не склонно удовлетворить наши справедливые требования**. Положение наших двух стран позволяет нам прервать сношения без того, чтобы за этим последовала война; император, исполнив то, что требовалось его достоинством, не будет предпринимать никаких других враждебных действий, если только французское правительство не вынудит его к этому. Впрочем, мне нечего больше добавить на этот счет, так как венский кабинет, без сомнения, в настоящее время уже принял решение в связи с предложениями, сделать которые в. с-ву было поручено с почтой, доставленной курьером Артемьевым.

После прибытия к нему курьера граф Стадион ознакомил нас с проектом декларации[55] относительно совместных мер, предложенных нами в свое время венскому двору. Ввиду того, что это сообщение было сделано лишь несколько дней тому назад, я до сих пор не смог дать ответ на него и даже не имел возможности предварительно выяснить намерения е. в-ва по этому вопросу; сегодня я хочу лишь заметить Вам, г-н граф, что венский кабинет, с одной стороны, уменьшил заинтересованность нашего двора в участии в активных совместных мерах против Франции, поскольку он пожелал опустить статью, в которой говорилось о защите союзников, и в то же время увеличил обязанности России, настаивая на том, чтобы она выставила 150 тыс. человек; на этот счет в. с-во дали австрийскому министерству объяснения, которые должны были убедить его в том, что у е. в-ва были весьма основательные причины включить в акт, о котором идет речь, лишь обязательство выставить армию в 100 тыс. человек, которую он будет держать постоянно полностью укомплектованной.

А пока я рад возможности сообщить в. с-ву, что, хотя решения, принятые венским двором, не совсем отвечают нашим ожиданиям, тем не менее император вполне удовлетворен тем, как в. с-во вели переговоры по этому делу, и е. в-во повелел мне особо передать Вам, г-н граф, свое полное одобрение.

Примите...

Князь А. Чарторыйский

P. S. Граф Стадион, которому я сообщил содержание обеих нот, посылаемых мною сегодня в. с-ву, заявил мне, что, поскольку наш демарш в Париже может иметь своим следствием войну между Россией и Францией и поскольку этот случай не был предусмотрен в проекте декларации, врученном им мне, он считает необходимым запросить решения своего двора по этому вопросу, прежде чем заключать что-либо с нами. Как ни удивлен я был подобным отношением к соглашению о совместных мерах, относительно которого ведутся переговоры между двумя императорскими дворами, я охотно пошел навстречу намерению графа Стадиона, но в то же время заявил ему, что, со своей стороны, я не буду торопиться с обсуждением остальных пунктов декларации до получения распоряжений, которые е. пр-во счел нужным запросить. Наш августейший государь, сделав все от него зависящее, чтобы избавить Европу от порабощения, и увидев, что его усилия оказались бесполезными, будет огорчен, но отнюдь не испытает беспокойства за безопасность своей империи, сила и положение которой таковы, что она сохранит свою независимость даже тогда, когда все остальные страны потеряют ее.

У меня нет времени подробно писать в. с-ву об этом предмете, так как граф Стадион торопится с отправлением своего курьера, но я рассчитываю через несколько дней также отправить курьера, и тогда я напишу Вам более детально. Так как я не ожидал этого нового осложнения со стороны посольства венского двора, я был весьма удивлен. Однако я сделал вид, что отнесся к его решению с полным безразличием. В. с-ву следовало бы сделать то же самое, ибо в конце концов не нам, предлагающим им свою помощь, просить не отвергать ее.

Ut in litteris

Князь А. Чарторыйский

С австрийским курьером 15(27) июня 1804 г.

Нота поверенного в делах в Париже П. Я. Убри министру иностранных дел Франции Талейрану

9(21) июля 1804 г.

В ответ на ноту Талейрана от 16 мая* сообщается, что единственное желание России «... это — чтобы мир возродился в Европе, чтобы никто не думал захватить в ней первенство и чтобы французское правительство со своей стороны признало равенство прав за государствами менее сильными, но столь же независимыми, как Франция». Россия не боится войны, но в интересах мира в Европе желала бы сохранить дружественные отношения

* Аннотацию на указанную ноту см. на стр. 57.

с Францией при условии, что французское правительство добросовестно выполнит свои обязательства перед Россией, выведет войска из Ганновера и даст обязательство строго соблюдать нейтралитет Германии и других государств, которые его объявят. В случае отказа французского правительства Убри немедленно покинет Париж.

Сб. РИО, т. 77, стр. 668—678.

Посол в Лондоне С. Р. Воронцов товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

12(24) июля 1804 г.

Сведения о подготовке, проводимой в Англии для отражения десанта французских войск, и соображения посла по этому вопросу.

Красный Архив, т. 106, 1941 г., стр. 138—139.

Записка министра иностранных дел А. Р. Воронцова о международном положении в Европе

23 июля (4 августа) 1804 г.

Обзор англо-французской войны и ее перспектив. Соображения о создании коалиции против империи Наполеона.

Арх. Воронцова, кн. XI, стр. 472—480.

41. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский полномочному представителю при Республике Семи Соединенных островов Г. Д. Моцениго

№ 118 *31 июля (12 августа) 1804 г.*

Monsieur, je Vous ai fait part, dans ma première dépêche,[66] de l'approbation dont l'empereur a honoré Vos dispositions pour mettre les Etats de la République ionienne à même d'opposer une forte résistance aux Français. Je Vous annonce ici avec un vrai plaisir que s. m. n'est pas moins satisfaite de l'activité et de la prudence avec laquelle Vous entretenez Vos relations avec les personnes signifiantes sur la terre ferme, et, en général, de toutes les mesures que Vous avez prises pour le succès de nos opérations.

Plus Vos réflexions sont justes, monsieur, sur la haine que les Grecs nourrissent contre la domination turque et sur leur penchant à s'attacher à chaque puissance qui les flatterait de la promesse de les délivrer de leur servitude, plus il est nécessaire de redoubler de vigilance pour empêcher les Français d'y répandre le venin de leurs insinuations.

Quoique l'adoucissement de l'état actuel des Grecs soit le désir constant de notre cour, elle ne saurait pour le moment entretenir l'idée de les soustraire entièrement à la dépendance de la Porte. S'il ne leur convient pas d'être rangés sur le même pied que les principautés de Moldavie et de Valachie, les circonstances pourront amener la possibilité que notre cour leur procurât une autre espèce d'existence politique, plus conforme à leur désir et à leur situation locale, et approchant de celle de la République septinsulaire qui, quoique toujours sous la suzeraineté de la Porte, n'en jouit pas moins d'un degré considérable d'indépendance et de prospérité. Nous pouvons donc sans risquer de tromper qui que ce soit, augmenter nos promesses en cas de nécessité, en leur donnant un sens qui satisfasse l'attente des Grecs et puisse se concilier avec le genre de

conduite que nous avons tenu jusqu'à présent envers la Porte et qui soit susceptible dans le temps d'une explication franche avec elle. Si le moment de l'explosion arrivera, on pourra donner plus de latitude aux espérances des sujets opprimés de la Porte, selon que nous rencontrerons plus de difficultés à détruire parmi eux l'effet des promesses dont les flatte le gouvernement français. On a prévu ici que cette mesure deviendrait nécessaire dans ce cas, et à cet effet on a accompagné les instructions données à Mr Anrep* d'un projet de manifeste [57] à répandre dans le pays, dont on Vous autorise de faire usage en l'arrangeant d'après les circonstances et de manière à ce qu'il ne soit pas impossible d'y donner une interprétation favorable aux yeux de la Porte, en cas qu'elle fasse cause commune avec nous.

Nous pensons ici que ces instructions suffisent pour le moment. L'état actuel des affaires de l'Europe ne nous permet pas au reste de prendre encore aucune détermination finale pour nos plans, et nous croyons devoir d'autant plus ne pas nous presser, que nous ne prévoyons pas dans cet instant ni pour les Etats de la République ionienne ni pour le continent de la Grèce, aucun danger imminent de la part des Français. Leurs troupes en Italie ne sont pas assez nombreuses pour hasarder une descente dans ce pays, et ils sont privés sur les côtes de l'Adriatique des moyens nécessaires pour opérer leurs embarcations. D'un autre côté, les forces navales anglaises dans la Méditerranée empêcheront sans doute la flotte de Toulon de sortir et surtout de pénétrer si loin. A tout événement, Votre correspondance suivie avec les commandants anglais Vous mettra à même de donner à temps de l'essor à Vos mouvements, si les entreprises des Français pouvaient le nécessiter.

Il faut, en conséquence, que Vous évitiez soigneusement tout ce qui pourrait nous compromettre vis-à-vis de la Porte, tant qu'il nous importe d'être bien avec elle, et que Vous ne vous pressiez pas de donner la dernière impulsion aux partis qui sont à notre dévotion dans la Grèce. Vous limiterez pour le moment Vos opérations aux mesures que Vous avez déjà commencées avec tant de succès, afin d'étendre nos liaisons avec les habitants, accroître leur confiance en nous, et, en les assurant des intentions bienfaisantes de s. m. i. à leur égard et de sa sollicitude constante pour leur bien-être, les disposer à seconder nos entreprises. C'est les circonstances générales qui indiqueront la marche qui sera la plus utile à suivre pour nos opérations ultérieures, et Vous pouvez compter, monsieur, que je ne négligerai pas, lorsqu'il en sera temps, de Vous faire connaître les dernières déterminations de notre cour et de Vous munir de nouvelles instructions en conséquence, en attendant il ne s'agit maintenant que de préparer tout et de monter la machine de manière qu'elle puisse se prêter également à tel ou tel autre plan et décision que les événements nous obligeront de préférer.

C'est dans ce sens, monsieur, que Vous disposerez Votre conduite qui jusqu'à présent n'a pu que de fournir de fréquentes occasions à s. m. i. d'applaudir au choix qu'elle a fait de Vous pour cette importante commission.

J'ai l'honneur ...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

P. S. Je conçois très bien, monsieur, l'embarras que doit Vous causer la légèreté de Mr Foresti. Je n'ai pas manqué d'en parler avec l'ambassadeur britannique ici et d'écrire à Mr le comte de Worontzoff à Londres, pour qu'il s'en explique avec le ministère anglais [58]. Mais il paraît que par égard pour son âge et surtout pour le zèle, dont il est animé pour le service de son maître, on est résolu à le garder à sa place, il faudra donc s'arranger à tirer de lui tel parti

---

* Аннотацию на инструкцию генералу Анрепу см. на стр. 60.

qu'il sera possible, et, en attendant, le ministère anglais nous a promis de le munir d'instructions pour qu'il se conduise avec plus de prudence. Quant à la lettre[59] des armatolis de la Morée au commissaire français à Zante, on pourrait très bien supposer que c'est peut-être la production de ce commissaire même, ou de quelques autres émissaires du gouvernement français, et rédigée à dessein pour nous faire croire qu'ils ont un parti considérable à leur dévotion. Il sera pourtant à propos, que, lorsqu'il Vous arrivera de recevoir encore de pareils écrits, de les envoyer à Mr Italinsky, afin qu'il les communique à la Porte, pour lui donner par là plus de méfiance contre la France.

A. C[z a r t o r y s k i]

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, я известил Вас в моей первой депеше[56] об одобрении императором принятых Вами мер по подготовке владений Ионической республики к упорной обороне против французов. Я сообщаю Вам здесь с истинным удовольствием, что е. в-во не менее удовлетворен энергией и благоразумием, с которыми Вы поддерживаете отношения с влиятельными лицами на материке, и вообще всеми мерами, предпринятыми Вами для обеспечения успеха наших операций.

Ваши соображения, милостивый государь, о ненависти, которую греки питают к турецкому владычеству, и о их склонности пойти за любой державой, которая поманила бы их обещанием освободить от рабства, совершенно справедливы, и поэтому тем более необходимо удвоить бдительность, чтобы воспрепятствовать французам распространять там яд своих коварных обещаний.

Хотя облегчение настоящего положения греков является неизменным желанием нашего двора, он не может в настоящий момент поддержать идею полного их освобождения из-под власти Порты. Если их не устраивает быть поставленными в равное положение с княжествами Молдавией и Валахией, то обстоятельства могут предоставить нашему двору возможность обеспечить им иную форму политического существования, более соответствующую их желанию и местным условиям и подобную существующей в Семиостровной республике, которая находится все еще под сюзеренитетом Порты, но тем не менее ей в значительной степени обеспечены независимость и благоденствие. Мы можем, следовательно, без риска обмануть кого-либо, дать в случае необходимости более широкие обещания, придав им такой характер, чтобы они удовлетворили ожидания греков, согласовывались с линией поведения, которой мы придерживаемся в отношениях с Портой, и позволили со временем откровенно объясниться с ней. В случае, если произойдет взрыв, можно будет внушать большие надежды угнетенным подданным Порты, в зависимости от того, насколько велики будут трудности, с которыми мы столкнемся, разрушая в их среде то, чего добилось бы французское правительство с помощью своих обещаний. Мы предусмотрели, что эта мера в таком случае станет необходимой, и с этой целью сопроводили инструкции*, данные г-ну Анрепу, проектом манифеста[57], подлежащего распространению в стране; Вы уполномочиваетесь использовать его, отредактировав его сообразно обстоятельствам и таким образом, чтобы не была исключена возможность дать ему благоприятное для Порты толкование, в случае если она будет действовать заодно с нами.

Мы думаем, что этих инструкций пока достаточно. Настоящее положение дел в Европе не позволяет нам, впрочем, принять какое-либо окончательное решение в отношении наших планов, и мы считаем, что нам тем более не нужно спешить, что мы не усматриваем в настоящий момент никакой непосредственной угрозы со стороны французов ни для владений Ионической республики, ни для греческого континента. Их войска в Италии не столь многочисленны, чтобы они могли осмелиться на высадку десанта в этой стране, и они лишены на Адриатическом побережье средств, необходимых для переброски войск. С другой стороны, морские силы англичан в Средиземном море, без сомнения, воспрепятствуют тулонскому флоту выйти в море и тем более проникнуть так далеко. Во всяком случае Ваши постоянные сношения с английскими командирами дадут Вам возможность своевременно приступить к действиям, если бы предприятия французов потребовали этого.

Вам нужно, следовательно, тщательно избегать всего того, что могло бы нас скомпрометировать перед Портой, поскольку нам важно быть с ней в хороших отношениях, и не торопиться дать последний толчок преданным нам партиям в Греции. Пока Вы должны ограничиться в Ваших действиях мероприятиями, столь успешно начатыми уже Вами, по расширению наших связей с населением и укреплению их доверия к нам; заверяя местных жителей в благожелательных намерениях е. и. в-ва по отношению к ним и в его постоянной заботе о их благоденствии, Вам следует склонить их к содействию нам в наших мероприятиях. Общая обстановка подскажет нам наиболее целесообразный путь, который нам нужно будет

избрать в наших последующих действиях, и Вы можете рассчитывать, милостивый государь, что я не премину, когда для этого наступит время, сообщить Вам последние решения нашего двора и снабдить Вас в соответствии с этим новыми инструкциями. Пока же дело идет только о том, чтобы все подготовить и наладить машину так, чтобы ее можно было использовать для осуществления любого плана или решения, которые события заставят нас предпочесть.

Вышеизложенное должно послужить Вам, милостивый государь, руководством в Ваших действиях, которые до сих пор доставляли е. и. в-ву лишь многочисленные поводы приветствовать выбор, который он сделал в Вашем лице для выполнения столь важного поручения.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

P. S. Я отлично понимаю, милостивый государь, какие затруднения возникают для Вас в связи с легкомыслием г-на Форести. Я не преминул переговорить об этом с британским послом здесь и написать графу Воронцову в Лондон, чтобы он объяснился по этому вопросу с английским министерством[58]. Но похоже, что решено оставить его на этом посту, учитывая его возраст и, особенно, усердие, с которым он служит своему государю. Следовательно, нужно постараться использовать его с наибольшей выгодой, а пока английское министерство обещало нам дать ему указание вести себя более благоразумно. Что касается письма арматолисов из Мореи французскому комиссару в Занте[59], то скорее всего можно предположить, что это дело рук самого комиссара или одного из других эмиссаров французского правительства и составлено с намерением внушить нам, что они имеют значительную преданную им партию. Если Вам случится получать еще подобные бумаги, Вам нужно будет пересылать их г-ну Италинскому, с тем чтобы он сообщал о них Порте, с целью вызвать у нее тем самым большее недоверие к Франции.

А. Чарторыйский

Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

2(14) августа 1804 г.

Соображения Чарторыйского в связи со сведениями, представленными австрийским послом в С.-Петербурге Стадионом о сербском восстании и демаршах, предпринятых в Константинополе по этому поводу Австрией.

Богишич. Разбор сочинения Н. А. Попова «Россия и Сербия», СПб, 1872, стр. 37—38.

42. Посол в Вене А. К. Разумовский товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

№ 73 *12(24) августа 1804 г.*

Mon prince, il y a 10 à 12 jours, mon prince, que le ministre d'Angleterre m'a fait part d'une dépêche confidentielle[60] qu'il avait reçue par courrier de sa cour; il lui était enjoint de ne la communiquer à personne, mais d'en combiner les notions avec celles qu'il pourrait se procurer de ma part sur l'état actuel de nos négociations avec la cour de Vienne. Mr Paget est d'un caractère franc et loyal, il joint à la haine innée d'un Anglais une animosité personnelle contre le gouvernement français et son chef; ardent et impétueux par caractère, il est quelquefois léger et inconsidéré, mais toujours docile à la voix de ceux, pour qui il a conçu estime et amitié; c'est à ce dernier titre que son premier mouvement a été de me laisser lire sa dépêche *in extenso*, et c'est par le même motif qu'il ne m'a pas été difficile de le détourner de l'idée qu'il puisait dans ses bonnes intentions de communiquer au ministère ici ce que sa cour serait disposée de faire en faveur de celle de Vienne, au cas où elle voulût agir contre la France. Il m'a paru prudent, mon prince, d'exiger de lui cette réserve en la motivant sur ce que les premières bases d'une nouvelle coalition devant être posées

par l'Angleterre et la Russie, il fallait ajourner toute ouverture de sa part vis-à-vis de la cour de Vienne, jusqu'à ce que la nôtre fût plus avancée dans ses négociations. Me trouvant dans le cas par là de satisfaire à sa demande — où en étaient nos négociations avec la cour de Vienne? — je ne pus m'empêcher de lui dire qu'il y en avait une sur le tapis; ce n'était que lui répéter ce qui déjà, depuis plusieurs mois, a percé de nos rapports actuels avec la cour de Vienne; «mais, ajoutais-je, Vous voyez combien peu on est disposé ici à prendre une part active dans les affaires, j'espère qu'avec le temps on parviendra à leur inspirer plus de confiance et de résolution, et si cela nous mène à quelque chose de positif, je Vous promets de Vous en faire part». Je Vous prie, mon prince, de demander les ordres de s. m. l'empereur sur la mesure que j'aurai à garder vis-à-vis de Mr Paget dans l'espèce d'engagement que la circonstance m'a fait contracter avec lui. La dépêche susmentionnée de milord Harrowby aura, je n'en doute point, été communiquée à notre auguste cour; elle annonçait l'empressement de s. m. britannique d'entrer dans un nouveau concert avec les puissances du continent; elle en fondait le plus solide appui sur ses rapports avec la cour de Russie et sur les sentiments magnanimes de l'empereur notre maître, elle y joignait l'intention de la cour de Londres de subvenir pécuniairement à l'aide des puissances coalisées en stipulant la somme totale, qu'elle destinait à cet emploi, formant 5 millions [livres] sterling par an, et la répartition de cette somme, dont il en serait revenu pour la part de l'Autriche 200 mille livres sterling par mois. Mr Paget, à la suite de cette confidence, me dit avoir été informé qu'un courrier avait été expédié pour St.-Petersbourg, en même temps que le sien, et c'est ce qui m'a fait naître la supposition que celui, qui m'a été annoncé par v. ex., avait été retardé pour combiner cet objet avec ceux qui auraient motivé les ordres que j'avais à recevoir.

J'ai l'honneur ...

C[omte] A. de Rasoumoffsky

Получено 25 августа 1804 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин князь, 10—12 дней тому назад английский посланник сообщил мне о конфиденциальной депеше[60], полученной им с курьером от его двора; ему было предписано никому не сообщать о ней, но сопоставить имеющиеся там сведения с теми, которые он сможет получить у меня относительно того, в какой стадии находятся сейчас наши переговоры с венским двором. Г-н Пэджет отличается открытым и прямодушным характером, врожденная ненависть англичанина сочетается у него с личной неприязнью к французскому правительству и его главе; страстный и порывистый по характеру, он иногда бывает легкомысленным и опрометчивым, но в то же время всегда прислушивается к голосу тех, к которым он питает уважение и дружеские чувства; именно потому, что он относится ко мне, как к другу, первое, что он сделал,— это дал мне прочесть свою депешу *in extenso*, и по этой же причине мне без особого труда удалось убедить его отказаться от намерения, основывавшегося на самых лучших его побуждениях,— сообщить здешнему министерству о том, что его двор готов сделать в пользу венского двора, в случае если последний пожелает действовать против Франции. Я счел благоразумным, князь, предложить ему воздержаться от этого шага, мотивируя это тем, что, поскольку основы новой коалиции должны быть заложены Англией и Россией, нужно подождать с какими-либо предложениями с его стороны венскому двору до тех пор, пока наш двор не достигнет определенных успехов в переговорах. Поэтому, будучи вынужден ответить на его вопрос о том, в какой стадии находятся наши переговоры с венским двором, я не мог не сказать ему, что они ведутся; это означало лишь повторить ему то, что еще несколько месяцев тому назад стало известно о наших нынешних сношениях с венским двором. «Но,— добавил я,— Вы сами видите, сколь мало здесь расположены к активному участию в делах; я надеюсь, что со временем удастся внушить им больше доверия и решительности, и если это приведет нас к чему-либо положительному, то я обещаю сообщить Вам об этом». Я прошу Вас, князь, испросить повелений е. и. в-ва относительно того, в какой мере я должен выполнить обязательство, которое обстоятельства вынудили меня взять на себя по отношению к г-ну Пэджету. Вышеупомянутая депеша милорда Гарроуби, как я

в этом нисколько не сомневаюсь, будет сообщена нашему августейшему двору; в ней говорилось о готовности его британского в-ва заключить новое соглашение о совместных действиях с континентальными державами; при обосновании этого в депеше делался упор на отношения английского двора с русским двором и великодушные чувства нашего государя императора; вместе с тем в ней говорилось о намерении лондонского двора оказать денежную помощь державам, которые будут участвовать в коалиции, и указывалась общая сумма, которая будет выделяться для этой цели; эта сумма составит 5 млн. фунтов стерлингов в год; в депеше намечено и распределение этой суммы, из которой на долю Австрии должно приходиться 200 тыс. фунтов стерлингов в месяц. После этого доверительного сообщения г-н Пэджет сказал мне, что его уведомили о том, что одновременно с курьером к нему был также послан курьер и в С.-Петербург; именно в связи с этим у меня зародилось предположение, что курьер, о котором в. с-во мне сообщили, был задержан с тем, чтобы иметь возможность согласовать этот вопрос с другими, вызвавшими необходимость тех повелений, которые я должен был получить.

Имею честь...

Граф А. Разумовский

43. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

13(25) августа 1804 г.

Милостивый государь мой Андрей Яковлевич! Государь император, апробуя все подвиги Ваши, чинимые в настоящих обстоятельствах для удержания Порты в привязанности к России, с удовольствием усматривает, что Вы неослабно печетесь о сем предмете.

Содержание ноты[61], врученной Вам рейс-эфендием в ответ на сообщение, учиненное Вами о мерах, принятых нами вследствие происшествия в Етенгейме, было весьма приятно е. в-ву, что не оставите сказать помянутому министру.

Относительно до возобновления союзного трактата с Портой * имею Вам сказать, что в депеше **, писанной к Вам по высочайшему повелению, коснулся я сего предмета единственно, чтобы удостовериться о расположениях оной при обстоятельствах, кои представляли тогда скорым разрыв с Франциею и, сверх того, дабы внушением сим побудить Порту к безостановочному пропуску войск наших, в Корфу отправленных; ибо в существе трактат союзный, ныне у нас с Портою существующий, коего срок еще не скоро кончится, не будучи нимало для нас выгоден, а более в тягость, мы не можем оный возобновить в том же смысле, и для того необходимо нужно нам снестись предварительно с лондонским двором для соглашения, какие перемены должно сделать в оном и на каком точно основании возобновить его, дабы сделать полезным для нас; принимая в уважение и то, что Порта не может соединиться с Франциею или руководствоваться ее советами, видя явно, что чрез сие подвергнется опасности потерять дружбу России и Англии в такое время, когда ни малейшая не предстоит ей возможность получить какое-либо вспоможение от французского правительства, нет ни малейшей надобности в том нам спешить. Со всем тем нужно, однако же, оную успокоить и удалить всякое худое впечатление, которое может произвести медленность, с какою к тому мы приступаем, узнать ее охотливость для возобновления нашего союза, а потому и должно Вам теперь же сообщить рейс-ефендию, что государь император с особенным удовольствием известился о готовности, изъявленной е. в-вом султаном на возобновление союзного трактата[61] и, что, зная теперь положительно дружественное расположение Порты, мы не оставим без потери времени снестись с лондонским двором, дабы

* См. т. I, прим. 86.

** См. док. 11.

пригласить оный к соучастию в сем трактате, что и сама Порта нужным в своих с Вами сообщениях признает; что, действуя повсюду совокупно с нами для охранения Турецкой империи, необходимо нужно при настоящем положении дел таковое оного двора соучастие, и что, по получении из Лондона на наши сообщения ответа, отсюда даны Вам будут тогда надлежащие предписания. Сверьх того, Вы можете собственно от себя в разговорах приметить рейс-ефендию, что по причине перемены министерства в Англии[62], болезни короля и медленности, свойственной сему правительству при производстве дел по иностранному департаменту, нельзя ожидать скорого оттуда отзыва; но что, невзирая на то, однако, Порта может пребыть в полном уверении, что дружба наша непременна и что желание наше возобновить с нею союз есть самое чистосердечнейшее. Таковыми и другими подобными рассуждениями, кои по местным познаниям Вам более должны быть сведомы, я уверен, что в. пр-во потщитесь всемерно и с крайним благоразумием и осторожностию исполнить сии поручения к совершенной благодарности е. и. в-ва.

В заключение остается лишь сообщить в. пр-ву, что, хотя поведение Ваше в последовавшей у Вас распре с английским посланником Стратоном[63] весьма похвально, желательно, однако же, чтоб дело сие не так далеко было простерто, поелику может оное заставить турецкое министерство думать, что наша дружба с Англией не в такой степени, как она предполагала и в какой она действительно теперь находится. Для воспрепятствования же, чтобы представления, каковые г-н Стратон может сделать своему двору для собственного оправдания в своем поведении, не произвели худого какого-либо впечатления, я изъяснялся по сему предмету с английским здесь находящимся послом, который и обещал мне донести в Лондон о происшествии сем в прямом его виде.

Пребываю...

К[нязь] Адам Чарторыский

Печат. по подлиннику.

Нота поверенного в делах в Париже П. Я. Убри министру иностранных дел Франции Талейрану

16(28) августа 1804 г.

В ноте сообщается, что, поскольку французское правительство, несмотря на стремление России к установлению согласия с Францией, постоянно нарушает свои обязательства по отношению к ней, русское правительство приняло решение о прекращении дипломатических отношений с Францией.

Сб. РИО, т. 77, стр. 705—712.

44. Посланник в Константинополе А. Я. Италинский товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

№ 203 *17(29) августа 1804 г.*

Monseigneur, l'événement qui a fait mettre à la disposition de la Porte la forteresse de Belgrade, et dont j'ai l'honneur de communiquer les détails à v. ex. par une dépêche du jour[64], ne me permet plus de suivre les instructions qu'elle m'a adressées le 17 de juillet[65] relativement aux Serviens, ni la marche que je m'étais moi-même tracée et que j'ai eu le bonheur de voir approuvée pour parvenir à leur assurer un avenir plus heureux.

Il me restera la voie des insinuations près de la Porte, pour que la nation servienne ne perde pas entièrement le fruit qu'elle espérait de recueillir de ses

efforts contre les oppresseurs dont elle se trouve délivrée, il est vrai, mais qui peuvent facilement avoir pour successeurs des personnages dont les principes ne lui seraient pas moins funestes, s'il leur était permis de s'y livrer impunément.

Aujourd'hui que les Serviens ne menaceront plus une place de l'importance de celle de Belgrade, et que la Porte s'en est assuré la possession, le ministère ottoman ne pourra point concevoir l'ombrage de mon intercession en faveur de ce peuple. D'ailleurs, la Porte est actuellement accoutumée à m'entendre la conseiller de ménager les sujets chrétiens et d'employer à leur égard un système de modération et de justice, le seul capable de les détourner des insinuations que les ennemis de l'Empire ottoman auraient la facilité de leur faire pour secouer son autorité et pour les engager à seconder leurs projets. C'est d'après ces considérations que j'ai commencé à lui donner le conseil de satisfaire les Serviens dans les demandes qu'ils pourront lui faire pour assurer leur tranquillité, au lieu de se prévaloir contre eux de l'événement qui a fait rentrer sous son autorité immédiate la place de Belgrade; que le ministère ottoman ne devait pas se dissimuler que c'est à leur dévouement et à leurs courageux efforts qu'il doit, pour ainsi dire, cette heureuse circonstance qui lui permet d'établir dans cette forteresse l'ordre de choses le plus convenable aux intérêts de la Porte, et où depuis plusieurs années son pouvoir était nul, les dais y ayant substitué le leur.

J'ai cru aussi devoir lui représenter qu'il ne devait pas perdre de vue que Kontchanchali, dont la conduite a déterminé l'expulsion et la destruction des dais[66], était cependant un des lieutenants de Passvand-oglou ; et qu'il ne serait pas impossible qu'il ait eu le projet de servir en apparence la Porte, mais que dans le fond il ne songe à profiter de sa position actuelle dès que le moment lui paraîtra favorable; que sous tous les rapports le ministère ottoman devait satisfaire les Serviens, mais qu'un intérêt très majeur de la Porte devait la porter à se concilier l'amour de ces habitants, puisque dans telle circonstance critique qui peut survenir leur concours pourrait lui être d'une grande utilité.

Je ne connais pas encore précisément les demandes des Serviens ; ce que je sais seulement c'est, qu'avant même la destruction des dais, la Porte avait accordé à ces habitants d'avoir une espèce de représentant auprès du pacha de Belgrade pour soigner les intérêts de leur pays. Ce n'est point une mesure suffisante, sans doute.

J'espère par les informations, que j'ai prié le prince Ypsilanty de me transmettre, être à même de connaître l'espèce de négociation qui pourra s'établir entre la Porte et les Serviens qui naturellement ne consentiront pas à rentrer dans leurs foyers que sous de bonnes enseignes, et je ferai en sorte qu'ils soient satisfaits autant que possible, et que dans ce cas ils soient instruits de l'intercession de la cour impériale en leur faveur.

La Porte n'aurait pas été éloignée de constituer la Servie en principauté à l'instar de la Valachie et de la Moldavie, c'est-à-dire d'accorder à cette contrée quelques privilèges et de lui donner pour prince un Grec du Fanal ; quelques ministres ottomans auraient trouvé leurs intérêts dans cette disposition ; mais une considération majeure a prévalu dans le Conseil et a fait rejeter ce projet : le ministère ottoman a pensé que de cette nouvelle position de la Servie, il en pourrait résulter avec le temps pour la Porte la même gêne qu'elle croit éprouver par les stipulations concernant la Valachie et la Moldavie.

Cette idée a été pour elle un motif déterminant de ne pas ériger la Servie en principauté.

L'internonce par le silence qu'il a gardé envers la Porte sur la destruction des dais a confirmé le ministère ottoman dans le soupçon que la cour de Vienne avait quelque arrière-pensée dans cette affaire; au moins le reis-effendi a

ainsi expliqué ce silence en me disant que cet événement n'avait pas été apparemment agréable à Mr l'internonce. Quant à moi j'ai félicité la Porte et dans des termes auxquels elle a paru sensible.

Je suis...

A. d'Italinsky

Печат. по подлиннику.

Перевод

Ваше сиятельство, событие, благодаря которому Порта получила в свое распоряжение Белградскую крепость и подробности которого я имею честь сообщить в. пр-ву депешей от сего числа [64], не позволяет мне более следовать инструкциям, которые Вы мне направили 17 июля [65] относительно сербов, и линии поведения, которую я сам себе наметил, для того чтобы обеспечить им более счастливое будущее, и которую я был счастлив видеть одобренной.

У меня останется путь внушений Порте с целью не допустить того, чтобы сербский народ полностью утратил плоды, которые он надеялся получить от своих усилий, направленных против угнетателей, от которых он, правда, освободился, но на смену которым могут легко прийти люди с не менее гибельными для него принципами, если только им будет дозволено осуществлять их безнаказанно.

Сейчас, когда сербы не будут более угрожать столь важной крепости, как Белград, и после того, как Порта обеспечила себе владение ею, у оттоманского министерства не сможет возникнуть каких-либо подозрений в связи с моим заступничеством в пользу этого народа. К тому же Порта в настоящее время привыкла к моим советам о необходимости не притеснять своих христианских подданных и следовать по отношению к ним умеренной и справедливой линии поведения, единственно пригодной для того, чтобы побудить их не прислушиваться к наущениям, к которым враги Оттоманской империи могли бы легко прибегнуть с целью подорвать ее власть и склонить этих подданных к поддержке своих замыслов. Именно из этих соображений я посоветовал ей удовлетворить просьбы сербов, с которыми они могли бы обратиться к ней с целью обеспечить свое спокойствие, а не использовать против них событие, которое вернуло под ее непосредственную власть Белградскую крепость; я указывал при этом, что оттоманское министерство не должно упускать из виду того, что именно их самоотверженности и мужественным усилиям оно обязано этим счастливым обстоятельствам, позволяющим ему установить наиболее соответствующий интересам Порты порядок вещей в этой крепости, где уже в течение нескольких лет его власть была ничтожной, поскольку дахии установили там свою власть.

Я счел также своим долгом заметить ему, что оно не должно упускать из виду того, что Кончашлы, действия которого определили изгнание и разгром дахиев [66], является все же одним из помощников Позвант-оглу и вполне возможно, что он намеревается лишь делать вид, что он служит Порте, а в действительности помышляет только о том, чтобы воспользоваться своим нынешним положением, как только момент покажется ему благоприятным. Я указывал, что во всех отношениях представляется необходимым, чтобы оттоманское министерство удовлетворило просьбы сербов, но что высшие интересы Порты должны побудить ее завоевать любовь этого населения, так как при тех критических обстоятельствах, которые могут возникнуть, их содействие могло бы оказаться ей весьма полезным.

Мне еще в точности не известны требования сербов, я только знаю, что еще до уничтожения дахиев Порта предоставила этому населению право иметь представителя при белградском паше для защиты интересов их страны. Эта мера, несомненно, недостаточна.

Я надеюсь, что сведения, которые будет сообщать мне по моей просьбе князь Ипсиланти, дадут мне возможность узнать, какого рода переговоры будут иметь место между Портой и сербами; последние, разумеется, согласятся вернуться к своим очагам, лишь получив надежные гарантии, и я буду действовать так, чтобы их просьбы были удовлетворены возможно более полно и чтобы в этом случае они знали о заступничестве императорского двора в их пользу.

Порта, как будто бы, не прочь образовать из Сербии княжество наподобие Валахии и Молдавии, то есть предоставить этой стране некоторые привилегии и дать ей в князья грека-фанариота; некоторые оттоманские министры, похоже, могли бы счесть выгодным такого рода решение; однако в Совете возобладало соображение высшего порядка, обусловившее отклонение этого проекта: оттоманское министерство сочло, что из такого нового положения Сербии могли бы со временем проистечь для Порты затруднения, подобные тем, которые она, по ее мнению, испытывает из-за постановлений, касающихся Валахии и Молдавии.

Это соображение определило решение Порты не предоставлять Сербии статуса княжества.

Тот факт, что интернунций не высказал Порте своего отношения к разгрому дахиев, укрепил подозрения оттоманского министерства в том, что у венского двора имеются в этом деле какие-то задние мысли; по крайней мере, реис-эфенди истолковал таким образом это

молчание, заявив мне, что это событие, видимо, оказалось не по душе г-ну интернунцию. Что касается меня, то я поздравил Порту, причем в таких выражениях, к которым она, казалось, не осталась равнодушной.

Пребываю...

А. Италинский

Нота поверенного в делах в Париже П. Я. Убри министру иностранных дел Франции Талейрану

17(29) августа 1804 г.

Извещает о получении паспортов на выезд из Франции.

Сб. РИО, т. 77, стр. 713—714.

45. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Лондоне С. Р. Воронцову

18(30) августа 1804 г.

Monsieur le comte, parmi les différentes cours auxquelles nous avons communiqué nos déterminations * prises à la suite des événements d'Ettenheim[1], nous jugeâmes nécessaire d'en faire part aussi à la Porte. La possibilité d'une rupture avec la France rendait essentiel de s'assurer des dispositions du Divan ; et la nécessité de fortifier Corfou et de mettre la République ionienne et la Grèce à l'abri d'une invasion nous imposait le devoir d'employer tous les moyens possibles, afin qu'aucun obstacle ne soit mis à Constantinople au passage de nos troupes destinées pour les Sept îles. C'est pourquoi il fut ordonné** à notre envoyé d'assurer le ministère ottoman que telle tournure que prennent les affaires, elles ne changeraient en rien ni notre système d'amitié envers la Porte, ni la sollicitude de l'empereur de préserver les Etats de cet empire de toute agression des Français, et que nous espérions que la Porte de son côté resterait invariable dans ses sentiments envers la Russie, et serait même disposée à renouveler l'alliance[67] qui existe entre les deux empires ; de ces derniers mots, dits fort en passant, surtout dans un moment où le terme de l'alliance est encore si éloigné, il ne nous paraissait devoir résulter d'autre effet qu'uniquement celui de rassurer la Porte sur nos intentions avenires et de détruire l'impression que les insinuations de nos ennemis auraient pu faire sur elle relativement à l'envoi de nos troupes à Corfou; mais le Divan a prêté au susdit passage un sens plus étendu qu'il n'avait, et le prenant pour une demande formelle de renouveler l'alliance dès à présent, il a saisi chaudement cette occasion pour remettre à Mr d'Italinsky par le reis-effendi une réponse[61], dans laquelle il dit accepter notre proposition, expose ses vœux les plus empressés pour conclure le traité et prie en même temps que notre ministre reçoive les pleins pouvoirs y nécessaires. Mr Straton aura rendu compte à sa cour de cet événement, mais ne pouvait connaître ses particularités. Après le court exposé que je viens de Vous en tracer, Mr le comte, et qui Vous mettra au fait de la manière dont la chose s'est passée, je vais Vous parler de ce même traité dont la Porte désire si ardemment le renouvellement.

Jamais alliance ne contînt moins d'avantages compensés que celle-ci ; en les assurant tous à la Porte, elle ne nous présente aucune utilité positive ; nous ne pouvons même d'ailleurs obtenir de ce gouvernement l'exécution des stipulations qui furent concédées par lui pour garder une apparence de réciprocité.

---

* См. док. 1, 6.
** См. док. 43.

Vu l'état où se trouvent les deux empires, toutes les craintes, tous les intérêts sont du côté de la Porte dans le prix qu'elle attache à cette alliance, toutes les charges demeurent à la Russie; conséquemment, il ne peut que difficilement nous convenir de la renouveler dans sa teneur actuelle. Encore, si l'Europe présentait l'aspect d'une longue paix, et que son équilibre eût repris une assiette solide, pourrait-on s'y décider plus aisément et, fermant les yeux sur ses inconvénients, ne cesser de faire des sacrifices au désir d'une tranquillité probable. Mais aujourd'hui qu'elle n'est rien moins qu'assurée, et que tout présage, au contraire, que nous sommes peut-être à la veille d'un bouleversement général en Europe, mille nouveaux motifs ajoutent du poids aux considérations qui nous obligent de ne procéder à une semblable transaction qu'après y avoir pensé à deux fois. Il est incontestable que la Turquie, par son gouvernement vicieux, par l'épuisement de ses finances et par la nullité de ses troupes, ne pourra jamais être activement d'une grande utilité à ses alliés; elle les embarrassera même dans leurs opérations, comme nous l'éprouvons journellement à l'occasion de nos troupes stationnées à Corfou, lesquelles, outre beaucoup d'autres difficultés que leur suscite l'anarchie qui règne dans le gouvernement de cet empire, seraient maintenant réduites à la dernière extrémité, si on s'était reposé sur l'engagement pris par la Porte de leur fournir les provisions nécessaires. En outre, dans un moment où les deux cours auront à soutenir un choc, dans lequel l'intérêt de l'humanité entière leur prescrit d'employer les moyens les plus coûteux pour avoir l'espoir de sortir avec succès de la lutte qui va commencer, faut-il augmenter ses embarras déjà assez grands en prenant sur soi de soutenir cet empire, lorsqu'il s'écroule de tout côté, sans penser du moins de se faciliter les moyens de remplir ce surcroît de tâche aussi difficile que dispendieuse, et d'en retirer quelque reciprocité pour l'avancement des affaires générales ? Si la loyauté des deux souverains envers le gouvernement turc leur prescrit, malgré le peu d'utilité que son amitié présente et le peu de fond qu'on pourra faire sur elle, de remplir, autant qu'il sera possible, les engagements contractés jusqu'ici, la prudence leur commande de ne point renouveler à la légère ces mêmes engagements et de ne pas se lier gratuitement les mains dans un temps où les combinaisons les plus compliquées peuvent inopinément naître d'un moment à l'autre et où l'on ne saurait prévoir quels obstacles et quelles chances le lendemain amènera.

L'empereur trouve nécessaire que v. ex. expose ces considérations à la sagesse du ministère anglais et entre avec lui à cet égard dans une discussion confidentielle, afin que les deux cours s'éclairant et se conseillant mutuellement, règlent en commun la conduite qu'elles auront à tenir vis-à-vis de la Porte. Il s'agit de peser mûrement nos intérêts, la position actuelle de la Turquie et les changements survenus dans la balance de l'Europe, de voir, d'après ces données, s'il convient de procéder à présent à un renouvellement du traité d'alliance avec le gouvernement ottoman, et, au cas que l'on s'y décide, de déterminer de quelle nature il devra être et quelle stipulation il sera nécessaire d'y insérer? Ne faut-il pas prévoir qu'on se trouvera peut-être dans le cas de devoir exiger de la Porte, qu'elle se déclare contre la France? Quoique les secours, que le gouvernement turc pourrait fournir à la coalition, ne soient d'aucun prix en eux-même, cependant, l'extinction totale de la dernière branche du commerce français, l'abri fermé à leurs armateurs dans le Levant et surtout l'assurance que de cette façon l'on peut le plus facilement couper court à leurs intrigues soit dans le pays, soit auprès du Divan, ne laisserait pas que de présenter des avantages assez considérables.

Le passage, contenu dans la réponse** que Vous a donnée lord Harrowby, où il est dit que les circonstances pourraient rendre possible qu'une des deux cours se vît dans la nécessité d'occuper quelque partie du territoire ottoman

pour le sauver de la rapacité de l'ennemi commun, a fortement frappé s. m. i. et a principalement donné lieu aux réflexions qui font l'objet de cette dépêche: diverses données nous prouvent que, quoique le gouvernement turc, peut-être par le sentiment de sa faiblesse, semble vouloir à présent se tenir lié à la Russie et à l'Angleterre, il conserve pourtant toujours dans le fond une prédilection pour la France, et que malheureusement on ne saurait jamais entièrement se reposer sur la sincérité des sentiments de la Porte, qui pourrait bien nous tourner casaque au moment le plus critique. Cette considération et la promptitude, dont se sont suivis les événements depuis ma première expédition à v. ex.*** sur les affaires de la Turquie, ont fixé l'attention de s. m. sur la justesse de la susdite réflexion du ministère anglais, laquelle peut encore être considérée sous un autre point de vue.

L'incertitude, dans laquelle nous sommes jusqu'ici sur la volonté qu'auront les puissances du continent de s'opposer aux empiétements de Bonaparte, pourrait peut-être rendre indispensable l'occupation de quelque partie de l'Empire ottoman par les deux cours, et devenir l'unique moyen de mettre un frein à l'ambition de Bonaparte et de le forcer à des termes équitables.

La Porte, obligée de se déclarer contre l'ennemi de toute l'Europe, finirait par consentir à cette proposition commune de notre part, afin de se mettre à couvert de l'invasion des Français. On lui ferait comprendre qu'on n'a pour but que de rendre Bonaparte plus traitable, et l'on y joindrait la promesse de restituer au sultan ses provinces en meilleur ordre et plus soumises, aussitôt que les Français auraient évacué toute l'Italie, la Suisse, la Hollande etc. Certainement ce ne serait qu'avec beaucoup de retenue, et, pour ainsi dire, à toute extrémité qu'il faudrait recourir à une détermination de ce genre, nous croyons, cependant, que, dans le cas même qu'une coalition se forme sur le continent, ce moyen, qui ne peut manquer d'être efficace, doit toujours être tenu en réserve à tout événement.

Il est encore une considération que s. m. i. ne saurait perdre de vue, c'est l'amélioration du sort des sujets chrétiens de la Porte. Si la Russie et l'Angleterre veulent garantir à l'avenir l'existence de l'Empire ottoman, il est de toute nécessité qu'elles insistent sur la cessation des causes qui tendent directement à sa destruction, afin que cette garantie devienne possible à exercer. Or, pour y parvenir, il semble indispensable d'aviser aux moyens de mettre sur un meilleur pied la condition des habitants chrétiens de la Turquie, et, en les attachant à leur souverain et les affranchissant des tyrannies inouïes des pachas rebelles qui les vexent le plus, de comprimer l'audace de ceux-ci et de donner par là même plus d'influence et de solidité au gouvernement légitime et central. Jusqu'à quel degré de tels points pourraient être proposés à la Porte comme conditions du renouvellement de l'alliance, et s'il vaudrait la peine d'y procéder à présent sans se les ménager? C'est sur quoi s. m. désire d'avoir les sages conseils du ministère britannique et recevra avec sensibilité toute ouverture ultérieure de sa part.

La Porte ne désire qu'un traité défensif et veut éviter tout ce qui pourrait la brouiller avec le gouvernement français ; cependant elle voit sa faiblesse; son ministère ne peut se dissimuler que l'existence de cet empire deviendrait très précaire sans l'assistance de la Russie et de l'Angleterre, et, attachant par cette raison le plus grand prix au renouvellement de l'alliance, il finirait, peut-être, pour l'obtenir à se prêter à toute condition, pourvu qu'elle lui soit proposée d'une manière convenable.

S. m. est disposée à ne faire aucune démarche à ce sujet et à ne commencer aucune négociation qu'après s'être concerté avec s. m. britannique. L'empe-

*** Речь идет о письмах А. А. Чарторыйского С. Р. Воронцову от 26 февраля (9 марта) 1804 г. (см. т. I, док. 259, 260).

reur désire même que l'alliance ne soit conclue que conjointement avec l'Angleterre. Nous sommes persuadés que c'est en suivant cette marche et en agissant toujours en commun dans les affaires de la Turquie, que nous pourrons ou sauver cet empire ou, en désespoir de cause, du moins ne pas permettre que les Français y prennent pied, et faire tête à leurs intrigues actuelles. Au surplus, les raisonnements contenus dans cette dépêche ne sont pas la suite d'une opinion déjà fixée, mais, au contraire, n'ont pour but que de provoquer une discussion amicale et confidentielle à l'effet de se mettre en état de prendre une détermination qui réponde le mieux à ce que les difficultés de la crise actuelle semblent éxiger.

S. m. attendra avec impatience que la cour de Londres lui communique son avis sur cette matière importante. Celui de l'empereur pour le moment serait de se donner le temps de bien mûrir les considérations qu'elle fournit, et, en attendant, de gagner du temps pour voir venir les événements, qui probablement jusqu'au printemps prochain prendront une tournure plus décidée. M^r d'Italinsky a reçu en conséquence l'ordre de dire au Divan, que sensibles aux sentiments d'amitié qu'il nous témoigne, nous ne saurions pourtant, vu la part active que l'Angleterre prend à la défense de l'Empire ottoman et notre liaison intime avec elle, procéder au renouvellement du traité d'alliance en question que conjointement avec elle; le reis-effendi, ayant déjà senti de lui-même l'utilité qu'il y aurait d'engager cette puissance d'y accéder, reconnaîtra facilement la nécessité de nous entendre avant tout avec la cour de Londres, et qu'à cet effet v. ex. va recevoir les instructions nécessaires. Mais comme le nouveau ministère en Angleterre donnera certainement toute son attention d'abord à un objet d'un intérêt majeur pour lui, qui est principalement de garantir le pays contre la descente, il n'est guère probable que nous puissions obtenir une prompte réponse à nos ouvertures. M^r d'Italinsky, par ces réflexions et autres de ce genre, saura tirer l'affaire en longueur, afin de nous donner le temps de prendre d'accord avec la cour de Londres une décision mûrement réflechie sur cet objet essentiel.

Il ne faut pas moins que la confiance illimitée que s. m. met dans le caractère et la sincérité des sentiments de s. m. britannique et de son ministère pour nous engager de lui parler avec autant d'abandon ; nous sommes persuadés que nous n'en serons pas au regret et que le gouvernement anglais saura apprécier la franchise avec laquelle nous lui participons nos pensées. Je ne doute pas qu'il n'entre dans la justesse de nos motifs que v. ex. saura lui présenter avec son habileté ordinaire et qu'il ne s'empresse de son côté par une conduite analogue et les instructions convenables données à Mr Stratton, de nous aider, en prenant une partie du retard sur soi, à ne rien précipiter dans nos pourparlers avec la Porte, sans cependant perdre de notre influence dans ses conseils, et en empêchant que tout germe de méfiance ne puisse y prendre racine.

J'ai l'honneur ...

Le p[rin]ce A. Czartorysky

Reçu à Londres par le cour[rier] Beseler le 13(25) septembre 1804.

Печат. по подлиннику.

P. S.**** Outre ce que j'ai l'honneur d'écrire à v. ex. dans une de mes dépêches[9] d'aujourd'hui au sujet du mésentendu qui paraît avoir eu lieu à Londres relativement au royaume de Naples, je crois devoir la prévenir que je m'en suis expliqué dans le même sens avec le duc de Serra Capriola et l'amiral War-

**** Постскриптум датирован 19(31) августа 1804 г.

ren ici; et qu'ayant appris par une dépêche du c[om]te de Razoumoffsky que la cour de Londres avait déjà chargé Mr Paget de passer, en conséquence de cette supposition, des instructions à l'envoyé d'Angleterre à Naples, je me suis empressé d'écrire à notre ambassadeur à Vienne pour l'informer de l'état de cette affaire[70]. Ce n'est pas sur les déterminations ultérieures de notre auguste maître à ce sujet que je suis empressé de m'expliquer, car celles-ci ne sont pas définitives et ne pourront être prises qu'à la suite des réponses que nous attendons journellement de Vienne; mais v. ex. sentira facilement combien il doit nous importer de rétablir les faits tels qu'ils ont été et dans leur vrai jour, afin que, si dans ce même instant Bonaparte exécutait l'attaque de Naples, la conduite de nos commandants aux Sept-Iles qui se refuseraient naturellement à toute coopération, n'ayant reçu encore aucun ordre quelconque à ce sujet, ne soit pas regardée ou comme un pas rétrograde de notre part, ou comme si nous ne remplissions pas un engagement déjà contracté, ce qui n'arrivera jamais dans la conduite du cabinet de St. Pétersbourg.

Je dois en outre observer à v. ex. qu'il n'y aurait rien d'aussi contraire au succès du concert général que nous projetons, que si la cour de Vienne pouvait seulement se douter qu'on commencera la guerre contre les Français sans qu'elle fût obligée d'y prendre part. C'est ce qui l'arrangerait fort, et elle ne demanderait pas mieux que de nous voir prendre la peine de les combattre, pendant qu'elle continuerait à rester inactive. Ce n'est que la conviction intime qu'on n'entreprendra rien contre Bonaparte, tant qu'elle ne se mettra pas de la partie, qui l'y forcera en quelque façon; et cette raison si valable vient à l'appui de celles que j'ai déjà détaillées pour que notre auguste maître ne se départe pas de la ligne qu'il s'est tracée à ce sujet.

Печат. по копии.

Перевод

Господин граф, мы сочли необходимым поставить в известность о решениях*, принятых нами в связи с событиями в Эттенгейме[1], наряду с другими дворами также и Порту. Ввиду возможности разрыва с Францией существенно важно было заручиться расположением Дивана, а необходимость укрепить Корфу и обезопасить от вторжения Ионическую республику и Грецию обязывала нас сделать всё возможное, чтобы в Константинополе не чинили никаких препятствий проходу наших войск, предназначенных для отправки на Семь островов. Поэтому нашему посланнику было предписано** заверить оттоманское министерство в том, что, какой бы оборот не приняли дела, они ни в чем не повлияют ни на нашу дружественную политику по отношению к Порте, ни на заботу императора о предохранении владений этой империи от любого нападения французов и что мы надеемся, что Порта, со своей стороны, также останется неизменной в своих чувствах к России и даже проявит склонность к возобновлению союза[67], существующего между двумя империями; последние слова, сказанные вскользь, особенно в тот момент, когда срок истечения договора о союзе еще так далек, не должны были, по нашему мнению, иметь иного результата, как только успокоить Порту относительно наших намерений на будущее и рассеять впечатление, которое могли произвести на нее инсинуации наших врагов в связи с отправкой нами войск на Корфу; однако Диван придал более широкий смысл вышеупомянутому месту в нашем письме и, приняв его за формальное предложение о возобновлении союза уже с настоящего момента, горячо ухватился за этот случай, чтобы передать г-ну Италинскому через реис-эфенди ответ[61], в котором заявляет о принятии нашего предложения, выражает самое горячее желание заключить договор и одновременно просит, чтобы нашему посланнику были даны необходимые для этого полномочия. Г-н Стратон, по-видимому, сообщил своему двору об этом событии, но он не мог знать всех подробностей. После этого краткого сообщения, из которого Вы узнаете, как в действительности обстояло дело, я перейду, г-н граф, к самому договору, возобновления которого так сильно желает Порта.

Никогда еще ни один союз не предоставлял одной стороне столь мало преимуществ по сравнению с другой, как этот: он обеспечивает все преимущества Порте, а нам не предоставляет никакой действительной выгоды; к тому же, мы даже не можем добиться от этого правительства выполнения тех договорных обязательств, которые оно согласилось взять на себя для сохранения хотя бы видимости взаимности.

Если учесть положение обеих империй, то все опасения, все выгоды падают на долю Порты в том значении, которое она придает этому союзу, а все тяготы остаются на долю

России; следовательно, нас вряд ли устроит возобновление этого союза в нынешнем виде. Если бы Европа являла картину мира, обеспеченного на долгое время, и если бы ее равновесие было восстановлено на прочной основе, то еще можно было бы решиться на это и, закрыв глаза на все его невыгоды, продолжать приносить жертвы ради вероятного покоя. Но теперь, когда этот покой менее всего можно считать обеспеченным и когда все, напротив, говорит за то, что мы, быть может, находимся накануне всеобщего потрясения в Европе, множество новых доводов подкрепляет соображения, которые обязывают нас приступить к заключению такого соглашения, лишь тщательно взвесив все. Нет сомнения в том, что Турция, в силу пороков ее системы правления, истощения ее финансов и крайней слабости ее армии, никогда не сможет быть действенным образом полезна своим союзникам; она даже затруднит их операции, примером чего служат трудности, постоянно испытываемые нами в связи с пребыванием наших войск на Корфу; не говоря о многих других затруднениях, с которыми эти войска сталкиваются вследствие анархии, царящей в управлении этой империей, в настоящее время они были бы доведены до последней крайности, если бы мы положились на принятое Портой обязательство поставлять им необходимое продовольствие. Кроме того, в момент, когда обоим дворам предстоит выдержать столкновение, в котором ради блага всего человечества им надлежит употребить связанные с величайшими затратами средства, чтобы можно было надеяться добиться успеха в предстоящей борьбе, следует ли увеличивать и без того достаточно большие затруднения, беря на себя заботу о защите этой империи, разрушающейся со всех сторон, и не подумать хотя бы о том, чтобы облегчить себе по крайней мере возможности для выполнения этой дополнительной задачи, столь же трудной, сколь и связанной с большими расходами, и о том, чтобы получить что-либо взамен в интересах успеха общего дела? Если прямодушие обоих государей по отношению к турецкому правительству побуждает их, несмотря на малую пользу, которую может принести дружба Порты, и то, что на нее нельзя особенно полагаться, выполнить, насколько окажется возможным, принятые ими ранее на себя обязательства, то осмотрительность требует от них не возобновлять эти самые обязательства и без соответствующего возмещения не связывать себе руки в такое время, когда в любую минуту могут неожиданно возникнуть наисложнейшие комбинации и когда нельзя предусмотреть, какие трудности и какие возможности принесет с собой завтрашний день.

Император считает необходимым, чтобы Ваше сиятельство представили эти соображения просвещенному вниманию английского министерства и начали с ним конфиденциальное обсуждение этого вопроса для того, чтобы оба двора, объясняясь и советуясь друг с другом, совместно выработали линию поведения, которой они должны будут придерживаться по отношению к Порте. Речь идет о том, чтобы зрело обдумать наши интересы, нынешнее положение Турции и те перемены, которые произошли в соотношении сил в Европе; затем на основе этих данных решить, стоит ли нам в настоящее время приступать к возобновлению договора о союзе с оттоманским правительством, и в случае принятия положительного решения определить, каким должен быть этот договор и какие пункты необходимо в него включить. Не следует ли предусмотреть, что, может быть, придется потребовать от Порты, чтобы она выступила против Франции? Хотя помощь, которую могло бы оказать турецкое правительство коалиции, сама по себе никакой цены не имеет, однако полное закрытие последнего канала французской торговли, невозможность использовать Левант как убежище для французских арматоров и особенно уверенность в том, что таким образом можно наиболее легким путем пресечь интриги французов как в стране, так и в самом Диване, и то уже будут представлять достаточно большие преимущества.

То место в ответе [68], переданном Вам лордом Гарроуби, где говорится о том, что обстоятельства могут сделать возможным, что какой-нибудь из двух дворов окажется перед необходимостью занять какую-то часть Оттоманской империи, чтобы спасти ее от алчности общего врага, сильно поразило е. и. в-во, результатом чего явились соображения, излагаемые в настоящей депеше; различные данные говорят нам о том, что, хотя турецкое правительство, может быть, из сознания собственной слабости, по-видимому, желает в настоящее время держаться России и Англии, однако в глубине души неизменно сохраняет расположение к Франции и что, к сожалению, никогда нельзя полностью полагаться на искренность чувств Порты, которая вполне способна покинуть нас в самый критический момент. Это соображение и быстрота, с которой события следовали одно за другим после отправки моих первых писем *** к в. с-ву по поводу дел в Турции, привлекли внимание е. в-ва к вышеуказанному справедливому высказыванию английского министерства, которое можно рассматривать и с другой точки зрения.

Неуверенность, в которой мы до сих пор пребываем относительно готовности континентальных держав воспротивиться посягательствам Бонапарта, может быть, вызовет для наших дворов необходимость занятия какой-то части Оттоманской империи, что будет единственным средством обуздать властолюбие Бонапарта и заставить его принять справедливые условия.

Будучи вынуждена объявить, что она находится на стороне тех, кто выступает против врага всей Европы, Порта в конце концов согласится на это совместное предложение с нашей стороны, чтобы обезопасить себя от вторжения французов. Следовало бы дать понять ей, что мы стремимся лишь к тому, чтобы сделать Бонапарта более сговорчивым, и кроме того

можно было бы дать обещание вернуть султану его провинции в лучшем состоянии и более покорными сразу же после того, как французы очистят всю Италию, Швейцарию, Голландию и др. Разумеется, к принятию подобного решения следует подходить с величайшей осторожностью и идти на это только в самом, так сказать, крайнем случае, однако мы считаем, что даже в том случае, если на континенте образуется коалиция, указанное средство, которое всегда будет эффективным, должно постоянно держаться в запасе на всякий случай.

Имеется еще одно соображение, которое е. и. в-во не может упускать из виду: это улучшение участи христианских подданных Порты. Если Россия и Англия хотят гарантировать дальнейшее существование Оттоманской империи, то, для того чтобы эта гарантия стала выполнимой, им совершенно необходимо настаивать на устранении тех причин, которые непосредственно способствуют ее разрушению. А чтобы достичь этого, необходимо подумать о средствах улучшения условий жизни христианского населения Турции; воспитывая в последнем чувство преданности своему государю и освободив его от неслыханной тирании мятежных пашей, больше всего его притесняющих, необходимо обуздать наглость последних и тем самым способствовать укреплению влияния и прочности законного центрального правительства. В какой мере означенные пункты могли бы быть предложены Порте в качестве условий возобновления договора о союзе и стоит ли сейчас приступать к этому без уверенности в том, что они будут приняты? Именно по этим вопросам е. в-во желает получить мудрые советы британского министерства и с признательностью встретит любое последующее предложение с его стороны.

Порта желает заключить лишь оборонительный договор и хочет избежать всего, что могло бы поссорить ее с французским правительством, в то же время она видит собственную слабость; ее министерство не может не сознавать, что существование этой империи будет поставлено под угрозу, если ей не будет обеспечена поддержка России и Англии, и, придавая в силу этого особое значение возобновлению союза, оно, может быть, в конце концов согласится для достижения этой цели на все условия, лишь бы они были предложены в приемлемой форме.

Е. в-во намерен не предпринимать каких-либо демаршей по этому вопросу и не начинать каких-либо переговоров, пока не договорится с его британским в-вом. Император желает даже, чтобы союз был создан при обязательном участии в нем Англии. Мы убеждены, что, только следуя по этому пути и всегда действуя совместно в турецких делах, мы можем или спасти эту империю, или, на худой конец, хотя бы не допустить того, чтобы французы там обосновались, и противодействовать им в их теперешних интригах. Впрочем, соображения, приводимые в этой депеше, не являются результатом окончательно определившегося мнения; наоборот, они имеют лишь целью вызвать дружеское и конфиденциальное обсуждение, для того чтобы иметь возможность принять решение, которое наилучшим образом отвечало бы задаче преодоления трудностей нынешнего кризиса.

Е. в-во с нетерпением будет ожидать мнения лондонского двора по этому важному вопросу. Мнение императора в настоящий момент таково, что нужно не торопясь обдумать все соображения, возникающие в связи с этим вопросом, а пока выиграть время, чтобы увидеть ход событий, которые, вероятно, к будущей весне примут более решительный оборот. Вследствие этого г-ну Италинскому предписано сообщить Дивану, что, несмотря на нашу признательность за проявляемые им по отношению к нам дружеские чувства, мы, в силу деятельного участия Англии в защите Оттоманской империи и наших дружеских связей с ней, сможем приступить к возобновлению упомянутого договора о союзе только совместно с нею; реис-эфенди уже сам осознал, сколь полезно было бы побудить эту державу к участию в этом, и поэтому он без труда признает, что нам необходимо договориться обо всем прежде всего с лондонским двором; он должен сообщить также, что в. с-ву будут даны на этот счет необходимые инструкции. Но, поскольку новое английское министерство основное внимание уделит, разумеется, вопросу, имеющему наибольшее значение для него, а именно обеспечению обороны страны на случай десанта, мало вероятно, что мы получим в скором времени ответ на наши предложения. Г-н Италинский с помощью этих и подобных им соображений сумеет затянуть это дело, чтобы дать нам время принять совместно с лондонским двором после зрелого размышления решение по этому важнейшему вопросу.

Нужно иметь поистине безграничное доверие, какое питает е. в-во к характеру и искренности чувств его британского в-ва и его министерства, чтобы говорить с ним с такой откровенностью; мы убеждены, что нам не придется сожалеть об этом и что английское правительство сумеет оценить откровенность, с которой мы делимся с ним своими мыслями. Я не сомневаюсь, что оно согласится со справедливостью наших доводов, которые Вы, в. с-во, сообщите ему со свойственным Вам умением, и что оно со своей стороны, следуя аналогичному образу действий и дав соответствующие инструкции г-ну Стратону, с готовностью поможет нам избежать чрезмерного ускорения хода переговоров, взяв на себя часть заботы о том, чтобы задержать их. При этом следует стараться не утратить нашего влияния на решения Порты и не допустить, чтобы у нее возникло даже малейшее недоверие.

Имею честь. . .

Получено в Лондоне с курьером Безлером
13(25) сентября 1804 г.

P. S.****Помимо того, что я уже имел честь сообщить в. с-ву в одной из моих сегодняшних депеш[69] по поводу недоразумения относительно Неаполитанского королевства, которое, кажется, имело место в Лондоне, я считаю нужным предупредить Вас, что я объяснился на этот счет в таком же духе с герцогом Серра-Каприола и адмиралом Уорреном и, узнав из депеши графа Разумовского о том, что лондонский двор уже поручил г-ну Пэджету вследствие этого предположения послать соответствующие инструкции английскому посланнику в Неаполе, я поспешил написать нашему послу в Вене, чтобы ознакомить его с положением, в котором находится это дело[70]. Я не буду входить в объяснения о том, какие решения примет в дальнейшем наш августейший повелитель по этому вопросу, так как они еще не определены и будут окончательно приняты лишь после получения ответа из Вены, которого мы ждем со дня на день. Однако в. с-во легко поймете, сколь важно для нас восстановить факты в их истинном свете, с тем чтобы, если бы уже сейчас Бонапарт напал на Неаполь, поведение наших командующих на Семи островах, которые, естественно, отказались бы от каких-либо совместных действий, так как не получили еще никаких указаний на этот счет, не могло рассматриваться как шаг назад с нашей стороны или как невыполнение нами принятого на себя обязательства, что никогда не будет иметь места в политике с.-петербургского кабинета.

Кроме того, я должен заметить в. с-ву, что ничто так не повредило бы успеху проектируемого нами общего соглашения о совместных действиях, как то, что у венского двора могло бы возникнуть хотя бы даже только предположение о том, что война против французов может быть начата без того, чтобы он был обязан принять в ней участие. Это бы его очень устроило, и он был бы крайне доволен, если бы мы взяли на себя труд сражаться с французами, в то время как Австрия продолжала бы оставаться в бездействии. Только глубокое убеждение в том, что против Бонапарта ничего не будет предпринято, пока Австрия не примет в этом участия, может каким-то образом вынудить ее к этому. Этот столь веский довод дополняет уже подробно изложенные мною соображения в пользу того, чтобы наш августейший государь не уклонялся от той линии поведения, которую он предначертал себе в этом отношении.

46. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

18(30) августа 1804 г.

Милостивый государь мой Андрей Яковлевич! Депеши в пр-ва от 16 июля[71] получены здесь за день до отправления почты цареградской, что и не позволяет мне ныне распространиться рассуждениями по содержанию оных, а потому и ограничусь изложением самонужнейших токмо статей.

Прибытие в Константинополь посланного от Бабахана для убеждения Порты употребить свое посредство к примирению его с Россией или, так как он говорит, с тифлиским ханом, должно обратить Ваше внимание к узнанию всех тех особенных поручений, кои сей чиновник имеет, и о том сюда донести. Буде Порта вступит с Вами в объяснение по предмету положения дел наших на границах персидских, то, сообщив ей у сего прилагаемую копию с письма визиря бабаханского к генералу от инфантерии князю Цицианову[33] и ответ его на оное[34], объявите притом, что мы отнюдь не намерены были начинать в тех странах войну, но что к тому вынуждены самими персиянами, кои после вышеозначенного письма, к князю Цицианову адресованного, действительно выступили противу его в числе 20 тыс. человек, и, будучи вскорости встречены нашим корпусом, из 4 тыс. состоящим, разбиты и опрокинуты совершенно, напали вторично на оный в превосходном уже числе, ибо армия их составляла более 30 тыс. человек, но и сей раз были разбиты и, потеряв знатное число людей, всю их артиллерию и лагерь, обратились в бегство к Еривани, которую ограбив, переправились за Аракс. При сообщении сих подробностей Порте Вы присовокупите, что хотя по двукратном поражении бабахановской армии с небольшим корпусом наших войск самолегчайшая предстоит нам возможность, усилив оный малым чем, покорить всю Персию, со всем тем мы к сему не приступим, ибо цель наша состоит в том, чтобы обеспечить границы наши с той стороны и утвердить безопасность для торговли нашей, но непременно нужно, чтоб и персидски-

войска не переходили никогда рек Куры и Аракса и не чинили угнетения и притязания разным ханам, как-то: Ериванскому, Нахичеванскому, Шушинскому и другим родам, под покровительством России состоящим, кои обладают по сю сторону тех рек; что, впрочем, Вы, зная дружбу, существующую между нами и Портою, надеетесь, что государь император примет посредство Порты для мирного постановления между Россиею и Бабаханом персидским, а что Вы не оставите о таковом предложении е. в-ва султана (буде Вам оное учинится) донести сюда. В откровенности же, для сведения Вашего и для сообразования с тем объяснений Ваших, имею Вам сказать, что план наш относительно тех краев состоит в том, чтоб иметь границею реки Кура и Аракс и ввести войска наши в ханства Бакинское, Нахичеванское, Шушинское и Ериванское, на что и владельцы сих областей уже согласны и вступили с генералом князем Цициановым в переговоры по предмету сему, который получит совершенное исполнение в непродолжительном времени; а потому Вы крайне должны остерегаться, чтобы при рассуждениях Ваших с министерством турецким о посредстве их для восстановления спокойствия на границах Персии, отнюдь не мешать Грузии, Имеретии и Мингрелии, ханств Ханжинского, Бакинского, Нахичеванского, Шушинского и Ериванского, о которых ни в какие негоциации не входить, яко об областях, кои ни Порте, ни Бабахану не принадлежат и коих владельцы были совершенно властны учредить жребий свой так, как наивыгоднее для них казалось; иметь же Вам токмо разговор о Бабахане персидском, с коим к примирению нас, на предположении, чтоб он никогда рек Куры и Аракса не переходил, можете принять предложение Порты единственно токмо для донесения сюда на высочайшее рассмотрение.

Не бесполезно было бы, если сыщете средства, уведомить генерала князя Цицианова о всем происходящем в Константинополе между Вами и министерством турецким по настоящему предмету, дабы он, будучи в известности о сем, мог равномерно сообщать Вам для соображений Ваших о положении, в каковом находиться будут дела наши в том крае.

Пребываю...

К[нязь] Адам Чарторыский

Получ[ено] 12 сентября 1804 г.

Печат. по подлиннику.

Поверенный в делах в Париже П. Я. Убри товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

24 августа (5 сентября) 1804 г.

Детально излагает события последних недель своего пребывания в Париже и сообщает о приготовлениях Франции к войне с Россией.

Сб. РИО, т. 77, стр. 723—733.

47. Правительствующий сенат в Трибунал иностранных дел Китая

29 августа (10 сентября) 1804 г.

С удовольствием получили мы ответ Ваш, господа Амбани, от 24 дня 1 месяца Щастливого и Похвального 9 года на лист, отправленный к Вам в 28 день ноября прошлого 1803-го*.

---

* См. т. 1, док. 232

Изъявляя Вам благодарность нашу за уведомление о благоприятном отзыве его богдоханова в-ва на учиненное нами, от высочайшего имени всемилостивейшего нашего государя императора, предложение о намереваемом отправлении посланника к императорскому его богдоханова в-ву двору, извещаем Вас, что мы о содержании сего ответа всеподданнейше донесли е. и. в-ву.

Государь император, приняв с благоугодностию сей отзыв, служащий опытом дружеского к нему расположения его богдоханова в-ва, указать нам изволил заняться немедленно отправлением того посланника для вящшего утверждения между обоими государствами мирного согласия, для распространения соседственной дружбы и для пользы торговых связей обоюдных подданных.

Во исполнение сей высочайшей воли, желая, чтоб сие отправление соответствовало достоинству обоих великих государей, прилагаем мы к сему наше старание, но как все изготовление не может поспеть в толь короткое время, чтоб посланник, по дальности расстояния, мог прибыть на границу в первом зимнем месяце, то по необходимости принуждены мы отложить сию посылку до будущего 1805 года.

Тогда не оставим мы сообщить о том заблаговременно пограничному Вашему начальству, и для того по высочайшему повелению послан от нас сей лист, из императорского престольного града святого Петра, месяца сентября 3 дня 1804-го, а государствования е. и. в-ва государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийского, четвертого года.

Помета Александра I: Быть по сему.
Августа 29 дня 1804 г.

Печат. по отпуску.

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов Мамед-хану Ереванскому

1 (13) сентября 1804 г.

Предлагает сдать Ереванскую крепость и вступить в подданство России.

АКАК, т. II, стр. 617—618.

48. Посол в Вене А. К. Разумовский товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

№ 91 *3(15) сентября 1804 г.*

Mon prince, j'aurais à regretter de m'être trop fié aux espérances que m'a données le c[om]te de Cobenzl, et dont j'ai rendu compte dans ma dépêche sous numéro 82 [72], si nous n'avions été à même de reconnaître et de constater, pendant tout le cours de la négociation qui nous occupe, cette circonspection timide qui caractérise le cabinet de Vienne, et dont l'influence se développe à mesure qu'il croit apercevoir dans les événements des motifs d'alarme ou d'inquiétude. Comprimé aujourd'hui dans sa politique entre la puissance de la France qui l'épouvante et celle de la Russie dont les vues magnanimes lui font entrevoir un avenir d'espoir et de consolation, ce cabinet redoute le courroux de l'une, tandis qu'il ménage les dispositions bienfaisantes de l'autre. De là naissent ces alternatives, tantôt d'abandon et de confiance, de désir et d'empressement de s'unir à un allié dont il sent le besoin et désire l'appui, tantôt ces réticen-

ces, ces petits artifices qui éloignent le terme de ses engagements et semblent reculer à ses yeux l'époque d'une activité qui effraie sa faiblesse. Lorsque je me mis en devoir d'exécuter les derniers ordres qui me sont parvenus, l'on venait d'apprendre ici la réserve du c[om]te de Stadion, à la suite de ce que l'empereur, notre maître, fit prescrire à son chargé d'affaires à Paris[73]. On appréhenda que notre cour n'en fût indisposée. On se flatta de quelques adoucissements aux résultats de la démarche enjointe au S[r] Oubril. On se montra facile et presque d'accord sur les objets que je mis en avant; mais dès l'instant que le dernier courrier de Paris apporta la nouvelle du départ d'Oubril, on prit un ton différent, et m'étant trouvé chez le c[om]te de Cobenzl, peu de moments après qu'il eut parcouru ses dépêches, il lui échappa de me dire que cette circonstance changeait beaucoup l'état de choses, et qu'apprenant que l'on renonçait presque positivement, en France, à l'invasion de l'Angleterre, le danger pour le continent devenait beaucoup plus pressant. Dans une conférence qui eut lieu avant-hier je lui demandai si l'on donnerait bientôt au c[om]te de Stadion des ordres en réponse aux miens; il me dit qu'il attendait de sa part à toute heure un courrier qui était annoncé par la poste, mais que, s'il tardait à arriver, cela n'empêcherait pas d'en expédier un; enfin, lorsque je lui témoignai que j'espérais bien, que l'ambassadeur de cette cour-ci serait chargé de terminer conformément à ce que nous avions discuté, il me répliqua, à mon grand étonnement, qu'il serait impossible de se départir de la stipulation des 150 mille hommes[74] indispensablement nécessaires pour balancer les forces qu'on aurait à combattre. Il ajouta qu'il était fort à désirer que nous puissions entraîner la cour de Berlin, que, dans ce cas, et si nous avions la certitude d'une coopération sincère de sa part, on souscrirait à notre proposition, et que 100 mille hommes seraient alors plus que suffisants. Tout ce que je pus opposer à son raisonnement fut inutile, et il serait superflu, mon prince, d'en retracer ici les détails. Il suffit d'en indiquer les résultats; ils me paraissent devoir nous convaincre que cette cour-ci est loin encore d'avoir épuisé les subterfuges qui lui serviront à retarder les engagements que nous voulons lui faire prendre. Dans cette même conférence le vice-chancelier s'est plaint des reproches qui ont été faits au c[om]te de Stadion sur la conduite de sa cour à Ratisbonne, lors du vote émis par l'électeur d'Hannovre[75], reproches dont j'ai été chargé pareillement. Il y répondit en récriminant contre les derniers changements dans la constitution de l'empire[76], qui, ayant supprimé une quantité de voix catholiques, avaient rompu entièrement l'équilibre et détruit l'influence de la cour de Vienne aux délibérations de la Diète. Ces objets formeront en partie l'expédition que recevra le c[om]te de Stadion.

En terminant cette dépêche, je ne puis m'empêcher d'y consigner le vœu que je forme pour que la puissance et l'énergie de notre magnanime souverain triomphe bientôt de la faiblesse et de la pusillanimité de ses alliés.

J'ai l'honneur ...

C[omte] de Rasoumoffsky

P. S. Je mets à profit le départ de Mr Pozzo di Borgo, pour transmettre à v. ex. mon expédition d'aujourd'hui. Il m'offre le double avantage de la sûreté et de la promptitude. Quoique Mr Pozzo ne fera pas la même diligence qu'un courrier, il ne s'arrêtera que le temps nécessaire pour prendre quelque repos. Empressé d'arriver à St. Pétersbourg, il l'est surtout, mon prince, de Vous présenter ses hommages; je ne saurais assez le recommander à Votre bonté, à Votre bienveillance, s'il ne Vous en avait déjà paru digne, lorsque Vous avez eu occasion de le voir à Vienne. En appréciant plus particulièrement, mon prince, son mérite et ses qualités estimables, je ne doute pas que v. ex. ne lui accorde la

protection qu'il se flatte d'obtenir d'elle pendant son séjour à Saint-Pétersbourg.

Afin de mettre l'expédition, que je confie à Mr Pozzo, à l'abri de tout inconvénient, je l'ai muni de deux passeports, l'un en qualité de simple voyageur, l'autre comme courrier, dont il ne fera usage que dans le cas où il pourrait être chicané pour les paquets dont il est porteur.

J'ai l'honneur...

Ut in litteris
C[omte] A. de Rasoumoffsky

Пол[учено] 22 сентября 1804 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин князь! Быть может, мне пришлось бы весьма сожалеть, что я чересчур доверился тем надеждам, которые мне внушил граф Кобенцль и о которых я доносил в моей депеше за № 82[72], если бы мы не заметили и не констатировали в продолжение всего хода ведущихся нами переговоров ту характерную для венского кабинета боязливую осмотрительность, влияние которой все более ощущается, по мере того как он усматривает основания для тревоги и беспокойства в происходящих событиях. Будучи зажат между внушающей ему страх могущественной Францией и могущественной Россией, великодушные намерения которой дают ему возможность питать утешительные надежды на будущее, этот кабинет страшится ярости первой, в то время как он стремится приобрести благорасположение второй. Отсюда и переходы от откровенности и доверия, желания и готовности объединиться с союзником, в котором он нуждается и поддержки которого желает, к недомолвкам и мелким ухищрениям, которые отдаляют срок принятия им обязательств и, как ему кажется, отодвигают время начала действий, которых он слабодушно боится. Когда я приступил к исполнению полученных мной последних повелений, здесь как раз стало известно об оговорке графа Стадиона в связи с тем, что было предписано государем императором нашему поверенному в делах в Париже[73]. Здесь возникло опасение, что это может вызвать недовольство нашего двора. Надеялись на то, что последствия демарша, предписанного г-ну Убри, окажутся не слишком серьезными. Проявляли сговорчивость и были почти согласны со мной по выдвинутым мной вопросам, но с того момента, как последний курьер из Парижа привез известие об отъезде Убри, был взят другой тон, и, когда я был у графа Кобенцля, почти сразу же после того как он наскоро прочитал полученные им депеши, у него вырвалось замечание, что это обстоятельство сильно изменяет положение вещей и что в связи с почти определенным отказом Франции от вторжения в Англию угроза для континента значительно возрастает. Во время беседы, которая состоялась позавчера, я спросил его, будут ли даны графу Стадиону в ближайшее время распоряжения в ответ на полученные мной. Он мне сказал, что с часу на час ждет от него курьера, о котором было сообщено по почте, но если он запоздает с прибытием, то это не помешает послать другого; наконец, когда я высказал надежду на то, что послу здешнего двора будет поручено довести дело до конца в соответствии с тем, о чем мы говорили, он, к моему большому удивлению, возразил мне, что невозможно отступить от условия о предоставлении 150 тыс. человек[74], совершенно необходимых для того, чтобы наши силы сравнялись с силами, против которых предстоит сражаться. Он добавил, что было бы весьма желательно, чтобы мы сумели привлечь берлинский двор, и что в этом случае, если мы будем уверены в его искреннем сотрудничестве, они могли бы согласиться на наше предложение и 100 тыс. человек было бы тогда более чем достаточно. Все, что я смог выдвинуть в опровержение его утверждения, не имело успеха, и было бы излишним, князь, подробно воспроизводить это здесь. Достаточно указать на результаты; они, как мне кажется, должны убедить нас в том, что этот двор еще далеко не исчерпал всех уверток, с помощью которых он постарается отсрочить принятие обязательств, которые мы хотим побудить его взять на себя. В ходе этой же беседы вице-канцлер выразил недовольство в связи с упреками, сделанными графу Стадиону по поводу поведения его двора в Регенсбурге во время обсуждения предложения, внесенного курфюрстом Ганноверским[75]. Мне также было поручено сделать подобные упреки, но в ответ на это он поставил нам в вину последние изменения, внесенные в имперскую конституцию[76], в результате чего было значительно уменьшено число голосов католиков, что повлекло за собой окончательное нарушение равновесия и уничтожило влияние венского двора на принятие решений Сеймом. Этим вопросам будет посвящена часть почты, отправляемой графу Стадиону.

Заканчивая эту депешу, я не могу не выразить пожелания, чтобы могущество и энергия нашего великодушного государя восторжествовали как можно скорее над слабостью и малодушием его союзников.

Имею честь...

Граф А. Разумовский

P. S. Пользуясь отъездом г-на Поццо ди Борго, пересылаю в. с-ву мою сегодняшнюю почту. Это дает мне двойную выгоду: безопасность и быстроту. Хотя г-н Поццо и не будет ехать с той же поспешностью, с какой ездят курьеры, он будет останавливаться в пути лишь на время, необходимое для краткого отдыха. Он торопится в С.-Петербург, в особенности для того, чтобы выразить Вам, князь, свое почтение; я весьма рекомендовал бы его Вашей доброте и благосклонности, если бы Вы уже сами не нашли его достойным их, когда имели случай видеть его в Вене. Я не сомневаюсь, князь, что, лучше узнав его заслуги и похвальные качества, в. с-во окажете ему покровительство, которое он надеется заслужить во время своего пребывания в С.-Петербурге.

С целью оградить доверенную г-ну Поццо почту от каких-либо неприятных случайностей я дал ему два паспорта: один — как обыкновенному путешественнику, другой — как курьеру, причем последним он должен воспользоваться лишь в том случае, если к нему начнут придираться в связи с тем, что он везет пакеты.

Имею честь . . .

Ut in litteris

Граф А. Разумовский

Нота товарища министра иностранных дел А. А. Чарторыйского поверенному в делах Франции в С.-Петербурге Рейневалю

5 (17) сентября 1804 г.

Предлагает немедленно покинуть С.-Петербург и высылает паспорта на выезд.

Сб. РИО, т. 77, стр. 736.

49. Александр I послу в Лондоне С. Р. Воронцову

10(22) сентября 1804 г.

Monsieur le général d'infanterie comte de Worontzow. J'ai toujours été d'opinion que si un Etat se décidait une fois à dépasser dans sa conduite les bornes rétrécies que lui dicte une politique fondée sur le strict intérêt à lui particulier, et qui pour la Russie serait de se mêler le moins que possible des affaires extérieures, ce ne pourrait être que pour établir en Europe, autant que les circonstances le permettront, un ordre des choses qui produise un bien réel à l'humanité et assure à la généralité des Etats européens une tranquillité permanente. C'est dans l'espoir de m'approcher de ce but que je m'étais hâté de conclure la paix* entre la Russie et le gouvernement français, et que je lui avait même témoigné de l'empressement à l'aider dans le dessein sincère qu'il paraissait avoir alors de faire cesser partout les calamités de la guerre.

Je me flattais qu'un gouvernement aussi puissant que celui de France trouverait de son propre intérêt de faire durer par sa modération la paix en Europe et de s'occuper de la prospérité intérieure du pays confié à ses soins et qui avait tant souffert par les troubles de la révolution.

C'est dans cette persuasion que j'ai, par mes bons offices, facilité une réconciliation** entre la Porte Ottomane et la République française et que j'ai consenti à prendre en commun avec le premier consul la médiation des affaires d'Allemagne***, croyant par là écarter tout germe de discorde dans cette partie de l'Europe, et ne pouvant douter que le gouvernement français, étant une fois satisfait sur la suite que devait avoir le traité de Lunéville****, aurait soin, en réciprocité des services que je lui avais rendus, de remplir envers

* См. т. I, док. 21.
** См. т. I, прим. 70.
*** См. т. I, прим. 5.
**** См. т. I, прим. 24.

9*

la Russie les engagements qu'il avait contractés et qui tous tendaient à rétablir l'équilibre en Europe.

Si, d'une part, j'ai suivi une conduite amicale envers la France dans l'idée que je trouverais dans son gouvernement les éléments d'une politique libérale et réellement grande, lesquels cultivés auraient pu faire jouir l'Europe d'un bonheur non douteux, d'un autre côté, je n'en ai marqué que plus d'envie de rétablir et de consolider les liens de bonne harmonie entre la Russie et l'Angleterre, très assuré qu'outre les raisons d'intérêt réciproque, qui doivent rendre ces deux pays éternellement unis, le cabinet de Londres était plus propre que tout autre à admettre dans sa politique les principes généreux que je voudrais voir adopter à tous les gouvernements.

En attendant, la guerre se ralluma entre l'Angleterre et la France; Bonaparte démasqua de plus en plus ses projets et donna la mesure de ce qu'on devait attendre de lui. La Russie, voyant le danger qui menaçait l'Europe, s'adressa aussitôt aux puissances plus exposées du continent et leur offrit ses secours pour s'opposer en commun aux empiétements des Français. Ses efforts sur des cabinets qui ne voient pas leur danger ou qui n'osent pas y porter un remède efficace n'ont point présenté le succès désiré, et ce que l'on peut tout au plus espérer jusqu'à présent, c'est d'obtenir que les puissances du continent ne permettent pas à Bonaparte de porter plus loin ses violences.

C'est aussi dans ce sens que je Vous ai fait passer jusqu'ici mes instructions*****, afin que les Etats qui, soutenus par la Russie, s'opposeraient à l'attaque de Bonaparte, puissent obtenir des secours subsidiaires de la cour de Londres, sans lesquels il y aurait à craindre que même cette défense n'aurait pas tout le succès qu'on avait lieu d'en espérer et que les Français non seulement ne seraient pas rechassés dans leurs foyers, mais pourraient même étendre leurs usurpations dans la partie de l'Europe, qui se trouve à leur portée. Les réponses [77], que m'a données sur ces objets la cour de Londres, sont des plus satisfaisantes, et le courrier expédié ces jours passés Vous a porté l'expression de ma sensibilité pour la confiance qu'elle m'a témoignée et de mon empressement de combiner toujours mes désirs avec les siens[78].

Après m'être prononcé hautement contre le gouvernement français, après avoir montré ma détermination de soutenir une opposition continentale qui s'élèverait contre lui et m'être mis dans le cas de rompre toute relation avec Bonaparte pour ne pas reconnaître la nouvelle dignité qu'il s'est arrogée, il me semble avoir rempli tout ce que l'honneur et la dignité de mon empire exigeaient et tout ce que permettait la position de la Russie et l'influence directe qu'elle peut avoir isolément sur les affaires de l'Occident de l'Europe. Il me suffirait d'ailleurs pour ma propre sécurité, et ce serait déjà faire beaucoup pour le bien de l'Europe entière, que d'empêcher aux Français d'outrepasser leur ligne présente dans le Nord de l'Allemagne et de m'opposer à toute entreprise qu'ils tenteraient contre la Turquie Européenne.

Quelque tranquille, cependant, que je puisse être, en me tenant à ce système, pour la sûreté particulière de la Russie, je ne puis me dissimuler que, supposé même que Bonaparte n'avance pas plus loin dans ses usurpations, il n'en régira pas moins arbitrairement la partie de l'Europe, qu'il tient sous sa domination, et ne permettra pas à l'autre d'être sans inquiétude sur ses projets ultérieurs.

Les dangers qui découlent de cet état des choses pour la plus grande partie de l'association européenne, les frais immenses qui en résultent, les malheurs qui doivent nécessairement assaillir l'humanité, si on laisse toutes les notions de justice, de droit et de morale politique s'effacer de manière à les faire juger

***** См. док. 20.

par le triomphe de l'iniquité et du crime entièrement illusoires et superflues dans la conduite des gouvernements soit envers leurs sujets, soit envers les autres Etats, me feraient désirer ardemment de contribuer activement au rétablissement de l'ordre et du bonheur en Europe, si je pouvais avoir l'espoir de parvenir réellement à ce but désirable. Il ne serait pas, ce me semble, impossible à atteindre, si deux puissances telles que la Russie et l'Angleterre, unies par des liens intimes, se mettaient en état de déployer les moyens qu'elles peuvent avoir en leur pouvoir et agissaient dans le même but et sur le même principe. Je Vous avais chargé de pressentir le cabinet de St. James sur quelles bases il croirait le plus convenable de fonder une opération de ce genre, et comme il m'a paru désirer une première ouverture de ma part, je ne balance pas de la lui faire, convaincu qu'il sera bon d'entamer de longue main une discussion sur ce sujet, si même elle ne donnait pas immédiatement des résultats positifs.

Le but, qu'on se proposerait en allumant une guerre générale, ne pourrait être différent, que de faire cesser les dangers dont l Europe est menacée par l'agrandissement démesuré de la France, de rendre l'indépendance aux Etats qui gémissent sous le joug de Bonaparte et d'assurer pour l'avenir sur des bases solides la tranquillité générale en Europe.

Le peu de succès qu'ont eu les efforts des coalitions qui se sont formées contre la France dans les années passées semble démontrer que les puissances, qui y ont concouru, ont peut-être mêlé trop de vues personnelles dans une entreprise où l'intérêt particulier devait se trouver dans le bien général; que le but, qu'on s'était proposé, n'avait pas été pris dans son vrai sens et dans toute son étendue; et que les moyens, qu'on a choisis pour y parvenir, n'etaient pas ceux qu'il aurait fallu employer. Il serait donc instant que les deux puissances, qui, comme la Russie et l'Angleterre, sont faites pour donner le branle à une opération de ce genre, puissent d'abord s'éclairer mutuellement sur leurs vues, leurs intentions, et après s'être convaincues qu'un même but peut les guider et qu'elles sont prêtes de mettre en œuvre les moyens qui doivent le mieux y conduire, d'en convenir entr'elles avec précision, ainsi que de la marche qu'elles suivront pour l'atteindre. Ce n'est qu'autant que leurs principes et leur conduite seraient en parfaite harmonie et que, pour m'expliquer ainsi, tous les leviers disponibles seraient appliqués pour déraciner le mal, qu'elles pourraient espérer un résultat réellement utile et que, pour ma part, je voudrais concourir avec pleine sécurité et confiance à une opération qui demande l'emploi des plus grands moyens, et que la Russie ne saurait trouver de son intérêt à mettre en action, si ce n'est pour produire un bien marquant et réel pour l'Europe.

Le premier objet, qui se présenterait à remplir, serait de faire rentrer la France dans ses premières limites ou dans telles autres que la sûreté de l'Europe exigera qu'on lui trace. La convenance d'assurer aux Etats, qui entourent la France, des arrondissements qui leur donnent de la consistance et les mettent dans le cas de faire respecter leur neutralité et de résister à un premier choc, me semble être le principe le plus simple à suivre pour tracer ces limites.

Nous serons sans doute d'accord sur les moyens compulsifs qu'il faudra employer pour arriver à ce premier résultat si indispensable pour la sûreté future de l Europe, il ne peut y avoir deux opinions à ce sujet. Ces moyens se réduisent à réunir, dans un plan bien combiné, l'action des deux puissances et d'y faire concourir autant que possible d'autres Etats de l'Europe, dont la coopération serait indispensable dans l'entreprise en question. Quant au premier point, quelqu'important qu'il soit de le concerter d'avance, son arrangement serait facile aussitôt que le moment d'agir aurait été convenu; à l'égard du second point, qui influerait nécessairement sur les détails du premier, s.m. britannique m'ayant exprimé son empressement de s'entendre toujours avec moi, je suis d'autant plus sensible à cette marque de confiance qu'elle me paraît dans cette

occasion d'un intérêt majeur pour le bien des affaires. Je prévois qu'il sera impossible de porter la plupart des gouvernements à se prononcer avec vigueur contre la France, sans leur promettre quelques avantages à l'issue de la guerre qu'ils entameraient; mais avant que de les leur offrir, avant même que de leur assurer des secours, ne serait-il pas à sa place que la Russie et l'Angleterre convinssent de leur fait et fixassent entr'elles quelques conditions, sous lesquelles ces avantages pourraient être accordés et ces secours continués?

Au cas qu'une guerre heureuse nous donnât l'espoir d'arriver à l'objet que je viens d'indiquer, il faudrait d'avance se proposer la question si l'Europe pourrait se croire en sûreté et si l'on ne risquerait pas que les scènes, dont nous sommes les témoins, ne se reproduisent à tout moment, aussi longtemps que la France continuerait d'être régie par un gouvernement, fondé sur la plus indigne fourberie et qui, au moyen de prestiges et de fantômes que l'hypocrisie politique peut seule engendrer, se donne des forces factices, dont les mouvements irréguliers et convulsifs sont aussi nuisibles à la France qu'alarmants pour le reste de l'Europe. Cet état des choses ne tendant à rien moins qu'à replonger l'humanité dans l'ancienne barbarie, personne ne saurait disconvenir que toutes les raisons se réunissent pour souhaiter qu'il puisse être remplacé en France par une constitution plus sage et plus calculée à produire le bien de l'humanité et la sûreté future des autres Etats. Jusqu'à quel point ce second objet, comme complément du premier, pourrait entrer dans les buts du concert des deux puissances, est un point qui demanderait à être mis au clair entr'elles.

Sans doute dans aucun cas le désir d'un changement dans l'intérieur de la France ne devrait être dévoilé avant le temps, et les circonstances seules décideraient de l'instant où l'on penserait à le mettre en exécution; mais si les deux puissances savent par leur conduite prouver qu'elles ne veulent que le bien même d'une nation souffrante et que, sans rien lui imposer à cet égard, elles dirigeaient son vœu vers son plus grand avantage, on pourrait s'attendre que la masse bien pensante et tous les divers partis également contraires au présent gouvernement contribueraient puissamment au succès de l'entreprise. C'est pour se donner ce même avantage que l'on n'a pas eu assez en vue précédemment qu'il serait convenable aussi, que, dans les pays qui se trouveraient successivement délivrés du joug français, l'on adoptât pour règle de convaincre les habitants que l'on ne vise qu'à leur rendre le bonheur et à leur laisser jouir du gouvernement le plus conforme à leur souhait.

En réunissant ainsi autant que possible tous les moyens inhérents à la défense de la bonne cause, en se ménageant tous ceux qu'un gouvernement, fort de toute la confiance de sa nation et, par conséquent, de celle de l'Europe entière, serait en état de développer, l'on pourrait se flatter d'un succès assuré, et je me plais à croire, qu'après avoir une fois obtenu ces buts, les deux puissances qui auraient sauvé l'Europe trouveraient aussi des moyens efficaces pour la garantir contre des bouleversements nouveaux en prolongeant entr'elles une union intime, à laquelle les Etats, rétablis dans leur indépendance ou délivrés de leurs craintes, s'empresseraient sans doute de se joindre, et qui pourrait faire jouir à l'Europe d'une prospérité inconnue jusqu'à présent, si son acte rétablissait sur des bases plus solides les principes du droit des gens que le gouvernement français a pris pour règle de fouler aux pieds.

J'ai pensé que le moment présent exigeait que je Vous exprimasse mes idées sur des matières aussi importantes, afin de Vous mettre à même de répondre dans l'occasion aux ouvertures qui pourraient Vous être faites par le ministère anglais sur ces objets, de les lui indiquer même, pour que je puisse être instruit de la manière dont il les envisage. Ce désir n'est motivé en moi que par celui du bien général, qui sera toujours le moyen le plus sûr de réunir l'action des grandes puissances. Les idées qui Vous sont énoncées aujourd'hui me

semblent de nature à mériter la plus sérieuse discussion entre les deux cabinets et propres à leur donner l'occasion de se confier mutuellement leurs souhaits les plus étendus tant pour leur propre bien, que pour celui de toute l'Europe; et c'est ce qui me fait présumer qu'elles attireront l'attention du ministère éclairé auquel Vous en ferez part.

Combien ces communications, qui Vous sont transmises éventuellement, sont du genre de celles qui exigent le secret le plus profond, est inutile de Vous observer ici; il serait, dans tous les cas, de la plus haute importance qu'elles restassent totalement inconnues soit à l'ennemi, soit même aux Etats qui agiraient contre lui; et Vous ne manquerez pas, en en faisant usage, de faire sentir au ministère anglais combien elles lui démontrent la mesure de ma confiance dans la loyauté et la façon de penser de s. m. britannique.

Il me paraît au reste inutile pour le moment de Vous donner de plus amples détails sur les points que je n'ai fait que toucher dans la présente. C'est à sonder sur ces objets les sentiments de la cour de Londres que Vous vous attacherez et Vous l'assurerez que je recevrai avec empressement tous les développements et les vues que le ministère britannique pourra me fournir de son côté, ce qui me donnera l'occasion de lui en transmettre de plus circonstanciés ; et, si nos principes se trouvent coïncider, il serait facile, soit à Londres, soit ici, de conclure quelqu'arrangement sur des bases solides et bien précisées.

Je laisse à Votre sagacité à Vous décider sur la manière dont Vous emploierez les indications contenues dans ce rescrit et le plus ou moins d'extension que Vous jugerez convenable de leur donner. En attendant, Vous pourrez procéder d'après Vos instructions antérieures. Je crois devoir, pour le moment et jusqu'à nouvel avis, m'en tenir strictement au système défensif qui Vous a été précédemment développé, et que la cour de Londres est également intéressée de supporter de ses moyens pour empêcher du moins que les Français ne fassent pas des empiétements progressifs en Europe. Je suis...

Alexandre ******

Reçu par Mr de Novossiltzoff le 4(16) novembre 1804.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин генерал от инфантерии граф Воронцов. Я всегда полагал, что если какое-либо государство решает выйти в своих действиях за те ограниченные пределы, которые диктуются ему политикой, основывающейся только на его собственной выгоде и в отношении России заключающейся в том, чтобы как можно меньше вмешиваться в иностранные дела, то это могло быть сделано лишь с целью установить в Европе, в той мере, в какой позволят обстоятельства, порядок вещей, который обеспечил бы действительное благо человечеству и постоянное спокойствие всем европейским государствам. Именно в надежде приблизиться к этой цели я и поспешил заключить мир * между Россией и французским правительством и даже выразил готовность помочь ему в намерении, которое, казалось, было искренним тогда,— положить повсеместно конец бедствиям войны.

Я льстил себя надеждой, что столь могущественное правительство, как правительство Франции, сочтет, что в его собственных интересах своей умеренностью поддерживать мир в Европе и посвятить себя заботам о процветании страны, вверенной его попечению и столь много выстрадавшей в связи с революционными смутами.

Исходя из этого убеждения, я способствовал своими добрыми услугами примирению между Оттоманской Портой и Французской республикой ** и согласился взять на себя совместно с первым консулом посредничество в германских делах ***, надеясь уничтожить тем самым все семена раздора в этой части Европы и не сомневаясь в том, что французское правительство, будучи удовлетворено результатами, к которым должен был привести Люневильский договор ****, не преминет в ответ на оказанные ему мною услуги выполнить в

****** Контрассигновано А. А. Чарторыйским.

отношении России взятые им на себя обязательства, целиком направленные на восстановление равновесия в Европе.

Если, с одной стороны, я придерживался в отношении Франции дружественной линии поведения, полагая, что встречу в лице ее правительства сторонника принципов либеральной и подлинно великой политики, развитие которых могло бы обеспечить Европе действительное благоденствие, то, с другой стороны, я выразил еще более сильное желание восстановить и укрепить узы доброго согласия между Россией и Англией, будучи совершенно уверен в том, что, не говоря уже о соображениях взаимной выгоды, в силу которых эти две страны должны быть всегда объединены, лондонский кабинет в большей мере, чем какой-либо другой, может принять в своей политике те великодушные принципы, которым мне хотелось бы, чтобы последовали все правительства.

Тем временем вновь разгорелась война между Англией и Францией; Бонапарт еще больше раскрыл свои планы и показал, чего следует ждать от него. Россия, видя опасность, угрожавшую Европе, сразу же обратилась к континентальным державам, более других подвергающимся опасности, и предложила им свою помощь, дабы совместно противодействовать посягательствам французов. Ее усилия с целью воздействовать на кабинеты, которые не видят опасности или не осмеливаются употребить для устранения ее действенные средства, не принесли желанного успеха и самое большее, на что можно пока надеяться,— это добиться того, чтобы континентальные державы не позволили Бонапарту пойти еще дальше в его насилиях.

Именно в этом духе и были составлены мои предшествующие инструкции ***** Вам о том, чтобы государства, которые при поддержке России окажут сопротивление нападению Бонапарта, могли получить денежную помощь от лондонского двора, без чего, как можно было бы опасаться, это сопротивление не имело бы того успеха, которого можно было бы ожидать, а французы не только не были бы отброшены на свою территорию, но даже могли бы расширить свои незаконные захваты в части Европы, находящейся в пределах их досягаемости. Ответы[77], данные мне по этим вопросам лондонским двором, являются весьма удовлетворительными, и в письмах, отправленных Вам с выехавшим на днях курьером, говорится о том, что я тронут доверием, оказанным мне этим двором, а также о моей готовности всегда сочетать мои желания с его собственными[78].

После того как я во всеуслышание высказался против французского правительства, показал свою решимость поддержать противодействие, которое было бы ему оказано на континенте, и порвал всякие сношения с Бонапартом, дабы не признавать присвоенного им нового титула, мне кажется, что я выполнил все то, чего требовали честь и достоинство моей империи и что позволяло сделать положение России и то непосредственное влияние, которое она в состоянии сама по себе оказывать на дела Западной Европы. Впрочем, для обеспечения безопасности было бы достаточно воспрепятствовать французам перейти линию на севере Германии, на которой они находятся в настоящее время, и воспротивиться любым предприятиям, направленным против Европейской Турции, и уже это означало бы сделать много для блага всей Европы.

Как бы я ни был спокоен за безопасность самой России, придерживаясь этой системы, я не могу закрывать глаза на то, что Бонапарт все же будет по своему произволу управлять той частью Европы, которая находится под его господством, и не позволит другой ее части быть спокойной относительно его дальнейших планов, если даже предположить, что он не пойдет дальше в своих захватнических действиях.

Опасности, вытекающие из такого положения вещей для большей части европейского сообщества, связанные с этим огромные расходы, несчастья, которые неизбежно должны обрушиться на человечество, если допустить, чтобы все понятия о справедливости, праве и политической морали были преданы забвению и в результате торжества беззакония и преступности рассматривались как совершенно призрачные и излишние для правительств, идет ли речь о политике по отношению к их подданным или по отношению к другим государствам,— все это побудило бы меня горячо желать активно содействовать восстановлению порядка и благоденствия в Европе, если бы я мог надеяться действительно достигнуть этой желанной цели. Мне кажется, что ее вполне можно было бы достигнуть, если бы две такие державы, как Россия и Англия, тесно соединившись, обеспечили возможность использовать все средства, которыми они могут располагать, и действовали в одном направлении, следуя единому принципу. Я уже поручал Вам постараться выяснить у сент-джемского кабинета, на каких началах он считал бы наиболее целесообразным осуществить это, и, поскольку у меня создалось впечатление, что он хочет, чтобы я первым выступил с предложениями, я, не колеблясь, делаю это, будучи убежден в том, что было бы полезно заблаговременно приступить к обсуждению этого вопроса, даже если бы оно и не привело немедленно к положительным результатам.

Начиная всеобщую войну, мы не могли бы преследовать иной цели, кроме устранения опасностей, угрожающих Европе в связи с чрезмерным ростом могущества Франции, возвращения независимости государствам, стонущим под игом Бонапарта, и обеспечения на твердых основах всеобщего спокойствия в Европе на будущее.

Безуспешность усилий, предпринимавшихся коалициями, которые образовывались против Франции в прошлом, кажется, доказывает, что участвовавшие в них державы, быть

может, примешивали много личных видов к делу, в котором интерес каждого должен был заключаться в общем благе, и что цель, которую ставили перед собой, воспринимали не в истинном ее значении и не в полном объеме; наконец, для достижения этой цели были избраны не те средства, которые надлежало употребить. Поэтому настоятельно необходимо, чтобы Россия и Англия, две державы, которые в состоянии осуществить такого рода начинания, прежде всего ознакомили друг друга со своими взглядами и намерениями и, убедившись, что они могут руководствоваться одной и той же целью и готовы использовать наилучшие средства для ее достижения, определенно договорились о них, равно как и о линии, которой они будут следовать, для того чтобы придти к цели. Лишь в той мере, в какой они будут единодушны в своих принципах и действиях, и в зависимости от того, насколько полно будут использованы для искоренения зла все, так сказать, рычаги, имеющиеся в их распоряжении, они смогут надеяться добиться действительно полезного результата, а я со своей стороны принял бы с полным доверием и уверенностью участие в деле, требующем использования огромных средств, приведение в действие которых Россия могла бы счесть отвечающим своим интересам лишь в том случае, если бы это принесло Европе значительное и действительное благо.

Первая задача, которую следовало бы выполнить,— это вернуть Францию в ее первоначальные границы или установить ей какие-либо другие, которых потребуют интересы безопасности Европы. Как мне кажется, при установлении этих границ проще всего будет исходить из того принципа, что государствам, расположенным вокруг Франции, следует обеспечить округление их территорий с тем, чтобы сделать их более прочными и обеспечить им возможность заставить уважать свой нейтралитет и противостоять первому удару.

У нас, несомненно, не будет разногласий относительно средств принуждения, которые нужно будет употребить, чтобы достигнуть этого первого результата, столь настоятельно необходимого для будущей безопасности Европы; на этот счет не может быть двух мнений. Эти средства состоят в том, чтобы объединить на основе хорошо согласованного плана действия обеих держав и привлечь, насколько будет возможно, к участию в этом деле другие европейские государства, сотрудничество которых было бы необходимо. Первый пункт, как ни важно было бы согласовать его заранее, легко можно было бы урегулировать, как только была бы достигнута договоренность относительно времени выступления; что же касается второго пункта, от которого неизбежно зависят детали первого, то его британское в-во выразил свою готовность в любое время договориться со мной, и я тем более тронут этим свидетельством доверия, что оно, как мне кажется, в данном случае имеет величайшее значение для успешного хода дел. Я предвижу, что большую часть правительств окажется невозможным побудить решительно выступить против Франции, если не пообещать им некоторых выгод в результате предпринятой ими войны, однако России и Англии, возможно, следовало бы, прежде чем предлагать им их и даже до того, как обеспечивать им помощь, договориться о том, что их устроило бы, и определить некоторые условия, на которых можно было бы предоставить эти выгоды и продолжать оказывать помощь.

На случай, если удачная война дала бы нам надежду достигнуть указанной мною выше цели, нужно было бы заранее поставить себе вопрос, сможет ли Европа считать себя в безопасности и не будет ли угрозы того, что сцены, свидетелями которых мы являемся, в любой момент могут повториться, до тех пор пока Франция будет находиться под властью правительства, которое держится на величайшем обмане и с помощью иллюзий и химер, могущих быть порожденными лишь политическим лицемерием, придает себе призрачную мощь, беспорядочные и судорожные проявления которой столь же пагубны для Франции, сколь и опасны для остальной части Европы. Поскольку такой порядок вещей может лишь вновь ввергнуть человечество в прежнее состояние варварства, никто не может отрицать, что все соображения сводятся к желательности замены его во Франции более разумным государственным строем, при котором в большей степени могло бы быть обеспечено благо человечества и будущая безопасность других государств. О том, в какой мере эта вторая задача в качестве дополнения к первой могла бы входить в цели соглашения двух держав, им следует объясниться между собой.

Желание внести изменения во внутреннее устройство Франции, несомненно, не должно ни в коем случае разглашаться раньше времени, и лишь дальнейшие события позволят решить вопрос о том, когда можно будет подумать об осуществлении таких изменений; однако если наши державы сумеют доказать своими действиями, что они желают лишь блага страдающей нации и что, ничего не навязывая ей в этом отношении, они лишь направляют ее к ее наибольшей выгоде, то можно было бы ожидать, что благомыслящая масса и все различные партии, равно настроенные против нынешнего правительства, оказали бы активное содействие успеху этого предприятия. Именно для того, чтобы обеспечить себе это преимущество, которое ранее недостаточно имели в виду, следовало бы признать за правило убеждать население тех стран, которые постепенно будут освобождаться от французского ига, в том, что мы хотим лишь вернуть им благоденствие и предоставить им возможность иметь такую форму правления, которая наиболее соответствует их пожеланиям.

Объединив, таким образом, по возможности все силы, которые можно употребить для защиты правого дела, и обеспечив себе все средства, которые может использовать правительство, пользующееся полным доверием своего народа, а следовательно, и доверием всей Европы, можно было бы надеяться на верный успех. Мне хочется думать, что после того, как эти

цели будут достигнуты, обе державы, которые спасут Европу, найдут также действенное средство для того, чтобы гарантировать ее от новых потрясений, сохранив существующий между ними тесный союз. К этому союзу несомненно, поспешили бы присоединиться государства, независимость которых будет восстановлена, или те, которые будут избавлены от своих опасений, и он мог бы обеспечить Европе неведомое ей до сих пор процветание, если бы благодаря ему были восстановлены на более прочной основе принципы международного права, которые французское правительство взяло себе за правило попирать.

Учитывая обстоятельства, я счел нужным изложить Вам мои мысли по столь важным предметам, чтобы Вы могли ответить при случае на те предложения, которые английское министерство могло бы сделать Вам по этим вопросам, и даже указать ему на таковые, с тем чтобы я знал, как оно рассматривает их. Это мое желание определяется лишь стремлением к общему благу, которое всегда будет самым верным средством объединить действия великих держав. На мой взгляд, вышеизложенные соображения заслуживают по своему характеру самого серьезного обсуждения между двумя кабинетами и могут представить для них случай высказать друг другу полностью свои пожелания как в отношении их собственного блага, так и в отношении блага всей Европы; именно это и дает мне основание предполагать, что эти мысли привлекут просвещенное внимание министерства, которому Вы о них сообщите.

Излишне говорить Вам о том, что эти сообщения, направляемые Вам в предвидении возможного случая, относятся к категории тех, которые должны храниться в глубочайшей тайне; представляется в высшей степени важным, чтобы они в любом случае остались полностью неизвестными как неприятелю, так даже и тем государствам, которые, возможно, выступят против него, и Вы не преминете, используя их, дать понять английскому министерству, сколь убедительно они свидетельствуют о полноте моего доверия к прямодушию и образу мыслей его британского в-ва.

В настоящее время мне кажется излишним входить в бо́льшие подробности по вопросам, которых я лишь коснулся в настоящем письме. Вам следует постараться осторожно выведать взгляды лондонского двора на этот счет. Вам нужно будет заверить его, что я с готовностью встречу все то, что британское министерство со своей стороны сообщит мне о своих видах, так же как и его соображения в развитие вышеизложенного, в связи с чем я смогу осведомить его более обстоятельно на этот счет; если же наши основные принципы совпадут, было бы легко, будь то в Лондоне или здесь, заключить какое-либо соглашение на твердых и точно определенных основах.

Полагаясь на Вашу прозорливость, предоставляю Вам решить, каким образом Вы используете указания, содержащиеся в настоящем рескрипте, и в каком объеме Вы сочтете уместным сделать это, а тем временем Вы можете руководствоваться в своих действиях инструкциями, которые были даны Вам ранее. Я считаю нужным пока строго придерживаться оборонительной системы политики, которая ранее уже была подробно Вам изложена и которую лондонский двор равным образом заинтересован поддерживать своими средствами, чтобы, по крайней мере, помешать французам осуществить дальнейшие захваты в Европе.

Пребываю...

Александр ******

Получено с г-ном Новосильцевым
4(16) ноября 1804 г.

50. Секретная инструкция Александра I Н. Н. Новосильцеву [79]

11(23) сентября 1804 г.

Monsieur le chambellan ministre adjoint de la justice de Novossiltzoff. Quelqu'entière que soit la confiance que je place dans le zèle et l'expérience de mon ambassadeur près de la cour de Londres, la nature et l'importance des circonstances du moment qui peuvent devenir décisives pour le repos de la Russie et pour le sort de l'Europe, demandent actuellement en Angleterre la présence de quelqu'un qui, jouissant depuis longtemps d'une confiance sans réserve de ma part, ait été à même de connaître à fond mes opinions et mes vues ; et qui, se trouvant par là en état de m'informer d'une manière précise et non douteuse jusqu'à quel point la cour de Londres inclinerait à les partager, soit aussi capable de faire prendre à une négociation avec elle la direction que je désire y donner.

Je ne saurais faire un meilleur choix pour une commission aussi grave et délicate qu'en Vous y destinant : Vous avez toutes les conditions requises pour

la bien remplir. En Vous envoyant donc en Angleterre je Vous munis de ces instructions secrètes qui doivent servir de complément et de commentaire à celles que mon ambassadeur reçoit *, et selon lesquelles Vous agirez pour empêcher qu'une union qui pourrait se contracter entre la Russie et l'Angleterre ne soit fondée sur des principes et ne donne des résultats contraires à mes justes désirs.

Une réunion des moyens et des forces de la Russie et de la Grande-Bretagne formerait sans doute une grande masse de puissance et pourrait promettre les résultats les plus satisfaisants. Mais je ne voudrais y donner sincèrement les mains qu'autant que j'aurais la certitude qu'elle sera employée à un but réellement utile et bienfaisant. Je me suis déjà expliqué à ce sujet dans mon rescrit au comte de Vorontzoff * dont Vous êtes porteur. Cependant plusieurs points essentiels n'ont pu y être touchés que fort généralement, et c'est à Vous de recevoir et de porter en Angleterre à leur égard, des éclaircissements et de plus amples développements.

L'arme la plus puissante dont se soient servis jusqu'à présent les Français, et avec laquelle ils menacent encore tous les pays, est l'opinion universelle qu'ils ont su répandre, que leur cause est celle de la liberté et de la prospérité des peuples. Il serait honteux pour l'humanité qu'une cause aussi belle dût être considérée comme le but d'un gouvernement qui ne mérite sous aucun rapport d'en être le défenseur; il serait dangereux pour tous les Etats de laisser plus longtemps aux Français l'avantage marquant d'en conserver l'apparence. Le bien de l'humanité, l'intérêt véritable des autorités légales et la réussite de l'entreprise que se proposeraient les deux puissances, exigent qu'elles arrachent aux Français cette arme si formidable, et qu'en se l'appropriant, elles la fassent servir contr'eux-mêmes. Tel est le premier objet sur lequel je désire vivement de m'entendre, s'il est possible, avec le gouvernement britannique, et Vous le lui ferez envisager comme une condition absolue pour qu'il puisse exister une union intime et cordiale entre la Russie et l'Angleterre. Répugnant de faire rétrograder l'humanité (ce qui d'ailleurs vu l'élan qu'ont pris les lumières serait une entreprise vaine et qui tournerait au détriment de ses promoteurs), je voudrais que les deux gouvernements conviennent entre eux; que loin de prétendre rétablir dans les pays qu'il faudra affranchir du joug de Bonaparte, d'anciens abus et un état de choses, auquel des esprits qui ont goûté des formes de l'indépendance ne pourraient plus se faire, on s'efforcera au contraire de leur assurer la liberté fondée sur ses véritables bases. C'est sur ce principe qu'il faut, selon mon idée, que les deux puissances agissent ; et leur conduite, leur langage, leurs proclamations devraient y être constamment conformes.

Comme avant que de penser à libérer la France l'on pourra d'abord délivrer de son joug les pays qu'elle opprime, c'est à régler leur sort que l'on devra s'occuper en premier lieu.

Le roi de Sardaigne, envers lequel la Russie et l'Angleterre ont contracté des engagements, ne saurait être oublié dans la conduite et l'arrangement des affaires de l'Italie; et ce monarque sera peut-être le premier qui pourra donner un exemple utile. La sûreté de l'Europe exige qu'il soit non seulement rétabli dans ses Etats, mais que même son partage devienne aussi considérable que possible. Cependant les deux puissances en rétablissant le roi de Sardaigne sur son trône et en augmentant son lot peuvent très bien réunir leurs conseils efficaces afin de l'engager à donner à ses peuples une constitution libre et sage. S. m. sarde reconnaîtra sans doute elle-même combien son propre intérêt lui commandera de proclamer une telle promesse et de la tenir; et ce n'est qu'en adoptant ce genre de conduite que ce prince sera à même d'être personnellement d'une grande utilité pour la cause commune.

---

* См. док. 49.

L'existence politique de la Suisse intéresse essentiellement aussi la sûreté de l'Europe. Il est nécessaire d'arrondir autant que possible et d'affermir ce pays dans sa position; et je crois qu'il faut y établir un gouvernement calqué sur les localités et sur la volonté des habitants, qui sans retomber dans les inconvénients de leur ancien régime soit assez fort pour profiter des moyens que la Suisse possède et faire respecter sa neutralité.

Le même principe devrait être suivi à l'égard de la Hollande où l'on prendrait avec impartialité en considération le caractère et le vœu national pour décider la forme de gouvernement qu'on y favorisera; et si le rétablissement d'un Stadhouderat héréditaire est trouvé nécessaire, avec un pouvoir convenablement limité, les deux puissances s'entendront sur le choix de la famille que l'on y destinerait, lequel pourrait tomber ou sur quelque prince d'Allemagne qui aurait droit à notre intérêt particulier et sur les sentiments duquel on pourrait compter ou bien servir d'offre à l'un des membres des maisons de Prusse ou du Dannemarc afin d'engager l'une ou l'autre de ces puissances suivant les circonstances, d'agir de concert avec nous ; ou bien enfin deviendrait une compensation pour des cessions faites autre part dans l'arrangement des affaires générales.

J'en viens à la conduite que dans ma conviction il serait indispensable de tenir vis-à-vis de la France même. Après avoir par des succès au dehors et par les principes justes, bienveillants et libéraux qu'on y aura manifestés commandé la considération et réussi d'inspirer une confiance générale et méritée de manière que l'on pourra compter que toute promesse des coalisés fera une impression favorable sur la nation française, on lui déclarera que ce n'est pas à elle que l'on en veut, mais uniquement à son gouvernement aussi tyrannique pour la France que pour le reste de l'Europe, que d'abord on n'avait eu en vue que de délivrer de son joug les pays qu'il opprimait, que maintenant en s'adressant au peuple français on ne prêche ni la révolte, ni la désobéissance aux lois, mais qu'on engage tous les partis qui l'ont jusqu'ici divisé de s'en fier aux intentions des puissances coalisées qui ne désirent rien autre que d'affranchir la France du despotisme sous lequel elle gémit, de lui laisser le libre choix du gouvernement qu'elle voudra elle-même se donner, et qu'à cet égard, loin de vouloir imposer des chaînes, c'est pour les briser que l'on s'était uni. Posant comme décidé que pour le bien de l'Europe et de la France il est nécessaire que la constitution y soit monarchique, c'est de la part de la nation qu'on devra en attendre la proposition; on pourra tâcher de la faire naître, mais nullement déclarer cette intention trop tôt. Les cabinets de St.-Pétersbourg et de St. James conviendront de tous ces points et s'entendront sur l'individu et la famille qui pourrait être appelée à régner en France. Si c'est les Bourbons, lequel d'entr'eux, et dans quel moment on l'en informera, la conduite qu'on exigera de lui, les conditions auxquelles il devra souscrire et dont la plus essentielle serait de se soumettre à la constitution qui aurait été adoptée. Le choix est un objet que je regarde comme secondaire; et je n'y attacherai de mon côté de l'importance qu'autant qu'il pourra entraver ou faciliter nos opérations.

Ce n'est pas la place ni le moment de tracer les différentes formes de gouvernement, qu'il faudra établir dans les divers pays. Je Vous laisse une entière latitude pour traiter avec le ministère anglais sur cet objet important. Les principes, sans doute, devront être partout les mêmes, et c'est de quoi il faudrait avant tout convenir. Partout ils doivent être fondés sur les droits sacrés de l'humanité, produire l'ordre qui en est la suite nécessaire, partout le même esprit de sagesse et de bienveillance doit diriger les institutions; mais leur forme et l'application des mêmes principes pourra varier selon les localités ; et les deux puissances pour s'entendre à cet égard aviseront aux moyens de se procurer sur les lieux des données justes, impartiales et détaillées auxquelles

on puisse ajouter foi. C'est en suivant strictement une telle conduite, en arrachant enfin tous ses masques à un gouvernement scandaleux qui pour ses fins se sert alternativement du despotisme et de l'anarchie, en séparant soigneusement de sa cause celle des peuples qu'il tyrannise, et flattant et tranquillisant, autant par notre langage que par des faits, l'amour-propre susceptible de ceux-ci, qui se câbre s'il est blessé et redoute par-dessus tout d'être avili, que l'on pourra compter sur leur assistance sincère, réussir dans le plan noble et utile que l'on projetterait, et produire parmi les nations, pour les deux gouvernements bienfaisants qui l'auraient conçu, un enthousiasme général dont les effets pour la bonne cause seraient incalculables. Outre que les principes, sur lesquels je propose à l'Angleterre un concert intime, doivent être considérés comme étant le véritable et peut-être le seul moyen pour parvenir à restreindre la puissance française dans ses justes limites, ils contribueront aussi singulièrement à fixer sur des bases solides et durables la tranquillité future de l'Europe. Il me semble évident que ce grand but ne pourrait être regardé comme atteint, que lorsqu' on parviendrait d'une part à attacher les nations à leurs gouvernements en rendant les derniers capables de ne se conduire que pour le plus grand bien des peuples qui leur sont soumis, tandis que de l'autre on fixerait les rapports des Etats entr'eux sur des règles plus précises et qu'il serait de leur intérêt de respecter. Des méditations approfondies sur ces matières et l'expérience des siècles prouvent suffisamment que ces deux résultats ne sauraient être assurés qu'autant que l'ordre social intérieur sera fondé sur une liberté sage qui seule consolide les gouvernements, les entoure d'une certaine barrière contre les passions, l'ambition effrenée ou la démence qui égarent souvent les hommes qui se trouvent à leur tête ; et qu'en même temps le droit des gens, qui règle les rapports de la fédération européenne aura été rétabli sur ses véritables principes.

Au moment où l'influence des deux gouvernements qui deviendraient les sauveurs de l'Europe serait parvenue au plus haut degré de consistance et de force, faudrait-il ne pas s'en servir pour affermir et perfectionner un ouvrage que je suppose alors presqu'achevé. L'union, sans doute, qui aura déjà rendu possibles de si grands avantages doit durer pour les conserver et les augmenter encore s'il est possible. Rien n'empêcherait qu'à la suite de la paix on ne s'occupât d'un traité qui devienne la base des relations réciproques des Etats européens. C'est ce qui doit même nécessairement arriver au moment de la pacification générale, si l'on réussit à ne pas permettre les paix partielles, objet auquel les deux puissances seront éminemment intéressées d'employer leurs soins les plus suivis.

Lorsque le traité de Westphalie[80] fut négocié on s'était proposé un but à peu près semblable; mais le degré de lumière et les circonstances de ce temps ne permirent pas que cette œuvre qui passa longtemps pour le code de la diplomatie moderne répondît réellement aux avantages que l'on pouvait s'en promettre.

Ce n'est point le rêve de la paix perpétuelle qu'il s'agit de réaliser ; cependant l'on s'approcherait sous plus d'un rapport des résultats qu'il annonce si dans le traité qui terminerait la guerre générale l'on parvenait à fixer, sur des principes clairs et précis, les prescriptions du droit des gens. Pourquoi ne pourrait-on pas y soumettre le droit positif des nations, assurer les privilèges de la neutralité, insérer l'obligation de ne jamais commencer la guerre qu'après avoir épuisé les moyens qu'une médiation tierce peut offrir, avoir de cette façon mis au jour les griefs respectifs et tâché de les aplanir ? C'est sur de semblables principes que l'on pourrait procéder à la pacification générale, et donner naissance à une ligue dont les stipulations formeraient, pour ainsi dire, un nouveau code du droit des gens, qui sanctionné par la plus grande partie des Etats de

l'Europe deviendrait, sans peine, la règle immuable de la conduite des cabinets, d'autant que ceux qui prétendraient l'enfreindre risqueraient d'attirer sur eux les forces de la nouvelle union. Après tant d'alarmes, après avoir ressenti les inconvénients d'une indépendance précaire ou illusoire, la plupart des gouvernements voudront probablement appartenir à une ligue qui leur garantirait au plus haut point leur tranquillité et leur sûreté ; les Etats surtout de second ordre s'y rattacheraient de cœur et d'âme. Si l'on considère, en outre, que plusieurs d'entr'eux porteraient dans leur propre régime le germe de la tranquillité et un remède contre la marche violente du pouvoir arbitraire, que les lumières, l'exemple et la pente qu'y donneraient la Russie et l'Angleterre répandraient de plus en plus cet esprit de sagesse et de justice, l'on peut raisonnablement espérer que l'Europe jouirait alors pour longtemps d'un état de paix et de prospérité comme elle ne l'a jamais éprouvé. Mais c'est surtout le lien intime des cours de St.-Pétersbourg et de Londres qui garantirait la durée de cet état des choses. Ces deux puissances sont les seules en Europe qui pour maintes années ne sauraient avoir aucune jalousie, aucun intérêt contraire ; et leur union pouvant être durable sera par là même la plus propre pour empêcher que la paix ne soit troublée à l'avenir.

Il n'est pas douteux que pour rendre un tel arrangement encore plus solide, et si en le traçant on pouvait n'avoir en vue que le bien de la généralité des Etats et le bonheur de chaque nation en particulier, il faudrait en y procédant fixer aussi aux différents pays les limites qui leur sont les plus propres, il faudrait alors surtout s'attacher à suivre celles que la nature elle-même a indiquées soit par des chaînes de montagnes, soit par des mers, soit enfin par les débouchés qui doivent être assurés à chacun pour les productions de son sol et son industrie. Il serait nécessaire en même temps de composer chaque Etat de peuples homogènes qui puissent se convenir entr'eux et harmoniser avec le gouvernement qui les régit. Les commotions que l'Europe éprouve continuellement depuis tant de siècles ont pour cause en grande partie que l'on s'est totalement écarté de cet équilibre naturel. Jusqu'à quel point l'on pourrait s'en rapprocher par les arrangements qui suivront la pacification générale est un objet sur lequel il serait difficile de rien dire dans ce moment, car il dépendra plus que tout autre de la manière dont on sera obligé de conduire l'exécution des opérations arrêtées en y faisant concourir d'autres puissances, et de la tournure que prendront les événements. Sur quoi, cependant, l'on peut dès à présent convenir c'est qu'il est nécessaire de renforcer autant que possible les Etats de second ordre, afin qu'ils soient capables de soutenir un premier choc et d'attendre les secours que les puissances protectrices et les autres membres de la ligue dont ils feraient partie pourraient leur donner.

Il est évident aussi que l'existence de trop petits Etats ne serait pas d'accord avec le but qu'on se propose, puisque n'ayant aucune force intrinsèque, ils ne servent que d'appas et de moyens à l'ambition, sans pouvoir être d'aucune utilité au bien général. On ne saurait remédier à cet inconvénient qu'en les réunissant à des Etats plus grands, ou bien en formant parmi les petits des unions fédératives. La nécessité d'enchaîner la France et de former des contrepoids pour l'Autriche et la Prusse exige que ces considérations ne soient pas oubliées relativement à l'Italie et principalement à l'égard de l'Allemagne. Cet empire semble par sa constitution donner plus de prise à un changement convenable ; mais il ne faut qu'un moment de réflexion pour se convaincre que cette facilité n'est qu'apparente. La situation actuelle de l'association germanique est assurément peu compatible avec le bien de ses peuples et celui de l'Europe. Faudra-t-il laisser englober une partie de cette masse par les deux puissances qui la convoitent depuis longtemps et former tout au plus au milieu de l'Allemagne un troisième grand Etat? Cette mesure serait accompagnée par tant d'injustice

envers les princes de l'empire que l'on devrait déposséder, qu'il est difficile d'y penser. Pourra-t-on jamais réussir d'établir une union plus intime, une espèce de gouvernement fédératif plus concentré entre les divers Etats qui composent l'Empire germanique, et dans cette supposition ne serait-il pas désirable d'en séparer les monarchies autrichienne et prussienne dont les forces trop disparates y détruisent tout équilibre et tout esprit de corps et de patriotisme? Ce sont des questions qu'il faudrait prendre en mûre délibération s'il s'agissait de régler le sort de l'Allemagne.

Je n'ai pas voulu sur chaque objet dont traite cette instruction entrer dans les détails qu'ils exigeraient et dont plusieurs demanderaient à être médités et développés séparément par des hommes capables que l'on choisirait à cet effet. Mais il suffisait que le ministère anglais goûtât d'abord mon idée et la saisisse, se pénetre de la nécessité d'agir sur ce principe, et je ne doute pas alors que le génie et les lumières des personnes qui composent l'administration, animées par l'amour du bien de l'humanité, ne nous fournisse beaucoup de développements désirables et de nouveaux aperçus qui nous échappent encore.

Une fois portés par les mêmes vues et par les mêmes sentiments les deux gouvernements s'entendraient facilement sur la conduite qu'ils auraient à suivre vis-à-vis des autres puissances que l'on ferait coopérer à la lutte. La crainte de perdre l'appui de la Russie et les subsides de l'Angleterre engagera l'Autriche à se diriger par nos impulsions dans la guerre qu'elle est portée de commencer en commun. Il sera difficile de faire entrer de bon gré la Prusse dans aucun concert contre la France. Les engagements de cette puissance avec la Russie Vous sont connus. On sera dans le cas de se décider s'il ne conviendra pas de la forcer plutôt à prendre un parti pour ou contre, que de l'avoir neutre. La Russie peut surtout lui en imposer; et le cabinet de Berlin par les engagements doubles qu'il vient de prendre en promettant de ne laisser passer ni les troupes russes ni les françaises pourra se trouver dans la position difficile qu'il voulait esquiver.

Quels que soient les coopérateurs qu'on aura, le ministère anglais, s'il entre une fois dans mes idées, sentira la nécessité de ne point leur laisser pénétrer nos vues jusqu'au fond, de se borner à les diriger vers le but proposé par les moyens que nous aurons d'agir sur eux et dont il faudra se servir habilement et d'un commun accord.

L'Empire ottoman est encore un pays dont le sort influera sur celui du reste de l'Europe. Le concert le plus intime est nécessaire entre la Russie et l'Angleterre à l'égard de la conduite à tenir relativement à cet empire. L'on ne peut disconvenir que sa faiblesse, l'anarchie de son régime et le mécontentement croissant de ses sujets chrétiens sont autant d'éléments qui font spéculer l'ambition et qui sont diamétralement opposés aux principes qui ont été mis en avant dans cette instruction comme étant les seuls capables d'amener une tranquillité stable en Europe. Il serait donc sans doute à désirer d'en venir relativement à ce pays à quelqu'arrangement conforme au bien de l'humanité et aux préceptes de la saine politique. Mais jusqu'à quel point on pourra y parvenir ne saurait être prévu pour le moment. La loyauté à laquelle les deux puissances ne voudront pas manquer même envers un gouvernement essentiellement tyrannique s'y opposera surtout ; cependant s'il se joignait aux Français (car on ne saurait jamais être entièrement assuré de la sincérité de ses sentiments), ou que leur attaque et les circonstances qui en résulteraient rendent l'existence de l'Empire turc en Europe impossible, les deux puissances s'accorderont entr'elles sur la manière dont il sera à propos de régler le sort de ses différentes parties. Tant que le gouvernement turc pourra être conservé en Europe, il sera nécessaire de ne pas perdre sa confiance, mais à tout événement les considérations ci-dessus énoncées ne doivent pas être perdues de vue dans

nos rapports avec lui et doivent être mûrement pesée principalement avant que de se décider au renouvellement du traité d'alliance qu'il propose à la Russie et à l'Angleterre**. En y consentant il faudra du moins assurer s'il est possible une existence plus heureuse aux peuples chrétiens qui gémissent sous la domination de la Porte, par là même la rendre moins précaire et puisque l'on fait tant que de conserver l'Empire turc, prévoir le parti que l'on pourra tirer pour la bonne cause de ce gouvernement tout débile qu'il est, afin d'amener la France à nos fins à laquelle une rupture avec la Porte pourrait être dommageable sous plus d'un rapport. Mon ambassadeur à Londres d'après les instructions * *qu'il a reçues à ce sujet et qui sont rédigées dans le même sens aura déjà entamé une discussion sur cette matière importante avec le ministère britannique : comme elle doit nécessairement rentrer dans l'ensemble d'un arrangement général, elle devait trouver place ici, et Vous porterez Vos soins à ce que cette partie se combine convenablement avec le reste du plan que l'on adopterait.

C'est le moment de faire mention de l'obligation où se trouveraient les deux puissances à la fin d'une lutte aussi coûteuse de se ménager pour soi quelques avantages qui les dédommagent des frais qu'elles auraient supportés et qui leur servent de témoignage aux yeux de leurs nations comme quoi leurs intérêts n'ont pas été oubliés. La Russie, en particulier, a le droit d'exiger que si ses voisins, tels que l'Autriche, la Prusse, la Suède, reçoivent des avantages qu'on ne saurait ne pas leur promettre pour les engager d'agir, elle en obtienne à son tour d'équivalents. Une dernière considération vient à l'appui de ce raisonnement, c'est que la tranquillité de l'Europe ne pourra être conservée qu'au moyen de la ligue qui se formera sous les auspices de la Russie et de l'Angleterre à laquelle se rattacheront tous les Etats du second ordre et tous ceux qui désireront réellement de rester en paix. Cette ligue tiendra en respect ceux qui prétendraient la troubler. Or pour qu'elle ait une consistance réelle et qu'elle ne trompe pas dans ses résultats, il faut que les deux puissances protectrices conservent un certain degré de prépondérance dans les affaires de l'Europe, car elles sont les seules qui par leur position sont invariablement intéressées à ce que l'ordre et la justice y règne, les seules qui par leur union peuvent les maintenir et qui étant libres de désirs et d'intérêts croisés ne troubleront jamais cette heureuse tranquillité.

Entre les points importants dont Vous auriez à traiter avec le gouvernement anglais le plus difficile sera de lui faire sentir la convenance et la nécessité, au moment où de concert avec la Russie il rétablirait l'ordre et la justice en Europe, de se prêter à faire aussi quelques changements à son code maritime. C'est le seul côté par lequel le cabinet britannique n'est pas à l'abri de reproches et qui donne des facilités à son ennemi de lui nuire en exaspérant l'intérêt lésé des puissances neutres. Quelque condescendance à cet égard qui ne ferait aucun tort réel au commerce et à la prépondérance des Anglais sur mer, détruirait toute méfiance et toute crainte des Etats neutres et les attacheraient sincèrement à la Grande-Bretagne. Je crois Vous avoir suffisamment énoncé mes idées sur les objets que Vous pourriez être dans le cas de discuter avec le ministère anglais. C'est à Vôtre discernement à juger dans quel ordre et dans quel moment Vous les lui présenterez et quelle extension Vous devrez leur donner. Si je n'ai fait qu'indiquer les points et toucher les principes, Vous êtes en état d'y ajouter de Vous-même tous les développements nécessaires, de provoquer ceux du ministère anglais, de pénétrer ses véritables dispositions, d'éviter en toute chose de Vous compromettre inutilement, de tâcher au contraire de les mettre eux en avant, de leur faire proposer ce que je désire d'accepter, en un mot de suppléer à tout ce que cette instruction n'a pu embrasser.

** См. док. 45.

Quoique mon désir de ne pas faire manquer une négociation qui peut avoir des résultats aussi importants pour l'humanité m'a forcé de ne pas en confier tous les détails à mon ambassadeur près de la cour de Londres, craignant qu'une manière différente de voir n'influe trop sur sa conduite et n'empêche toute réussite, Vous aurez soin cependant de ne rien négliger pour qu'il ne puisse se trouver peiné et lésé par Vos démarches; Vous tâcherez au contraire de lui faire naître les mêmes idées et de les lui inspirer par la voie des ministres anglais. Les longs services et les mérites du comte de Vorontzoff exigent que j'use de toute délicatesse à son égard et je serais fâché de lui causer de la peine; en conséquence, autant que le bien des affaires n'en souffrira pas, c'est lui qui devrait conduire la négociation et même s'il est possible la terminer. Le rescrit * que je lui adresse aujourd'hui est fait pour lui donner une première impulsion. Ce sera à Vous de la diriger plus loin et de m'instruire des suites qu'auront Vos diverses insinuations.

Vous aurez soin de m'informer exactement de tout ce qui aura rapport à Votre commission. Du reste, je m'en repose entièrement sur Votre savoir-faire, Votre prudence et Votre zèle dans une tâche, de l'importance de laquelle Vous êtes pénétré et dont Vous ne devez progressivement mettre en avant les différents articles qu' à mesure que Vous aurez une probabilité suffisante de les voir réussir. Vous êtes muni d'une lettre de ma part pour le roi d'Angleterre dont Vous ferez usage quand Vous le jugerez nécessaire et en vertu de laquelle Vous pourrez même signer quelque transaction. En laissant à mon ambassadeur l'emploi de conclure l'acte plus public, Vous pourrez aussi signer des articles séparés et secrets dont le texte et le considérant se puisera facilement dans mes présentes instructions. Toutefois je ne pense pas que ces objets puissent mûrir de si tôt, et dans ce cas il y aura du temps, suivant les circonstances, soit pour envoyer là-bas les pleins pouvoirs nécessaires, soit pour en munir ici l'ambassadeur d'Angleterre (dont je désirerais que le personnel répondît à ce qu'exige cette négociation) afin qu'il puisse conclure définitivement avec mon ministère sur les bases préalablement discutées à Londres.

Je ne Vous cacherai pas avant que de finir que je suis convaincu que pour que le vaste plan que je médite puisse être admis dans son exécution, il faudrait un ministère, où tous les partis, tous les premiers talents de l'Angleterre soient réunis et qui, fort d'une aussi grande masse de lumières et de toute la confiance de la nation, soit en état de déployer ses moyens immenses et de marcher avec persévérance au but qu'il se serait proposé. Vous devez donc tendre principalement à effectuer changement si nécessaire dans l'administration anglaise.

Mon ministère est chargé de Vous mettre au fait de la situation présente des affaires en Europe, des engagements jusqu'ici contractés entre nous et différentes cours, de nos rapports avec celle de Londres et des dépêches adressées au comte de Vorontzoff. Ces données seront propres à Vous faire connaître le point duquel nous partons. Il faudra s'y tenir et mettre même une sorte de réserve dans nos offres de coopération, au cas que le cabinet britannique se montre incapable d'entrer dans des vues grandes et généreuses. C'est en le convainquant qu'il ne saurait alors compter sur un concert intime et sincère avec la Russie que l'on pourra parvenir peut-être à l'y engager ; et sur ce point Vous ne manquerez pas dans son temps de vous expliquer clairement avec le ministère anglais et de m'avertir ici de ce que Vous en penserez, afin d'éviter autant que possible de s'embarquer dans une entreprise qui nécessiterait beaucoup de frais et de pertes sans produire d'effet stable, ni atteindre à un but réellement bon et désirable.

Cependant comme il est possible que nous soyons entraînés à la guerre par une attaque de la France, il ne faudrait pas non plus dans ce cas s'obstiner à obtenir de prime abord toutes les conditions auxquelles nous voudrions viser

par le concert projeté, d'autant que le développement de plusieurs d'entr'elles peut être abandonné au temps ; et si malgré la réserve de la conduite de notre cabinet nous nous trouvons plus avancés que je ne le désirerais, je crois nécessaire de ne pas laisser échapper un bien possible et de s'assurer d'une partie des avantages si même le tout ne saurait être atteint, afin qu'en courant après l'impossible nous ne soyons pas pris au dépourvu et qu'à tout événement nous puissions sortir de la crise actuelle avec honneur, sans dommage et sans pouvoir être taxés de légèreté ou d'inconséquence. Je suis...

Alexandre***

Печат. по подлиннику.
Опубл. с купюрами Czartorisky, Mémoires, t. 2, p. 27—45.

Перевод

Господин камергер, товарищ министра юстиции Новосильцев. Несмотря на мое полное доверие к усердию и опытности моего посла при английском дворе, род и важность теперешних обстоятельств, могущих иметь решающее значение для спокойствия России и для судеб Европы, требуют в настоящий момент присутствия в Англии такого лица, которое, пользуясь с давних пор моим безграничным доверием, вполне было бы посвящено в мои взгляды и намерения и могло бы в силу этого точно и определенно уведомить меня, в какой степени английский двор склонен разделить их, а также было бы в состоянии придать переговорам желательное для меня направление.

Я не мог бы найти человека, более подходящего для выполнения столь важного и сложного поручения, чем Вы, поскольку Вы обладаете всеми требуемыми данными для успешного его исполнения. Итак, посылая Вас в Англию, я даю Вам эти секретные инструкции, которые должны послужить дополнением и пояснением к инструкциям*, получаемым моим послом; Вы будете руководствоваться ими в Ваших действиях, имея в виду ту цель, чтобы возможный союз между Россией и Англией не был основан на принципах и не привел к результатам, которые противоречили бы моим справедливым стремлениям.

Объединение средств и сил России и Великобритании создало бы, без сомнения, огромную мощь и могло бы позволить надеяться на самые удовлетворительные результаты. Но я намерен участвовать в нем лишь постольку, поскольку буду убежден в том, что оно послужит действительно полезной и благодетельной цели. Я уже высказался на этот счет в рескрипте * графу Воронцову, который Вы везете с собой, но некоторые весьма важные пункты могли быть затронуты в нем лишь в самой общей форме, и именно Вам должны быть даны более детальные разъяснения и дополнения для сообщения их Англии.

Самое могучее оружие французов, которым они до сих пор пользовались и которое все еще представляет в их руках угрозу для всех стран, заключается в убеждении, которое они сумели распространить повсеместно, что они действуют во имя свободы и благоденствия народов. Было бы постыдно для человечества, если бы столь благородное дело считалось целью правительства, не достойного ни в каком отношении выступать ее поборником; для всех государств было бы опасно оставлять за французами и на будущее время важное преимущество обладания подобной репутацией. Для блага человечества, действительных интересов законных правительств и успеха предприятия, намечаемого обеими нашими державами, необходимо, чтобы это грозное оружие было вырвано из рук французов и обращено против них самих. Таков первый вопрос, по которому весьма желательно, если это возможно, договориться с британским правительством, и Вы должны дать понять, что это непременное условие установления тесного и сердечного союза между Россией и Англией. Не желая заставлять человечество идти в направлении, обратном прогрессу (что, впрочем, ввиду успехов, достигнутых просвещением, было бы предприятием, обреченным на неудачу, которое обернулось бы против самих его вдохновителей), я хотел бы, чтобы оба наши правительства согласились между собой не только не восстанавливать в странах, подлежащих освобождению от ига Бонапарта, прежний порядок вещей со всеми его злоупотреблениями, с которым умы, познавшие независимость, не будут уже более в состоянии примириться, но, напротив, постарались бы обеспечить им свободу на ее истинных основах. По моему мнению, обе державы должны руководствоваться именно этим принципом и неизменно согласовывать с ним свой образ действий и все свои выступления.

Поскольку прежде чем приступать к освобождению самой Франции, представится возможность избавить от ее ига угнетаемые ею страны, то в первую очередь следует заняться вопросом об их судьбе.

*** Контрассигновано А. Чарторыйским.

Король Сардинии, по отношению к которому Россия и Англия взяли на себя определенные обязательства, не должен быть забыт при устройстве итальянских дел; монарх этот, быть может, одним из первых покажет полезный пример. Безопасность Европы требует, чтобы ему не только возвратили его владения, но и чтобы доля, которую он получит при переделе, была возможно более значительной. Россия и Англия, восстановив сардинского короля на троне и увеличив его владения, без труда смогут объединить свои усилия для того, чтобы побудить его дать своим подданным свободную и мудрую конституцию. Его сардинское в-во, несомненно, и сам должен будет признать, насколько его собственные интересы требуют того, чтобы он дал такое обещание и сдержал его, и только следуя этой линии поведения, этот государь получит возможность лично принести большую пользу общему делу.

Политическое существование Швейцарии также весьма важно для безопасности Европы. Необходимо округлить насколько возможно территорию этого государства и упрочить его положение; мне представляется также необходимым учредить там правительство, которое отвечало бы местным условиям и воле населения, не впадало в ошибки прошлого режима и было достаточно сильным, для того чтобы использовать имеющиеся у Швейцарии средства и заставить уважать свой нейтралитет.

Тот же принцип следовало бы применить и к Голландии. При решении вопроса о желательной форме правления в этой стране следовало бы беспристрастно принять во внимание характер нации и ее мнение и если будет найдено необходимым восстановить в ней наследственное штатгальтерство с надлежащим ограничением власти, то обе державы по совместному соглашению должны будут избрать для этого династию. Выбор можно остановить на каком-либо германском принце из числа тех, которые имеют право на особенное наше внимание и на чьи чувства можно будет вполне положиться; можно также предложить трон кому-нибудь из членов прусского или датского владетельных домов, и этим побудить ту или другую из этих держав, смотря по обстоятельствам, действовать совместно с нами; можно, наконец, сделать из этого компенсацию за какие-нибудь уступки, которые будут оказаны кем-либо при общем устройстве европейских дел.

Теперь перехожу к тому образу действий, которого, по моему убеждению, необходимо придерживаться по отношению к самой Франции. После того как нам удастся, благодаря одержанным вне Франции успехам и проявленным при этом доброжелательности и справедливым и либеральным принципам, завоевать уважение и внушить к себе всеобщее и заслуженное доверие, так чтобы можно было рассчитывать на то, что всякое обещание союзных держав произведет благоприятное впечатление на французскую нацию, мы объявим ей, что выступаем не против нее, а исключительно против ее правительства, угнетающего как саму Францию, так и остальную Европу; мы укажем, что сначала мы имели в виду лишь освободить от ига этого тирана угнетаемые им страны; что теперь, обращаясь к французскому народу, мы не призываем его ни к мятежу, ни к неповиновению законам, а предлагаем всем партиям, на которые он был до сих пор разделен, с доверием отнестись к намерениям союзных держав, желающих лишь одного — освободить Францию от деспотического гнета, под которым она стонет, и предоставить ей свободу выбрать такое правительство, какое она сама пожелает; что мы объединились для того, чтобы избавить Францию от ее прежних цепей, а отнюдь не для того, чтобы налагать на нее новые. Мы принимаем за принцип, что для блага Европы и Франции необходимо, чтобы форма правления во Франции была монархической, но нужно будет, чтобы предложение об этом исходило от самой нации; можно будет посодействовать появлению такого предложения, но отнюдь не следует слишком рано заявлять о подобных намерениях. Санкт-петербургский и сент-джемский кабинеты должны будут договориться относительно всех этих вопросов, а также совместно наметить династию и лицо, которое решено будет призвать на французский трон. Если это будут Бурбоны, то кого именно из них, когда он будет об этом уведомлен, какого образа действий мы от него потребуем и, наконец, на какие условия он должен будет согласиться. Главным из них будет обязательство соблюдать конституцию, которая будет принята. На кого именно падет выбор, это, по моему мнению, дело второстепенное и я буду придавать ему значение лишь постольку, поскольку это будет препятствовать или способствовать нашим действиям.

Здесь не время и не место намечать будущие формы правления для различных стран. Предоставляю Вам полную свободу в обсуждении этого важного вопроса с английским министерством. Конечно, принципы должны оставаться во всяком случае неизменными, и об этом Вам следует условиться с ним прежде всего. Эти принципы повсюду должны основываться на священных правах человечества и вести к установлению такого порядка, который является их необходимым следствием; при этом повсюду следует руководствоваться все тем же духом мудрости и благожелательности, но формы и способ практического осуществления одних и тех же принципов могут изменяться в зависимости от местных особенностей. Чтобы прийти к соглашению на этот счет, обе державы должны постараться добыть на местах точные, беспристрастные и подробные данные, на которые можно было бы положиться. Необходимо строго следовать такому образу действий; сорвать, наконец, маску с недостойного правительства, прибегающего для достижения своих целей поочередно то к деспотизму, то к анархии; тщательно отделять его дело от дела угнетаемых его тиранией народов; щадить и успокаивать как заявлениями, так и действиями болезненное самолюбие этих народов, более всего опасающихся унижения. Только в этом случае можно будет рассчитывать на их искреннюю помощь,

на успешное выполнение намеченного полезного и благородного плана и на благоприятный для держав, инициаторов этого плана, энтузиазм среди народов, полезные последствия чего для правого дела будут неисчислимы. Не говоря уже о том, что принципы, на которых я предлагаю Англии заключить тесный союз, должны рассматриваться как действительное и, быть может, единственное средство для того, чтобы ограничить французское могущество в справедливых границах, они, помимо этого, будут весьма способствовать созданию прочных и долговечных основ будущего спокойствия Европы. Мне кажется очевидным, что эту великую цель нельзя будет считать достигнутой до тех пор, пока не удастся, с одной стороны, обеспечить привязанность народов к их правительствам, добившись того, чтобы эти последние действовали исключительно на пользу подчиненных им народов, с другой — установить взаимные отношения между державами на более определенных началах, соблюдение которых отвечало бы их собственным интересам. Глубокое изучение этого вопроса и опыт многих веков достаточно доказывают, что этих двух результатов можно добиться лишь постольку, поскольку внутренний социальный порядок будет основан на разумной свободе, которая только и укрепляет власть правительств, служит известной преградой для страстей необузданного честолюбия или каких-либо безумных идей, часто уводящих с истинного пути людей, стоящих во главе нации, и поскольку международное право, регулирующее отношения европейского сообщества держав, будет восстановлено на его истинных началах.

Возможно будет целесообразно в момент, когда влияние двух правительств, которые стали бы спасителями Европы, было бы наиболее сильным, воспользоваться этим, для того чтобы закрепить успех этого предприятия, которое, я думаю, можно будет считать тогда почти завершенным. Наш союз, который обеспечит столь важные достижения, несомненно, должен будет продолжать существовать для того, чтобы сохранить их, а если возможно, то достичь и еще большего. Ничто не помешает по установлении мира заняться выработкой договора, который стал бы основой международных отношений европейских держав. Это обязательно должно будет иметь место при всеобщем умиротворении, если только удастся воспрепятствовать заключению отдельных мирных договоров, и обе державы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы употребить все старания для достижения этой цели.

При заключении Вестфальского договора [80] преследовалась подобная же цель, но вследствие недостаточного уровня просвещения и других обстоятельств той эпохи договор этот, считавшийся долгое время кодексом современной дипломатии, не смог в действительности дать тех результатов, которые имелись в виду при его заключении.

Конечно, здесь идет речь не об осуществлении мечты о вечном мире, но все же можно было бы во многом приблизиться к благам, которые ожидаются от такого мира, если бы в договоре, который будет заключен после всеобщей войны, удалось зафиксировать на основе ясных и точных принципов требования международного права. Почему нельзя было бы подчинить им положительное право государств, гарантировать права нейтральности и включить обязательство никогда не начинать войны, не исчерпав предварительно всех средств, предоставляемых третейским посредничеством, и не выяснив таким образом взаимных претензий и не попытавшись их уладить? Именно на таких принципах можно было бы осуществить всеобщее умиротворение и создать союз, постановления которого образовали бы, так сказать, новый кодекс международного права. Будучи одобрен большинством европейских держав, он мог бы стать непременным правилом политики всех кабинетов тем более, что те, кто вознамерился бы посягнуть на него, рисковали бы иметь дело с объединенными вооруженными силами нового союза. После стольких тревог, испытав все неудобства непрочной призрачной независимости, большая часть правительств, по всей вероятности, пожелает примкнуть к союзу, который надежно гарантировал бы их спокойствие и безопасность. В особенности же и сердцем и душой должны примкнуть к нему второстепенные державы. Если принять во внимание, что многие из них внесут в свое внутреннее устройство задатки миролюбия и ограничат возможность необузданных действий самовластия, что успехи просвещения, а также пример и воздействие России и Англии будут способствовать все большему распространению духа благоразумия и справедливости, то будут все основания надеяться, что Европа получит тогда возможность наслаждаться в течение длительного времени спокойствием и благополучием, какими она никогда раньше не пользовалась. Но наилучшей гарантией прочности такого порядка вещей послужит тесный союз петербургского и лондонского дворов. Только эти две державы в Европе избавлены на долгие годы от зависти друг к другу и от столкновения противоположных интересов, и союз их своею прочностью лучше всего сможет воспрепятствовать нарушению мира в будущем.

Несомненно, что в целях более надежного закрепления такого порядка вещей, и если бы оказалось возможным при введении его руководствоваться единственно только общим благом всех держав и каждой нации в отдельности, следовало бы установить для каждой страны наиболее удобные и подходящие границы. В особенности следовало бы при этом придерживаться границ, указанных самой природой, а именно: горных цепей, морей или выходов для обеспечения каждой стране возможности сбыта ее сельскохозяйственной и промышленной продукции. Необходимо было бы в то же время стремиться к тому, чтобы в состав каждого государства входили однородные национальности, которые могли бы жить согласно между собою и со своим правительством. Потрясения, переживавшиеся Европой в течение стольких веков, происходили большей частью в результате полного несоблюдения этого естественного рав-

новесия. Но трудно еще сказать, в какой степени можно будет достичь этой цели, так как осуществление ее, более чем что-либо другое, будет зависеть от того, каким образом придется проводить в жизнь намеченные мероприятия, привлекая другие державы, а также от оборота, который примут обстоятельства. Но все же можно уже и теперь договориться, что необходимо, насколько возможно, укрепить второстепенные государства, чтобы они были в состоянии выдержать первое столкновение и дождаться помощи, которую державы-покровительницы и другие члены союза, в состав которого они вошли бы, могли бы им оказать.

Ясно также, что существование слишком мелких государств не может согласоваться со ставящейся нами целью, ибо благодаря своему бессилию они будут служить только приманкой, предметом честолюбивых притязаний, не принося никакой пользы общему благу. Единственным выходом из такого затруднения является присоединение их к более сильным державам или объединение их в федеративные союзы. Необходимость связать руки Франции и образовать противовес для Австрии и Пруссии требует, чтобы эти начала были применены к Италии и в особенности к Германии. Может показаться, что в Германской империи благодаря ее устройству легче осуществить соответствующее переустройство, но достаточно хоть немного подумать, чтобы убедиться, что эта легкость является только кажущейся. Настоящее положение германского союза мало, конечно, совместимо с благом его народов и Европы. Нужно ли будет позволить поглотить часть этой массы двум державам, давно зарящимся на нее, и образовать в Германии самое большее, третье крупное государство? Эта мера сопровождалась бы столькими несправедливостями по отношению к имперским князьям, которых пришлось бы лишить их владений, что трудно об этом и думать. Удастся ли когда либо создать более тесный союз между государствами, составляющими Германскую империю, нечто вроде более централизованного федеративного правительства; не следовало ли бы в этом предположении отделить от нее австрийскую и прусскую монархии, которые несоразмерностью сил подрывают в ней всякое равновесие, солидарность и дух патриотизма? Эти вопросы нужно было бы серьезно обсудить, когда будет решаться судьба Германии.

Я не хотел входить в подробности относительно всех вопросов, включенных в эту инструкцию; многие из них требуют специального обсуждения и разработки избранными для этой цели компетентными лицами. Достаточно будет, если английское министерство поймет и разделит мою идею и проникнется необходимостью действовать в соответствии с этим принципом. Я не сомневаюсь, что в этом случае талант и знания лиц, стоящих во главе государства, одушевленных любовью к благу человечества, обогатят нас многими желательными предложениями и еще какими-либо новыми суждениями, которые, быть может, мы в настоящее время упускаем из виду.

Раз оба правительства будут руководствоваться одинаковыми чувствами и стремлениями, им легко будет сговориться об их образе действий по отношению к державам, которые будут привлечены к участию в этой борьбе. Опасение потерять поддержку России и субсидии Англии заставит Австрию действовать в войне, которую она готова начать совместно с нами, сообразно с нашими внушениями, но Пруссию будет трудно заставить добровольно войти в какую бы то ни было коалицию против Франции. Обязательства этой державы по отношению к России Вам известны. Придется решать вопрос, не будет ли для нас выгоднее принудить ее занять определенную позицию, т. е. за или против нас, чем позволить ей оставаться нейтральной. Россия в особенности может подействовать на нее, и берлинский кабинет, в связи с недавно принятым им двойным обязательством не пропускать ни русских, ни французских войск, может очутиться в том именно затруднительном положении, которого желал избежать.

Кто бы ни были наши союзники, английское министерство, если оно согласится с моими соображениями, само поймет необходимость не давать этим союзникам проникать до конца в наши намерения, но ограничиться лишь направлением их к намеченной цели, прибегая для этого к тем средствам воздействия на них, которые будут в нашем распоряжении и которыми надо будет пользоваться весьма умело и с общего согласия.

Судьба Оттоманской империи также будет иметь влияние на участь остальной Европы. Что касается плана действий по отношению к ней, то необходимо, чтобы Россия и Англия проявили в этом полнейшую согласованность. Нельзя отрицать того, что ее слабость, анархический характер ее строя и все увеличивающееся недовольство ее христианских подданных создают условия для появления захватнических замыслов и противоречат принципам, выдвигаемым в этой инструкции как единственное средство установления прочного спокойствия в Европе. Поэтому, конечно, было бы желательно прийти к какому-либо соглашению, соответствующему благу человечества и принципам здравой политики. Но в какой мере это достижимо, предвидеть пока невозможно. Осуществлению этого плана особенно будет мешать то, что обе державы не пожелают действовать нечестно даже по отношению к правительству, по существу тираническому. Но если оно присоединится к французам (ведь никогда нельзя быть вполне уверенным в искренности его чувств) или же если в результате их нападения и обстоятельств, которые явятся следствием этого, существование Оттоманской империи в Европе станет невозможным, то в этом случае обе державы должны будут договориться между собой, каким образом лучше устроить судьбу ее различных частей. До тех же пор пока возможно будет сохранять власть турецкого правительства в Европе, необходимо будет не терять его доверия; но на всякий случай изложенные выше соображения не должны упускаться

из виду в наших отношениях с ней и в особенности должны быть тщательно взвешены до того, как будет решено принять его предложения России и Англии о возобновлении союзного договора[61]. Если мы дадим на это свое согласие, то необходимо будет в случае возможности обеспечить по крайней мере более сносное существование христианским народам, стонущим под владычеством Порты, и тем самым сделать и ее собственное положение менее шатким. И если уж мы делаем столько для сохранения Турецкой империи, то нужно будет обдумать, как с выгодой использовать для правого дела это правительство, как бы оно ни было непрочно. Это необходимо для того, чтобы добиться наших целей в отношении Франции, которой разрыв с Портой может принести ущерб во многих отношениях. Моему послу в Лондоне были даны на этот счет составленные в таком же духе инструкции **, и он, вероятно, уже начал с британским министерством переговоры по этому важному вопросу. Так как этот вопрос с необходимостью должен быть решен при общем урегулировании, я упомянул здесь о нем, и Вы должны будете постараться, чтобы эта часть была согласована должным образом с остальными положениями плана, который будет принят.

Теперь пора упомянуть и о том, что по окончании этой борьбы, которая потребует столь великих жертв, обе державы должны будут обеспечить и для себя известные выгоды как в вознаграждение понесенных ими потерь, так и для того, чтобы доказать своим подданным, что не были забыты также и их интересы. Если соседи России, как, например, Австрия, Пруссия и Швеция, получат выгоды, которые придется им пообещать, чтобы побудить их действовать, то Россия будет вправе требовать того же и для себя. В подтверждение этого можно привести еще то соображение, что спокойствие Европы может быть достигнуто исключительно при помощи союза, образованного под покровительством России и Англии, к которому примкнут второстепенные державы и все, кто искренне желает мира. Союз этот будет устрашать тех, кто захотел бы его нарушить. Но чтобы он получил реальную силу и чтобы его результаты не обманули наших ожиданий, обеим державам-покровительницам необходимо сохранить преобладающее влияние на европейские дела, ибо только они по своему положению неизменно останутся заинтересованными в поддержании порядка и справедливости и благодаря своему союзу будут в состоянии поддерживать их; наконец, только они никогда не нарушат этот благодетельный мир, ибо их интересы и стремления не сталкиваются.

Во время переговоров по тем важным вопросам, которые Вам придется обсуждать с английским правительством, труднее всего будет убедить его в необходимости внести некоторые изменения в его морской кодекс в момент, когда оно вместе с Россией восстановит порядок и справедливость в Европе. Это единственный уязвимый пункт в политике британского кабинета, который дает неприятелю благоприятную возможность вредить Англии, раздувая недовольство нейтральных держав, интересы которых им ущемляются. Некоторые уступки в этом отношении не нанесли бы существенного ущерба ни торговле, ни преобладанию Англии на море, а между тем уничтожили бы всякое недоверие и боязнь нейтральных государств и вызвали бы у них искреннюю к ней привязанность. Полагаю, что я достаточно подробно изложил Вам мои взгляды по вопросам, которые, очевидно, Вам придется обсуждать с английским министерством. Полагаясь на Вашу рассудительность, предоставляю Вам самому решить, в какой последовательности, в какой момент и в каком объеме Вы их ему изложите. Здесь я только указываю основные пункты и намечаю принципы, Вы же можете прибавить в развитие их все необходимые дополнения, добиваться того, чтобы и само английское министерство делало их, стараться проникнуть в его действительные намерения, избегая во всяком случае высказываться без надобности слишком откровенно, а напротив, заставлять их говорить первыми и вынуждать их самих предлагать то, что мне было бы желательно,— одним словом, Вы должны восполнить все то, что в этой инструкции, быть может, не в достаточной степени охвачено.

Хотя мое желание достигнуть успеха в этих переговорах, могущих иметь столь важные последствия для человечества, и побудило меня не посвящать во все их подробности моего посла в Лондоне из опасения, чтобы различие во взглядах на вещи не повлияло на его действия и не помешало успеху дела, Вы все же должны приложить все усилия, чтобы не дать ему никоим образом почувствовать себя оскорбленным и обойденным Вашими действиями. Напротив, постарайтесь убедить его и внушить ему через английских министров изложенные здесь взгляды. Долговременная служба и заслуги графа Воронцова требуют с моей стороны по отношению к нему большой деликатности, и мне было бы весьма неприятно его огорчать. Поэтому, поскольку это не повредит успеху дела, пусть переговоры ведет он, и, если это будет возможно, пусть он их и кончает. Рескрипт*, который я ему сегодня посылаю, предназначен для того, чтобы дать первый толчок его действиям. Вы же должны будете придавать им дальнейшее направление и уведомлять меня о результатах Ваших внушений.

Вам следует сообщать мне в точности обо всем, что касается Вашего поручения. Впрочем, я совершенно полагаюсь на Ваше умение, осмотрительность и усердие к возлагаемому на Вас делу, важное значение которого Вы сознаете. Старайтесь выдвигать все эти вопросы постепенно, по мере того как у Вас будет возникать уверенность в их успехе. Вам будет вручено мое письмо к английскому королю, которым Вы воспользуетесь, когда найдете необходимым. В силу этого письма Вы сможете даже подписывать определенные договорные акты. Предоставив моему послу заботу о заключении гласного договорного акта, Вы сможете подписать отдельные и секретные статьи, текст и мотивировочную часть которых легко мож-

но почерпнуть в моих настоящих инструкциях. Впрочем, я не думаю, чтобы дело это так быстро было завершено, и поэтому будет еще время, смотря по обстоятельствам, для того чтобы послать туда необходимые полномочия или же снабдить полномочиями английского посла в С.-Петербурге. Я желал бы, чтобы он по своим качествам оказался подходящим для этих серьезных переговоров, с тем чтобы он мог заключить окончательный акт с моим министерством на основе положений, предварительно обсужденных в Лондоне.

В заключение я не скрою от Вас моего убеждения в том, что для принятия в Англии в полном объеме обширного плана, задуманного мною, и успешного приведения его в исполнение, необходимо создание в Англии такого министерства, в котором приняли бы участие представители всех партий и все выдающиеся талантливые государственные деятели и которое, опираясь на такие силы и на полное доверие нации, было бы в состоянии развернуть все огромнейшие средства, находящиеся в его распоряжении, и твердо идти к намеченной цели. Поэтому Вы должны приложить особые усилия, чтобы произвести в английском правительстве эту столь необходимую перемену.

Моему министерству поручено ознакомить Вас с настоящим положением дел в Европе, с договорными актами, заключенными нами с различными державами, с нашими отношениями с английским двором и с депешами, посланными графу Воронцову. На основании этих данных Вы должны уяснить себе принципы, из которых мы исходим. Надо будет придерживаться их и быть осмотрительнее в наших предложениях британскому кабинету о совместных действиях, в случае если последний окажется неспособным разделить наши великодушные и благородные намерения. Только убедив его в том, что в таком случае он не сможет рассчитывать на тесный и искренний союз с Россией, нам удастся, быть может, побудить его к этому. Поэтому Вам следует в свое время ясно объясниться на этот счет с английским министерством и сообщить мне обо всем Ваше мнение, чтобы мы могли по возможности избежать опасности ввязаться в предприятие, которое потребовало бы громадных расходов и жертв, и в то же время не привело бы к достижению каких-либо прочных успехов и поистине справедливой цели, к которой мы стремимся.

Но так как весьма возможно, что какое-либо нападение со стороны Франции вовлечет нас в войну с ней, то не следует также упорствовать в том, чтобы получить немедленно согласие Англии на все те условия, которых мы хотели бы добиться проектируемым соглашением, тем более, что развитие некоторых из них должно быть предоставлено времени. Но если, несмотря на осмотрительность нашего кабинета, мы зайдем в переговорах дальше, чем я этого желал бы, то в этом случае, я думаю, необходимо не упускать того, чего можно достигнуть, и если уже нельзя будет добиться всего, то обеспечить себе хотя бы часть преимуществ. Важно это в том отношении, чтобы мы, стремясь достичь невозможного, не были застигнуты врасплох и могли, как бы ни сложились обстоятельства, выйти из этого критического положения с честью и без ущерба и чтобы нас не имели права упрекнуть ни в легкомыслии, ни в непоследовательности.

Александр ***

51. Дополнительные замечания к секретной инструкции Александра I Н. Н. Новосильцеву

11(23) сентября 1804 г.

Notes additionnelles à l'instruction donnée par Sa Majesté Impériale à Mr de Novossiltzoff

1. En parlant de la Suisse il s'entend que l'on comprend sous cette dénomination non seulement la Suisse proprement dite mais aussi le Valais, la Valtelinne, les Grisons etc.

2. Si jamais un arrangement pour l'Empire germanique pouvait avoir lieu, qui rendrait cette fédération plus puissante et plus heureuse en séparant de son corps la Prusse et l'Autriche (à quoi la proclamation de l'Empire héréditaire d'Autriche semblerait être une première facilité) il serait peut-être convenable d'adjoindre la Hollande et la Suisse à l'association germanique ce qui la consoliderait beaucoup à cause de la position de ces deux pays. Leur langue, le caractère des habitants sont, avec l'utilité réciproque qui en résulterait, autant de chaînons qui pourraient les unir à l'Allemagne.

3. Le Stadhouderat pourra, peut-être, servir d'établissement à une grande duchesse de Russie.

4. Il sera nécessaire à chaque occasion qui s'en présentera de prémunir le gouvernement anglais contre les faux rapports, les suggestions et les intrigues des princes français et des émigrés qui ont fait tant de tort aux coalisés pendant la guerre passée.

5. Il s'entend que dans aucun cas la guerre continentale ne pourra être commencée contre la France qu'à condition que l'Autriche y prendra part. C'est à l'y engager que la Russie et l'Angleterre en se décidant à l'offensive emploieront leurs soins. Si l'Autriche se retranchait obstinément derrière la défensive et que Bonaparte ne la provoque pas, cet incident nécessiterait d'autres combinaisons.

6. En parlant des avantages que les deux puissances devraient se ménager à la fin de la lutte, on n'a désigné plus particulièrement aucune acquisition parce que pour la Russie c'est la conduite de ses voisins et les opérations qu'on serait dans le cas d'entreprendre contr'eux qui produiraient des possibilités et qui délieraient les mains à cet égard.

7. Au reste, il est bon d'éviter aussi longtemps et autant que possible le reproche fondé de donner dans le défaut de notre adversaire et d'avoir à notre tour de l'ambition et la soif des conquêtes. Si nous dénotions ces dispositions, elles ne manqueraient pas d'inspirer bientôt du plus au moins des sentiments semblables à ceux que tous les gouvernements nourissent contre Bonaparte lors même qu'ils s'en cachent. De telles vues de notre part doivent être plus que toutes les autres entièrement subordonnées aux circonstances et dépendantes d'elles, de manière que ce ne sera que pour autant que le cours des événements en amènera le développement qu'il y aura de la convenance à les réaliser.

8. L'empereur est disposé de donner 110 000 hommes dès le début de la guerre. Le reste de ses forces sera tenu prêt sur ses frontières pour agir en cas de besoin contre la Turquie et la Prusse. Il pourrait être nécessaire dans de certains cas que les Anglais nous fournissent des transports pour nos troupes qui viendraient de la mer Noire ou de la Baltique.

9. Ci-joint se trouve un projet d'alliance avec la Porte[81]. L'Angleterre pourrait en faire un semblable, ou bien accéder à celui-ci. Cette pièce n'est qu'un premier jet dont le contenu n'est pas arrêté et dont le style a besoin d'être châtié. Si nous parvenions à introduire de gré à gré des garnisons dans de certaines parties de la Turquie, et que cet empire dût être conservé, l'on pourrait avant d'évacuer obtenir la formation d'une ou deux républiques grecque et esclavonne sous la suzeraineté des deux empires à peu près comme celle des Sept Iles. L'article en faveur des Grecs se réserverait jusqu'à la fin. Il reste encore douteux quels sont les sentiments de la cour de Londres à cet égard et l'on doit y sonder le terrain pour voir s'il convient de s'ouvrir à elle entièrement sur cet objet et s'il ne vaut pas mieux de le passer à présent sous silence puisqu' elle n'en a fait non plus aucune mention. Le système suivi à cet égard par Mr Pitt avant la révolution doit nous rendre circonspects.

10. Ci-joint se trouve aussi un autre projet de traité avec la Porte, rédigé dans la supposition qu'on se bornera en le contractant à s'assurer simplement de quelques avantages possibles à obtenir sans s'aliéner ses sentiments et sans effaroucher d'autres puissances par les vues qu'on pourrait dans le premier cas nous supposer contr'elle. Il sera peut-être plus prudent de s'en tenir d'abord à cette marche et de tourner en premier lieu toute notre attention et tous nos efforts à forcer la Prusse à une décision quelconque. La faiblesse de la Turquie nous assure que nous aurons en tout temps bon marché d'elle et qu'il n'y a pas d'inconvénient de remettre des mesures décisives à son égard. Mais il n'en est pas de même de la Prusse qui pourra grandement entraver nos opérations sur-

tout dans le cas que nous nous attirerions trop tôt des embarras du côté de la Turquie.

11. Si l'on convenait de la nécessité de forcer le roi de Prusse de prendre un parti, ce qui arriverait au moment où nous demanderions le passage par les Etats prussiens pour une armée russe qui irait déloger les Français du Hannovre, il faudrait que nos opérations de ce côté-ci soient facilitées par celles de l'armée suédoise unie au corps hannovrien et par l'armée autrichienne d'observation. Une diversion anglaise dans le nord de la Hollande serait dans ce cas toujours nécessaire.

12. Si l'on se décidait à laisser le roi de Prusse neutre (décision dans laquelle l'avis de la cour de Vienne doit entrer pour beaucoup) l'armée russe de 40 000 hommes destinée pour le Nord pourrait aussi dans ce cas longer la frontière de l'Autriche et se porter vers les Pays-Bas. Cette direction forcerait les Français à évacuer le Hannovre ou du moins à le dégarnir; et les armées russes, hannovriennes et anglaises, pourraient également commencer leurs opérations avec vigueur pour effectuer leur jonction avec nous en rejetant les Français dans le sud de la Hollande.

Печат. по подлиннику (автограф А. А. Чарторыйского).

Перевод

Дополнительные замечания к инструкции, данной его императорским величеством г-ну Новосильцеву

1. Когда говорится о Швейцарии, то имеется в виду, что это наименование включает в себя не только собственно Швейцарию, но также и Валлис, Вальтеллину, Граубюнден и т. д.

2. Если бы когда-либо можно было осуществить такое переустройство Германской империи, которое сделало бы эту федерацию более сильной и счастливой, отделив от нее Пруссию и Австрию (провозглашение Австрийской наследственной империи, как кажется, является первым обстоятельством, благоприятствующим этому), то, возможно, следовало бы присоединить Голландию и Швейцарию к германскому сообществу, что значительно укрепило бы его, учитывая географическое положение этих двух стран. Их язык и национальный характер жителей, наряду со взаимной пользой, которая проистекла бы из этого, являются звеньями цепи, которая могла бы связать их с Германией.

3. Штатгальтерство, возможно, могло бы послужить наделом для одной из русских великих княжон.

4. Необходимо каждый раз, когда представится случай, предостерегать английское правительство относительно лживых сообщений, советов и интриг французских принцев и эмигрантов, причинивших столько вреда союзникам в прошлую войну.

5. Разумеется, континентальная война против Франции может быть начата только при условии, что в ней примет участие Австрия. Именно на то, чтобы склонить ее к этому, должны направить свои усилия Россия и Англия, решаясь на наступательные действия. Если же Австрия будет упорно придерживаться оборонительной политики, а Бонапарт не спровоцирует ее, то в этом случае потребуются иные комбинации.

6. Там, где говорится о выгодах, которые обе державы должны были бы обеспечить себе после окончания войны, не указано конкретно, какие именно приобретения могли бы быть сделаны, так как в том, что касается России, только поведение ее соседей и действия, которые пришлось бы, возможно, предпринять против них, создали бы возможности для этого и предоставили свободу действий в этом отношении.

7. Впрочем, следовало бы избегать, насколько и пока это возможно, того, чтобы нас могли обоснованно упрекнуть в тех же недостатках, которые присущи нашему противнику, и в том, что и нас обуяло властолюбие и жажда завоеваний. Если бы мы выказали такие намерения, это не преминуло бы вскоре вызвать по отношению к нам в той или иной степени чувства, подобные тем, которые все правительства питают против Бонапарта, даже если они и скрывают это. Подобные намерения с нашей стороны более, чем любые другие, должны быть полностью подчинены обстоятельствам и зависеть от них таким образом, чтобы целесообразность их осуществления определялась в зависимости от того, как сложатся эти обстоятельства в ходе событий.

8. Император намерен выставить 110 тыс. человек с самого начала войны. Остальные его войска будут находиться на границах его владений в полной готовности к действиям против

Пруссии и Турции, если в этом будет нужда. В ряде случаев могла бы возникнуть необходимость в том, чтобы англичане предоставили нам транспортные суда для войск, перебрасываемых из Черного или Балтийского морей.

9. В приложении к сему находится проект договора о союзе с Портой[81]. Англия могла бы составить подобный проект или присоединиться к нашему. Документ этот является лишь черновым наброском; содержание его окончательно не определено, а над стилем нужно еще поработать. Если бы нам удалось ввести с согласия Турции гарнизоны в некоторые ее владения и если бы эту империю следовало сохранить, то перед уходом оттуда можно было бы добиться создания одной или двух республик — греческой и словенской — под сюзеренитетом обеих империй, наподобие Республики Семи островов. Обсуждение статьи о покровительстве грекам должно быть отложено на самый конец. Пока остается неясным, каково мнение лондонского двора на этот счет, и нужно позондировать почву, для того чтобы решить, целесообразно ли полностью раскрыть ему наши намерения в этом вопросе или же в настоящее время лучше обойти его молчанием, поскольку лондонский двор также не упоминал о нем. Система, которой придерживался в этом вопросе г-н Питт до революции, должна внушить нам осторожность.

10. В приложении имеется также другой проект, составленный в предположении, что при заключении договора с Портой мы ограничимся обеспечением себе лишь некоторых выгод, которые можно было бы приобрести, не настраивая ее против себя и не возбуждая опасений у других держав, которые в первом случае могли бы предположить наличие у нас враждебных Порте намерений. Возможно, было бы благоразумнее придерживаться сначала такого образа действий и обратить все наше внимание и все усилия в первую очередь на то, чтобы заставить Пруссию принять какое-нибудь решение. Слабость Турции убеждает нас в том, что в отношениях с ней нам легко будет добиться своего и что вполне допустимо отложить применение к ней решительных мер. Иначе обстоит дело с Пруссией, которая может серьезно помешать нашим операциям, особенно если бы мы преждевременно навлекли на себя затруднения со стороны Турции.

11. Если бы было признано необходимым заставить короля Пруссии определить свою позицию, что могло бы произойти в момент, когда мы потребовали бы пропустить через прусские владения русскую армию, предназначенную для изгнания французов из Ганновера, то нужно было бы, чтобы наши операции в этом районе были поддержаны совместными действиями шведской армии и ганноверского корпуса и австрийской обсервационной армией. И в этом случае сохраняется необходимость осуществления англичанами диверсии на севере Голландии.

12. Если бы было решено позволить королю Пруссии оставаться нейтральным (при принятии такого решения большое значение должно быть придано мнению венского двора), то в этом случае 40-тысячная русская армия, предназначенная для действий на Севере, могла бы также пройти вдоль австрийской границы и двинуться к Нидерландам. Движение наших войск в этом направлении вынудило бы французов полностью или по крайней мере частично эвакуировать Ганновер. Тогда русские, ганноверские и английские армии могли бы равным образом начать решительные действия, с тем чтобы соединиться с нами, отбросив французов на юг Голландии.

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов Будаг-султану Шурагельскому

14(26) сентября 1804 г.

Предлагает вступить в подданство России и обещает обеспечить защиту от врагов.

АКАК, т. II, стр. 571—572.

52. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

№ 5 *18(30) сентября 1804 г.*

Милостивый государь мой Андрей Яковлевич. Из донесений посла нашего в Вене графа Разумовского[82] известно нам стало, что утушилось уже возмущение славено-сербов преданием смерти 4 даев, бывших причиной оного; двор же венский, снисходя на прошение народа сего, обещал ходатайствовать у Порты об устроении жребия его, и на сей конец думать должно, что

уполномочит интернунциуса своего, в Константинополе пребывающего, покровительствовать депутатов сербских, когда прибудут туда. По поводу чего и поспешаю я, известив о сем в. пр-во, по высочайшему повелению изложить к попечению Вашему поручение, на Вас по обстоятельствам сим возлагаемое.

Участие, которое двор наш всегда принимал в сей единоверной нам нации, заставляет желать, чтобы благосостояние ее учинилось прочным на будущие времена; для достижения же сего наилучшим нам кажется средством, чтобы Россия содействовала в ходатайствах за оную у Порты, тем паче, что провинция, народом сим обитаемая, не будучи нам сопредельна, заступление наше не может быть подозрительно министерству турецкому. Не прилично было бы, однако, вмешаться нам в сие дело без убедительного прошения сей нации; но как уже обращалась она единожды к в. пр-ву [88], то я с вероятностью думаю, что и ныне чрез своих депутатов будет просить Вашей защиты; а, естьли бы сие ими и не было учинено, полагая, может быть, мало надежды в успехе такового их подвига, то нужно, чтоб приложили Вы старание, как скоро депутаты их в Константинополь прибудут, внушить им посторонним образом и посредством такого канала, по которому действование Ваше отнюдь не могло бы соделаться приметным, что без существенного участия в деле их двора российского неможно будет им полагаться на обещание Порты, а вместе с сим стараться предуспеть, чтоб депутаты, внушениями таковыми убежденные, обратились к Вам с письменными просьбами о употреблении посредства Вашего в их искательствах. Достигнув сего, не оставите Вы тогда действительно ходатайствование в их пользу у турецкого министерства, употребляя для сего все те рассуждения, кои благоразумная Ваша опытность покажет Вам нужными для доставления сербам прежних их прав и восстановления посреди их совершенного спокойствия. С интернунцием же австрийским имеете при удобном случае объясниться в том смысле, что по желанию государя императора удостоверить Порту Оттоманскую, что Россия и Австрия по союзу, между обеими империями существующему, непременным правилом приняли содействовать во всяком случае одна другой, предписано Вам подкрепить Вашим ходатайством старания его о сербах. Я не оставил также по предмету, в сей депеше содержимому, дать надлежащие наставления генеральному консулу Жерве письмом моим, с коего при сем для сведения Вашего прилагаю копию [89].

Пребываю...

К[нязь] Адам Чарторыский

Получено 12(24) октября 1804 г.

Печат. по подлиннику.

Поверенный в делах в Париже П. Я. Убри товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

21 сентября (3 октября) 1804 г.

Сообщает о получении разрешения на выезд из пределов Франции.

Сб. РИО, т. 77, стр. 752—755.

Поверенный в делах в Париже П. Я. Убри товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

22 сентября (4 октября) 1804 г.

Отчет о неофициальных переговорах во Франкфурте с Коленкуром, в ходе которых последний вернулся к выдвигавшейся ранее Талейраном идее заключения нового договора между Россией и Францией. Поскольку Убри настаивал на выполнении французским правительством прежних обязательств перед Россией, Коленкур от имени Наполеона заявил, что Убри может продолжать свой путь, так как русские условия неприемлемы.

Сб. РИО, т. 77, стр. 757—763.

53. Нота посланника в Константинополе А. Я. Италинского турецкому правительству

26 сентября (8 октября) 1804 г.

Нижеподписавшийся чрезвычайный посланник и полномочный министр е. в-ва императора всей России имел честь объявить оттоманскому министерству, что августейший государь его, союзник султанского в-ва, желал и требовал, чтоб признание императора французов последовало в одно время и совокупно с ним; в то же время представил он, что требование сие, основанное на точном постановлении союзного трактата[67], не личными видами внушено было е. и. в-ву, но единым токмо попечением о спокойствии европейских областей, угрожаемых еще властолюбием Франции; изложил истинную и единственную причину, то есть: довести французское правительство до исполнения отклоняемых доселе статей*, торжественно постановленных с российским двором и сопряженных с пользою Оттоманской империи, поелику о том предлежит дело, чтоб обеспечить навсегда ее границы и ее спокойствие удалением французских войск из Неаполитанского королевства; нижеподписавшийся не оставил также министерства в неведении в рассуждении последствий, которые неизбежно навлекло бы настоящее и неусловленное признание, и не скрыл, наконец, неприятного чувствования, произведенного в е. и. в-ве завязчивостью (la contexture) ответной ноты[84], присланной от Порты французскому послу; ни в рассуждении подозрений, которые е. в-во по сему же поводу возымел о последовавших затем расположениях ее к признанию.

Но нижеподписавшийся, исполнив после того весьма приятную для него обязанность, донеся е. и. в-ву с последним курьером о решительном ответе[85], данном сему послу и конфирмованном его султанским в-вом, радуется предварительно о том, что вскоре должен будет изъявить Высокой Порте полное удовольствие августейшего своего монарха, поелику нижеподписавшийся не может предполагать, чтобы декларация, учиненная сегодня от посла Брюна о скором его отъезде, вынуждаемом сим самым ответом, в состоянии была поколебать Высокую Порту или увлечь к противному какому предприятию. Уважение к собственному достоинству, к своим обязательствам, совершенное познание истинных своих выгод, своего положения, союзников своих и французов, все, конечно, не позволяет ей быть в нерешимости ни на одно мгновение: она должна видеть, с одной стороны,— французское правительство, которое умножает противу нее оскорбления и вероломные поступки с того времени, как заключен трактат в Париже**, которое не престает угрожать областям ее непременным расположением много-

* Имеется в виду русско-французская секретная конвенция 1801 г. (см. т. I, док. 22).
** Имеется в виду франко-турецкий мирный договор 1802 г. (см. т. I, прим. 133).

численной армии близ самых границ ее, которое снабжает военными снарядами *Магнию*, старается обольстить христиан, и именно морейское духовенство, обещая обратить на монастыри и церкви *вакуфы*, принадлежащие мечетям полуострова сего, которое принимает в Египте и причисляет к мамелюкам всякого рода тамошних жителей, которое, наконец, отлагает исполнение неприятельских и революционных своих видов по совершенной невозможности произвесть оные в действие. С другой стороны,— должна видеть двух союзников своих — Россию и Англию. Последняя, согласясь при явно оборонительной войне со своей стороны на нейтралитет Оттоманской империи вопреки постановлений оборонительного и союзного трактата, полагает при всем том морскими силами своими неодолимое препятствие французам войти в оттоманские владения. Первая отправлением, с великим иждивением сопряженным, нарочитого корпуса войск в Корфу, дабы надзирать оттуда за их движениями и положить препону их успехам, старается уничтожить их происки, и утвердив греков, подданных Высокой Порты, в верности к своему государю назначением отличных чиновников и консулов в Монтенегро, в Морею и в Румелию. Она должна видеть, наконец, что Англия, владычествуя всеми морями, может с часу на час покрыть своими судами воды сей империи, и что Россия граничит с оттоманскими областями на необъятном пространстве как на сухом пути, так и морем, но что обе обращают средства своего могущества на сохранение токмо сей империи, которую они поддержали уже, и на совершенное разрушение коей французское правительство не перестает умышлять.

Рассуждения сии будут, без сомнения, уважены министерством толико мудрым и толико сведущим, каково оттоманское; но если бы паче чаяния Высокая Порта, забыв чем она обязана самой себе, чем она была и есть еще обязана двум своим союзникам, по гибельной и постыдной слабости вознамерилась отменить или дать иной какой-либо смысл положению, торжественно учиненному, торжественно утвержденному его султанским в-вом и торжественно возвещенному французскому послу[85], нижеподписавшийся долгом поставляет объявить, что она сама произнесла бы с той самой минуты уничтожение союзов своих и ниспровержение политической своей системы и что оба двора, переменив тогда же свою систему, примут те меры, которые достоинство их, выгоды и местоположение их могут им внушить.

Естьли французский посол туне воображает, что правительство его не может более оставить его здесь потому, что Высокая Порта, по причинам гораздо важнейшим и неопровергаемым, отлагает признать императором Бонапарте, Высокая Порта может судить сама, что в противном случае достоинство е. и. в-ва и охранение областей его потребовали бы таких мер, которые были бы несовместны с пребыванием в здешней столице министра с его стороны, ибо е. и. в-во не мог бы с той самой поры почитать иначе Оттоманскую империю как провинциею французскою, а министерство ее как совершенно подчиненным воле французского правительства.

Сколь ни тягостно для нижеподписавшегося представлять замечания сии на рассмотрение Высокой Порты, но уполномочен на сие и даже понужден неоднократными предписаниями, полученными от августейшего государя своего, с самого того времени, как началось дело о признании, и остававшимися без действия, поколику мнил он, что обстоятельства не требовали того.

Но теперь, кажется, не терпят они отлагательства. Высокая Порта не может более колебаться. Она должна сделать выбор между своими союзниками и Франциею и измерить в благоразумии своем выгоды и неудобства, могущие последовать от одного и другого выбора, естьли только могут они быть поставлены в сравнение.

Вследствие чего нижеподписавшийся просит Высокую Порту именем своего двора объявить ему официально на письме и в самократчайшем времени, желает ли она или нет держаться своих союзов, удержать в целости последнее свое положение, относящееся до нового титула Бонапарте, и не признавать его ни императором, ни падишагом французов без совокупности и согласия России.

Он же просит поднести ноту сию его султанскому в-ву и доставить ему ясный и точный ответ для немедленного отправления к августейшему государю своему с нарочным курьером и надеется, что ответ сей будет таков, какого требует достоинство Высокой Порты, истинные ее выгоды и святость ее обязательств и что, поспешествуя к утверждению союзов, сопрягающих Оттоманскую империю, щастливое действие коих дознано уже и теперь еще ощущает, отвратит она неисчислимые последствия, которых неотменно ожидать должно, буде бы по нещастию предалась ослеплению пристрастных или грозных уверений французского правительства.

Подписано: А. Италинский

Печат. по копии.

54. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

27 сентября (9 октября) 1804 г.

Monsieur, les fêtes du mariage de son altesse impériale madame la grande duchesse Marie[86], les manœuvres de Peterhoff et un conflit d'affaires et de travail qui a suivi cette époque m'ont empêché de prendre les ordres de s. m. sur Vos rapports * apportés par le chasseur Merkel, aussitôt que je l'aurais désiré et de Vous répondre, monsieur, sur plusieurs points dont ils traitent, de même que sur ceux contenus dans Vos dépêches subséquentes. C'est à quoi je m'empresse de procéder par l'expédition du présent courrier.

L'empereur a reçu avec une véritable sensibilité l'assurance de s. m. prussienne de faire entrer le duché d'Oldenbourg et la seigneurie de Yever dans le *casus foederis* du concert nouvellement conclu entre les deux cours **. Il serait superflu de réitérer combien s. m. se repose sur la stricte exécution de toutes les stipulations arrêtées entre elle et s. m. prussienne. La confiance des deux souverains à cet égard est entière et réciproque et rien, je pense, ne saurait l'affaiblir. Il est vrai que, depuis la conclusion de ce concert, la conduite des deux cours et leurs opinions sur les événements qui l'ont suivie, n'a été nullement uniforme ni concertée, ainsi que nous nous en étions flattés pour un moment. Il deviendrait sans doute fastidieux d'argumenter davantage sur ce qui a été déjà tant de fois répété de notre part relativement à diverses transactions entre la cour de Berlin et le gouvernement français et particulièrement sur la marche qu'elle a tenue dans la malheureuse affaire d'Ettenheim.

On ne saurait cependant ne pas observer que la conduite de la cour de Vienne relativement à ce dernier objet, quoique très faible à la vérité, n'ait été du moins pour les dehors plus impartiale et, je dirai même, plus conséquente que celle du cabinet de Berlin. Elle ne s'est pas départie de sa première thèse et de son vote émis publiquement à Ratisbonne[87], car nous croyons que le prétendu acquiescement du comte de Cobenzl à l'expédient de la note de Bade est du fait du marquis de Luchesini, comme tant d'autres nouvelles peu avérées, par lesquelles il a souvent induit en erreur sa cour.

---

* См., в частности, док. 37.

** См. док. 13, 23.

On pourra aussi se persuader difficilement que, si la Prusse eût marqué un peu d'énergie et de bonne volonté dans cette occasion, il en serait résulté le moindre danger pour l'Allemagne, car assurément Bonaparte aurait eu garde de s'en prendre à la fois dans le moment présent à l'Autriche et à la Prusse.

Au reste, s'il est dit que cette affaire soit épuisée, parce qu'elle a tourné selon les désirs de Bonaparte[88], s. m., après avoir rempli ce qu'elle a cru être de son obligation, regrettera moins, que ceux que cela pouvait intéresser de plus près n'aient pas jugé à propos de suivre la même marche. L'indifférence, qu'ont paru montrer dans cette occasion les membres de l'association germanique pour sa sûreté et son indépendance, doit naturellement en inspirer une pareille à s. m. L'empereur, lorsqu'il a exercé les fonctions de garant et de médiateur, ne l'a fait que dans l'idée qu'il en résulterait quelque bien pour l'Allemagne; mais l'intérêt qu'il mettra à remplir ces obligations dépendra en grande partie du prix qu'on y attachera. Nous ne saurions cependant adopter ici le principe, avancé par Mr de Hardenberg,[89] que dans aucun cas la garantie ne saurait être mise en action, si elle n'est pas demandée ; l'on pourrait citer dans le passé bien des exemples du contraire, et ce sera toujours le cas, lorsque la partie lésée est trop dans les mains de l'oppresseur pour oser invoquer de l'appui. Je ne Vous dissimulerai pas que nous avons été un peu surpris que le cabinet prussien semble s'attacher si fort aux formes, quand il s'agit d'une démarche généreuse, qui n'avait pour but que la sûreté et la dignité de l'Empire germanique, tandis qu'on ne fait pas de difficulté de glisser sur elles et de les mettre de côté quand il faut couvrir ou faire oublier quelque violence de Bonaparte.

Sans doute s. m. veut le maintien de la paix et désire surtout de la voir affermie sur des bases solides; mais ce n'est pas en souffrant la moindre humiliation ou en passant à Bonaparte tous les excès que son ambition lui inspire, qu'elle aura l'espoir d'y réussir ; et des sacrifices de ce genre ne seront pas ceux auxquels s. m. se soumettrait pour parvenir à ce grand but. Nous ne pouvons non plus partager l'avis du baron de Hardenberg, que tout arrangement d'un système général n'est pas faisable, tant que dure la guerre présente, et qu'il ne faudra y penser que lorsqu'elle sera finie[90]. Il est fort à craindre que, d'après ce système, on s'occupera du remède quand il sera inutile ou bien trop tard de l'appliquer. La France, délivrée de la guerre avec l'Angleterre, ayant les bras libres, n'en aura que bien plus de force pour s'opposer au rétablissement de l'équilibre sur le continent et plus de moyens pour l'asservir entièrement, à moins que le gouvernement français par quelque désastre ne soit forcé à une mauvaise paix, ce qui rendrait les efforts faits d'avance pour le rétablissement de l'équilibre encore plus assurés et moins sujets à aucun inconvénient.

Malgré ces nuages et cette différence si marquée en apparence d'opinion et de principe entre les cabinets de St.-Pétersbourg et de Berlin, je ne crois pas qu'elle existe réellement entre les deux souverains. Si l'on n'envisage les cours respectives que dans leurs rapports diplomatiques, l'on devrait nécessairement en conclure qu'il règne entr'elles de la froideur et peu de concert; mais s. m. n'en est pas moins intimement convaincue qu'en toute occasion essentielle et décisive le roi de Prusse se trouvera d'accord avec elle. J'ai été à même d'observer que rien ne saurait faire varier cette conviction profonde de l'empereur, fondée sur la connaissance qu'il juge avoir des principes et sentiments personnels du roi à son égard ; de sorte que l'union particulière et cordiale, qui règne entre ces deux souverains, pourrait facilement dans les circonstances les plus difficiles tromper les calculs des politiques qui s'aviseraient de ne pas la mettre en ligne de compte.

Il m'a paru nécessaire que pour Votre information Vous soyez instruit avec précision de notre manière d'envisager ces différents objets et en même temps

des véritables sentiments de l'empereur, afin que ces données puissent dans l'occasion Vous servir de règle dans le langage que Vous aurez à tenir au ministère prussien.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Получена 8(20) октября 1804 г. с курьером Бородовицыным.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, торжества по случаю бракосочетания ее императорского высочества великой княгини Марии [86], петергофские маневры и скопившееся за это время множество дел помешали мне сразу же испросить повелений е. в-ва по Вашим донесениям *, доставленным курьером Меркелем, как бы мне хотелось того, и дать Вам, милостивый государь, ответ по некоторым пунктам, о которых шла речь в этих, а также и в последующих Ваших депешах. Я спешу это сделать в письмах, посылаемых с данным курьером.

Император с подлинной признательностью принял заверение его прусского в-ва о том, что он включит герцогство Ольденбургское и землю Еверскую в casus foederis соглашения **, недавно заключенного между двумя дворами. Излишне было бы повторять, в какой мере е. в-во полагается на неукоснительное соблюдение всех условий соглашения, заключенного между ним и его прусским в-вом. Доверие обоих монархов в этом отношении является полным и взаимным, и, я думаю, ничто не сможет его ослабить. Правда, со времени заключения этого соглашения действия двух дворов и их мнения о последовавших за этим событиях отнюдь не были ни единообразными, ни согласованными, как мы на это надеялись в течение какого-то короткого времени. Не стоит, без сомнения, лишний раз доказывать то, что столько раз уже повторялось нами относительно различных сделок между берлинским двором и французским правительством и, в особенности, относительно той линии, которой этот двор следовал во время злополучного эттенгеймского дела.

Однако нельзя не отметить, что поведение венского двора в этом последнем вопросе, хотя, по правде сказать, его действия были довольно вялыми, по крайней мере с внешней стороны, выглядело более беспристрастным и, я бы даже сказал, более последовательным, чем поведение берлинского кабинета. Венский двор не отказался от своей первоначальной точки зрения и от позиции, публично занятой при голосовании в Регенсбурге [87], так как мы думаем, что пресловутое согласие графа Кобенцля со средством, предложенным в ноте Бадена, является вымыслом маркиза Люккезини, так же как и многие другие мало достоверные сообщения, которыми он нередко вводил в заблуждение свой двор.

Трудно также убедить себя в том, что если бы Пруссия проявила в данном случае немного энергии и доброй воли, то в результате возникла хотя бы малейшая опасность для Германии, так как с уверенностью можно сказать, что Бонапарт побоялся бы в настоящий момент поссориться одновременно с Австрией и Пруссией.

Впрочем, если скажут, что этот вопрос исчерпан, поскольку дело приняло благоприятный для Бонапарта оборот [88], то е. в-во, выполнив все, что он считал себя обязанным сделать, будет меньше сожалеть о том, что те, которых это могло интересовать более непосредственно, не сочли нужным следовать той же линии поведения. То равнодушие, которое, казалось, проявили в данном случае члены Германской империи к ее безопасности и независимости, естественно, должно внушить подобное же чувство и е. в-ву. Император, выступая в качестве гаранта и посредника, делал это лишь в надежде на то, что результатом этого явится какое-то благо для Германии; но интерес, который он проявит к выполнению этих обязанностей, во многом будет зависеть от того, насколько будут ценить это. Мы не можем, однако, принять принцип, выдвинутый г-ном Гарденбергом [89], согласно которому гарантия ни в коем случае не должна осуществляться, если о ней не просят; из прошлого можно было бы привести много примеров как раз обратного, и это всегда будет иметь место в тех случаях, когда потерпевшая сторона, полностью находясь в руках угнетателя, не посмеет взывать о помощи. Не скрою от Вас, что мы были несколько удивлены тем, что прусский кабинет, по-видимому, придает такое большое значение формальностям, когда речь идет о великодушном демарше, имеющем единственной целью обеспечение безопасности и охранение достоинства Германской империи, и в то же время с легкостью идет на обход этих формальностей и пренебрегает ими, когда нужно покрыть или предать забвению какие-либо насильственные действия Бонапарта.

Е. в-во желает, конечно, сохранить мир и, особенно, упрочить его на твердых основах, однако он надеется достичь этого не тем, что будет сносить хотя бы малейшие унижения или прощать Бонапарту любые выходки, к которым его побуждает властолюбие; не на такого рода жертвы е. в-во согласился бы пойти для достижения этой великой цели. Мы не можем

также согласиться с мнением барона Гарденберга о том, что, пока продолжается нынешняя война, какое-либо общее урегулирование невозможно и что об этом нужно будет думать лишь после ее окончания[90]. Следует опасаться, что в соответствии с этой системой о лекарстве начнут думать, когда уже будет бесполезно или слишком поздно прибегать к нему. Если Франция не будет больше воевать с Англией, у нее будут развязаны руки; следовательно, она будет иметь значительно больше сил, для того чтобы противодействовать восстановлению равновесия на континенте, и больше возможностей, для того чтобы поработить его окончательно, если только французское правительство в результате какой-либо крупной неудачи не будет вынуждено пойти на невыгодный мир, что сделало бы заранее предпринятые усилия, направленные на восстановление равновесия, еще более верными и менее подверженными каким-либо неблагоприятным случайностям.

Несмотря на эти размолвки и внешне столь явное расхождение во взглядах и принципах между с.-петербургским и берлинским кабинетами, я не верю, что оно действительно существует между двумя государями. Если судить о соответствующих дворах только по их дипломатическим отношениям, то пришлось бы сделать вывод, что между ними царят холодность и недостаточное согласие; но е. в-во тем не менее глубоко убежден, что во всех важных случаях прусский король будет действовать заодно с ним. Я имел возможность заметить, что ничто не сможет изменить этого глубокого убеждения императора, основанного на знании им принципов и личных чувств короля по отношению к нему (а он уверен в том, что знает их), и в результате личный и сердечный союз, царящий между этими двумя государями, в наитруднейших обстоятельствах может легко обмануть надежды политиков, которые решили бы не принимать его во внимание.

Мне представлялось необходимым дать Вам ясное представление о нашей точке зрения по этим вопросам и одновременно об истинных чувствах императора, с тем чтобы при случае Вы могли руководствоваться этими данными в переговорах с прусским министерством.

Имею честь ...

55. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

27 сентября (9 октября) 1804 г.

Monsieur, nous voyons avec beaucoup d'étonnement l'indifférence avec laquelle la cour de Berlin continue à souffrir la conduite des troupes françaises dans le Hanovre et particulièrement les mesures arbitraires qui ont été prises pour vexer la ville de Bremen et l'obliger à leur fournir des fonds[91]. Vos représentations à ce sujet ne paraissent pas avoir produit sur le ministère prussien l'effet qu'on devait en attendre, car après un silence prolongé de sa part, tandis que les Français continuaient tranquillement à cerner cette ville, Vous nous informez, monsieur, qu'elle serait quitte des molestations qu'elle éprouve, moyennant une légère rétribution. Serait-il nécessaire d'observer ici ce que le ministère prussien ne peut ne pas sentir lui-même, que ce n'est pas la quantité de la somme qui sera payée par Bremen, qui fera l'objet principal dans cette affaire; mais le mode que les Français ont admis et la manière violente dont ils ont usé pour parvenir à leur but ? Cette première réussite, d'ailleurs, ne manquera pas de les encourager à essayer de pareilles tentatives envers les autres villes anséatiques, dans l'espoir que cela leur passera tout aussi bien que leur procédé à l'égard de Bremen.

La position locale de cette ville, dont une partie se trouve en deçà du Weser, nous donne cependant lieu d'espérer que s. m. prussienne, en vertu des derniers engagements qu'elle a pris envers l'empereur, se décidera à imposer à la fin à l'audace croissante des Français dans leurs empiétements par des déterminations conformes à sa dignité. J'engage à cet effet v. ex. à s'expliquer itérativement avec Mr le baron de Hardenberg et à lui dire, en outre, qu'il nous reviennent de plusieurs côtés des nouvelles sur les mouvements dans l'armée de Hanovre et sur les dispositions que l'on fait pour la renforcer. Vous ne manquerez pas, monsieur, de lui observer à cette occasion que si, contre toute notre attente, la cour de Berlin continue à rester spectatrice tranquille de tout ce qui

se fait dans le Nord de l'Allemagne, elle enhardira les Français à y pousser leurs entreprises plus en avant et de continuer à n'avoir aucun égard à ses représentations, et par là elle ne fera qu'amener encore plus tôt le moment où elle se verra forcée de recourir à des voies extrêmes qu'elle aurait pu éviter peut-être en arrêtant les violences de Bonaparte dans leur commencement.

Au reste, l'empereur, en se reposant entièrement sur les diverses assurances qui lui ont été réitérées à plusieurs reprises par s. m. prussienne, ne doute pas qu'elle ne remplisse ponctuellement tout ce à quoi elle s'est engagée par notre concert mutuel *, de même que s. m. i. observera strictement les engagements qu'elle a pris envers la cour de Berlin, comme je Vous en ai déjà parlé dans plusieurs de mes dépêches antécédentes et particulièrement à l'occasion du dernier courrier **.

Je compte bientôt être dans le cas de Vous en expédier encore un, et je me réserve de Vous entretenir à cette occasion plus amplement sur les affaires en général. J'attendrai au reste avec impatience la réponse de v. ex. à cette dépêche, et je la prie de croire à la considération très distinguée avec laquelle j'ai l'honneur...

(signé) Le prince A. Czartoryski

Duplicat de la dépêche chiffrée avec le chiffre particulier de la mission de Berlin de l'année 1798 et expédiée par estafette le 2 septembre 1804.

Получено 8(20) октября 1804 г. с курьером Бородовицыным.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, мы очень удивлены тем безразличием, с которым берлинский двор продолжает терпеть действия французских войск в Ганновере и, в частности, беззаконные меры, принятые ими с целью создать затруднения для города Бремена и вынудить его предоставить им денежные средства[91]. Ваши представления по этому вопросу, по-видимому, не произвели на прусское министерство того действия, которого следовало бы ожидать, так как после продолжительного молчания с его стороны, в то время как французы спокойно продолжали блокаду этого города, Вы сообщаете нам, милостивый государь, что он избавится от всех притеснений, выплатив небольшую сумму денег. Нужно ли указывать здесь на то, чего не может не понимать само прусское министерство, а именно на то, что не размеры суммы, которую уплатит Бремен, являются главным в этом деле, а избранный французами образ действий и те насильственные методы, которые они использовали для достижения своей цели. К тому же, ободренные этой первой удачей, они не преминут предпринять подобные посягательства и по отношению к другим ганзейским городам в надежде на то, что это им сойдет с рук так же, как и их действия в отношении Бремена.

Местоположение этого города, часть которого находится на этом берегу Везера, дает нам все же основание надеяться, что его прусское в-во в соответствии с последними обязательствами, принятыми им на себя по отношению к императору, решится, наконец, умерить французов в их посягательствах, совершаемых ими со все возрастающей дерзостью, приняв решения, соответствующие его достоинству. С этой целью я предлагаю Вам, в. пр-во, еще раз объясниться с г-ном бароном Гарденбергом и, кроме того, заявить ему, что с разных сторон к нам поступают сведения о передвижении частей армии, находящейся в Ганновере, и о мерах, предпринимаемых для усиления ее. Вы должны, милостивый государь, заметить ему по этому поводу, что если, вопреки нашим ожиданиям, берлинский двор будет и впредь оставаться бесстрастным зрителем того, что происходит в Северной Германии, то тем самым он поощрит французов идти еще дальше в их предприятиях и по-прежнему не обращать никакого внимания на его представления. В результате он лишь приблизит тот момент, когда он будет вынужден прибегнуть к крайним средствам, чего он, возможно, мог бы избежать, воспрепятствовав насилиям Бонапарта, пока они еще только начались.

Впрочем, император, полностью полагаясь на заверения, неоднократно дававшиеся ему его прусским в-вом, не сомневается, что последний в точности выполнит все, относительно

* См. док. 13, 23.

** См., в частности, док. 36.

чего он взял на себя обязательства в соответствии с нашим соглашением*, так же, как е.и. в-во будет строго соблюдать обязательства, взятые им на себя по отношению к берлинскому двору, как я уже писал Вам об этом в ряде моих предыдущих депеш и, в частности, в тех, которые были посланы с последним курьером **.

Я думаю, что в скором времени смогу отправить к Вам еще одного курьера и тогда напишу Вам более подробно о делах вообще. С нетерпением буду ждать ответа в. пр-ва на эту депешу и прошу Вас принять уверения в совершенном почтении, с которым имею честь ...

Подпись: Князь А. Чарторыйский

Дубликат депеши, шифрованной особым шифром берлинской миссии 1798 года, отправленной с нарочным 2 сентября 1804 г.

56. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

3(15) октября 1804 г.

Monsieur, par le rapport de Mr Gervais[92], postérieur à celui que Vous m'avez adressé au sujet des Serviens *, il y a lieu de croire qu'ils sont toujours en insurrection et qu'ils ne quitteront pas leurs armes avant d'obtenir de la Porte des conditions telles qu'ils les souhaitent. Cette assertion paraît d'autant plus fondée qu'ils ont envoyé des députés au nom de toute leur nation pour implorer la protection de s. m. i. contre les oppressions qu'ils endurent ou qu'ils redoutent encore. Ces députés, partis du camp servien auprès de Belgrade, ont passé par Yassi et y ont été munis de passeport par Mr Gervais en qualité de marchands, afin que l'on ne puisse pas découvrir le but de leur voyage. Ils lui ont montré en confidence leurs pleins pouvoirs dont il m'a transmis une copie. A en juger par là, loin de s'apaiser, ils pourront causer des embarras à la Porte et nous fournir l'occasion d'employer notre intervention pour leur obtenir des conditions raisonnables et qui puissent rétablir la tranquillité dans cette contrée. L'expédient, que la Porte avait imaginé et qu'elle a abandonné après, de constituer la Servie à l'instar de la Moldavie et de la Valachie en une principauté, serait le seul (qui serait) du goût des habitants, si le prince qui les gouvernerait était de leur nation et de leur choix; c'est ce que la Porte consentirait difficilement à leur accorder, mais qui nous conviendrait sous plus d'un rapport; et je pense qu'il est de l'intérêt de notre cour d'adoucir le sort de ce peuple et de nous l'attacher. Cependant, avant que ces députés se présentent ici, et que nous soyons assurés qu'ils pourront encore se soutenir pour quelque temps dans leur état présent, il ne faut donner aucun soupçon au ministère de notre idée, sans toutefois laisser échapper l'occasion, s'il s'en présentait une convenable, pour intervenir dans cette affaire de manière à leur obtenir les conditions qu'ils souhaitent et qui nous captiveraient l'attachement de cette nation.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Reçu le 5(17) novembre.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, доклад г-на Жерве[92], более поздний, чем тот, который Вы мне направили относительно сербов *, дает основание полагать, что их восстание продолжается и что они не сложат оружия, пока не добьются от Порты таких условий, каких они желают. Это утверждение представляется тем более обоснованным, что они направили от имени всего народа депутатов с мольбой о том, чтобы е.и. в-во предоставил им защиту от тех притеснений, которым они подвергаются или которых они еще опасаются; эти депутаты, отправившиеся из сербского лагеря около Белграда, проехали через Яссы и получили там от г-на Жерве паспорт, который был им выдан как торговцам для того, чтобы нельзя было обнару-

* См. док. 29.

жить цели их путешествия. Они показали ему доверительно свои полномочия, копию которых он мне препроводил. Судя по этому, они не намерены успокаиваться и могут создать затруднения для Порты и дать нам повод использовать наше посредничество с целью добиться для них разумных условий, благодаря которым можно было бы восстановить спокойствие в этом краю. Тот путь, который измыслила Порта, но от которого она в дальнейшем отказалась, а именно образовать из Сербии по примеру Молдавии и Валахии княжество, является единственным, который пришелся бы по вкусу населению, если бы князь, который управлял бы ими, принадлежал к их нации и назначался по их выбору. Это то, что Порта с трудом согласилась бы предоставить им, но что во многих отношениях устраивало бы нас, и я полагаю, что наш двор заинтересован в том, чтобы облегчить судьбу этого народа и привязать его к нам. Однако, пока эти депутаты не прибудут сюда и мы не убедимся в том, что сербы смогут продержаться еще некоторое время в их нынешнем положении, нужно действовать так, чтобы министерство не догадалось об этой нашей идее, не упуская, однако, удобного случая, если таковой представится, для вмешательства в это дело, с тем чтобы добиваться для них тех условий, которых они желают и которые завоевали бы нам привязанность этого народа.

Имею честь ...

Князь А. Чарторыйский

Получено 5(17) ноября.

57. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

6(18) октября 1804 г.

Monsieur, l'objet principal du rescrit [93], qui nous a été communiqué par le comte de Goltz et sur lequel ce ministre s'est fort étendu dans une conférence qu'il a eue avec moi, était de nous proposer la médiation de la Prusse à l'effet d'opérer un rapprochement entre la Russie et la France. On paraît avoir très à cœur à Berlin d'y établir cette négociation et les ouvertures de Mr Laforêt, ainsi que la note [94] que Raineval avait dû remettre ici, ont fait naître dans l'esprit du ministère prussien l'espoir que le rapprochement précité pourrait facilement s'effectuer. Ce n'est pas de notre part que cet espoir sera déçu : les sentiments de notre auguste maître sont trop connus pour qu'il faille ici en faire l'apologie. Souverain d'un empire dont les moyens lui offrent la certitude de faire respecter ses déterminations, il n'a jamais eu besoin de cacher ses intentions ; jamais une arrière-pensée n'a motivé ses démarches. Il a rompu avec le gouvernem[en]t français, parce que ce gouv[ernemen]t se refusait à remplir les engagements qu'il avait contractés avec la Russie. Les motifs de cette rupture ont été notifiés à toutes les cours de l'Europe; celle de Berlin a pu juger par la note [95] que le Sr Oubril a remise à Mr de Talleyrand et qui lui a été communiquée dans le temps, si les stipulations dont la Russie réclame l'exécution ont pour but son intérêt particulier. Tranquille pour elle-même, la Russie n'est inquiète que sur le sort que l'ambition désordonnée prépare au reste de l'Europe. S'il a été jusqu'ici impossible à s. m. i. d'ouvrir les yeux aux puissances qui y sont le plus intéressées sur les dangers réels qui les menacent et dont leur complaisance infatigable n'a fait qu'ajourner la réalisation, elle a cru contraire à sa dignité de continuer ses relations avec un gouvernement qui, poursuivant à tout prix son système de domination universelle, se rit de la foi jurée, se plaît à accumuler ses torts et dont l'audace augmente à mesure qu'elle rencontre de l'indulgence. Les raisons du mécontentement de l'empereur étant connues, la route pour rétablir l'harmonie entre les deux pays est donc tracée. Si le cabinet de Berlin croit pouvoir y amener celui des Thuilleries, s. m. i. y sera d'autant plus sensible que son vœu le plus ardent, celui de soustraire le faible à la puissance qui l'opprime, sera en partie rempli.

L'empereur charge v. ex. de déclarer au baron de Hardenberg la sensibilité de s. m. pour les soins dont la cour de Berlin veut bien se charger à l'effet de faire disparaître les causes qui ont amené l'état présent des choses. S. m. est sans

doute trop amie de la paix pour ne pas en désirer la conservation ; elle est trop attachée au roi de Prusse pour récuser son intervention et elle sera très aise que cette réconciliation, si elle est possible, s'effectue sous les auspices de son intime allié. Mais en se prêtant ainsi à ce qu'on désire de lui, l'empereur s'attend qu'on ne lui proposera jamais d'autres bases d'accommodement que celles qui ont été offertes par son chargé d'affaires comme devant servir à éviter la rupture et qui sont connues du ministère prussien. L'empereur n'est nullement éloigné de terminer ainsi à l'amiable le différend que la conduite du gouvernement français a produit. La mésintelligence qui désunit les deux pays disparaîtra avec les causes qui l'ont fait naître, et s. m. i. sera très satisfaite si les soins de s. m. prussienne peuvent amener cet heureux résultat ; mais notre auguste maître est loin d'en partager l'espoir. C'est au cabinet de Berlin à juger jusqu'à quel point le langage du Sr Laforêt doit le permettre. Quant à la note[94] que le Sr Raineval a offert de nous remettre ici, il est vrai qu'elle est rédigée dans un ton plus convenable que celles qui l'ont précédée, mais elle ne contient au fond que des propos vagues et n'articule rien sur les objets qui occupent la sollicitude de notre auguste maître, et s. m. i., dont la bonne foi a été trop souvent surprise par le gouvernement français, ne se contentera point de phrases fallacieuses et ne se rendra qu'à l'évidence des faits.

V. ex. saura se prévaloir des réflexions contenues dans cette dépêche et elle sentira la nécessité d'en faire précéder la réponse qu'elle vient d'être chargée de donner à l'ouverture[95] qui nous a été faite par le comte de Goltz.

Vous sentirez de même, monsieur, que dans aucun cas ce n'est pas à Vous de faire les premiers pas vers Mr Laforêt. Si le ministère prussien, persuadé comme il l'est des facilités que Bonaparte doit apporter au redressement des griefs dont notre cour a à se plaindre, veut employer ses soins à l'y amener, l'empereur ne s'y opposera pas ; il le verra même avec plaisir comme un nouveau témoignage de l'amitié de son allié, dont toutes les marques lui sont précieuses; mais la justice de sa cause, ainsi que la dignité de sa couronne exigent de lui de ne point aller à la recherche d'une union qu'il n'a pas dépendu de lui de conserver.

La marche franche et loyale, que s. m. i. a adoptée dans sa politique, lui permet d'articuler dès le début de la négociation les facilités qu'elle peut pour sa part apporter à sa réussite. Parmi les points exigés par notre auguste maître, il y en a qui peuvent être exécutés immédiatement, d'autres, qui par leur nature demandent à être discutés, après que le principe en sera convenu. L'indemnité du roi de Sardaigne et l'accord sur les affaires de l'Italie en général appartiennent à cette dernière classe ; mais l'évacuation du Nord de l'Allemagne et du royaume de Naples sans contredit à la première. Si donc Bonaparte consent à retirer ses troupes des pays ci-dessus énoncés et à admettre le principe relatif aux autres, s. m. i., après avoir acquis la certitude que la retraite des troupes françaises qui s'ajournent actuellement tant dans le Nord de l'Allemagne, que sur le territoire napolitain, s'est effectuée, Vous permettra, monsieur, d'entrer en pourparlers directs avec Mr Laforêt pour conduire à sa fin la négociation toujours sous la médiation de s. m. prussienne.

Telles sont nos conditions. V. ex. puisera dans cet exposé la conduite qu'elle aura à tenir dans la conjoncture actuelle. Je rends trop de justice à sa sagesse et à son expérience pour croire qu'il soit nécessaire de m'étendre davantage sur cet objet.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Получено 16(28) октября 1804 г. с курьером Трозиным.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, основное содержание рескрипта [93], который был нам сообщен графом Гольцем и о котором этот посланник очень подробно говорил во время беседы со мной, сводилось к тому, чтобы предложить нам посредничество Пруссии в целях осуществления сближения между Россией и Францией. В Берлине, кажется, очень хотят, чтобы там были начаты такие переговоры, и предложения г-на Лафоре, как и нота [94], которую должен был вручить здесь Рейневаль, породили у прусского министерства надежду на то, что указанное сближение можно было бы легко осуществить. Не нам разочаровывать его в этой надежде: чувства нашего августейшего государя слишком хорошо известны, чтобы нужно было доказывать их здесь. Будучи главой империи, средства и силы которой дают ему уверенность в том, что он сможет заставить уважать свои решения, он никогда не нуждался в том, чтобы скрывать свои намерения; никогда какие-либо задние мысли не руководили его поступками. Он порвал с французским правительством, потому что оно отказывалось от выполнения обязательств, взятых им на себя по отношению к России. О причинах этого разрыва были уведомлены все европейские дворы; берлинский двор мог судить по ноте [95], врученной г-ном Убри г-ну Талейрану и сообщенной ему в свое время, о том, действительно ли те договорные условия, выполнения которых требует Россия, имеют своей целью ее личную выгоду. Не беспокоясь за себя, Россия встревожена лишь той участью, которую готовит остальной части Европы необузданное честолюбие. До настоящего времени е. и. в-во не смог открыть глаза державам, наиболее в этом заинтересованным, на угрожающую им действительную опасность, которую они не устраняют, а лишь отдаляют своим постоянным попустительством, но он счел несовместимым со своим достоинством продолжать сношения с правительством, которое, любой ценой проводя свою политику всемирного господства, пренебрегает торжественно принятыми обязательствами, находит удовольствие в том, чтобы погрязать в беззакониях, и дерзость которого возрастает прямо пропорционально той снисходительности, которую оно встречает. Поскольку причины недовольства императора известны, путь к восстановлению согласия между двумя странами, следовательно, ясен. Если берлинский кабинет считает, что он сможет склонить к этому тюильрийский кабинет, то е. и. в-во будет тем более признателен за это, что таким образом будет частично выполнено его самое горячее желание, а именно желание избавить слабого от угнетателя.

Император поручает в. пр-ву заявить барону Гарденбергу о том, что е. в-во весьма признателен берлинскому двору за то, что он желает взять на себя заботу об устранении причин, приведших к теперешнему положению вещей. Е. в-во, несомненно, слишком желает мира, чтобы не стремиться сохранить его, он питает слишком дружественные чувства к прусскому королю, чтобы отвергать его посредничество, и он будет очень рад тому, что это примирение, если оно возможно, будет осуществлено при содействии его близкого союзника. Но, соглашаясь, таким образом, на то, чего от него желают, император надеется, что ему никогда не предложат иных основ для соглашения о примирении, кроме тех, которые были предложены его поверенным в делах с целью избежать разрыва и которые известны прусскому министерству. Император отнюдь не возражает против того, чтобы таким путем покончить полюбовно с ссорой, вызванной действиями французского правительства. Несогласия, разделяющие две страны, исчезнут вместе с породившими их причинами, и е. и. в-во будет весьма доволен, если заботы его прусского в-ва смогут привести к этому счастливому результату; однако наш августейший государь далеко не разделяет надежду на это. Вывод о том, насколько сказанное г-ном Лафоре позволяет надеяться на это, должен сделать берлинский кабинет. Что же касается ноты [94], которую г-н Рейневаль предложил вручить нам здесь, то она, действительно, составлена в более подобающем тоне, нежели предшествовавшие ноты, но, по существу, в ней содержатся лишь неясные намеки и ничего не говорится о вопросах, которые являются предметом забот нашего августейшего государя, а е. и. в-во, доверием которого французское правительство неоднократно злоупотребляло, отнюдь не удовольствуется обманчивыми фразами и поверит лишь реальным фактам.

В. пр-во сумеете использовать соображения, содержащиеся в этой депеше, и поймете необходимость того, чтобы они предшествовали тому ответу, который Вам поручено дать на предложения [93], сделанные нам графом Гольцем.

Вы, милостивый государь, поймете также, что в любом случае не Вы должны делать первый шаг навстречу г-ну Лафоре. Если прусское министерство, столь убежденное в том, что Бонапарт должен охотно пойти навстречу в деле удовлетворения претензий, имеющихся у нашего двора, пожелает употребить свои заботы на то, чтобы склонить его к этому, то император ничего не будет иметь против этого; он будет даже рад, так как усмотрит в этом еще одно свидетельство дружественных чувств к нему со стороны его союзника, все проявления которых ему очень дороги; но правота его дела, так же как и достоинство его короны, требуют, чтобы он не искал союза, который не был сохранен по независящим от него причинам.

Искренний и прямодушный образ действий, которого е. и. в-во придерживается в своей политике, позволяет ему с самого начала переговоров сообщить о том, что он со своей стороны может сделать, чтобы способствовать их успеху. В числе требований, выдвигаемых нашим

августейшим государем, есть такие, которые могут быть выполнены немедленно, а другие по своему характеру должны будут подвергнуться обсуждению, после того как договоренность о них в принципе будет достигнута. Индемнизация короля сардинского и соглашение по итальянским делам вообще относятся к этой последней категории, но вывод войск из Северной Германии и королевства Неаполитанского, бесспорно, относится к первой категории. Следовательно, если Бонапарт согласится вывести свои войска из вышеупомянутых стран и принять в принципе то, что касается прочих стран, то е. и. в-во, убедившись в том, что вывод французских войск, которые в настоящее время находятся как в Северной Германии, так и на неаполитанской территории, осуществлен, позволит Вам, милостивый государь, вступить в непосредственные переговоры с г-ном Лафоре, с тем чтобы довести их до конца, по-прежнему при посредничестве его прусского в-ва.

Таковы наши условия. В. пр-ву должно быть ясно из вышеизложенного, какой линии поведения Вам следует придерживаться в данных обстоятельствах. Я слишком высокого мнения о Вашей проницательности и опыте, чтобы полагать, что я должен входить в бо́льшие подробности по данному вопросу.

Имею честь ...

Князь А. Чарторыйский

58. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

6(18) октября 1804 г.

Monsieur ! J'étais occupé à préparer la présente expédition lorsque la dépêche de v. ex. en date du 20 septembre v[ieux] st[yle] m'est rentrée. L'ayant portée de suite à la connaissance de l'empereur, s. m. i. a été désagréablement surprise de l'intention, que Vous supposez à la cour de Berlin, d'occuper par ses troupes la Poméranie Suédoise [96]. Une telle démarche ne pourrait que déplaire infiniment à notre auguste maître. Ne devrait-elle pas nous prouver qu'on ne nous a donné connaissance que d'une partie des explications, dans lesquelles le cabinet de Berlin est entré avec celui de St. Cloud, relativement à la Poméranie Suédoise, que la déclaration d'empêcher l'entrée des troupes françaises dans cette province contenait la proposition de la faire occuper par celles du roi de Prusse, et que c'est de l'admission de cette proposition par Bonaparte que dépendra la conduite ultérieure de s. m. prussienne ?

Je ne Vous parle point ici, monsieur, combien il serait pénible pour s. m. i. de voir son intime allié méconnaître ses véritables intérêts et, j'ose dire, oublier le soin de sa gloire au point d'abandonner l'emploi honorable de protecteur du faible pour celui d'aide de l'oppresseur. Une démarche pareille de la Prusse contre la Suède détruirait parmi les Etats de l'Europe tout esprit d'opposition contre le tyran qui prétend les asservir et porterait le découragement et la stupeur, qui s'ensuit, à son comble. Je dois en outre rappeler à v. ex. que le traité d'alliance, conclu à Gatchina [97] entre la Russie et la Suède, a stipulé la garantie de toutes les possessions du roi de Suède en Europe, et que notre auguste maître est religieux observateur de la foi des traités ; qu'en conséquence s. m. ne pourra permettre l'exécution de l'idée que Vous croyez être du cabinet de Berlin relativement à la Poméranie Suédoise et que si elle venait à se réaliser l'empereur serait obligé à regret de se porter à des mesures extrêmes que ses engagements et l'intérêt de la bonne cause lui commanderont ; c'est ce que v. ex. ne manquera pas de déclarer officiellement, selon que l'instance des événements l'exigera.

Je ne sais pas combien peuvent être fondées les notions qu'on a à Berlin sur la demande d'un secours pécuniaire, que le roi de Suède a pu faire à la cour de Londres ; mais on ne peut disconvenir qu'une pareille demande est plus naturelle que celle de la cour de Berlin de laisser Stralsund et la Poméranie Suédoise

sans défense. Je le répète, il est impossible d'admettre que le roi de Suède veuille attaquer la France ; les forces dont il peut disposer sont à peine suffisantes pour défendre ses propres Etats ; et sa conduite, ainsi que ses mesures défensives ne peuvent paraître provocatoires qu'au gouvernement français qui médite lui-même l'agression et voudrait ne point rencontrer d'obstacles dans l'exécution des ses injustes projets. On peut du reste s'en reposer sur le propre intérêt de s. m. suédoise qui ne lui fera omettre aucun des moyens dont elle peut disposer pour s'opposer à une attaque qui serait dirigée contre ses Etats, et il nous semble que la cour de Berlin aurait dû voir avec satisfaction l'armement que le roi de Suède se propose de faire en Poméranie, car si Bonaparte aura égard aux représentations de s. m. prussienne et laissera en repos le Nord de l'Allemagne, les mesures prises par le roi de Suède auront été superflues et sans inconvénient ; si au contraire le caractère haineux du chef du gouvernement français l'emporte et qu'il se décide pour l'invasion, s. m. prussienne, étant obligée par sa convention avec notre auguste maître à s'y opposer, trouvera dans les troupes suédoises un renfort qui n'est pas à dédaigner. V. ex., faisant adopter au ministère prussien cette façon d'envisager la question dont il s'agit, aura rendu un service essentiel à la tranquillité générale et à la bonne cause. Du reste, s. m. i. se propose par des insinuations convenables de conseiller au roi de Suède d'éviter, autant que sa sûreté le permettra, toute raison de provocation inutile, à quoi ce prince, nous n'en doutons pas, se portera de lui-même sans difficulté.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Получено 16(28) октября 1804 г. с курьером Трозиным.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, я готовил к отправке данную почту, когда получил депешу в. пр-ва от 20 сентября по старому стилю. Я тотчас же довел ее до сведения императора, и е. и. в-во был неприятно поражен тем, что, как Вы предполагаете, берлинский двор имеет намерение занять своими войсками Шведскую Померанию[96]. Подобные действия могли бы вызвать лишь крайнее неудовольствие нашего августейшего государя. Разве это не доказало бы нам, что нас лишь частично ознакомили с теми объяснениями, которые берлинский кабинет имел с кабинетом Сен-Клу относительно Шведской Померании, что в заявлении о намерении не допустить ввода французских войск в эту провинцию содержалось предложение занять ее войсками короля прусского, а также что дальнейшее поведение его прусского в-ва будет зависеть от принятия этого предложения Бонапартом.

Я уже не говорю Вам, милостивый государь, о том, сколь тягостное чувство испытал бы е. и. в-во, увидев, что его близкий союзник не считается со своими истинными интересами и, смею сказать, настолько забывает долг своей чести, что отказывается от почетной роли защитника слабого и берет на себя роль пособника угнетателя. Подобные действия Пруссии против Швеции подавили бы у европейских государств всякое стремление к сопротивлению тирану, который намерен поработить их, и довели бы до крайней степени отчаяние и порождаемую им бездеятельность. Я должен, кроме того, напомнить в. пр-ву, что союзным договором, заключенным в Гатчине между Россией и Швецией[97], предусмотрена гарантия всех владений короля шведского в Европе и что наш августейший государь свято чтит обязательность договоров; следовательно, е. в-во не сможет допустить осуществления замысла, который, по Вашему мнению, имеется у берлинского кабинета в отношении Шведской Померании, и если этот замысел все же будет осуществлен, то император с сожалением будет вынужден прибегнуть к крайним мерам, которые будут продиктованы ему его обязательствами и интересами правого дела; в. пр-во должны заявить об этом официально, если ход событий потребует этого.

Я не знаю, насколько обоснованны имеющиеся в Берлине сведения относительно просьбы короля шведского к лондонскому двору о денежной помощи, но нельзя не согласиться с тем, что подобная просьба более естественна, нежели требование берлинского двора относительно того, чтобы оставить Штральзунд и Шведскую Померанию без защиты. Я повторяю, что невозможно предположить, чтобы король шведский намеревался напасть на Францию; имеющихся в его распоряжении сил едва достаточно для защиты его собственных владений, и его действия, так же как и его оборонительные меры, могут казаться провокационными

только французскому правительству, которое само замышляет агрессию и хотело бы не встретить никаких препятствий в осуществлении своих несправедливых замыслов. К тому же в этом отношении можно положиться на собственные интересы его шведского в-ва, которые не позволят ему пренебречь какими-либо средствами, которыми он может располагать для защиты своих владений от нападения, и нам представляется, что берлинский двор должен был бы с удовлетворением отнестись к военным приготовлениям, которые король шведский намерен осуществить в Померании, ибо если Бонапарт примет во внимание представления его прусского в-ва и оставит в покое Северную Германию, то меры, принятые шведским королем, окажутся излишними и не представят каких-либо неудобств; если же, напротив, злобный характер главы французского правительства возьмет верх и если он решится на вторжение, то поскольку его прусское в-во обязан противодействовать этому в силу конвенции, заключенной им с нашим августейшим государем, шведские войска явятся подкреплением, которым не следует пренебрегать. Если в. пр-во добьетесь того, что прусское министерство согласится с этой точкой зрения по данному вопросу, то тем самым Вы окажете существенную услугу общему спокойствию и правому делу. К тому же е. и. в-во намеревается путем соответствующих внушений посоветовать королю шведскому избегать в той степени, в какой это позволят ему интересы безопасности, всяких излишних поводов для провокаций, на что этот государь, в чем мы не сомневаемся, охотно пойдет сам.

Имею честь ...

Князь А. Чарторыйский

59. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский поверенному в делах в Париже П. Я. Убри

15(27) октября 1804 г.*

Вникая в смысл переговоров в Маянсе, между Вами и г-ном Коленкуром происходивших, о которых донесли Вы сюда из Франкфорта в депешах, с надворным советником Ланским полученных**, усматриваю, что некоторым образом Вы в оных удалились прямого разума инструкций, Вам данных**, ибо отзывы Ваши г-ну Коленкуру легко могут подать правительству французскому повод к заключению о нашей склонности или самом искательстве средств к сближению и возобновлению сношений наших с Франциею. Хотя и не имело сие никаких следствий, но я за нужное счел приметить о том Вам, дабы Вы не вошли в какую-либо переписку из Франкфорта или объяснения, если бы паче чаяния кто от французского правительства к Вам в том виде адресовался.

Государю императору впрочем угодно, чтобы Вы без отлагательства отправились в путь оттуда и следовали бы сюда со всеми чиновниками, миссию Вашу составляющими, что и не оставите исполнить по получении сей депеши. Для избежания затруднения в лошадях позволяется Вам учредить путешествие чиновников миссии и церковнослужителей так, как наилутчим и для их самих удобнейшим признано будет.

Пребываю...

Отправлено с почтою 15 октября 1804 г.

Печат. по отпуску.

60. Нота посланника в Берлине М. М. Алопеуса министру иностранных дел Пруссии Гарденбергу

16(28) октября 1804 г.

Après les explications qui ont eu lieu entre M^r le prince Czartoryski et M^r le comte de Goltz, de même qu'après les assurances que j'ai été autorisé de donner, contenues dans le rescrit** dont j'ai eu l'honneur de faire la lecture con-

* Дата отправления.

** См., в частности, док. 35.

fidentielle à v. ex., il serait plus que superflu d'exposer à quel point l'empereur, mon auguste maître, désire de pouvoir saisir tous les moyens propres à conduire au but que s. m. le roi a eu en vue, pour autant qu'ils peuvent être conciliés avec ce qu'exigent la dignité de s. m. et le soin de démasquer et de déjouer les vues aussi perfides que dangereuses de Bonaparte. La nouvelle preuve de manque total de bonne foi de cet homme audacieux[100], qui ne balance plus d'exercer ouvertement dans le Nord de l'Allemagne les violences manifestes qui à Ettenheim[1] ont souillé sa réputation et fourni la mesure de son caractère atroce, a renversé l'état des choses dont on est parti à St. Pétersbourg. Ainsi, loin de pouvoir entrer en pourparlers quelconques à l'égard d'un rapprochement entre la Russie et la France sans nouveaux ordres, je me vois obligé de rappeler au souvenir de v. ex. mon office verbal d'hier[101]. Si déjà dans le rescrit précité l'empereur, mon auguste maître, relève le besoin du rassemblement d'un corps suffisant de troupes, cette mesure devient doublement urgente après la lésion manifeste de la sûreté d'un territoire neutre et l'enlèvement d'une personne[100] qui se trouvait sous la protection du droit des gens et en particulier sous celle de s. m. prussienne en sa qualité de directeur du cercle de la Basse Saxe. Au surplus l'article IV de la convention secrète du 24 mai dernier * exprime d'une manière claire et précise les obligations mutuellement contractées par les hautes parties contractantes. Il y est dit en propres termes que «c'est sur les bords du Veser que les intérêts deviennent essentiels, parce que de ce point-là il s'agit du Danemarc, du Meclembourg, des villes anséatiques etc, et *le casus foederis par conséquent aura lieu à la première entreprise des Français contre un Etat situé sur la droite du Veser* et particulièrement contre les provinces danoises et le Meclembourg».

Vu l'urgence de la circonstance et la nécessité que mon auguste cour soit promptement instruite de la détermination de s. m. prussienne dans ce moment critique, je supplie v. ex. de me mettre en état de la lui faire connaître sans délai.

J'ai...

Получено 28 октября 1804 г.

Печат. по копии.

Перевод

После объяснений, имевших место между г-ном князем Чарторыйским и г-ном графом Гольцем, а также после того, как я дал заверения, на которые был уполномочен рескриптом[99], конфиденциально зачитанным мной в. пр-ву, было бы более чем излишне говорить о том, сколь горячо император, мой августейший государь, желает использовать все средства, способные привести к цели, которую е. в-во король имел в виду, в той степени, в какой эти средства могут быть совместимы с тем, что требуется достоинством е. и. в-ва и стремлением разоблачить и сорвать столь же коварные, сколь и опасные замыслы Бонапарта. Новое доказательство полного отсутствия добросовестности у этого дерзкого человека, который, не колеблясь более, открыто прибегает в Северной Германии к явным насилиям[100], подобным тому, которое было совершено в Эттенгейме[1], запятнало его репутацию и показало, на что способен этот жестокий человек, в корне изменило положение вещей, из которого исходили в С.-Петербурге. Поэтому, не имея возможности вступать в какие бы то ни было переговоры относительно сближения между Россией и Францией до получения новых указаний, я вынужден напомнить в. пр-ву о моем вчерашнем устном официальном заявлении[101]. Если уже в упомянутом рескрипте император, мой августейший государь, подчеркивал необходимость сосредоточения достаточного количества войск, то эта мера становится вдвойне неотложной после явного нарушения безопасности нейтральной территории и похищения лица[100], находившегося под защитой международного права и под покровительством его прусского в-ва как главы округа Нижней Саксонии. Более того, в статье IV секретной конвенции от 24 мая сего года* ясно и четко выражены обязательства, взаимно взятые на себя высокими договаривающимися сторонами. Там говорится буквально следующее: «Именно на берегах Везера интересы оказываются существенными, потому что с сего пункта речь идет о Да-

* См. док. 23.

нии, о Мекленбурге, о ганзейских городах и т. д., и, следовательно, *casus foederis будет иметь место при первом предприятии французов против какого-либо государства империи, расположенного на правом берегу Везера*, и, в частности, против провинций датских и мекленбургских».

Учитывая неотложность обстоятельств и необходимость того, чтобы мой августейший двор был как можно скорее осведомлен о том решении, которое примет его прусское в-во в этот критический момент, я очень прошу в. пр-во предоставить мне возможность безотлагательно сообщить это решение моему двору.

Имею честь ...

61. Александр I посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

18(30) октября 1804 г.

Apprenant le zèle et l'activité que Vous mettez à remplir les instructions que je Vous fait transmettre et ne pouvant méconnaître que l'heureuse marche, que prennent les affaires confiées à Vos soins, est due principalement à l'habileté avec laquelle Vous les conduisez, j'ai voulu Vous en témoigner ma satisfaction moi-même.

La fermeté avec laquelle la Porte Ottomane décline la reconnaissance du titre que vient de se donner Bonaparte[42], la rigidité qu'elle met à ne se départir de la stricte exécution des traités qui me lient avec elle excitent toute ma sensibilité. Je me flatte que les insinuations mensongères de ceux qui se sont déclarés les ennemis de l'indépendance et du repos de toute l'Europe, ne parviendront pas à détruire cette heureuse harmonie entre nous. Les retards, qu'éprouve la négociation du renouvellement du traité d'alliance, ne sauraient la troubler le moins du monde, et la Porte reconnaîtra facilement qu'il est physiquement impossible que j'aie pu encore recevoir jusqu'à présent les réponses que j'ai fait demander* à la cour de Londres sur cette matière importante.

Malgré le juste ressentiment que j'ai dû concevoir contre Ali-pacha de Janina à cause des provocations inexcusables[102] qu'il s'est permises sans égards aux stipulations existant entre moi et son souverain, je me suis contenté, cependant, par suite de mon amitié pour sa hautesse, de la simple évacuation des 4 villes ex-vénitiennes sans exiger une satisfaction plus éclatante à laquelle j'avais droit.

Toutefois, c'est uniquement dans l'espoir que de pareils désordres n'auront plus lieu à l'avenir et qu'on prendra des mesures efficaces pour qu'il devienne impossible à Ali-pacha de renouveler ses empiétements au grand désagrément des deux cours impériales. C'est pourquoi Vous aurez soin de vous concerter à cet égard avec mon plénipotentiaire à Corfou, auquel des ordres analogues ont été donnés. Vous connaissez l'intérêt que je prends à la consolidation du bien-être de la République ionienne et à la stricte exécution des traités ** relativement au littoral ex-vénitien. Le sort de ces pays a été dans les mains de la Russie, et c'est à elle d'en répondre. Je ne doute pas que d'après cela Vous n'apportiez Vos efforts les plus suivis à ce que mes justes désirs soient remplis à cet égard, lesquels ne sauraient qu'être approuvés et partagés même par le sultan, mon allié.

Je n'ai pas non plus caché à ce monarque l'intérêt que je prends à voir les souffrances de ses sujets chrétiens diminuer autant que possible et c'est un souhait sur lequel ma religion me permet d'autant moins de me refroidir, que je regarde son accomplissement, même partiel, comme un des plus sûrs moyens de consolider la puissance de l'Empire turc.

---

* См. док. 49.

** Имеются в виду русско-турецкий союзный договор 1799 г. (см. т. I, прим. 86) и русско-турецкая конвенция о Республике Семи Соединенных островов (см. т. I, прим. 87).

Quoique Vous ayez été déjà amplement instruit par mon ministère de ma façon d'envisager ces matières et que Vous en ayez su saisir parfaitement l'esprit, j'ai été bien aise, en Vous écrivant, de toucher en peu de mots les différents points dont il est question actuellement dans les rapports de mon cabinet avec la Porte.

Je ne saurais finir sans Vous exprimer aussi mon entière approbation sur la manière dont Vous avez conduit la négociation au sujet de la libre navigation sur la rivière du Phase[103]. Vous n'omettrez pas à cette occasion et dans toutes celles où je reçois des témoignages d'amitié de la part du sultan, de lui en exprimer ma sensibilité ainsi qu'à son ministère éclairé dont la sagesse est vraiment digne de louanges.

La justice, que je me plais à rendre à Votre habileté et à Votre zèle, ne ferait, je m'en flatte, que Vous animer d'avantage à me fournir des occasions dans lesquelles je puisse Vous donner des témoignages de ma constante bienveillance.

Помета Александра I: Быть по сему.
Октября 17 дня 1804 г.

Высочайше подписан 18 октября 1804 г. и того же числа отправлен с турецкою почтою.

Печат. по отпуску.

Перевод

Узнав о том, сколь усердно и ревностно Вы выполняете инструкции, данные Вам по моему указанию, и признавая, что счастливый оборот, который принимают дела, доверенные Вашим заботам, объясняется главным образом умением, с которым Вы их ведете, я пожелал лично засвидетельствовать Вам свое удовлетворение.

Меня чрезвычайно радуют твердость, с которой Оттоманская Порта отказывается признать титул, недавно присвоенный Бонапартом[42], и то, что она неуклонно старается строжайшим образом выполнять договоры, связывающие меня с нею. Я льщу себя надеждой, что лживые инсинуации тех, которые объявили себя врагами независимости и мира всей Европы, не смогут нарушить это счастливое согласие между нами. Задержка в ходе переговоров о возобновлении договора о союзе меньше всего может нарушить его, и Порта легко признает, что для меня было физически невозможно получить до настоящего времени от лондонского двора ответ на мой запрос * по этому важному предмету.

Несмотря на справедливое негодование по отношению к Али-паше Янинскому, которое неминуемо должно было возникнуть у меня вследствие непростительных провокационных действий[102], которые он себе позволил, вопреки существующим между мной и его государем договорным постановлениям, я из дружбы к его высочеству султану удовольствовался лишь требованием о выводе войск из четырех бывших венецианских городов, не требуя более значительного удовлетворения, на которое я имел право.

Однако это было сделано единственно в надежде на то, что подобные беспорядки не повторятся в будущем и что будут приняты эффективные меры к тому, чтобы Али-паша не смог возобновить свои посягательства к великому неудовольствию обоих императорских дворов. Поэтому Вам нужно будет позаботиться о том, чтобы согласовать Ваши действия в этом отношении с моим полномочным представителем на Корфу, которому даны аналогичные распоряжения. Вам известна та заинтересованность, которую я проявляю к укреплению благосостояния Ионической республики и к строгому выполнению договоров **, относящихся к бывшему венецианскому побережью. Судьба этих стран находилась в руках России, и она должна нести за них ответственность. Я не сомневаюсь, что в соответствии с этим Вы неослабно будете стараться выполнить мои справедливые пожелания в этом отношении, которые, без сомнения, встретят полное одобрение султана, моего союзника.

Я не скрыл также от этого государя, что я очень заинтересован в возможно большем облегчении страданий его христианских подданных, и мои религиозные убеждения тем менее позволяют мне охладеть к этому, что я рассматриваю даже частичное осуществление этого как одно из наиболее верных средств укрепить Турецкую империю.

Хотя Вы уже достаточно подробно осведомлены моим министерством о моей точке зрения по этим делам и прекрасно поняли существо, мне хотелось коснуться в этом письме в нескольких словах различных вопросов, о которых в настоящее время идет речь в отношениях между моим кабинетом и Портой.

В заключение не могу не сказать Вам, что я полностью одобряю Ваш образ действий при переговорах по вопросу о свободном плавании по реке Риони [102]. По этому случаю, как и всегда, когда султан будет давать свидетельства своего дружественного отношения ко мне, не преминитe выразить мою признательность ему, так же как и его просвещенному министерству, мудрость которого действительно достойна всяческих похвал.

Я надеюсь, что, отдав должное Вашему умению и Вашему усердию, я только поощрю Вас на то, чтобы дать мне новые поводы засвидетельствовать Вам мою постоянную благосклонность.

62. Генеральный консул в Генуе С. Санковский товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

№ 3 *22 октября (3 ноября) 1804 г.*

Mon prince, le ministre Salicetti vient de confier à un de ses amis, qu'on lui mande de Paris qu'une déclaration de guerre est imminente contre la cour de Russie et qu'on allait s'occuper des moyens pour lui enlever les Sept Iles. Cette conquête d'après lui n'offre pas de grandes difficultés, ayant été convaincu par la relation qu'un officier lui a communiquée, et c'est un certain Varèse, Corse de nation, protégé et compagnon d'études du premier consul, aujourd'hui inspecteur des ports de France dans la Méditerranée et autrefois principal émissaire employé à la démocratisation de Corfou, qu'il sera impossible à 14 mille Russes dispersés ça et là de résister longtemps à une double attaque des habitants et des Français. Cette sortie du ministre de France est peut-être hasardée; mais comme les combinaisons des Français ont toujours porté sur les intelligences qu'ils avaient dans le pays qu'ils voulaient envahir, il ne serait peut-être pas si indifférent de surveiller les amis de Varèse à Corfou, qui certainement ne doivent pas y être ignorés.

Les forces des Français en Italie selon les notions les plus exactes ne dépassent pas les 60 mille hommes y compris les Cisalpins et les Liguriens. La division de St. Cyr est d'environ 10 mille Français, 3 mille Cisalpins et 800 Liguriens ; celle de Boulogne est de 7 mille h[ommes] dont 3 mille 700 occupent Fano, Pesaro et les environs. Les renforts que Jourdan a reçus ne vont pas au delà de 20 mille hommes, la plupart des conscrits. Cette troupe a passé par Suze et Cremone et s'est ensuite distribuée : partie dans le Véronais et partie dans le Breschian, Bergamasque. La flotte de Toulon, forte de 9 vaisseaux de ligne et de 12 frégates et corvettes, vient de rentrer dans la petite rade. Les matelots ont eu la liberté de descendre à terre. Il paraît que c'est une feinte pour tromper la croisière des Anglais, vu que le camp en avant de Toulon est composé de 8 mille vétérans qui au premier signal peuvent être embarqués.

Une proclamation de la santé vient de jeter le public dans une très grande consternation. Elle annonce que la fièvre jaune fait les plus grands ravages à Livourne, et que les pays limitrophes n'ayant pas pris à temps des mesures efficaces pour se préserver eux-mêmes de la contagion et la Ligurie, on se trouve dans la nécessité d'ordonner aux habitants depuis l'âge de 17 ans jusqu'à 70 inclusivement de former un cordon le plus rigoureux tout le long des côtes et sur les frontières, afin d'empêcher toute communication à ces pays-là avec Gênes. D'après le sens même de cette proclamation, il paraît que ce fléau a gagné déjà la Ligurie ; on vient de nettoyer le couvent au fort de San-Benigno pour y transporter les malades d'ici qu'on soupçonnerait attaqués de la fièvre jaune.

J'ai l'honneur...

Etienne de Sancowsky

Получено 22 ноября 1804 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин князь, посланник Салицетти недавно доверительно сказал одному из своих друзей, что из Парижа ему сообщают о том, что русскому двору неминуемо будет объявлена война и что в ближайшее время займутся подготовкой средств для того, чтобы отнять у России Семь островов. По его мнению, захват этих островов не представляет больших трудностей; в этом его убедило суждение, высказанное одним офицером, некиим Варезом, корсиканцем по национальности, товарищем по учебе и протеже первого консула, ранее — главным эмиссаром по демократизации Корфу, а ныне — инспектором французских портов в Средиземном море, о том, что 14 тыс. русских, разбросанных там и сям, не смогут долго сопротивляться двойному натиску населения и французов. Такое утверждение французского посланника, может быть, слишком смело, но поскольку в своих расчетах французы всегда основываются на связях, установленных ими в стране, которую они хотят захватить, быть может, следовало бы организовать наблюдение за друзьями Вареза на Корфу, которых там, конечно, должны знать.

По самым точным сведениям, силы французов в Италии не превышают 60 тыс. человек, включая цизальпинцев и лигурийцев. Дивизия Сен-Сира насчитывает около 10 тыс. французов, 3 тыс. цизальпинцев и 800 лигурийцев. Булоньская дивизия состоит из 7 тыс. человек, из которых 3700 занимают Фано, Пезаро и окрестности. Подкрепления, полученные Журданом, не превышают 20 тыс. человек, в основном новобранцев. Этот отряд прошел через Сузу и Кремону, а затем часть его была направлена в Верону, часть в Брешию и Бергамо. Тулонский флот, насчитывающий 9 линейных кораблей и 12 фрегатов и корветов, только что вернулся на малый рейд. Матросам разрешили сойти на берег. Похоже, что это хитрость, рассчитанная на то, чтобы ввести в заблуждение крейсирующие английские суда, учитывая, что в лагере под Тулоном насчитывается 8 тыс. ветеранов, которые по первому сигналу могут быть посажены на суда.

Только что выпущена прокламация ведомства здравоохранения, повергнувшая общество в крайний ужас. В ней сообщается, что желтая лихорадка производит огромные опустошения в Ливорно и, поскольку пограничные страны не приняли своевременно действенных мер, чтобы предохранить от распространения заразы самих себя и Лигурию, возникла необходимость предписать жителям от 17 до 70 лет включительно выставить строжайший кордон вдоль всего побережья и на границах, для того чтобы не допустить каких-либо сношений между этими странами и Генуей. Судя по содержанию этой прокламации, похоже, что это бедствие уже поразило Лигурию. Только что очищен монастырь в крепости Сан-Бениньо, чтобы отправлять туда больных, подозреваемых в том, что у них желтая лихорадка.

Имею честь ...

Степан Санковский

Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

22 октября (3 ноября) 1804 г.

Разъясняется политика русского правительства в Черногории. Выражается надежда на то, что Австрия и Россия будут совместно противодействовать проискам французских агентов в Черногории.

«Споменик», Београд, 1898, т. XXXI, № 29, стр. 99—102.

63. Декларация России о совместных действиях с Австрией против Франции [104]

*25 октября (6 ноября) 1804 г.**

L'influence prépondérante exercée par le gouvernement français sur les Etats circonvoisins et le nombre de pays occupés par ses troupes inspirant de justes inquiétudes pour le maintien de la tranquillité et de la sûreté générale de l'Europe, s. m. l'empereur de toutes les Russies partage avec s. m. l'empereur-roi

* Дата подписания декларации представителями России и вручения ее австрийскому послу Стадиону.

la conviction que cet état de choses réclame leur sollicitude mutuelle la plus sérieuse et rend urgent qu'elles s'unissent à cet effet par un concert étroit, adapté à l'état de crise et de danger, auquel l'Europe se trouve exposée.

Les soussignés ..., munis en conséquence des instructions et pouvoirs pour négocier et conclure un ouvrage aussi salutaire avec le plénipotentiaire nommé par s. m. l'empereur-roi pour en traiter avec lui, et après s'être mutuellement communiqué les pleins pouvoirs trouvés en due forme, sont convenus avec ledit plénipotentiaire des stipulations renfermées dans les articles suivants :

Article I

S. m. l'empereur de toutes les Russies promet et s'engage d'établir à l'égard de la crise et du danger susmentionnés le concert le plus intime avec s. m. l'empereur-roi, et les deux monarques auront soin de se prévenir et de s'entendre mutuellement sur les négociations et les concerts qu'ils seront dans le cas de lier avec d'autres puissances pour le même but convenu entr' eux et leurs démarches à cet égard seront conduites de manière à ne compromettre en aucune façon le présent engagement arrêté entr'eux, avant qu'ils ne se soient décidés d'un commun accord à le rendre public.

Article II

S. m. l'empereur de toutes les Russies et s. m. l'empereur-roi ne négligeront aucune occasion et facilité pour se mettre en état de coopérer d'une manière efficace aux mesures actives qu'elles jugeront nécessaires pour prévenir des dangers qui menaceraient immédiatement la sûreté générale de l'Europe.

Article III

Si en haine de l'opposition, que les deux cours impériales apporteront aux vues ambitieuses de la France en vertu de leurs concerts mutuels, l'une d'elles se trouvait immédiatement attaquée (les troupes russes stationnées pour le moment aux Sept Iles ioniennes faisant partie de la présente stipulation) chacune des deux hautes parties contractantes s'oblige de la manière la plus formelle de mettre en action pour la défense commune, le plus tôt que possible, les forces ci-dessous énoncées dans l'article VIII.

Article IV

S'il arrivait que le gouvernement français abusant des avantages, que lui procure la position de ses troupes qui occupent maintenant le territoire de l'empire d'Allemagne, envahissait les pays adjacents, dont l'intégrité et l'indépendance sont essentiellement liées aux intérêts de la Russie, et que par conséquent ne pouvant voir un tel empiétement d'un œil indifférent s. m. l'empereur de toutes les Russies se trouvât obligé d'y porter ses forces, s. m. l'empereur-roi regardera une telle conduite de la part de la France comme une agression qui lui imposera le devoir de se mettre au plus tôt en état de fournir un prompt secours, conformément aux stipulations du présent concert.

Article V

S. m. i. de toutes les Russies partage complètement le vif intérêt, que s. m. impériale et royale apostolique prend au maintien de la Porte Ottomane, dont le voisinage leur convient à tous les deux ; et comme une attaque dirigée contre

la Turquie Européenne par toute autre puissance ne peut que compromettre essentiellement la sûreté de la Russie et de l'Autriche et que la Porte dans son état de trouble actuel ne saurait elle-même repousser une entreprise formée contre elle, dans ladite supposition, et si la guerre se trouvait par cette raison engagée directement entre l'une des deux cours impériales et le gouvernement français, l'autre se préparera aussitôt, afin d'assister, dans le plus court délai possible, la puissance en guerre et de contribuer de concert à la conservation de la Porte Ottomane dans son état de possession actuel.

Article VI

Le sort du royaume de Naples devant influer sur celui de toute l'Italie, à l'indépendance de laquelle leurs majestés impériales prennent un intérêt tout particulier, il est entendu que les stipulations du présent concert auront leur effet dans le cas que les Français voulussent s'étendre dans le royaume de Naples par la force des armes au delà de leurs bornes actuelles pour s'emparer de la capitale, des places fortes de ce pays, pénétrer dans la Calabre. En un mot, s'ils forçaient s. m. le roi de Naples de risquer le tout pour le tout et de s'opposer par la force à cette nouvelle violation de sa neutralité et que s.m.i. de toutes les Russies, par les secours que dans cette supposition elle devrait fournir au roi des Deux Siciles, se trouvât engagée dans une guerre contre la France, s. m. impériale et royale s'oblige à commencer de son côté les opérations contre l'ennemi commun d'après les stipulations et nommément d'après les articles IV, V, VIII et IX du présent concert.

Article VII

Vu l'incertitude où les deux hautes parties contractantes se trouvent encore actuellement sur les desseins futurs du gouvernement français, elles se réservent, en outre de ce qui est stipulé ci-dessus, de convenir suivant l'urgence des circonstances des différents cas qui seraient de nature à exiger aussi l'emploi de leurs forces mutuelles.

Article VIII

Dans tous les cas, où les deux cours impériales en viendront à des mesures actives en vertu du présent concert ou de ceux qu'elles formeront ultérieurement entre elles, elles se promettent et s'engagent de coopérer simultanément et conjointement d'après un plan, qui sera convenu incessamment entre elles, avec des forces suffisantes pour espérer de combattre avec succès celles de l'ennemi et pour le repousser dans ses propres foyers, lesquelles forces ne seront pas moins de trois cent cinquante mille hommes sous les armes pour les deux cours impériales. S. m. impériale et royale fournira deux cent trente cinq mille pour sa part et le reste sera donné par s. m. l'empereur de Russie. Ces troupes seront mises et entretenues constamment des deux côtés sur un pied complet et il sera laissé en outre un corps d'observation pour s'assurer que la cour de Berlin restera passive. Les armées respectives seront distribuées de manière que les forces de deux cours impériales qui agiront de concert ne seront pas inférieures en nombre à celles de l'ennemi, qu'elles auront à combattre.

Article IX

Conformément au désir manifesté par la cour impériale et royale, s. m. i. de toutes les Russies s'engage d'employer ses bons offices à l'effet d'obtenir de la cour de Londres à s. m. impériale et royale apostolique pour les cas d'une guerre avec la France, énoncés dans la présente déclaration ou qui résulteront

des concerts futurs que les deux cours impériales se réservent de prendre dans l'article VII, des subsides, tant pour la première mise en campagne qu'annuellement pour toute la durée de la guerre, qui soient autant que possible à la convenance de la cour de Vienne.

Article X

Dans l'exécution des plans arrêtés il sera porté un juste égard aux obstacles qui résultent tant de l'état actuel des forces et des frontières de la monarchie autrichienne que des dangers imminents auxquels elle serait exposée dans cet état par des démonstrations et des armements qui provoqueraient immédiatement une invasion prématurée de la part de la France. En conséquence dans la détermination des mesures actives, dont on conviendra mutuellement et tant que la sûreté des deux empires et l'intérêt essentiel de la chose commune le permettront, il sera porté la plus grande attention à en combiner l'emploi avec le temps et la possibilité de mettre les forces et les frontières de s. m. l'empereur-roi en situation de pouvoir ouvrir la campagne avec l'énergie nécessaire pour atteindre le but de la guerre. Une fois cependant que les empiétements des Français auront établi les cas dans lesquels sa dite majesté impériale et royale apostolique sera engagée à prendre part à la guerre en vertu du présent concert et de ceux qui seront formés mutuellement par la suite, elle s'engage à ne pas perdre un instant pour se mettre en état dans le plus court délai possible et qui ne devra pas dépasser le terme de trois mois après la réclamation faite de coopérer efficacement avec s. m. i. de toutes les Russies et de procéder avec vigueur à l'exécution du plan qui sera arrêté.

Article XI

Les principes des deux souverains ne leur permettant pas dans aucun cas de vouloir contraindre le libre vœu de la nation française, le but de la guerre ne sera pas d'opérer la contre-révolution, mais uniquement de remédier aux dangers communs de l'Europe.

Article XII

S. m. l'empereur de toutes les Russies reconnaissant qu'il est juste, que dans le cas d'une nouvelle explosion de la guerre la maison d'Autriche soit dédommagée des immenses pertes qu'elle a essuyées dans ses dernières guerres avec la France, elle s'engage à coopérer pour lui obtenir ce dédommagement en pareil cas, autant que le succès des armes le comportera. Cependant dans le cas le plus heureux s. m. l'empereur-roi n'étendra pas en Italie sa limite au delà de l'Adda à l'occident et du Pô au midi; bien entendu que des différentes embouchures de ce dernier fleuve c'est la plus méridionale qui y serait employée. Les deux cours impériales désirent, que dans le cas supposé de succès s[on] a[ltesse] royale l'électeur actuel de Salzbourg puisse être replacé en Italie et qu'à cet effet il soit remis ou bien en possession du grand duché de Toscane ou bien qu'il obtienne quelqu'autre établissement convenable dans la partie septentrionale de l'Italie, supposé que les événements rendent cet arrangement possible.

Article XIII

Leurs majestés impériales dans la même supposition auront à cœur de procurer le rétablissement du roi de Sardaigne dans le Piémont, même avec un agrandissement ultérieur. Dans des hypothèses moins heureuses, il conviendrait toujours de lui assurer un établissement sortable en Italie.

Article XIV

Dans le même cas de grand succès, les deux cours impériales s'entendront sur le sort des légations et concourront à faire restituer les duchés de Modène, de Massa et de Carrara aux légitimes héritiers du dernier duc; mais dans le cas où les événements obligeraient de restreindre ces projets, lesdites légations ou les Modénais pourraient servir d'établissement au roi de Sardaigne; l'archiduc Ferdinand resterait en Allemagne, et s. m. se contenterait elle-même, s'il le fallait, d'une frontière en Italie plus rapprochée que l'Adda, de celle qui existe présentement.

Article XV

Si les circonstances permettaient de replacer l'électeur de Salzbourg en Italie, les pays de Salzbourg, Bertolsgaden et Passau seraient réunis à la monarchie autrichienne. Ce serait le seul cas où s. m. obtiendrait aussi une extension de sa frontière en Allemagne. Quant à la partie du pays d'Aichstädt possedée présentement par l'électeur de Salzbourg, il en serait disposé alors de la manière dont les deux cours impériales en conviendraient entre elles et notamment en faveur de l'électeur de Bavière, si par la part qu'il prendrait à la cause commune il se mettait dans le cas d'être avantagé. Pareillement dans le cas supposé au précédent article du rétablissement des héritiers du feu duc de Modène dans ses anciennes possessions, la propriété du Brisgau et de l'Ortenau pourrait devenir un moyen d'encouragement pour la bonne cause à un des principaux princes d'Allemagne et notamment à l'électeur de Bade, en faveur duquel il y serait renoncé par la maison d'Autriche.

Article XVI

Les deux hautes parties contractantes s'engagent à ne poser les armes et à ne traiter d'un accommodement avec l'ennemi commun que du consentement mutuel et après un accord préalable entr' elles.

Article XVII

En bornant pour le moment aux objets et points ci-dessus le présent concert préalable, sur lequel les deux monarques se promettent de part et d'autre le secret le plus inviolable, ils se réservent sans aucun retard et immédiatement de convenir par des arrangements ultérieurs tant sur un plan d'opérations pour le cas que la guerre serait inévitable que de tout ce qui est relatif à l'entretien des troupes respectives, tant dans les Etats autrichiens que sur territoire étranger.

Article XVIII

La présente déclaration, mutuellement reconnue aussi obligatoire que le traité le plus solennel, sera ratifiée dans l'espace de six semaines, ou plus tôt si faire se peut, et les actes de ratification également échangés en même temps[105].

En foi de quoi les soussignés plénipotentiaires de s. m. l'empereur de toutes les Russies ont signé le présent acte, y ont apposé les sceaux de leurs armes et l'ont délivré à ... contre un acte[104] pareil et d'une teneur parfaitement conforme à celui-ci, qui leur a été remis de sa part.

Fait à St.-Pétersbourg
le « » 1804.

Помета Александра I: Быть по сему.
Ноября 17 дня 1804 г.

Печат. по отпуску.

Article séparé

Il s'entend que les dispositions de l'article VI ne devraient avoir leur effet qu'autant que les mesures hostiles du gouvernement français contre la cour de Naples n'auraient pas été provoquées par s. m. sicilienne elle-même et par ses alliés. A cette fin s. m. i. de toutes les Russies, reconnaissant combien il serait utile de reculer autant que possible l'époque d'une guerre ouverte avec la France, se charge d'insinuer à son allié le roi des Deux Siciles qu'aussi longtemps que les troupes françaises, stationnées actuellement dans le royaume de Naples, se maintiendront dans leur position actuelle il doit persévérer dans le système de modération qu'il a suivi jusqu'à présent et ne point provoquer le gouvernement français soit en excitant ses sujets à une levée en masse à l'effet d'expulser les Français du territoire napolitain, soit en inquiétant ces derniers par des soulèvements dans la Pouille ou les Abruzzes, et que surtout le roi de Naples veuille bien s'abstenir de toute proclamation qui aurait un tel objet pour but, faisant entendre à s. m. sicilienne qu'en se refusant à des conseils aussi salutaires elle pourrait se mettre dans le cas de ne devoir plus compter sur l'assistance de la Russie.

Le présent article séparé aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans la déclaration signée aujourd'hui et sera ratifié en même temps[105].

En foi de quoi nous soussignés, munis des pleins pouvoirs de s. m.i. de toutes les Russies, avons en son nom signé cet article et y avons apposé le cachet de nos armes.

Fait à St.-Pétersbourg,
le « » 1804.

Помета Александра I: Быть по сему.
Ноября 17 дня 1804 г.

Печат. по отпуску.

Article séparé et secret

Quoiqu'on ait tout lieu de se tenir assuré des dispositions pacifiques de la cour de Berlin et que s. m. l'empereur-roi se propose de cultiver avec soin la bonne intelligence avec elle si néanmoins contre toute attente les Etats autrichiens étaient attaqués par s. m. prus[sien]ne pendant que s. m. i[mpériale] et r[oyale] apostolique serait occupée à combattre l'ennemi commun, s. m. l'empereur de toutes les Russies prend sur lui la garantie de ces dits Etats et il s'engage et promet de venir à leur secours avec 80 mille hommes, qu'il tiendra prêts à cet effet sur ses frontières. En réciprocité de quoi, dans le cas où la Russie fût attaquée par la Prusse dans ses foyers pendant que ses armées seraient employées contre l'ennemi commun, s. m. i[mpériale] et r[oyale] apostolique s'oblige également à les garantir et à venir à leur secours soit avec l'armée d'observation destinée à rester en réserve sur les frontières des Etats prussiens, soit avec d'autres forces suffisantes pour opérer une diversion utile.

Cet article séparé restera secret dans le cas même que les circonstances amèneraient la nécessité de rendre publique la convention dont il fait partie, et il aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans la présente déclaration.

En foi de quoi nous soussignés etc. etc.

Помета Александра I: Быть по сему.
Ноября 17 дня 1804 г.

Печат. по отпуску.

*Перевод**

Поелику чрезмерное влияние французского правительства на соседственные государства и множество областей, занятых войсками оного, внушают справедливые опасения о сохранении всеобщей тишины и безопасности в Европе, е. в-во император всероссийский и его императорское и королевское в-во равномерно убеждены в том, что такое положение вещей требует их самых деятельных взаимных попечений и поставляет их в необходимость соединиться единодушным соглашением, сообразным с бедствиями и опасностями, коим Европа ныне подвержена.

Почему нижеподписавшиеся.., будучи вследствие сего снабжены инструкциями и полномочиями, дабы совещаться и заключить спасительный договор с полномочным, назначенным его императорским и королевским в-вом для ведения с ними о сем предмете переговоров, и сообща друг другу взаимные свои полномочия, найденные в надлежащем порядке, постановили с указанным полномочным условия, изъясненные в нижеследующих статьях:

Статья I

Е. в-во император всероссийский обещается и обязывается в отношении вышеупомянутого бедственного и опасного положения утвердить с его императорским и королевским в-вом самое искреннее согласие, и оба монарха обязаны предварять друг друга и совещаться взаимно о тех переговорах и соглашениях, кои они в необходимости будут заключить с прочими державами для достижения условленной между ними цели; переговоры же их по сему предмету ведены будут на таком основании, чтобы никоим образом не нарушить настоящего учиненного между ними соглашения прежде, нежели они решатся сделать оное гласным.

Статья II

Е. в-во император всероссийский и его императорское и королевское в-во воспользуются всяким удобным случаем и возможностью, дабы приготовиться эффективно споспешествовать осуществлению тех деятельных мер, кои они за благо найдут предпринять к предупреждению опасностей, если оные за сим угрожать будут общей безопасности Европы.

Статья III

Если в негодовании за сопротивление, кое оба императорские дворы вследствие взаимных их соглашений оказывать будут честолюбивым видам Франции, на который-либо из оных дворов непосредственно учинено будет нападение (российские войска, размещенные теперь на Семи Ионических островах, входят в состав сего постановления), то каждая из двух Высоких Договаривающихся Сторон обязывается самым торжественным образом выставить в поле как можно скорее для общего защищения означенное ниже сего, в VIII статье, число войска.

Статья IV

Буде случится, что французское правительство, воспользуясь преимуществом, кое доставляет оному положение войск его, занимающих ныне владения империи Германской, учинит нападение на близлежащие земли, целость и независимость коих тесно соединены с выгодами России, и если вследствие сего е. в-во император всероссийский, не желая смотреть равнодушно на таковое неправедное завладение, вынужден будет защищать оное силою, то е. в-во император и король примет таковой поступок Франции за агрессию, налагающую на него обязанность неукоснительно приготовиться вспомоществовать в самом скором времени, согласно постановлениям настоящего соглашения.

Статья V

Е. в-во император всероссийский разделяет в полной мере живейшее участие, принимаемое его императорским и королевским в-вом в сохранении Порты Оттоманской, соседство коей благоприятствует им обоим; и как нападение, учиненное какой-либо державой на Европейскую Турцию, совершенно нарушит безопасность Австрии и России, а Порта Оттоманская в настоящем смутном ее положении не в состоянии сама собою отразить учиненное на нее нападение, то в сказанном предположении и если вследствие сего разгорится прямо между одним из сих двух императорских дворов с французским правительством война,

---

* Дается по тексту опубликованной Ф. Мартенсом австрийской декларации, аналогичной по содержанию с данной декларацией; сверен с оригиналом.

то другой немедленно приготовится как можно скорее вспомоществовать державе, находящейся в войне, и содействовать совокупными силами к сохранению Порты Оттоманской в том положении ее владений, в каком оные ныне находятся.

Статья VI

Поелику судьба Неаполитанского королевства должна иметь влияние на всю Италию, в независимости коей их императорские величества принимают особенное участие, то и условлено, что постановления настоящего соглашения возымеют действие свое в таком случае, если французы захотели бы силой оружия распространить в Неаполитанском королевстве пределы свои далее их настоящих границ, с тем чтобы завладеть столицей, укрепленными местами сей земли и проникнуть в Калабрию. Одним словом, если бы они принудили е. в-во короля неаполитанского поставить все на карту и воспротивиться вооруженной рукой сему новому нарушению его нейтралитета и если е. в-во император всероссийский вспоможением,кое он в сем предположении должен доставить королю Обеих Сицилий, вовлечен будет в войну с Францией, то его императорское и королевское в-во обязуется начать с своей стороны военные действия против общего врага, согласно постановлениям, а именно по силе IV, V, VIII и IX статей настоящего соглашения.

Статья VII

Ввиду неизвестности, в коей обе Высокие Договаривающиеся Стороны поныне еще находятся в рассуждении будущих намерений французского правительства, они оставляют за собой право **, сверх постановленного выше сего, условиться, смотря по стечению обстоятельств, и о тех различных случаях, вследствие коих нужно будет также употребить взаимные их силы.

Статья VIII

Во всех случаях, когда оба императорские двора приступят к деятельным мерам, вследствие настоящего их соглашения или тех, кои они впредь заключат между собой, они обещаются и обязуются взаимно содействовать одновременно и совокупно по плану, который немедленно ими постановлен будет, достаточными силами, дабы можно было надеяться с успехом сразиться с неприятелем и прогнать его в свои пределы; силы же сии не должны быть менее 350 тыс. человек под ружьем для обоих императорских дворов; его императорское и королевское в-во выставит на свою часть 235 тыс., а е. в-во император всероссийский — достальное число.

Войска сии должны быть выставлены и постоянно содержимы обеими сторонами во всей готовности; сверх того составится обсервационный корпус для обеспечения себя в том, чтобы берлинский двор сохранил мир. Обоюдные армии расположены будут таким образом, что силы обоих императорских дворов, долженствующие совокупно действовать, не были бы менее числом неприятельских, с коими будут сражаться.

Статья IX

Согласно с желанием, императорским и королевским двором изъявленным, е. в-во император всероссийский обязывается употребить благосклонное свое предстательство, чтобы лондонский двор во всех случаях войны с Францией, изъясненных в настоящей декларации или имеющихся означиться в будущих соглашениях, кои оба императорские двора по VII статье предоставляют себе право заключить, заплатил его императорскому и королевско-апостолическому в-ву вспомогательные деньги как за начальное выступление в поход, так равно и ежегодно во все продолжение войны; сии вспомогательные деньги должны быть определены сколь возможно сообразно с выгодами венского двора.

Статья X

При исполнении постановленных планов обращено будет должное внимание на препятствия, происходящие как от настоящего положения сил и границ австрийской монархии, так и от очевидных опасностей, коим могла бы оная в таком ее положении подвергнуться в связи с демонстрациями и вооруженными приготовлениями, кои немедленно вызвали бы преждевременное нападение со стороны Франции.

Вследствие чего при определении тех деятельных мер, о коих взаимно условлено будет, и поколику безопасность обеих империй и существенная польза общего дела учинить позво-

---

** «Ввиду... право» — перевод редакции; у Ф. Мартенса: «Неизвестность, в коей обе Высокие Договаривающиеся Стороны поныне еще находятся в рассуждении будущих намерений французского правительства, полагает на них обязанность...»

лят, обращено будет самое большое внимание, дабы согласовать оные планы с временем и возможностью для приведения войск и границ его императорского и королевского в-ва владений в такое положение, чтобы можно было начать кампанию с достаточными силами к достижению цели войны. Но как скоро насилия французов дадут делам такое направление, когда его реченное императорское и королевско-апостолическое в-во обязано по силе настоящего соглашения и тех, кои ими взаимно впредь заключены будут, принять участие в войне, то он обязывается, не теряя нисколько времени, привести себя в возможность, нимало не медля и не далее как в течение 3 месяцев после учиненного востребования, деятельно вспомоществовать е. в-ву императору всероссийскому и неослабно содействовать в исполнении того плана, который ими постановлен будет.

Статья XI

Поелику правила обоих государей не позволяют ни в каком случае стеснять свободную волю французской нации, то целью войны будет не произведение контрреволюции, но единственно отвращение всеобщих опасностей, угрожающих Европе.

Статья XII

Е. в-во император всероссийский, признавая справедливым в случае, если война вновь возгорится, чтобы австрийский дом был вознагражден за понесенные им значительные потери в продолжение последних войн против Франции, обязывается способствовать доставлению оному сего вознаграждения в упомянутом случае по мере успеха оружия. Однако же при самых счастливых событиях его императорское и королевское в-во не распространит пределы свои в Италии далее Адды к западу, а По — к полудню, приняв из разных устьев сей последней реки самое южное для сего обозначения. Оба императорские двора желают, чтобы в предполагаемом случае успеха его королевское высочество теперешний Зальцбургский курфюрст получил бы по-прежнему какое-либо владение в Италии, и назначают для сего или Великое герцогство Тосканское или другое приличное владение в северной части Италии, предполагая, что обстоятельства таковое распоряжение сделают возможным.

Статья XIII

Их императорские величества в том же предположении стараться будут всеми мерами восстановить сардинского короля в Пьемонте, даже с увеличением его владений. В предположениях же менее счастливых соглашено утвердить за ним приличное владение в Италии.

Статья XIV

В том же случае большего успеха оба императорские двора условятся об участи легатств и будут содействовать к возвращению герцогства Модены, Массы и Каррары законным наследникам последнего герцога. Но в случае, если обстоятельства поставят в необходимость ограничить сии предположения, то помянутые легатства или моденские владения могут быть отданы сардинскому королю; эрцгерцог Фердинанд останется в Германии, а его в-во довольствоваться будет, если то нужно, ближайшей в Италии границей, чем Адда, от ныне существующей.

Статья XV

Если по обстоятельствам возможно будет снова поместить Зальцбургского курфюрста в Италии, то Зальцбург, Берхтольсгаден и Пассау войдут в состав Австрийской монархии. В сем только единственно случае распространятся также границы е. в-ва в Германии. Что же касается до той части эйхштедтских владений, коею владеет ныне Зальцбургский курфюрст, то с оною поступлено будет тогда таким образом, как оба императорские двора об этом между собою условятся, а именно в пользу Баварского курфюрста, ежели бы он соучастием в общем деле приобрел право требовать преимущественного себе вознаграждения. Равномерно, если, как предполагается в предыдущей статье, наследники покойного Моденского герцога восстановлены будут в их прежних владениях, то Брисгау и Ортенау послужат средством поощрения за общее дело одному из знатнейших германских принцев, а именно Баденскому курфюрсту, в пользу коего австрийский дом откажется от оных.

Статья XVI

Обе Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются не иначе положить оружие и совещаться с общим врагом о мире, как на взаимном соглашении и учинении между собой предварительного условия.

Статья XVII

Ограничивая пока вышеизложенными предметами и постановлениями сие предварительное соглашение, которое оба монарха обещаются как с одной, так и с другой стороны хранить в ненарушимой тайне, предоставляют они себе право немедленно и непосредственно за сим условиться в дальнейших договорах и о плане военных действий на случай, если война будет неизбежна, и о всем относящемся до содержания взаимных войск как в австрийских пределах, так равно и в чужеземных владениях.

Статья XVIII

Настоящая декларация, взаимно признанная равнообязательной, яко самый торжественный трактат, ратификована будет в течение 6 недель и прежде, если то возможно, и ратификации оной будут в то же время разменены[105].

Во уверение чего нижеподписавшиеся е. в-ва императора всероссийского полномочные, подписав сей акт, приложили к оному гербов своих печати и вручили оный ... в обмен на таковой же акт[104] одинакового содержания, который с его стороны был им вручен.

Учинено в С.-Петербурге

«...» 1804 г.

Отдельная статья

Само собой разумеется, что распоряжения VI статьи будут иметь силу лишь постольку, поскольку враждебные действия французского правительства против неаполитанского двора не будут *** вызваны самим е. в-вом королем Обеих Сицилий или его союзниками; на этот конец е. в-во император всероссийский, признавая, сколь было бы полезно отдалить по возможности возникновение открытой войны с Францией, принимает на себя разъяснить своему союзнику королю Обеих Сицилий, что во все время, пока французские войска, расположенные в настоящее время в Неаполитанском королевстве, будут сохранять нынешнее их положение, он должен держаться правил умеренности, которым он следовал доныне, и отнюдь не вызывать французское правительство или возбуждением своих подданных к поголовному восстанию с целью изгнать французов с неаполитанской территории, или же тревожа этих последних восстаниями в Апулии или в Абруццах, и чтобы король неаполитанский в особенности соблаговолил бы воздержаться от всякого заявления, имеющего целью что-либо подобное, давая понять е. в-ву королю Обеих Сицилий, что, отвергая подобные спасительные советы, он может поставить себя в такое положение, что уже не должен будет более рассчитывать на помощь России.

Настоящая отдельная статья будет иметь такую же силу и значение, как если бы она была включена от слова до слова в декларацию, подписанную сегодня, и будет ратификована в то же время[105].

В уверение чего нижеподписавшиеся, снабженные полномочиями е. в-ва императора всероссийского, именем его подписали и приложили к оному гербов своих печати.

Заключено в С.-Петербурге

«...» 1804 г.

Отдельная и секретная статья

Хотя имеется полная возможность быть уверенным в миролюбивом расположении берлинского двора и его императорское и королевское в-во предполагает тщательно сохранять доброе согласие с оным, но если же при всем том, против ожидания, австрийские владения подверглись бы нападению со стороны его прусского в-ва в то время, когда его императорское и королевско-апостолическое в-во занят был бы отражением общего неприятеля, е. в-во император всероссийский принимает на себя гарантию упомянутых владений, обязывается и обещает явиться к ним на помощь с 80 тыс. человек войска, которые он будет держать с этой целью в готовности на своей границе. Во взаимство чего в случае, если бы Россия подверглась нападению со стороны Пруссии на свои владения, в то время как ее войска заняты были бы против общего неприятеля, его императорское и королевско-апостолическое в-во обязывается равным образом их гарантировать и прийти к ним на помощь или с обсервационным корпусом, которому назначено оставаться в резерве на прусских границах, или же с другими войсками, достаточными для совершения надлежащей диверсии.

*** «будут иметь... не будут» — перевод редакции; у Ф. Мартенса — «...должны иметь применение настолько, насколько враждебные действия французского правительства против неаполитанского двора могли быть».

Эта отдельная статья останется секретной даже и в том случае, если бы обстоятельства повлекли за собой необходимость опубликования конвенции, часть которой она составляет, и она будет иметь такую же силу и значение, как если бы она была включена от слова до слова в настоящую декларацию.

В уверение чего нижеподписавшиеся и т. д.

64. Дополнительная декларация австрийского посла в С.-Петербурге Стадиона Министерству иностранных дел России

25 октября (6 ноября) 1804 г.

L'article IX des déclarations * signées aujourd'hui par les Plénipotentiaires respectifs de Leurs Majestés Impériales faisant mention des subsides à la convenance de la Cour de Vienne, que la Cour de Londres fournira à Sa Majesté Impériale et Royale Apostolique, dans les cas d'une guerre avec la France, énoncés dans la présente déclaration, ou qui résulteront des concerts futurs, que les deux Cours Impériales se réservent de prendre, le Soussigné Ambassadeur de Sa Majesté Impériale et Royale Apostolique, et Son Plénipotentiaire pour la conclusion du présent concert, déclare par ordre et au nom de Son Auguste Maître, qu'il est entendu, que les sommes de ces subsides n'importeront pas moins de deux Millions de Livres sterlings pour la première mise en campagne des troupes Autrichiennes stipulées dans l'article précédent et de quatre Millions de Livres sterlings par an, tant que la guerre durera.

En foi de quoi le Soussigné muni des pleins pouvoirs de Sa Majesté Impériale et Royale Apostolique a en Son nom signé cette déclaration additionnelle et y a apposé le cachet de ses armes. Fait à St. Pétersbourg le vingt cinq octobre (six novembre) l'an Mil huit cent et quatre.

L. S. Jean Philippe comte de Stadion

Печат. по подлиннику.

Опубл. Ф. Мартенс, т. II, стр. 419—420.

*Перевод***

Так как в статье IX деклараций *, подписанных сегодня уполномоченными их императорских величеств, упоминается о субсидиях, желаемых венским двором, которые лондонским двором будут доставлены его императорскому и королевско-апостолическому в-ву в случаях войны с Францией, о которых изъяснено в настоящей декларации, или которые будут определены в будущих соглашениях, могущих быть заключенными между обоими императорскими дворами, нижеподписавшийся посол его императорского и королевско-апостолического в-ва, уполномоченный им к заключению настоящего соглашения, повелением и именем своего августейшего монарха объявляет, что по взаимному соглашению сумма требуемых субсидий не может быть менее 2 миллионов фунтов стерлингов для первого выступления в поход австрийских войск, назначенных в предшествующей статье, и 4 миллионов фунтов стерлингов ежегодно — во все продолжение войны.

В уверение чего нижеподписавшийся, снабженный полномочиями от его императорского и королевско-апостолического в-ва, подписал от его имени настоящую дополнительную декларацию и приложил к ней свою гербовую печать.

Заключено в С.-Петербурге 25 октября (6 ноября) тысяча восемьсот четвертого года.

(М. П.) Иоганн Филипп граф Стадион

* См. док. 63.

** Дается по Ф. Мартенсу, сверен с подлинником.

65. Дополнительная декларация Министерства иностранных дел России австрийскому послу в С.-Петербурге Стадиону

*25 октября (6 ноября) 1804 г.**

S. ex. Mr le comte de Stadion, ambassadeur de s. m. imp[éria]le et royale apostolique et son plénipotentiaire pour la conclusion du présent concert, ayant fait la déclaration suivante ** : (...)

Les soussignés y adhèrent sous la réserve, que si malgré tous les soins de s.m.i. la cour de Londres persistait à se déclarer dans l'impuissance de satisfaire en totalité aux demandes de la cour imp[éria]le et royale, les obligations réciproquement contractées par la déclaration *** signée aujourd'hui entre eux, n'en seront nullement invalidées et conserveront toute leur force et valeur[105].

En foi de quoi nous soussignés etc.

Помета Александра I: Быть по сему.

Ноября 17 дня 1804 г.

Печат. по отпуску.

Перевод

Поскольку е. с-во граф Стадион, посол его императорского и королевско-апостолического в-ва и его уполномоченный для заключения данного соглашения сделал следующее заявление **: (...)

Нижеподписавшиеся присоединяются к нему с оговоркой, что в случае, если, несмотря на все старания е. и. в-ва, лондонский двор будет по-прежнему упорно заявлять, что он не в состоянии полностью удовлетворить просьбы императорского и королевского двора, обязательства, взаимно принятые на себя сторонами в силу подписанной ими сегодня декларации ***, не станут недействительными в связи с этим и сохранят всю свою силу и значение[105].

В удостоверение чего мы, нижеподписавшиеся, и т. д.

66. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

26 октября (7 ноября) 1804 г.

Monsieur, je me suis empressé de porter à la connaissance de l'empereur le rescrit[106] que s. m. le roi de Prusse avait adressé dernièrement au c[om]te de Golz, que ce ministre m'a communiqué et que v. ex. nous a transmis à la suite d'une de ses dépêches du 4 octobre dernier.

Je n'ai qu'un mot à dire sur les alarmes que la cour de Berlin a conçues à pure perte relativement à un prochain envoi d'un corps de troupes russes dans le Meklembourg. Les nouvelles, qui lui sont parvenues à cet égard de Stralsund, sont destituées de tout fondement, puisqu'on n'a pas pensé chez nous à une expédition de cette nature. L'erreur sera très probablement provenue de ce que le roi de Suède, menacé par les Français d'une invasion dans ses Etats d'Allemagne, se sera montré rassuré par la promesse, qui lui fut donnée de notre part, que, si un tel événement a lieu, s. m. i., conformément aux stipulations du dernier traité d'alliance entre la Russie et la Suède[97], stipulations qu'elle prétend rem-

* Дата подписания и вручения декларации.

** Здесь следует полный текст дополнительной декларации австрийского посла в С.-Петербурге Стадиона Министерству иностранных дел России 25 октября (6 ноября) 1804 г. (см. док. 64).

*** См. док. 63.

plir avec fidélité comme toutes celles qu'elle a contractées, s'empressera de venir au secours de s. m. suédoise.

Quant aux paroles, par lesquelles le baron de Hardenberg termina sa conférence sur cet objet avec Vous il est instant qu'en réponse à la phrase[107] qui échappa à ce ministre, v. ex. lui insinue que l'empereur, notre auguste maître, fidèle au système d'équité et de prudence qu'il a constamment suivi dans ses relations politiques, avant que de prendre un parti, le pèse et le médite mûrement et à plusieurs reprises; que cependant plus il est circonspect et modéré dans ses résolutions, moins il hésite dans la marche à laquelle il se sera une fois décidé et moins surtout il est capable d'y faire un pas rétrograde. Il en résulte que, si la cour de Berlin se laissait aller à des complaisances vis-à-vis du gouvernement français[108], qu'elle saurait devoir nous faire justement de la peine, s.m.i. est fermement résolue, quoiqu'il en coûterait beaucoup à son cœur, à prendre aussi des mesures qui déplairaient certainement à la cour où Vous résidez.

V. ex. voudra bien profiter de la première entrevue avec le baron de Hardenberg pour s'expliquer avec ce ministre dans le sens et les termes de la présente dépêche et nous en rendre compte.

J'ai l'honneur ...

Le p[r i n]c e A. Czartoryski

Получено ноября 8(20) дня 1804 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, я поспешил довести до сведения императора рескрипт[106], который е. в-во король прусский недавно направил графу Гольцу и который был сообщен мне этим посланником, а затем переслан нам в. пр-вом при одной из Ваших депеш от 4 октября сего года.

Я должен сказать лишь несколько слов по поводу того беспокойства, которое без каких-либо оснований возникло у берлинского двора в связи с предстоящей будто бы вскоре отправкой корпуса русских войск в Мекленбург. Сведения, которые дошли до него на этот счет из Штральзунда, лишены всякого основания, поскольку мы не замышляли подобную экспедицию. Весьма возможно, что заблуждение возникло в связи с тем, что король шведский, которому угрожает нападение французов на его германские владения, не скрыл, что его успокоило данное нами обещание о том, что если подобное событие произойдет, то е. и. в-во в соответствии с положениями последнего союзного договора между Россией и Швецией[97], которые он намерен строго выполнять, как и все соглашения, заключаемые им, незамедлительно придет на помощь его шведскому в-ву.

Что же касается тех слов, которыми барон Гарденберг закончил свою беседу с Вами по данному вопросу, то в ответ на фразу[107], которая вырвалась у этого министра, в. пр-во должны внушить ему, что император, наш августейший государь, будучи верен системе справедливости и осмотрительности, которой он неизменно следовал в своих политических отношениях, прежде чем принять какое-либо решение, основательно и неоднократно взвешивает и продумывает его; однако, чем осмотрительнее и умереннее он в своих решениях, тем менее он колеблется при проведении той линии, следовать которой он решил, и, что особенно важно, тем менее он способен отступить от нее. Из этого следует, что е. и. в-во исполнен решимости в случае, если берлинский двор пойдет на угодные французскому правительству действия[108], заведомо зная, что это вызовет наше неудовольствие, также принять, хотя и с болью в сердце, меры, которые, безусловно, не понравятся двору, при котором Вы находитесь.

В. пр-ву следует воспользоваться первой встречей с бароном Гарденбергом, чтобы объясниться с этим министром в духе настоящей депеши, используя употребленные в ней выражения, а затем доложить нам о результатах.

Имею честь ...

Князь А. Чарторыйский

67. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский министру-резиденту в Регенсбурге Ф. А. Клюпфелю

27 октября (8 ноября) 1804 г.

Les notions, qu'on avait eues sur le séjour de Bonaparte et de plusieurs princes d'Allemagne à Mayence[109], semblaient devoir faire supposer que l'idée d'établir entre ces derniers une ligue commune pourrait prendre plus de consistance qu'on ne s'y attendait au commencement. Depuis, cependant, il n'en a plus été question, et il faudrait croire que le dictateur de la France, envisageant cette mesure, par sa nature et par la tournure qu'elle peut prendre, comme contraire à ses vues de tyrannie universelle, ne voudra jamais sincèrement y donner les mains. Je crois avec tout cela convenable de Vous entretenir sur notre manière de voir le projet susmentionné de former une union entre les princes du second ordre les plus considérables de l'Allemagne.

Les excès publics de tout genre que se permet Bonaparte, l'accueil hautain et même outrageant que plusieurs des membres de l'empire ont reçu à Mayence, tant d'autres faits enfin, prouvent tous les jours qu'il ne les regarde que comme ses vassaux, et que c'est de la part de la France aujourd'hui que l'association germanique est dans le plus imminent danger. Que de raisons pour éveiller les inquiétudes des maisons souveraines de cet empire et les porter à s'occuper des moyens les plus propres, afin de se libérer par des efforts unanimes d'une oppression avilissante et qui peut finir par leur entier asservissement! Si les princes de l'empire avaient donc le but caché de profiter de leur réunion que le gouvernement français se serait laissé induire à permettre pour donner plus de stabilité et de force à l'association germanique, et se mettre en état de s'opposer aux vues envahissantes de la France, les résultats n'en pourront être que désirables et heureux, et l'existence de cette ligue deviendrait utile à l'Allemagne et à l'Europe entière.

S. m. i., toujours occupée de ce qui peut mener au bien général et persuadée d'ailleurs que les sentiments des princes de l'empire ne peuvent être au fond qu'honorables et conformes à leurs véritables intérêts, verrait donc avec satisfaction que les circonstances actuelles permissent la formation d'une telle ligue; ce qui n'est toutefois guère à espérer, à cause de la jalousie qu'en concevra Bonaparte ; aussi je ne Vous en parle plutôt que par manière d'acquit. Comme, cependant, l'électeur archi-chancelier[110] était un des premiers moteurs de ce projet, il est possible qu'il veuille connaître Votre manière de penser à cet égard. Dans le cas donc qu'il amenât une conversation à ce sujet, Vous pouvez, comme de Votre propre chef, Vous expliquer confidentiellement avec lui dans le sens de cette dépêche en ajoutant de plus que sans doute s.m.i., toujours prenant intérêt à tout ce qui peut concourir au bien général, apprendrait avec satisfaction la formation d'une telle ligue, si toutefois son but, si ce n'est avoué, du moins caché, était de secouer un jour le joug de Bonaparte; que rien d'ailleurs ne saurait être plus utile pour cette union que de recourir à l'assistance de la Russie dont la protection, parmi toutes les puissances du continent, pouvait seule être avantageuse à l'Empire germanique sans lui devenir jamais dangereuse.

Vous éviterez soigneusement, au reste, dans ces insinuations, tout ce qui donnerait l'apparence que Vous en avez reçu la commission d'ici. J'ai tout lieu de croire, monsieur, que Vous remplirez ces ordres, quand l'occasion favorable s'en présentera, avec toute la prudence et la circonspection nécessaire, et à l'entière satisfaction de s.m.i.

Je n'ai pas besoin, au reste, de Vous recommander le strict secret sur la réception de la présente et son contenu.

Je suis...

Помета Александра I: Быть по сему.

Октября 27 дня 1804 г. Подписана и отправлена с коллежским асессором Львом Бородовицыным 27 октября 1804 г.

Печат. по отпуску.

Перевод

Сведения, полученные относительно пребывания Бонапарта и ряда немецких князей в Майнце[109], казалось, заставляли предполагать, что идея создания общей лиги между этими последними могла оказаться более реальной, чем ожидали вначале. Однако с тех пор об этом больше не было речи, и надо полагать, что диктатор Франции, рассматривая эту меру как противоречащую по своему характеру и по тому обороту, который она может принять, его планам установления всемирной тирании, никогда не захочет искренне согласиться на это. Несмотря на все это, полагаю, что следует сообщить Вам нашу точку зрения на вышеуказанный проект образования союза между самыми значительными германскими князьями второго ранга.

Всякого рода публичные выходки, которые позволяет себе Бонапарт, высокомерный и даже оскорбительный прием, который встретили в Майнце некоторые члены империи, наконец, множество других фактов ежедневно доказывают, что он рассматривает их только как своих вассалов и что именно со стороны Франции сегодня для Германского союза возникает самая непосредственная угроза. Сколько причин для того, чтобы вызвать беспокойство царствующих домов этой империи и побудить их подумать о самых верных средствах для того, чтобы объединенными усилиями освободиться от унизительного гнета, могущего в конце концов привести к их полному порабощению! Следовательно, если бы имперские князья убедили французское правительство позволить им создать такое объединение, имея скрытую цель воспользоваться им для того, чтобы сделать германское сообщество прочнее и сильнее, и обеспечить себе возможность противостоять захватническим видам Франции, результаты этого могли бы быть лишь желательными и счастливыми, а существование этой лиги принесло бы пользу Германии и всей Европе.

Е. и. в-во, неустанно заботящийся об общем благе и уверенный к тому же в том, что чувства имперских князей, в сущности, несомненно благородны и соответствуют их действительным интересам, с удовлетворением увидел бы, что теперешние обстоятельства позволили создание такой лиги, на что, однако, почти не приходится надеяться ввиду того беспокойства, которое это вызовет у Бонапарта. Поэтому я Вам говорю об этом только мимоходом. Но поскольку курфюрст-великий канцлер[110] был одним из инициаторов этого проекта, возможно, что он захочет узнать, что Вы думаете на сей счет. Следовательно, в случае, если он начнет разговор об этом предмете, Вы можете, как бы по Вашему собственному побуждению, конфиденциально объясниться с ним в духе настоящей депеши, добавив, что нет сомнения в том, что е. и. в-во, всегда проявляя интерес ко всему, что может содействовать общему благу, с удовлетворением узнал бы о создании такой лиги, если, впрочем, ее целью, пусть не явной, но хотя бы скрытой, явится свержение ига Бонапарта; что, кроме того, ничто не могло бы быть полезнее для этого союза, чем если бы его участники прибегли к помощи России, покровительство которой из всех держав континента единственно могло бы быть выгодным Германской империи, никогда не становясь опасным для нее.

Делая эти внушения, Вам следует тщательно избегать всего, что показывало бы на получение Вами такого поручения отсюда. У меня есть все основания полагать, милостивый государь, что, когда представится благоприятный случай, Вы выполните эти распоряжения со всей необходимой осторожностью и осмотрительностью к полному удовлетворению е. и. в-ва.

Мне нет необходимости советовать Вам хранить в совершеннейшей тайне факт получения настоящей депеши и ее содержание.

Пребываю ...

68. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

27 октября (8 ноября) 1804 г.

C'est avec une vraie satisfaction que je puis maintenant annoncer à v. ex. que l'œuvre salutaire d'un concert intime entre les deux cours impériales, dont le salut de l'Europe peut tant se promettre, vient d'être terminée à la conférence que nous eûmes hier avec l'ambassadeur comte de Stadion[111]. Aux motifs de contentement que nous fait éprouver l'achèvement de cette importante négociation se joint la certitude, très agréable à l'empereur, que les liens d'amitié et de confiance si heureusement subsistant entre la Russie et l'Autriche et si soigneusement entretenus par s.m.i. en seront encore plus consolidés.

Par les pièces* jointes en copie à la présente, Vous verrez Vous-même, M[r] le comte, que le seul point qu'il reste encore à régler définitivement est celui des subsides qu'à la suite des bons offices de s.m.i. la cour de Londres devrait fournir à celle de Vienne. L'ambassadeur autrichien, ayant insisté sur ce que cet objet fût intercalé dans le corps de la déclaration, nous ne fîmes aucune difficulté d'y déférer et l'article demandé fut inséré dans l'acte. Mais comme les sommes exigées par la cour i[mpéria]le et r[oya]le tant pour la première mise en campagne de ses troupes, que pour leur entretien annuel nous parurent trop considérables pour qu'il fût possible de prendre sur nous un engagement formel à cet égard, on évita de spécifier dans l'article susmentionné la quotité des subsides ; on se borna à articuler qu'ils seraient autant que possible à la convenance de l'Autriche.

Nous proposâmes, cependant, au cas que les sommes désirées par la cour de Vienne dussent être spécifiées dans le texte de la déclaration, d'y ajouter la clause aussi juste que nécessaire que, si malgré tous nos soins l'Angleterre se déclarait impuissante de satisfaire en totalité aux demandes de la cour de Vienne, les obligations réciproquement contractées par la déclaration des deux cours impériales n'en seraient nullement invalidées.

Le comte de Stadion, non qu'il méconnut la justice de cette réservation, mais parce que les formes diplomatiques ne lui permettaient pas de se prêter à un cas que sa cour n'avait pas prévu dans les instructions qu'elle lui avait envoyées, se refusa à l'admission de l'article ainsi rédigé. Le mezzo-termine, qu'on trouva pour écarter cette dernière difficulté, fut celui des déclarations séparées qui furent échangées entre nous et l'ambassadeur autrichien. Ce dernier articula dans la sienne ** que les subsides à obtenir de la Grande Bretagne seraient nommément d'une somme de 2 millions livres sterlings pour les frais de première mise et d'une autre annuelle de 4 millions livres sterlings, tant que la guerre durera. Dans celle qui fut remise de notre part***, on acquiesça à cette prétention, mais toujours sous la réserve précitée.

Il ne manque, par conséquent, à l'entière confection de cette transaction importante, que la ratification de cette réserve par la cour impériale et royale. L'empereur est assuré d'avance que son intime allié, reconnaissant comme lui la nécessité d'achever au plus tôt un ouvrage qui par ses résultats doit influer si puissamment sur le sort futur de l'Europe, ne voudra pas perdre un temps précieux à des discussions devenues inutiles depuis que les points fondamentaux du concert projeté ont été éclaircis et arrêtés. Après tant de soins et d'avances de la part de notre auguste maître pour aplanir les voies à ce concert si désiré, il ne pourrait être que fort pénible pour s.m.i. de voir que la cour de Vienne

---

* См. док. 64, 65.

** См. док. 64.

*** См. док. 65.

voulût faire dépendre la conclusion d'une affaire de cette importance d'une argumentation qui frapperait de nullité une œuvre aussi salutaire.

S. m. ne saurait admettre même la possibilité que cette négociation, que tant de difficultés n'ont déjà que trop entravée, dût, au moment où elle semble enfin terminée, prendre encore une tournure contraire à son vœu le plus juste et le plus ardent et contraire aux intérêts essentiels et à l'union si désirée de part et d'autre des deux cours impériales.

V. ex., en s'expliquant avec le comte de Cobenzl sur le contenu de cette dépêche, le fera certainement convenir sans aucune difficulté combien il aurait été peu convenable que l'exécution d'un accord entre les deux cours impériales qui a pour but les intérêts de l'Europe en général et ceux de l'Autriche en particulier, dépendît aussi totalement de la volonté d'une puissance tierce.

C'est avec une très vive impatience et avec l'espoir certain d'une détermination conforme à ce que le bien de l'humanité entière et les avantages de la maison d'Autriche lui indiquent, que nous attendrons Vos rapports à s. m. i. en conséquence de la présente expédition.

J'ai l'honneur...

Помета Александра I: Быть по сему.

Октября 24 дня 1804 г. Подписана и отправлена с коллежским асессором Львом Бородовицыным 27 октября 1804 г.

Печат. по отпуску.

Перевод

Сейчас я могу с истинным удовлетворением сообщить в. с-ву, что спасительное дело установления тесного согласия между двумя императорскими дворами, столь многообещающего для спасения Европы, было только что завершено во время встречи, которую мы имели вчера с послом графом Стадионом[111]. К основаниям для удовлетворения, которое мы испытываем в связи с окончанием этих важных переговоров, добавляется приятная для императора уверенность в том, что узы дружбы и доверия, столь счастливо существующие между Россией и Австрией и так бережно поддерживаемые е. и. в-вом, будут в результате этого еще более укреплены.

Из копий документов *, приложенных к настоящему письму, Вы увидите сами, г-н граф, что осталось урегулировать окончательно лишь один пункт, а именно пункт о субсидиях, которые благодаря добрым услугам е. и. в-ва должен будет предоставить английский двор австрийскому двору. Так как австрийский посол настаивал на включении этого пункта в текст декларации, то мы не стали чинить препятствий, и требуемая статья была внесена в акт. Однако поскольку суммы, требуемые императорским и королевским двором как на подготовку его войск к кампании, так и на ежегодное их содержание, показались нам слишком значительными, чтобы мы могли взять на себя на этот счет обязательство по всей форме, то в упомянутой статье не стали уточнять величину субсидий, ограничившись заявлением, что последние будут, насколько возможно, соответствовать пожеланиям Австрии.

Мы предложили,однако, чтобы к декларации в случае, если в ее тексте будут определены суммы, желаемые венским двором, была добавлена статья, столь же справедливая, сколь и необходимая, о том, что, если, несмотря на все наши старания, Англия заявит, что она не в состоянии полностью удовлетворить запросы австрийского двора, то взаимные обязательства, принятые на себя обоими императорскими дворами, никоим образом не станут в результате этого недействительными.

Граф Стадион не дал своего согласия на включение сформулированной таким образом статьи. Он сделал это не потому, что не признавал справедливости этой оговорки, а в связи с тем, что дипломатические обычаи не позволяли ему соглашаться на случай, не предусмотренный инструкциями, присланными ему его двором. В целях устранения этого последнего затруднения было найдено компромиссное решение, состоявшее в том, что между нами и австрийским послом был произведен обмен отдельными декларациями. Последний заявил в своей декларации **, что субсидии от Великобритании должны составлять 2 миллиона фунтов стерлингов на расходы по подготовке к кампании и, кроме того, ежегодно 4 миллиона фунтов стерлингов в течение всего времени, пока будет продолжаться война. В декларации ***, врученной с нашей стороны, выражалось согласие с этим требованием, но опять-таки с сохранением упомянутой выше оговорки.

Для полного оформления этого важного соглашения не хватает, следовательно, только ратификации данной оговорки императорским и королевским двором. Император заранее убежден, что его ближайший союзник, признавая, как и он, необходимость быстрейшего завершения дела, которое своими последствиями должно так сильно повлиять на будущую судьбу Европы, не пожелает терять драгоценного времени на дискуссии, становящиеся излишними после того, как уже выработаны основные пункты проектируемого соглашения. После такой предупредительности со стороны нашего августейшего повелителя и стольких усилий, предпринятых с тем, чтобы расчистить путь к столь желаемому соглашению, е. и. в-во был бы весьма огорчен, если бы австрийский двор пожелал поставить завершение предприятия такой важности в зависимость от дискуссии, которая свела бы на нет столь спасительное дело.

Е. в-во не может допустить даже возможности того, что переговоры, в ходе которых и так пришлось преодолеть столько трудностей, в тот самый момент, когда они кажутся наконец-то завершенными, примут оборот, противоречащий его наиболее справедливому и наиболее горячему стремлению, противоречащий основным интересам обоих императорских дворов и союзу, к которому так горячо стремятся оба двора.

При объяснении с графом Кобенцлем относительно содержания настоящей депеши Вам, конечно, не трудно будет убедить его, сколь мало подобало бы, чтобы выполнение соглашения между двумя императорскими дворами, заключенного в интересах Европы в целом и Австрии в частности, полностью зависело от воли третьей державы.

Мы ожидаем Ваших донесений е. и. в-ву в ответ на эти письма с величайшим нетерпением и с твердой надеждой на то, что будет принято решение, соответствующее тому, чего требуют благо всего человечества и выгоды Австрийского дома.

Имею честь...

69. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

27 октября (8 ноября) 1804 г.

D'après toutes les apparences, le Nord de l'Allemagne est le point où Bonaparte se portera plus difficilement que partout ailleurs à dépasser la ligne, derrière laquelle se trouvent ses troupes actuellement, et le Midi de l'Italie est au contraire le côté qui lui promet les succès les plus aisés et par où probablement il commencera la guerre, aussitôt qu'il la croira utile à ses fins. Cette dernière contrée lui offre la facilité de s'y établir militairement et d'une manière presque inexpugnable, s'il parvient à occuper la Calabre. Il serait donc essentiel de détourner Bonaparte, autant que possible, de donner suite à cette idée pour ne pas se voir forcé de venir au secours du roi de Naples, avant qu'on ne se soit mis bien en mesure de le faire avec avantage. Ayant rompu nos relations avec la France, il ne nous reste aucun moyen direct avec elle pour parvenir à ce but salutaire ; ce serait donc à la cour de Vienne de prendre cette tâche importante sur soi. Elle pourrait, il me semble, prescrire à son ambassadeur à Paris de représenter au cabinet de Thuilleries, que sa cour ne saurait voir sans inquiétude l'augmentation des troupes françaises en Italie, d'autant plus qu'une telle augmentation ne peut être envisagée que comme gratuite dans un pays où il n'y a point d'ennemis à combattre. Si le ministère français met en avant ses craintes relativement à nos troupes stationnées aux Sept Iles, l'ambassadeur autrichien devrait le tranquilliser sur ce point en l'informant que d'après les explications que sa cour a eues à ce sujet avec notre cabinet, elle ne saurait douter que les troupes russes à Corfou (ce que leur nombre même indique suffisamment) n'ont d'autre destination que de mettre les Sept Iles dans un état de défense respectable et de préserver, par là même, de ce côté la Turquie des projets qu'on suppose avoir au gouvernement français contre cet empire, à cause de l'armée dont il a garni les bords de l'Adriatique dans le royaume de Naples, que peut-être à la vérité les troupes russes pourraient être à portée de secourir le roi des Deux Siciles, si jamais les Français prétendaient attaquer ce prince; mais qu'on était fondé de croire qu'elles ne se porteraient à aucune entreprise

agressive. Des insinuations dans le même sens parviendraient à Paris par la voie du ministère napolitain, sur quoi je donnerai plus tard des détails à v. ex.

Vous voudrez bien, M[r] le comte, communiquer ces désirs et mes réflexions à M[r] le c[om]te de Cobenzl. Ce ministre éclairé entrera sans doute dans leur justesse et sentira la nécessité d'agir dès à présent sur toute chose d'une manière combinée, ce qui devient le complément nécessaire du concert * qui vient, enfin, si heureusement de se conclure à la satisfaction des deux cours impériales et duquel l'Europe entière doit espérer son salut.

J'ai l'hon[neur] ...

Помета Александра I: Быть по сему.

Октября 27 дня 1804 г. Подписана и отправлена с коллежским асессором Львом Бородовицыным 27 октября 1804 г.

Печат. по отпуску.

Перевод

Судя по всем признакам, Север Германии — пункт, где Бонапарту труднее, чем в любом другом месте, решиться перейти линию, за которой в настоящее время находятся его войска, а со стороны юга Италии, напротив, он может ожидать наиболее легких успехов, и здесь, вероятно, он начнет войну, как только сочтет ее полезной для своих целей. Эта последняя страна может быть легко занята его войсками, причем так, что их позиции будут почти неприступны, если ему удастся захватить Калабрию. Следовательно, было бы очень важно отвлечь Бонапарта, насколько это возможно, от осуществления этой идеи, чтобы не оказаться перед необходимостью прийти на помощь неаполитанскому королю прежде, чем мы будем вполне к этому подготовлены. Поскольку мы порвали отношения с Францией, у нас не остается никаких прямых средств для того, чтобы самим достичь этой спасительной цели. Поэтому осуществление этой важной задачи следовало бы взять на себя венскому двору. Он мог бы, как мне кажется, дать своему послу в Париже предписание сделать представление тюильрийскому кабинету о том, что у его двора не могло бы не вызвать беспокойства увеличение численности французских войск в Италии, тем более что такое увеличение не может рассматриваться иначе, как совершенно неоправданное в стране, где нет врага, с которым нужно сражаться. Если французское министерство заявит о своих опасениях в связи с пребыванием наших войск на Семи островах, австрийский посол должен будет успокоить его на этот счет, сообщив ему, что у его двора в результате объяснений, которые он имел с нашим кабинетом по этому предмету, не осталось сомнений в том, что русские войска на Корфу (на что указывает уже сама их численность) не имеют иного назначения, кроме как обеспечить Семи островам надежную защиту и тем самым оградить Турцию с этой стороны от замыслов, направленных против этой империи, которые имеются у французского правительства, как это предполагают в связи с тем, что оно расположило свою армию на побережье Адриатики в Неаполитанском королевстве; правда, возможно, что русские войска могли бы оказать помощь королю Обеих Сицилий, если бы французы когда-либо вознамерились напасть на этого государя, но что имеются все основания полагать, что эти войска не предпримут никаких агрессивных действий. Такого же рода внушения могли бы быть переданы в Париж через неаполитанское министерство, о чем я позже подробно сообщу в. с-ву.

Соблаговолите, г-н граф, сообщить эти пожелания и мои соображения г-ну графу Кобенцлю. Этот просвещенный министр, несомненно, признает их справедливость и почувствует необходимость уже сейчас действовать по всем вопросам согласованно, что становится необходимым дополнением к соглашению*, которое, наконец, столь счастливо было достигнуто недавно к удовлетворению обоих императорских дворов и от которого вся Европа должна ожидать своего спасения.

Имею честь ...

70. Инструкция [посланника в Гааге Г. О. Штакельберга] торговому агенту в Амстердаме Бетлингу

октябрь 1804 г.

По нынешним политическим обстоятельствам нужно будет вперять под рукою между голландскими жителями изображенные в следующих пунктах уверения, исполнение чего г-ну Бетлингу на месте его пребывания сим и

* См. док. 63.

препоручается, но с особливым и точным примечанием, чтоб наблюдать ему при том тщательнейшую и величайшую осмотрительность и осторожность, дабы не дошли оные до сведения злорасположенных и им преданных людей. Пункты же, о коих уверения учинить, за сим следуют.

1) Что ежели Россия и вступит в войны с Францией, то главною ее целию всегда будут не выгоды какие-либо собственные, но единственно защита слабых и восстановление равновесия в Европе, изпроверженного насилиями французского правительства.

2) Что государь император, особенно благоволя Батавской республике, коей торговые сношения с Россиею соединяют некоторым образом существенные обоюдные интересы, всемерно желает не только никаких препон не делать батавской торговле, но всячески еще оную покровительствовать.

3) Что, соболезнуя о нынешнем положении сей республики, находящейся, так сказать, под управлением Франции, наивящшее попечение е. в-ва было бы доставить ей полную независимость и не только охранить целость ее, но еще, буде обстоятельства позволят, увеличить ее и придать новую силу могуществу и политическому ее бытию, что немало к восстановлению равновесия в Европе споспешествовать долженствует.

4) Относительно же до внутреннего управления оной республики нужно дать понять, что противно бы было с правилом е. в-ва принудить нацию избрать противу воли ее какую-либо конституцию и что, оставляя сию последнюю совершенно в воле оной, не тронута будет та, которую она не по чужому какому влиянию, но по собственному выбору полезною себе признает.

Кончив сим наставление, вторично рекомендуется г-ну Бетлингу при исправлении вышепорученного употребить крайнюю и всевозможную осторожность и разборчивость, которую тонькость и важность сего предмета требует.

Печат. по копии.

71. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

3(15) ноября 1804 г.

Monsieur, par les dernières dépêches de v. ex. nous avons vu et les démarches que Vous avez faites et les décisions prises par la cour de Berlin à la suite de la nouvelle violation du droit des gens commise par Bonaparte[100]. L'empereur, en approuvant la note *, pleine de sens et de force, que Vous avez donnée à Mr le baron de Hardenberg et Vos explications sur le même objet avec ce ministre, Vous charge, monsieur, de lui témoigner sa vive satisfaction pour la loyauté des principes de sa cour et pour la décision qu'elle a prise conforme à sa dignité et aux engagements contractés avec la nôtre. Vous le prierez aussi de porter à la connaissance de s. m. prussienne le contentement qu'a ressenti notre auguste maître en voyant tenir à son intime allié la conduite qui convient à une grande puissance, blessée essentiellement par un événement aussi atroce. S. m. i. n'a jamais douté un seul instant, que le cabinet de Berlin ne remplisse strictement la convention ** conclue entre les deux Etats; elle a appris avec un plaisir extrême les promesses qu'on Vous a données sur la mise en mouvement d'une armée imposante[112], et elle espère qu'on ne se laissera plus endormir et amuser par les phrases de Bonaparte, mais qu'on exigera des faits, et comme l'offense

* См. док. 60.
** См. док. 13, 23.

est inouïe dans les annales des nations civilisées, la réparation doit être complète, il ne serait pas assurément suffisant qu'on relâchât seulement Mr Rumbold, il faut insister sur une satisfaction éclatante et publique aux yeux de toute l'Europe, afin de tranquilliser tous les Etats en général sur les usurpations et les molestations croissant tous les jours du despote qui domine la France. Le ministère prussien voit à présent jusqu'à quel point il peut compter sur la foi de cet homme qui tout récemment encore a protesté et à Mr Luchesiny à Paris et par le Sr La Forêt à Berlin, qu'il respectera le Nord de l'Allemagne.

V. ex. aura le plus grand soin de suivre cette affaire avec tant de zèle qui lui est propre et de ne rien négliger pour affermir la cour de Berlin dans les dispositions énergiques, qui lui font tant d'honneur, et de la détourner de se prêter aux persuasions de Bonaparte, lequel paraît avoir pour but d'établir par des exemples son nouveau droit des gens et de détruire de cette façon l'indépendance des Etats qui sont à sa portée. Vous pouvez assurer le ministère prussien au nom de l'empereur, que ni les forces de la France ni la position de la Prusse ne doivent lui donner la moindre inquiétude; que si même la convention **, signée par les deux souverains, n'existait pas, l'amitié seule, que notre auguste maître a vouée à la personne de s. m. prussienne, doit donner la certitude qu'au moindre danger, à la moindre menace du gouvernement français la Prusse serait puissamment secourue par la Russie. C'est une assurance que Vous réitérerez au baron de Hardenberg, et nous sommes persuadés que ce langage, appuyé par le crédit dont Vous jouissez auprès du ministère prussien, et Votre expérience dans les affaires Vous feront réussir à remplir nos désirs qui sont ceux de toute l'Europe.

Ne doutant pas qu'à la réception de la présente dépêche, v. ex. ne soit déjà, d'après la promesse de Mr le baron de Hardenberg, en possession de la copie de la lettre [113] que s. m. le roi de Prusse a écrite à Bonaparte relativement au chevalier de Rumbold, je Vous prie de me la faire tenir sans délai et de remercier ce ministre pour la confiance qu'il ne cesse de nous témoigner.

J'ai l'honneur...

Le p[r i n]c e A. Czartoryski

Получено 14(26) ноября 1804 г. на естафете.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, из последних депеш в. пр-ва мы узнали и о демаршах, сделанных Вами, и о решениях, принятых берлинским двором в связи с новым нарушением международного права со стороны Бонапарта [100]. Император, одобряя составленную убедительно и твердо ноту*, которую Вы вручили барону Гарденбергу, а также Ваши объяснения по тому же предмету с этим министром, поручает Вам, милостивый государь, заявить ему о том, что он глубоко удовлетворен благородством принципов его двора и принятым последним решением, соответствующим его достоинству и обязательствам по отношению к нашему двору. Вы также попросите его сообщить его прусскому в-ву о том удовлетворении, которое испытал наш августейший государь, видя, что его ближайший союзник следует линии поведения, какой и подобает придерживаться великой державе, глубоко оскорбленной столь отвратительным поступком. Е. и. в-во никогда не сомневался в том, что берлинский кабинет неукоснительно выполнит конвенцию **, заключенную между двумя государствами; он с чрезвычайным удовольствием узнал о данных Вам обещаниях выставить внушительную армию [112] и надеется, что там больше не позволят Бонапарту усыплять и обманывать себя словесными заверениями, а потребуют от него перейти к делу, и поскольку нанесено неслыханное в истории цивилизованных наций оскорбление, удовлетворение должно быть полным; конечно, одного лишь освобождения г-на Румбольда было бы недостаточно, нужно настаивать на том, чтобы удовлетворение было явным и публичным перед лицом всей Европы, с тем чтобы успокоить все государства относительно непрерывно растущего числа посягательств на чужие права и различных притеснений со стороны деспота, правящего Францией. Прусское мини-

стерство видит теперь, в какой мере оно может полагаться на добросовестность этого человека, который еще совсем недавно давал заверения через г-на Люккезини в Париже и г-на Лафоре в Берлине, что он не тронет Северную Германию.

В. пр-ву надлежит следить за этим делом со всем присущим Вам усердием и не пренебречь ничем, что могло бы укрепить берлинский двор в решительных намерениях, делающих ему такую честь, а также убедить его не поддаваться на уговоры Бонапарта, который, по-видимому, имеет целью путем создания прецедентов установить новое, свое собственное международное право и уничтожить таким образом независимость тех государств, которые досягаемы для него. Вы можете заверить от имени императора прусское министерство, что ни силы Франции, ни положение Пруссии не должны внушать ему какого-либо беспокойства; что, если бы даже не существовало конвенции **, подписанной двумя государями, уже одно дружеское расположение нашего августейшего государя к особе его прусского в-ва должно вселять уверенность, что при малейшей опасности, при малейшей угрозе со стороны французского правительства Пруссии будет оказана Россией могущественная поддержка. Вам следует еще раз заверить в этом барона Гарденберга, и мы убеждены, что благодаря доверию, которым Вы пользуетесь у прусского министерства, эти заверения, а также Ваша опытность в делах обеспечат успешное осуществление наших желаний, которые совпадают с желаниями всей Европы.

Не сомневаясь в том, что, когда в. пр-во получите эту депешу, Вы будете уже иметь, в соответствии с обещанием г-на барона Гарденберга, копию письма [113], которое е. в-во прусский король написал Бонапарту относительно кавалера Румбольда, я прошу Вас незамедлительно переслать мне ее и поблагодарить этого министра за то доверие, которое он всегда нам оказывает.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов П. М. Литвинову

12(24) ноября 1804 г

Предписание оповестить всех жителей Имеретии и Мингрелии о категорическом запрещении продажи пленных в рабство.

АКАК, т. II, стр. 415.

Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский главноуправляющему в Грузии П. Д. Цицианову

15(27) ноября 1804 г.

Соображения о желательности получить просьбу Фетх-Али-шаха иранского о признании его Россией в шахском достоинстве.

АКАК, т. II, стр. 813—814.

72. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Лондоне С. Р. Воронцову

27 ноября (9 декабря) 1804 г.

Monsieur le comte, j'ai eu l'honneur de recevoir la dépêche de v. ex. sub № 287[114], par laquelle elle nous rend compte des instances de la cour de Londres sur l'envoi de nos troupes au secours du roi de Naples, au cas que ce prince fût obligé de quitter sa capitale. Milord Levison Gower m'a communiqué également les ordres qu'il avait reçus relativement au même objet.

En ne prenant pour règle que les raisons d'Etat, la Russie devrait certainement s'occuper de la garantie des possessions de la Porte de préférence à celles du royaume de Naples, vu la proximité de cette première puissance de nos frontières, la facilité que cela nous donne pour la défendre et l'intérêt majeur que nous avons de conserver son intégrité. Cependant, l'amitié sincère, que l'em-

pereur porte au roi des Deux Siciles et dont il lui a donné des preuves beaucoup trop évidentes pour qu'on en puisse douter, ne lui permettra certainement pas d'abandonner ce souverain dans le danger des circonstances actuelles. C'est dans ce sens qu'a été conçue ma réponse[115] au duc de Serracapriola qui venait d'être chargé par sa cour de réitérer ses instances pour obtenir l'appui de l'empereur. J'ai donné à l'envoyé de Naples les explications les plus propres à tranquilliser le roi son maître sur l'intérêt constant et les dispositions inébranlables de s.m.i. de venir à son aide dans la crise actuelle. Cependant, j'ai dû observer aussi à ce ministre combien il était urgent d'éloigner encore, autant que cela se pourra, le moment de l'explosion de la guerre et combien il serait dommageable d'en venir à cette extrémité dans un moment où les affaires générales sont loin d'avoir atteint leur degré de maturité nécessaire et où tout reste encore à combiner et à préparer, afin que dès son début cette guerre ne soit pas marquée par des catastrophes funestes. En traitant cette matière avec v. ex. pour la mettre dans le cas de s'en expliquer avec le ministère anglais, je ne saurais mieux faire que de revenir sur les développements que j'ai donnés au duc de Serracapriola. Il ne s'agit pas même de s'arrêter sur la nécessité d'une coalition générale et d'un ensemble d'opération dans toute l'Europe, sans lesquels toute expédition partielle, entreprise avec plus de zèle que de sagesse, ne peut avoir que des suites fâcheuses. Il suffit de remarquer que, même pour une opération isolée dans le Midi de l'Italie, aucun arrangement n'est encore combiné de manière à pouvoir en attendre un succès seulement temporaire. Les secours, que nous pourrions fournir de suite en ce royaume de Naples, ne surpasseraient guère pour le moment le nombre stipulé par le traité d'alliance pour la durée de la guerre passée, et le nombre de troupes offertes par le gouvernement anglais est encore moins signifiant. Que peut-on se promettre de l'emploi de forces aussi modiques, pendant que les Français augmentent considérablement les leurs et peuvent les tripler d'un jour à l'autre ? Ayant eu la prévoyance d'occuper la terre de Bari jusqu'à Tarente, ils pourront dès le premier moment des hostilités diriger leurs attaques sur différents points, et nommément, d'un côté, sur Gaete, Naples et Salerne, et de l'autre, sur Tarente, en prenant la Calabre à revers. Cette province, étant de cette façon attaquable par ses deux bouts, ce qu'elle n'était pas la guerre passée, ne présente plus les mêmes avantages de défense, car les Français chercheront aussitôt d'y pénétrer par le chemin de Tarente, où ils sont déjà à l'entrée de ce pays, et où les défilés, d'après la carte la plus exacte qu'on a ici, ne sont pas aussi inattaquables que ceux qui se trouvent sur le chemin de Salerne. Nous ignorons encore la nature des dispositions militaires et les plans que s. m. sicilienne se propose de suivre en cas d'agression; ses troupes seront-elles capables de soutenir le premier choc des Français assez longtemps pour rendre possible l'arrivée des secours de Corfou ? Ceux-ci pourront tarder avant que la nouvelle y arrive, avant que l'embarcation soit faite, sans compter les hasards de la traversée. Sait-on avec précision, où elles doivent débarquer, de manière à l'exécuter sans danger et pour agir ensuite avec plus d'avantages ? Est-ce, d'après le désir du gouvernement anglais, en Calabre, où les Français, par les raisons ci-dessus mentionnées, peuvent pénétrer instantanément ? Est-ce à Naples, comme le paraît souhaiter s.m. sicilienne, où toutefois avec leur petit nombre il n'est pas probable qu'elles puissent se soutenir contre les forces croissantes des Français ? On ne saurait assez le répéter, le moment présent ne peut se comparer avec ce qui a eu lieu l'année 1799. Les Français n'étaient pas alors maîtres de Tarente, ils avaient sur les bras une armée puissante, qui s'avançait dans le Nord de l'Italie, et ils étaient déjà découragés par des défaites. Pourrait-on en vouloir à s.m.i. que, sous de telles circonstances, elle balance d'exposer ses troupes à des chances plus qu'incertaines et qui non seulement pourraient faire tort à la gloire de ses

armes, mais même avoir les suites les plus malheureuses pour la cause que l'on veut défendre?

Cependant, l'empereur, voulant prouver à la cour de Londres, combien il lui tient à cœur d'entrer dans ses désirs et donner un nouveau témoignage de son amitié invariable à s. m. sicilienne, et, afin d'aplanir les nombreuses difficultés autant qu'il est en lui, va donner l'ordre au général d'infanterie de Lascy [116], désigné préalablement pour commander le corps russe qui doit être employé pour la délivrance du royaume des Deux Siciles, de se rendre à Naples en qualité de voyageur et sous prétexte de santé avec la commission de s'aboucher avec le ministère napolitain et de régler éventuellement avec lui de quelle façon ces différentes difficultés pourraient être levées. Mr de Lascy sera chargé, avec l'agrément de s. m. sicilienne, d'examiner les moyens de défense qu'elle prépare, de se mettre au fait des dispositions que les généraux napolitains ont faites, de parcourir le pays, et nommément la Calabre, pour s'assurer de la probabilité qu'il y a d'y faire une défense de durée et d'y débarquer avec sûreté; en un mot, d'inspecter sous main, et de manière à ne pas donner des soupçons, les différentes positions des Etats napolitains sur lesquelles on présume que les troupes russes devront diriger leurs premières opérations. Gardant le plus strict incognito, il s'occupera à recueillir ces notions et ne déploiera le caractère, dont il aura été revêtu, que lorsque le moment d'agir sera arrivé. Au surplus, l'empereur tout en exhortant s.m. sicilienne à s'abstenir soigneusement de toute démonstration qui pourrait la compromettre vis-à-vis le gouvernement français, lui conseille, cependant, de continuer toujours, sans aucun bruit, ni ostentation, de s'occuper des mesures nécessaires, afin de ne pas être pris au dépourvu et afin de pouvoir, au cas que les hostilités vinssent à commencer, tenir tête à l'ennemi assez longtemps pour conserver l'espoir que les troupes alliées pourraient venir au secours de celles du pays.

J'ai cru devoir transmettre à v. ex. tous ces détails qui lui serviront à présenter au ministère anglais sous leur véritable aspect les déterminations de s.m.i. Vous voudrez bien y ajouter, Mr le comte, que rien au fond n'étant encore définitivement combiné avec la cour de Londres au sujet de l'assistance à donner au roi de Naples et sur la manière de la mettre à exécution, l'empereur se voit dans l'impossibilité de prendre dès à présent un engagement formel à cet égard. L'Angleterre, qui nous presse d'aider les Etats de ce souverain et qui a tant d'intérêts directs pour les protéger, n'a jusqu'à présent de troupes disponibles à Malte que 2 mille hommes, qu'elle ne veut employer que pour occuper Messine. Ils ne seront donc de cette façon d'aucun secours au corps russe qui aurait débarqué dans le royaume de Naples. L'empereur, partageant entièrement les sentiments de la cour de Londres pour s. m. sicilienne, a déjà déclaré qu'il ne serait pas éloigné d'augmenter ses forces à Corfou d'après les circonstances, afin de pouvoir, selon l'urgence, donner des secours plus considérables à ce souverain, mais il désirerait aussi que l'Angleterre manifestât son intérêt pour s. m. sicilienne en déployant de plus vastes mesures pour la défense de ses Etats ; qu'elle porte à cet effet les troupes disponibles à Malte à un nombre plus respectable et pas moins de 15 mille hommes, sans quoi il serait impossible d'espérer aucun résultat heureux de ce côté. Il est instant en outre que les dites troupes anglaises soient destinées à prendre une part active aux opérations de continent, afin d'opposer une résistance vigoureuse à l'ennemi. Les efforts unanimes de trois puissances qui y agiraient ne pouvant pas atteindre le but désiré qu'en tant que les opérations de leurs troupes seront dirigées du même centre, s. m. i. désirerait que le commandement en chef puisse être confié à un général russe, et nommément à Mr. Lascy, dont il est question plus haut. De cette unité dans le commandement résulterait une célérité dans les opérations qui, comme l'expérience l'a très

bien prouvé, est essentiellement nécessaire pour combattre un ennemi habile dans l'art de la guerre. L'empereur charge v. ex. d'exposer au ministère anglais ces différentes réflexions.

C'est avec peine que s. m. i. s'est vue obligée de ne pas complaire entièrement aux désirs de la cour de Londres, comme cela serait le vœu constant de notre auguste maître, mais s. m. se flatte que la justesse de ses motifs et la franchise, avec laquelle ils ont été exposés, seront appréciées là où Vous êtes, et qu'on ne se méprendra pas surtout, que c'est l'intérêt du salut général qui l'engage à calculer tous les moyens pour ne pas hasarder à pure perte des coups mal assurés que nous voudrions porter à un ennemi que le bonheur a jusqu'à présent toujours favorisé sur terre.

J'ai l'honneur d'être...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

P. S. L'embarcation de troupes russes pour le royaume de Deux Siciles pourrait aussi, sans un concert préalable, rencontrer beaucoup d'embarras, nos commandants à Corfou n'étant pas à même de se procurer avec facilité les moyens nécessaires à cet effet.

Ut in litteris

Le p[rin]ce A. Czartoryski

P. S. Je transmets ci-joint pour l'information de v. ex. les offices qui ont été échangés entre moi et le duc de Serracapriola [117] et qui sont de nature à être communiqués même au gouvernement français. Vous voudrez bien aussi, Mr le comte, en donner des copies au ministère anglais.

Ut in litteris

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Reçu à Londres par Mr Veliascheff le 18(30) décembre 1804.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин граф, я имел честь получить депешу в. с-ва за № 287[114], в которой Вы сообщаете нам о настояниях лондонского двора относительно отправки наших войск для оказания помощи неаполитанскому королю в случае, если этот государь окажется вынужденным покинуть свою столицу. Милорд Левисон Гоуэр также сообщил мне о приказаниях, которые он получил по тому же предмету.

Руководствуясь лишь государственными соображениями, Россия, разумеется, должна была бы заботиться преимущественно о гарантии владений Порты, а не королевства Неаполитанского, учитывая близость этой первой державы от наших границ, легкость, с которой в связи с этим мы могли бы защищать ее, и нашу крайнюю заинтересованность в сохранении ее целостности. Однако искренняя дружба, которую император испытывает к королю Обеих Сицилий, чему он дал слишком очевидные доказательства, чтобы можно было сомневаться в этом, не позволит ему, конечно, покинуть этого государя в нынешней опасной обстановке. В этом смысле и был составлен мой ответ[118] герцогу Серра-Каприола, которому было недавно поручено его двором возобновить настояния с целью добиться поддержки со стороны императора. Я дал неаполитанскому посланнику разъяснения, которые наилучшим образом могут успокоить короля, его повелителя, в отношении неизменного участия и непоколебимого намерения е. и. в-ва прийти ему на помощь в нынешнем критическом положении. Однако я должен был заметить также этому посланнику, в какой мере настоятельно необходимо оттянуть еще, насколько это возможно, начало войны и в какой мере было бы нежелательно доводить дело до этой крайности в тот момент, когда общие дела еще далеко не достигли необходимой степени зрелости и когда все нужно еще согласовать и подготовить для того, чтобы с самого начала эта война не была отмечена роковыми катастрофами. Излагая все это в. с-ву, с тем чтобы Вы объяснились по этому вопросу с английским министерством, я могу лишь повторить соображения, высказанные мною герцогу Серра-Каприола. Речь идет даже не о том, чтобы останавливаться на вопросе о необходимости всеобщей коалиции и согласованности действий во всей Европе, без чего любая изолированная экспедиция, продик-

тованная скорее горячностью, нежели разумным расчетом, может иметь лишь тяжелые последствия. Достаточно указать на то, что даже для проведения изолированной операции на юге Италии еще не сделано ничего, что дало бы возможность ожидать от нее хотя бы временного успеха. Помощь, которую мы могли бы сразу же предоставить королевству Неаполитанскому, не превосходила бы в настоящее время численности войск, предусмотренной союзным договором на время прошлой войны, а численность войск, предложенных английским правительством, еще меньше. На что же можно рассчитывать со столь малыми силами, в то время как французы значительно увеличивают свои и со дня на день могут утроить их. Предусмотрительно заняв территорию Бари до Таранто, они смогут с самого начала военных действий повести наступление на различные пункты, а именно: с одной стороны — на Гаэту, Неаполь и Салерно, а с другой стороны — на Таранто, охватив Калабрию с тыла. Эта провинция, будучи таким образом открытой для нападения с двух сторон, чего не было в прошлую войну, не представит более тех же преимуществ в смысле обороны, так как французы незамедлительно попытаются проникнуть в нее со стороны Таранто, где они уже находятся у порога этой области и где проходы, судя по самой точной имеющейся здесь карте, не являются столь неприступными, как проходы, которые расположены со стороны Салерно. Нам еще не известны характер распоряжений, сделанных его сицилийским в-вом, и план, которому он намерен следовать в случае агрессии; окажутся ли его войска в состоянии сдерживать первый натиск французов достаточно долго, чтобы обеспечить возможность прибытия помощи с о. Корфу? Эта помощь может задержаться, так как нужно время на то, чтобы получить известие о нападении, произвести погрузку, не говоря уже о различных случайностях при переброске войск. Известно ли в точности, где должна быть произведена высадка войск, причем таким образом, чтобы она осуществлялась в условиях безопасности и чтобы иметь возможность действовать в дальнейшем с наибольшими преимуществами? Будет ли это, в соответствии с пожеланием английского правительства, в Калабрии, куда французы по причинам, на которые указывалось выше, могут проникнуть незамедлительно? Или же в Неаполе, как этого, кажется, желает его сицилийское в-во, где, однако, в связи с их малочисленностью им вряд ли удалось бы устоять против увеличивающихся сил французов. Никогда не следует забывать, что нынешнее положение дел нельзя сравнивать с тем, которое существовало в 1799 г. В то время французы не владели Таранто, их сковывала сильная армия, которая продвигалась на севере Италии, и они уже были обескуражены поражениями. Можно ли упрекать е. и. в-во за то, что в этих обстоятельствах он колеблется, не решаясь подвергнуть свои войска случайностям, которые не только могли бы нанести ущерб славе его войск, но и привести к самым печальным последствиям для того дела, которое мы хотим защищать.

Однако император, стремясь доказать лондонскому двору свою готовность идти навстречу его пожеланиям и дать его сицилийскому в-ву новое свидетельство неизменности своих дружеских чувств, желая также устранить, насколько это от него зависит, многочисленные трудности, предпишет генералу от инфантерии Ласси [116], предварительно намеченному на пост командующего русским корпусом, который должен быть использован для освобождения Королевства Обеих Сицилий, отправиться в Неаполь в качестве путешественника, под предлогом лечения, с поручением связаться с неаполитанским министерством и в случае надобности договориться с ним о том, каким образом могут быть устранены эти различные трудности. Г-ну Ласси будет поручено, с согласия его сицилийского в-ва, детально ознакомиться с тем, какие средства обороны подготавливает король и какие меры приняты неаполитанскими генералами, проехать по стране, и в частности по Калабрии, чтобы убедиться в возможности обеспечить там длительную оборону и безопасную высадку—одним словом, втайне и так, чтобы не вызвать подозрений, осмотреть различные позиции в Неаполитанском королевстве, которые русским войскам, как предполагается, предстоит занять для ведения своих первых операций. Соблюдая строжайшее инкогнито, он должен заняться сбором этих сведений и не раскрывать характер полномочий, которыми он будет облечен, до того момента, пока не настанет время действовать. Кроме того, император, по-прежнему убеждая его сицилийское в-во всемерно воздерживаться от каких-либо шагов, которые могли бы скомпрометировать его в глазах французского правительства, все же советует ему постоянно, без шума и не выставляя этого напоказ, заниматься мерами, необходимыми для того, чтобы не оказаться застигнутым врасплох и в случае неожиданного начала военных действий быть в состоянии оказывать сопротивление неприятелю достаточно долго, для того чтобы можно было надеяться, что союзные войска успеют прийти на помощь неаполитанским.

Я счел своим долгом сообщить в. с-ву все эти подробности, которые позволят Вам представить английскому министерству в их истинном свете решения е. и. в-ва. Соблаговолите, г-н граф, добавить к этому, что, поскольку мы, в сущности, еще ничего окончательно не согласовали с лондонским двором относительно того, какая помощь должна быть оказана королю неаполитанскому и каким образом это должно быть сделано, император считает невозможным взять на себя уже сейчас формальное обязательство на этот счет. Англия, которая торопит нас с оказанием помощи владениям этого государя и которая столь непосредственно заинтересована в том, чтобы защищать их, до настоящего времени имеет для этого в своем распоряжении на Мальте только 2 тыс. человек, которых она хочет использовать лишь для занятия Мессины. Таким образом, эти войска не оказали бы никакой помощи русскому корпусу, который высадился бы в Неаполитанском королевстве. Император, полностью разделяя

чувства лондонского двора в отношении его сицилийского в-ва, уже заявил о том, что он не возражал бы против увеличения своих сил на Корфу в зависимости от обстоятельств, для того чтобы иметь возможность в случае нужды оказать более существенную помощь этому монарху; однако он желал бы также, чтобы Англия доказала свое участие к его сицилийскому в-ву, выделив более значительные силы для защиты его владений; с этой целью ей следовало бы довести численность войск, которые она имеет в своем распоряжении на Мальте, до более внушительных размеров, по крайней мере до 15 тыс. человек, без чего было бы невозможно надеяться на достижение какого-либо успеха с этой стороны. Кроме того, настоятельно необходимо, чтобы эти английские войска могли быть использованы для активного участия в операциях на континенте, с тем чтобы оказать энергичное сопротивление неприятелю. Поскольку единодушные усилия трех держав, которые приняли бы участие в этом деле, могут достигнуть желаемой цели лишь в той мере, в какой руководство действиями их войск будет осуществляться из одного центра, е. и. в-во желал бы, чтобы верховное командование было доверено русскому генералу, а именно г-ну Ласси, о котором говорилось выше. Это единство командования обеспечило бы быстроту операций, что, как очень хорошо показал опыт, является существенно необходимым для борьбы с противником, искусным в ведении войны. Император поручает в. с-ву изложить английскому министерству все эти соображения.

К своему глубокому сожалению, е. и. в-во не смог полностью удовлетворить пожелания лондонского двора, что отвечало бы неизменным стремлениям нашего августейшего повелителя, однако е. в-во льстит себя надеждой, что двор, при котором Вы пребываете, признает справедливость соображений, которыми он руководствуется, и отдаст должное откровенности, с которой они были изложены; е. в-во особенно рассчитывает, что в Лондоне не будут заблуждаться относительно того, что лишь интересы всеобщего спасения побуждают его рассчитать все силы и средства, чтобы не рисковать понапрасну, осуществляя плохо подготовленные операции против врага, которому до настоящего времени на суше неизменно сопутствовала удача.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

P.S. Погрузка русских войск для отправки в Королевство Обеих Сицилий без предварительного согласования могла бы быть сопряжена с большими трудностями, так как нашим военачальникам на о. Корфу трудно обеспечить себе необходимые для этого средства.

Ut in litteris,
Князь А. Чарторыйский

P. S. Препровождаю при сем для сведения в. с-ва официальные письма [117], которыми мы обменялись с герцогом Серра-Каприола и которые по характеру своему могут быть сообщены даже французскому правительству. Соблаговолите также, г-н граф, вручить их копии английскому министерству.

Ut in litteris,
Князь А. Чарторыйский

Получено в Лондоне с г-ном Вельяшевым
18(30) декабря 1804 г.

73. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Лондоне С. Р. Воронцову

27 ноября (9 декабря) 1804 г.

Monsieur le comte. Nous avons appris avec regret l'incident de la prise dans les parages de Cadix de trois frégates espagnoles par les Anglais[118]. L'ambassadeur milord Gower nous a participé sur cet événement des explications par lesquelles le ministère anglais assure que les sentiments de modération et d'équité de s. m. britannique étaient invariables et qu'on ne devait pas envisager cette prise comme une agression, mais simplement comme une mesure de prudence jusqu'à ce que la cour de Londres ait reçu de celle de Madrid des réponses satisfaisantes sur de certains points essentiels, lesquels une fois aplanis, le gouv[erne]m[en]t anglais s'empressera de restituer les prises faites à l'Espagne. Avant toutefois que cette affaire prenne cette heureuse tournure, nous ne saurions nous faire illusion sur l'effet qu'un tel événement produira sur le public européen et sur le parti qu'en tireront les ennemis du cabinet de St. James pour

en faire des interprétations à leur façon. Le gouvernement français, parvenu malheureusement fort loin dans l'art d'influencer les esprits en Europe, tant par le moyen des agents nombreux qu'il envoie partout, que par la plus grande partie des feuilles publiques dont les auteurs, par terreur ou par intérêt, s'efforcent à l'envie d'écrire dans un sens qui lui est favorable, ne manquera pas de fomenter et de susciter des jalousies contre l'Angleterre et de refroidir l'enthousiasme de ceux qui seraient portés à s'unir à elle pour la bonne cause. La malheureuse Espagne, en attendant, affligée par toutes les calamités imaginables, persécutée et enchaînée par la France, attaquée au même instant par l'Angleterre, finira par se jeter tout de bon dans les bras de Bonaparte et lui laissera envahir le royaume et par suite nécessaire le Portugal, afin de se défendre contre un ennemi commun. Il serait donc plus convenable, et pour les intérêts de la Grande-Bretagne, et pour ceux de la bonne cause à laquelle les premiers doivent être liés essentiellement, que la cour de Londres cherchât d'éviter une rupture totale avec l'Espagne, d'autant plus que nous sommes assurés des sentiments purs et loyaux de s. m. catholique et que nous espérons même, si la guerre avec l'Angleterre n'éclate pas, d'obtenir de ce prince une déclaration préalable par laquelle l'Espagne s'engagerait de prendre fait et cause dans la lutte contre la France, quand d'autres puissances continentales l'auront commencée. D'un autre côté, s.m.i. va faire parvenir à Madrid ses insinuations les plus instantes pour engager cette cour à satisfaire celle de Londres au sujet des armements qui l'inquiètent et de tâcher d'arranger avec elle à l'amiable l'objet des subsides payés à la France, jusqu'à ce que les circonstances permettent à s. m. catholique de se prononcer ouvertement pour la bonne cause.

L'empereur espère qu'à la suite de ces données le gouvernement anglais trouvera dans sa sagesse le moyen de concilier ses intérêts du moment avec ceux de la cause commune, qui parlent en faveur de l'Espagne. Vous sentirez, M^r le comte, combien il serait à désirer qu'on évitât réciproquement tout esprit d'aigreur dans les pourparlers entre ces deux cours; en montrant au ministère espagnol de la confiance et des dispositions conciliantes, on pourrait parvenir aisément à s'entendre avec lui et l'amener à accorder avec plus de facilité les démarches qui lui sont faites. V. ex. rendra un véritable service à l'Europe, si par ses insinuations elle réussit d'engager le cabinet de St. James à suivre ce système dans sa conduite avec l'Espagne, afin que la coalition, qui pourra se former sur le continent, ne soit pas privée de la coopération de ce royaume qui, malgré l'état dans lequel il se trouve, possède encore assez de ressources pour pouvoir nous être utile. Si même nos offices arrivent trop tard tant à Londres qu'à Madrid pour prévenir la rupture entre ces deux puissances, nous ne perdons pas l'espoir que la cour de Londres, entrant dans l'esprit des raisons qui nous portent à intervenir en faveur de l'Espagne, ne voudra pas l'écraser par le poids de ses forces et fermerait même peut-être les yeux sur ce qui se passe dans les ports de cette monarchie[119], quand nous aurions obtenu l'engagement précité de s. m. catholique, par lequel on serait assuré que les armements qu'elle ferait, non seulement ne se joindront jamais aux Français, mais seraient tournés contr'eux au moment convenu. Il me reste encore à prier v. ex. d'insister auprès de milord Harrowby que ces communications, qui sont de nature à faire la ruine totale de l'Espagne, si elles parvenaient à être connues par le gouvernement français, soient gardées le plus secrètement possible.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

P. S. Notre ministre à Lisbonne vient de nous mander la nouvelle que la ville de Goa avait été occupée par les Anglais; il serait fort à souhaiter que les assurances positives, que milord Gower nous donne du contraire, se réalisent.

V. ex. verra par la copie ci-jointe d'une dépêche[120] de notre ambassadeur à Vienne, jusqu'à quel point la nouvelle de la prise des trois frégates espagnoles fait déjà un fâcheux effet sur les esprits dans cette capitale, et Vous jugerez aisément de l'effet que produirait cet autre événement s'il venait à se confirmer.

Je ne saurais à cette occasion ne pas Vous observer, Mr le comte, par ordre de l'empereur que si s. m. i. devra prendre part à la guerre contre la France, elle désirerait qu'on adoptât pour principe d'isoler cette puissance autant que possible, en détachant d'elle par une conduite conciliante tous les Etats qui sont sous son influence.

Ut in litteris

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Reçu à Londres par Mr Veliascheff le 18(30) décembre 1804.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин граф. Мы с огорчением узнали о захвате англичанами в водах Кадиса трех испанских фрегатов[118]. Посол милорд Гоуэр представил нам относительно этого события объяснения; английское министерство заверяет, что чувства умеренности и справедливости его британского в-ва неизменны и что этот захват не должен рассматриваться как агрессия, а лишь как мера предосторожности, принятая впредь до получения лондонским двором от мадридского двора удовлетворительных ответов по некоторым существенным пунктам; сразу же после их урегулирования английское правительство поспешит вернуть Испании захваченные призы. Все же мы не можем строить себе иллюзий относительно того, какое впечатление произведет подобное событие на европейское общество, прежде чем это дело примет такой счастливый оборот, и того, какую выгоду извлекут враги сент-джемского кабинета из этого дела, истолковав его по-своему. Французское правительство, к несчастью, весьма преуспевшее в искусстве оказывать влияние на умы в Европе как через многочисленных агентов, рассылаемых им повсюду, так и через большинство печатных листков, авторы которых из страха или из корысти изо всех сил стараются писать в благоприятном ему духе, не преминет возбудить и поддерживать недоброжелательное отношение к Англии и охладить воодушевление тех, кто был бы склонен присоединиться к ней в борьбе за правое дело. Тем временем несчастная Испания, терзаемая всеми бедствиями, какие только можно вообразить, притесняемая и скованная Францией и одновременно подвергшаяся нападению со стороны Англии, в конце концов действительно бросится в объятия Бонапарта и даст ему занять королевство и, как необходимое следствие этого, Португалию, чтобы защищаться против общего врага. Поэтому больше соответствовало бы и интересам Великобритании и интересам правого дела, с которыми первые должны быть неразрывно связаны, чтобы лондонский двор постарался избежать полного разрыва с Испанией, тем более что мы уверены в чистоте и искренности чувств его католического в-ва и надеемся даже, если не разразится война с Англией, добиться от этого государя предварительного заявления, по которому Испания обязалась бы присоединиться к борьбе против Франции, когда ее начнут другие континентальные державы. С другой стороны, е. и. в-во повелит сделать в Мадриде самые настоятельные внушения с целью побудить испанский двор удовлетворить лондонский двор по вопросу о вооруженных приготовлениях, которыми тот обеспокоен, а также постараться прийти к полюбовному соглашению с ним в вопросе о субсидиях, выплачиваемых Франции, до того, как обстоятельства позволят его католическому в-ву открыто выступить за правое дело.

Император надеется, что, учитывая эти соображения, английское правительство в своей мудрости изыщет способ примирить свои интересы данного момента с интересами общего дела, требующими благоприятного отношения к Испании. Вы понимаете, г-н граф, насколько было бы желательно, чтобы в переговорах между собой оба эти двора взаимно избегали каких бы то ни было проявлений раздражения; выказывая испанскому министерству доверие и примирительные намерения, легко можно было бы суметь договориться с ним и побудить его с большей готовностью принять сделанные ему предложения. В. с-во окажете истинную услугу Европе, если своими внушениями сумеете убедить сент-джемский кабинет следовать этой системе в своей политике по отношению к Испании, с тем чтобы коалиция, которая может быть создана на континенте, не лишилась сотрудничества этого королевства, которое, несмотря на свое нынешнее состояние, располагает еще достаточными ресурсами, чтобы быть нам полезным. Если даже наши предложения прибудут как в Лондон, так и в Мадрид слишком поздно, чтобы предупредить разрыв между этими двумя державами, мы не теряем надежды, что лондонский двор, согласившись с соображениями, побуждающими нас выступать в пользу Испании, не захочет обрушить на нее свои силы и, быть может, даже за-

кроет глаза на то, что происходит в портах этой монархии[119], если мы получим от его католического в-ва вышеупомянутое обязательство, которое дало бы уверенность в том, что военные силы, которые она подготовит, не только никогда не окажутся на стороне французов, но даже будут использованы против них в подходящий момент. Мне остается еще просить в. с-во настаивать перед милордом Гарроуби, чтобы данные соображения, которые по своему характеру могут повлечь полную гибель Испании, если они станут известны французскому правительству, хранились в самой строжайшей тайне.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

P. S. Наш посланник в Лиссабоне только что сообщил нам, что город Гоа занят англичанами; было бы весьма желательно, чтобы положительные заверения в обратном, которые дает нам милорд Гоуэр, подтвердились.

В. с-во увидите из прилагаемой копии депеши[120] нашего посла в Вене, какое неблагоприятное впечатление произвело известие о захвате 3-х испанских фрегатов в этой столице, и Вы легко можете себе представить, какое впечатление произведет это новое событие, если оно подтвердится.

В связи с этим по высочайшему повелению не могу не заметить Вам, г-н граф, что если е. и. в-во должен будет принять участие в войне против Франции, то он желал бы, чтобы было взято за правило стараться изолировать насколько возможно эту державу, примирительной политикой отрывая от нее все государства, находящиеся под ее влиянием.

Ut in litteris,

Князь А. Чарторыйский

Получено в Лондоне с г-ном Вельяшевым 18(30) декабря 1804 г.

74. Докладная записка товарища министра иностранных дел А. А. Чарторыйского Александру I

ноябрь 1804 г.

Прибывшие сюда депутаты словено-сербские в поданном мне письме[121], у сего подносимом, изъясняют о предмете возложенности на них от сербского народа, который состоит в ходатайстве у высочайшего двора российского о подкреплении их вспомоществованием: воинскими силами, оружием и снарядами, а паче всего денежным — противу бунтующих властей турецких, устремившихся на сокрушение сербов. Они просят о воззрении милосердным оком на бедственное и беспомощное бытие их, излагая притом, что всемерно весь народ сей желает видеть себя устроенным, в особенности в политическом своем существовании под собственным своим управлением, наподобие республики Ионической, то есть, чтобы, завися от Порты и оной платя определенную дань, быть под гарантией России.

Донося о сем, приемлю смелость представить в. в-ву, что при настоящем положении дел единственное вспомоществование, народу сему возможное, состоять может в деньгах, дабы тем поставить их в положение продолжить военные действия, и которое бы возбудило в Порте внимание к необходимости восстановить прежнюю власть ее над сим народом посредством податливости своей на просимые оным преимущества. Между тем же предписать отсюда посланнику нашему Италинскому, чтобы он исподволь старался благоразумными внушениями расположить министерство турецкое к принятию посредства нашего в том, чтоб дано было славено-сербам какое-либо образование, власть Порты над народом сим вящше обеспечивающее и по возможности жребий оного улучшить могущее.

Естли соизволите, в. в-во, сие апробовать, тогда можно будет денежное вспомоществование, которое достаточным я полагаю на первое время из 20 тыс. пиастров, отправить к генеральному консулу в Яссах Болкунову с предписанием, чтоб доставил сумму сию он сербам надежнейшим образом, а из числа четырех депутатов двух немедленно послать отсюда с извещением словесным к их народу о таковых мерах посредничества нашего у Порты

и о вспомоществовании, им чинимом, и для внушения, чтобы они до получения отсюда иных направлений продолжали оставаться вооруженными, укрепляясь поколику возможно, отправив притом к Порте или с нарочными, буде в том не предстоит им опасности, или иным образом прошение, в коем, изложив непременное свое намерение пребыть верными е. в-ву султану, просить о позволении им управляться собственными своими чиноначальниками с выплачиванием исправно положенной подати; о выводе навсегда из края, ими обитаемого, всех военнослужителей турецких, обязываясь в замену не токмо оберегать тот край от бунтующих, но и истреблять сих и далее в окружных местах, естли бы появились там, и в случае войны иметь в готовности до 5 тыс. человек для действия под своим начальником там, где от Порты им повелено будет в Европе, токмо не противу Российской державы, им единоверной. И когда Порта на все сие или токмо на некоторые статьи, достаточно уже улучшающие их участь противу прежнего, согласится, тогда просить, чтобы таковое ее согласие было утверждено ручательством России и Австрии.

Двум же депутатам, коих предполагается отправить обратно, не благоугодно ли будет повелеть выдать как на проезд, так и в награждение вообще из сумм, на Азиатский департамент положенных, по 500 червонных каждому.

Помета Александра I: Составить рескрипт министру финансов ноября 28 дня 1804 г. об отпуске товарищу м[инистра] и[ностранных] д[ел] на известное употребление 3 тыс. гол[ландских] червонных, которые надлежать будут к доставлению сербам вместо 20 тыс. пиастров, о коих здесь упоминается.

Печат. по отпуску.

75. Нота посланника в Константинополе А. Я. Италинского турецкому правительству

3 (15) декабря 1804 г.

Le soussigné envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire de s. m. l'empereur de toutes les Russies avait informé son auguste souverain que la Sublime Porte, animée du désir de conserver ses alliés et convaincue que tel est aussi son intérêt majeur, s'était refusée à la reconnaissance du nouveau titre de Bonaparte. S. m. i., en applaudissant à cette conduite de la Sublime Porte, a ordonné au soussigné de lui déclarer en son nom que le salut de l'Empire ottoman dépendait de la continuation de cette conduite ; de lui mettre sous les yeux les raisons qui prouvent combien les menaces, que le gouvernement français pouvait lui faire à la suite de ce refus, étaient vaines et impossibles à effectuer, tant du côté de l'Allemagne que de toute autre part; de l'assurer en même temps que s. m. i., qui n'a cessé de prendre le plus vif intérêt à son bien-être, était prête à l'assister et à maintenir sa conservation au moindre danger et de quelque côté qu'il pût venir; qu'elle s'en faisait un devoir agréable d'après l'alliance" qui unit les deux empires et qu'enfin elle enverrait incessamment au soussigné les pleins pouvoirs nécessaires pour procéder au renouvellement de cette alliance désiré par la Sublime Porte elle-même et auquel la cour de Londres ne manquerait pas d'accéder.

Ce n'est qu'avant-hier encore que la dépêche * de la cour impériale, contenant ces déclarations, ces assurances de s. m., a été mise sous les yeux de la Sublime Porte et en réponse, pour ainsi dire de sa part, le soussigné apprend dès aujourd'hui par la voix publique, que l'ambassadeur de France dit et se vente hautement que la Sublime Porte, effrayée de son départ[123], l'invite, le presse, le conjure tant officiellement qu'amicalement de rester, de revenir dans sa maison et d'y attendre une réponse qu'il annonce d'avance comme devant être favorable et conforme à ses désirs, et il faut bien qu'elle doive l'être, car sans cela comment le ministère ottoman pourrait-il se flatter de le retenir et lui-même consentir à suspendre son départ?

Le soussigné a peine à concevoir comment la Sublime Porte, alliée de deux grandes puissances et certaine de leur secours, a pu, s'abandonnant à une vaine et honteuse frayeur, oublier ce qu'elle se doit à elle-même, ce qu'elle doit à ses alliés qu'elle était dans l'obligation de consulter, et s'abaisser à une démarche aussi avilissante ; a-t-elle donc bien calculé le tort irréparable qu'elle fait à sa considération aux yeux de ses alliés, de toute l'Europe, de sa propre nation et des Français eux-mêmes. Jusqu'à quand aura-t-elle honte ou peur de déclarer par écrit au gouvernement français et à son ambassadeur, qu'elle est alliée de la Russie et que sa conduite dans l'affaire de la reconnaissance est une suite et un devoir de cette alliance? Se serait-elle au contraire imaginée que la reconnaissance est une conséquence naturelle et nécessaire de sa neutralité? Mais elle oublie apparemment qu'elle n'est neutre que du consentement de ses deux alliés et parce que l'un des deux l'était aussi ; mais elle ne considère pas que, si la Russie était forcée, comme l'a été l'Angleterre, de prendre les armes pour une juste défense à laquelle les intérêts de la Sublime Porte ne sont point étrangers, elle devrait en cas qu'elle en fût requise par ses deux alliés ou faire cause commune avec eux ou renoncer à ses alliances.

S. m. i., certes, bien éloignée de prévoir ce qui se passe en ce moment, apprendra, sans doute, avec autant de surprise que de sensibilité la démarche avilissante de la Sublime Porte, mais elle verrait avec plus d'indignation encore l'injure faite à sa propre dignité, si, au mépris des assurances réitérées de sa hautesse et de son ministère et à la veille, pour ainsi dire, d'un renouvellement d'alliance, cette démarche était suivie soit de la reconnaissance en tout ou en partie de Bonaparte, soit de la promesse de le reconnaître à une époque fixe, soit, enfin, d'une explication quelconque d'où le gouvernement français et son ambassadeur puissent inférer que la reconnaissance pourra se faire sans l'acquiescement de la Russie.

En conséquence, le soussigné requiert la Sublime Porte de la manière la plus solennelle de maintenir dans toute son intégrité, quant à l'esprit et à la lettre, la dernière note[84] qu'elle avait remise au général Brune sur cet objet et dont les termes ne sont déjà que trop faibles et trop ambigus et d'y conformer exactement la nouvelle réponse que cet ambassadeur attend d'elle; dans le cas contraire et dans celui de la moindre déviation des principes et de la conduite suivis à cet égard par la Sublime Porte jusqu'aujourd'hui, le soussigné se trouve autorisé, par les instructions qu'il a encore tout récemment reçues de son auguste souverain, de déclarer en son nom que s. m. i. déploierait autant d'énergie à venger l'injure faite à sa dignité à la face de toute l'Europe, qu'elle en a mis et en veut mettre encore à soutenir les intérêts de l'Empire ottoman et à conserver son intégrité.

C'est à la Sublime Porte à peser dans sa sagesse les effets probables du juste et profond ressentiment de s. m. i. et les vaines menaces du gouvernement français et leurs suites plus vaines encore.

---

* См. док. 61.

Quelle que soit la détermination qu'elle prendra après cet examen, le soussigné la requiert de la lui communiquer promptement, par écrit et en termes clairs et précis, pour qu'il puisse en rendre compte sans délai à l'empereur son maître par un courrier extraordinaire.

(signé) A. d' Italinsky

Печат. по копии.

Перевод

Нижеподписавшийся чрезвычайный посланник и полномочный министр е. в-ва императора всероссийского сообщил своему августейшему государю, что Блистательная Порта, движимая желанием сохранить своих союзников и убежденная в том, что это соответствует также ее важнейшим интересам, отказалась признать новый титул Бонапарта. Е. и. в-во, приветствуя такое поведение Блистательной Порты, повелел нижеподписавшемуся заявить ей от его имени, что спасение Оттоманской империи зависит от того, будет ли она продолжать действовать таким же образом, и привести доводы, которые доказывают, сколь пустыми и неосуществимыми как со стороны Германии, так и с любой другой стороны являются угрозы в ее адрес, к которым французское правительство могло прибегнуть в связи с этим отказом; в то же время нижеподписавшемуся было предписано заверить Порту, что е. и. в-во, по-прежнему принимающий самое живое участие в ее благополучии, готов оказать ей помощь и принять меры к обеспечению ее сохранности при малейшей опасности, с какой бы стороны она ни появилась; что он видит в этом приятную обязанность, вытекающую из союза [67], объединяющего обе империи, и что, наконец, он незамедлительно вышлет нижеподписавшемуся полномочия, необходимые для того, чтобы приступить к возобновлению этого союза согласно желанию самой Блистательной Порты, к чему не преминет присоединиться лондонский двор.

Только позавчера Блистательной Порте была представлена депеша* императорского двора, содержащая эти заявления и заверения е. в-ва, а сегодня, как бы в ответ с ее стороны, нижеподписавшийся узнает из разговоров в обществе, что французский посол во всеуслышание заявляет, что Блистательная Порта, испугавшись его отъезда [122], предлагает ему, настаивает и умоляет как официально, так и по-дружески, остаться, вернуться в свой дом и ждать там ответа, который, как он заранее объявляет, должен быть благоприятным и соответствующим его желаниям; очевидно, таким он и будет, так как иначе как могло бы оттоманское министерство надеяться удержать его, а сам он — согласиться отложить свой отъезд?

Нижеподписавшемуся трудно понять, как Блистательная Порта, будучи связана союзными отношениями с двумя великими державами и будучи уверена в их помощи, смогла, поддавшись необоснованному и постыдному страху, забыть свой долг по отношению к самой себе и к своим союзникам, с которыми она обязана была посоветоваться, и унизиться до столь постыдного демарша; хорошо ли она осознала, сколь непоправимо она подрывает уважение к себе в глазах своих союзников, всей Европы, собственной нации и самих французов. До каких же пор будет она стыдиться или бояться заявить в письменном виде французскому правительству и его послу, что она связана союзом с Россией и что ее поведение в вопросе о признании — результат этого союза и вытекающая из него обязанность? Или же она вообразила, что признание является естественным и необходимым следствием ее нейтралитета? Но она, очевидно, забывает, что она нейтральна только с согласия обоих ее союзников и потому, что один из них сам был нейтральным; но она не принимает во внимание, что если бы Россия была вынуждена, как это ранее случилось с Англией, взяться за оружие для справедливой оборонительной войны, которая отнюдь не чужда интересам Блистательной Порты, то последняя должна была бы, в случае если этого потребовали бы оба ее союзника, либо быть заодно с ними, либо отказаться от своих союзных связей.

Государь император, не подозревающий, без сомнения, что происходит в данный момент, будет, конечно, столь же удивлен, сколь и огорчен, когда узнает об этом унизительном демарше Блистательной Порты, но еще больше он был бы возмущен оскорблением, нанесенным его собственному достоинству, если бы, вопреки неоднократным заверениям его высочества султана и его министерства и, так сказать, накануне возобновления союза, за этим демаршем последовало либо полное или частичное признание Бонапарта, либо обещание признать его в определенный момент, либо, наконец, какое-нибудь объяснение, из которого французское правительство и его посол могли бы заключить, что признание может иметь место без согласия России.

Вследствие изложенного нижеподписавшийся самым торжественным образом требует от Блистательной Порты придерживаться и впредь в полном объеме как духа, так и буквы последней ноты [84] по этому вопросу, врученной ею генералу Брюну и являющейся уже слишком слабой и двусмысленной по своим выражениям, и в точности сообразовать с этим новый ответ, который этот посол ожидает от нее; в противном случае, а также если будет допущено малейшее отклонение от принципов и линии поведения, которым Блистательная Порта следовала в этом отношении до сегодняшнего дня, нижеподписавшийся в соответствии с недавно

полученными им инструкциями его августейшего государя уполномочен заявить от его имени, что е. и. в-во приложит столько же усилий, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное его достоинству перед лицом всей Европы, сколько прилагал и желал бы прилагать и впредь для защиты интересов Оттоманской империи и сохранения ее целостности.

Пусть Блистательная Порта благоразумно взвесит возможные результаты справедливого и глубокого возмущения е. и. в-ва и пустые угрозы французского правительства и их еще менее вероятные последствия.

Каково бы ни было решение, которое она примет в результате этого, нижеподписавшийся требует сообщить ему его в письменном виде в кратчайший срок, причем в ясных и определенных выражениях, чтобы он мог незамедлительно донести об этом императору, своему государю, с чрезвычайным курьером.

(подпись) А. Италинский

76. Посланник в Берлине М. М. Алопеус товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

№ 346 *4(16) декабря 1804 г.*

Mon prince, par mes rapports successifs v. ex. a été instruite de l'ouverture que Mr le comte de Metternich a faite par ordre de sa cour à Mr le baron de Hardenberg et de la manière dont celui-ci l'a reçue [128]. Ces rapports n'ayant pu être que fort incomplets, à cause de la gêne à laquelle m'assujettissait l'usage du chiffre, je demande la permission de reprendre le fil de l'affaire dès le commencement.

Mr le comte de Metternich, le lendemain matin de l'arrivée du courrier qui lui avait été expédié de Vienne, passa chez moi et me fit la lecture de la dépêche [129] que lui avait adressée le chancelier comte de Cobenzl. Celle-ci terminée, nous nous concertâmes sur la marche uniforme que nous aurions à tenir dans cette négociation délicate et sur les mesures qui nous paraissaient les plus propres tant pour en détourner l'attention des ministres d'Angleterre et de France, l'un et l'autre, quoique dans des vues entièrement opposées, étant également intéressés à l'approfondir, que pour prévenir les mauvaises intentions des malveillants employés ici dans les bureaux.

Mr le comte de Metternich convint avec moi qu'il se rendrait chez Mr de Hardenberg pour le mettre au fait des vœux de l'empereur son maître pour une réunion sincère de volontés et de mesures entre les deux cours, dont l'unique but serait de maintenir l'équilibre de l'Europe et d'assurer l'indépendance, la tranquillité et la sûreté individuelles et générales des puissances également menacées par la ligne sur laquelle le gouvernement français paraît vouloir procéder.

Connaissant les dispositions du baron de Hardenberg je ne balançai pas de les garantir, mais je prévins en même temps le comte de Metternich de deux sujets d'inquiétude, effleurés préalablement par ce ministre dans ses entretiens avec moi. Il ne m'avait pas caché que, d'abord, on appréhendait ici que toute réunion entre Vienne et Berlin n'entraînât un concert offensif, dirigé dans la suite par le cabinet britannique, et, puis, qu'il n'entrât des vues d'agrandissement dans les plans autrichiens. Mr le comte de Metternich m'assurant que ses instructions étaient très précises sous ces rapports et que les intentions de sa cour ne pouvaient pas même être suspectées, se référant de plus à cet égard à la dépêche qu'il venait de me lire, il promit d'articuler ces objets dans la conversation qu'il aurait avec le ministre de cabinet prussien. Je me chargeai à mon tour d'appuyer auprès de Mr de Hardenberg les ouvertures du ministre d'Autriche et d'offrir la garantie directe de l'empereur mon auguste maître de la pureté et de la sincérité des intentions de sa cour.

Nous convînmes ensuite de notre conduite particulière et le comte de Metternich, pour donner un prétexte à l'arrivée de son courrier, prit le parti de vouloir faire entendre qu'elle se rapportait à la délivrance du chevalier

Rumbold, sa cour ayant donné plein assentiment aux mesures pour l'effectuer, adoptées par celle d'ici. Dans la même vue je me décidai à ébruiter sous main, que Mr de Benckendorff, ayant obtenu le congé qu'il avait sollicité pour revoir ses parents, se disposait d'aller à St. Pétersbourg.

V. ex. sait par mon rapport sous № 324, qu'à l'arrivée du courrier autrichien le baron de Hardenberg se trouvait à Potsdam. Dès le retour de ce ministre, celui de la cour de Vienne se rendit chez lui et, d'après ce que ce dernier m'a communiqué, il lui a dit que le courrier qu'il venait de recevoir lui a apporté des ordres dont il s'empressait de s'acquitter avec d'autant plus de plaisir qu'ils fournissaient l'occasion de prouver toute la confiance que s. m. i[mpéria]le et r[oya]le avait placée, à si juste titre, dans le ministre qui se trouve maintenant à la tête des affaires d'une monarchie que depuis longtemps l'Autriche désire pouvoir regarder comme liée avec elle par la conformité des sentiments personnels des deux souverains et par l'uniformité de sa position politique et même géographique. M^{r} le comte de Metternich a ensuite développé la conduite par laquelle s. m. i[mpéria]le et r[oya]le avait jusqu'à présent cru devoir convaincre le gouvernement français de son désir, partagé par le roi de Prusse, de maintenir la paix sur le continent et de son éloignement pour toute participation directe ou indirecte à la guerre maritime. Les résultats n'ayant point offert jusqu'ici la même garantie des sentiments et des dispositions réciproques du gouvernement français, des atteintes journalières et un système d'extension incompatible avec le repos et l'équilibre de l'Europe semblant former la base des principes politiques de ce cabinet, s. m. i. désirerait que les princes, qui sont à considérer comme les protecteurs naturels de cet équilibre, écartassent tout sujet de désunion entr'eux et se réunissent dans leurs principes de conduite et, s'il le fallait, dans leurs démarches et leurs mesures. Ici le comte Metternich, ayant développé encore toutes les raisons, que lui a fournies la dépêche du comte Cobenzl, pour prouver qu'un tel concert ne troublerait en rien la bonne harmonie avec la France, si ses vues n'excèdent pas les bornes, a relevé surtout dans la supposition contraire la nécessité de sauver les puissances, les plus exposées surtout, d'une ruine peut-être inévitable. Le comte de Metternich a fini par établir en thèse qu'assurément l'empereur son maître était très éloigné de vouloir étendre ses possessions et qu'on regardait comme superflu d'écarter, comme une des bases premières d'un accord, toute vue d'acquisition ou d'empiétement, dont la conduite, qu'a suivie s. m. i. dans le cours des négociations qui ont fixé la limite de ses États, n'avait cessé de faire foi.

Mr de Hardenberg a écouté cette ouverture avec attention et avec l'air du plus sensible plaisir. Il a assuré que sa conviction particulière était depuis longtemps venue au-devant des vérités développées par le comte de Metternich et que son désir le plus sincère serait de pouvoir justifier la confiance flatteuse qui venait de lui être témoignée, en contribuant de tout son pouvoir à la réunion des vues les plus salutaires entre trois puissances, les seules en état de sauver l'Europe de la ruine qui lui semble préparée. Ensuite ce ministre a prévenu celui de la cour de Vienne de la difficulté qu'il aurait à vaincre pour porter le roi à toute mesure qui de loin pouvait ressembler à une coalition, les résultats de la dernière [124] lui ayant laissé une aversion peut-être insurmontable pour toute idée approchante, mais il a ajouté: «Soyez convaincu que vos principes sont les nôtres et pourvu que vous ne veuillez ni d'une ligue offensive avec l'Angleterre, ni faire entrer pour rien des vues d'agrandissement pour une puissance quelconque dans les mesures à concerter, je m'emploierai de tout mon pouvoir à la chose, convaincu que jamais on ne fera goûter au roi rien de ce qui tendrait à ces deux buts».

Mr de Hardenberg en a passé à l'exposition de la nécessité d'observer le plus profond secret, impossible à garder s'il ne se trouve concentré dans le

plus petit nombre d'individus possible. Il a désiré qu'il n'en fût point parlé au comte de Finckenstein, chargé d'affaires de Prusse à Vienne, en assurant qu'il ne ferait son rapport au roi sur l'ouverture du comte de Metternich que personnellement et de vive voix. Ici le ministre de cabinet a observé que le premier mot, que la France en apprendrait, suffirait pour rendre toute réunion impossible, vu qu'elle ne règne que par la division et qu'elle a basé sa politique en flattant alternativement la Prusse et l'Autriche et aux dépens les uns des autres.

Après quelques discussions relatives à l'objet Mr de Hardenberg a dit qu'ayant été la veille à Potsdam, il préférait d'attendre le retour du roi à Berlin pour ne pas éveiller l'attention des alentours même de s. m., ne comptant s'entretenir avec elle que quand il serait entièrement seul avec ce prince, ce retard ne pouvant influer sur la marche d'une négociation tellement majeure. Il a demandé ensuite si le comte Metternich ne pouvait lui remettre par écrit les points essentiels de son ouverture. Celui-ci y était si bien préparé qu'il lui remit de suite, en guise de communication verbale et pour aider à sa mémoire, l'écrit[128] que j'ai l'honneur de joindre ici en copie. Sur ce que le comte de Metternich avait observé qu'il n'avait été autorisé à rien remettre par écrit et qu'il ne pourrait être compromis que personnellement vis-à-vis de sa cour en cas d'abus, le baron de Hardenberg a donné sa parole d'honneur que l'unique usage qu'il en ferait, serait de se borner à se pénétrer de son contenu pour le rendre fidèlement à son maître.

Le hasard m'ayant amené à la fin de cette conférence chez Mr de Hardenberg, celui-ci avait demandé au comte de Metternich, s'il ne croyait pas que je ne serais de trop et sur l'assurance qu'il m'y verrait avec plaisir, je fus introduit dans le cabinet du ministre. Alors Mr le comte de Metternich s'étant mis à exposer le sujet qui l'avait amené chez Mr de Hardenberg, je ne balançai point de rendre le meilleur témoignage à la sincérité et à la loyauté des vues de rapprochement entre les cours de Vienne et de Berlin, m'engageant à faire parvenir au roi toute garantie de l'empereur mon auguste maître, s. m. i. étant au fait des vues de la cour de Vienne et étant convaincue comme elle de la nécessité d'un accord uniforme de volonté et de langage entre les trois puissances. Sur cela les deux ministres récapitulèrent succinctement tout ce qu'ils s'étaient dit avant mon arrivée et nous prîmes mutuellement l'engagement de ne confier le secret de la chose qu'à un seul de nos employés. Le baron de Hardenberg me prévint qu'il ne chargerait le comte de Goltz d'aucune communication relative à l'objet de cette négociation qui devrait rester concentrée entre nous trois.

Le roi étant arrivé à Berlin le 16 (28) novembre, Mr de Hardenberg avait saisi un moment où il s'était trouvé seul avec s. m. de s'entretenir avec elle. Après cette entrevue il fit inviter le comte de Metternich chez lui pour dire à ce ministre qu'ayant vu le roi très peu de moments seul, il n'avait pu que lui transmettre les ouvertures sans les discuter à fond; que s. m. lui avait déclaré sans hésiter que ses intentions et ses vues étaient les mêmes que celles de s. m. i[mpéria]le et r[oya]le, mais que le mode d'exécution paraissait lui offrir trop de sujets de méditation pour ne pas y réfléchir quelques jours; que si Bonaparte l'apprenait, il tomberait sur l'un ou sur l'autre pour empêcher la réunion; qu'enfin il le ferait appeler pour discuter la chose à l'aise.

Mr de Hardenberg, m'ayant fait inviter également, me répéta ce qu'il avait dit à mon collègue, je crus devoir observer que les assurances données par l'empereur mon auguste maître suffisaient pour dissiper toute appréhension du côté de la France. Mr de Hardenberg regretta qu'il n'avait eu la conversation avec le roi qu'un jour où il a dîné chez s. m., ce qui l'a empêché de s'étendre autant qu'il l'eût désiré pour fixer l'opinion de son maître sur le seul et

véritable point de vue. «J'attends, continua-t-il, le retour du courrier dépêché à Paris, chargé comme Vous savez, de porter de nouvelles offres de médiation entre la Russie et la France [125]; son retour doit nécessairement porter des mo difications aux mesures de réunion mêmes».

Il avait dit la même chose au comte de Metternich. Lui comme moi, nous lui avons observé que l'expédition du courrier à Paris n'avait été motivée que par des faits isolés et qu'il s'agissait de s'entendre sur des principes généraux, applicables à tous les événements futurs. L'envoyé de Vienne a ajouté que le rapprochement entre la Russie et la France, également désiré par sa cour, et l'évacuation du pays d'Hannovre, quoique tous deux d'un intérêt majeur, ne formaient cependant que des chaînons isolés dans la série des événements créés par la marche progressive de la politique française et des mesures à lui opposer. Mr de Hardenberg, envisageant l'objet sous le même point de vue, a répliqué: «Mais supposons la réponse négative et Vous concevez la force des armes qu'elle me fournit». Il se servit des mêmes expressions vis-à-vis de moi en ajoutant: «Je suis convaincu que Bonaparte refusera d'évacuer le Hannovre, mais j'ai été dans la nécessité d'en mettre la proposition en avant». Il répéta encore ce qu'il avait dit de la répugnance du roi de se prêter à tout ce qui porte le moindre caractère de coalition et se montrant prêt à demander un entretien au roi, ajoutant qu'il n'aurait pas attendu si longtemps s'il ne le connaissait pas et s'il n'avait pas la conviction qu'il ne faut point le presser personnellement sur des décisions de ce genre. Ceci il l'a dit aussi à Mr le comte de Metternich.

Je ne saurais assez me louer des procédés de ce dernier. A côté du zèle le plus marqué pour la réussite de l'importante négociation qui lui est confiée, il m'a témoigné une confiance illimitée. Puissent ses efforts, que je tâche d'étayer de mon mieux, être suivis de succès! Il est difficile de le garantir d'avance. V. ex. connaît le caractère personnel du roi de Prusse, il répugne à toute mesure qui de loin semble lui offrir des chances de le voir forcé à se prononcer avec vigueur. Il ne se dissimule cependant pas les dangers dont l'Europe est menacée. Malheureusement le général Koeckritz, sur lequel il s'appuie, fléchit sous la moindre apparence de guerre. Quant au baron de Hardenberg, j'ose répondre qu'il est entré dans les vues des deux cours impériales sans retenue et qu'on peut attendre de lui et de ses soins tout ce qu'il sera possible d'effectuer.

J'ai l'honneur...

A l o p e u s

Пол[учено] 14 декабря 1804 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Вам, князь, известно из ряда моих донесений о предложении, сделанном г-ном графом Меттернихом по повелению своего двора г-ну барону Гарденбергу, и о том, как этот последний встретил его [123]. Так как эти донесения могли быть лишь весьма неполными по той причине, что я должен был пользоваться шифром, я прошу позволения вновь изложить дело с самого начала.

Г-н граф Меттерних утром следующего дня после прибытия курьера, который был отправлен к нему из Вены, зашел ко мне и зачитал мне депешу[123], присланную ему канцлером графом Кобенцлем. По прочтении депеши мы условились относительно одинакового образа действий, которого нам предстояло придерживаться при этих трудных переговорах, и относительно мер, которые представлялись нам наиболее подходящими как для того, чтобы отвлечь от них внимание английского и французского посланников, ибо и тот и другой, хотя и в совершенно противоположных видах, одинаково заинтересованы в том, чтобы как можно больше узнать об этих переговорах, так и для того, чтобы предупредить замыслы злонамеренных лиц, состоящих на службе в здешних канцеляриях.

Граф Меттерних договорился со мной о том, что он отправится к г-ну Гарденбергу, чтобы поставить его в известность о желании императора, его повелителя, добиться искреннего единения обоих дворов в их намерениях и предприятиях с единственной целью сохранить равновесие в Европе и обеспечить независимость, спокойствие и безопасность держав, каждой в

отдельности и всех их в целом, которым в равной мере угрожает та политическая линия, следовать которой французское правительство, по-видимому, намеревается.

Зная взгляды барона Гарденберга, я не поколебался поручиться за них, однако в то же время я предупредил графа Меттерниха о том, что существует два вопроса, вызывающих беспокойство, о чем вкратце предварительно говорил мне этот министр в беседах со мной. Он не скрыл от меня, что прежде всего здесь опасаются, не приведет ли любое объединение между Веной и Берлином к наступательному соглашению, руководство которым в дальнейшем попало бы в руки британского кабинета, и, кроме того, не входит ли в планы Австрии намерение расширить свою территорию. Заверив меня в том, что данные ему инструкции были очень точными в этом отношении и что намерения его двора не могут даже внушать подозрений, сославшись в этой связи также на только что прочитанную мне депешу, граф Меттерних обещал подробно поговорить по этому вопросу с прусским министром кабинета во время предстоящей беседы. Я в свою очередь взялся поддержать перед г-ном Гарденбергом демарш австрийского посланника и предложить непосредственную гарантию чистоты и искренности намерений его двора со стороны императора, моего августейшего повелителя.

Мы условились далее о поведении каждого из нас, и граф Меттерних, чтобы как-то объяснить прибытие курьера к нему, решил изобразить дело так, будто это связано с освобождением кавалера Румбольда, поскольку его двор дал полное согласие на необходимые по осуществлению этого меры, принятые здешним двором. С этой же целью я решил распространить слух о том, что г-н Бенкендорф, получив отпуск, о котором он ходатайствовал с целью навестить своих родственников, намеревается отправиться в С.-Петербург.

В. с-ву известно из моего донесения № 324, что в момент прибытия австрийского курьера барон Гарденберг находился в Потсдаме. Сразу же по его возвращении посланник венского двора отправился к нему и, как мне сообщил этот последний, известил его о получении им с только что прибывшим курьером повелений, которые он спешит исполнить с тем большим удовольствием, что они представляют случай доказать все то доверие, которое его императорское и королевское в-во по справедливости питает к этому министру, руководящему в данный момент делами монархии, в отношении которой с давних пор Австрия стремится лишь к одному: иметь возможность считать ее связанной с собой как в силу общности личных чувств обоих государей, так и в силу одинакового политического и даже географического положения. Затем г-н граф Меттерних подробно остановился на той линии поведения, которой его императорское и королевское в-во считал до настоящего времени нужным придерживаться, чтобы убедить французское правительство в своем стремлении, разделяемом также и королем Пруссии, поддерживать мир на континенте, а также в своем нежелании принимать какое-либо прямое или косвенное участие в морской войне. Поскольку результаты пока не позволяют быть уверенными во взаимности чувств и намерений французского правительства, а основными политическими принципами этого кабинета, как кажется, являются постоянные посягательства и стремление к расширению владений, несовместимое со спокойствием и равновесием в Европе, е. и. в-во желал бы, чтобы государи, которых следует рассматривать как естественных хранителей этого равновесия, устранили все поводы для несогласий между собою и придерживались единых принципов в своем поведении, а в случае необходимости осуществляли совместные демарши и принимали общие меры. Здесь граф Меттерних, изложив снова все доводы, приведенные в депеше графа Кобенцля, чтобы доказать, что такое соглашение о совместных действиях ни в чем не нарушило бы добрых отношений с Францией, если ее претензии не будут чрезмерными, подчеркнул особенно необходимость, в случае если произойдет обратное, спасти от неизбежной, может быть, гибели державы, наиболее подвергающиеся опасности. В заключение граф Меттерних заявил, что, несомненно, император, его повелитель, весьма далек от желания расширять свои владения, о чем свидетельствует поведение е. и. в-ва во время переговоров, в результате которых были определены границы его владений, и что было бы излишне включать в соглашение в качестве одного из основных положений пункт об отказе от всяких территориальных приобретений или посягательств.

Г-н Гарденберг выслушал это заявление очень внимательно и с выражением величайшего удовлетворения. Он заверил, что его личные убеждения уже давно находятся в согласии с истинами, изложенными графом Меттернихом, и что его самое искреннее желание — суметь оправдать только что засвидетельствованное ему лестное доверие, способствуя всеми силами тому, чтобы три державы, которые одни только способны спасти Европу от гибели, которая ей, видимо, уготована, объединились в их спасительных намерениях. Затем этот министр предупредил посланника венского двора о трудности, которую он должен преодолеть, чтобы склонить короля к какому-либо предприятию, которое хотя бы отдаленно походило на коалицию, так как результаты последней коалиции [124] внушили ему отвращение, быть может непреодолимое, к любой подобной идее, однако он добавил: «Будьте уверены, что наши принципы совпадают, и если только Вы не будете стремиться к наступательному союзу с Англией и к включению в договор о мерах, которые предстоит согласовать, видов на территориальные приобретения в отношении какой-либо державы, я употреблю все мои силы ради этого дела, будучи убежден, что невозможно добиться одобрения королем чего-либо, имеющего в виду эти две цели».

Затем г-н Гарденберг перешел к изложению необходимости соблюдать строжайшую тайну, которую возможно сохранить лишь в том случае, если в нее будет посвящено возможно меньшее число лиц. Он выразил пожелание, чтобы об этом ничего не говорили графу Финкенштейну, поверенному в делах Пруссии в Вене, заверив, что он доложит королю о предложении графа Меттерниха не иначе, как лично и только в устной форме. Здесь министр кабинета заметил, что достаточно будет Франции узнать хоть что-либо об этом, чтобы какое бы то ни было объединение стало невозможным ввиду того, что она властвует только разделяя, и ее политика построена на том, что она благоприятствует поочередно то Пруссии, то Австрии и одним за счет других.

После краткого обсуждения этого вопроса г-н Гарденберг сказал, что, поскольку накануне он был в Потсдаме, он предпочитает подождать возвращения е. в-ва в Берлин, чтобы не привлечь внимания лиц из окружения короля, рассчитывая переговорить с ним лишь тогда, когда они будут наедине; эта задержка не сможет повлиять на ход столь важных переговоров. Затем он спросил, не может ли граф Меттерних вручить ему в письменном виде основные пункты его заявления. Последний был так хорошо подготовлен к этому, что тут же вручил ему в качестве вербального сообщения памятную записку, копию которой я имею честь приложить [123]. В ответ на замечание графа Меттерниха о том, что он не был уполномочен вручать что-либо в письменном виде и, в случае если этим злоупотребят, он лично был бы скомпрометирован в глазах своего двора, барон Гарденберг дал честное слово, что он использует эту записку лишь для того, чтобы изучить ее и точно передать ее содержание своему государю.

Случай привел меня к г-ну Гарденбергу в то время, когда их беседа подходила к концу, и он спросил у графа Меттерниха, не считает ли он, что я буду лишним; поскольку тот его заверил, что будет рад моему присутствию, меня провели в кабинет министра. Когда граф Меттерних объяснил, что его привело к г-ну Гарденбергу, я не колеблясь отозвался наилучшим образом об искренности и прямодушии намерений венского и берлинского дворов сблизиться между собой и обязался доставить королю любую гарантию императора, моего августейшего государя, так как е. и. в-ву известны намерения венского двора и он совершенно убежден в необходимости полного согласия между тремя державами относительно их намерений и заявлений. В ответ на это они повторили вкратце все, что было сказано между ними до моего прихода, и мы взаимно обязались доверить тайну этого дела лишь кому-либо одному из наших чиновников. Барон Гарденберг меня предупредил, что он не станет поручать графу Гольцу делать какие бы то ни было сообщения по поводу этих переговоров, которые должны остаться между нами тремя.

Так как 16(28) ноября король приехал в Берлин, г-н Гарденберг воспользовался моментом, когда он остался наедине с е. в-вом, с тем чтобы переговорить с ним. После этого свидания он пригласил графа Меттерниха к себе и сказал ему, что он был с королем наедине очень короткое время и поэтому смог только передать ему предложения без обсуждения их по существу; что е. в-во заявил ему без колебаний, что его намерения и планы совпадают с намерениями и планами его императорского и королевского в-ва, но способ их осуществления, по его мнению, дает слишком много оснований для размышления, чтобы не подумать над этим несколько дней; что, если Бонапарт узнает об этом, он нападет на ту или другую страну с целью помешать объединению и что, наконец, король обещал пригласить его, чтобы обсудить все как следует.

В беседе со мной г-н Гарденберг повторил то, что он сказал моему коллеге. Я счел нужным заметить, что гарантий императора, моего августейшего государя, достаточно, для того чтобы рассеять всякие опасения относительно Франции. Г-н Гарденберг выразил сожаление, что он смог побеседовать с королем только однажды в тот день, когда он обедал у е. в-ва, ввиду чего ему не удалось изложить дело настолько подробно, как он того желал бы, чтобы склонить своего государя к единственно правильной точке зрения. «Я ожидаю,— продолжал он,— возвращения курьера, спешно отправленного в Париж, которому было поручено, как Вам известно, отвезти новые предложения о посредничестве между Россией и Францией [125]; с его возвращением обязательно потребуется внести изменения в сами мероприятия по объединению».

То же самое он сказал и графу Меттерниху. Мы оба, как граф Меттерних, так и я, заметили г-ну Гарденбергу, что отправление курьера в Париж было вызвано только отдельными фактами, а речь идет о том, чтобы договориться об общих принципах, которые были бы пригодны при всех событиях в будущем. Венский посланник добавил, что сближение между Россией и Францией, которого желает также и его двор, и вывод войск из Ганновера хотя и имеют очень большое значение, но являются, однако, лишь отдельными звеньями в цепи событий, вызванных политикой французского кабинета и мерами, которые надлежит ей противопоставить. Г-н Гарденберг, рассматривая вопрос с той же точки зрения, возразил: «Но предположим, что мы получим отрицательный ответ, и Вы представляете себе силу тех доводов, которые будут в моем распоряжении». Он употребил те же выражения и в беседе со мной, добавив: «Я убежден, что Бонапарт откажется вывести войска из Ганновера, однако я был вынужден выдвинуть это предложение». Он снова повторил то, что уже говорил о нежелании короля соглашаться на что бы то ни было, хоть немного напоминающее коалицию, и, высказывая го-

товность попросить приема у короля, добавил, что он не стал бы ждать так долго, если бы не знал его и не был убежден, что отнюдь не следует торопить его лично относительно принятия решений подобного рода. Это же он сказал и графу Меттерниху.

Я не могу нахвалиться образом действий этого последнего. Наряду с тем, что он проявляет величайшее усердие ради успеха важных переговоров, доверенных ему, он в то же время выказывает безграничное доверие по отношению ко мне. Дай бог, чтобы его усилия, которым я стараюсь способствовать, как только могу, увенчались успехом. Трудно гарантировать это заранее. В. с-ву известен характер короля Пруссии; он питает отвращение к любой мере, которая хотя бы отдаленно связывается с необходимостью занять решительную позицию. Он, однако, не скрывает от себя опасностей, угрожающих Европе. К сожалению, генерал Кёкриц, которому он доверяет, дрожит при малейшем намеке на войну. Что касается барона Гарденберга, то осмелюсь заверить, что он полностью разделяет намерения обоих императорских дворов; и можно надеяться, что он сделает все возможное.

Имею честь...

Алопеус

77. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

5(17) декабря 1804 г.

Monsieur, quoique le cabinet de Potsdam ait paru jusqu'ici décidé à ne vouloir prendre aucun intérêt aux affaires de l'Italie, nous avons néanmoins cru nécessaire de lui communiquer copie des offices échangés entre nous et la cour de Naples et que je transmets à cet effet ci-joint à v. ex.[117].

La cour de Berlin y verra combien nous sommes disposés à nous prêter à tout ce qui peut éloigner les nouvelles calamités dont l'Italie est menacée. Mais nous espérons aussi qu'elle conviendra que dans l'œuvre de la médiation qu'elle a voulu prendre sur elle de préparer et, par conséquent, dans ses démarches vis-à-vis du gouvernement français, il est instant de ne point séparer le Nord du Midi de l'Europe, pour peu qu'on ne veuille pas favoriser de l'un et de l'autre côté les intérêts de la France. D'ailleurs, le ministère prussien ne méconnaîtra pas que l'étincelle de la guerre, dans quelque lieu qu'elle s'allume, produira un incendie et que, par conséquent, si l'on désire éviter les suites, il est intéressant d'empêcher le début, où que ce soit qu'il commence. Il paraît donc qu'il sera conforme à la politique, adoptée par le cabinet prussien, de ne pas garder le silence à Paris sur les affaires de l'Italie, mais au contraire de s'y intéresser en faveur du roi de Naples et d'y faire des représentations sur les suites funestes que peut avoir pour la tranquillité de l'Europe l'idée de Bonaparte de se déclarer roi de Lombardie. S. m. i. verrait avec plaisir toutes les démarches que la cour de Berlin ferait dans ce sens et les prendra pour une marque d'amitié et de déférence de la part de son intime allié. Si les motifs les plus puissants semblent imposer, pour ainsi dire, à s. m. prussienne le devoir d'agir pour le bien et la sûreté du Nord, il en est beaucoup de très forts qui se réunissent pour l'engager à parler du moins en faveur du Midi de l'Europe. Nous ne doutons pas que, si elle s'y décide, les insinuations qu'elle fera parvenir à Paris ne manqueront pas d'y produire beaucoup d'effet. La Prusse semble être dans une trop grande sécurité à l'égard des vues ambitieuses et envahissantes de Bonaparte. Mais s'il était possible que le gouvernement français atteignît à son but du côté de l'Italie, y aurait-il alors moyen de s'opposer aux lois qu'il voudrait dicter au Nord de l'Allemagne?

V. ex. voudra bien attirer l'attention du ministère prussien sur cet objet important et, en lui demandant à cet égard une réponse, lui faire prendre en considération les suites fâcheuses qui résulteraient pour l'Europe entière si les puissances qui devraient maintenir son équilibre, ne prennent de concert des

mesures efficaces pour parer aux coups que Bonaparte se dispose à porter à l'intégrité et à l'indépendance de tous les Etats.

J'ai l'honneur...

L e p[r i n]c e A. C z a r t o r y s k i

Получено 19(30) декабря 1804 г. с курьером графом Ожаровским.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, хотя потсдамский кабинет до сих пор, казалось, решительно не желал проявлять никакого интереса к итальянским делам, мы все же сочли необходимым передать ему копии официальных писем, которыми мы обменялись с неаполитанским двором; пересылаю их с этой целью в. пр-ву[117].

Берлинский двор увидит из них, насколько мы расположены содействовать всему, что может отвратить новые бедствия, угрожающие Италии. Однако мы надеемся также, что он согласится с тем, что в деле посредничества, подготовку которого берлинский двор пожелал взять на себя, и, следовательно, в его демаршах по отношению к французскому правительству крайне необходимо не отделять Север Европы от Юга, если только не собираются и там и тут благоприятствовать интересам Франции. Впрочем, прусское министерство не может не признать, что искра войны, где бы она ни вспыхнула, вызовет пожар и что, следовательно, если не хотят, чтобы опасность возросла, то важно помешать ее возникновению где бы то ни было. Таким образом, по-видимому, прусский кабинет поступит в соответствии со своими политическими принципами, если он не будет хранить молчание в Париже по поводу итальянских дел, но, напротив, выступит там в защиту интересов короля неаполитанского и сделает представления относительно пагубных для спокойствия Европы последствий, к которым может привести намерение Бонапарта провозгласить себя королем Ломбардии. Е. и. в-во приветствовал бы все демарши, которые берлинский двор предпринял бы в этом направлении и расценил бы их как знак дружбы и уважения со стороны своего ближайшего союзника. Если наиболее важные мотивы, по-видимому, диктуют, так сказать, его прусскому в-ву необходимость действовать в интересах благополучия и безопасности Севера, то многие еще более могущественные мотивы говорят за то, что он должен по меньшей мере высказаться и в пользу Юга Европы. Мы не сомневаемся, что если он на это решится, то внушения, которые он сделает в Париже, не преминут произвести там большое впечатление. Кажется, Пруссия считает, что она достаточно надежно гарантирована от честолюбивых и захватнических замыслов Бонапарта. Но если французское правительство сможет достичь своей цели со стороны Италии, найдется ли тогда средство воспротивиться воле, которую он захотел бы навязать Северу Германии?

В. пр-ву надлежит обратить внимание прусского министерства на этот важный вопрос и попросить у него ответа, убедив его принять в соображение пагубные последствия, ожидающие всю Европу, если державы, которые должны были бы поддерживать в ней равновесие, не примут совместно действенных мер, чтобы отвратить удары, которые Бонапарт намеревается нанести целостности и независимости всех государств.

Имею честь...

К н я з ь А. Ч а р т о р ы й с к и й

78. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

10(22) декабря 1804 г.

Monsieur, Mr Ojarowsky était sur le point d'être expédié, lorsque le comte de Goltz nous a communiqué le rescrit dont le baron de Hardenberg Vous avait fait lecture, monsieur, et que v. ex. nous a annoncé par sa dépêche.

Quelque disposé que soit l'empereur à se réunir d'intention et de fait à son intime allié, quelque porté qu'il soit à applaudir à la conduite qu'il a adoptée dans le dessein de maintenir la tranquillité sur le continent, je ne saurais Vous cacher que la démarche, à laquelle le cabinet de Berlin vient de se décider, n'a pu donner à notre auguste maître une nouvelle occasion de se livrer à ce plaisir. Il sera facile à v. ex. d'amener le baron de Hardenberg à convenir

lui-même combien une pareille détermination de leur part devait être inattendue pour nous. Une récapitulation sommaire du rescrit adressé au comte de Goltz Vous en fournira des moyens nombreux, et je vais en examiner avec v. ex. les points principaux.

Sans vouloir revenir ici sur ce qui concerne l'enlèvement du chevalier Rumbold, matière que j'ai épuisée dans une dépêche antécédente * et à laquelle je me réfère, je dois, cependant, itérativement Vous informer, monsieur, que l'opinion de s. m.i. diffère de celle de s.m. le roi de Prusse relativement au dénouement de cette affaire [126]. Dans les rapports que Vous nous avez fait parvenir, monsieur, immédiatement après la nouvelle de cet événement, nous avions puisé la certitude consolante que cette atrocité a été ressentie par la cour, où Vous êtes, avec toute l'horreur qu'elle doit inspirer pour son auteur, et nous avions cru, d'après les communications mêmes qui Vous avaient été faites sur cet objet, que s.m. prussienne ne voudrait pas se déclarer satisfaite par l'élargissement seul du chargé d'affaires britannique. Nous ne pouvons donc nullement convenir que le roi de Prusse doive envisager le renvoi du chevalier Rumbold en Angleterre, comme une réparation suffisante de l'insulte qui lui a été faite en sa qualité de directeur du cercle de la Basse Saxe, ni qu'on puisse être rassuré sur des récidives de violence pareille que Buonaparte se permettra toujours sans scrupule, tant qu'il sera sûr de pouvoir s'en tirer à aussi bon marché.

En suivant l'ordre observé dans le rescrit que nous examinons, je dois actuellement Vous entretenir, monsieur, de l'idée conçue par le cabinet prussien de solliciter auprès de Buonaparte la retraite des troupes françaises, stationnées dans l'électorat de Hannovre [127], et dont le mode semble si favorable au gouvernement français, qu'on le prendrait probablement dans toute l'Europe pour une complaisance réciproque de la part de la Prusse envers ce gouvernement. C'est la violence commise contre le chargé d'affaires britannique qui a conduit le cabinet de Berlin à faire à celui de St. Cloud des offres qu'il est difficile que Buonaparte n'accepte avec joie. Quelque démesurées que soient les prétentions de l'usurpateur du trône français, elles ne peuvent guère quant au Hannovre aller au-delà de ce que l'on va lui offrir. En effet, que lui restera-t-il à désirer lorsque, après avoir consommé la ruine d'un pays qu'il avait conquis sans coup férir, avoir imposé arbitrairement des villes libres impériales, afin de payer une armée française, introduite en Allemagne pour insulter à sa neutralité et compromettre son indépendance, après que la cupidité de Buonaparte et de ses lieutenants est rassasiée ou du moins ne trouve plus d'aliments, l'on va se charger de la garde de Hannovre et permettre ainsi à l'armée de Bernadotte de porter la dévastation dans quelque autre partie de l'Europe, l'on se porte à assurer au gouvernement français la perception du tribut imposé sur l'électorat et à lui reconnaître le droit d'en disposer à la paix. De telles offres doivent être accueillies en France avec d'autant plus d'empressement qu'après la guerre la plus heureuse contre la Prusse Buonaparte n'aurait pu obtenir des conditions qui lui soient plus utiles. Il conserverait par là tous les avantages qu'il prétend retirer de son invasion inique dans le Nord de l'Allemagne, et il aurait en sus celui d'être débarrassé de la peine de veiller sur la proie. V. ex. peut juger par ce résumé succinct du point de vue sous lequel l'empereur envisage la démarche prescrite au marquis de Lucchesini [127] et combien s. m.i. est peu disposée à y donner les mains.

Vous êtes donc chargé de faire part au ministère prussien, que la situation de l'Allemagne liant de très près les intérêts de ce pays avec ceux de la Russie, notre auguste maître ne saurait d'aucune façon être indifférent aux événements

---

* См. док. 71.

qui peuvent y avoir lieu, que s.m.i. ne pourra voir qu'avec satisfaction ses inquiétudes sur le danger auquel sont exposés les Etats voisins du Hannovre calmées par la retraite des troupes françaises de cet électorat; mais que, si cet heureux résultat peut avoir lieu, s.m.i. désire, afin qu'il ne devienne pas illusoire, qu'on y procède d'après les principes qui ont servi de base au projet de convention ** proposé dans le temps de notre part à la cour de Berlin et rappelé actuellement dans le rescrit du roi de Prusse, sans quoi l'empereur ne croirait pas pouvoir donner son assentiment à une mesure qui ne répondrait nullement au but qu'elle doit avoir conséquemment; quant aux rétributions pécuniaires à percevoir des Etats de Hannovre au profit du gouvernement français, s. m.i. trouve qu'on ne saurait admettre rien de semblable, et que Buonaparte pourra fort bien se contenter des extorsions qu'il a fait déjà souffrir à ce malheureux pays. Des droits à la possession du Hannovre n'auraient pu provenir que d'une conquête légitimement faite sur une puissance ennemie et n'ont aucun rapport avec l'invasion des Français dans un pays qui fait une partie intégrante de l'empire d'Allemagne, dont l'indépendance avait été si récemment garantie par la France. Pour ce qui est de la faculté de disposer à la paix de l'électorat de Hannovre, que la cour de Berlin incline de réserver à Bonaparte, s.m. est d'avis que rien ne peut être décidé à cet égard que par s.m. britannique en qualité d'électeur de Brunswic-Lunebourg, et que des puissances tierces n'ont pas le droit de s'ingérer dans une question qu'il n'appartient qu'au propriétaire légitime de décider. Il nous semble, en général, qu'on ne saurait prendre dans cette occurence de décision finale sans consulter à son égard s.m. britannique qui, certes, est seule en droit de prononcer sur des modifications, quand il s'agit de mesures proposées par des cours neutres et amies. Outre que s.m. prussienne, en suivant sa première idée, se trouverait en contradiction avec elle-même et sanctionnerait les principes funestes de Buonaparte contre lesquels elle s'est déclarée hautement, il est clair que, si on ne prêtait pas à Berlin une oreille favorable à nos représentations, cette cour cesserait par là même d'être neutre, et loin de conserver des égards égaux et la même impartialité envers les deux puissances belligérantes, elle semblerait faire cause commune avec les Français en se chargeant de la garde du Hannovre pour leur compte et leur donnant la facilité d'employer plus de troupes d'un autre côté, ce que, dans l'incertitude de nos rapports avec la France, notre auguste maître ne saurait considérer avec indifférence.

Il me reste à dire un mot à v. ex. sur l'entretien de Talleyrand avec le marquis de Lucchesini [125] relativement à la bonne harmonie entre la Russie et la France, que la cour de Berlin s'est offerte de rétablir par sa médiation, mais ayant déjà amplement débattu cette matière dans ma dépêche [126] qui sert de réponse à la Vôtre, il ne me reste qu'à lui répéter, que les dernières insinuations du ministre de Buonaparte portent le même caractère d'une politique fallacieuse que le cabinet de St. Cloud a constamment suivie jusqu'ici, que toutes ses propositions, étant assises sur des assertions controuvées, ne peuvent en aucune manière être admissibles. Le cabinet de Berlin est trop éclairé pour n'avoir pas jugé, dès l'abord, que les conditions articulées par Talleyrand sont toutes à l'avantage de la France et ne remplissent en rien les clauses du traité, dont la Russie réclame l'exécution, et que, si les phrases jetées en avant par le ministère français portent en effet sur les quatres points principaux exigés par notre auguste maître [128], ce n'est que pour lui proposer de s'en désister. Or, comme dans toutes les explications entre la Russie et la France et l'état des choses qui s'en est suivi, s.m.i. n'a été mue par aucun intérêt particulier, mais uniquement par sa sollicitude pour le bien général, l'incurie des

** См. док. 13.

puissances, qui sont intéressées de plus près à surveiller l'ambition du gouvernement français, peut la porter à ajourner tout développement des moyens, capables de rasseoir l'Europe sur son assiette, mais ne pourra jamais l'engager à renouer avec un gouvernement, qui se joue de la sainteté des traités, avant que celui-ci n'ait prouvé par une conduite contraire qu'il est revenu à des principes plus rassurants.

L'empereur Vous charge, monsieur, de vous expliquer avec le ministère prussien d'après la teneur de cette dépêche, s.m.i. étant persuadée que son allié et son ami reconnaîtra dans sa franchise une nouvelle preuve de la sincérité des sentiments qu'il lui a voués et qui lui font ardemment désirer de prévenir tout mésentendu par des explications préalables et précises.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Получено 19(31) декабря 1804 г. с курьером гр[афом] Ожаровским.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, все уже было готово к отправке г-на Ожаровского, когда граф Гольц сообщил нам зачитанный Вам, милостивый государь, бароном Гарденбергом рескрипт, о котором в. пр-во уведомили нас своей депешей.

Как бы ни был расположен император объединиться со своим близким союзником во всем, что касается целей и действий, как бы ни был он склонен приветствовать линию поведения, принятую им в целях сохранения спокойствия на континенте, я не могу все же скрыть от Вас, что демарш, который только что решил предпринять берлинский кабинет, не мог дать нашему августейшему государю новый случай испытать это удовольствие. В. пр-ву не трудно будет заставить барона Гарденберга согласиться с тем, сколь неожиданным должно было оказаться для нас подобное решение с их стороны. Краткое изучение содержания рескрипта, направленного графу Гольцу, даст Вам для этого множество возможностей, и я хочу проанализировать вместе с в. пр-вом его основные пункты.

Не желая возвращаться здесь к тому, что касается похищения кавалера Румбольда,— вопрос, исчерпывающе рассмотренный мною в одной из предыдущих депеш*, к которой я и отсылаю,— я должен, однако, еще раз поставить Вас в известность, милостивый государь, что мнение е. и. в-ва относительно развязки этого дела отличается от мнения е. в-ва прусского короля [126]. Из донесений, посланных Вами, милостивый государь, сразу после получения известия об этом событии, мы почерпнули утешительную уверенность в том, что это ужасное злодеяние было воспринято двором, при котором Вы находитесь, со всем тем негодованием, которого заслуживает его виновник; на основании же сообщений, сделанных Вам по этому поводу, мы решили, что его прусское в-во не удовлетворится простым освобождением из-под ареста британского поверенного в делах. Поэтому мы никоим образом не можем согласиться ни с тем, что король прусский должен рассматривать высылку кавалера Румбольда в Англию как достаточное удовлетворение за оскорбление, нанесенное ему как главе округа Нижней Саксонии, ни с тем, что можно быть уверенными в том, что подобные насилия не повторятся, ибо Буонапарт без всякого зазрения совести будет позволять себе это до тех пор, пока он будет уверен в том, что они будут так легко сходить ему с рук.

Следуя порядку изложения, принятому в рассматриваемом нами рескрипте, я должен теперь, милостивый государь, обсудить с Вами возникшую у прусского кабинета идею ходатайствовать перед Буонапартом о выводе французских войск, расположенных в курфюршестве Ганноверском [127], способ осуществления чего кажется настолько благоприятным для французского правительства, что во всей Европе его, вероятно, сочтут за взаимную любезность со стороны Пруссии по отношению к этому правительству. В ответ на насилие, совершенное над английским поверенным в делах, берлинский кабинет делает кабинету Сен-Клу предложения, которые Буонапарт, несомненно, с радостью примет. Как бы чрезмерны ни были притязания узурпатора французского престола в отношении Ганновера, они никак не могут идти дальше того, что теперь ему собираются предложить. В самом деле, чего ему остается еще желать, если после того, как он окончательно разорил страну, завоеванную им без единого выстрела, беззаконно обложил свободные имперские города, чтобы покрыть расходы по содержанию французской армии, введенной в Германию для издевательства над ее нейтралитетом и ущемления ее независимости, после того, как корыстолюбие Буонапарта и его наместников удовлетворено или, по крайней мере, не находит больше пищи, собираются взять на себя охрану Ганновера и позволить, таким образом, армии Бернадота производить

опустошения в какой-либо другой части Европы и выражают готовность гарантировать французскому правительству взимание наложенной на курфюршество подати и признать за ним право свободно распоряжаться этим курфюршеством при заключении мира. Подобные предложения должны быть приняты во Франции с тем большей готовностью, что даже после удачнейшей войны против Пруссии Буонапарт не смог бы добиться более выгодных для себя условий. Он сохранил бы благодаря этому все выгоды, которые он намерен извлечь из несправедливого захвата, осуществленного им на Севере Германии, и, сверх того, он получил бы еще то преимущество, что был бы освобожден от труда охранять свою добычу. На основании вышеизложенного в. пр-во можете судить о точке зрения императора на демарш, сделать который предписано маркизу Люккезини[127], и о том, сколь мало е. и. в-во склонен одобрить его.

Таким образом, Вам поручается довести до сведения прусского министерства, что поскольку положение Германии весьма тесно связывает интересы этой страны с интересами России, то наш августейший государь никоим образом не может оставаться безразличным к событиям, которые могут там произойти; что е. и. в-во будет весьма доволен, если его беспокойство в связи с опасностью, грозящей соседним с Ганновером странам, будет рассеяно вследствие вывода французских войск из этого курфюршества; но что если этот счастливый результат возможен, то, чтобы он не оказался иллюзорным, е. и. в-во желает, чтобы при этом действовали в соответствии с принципами, положенными в основу проекта конвенции**, предложенной в свое время нами берлинскому двору и упомянутой в рескрипте прусского короля; если это условие не будет соблюдено, император не сочтет возможным дать свое согласие на меру, которая ни в малейшей степени не соответствовала бы той цели, которую она должна иметь следствием; что же касается денег, которые надлежит собирать с ганноверских владений в пользу французского правительства, то е. и. в-во считает, что ничего подобного допускать не следовало бы и что Буонапарт вполне может удовольствоваться теми поборами, которым он уже подверг эту несчастную страну. Права на владение Ганновером могли бы быть приобретены лишь в результате законного завоевания у враждебной державы, но никак не вследствие вторжения французов в страну, являющуюся составной частью Германской империи, независимость которой столь недавно была гарантирована Францией. Что же касается намерения берлинского двора обеспечить Буонапарту возможность распоряжаться курфюршеством Ганноверским при заключении мира, то е. в-во придерживается того мнения, что какое бы то ни было решение на этот счет может быть принято лишь его британским в-вом в качестве курфюрста Брауншвейг-Люнебургского и что третьи державы не имеют права вмешиваться в вопрос, решать который может лишь законный владелец. В принципе, нам кажется, не следовало бы принимать в данном случае окончательного решения, не проконсультировавшись на этот счет с его британским в-вом, который, безусловно, один вправе решать вопрос об изменениях, когда речь идет о мерах, предлагаемых нейтральными или дружественными дворами. Помимо того, что его прусское в-во, следуя своему первому намерению, оказался бы в противоречии с самим собой и тем самым одобрил бы пагубные принципы Буонапарта, которые он во всеуслышание осудил, ясно также, что если в Берлине не прислушаются к нашим представлениям, то этот двор тем самым перестанет быть нейтральным и не только не сохранит равной беспристрастности по отношению к обеим воюющим державам, но дело даже будет выглядеть так, что он выступает заодно с французами, беря на себя охрану Ганновера для них и давая им возможность использовать большее количество войск в другом месте, к чему при неопределенности наших отношений с Францией наш августейший государь не смог бы отнестись равнодушно.

Мне остается еще сказать несколько слов в. пр-ву о беседе Талейрана с маркизом Люккезини[125] относительно доброго согласия между Россией и Францией, восстановить которое при своем посредничестве предложил берлинский двор, но поскольку я уже подробно осветил этот вопрос в моей депеше[128], являющейся ответом на Вашу, мне остается лишь повторить Вам, что последние намеки министра Буонапарта носят тот же характер политики, основанной на лжи, которой до сих пор неизменно придерживался кабинет Сен-Клу, и что, поскольку все его предложения основаны на не соответствующих действительности утверждениях, они никоим образом не могут быть приемлемыми. Берлинский кабинет при его проницательности сразу же увидит, что условия, сформулированные Талейраном, выгодны лишь Франции и не предполагают проведения в жизнь договора, исполнения которого требует Россия, и если в сделанных французским министерством заявлениях действительно идет речь о четырех основных пунктах[128], на выполнении которых настаивает наш августейший государь, то это сделано лишь для того, чтобы предложить ему отказаться от них. Поскольку во всех объяснениях между Россией и Францией и в действиях, являвшихся их следствием, е. и. в-во руководствовался не какими-либо корыстными интересами, а исключительно заботой об общем благе, бездеятельность держав, наиболее заинтересованных в том, чтобы с неослабным вниманием следить за честолюбивыми замыслами французского правительства, может побудить его отложить применение средств, способных восстановить равновесие в Европе, но никогда не сможет заставить его возобновить отношения с правительством, которое насмехается над святостью договоров; он пойдет на это только после того, как это последнее докажет, в корне изменив свое поведение, что оно вернулось к принципам, которые не будут внушать такого беспокойства.

Император поручает Вам, милостивый государь, объясниться с прусским министерством в соответствии с содержанием этой депеши, и е. и. в-во убежден, что его союзник и друг увидит в его откровенности новое доказательство искренности питаемых императором к нему чувств, которые заставляют его горячо желать предупреждения всяких недоразумений предварительными и точными объяснениями.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

Александр I Фридриху-Вильгельму III

10(22) декабря 1804 г.

Просьба дать объяснения по поводу создания прусским правительством провиантских складов в непосредственной близости от русских границ.

Bailleu, Correspondance inédite, p. 54—55.

79. Запись беседы Н. Н. Новосильцева с премьер-министром Великобритании Питтом

*13(25) декабря 1804 г.**

Après avoir préalablement conversé avant avec lord Harrowby et ensuite à deux différentes reprises avec Mr Pitt sur les principes, que dans l'état présent de l'Europe une coalition (au cas qu'il soit possible de la former) aurait à suivre pour qu'elle puisse se flatter avec raison de parvenir à rétablir l'équilibre, faire rentrer la France dans ses anciennes limites et asseoir la tranquillité de l'Europe sur des bases solides et stables, et ayant vu que l'opinion du ministère britannique coïncidait parfaitement avec les intentions de s.m. l'empereur quant aux points que l'occasion m'a permis de toucher dans les susdites conversations; ayant entendu dire, par ex[emple], Mr Pitt, dans un exposé rapide qu'il m'a fait de sa façon d'envisager cet objet, qu'il était fermement persuadé qu'il fallait arracher au gouvernement français le masque dont il cherchait toujours à couvrir tous ses attentats contre l'humanité en général et contre l'indépendance des nations en particulier; que pour cela il ne fallait négliger aucun des moyens qui pourrait servir à dessiller les yeux de ceux des souverains (s'il s'en trouvait encore) qui, en dépit des expériences portant le sceau de tant de malheurs publics, s'obstinent encore à ne pas voir que la grande extension et l'énorme puissance, que la France s'est acquises, jointes à l'ambition effrénée de Bonaparte qui dans sa conduite avec le reste des nations ne respectait (comme on l'a vu par des exemples) aucun principe, aucun droit, aucune règle que les peuples civilisés pour leur bonheur commun sont convenus d'observer les uns vis-à-vis des autres, d'un côté menaçaient l'Europe d'un bouleversement total et de l'autre — d'une dissolution de tous les

* Дата беседы установлена по архивным материалам.

liens qui, unissant les diverses nations réciproquement par la sûreté, la confiance et par le commerce, assuraient leur tranquillité et augmentaient la masse de leur bonheur; qu'il était de toute nécessité de convaincre l'Europe que la Russie et l'Angleterre, en prenant les armes contre Bonaparte et le gouvernement qu'il a fabriqué au gré de sa perfidie et cherchant à former à cet effet une coalition, n'ont aucune vue personnelle et ne s'occupent que du soin de tirer plusieurs nations indépendantes de la servitude honteuse, dans laquelle elles gémissent sous le joug de la France, de les soustraire à la tyrannie que Bonaparte exerce sur elles, de sauver l'Europe de tous les malheurs, qu'il lui prépare, en rétablissant les principes du droit des gens et les formes qui jusqu'à présent ont été généralement observées par toutes les nations civilisées; que la coalition ne doit dans aucun cas se borner uniquement à faire évacuer les troupes françaises, les pays ** qu'elles ont envahis, mais qu'elle devait songer en même temps à établir un ordre de choses qui puisse consolider la sûreté publique et servir de barrière à la puissance de la France; que pour assurer cette tranquillité de l'Europe et consolider cet ordre de choses il serait infiniment à désirer qu'il s'établît en France un gouvernement monarchique fondé sur ses véritables bases, sur des principes vrais et justes, mais que la délicatesse du sujet était si grande que, bien loin de mettre ces intentions en avant ou de les rendre ostensibles, on ne doit s'en occuper qu'indirectement et de manière que le désir d'opérer ce changement se fasse avant connaître en France même et paraisse être le vœu de la nation; que, quoiqu'il ne soit point douteux que tout ce qu'il y aurait à régler avec la France dans la suite s'arrangerait beaucoup plus aisément, si c'était un des Bourbons qui monterait sur le trône, mais que les considérations majeures qui doivent occuper la première place et plusieurs autres raisons, tirées de l'état des choses mêmes, ne permettent d'envisager ce point que comme un objet secondaire qu'on ne pourra faire connaître, que lorsqu'il sera bien constaté qu'il est conforme aux désirs de la nation.

vide append[ice] sub litt[era] *a*

v[ide] append[ice] sub litt[era] *в*

Ayant vu par ce récit combien les idées du ministère britannique se rapprochaient de celles qu'avait s.m. l'empereur relativement aux affaires publiques, j'ai cru devoir dans la conférence que Mr Pitt m'a donnée ce jour-là entrer dans de plus grands détails et traiter la chose dans l'ordre qui lui convenait; en conséquence de quoi j'ai commencé par dire qu'il m'était extrêmement agréable de voir par tout ce que Mr Pitt m'a dit que la conformité entre les vues bienfaisantes de s.m.i. et celles du cabinet britannique était si grande que tous les objets, qu'il me restait à présenter et sur lesquels il fallait s'entendre, n'étaient proprement que le dévelop-

** Так в документе.

pement des mêmes principes. Cependant, comme l'objet, dont nous traitions, était en soi-même d'une si grande importance qu'on ne saurait mettre trop de précision dans la manière de s'en occuper, je le priai de vouloir bien me permettre de reprendre le sujet dès le commencement et de repasser dans l'ordre naturel tous les différents objets, qui s'y rapportent, afin que l'on puisse plus aisément distinguer les principes dont nous convenons d'avec les objets subalternes qu'on aurait à discuter ou à régler dans la suite.

Mr Pitt ayant trouvé que ce que je disais était fort juste, je suis entré en matière à peu près dans l'ordre suivant: je commençai d'abord par lui exposer que tout ce dont nous avions à convenir ensemble ne portait, suivant la nature des choses, que sur deux points principaux, dont l'un embrassait tous les objets que les deux nations se proposeraient d'atteindre par la convention qu'elles formeraient, et l'autre — les moyens les mieux calculés pour assurer un succès aussi complet que possible. Il n'est pas douteux, disais-je, que les objets dont il est question, pris collectivement, doivent, en dernière analyse, se réduire à un seul: celui *de rétablir l'équilibre de l'Europe et asseoir sa sûreté et sa tranquillité sur des bases plus solides*. Mais comme cet objet embrasse une infinité d'idées, je croyais que pour l'amour de l'ordre et de la précision il fallait le diviser en trois objets distincts qui seraient autant de périodes par lesquels une coalition qui pourrait se former à la suite d'une convention entre la Russie et la Grande-Bretagne devrait successivement passer pour arriver au but qu'on se propose.

Le premier objet, suivant les idées de s.m.i., est celui de faire rentrer la France dans ses anciennes limites ou toutes autres qui paraîtront convenir le mieux pour la tranquillité générale de l'Europe.

Le second, celui de mettre des barrières naturelles à l'ambition de Bonaparte, lesquelles, en maintenant la France dans ses limites, s'opposeraient à son agrandissement futur; et finalement

Le dernier est celui de consolider l'ordre de choses qu'on établirait à cet égard, par une alliance des plus intimes, faite à perpétuité, entre la Russie et la Grande-Bretagne et par un pacte qui serait formé entre ces deux puissances, les pays qu'elles délivreraient du joug de la France, et tous autres qui voudraient se joindre à elles pour le maintien de cet ordre de choses que la conservation de l'équilibre rend aussi indispensable.

Mr Pitt ayant trouvé que ce que j'avais dit jusque-là était parfaitement conforme à sa manière de voir, je passai aux moyens que s.m.i. croyait être les mieux calculés pour atteindre les trois objets susmentionnés.

Revenant au premier, j'observai que tous les moyens, qui s'y rapportaient, aboutissaient à trois choses

principales et pourraient être rangés sous les trois chefs suivants:

1. D'opposer à l'ennemi commun le plus de forces qu'il sera possible;

2. De les employer de la manière la plus avantageuse; et

3. De réduire ou diminuer les forces de l'ennemi même autant que les moyens les plus propres employés à cet effet pourront le permettre.

S.m. l'empereur de Russie, se trouvant dans une impossibilité physique de faire lui seul et sans le secours de quelques grandes puissances du continent la guerre à la France d'une manière bien efficace, il est évident que pour opposer à l'ennemi une force proportionnée à la grandeur de l'entreprise, les deux puissances, une fois d'accord sur les principes qu'elles fixeraient par une convention, tourneront toute leur attention sur le soin d'engager l'Autriche et la Prusse ensemble, ou, s'il est absolument impossible de les réunir, au moins une de ces puissances à former conjointement avec la Russie et la Grande-Bretagne une coalition (à laquelle se joindraient probablement la Porte Ottomane, la Suède et, peut-être, le Dannemarc) contre l'extension de la France et les actions barbares de Bonaparte. La condition *sine qua non* de cette coalition serait celle qu'aucune de ces puissances ne puisse en aucun cas faire une paix séparée. La Grande-Bretagne s'engagerait de son côté d'accorder à ces puissances les subsides, que l'urgence du cas rendrait indispensables, de fournir des bâtiments de transport, que des débarquements de troupes à faire rendraient nécessaires, et d'employer ses propres troupes de terre dans le plus grand nombre qu'elle pourra à toutes les occasions où un pareil secours de sa part pourrait être utile à la cause commune.

De cette manière il est hors de doute que les forces, que l'on pourrait réunir et avoir en sa disposition pour les opposer à la France, seraient plus que suffisantes; il ne resterait donc qu'à les employer de la manière la plus propre et la plus efficace. Ceci, disais-je, exige naturellement, que les deux cabinets s'accordent sur les points d'attaque, le meilleur plan des opérations militaires qu'il y aurait à adopter, ainsi que sur les moyens dont on se servirait pour conserver parmi les armées coalisées l'unité de but et d'objet et le plus grand accord, la meilleure harmonie dans toutes les opérations qu'elles entreprendraient. Ne voulant point anticiper sur cette matière afin de m'écarter le moins qu'il soit possible de mon sujet, j'ai dit à Mr Pitt que je ne manquerai pas de lui communiquer dans la suite tout ce que je sais des idées que s.m.i. avait sur cet objet.

vide append[ice] sub litt[era] A

Venant ensuite aux moyens de réduire ou diminuer les forces de l'ennemi même, je représentai que cela consisterait principalement dans le soin qu'on aurait de délivrer la Hollande, la Suisse et l'Italie de l'asser-

vissement avilissant, dans lequel ces pays gémissent sous la France et dans l'art dont on se servirait pour les engager à leur propre défense et à faire cause commune avec la coalition. J'observai en même temps qu'il ne fallait négliger aucun des moyens que l'on pourrait avoir pour les préparer à cela dès le moment que la coalition commencerait à se former et qu'il était de toute nécessité de gagner leur confiance, en ne leur laissant aucuns doutes que les deux puissances qui sont à la tête de la coalition n'auront rien de personnel en vue et ne s'occuperont que du soin de recouvrer et consolider leur indépendance politique; que toutes les forteresses et places fortes, appartenant à l'une des nations qui doivent conserver leur indépendance telles que l'Italie, la Suisse et la Hollande seront prises au nom de cette nation et ne seront gardées que jusqu'à ce que son indépendance deviendra respectable par elle-même, par une forme de gouvernement régulière qu'elle établira à son gré et par les traités qu'elle formera avec les nations coalisées pour la lui garantir.

La conduite, le langage et les proclamations de la Russie et de l'Angleterre, constamment d'accord avec ces principes, produiront non seulement l'effet désiré sur ces nations, mais, suivant tous les calculs des probabilités, serviront d'acheminement pour préparer la France elle-même à des changements salutaires dans son gouvernement, diminueront les résistances et aplaniront les difficultés que la coalition pourrait rencontrer en poursuivant son but.

Mr Pitt m'a répondu à cela qu'il était parfaitement d'accord avec tout ce qu'il entendait, et qu'il croyait seulement devoir observer qu'il ne fallait rien négliger pour tâcher d'engager la Prusse aussi à entrer dans cette coalition, et il est parti de là pour suggérer plusieurs idées sur la manière de présenter à cette puissance des appas qui pourraient la tenter, il parla aussi des indemnisations que l'on pourrait promettre à l'Autriche, mais comme je croyais qu'il y avait plusieurs autres choses, qui demandaient à être réglées avant, je me suis borné à dire que le principe, auquel s.m.i. croyait devoir se tenir dans les offres que l'on ferait, était celui de n'accorder que ce qu'on ne saurait éviter de faire afin de ne pas retomber dans le défaut des premiers temps, où tous les efforts que l'on faisait, étaient attribués uniquement au désir de profiter d'un démembrement général. J'ajoutai à cela que comme il n'était pas trop probable qu'on puisse entièrement se passer de faire quelques offres, s. m. avait formé sur cela quelques idées qui lui seront dans la suite communiquées par notre ambassadeur.

vide append[ice] sub litt[era] B

«Quant aux subsides, disait Mr Pitt, nous les porterons aussi loin que les bornes de la possibilité peuvent l'admettre. Nous accorderons cinq millions de livres sterling, peut-être même quelque chose de plus, mais

aussi c'est tout ce que nous pouvons faire, car pour pousser cela encore plus loin, outre les obstacles que nous rencontrerions même ici dans nos moyens, il y aurait encore cet inconvénient que le commerce, que nous avons avec les pays qui seront subsidiés, ne comporterait pas une plus forte somme, et que nous serions extrêmement embarrassés de la faire passer. Mais en revanche nous fixerons au 1er de janvier le terme, auquel les subsides doivent commencer, ce qui sera trois ou quatre mois avant que l'on se mette en campagne. La somme que cela produira sera assez considérable et pourra servir aux frais que l'on sera dans le cas de faire pour se préparer».

Après quoi, revenant à mon sujet j'ai représenté à Mr Pitt que pour ce qui regarde le second objet, qui est celui de mettre des barrières naturelles à l'ambition de Bonaparte, lesquelles pourraient servir à maintenir la France dans ses limites et s'opposer à son agrandissement futur, s.m. croit que le moyen *qui paraît mériter le plus de confiance, le seul*, sur lequel on puisse compter, est celui de border partout la France d'États, qui aient assez de force pour ne pas craindre du moins ses premiers coups et qui puissent par là, jusqu'à un certain degré, faire respecter leur indépendance. Partant de là, il est de toute nécessité que lors de la paix, si elle survenait à la suite d'une guerre heureuse, le sort de la Hollande, celui de la Suisse et de l'Italie soit considérablement amélioré et leur force augmentée par des arrondissements qui correspondraient au but qu'on se propose. L'Allemagne, l'ancienne association germanique, qui dans la situation présente, divisée en tant de petits États qui n'ont presque plus d'union, faisant un contraste aussi frappant avec ce but, est un objet qui sous ce même rapport doit également attirer l'attention la plus sérieuse des deux cours; que s.m.i., désirant s'entendre sur tous ces points avec le ministère britannique, m'a chargé de communiquer toutes les idées qu'elle s'est formées sur cet objet à son ambassadeur qui les lui transmettra en son temps. Je me permettais seulement d'observer que s.m. n'ayant aucun sentiment de prédilection et désirant uniquement de trouver le mode le plus convenable à l'objet qu'elle se propose, recevra avec plaisir toutes les ouvertures qui lui seront faites à ce sujet de la part du cabinet britannique.

vide append[ice] sub litt[era] C et sub litt[era] Cc

D'un autre côté, s.m. étant fermement persuadée que rien ne saurait donner plus d'énergie à une nation et la rendre respectable au dehors qu'un bon gouvernement fondé sur des principes justes et équitables qui, attachant les individus à leur pays et aux autorités légales, dissipent en même temps tous les partis qui le déchirent, elle désire de s'entendre avec le cabinet britannique sur la forme de gouvernement que l'on tâcherait d'introduire et de favoriser dans les pays qui recouvreraient leur indépendance. Toutes les idées que le

ministère britannique jugera à propos de communiquer à ce sujet seront reçues par s.m. avec bien du plaisir. Elle a cru devoir seulement se réserver cette seule observation que le principe devrait être partout le même, mais le mode d'application, qui ne peut manquer de varier suivant les localités et les circonstances qui sont particulières à chaque pays, ne saurait se passer d'être conforme aux vœux de la nation et harmoniser autant que possible avec le reste des gouvernements.

Enfin, pour obtenir le dernier objet qui est celui de consolider cet ordre de choses par l'influence heureuse que peut avoir une alliance sans terme entre l'Angleterre et la Russie, une alliance que rien ne saurait rompre qu'un changement total de système et de principes de part ou d'autre, s.m. croit qu'une fois qu'on parviendrait au point dont il est question, les moyens se retrouveraient d'eux-mêmes. Le pacte dont il a été question plus haut serait provoqué par l'intérêt et la sûreté des nations mêmes qui se trouveraient libérées. Il ne resterait donc alors qu'à fixer sur des principes clairs et précis les prescriptions du droit des gens et voir jusqu'à quel point l'on pourrait y soumettre le droit positif des nations.

Vide append[ice] sub lit[tera] D

Mr Pitt, après m'avoir écouté avec beaucoup d'attention, m'a dit que les principes, sur lesquels s.m.i. voulait faire la convention avec la Grande-Bretagne et agir contre les usurpations de la France, étaient sous tous les rapports aussi analogues aux sentiments de s.m. britannique et de son ministère qu'il soit possible de le désirer et en même temps *** si fort du goût de la nation et tellement conformes au caractère et aux sentiments des individus qui la composent, que le gouvernement *** n'avait pas d'autre moyen de conserver sa popularité que de les suivre à la lettre; que, d'ailleurs, les intérêts mêmes de l'Angleterre, *le Sinking fond*, dont il a été l'auteur, la dette nationale qui s'augmente continuellement par la guerre, le commerce, les progrès de l'industrie tout exige, que dans la politique que l'on a à suivre, on ne s'écarte pas des mesures qui peuvent *amener, établir solidement et conserver la tranquillité générale*.

Le cabinet britannique, ajouta-t-il, a toujours été si intimement pénétré de ces sentiments qu'il n'a jamais cessé ni pendant la dernière guerre, ni lors de la paix de les professer hautement et de donner des preuves de son désintéressement et de son désir ardent de voir le rétablissement de la tranquillité générale en Europe par tous les sacrifices qu'il était en son pouvoir de faire ***.

*** «...sous tous les rapports... en même temps», «le gouvernement» (вместо «le ministère»), Le cabinet britannique... de le faire» вписано Новосильцевым на полях с пометой: «NB. Additions et changements que Mr Pitt a désiré qu'on fasse à ce qu'il dit» («Добавления и изменения, несенные по желанию г-на Питта в сказанное им»).

NB****

Après avoir fini ce sujet, j'ai dit à Mr Pitt que j'étais bien fâché de voir que la manière, dont les sentiments du ministère britannique étaient quelquefois transmis au cabinet de St. Pétersbourg, ne caractérisait pas toujours ce degré de confiance et de candeur, auquel la conformité de buts, d'objets et de principes, ainsi que l'heureuse harmonie des intérêts des deux puissances, donneraient lieu à s'attendre, et que les inconvénients que cela produisait étaient en général très nuisibles et ralentissaient infiniment la marche des affaires; que dans certains cas plusieurs actions de la part de la cour de Londres, quoique fondées en justice, ne paraissaient point dans leur vrai jour, vu que les raisons que l'on donnait n'étaient pas toujours d'un choix assez heureux pour produire cet effet, et que les vrais motifs, les seuls qu'il y aurait à mettre en évidence, étaient pour la plupart du temps négligés; que dans d'autres la cour de Londres avait l'air de soupçonner la Russie, en lui supposant des intentions différentes de celles qu'elle lui manifestait et s'alarmait continuellement de tout ce que le cabinet de St.-Pétersbourg se proposait de faire; que cette disposition à la méfiance mettait naturellement entre les deux cours une espèce de cloison qui leur empêchait de s'expliquer librement et sans réserve tant sur leurs propres intérêts, que sur ceux de l'Europe qui leur sont communs sous tous les rapports, et qu'enfin il résultait de tout cela qu'au lieu d'aller droit son chemin et de s'entendre franchement sur toute chose on faisait des circuits, et, en se tâtonnant, on usait de finesse de part et d'autre, dont les effets n'étaient propres qu'à les éloigner de leur but. J'appuyais le tout sur des exemples. Pour le premier cas je citais, entre autres choses, le dernier événement qui venait d'arriver (l'histoire des affaires d'Espagne[118]) et je disais que si tous les motifs qui ont engagé la cour de Londres d'agir avec ce malheureux pays de la manière, qu'elle a été obligée de le faire, fussent par une communication confidentielle exposés d'avance à la cour de St.-Pétersbourg et qu'on eût demandé sur tout cela son avis, il n'est pas douteux que l'impression défavorable, que cela a dû avoir produit et qui demande plusieurs explications pour être levée, n'aurait jamais pu s'en suivre. L'exemple dont je me suis servi pour prouver le second cas était l'effet inattendu qu'avait produit sur le ministère britannique la dépêche au sujet de la Turquie que le prince Czartorisky écrivit au comte Woronzoff *****; le soupçon que ce cabinet avait conçu que cette dépêche contenait des arrière-pensées qui, selon lui, indiquaient les intentions de notre cour de se dédommager sur la Turquie, ainsi que la réponse[120] que le c[om]te Woronzoff avait transmise et où le ministère britannique se donnait les honneurs du désintéressement de s.m. l'empereur. Mr Pitt parut d'abord un peu embarrassé et voulut se défendre en me disant qu'il était pourtant permis de supposer pour un instant qu'on avait quelques vues, parce que cette dépêche, disait-il, avait un ton tout particulier, et que d'ailleurs il y a eu bien des exemples que c'est en venant au secours d'un pays que l'on s'en emparait le plus aisément.

Je lui répondis à cela que quoiqu'il n'y ait rien de plus sûr que s.m. l'empereur est on ne peut pas plus éloigné d'aucune idée pareille, et qu'il ne consentirait (comme je le lui avais déjà dit précédemment) à se rendre maître de Constantinople, que lorsque tous les moyens de soustraire cette partie de la Turquie d'aucune autre dominion seraient épuisés en vain, mais supposons, dis-je,

---

**** NB —Tout ce qui suit n'a pas été montré ni à Mr Pitt, ni au comte Woronzoff. (Все нижеследующее не было показано ни г-ну Питту, ни графу Воронцову— *фр.*). (Примечание Новосильцева).

***** См. док. 45.

pour un moment, que cela serait là l'esprit, dans lequel cette dépêche aurait été écrite. Est-ce à l'Angleterre, à notre meilleure amie, à s'en alarmer? Perdrait-elle quelque chose à un dessein pareil? Son commerce avec la Turquie, n'en serait-il pas plus assuré qu'il ne l'a été jusqu'à présent? Mr Pitt convint tout de suite que ce pays-ci n'y perdrait rien, mais qu'il serait très impolitique, très nuisible à l'objet principal, qu'on a en vue, de songer à la réalisation d'un pareil dessein, parce que rien ne serait plus inconséquent que d'agir de cette manière dans un moment, où l'on dirige tous les efforts possibles vers un seul but qui est celui de restituer l'indépendance des puissances qui sont envahies par la France, et où l'on cherche à convaincre toutes les puissances combien une lésion pareille du droit des gens est atroce. «Eh bien, dis-je, c'est tout ce que j'ai voulu. Voici précisément le langage qu'il aurait fallu tenir à s.m.i. supposé même que Vous ayez pu vous arrêter pour un moment à l'idée que s.m. avait alors quelques vues sur la Turquie. Mais au lieu de cela la réponse qui a été transmise à s. m. n'exprimait que les alarmes de ce pays et ne contenait aucune autre raison, sinon que la Russie étant déjà sans cela immense qu'avait-elle besoin de s'agrandir encore? Certes, cela n'est pas une réponse calculée à produire l'impression la plus favorable sur l'esprit de l'empereur; c'est à s.m. elle-même, qu'il est réservé de se conduire d'après les beaux sentiments dont elle s'est pénétrée. Ne sentez-vous donc pas qu'une pareille réponse au lieu de relever, diminue le mérite de son désintéressement?» Mr Pitt fit alors une espèce d'amende honorable, convint que j'avais parfaitement raison en tout, arrangea dans l'instant même une réponse, telle qu'elle aurait dû être (et qui serait en effet excellente) et me disant combien il désirerait de se conformer en tout aux vues de l'empereur et gagner sa confiance pour ce gouvernement-ci, me pria de lui dire quelle est la conduite la mieux calculée et le langage le plus propre à tenir pour parvenir à ce désir. Je lui ai répondu que pour un homme de son génie rien n'était plus aisé, qu'il n'avais besoin pour cela que d'avoir la mesure générale du caractère et des sentiments élevés de s.m. Je lui en fis le portrait. S'il était beau, cela n'était pas de ma faute; je n'ai rien sur ma conscience, il était vrai. «D'après cela Vous voyez, Mr Pitt, disais-je, que rien ne révolte tant l'empereur que l'injustice et tout ce qui porte sur soi le caractère d'un intérêt personnel au détriment de l'intérêt général, et qu'on ne peut par conséquent pas mettre trop de soins pour justifier devant s.m. toutes les mesures qui ont quelque apparence, au premier abord, d'être en contradiction avec des sentiments purs et désintéressés. Au reste, je dois Vous dire, ajoutai-je, que si Vos sentiments, tels que j'ai eu à présent occasion de les connaître, Votre manière juste de voir les choses et de les juger parvenaient à s. m. i. sans subir aucune réfraction par la manière, dont ils sont transmis, je suis sûr, que rien ne saurait gagner davantage son approbation et lui être plus agréable».

Avant de sortir, je lui expliquais les motifs qui ont obligé d'écrire la dépêche en question d'une manière, comme ils l'ont trouvée, un peu vague. Je lui faisais voir que cela tenait justement à ces petites méfiances qui subsistaient entre les deux cours et qui mettaient des obstacles, comme je l'ai dit plus haut, à ces communications franches et sans réserve qui conviennent tant à ces deux cours; qu'on avait donc voulu sonder avant le cabinet britannique sur les nouveaux articles, qu'on croyait devoir insérer lorsque le traité avec les Turcs [67] serait renouvelé, afin de voir si le cabinet britannique n'avait pas là-dessus quelques préventions. Les changements, disais-je, sont tels et tels. Je les ai tous énumérés, et lorsque j'ai vu que Mr Pitt trouvait tout cela *parfaitement à sa place, très juste et on ne peut pas plus d'accord avec les intérêts généraux*, j'ai ajouté à cela que pour lui donner la preuve la plus complète qu'il n'y a aucune autre intention de la part de notre cour, je lui communiquerai la minute du nouveau traité, des articles séparés et des articles secrets [81], tels qu'ils ont

été conçus dans l'idée, sans avoir été encore retouchés et mis dans l'ordre qui leur convient. Je le priai en même temps de n'en rien dire au...******

Quelques jours après, lorsque je vins reprendre ces papiers, il me dit qu'il les a lus avec beaucoup d'attention et qu'il a trouvé que les intentions de s. m. l'empereur étaient on ne peut pas plus sages et plus conformes au bien général; que le gouvernement anglais s'empresserait de concourir de son mieux à la réussite; qu'on écrirait sur le champ à lord Gower de porter les assurances et de s'entendre sur la manière dont le cabinet britannique pourra y contribuer de sa part; qu'il croit, qu'il est essentiel d'essayer si l'on pourra obtenir tout ce qu'on désire, mais que pour son propre compte il se figure qu'il s'y trouvera quelques articles, sur lesquels la Porte fera des difficultés.

Ces papiers[81], tels qu'ils ont été présentés à Mr Pitt, sont joints ici sub litt[era] B2.

N. Novossilzoff

Печат. по подлиннику.

APPENDICE A

S. m. croit que quoique ce ne soit pas encore le moment de pouvoir s'occuper d'un plan d'opérations militaires proprement dit et qu'il dépendra d'ailleurs du plus ou moins de coopérateurs que l'on se procurera, cependant dans la supposition assez probable que l'on pourra compter sur l'Autriche et la Suède, la matière se réduirait à ces questions générales : Faudra-t-il augmenter le nombre d'attaques ou les diminuer pour les renforcer et quel sera le point d'attaque à choisir de préférence ? Il lui paraît que les principaux et ceux où l'on aura le plus facilement à commencer les opérations sont :

1. Le Midi de l'Italie, dans lequel une armée russe et anglaise peut avec succès opérer une descente et s'unir aux Napolitains. On pourrait y destiner 10 à 15 mille Anglais et autant de troupes russes, auxquels on joindrait des corps francs, levés en Albanie et en Italie, ces derniers par le roi de Sardaigne.

2. Le Nord de l'Italie, la Suisse et le Midi de l'Allemagne, qui seront laissés à l'action des armées autrichiennes, soutenues d'un corps auxiliaire russe qui pourrait monter à 60 mille hommes.

3. Le Nord de l'Allemagne, où une armée russe de 40 mille hommes renforcée par un corps hanovrien,

Observations que Mr Pitt a faites

Parfaitement d'accord sur les points d'attaque, mais il observe qu'à l'heure qu'il est l'Angleterre est incapable de disposer de 15 mille hommes, que le ministère est occupé à présent de remonter les forces disponibles, et qu'il espère que dans quelque temps d'ici il parviendra à les rendre assez considérables, mais que tout cela ne peut être obtenu que lors des sessions du parlement, qu'il faut donc tâcher de trouver un autre moyen pour se pourvoir de la quantité de troupes, qu'il sera nécessaire d'opposer à l'ennemi de ce côté-là. Il croit que c'est d'autant plus nécessaire que les troupes anglaises si elles ne sont pas morcelées pourront être

****** Пропуск в документе. Очевидно, имеется в виду посол в Лондоне С. Р. Воронцов.

d'une très grande utilité et occuper un nombre bien plus considérable de troupes françaises que si elles étaient employées au Midi de l'Italie. La manière, qu'il croit être la plus efficace de s'en servir, est celle de les tenir réunies dans le pays sur différents points afin de menacer continuellement les côtes de la France d'une descente qui pourrait effectivement se réaliser dès que les Français dégarniraient trop quelque partie de leur côte. Il suppose que cette diversion pourrait être très utile.

Pour ce qui regarde le Nord de l'Allemagne, il croit que si l'on ne parvient pas à ébranler l'apathie de la Prusse, qu'elle persiste à rester neutre et que d'un autre côté on n'aura pas les moyens d'y opposer à l'ennemi une force bien considérable et qui mette les chances de la guerre hors de tout doute, que dans ce cas il vaudrait peut-être mieux n'y rien entreprendre et tourner toutes les forces vers le Midi et le Nord de l'Italie, la Suisse et le Midi de l' Allemagne ce qui forcerait les Français d'évacuer le Nord de l'Allemagne de soi-même.

une armée suédoise et une diversion anglaise pourrait également agir et se porter vers les Pays-Bas.

Les opérations pour ainsi dire sur les deux ailes devront se modifier d'après la conduite que tiendront la Porte Ottomane******* et la Prusse et d'après la détermination que l'on prendra de notre côté à l'égard de ces deux Etats et qui deviendra un des points les plus importants que les coalisés auront à décider. D'après le jugement, que l'on peut porter dans ce moment sur ces divers gouvernements, l'Autriche et la Suède sont les deux Etats qu'on pourra amener à se décider volontairement contre la France ; la Turquie et la Prusse ne le feront jamais que lorsqu'elles y seront forcées. Cette considération obligera la Russie à garder une grande partie de ses armées en réserve sur ses frontières pour servir d'épouvantail contre les puissances malintentionnées et vacillantes et en cas de besoin — de moyen pour les faire aller dans le bon sens ou les punir de leur malveillance.

Quant à des descentes à faire dans l'intérieur de la France, s. m. l'empereur n'est pas de l'opinion qu'il soit convenable d'en risquer au commencement et que tout en continuant de menacer les côtes il ne faut penser à entamer le dedans de la France que lorsqu'on aura obtenu des succès marqués au dehors.

APPENDICE a

Mr Pitt est parfaitement du même avis, mais il ajoute à cela qu'il ne faut rien négliger pour rassurer d'avance *les nouveaux propriétaires et l'armée* qu'ils ne perdront absolument rien par le changem[ent] qui se fera; que les uns conserveront les biens qu'ils ont acquis durant la révolution, et les autres restant au ser-

Supplément
qui a été remis à Mr Pitt
pour servir de développement
à l'idée qu'il a énoncée
lui-même sur ce sujet
(vide précis de l'entretien sub.
l[ittera] a.)

Après avoir par des succès au dehors et par des principes justes, bienveillants et libéraux qu'on y aura

******* Примечание Новосильцева — « NB — Quant à la Porte Ottomane, je lui ai observé que la conduite qu'elle tiendra ne paraît plus pouvoir être mise en doutte». («Что касается Оттоманской Порты, то я заметил ему, что, судя по всему, больше не приходится сомневаться в том, какой линии поведения она будет придерживаться»).

vice à leur place garderont les honneurs, les titres et autres avantages attachés à leurs rangs respectifs. Ainsi dans les proclamations que l'on ferait on tâcherait de faire sonner ces deux points autant que possible. Mais afin de donner aux *propriétaires* le plus haut degré de certitude qu'il soit possible qu'on gardera bien sa promesse qu'on leur fera Mr Pitt croit que l'Angleterre pourra faire une provision suffisante pour dédommager le petit nombre d'anciens *propriétaires*, qui sont restés fidèles au roi et qui pourraient avoir le droit de réclamer leur biens ou d'en demander un équivalent. Ceci étant énoncé ferait voir aux nouveaux propriétaires que leurs biens seront assurés sur des bases bien plus solides encore qu'il ne le sont à présent, parce que toute prétention de la part des *anciens* cessera de soi-même.

manifestés commandé la considération et réussi à inspirer une confiance générale et méritée de manière que l'on pourra compter que toute promesse des coalisés fera une impression favorable sur la nation française, on lui déclarera, que ce n'est pas à elle que l'on en veut, mais uniquement à son gouvernement aussi tyrannique pour la France, que pour le reste de l'Europe, que d'abord on n'avait eu en vue que de délivrer de son joug les pays qu'il opprimait, que maintenant en s'adressant au peuple français on ne prêche ni la révolte, ni la désobéissance aux lois, mais que l'on engage tous les partis qui l'ont jusqu'ici divisé de s'en fier aux intentions des puissances coalisées qui ne désirent rien autre que d'affranchir la France du despotisme sous lequel elle gémit, de lui laisser le libre choix du gouvernement qu'elle voudra elle-même se donner, et qu'à cet égard, loin de vouloir imposer des chaînes, c'est pour les briser que l'on s'était uni.

Posant comme décidé que pour le bien de l'Europe et de la France il est nécessaire que la constitution y soit monarchique, c'est de la part de la nation qu'on pourra en attendre la proposition. On pourra tâcher de la faire naître, mais nullement déclarer cette intention trop tôt.

APPEND[*ICE*] *B*

Observations de Mr Pitt

Il croit que la coopération de la Prusse serait si décisive pour la bonne cause et donnerait tant de facilité de conduire les opérations militaires sur un plan plus grand qu'il n'y a pas sorte de moyens, qu'on ne soit justifié d'employer pour la faire entrer dans la coalition qui doit se former. C'est pourquoi il est d'avis, qu'on lui offre autant d'appas que les limites des bases qu'on a posées pour la tranquillité future de l'Europe peuvent le comporter, afin que les avantages qu'elle aurait la perspective d'acquérir *honorablement* et

S. m. croit en général que si tout autre moyen devient insuffisant et qu'il faudra absolument accorder quelques avantages aux puissances qui voudront prendre part à l'entreprise, c'est d'après la sûreté future de l'Europe et le dévouement plus ou moins grand de chaque cabinet que cela doit s'arranger. Elle suppose cependant qu'on ne saurait rien proposer à la Prusse, qui soit compatible avec les intérêts et la sûreté de l'Europe, à moins que ce ne soient les provinces qu'elle a cédées à la France. Quant à l'Autriche, s. m. espère, d'après le peu de pourparlers qu'on a eus, qu'elle sera très modérée sur

sans se mettre *mal avec la Russie* puissent contrebalancer *les belles promesses* que la France ne cesse de lui faire. Il prie instamment de ne pas croire, que cette opinion (qu'il soumet entièrement à la sagesse de s. m. l'empereur de décider si elle est bonne ou non) lui soit dictée par aucune prédilection pour cette puissance, au contraire, il professe qu'aucun cabinet de l'Europe ne s'est conduit plus mal que celui de la Prusse et qu'aucun pays ne mérite moins d'être avantagé que celui-là, mais que d'un côté les avantages qu'on retirera de sa coopération et de l'autre la facilité qu'il entrevoit d'arranger les nouvelles acquisitions que ce pays ferait de manière qu'elles puissent fournir plusieurs points de contact avec la France et lui servir de forte barrière du côté du Nord de l'Allemagne et du Midi de la Hollande seraient des considérations qui (suivant les idées du cabinet de St. James) pourraient justifier les avantages auxquels on le laisserait participer.

Il est donc d'avis qu'on propose à la Prusse outre les provinces qu'elle a cédées à la France tout le territoire qui est entre *la Meuse*, *le Moselle* et *le Rhin*, au Nord *des anciennes limites de la France*, y compris une partie *du Luxembourg avec* ou *sans* la forteresse. Il croyait qu'on pourrait même prolonger ses domaines jusqu'à la mer du Nord, afin qu'une lisière des domaines de la Prusse sépare la Hollande de la France, mais j'ai beaucoup combattu cette opinion, et Mr Pitt l'a retractée.

Au reste il a répété plus d'une fois que ce sont des idées que le cabinet bratannique croit devoir communiquer à s. m. i. pour répondre aux ouvertures confidentielles qui lui ont été faites de sa part, mais qu'on les soumet entièrement à *sa* décision.

ce sujet et se contentera d'acquisitions assez peu considérables en Italie et en Allemagne. D'ailleurs, l'empereur ne désire rien tant que de connaître sur tous ces points l'opinion du cabinet de Londres et les régler ensemble.

APPEND[ICE] b.

Supplément
qui a été remis à Mr
Pitt servant de développement
à l'idée qu'il avait énoncée.
(Vide précis de la conversation
sous litt[era] b).

Les cabinets de St.-Pétersbourg et St. James conviendront de tous ces points et s'entendront sur l'individu et la famille qui pourrait être appelée à régner en France. Si c'est les Bourbons — lequel d'entr'eux et dans quel moment on l'en informera? La conduite qu'on exigera de lui, les conditions auxquelles il devra souscrire et dont la plus essentielle serait de se soumettre à la constitution qui aurait été adoptée.

Ce choix est un objet que s. m. l'empereur regarde comme secondaire, et il n'y attachera de son côté de l'importance qu'autant qu'il pourra entraver ou faciliter les opérations.

Mr Pitt croit que ce n'est que lorsque les événements commenceront à se succéder que l'on pourra déterminer ces points.

APPEND[ICE] C

Le roi de Sardaigne, envers lequel la Russie et l'Angleterre ont contracté des engagements, ne saurait, suivant l'opinion de s. m., être oublié dans la conduite et les arrangements des affaires de l'Italie. La sûreté de l'Europe exige, qu'il soit non seulement rétabli dans ses Etats, mais que même son partage devienne aussi considérable que possible.

L'existence politique de la Suisse intéresse aussi essentiellement la sûreté de l'Europe. Il serait donc nécessaire d'arrondir autant que possible et d'affermir ce pays dans sa position.

Le même principe doit être suivi à l'égard de la Hollande. Pour ce qui regarde l'empire d'Allemagne qui paraît par sa constitution donner plus de prise à un changement convenable, l'empereur croit que cette facilité n'est qu'apparente. La situation actuelle de l'association germanique est assurément peu compatible avec le bien de ses peuples et celui de

Opinion de Mr Pitt

Pour ce qui regarde le roi de Sardaigne et la Hollande, il est parfaitement du même avis. Mais pour ce qui regarde l'empire d'Allemagne, il trouve que le problème est si compliqué et si difficile à résoudre qu'il faut se donner tout le temps nécessaire pour réfléchir avant de prononcer son sentiment. Il convient qu'il n'est guère possible de s'arrêter sur aucune idée qui exigerait que les princes d'Allemagne, actuellement existants, soient dépossédés, mais il pense en même temps qu'il n'y a aucune raison non plus d'augmenter leur nombre, en cherchant à rétablir tous ceux qui à l'heure qu'il est n'ont plus de possession. Il avoue que l'idée de séparer du corps germanique les monarchies autrichienne et prussienne, qui détruisent entièrement l'équilibre des forces de ce corps, est très séduisante, mais que

lorsqu'il réfléchit au grand embarras que cela amènerait avec soi et à la nécessité, dans laquelle on se trouverait de refaire entièrement la constitution germanique, il est arrêté tout court par les difficultés qui se présentent et n'ose plus se lîvrer à elle. Le mode qui, à vue du pays, lui paraît le plus convenable est d'abord celui d'aviser aux moyens de resserrer d'avantage l'union entre les Etats qui composent le Corps germanique et puis de chercher à les mettre en état de sûreté au dehors en garnissant les frontières de quelques forteresses. Les frais que cela exigerait tant pour construire ces forteresses que pour y entretenir des garnisons suffisamment nombreux seraient fournis par les Etats mêmes dans une proportion respective. L'Angleterre, disait-il, y contribuerait aussi bien volontiers. Il avait pensé un moment qu'on pourrait donner la charge de garder une partie de ces forteresses à l'Autriche et l'autre partie — à la Prusse, mais quelques observations que j'ai faites à ce sujet ont laissé cette idée en suspens.

APPEND[ICE] Cc

Opinion de Mr Pitt

Il est parfaitement d'accord sur tout ce qui regarde l'Italie, le roi de Sardaigne et la Suisse ; quant à la Hollande, il est aussi entièrement du même avis qu'il faut réunir à elle la Flandre et le Brabant et lui donner une ligne de forteresses en la soumettant à l'obligation de tenir une armée de 50.000 hommes ; mais plusieurs raisons tenant à la manière dont on sera obligé d'agir avec la Prusse obligent de faire plus d'une supposition des limites qu'on lui donnerait. Les différentes suppositions se trouvent dans le mémoire que Mr Pitt enverra à St.-Pétersbourg ainsi que dans le rapport que je ferai à mon retour.

l'Europe. Mais comment y remédier ? Faudra-t-il laisser englober une partie de cette masse par les deux puissances qui la convoitent depuis longtemps ou former tout au plus au milieu de l'Allemagne un troisième grand Etat ? Cette mesure serait accompagnée de tant d'injustice envers les princes de l'Empire que l'on devrait déposséder, qu'il est difficile d'y penser. Pourra-t-on jamais réussir à établir une union plus intime, une espèce de gouvernement fédératif plus concentré entre les divers Etats qui composent l'Empire germanique, et dans cette supposition ne serait-il pas désirable d'en séparer les monarchies autrichienne et prussienne dont les forces trop disparates y détruisent toute espèce d'équilibre et tout esprit de corps et de patriotisme ? Ce sont des questions qu'il faudrait prendre en délibération lorsqu'il s'agirait de régler le sort de l'Allemagne et sur lesquelles s. m. l'empereur désire infiniment de connaître l'opinion du cabinet britannique.

Pour que l'objet principal qui est celui de fixer des frontières convenables à la France soit atteint, l'empereur pense, que les Français ne doivent rien conserver en Italie, sans quoi l'Europe ne peut pas être regardée comme en sûreté ; c'est pourquoi les Alpes doivent leur servir de barrière, en assurant à l'Italie, comme à la partie la plus faible, les postes et les débouchés qui peuvent le plus efficacement servir à sa défense. Lorsque le roi de Sardaigne sera rétabli dans ses Etats il sera indispensable de leur donner autant de consistance que possible, en y ajoutant des arrondissements considérables, pris sur la République Italienne, Parme, Plaisance et la Ligurie, car c'est de sa force que dépendra la sûreté du reste de l'Italie. Le même principe doit s'appliquer pour la frontière le long de la Suisse et du Valais (en parlant de la Suisse il

s'entend que l'on comprend sous cette dénomination non seulement la Suisse proprement dite, mais aussi le Valais, la Valtéline, les Grisons etc.) C'est pourquoi il serait nécessaire d'adjoindre à cette fédération tout circuit à sa convenance et particulièrement s'il est possible la Savoye, à cause de sa position et de ses relations avec la Suisse, afin de rendre ce pays capable de soutenir sa neutralité. En commençant de l'autre bout, comme il est infiniment important de border partout la France d'Etats, qui aient assez de force pour ne pas craindre du moins ses premiers coups, il sera nécessaire, autant que les événements le permettront, d'ajouter à la Hollande une partie de la Flandre et du Brabant et quelques forteresses.

Le reste de la frontière sur le Rhin pourrait se régler d'après les circonstances. Il faudra cependant ne s'attacher qu'à ce qui est réellement important et n'avoir pas l'air de dépouiller la France uniquement pour lui faire du tort. Il serait essentiel, que la nation française fût bien convaincue que tous ces arrangements ne sont calculés que pour mettre en sûreté aussi le reste de l'Europe.

APPEND[ICE] D

Observations de Mr Pitt

Il pense que rien ne saurait contribuer d'une manière plus efficace à la tranquillité future de l'Europe qu'un pareil traité qui réaliserait pour l'Europe entière l'idée qu'avait le traité de Westphalie pour l'Allemagne. Il n'a pas la même confiance pour le moyen, que l'on propose, de soumettre chaque Etat à l'obligation de ne jamais commencer la guerre qu'après avoir épuisé les moyens qu'une médiation tierce peut offrir etc. Il croit que celui qui sentira vivement ses griefs et aura en même temps le sentiment de sa force sera toujours très peu disposé de se prêter aux avis d'une puissance tierce. Mais en revanche il tient excessivement à l'idée d'établir à cette

S. m. croit que dans le traité qui terminerait la guerre générale on devrait chercher de fixer sur des principes clairs et précis les prescriptions du droit des gens et voir s'il n'y aurait pas moyen d'y insérer l'obligation de ne jamais commencer la guerre qu'après avoir épuisé les moyens qu'une médiation tierce peut offrir, avoir de cette façon mis au jour les griefs respectifs et tâché de les aplanir etc. etc.

De semblables principes pris pour règle dans la conduite de la pacification générale donneraient naissance à une ligue, dont les stipulations formeraient pour ainsi dire un nouveau code du droit des gens, qui, sanctionné par la plus grande partie de l'Europe, deviendrait sans peine

occasion les prescriptions du droit des gens d'une manière nette et précise et d'en faire pour ainsi dire un nouveau Code de droit des gens ; et le moyen qui lui paraît le plus certain de le faire observer est celui de former l'union dont il est question, à la tête de laquelle deux puissances aussi formidables que la Russie et l'Angleterre trouveraient bien le moyen de faire respecter tout ce qui est juste, équitable, calculé pour consolider tranquillité générale et sanctionné comme tel par le vœu général de l'union********.

la règle immuable de la conduite des cabinets d'autant que ceux qui prétendraient l'enfreindre risqueraient d'attirer sur eux les forces de la nouvelle union. Comme c'est le lien intime des cours de St.-Pétersbourg et de Londres qui pourrait surtout garantir cet état de choses et que ces deux puissances sont les seules en Europe, qui pour maintes années ne sauraient avoir aucune jalousie, ni aucun intérêt, qui soit contraire, leur union sera d'autant plus propre à empêcher, que la paix ne soit troublée.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Предварительно поговорив сначала с лордом Гарроуби, а затем дважды с г-ном Питтом относительно принципов, которым при нынешней обстановке в Европе должна была бы следовать коалиция (в случае, если бы оказалось возможным создать ее), чтобы у нее были основания надеяться на то, что удастся восстановить равновесие, вернуть Францию в ее прежние границы и обеспечить спокойствие Европы на устойчивых и прочных основах; убедившись, что точка зрения английского министерства по тем вопросам, которые я имел случай затронуть в ходе упомянутых бесед, полностью совпадает с намерениями е. и. в-ва; услышав, в частности, от г-на Питта, изложившего мне вкратце свой взгляд на этот предмет, что он твердо убежден в необходимости сорвать с французского правительства маску, которой оно всегда пользовалось, стремясь прикрыть свои посягательства на права человечества вообще и на независимость наций в частности; что с этой целью следует использовать все возможные средства для того, чтобы раскрыть глаза тем монархам (если такие еще есть), которые, вопреки опыту, приобретенному ценой стольких народных бедствий, все еще упорно не хотят видеть, что значительное расширение владений Франции и достигнутое ею огромное могущество в сочетании с необузданным властолюбием Бонапарта, не признающего в своих действиях по отношению к остальным нациям (как в этом убедились на опыте) никаких принципов, никаких прав и никаких правил, которые цивилизованные народы в интересах общего блага договорились соблюдать в отношениях между собой, угрожают Европе, с одной стороны, полным переворотом, а с другой — разрывом всех связей, которые, объединяя различные нации общностью интересов безопасности, торговли и взаимным доверием, обеспечивают их спокойствие и благоденствие; что совершенно небходимо убедить Европу в том, что Россия и Англия, выступая с оружием в руках против Бонапарта и его правительства, при создании которого он сообразовывался со своим коварным нравом, и стараясь организовать с этой целью коалицию, не стремятся к какой-либо выгоде для себя лично и хотят только освободить некоторые независимые нации от постыдного рабства, в котором они томятся под гнетом Франции, избавить их от тирании Бонапарта, спасти Европу от всех тех бедствий, которые он ей готовит, восстановив принципы международного права и обычаи,

******** Во всех приложениях текст, помещенный с левой стороны, вписан рукой Н. Н. Новосильцева.

которые до сих пор соблюдались всеми цивилизованными нациями; что коалиция ни в коем случае не должна считать, что ее единственная цель — заставить французские войска эвакуировать захваченные ими страны, она должна в то же время позаботиться об установлении в Европе такого порядка вещей, который мог бы укрепить общую безопасность и послужил бы преградой для могущества Франции; что для обеспечения спокойствия Европы и упрочения этого порядка вещей было бы крайне желательно, чтобы во Франции была установлена монархическая форма правления, основанная на своих истинных началах, на правильных и справедливых принципах, но этот вопрос настолько деликатен, что необходимо не только не высказывать подобных намерений и не предавать их гласности, но даже действовать в этом отношении косвенными путями и таким образом, чтобы желание произвести такое изменение было выражено сначала в самой Франции и выглядело бы как желание нации; что, хотя нет никакого сомнения в том, что все вопросы, по которым потом нужно будет договориться с Францией, было бы значительно легче урегулировать, если бы на трон вступил один из Бурбонов, мотивы высшего порядка, которые должны учитываться в первую очередь, а также некоторые другие соображения, вытекающие из самого положения дел, заставляют нас считать эту цель лишь второстепенной целью, о которой можно будет заявить открыто только тогда, когда станет очевидно, что она соответствует чаяниям нации; увидев из того, что сказал мне г-н Питт, насколько взгляды британского министерства сходны с точкой зрения государя императора на положение дел, я счел своим долгом, совещаясь в тот день с г-ном Питтом, обсудить эти вопросы более подробно и в том порядке, который соответствует их характеру.

См. приложение «а»

См. приложение «b»

Вследствие этого я заявил прежде всего, что мне было крайне приятно увидеть из сказанного г-ном Питтом, что благодетельные намерения е. и. в-ва и намерения британского кабинета настолько совпадают, что все вопросы, которые нам остается обсудить и по которым еще предстоит договориться, по существу являются лишь развитием этих же принципов. Однако, учитывая важность обсуждаемого нами вопроса, при его рассмотрении следует стремиться к возможно большей точности, и поэтому я попросил г-на Питта позволить мне снова изложить все с самого начала и остановиться на всех имеющих к этому отношение вопросах в том порядке, в каком они логически следуют друг за другом, с тем чтобы было легче отличить принципы, о которых мы договариваемся, от второстепенных вопросов, которые нужно будет обсудить или урегулировать впоследствии.

Г-н Питт нашел мои слова вполне справедливыми, и я приступил к изложению своих соображений приблизительно в следующем порядке: прежде всего я заявил, что все вопросы, относительно которых мы должны договориться, можно разделить по их характеру на две основные группы: первая — цели, которых обе нации решили бы достичь, заключив между собой конвенцию, а вторая — средства, которые лучше всего обеспечили бы возможно более полный успех. Несомненно, продолжал я, что все эти цели в их совокупности сводятся в конечном счете к одной — *восстановить равновесие в Европе и утвердить ее безопасность и спокойствие на более прочных основах*. Но поскольку эта цель включает в себя множество других, то, по моему мнению, для большего порядка и точности ее следует разделить на три отдельные цели, соответствующие этапам, которые последовательно должна будет пройти для осуществления своей задачи коалиция, могущая возникнуть в результате заключения конвенции между Россией и Великобританией. *Первая из этих целей*, по мнению е. и. в-ва,— вернуть Францию в ее прежние границы или установить для нее такие границы, которые наилучшим образом отвечали бы интересам обеспечения всеобщего спокойствия в Европе.

Вторая — поставить естественные преграды честолюбивым притязаниям Бонапарта и, удерживая тем самым Францию в ее границах, воспрепятствовать расширению ее владений в будущем; и, наконец, *последняя* — упрочить порядок вещей, который был бы

установлен в этом отношении посредством тесного и вечного союза России и Великобритании и пакта между этими державами, странами, освобожденными ими от ига Франции, и всеми другими, которые пожелали бы примкнуть к ним, для поддержания этого порядка вещей, столь необходимого для сохранения равновесия.

Так как г-н Питт нашел, что все сказанное мною совершенно совпадает с его точкой зрения, я перешел к вопросу о способах, которые е. и. в-во считает наиболее подходящими для осуществления этих трех вышеуказанных целей.

Возвращаясь к первой из них, я сказал, что средства, необходимые для ее осуществления, могли бы быть разбиты на три группы в соответствии со следующими тремя основными задачами:

1) Противопоставить общему врагу возможно большее количество сил.

2) Использовать их наивыгоднейшим образом.

3) Уменьшить или ослабить, насколько будет возможно, силы самого врага, использовав наиболее подходящие для этого средства.

Поскольку е. в-во русский император не имеет физической возможности один, без помощи других великих держав континента, вести действенным образом войну против Франции, очевидно, что для того, чтобы противопоставить врагу силы, соответствующие грандиозности предприятия, обе державы, придя к соглашению относительно принципов и скрепив договоренность конвенцией, должны будут направить все усилия на то, чтобы побудить Австрию и Пруссию, или хотя бы одну из них, если окажется совершенно невозможным склонить к этому обе державы, образовать совместно с Россией и Великобританией коалицию, к которой, по всей вероятности, примкнут Оттоманская Порта, Швеция, а может быть, и Дания; цель этой коалиции состояла бы в противодействии расширению владений Франции и варварским действиям Бонапарта. Условием sine qua non этой коалиции будет обязательство каждой державы ни в коем случае не заключать сепаратного мира. Великобритания, со своей стороны, должна обязаться предоставлять союзным державам субсидии, которые потребовались бы в зависимости от обстоятельств, а также выделять транспортные суда, необходимые для осуществления операций по высадке войск, и выставлять как можно больше своих собственных сухопутных войск во всех случаях, когда подобная помощь с ее стороны могла бы быть полезной для общего дела.

Таким образом, силы, которые можно было бы собрать и иметь в своем распоряжении, чтобы противопоставить их Франции, вне сомнения, будут более чем достаточны; останется, следовательно, только наиболее целесообразно и эффективно их использовать. Это, продолжал я, требует, естественно, чтобы оба кабинета пришли к соглашению относительно пунктов, где будет начато наступление, наилучшего плана ведения военных действий, который нужно будет принять, а также и относительно способов поддержания в союзных армиях сознания единства целей, тесного единодушия и наибольшей согласованности во всех операциях, которые они предприняли бы. Не желая забегать по этому вопросу вперед, чтобы по возможности не отвлекаться от главного предмета, я сказал г-ну Питту, что не премину сообщить ему впоследствии все, что мне известно об образе мыслей е. и. в-ва по этому поводу.

См. приложение «А»

Перейдя затем к вопросу о том, какими средствами можно было бы ослабить и уменьшить силы самого врага, я высказал мнение, что для этого в основном необходимо избавить Голландию, Швейцарию и Италию от того унизительного порабощения, в котором держит их Франция, а также употребить все свое искусство на то, чтобы побудить их защищать самих себя и действовать совместно с коалицией. Я заметил при этом, что не следует пренебрегать никакими средствами, имеющимися в нашем распоряжении, чтобы подготавливать их к этому с того самого момента, как мы приступим к созданию коалиции, и что крайне необходимо приобрести их доверие, убедив их в том, что ни одна из двух держав, стоящих во главе коалиции, не будет стремиться

к достижению каких-либо личных выгод, а будет добиваться исключительно восстановления и упрочения их политической независимости; что все крепости и форты, принадлежащие странам, которые должны сохранить свою политическую независимость, как, например, Голландия, Швейцария и Италия, будут заниматься от имени той страны, которой они принадлежат, и будут переданы ей сразу же после того, как ее независимость сама по себе станет достаточно прочной, благодаря установлению правильной формы правления, которую эта страна изберет по своему усмотрению, и заключению с союзными державами договоров, обеспечивающих эту независимость.

Если действия, заявления и воззвания России и Англии будут всегда согласовываться с этими принципами, то они не только произведут желаемое воздействие на эти страны, но, весьма вероятно, помогут подготовить и саму Францию к благодетельным переменам в ее правительстве, уменьшат сопротивление и устранят затруднения, могущие встретиться коалиции на пути к намеченной ею цели.

Г-н Питт ответил мне на это, что он совершенно согласен со всем сказанным мною и считает нужным указать только на необходимость употребить все средства, чтобы постараться склонить Пруссию также войти в эту коалицию. Исходя из этого он высказал несколько соображений относительно приманок, с помощью которых можно было бы привлечь ее на нашу сторону. Он упомянул также о вознаграждениях, которые можно было бы пообещать Австрии; но поскольку я считал, что прежде нужно решить некоторые другие вопросы, я ограничился заявлением, что е. и. в-во придерживается того принципа, что, делая подобные предложения, следует давать лишь такие обещания, которых нельзя будет избежать, с тем чтобы не повторить ошибок прежних времен, когда все предпринимавшиеся усилия приписывались исключительно желанию извлечь выгоду из всеобщего распада. Я добавил, что, так как маловероятно, чтобы нам удалось обойтись вообще без каких бы то ни было обещаний, у е. в-ва возникли некоторые соображения на этот счет, которые и будут сообщены г-ну Питту впоследствии нашим послом.

См. приложение «В»

«Что же касается субсидий,— сказал г-н Питт,— то мы доведем их сумму до возможно больших размеров. Мы предоставим пять миллионов фунтов стерлингов, быть может, даже несколько больше; но это все, что мы можем сделать, ибо если бы мы попытались увеличить эту сумму, то, помимо затруднений, связанных с недостатком средств, мы столкнулись бы еще и с тем неудобством, что объем нашей торговли со странами, которым мы дадим субсидии, не позволил бы увеличить эту сумму и нам было бы чрезвычайно трудно провести ее. Но зато мы согласимся выплачивать субсидии начиная с 1-го января, т. е. за три или четыре месяца до открытия военных действий. В результате этого составится довольно значительная сумма, которая сможет быть употреблена на необходимые для приготовлений расходы».

Возвращаясь к сказанному мною, я сказал г-ну Питту, что, по мнению е. в-ва, единственное надежное средство для достижения второй цели, состоящей в том, чтобы поставить естественные преграды честолюбию Бонапарта, которые помогали бы удерживать Францию в ее границах и препятствовали бы ее расширению в будущем,— это окружить со всех сторон Францию государствами, которые были бы достаточно сильны для того, чтобы не страшиться, по крайней мере, ее первого натиска, и могли бы в силу этого заставить уважать до известной степени свою независимость. Исходя из этого, совершенно необходимо, чтобы при мирном урегулировании, если таковое будет иметь место в результате удачной войны, было значительно улучшено положение Голландии, Швейцарии и Италии и эти государства были усилены путем округления их территорий, отвечающего вышеуказанной цели.

Что касается Германии, старого германского сообщества, то нынешнее положение этой страны, разделенной на множество мелких государств, почти не связанных больше между собою, столь явно противоречит этой цели, что оба двора должны уделить

ей, с этой точки зрения, самое серьезное внимание. Е. и в.-во, желая договориться с британским министерством по всем этим вопросам, уполномочил меня изложить его соображения на этот счет нашему послу, который в свое время сообщит их министерству.

См. приложения «С» и «Сс»

Я только позволил себе заметить, что, поскольку е. в-во никому лично не отдает предпочтения и желает единственно найти наиболее подходящий способ для достижения намечаемой им цели, он с удовольствием встретит все предложения, которые сделает ему по этому вопросу британский кабинет.

С другой стороны, поскольку е. в-во твердо убежден, что хорошее правительство, основанное на принципах справедливости, как ничто другое способствует проявлению жизненных сил нации и росту уважения к ней со стороны других наций, привязывая население к родине и к законным властям и уничтожая вместе с тем сеющие раздор партии, он желает договориться с британским кабинетом относительно того, какую форму правления следовало бы попытаться установить и поддерживать в странах, которым будет возвращена независимость.

Е. в-во с величайшим удовольствием встретит все соображения по этому вопросу, которые сочтет нужным высказать британское министерство. Е. в-во счел своим долгом сделать лишь следующее замечание: принцип должен быть повсюду единым, но способ его применения, который неизбежно будет меняться в каждой стране в зависимости от местных условий и обстоятельств, должен обязательно соответствовать желаниям нации и, насколько возможно, формам правления в других государствах.

Наконец, что касается средств для достижения последней цели, а именно укрепления этого порядка вещей посредством благотворного влияния, которое мог бы иметь вечный союз России и Англии, союз, который мог бы быть расторгнут лишь в результате полнейшей перемены в политике и принципах той или другой страны, то е. в-во считает, что если удастся добиться того, о чем идет речь, то средства найдутся сами собой. Интересы и безопасность самих освобожденных наций сами по себе потребуют заключения пакта, о котором говорилось выше. Тогда останется только установить нормы международного права, положив в основу их точные и ясные принципы, и подумать о том, в какой мере можно было бы подчинить этим нормам национальные законодательства.

См. приложение «D»

Выслушав меня с большим вниманием, г-н Питт сказал, что принципы, которые е. и. в-во желает положить в основу конвенции с Великобританией и действий против узурпаторских предприятий Франции, как нельзя более совпадают во всех отношениях с чувствами и мыслями его британского в-ва и его министерства и в то же время настолько соответствуют желаниям нации и характеру и чувствам англичан, что у правительства имеется только одно средство сохранить любовь народа — это в точности следовать этим принципам. К тому же интересы Англии, «Sinking fond», им созданный, национальный долг, постоянно увеличивающийся в связи с войной, интересы торговли и развития промышленности — все это требует, чтобы в политике не уклонялись от мер, *могущих привести к установлению всеобщего спокойствия, к поддержанию и укреплению его.*

«Британский кабинет,— добавил он,— был всегда настолько проникнут этими чувствами, что как во время последней войны, так и в мирное время он всегда открыто высказывал их и давал доказательства своего бескорыстия и горячего желания добиться ценою любых жертв восстановления всеобщего мира в Европе» ***

NB****

Покончив с этим вопросом, я высказал г-ну Питту свое глубокое сожаление по поводу того, что образ действий, которого британское министерство иногда придерживалось при сообщении своих мнений с.-петербургскому кабинету, не всегда

отвечал той степени доверия и искренности, на которую соответствие целей и принципов, так же как и счастливое единство интересов обеих держав, позволяли бы надеяться; что недоразумения, отсюда проистекавшие, вообще приносили большой вред и крайне замедляли ход дел; что в некоторых случаях действия лондонского двора, хотя и справедливые, не выглядели такими, какими они были в действительности, потому что приводившиеся доводы не всегда были удачно выбраны, а истинными мотивами, единственными, которые следовало бы подчеркнуть, большей частью пренебрегали; что в ряде других случаев лондонский двор, казалось, подозревал Россию в наличии у нее намерений, отличных от тех, которые она ему выказывала, и он постоянно тревожился по поводу всего того, что собирался предпринять с.-петербургский кабинет; что такая склонность к подозрительности создавала, естественно, нечто вроде стены недоверия между двумя дворами, что мешало им объясниться свободно и откровенно как относительно их собственных интересов, так и касательно интересов Европы, которые во всех отношениях являются также и их интересами; и что, наконец, вместо того, чтобы действовать прямо и откровенно договориться по всем вопросам, обе стороны прибегали к околичностям и, прощупывая друг друга, применяли хитрость, вследствие чего лишь отдалялись от своей цели. Все это я подкреплял примерами. В доказательство моего первого утверждения я сослался, между прочим, на недавнее событие (испанское дело) и сказал, что, если бы причины, которые заставили лондонский двор поступить с этой несчастной страной так, как он был вынужден это сделать[118], были заранее конфиденциально сообщены с.-петербургскому двору и если бы спросили его мнение обо всем этом, без сомнения, не создалось бы того неблагоприятного впечатления, которое это дело неизбежно должно было произвести и для устранения которого потребуется много объяснений. Для обоснования второго утверждения я сослался на то неожиданное действие, которое оказала на британское министерство депеша князя Чарторыйского графу Воронцову о Турции*****; на подозрения британского кабинета, будто бы в этой депеше содержались недомолвки, свидетельствовавшие, по его мнению, о намерении нашего двора вознаградить себя за счет Турции; а также на ответ, переданный через графа Воронцова, в котором британское министерство ставило себе в заслугу бескорыстие е. в-ва императора. Г-н Питт, казалось, сначала несколько смутился и пытался возражать, говоря, что позволительно было, однако, предполагать в течение некоторого времени наличие у России каких-то видов, поскольку, по его словам, эта депеша была составлена в совершенно особом тоне, и к тому же можно привести много примеров в подтверждение того, что именно под предлогом оказания помощи какой-либо стране легче всего захватить ее. Я ему ответил на это, что, хотя нет ничего более достоверного, чем то, что император как нельзя более далек от подобного намерения и что он согласился бы (как я ему уже говорил об этом раньше) утвердиться в Константинополе тогда только, когда все средства избавить эту часть Турции от захвата ее какой-либо другой державой были бы исчерпаны и оказались бы тщетными, предположим все же на минуту, сказал я, что эта депеша была написана именно в таком духе: Англии ли, нашему лучшему другу, тревожиться из-за этого? Разве она что-нибудь потеряла бы от осуществления этого замысла? Разве ее торговля с Турцией не была бы в результате этого обеспечена лучше, чем до сих пор? Г-н Питт тотчас согласился, что Англия ничего от этого не потеряла бы, но было бы весьма неполитично и вредно для основной цели, к которой мы стремимся, замышлять осуществление подобного плана, ибо было бы крайне непоследовательно действовать таким образом в момент, когда все усилия направлены к достижению одной цели — восстановлению независимости держав, захваченных Францией, и когда стараются убедить все государства, сколь возмутительно подобное нарушение международного права. «Хорошо,— сказал я,— это все, чего я хотел. Именно так следовало обращаться к е. и. в-ву, даже предполагая, что Вы на какое-то время могли допустить, что у

е. в-ва были тогда какие-то виды на Турцию. Но вместо этого в переданном е. в-ву ответе [129] выражалась лишь тревога Англии, и единственный довод, приводившийся в нем, состоял в том, что, поскольку Россия и так огромная страна, она не нуждается в увеличении своей территории. Конечно, этот ответ не был составлен так, чтобы произвести наиболее благоприятное впечатление на е. в-во; только сам император, руководствуясь своими благородными чувствами, может решать, как ему поступать. Разве Вы не понимаете, что подобный ответ, вместо того чтобы подчеркнуть его бескорыстие, преуменьшает его?» Г-н Питт покаялся в том, что была допущена ошибка, полностью признал мою правоту и тут же набросал ответ в таких выражениях, в каких он должен был бы быть составлен, и в этом виде он был бы действительно превосходен; сказав мне, что он горячо желал бы сообразоваться во всем с видами императора и добиться того, чтобы английское правительство заслужило его доверие, он попросил меня посоветовать ему, как лучше всего действовать и что говорить, чтобы это желание осуществилось. Я ответил ему, что для человека с его умом ничего не может быть легче, что для этого ему нужно только вполне знать характер и возвышенные чувства е. в-ва. Я нарисовал ему портрет императора, и если он оказался прекрасен, то я здесь ни при чем и моя совесть чиста, так как он соответствует действительности. «Отсюда Вы видите, г-н Питт, — сказал я,—что ничто так не возмущает императора, как несправедливость и все то, что носит на себе отпечаток стремления преследовать свои личные выгоды в ущерб общим интересам и что, следовательно, нужно с особой тщательностью обосновывать перед императором все меры, которые на первый взгляд кажутся противоречащими чистым и бескорыстным чувствам. Впрочем, я должен Вам сказать, — добавил я,— что если бы высказанные Вами сейчас чувства, Ваш правильный взгляд на вещи и уменье верно судить о них были доведены до сведения е. и. в-ва без искажений при передаче, то я уверен, что они заслужили бы полное его одобрение и были бы ему крайне приятны».

Перед уходом я объяснил ему мотивы, в силу которых вышеупомянутая депеша была составлена в выражениях, сочтенных им несколько туманными. Я сказал, что это объясняется как раз тем небольшим недоверием, которое существовало в отношениях между двумя дворами и которое, как я уже говорил выше, препятствовало искреннему и откровенному обмену мнениями, столь соответствующему интересам обоих дворов; что мы хотели поэтому сначала выяснить мнение британского кабинета относительно новых статей, которые считали нужным включить в договор [67] с турками при его возобновлении, чтобы узнать, не будет ли у британского кабинета возражений на этот счет. Я перечислил все предлагаемые изменения и, увидев, что г-н Питт нашел все это весьма *уместным, вполне справедливым и как нельзя более соответствующим общим интересам*, добавил к этому, что для того чтобы как можно убедительнее доказать ему отсутствие у нашего двора каких-либо других намерений, я передам ему черновой проект нового договора и отдельных и секретных статей [81] в предварительном виде, без обработки и расположения статей по порядку. В то же время я попросил его ничего не говорить об этом...******

Несколько дней спустя, когда я пришел за этими бумагами, он сказал мне, что прочел их с большим вниманием и нашел, что намерения е. в-ва императора весьма разумны и наилучшим образом соответствуют общему благу; что английское правительство постарается всемерно способствовать их успеху; что лорду Гоуэру немедленно будет предписано дать соответствующие заверения и договориться о том, каким образом британский кабинет сможет со своей стороны оказать в этом содействие; что важно попытаться добиться по возможности всего, чего мы хотим, но он предвидит, что по некоторым статьям Порта будет чинить затруднения.

Эти бумаги [81] в том виде, как они были показаны г-ну Питту, прилагаются здесь под литерой В2.

Н. Новосильцев

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Замечания, сделанные г-ном Питтом

Полностью согласен относительно пунктов, где должны быть начаты военные действия, но отмечает, что в настоящее время Англия не в состоянии выставить 15 тыс. человек, что министерство занимается теперь пополнением имеющихся в его распоряжении войск и оно надеется, что через некоторое время ему удастся довести их до достаточно значительных размеров, но что всего этого можно добиться только во время парламентских сессий и что, следовательно, нужно постараться найти другое средство, чтобы изыскать необходимое количество войск для действий против врага в этом районе. Он считает это тем более необходимым, что, не будучи раздробленными, английские войска могут оказаться весьма полезными и связать значительно большее количество французских войск, чем если бы они были употреблены на Юге Италии.

Наиболее эффективным способом их использования он считает сосредоточение их в Англии в разных пунктах, с тем чтобы постоянно держать побережье Франции под угрозой высадки десанта, который действительно мог бы быть осуществлен, как только французы слишком обнажат какой-либо участок своего побережья. Он полагает, что такая диверсия могла бы оказаться весьма полезной.

Что касается Севера Германии, то он полагает, что если не удастся вывести Пруссию из состояния апатии, если она будет упорствовать в своем стремлении остаться нейтральной и если, с другой стороны, окажется невозможным противопоставить врагу в этом районе силы, достаточно значительные, чтобы исключить всякие сомнения в успехе войны, то в этом случае было бы, возможно, лучше не предпринимать там ничего и обратить все силы на Юг и Север Италии, Швейцарию и Юг Германии, в результате чего французы вынуждены были бы сами эвакуировать Север Германии.

Е. в-во считает, что хотя сейчас еще не время заниматься собственно планом военных действий и что к тому же характер плана будет зависеть от того, сколько союзников удастся привлечь, однако если исходить из довольно реального предположения, что можно будет рассчитывать на Швецию и Австрию, то существо дела можно было бы свести к следующим основным вопросам: следует ли увеличивать число наступательных операций или уменьшить его, с тем чтобы усилить армии, участвующие в каждой из них, и где предпочтительнее открыть военные действия.

По его мнению, основными направлениями, где к тому же будет легче всего начать операции, являются:

1. Юг Италии, где русско-английская армия могла бы успешно осуществить десант и соединиться с неаполитанскими войсками. Можно было бы выделить для этой операции 10—15 тыс. англичан и столько же русских, присоединив к ним нерегулярные войска, набранные в Албании и Италии, причем последние должны быть набраны королем Сардинии.

2. Север Италии, Швейцария и Юг Германии, где будут действовать австрийские армии при поддержке вспомогательного русского корпуса численностью до 60 тыс. человек.

3. Север Германии, где 40-тысячная русская армия, усиленная ганноверским корпусом и шведской армией и поддержанная диверсией англичан, могла бы равным образом действовать и двигаться в направлении Нидерландов.

Поведение Оттоманской Порты ******* и Пруссии и решение, которое будет принято нами в отношении этих двух государств, что явится одним из наиболее важных вопросов, который должны будут разрешить союзники, вызовет необходимость изменений в операциях, осуществляемых, так сказать, на двух флангах. Согласно суждению, которое можно составить в настоящее время об этих различных правительствах, Австрию и Швецию можно будет склонить к решению добровольно выступить против Франции; Турция же и Пруссия сделают это лишь в том случае, если будут к этому принуждены. Это соображение вынудит Россию держать значительную часть своих войск в резерве на своих границах для устрашения колеблющихся и злонамеренных держав, а в случае необходимости — для того, чтобы образумить их или наказать за недоброжелательность.

Что касается десантов на территорию Франции, то е. в-во не считает, что следовало бы рисковать, предпринимая их с самого начала; он полагает, что необходимо постоянно угрожать побережью, но не пытаться проникнуть в глубь территории Франции до тех пор, пока не будут одержаны значительные успехи вне ее пределов.

ПРИЛОЖЕНИЕ а

Г-н Питт полностью разделяет это мнение, но добавляет к этому, что не следует ничем пренебрегать, чтобы заранее успокоить *новых собственников и армию*, убедив их в том, что они абсолютно ничего не потеряют в результате будущих перемен, в том, что первые сохранят имущество, приобретенное ими во время революции, а вторые останутся на службе на своих местах, сохранят почести, звания и другие преимущества, связанные с их положением. Вследствие этого нужно постараться как можно более убедительно высказаться по этим двум пунктам в будущих воззваниях. Г-н Питт полагает, однако, что, с тем чтобы внушить *собственникам* возможно большую уверенность в том, что данные обещания будут выполнены, Англия сможет авансировать сумму, достаточную для вознаграждения небольшого числа *прежних собственников*, которые остались верными королю и которые были бы вправе потребовать возвращения их имущества или компенсации за него. Это заявление покажет новым собственникам, что их имущество будет находиться под еще более надежной защитой, чем в настоящее время, поскольку какие бы то ни было претензии со стороны *прежних собственников* отпадут сами собой.

Врученное г-ну Питту дополнение, в котором развивается высказанная им самим по этому вопросу мысль (см. Запись беседы, литера «а»)

После того как нам удастся, благодаря одержанным вне Франции успехам и проявленным при этом доброжелательности и справедливым и либеральным принципам, завоевать уважение и внушить к себе всеобщее и заслуженное доверие, так чтобы можно было рассчитывать на то, что всякое обещание союзных держав произведет благоприятное впечатление на французскую нацию, мы объявим ей, что выступаем не против нее, а исключительно против ее правительства, угнетающего как саму Францию, так и остальную Европу; мы укажем, что сначала мы имели в виду лишь освободить от ига этого тирана угнетаемые им страны; что теперь, обращаясь к французскому народу, мы не призываем его ни к мятежу, ни к неповиновению законам, а предлагаем всем партиям, на которые он был до сих пор разделен, с доверием отнестись к намерениям союзных держав, желающих лишь одного — освободить Францию от деспотического гнета, под которым она стонет, и предоставить ей свободу выбрать такое правительство, какое она сама пожелает; что мы объединились для того, чтобы избавить Францию от ее прежних цепей, а отнюдь не для того, чтобы налагать на нее новые. Мы принимаем за принцип, что для блага Европы и Франции необходимо, чтобы форма правления во Франции была монархической, но нужно будет, чтобы предложение об этом исходило от самой нации; можно будет посодействовать появлению такого предложения, но отнюдь не следует слишком рано заявлять о подобных намерениях.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Замечания г-на Питта

Он полагает, что содействие Пруссии имело бы столь решающее значение для правого дела и настолько облегчило бы ведение военных операций в более широких масштабах, что любые средства, направленные на то, чтобы заставить ее присоединиться к будущей коалиции, оправданы. Поэтому он придерживается мнения, что ей следует пообещать любые приращения, какие только совместимы с основаниями, на которых решено утвердить будущее спокойствие Европы, с тем чтобы выгоды, которые она могла бы получить в будущем *честно и не ссорясь с Россией*, могли уравновесить *посулы*, расточаемые ей Францией. Он настоятельно просит не думать, что это его мнение (в решении вопроса о том, насколько оно справедливо, он полностью полагается на мудрость императора) было продиктовано ему особо благосклонным отношением к этой державе; напротив, он считает, что ни один из европейских кабинетов не вел себя хуже, чем прусский, и что ни одна страна не за-

Е. в-во вообще считает, что если все другие средства окажутся недостаточными и если обязательно понадобится предоставить некоторые выгоды державам, которые пожелают принять участие в предприятии, то это должно быть улажено, исходя из интересов будущей безопасности Европы и с учетом большей или меньшей степени приверженности общему делу каждого из кабинетов. Он полагает, однако, что интересы и безопасность Европы не позволяют предлагать чего бы то ни было Пруссии, кроме провинций, уступленных ею Франции. Что касается Австрии, то е. в-во надеется, судя по предварительным переговорам с ней, что она будет весьма умерена в этом вопросе и удовлетворится незначительными приобретениями в Италии и Германии. Впрочем, император ничего так не желает, как узнать мнение лондонского кабинета по всем этим вопросам и разрешить их совместно с ним.

служивает меньше, чем Пруссия, того, чтобы ей оказывали предпочтение. Тем не менее, с одной стороны, выгоды, которые можно извлечь из ее сотрудничества, и, с другой, легкость, с которой, по его мнению, можно было бы решить вопрос о будущих территориальных приобретениях Пруссии таким образом, чтобы они могли создать ряд точек соприкосновения с Францией и служить ей надежной преградой со стороны Севера Германии и Юга Голландии, оправдали бы (по мысли сент-джемского кабинета) преимущества, которые ей были бы предоставлены. Поэтому он считает, что следует предложить Пруссии, помимо уступленных ею Франции провинций, всю территорию, расположенную между *Маасом*, *Мозелем* и *Рейном*, к северу от *прежних границ Франции*, включая часть *Люксембурга с крепостью или без нее*. Он полагал, что можно было бы даже расширить ее владения до Северного моря, с тем чтобы участок прусских владений разделил Голландию и Францию, но я очень возражал против этого предложения, и г-н Питт взял его назад.

Впрочем, он несколько раз повторил, что эти соображения сент-джемский кабинет считает должным сообщить е. и. в-ву в ответ на конфиденциальные предложения, которые были сделаны ему от имени императора, но что они полностью представляются на его усмотрение.

ПРИЛОЖЕНИЕ в

Г-н Питт полагает, что решение по этим пунктам можно будет принять только тогда, когда начнут развиваться события.

Врученное г-ну Питту дополнение, в котором развивается высказанная им мысль (см. Запись беседы, литера «в»)

Санкт-петербургский и сент-джемский кабинеты должны будут договориться относительно всех этих вопросов, а также совместно наметить династию и лицо, которое решено будет призвать на французский трон. Если это будут Бурбоны, то кто именно из них, когда он будет об этом уведомлен, какого образа действий мы от него потребуем и, наконец, на какие условия он должен будет согласиться. Главным из них будет обязательство соблюдать конституцию, которая будет принята. На кого именно падет выбор,— это, по мнению императора, дело второстепенное и он будет придавать ему значение лишь постольку, поскольку это будет препятствовать или способствовать нашим действиям.

ПРИЛОЖЕНИЕ С

Мнение г-на Питта

Он полностью согласен со всем, что касается сардинского короля и Голландии. Но что касается Германской империи, то он находит, что эта проблема столь сложна и трудно разрешима, что необходимо основательно подумать, прежде чем высказать свое мнение. Он согласен, что едва ли можно думать о каком-либо проекте, который предусматривал бы лишение нынешних гер-

Король Сардинии, по отношению к которому Россия и Англия взяли на себя определенные обязательства, не должен быть, по мнению е. в-ва, забыт при устройстве итальянских дел. Безопасность Европы требует, чтобы ему не только возвратили его владения, но и чтобы доля, которую он получит при переделе, была возможно более значительной.

манских князей их владений, но в то же время он полагает, что нет никаких оснований и к тому, чтобы увеличивать их число, пытаясь восстановить всех тех, кто в настоящее время уже не имеет владений. Он признает, что идея отделить от германского союза прусскую и австрийскую монархии, которые полностью нарушают в нем равновесие сил, весьма заманчива, но, когда он размышляет о тех громадных затруднениях, которые это повлекло бы за собой, и о необходимости, которая возникла бы, полностью преобразовать внутреннее устройство Германии, его останавливает мысль о предстоящих трудностях и он не смеет более думать об этом проекте.

Способ, представляющийся ему на первый взгляд наиболее подходящим, состоит в том, чтобы прежде всего попытаться найти средство укрепить союз между германскими государствами, а затем постараться обеспечить их безопасность от нападения извне, укрепив границы несколькими крепостями. Необходимые расходы на постройку этих крепостей, а также расходы на содержание в них достаточно сильных гарнизонов покрывались бы этими государствами в соответствующей пропорции. Англия, сказал он, также охотно содействовала бы этому.

Он думал одно время, что можно было бы возложить охрану части этих крепостей на Австрию, а другой части — на Пруссию, но так как я сделал по этому вопросу некоторые замечания, то он остался нерешенным.

ПРИЛОЖЕНИЕ Cc

Мнение г-на Питта

Он полностью согласен со всем, что касается Италии, Швейцарии и короля Сардинии. Что же касается Голландии, то он также полностью разделяет то мнение, что необходимо присоединить к ней Фландрию и Брабант и дать ей ряд крепостей, обязав ее содержать армию в 50 тыс. человек, но некоторые соображения, связанные с образом действий, которого придется придерживаться по отношению к Пруссии, обязывают основательно обдумать вопрос о ее будущих границах. Различные предположения на этот счет изложены в памятной записке, которую г-н Питт перешлет в С.-Петербург, а также в отчете, который я представлю по возвращении.

Политическое существование Швейцарии также весьма важно для безопасности Европы. Было бы необходимо, следовательно, округлить насколько возможно территорию этого государства и упрочить его положение.

Тот же принцип должен быть применен и к Голландии.

Что же касается Германской империи, в которой благодаря ее структуре, казалось бы, легче осуществить соответствующее переустройство, то император считает, что эта легкость является только кажущейся. Настоящее положение германского союза мало, конечно, совместимо с благом его народов и Европы. Но как исправить это? Нужно ли будет позволить поглотить часть этой массы двум державам, давно зарящимся на нее, или образовать в Германии, самое большее, третье большое государство? Эта мера сопровождалась бы столькими несправедливостями по отношению к имперским князьям, которых пришлось бы лишить их владений, что об этом нельзя и думать. Удастся ли когда-нибудь создать более тесный союз между государствами, составляющими Германскую империю, нечто вроде более централизованного федеративного правительства? И не следовало ли бы в этом случае отделить от нее австрийскую и прусскую монархии, которые несоразмерностью сил подрывают в ней всякое равновесие, солидарность и дух патриотизма?

Эти вопросы нужно было бы обсудить, когда будет решаться судьба Германии, и е. в-во император крайне желает знать мнение британского кабинета на этот счет.

Император полагает, что для достижения основной цели — установления надлежащих границ Франции — необходимо, чтобы французам ничего не было оставлено в Италии, ибо в противном случае безопасность Европы нельзя будет считать обеспеченной. Поэтому Альпы должны служить для них преградой благодаря тому, что Италии, как слабейшей стороне, будут обеспечены опорные пункты и проходы, могущие наиболее эффективным образом способствовать ее обороне. Когда король Сардинии будет восстановлен в своих владениях, необходимо будет укрепить их насколько возможно, значительно округлив за счет Итальянской республики, Пармы, Пьяченцы и Лигурии, ибо от того, насколько сильным будет Сардинское королевство, будет зависеть безопасность остальной Италии. Тот же принцип должен быть применен в отношении границ Швейцарии и Валлиса (разумеется, когда говорится о Швейцарии, то имеется в виду не только собственно Швейцария, но и Валлис, Граубюнден, Вальтеллина и т. д.). Поэтому было бы необходимо обеспечить этой федерации любое приращение, которое ей подойдет,

в частности, если возможно, Савойю ввиду ее географического положения и связей со Швейцарией, с тем чтобы сделать эту страну способной защищать свой нейтралитет. Если говорить о других границах Франции, то, поскольку чрезвычайно важно окружить ее повсюду государствами, достаточно сильными, чтобы не бояться по крайней мере ее первых ударов, необходимо будет, если позволит ход событий, присоединить к Голландии часть Фландрии и Брабанта и несколько крепостей.

Остальная часть границы по Рейну могла бы быть определена в зависимости от обстоятельств. Нужно будет, однако, добиваться только того, что действительно важно, и действовать так, чтобы не создавалось впечатления, что Францию лишают ее владений лишь с целью причинить ей ущерб. Важно, чтобы французская нация была убеждена, что все эти меры принимаются лишь с целью обеспечить безопасность также и остальной Европы.

ПРИЛОЖЕНИЕ D

Замечания г-на Питта

Он считает, что ничто не могло бы более эффективно содействовать поддержанию в будущем мира в Европе, чем подобный договор, заключение которого привело бы к осуществлению во всей Европе начал, установленных Вестфальским договором для Германии. Однако у него нет подобной уверенности в отношении предлагаемого средства — обязать все государства ни в коем случае не начинать войны, не исчерпав средств, которые может предоставить посредничество третьей стороны и т. д. Он считает, что тот, кто почувствует себя обиженным и в то же время достаточно сильным, всегда будет мало расположен согласиться с решением третьей державы. Зато он считает крайне важным точно и определенно установить для подобных случаев нормы международного права и создать на их основе, так сказать, новый кодекс международного права. Наиболее же надежное средство заставить соблюдать эти нормы состояло бы, по его мнению, в том, чтобы создать упомянутый союз, стоя во главе которого две столь грозные державы, как Россия и Англия, легко нашли бы способ заставить уважать справедливость, право и все меры, направленные на укрепление всеобщего мира и одобренные в качестве таковых всем союзом********.

Е. в-во полагает, что в договоре, который будет заключен после окончания всеобщей войны, нужно будет постараться зафиксировать нормы международного права, основанные на точных и ясных принципах, и попытаться изыскать возможность включения в него обязательства ни в коем случае не начинать войны, не исчерпав средств, которые может предоставить посредничество третьей стороны, и не воспользовавшись им для выяснения взаимных претензий и для их урегулирования и т. д. и т. п.

Применение подобных принципов при осуществлении всеобщего умиротворения привело бы к созданию лиги, постановления которой составили бы, так сказать, новый кодекс международного права, который, поскольку он был бы одобрен подавляющим большинством государств Европы, можно было бы легко сделать непреложным правилом поведения кабинетов, тем более что тот, кто захотел бы нарушить его, рисковал бы навлечь на себя силы нового союза. Так как этот порядок вещей мог бы быть наилучшим образом гарантирован тесной связью между санкт-петербургским и лондонским дворами и так как во всей Европе только в отношениях этих двух держав в течение долгих лет не может иметь места соперничество и столкновение интересов, то их союз тем более будет способен обеспечить сохранение мира.

Инструкция товарища министра иностранных дел А. А. Чарторыйского посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

*13(25) декабря 1804 г.**

Подробные указания относительно переговоров о возобновлении русско-турецкого союзного оборонительного договора. А. Я. Италинскому предписывается обратить особое внимание на следующие пункты: исключение всякой возможности сближения Турции с Францией, присоединение ее к антинаполеоновской коалиции и признание за Россией права заступничества за христианских подданных Турецкой империи.

Опубл. Известия Министерства иностранных дел, 1912 г., кн. V, СПб, 1912, стр. 235—247.

80. Последующая декларация австрийского посла в С.-Петербурге Стадиона Министерству иностранных дел России

14(26) декабря 1804 г.

Sa Majesté, en acceptant la déclaration ** signée et remise par les Plénipotentiaires de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies au sujet des secours pécuniaires de l'Angleterre, espère avec confiance, que la Cour de Pétersbourg amènera celle de Londres à s'engager vis-à-vis de la Cour Impériale et Royale à fournir le secours pécuniaire complet, tel qu'il a été demandé par notre Auguste Maître, tant pour pouvoir mettre Son armée en campagne, que comme subside annuel pendant la durée de la guerre; mais si malgré tous les soins que la Cour Impériale de Russie a promis d'employer à cet effet, Elle ne pourrait y réussir complètement, Sa Majesté Impériale et Royale Se tiendra engagée à l'exécution entière de tous les points du Concert *** arrêté entre les deux Cours Impériales pourvu que la Cour de Londres s'engage à Lui accorder dans les cas de guerre y énoncés, un secours de première mise en campagne d'un Million et demi de Livres Sterlings, et de Trois Millions Livres Sterlings de subsides annuels; Se flattant néanmoins que dans le dernier Cas, le subside annuel sera porté au moins pour la première année, à la somme de quatre Millions.

En foi de quoi le Soussigné muni des pleins pouvoirs de Sa Majesté Impériale et Royale Apostolique, a en Son Nom signé la présente déclaration, et y a apposé le cachet de ses armes.

Fait à St. Pétersbourg le quatorze (vingt-six) décembre l'an Mil huit cent et quatre.

[L. S. Jean Philippe comte de Stadion

Печат. по подлиннику.
Опубл. Ф. Мартенс, т. II, стр. 420—421.

Перевод ****

Е. в-во, принимая декларацию**, подписанную и сообщенную уполномоченным е. в-ва императора всероссийского по предмету денежного вспомоществования со стороны Англии, с доверием надеется, что с.-петербургский двор привлечет двор лондонский к принятию на себя по отношению к императорскому и королевскому двору обязательства доставить денежное вспомоществование вполне в том размере, как оно потребовано было нашим августейшим монархом как для возможности отправить его войска в поход, так и в виде ежегодной субсидии во время продолжения войны; но если, несмотря на все старания, которые императорский российский двор обещал употребить для этой цели, он не в состоянии был бы достигнуть полного успеха, его императорское и королевское в-во будет считать себя обязанным к точному выполнению всех пунктов соглашения***, постановленного между обоими

* Дата утверждения Александром I.
** См. док. 65.
*** См. док. 63.
**** Дается по Ф. Мартенсу, сверен с подлинником.

императорскими дворами, ежели только лондонский двор обяжется доставлять ему в случаях войны, там указанных, помощь при первом выступлении в поход — в полтора миллиона фунтов стерлингов и в 3 миллиона фунтов стерлингов ежегодных субсидий, тем не менее льстя себя надеждою, что в последнем случае ежегодная субсидия, по крайней мере за первый год, будет доведена до 4 миллионов.

В уверение чего нижеподписавшийся, снабженный полномочиями е. в-ва императора и короля апостолического и именем его, подписал настоящую декларацию и приложил к ней печать своего герба.

Заключено в С.-Петербурге 14(26) декабря 1804 г.

(М. П.) Иоганн Филипп граф Стадион

81. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

17(29) декабря 1804 г.

Пребывающий здесь португальский поверенный в делах домогается именем двора своего о исходатайствовании купеческому их флагу позволения свободного плавания по Черному морю; польза из того, предвидимая для собственной нашей торговли, заставляет нас желать, чтоб они получили просимое позволение. Предоставляя себе писать Вам обстоятельно о сем по будущей почте, я не хотел пропустить сей случай, чтоб не предуведомить Вас о том, дабы Вы могли при удобном времени приуготовлять турецкое министерство к принятию желаемым нам образом ходатайства нашего о португальцах.

Пребываю и т. д.

Подписано 17(29) декабря и отправлено того же числа с кол[лежским] асес[сором] Валуевым.

Печат. по отпуску.

82. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский генеральному консулу в Яссах И. Ф. Болкунову

№ 1 *17(29) декабря 1804 г.*

Государь мой Ипполит Федорович! Из дел предместника Вашего Вы можете обстоятельно узнать все происшедшее в Белграде и причины, побудившие славеносербов, тот край обитающих, восстать противу угнетавших их [89]; равномерно, что от них были сюда отправлены три депутата ходатайствовать заступление российского двора у Порты *. По сему предмету теперь имею Вас уведомить, что по соображению обстоятельств найдено приличным предписать посланнику нашему в Царе Граде употребить старания свои к склонению Порты даровать им некоторые привилегии, могущие улучшить состояние оного народа [130]. Привилегии сии должны состоять в том, чтоб сербы были освобождены совершенно от присутствия турецких военнослужителей, чтобы могли иметь своего правителя под каким-либо наименованием и своих судей, платя, впрочем, исправно все подати Порте и содержа до 5 тыс. войска как для охранения того края от набегов разных разбойнических партий, так и для действования противу врагов Порты. Сие есть предписание, данное Италинскому, и в смысле коего должен он основать свои ходатайства. А дабы Порту принудить податься на оное, то внушено

* См. док. 74.

депутатам, ныне отсюда отъезжающим, чтоб они убедили своих соотчичей не покидать оружия и продолжать военные действия свои, между тем послали бы в Царь Град прошение к е. в-ву султану или чрез нарочных депутатов, буде не предвидится для них опасности, или чрез иное какое посредство; в сем прошении должны они изложить все бедствия, ими претерпенные, непрочность их бытия, доколь турецкий начальник ими управлять станет, приверженность свою к Порте и твердое свое намерение пребыть оной верными, буде согласится оставить их на положении, выше уже описанном, и, наконец, когда Порта окажет охотливость свою даровать им просимые права, тогда требовать, чтобы оные были утверждены ручательством России и Австрии; по мере же получения здесь сведений от г-на Италинского о постепенном успехе в его ходатайстве о сербах, будете Вы снабжаемы надлежащими предписаниями для сообщения оных сему народу, дабы оный мог согласно с тем направлять и поведение свое. А как неудобно Вам сноситься с сербами чрез посторонних людей, могущих каким-либо образом открыть существование таковых сношений, то и находим мы лучшим, чтобы один из депутатов сербских, здесь бывших, или ныне остался в Яссах, или возвратился туда по окончании своей комиссии; в Яссах же жить ему в виде купца и производить какой-либо торг, дабы тем лучше скрыть настоящий предмет его там пребывания; когда же по даемым Вам отсюда предписаниям получит он какие наставления от Вас для народа, тогда должен сам или чрез верного человека из соотчичей его, естли таковой при нем будет, отправлять оные. Вам же остерегаться, чтобы письменно никогда не сообщать что-либо сему депутату, а объяснять ему все словесно.

Изложив Вам, таким образом, как намерения наши, так и поведение, коему Вы должны следовать, остается мне сказать Вам, что сим депутатам объявлено здесь, что к Вам пошлются 3 тыс. червонных для доставления к Черни Жоржу на необходимые издержки для его корпуса, которые при сем к Вам препровождаются с тем, чтобы Вы наивернейшим образом доставили оные к помянутому начальнику сербов. Естли Вы по новости своей в том крае не сыщете удобного для сего случая, то можете адресоваться к воложскому господарю Ипсилантию, который таковой без труда Вам сыщет; что ж по сему предмету Вами учинено будет, имеете донести сюда по первой почте. Когда депутаты уедут из Ясс (но не прежде), нет надобности скрывать о том, что они были присланы сюда от сербского народа; притом Вы можете отзываться, что Россия, состоя в тесной дружбе с Портою и не желая отнюдь вмешиваться в дела подданных сей империи, нужным сочла ограничиться советованием сим депутатам обратиться прямо к милосердию своего государя. С господарем Ипсилантием можете быть в откровенности по всем сим делам, но от князя Мурузия должны сохранить все в тайне, то есть, как намерение наше ходатайствовать за сербов у Порты, так денежное пособие, им чинимое, советы, им нами данные, и пребывание в Яссах одного из депутатов.

Пребываю...

К[нязь] Адам Чарторыский

Из упоминаемых в сей депеше депутатов один токмо поехал чрез Яссы, протчие обратились чрез австрийские владения; первый снабжен от меня письмом к Вам и пашпортом российского подданного, он останется жить в Букоресте, дабы быть в возможности получать от Вас сведения, кои отсюда или от г-на Италинского Вам будут доставляемы, относительно до сербского народа, и оные сему с большею удобностию сообщать. Сверх означенных в депеше моей 3 тыс. голландских червонных, всемилостивейше пожалованных Черни Жоржу, государь император повелел возвратить и те 600 чер-

вонных, которые даны были депутатам их на дорогу сюда; сии 600 червонных посылаю равномерно к Вам, которые все, то есть 3600 червонных, доставите самым вернейшим и секретнейшим образом Черни Жоржу.

Письменно по сим делам рекомендую Вам не сообщать ничего ни господарю Ипсилантию, ни другому кому бы то ни было из посторонних людей, ниже самым сербам**.

К[нязь] Адам Чарторыский

Получ[ено] 6 генваря 1805 г. Отв[ечено] 16 [генваря 1805 г.].

Печат. по подлиннику.

83. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

19(31) декабря 1804 г.

La communication, que nous vient de faire le comte de Stadion d'une dépêche ostensible qui lui fut adressée en date du 2 décembre dernier, nous replace de nouveau dans la nécessité de revenir avec v. ex. sur l'objet qui concerne le Montenegro. Après avoir essayé dans cet office de prouver par les dispositions du traité de Czistove [151] la dépendance du Montenegro de l'Empire ottoman, le ministère autrichien y cherchait à nous faire reconnaître la nécessité pour la cour de Vienne de recourir à des voies de rigueur pour terminer des embarras avec les Montenegrins et principalement avec leur métropolite.

Déjà à la lecture des premières lignes nous avons été fortement surpris de ce qu'on ait voulu à Vienne établir sur les dispositions dudit traité la sujétion du Montenegro à l'Empire ottoman. Pour se rendre un compte exact de notre surprise, il suffit de se rappeler l'époque à laquelle le traité de paix fut conclu et la cour i[mpéria]le et r[oya]le se souvient assurément qu'après que l'Autriche eut mis fin par ce traité à la guerre que les deux cours impériales avaient entreprise d'un commun accord contre la Porte, la Russie se trouva être seule en guerre contre cette puissance qui doit nous être parfaitement étranger.

Ce n'est donc pas le traité mentionné qu'on peut nous opposer comme une autorité dans le cas dont il s'agit. D'ailleurs, sans m'arrêter longtemps à une époque si peu agréable pour nous, je ne puis m'empêcher d'ajouter qu'on a bien plus de peine encore à expliquer comment une transaction passée entre deux puissances pourrait y lier un Etat libre qui n'y fut pour rien.

Depuis plusieurs siècles les Montenegrins sont en possession d'une entière indépendance. Tous les efforts, qu'on a vu faire à plusieurs souverains ottomans pour les en dépouiller, sont venus échouer contre les rochers et le courage des habitants de ce petit pays, et ce n'est pas d'un trait de plume, ni en vertu d'un traité, dont ils ne soupçonnent peut-être pas l'existence, qu'ils pourront être rangés dans la classe des sujets turcs. La cour de Vienne ne voudra pas non plus que ce même trait de plume imposât à la Russie la dure nécessité de retirer sa protection à un peuple qui en jouit depuis un siècle et qui s'est jeté volontairement entre ses bras.

Tout ce qui vient d'être exposé au sujet du traité de Czistove peut être parfaitement appliqué aux traités et conventions de la Porte avec l'ex-République vénitienne, car cette dernière avait tout aussi peu de droits de disposer du Montenegro que telle autre puissance de l'Europe. Si les Montenegrins eurent toujours le joug ottoman en horreur, ils ne se montrèrent pas moins jaloux de pré-

** «ниже самым сербам» — дописано рукою Чарторыйского.

server leur indépendance contre les entreprises des Vénitiens, et ils suivirent cette dernière marche avec le même succès.

Pour ce qui regarde la Porte Ottomane, depuis nombre d'années elle est instruite de la protection que la Russie accorde au Montenegro, et, dernièrement encore, lorsque des circonstances urgentes et suffisamment connues nécessitèrent l'expédition du comte d'Ivelitch, nous ne manquâmes pas de mettre le ministère ottoman au fait sur le véritable objet de sa mission. La Porte, connaissant parfaitement l'existence politique du Montenegro et ne se dissimulant pas que ce pays se trouve absolument hors de sa dépendance, ne saurait concevoir le moindre ombrage de ses rapports avec la Russie, et s. m. i., en rassurant pleinement à cet égard son intime allié, se charge volontiers de répondre à toutes les réclamations qui pourraient lui être adressées de la part de la Porte relativement audit pays.

J'aborderai maintenant les motifs, allégués par la cour de Vienne dans la dépêche précitée du comte de Cobenzl, pour établir la nécessité de prendre des mesures sérieuses relativement au Montenegro et principalement contre le métropolite. J'ai déjà observé plus haut, et il ne sera pas inutile de le répéter encore une fois, que depuis plus d'un siècle le Montenegro se trouve sous la protection de la Russie. Si à la suite du vœu unanime, dernièrement exprimé par les habitants de ce pays, notre influence y fut consolidée, il nous semble que la cour de Vienne devrait se réjouir avec nous de ce succès comme d'un moyen, que nous nous sommes acquis par là, de cimenter davantage les rapports d'amitié et de confiance qui subsistent entre les deux pays.

En rénumérant les preuves irréfragables que s. m. i. lui a données en différents temps de son vœu constant et sincère à cet égard, il lui sera aisé de se convaincre que notre auguste maître, fidèle à ses principes, n'usera, quant à l'Autriche, de son influence au Montenegro que pour conserver le bon voisinage de ce pays avec les provinces avoisinantes de la domination autrichienne. S. m. i., pouvant compter sur un attachement inviolable de la part des Montenegrins et ayant plus d'une raison à croire que leur métropolite est sincèrement revenu à son devoir, n'hésite pas à répondre à la cour de Vienne de la conduite future des Montenegrins, à moins que des intrigues sourdes et soufflées du dehors ne viennent entraver ses soins. De cette manière les mesures vigoureuses devenant parfaitement inutiles, la cour i[mpéria]le et r[oya]le pourra les reporter sur d'autres points qui doivent, selon nous, attirer de préférence son attention.

En examinant ainsi l'application desdites mesures et les motifs qui en ont suggéré l'idée à la cour de Vienne, l'empereur a reçu avec une satisfaction toute particulière l'assurance qui nous fut donnée par le comte de Stadion, que la cour i[mpéria]le et r[oya]le n'étendra jamais ses vues sur la possession du Montenegro et même ne se permettra aucun empiétement sur le territoire de ce pays. S.m.i., se reposant entièrement sur la loyauté connue de son intime allié, n'en demande pas plus pour être parfaitement tranquille à cet égard et désire seulement qu'on le soit également à Vienne sur le compte des menées présumées du métropolite. Car il est plus que probable que celui-ci, voyant l'attachement inébranlable de ses compatriotes pour la Russie et connaissant suffisamment la nature des rapports qui existent entre les deux cours impériales, s'abstiendra désormais de toute démonstration qui pourrait fournir à celle de Vienne le sujet de quelque plainte contre lui. Dans tous les cas, s'il arrivait qu'il oubliât la dernière leçon que nous lui avons donnée et qu'il se portât à de nouvelles machinations, il est à espérer qu'on trouvera toujours dans la personne de l'agent russe un surveillant assez vigilant pour les découvrir et les déjouer à temps.

Quant au consul Masoureffsky, sa conduite ayant été fortement et à plusieurs reprises redressée, il n'y a pas de doute qu'il n'y apporte les amendements désirés par la cour de Vienne. Si, cependant, contre toute attente il continuait

à donner de justes sujets de mécontentement contre lui, le ministère i[mpéria]le et r[oya]le peut être persuadé qu'on s'empressera ici à y remédier en donnant une autre destination à Mr de Mazoureffsky.

Ayant ainsi répondu à tous les points de la dépêche relative aux affaires du Montenegro que le comte de Stadion nous a communiquée, je dois prier v. ex. de communiquer également *in extenso* le contenu de la présente au vice-chancelier de cour et d'Etat.

Avant de terminer, j'ai encore à Vous transmettre, Mr le comte, la résolution de l'empereur touchant l'autorisation, déléguée par les Montenegrins au consul Mazoureffsky, d'intervenir auprès des autorités autrichiennes à Cattaro toutes les fois qu'ils seront dans le cas d'y faire quelques réclamations.

S. m. i. désire vivement que cette intervention fût admise par la cour de Vienne, convaincue, comme elle est, que les Montenegrins s'étant une fois soumis à la juridiction du consul russe à Cattaro, leurs rixes fréquentes avec les sujets autrichiens non seulement pourront être toujours prévenus par les soins de cet agent, mais que le germe en sera même étouffé. L'amitié et l'alliance qui unissent les deux souverains, nous autorisent à croire que cet objet ne rencontrera à Vienne aucune difficulté. J'y ajouterai la considération que l'exemple n'est pas nouveau: toutes les puissances de l'Europe ont déjà reconnu ce droit à s.m.i. relativement à la République septinsulaire, et l'empereur ne doute nullement que son auguste allié voulût cette fois-ci être moins complaisant.

S.m.i. Vous charge, en conséquence, Mr l'ambassadeur, d'en faire incessamment la demande auprès du ministère autrichien, par un office en forme, à l'effet d'obtenir les ordres nécessaires pour les autorités de Cattaro, relatifs à la compétence du Sr Mazoureffsky dans son entremise en faveur des Montenegrins.

J'ai l'honneur...

Помета Александра I: Быть по сему.
19 декабря 1804 г.

Печат. по отпуску.

Перевод

В связи с тем, что граф Стадион сообщил нам недавно содержание присланной ему открытой депеши от 2 декабря сего года, мы снова вынуждены вернуться вместе с Вами, в. с-во, к обсуждению вопроса о Черногории. Сделав в этом письме попытку доказать ссылкой на постановления Систовского договора [181] зависимость Черногории от Оттоманской империи, австрийское министерство пыталось далее заставить нас признать, что венскому двору необходимо прибегнуть к суровым мерам, чтобы положить конец затруднениям с черногорцами и, главным образом, с их митрополитом.

Уже при чтении первых строк мы были весьма удивлены тем, что в Вене хотели доказать подвластность Черногории Оттоманской империи на основании постановлений означенного договора. Чтобы верно представить себе наше удивление, достаточно вспомнить то время, когда был заключен этот договор. Императорский и королевский двор помнит, конечно, что, после того как Австрия закончила этим договором войну, которую оба императорских двора совместно предприняли против Порты, Россия осталась одна в состоянии войны с этой державой и он к нам никакого отношения не имеет.

Следовательно, упомянутый договор нельзя рассматривать как действительный для нас в данном случае. Впрочем, не останавливаясь долго на времени, столь мало для нас приятном, я не могу вместе с тем не добавить, что гораздо труднее объяснить, каким образом соглашение, заключенное между двумя державами, могло бы установить обязательства для свободного государства, которое не имело к нему никакого отношения.

В течение ряда веков черногорцы пользуются полной независимостью. Все усилия, прилагавшиеся многими оттоманскими государями, чтобы отнять у них ее, разбились о скалы этой маленькой страны и мужество ее жителей, и не росчерком пера или ссылкой на договор, о существовании которого они, может быть, и не подозревают, можно их включить в число турецких подданных. Венский двор не захочет также, чтобы тот же самый росчерк пера навязал России жестокую необходимость лишить своего покровительства народ, который пользуется им в течение века и который добровольно бросился в ее объятия.

Все только что сказанное в отношении Систовского договора вполне может быть применимо к договорам и соглашениям Порты с бывшей Венецианской республикой, так как эта последняя имела столь же мало прав распоряжаться Черногорией, как и любая другая держава Европы. Если черногорцы всегда ненавидели турецкое иго, они показали, что они не менее стремились оградить свою независимость от посягательств венецианцев и они следовали этой линии поведения с таким же успехом.

Что же касается Оттоманской Порты, то уже много лет она осведомлена о покровительстве, оказываемом Россией Черногории, и еще недавно, когда хорошо известные чрезвычайные обстоятельства вызвали необходимость отправить туда графа Ивелича, мы не преминули поставить в известность оттоманское министерство об истинной цели его миссии. Поскольку Порта отлично осведомлена о политическом существовании Черногории и не скрывает от себя, что эта страна совершенно от нее не зависит, ее связи с Россией вряд ли могут вызывать какие-либо подозрения. На этот счет у ближайшего союзника императора не должно быть никаких опасений, и е. и. в-во охотно берется ответить на все претензии, которые могли бы быть ему предъявлены Портой в отношении этой страны.

Теперь перейду к мотивам, которые приводит венский двор в упомянутой депеше графа Кобенцля с целью обоснования необходимости принятия серьезных мер в отношении Черногории и, главным образом, против митрополита. Я уже говорил выше, но будет небесполезно повторить это еще раз, что уже более века Черногория находится под покровительством России. Если в результате единодушного волеизъявления жителей, имевшего недавно место в этой стране, наше влияние там упрочилось, то венский двор, как нам кажется, должен был бы вместе с нами радоваться этому успеху, так как тем самым мы получаем возможность еще более укрепить отношения дружбы и доверия, существующие между двумя странами.

Вспомнив неопровержимые доказательства неизменности и искренности намерений е. и. в-ва в этом отношении, данные им венскому двору в разное время, последний легко сможет убедиться, что верный своим принципам наш августейший государь в том, что касается Австрии, использует свое влияние в Черногории лишь для сохранения добрососедских отношений этой страны с соседними провинциями, находящимися под властью Австрии. Поскольку е. и. в-во может рассчитывать на нерушимую приверженность к нему черногорцев и имеет достаточно оснований полагать, что их митрополит искренне вернулся на путь исполнения своего долга, он не колеблясь ручается перед венским двором за дальнейшее поведение черногорцев, если только тайные происки и подстрекательства извне не помешают его стараниям. Поскольку, таким образом, суровые меры становятся совершенно излишними, императорский и королевский двор может употребить свои силы в других местах, которые, по нашему мнению, скорее должны привлечь его внимание.

Рассматривая, таким образом, вопрос об указанных мерах и о мотивах, внушивших венскому двору мысль о них, император с особым удовлетворением встретил заверения, данные нам графом Стадионом, в том, что императорский и королевский двор никогда не покусится на Черногорию и не позволит себе какого бы то ни было посягательства на территориальную целостность этой страны. Поскольку е. и. в-во целиком полагается на общеизвестное прямодушие своего близкого союзника, ему не нужно других доказательств, чтобы быть абсолютно спокойным на этот счет, и он желает только, чтобы в Вене также не беспокоились относительно предполагаемых происков митрополита, так как более чем вероятно, что этот последний, видя непоколебимую приверженность своих соотечественников к России и достаточно хорошо зная характер отношений, существующих между двумя императорскими дворами, отныне будет воздерживаться от любых действий, которые могли бы дать венскому двору повод для каких-либо жалоб на него. Во всяком случае, если случится, что он забудет последний урок, который мы ему дали, и займется новыми интригами, можно надеяться, что в лице русского представителя всегда будет иметься страж, достаточно бдительный для того, чтобы вовремя обнаружить и расстроить их.

Что касается консула Мазуревского, то, поскольку он получал строгие и неоднократные замечания за свое поведение, несомненно, что он изменит его к лучшему в желательном для венского двора смысле. Если, однако, вопреки всякому ожиданию, он по-прежнему будет давать справедливые поводы для недовольства им, императорское и королевское министерство может быть уверено, что мы будем готовы покончить с этим, дав другое назначение г-ну Мазуревскому.

Ответив, таким образом, на все пункты депеши, касающейся черногорских дел, содержание которой сообщил нам граф Стадион, я должен просить в. с-во также сообщить in extenso содержание настоящего письма вице-канцлеру двора и государства.

Прежде чем закончить, я должен еще передать Вам, г-н граф, решение императора относительно данных черногорцами консулу Мазуревскому полномочий выступать посредником перед австрийскими властями в Которе всякий раз, когда у черногорцев возникнет необходимость принести какую-либо жалобу.

Е. и. в-во весьма желает, чтобы венский двор согласился на это посредничество, поскольку он уверен в том, что если черногорцы подчинятся юрисдикции русского консула в Которе, то их частые ссоры с австрийскими подданными могут быть не только предупреждены усилиями этого агента, но даже источник их будет устранен. Дружба и союз, объединяющие обоих государей, дают нам основания надеяться, что по этому предмету в Вене не встретится

никаких затруднений. Добавлю к этому то соображение, что прецедент уже имеется: все державы Европы признали такое право за е. и. в-вом в отношении Республики Семи островов, и император нисколько не сомневается, что его августейший союзник и на этот раз выкажет себя не менее любезным.

Вследствие этого е. и. в-во поручает Вам, г-н посол, незамедлительно запросить об этом официальным письмом австрийское министерство с целью получить необходимые распоряжения для властей в Которе относительно компетентности г-на Мазуревского выступать посредником в пользу черногорцев.

Имею честь...

84. Александр I
президенту Соединенных Штатов Америки Т. Джефферсону

20 декабря 1804 г. (1 января 1805 г.)

Monsieur. J'ai vu avec plaisir par Votre lettre du 15 juin passé[132] la justice que Vous rendez aux sentiments qui m'engagèrent à interposer mes bons offices pour la restitution de la frégate américaine, échouée sur les côtes de Tripoli, et il m'a été particulièrement agréable, en donnant à une nation respectable cette marque de ma considération, d'avoir pu contribuer à Votre satisfaction personnelle.

Je désire que ce témoignage non équivoque de mes bonnes dispositions serve à augmenter les relations commerciales qui commencent à s'établir entre les deux pays; il doit être pour Vos concitoyens un gage de l'hospitalité, de la protection et des prérogatives dont ils jouiront toujours dans mes Etats. Je partage Votre opinion sur un acte qui ne saurait rien y ajouter et je compte d'autant plus sur la réciprocité de la part du gouvernement des Etats-Unis envers mes sujets, que sa sagesse ne me laisse aucun doute sur la sincérité des assurances que Vous me donnez à cet égard. De tout temps j'ai nourri une haute estime pour Votre nation qui a su faire de son indépendance l'emploi le plus noble en se donnant une constitution libre et sage qui assure le bonheur de tous et d'un chacun.

Extrêmement sensible à l'intérêt que Vous me témoignez prendre au bien-être et à la prospérité de la Russie, je crois ne pouvoir mieux exprimer combien mes sentiments envers les Etats-Unis sont réciproques sous ce rapport, qu'en faisant des vœux pour qu'ils conservent longtemps à la tête de leur administration un chef aussi vertueux qu'éclairé.

C'est avec un vrai plaisir, monsieur, que je me trouve avoir l'occasion de Vous assurer de ma considération toute particulière.

Sur ce je prie dieu...

Помета Александра I: Быть по сему.
Ноября 3 дня 1804 г.

Подписано и вручено генеральному консулу Ловетту Гаррису на конференции 20 декабря 1804 г.

Печат. по отпуску.
Опубл. на русск. яз. «Новая и новейшая история», 1959, № 2, стр. 154—155.

Перевод

Милостивый государь. Я с удовольствием увидел из Вашего письма от 15 июня сего года[132], что Вы отдаете должное чувствам, которые побудили меня оказать добрые услуги в деле возвращения американского фрегата, потерпевшего крушение у берегов Триполи, и я особенно рад, что, засвидетельствовав этим мое уважение к столь достойной нации, я мог сделать приятное и лично Вам.

Я желал бы, чтобы это недвусмысленное свидетельство моего доброго расположения способствовало расширению торговых отношений, которые начинают устанавливаться между нашими двумя странами; оно должно послужить для Ваших сограждан залогом того, что они всегда будут пользоваться гостеприимством, покровительством и привилегиями в моих владениях. Я разделяю Ваше мнение о том, что заключение какого-либо акта вряд ли что-либо дало бы дополнительно к этому, и я с тем большим основанием рассчитываю на взаимность со стороны правительства Соединенных Штатов по отношению к моим подданным, что его мудрость не оставляет у меня никаких сомнений относительно искренности Ваших заверений на этот счет. Я всегда питал высокое уважение к Вашему народу, который сумел самым благородным образом воспользоваться своей независимостью, выработав себе свободную и мудрую конституцию, обеспечивающую счастье всех и каждого в отдельности.

Будучи чрезвычайно тронут тем интересом, который Вы проявляете к благосостоянию и процветанию России, я полагаю, что наилучшим образом засвидетельствую взаимность моих чувств к Соединенным Штатам, высказав пожелание, чтобы во главе их правительства как можно дольше находился руководитель столь же добродетельный, сколь и просвещенный.

С искренним удовольствием я пользуюсь этим случаем, чтобы заверить Вас, милостивый государь, в моем совершенно особом к Вам уважении.

Засим возношу молитву господу богу...

85. Министр иностранных дел А. Р. Воронцов государственному секретарю Соединенных Штатов Америки Д. Медисону

20 декабря 1804 г. (1 января 1805 г.)

Monsieur. J'ai reçu la lettre que Vous avez bien voulu m'adresser en date du 10 juin passé [133] et je n'ai pas manqué de mettre sous les yeux de l'empereur les expressions de gratitude, qu'elle contenait de la part de la nation américaine et de son président. S. m. i. a voulu en témoigner elle-même sa satisfaction par la lettre que j'ai ordre de Vous transmettre pour M^r^ le président. Je ne puis rien y ajouter qui Vous fasse mieux connaître les dispositions favorables de mon souverain à fomenter, autant qu'il dépendra de lui, les relations de commerce et de bonne intelligence avec les Etats-Unis de l'Amérique. Ses principes connus sont un garant assuré de la protection sur laquelle peuvent compter les négociants d' une nation qui a su commander son estime, et c'est avec une véritable satisfaction, qu'en me trouvant l'interprète de ces sentiments, je profite de cette occasion pour Vous exprimer moi-même toute l'étendue de ceux avec lesquels j'ai l'honneur...

Подписано канцлером и вручено на конференции генеральному консулу Ловетту Гаррису 20 декабря 1804 г.

Печат. по отпуску.

Перевод

Милостивый государь. Я получил письмо, которое Вы соблаговолили мне направить 10 июня с. г.[133], и я не преминул представить государю императору это послание, содержащее выражения признательности от имени американской нации и ее президента. Е. и. в-во пожелал лично выразить свое удовлетворение в письме, которое мне приказано переслать Вам для вручения г-ну президенту. Я не могу добавить к нему ничего, что могло бы лучше выразить добрые намерения моего государя поддерживать, насколько это зависит от него, торговые отношения и доброе согласие с Соединенными Штатами Америки. Общеизвестные принципы е. и. в-ва являются надежной гарантией того, что купцы нации, сумевшей завоевать его уважение, смогут рассчитывать на покровительство. Я очень рад тому, что, сообщая о чувствах е. и. в-ва, я могу воспользоваться этим случаем, чтобы выразить Вам и всю глубину моих личных чувств, с которыми имею честь...

86. Полномочный представитель при Республике Семи Соединенных островов Г. Д. Моцениго товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

20 декабря 1804 г. (1 января 1805 г.)

Monseigneur. Notre consul à Prévésa me marque que la Porte a autorisé Aly-pacha d'envoyer prendre à main armée dans l'Albanie ci-devant Vénitienne tout individu qui serait par lui regardé comme criminel; les habitants du pays en sont avec raison très alarmés.

Votre altesse est déjà prévenue par M^r le général d'Anrep des mesures qu'il a cru devoir adopter au sujet de l'organisation des Sulliotes[134]. Comme il est fort à croire que la Porte puisse s'en alarmer, j'ai cru en devoir prévenir M^r d'Italinsky, me référant aux motifs qui ont déterminé ce général à procéder à la formation de ce corps. Je me suis d'autant plus empressé de le faire et d'engager même M^r d'Anrep d'en écrire de conformité à notre ministre à Constantinople, qu'il me semble de voir dans les agents anglais, nouvellement arrivés ici, une espèce de froideur qui paraît tenir à une jalousie assez prononcée et telle, enfin, à me faire même soupçonner que les insinuations du gouvernement français ne seraient peut-être pas les seules, ni les moins efficaces qui se trouvent mises en action auprès du Divan pour nous contrecarrer.

J'ai l'honneur...

C[omte] G. Mocenigo

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивейший государь. Наш консул в Превезе сообщает мне, что Порта уполномочила Али-пашу посылать вооруженных людей в бывшую венецианскую Албанию, чтобы задерживать каждого, кого он будет рассматривать как преступника; местные жители не без основания очень этим встревожены.

Вы, Ваша светлость, уже были предупреждены г-ном генералом Анрепом о мерах, которые он счел нужным принять в деле организации сулиотов[134]. Так как нужно думать, что Порта может быть этим встревожена, я счел необходимым предупредить об этом г-на Италинского, приведя мотивы, побудившие генерала Анрепа приступить к формированию этого отряда. Я с тем большей поспешностью сделал это, побудив даже г-на Анрепа написать о том же нашему посланнику в Константинополе, что недавно прибывшие сюда английские агенты проявляют, как мне кажется, известную холодность, которая, по-видимому, объясняется ревностью, настолько заметной, что я даже подозреваю, что внушения французского правительства, быть может, не являются ни единственными, ни наименее действенными из тех, которые делаются Дивану с целью противодействовать нам.

Имею честь...

Граф Г. Моцениго

Фридрих-Вильгельм III Александру I

4 января 1805 г.

Объясняет создание провиантских складов у русских границ и закупки зерна необходимостью пополнить провиантские склады в других провинциях Пруссии, зерно из которых было продано из-за неурожая. Заверяет Александра I в своих самых дружеских чувствах.

Bailleu, Correspondance inédite, p. 55—57.

87. Н. Н. Новосильцев Александру I

№ 3 *Лондон, 24 декабря 1804 г. (5 января 1805 г.)*

Всемилостивейший государь. В последнем донесении моем в. и. в-ву я имел щастие представлять, что все предварительные разговоры мои с министрами, которые некоторым образом вызывали их мнения на те предметы, о коих должно было с ними согласиться, заставили меня думать, что я не встречу больших затруднений, а еще менее невозможности заставить здешний кабинет руководствоваться в политических делах своих теми правилами, которые в. и. в-ву угодно ему внушить. Последствие показало, что я в заключениях моих не ошибся. Прилагаемый при сем под лит[ером] «*А*» перечень* весьма подробного рассуждения моего о всех началах к сему предмету относящихся может служить сему полным доказательством. В. и. в-во изволите усмотреть из оного, что я не упустил из виду ничего, окроме *мореходного Кодекса*, о коем теперь говорить было бы еще не у места. Но я могу Вас, всемилостивейший государь, уверить, что когда правила в. в-ва будут приняты здешним кабинетом за основание действий его, то при помощи того способа, который я придумал и о коем в. в-ву в свое время донесу, все нужные перемены, служащие к охранению *Народной Правоты***, могут мало-по-малу с удобностию введены быть в сей кодекс, как естественные последствия принятых правил. Г-н Питт, читая сей перечень, был весьма оным доволен и нашел его точным и верным изображением нашего разговора. Малые перемены, которые он желал, чтобы я сделал, и некоторые пополнения, означенные на поле перечня, как в. в-во изволите сами усмотреть, не имеют другой цели, кроме той, чтобы дать его словам более силы и весу. По окончании чтения он мне сказал, что в письме, которое он собирается писать к графу Воронцову о том же самом предмете, ему не остается ничего иного сказать, как только повторить те же самые мысли иными словами.

От прозорливости в. и. в-ва, конечно, не укроется, что я не иначе мог успеть заставить здешнее министерство принять все правила в. в-ва во всей их полноте и представить оные в том естественном порядке, который им принадлежит, как чрез непосредственное мое с министрами, а особливо с г-ном Питтом, сношение. Сколь трудно было до сего достигнуть, не оскорбив честолюбия графа Воронцова и не вооружив его противу себя; сколь много стоило мне беспокойств, чтобы удалить его подозрения и успокоить его воображение на щет всех моих сношений, а особливо с принцом Валлийским и с лордом Мойра, а теперь с Фоксом[135]; какие способы и какие извороты я должен был употреблять, о том входить в подробности обременять оными в. в-во было бы неприлично: довольно, ежели я скажу, что труднее, беспокойнее для духа и неприятнее я ничего еще не встречал; и притом донесу, что не взирая на затруднения, которые мне предстояли, я ни разу не выступил из предел тех правил, которые в. в-ву угодно было дать мне в руководство***.

В. в-ву угодно было, чтобы здешний кабинет согласился на все те начала, на которых Вы, всемилостивейший государь, желаете основать союз свой с Англиею. Перечень моего разговора* и письмо[136] г-на Питта к графу Воронцову доказывают, что министерство здешнее не токмо на все сии начала согласно, но и готово утвердить оные актом. Вам угодно было, чтобы все сие устроилось без огорчения графа Воронцова: последние его донесения

* См. док. 79.
** Имеется в виду термин «droit des gens» — «международное право» (*фр.*).
*** См. док. 50, 51.

и письма могут удостоверить, что он почитает приезд мой сюда и пособие мое весьма щастливым для себя обстоятельством. Вам угодно было, чтобы г-н Питт мне во всем содействовал и внушал бы от себя графу Воронцову все то, что без сего могло бы встретить со стороны его затруднения. Не обременяя в. в-во исчислением всех тех случаев, в которых я имел со стороны его опыты такого роду содействия, донесу только, что все бумаги, которые находились при мне относительно перемен и пополнений, которые кабинет наш намеревался сделать при возобновлении трактата с Оттоманскою Портою[81], равно как особенные статьи в рассуждении Ионической республики и греческого народа*, были сообщены мною прежде, нежели г[ра]ф Воронцов знал о том что-либо, г-ну Питту, который, найдя оные перемены весьма полезными, начал первый говорить о том г[ра]фу Воронцову, выдав оное за собственную свою идею, которая пришла ему в последствии моего с ним разговора. Вам угодно было, всемилостивейший государь, чтобы г[раф] Воронцов вошел совершенно в Вашу систему, дабы способности и дарования его могли быть употреблены в пользу оной и все окончательные дела совершены им самим, в. и. в-во, прочтя со вниманием перечень моего разговора с Питтом, со всеми принадлежащими к нему приложениями*, с которого г[раф] Воронцов имеет у себя копию, и притом взяв в соображение, что г-н Питт совершенно согласен с мнением в. в-ва и весьма горячо входит в приведение всех мыслей Ваших в исполнение, легко усмотреть изволите, с одной стороны, что теперь графу Воронцову система Ваша открыта так, что нет ни малейшей нужды скрывать от него ничего такого, в чем содействие его может быть полезно, и что все переговоры с министерством относительно всех тех пунктов, которые заключаются в приложениях, пойдут чрез его посредство; а с другой, что он примется за все оное весьма горячо, тем более что он представляет себе, что многие предположения Вашей системы были заимствованы от него. Наконец, в. в-ву угодно было, чтобы система Ваша получила нужную прочность: министерство усилилось, и дарования известных здесь государственных людей употреблены были в пользу Вашего предприятия; на сей конец нужно было Фокса или, по крайней мере, Гренвиля ввести в министерство. Министерство усилилось тем, что Аддингтон и партия его присоединилась теперь к Питту, чем оно выиграло по малой мере 25 голосов. Система Ваша получит нужную прочность и не встретит никакого супротивления в *оппозиции*, потому что принц Валлийский обещал мне при лорде Мойра, когда все приходить будет к окончанию, дать свое честное слово или, как он говорит, sa parole de cavalier, что он, со своей стороны будет всеми мерами содействовать во всем, что к утверждению оной служить может, и что он по вступлении на великобританский престол будет свято и ненарушимо оную сохранять. Лорд Мойра — тот человек, который при перемене царствования, конечно, более всех будет иметь силы и влияния в делах,— по выслушании от меня всех оснований, на которых в. в-ву угодно утвердить прочный союз с Англиею, уверял меня, что он ничего не знает соответственнее благу человеческому вообще и пользам обеих государств в особенности, почему и берет на себя обет защищать всегда всеми силами сию систему. Г-н Фокс, с которым я должен иметь свидание в будущий понедельник, судя по всему, что до меня по сие время доходило, будет также один из ревностнейших оной содействователей. Таким образом, когда система в. в-ва всем сим *leading men* будет известна, и они за введение оной примутся горячо, то сверх той выгоды, что дарования их, не взирая на то, что они в оппозиции, будут употреблены в пользу благотворительных намерений Ваших; самая вящая выгода и которая ни с чем сравниться не может, будет та, что они строгим наблюдением своим за действиями министерства не допустят оное ни в каком случае отступить от принятых начал; тогда система

в. в-ва сделается здесь *национальною системою*, и пока в. в-во не отступите от правил своих, здешнее министерство, как бы оно составлено ни было, не осмелится ни в каком случае противиться Вам ни в чем. Итак, не взирая на то, что король не соглашается на введение Фокса в министерство по причине той, что он однажды вымарал его из списка тайного совета и что лорд Гренвиль, несмотря на все убеждения графа Воронцова, по упрямству своему не соглашается вступить в оное, предмет в. в-ва не токмо не пострадает от сего обстоятельства, но еще выиграет, ибо он выполнится с большею действительностью.

Возвращаясь к г-ну Питту, я имею щастие в. и. в-ву донести, что последствием его переговоров со мною и с графом Воронцовым было то, что он заготовил проект конвенции[187] между обоими дворами, с которого, конечно, с нынешним же курьером будет доставлена в. в-ву копия от графа Воронцова. Я считал, что несравненно удобнее будет приближиться как можно более к цели, ежели о сем предмете будет трактовано и конвенция окончательно совершена в С.-Петербурге под непосредственным надзором в. в-ва; а потому просил г-на Питта, чтобы в инструкции, которую получит лорд Гоуер по сему предмету, полномочие его распространено было как можно более, так чтобы он не был затруднен согласиться принять все те перемены, кои, не имея ничего противного тем основаниям, на которые мы с ним согласились, будут со стороны нашего кабинета предложены, что г-н Питт и обещал сделать. Полномочие его будет также распространено и на основание тех правил, по которым обе державы намерены поступать во время войны и при восстановлении государств, потерявших свою независимость, которые правила могут быть помещены частию в особливых, а частью в секретных статьях. Что же касается до системы, которую обе державы будут хранить по окончании войны и по восстановлении вышеупомянутых государств, то г-н Питт согласно основаниям, на которых мы согласились, хотел заняться заготовлением проекта трактата.

Отдав, таким образом, в. и. в-ву полный отчет в моих действиях, я почитаю за нужное Вам, всемилостивейший государь, донести, что успех мой и удобность, которую я нахожу здесь, привесть все благотворительные намерения в. в-ва в действие, превзошли мое ожидание. Г-н Питт действительно не тот человек, каким иногда неловкость здешнего кабинета, взаимные недоразумения обоих дворов, подозрения, которые от того происходили и оставались неразрешенными, и неосновательные донесения, нередко из собственной головы взятые, его представляли. Он человек весьма возвышенных чувствований, твердый и всегда готовый на все, что большие и благонамеренные виды в себе заключает; сие расположение тем сильнее в нем действует, что он внутренно убежден, что общее спокойствие и тишина в Европе, огражденная порядком вещей, основанным на твердых и справедливых правилах, есть выгоднейшее состояние как для торговли, промышленности, так и вообще для благоденствия Англии, одним словом,— лучшая для Англии политика. Ежели присовокупить к сему то, что истина сия врезана столь глубоко и, так сказать, неизгладимыми чертами в чувствования всех рассудительных здесь людей, коих число так велико, что можно почти сказать в чувствования целой нации, а притом взять в рассуждение ту доверенность, которую в. в-во приобрели в здешнем народе благонамеренными видами своими, изъявляющими открыто ревностное и самое чистосердечное желание восстановить общую тишину и доставить каждому государству принадлежащий ему удел безопасности и благоденствия, равно и настоящее положение обеих дворов, кои, положив в основание общие начала и одинакия правила, стремиться будут со всею откровенностью к одной и той же цели, то невозможно не согласиться в том, что ни в какое царствование

Россия не могла бы постановить столь твердой ноги в здешней земле и иметь чего-либо подобного тем щастливым обстоятельствам, в которых она теперь находится, для достижения вышней степени величия своего и достоинства между европейскими державами; равным образом, едва ли есть хотя один пример во всей истории такого единственного стечения обстоятельств, которое предстоит Вам, всемилостивейший государь, для утверждения славы своей на самом прочном и незыблемом основании, на признательности всего рода человеческого, которая должна быть наградою и неизбежным последствием достижения цели Вашей. А посему всяк, кто чувствует долг свой к пользам человечества вообще и к пользам государства своего в особенности, кто привержен к особе в. в-ва не по наружности одной, но по внутренним чувствованиям сердца своего в самых сокровеннейших его сгибах, по внутреннему убеждению, что царствование в. и. в-ва есть источник собственного благоденствия его и предвестник блаженства всего государства, тот не может не желать, чтобы в. в-во, пребыв твердым и непоколебимым в своих предприятиях, воспользовались тем случаем, который теперь к приведению оных в действие Вам, всемилостивейший государь, открывается; случай, который едва ли может встретиться один раз в несколько веков.

Чувствительному сердцу в. и. в-ва, конечно, весьма свойственно желать, чтобы благотворительные намерения в. в-ва выполнились без пролития крови и без тех бедствий, коими всегда сопровождается война; но ежели Вы, всемилостивейший государь, возьмете в рассуждение, с одной стороны, что опытами многих веков и основательными наблюдениями дознано, что вообще средства заключаются большею частию в действиях, свойствам того предмета, который обращает на себя внимание, противоположных, а с другой, что исступление Бонапарте, как то видно было из примеров, есть такого роду, что ничто, кроме видимой опасности и надежды избежать оной, не может обуздать оное или, по малой мере, привесть в некоторые границы, то от прозорливости в. в-ва, конечно, не укроется, что сие самое желание Ваше тогда только может совершиться, когда Бонапарте увидит, что Вы, всемилостивейший государь, не только что действительно расположены, но и совершенно готовы силою оружия многочисленного войска доставить Европе то справедливое удовлетворение, которое она до сего времени тщетно ожидала от его доброй воли. Впрочем, что принадлежит до моего мнения, то я почти уверен, что совершение союза с Англиею и потом с другими державами и сильное приуготовление к войне с решительным намерением в скорейшем времени начать оную, заставит Бонапарте в нынешнее время согласиться на все кондиции, какие для общей безопасности захотят от него потребовать, лишь бы во всем оном поступлено было с тою твердостию и с тем искусством, которое к сему потребно.

Верноподданный Николай Новосильцев

Печат. по подлиннику.

88. Посол в Вене А. К. Разумовский товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

№ 185 *25 декабря 1804 г. (6 января 1805 г.)*

Mon prince, le nonce apostolique me fit demander jeudi passé un entretien. J'ignorais absolument quel pouvait être le motif de cette démarche. Toutefois, nous prîmes heure, et il vint m'annoncer, qu'il avait reçu par le dernier courrier de la chancellerie d'Etat des ordres du pape. Qu'ils consistaient à me

consigner une lettre [188] du saint père pour s. m. l'empereur notre auguste maître ; et que cet écrit était motivé par le succès que venaient d'avoir à Paris les instances de Pie VII, qui depuis son arrivée dans cette capitale n'avait cessé de travailler à l'élargissement du chev[alie]r de Vernègues, qu'enfin il l'avait obtenu et que ce dernier devait déjà être en route pour se rendre par Vienne à St.-Pétersbourg. Que cette conduite, qui répare aujourd'hui ce que le pape n'avait pas pu empêcher précédemment, serait sans doute appréciée par Alexandre I, et que le saint père espérait avec confiance qu'elle servirait à rétablir des relations, qui, à son inexprimable regret, avaient malheureusement été interrompues dans des circonstances imminentes. J'évitai d'entrer, à cet égard, dans aucune explication avec le nonce. Je me bornai à lui observer que la manière, dont il s'acquittait de ses injonctions, n'était pas dans les formes usitées, qu'ordinairement on joignait aux lettres de cabinet une copie ouverte et que sans cela il n'était guère permis de se charger de leur transmission. Le nonce me répondit qu'il convenait que c'était une omission, mais une omission sans doute involontaire du cardinal Antonelli, qui fait dans ce moment-ci les fonctions de secrétaire d'Etat près du pape, et qu'il suppléerait à ce défaut de formalité par une note [189], dans laquelle il me communiquerait, d'après ses dépêches particulières, l'objet de la lettre en question. J'ai reçu cette note, et je la joins ici ainsi que la missive du pape. Il serait superflu d'y ajouter tout ce que le nonce, du ton bénin qui le caractérise et dans son langage tout particulier, y a ajouté de sa satisfaction personnelle d'en voir les choses à ce point et de pouvoir espérer le rétablissement de l'ancien accord entre Rome et Pétersbourg.

J'ai l'honneur...

C[omte] A. Rasoumoffski

Получено 5 генваря 1805 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Г-н князь, в прошлый четверг папский нунций обратился ко мне с просьбой принять его. Мне совершенно не были известны мотивы этого демарша. Тем не менее мы договорились о времени встречи, и когда он пришел ко мне, то сообщил, что им получен с последним курьером государственной канцелярии ряд распоряжений папы, в соответствии с которыми он должен вручить мне письмо [188] святого отца для передачи е. в-ву императору, нашему августейшему государю. Он заявил далее, что это послание вызвано успехом недавних настояний Пия VII в Париже, где он неустанно добивался с момента своего приезда в эту столицу освобождения кавалера Вернега; что папа, наконец, добился его освобождения, и Вернег должен быть уже на пути в Петербург через Вену; что эти действия, исправляющие сегодня то, чему папа не мог помешать прежде, будут, несомненно, по достоинству оценены Александром I и что святой отец надеется, что они помогут восстановлению отношений, которые, к его невыразимому сожалению, были несчастным образом прерваны в силу совершенно не зависевших от него обстоятельств. Я уклонился от каких бы то ни было объяснений с нунцием на этот счет. Я ограничился замечанием, что то, как он исполнил данные ему предписания, не соответствует общепринятым формам; что к кабинетным письмам обычно прилагаются открытые копии, без которых, как правило, не разрешается брать на себя их передачу. Нунций ответил мне, что он согласен с тем, что это является упущением, но упущением, безусловно, непреднамеренным, кардинала Антонелли, который в данный момент выполняет обязанности государственного секретаря при папе; и что он исправит это нарушение формальностей, направив мне ноту [189], в которой он сообщит мне в соответствии с имеющимися у него депешами о предмете письма, о котором идет речь. Я получил эту ноту и прилагаю ее вместе с посланием папы. Было бы излишним добавлять к этому все то, что нунций в характерном для него благочестивом тоне и свойственным ему языком говорил о своем личном удовлетворении в связи с тем, что дело приняло такой оборот и что можно надеяться на восстановление прежнего согласия между Римом и Петербургом.

Имею честь...

Граф А. Разумовский

1805

89. Русско-шведская конвенция о совместных действиях по обороне Северной Германии[140]

2(14) января 1805 г.

Au Nom de la très sainte et indivisible Trinité

L'introduction des troupes françaises en Allemagne, nonobstant la neutralité de cet Empire, la gêne imposée à son commerce, le dépouillement du Hanovre, les exactions exercées sur les villes anséatiques qui en ont été les suites, ayant donné la mesure des procédés attentatoires au droit des Nations, que le Gouvernement français se permet à leur détriment et ne laissant aucun doute sur l'extension qu'il peut donner à ses occupations, sous des prétextes aussi frivoles que ceux qui lui ont servi de motif à prendre possession du Hanovre et du baillage de Ritzebutel[141], ont dès leur début attiré toute l'attention de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et de Sa Majesté le Roi de Suède. Les projets les plus injustes pouvant naturellement être conçus par un gouvernement, qui ne se règle que d'après sa convenance, et le désir de la clôture du Sund au pavillon marchand anglais ayant déjà été manifesté par Bonaparte, il est à prévoir que c'est en s'emparant du littoral méridional de la Baltique, qu'il cherchera à y forcer les puissances riveraines de cette mer. C'est donc à l'empêcher de s'y établir que Leurs Majestés ont trouvé juste et convenable d'apporter Leurs soins et à faire cesser en Allemagne un état de choses, que Leur qualité de garants de la constitution de cet Empire[142] ne leur permet pas d'envisager avec indifférence. A ces motifs communs se joint de plus pour Sa Majesté Suédoise le danger, auquel la Poméranie Suédoise est exposée, et dont la sûreté est essentiellement compromise par le séjour des troupes françaises dans le Nord de l'Allemagne.

Leurs Majestés ayant ainsi également senti la nécessité de s'opposer à tout empiétement ultérieur des Français dans ledit pays sont unanimement convenues d'unir Leurs efforts à cet effet; et considérant que le Traité d'alliance défensive qui existe entre la Russie et la Suède[17] ne contient qu'un octroi de secours mutuels qui pour le cas présent serait insuffisant, ont jugé à propos d'établir un concert de mesures communes par une Convention particulière à cet objet. A cet effet Elles ont choisi et nommé pour Leurs plénipotentiaires Sa Majesté Impériale—le Sieur Prince Adam de Czartoryski, Conseiller privé, Ministre adjoint des affaires étrangères, Membre de la Direction générale des Ecoles, Curateur de l'université Impériale de Vilna et de son district, Lieutenant du grand Prieur de l'Ordre Souverain de St. Jean de Jérusalem du prieuré catholique russe et Chevalier de l'Ordre de Ste. Anne et Commandeur de celui de St. Jean de Jérusalem, et le Sieur de Tatistcheff, Conseiller privé, Chambellan actuel, ministre plénipotentiaire près Sa Majesté le Roi des deux Sicilles, ayant séance au collège impérial des affaires étrangères, Chevalier de

l'Ordre de Ste. Anne, grande Croix de celui de St. Wladimir de la seconde classe, de St. George de la quatrième et Commandeur de l'Ordre Souverain de St. Jean de Jérusalem; et Sa Majesté Suédoise—le Sieur Baron Court Louis Bogislas Cristophe de Stedingk, un des Seigneurs du Royaume de Suède, Son ambassadeur extraordinaire auprès de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, Lieutenant Général dans ses armées, Chambellan, Chevalier et Commandeur de Ses Ordres, Chevalier grand Croix de son ordre de l'Epée et Chevalier de ceux de St. André, de St. Alexandre Newsky, de Ste. Anne de la première classe, et de celui de France pour les mérites militaires; lesquels après l'échange de leurs pleins pouvoirs sont convenus des articles suivants.

Article I

Si à la suite de la mésintelligence qui existe présentement entre la Suède et la France, le Gouvernement français se portait à une attaque contre les provinces allemandes de Sa Majesté Suédoise, le Traité d'alliance de Gatschina entre la Russie et la Suède ayant prévu ce cas et Sa Majesté Impériale voulant en remplir avec fidélité toutes les stipulations, le but du présent Concert sera d'empêcher les troupes françaises de s'étendre hors la ligne qu'elles occupent maintenant dans le Nord de l'Allemagne, et de travailler même à procurer à ce pays son entière délivrance. Dans le cas donc, que de nouveaux empiétements de la part de ces derniers décidassent Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies à y faire passer une armée de quarante à cinquante mille hommes, Sa Majesté le Roi de Suède s'engage d'y joindre vingt à vingt-cinq mille hommes de Ses propres troupes.

Article II

Dans le cas que Sa Majesté Impériale jugeât avantageux pour le succès des mesures communes, qu'il s'agit de concerter par la présente Convention, de faire passer par la voie de mer une partie de ses troupes destinées à agir dans le Nord de l'Allemagne, Sa Majesté le Roi de Suède invite Son auguste Allié à se servir pour le débarquement desdites troupes des Ports de la Poméranie Suédoise et spécialement de celui de Stralsund, jusqu'à ce que l'on se soit assuré d'autres points de débarquement aussi sûrs que commodes; mais comme le nombre des embarcations nécessaires pour le transport des troupes russes est trop considérable pour qu'il soit possible de les trouver en totalité au moment du besoin dans les Ports russes de la Baltique, Sa Majesté le Roi de Suède voulant donner à Sa Majesté Impériale un témoignage de Son désir de ne rien épargner de ce qui pourrait contribuer au succès de la chose commune s'engage de faciliter, par des ordres qu'elle fera donner à cet effet aux propriétaires de vaisseaux suédois, le frètement de leurs navires pour le compte de Sa Majesté Impériale et de faire surveiller la conduite de ces derniers de manière qu'ils ne puissent abuser des circonstances et augmenter trop le prix du fret.

Article III

Aussitôt que l'armée russe se sera réunie et formée en avant de la Poméranie Suédoise et aura ainsi mis cette province hors de toute atteinte, Sa Majesté le Roi de Suède la fera joindre par Ses troupes (lesquelles seront, ainsi qu'il est dit plus haut, au nombre de vingt à vingt-cinq mille hommes) pour opérer conjointement d'après un plan qui sera préalablement arrêté, à l'effet de produire l'entière évacuation du territoire germanique, et replacer les troupes françaises au delà des limites de l'Empire d'Allemagne.

Article IV

Pour éviter tout mésentendu sur le moment, où les opérations combinées doivent commencer, il est arrêté, que le *Casus foederis* échoit aussitôt que les troupes françaises stationnées dans l'Electorat d'Hannovre auront dépassé la ligne derrière laquelle elles se trouvent maintenant, pour se porter, soit sur le Meklembourg, soit sur le Holstein ou sur le Duché d'Oldenbourg et la Seigneurie de Jever, lesquels pays étant attaqués soit isolément soit en général, les deux hautes parties contractantes procéderont sans perte de temps à leur délivrance et profiteront de leur succès, Dieu aidant, à repousser l'ennemi dans ses propres foyers.

Article V

La force de l'armée française qui occupe le Hanóvre devant annoncer ses projets plus ou moins agressifs, on attachera un œil vigilant sur sa formation et des renforts alarmants en marche pour le Hanovre serviront de signal pour que les deux hautes parties contractantes s'entendent sur l'époque du départ des troupes tant russes que suédoises.

Article VI

Les troupes russes pendant leur séjour dans la Poméranie Suédoise seront logées et chauffées par le pays. Le prix du bois livré aux troupes russes sera payé au même taux que celui livré aux troupes suédoises. Pour ce qui regarde les provisions de bouche et les fourrages comme la Cour Impériale de Russie se propose de faire suivre chaque expédition de troupes par des galiotes chargés de vivres, ces articles ne retomberont pas à la charge du pays. Cependant comme il pourrait facilement arriver que les bâtiments russes chargés de provisions seront retardés dans leur marche par quelque accident de mer, Sa Majesté le Roi de Suède s'oblige dans ce cas à faire livrer de Ses propres magasins aux troupes russes qui auront déjà débarqué en Poméranie, les vivres qui leur seront absolument nécessaires, la quantité reçue devant y être restituée aussitôt que les galiotes seraient arrivées.

Article VII

La partie de troupes Russes qui pourrait être casernée temporairement à Stralsund recevra le mot d'ordre du Commandant de la forteresse ; celle qui sera hors des murs de la ville ne relèvera que de son propre chef, lequel aura soin de se concerter avec le gouverneur de la province sur les positions qu'il sera dans le cas de faire prendre aux troupes russes, afin que ledit gouverneur puisse aviser aux arrangements économiques que les changements de positions pourront nécessiter.

Article VIII

Les troupes russes et suédoises étant formées en deux Corps d'armée dépendront séparément de leurs chefs respectifs; mais leurs opérations soit isolées, soit combinées, ne seront exécutées qu'après un accord préalable entre les deux officiers commandants. Lorsque les succès des deux armées alliées leur auront frayé le chemin à l'expulsion des Français du Nord de l'Allemagne, ou que les circonstances auront rendu utile une jonction soit générale des deux armées, soit partielle et par détachements on se réglera pour le commandement d'après l'article sept du Traité de Gatschina[97], en substituant à l'officier de la partie requérante l'officier du Corps principal, c'est-à-dire du Corps le plus fort en nombre d'hommes.

Article IX

Les hostilités une fois commencées les deux hautes parties contractantes s'engagent de la manière la plus positive et la plus formelle, à ne point poser les armes ni traiter d'accommodement avec le Gouvernement français que d'après un accord commun.

Article X

Les ratifications de cette Convention seront échangées à St.-Pétersbourg dans six semaines ou plus tôt si faire se peut[143].

En foi de quoi Nous soussignés en vertu de nos pleins pouvoirs avons signé la présente Convention et y avons apposé le cachet de nos armes. Fait à St.-Pétersbourg le 2(14) Janvier 1805.

(L.S.) Adam Prince Czartoryski (L.S.) Court Stedingk.
(L. S.) Dimitri Tatistscheff.

Premier Article séparé et secret

La conduite magnanime dont Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et Sa Majesté le Roi de Suède sont convenus de donner l'exemple, étant de nature à influer sur les déterminations des Cours avoisinantes et les engager à réunir leurs efforts à ceux de Leurs dites Majestés à l'effet de réprimer l'ambition du Gouvernement français, l'accroissement des moyens décidera de l'étendue des espérances qu'on pourra concevoir. En attendant les deux hautes parties contractantes conviennent d'admettre dans leur alliance les Puissances qui voudront y prendre part et Sa Majesté le Roi de Suède s'en remet à la sagesse de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies du soin de former ces liens nouveaux. Sa Majesté Impériale promet de Son côté à Son auguste Allié de ne point admettre dans le cas ci-dessus énoncé aucune stipulation contraire à l'esprit de la présente Convention. Cependant dans le cas que la Russie contractât avec quelque autre Puissance des engagements relatifs au but de la présente Convention, Sa Majesté Suédoise se réserve de ne les considérer comme obligatoires pour Elle qu'après qu'Elle y aura consenti.

Cet article séparé et secret aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans la Convention signée aujourd'hui et sera ratifié en même temps[143].

En foi de quoi Nous soussignés en vertu de Nos pleins pouvoirs avons signé le présent Article séparé et secret et y avons apposé le Cachet de nos armes. Fait à St.-Pétersbourg le 2(14) Janvier 1805.

(L. S.) Adam Prince Czartoryski. (L. S.) Court Stedingk.
(L. S.) Dimitri Tatistscheff.

Second Article séparé et secret

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies pour donner à Sa Majesté le Roi de Suède une preuve éclatante de Son amitié et de Son estime particulière soumet à Sa direction suprême au cas que Sa Majesté se trouve en Poméranie, les troupes russes qui agiront dans le Nord de l'Allemagne, bien entendu que le Général en Chef des troupes russes aura une part entière dans le secret et le plan général de la Campagne et que dans le cas que Sa Majesté Suédoise jugeât à propos de s'absenter de l'Armée, le Commandement en chef des armées tant russe que suédoise lui sera dévolu. En outre Sa Majesté Impériale se réserve de s'entendre avec Sa Majesté Suédoise sur les arrangements à prendre dans le cas

que les opérations ultérieures des troupes combinées Russes et Suédoises augmentassent le nombre des alliés et amenassent de nouvelles combinaisons.

Cet article séparé et secret aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans la Convention signée aujourd'hui et sera ratifié en même temps[143].

En foi de quoi Nous soussignés en vertu de Nos pleins pouvoirs avons signé le présent Article séparé et secret et y avons apposé le Cachet de Nos armes. Fait à St.-Pétersbourg le 2(14) Janvier 1805.

(L. S.) Adam Prince Czartoryski. (L. S.) Court Stedingk.
(L. S.) Dimitri Tatistscheff.

Troisième Article séparé et secret

Si par les soins de Sa Majesté Impériale on parvenait à combiner finalement et de concert avec une des principales puissances du Continent un plan général de mesures à l'effet de rétablir en Europe l'équilibre entièrement rompu par l'ambition démesurée de la France, les stipulations contenues dans la présente Convention deviendront obligatoires pour Sa Majesté le Roi de Suède qui s'engage par le présent Article additionnel de ne plus attendre alors que les armées françaises se renforçassent dans le Hanovre, pour faire passer dans la Poméranie Suédoise le nombre de ses troupes déterminé par la Convention. Bien loin de là Sa Majesté Impériale et Sa Majesté le Roi de Suède sont tombées d'accord pour le cas ci-dessus énoncé, que les troupes russes et suédoises qui se seront rendues dans le pays mentionné ne manqueront pas d'après un plan combiné, de commencer les hostilités contre celles de Français ; et si à la suite de ce qui aura été concerté d'après ce plan combiné, Sa Majesté le Roi de Suède se décidait à diriger Ses opérations isolément des autres Alliés sur le territoire de la République Batâve, Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies promet et s'engage d'y adjoindre un corps de Ses troupes de quinze mille hommes et de le soumettre aux ordres immédiats de Sa Majesté Suédoise.

Cet article séparé et secret aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans la Convention signée aujourd'hui et sera ratifié en même temps[143].

En foi de quoi Nous soussignés en vertu de Nos pleins pouvoirs avons signé le présent Article séparé et secret et y avons apposé le Cachet de Nos armes. Fait à St.-Pétersbourg le 2(14) Janvier 1805.

(L. S.) Adam Prince Czartoryski. (L. S.) Court Stedingk.
(L. S.) Dimitri Tatistscheff.

Quatrième Article séparé et secret

Les effets de la présente Alliance devant offrir des résultats dont l'utilité pourra être ressentie par la Grande-Bretagne Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies trouve juste que Son Allié Sa Majesté le Roi de Suède soit assisté par cette puissance par des subsides. Ce n'est aussi que dans le cas que l'Angleterre se prêtât à conclure un Traité subsidiaire avec Sa Majesté Suédoise que l'emploi de vingt-cinq mille hommes stipulés dans la Convention devient obligatoire pour Sa Majesté.

Cet Article séparé et secret aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans la Convention signée aujourd'hui et sera ratifié en même temps[143].

En foi de quoi Nous soussignés en vertu de Nos pleins pouvoirs avons signé le présent Article séparé et secret et y avons apposé le Cachet de Nos armes. Fait à St.-Pétersbourg le 2(14) Janvier 1805.

(L. S.) Adam Prince Czartoryski. (L. S.) Court Stedingk.

(L. S.) Dimitri Tatistscheff.

Cinquième Article séparé et secret

Si en haine du Concert qui doit s'établir entre les deux hautes parties contractantes par la présente Convention, une d'Elles était attaquée par telle autre Puissance que la France, l'autre s'engage de la manière la plus formelle à venir à son secours à la première réquisition qui lui en sera faite, et à y employer des forces suffisantes pour opérer une diversion efficace. Dans ce cas, comme les deux hautes parties contractantes se verront nécessairement obligées à augmenter leurs sacrifices, Elles s'entendront sur les dédommagements qu'elles pourront se procurer.

Cet Article séparé et secret aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans la Convention signée aujourd'hui et sera ratifié en même temps[143].

En foi de quoi Nous soussignés, en vertu de nos pleins pouvoirs, avons signé le présent Article séparé et secret et y avons apposé le Cachet de Nos Armes. Fait à St.-Pétersbourg le 2(14) Janvier 1805.

(L. S.) Adam Prince Czartoryski. (L. S.) Court Stedingk.

(L. S.) Dimitri Tatistscheff.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Во имя пресвятой и нераздельной Троицы.

Поскольку ввод французских войск в Германию, несмотря на нейтралитет этой империи, стеснение, созданное для ее торговли, разграбление Ганновера, незаконные поборы с ганзейских городов, последовавшие за этим, показали, как далеко зашло французское правительство в своих посягательствах на права наций в ущерб последним, и не оставили никаких сомнений относительно его стремления к расширению своих захватов под такими же пустыми предлогами, какие оно использовало для завладения Ганновером и округом Ритцебютель[141], эти действия с самого начала привлекли пристальное внимание е. в-ва императора всероссийского и е. в-ва короля шведского. Поскольку естественно предполагать, что правительство, которое считается только со своими интересами, может вынашивать планы, противные всякой справедливости, и поскольку Бонапарт уже проявил намерение закрыть Зунд для английского торгового флага, можно предвидеть, что для того, чтобы принудить к этому державы, расположенные на берегах Балтийского моря, он захватит его южное побережье. Поэтому их величества сочли справедливым и уместным приложить усилия именно к тому, чтобы помешать ему обосноваться там, а также покончить с таким положением вещей в Германии, к которому они, будучи гарантами конституции этой империи[142], не могут относиться равнодушно. Кроме этих общих мотивов его шведское в-во должен также принимать во внимание угрозу безопасности Шведской Померании, существующую главным образом в связи с пребыванием французских войск на Севере Германии.

Их величества, сознавая, таким образом, в равной мере необходимость воспрепятствовать всяким дальнейшим захватам французов в указанной стране, единодушно согласились объединить в этих целях свои усилия и, учитывая, что в существующем между Россией и Швецией договоре об оборонительном союзе[97] предусматривается лишь предоставление взаимной помощи, что для данного случая представляется недостаточным, сочли нужным условиться о принятии совместных мер, заключив с этой целью особую конвенцию. Для этого они избрали и назначили своими уполномоченными: е. и. в-во — г-на князя Адама Чарторыйского, тайного советника, товарища министра иностранных дел, члена Главной дирекции училищ, попечителя императорского Виленского университета и округа, поручика великого приора державного ордена св. Иоанна Иерусалимского в русском католическом приорстве, кавалера ордена св. Анны и командора ордена св. Иоанна Иерусалимского; и г-на Татищева, тайного

советника, действительного камергера, чрезвычайного посланника при е. в-ве короле Обеих Сицилий, присутствующего в императорской Коллегии иностранных дел, кавалера ордена св. Анны, большого Креста ордена св. Владимира второй степени, св. Георгия четвертой степени и командора державного ордена св. Иоанна Иерусалимского; и его шведское в-во — г-на барона Курта Людовика, Богисласа Кристофа Штединга, одного из сеньоров Королевства Шведского, его чрезвычайного посла при е. в-ве императоре всероссийском, генерал-лейтенанта его армии, камергера, кавалера и командора его орденов, кавалера большого Креста его ордена Меча и кавалера орденов св. Андрея, св. Александра Невского, св. Анны первого класса и французского ордена за военные заслуги; каковые, обменявшись своими полномочиями, согласились о нижеследующих статьях:

Статья I

Если бы вследствие разногласий, существующих в настоящее время между Швецией и Францией, французское правительство напало на немецкие провинции его шведского в-ва, то, поскольку договор о союзе между Россией и Швецией, заключенный в Гатчине[97], предусматривает этот случай, а е. и. в-во желает точно выполнить все постановления данного договора, целью настоящего соглашения будет воспрепятствовать французским войскам перейти линию, за которой они в настоящее время находятся на Севере Германии, и даже постараться обеспечить полное освобождение этой страны. Таким образом, в случае, если новые захваты со стороны этих последних заставили бы е. в-во императора всероссийского направить туда армию численностью от 40 до 50 тыс. человек, е. в-во король Швеции обязуется присоединить к ним 20—25 тыс. человек своих собственных войск.

Статья II

На случай, если е. и. в-во сочтет, что для успеха совместных мер, которые должны быть согласованы в настоящей конвенции, выгодно часть его войск, предназначенных для действий на севере Германии, перевезти морем, е. в-во король Швеции предлагает своему августейшему союзнику воспользоваться для высадки указанных войск портами Шведской Померании и, в частности, портом Штральзунд до тех пор, пока не будут обеспечены другие, столь же удобные, сколь и надежные пункты высадки; но так как для перевозки русских войск требуется слишком большое число судов, чтобы в момент, когда это станет необходимым, их можно было найти в достаточном количестве в русских портах Балтики, е. в-во король Швеции, желая доказать е. и. в-ву свою готовность не пожалеть ничего для успеха общего дела, обязуется облегчить фрахтование шведских судов для е. и. в-ва, приказав отдать соответствующие распоряжения их владельцам, и обеспечить наблюдение за тем, чтобы эти последние не могли, злоупотребляя обстоятельствами, слишком повышать стоимость фрахта.

Статья III

Как только русская армия будет собрана и расположена перед границами Шведской Померании и, таким образом, обезопасит эту провинцию от каких бы то ни было посягательств, е. в-во король Швеции присоединит к ней свои войска (численностью от 20 до 25 тыс. человек, как было сказано выше) для совместных действий согласно плану, который будет предварительно разработан, с целью добиться полной эвакуации войск с германской территории и изгнать французов за пределы Германской империи.

Статья IV

Чтобы избежать каких-либо недоразумений относительно момента, когда должны начаться совместные операции, установлено, что *casus foederis* наступит, как только французские войска, расположенные в курфюршестве Ганноверском, перейдут линию, за которой они сейчас находятся, чтобы двинуться либо на Мекленбург, либо на Голштинию или герцогство Ольденбургское и землю Еверскую; если перечисленные страны подвергнутся нападению, будь то по отдельности, будь то все вместе, обе высокие договаривающиеся стороны незамедлительно приступят к их освобождению и воспользуются своими успехами, чтобы с божьей помощью отбросить неприятеля в его собственные пределы.

Статья V

Поскольку о большей или меньшей степени агрессивности намерений французов можно судить по тому, насколько сильна французская армия, занимающая Ганновер, необходимо бдительно следить за изменениями в ее составе, и движение к Ганноверу подкреплений, внушающих опасение, послужит сигналом к тому, чтобы обе высокие договаривающиеся стороны условились о времени выступления как русских, так и шведских войск.

Статья VI

Квартиры для русских войск во время их пребывания в Шведской Померании и их отопление будут обеспечены на месте. Дрова, поставляемые русским войскам, будут оплачиваться по тем же ценам, что и дрова для шведских войск. Что касается съестных припасов и фуража, то они не будут поставляться местным населением, поскольку русский императорский двор намерен отправить вслед за каждой партией войск галиоты с провиантом. Поскольку, однако, вполне может случиться, что русские суда, груженные провиантом, задержатся в пути из-за каких-либо случайностей, связанных с переездом по морю, е. в-во король Швеции обязуется в этом случае поставить русским войскам, которые уже высадятся в Померании, абсолютно необходимые им припасы со своих складов, с тем чтобы они были возмещены в соответствующем количестве, как только прибудут галиоты.

Статья VII

Та часть русских войск, которая может быть временно размещена в Штральзунде, будет подчиняться распоряжениям коменданта крепости; та часть, которая будет находиться вне городских стен, будет подчиняться лишь своему начальнику, обязанному согласовывать с губернатором провинции позиции, которые по его приказу должны будут занять русские войска, с тем чтобы указанный губернатор мог наметить хозяйственные меры, которых может потребовать изменение позиций.

Статья VIII

Командование русскими и шведскими войсками, из которых будут сформированы два корпуса, должно осуществляться раздельно соответствующими начальниками, но их операции как раздельные, так и совместные будут проводиться лишь после предварительного согласования между обоими командующими. Когда успех двух союзных армий откроет им путь к изгнанию французов из северной Германии или когда обстоятельства сделают целесообразным общее объединение двух армий или же объединение отдельных отрядов, вопрос о командовании будет урегулирован в соответствии со статьей седьмой Гатчинского договора[97] с тем изменением, что командование объединенными силами будет осуществляться не офицером стороны, просящей о помощи, а офицером основного корпуса, то есть корпуса, наиболее значительного по численности.

Статья IX

Обе высокие договаривающиеся стороны самым положительным и определенным образом обязуются после начала военных действий не складывать оружия и не вести переговоров о мире с французским правительством иначе, как с общего согласия.

Статья X

Обмен ратификационными грамотами настоящей конвенции будет произведен в С.-Петербурге через 6 недель или раньше, если это окажется возможным[143].

В удостоверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую конвенцию и приложили к ней наши гербовые печати. Заключено в С.-Петербурге 2(14) января 1805 г.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Курт Штединг
(М. П.) Дмитрий Татищев

Первая отдельная и секретная статья

Поскольку великодушное поведение, пример которого договорились подать е. в-во император всероссийский и е. в-во король Швеции, должно оказать влияние на решения соседних дворов и побудить их объединить свои усилия с усилиями их реченных величеств с целью обуздать властолюбие французского правительства, от того, насколько велики будут наши силы, будет зависеть, как далеко смогут простираться наши надежды. А пока обе высокие договаривающиеся стороны согласились, что их союз будет открыт для присоединения тех держав, которые захотят принять в нем участие, и е. в-во король Швеции полагается на мудрость е. в-ва императора всероссийского в том, что касается забот об установлении этих новых союзных связей. Е. и. в-во со своей стороны обещает своему августейшему союзнику в вышеуказанном случае не заключать никаких договорных постановлений, противоречащих духу настоящей конвенции. Однако в случае, если Россия заключит с какой-либо другой державой обязательства, имеющие отношение к целям данной конвенции, его шведское в-во оставляет за собой право считать их обязательными для себя лишь после того, как он даст свое согласие на них.

Эта отдельная и секретная статья будет иметь такую же силу и значение, как если бы она от слова до слова была включена в подписанную сегодня конвенцию, и будет ратифицирована одновременно с ней[143].

В удостоверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную и секретную статью и приложили к ней наши гербовые печати. Заключено в С.-Петербурге 2(14) января 1805 г.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Курт Штединг
(М. П.) Дмитрий Татищев

Вторая отдельная и секретная статья

Чтобы дать е. в-ву королю Швеции убедительное доказательство своей дружбы и своего особого уважения, е. в-во император всероссийский подчиняет его верховному руководству в случае, если е. в-во будет находиться в Померании, русские войска, которые будут действовать на Севере Германии; при этом, разумеется, главнокомандующий русскими войсками должен быть полностью посвящен в секреты и в генеральный план кампании, а в случае, если его шведское в-во сочтет нужным отлучиться от армии, верховное командование как русской, так и шведской армиями будет возложено на него. Кроме того, е. и. в-во оставляет за собой право договориться с его шведским в-вом относительно мер, которые нужно будет принять в случае, если бы последующие операции объединенных русских и шведских войск привели к увеличению числа союзников и вызвали необходимость новых комбинаций.

Эта отдельная и секретная статья будет иметь такую же силу и значение, как если бы она от слова до слова была включена в подписанную сегодня конвенцию, и будет ратифицирована одновременно с ней[143].

В удостоверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную и секретную статью и приложили к ней наши гербовые печати. Заключено в С.-Петербурге 2(14) января 1805 г.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Курт Штединг
(М. П.) Дмитрий Татищев

Третья отдельная и секретная статья

Если бы благодаря стараниям е. и. в-ва удалось, наконец, составить совместно с одной из главных континентальных держав общий план мер, имеющих целью восстановление в Европе равновесия, полностью нарушенного чрезмерным честолюбием Франции, постановления, содержащиеся в настоящей конвенции, станут обязательными для е. в-ва короля Швеции, который данной дополнительной статьей обязуется направить тогда в Шведскую Померанию установленное данной конвенцией количество своих войск, не дожидаясь, пока французские армии, находящиеся в Ганновере, будут усилены. Более того, е. и. в-во и е. в-во король Швеции пришли к соглашению относительно указанного выше случая, что русские и шведские войска, которые вступят в упомянутую страну, не преминут начать военные действия против французских войск в соответствии с согласованным планом; и если бы вследствие того, что будет условлено в соответствии с согласованным планом, е. в-во король Швеции решил вести операции отдельно от других союзников на территории Батавской республики, е. в-во император всероссийский обещает и обязуется присоединить к его войскам корпус численностью в 15 тыс. человек и подчинить его непосредственному командованию его шведского в-ва.

Эта отдельная и секретная статья будет иметь такую же силу и значение, как если бы она от слова до слова была включена в подписанную сегодня конвенцию, и будет ратифицирована одновременно с ней[143].

В удостоверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную и секретную статью и приложили к ней наши гербовые печати. Заключено в С.-Петербурге 2(14) января 1805 г.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Курт Штединг
(М. П.) Дмитрий Татищев

Четвертая отдельная и секретная статья

Поскольку данный союз должен обеспечить результаты, которые могут оказаться полезными для Великобритании, е. в-во император всероссийский находит справедливым, чтобы эта держава помогла субсидиями его союзнику е. в-ву королю Швеции. Поэтому лишь в том случае, если Англия согласится заключить с его шведским в-вом договор о предоставлении субсидий, е. в-во будет обязан выставить 25 тыс. человек своих войск, предусмотренных настоящей конвенцией.

Эта отдельная и секретная статья будет иметь такую же силу и значение, как если бы она от слова до слова была включена в подписанную сегодня конвенцию, и будет ратифицирована одновременно с ней[143].

В удостоверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную и секретную статью и приложили к ней наши гербовые печати. Заключено в С.-Петербурге 2(14) января 1805 г.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Курт Штединг
(М. П.) Дмитрий Татищев

Пятая отдельная и секретная статья

Если бы какая-либо другая держава, например Франция, совершила нападение на одну из высоких договаривающихся сторон, побуждаемая к тому ненавистью, порожденной согласием, которое должно установиться между ними в результате заключения настоящей конвенции, другая сторона самым определенным образом обязуется прийти ей на помощь по первому требованию и употребить достаточные силы, чтобы осуществить успешную диверсию. В этом случае, поскольку обе высокие договаривающиеся стороны неизбежно окажутся вынужденными принести более значительные жертвы, они договорятся относительно возмещения, которое они смогут обеспечить себе.

Эта отдельная и секретная статья будет иметь такую же силу и значение, как если бы она от слова до слова была включена в подписанную сегодня конвенцию, и будет ратифицирована одновременно с ней[143].

В удостоверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную и секретную статью и приложили к ней наши гербовые печати. Заключено в С.-Петербурге 2(14) января 1805 г.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Курт Штединг
(М. П.) Дмитрий Татищев

90. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

3(15) января 1805 г.

Monsieur, s. m. i. a pleinement approuvé les remarques que Vous avez faites au reis-effendi et le conseil que Vous lui avez donné de ne point souscrire à la demande de Mr Straton, relativement au libre passage dans la mer Noire d'un vaisseau de guerre anglais ou d'un bâtiment marchand portant des officiers que l'amiral Nelson a envoyés pour lever des plans dans ces parages[144]. La mer Noire ne peut pas être assujettie aux mêmes principes qu'on observe à l'égard des autres mers et doit plutôt être considérée comme un bassin qui, bordé d'un côté par la Russie et de l'autre par les Etats qui sont sous la domination de la Porte, est sous la dépendance absolue de ces deux puissances à l'exclusion de toutes autres. Il n'est donc pas à supposer que le projet en question ait été formé par le g[ouvernemen]t britannique, et nous nous plaisons à l'attribuer plutôt à une détermination personnelle à milord Nelson. Mais quoi qu'il en soit, il n'est pas de la dignité ni de la Russie, ni de la Porte de consentir à ce qu'une puissance tierce quelconque fasse une opération militaire, de quelque nature qu'elle soit, dans cette mer ; et sans entrer en discussion sur le but que l'amiral anglais pouvait avoir eu en vue, les règles de la prudence mêmes imposent la loi de se refuser à sa demande. Il se présente encore une considération qui vient à l'appui de notre opinion sur cet objet. C'est que la France profiterait à coup sûr d'une complaisance de cette nature que nous aurions eue envers la Grande Bretagne pour fonder sur cet exemple une prétention semblable.

Nous sommes assurés que le Divan se convaincra de la justesse des raisons que Vous lui avez alléguées, monsieur, et se tiendra avec persévérance à son refus ; au reste, si la cour de Londres persistait dans cette demande ou s'adressait à nous, nous ne manquerons pas d'y faire des représentations amicales, afin que le ministère britannique abandonne ce projet, et nous espérons d'y réussir d'autant plus facilement que l'inconvenance en est manifeste.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Получ[ено] 1(13) февраля 1805 г.
Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, е. и. в-во полностью одобрил замечания, сделанные Вами рейс-эфенди, а также данный ему Вами совет не соглашаться на просьбу г-на Стратона относительно свободного прохода в Черное море английского военного корабля или же торгового судна, имеющего на борту офицеров, направленных адмиралом Нельсоном для составления планов этих мест[144]. Для Черного моря не могут быть установлены те же принципы, которые применяются в отношении других морей; его следует рассматривать скорее как бассейн, окруженный с одной стороны владениями России, а с другой — владениями Порты, и потому подвластный исключительно этим двум державам и никаким другим. Следовательно, нельзя предположить, что проект, о котором идет речь, был выработан британским правительством, и нам хочется думать, что он принят милордом Нельсоном по собственной инициативе. Как бы там ни было, ни России, ни Порте достоинство не позволит согласиться на то, чтобы какая-либо третья держава осуществляла в этом море военную операцию какого бы то ни было характера. Не будем входить в обсуждение цели, которую мог преследовать английский адмирал; простые правила предосторожности предписывают отказать в этой просьбе. Есть еще одно соображение, подкрепляющее наше мнение на этот счет: Франция не преминула бы воспользоваться подобной любезностью с нашей стороны по отношению к Великобритании, чтобы, основываясь на этом, предъявить подобную же претензию.

Мы убеждены, что справедливые доводы, приведенные Вами, милостивый государь, убедят Диван и он твердо будет придерживаться решения об отрицательном ответе на эту просьбу. Впрочем, если лондонский двор будет настаивать на удовлетворении этой просьбы или обратится к нам, то мы не преминем сделать на этот счет дружеские представления, с тем чтобы убедить британское министерство отказаться от этого проекта, и мы надеемся тем легче преуспеть в этом, что неуместность его совершенно очевидна.

Имею честь ...

Князь А. Чарторыйский

Чрезвычайный посланник и полномочный министр Н. П. Резанов нагасакским губернаторам Хида и Нарусино

5(17) января 1805 г.

Просьба принять спасенных русскими моряками японских подданных.

Русская старина, СПб, 1895 г., октябрь, стр. 229.

Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский Александру I

10(22) января 1805 г.

Доклад о письмах сербского епископа Иоановича, содержавших просьбу оказать сербскому народу помощь для свержения турецкого ига и образования сербского государства под покровительством России.

Сб. РИО, т. 82, стр. 1—2.

Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский Александру I

10(22) января 1805 г.[1]

Доклад о письме игумена Трофима Александру I, в котором игумен от имени герцеговинского народа сообщал о желании герцеговинцев быть под покровительством России, подобно черногорцам.

Сб. РИО, т. 82, стр. 2.

Александр I Фридриху-Вильгельму III

10(22) января 1805 г.

Выражается удовлетворение ответом, данным королем в письме от 4 января 1805 г.* на запрос Александра I по поводу создания провиантских складов у русских границ **.

Bailleu, Correspondance inédite, p. 57—58.

Александр I Фридриху-Вильгельму III

15(27) января 1805 г.

Сообщает о посылке к королю генерала Винцингероде для переговоров о совместных действиях по обеспечению безопасности Европы. Предупреждает, что связан со Швецией условиями Гатчинского договора и выступит на ее стороне, если Пруссия посягнет на Шведскую Померанию.

Bailleu, Correspondance inédite, p. 58—60.

91. Инструкция Александра I генералу Ф. Ф. Винцингероде

16(28) января 1805 г.

Monsieur l'aide de camp général baron de Wintzingerode. Le roi de Prusse m'ayant fait prévenir qu'il était intentionné d'occuper la Poméranie Suédoise, je me suis déterminé à lui écrire une lettre autographe[145] pour lui faire connaître l'aspect sous lequel j'envisage les discussions entre la Suède et la France et lui faire présumer quelle doit être, à mon avis, notre conduite à cet égard. La copie ci-jointe de cette lettre, dont Vous réserverez la connaissance pour Vous seul, Vous apprendra que je Vous annonce au roi comme suffisamment muni de ma confiance pour l'engager à se servir de Votre entremise pour les communications intimes qu'il désirera me faire passer. Mon intention est que Vous prolongiez à cet effet Votre séjour à Berlin et que Vous tâchiez par tous les moyens possibles de gagner la confiance du roi pour le disposer à entrer en discussion avec Vous sur les affaires, afin d'avoir occasion d'approfondir ses véritables intentions et de lui faire des insinuations conformes à mes vues. Vous suivrez également avec assiduité les personnes influentes du ministère pour Vous mettre à même de m'informer avec précision de l'état des choses dans cette capitale et des dispositions personnelles dans lesquelles se trouve le roi. Je Vous indiquerai plus bas les objets auxquels Vous devez particulièrement vous attacher, mais j'attends de Vous que Vous ne négligerez aucun de ceux qui peuvent intéresser mes rapports avec la Prusse et que Vous me rendrez un compte exact de Vos observations. Vous pourrez m'expédier à cet effet le chasseur qui Vous accompagne. Quant à la manière de Vous procurer une audience du roi pour lui remettre ma lettre en mains propres, Vous vous entendrez à cet égard avec mon ministre à Berlin, le conseiller privé Alopeus.

1.

Le projet du roi de Prusse d'occuper en ce moment la Poméranie Suédoise est motivé, comme Vous le verrez par la note[146] ci-jointe remise à mon ministre à Berlin, sur ce qu'il est instant de la préserver d'une invasion que les Français méditent sous prétexte que s.m. suédoise négocie un traité de subsides avec

---

* Аннотацию на это письмо см. на стр. 256.

** Аннотацию на письмо Александра I от 10(22) декабря 1804 г., в котором содержался этот запрос, см. на стр. 219.

l'Angleterre[147]. Que cette assertion soit fondée ou non, le roi de Prusse doit savoir d'abord, et je le lui rappelle dans ma lettre qu'un traité d'alliance[97] formel me départit la garantie de cette province et que je suis dans l'obligation de la préserver contre toute attaque quelconque, mais outre cela la Prusse s'est liée avec moi au mois de mai dernier par un engagement * non moins précis et qui détermine la manière dont on agira si les Français passaient la ligne du Weser. Cet engagement, que je joins ici en copie pour Votre information personnelle, stipule *qu'on s'opposera de concert à tout nouvel empiétement du gouvernement français sur les Etats du Nord de l'empire, étrangers à sa querelle avec l'Angleterre.*

L'assertion des Français que le roi de Suède s'occupe d'un traité de subsides avec l'Angleterre, le fait même avéré, ne saurait changer les rapports du souverain de la Poméranie qui est et restera toujours étranger à la querelle de la France avec l'Angleterre, car dût-il même rassembler un corps de 25 mille hommes moyennant les subsides de l'Angleterre, ce ne peut être que pour la défense de son patrimoine et nullement dans des vues d'attaque contre les Français, ni pour faire une diversion en faveur de leurs ennemis. Il faut donc que Vous déclariez au roi, si Vous en trouvez l'occasion, et à son ministère que mon exactitude à remplir mes engagements est telle que si la Prusse veut procéder à une occupation pure et simple de la Poméranie Suédoise, je ne puis sous aucun prétexte me refuser à satisfaire à la première réquisition que me fera le roi de Suède de marcher au secours de ses Etats. Les stipulations sont claires, elles sont connues de s. m. prussienne et quelque pénible qu'il serait pour moi de me trouver en opposition avec un souverain auquel je suis si intimement lié, ma fidélité à remplir mes traités ne me permettra pas d'opter entre le devoir, d'un côté, de donner un plein effet à ceux-ci et entre celui que me dictent mes affections personnelles, de l'autre. Mais en outre les stipulations existant entre le roi de Prusse et moi portent que ce sera de *concert* que nous nous opposerons à de nouveaux empiétements de la France. De même que je suis prêt à remplir mes engagements envers la Suède, *je serai bien plus empressé encore à satisfaire à ceux que j'ai pris envers le roi de Prusse.*

C'est avec une juste surprise que j'ai vu jusqu'ici le cabinet de Berlin, oubliant l'esprit dans lequel a été faite notre convention, prendre des décisions sans aucun accord préalable et sans m'inviter à participer à des mesures qui ont pour but la sûreté de l'Allemagne que nous nous sommes promis de garantir en commun. Vous ferez sentir au ministère prussien ces vérités qui ont été palpables dans l'affaire de l'évacuation du Hanovre, dont Vous avez connaissance et sur laquelle Vous vous expliquerez clairement dans le sens des instructions données à Mr d'Alopeus. Au reste, je suis tout disposé à concerter mes mesures à ce sujet avec s. m. prussienne et à lui prêter toute l'assistance qu'elle pourra désirer elle-même pour la préserver des inconvénients qui pourraient résulter pour sa monarchie de la part des Français en haine de nos démarches communes.

2.

Il y a quelque temps que j'ai reçu des notions de mes provinces limitrophes de la Prusse qui m'annonçaient qu'il se faisait dans cet Etat le long de mes frontières des préparatifs militaires qui consistaient d'abord dans des achats de blés et ensuite dans des ordres donnés aux régiments de se tenir prêts à marcher dans 6 semaines, lesquels devaient déjà avoir reçu l'artillerie nécessaire pour entrer en campagne. J'ai parlé de cet objet au roi dans deux de mes lettres, dont la dernière servait de réponse à celle que ce prince s'est empressé de m'écrire au

---

* См. док. 23.

moment où mes premières appréhensions lui sont parvenues. Vous prendrez connaissance avant Votre départ de ces trois pièces[148] et Vous verrez que la lettre du roi renferme les plus fortes assurances de son désir de vivre en harmonie constante avec moi et qu'il n'attribue ses achats de grains qu'à la mauvaise récolte et à la nécessité de rétablir ses magasins militaires au-delà de la Vistule, qu'il avait été obligé de vider pour venir au secours des habitants. Cependant, comme il est important que je sache positivement à quoi m'en tenir sur ces préparatifs, Vous tâcherez, pendant Votre voyage d'ici à Berlin, durant Votre séjour en cette ville et dans tous Vos rapports avec les ministres du roi et les personnes qui peuvent être au fait de ses dispositions, à approfondir avec la plus scrupuleuse exactitude si ces préparatifs existent et de quelle nature ils sont, ainsi que l'impression qu'ils produisent sur le militaire et les habitants, afin de m'en rendre un compte véridique et détaillé.

3.

J'ai des raisons de croire qu'on est en général dans l'opinion à Berlin que mon intention est de rester spectateur tranquille des événements qui se passent en Europe et, surtout, que le cabinet prussien suppose qu'à la faveur des liens d'amitié et de confiance qui se sont établis entre le roi et moi, il pourra à sa volonté paralyser toutes mesures de ma part contre la France ou la Prusse. Ce sont des opinions erronées que Vous vous occuperez à détruire cependant avec toute la mesure convenable. Il est très vrai que je porte au roi des sentiments d'un attachement bien sincère, mais jamais ils ne seront assez forts pour souffrir patiemment que la Prusse continue à favoriser les projets de Bonaparte et devienne par le fait même son premier auxiliaire. Il m'importe que Vous fassiez bien connaître ma façon de penser à cet égard au roi et au ministère, mais sans employer des menaces et en évitant tout ce qui pourrait leur donner l'éveil et les *porter à prendre de l'ombrage sur mes vues ultérieures.*

4.

Les difficultés que le roi apporte toutes les fois qu'il s'agit de se prononcer contre les envahissements de la France ou de concerter des mesures pour y mettre des bornes me font craindre qu'il s'est entendu avec Bonaparte par des stipulations secrètes[149] au moyen desquelles la Prusse s'engage à soutenir le système français en obtenant la promesse de quelque nouvelle acquisition. Vous tâcherez de vérifier mes appréhensions à cet égard, car, si elles venaient à se réaliser, la Prusse n'aurait plus de droit à des ménagements de ma part et je devrais en conclure que l'amitié personnelle du roi à mon égard n'a été qu'un instrument dont les ministres se sont servis pour me voiler davantage leur politique retorse et dissimulée.

5.

La position générale des affaires en Europe et les envahissements toujours croissants auxquels se porte le chef actuel du gouvernement français pouvant me déterminer à faire agir mes forces pour rétablir l'équilibre en Europe et assurer sa tranquillité, je désire savoir avec précision quel parti la Prusse adopterait dans ce cas, et Vous tâcherez de pressentir les vues du roi et de son ministère sur les trois points suivants:

1) Si, dans le cas où je me trouverais en guerre ouverte avec la France, le roi rétablirait une ligne de démarcation et de neutralité, quelle étendue il voudrait lui donner, ou s'il se contenterait dans ce cas de maintenir la neutralité de la Prusse seule.

2) Vous sonderez les dispositions du roi pour le cas où je lui proposerais un concert offensif contre la France, auquel nous engagerions l'Autriche à se réunir.

3) De plus, Vous tâcherez de pénétrer avec autant de précision que possible la pensée du roi et du ministère sur le parti qu'il adopterait, si j'exigeais de lui de se déclarer ou pour la France, ou pour moi et si je le mettais dans l'alternative d'avoir la guerre avec cette puissance ou avec mon empire. Si Vous remarquiez quelqu'apparence de succès dans une négociation qui tendrait au but exprimé dans le second point, Vous tâcherez de pressentir le roi ou ses ministres sur les compensations qu'il rechercherait pour les frais d'une guerre de cette nature et s'il se contenterait de l'espoir de récupérer les possessions qu'il a perdues à la suite de la dernière guerre, ou s'il demanderait quelqu'autre concession. Dans tous les pourparlers que Vous pourrez avoir à ce sujet, Vous aurez le plus grand soin de ne rien avancer ni promettre au nom de l'Autriche, de ne presser et de ne parler qu'en mon nom et en assurant le cabinet prussien qu'avant de faire aucune proposition à l'empereur d'Allemagne il était essentiel que je fusse instruit des idées du roi dont le concours était indispensable pour entreprendre des opérations marquantes contre la France, mais que je ne doutais pas qu'on pût y porter l'Autriche, si une fois la Prusse se prononçait dans le plus grand secret vis-à-vis de moi. Quoique j'envisage comme très peu probable que Vous puissiez être dans le cas d'entrer dans des pourparlers de cette nature, cependant, je crois nécessaire de Vous indiquer les arguments que Vous pourrez faire valoir auprès du roi pour le porter à s'entendre avec moi dans la vue de mettre des bornes à l'ambition de Bonaparte et de rétablir l'équilibre en Europe. Le roi a une répugnance marquée pour tout ce qui ressemble à une coalition, et l'issue de la dernière l'y autorise ; mais il suffit de rapprocher l'état des choses d'alors et celui qui existe en ce moment pour combattre son système avec avantage. L'Autriche et la Prusse ont agi presque seules dans le commencement de la dernière guerre. Elles luttaient contre des principes révolutionnaires plus dangereux que les armées et qui donnaient à celles-ci un nouvel essor; aujourd'hui les Français n'ont plus les mêmes ressources, et la Russie s'offre de fournir aux alliés un surcroît de force considérable; notre but ne serait plus de faire une contre-révolution, mais nous nous proposerions de diminuer la puissance disproportionnée d'un gouvernement toujours prêt à écraser ses voisins, qui a déjà envahi les plus belles parties de l'Europe et ne paraît pas vouloir s'en tenir là. La Prusse y a un intérêt bien plus direct que moi, et j'offre cependant d'y employer des moyens égaux aux siens. L'Autriche connaît bien ceux de sa monarchie pour laisser échapper une occasion aussi favorable de se mettre à l'abri des attaques de la France, et, par conséquent, il serait facile de lui faire adopter la même marche que nous suivrions, et il n'est aucun doute que par la réunion de nos efforts nous ne parvenions à mettre bientôt l'Europe à l'abri de nouvelles vexations.

Le peu de probabilité qu'il y a que le roi de Prusse entre dans de semblables projets m'engage à Vous recommander de ne faire usage de mes ordres à cet égard qu'avec une circonspection infinie et en ayant surtout un soin particulier de ne pas compromettre l'Autriche et de ne pas même donner à Berlin la moindre idée que les vues de la cour de Vienne à ce sujet me soient connues. Au cas que la Prusse se refuse décidément à prendre part à un concert contre la France, il est bon que Vous sachiez, pour Votre information et pour en faire usage selon l'occasion, qu'au pis aller, en entrant en guerre avec la France, je ne serais pas éloigné d'admettre la neutralité de la Prusse, pourvu qu'elle soit bornée à elle seule et même uniquement au corps de la monarchie, mais qu'une neutralité qui serait étendue sur les pays avoisinants et qui entraverait les opérations des armées en Allemagne ne saurait être permise et que si la Prusse persistait dans cette mesure, cela équivaudrait à une alliance avec la France.

6.

Quelques notions ayant fait présumer que la cour de Berlin serait disposée à se rapprocher de celle de Vienne, il y a eu des notes échangées à cet effet. Vous verrez par les copies ci-jointes le cours de cette négociation. Pour n'être pas dans le cas de me faire le reproche d'avoir rien négligé de ce qui pourrait contribuer à porter la Prusse à prendre une marche plus conforme à ses véritables intérêts, j'ai autorisé mon ministre à Berlin de suivre cette négociation et je lui ai donné à ce sujet les directions ci-jointes, tout à fait dans le sens qu'il m'a indiqué être l'opinion du ministre dirigeant des affaires étrangères. Mon intention est que Vous le laissiez agir et qu'en lui faisant connaître que Vous êtes instruit de ce qui lui est prescrit à cet égard, Vous tâchiez également de porter le baron de Hardenberg à Vous en parler, afin de faciliter de Votre côté la marche de cette négociation et pour pouvoir apprécier la manière dont le conseiller privé Alopeus exécute mes ordres, ce dont Vous pourrez juger aussi par d'autres communications qu'il est chargé de faire et qui se rapportent également aux objets de Votre mission.

7.

Je Vous recommande de montrer en général de la confiance à mon ministre à Berlin et de tâcher de lui en inspirer en le consultant sur la manière dont Vous pourrez vous acquitter le mieux des ordres que je Vous ai donnés, sans Vous ouvrir cependant à lui que sur l'objet apparent de Votre mission. Je désire que Vous suiviez sa conduite pour m'en rendre compte et me mettre à même de juger du degré de confiance que je dois lui accorder. Il a su gagner celle du ministre du cabinet, mais jusqu'ici il n'en résulte aucun bon effet pour l'avancement des affaires; il est donc essentiel que je connaisse avec précision d'où naissent les mécomptes continuels que cette cour nous fait éprouver, et si rien ne peut faire cesser l'éloignement du roi à se prêter à mes vues. Le cas est déjà arrivé que la Russie a eu deux ministres à la fois à Berlin ; je serais disposé à y envoyer encore une personne munie de mes pouvoirs, mais je désire, avant de me déterminer à cette démarche, de savoir quelle impression elle fera sur le roi et le ministère, et s'il vaudrait mieux que je rappellasse entièrement mon ministre actuel, ou si malgré les apparences je puis encore compter sur son zèle et sur ses talents.

8.

Parmi les personnes qui approchent du roi, il faut que Vous distinguiez et que Vous recherchiez le ministre baron de Hardenberg qui annonce les meilleures dispositions et qui attribue toutes les réticences et les vacillations du cabinet prussien au caractère du roi et au système qu'il s'est fait d'éviter tout ce qui pourrait le mener à une guerre avec la France. Vous tâcherez cependant de Vous assurer du fond qu'on peut faire sur ses assertions et s'il est vraiment disposé à suivre un système uniforme au mien. L'aide de camp général de Koekritz et les secrétaires du cabinet Böhm et Lombard forment un parti qui dans ce moment est opposé au ministère. Ils travaillent à maintenir le roi dans son apathie pour donner les moyens à Bonaparte, duquel ils sont ou entichés ou payés, d'exécuter ses vues ambitieuses sans aucune opposition de la part des puissances de l'Europe. J'ai déjà prescrit à mon ministre de chercher à les éloigner de leur poste aussi bien que le marquis de Luchesini, envoyé de Prusse à Paris, mais jusqu'ici il n'y est point parvenu. Votre conduite personnelle pourra beaucoup influer sur le succès de la commission qui Vous est confiée. Vous aurez soin d'exprimer hautement mes sentiments d'amitié pour le roi, d'en parler à s.m. elle-même aussi souvent que possible, et de vous énoncer de la même façon relativement à mon attachement pour s. m. la reine. Vous éviterez de marquer

de l'animosité contre les Français et séparerez constamment la cause de cette nation d'avec celle de son gouvernement. Il sera convenable que Vous ne témoigniez aucune partialité pour l'Autriche et que dans l'occasion Vous vous exprimiez même sur son compte avec une sorte de froideur et de sévérité sans cependant y mettre de l'affectation. Le militaire prussien doit attirer Votre attention et Vos louanges bien placées.

9.

Je ne détermine point la durée de Votre séjour à Berlin parce qu'elle doit dépendre du plus ou moins de confiance que le roi Vous témoignera et de l'utilité que Vous croirez pouvoir en retirer pour mon service. Si, après une ou deux semaines et malgré la manière pressante dont je Vous recommande à ce prince, il Vous montrait une retenue affectée, Vous abrégeriez Votre séjour et, prétextant que Vous devez me rapporter sa réponse à la lettre que je lui adresse par Vous, Vous reviendriez ici en prenant Votre route par Varsovie pour avoir occasion d'examiner avec plus de détails les préparatifs qui se font dans le royaume, mais si, au contraire, il entrait avec Vous dans des explications intéressantes, Vous resteriez à Berlin et Vous tâcheriez de profiter des liaisons que Vous y avez déjà et de celles que Vous y formeriez pour connaître avec exactitude la nature des dispositions qui se font dans le pays et en général pour recueillir des notions aussi détaillées que possible sur la situation des choses en Prusse, sur les vues du roi et sur tout ce qui peut mériter mon attention. Je ne doute pas que Vous n'y mettiez tout Votre zèle et toutes Vos capacités pour justifier pleinement la confiance que je Vous accorde. Je suis...

Alexandre**

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин генерал-адъютант барон Винцингероде. Поскольку король прусский предупредил меня о своем намерении оккупировать Шведскую Померанию, я решил написать ему собственноручное письмо[145], чтобы сообщить мою точку зрения относительно спора между Швецией и Францией, а также мои соображения о позиции, которую мы должны занять в этом деле. Из прилагаемой при сем копии этого письма, содержание которого Вы не должны сообщать никому, Вы увидите, что я представляю Вас королю как человека, пользующегося моим доверием в достаточной степени, чтобы побудить его передать через Вас особо доверительные сообщения, которые он пожелает мне сделать. Я предписываю Вам продлить с этой целью Ваше пребывание в Берлине и всеми возможными средствами попытаться завоевать доверие короля, с тем чтобы расположить его к обсуждению с Вами дел и получить возможность выяснить его истинные намерения и высказать советы, соответствующие моим видам. Вы должны будете внимательно наблюдать за влиятельными лицами министерства, с тем чтобы быть в состоянии представить мне точную информацию о положении дел в этой столице и о настроениях короля. Я укажу Вам ниже вопросы, которым Вы должны уделить особое внимание, но я надеюсь, что Вы не пренебрежете ни одним из тех вопросов, которые могут касаться моих отношений с Пруссией, и что Вы дадите мне точный отчет о результатах Ваших наблюдений. С этой целью Вы можете отправить ко мне сопровождающего Вас фельдъегеря. Что же касается того, каким образом Вы сможете получить аудиенцию у короля, чтобы передать ему мое письмо в собственные руки, Вы договоритесь об этом с моим посланником в Берлине тайным советником Алопеусом.

1.

Намерение прусского короля оккупировать в настоящий момент Шведскую Померанию мотивируется, как Вы видите из прилагаемой при этом ноты[146], врученной моему посланнику в Берлине, настоятельной необходимостью защитить ее от вторжения, которое замышляют французы под тем предлогом, что его шведское в-во ведет переговоры с Англией о заключении договора о субсидиях [147]. Независимо от того, обоснованно это утверждение или нет, прусский король должен прежде всего иметь в виду — и я напоминаю ему об этом в своем письме,— что заключенный по всей форме союзный договор[97] возлагает на меня гарантию этой провинции и на мне лежит обязанность защищать ее от любого нападения; но, кроме

** Контрассигновано А. А. Чарторыйским.

того, Пруссия связала себя со мной в мае прошлого года не менее определенным обязательством *, которое определяет наш образ действий в случае перехода французами линии Везера. В этом обязательстве, копию которого я при этом прилагаю для Вашего личного сведения, указывается, что «*будет противопоставлено совокупное сопротивление всякому новому завладению французского правительства в северных владениях империи, неприкосновенных к спору его с Англией*».

Что касается утверждения французов о том, что шведский король ведет переговоры с Англией о заключении договора о субсидиях, то даже, если этот факт подтвердится, это не должно отразиться на положении суверена Померании, который всегда был и останется непричастным к конфликту Франции с Англией, ибо даже если он и сформирует с помощью субсидий Англии 25-тысячный корпус, то это будет сделано лишь в целях защиты его родовых владений, а отнюдь не в целях нападения на французов или диверсии в интересах их врагов. Поэтому необходимо, чтобы Вы, если представится случай, заявили королю и его министерству, что я с такой добросовестностью отношусь к исполнению своих обязательств, что если Пруссия пойдет на неприкрытую оккупацию Шведской Померании, то я не смогу ни под каким предлогом отказать шведскому королю в выполнении первого же его требования об оказании ему помощи в деле защиты его владений. Положения договора ясны, они известны его прусскому в-ву, и, как ни тяжело было бы для меня действовать против государя, с которым меня связывают столь тесные узы, верность заключенным мною договорам не позволит мне выбирать между лежащим на мне долгом полностью выполнить их, с одной стороны, и долгом, который диктуют мне мои личные симпатии,—с другой. Но, кроме того, существующие между королем прусским и мною договорные обязательства предусматривают, что мы *совместно* должны выступить против новых посягательств Франции. Будучи готов выполнить свои обязательства по отношению к Швеции, *я с еще большей готовностью выполню обязательства, которые я взял на себя по отношению к королю прусскому*.

С законным удивлением я видел до сих пор, что берлинский кабинет, предав забвению тот дух, в котором была заключена наша конвенция, принимает решения без какого бы то ни было предварительного согласования и не приглашает меня принять участие в мерах, имеющих своей целью обеспечение безопасности Германии, гарантировать которую мы обещали друг другу совместно. Вам следует обратить внимание прусского министерства на этот неоспоримый факт; это особенно чувствовалось во время обсуждения известного Вам дела об эвакуации Ганновера, относительно которого Вам следует объясниться в духе инструкций, данных г-ну Алопеусу. Впрочем, я вполне готов согласовать свои действия в этом отношении с его прусским в-вом и оказать ему любую помощь в соответствии с его пожеланиями, чтобы оградить его от неприятностей, которые могли бы быть причинены его монархии французами в отместку за наши совместные демарши.

2.

Некоторое время тому назад я получил из моих провинций, граничащих с Пруссией, сообщения о том, что в этом государстве вдоль моих границ производятся военные приготовления, выразившиеся сначала в закупках зерна, а затем в том, что полкам был отдан приказ быть готовыми к походу через 6 недель, причем эти полки, очевидно, должны были уже получить артиллерию, необходимую для ведения военных действий. Я затрагивал этот вопрос в двух своих письмах к королю, последнее из которых являлось ответом на письмо, которое король не замедлил написать мне, как только ему стали известны мои первые опасения. До Вашего отъезда Вам следует ознакомиться с этими тремя документами[148], и Вы увидите, что в письме короля даются самые твердые заверения в том, что он желает постоянно поддерживать со мной отношения доброго согласия и что он объясняет закупки им зерна только плохим урожаем и необходимостью пополнить свои военные склады по ту сторону Вислы, запасы которых он был вынужден использовать для оказания помощи населению. Однако, поскольку для меня очень важно определенно знать, как следует отнестись к этим приготовлениям, Вы должны во время поездки отсюда в Берлин, во время Вашего пребывания в этом городе и при всех Ваших встречах с министрами короля и с лицами, которые могут быть осведомлены о его намерениях, постараться как можно точнее установить, действительно ли имеют место такие приготовления и каков их характер, а также какое впечатление они производят на армию и гражданское население, с тем чтобы представить мне об этом достоверный и подробный отчет.

3.

У меня есть основания полагать, что вообще в Берлине придерживаются того мнения, что я намерен оставаться безучастным зрителем событий, происходящих в Европе, и, особенно, что прусский кабинет считает, что, пользуясь отношениями дружбы и доверия, установившимися между королем и мною, он может по своему желанию парализовать любые действия с моей стороны против Франции или Пруссии. Эти мнения являются ошибочными, и Вы должны будете опровергнуть их, не теряя, однако, чувства меры. Я действительно питаю к королю искренние чувства симпатии, но эти чувства никогда не будут столь сильны, чтобы

я мог терпеливо мириться с тем, что Пруссия будет и далее благоприятствовать планам Бонапарта и в силу этого станет его первым помощником. Для меня важно, чтобы Вы ясно изложили мою точку зрения на этот счет королю и министерству, но избегали при этом угроз и всего того, что могло бы *возбудить настороженность и недоверие относительно моих дальнейших видов.*

4.

Препятствия, чинимые королем всякий раз, когда нужно выступить против захватнических действий Франции или согласовать меры с целью поставить им предел, вызывают у меня опасение, что он заключил с Бонапартом секретное соглашение [149], в силу которого Пруссия обязалась поддерживать французскую политику, получив обещание о каком-либо новом приобретении. Вы должны постараться проверить обоснованность моих опасений на этот счет, ибо если они оправдаются, то Пруссия утратит право на предупредительное отношение с моей стороны, и я должен буду сделать вывод, что личная дружба короля ко мне была лишь орудием, которым воспользовались его министры, чтобы в еще большей степени скрывать от меня свою изворотливую и неискреннюю политику.

5.

Поскольку общее положение дел в Европе и все более активные захватнические действия нынешнего главы французского правительства могут вынудить меня принять решение о приведении в действие моих сил в целях восстановления равновесия в Европе и обеспечения ее спокойствия, я желаю точно знать, какую позицию Пруссия заняла бы в этом случае, и Вы должны постараться разузнать намерения короля и его министерства по следующим трем пунктам:

1. В случае, если я окажусь в состоянии открытой войны с Францией, восстановит ли король демаркационную и нейтральную линию и где пройдет эта линия, или же он ограничится в этом случае сохранением нейтралитета одной лишь Пруссии.

2. Вы должны постараться узнать, как отнесся бы король к моему предложению заключить соглашение о совместных наступательных действиях против Франции, в которые мы постарались бы вовлечь и Австрию.

3. Помимо этого, Вам следует возможно точнее выяснить, какое решение намерены принять король и министерство в случае, если бы я потребовал от короля, чтобы он выступил либо на моей стороне, либо на стороне Франции, и если бы я поставил его перед альтернативой: воевать или с этой державой, или с моей империей. Если у Вас появится надежда на успех переговоров по вопросу, изложенному во втором пункте, Вам нужно будет постараться прозондировать короля или его министров относительно того, что он хотел бы получить в порядке компенсации за издержки подобной войны и удовольствуется ли он надеждой на возвращение владений, утраченных им в результате последней войны, или же потребует уступить ему какие-либо другие земли. Во всех случаях, когда Вы будете вести переговоры по этому вопросу, Вам надлежит тщательно воздерживаться от каких бы то ни было заявлений или обещаний от имени Австрии; Вы можете предъявлять требования и выступать только от моего имени, заверяя прусский кабинет в том, что, прежде чем делать какое-либо предложение германскому императору, мне очень важно было бы знать намерения короля, содействие которого необходимо для осуществления крупных операций против Франции, но что я не сомневаюсь, что Австрию можно будет склонить к этому, если Пруссия в полнейшей тайне сообщит мне свою позицию. Хотя я считаю весьма маловероятным, что Вам представится возможность вступить в подобного рода переговоры, я полагаю, однако, необходимым указать, какие аргументы Вы можете использовать для того, чтобы побудить короля договориться со мной с целью положить предел тщеславию Бонапарта и восстановить равновесие в Европе. Король питает явное отвращение ко всему, что похоже на коалицию, и результаты последней коалиции дают ему для этого основания, но стоит только сравнить тогдашнее положение вещей с нынешним, и его систему легко опровергнуть. В начале последней войны Австрия и Пруссия действовали почти в одиночестве. Они сражались против революционных принципов, более опасных, чем армии, и придававших этим последним еще больший энтузиазм; сейчас французы уже не располагают прежними возможностями, а Россия готова предоставить союзникам дополнительно значительные силы; наша цель будет заключаться уже не в том, чтобы бороться с революцией, а в том, чтобы уменьшить чрезмерную мощь правительства, которое всегда готово обрушиться на своих соседей, уже захватило лучшие области Европы и, кажется, не намерено на этом остановиться. Пруссия заинтересована в этом более непосредственно, чем я, но все же я изъявляю готовность употребить для этой цели такие же средства, как и она. Австрии слишком хорошо известны ее средства, чтобы она упустила такую благоприятную возможность обезопасить себя от нападения со стороны Франции. Следовательно, было бы нетрудно побудить ее следовать той же политике, что и мы, и нет никакого сомнения в том, что благодаря объединению наших усилий мы смогли бы в скором времени обезопасить Европу от новых притеснений.

В силу маловероятности того, что король прусский присоединится к подобным планам, я рекомендую Вам при выполнении моих указаний на этот счет действовать с чрезвычайной

осмотрительностью, особенно тщательно следя за тем, чтобы не скомпрометировать Австрию и не дать берлинскому двору ни малейших оснований считать, что мне известны виды венского двора в этом отношении. Считаю нужным сообщить для Вашего личного сведения и для того, чтобы Вы использовали это в зависимости от обстоятельств, что, если Пруссия категорически откажется принять участие в совместных действиях против Франции, я, вступая в войну с Францией, на худой конец согласился бы допустить нейтралитет Пруссии, если только он будет распространяться лишь на Пруссию и исключительно на собственно прусские владения; что я не мог бы допустить нейтралитета, который распространялся бы на соседние страны и мешал бы военным действиям в Германии, и что упорство Пруссии в стремлении к осуществлению такой меры было бы равносильно союзу с Францией.

6.

Поскольку некоторые сведения дали основания предполагать, что берлинский двор, возможно, готов сблизиться с венским двором, состоялся обмен нотами в связи с этим. Из прилагаемых при сем копий Вы узнаете о ходе этих переговоров. Чтобы мне не пришлось упрекать себя в том, что я пренебрег чем-либо из того, что могло бы побудить Пруссию проводить политику, более соответствующую ее истинным интересам, я уполномочил моего посланника в Берлине продолжать эти переговоры и дал ему на этот счет прилагаемые при этом предписания, составленные в полном соответствии с мнениями, которых, по сообщениям нашего посланника, придерживается министр, ведающий иностранными делами. Я хочу, чтобы Вы предоставили ему действовать самому и, известив его, что Вы осведомлены о данных ему на этот счет предписаниях, попытались также склонить барона Гарденберга к обмену мнениями с Вами по этому вопросу, с тем чтобы со своей стороны содействовать ходу этих переговоров и иметь возможность определить, как тайный советник Алопеус выполняет мои повеления, о чем Вы сможете судить также и по другим сообщениям, которые ему поручено сделать и которые равным образом имеют отношение к Вашей миссии.

7.

Я рекомендую Вам выказывать доверие моему посланнику в Берлине и стараться заслужить его доверие, обращаясь к нему за советами относительно того, как Вам следует действовать, чтобы наилучшим образом выполнить мои повеления, однако будьте с ним откровенны лишь в том, что касается официальной цели Вашей миссии. Я желаю, чтобы Вы проследили за его действиями и доложили мне, с тем чтобы я знал, насколько можно ему доверять. Он сумел завоевать доверие министра кабинета, но до сих пор это не оказало никакого благоприятного воздействия на ход дел; поэтому важно, чтобы я точно знал, чему мы обязаны тем постоянным разочарованием, которое этот двор заставляет нас испытывать, и можно ли каким-либо образом преодолеть нежелание короля войти в мои виды. Уже имел место случай, когда Россия имела в Берлине двух посланников одновременно; я был бы склонен к тому, чтобы направить туда еще одно лицо, облеченное моими полномочиями, но прежде чем решиться на такой демарш, я желаю знать, какое впечатление он произведет на короля и министерство и не лучше ли было бы совсем отозвать моего теперешнего посланника или же, несмотря на создавшееся впечатление, я еще могу рассчитывать на его усердие и таланты.

8.

Среди близких к королю лиц Вам необходимо уделить особое внимание министру барону Гарденбергу и искать сближения с ним; он выказывает наилучшие намерения, а все недомолвки и колебания прусского кабинета приписывает характеру короля и его правилу избегать всего, что могло бы привести к войне с Францией. Однако Вы постараетесь определить, насколько можно верить его словам и действительно ли он готов придерживаться такой же политики, какую провожу я. Генерал-адъютант Кёкриц и секретари кабинета Бейм и Ломбард составляют партию, находящуюся в настоящее время в оппозиции к министерству. Они стараются удержать короля в состоянии апатии, в котором он находится, с целью дать возможность Бонапарту, приверженцами или платными агентами которого они являются, осуществить его тщеславные виды без какого-либо противодействия со стороны европейских держав. Я уже предписал моему посланнику попытаться добиться отстранения как их, так и маркиза Люккезини, прусского посланника в Париже, с занимаемых ими постов, но пока это ему не удалось. Ваше личное поведение сможет в большой степени повлиять на успех доверенной Вам миссии. Вам надлежит во всеуслышание говорить о моих дружеских чувствах к королю, как можно чаще заверять в этом е. в-во и аналогичным образом высказываться относительно моей преданности ее в-ву королеве. Старайтесь не проявлять враждебности по отношению к французам и всегда делайте различие между делом этой нации и делом ее правительства. Вам следует не выказывать какой-либо пристрастности к Австрии и даже, при случае, высказываться на ее счет с некоторой холодностью и суровостью, но без аффектации. Прусские военные должны явиться предметом Вашего внимания и, когда это будет уместно, высказывайте похвалы по их адресу.

9.

Я отнюдь не ограничиваю продолжительность Вашего пребывания в Берлине, так как она должна зависеть от того, какое доверие Вам окажет король и какую пользу Вы сочтете возможным извлечь из этого для моей службы. Если по истечении одной или двух недель и несмотря на то, что я весьма настоятельным образом рекомендую Вас королю, он будет проявлять по отношению к Вам нарочитую сдержанность, Вы сократите свое пребывание и под тем предлогом, что Вы должны передать мне его ответ на письмо, которое я направляю ему через Вас, вернетесь сюда через Варшаву, чтобы иметь возможность более подробно ознакомиться с приготовлениями, осуществляемыми в королевстве. Если же, напротив, король вступит с Вами в представляющие интерес объяснения, Вы останетесь в Берлине и постараетесь использовать связи, которые у Вас там уже имеются и которые Вы там установите, для того чтобы точно выяснить характер проводимых в стране мероприятий и вообще собрать возможно более подробные сведения о положении дел в Пруссии, о намерениях короля и обо всем, что может заслуживать моего внимания. Я не сомневаюсь, что Вы проявите все свое усердие и способности, чтобы полностью оправдать доверие, которое я Вам оказываю.

Пребываю...

Александр**

92. Инструкция товарища министра иностранных дел А. А. Чарторыйского посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

16(28) января 1805 г.

Monsieur, c'est avec une attention toute particulière que j'ai lu les rapports de v. ex. sub. N 346* et 356[150], et j'ai remarqué également avec intérêt que dans sa lettre confidentielle du 24 décembre elle se flattait d'avoir tracé les premières lignes d'un accord qui peut seul assurer la paix du continent et rétablir l'équilibre de l'Europe sur des bases solides. Les notes verbales[151], échangées entre l'Autriche et la Prusse, ne présentent encore que de bien faibles éléments qui difficilement pourraient mener à un résultat salutaire, si les explications du b[ar]on de Hardenberg ne faisaient présumer qu'il espère porter le roi à se prononcer plus clairement et avec plus de latitude. J'ai été particulièrement attentif au compte que Vous rendez de ce que ce ministre a dit au comte de Metternich et à Vous, monsieur, et j'ai scruté surtout le sens des expressions suivantes pour juger avec précision les intentions du b[ar]on de Hardenberg: «Soyez convaincu, a-t-il dit au comte de Metternich, que vos principes sont les nôtres, et pourvu que vous ne veuillez ni d'une ligue offensive avec l'Angleterre, ni faire entrer pour rien des vues d'agrandissement pour une puissance quelconque dans les mesures à concerter, je m'emploierai de tout mon pouvoir à la chose, convaincu que jamais on ne fera goûter au roi rien de ce qui tendrait à ces deux buts**». M[r] le b[ar]on de Hardenberg Vous a dit, qu'il lui avait été impossible de vaincre la répugnance du roi de consentir à la conclusion d'une convention *formelle* dans laquelle se trouveraient consignés les principes qu'énonce la note verbale; cette répugnance étant uniquement motivée par l'appréhension qu'a s.m. d'attirer sur elle une grande partie des forces françaises et de voir ses provinces ruinées avant même que ses alliés eussent le temps de venir à son secours; que, par conséquent, lui, b[ar]on de Hardenberg, devait abandonner au cabinet de Vienne d'imaginer tel expédient qu'il trouvera convenable et propre à être substitué à un acte signé par des ministres.

Les difficultés que présente une union entre l'Autriche et la Prusse se réduisant donc d'après ce discours à deux points—que le concert soit défensif et que la Prusse soit rassurée contre les attaques de la France—il m'a paru qu'il serait possible de les lever actuellement sans beaucoup de peine, car pour ce qui

* См. док. 76.
** Из донесения М. М. Алопеуса от 4(16) декабря 1804 г. (см. док. 76).

concerne la crainte qu'il ne soit question de projets d'agrandissement pour une puissance quelconque, il me semble que le cas d'une guerre arrivant, il serait facile et convenable de s'entendre plus particulièrement sur cet objet. Mais avant de travailler à lever les obstacles qui peuvent entraver cette œuvre salutaire, j'ai eu à combattre un éloignement marqué de l'empereur à faire la moindre démarche sur des insinuations du ministère prussien. Cet éloignement ne résulte nullement d'un manque de confiance pour le b[ar]on de Hardenberg. J'ai déjà eu occasion de Vous faire connaître, monsieur, celle que l'empereur met dans ce ministre et dans ses bonnes dispositions personnelles; mais il n'en est pas moins vrai, qu'au mois de juin 1803***, lors de l'occupation du pays d'Hanovre par les Français, pareille insinuation Vous fut faite par le comte de Haugwitz. L'empereur se rappelle l'empressement qu'il mit à y donner suite, mais il se rappelle aussi combien ses espérances furent déçues. Nulle proposition ne fut acceptée, et nous avons tout lieu de croire que celles, auxquelles nous nous sommes portés à la demande du comte de Haugwitz et sur Votre avis, ont servi peu après d'instrument à la Prusse pour convaincre la France de la sincérité de son amitié. Voilà, monsieur, ce qui a fait balancer l'empereur à adopter la marche que Vous proposez. J'ai cependant obtenu son agrément pour Vous autoriser à continuer cette négociation; mais je n'ai pu vaincre sa résolution de ne point écrire au roi, avant que Vous ne soyez plus sûr de la réussite des vues salutaires du b[ar]on de Hardenberg. C'est cette même considération et la persuasion, que si un concert entre l'Autriche et la Prusse peut s'effectuer, ce ne sera qu'après que les bases en auront été discutées et arrêtées entre les cours de Berlin et de St.-Pétersbourg, qui ont déterminé l'empereur à Vous envoyer la présente instruction sans avoir l'avis de la cour de Vienne à son égard.

L'empereur, étant convaincu que l'Autriche désire ardemment ce concert, est sûr de la disposer facilement à souscrire aux engagements qu'il aura amenés et discutés pour cette puissance. S.m.i. préfère à cette occasion, comme en bien d'autres, s'adresser à l'amitié du roi s'en remettant entièrement à l'intimité que ce prince veut voir subsister entre lui et la Russie pour le déterminer à une mesure qui, sans compromettre aucun des intérêts du roi, ne dévie en rien des principes qu'il a adoptés et ne tend qu'à leur donner plus d'étendue et de réalité. Cette marche peut faciliter également le maintien du secret, dont le b[ar]on de Hardenberg a reconnu à juste titre la nécessité et que nous sommes très décidés à garder scrupuleusement. Je n'ai plus à ajouter aux motifs que je Vous ai allégués ici de la détermination de notre auguste maître que celui qui dérive de la confiance qu'il accorde à v. ex. et qui ne lui a laissé aucun doute que Vous ne prissiez, monsieur, même sans sa coopération directe, les mesures les plus propres à amener le but constant de la sollicitude de s.m.i., l'établissement d'un concert intime entre la Russie, l'Autriche et la Prusse appelées, par le rôle qu'elles jouent en Europe, à y assurer et garantir un équilibre solide et équitable.

Les dernières communications entre la cour de Vienne et celle où Vous résidez ont montré, comme je l'ai dit plus haut, que les difficultés, qu'il fallait lever pour parvenir à réunir ces deux puissances, étaient: 1) de ne songer à établir entre elles qu'un concert défensif et 2) de rassurer pleinement le roi de Prusse contre les attaques de la France. Ces points sont la base de laquelle nous sommes partis et les instructions que je Vous trace ici en sont la conséquence.

Les ouvertures que le b[ar]on de Hardenberg Vous a faites, le désir qu'il a montré de voir la Russie proposer ce concert, la confiance illimitée que nous

*** Имеется в виду предложение о заключении русско-прусской конвенции о защите Северной Германии (см. т. I, док. 184).

mettons dans la cour de Prusse et, je dirais même, la préférence que nous lui témoignons en nous occupant de discuter avec elle les intérêts de l'Autriche sans avoir encore à cet égard le consentement formel de cette puissance, tout nous fait espérer que Vous n'aurez point de peine à déterminer le cabinet prussien à s'ouvrir avec plus de détails à nous sur ses véritables intentions relativement à un concert défensif entre l'Autriche, la Prusse et la Russie.

Vous engagerez donc le ministre d'Etat et de cabinet à commencer par obtenir du roi de se déclarer s'il consent à s'ouvrir dans le plus grand secret vis-à-vis de notre auguste maître sur l'objet d'un concert purement défensif à établir avec l'Autriche, et qui fournirait à la Prusse les sûretés les plus efficaces pour le cas où les Français voudraient l'attaquer. Si le roi paraissait disposé à entrer dans de semblables vues, Vous avanceriez que notre opinion est que la forme de lettres autographes, écrites par un souverain à l'autre, peut parfaitement remplacer des actes signés par des ministres; les entretiens que Vous avez eus avec le b[ar]on de Hardenberg prouvent qu'il est de cet avis et qu'il désirait même que l'Autriche adoptât ce mode. Vous entreriez immédiatement en discussion sur la teneur de semblables lettres, et Vous proposeriez, comme une pièce rédigée par Vous, le projet ci-joint[152]. Son contenu exige quelques explications pour Vous apprendre avec précision le but que nous en attendons et, par conséquent, les modifications dont il serait susceptible.

Le préambule ne renferme que des principes, non seulement adoptés depuis longtemps par la Prusse, mais même constatés et promulgués par elle à différentes reprises et nommément dans sa déclaration du 24 mai**** et dans sa note verbale[151] au comte de Metternich, où Vous les retrouverez tous, et exprimés, qui plus est, avec les mêmes mots. Cette rédaction a été adoptée pour convaincre la Prusse, qu'on n'avait d'autre vue que de donner plus d'étendue à son système et lui prouver qu'il n'est nullement question d'un concert offensif. Ce préambule qui, aussi bien que l'engagement qu'il contient de s'entendre avec l'Autriche sur des mesures et démarches communes, ne renferment pas une idée offensive et ne souffriront donc que de légères modifications auxquelles nous Vous autoriserions à Vous prêter, pourvu qu'elles ne changent point la série des idées.

Le premier engagement précis du projet de lettre est parfaitement de nature à calmer les craintes que le b[ar]on de Hardenberg Vous a dit empêcher le roi de se prêter à un concert. Car, si s. m. appréhende une attaque de la part des Français en haine des stipulations dont il s'agit en ce moment, la coopération seule de l'Autriche et de la Prusse suffirait sans doute pour arrêter les premiers coups des Français, mais comme notre auguste maître est prêt à se joindre à ce concert et à aider l'Autriche et la Prusse par des moyens considérables, il ne peut rester aucun doute au roi sur l'efficacité de nos efforts réunis et, par conséquent, aucun sujet de crainte quelconque pour les suites que pourrait entraîner ce concert.

Nous n'avons pas jugé à propos de prononcer sur le nombre de troupes que chacune des deux puissances s'obligerait de faire agir contre l'ennemi commun, ce nombre devant être fixé par elles-mêmes; s.m. s'est bornée à offrir pour sa part 100 mille hommes de ses troupes; mais nous ne doutons pas que la Prusse et l'Autriche, qui par leur position ont un intérêt aussi direct qu'immédiat au succès des opérations, ne veuillent y employer toutes leurs forces et, certes, si l'on en venait là, jamais la France n'aurait eu à combattre une réunion aussi imposante.

Le second engagement précis serait destiné à renfermer les différents cas où le concert aurait son plein effet; il coûterait le plus de peine à régler, parce

**** См. док. 23.

qu'il doit être combiné de manière à ce que la Prusse consente à l'admettre, à ce qu'il présente une parfaite réciprocité entre cette puissance et l'Autriche, et à ce que leurs engagements mutuels garantissent aussi bien la sûreté de l'Europe, que sa tranquillité future. Ce paragraphe devrait donc contenir d'après sa nature toutes les démarches du gouvernement français, qui constateraient une infraction formelle de la paix publique. Si la Prusse admettait cette base générale, le sort de l'Europe serait décidé et l'influence de la France bornée aux Etats qu'elle occupe en ce moment. Ce serait, à la vérité, avoir encore bien peu obtenu, mais au moins se consolerait-on par la conviction d'avoir mis des bornes aux envahissements ultérieurs de la France. Mais comme dans toutes les hypothèses il est nécessaire d'établir avec précision les cas où le concert projeté serait exécuté, je vais Vous tracer successivement les points sur lesquels il nous paraîtrait indispensable de s'entendre et les arguments qui doivent déterminer la Prusse à les admettre. Vous en ferez l'objet de Vos discussions avec Mr le b[ar]on de Hardenberg et Vous nous rendrez un compte détaillé de leur résultat.

Le premier cas où le concert devrait être mis à exécution serait, si le gouvernement français faisait passer un corps de troupes au-delà du Weser ou au-delà du Rhin sur toute la ligne depuis Clèves jusqu'à Basle ou Constance. Cette stipulation est si intimement liée aux intérêts des monarchies autrichienne et prussienne, elle présente une réciprocité si parfaite pour l'une et l'autre puissance et un avantage si palpable pour le bien-être de l'Allemagne et celui de l'Europe en général, qu'elle semble inhérente à toute transaction quelconque entre les cours de Berlin et de Vienne, et, surtout, lorsque, comme dans le cas présent, le but de leur union est la conservation des Etats faibles et la sûreté de l'Europe. Elle fait donc une clause indispensable du concert à établir, et je crois que, si le roi de Prusse a réellement le désir d'adopter un système plus conforme aux véritables intérêts de sa monarchie et de l'Europe en général, que celui qu'il a suivi jusqu'ici, il ne saurait balancer à donner aux liaisons dans lesquelles il entrerait l'étendue nécessaire pour ne pas les rendre illusoires.

Le second cas serait, si le gouvernement français faisait avancer un corps de troupes pour occuper la Suisse; et la Prusse devrait également y souscrire; car la position de la Suisse est tellement dominante sur les Etats héréditaires de l'Autriche, que si les Français y établissaient une armée, s.m. i[mpériale] et r[oya]le serait obligée de se mettre sur le champ en mesure de repousser une attaque, qui tournerait totalement au désavantage de sa monarchie et, par conséquent, occasionnerait un nouveau bouleversement en Europe, si des mesures combinées d'avance ne lui assuraient le secours immédiat et efficace de la Russie et de la Prusse.

Le troisième cas serait, si le gouvernement français faisait occuper la capitale du royaume de Naples, la Calabre et les forteresses de Capoue et de Gaete. Il est destiné à prévenir de nouveaux envahissements en Italie. Le b[ar]on de Hardenberg Vous a fait entendre à cet égard qu'il serait plus avantageux de ne pas insister sur une stipulation de cette nature, parce qu'il ne comptait jamais pouvoir réussir à faire adopter au roi des mesures pour cette partie de l'Europe. Je conçois que, lorsque la Prusse prend des engagements purement et simplement adaptés à ses propres intérêts, elle peut à sa volonté détacher de son système politique telle ou telle partie de l'Europe, mais elle ne saurait se guider d'après les mêmes principes, lorsqu'il est question d'un concert pour rétablir l'équilibre détruit en Europe, mettre les Etats faibles à l'abri des envahissements d'une puissance qui est constamment disposée à se prévaloir de l'agression la plus inattendue, tandis que nos projets ne tendent qu'à pouvoir la repousser avec succès. Notre auguste maître, en offrant des secours considérables

pour aider la Prusse et l'Autriche dans leur système de défense, n'est mû que par l'espoir de voir tous les Etats de l'Europe garantis des invasions de la France. L'Autriche consentirait-elle à prendre des engagements précis avec la Prusse pour assurer la tranquillité du Nord de l'Allemagne, si cette puissance se refusait à la prémunir contre une attaque sur la partie de ses frontières la plus menacée, sur celle qui a déjà servi de poste aux Français pour pénétrer au centre de ses Etats héréditaires? Je ne saurais donc assez Vous recommander, monsieur, de débattre cet objet avec le b[ar]on de Hardenberg et de lui dire que nous désespérerions de pouvoir amener l'Autriche à nos vues, si le roi n'avait pas égard en cette occasion à la différence de position de la Prusse et de l'Autriche relativement à l'Italie. La première de ces puissances en étant éloignée se persuade à tort qu'elle peut être indifférente à ce qui s'y passe, tandis que la seconde y touche par des possessions précieuses et par ses frontières les plus exposées. Je ne ferai ici aucune mention de l'intérêt vif que prend l'empereur au bien-être de s.m.s[icilien]ne et des traités que nous avons avec ce prince, considérations qui devront cependant avoir aussi leur force dans un concert où la Russie doit entrer; je me bornerai d'observer que si la Prusse se déterminait par des raisons de prudence à ne pas contracter d'engagements qui pourraient la mener à prendre part aux affaires de l'Italie, cette même considération doit empêcher l'Autriche de rien stipuler qui puisse lui lier les mains au point de négliger les mesures de précaution que sa sûreté exigerait. Cette différence de position topographique et de rapports politiques rend donc nécessaire ou que la Prusse adopte cet article, ou qu'elle lui en substitue un autre susceptible d'être admis par l'Autriche. S.m.i. désirant que dans la discussion de cette affaire importante il y ait le moins de temps perdu possible, Vous autorise, si la Prusse persistait à ne point vouloir adopter la stipulation telle qu'elle est tracée plus haut et que Vous fussiez déjà avancé pour les autres points, de vous adresser, après en être convenu préalablement avec le b[ar]on de Hardenberg, au comte de Metternich pour tâcher de Vous procurer avec promptitude par son canal des notions précises sur les opinions de la cour de Vienne à cet égard. J'ai cherché, de mon côté, s'il n'y aurait pas moyen de combiner l'intérêt et les vues de l'une et de l'autre puissance. Il m'est venu à cet égard une idée que je vais Vous confier et qui pourrait, si la Prusse s'obstine à ne point adhérer à l'article 3, nous faciliter un terme moyen auquel l'on parviendrait peut-être à faire accéder l'Autriche. Pour l'espérer il s'agit de la tirer de l'embarras funeste où elle se trouverait, si, par crainte de perdre la coopération de s.m. le roi de Prusse, elle était obligée de fermer les yeux sur tout ce qui se passerait en Italie et permettre que les Français y réunissent tous leurs moyens pour l'attaquer avec avantage, sans qu'elle osât les prévenir pour éviter l'apparence de l'offensive. Une stipulation, comme je l'entends, semblerait d'un autre côté, il est vrai, laisser à l'Autriche la faculté (de laquelle certes elle n'aurait guère envie de profiter) de commencer la guerre et pourrait paraître au roi d'une nature hostile contre la France, mais pour aplanir cette difficulté ne pourrait-on pas stipuler que la Prusse dans ce cas n'aurait l'obligation de prendre part à la lutte qu'autant que les Français dépasseraient la ligne du Weser, du Rhin et de la Suisse, ce qui resterait, par le fait, le seul *casus foederis* obligatoire pour la Prusse. Puisqu'elle croit devoir séparer entièrement l'Italie de sa politique, il faut donc, que cette séparation pour être admissible soit complète, et que les événements, qui pourraient survenir dans cette contrée, ne puissent en rien diminuer la force des stipulations qui seraient la sauvegarde de l'Allemagne. Je Vous indiquerai comment je crois que l'article pourrait être conçu, et Vous ne les présenteriez au b[ar]on de Hardenberg, quand Vous en verriez la nécessité, que comme une idée qui m'a été suggérée par le désir de combiner les intérêts des deux puissances et qu'il serait

indispensable de discuter à fond avec l'Autriche. Le roi de Prusse dirait dans sa lettre: «Si les préparatifs des Français en Italie donnent lieu à v.m. de supposer qu'ils ont le projet d'attaquer ses Etats et qu'elle se voit forcée de les prévenir pour empêcher une invasion de leur part, cette détermination ne me donnera que plus de motifs de remplir fidèlement mes engagements défensifs aussitôt qu'une armée française ferait une invasion en Allemagne ou en Suisse, ainsi qu'il est dit ci-avant».

J'ai également pensé que si la Prusse faisait les mêmes difficultés d'admettre le second article que nous prévoyons relativement au 3, on pourrait encore tâcher d'y remédier en envisageant la position de la Suisse sur le même rapport que celle de l'Italie et il n'y aurait alors qu'à ajouter dans le paragraphe, dont je viens de Vous tracer le projet, les mots *et en Suisse* après ceux de *en Italie* et à effacer la mention faite de ce premier pays à la fin de l'article.

Le quatrième cas serait, si le gouvernement français faisait une attaque contre les Etats de la Porte Ottomane ou de la République des Sept Iles unies. Il est de nature à être inséré par égard pour l'intérêt que prend la Russie au bien-être de ces Etats et en reconnaissance du concours puissant qu'elle offre pour le présent concert, et nous nous flattons que la Prusse ne fera pas de difficultés de l'admettre.

Le cinquième cas serait, si le chef actuel du gouvernement français réunissait à l'hérédité de sa maison la République batave ou les Etats que ses troupes occupent en Italie ou en Allemagne, et s'il annonçait d'une manière indubitable le désir de se faire couronner empereur d'Allemagne. Il présente un intérêt parfaitement égal pour la Prusse et pour l'Autriche et, par conséquent, son admission ne peut rencontrer de grandes difficultés.

Le paragraphe, qui restreint la force du concert aux seuls objets d'une importance majeure, est entièrement tiré de la déclaration que le roi de Prusse a donnée à notre auguste maître le 24 mai et son admission ne peut, par conséquent, souffrir aucune difficulté. Celui, qui fait sur la nécessité de ne pas poser les armes que d'un commun accord, est de nature à présenter une nouvelle sûreté à la Prusse de la pureté de nos intentions et de notre désir sincère de la garantir pleinement contre les effets qu'elle paraît appréhender d'un pareil concert. Le dernier, enfin, qui établit le degré de foi qu'on ajoutera à la forme dans laquelle les stipulations seront comprises, pourra être modifié suivant le bon plaisir du roi, pourvu que sa nouvelle rédaction ne diminue pas la force de la transaction.

Les détails, dans lesquels je suis entré sur le contenu de projet de lettre qui est joint à cette dépêche, m'ont paru suffisants pour Vous mettre à même, monsieur, de convaincre le cabinet prussien du désir que nous avons de ne le voir contracter avec l'Autriche que sur la base d'une parfaite réciprocité. Le b[ar]on de Hardenberg et Vous, monsieur, avez tous deux envisagé le concours de notre auguste maître à ce concert comme nécessaire pour y déterminer le roi, s.m.i. m'a permis de Vous autoriser à déclarer en son nom qu'elle est disposée à accéder aux stipulations qu'il renfermera et prête à échanger ses lettres autographes contre celles de leurs majestés autrichienne et prussienne, lorsque leur teneur aura été réciproquement convenue.

Quoique la proposition dont Vous êtes chargé ici, monsieur, ait été amenée par les confidences du b[ar]on de Hardenberg et qu'on doive par conséquent l'envisager comme provoquée par la Prusse, cependant, il est possible qu'on Vous objecte à Berlin que le roi ne peut se prononcer avec précision sans y être provoqué par une démarche formelle de la part de l'empereur d'Allemagne; dans ce cas Vous feriez envisager au b[ar]on de Hardenberg l'avantage marquant qu'il y a pour son maître de convenir de tout avec le nôtre avant d'y faire intervenir l'Autriche, et Vous lui offririez de convertir la nature de Vos

communications en propositions formelles, pourvu qu'il soit sûr alors de faire adopter nos vues au roi; mais tant que le ministre du cabinet ne Vous aura pas donné cette assurance positive, Vous vous bornerez à des démarches confidentielles et verbales et en observant de ne lui laisser aucunes preuves écrites des présentes communications. Il ne peut être choqué de cette retenue, la prudence de la Prusse nous force à adopter la même marche; le roi et son ministre ont toute la confiance de l'empereur, mais il appréhende les indiscrétions des alentours, et ce qui s'est passé en 1803 relativement au Hanovre a tellement prévenu l'empereur contre toute démarche à faire qui ne serait pas formellement demandée par la Prusse, qu'il ne veut y procéder qu'avec une circonspection infinie. Lorsque la négociation sera plus avancée, quand la Prusse se sera expliquée plus clairement sur ses vues, notre auguste maître ne fera aucune difficulté de fournir au roi les preuves les plus convaincantes de son désir d'établir ce concert sur des bases solides; mais jusque là, il veut que Vous calculiez Vos démarches de manière à ce qu'il ne reste dans le cabinet prussien aucune trace de ces ouvertures, si les nouveaux efforts, que fait s.m. pour porter la Prusse à des vues plus étendues que celles qui l'ont dirigée jusqu'ici, restent sans effet. L'empereur tient d'autant plus à cette réserve que les démarches qu'il Vous a prescrites, monsieur, ont été pleinement motivées par ce que Vous nous avez dit des opinions du ministre du cabinet, et que s.m.i. s'y est déterminée pour n'avoir pas à se faire le reproche d'avoir rien négligé de ce qui peut contribuer à amener un concert aussi efficace pour le bonheur de l'Europe, pour l'affermissement et la conservation de l'union et de l'intimité qui subsistent entre la Russie et la Prusse. Notre auguste maître attache un intérêt tout particulier à ce résultat heureux et il se flatte que la faiblesse ordinaire des résolutions du cabinet prussien ne prévaudra pas dans cette occurence sur des motifs aussi puissants.

Les sentiments du roi sont sans doute respectables, ils peuvent même être très vifs pour la personne de l'empereur, mais les malheurs de l'Europe n'en vont pas moins en croissant, et l'énergie des grandes puissances paraît diminuer de jour en jour. Travaillez donc sans relâche, monsieur, à faire sortir la cour où Vous êtes de l'apathie qui la maîtrise; demandez à cet effet les autorisations qui pourraient Vous manquer et soyez sûr que chaque pas que Vous aurez fait vers ce but Vous méritera de véritables titres à la bienveillance de notre auguste maître.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, с особым вниманием прочел я донесения в. пр-ва за №№ 346* и 356[150] и с интересом отметил, что в Вашем конфиденциальном письме от 24 декабря Вы льстите себя надеждой, что Вам удалось наметить основы соглашения, которое одно только может обеспечить мир на континенте и восстановить равновесие в Европе на прочных основах. Обмен вербальными нотами[151] между Австрией и Пруссией является лишь первым и весьма робким шагом, который вряд ли мог бы привести к спасительному результату, если бы объяснения барона Гарденберга не позволяли предполагать, что он надеется побудить короля высказаться более ясно и полно. С особым вниманием прочел я в Вашем донесении то, что этот министр сказал графу Меттерниху и Вам, милостивый государь, а для того чтобы точно судить о намерениях барона Гарденберга, я особенно тщательно изучил смысл следующих выражений: «Будьте уверены,— сказал он графу Меттерниху,— что наши принципы совпадают, и если только Вы не будете стремиться к наступательному союзу с Англией и к включению в договор о мерах, которые предстоит согласовать, видов на территориальные приобретения в отношении какой-либо державы, то я употреблю все мои силы ради этого дела, будучи убежден, что невозможно добиться одобрения королем чего-либо, имеющего в виду эти две цели» **. Г-н барон Гарденберг сказал Вам, что он был не в силах преодолеть

нежелание короля согласиться на заключение формальной конвенции, где нашли бы свое выражение принципы, о которых говорилось в вербальной ноте; это нежелание мотивируется единственно опасением е. в-ва, что он навлечет на себя большую часть французских сил и его провинции будут разорены раньше, чем его союзники успеют прийти ему на помощь; поэтому он, барон Гарденберг, должен был предложить венскому кабинету указать, чем, по его мнению, было бы уместно заменить акт за подписями министров.

Так как трудности на пути к союзу между Австрией и Пруссией, по словам Гарденберга, сводятся, таким образом, к двум пунктам: соглашение должно быть оборонительным, и Пруссия должна быть спокойна относительно нападения со стороны Франции, — то, помоему, вполне возможно устранить их в настоящее время без особого труда, ибо, что касается опасений, связанных с возможными планами территориальных приобретений в отношении какой-нибудь державы, мне представляется, что в случае возникновения войны было бы легче и уместнее договориться более конкретно по этому вопросу. Но прежде чем приступить к преодолению препятствий, которые могут помешать этому спасительному делу, я должен был побороть заметное нежелание императора предпринимать какие бы то ни было шаги на основании неопределенных заявлений прусского министерства. Это нежелание отнюдь не является следствием недостаточного доверия к барону Гарденбергу. Я уже имел случай поставить Вас в известность, милостивый государь, о том доверии, которое император питает к этому министру и его добрым намерениям, однако нельзя забывать, что в июне 1803 г., во время оккупации Ганновера французами, подобное заявление было Вам сделано графом Гаугвицем *** Император помнит, с какой готовностью он дал ход этому делу, но он помнит также и то, как сильно были обмануты его надежды. Ни одно из предложений не было принято, и у нас есть все основания полагать, что предложения, которые мы решились сделать по просьбе графа Гаугвица и по Вашему совету, послужили Пруссии некоторое время спустя аргументом для того, чтобы убедить Францию в искренности ее дружбы. Именно в этом, милостивый государь, причина колебаний императора в вопросе о том, следует ли принимать линию поведения, которую Вы предлагаете. Тем не менее я добился его согласия на то, чтобы Вы были уполномочены продолжать эти переговоры, но мне не удалось убедить его отказаться от решения не писать королю до тех пор, пока у Вас не будет большей уверенности в успехе благотворных намерений барона Гарденберга. Именно это соображение, наряду с убеждением в том, что если соглашение между Австрией и Пруссией и сможет быть достигнуто, то это произойдет лишь после того, как его основные начала будут обсуждены и выработаны берлинским и санкт-петербургским дворами, побудило императора направить Вам настоящую инструкцию, не запрашивая мнения венского двора на этот счет.

Будучи убежден, что Австрия горячо желает достичь этого соглашения, император уверен, что ее легко удастся убедить подписаться под теми обязательствами, которые он выдвинет и обсудит за эту державу. В этом случае, как и во многих других, е. и. в-во предпочитает обратиться к дружеским чувствам короля, целиком полагаясь на то, что желание этого государя сохранить тесную связь между Пруссией и Россией побудит его согласиться на меру, которая, не нанося ущерба ни одному из интересов короля, ни в чем не отклоняется от принятых им принципов и направлена лишь к тому, чтобы придать им большую широту и реальность. Этот образ действий может равным образом облегчить сохранение тайны; необходимость этого справедливо признал барон Гарденберг, и мы твердо намерены тщательно хранить ее. Помимо уже приведенных мною мотивов, которыми руководствовался наш августейший государь, принимая свое решение, я должен сказать еще об одном, а именно о его доверии к в. пр-ву, которое не оставляет у него никакого сомнения в том, что Вы, даже без его непосредственного участия, примете меры, наиболее подходящие для достижения предмета постоянных забот е. и. в-ва — установления тесного согласия между Россией, Австрией и Пруссией, призванных в силу играемой ими в Европе роли обеспечить и гарантировать прочное и справедливое равновесие в этой части света.

Последние объяснения между венским и берлинским дворами показали, как я уже говорил выше, что трудности, которые следует преодолеть для того, чтобы добиться объединения этих двух держав, заключаются в следующем: первое — не помышлять об ином соглашении между ними, как только оборонительном, и второе — полностью успокоить прусского короля относительно нападения со стороны Франции. Мы исходили из этих двух основных положений, и инструкции, которые я даю Вам, вытекают из них.

Заявления, сделанные Вам бароном Гарденбергом, высказанное им пожелание о том, чтобы Россия предложила это соглашение, наше безграничное доверие к прусскому двору и, я бы сказал даже, предпочтение, которое мы ему оказываем, обсуждая с ним интересы Австрии, не получив еще на сей счет формального согласия этой державы,— все это дает нам основания надеяться, что Вы без труда сможете убедить прусский кабинет объясниться с нами более обстоятельно о его истинных намерениях относительно соглашения о совместных оборонительных действиях между Австрией, Пруссией и Россией.

Итак, Вам следует убедить государственного и кабинетного министра добиться для начала от короля заявления о том, что он согласен объясниться в глубокой тайне с нашим августейшим государем по вопросу о чисто оборонительном соглашении с Австрией, которое обеспечило бы Пруссии самые надежные гарантии на случай, если бы французы вознамерились на нее напасть. Если будет похоже, что король расположен войти в подобные виды, Вы

заявите, что, по нашему мнению, собственноручные письма, написанные одним государем другому, могут наилучшим образом заменить акты, подписанные министрами; Ваши беседы с бароном Гарденбергом доказывают, что он придерживается того же мнения и желает даже, чтобы Австрия приняла этот образ действий. Вы немедленно начнете обсуждать содержание подобных писем и предложите прилагаемый здесь проект[152] как составленный Вами. Необходимо дать Вам некоторые объяснения по его содержанию, чтобы Вы точно знали, какую цель мы при этом преследуем и, следовательно, какие изменения могли бы быть внесены в него.

Преамбула содержит лишь принципы, не только давно принятые Пруссией, но даже неоднократно подтвержденные и признанные ею в официальных документах, а именно: в ее декларации от 24 мая **** и в вербальной ноте[151] графу Меттерниху, где Вы все эти принципы найдете и, более того, в тех же выражениях. Эта редакция была принята для того, чтобы убедить Пруссию в том, что мы не имели других целей, кроме как придать больше широты ее системе и доказать ей, что речь отнюдь не идет о соглашении наступательного характера. Эта преамбула, так же как и обязательство, содержащееся в ней,— договориться с Австрией относительно общих мер и демаршей — не предусматривают никаких наступательных действий и могут быть подвергнуты только незначительным изменениям, на которые мы позволили бы Вам согласиться при условии, что они нисколько не изменят общего смысла.

Первое точное обязательство, содержащееся в проекте, по своему характеру вполне способно успокоить опасения, которые, по словам барона Гарденберга, не позволяют королю пойти на заключение соглашения о совместных действиях. Ибо если е. в-во опасается, что французы нападут на него в отместку за соглашение, о котором идет речь в настоящее время, то нет сомнения в том, что объединенных сил Австрии и Пруссии будет достаточно для того, чтобы остановить первый натиск французов; если же учесть, что наш августейший государь готов присоединиться к этому соглашению и оказать Австрии и Пруссии помощь значительными силами, то у короля не может оставаться никаких сомнений насчет действенности наших объединенных усилий и, следовательно, никакого основания для каких бы то ни было опасений относительно последствий, которые может повлечь за собой это соглашение.

Мы не сочли уместным определять численность войск, которые каждая из обеих держав обяжется выставить против общего врага, так как эта численность должна быть установлена ими самими; е. в-во ограничился тем, что предложил со своей стороны 100 тыс. солдат, но мы не сомневаемся, что Пруссия и Австрия, прямо и непосредственно заинтересованные в силу своего положения в успехе операций, употребят в дело все свои силы, и, конечно, если этого удастся добиться, то Франция никогда не сможет справиться с такими внушительными объединенными силами.

Во втором конкретном обязательстве следовало бы перечислить различные случаи, при наступлении которых соглашение должно быть полностью приведено в исполнение; по этому пункту, очевидно, будет труднее всего договориться, так как это обязательство должно быть составлено таким образом, чтобы Пруссия согласилась его принять, чтобы оно было выгодно как для этой державы, так и для Австрии и чтобы их взаимные обязательства гарантировали как безопасность Европы, так и ее будущее спокойствие. По своему характеру этот параграф должен был бы предусматривать, таким образом, все действия французского правительства, которые явились бы формальным нарушением общественного мира. Если бы Пруссия согласилась с этим основным началом, судьба Европы была бы решена, а влияние Франции было бы ограничено территорией государств, которые она оккупирует в настоящее время. По правде говоря, это означало бы добиться очень немногого, но можно было бы утешать себя, по крайней мере, убеждением, что положен предел дальнейшим захватам Франции. Однако, поскольку при любых предположениях необходимо точно определить случаи, когда проектируемое соглашение будет проводиться в жизнь, я изложу Вам последовательно пункты, по которым нам представляется необходимым договориться, и аргументы, которые должны побудить Пруссию их принять. Это должно явиться предметом Ваших бесед с г-ном бароном Гарденбергом, и Вы нам подробно донесете об их результатах.

Первый случай, когда соглашение должно быть приведено в исполнение, наступит, если французское правительство прикажет своим войскам перейти Везер или Рейн в любом пункте на протяжении от Клеве до Базеля или Констанцы. Это условие столь тесно связано с интересами австрийской и прусской монархий, столь выгодно в равной степени для обеих держав и столь ощутимо будет способствовать благоденствию Германии и Европы в целом, что оно представляется обязательным для любого соглашения между берлинским и венским дворами и особенно, если, как это имеет место в данном случае, целью их союза является защита слабых государств и обеспечение безопасности Европы. Оно, таким образом, должно быть обязательно включено в будущее соглашение, и я считаю, что если король прусский действительно желает принять систему, более соответствующую истинным интересам его монархии и Европы в целом, чем та система, которой он следовал до сих пор, то он должен был бы не колеблясь придать связям, которые он собирается установить, широту, необходимую для того, чтобы они не оказались иллюзорными.

Второй случай наступит, если французское правительство двинет войска для захвата Швейцарии; и Пруссия должна будет также согласиться с этим, так как по своему положению Швейцария настолько господствует над наследственными владениями Австрии,

что, если французы введут туда войска, его императорское и королевское в-во будет вынужден немедленно начать подготовку к отражению нападения, которое могло бы плохо кончиться для его монархии и, следовательно, было бы вызвано новое потрясение в Европе, если заранее согласованные мероприятия не обеспечат ему немедленную и действенную помощь со стороны России и Пруссии.

Третий случай наступит, если французское правительство оккупирует столицу Неаполитанского королевства, Калабрию и крепости Капую и Гаэту. Он предусматривается с целью не допустить новых захватов в Италии. Барон Гарденберг дал Вам понять на этот счет, что было бы лучше не настаивать на подобном условии, так как он считает, что никогда не смог бы склонить короля согласиться принимать участие в мерах, касающихся этой части Европы. Я допускаю, что, когда Пруссия принимает на себя обязательства применительно лишь к ее собственным интересам, она могла бы по своему желанию исключить из своей политической системы ту или иную часть Европы, но она не может руководствоваться теми же принципами, когда речь идет о соглашении, имеющем своей целью восстановление нарушенного равновесия в Европе и защиту слабых стран от захвата их державой, которая всегда не прочь извлечь выгоду из неожиданного нападения, в то время как наши планы направлены лишь на то, чтобы обеспечить возможность успешно отразить его. Наш августейший государь предлагает значительные силы для того, чтобы оказать помощь Пруссии и Австрии в осуществлении их оборонительной политики только в надежде на то, что все государства Европы будут гарантированы от нападений со стороны Франции. Согласится ли Австрия заключить с Пруссией определенное соглашение с целью обеспечения спокойствия Северной Германии, если эта держава откажется прийти ей на помощь в случае нападения на ту часть ее границ, которая подвергается наибольшей опасности и через которую французы уже однажды вторгались в центр ее наследственных владений? Итак, я очень настоятельно рекомендую Вам, милостивый государь, обсудить этот вопрос с бароном Гарденбергом и сказать ему, что мы потеряли бы надежду убедить Австрию войти в наши виды, если король не примет во внимание в этом случае различия в положении Пруссии и Австрии по отношению к Италии. Первая из этих держав, будучи удалена от Италии, ошибочно убеждена в том, что она может быть безразлична к тому, что там происходит, в то время как наиболее важные владения второй соприкасаются с Италией и здесь проходят ее границы, подвергающиеся наибольшей опасности. Я не буду здесь упоминать о том живом участии, которое император принимает в благополучии его сицилийского в-ва, и о тех договорах, которые у нас имеются с этим государем, но между тем эти соображения также должны учитываться при заключении соглашения, в которое Россия должна вступить; я ограничусь замечанием о том, что если Пруссия решит из соображений осторожности не брать на себя обязательств, которые могли бы ее заставить принять участие в делах Италии, то такое же соображение должно помешать Австрии принимать обязательства, которые могли бы ей связать руки настолько, что она должна была бы пренебречь мерами предосторожности, требуемыми интересами ее безопасности. Это различие в географическом положении и в политических отношениях вызывает необходимость того, чтобы Пруссия или приняла эту статью, или заменила ее другой, которая могла бы быть принята Австрией. Е. и. в-во желает, чтобы при обсуждении этого важного дела было потеряно как можно меньше времени и в случае, если Пруссия будет упорствовать в своем нежелании принять это постановление в том виде, в каком оно изложено выше, а переговоры успели бы продвинуться по другим пунктам, уполномочивает Вас обратиться, предварительно договорившись с бароном Гарденбергом, к графу Меттерниху, чтобы попытаться быстро получить через него точные сведения о мнении венского двора на этот счет. Я, со своей стороны, размышлял над тем, нет ли возможности совместить интересы и виды обеих держав. У меня возникло соображение, которое я Вам сейчас изложу. Если Пруссия будет упорствовать в нежелании принять III-ю статью, то предлагаемое мною решение могло бы облегчить нам достижение компромисса, к которому, возможно, удалось бы склонить и Австрию. Чтобы можно было надеяться преуспеть в этом, нужно помочь ей выйти из того гибельного затруднения, в котором она оказалась бы, если бы из опасения лишиться содействия е. в-ва короля прусского она была вынуждена закрыть глаза на все, что произошло бы в Италии, и допустить, чтобы французы собрали там все свои силы для того, чтобы напасть на нее в выгодных для них условиях, в то время как она, опасаясь, как бы не создалось впечатление наступательных действий с ее стороны, не осмелилась бы их предупредить. С другой стороны, статья в предлагаемом мною варианте действительно, казалось бы, оставляет Австрии возможность (которой она, впрочем, вряд ли пожелала бы воспользоваться) начать войну, и королю могло бы показаться, что она имеет враждебный по отношению к Франции характер, но чтобы устранить это затруднение, разве нельзя было бы обусловить, что Пруссия тогда будет обязана принять участие в войне лишь в случае перехода французами линии Везера, Рейна и границ Швейцарии, что осталось бы фактически единственным *casus foederis*, обязательным для Пруссии? Поскольку она считает нужным в своей политике полностью отмежеваться от Италии, то для того, чтобы это было приемлемо, нужно, чтобы она следовала этому принципу до конца и чтобы события, которые могут произойти в этой стране, не могли бы ни в чем ослабить силу условий соглашения, направленного на защиту Германии. Я укажу Вам, как, по моему мнению, можно было бы сформулировать эту статью, и Вы можете

представить ее барону Гарденбергу, когда сочтете это необходимым, но только как мысль, которая возникла у меня в связи с желанием совместить интересы обеих держав и которую необходимо серьезно обсудить с Австрией. Прусский король мог бы заявить в своем письме: «Если приготовления французов в Италии дадут в. в-ву основания предполагать, что они намереваются напасть на Ваши владения и Вы будете вынуждены предупредить их с целью помешать вторжению, то подобное решение даст мне дополнительные основания для того, чтобы в точности выполнить мои оборонительные обязательства, как только французская армия вторгнется в Германию или Швейцарию, как об этом сказано выше».

Равным образом я полагаю, что если бы Пруссия проявила нежелание принять вторую статью, подобно тому, как мы это предполагаем в отношении третьей, то можно было бы попытаться найти выход в том, чтобы рассматривать положение Швейцарии аналогично тому, как мы это делаем в отношении Италии, и тогда в параграфе, проект которого я Вам набросал, пришлось бы только добавить слова «и в Швейцарии» после слов «в Италии» и вычеркнуть упоминание о Швейцарии, сделанное в конце статьи.

Четвертый случай наступит, если французское правительство совершит нападение на владения Оттоманской Порты или Республику Семи Соединенных островов. Этот пункт должен быть включен из уважения к России, принимающей участие в благополучии этих государств, и в порядке благодарности за тот огромный вклад, который она соглашается внести в дело осуществления настоящего соглашения, и мы надеемся, что Пруссия не будет возражать против его принятия.

Пятый случай наступит, если нынешний глава французского правительства присоединит к наследственным владениям своего дома Батавскую республику или государства, которые оккупированы его войсками в Италии или в Германии, и если он объявит недвусмысленным образом о своем желании возложить на себя корону Германской империи. Это одинаково затрагивает как Пруссию, так и Австрию, и, следовательно, принятие этого пункта не должно встретить больших затруднений.

Параграф, который ограничивает действие соглашения только наиболее важными случаями, целиком взят из декларации прусского короля нашему августейшему государю от 24 мая, и его принятие не может, следовательно, вызвать каких-либо затруднений. Параграф, говорящий о том, что военные действия могут быть прекращены только по общему согласию, дает Пруссии новое доказательство чистоты наших намерений и нашего искреннего желания полностью гарантировать ее от тех последствий подобного соглашения, которых она, кажется, опасается. Наконец, последний параграф, устанавливающий аутентичность той формы документа, в которой будут изложены эти постановления, сможет быть изменен в соответствии с пожеланием короля при условии, что его новая редакция не уменьшит обязательности соглашения.

Подробности, в которые я вошел относительно содержания проекта письма, прилагаемого к этой депеше, кажутся мне достаточными для того, чтобы дать Вам возможность, милостивый государь, убедить прусский кабинет в нашем желании, чтобы он заключил соглашение с Австрией не иначе, как на основе полной взаимности. Поскольку барон Гарденберг и Вы, милостивый государь, сочли участие нашего августейшего государя в этом соглашении необходимым для того, чтобы склонить к нему короля, е. и. в-во разрешил мне уполномочить Вас заявить от его имени, что он готов присоединиться к этому соглашению и обменяться собственноручными письмами с их прусским и австрийским в-вами, когда будет достигнута взаимная договоренность о содержании этих писем.

Хотя предложение, сделать которое поручается Вам, милостивый государь, явилось следствием конфиденциальных замечаний барона Гарденберга и должно было бы, следовательно, рассматриваться как сделанное на основе пожеланий Пруссии, возможно, однако, что в Берлине Вам возразят, что король не сможет принять определенное решение, не будучи приглашен к этому официальным демаршем со стороны германского императора; тогда Вы могли бы указать барону Гарденбергу на то, что его государю гораздо выгоднее договориться обо всем с нашим государем прежде, чем привлекать Австрию к участию в этом, и Вы могли бы предложить ему изменить форму Ваших сообщений, придав им характер официальных предложений, при условии, что в этом случае удастся склонить короля к принятию наших планов; но до тех пор, пока кабинетный министр не даст Вам положительных заверений в этом, Вам следует ограничиваться конфиденциальными и устными заявлениями, следя за тем, чтобы не оставить у него никаких письменных доказательств данных сообщений. Подобная сдержанность не может его оскорбить, так как осмотрительность Пруссии заставляет нас следовать такому же образу действий; император полностью доверяет королю и его министру, но он опасается нескромности окружающих их лиц, а в связи с тем, что произошло в 1803 году, когда речь шла о Ганновере, у императора возникло такое нежелание выступать с каким-либо демаршем, к которому он не был бы официально приглашен Пруссией, что он хочет соблюдать в данном случае исключительную осмотрительность. Когда переговоры продвинутся и Пруссия яснее выскажется относительно своих видов, наш августейший государь охотно даст королю самые убедительные доказательства своего желания утвердить это соглашение на прочных основах; но он хочет, чтобы до тех пор Вы действовали таким образом, чтобы в прусском кабинете не оставалось никаких следов этих предложений на тот

случай, если бы новые усилия, предпринимаемые е. в-вом с целью склонить Пруссию к принятию более широких обязательств, нежели те, которые она считала возможным взять на себя до сих пор, оказались безрезультатными. Император считает тем более необходимым проявлять подобную сдержанность, что, поручая Вам предпринять эти демарши, он полностью исходил из того, что Вы нам сообщили об образе мыслей кабинетного министра, и е. и. в-во решился на это, чтобы ему не пришлось упрекать себя в том, что он пренебрег чем-либо из того, что могло бы способствовать установлению соглашения, столь важного для благоденствия Европы, для укрепления и сохранения союза и дружеских отношений между Россией и Пруссией. Наш августейший государь придает особое значение достижению этого счастливого результата и надеется, что обычная нерешительность прусского кабинета не возобладает в данном случае над столь убедительными мотивами.

Чувства короля, без сомнения, достойны уважения; возможно, он даже весьма дружественно настроен по отношению к императору, но бедствия, от которых страдает Европа, не становятся от этого меньше, а энергия великих держав, кажется, все ослабевает с каждым днем. Вам надлежит, таким образом, неустанно трудиться над тем, чтобы вывести из состояния апатии двор, при котором Вы пребываете; Вы можете просить на этот счет полномочий, которых, может быть, Вам недостает, и будьте уверены, что каждый шаг, сделанный Вами к этой цели, даст Вам подлинные основания рассчитывать на благосклонность нашего августейшего государя.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

93. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

16(28) января 1805 г.

Monsieur. Vos rapports du 1(12)* et 2(13)* déc[em]bre[153] me sont parvenus par la poste du 2 janv[ie]r et l'assesseur de collège Pisani, arrivé ici le 8 du courant, m'a remis exactement les dépêches[154] dont il était chargé de Votre part. Les uns et les autres ayant été portés à la connaissance de l'empereur, je suis chargé, monsieur, de Vous témoigner la satisfaction que leur contenu a fait éprouver à s.m. et de Vous assurer que Vos démarches pour engager le gouv[ernem]ent turc à persister dans ses refus de reconnaître la nouvelle dynastie en France ont rencontré sa haute approbation.

Il n'est pas douteux que cette décision ne soit le résultat de la note du 2(13) déc[em]bre** que Vous avez cru devoir remettre pour détruire les intrigues du g[énéra]l Brune; mais quoique ce ministre ait quitté Constantinople, le gouv[erne]m[en]t français n'y poursuivra pas moins l'affaire de la reconnaissance du titre impérial, et il n'en est que plus nécessaire de diriger toute Votre attention sur les voies indirectes que les partisans de la France emploieront à coup sûr pour faire revenir la Porte sur ses pas.

Si les rapports entre les différentes puissances de l'Europe et le gouv[erne]m[en]t français sont plus ou moins dictés par des intérêts particuliers, il suffit de consulter la carte géographique pour se convaincre de l'impartialité parfaite qui dans les circonstances présentes guide le cabinet de St. Pétersbourg. La position de la Russie est telle que la France ne saurait jamais l'atteindre. Ses ressources immenses, ainsi que sa puissance, la mettent dans le cas de pouvoir se passer entièrement de cette dernière, ainsi notre auguste maître, en s'expliquant franchement par Votre organe avec sa hautesse, en fixant l'attention de la Porte sur les vues ultérieures du gouv[erne]m[en]t français, n'a d'autre but que de garantir l'intégrité de l'Empire ottoman, dont plusieurs provinces sont, à ne pas en douter, le but des projets ambitieux de Bonaparte.

Vous connaissez au reste les dispositions de s.m.i. envers la Sublime Porte à laquelle Vous aurez soin, monsieur, de les répéter, à chaque occasion oppor-

---

* Так в документе. Речь идет о донесениях А. Я. Италинского от 1(13) и 2(14) декабря 1804 г.

** В тексте ошибка. Имеется в виду нота А. Я. Италинского от 3(15) декабря 1804 г. (См. док. 75.)

tune pour empêcher que le ministère turc, ébloui par les assurances que le cabinet de Berlin ne cesse de lui donner des sentiments pacifiques du gouv[erne]m[en]t français, de son désir d'écarter tout ce qui pourrait troubler le repos du continent et des soins qu'il met à rétablir la bonne harmonie entre la Russie et la France, ne regrette le parti qu'il vient de prendre à l'égard de celle-ci et ne vacille dans son dévouement pour notre cour. Pour prévenir enfin les inquiétudes que la malveillance pourrait faire naître dans le ministère turc en lui parlant de la possibilité d'un rapprochement entre les cabinets de St. Pétersbourg et des Thuilleries dont les suites seraient d'autant plus fâcheuses pour l'Empire ottoman que la décision, qu'il vient de prendre en cédant à nos représentations, l'exposerait à la haine et à la vengeance du gouv[erne]m[en]t français, Vous êtes autorisé, monsieur, de donner au reis-effendi les assurances les plus positives que jamais notre auguste maître ne renouvellera ses relations avec la France, sans y comprendre les intérêts de Selim III son intime allié.

Malgré les ouvertures qui en ont été faites ici par le ministère prussien, ce rapprochement n'est pas aussi probable qu'on voudra peut-être le faire croire à Constantinople. L'empereur, sachant au juste combien peu on doit compter sur les promesses du gouv[erne]m[en]t français, n'entrera dans aucune explication à ce sujet avant que ce dernier n'ait rempli les engagements qu'il a contractés antérieurement vis-à-vis de s.m., et notre auguste maître, fermement résolu de ne pas se relâcher sur les points en question, s'en désistera d'autant moins, que l'évacuation du royaume de Naples par les troupes françaises pourra seule diminuer les craintes d'une invasion de leur part dans l'Albanie et la Morée.

Ce sera dans le sens de cette dépêche que Vous voudrez bien vous expliquer avec le reis-effendi.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Получ[ено] 18(30) *** февраля 1805 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь. Донесения Ваши от 1(12) и 2 (13)* декабря[153] получены мною с почтой от 2 января, а коллежский асессор Пизани, прибывший сюда 8 числа текущего месяца, исправно доставил мне депеши[154], которые были ему переданы Вами. И те и другие были доведены до сведения императора, и мне поручено засвидетельствовать Вам, милостивый государь, удовлетворение, которое испытал е. и. в-во, ознакомившись с их содержанием, и заверить Вас, что Ваши демарши, имевшие целью побудить турецкое правительство продолжать отказываться от признания новой династии во Франции, получили его высочайшее одобрение.

Нет сомнения в том, что это решение является результатом ноты от 2 (13) декабря**, которую Вы сочли нужным вручить для того, чтобы свести на нет интриги генерала Брюна; но, хотя этот посланник покинул Константинополь, французское правительство по-прежнему будет продолжать добиваться признания императорского титула, и поэтому еще более необходимо обратить все Ваше внимание на те окольные пути, которые будут наверняка использованы сторонниками Франции с целью добиться пересмотра Портой принятого ею решения.

Если отношения между различными европейскими державами и французским правительством в большей или меньшей степени диктуются их частными интересами, то достаточно посмотреть на географическую карту, чтобы убедиться в абсолютной беспристрастности, которой в нынешних обстоятельствах руководствуется санкт-петербургский кабинет. Положение России таково, что Франция вряд ли когда-либо сможет до нее добраться. Ее огромные ресурсы, так же как и ее мощь, позволяют ей вполне обойтись без посторонней помощи, поэтому наш августейший государь, откровенно объясняясь через Вас с его высочеством султаном и обращая внимание Порты на последующие виды французского правительства, не имеет другой цели, кроме обеспечения целостности Оттоманской империи, некоторые провинции которой, без сомнения, являются объектом честолюбивых замыслов Бонапарта.

Впрочем, Вам известно о расположении е. и. в-ва к Блистательной Порте и Вам следует, милостивый государь, говорить о нем при каждом удобном случае с целью не допустить того,

*** Так в документе.

чтобы турецкое министерство, введенное в заблуждение заверениями берлинского кабинета относительно мирных намерений французского правительства, его стремления устранить все то, что могло бы нарушить мир на континенте и его забот о восстановлении доброго согласия между Россией и Францией, пожалело о своем недавнем решении по отношению к последней и пошатнулось в своей приверженности к нашему двору. С целью не допустить того, чтобы недоброжелателям удалось внушить беспокойство турецкому министерству, указывая ему на возможность сближения с.-петербургского и тюильрийского кабинетов, следствия чего были бы для Оттоманской империи тем более неприятны, что решение, которое она только что приняла, уступая нашим представлениям, навлекло бы на нее ненависть и мщение французского правительства, Вы, милостивый государь, уполномочиваетесь дать реис-эфенди самые положительные заверения в том, что наш августейший государь никогда не возобновит отношений с Францией, не учтя при этом интересов своего близкого союзника Селима III.

Несмотря на заявления, которые были сделаны здесь прусским министерством на этот счет, это сближение не является столь вероятным, как это хотели бы, может быть, представить в Константинополе. Хорошо зная, сколь мало следует полагаться на обещания французского правительства, император вступит в объяснения по этому вопросу не раньше, чем последнее выполнит взятые им на себя по отношению к е. в-ву обязательства, и наш августейший государь, будучи полон решимости не идти на уступки в этом вопросе, тем менее будет расположен отступить, что только вывод французских войск из Неаполитанского королевства мог бы уменьшить опасения относительно того, что Албания и Морея могут подвергнуться нападению с их стороны.

Соблаговолите объясниться с реис-эфенди в точном соответствии со смыслом этой депеши.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

94. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

16(28) января 1805 г.

Monsieur! Prévoyant que le gouvernement français, malgré le départ de son ambassadeur de Constantinople[153], ne cessera d'insister auprès de la Porte pour la porter à reconnaître la nouvelle dignité de* Bonaparte s'est revêtu et qu'il voudra surtout la contraindre à s'expliquer sur les motifs des retards qu'elle met dans cette affaire, je crois devoir Vous indiquer, monsieur, la direction que Vous aurez à donner dans cette occasion au ministère ottoman, qui, guidé par la confiance que Vous avez su lui inspirer, Vous consultera sans doute sur cet objet pour se conformer au désir de notre auguste cour.

La Porte a allégué jusqu'à présent son traité d'alliance avec la Russie[67] comme la raison qui l'empêchait à reconnaître le nouveau titre de Bonaparte sans concert préalable avec nous, et le gouv[ernemen]t français a trouvé lui-même ce motif valable, puisque son ambassadeur ne s'est attaché qu'à vouloir prouver que l'alliance avec la Russie était annulée par le traité de Paris**. Quoique le ministère ottoman puisse continuer à se servir de cette même excuse aussi à l'avenir, si la France revenait à la charge pour cet objet, il est probable, cependant, que le g[ouvernemen]t français, en apprenant le renouvellement de notre alliance avec la Porte, déclarera envisager cet acte comme une rupture prononcée entre la Porte et la France et procédera peut-être même à des hostilités, si la première ne reconnaît pas sans aucun délai la nouvelle dignité de Bonaparte.

Il est à propos de prévenir une pareille rupture prématurée ainsi que l'inconvénient que la Porte se voie forcée à s'engager dans une guerre pour un titre qui n'a aucun intérêt pour elle. Vous voudrez donc bien pour cet effet insinuer au ministère turc qu'il peut se justifier envers la France d'une manière honorable et évidente pour toute l'Europe au sujet du renouvellement de l'alliance

* Так в документе. Следует читать «dont».
** Имеется в виду франко-турецкий мирный договор 1802 г. (см. т. I, прим. 133).

avec la Russie, en énonçant les inquiétudes que le séjour des troupes françaises en Italie cause à la Porte et qu'il peut se prévaloir de la même raison pour s'excuser sur la reconnaissance. Si Vous le croyez utile, Vous proposerez comme de Vous-même à la Porte un autre moyen de se tirer d'affaire et de traîner en longueur le dénouement de sa position avec la France; ce moyen consiste en ce qu'elle offre ses bons offices, s'entend toujours comme de son propre mouvement, pour la réconcilier avec la Russie et l'Angleterre.

La France, qui cherche à se raccommoder avec notre cour et qui probablement ne rompra avec la Porte, tant qu'elle n'a pas la possibilité d'envahir ses Etats, ne refusera pas peut-être les bons offices que la Porte lui offrira de son chef. Elle s'occupera alors d'une négociation qui sera entièrement insignifiante en elle-même, mais qui pourra donner l'avantage d'empêcher une rupture subite et nous mettra à même de différer la guerre jusqu'au moment où nous voudrons la faire éclater; avant qu'on se soit expliqué, nous aurions tout le temps de régler notre conduite et de diriger celle de la Porte à notre convenance.

La Porte connaît trop bien nos griefs contrè la France pour pouvoir disconvenir de leur validité et ayant l'occasion de se convaincre elle-même de l'obstination du gouvernement français à ne pas remplir ses engagements, elle sentira la nécessité de mettre des bornes à l'ambition française et de faire avec la Russie, en vertu de son alliance, cause commune contre la France.

Je Vous transmets ces idées, monsieur, pour Vous faciliter les moyens d'agir en conformité des intentions de notre auguste cour, mais comme leur premier but est toujours de conserver notre ascendant à Constantinople, j'abandonne entièrement à Votre prudence d'en différer l'emploi selon les circonstances ou de les suivre dès à présent en se précautionnant toutefois soigneusement contre tout soupçon que le ministère turc pourrait concevoir, comme si nous faisions un pas rétrograde en cherchant à nous rapprocher de la France. Il nous faut maintenir la Porte dans sa résolution de ne pas reconnaître Bonaparte. Si elle faiblît, elle sera entraînée à d'autres condescendances humiliantes pour elle et nuisibles à ses intérêts. La demande, que le gouv[ernemen]t français fera sans doute à la Porte, que les troupes russes évacuent le territoire sept-insulaire et qu'elle ne permette plus le passage de nos vaisseaux et transports militaires par le canal de Constantinople, est surtout un point auquel s.m.i. ne consentira jamais à tel prix que ce soit, tant que la France ne retirera pas ses troupes de l'Italie et ne s'arrangera pas avec notre cour d'une manière équitable et satisfaisante.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Получ[ено] 18(30) *** февраля 1805 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь. Предвидя, что французское правительство, несмотря на отъезд его посла из Константинополя[158], будет продолжать прилагать усилия к тому, чтобы склонить Порту к признанию нового титула Бонапарта, и что оно, в особенности, захочет заставить Порту объясниться относительно мотивов задержек, чинимых ею в этом деле, я считаю нужным указать Вам, милостивый государь, какую линию поведения Вам следует в этих обстоятельствах порекомендовать оттоманскому министерству, а оно, движимое доверием, которое Вы сумели внушить ему, несомненно, будет советоваться с Вами по этому вопросу, чтобы сообразоваться с желаниями нашего августейшего двора.

До сих пор Порта ссылалась на свой союзный договор с Россией[67] как на причину того, что она не может признать новый титул Бонапарта без предварительного согласования с нами, и французское правительство само признало основательность этого мотива, посколь-

*** Так в документе.

ку его посол старался только доказать, что союз с Россией был аннулирован Парижским договором**. Хотя оттоманское министерство может и в будущем использовать тот же предлог, если Франция вернется к этому, однако, возможно, что французское правительство, узнав о возобновлении нашего союза с Портой, заявит, что оно рассматривает этот акт как открытый разрыв между Портой и Францией и, может быть, даже начнет военные действия, если Порта не признает немедленно новый титул Бонапарта.

Следовало бы предупредить подобный преждевременный разрыв, так же как и то неудобство, что Порта будет вынуждена начать войну из-за титула, который для нее совершенно безразличен. С этой целью соблаговолите внушить турецкому министерству, что оно может достойным и убедительным для всей Европы образом оправдать себя перед Францией относительно возобновления союза с Россией, указав на то беспокойство, которое внушает Порте пребывание французских войск в Италии, и что оно может выдвинуть этот же довод для того, чтобы оправдать свою позицию в вопросе о признании титула. Если Вы сочтете полезным, то можете предложить Порте, как бы от себя лично, другое средство выпутаться из этого дела и затянуть решение вопроса о ее позиции по отношению к Франции; это средство заключается в том, чтобы она предложила, разумеется, как бы по собственному побуждению, свои добрые услуги для примирения ее с Россией и Англией.

Франция, которая стремится уладить отношения с нашим двором и которая, по-видимому, не порвет с Портой до тех пор, пока не будет иметь возможности захватить ее владения, возможно, не откажется от добрых услуг, которые предложит ей Порта по собственному побуждению. Тогда она займется переговорами, которые сами по себе не будут иметь никакого значения, но смогут дать то преимущество, что помешают внезапному разрыву и дадут нам возможность отсрочить войну до того момента, пока мы сами не пожелаем развязать ее. Прежде чем эти объяснения закончатся, мы вполне успеем определить нашу политику и направить политику Порты в соответствии с нашими интересами.

Порта слишком хорошо знает наши претензии к Франции, чтобы не согласиться с их обоснованностью, и, имея возможность на собственном опыте убедиться в упорном нежелании французского правительства выполнять свои обязательства, она почувствует необходимость положить предел честолюбию французов и действовать совместно с Россией против Франции в соответствии с заключенным ею союзным договором.

Я сообщаю Вам, милостивый государь, эти соображения для того, чтобы Вам легче было сообразовать Ваши действия с намерениями нашего августейшего двора, но так как главной целью по-прежнему является сохранение нашего влияния в Константинополе, я всецело полагаюсь на Вашу осмотрительность и предоставляю Вам решать, в зависимости от обстоятельств, последовать ли им немедленно или повременить с этим; Вам надлежит, однако, принять все меры к тому, чтобы турецкое министерство не возымело подозрения, будто мы отступаем и стремимся сблизиться с Францией. Нам нужно приложить все усилия к тому, чтобы Порта не изменила своего решения не признавать Бонапарта. Если она проявит слабость, она будет вынуждена пойти на другие, унизительные для нее и наносящие ущерб ее интересам уступки. Французское правительство, несомненно, обратится к Порте с требованием о выводе русских войск с территории Семи островов, а также о том, чтобы она не разрешала больше нашим военным судам и транспортам проходить через Константинопольский канал; е. и. в-во никогда и ни за что не согласится на это, пока Франция не выведет свои войска из Италии и не урегулирует справедливым и удовлетворительным образом отношения с нашим двором.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

95. Доклад министра коммерции Н. П. Румянцева Александру I

16(28) января 1805 г.

По случаю отправления посольства в Китай министр коммерции судит нужным представить нижеследующие предметы по вверенной ему части:

I. Открыть торг в Кантоне и на Желтом море.

По мере размножения промыслов в американских наших селениях должны распространяться и те пути, по коим бы удобно было сбывать их с рук.

Российско-Американская компания не может удержать цен на пушные товары, потому что англичане и американцы доставляют оные из Нотки-Зунд и Шарлотиных островов в Кантон, а компания препровождает таковые

же посредством трудного охотского пути в Кяхту; следовательно, первые, вероятно, всегда будут преимуществовать в сем торге, доколе последняя сама в Кантон пути не проложит.

Заведения компании кораблестроения и близкое расстояние от Камчатки и самой Америки до Кантона заставляют предполагать, что тут бы можно было с выгодою сбывать из американских селений и рухлядь, и китовый жир, и моржовую кость, а из северной страны Сибири — кость мамонтовую и проч[ее].

В сих видах поручено одному кораблю из экспедиции, отправленной вокруг света, испытать торг в Кантоне, но вящее утверждение оного и дабы по возможности открыть еще более новых средств для размножения сибирских и американских избытков министр считает нужным предписать той особе, которая по высочайшей воле имеет быть назначена в посольство ко двору китайскому, внушить тамошнему правительству, что поелику Кантон открыт для всех, то и российский государь в твердой остается надежде, что подданные его препятствия по сему предмету не встретят, а при том настоятельно домогаться устроить наши сношения и с Нанкином, где естественное богатство империи Китайской более всех других краев приметно по изобилию жителей, где прежде была столица китайских государей и где производится бумажное растение, в тканье которого сохраняется естественный цвет и которое в другой провинции того же Китая в одинаком достоинстве произрастать не может.

Сношения с Нанкином всего удобнее произвесть можно посредством так называемого Желтого моря, окруженного восточными и северными берегами Китая, Китайскою Татариею и Кореею.

Известно, что лорд Макартней, в недавнем времени первый совершив плавание по сему морю, объяснил, сколько тут сокращается путь до Пекина противу того, какой из Кантона до сей столицы простирается; но как ни домогались англичане для себя пристани в сем месте, в том они не успели; к нашей же пользе послужило бы соседство сего моря с Америкою и Камчаткой, а по таковому удобному положению можно бы несколько раз повторять ежегодно торговые обороты, и, следовательно, все причины заставляют настоятельно домогаться, чтоб тут исключительно дозволено было Американской нашей компании сбывать свои произведения.

Министр предполагает, что и самый успех в сем деле по следующим причинам обещать себе можно: 1) что кантонским торгом пользуются все европейцы, а потому, вероятно, сами китайцы удержатся отказать в том России; 2) что от изобильного привоза от нас к китайцам рухляди сами они получат сугубые выгоды; 3) что торг сей, будучи производим компаниею под непосредственным покровительством самого государя, никаких невыгодных для китайцев последствий в торговых делах предполагать не можно тем более, что и сами они, как известно, предпочитают компанейский торг частному и учредили у себя торгующее общество Хонгов, которые друг за друга отвечают как правительству, так и иностранцам, и 4) что в самом Кантоне не дозволяют они жить другим купцам европейским, кроме тех, которые снабжены препоручениями от своих государей.

II. Проехать из Пекина через великий Тибет до Кабула.

Извлекая возможнейшую пользу из преднамереваемого посольства, встречается при сем случае вся удобность содействовать успехам общего просвещения и наук и особенно торговые виды наши познакомить в самом Кабуле, распространив оные чрез Тибет, лежащий поперечною чертою от Китайской империи мимо Индостана до Персии.

Намерения государя Петра Великого всегда стремились водворить торг наш в Индии чрез Персию, но издавна внутренние мятежи страны сей полагали в том преграды. В 1717 г. посольство Волынского к тогдашнему шаху первое положило основания свободы российской торговли в Персии, но в 1721 г. принужден уже был государь переменить торговые виды на военные, и хотя около сего времени россияне по силе заключенных договоров с шахом Тохмасом получили опять право торговать в Персии свободно, хотя и имели дозволение проезжать в самую Индию безопасно, но тут, как известно, армяне вступили посредниками в торг сей и были хозяевами оного, доколе Персия была спокойна, а потом возникшие опять мятежи и торг уничтожили и армян разорили.

Постоянная тишина китайского государства и правила тамошнего двора, к таковому положению способствующие, обещают, кажется, лучшие успехи в достижении чрез Тибет до Индии.

По сим причинам должно внушить китайскому министерству, что в. в-во при всей кротости правил Ваших, будучи вынуждаемы усмирять вероломного Бабахана войною, не можете даже и быть в согласии с непостоянным сим народом, что самая Грузия, избегая жестокости персидских владельцев, покорилась благодетельному правлению Российской империи, что обстоятельства сии заставляют еще более уважать и утвердить теснейшим союзом дружбу и доброе согласие с китайским императором и владетелем Кабульским, а потому желательно, чтобы китайский двор дозволил отряженным ныне от посольства чиновникам проехать безопасно в Кабул для объяснения помянутому владетелю миролюбивых наших намерений, дозволив и впредь подданным российского монарха следовать путем сим невозбранно.

При домогательстве сего рода заметить китайцам должно, что в 1714 г. прародитель в. в-ва благосклонно дозволил предку китайского императора отправить посольство чрез Россию к калмыцкому хану Аюки.

III. Открыть торг не токмо в Бухтарме, где, естьли пожелают китайцы, учредить ярмонку или такую же слободу, какая существует на Кяхте, но и по всей Иртышской линии.

Со времени покорения зенгорских калмык, обитавших около вершины реки Иртыша между гор Алтайских, пространство сие соединилось с пределами Китайской империи, которая по сей причине приближилась к России, и более других мест у крепости Бухтарминской, а сия от Москвы до 2 тыс. верст ближе Кяхты и путь удобнее. Зенгорские калмыки, кочуя в пределах китайских, а киргизкайсаки, занимая степи, к востоку лежащие, пропускаются во внутрь Китая до озера Нор-Заисана и далее, те и другие довольствуют Китайскую линию скотом.

Со стороны китайской ближайшая к российской границе крепость находится за озером Нор-Заисаном под именем Чугучак.

В прежние времена, особливо когда китайская линия не была так близка к российской, или, лучше сказать, когда народы Западной Татарии границами сими закрыты не были, тогда торговля производилась тут, как утверждают, свободно; купцы из Малой Бухарии (ныне китайцам подвластной) выходили с товарами в Россию и достигали даже до городов Томска и Кузнецка.

Ныне торговля на границах сих почти ничтожна, потому что все пути оной пресечены китайским правительством. В ближайших городах империи сей от границы нашей, как-то: в Чугучаке, Кульже и проч[их], никому, кроме китайцев и ташкенцев, торговать не дозволено, а естественное сопле-

тение китайского торга с российским в краях сих так необходимо, что производят оную или ташкенцы или киргизские султаны, которые и караваны, в Китай отправляемые, называют собственными своими.

Естьли б можно было склонить китайский двор к дозволению свободной торговли по взаимной границе, как-то между крепостями Кульжи и Гобдо; естьли б открылось сообщение с Малой Бухариею и было бы безопасно, возникли бы, без сумнения, взаимные и выгоды, по тому более, что по отдаленности края сего от Кяхты течение капиталов торговых к иртышским пределам не умалило бы кяхтинского торга, а Малая Бухария, подвластная Китаю, по сопредельности своей с другими провинциями Западной Татарии и по сближению к сим местам Тибета и других индейских селений, соделалась бы средоточием китайских и российских избытков.

Выгоды для России собственно тут несумнительны: 1) Скот получается ныне по всей Иртышской линии от киргизкайсаков. На промен оного более всего требуют они бумажных материй. Бумажные материи достаются на границу почти из одной Бухарии. Естьли б торговля на границах сих приведена была в непосредственное сношение с китайцами, тогда вместо бухарских китайские бумажные материи употреблялись бы на вымен скота от киргизцов, а скот и другие ветви торговой статьи сей могли бы идти на вымен китайских товаров. 2) Киргизцы не имели бы нужды обращаться к китайцам, потому что многим из них ближе было бы выходить к российским границам. 3) Сибирь могла бы доставлять китайцам и мягкую рухлядь, и выделанные кожи (рукоделье, которое бы неминуемо размножилось по мере заграничной нужды). 4) Макарьевская, Ирбитская и Енисейская ярмонки распространили бы торговое поприще в западную часть Китая и обратили бы в оный сверьх других товаров бреславские темные сукна на вкус тамошнего народа и, наконец, 5) самое судоходство рекою Иртышом до Тобольска получило бы приращение. Правительство наше давно уже имело в виду сии выгоды, давно заботилось оно о удобности перехода чрез Алтайские горы: в 1771 г. из крепости Усть-Каменогорской посылан был до китайского города Гобды порутчик Незнаев, а вскоре потом, из той же крепости до китайского же города Баянды отправлен был подпорутчик Волошанин. Первый ехал близь реки Иртыша, потом чрез вершины реки Бухтармы подле рек Сого и Гонго Ишуру до помянутого города Гобдо; второй проехал чрез Киргизскую степь, мимо озера Балкаша, и тут встретил на пути пещаную и малокормную степь; но мимо озера Нор-Заисана прямо к крепости Кулдже ту степь миновать можно. Оба возвратились благополучно и больших затруднений в пути не нашли. Наконец, есть известные и свежия доказательства, что в прошлом году из Семипалатинской крепости российский караван был в западных провинциях Китая и достигал до Чугучака, потом в город Кульжу, а из оного в Аксу, где есть пограничная китайская таможня. Караван сей отправлен был под именем одного киргизского султана, возвратился благополучно, но с тем подтверждением, что в Чугучаке и Кульдже торговля позволена одним киргизцам и то исключительно с казною, что не было бы опасности россиянам ездить в города сии, естьли бы снабжены они были паспортами от пограничного начальства, и что сами китайцы желают непосредственно торговать с нами, но страшатся запрещений, правительством их положенных.

Изобразив таким образом естественную наклонность тамошнего торга, выгоды, от свободы оного последовать могущие, и предкновения, какие положены предрассудком китайцев, сама по себе открывается необходимость употребить у китайского двора домогательство о дозволении свободной торговли по всей Иртышской линии и об отправлении караванов наших во внутренние и пограничные города Китая от имени пограничного начальства,

тем более, что в Кашкаре торговать всем позволено, следовательно, и настоять о даровании со стороны китайцев покровительства российским подданным, имеющим следовать путем сим.

Министр коммерции граф Румянцов

Печат. по подлиннику.

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов Ибрагим-хану Шушинскому (Карабахскому)

16(28) января 1805 г.

Согласие принять Шушинское ханство в российское подданство.

АКАК, т. II, стр. 699—700.

96. Посланник в Берлине М. М. Алопеус министру иностранных дел Пруссии Гарденбергу

17(29) января 1805 г.

J'ai eu l'honneur de recevoir la note[155] que v. ex. m'a adressée en date d'hier avec son annexe et la lettre[156] qu'elle m'a fait celui de m'écrire le même jour.

Après l'observation très fondée qu'elle s'est trouvée dans le cas de faire dans cette dernière sur les ouvertures de la France comme nullement qualifiées à répondre à l'attente de mon auguste cour ou propres à la satisfaire, il serait superflu d'exposer les raisons qui me défendent d'écouter ce que Mr Laforest pourrait vouloir me dire. V. ex. connaît les conditions dont l'empereur mon auguste maître fait dépendre l'ouverture de toute négociation avec la France[128]. Tant qu'elle ne jugera pas à propos de s'expliquer d'une manière précise à leur égard, tant je me sentirai destitué même de la faculté de prendre *ad referendum* telle proposition qu'elle pourrait vouloir faire.

J'ai etc.

К письму к его сиятельству князю А. А. Чарторыйскому под № 16 от 17(29) генваря 1805.

Печат. по копии.

Перевод

Я имел честь получить ноту[155], направленную мне вчера в. пр-вом, приложение к ней и письмо[156], которое Вы соблаговолили написать мне в тот же день.

После весьма обоснованного замечания, сделанного в. пр-вом, о том, что предложения Франции никоим образом нельзя считать отвечающими ожиданиям моего августейшего двора или могущими его удовлетворить, было бы излишне излагать причины, в силу которых я не могу выслушать то, что г-н Лафоре мог бы пожелать сказать мне. В. пр-ву известны условия, которые император, мой августейший государь, считает необходимыми для открытия каких-либо переговоров с Францией[128]. До тех пор пока последняя не сочтет нужным точно и ясно объясниться относительно этих условий, я буду лишен возможности принять даже ad referendum какое бы то ни было предложение, которое она пожелала бы сделать.

Имею и пр.

97. Посланник в Копенгагене В. Г. Лизакевич товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

№ 5 *17(29) января 1805 г.*

Сиятельнейший князь! Милостивый государь! Dans l'entrevue que j'ai eue ces jours-ci avec Mr le comte de Bernsdorff ce ministre m'a avoué qu'on avait été fort en peine ici sur la froideur qu'on remarquait chez nous envers le

Danemark depuis l'époque de la réponse définitive[11] qu'on a donnée d'ici relativement à la déclaration* signée par le roi et dont on voulait étendre chez nous le *casus foederis* au-delà des stipulations y contenues. Là-dessus, il me dit que de ce côté-ci on n'a pas pu aller plus loin qu'ils n'ont été; que leur situation était telle qu'ils doivent se tenir strictement neutres et sur la défensive sans donner le moindre ombrage ou prétexte aux Français de rompre avec eux; que si ceux-ci s'avisaient jamais de les attaquer sans aucune provocation de leur part, tout le royaume s'élèverait en masse contre l'agresseur injuste et dans ce cas le Danemarc se ferait plutôt plus que moins pour repousser l'attaque et pour défendre ses possessions; que quant au manque de réciprocité qu'on leur allègue** cette réciprocité est relative et devrait être envisagée comparativement aux ressources des deux parties contractantes, et il est juste que la plus formidable des deux supplée aux efforts de l'autre par la masse de ses moyens; d'ailleurs, cette attitude défensive du Danemarc est utile au but que les deux puissances contractantes se proposent, qui est celui de ne pas chercher la guerre, mais de conserver la tranquillité dans le Nord de l'Allemagne et la liberté du commerce de la Baltique; puisqu'en ôtant tout prétexte à Bonaparte de se plaindre du Danemarc on le forcera peut-être, malgré lui, à respecter les Etats du roi de Danemarc, qu'il trouverait autrement de son avantage d'envahir pour se procurer plus de ressources pour l'entretien de son armée et pour entraver la communication des Anglais avec cette partie du continent et de ruiner leur commerce dans la mer Baltique; que toutes ces considérations les avaient portés à donner la réponse[11] franche et loyale à notre auguste cour dans l'espérance qu'elle la trouverait elle-même impérieusement dictée par les circonstances critiques du moment, par la saine politique et par la position géographique de leurs Etats qui, étant cernés de si près par les troupes françaises, pourraient être envahis et occupés par elles avant qu'on puisse attendre du secours d'aucun côté pour les en déloger sans coup férir. M^r le comte de Bernsdorff ajouta qu'à cette froideur il s'était joint encore de la méfiance par les notions qu'on avait eues à St.-Pétersbourg, comme si la cour de Danemarc cherchait à entretenir avec celle de Berlin des liaisons incompatibles avec ses engagements envers la Russie; qu'il prenait sur lui de m'assurer, avec cette franchise et cette sincérité que je lui connaissais, qu'on a jamais fait ni songé à faire aucune ouverture de leur part au cabinet de Berlin de la nature à altérer leurs rapports d'intimité avec notre auguste cour; que dans les explications, que leur ministre aurait pu avoir avec le ministère prussien sur les affaires du temps, il n'y a jamais eu aucun mystère, le comte de Baudissen ayant reçu au contraire ordre, une fois pour toutes, de se concerter toujours et en tout avec notre ministre auprès de la même cour; qu'à la vérité, depuis que M^r le comte de Hardenberg était entré dans le ministère, on avait cru apercevoir ici beaucoup plus de fermeté et d'énergie dans la politique du cabinet de Berlin et on avait été bien aise d'apprendre que ledit cabinet avait renouvelé encore en dernier lieu ses instances auprès du gouv[ernemen]t français à l'effet de faire retirer son armée de l'électorat d'Hannovre s'offrant de le faire occuper par ses propres troupes; qu'ici on aurait certainement préféré qu'on eût omis cette dernière clause et qu'on laissât cet électorat à lui-même afin de lui donner le temps qu'il puisse guérir ses plaies que le joug des Français lui a infligées; mais qu'enfin de deux maux on devait préférer le moindre et ils verraient encore plus volontiers les Prussiens dans leur voisinage que ces hordes des Français qui pillent et pressurent en tout sens ce malheureux pays; que cette démarche de la cour de Berlin leur avait inspiré plus de confiance dans

---

* См. т. I, прим. 327.

** Пропуск в документе, «manque de... allègue» — восстановлено по отпуску.

son système politique à l'avenir; mais qu'au reste ils étaient bien loin d'y donner leur pleine approbation et il prenait cette occasion de me renouveler l'assurance positive que jamais la cour de Danemarc n'entrera dans aucune liaison avec celle de Berlin que du su et de concert avec notre auguste cour. Il finit par me dire qu'il espérait que cette explication fondée sur la pure vérité dissipera les nuages qui s'étaient formés à St. Pétersbourg et rétablira entre nos deux cours l'intimité et la confiance qu'on est si jaloux ici de conserver intactes et inaltérables. Je remerciai M[r] le c[om]te de Bernsdorff de cet épanchement de cœur envers moi et je lui promis d'en faire mon très humble rapport à v.ex., ne doutant pas qu'elle ne sache apprécier le but de ces ouvertures confidentielles et qu'elle n'en fasse l'usage que sa sagesse lui dictera***.

Имею честь...

Василий Лизакевич

Печат. по подлиннику.

Перевод

Во время беседы, которую я имел на днях с г-ном графом Бернсторфом, последний доверительно сказал мне, что в Дании были весьма огорчены холодностью к ней с нашей стороны, чувствующейся с того времени, когда датчане дали окончательный ответ[11] на наше предложение расширить понятие casus foederis в подписанной королем декларации* по сравнению с содержащимися в ней постановлениями. Он сказал мне, что в этом отношении они не могли пойти дальше, чем они пошли, и что в силу своего положения они должны придерживаться строго нейтральной и оборонительной позиции, не давая французам ни малейшего основания для подозрений или повода для разрыва с ними. Далее он заявил, что если бы французы вознамерились когда-либо произвести неспровоцированное нападение на них, то все королевство, как один человек, поднимется против вероломного агрессора, и в таком случае Дания сделает все, что в ее силах, для отражения нападения и защиты своих владений; что же касается ссылок на недостаток взаимности, то такая взаимность является относительной и ее следует рассматривать с учетом ресурсов обеих договаривающихся сторон, и было бы справедливо, если бы более могущественная из них возместила недостаточность усилий другой мощью своих средств; впрочем, такая оборонительная позиция Дании отвечает цели, которую ставят перед собой обе договаривающиеся державы и которая состоит в том, чтобы не искать войны, а сохранить спокойствие в Северной Германии и свободу торговли в Балтийском море; ибо, если не давать Бонапарту какого бы то ни было повода для жалоб по адресу Дании, его, быть может, удастся заставить, вопреки его собственному желанию, уважать владения датского короля. Иначе он счел бы выгодным захватить их, чтобы обеспечить себе больше ресурсов для содержания своей армии, затруднить сношения англичан с этой частью континента и подорвать их торговлю в Балтийском море. Г-н Бернсторф сказал, что все эти соображения побудили их дать нашему августейшему двору откровенный и честный ответ[11] в надежде на то, что он согласится с тем, что такой ответ был повелительно продиктован критическими обстоятельствами момента, разумной политикой и географическим положением их владений, которые, находясь в столь непосредственной близости от французских войск, могли бы быть захвачены ими прежде, чем можно было бы ожидать помощи с какой бы то ни было стороны, чтобы выбить их оттуда с наименьшими усилиями. Г-н граф Бернсторф добавил, что к этой холодности добавилась еще и подозрительность в связи со сложившимся в С.-Петербурге мнением, будто датский двор стремился поддерживать с берлинским двором отношения, несовместимые с его обязательствами перед Россией, и что он берет на себя ответственность заверить меня с откровенностью и искренностью, которые, как я знаю, ему присущи, в том, что они никогда не делали и не помышляли делать берлинскому кабинету каких-либо предложений, которые могли бы ухудшить их дружественные отношения с нашим августейшим двором. Далее он сказал, что в объяснениях, которые их посланник, возможно, имел с прусским министерством по злободневным вопросам, отнюдь не было какой-либо тайны; напротив, послу графу Бодиссену раз и навсегда было дано предписание всегда и во всем согласовывать свои действия с нашим посланником при том же дворе; что, по правде говоря, у них создалось впечатление, что с того времени, как граф Гарденберг возглавил министерство, политика берлинского кабинета стала гораздо более твердой и решительной, и они были очень рады узнать, что указанный кабинет возобновил совсем недавно свои демарши перед французским правительством с целью добиться вывода французской армии из курфюршества Ганноверского, изъявляя готовность занять его своими войсками; что здесь, конечно, предпочли бы, чтобы это последнее условие было снято и это курфюршество было предоставлено самому себе с целью дать ему время залечить раны, причиненные французским господством; но, в конце концов, из двух зол нужно выбирать наименьшее,

*** Конец документа, как не имеющий отношения к внешней политике, опущен.

и в Дании гораздо охотнее согласились бы иметь своими соседями пруссаков, нежели французские орды, которые всячески грабят и разоряют эту несчастную страну; что этот демарш берлинского двора внушил им большее доверие к его политической системе на будущее, но что, впрочем, они весьма далеки от того, чтобы полностью одобрять ее, и он, граф Бернсторф, пользуясь этим случаем, положительно заверяет меня в том, что если датский двор когда-нибудь и установит какие-либо связи с берлинским двором, то лишь с ведома нашего августейшего двора и в согласии с ним. В заключение он выразил надежду, что это правдивое разъяснение рассеет недоверие и подозрения, возникшие в С.-Петербурге, и восстановит между двумя нашими дворами отношения дружбы и доверия, которые здесь столь желают сохранить нерушимыми. Я поблагодарил г-на графа Бернсторфа за его откровенное объяснение и пообещал ему нижайше доложить в. с-ву об этом, не сомневаясь, что Вы сумеете оценить цель этих конфиденциальных сообщений и воспользуетесь ими так, как Вам подскажет Ваша мудрость***.

Грамота Александра I черногорскому народу

20 января (1 февраля) 1805 г.

Заверение в дружеских чувствах русского народа к Черногории.

В. Жмакин, Россия и Черногория, «Древняя и Новая Россия», т. XIX, 3, март 1881, стр. 451—452.

98. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

27 января (8 февраля) 1805 г.

Ayant déjà eu l'honneur de prévenir v.ex. par ma lettre du 3 de ce mois du départ prochain de Mr de Lacy*, je dois aujourd'hui par ordre de l'empereur Vous entretenir, Mr le comte, sur quelques objets qui ont trait à la destination de ce général.

Un des premiers soins, qui doivent occuper Mr de Lacy après son arrivée à Naples, étant de se mettre au fait de tout ce qui regarde le local du pays et de tracer un plan sur la meilleure manière de faire la guerre dans le Midi de l'Italie, le ministère autrichien nous paraît être à même de lui faciliter ce travail en engageant Mr le baron de Mack de Vous fournir toutes les notions qu'il peut avoir sur ce sujet. V. ex. voudra bien en parler sans délai à Mr le comte de Cobenzl et transmettre, par la première occasion sûre, une copie à Mr de Lacy sous couvert de notre chargé d'affaires à Naples et une autre ici de tous les papiers que Vous aurez obtenus relatifs à cette matière.

Nous ne saurions aussi ne pas souhaiter vivement que le ministère impérial veuille bien ne plus tarder à nous communiquer le plan d'opérations pour les armées combinées, qu'il nous a promis, et dont il est fait mention dans la dernière convention** conclue entre les deux augustes cours. Nous désirerions surtout nous entendre au plus vite sur les arrangements qu'on croira nécessaires relativement à l'entretien des troupes que nous serions obligées d'envoyer par l'Allemagne contre les Français.

En parlant du plan d'opérations dont on est occupé dans ce moment à Vienne, v. ex. rappellera la demande que l'empereur a faite relativement à des officiers d'état-major et en même temps Vous êtes chargé d'exprimer le désir de s. m. qu'une certaine quantité de cavalerie légère autrichienne puisse être destinée à agir avec les armées russes. La réputation bien méritée qu'a acquise cette arme dans les troupes impériales et royales fait croire à s.m. que se

* См. док. 72.
** См. док. 63.

réunion avec notre infanterie serait très avantageuse, d'autant qu'en nous passant par là d'une partie de notre cavalerie nous pourrons la remplacer par un surplus d'infanterie.

Подписана и отправлена с коллежским асессором Званцовым генваря 27 дня 1805 г.

Печат. по отпуску.

Перевод

Письмом от 3 сего месяца я уже имел честь предупредить в. с-во о предстоящем отъезде г-на Ласси*, а сегодня по повелению императора я должен сообщить Вам, г-н граф, о некоторых предметах, связанных с поручением, данным этому генералу.

Одной из первых забот г-на Ласси по приезде его в Неаполь явится подробное ознакомление с местными условиями страны и разработка наилучшего плана ведения войны в Южной Италии, и нам кажется, что австрийское министерство может облегчить ему этот труд, поручив г-ну барону Маку сообщить Вам все сведения, какие у него могут иметься на этот счет. В. с-ву следует незамедлительно поговорить об этом с г-ном графом Кобенцлем и с первой же надежной оказией переслать копии всех полученных Вами бумаг, относящихся к этому предмету: одну — через нашего поверенного в делах в Неаполе г-ну Ласси, а другую — сюда.

Мы не можем не желать также, чтобы императорское министерство соблаговолило не задерживать больше сообщение нам плана операций объединенных армий, который был нам обещан и о котором имеется упоминание в последней конвенции**, заключенной между обоими августейшими дворами. Мы особенно желали бы как можно скорее договориться относительно мер, которые будут признаны необходимыми для обеспечения содержания войск, которые нам придется, возможно, послать через Германию против французов.

Говоря о плане операций, которым в данный момент занимаются в Вене, в. с-во должны напомнить о просьбе императора относительно штабных офицеров; одновременно Вам поручается сообщить о желании е. в-ва, чтобы некоторое количество австрийской легкой кавалерии было выделено для действий совместно с русскими армиями. Вполне заслуженная слава, которой пользуется этот род войск в императорской и королевской армии, дает е. в-ву основания считать, что объединение ее с нашей пехотой было бы очень полезно, тем более что это позволило бы нам обойтись без части нашей кавалерии и мы смогли бы заменить ее дополнительным количеством пехоты.

99. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

27 января (8 февраля) 1805 г.

Nous conformant strictement au désir du ministère de s.m. i[mpériale] et r[oyale], nous avons tenu dans le plus grand secret la confection du dernier concert* arrêté entre les deux cours impériales. La cour de Londres, à laquelle nous avons dû faire des communications y relatives, ignore jusqu'à présent la conclusion du concert et à quels termes nous en sommes avec celle de Vienne. Cependant, le ministère anglais s'aperçoit qu'on se cache de lui, il est revenu plusieurs fois à la charge pour savoir les détails et l'issue de cette affaire, et comme ses questions deviennent de plus en plus pressantes et qu'elles sont déjà mêlées de plaintes du peu de confiance qu'on témoigne au cabinet de St. James, nous désirerions, pour les faire cesser et sortir de l'embarras où nous nous trouvons, pouvoir ne plus taire à s.m. britannique l'existence d'un concert auquel sa coopération est si nécessaire.

L'empereur désire que v.ex. s'explique sur ce sujet avec le comte de Cobenzl, et Vous voudrez bien, M^r le comte, nous transmettre sans perte de temps la réponse que Vous aurez obtenue de ce ministre.

Подписана и отправлена с коллежским асессором Званцовым генваря 27 дня 1805 г.
Печат. по отпуску.

* См. док. 63.

Перевод

В соответствии с пожеланием министерства его императорского и королевского в-ва мы хранили в глубокой тайне факт заключения последнего соглашения* между двумя императорскими дворами. Лондонский двор, которому мы должны были сделать связанные с ним сообщения, до сих пор не поставлен в известность о заключении этого соглашения и не знает, в каком положении находятся наши дела с венским двором. Однако английское министерство, чувствуя, что от него что-то скрывают, неоднократно возобновляло попытки узнать подробности и исход этого дела; так как его запросы становятся все более настойчивыми и к ним уже примешиваются жалобы на то, что сент-джемскому кабинету оказывают мало доверия, мы, чтобы устранить основания для этих упреков и выйти из затруднительного положения, в котором мы оказались, хотели бы не скрывать долее от его британского в-ва существование соглашения, для которого так необходимо его сотрудничество.

Император желает, чтобы в. с-во объяснились по этому вопросу с графом Кобенцлем и, не теряя времени, сообщили нам ответ, который Вы получите от этого министра.

Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

27 января (8 февраля) 1805 г.

Излагаются мероприятия русского правительства по ликвидации русско-австрийского конфликта в связи с результатами миссии Ивелича и действиями русского консула Мазуревского в Черногории и предписывается не допускать упрочения французского влияния в Черногории.

«Споменик», Београд, 1893, т. XXXI, № 29, стр. 104—107, на фр. яз.

100. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

3(15) февраля 1805 г.

Monsieur. Je m'empresse de Vous informer que nous avons reçu l'assurance préalable de la part de la cour de Londres, qu'elle donnera son plein assentiment au traité d'alliance et aux articles secrets tel que le projet[81] Vous en a été transmis et qu'elle coopérera à son admission à Constantinople. Vous pouvez donc vous attendre, monsieur, que Mr Stratton ou bien le nouvel ambassadeur anglais, qui s'est déjà mis en route pour se rendre à son poste, recevra l'ordre de Vous soutenir efficacement dans la négociation que Vous devez avoir entamée à l'heure qu'il est. Je Vous écrirai plus amplement sur cet objet aussitôt que les communications formelles de la cour de Londres, qui le concernent, nous seront parvenues. Le courrier, qui en est le porteur, a été expédié depuis longtemps par le c[om]te Simon de Woronzoff et n'est pas encore arrivé, ce qui commence à nous inquiéter. La difficulté des communications et les distances retarderont probablement aussi l'arrivée des ordres susmentionnés à la mission anglaise à Constantinople. Je n'ai pas voulu, en attendant, perdre un moment sans Vous donner ces informations qui sont d'un grand intérêt pour Vous et qui peuvent assurer la marche que Vous avez à suivre dans Votre négociation sur le renouvellement de l'alliance.

Je Vous recommande, monsieur, de surveiller de près le nouveau chargé d'affaires de France et d'empêcher que la Porte ne se laisse amadouer par sa douceur qui fait contraste avec le ton de corps de garde de Brune.

Au reste, l'on peut s'en fier sur Vous, monsieur, dans tout ce qui a rapport aux affaires de Votre poste. Vous ne négligerez rien de ce qui peut avancer le

bien du service de notre auguste maître et augmenter la gloire et l'influence de la Russie.

Recevez...

(signé) Le p[rince] de Czartoryski

Печат. по копии.

Перевод

Милостивый государь. Спешу сообщить Вам, что мы получили предварительное заверение лондонского двора в том, что он даст полное согласие на союзный договор и секретные статьи в том виде, в каком они изложены в переданном Вам проекте [31], и в том, что он будет содействовать принятию этого договора в Константинополе. Следовательно, Вы можете ожидать, милостивый государь, что г-н Стратон или новый английский посол, уже выехавший к месту своего назначения, получит указание активно поддерживать Вас в переговорах, которые Вы, должно быть, уже начали сейчас. Я напишу Вам более подробно по этому вопросу, как только мы получим официальные сообщения лондонского двора на этот счет. Курьер, везущий эти сообщения, был отправлен графом Семеном Воронцовым уже давно и до сих пор еще не прибыл, что начинает нас тревожить. Трудности сообщения и дальность расстояния, очевидно, задержат также доставку вышеупомянутых приказаний и английской миссии в Константинополе. А пока я, не теряя времени, посылаю Вам эти известия, представляющие для Вас очень большой интерес и могущие обеспечить Вам бóльшую уверенность при ведении переговоров о возобновлении союза.

Я советую Вам, милостивый государь, внимательно следить за новым французским поверенным в делах и не допустить того, чтобы Порта позволила ему обмануть себя льстивыми и ласковыми речами, которые так резко отличаются от развязного тона Брюна.

Впрочем, на Вас можно положиться во всем, что касается служебных дел. Вы ничего не упустите из того, что могло бы пойти на благо службы нашему августейшему государю и способствовать славе и влиянию России.

Примите...

(подпись) Князь Чарторыйский

101. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

3(15) февраля 1805 г.

Милостивый государь мой Андрей Яковлевич. До сего уже я писал в. пр-ву о желании нашем доставить свободу плаванию португальского купеческого флага по Черному морю*, теперь имею сообщить Вам таковое ж относительно до флагов шведского и датского; обе сии державы убедительно просят наш двор об исходатайствовании им от Порты права сего, которое, будучи сопряжено с существенными выгодами для торговли нашей, побуждает нас стараться доставить им просимое. Государю императору угодно, чтобы в. пр-во приуготовили заблаговременно турецкое министерство к принятию удовлетворительным образом ходатайства нашего по оному предмету и донесли бы сюда, естьли не предусмотрите никакого препятствия в успехе, дабы по сношению нашему с дворами шведским, датским и португальским могли они дать соответственные предписания министрам своим в Цареград.

Пребывая...

К[нязь] Адам Чарторыйский

Получено 4(16) марта 1805 г.

Печат. по подлиннику.

---

* См. док. 81.

102. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

4(16) февраля 1805 г.

Monsieur, le rapport de v.ex. № 16[155], m'est exactement rentré avec toutes ses annexes. Je me suis empressé de le porter à la connaissance de s.m.i. qui y a trouvé avec un véritable plaisir non seulement une nouvelle marque de la confiance de s.m. prussienne, mais même cette conformité d'opinions entre les deux cours sur le fond des ouvertures françaises, que notre auguste maître désire si sincèrement voir exister en toute occasion. Le baron de Hardenberg a remarqué, à bien juste titre, que les idées mises en avant par le Sr Laforest ne répondent nullement à ce que nous avons droit d'attendre, et nous nous flattons que le ministre éclairé, auquel le roi de Prusse a confié la direction des affaires étrangères, ne se déguisera point ce que son maître et le reste de l'Europe ont à espérer d'un gouvernement qui annonce aussi ouvertement qu'il ne veut point exécuter une convention formelle sous le futile prétexte d'un changement de circonstances depuis la confection de cet acte. S'il était nécessaire d'appuyer sur les raisons nombreuses qui se réunissent pour prouver que les nouvelles propositions françaises sont marquées au cachet de l'astuce le plus raffiné, il suffirait de rappeler que le traité de paix de 1801* n'a été signé qu'en considération de la convention secrète** du même jour et que notre plénipotentiaire, malgré tous les efforts de Talleyrand, n'a jamais consenti à séparer la substance de ces deux actes. Les offres de la France pour suppléer à la non-exécution du second sont vraiment dérisoires, car elle propose l'évacuation simultanée des Sept Iles, du royaume de Naples et de l'île de Malthe, comme s'il dépendait de la France ou de la Russie de comprendre dans leurs stipulations un pays occupé par une puissance tierce, qui a préféré courir les chances d'une guerre plutôt que de céder sur le point qu'on veut résoudre en son nom. Le ministre de Bonaparte indique pour l'indemnité du roi de Sardaigne l'île de ce nom, qui n'a cessé d'appartenir à ce prince, l'île de Malthe, dont les Anglais sont en possession, et la République septinsulaire, dont la Russie a garanti l'indépendance, indépendance qui n'est et ne sera point illusoire, comme celle que la France a promise aux républiques d'Italie et à tous les Etats qu'elle a subjugués. Cette manière de lever les difficultés, qui empêchent un rapprochement entre la Russie et la France, ne nous a nullement étonné parce que nous sommes habitués aux détours que la France emploie pour éluder ses engagements et pour couvrir son manque de foi par des assurances et des protestations fallacieuses. Nous avons constamment désiré que la Prusse en fût aussi intimement convaincue que l'est notre auguste maître. S.m. s'est persuadée avec un grand plaisir par la franchise des communications du baron de Hardenberg, que l'opinion du roi sur les dernières ouvertures de la France est conforme à la sienne, et comme l'empereur est très empressé d'applaudir en toute occasion aux démarches que peut faire son intime allié pour s'assurer de l'étendue des vues ambitieuses de la France, s.m.i. a appris avec un véritable intérêt les ouvertures[156] que le cabinet de Berlin a jugé convenable de faire auprès de celui de St. Cloud relativement aux projets de Bonaparte sur l'Italie. L'exécution de ceux-ci, s'ils tendent, comme il est probable, à asservir ouvertement une partie de l'Italie, présente une nouvelle difficulté au rapprochement en question, basé sur les articles de la convention secrète**,

---

* См. т. I, док. 21.
** См. т. II, док. 22.

dont l'un remettait le sort de l'Italie à la décision commune de la Russie et de la France, et la réponse que le cabinet de St. Cloud fera aux demandes de s.m. prussienne à cet égard sera indubitablement de nature à la convaincre de plus en plus que la France ne s'occupe que d'étendre successivement sa domination sur les Etats qui l'avoisinent. Le système d'isolement et d'indifférence, que Bonaparte a cherché à établir parmi les puissances continentales, lui fait espérer d'accomplir ses projets et de donner alternativement la loi au Midi et au Nord de l'Europe, tandis qu'il est clair qu'une union intime entre ces mêmes puissances serait plus que suffisante pour l'arrêter et deviendrait la source du salut et de la tranquillité générale. C'est sur cette nécessité indispensable que Vous appuierez, monsieur, dans toutes Vos explications avec le baron de Hardenberg. La réponse ***, que Vous avez faite à ce ministre, a reçu toute l'approbation de notre auguste maître qui ne saurait Vous autoriser à écouter aucunes propositions de la France, tant qu'elles ne seront pas plus conformes au bien-être des Etats, auxquels nous nous intéressons, mais il est à propos que Vous vous expliquiez encore avec le b[ar]on de Hardenberg relativement à la suite des discussions qui seront établies à Paris concernant le pays d'Hannovre. Vous retrouverez dans mes précédentes dépêches **** les raisons qui nous faisaient envisager les propositions du cabinet de Berlin comme aussi favorables à la France que possible, cependant cette puissance les a rejetées et a fourni par là au roi de Prusse non seulement la mesure des complaisances, auxquelles il devait s'attendre de la part de Bonaparte, mais même la certitude qu'il avait des vues ultérieures, auxquelles appartenait la présence de ses troupes dans le pays d'Hannovre. En effet, c'est bientôt après qu'il a menacé la Poméranie suédoise, et s.m.i. ne doute pas que ces deux déterminations françaises, qui se sont suivies de près, ne soient un mobile puissant pour engager le roi de Prusse à s'entendre avec nous sur les moyens de préserver l'Europe de nouveaux dangers auxquels elle est exposée, plutôt que de fonder un espoir quelconque sur des pourparlers qui n'ont jusqu'à présent procuré qu'une pénible certitude de l'éloignement de la France à souscrire aux désirs qui en faisaient l'objet.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Получено 17 февраля (1 марта) 1805 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, донесение в. пр-ва за № 16 [156] со всеми приложениями исправно мною получено. Я поспешил довести его до сведения е. и. в-ва, который с истинным удовольствием узнал из него не только о новом свидетельстве доверия его прусского в-ва, но и о единстве мнений обоих дворов относительно существа французских предложений — единстве, которое наш августейший государь столь искренне желает видеть при всех обстоятельствах. Барон Гарденберг весьма справедливо отметил, что выдвинутые г-ном Лафоре идеи совершенно не отвечают тому, чего мы вправе ожидать, и мы надеемся, что просвещенный министр, которому король прусский доверил руководство иностранными делами, не заблуждается относительно того, что его государь и остальная Европа могут ожидать от правительства, столь открыто заявляющего о своем нежелании выполнять заключенную по всей форме конвенцию под тем легковесным предлогом, что со времени составления этого акта обстоятельства изменились. Если бы было необходимо в подтверждение этого сослаться на многочисленные доводы, свидетельствующие о том, что новые французские предложения отмечены печатью самого утонченного коварства, то было бы достаточно напомнить, что мирный договор 1801 г.* был подписан только ради секретной конвенции ** от того же дня и что наш уполномоченный, несмотря на все старания Талейрана, так и не согласился разделить эти

*** См. док. 96.
**** См. док. 78.

два акта по существу. То, что предлагает Франция в порядке компенсации за отказ от выполнения второго из них, поистине смехотворно, так как она предлагает одновременно эвакуировать Семь островов, Неаполитанское королевство и о. Мальту, как будто Франция или Россия могут включать в условия своих договорных актов страну, занятую войсками третьей державы, которая предпочла скорее подвергнуться случайностям войны, чем уступить в вопросе, который хотят решить от ее имени. Посланник Бонапарта называет в качестве возмещения для короля сардинского остров Сардинию, который не переставал принадлежать этому государю, о. Мальту, которым владеют англичане, и Республику Семи островов, независимость которой гарантирована Россией; эта независимость не является и не будет являться иллюзорной в отличие от той, которую Франция обещала итальянским республикам и всем порабощенным ею государствам. Такой способ устранения трудностей, мешающих сближению между Россией и Францией, нисколько нас не удивил, так как мы привыкли к уверткам, к которым прибегает Франция с целью уклониться от выполнения своих обязательств и прикрыть отсутствие добросовестности лживыми заверениями. Мы всегда желали, чтобы Пруссия была в этом столь же глубоко убеждена, как и наш августейший государь. Е. в-во с большим удовольствием убедился, благодаря искренности сообщений барона Гарденберга, что мнение короля относительно последних предложений Франции соответствует его собственному мнению, и, так как император всегда охотно приветствует демарши, которые может сделать его близкий союзник для того, чтобы выяснить, насколько далеко простираются честолюбивые виды Франции, е. и. в-во с истинным интересом узнал о заявлениях[156], которые берлинский кабинет счел нужным сделать кабинету Сен-Клу относительно проектов Бонапарта, касающихся Италии. Осуществление последних, если они направлены, что вполне вероятно, на открытое порабощение части Италии, является новым препятствием для сближения, о котором идет речь и в основу которого должны были быть положены статьи секретной конвенции **, согласно одной из которых судьба Италии должна была быть решена совместно Россией и Францией; ответ кабинета Сен-Клу на запрос его прусского в-ва по этому предмету будет, без сомнения, таков, что еще больше убедит его в том, что Франция стремится лишь к последовательному распространению своего господства на соседние с ней государства. Политика изоляции и безразличия, которую Бонапарт постарался внушить континентальным державам, дает ему возможность надеяться на осуществление своих проектов и на то, что он сможет диктовать попеременно свою волю Югу и Северу Европы, тогда как ясно, что тесный союз между этими же державами был бы более чем достаточен для того, чтобы остановить его и мог бы явиться источником спасения и всеобщего спокойствия. Именно на неотложную необходимость этого Вам следует, милостивый государь, делать упор во всех Ваших объяснениях с бароном Гарденбергом. Ваш ответ *** этому министру получил полное одобрение нашего августейшего государя, который не может уполномочить Вас выслушивать какие бы то ни было предложения Франции до тех пор, пока они не будут в большей мере соответствовать благу государств, в которых мы принимаем участие; но будет уместно, чтобы Вы объяснились еще раз с бароном Гарденбергом относительно дальнейшего хода переговоров о Ганновере, которые будут вестись в Париже. Вы найдете в моих предыдущих депешах**** основания, которые заставляли нас считать предложения берлинского кабинета в высшей степени благоприятными для Франции; однако эта держава отвергла их и тем самым не только показала королю Пруссии, какой уступчивости следовало ожидать со стороны Бонапарта, но и убедила короля в наличии у последнего далеко идущих видов, с которыми связано пребывание его войск в Ганновере. И действительно, вскоре он начал угрожать Шведской Померании, и е. и. в-во не сомневается, что эти два решения французов, последовавшие одно за другим, скорее явятся вескими мотивами для того, чтобы склонить короля прусского договориться с нами относительно того, как оградить Европу от новых опасностей, которым она подвергается, чем побудят его возлагать какую-либо надежду на переговоры, результатом которых пока явилась лишь тягостная уверенность в том, что Франция не хочет согласиться на пожелания, являющиеся их предметом.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

103. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский Н. Н. Новосильцеву

4(16) февраля 1805 г.

Vos lettres, mon cher ami, jusqu'à celle du 1 janvier n[ouveau] st[yle] nous sont parvenues exactement. L'empereur me charge de Vous exprimer sa vive satisfaction sur la manière dont Vous avez conduit jusqu'à présent la négociation dont il Vous a chargé *. Il était difficile ou, pour mieux dire, impos-

* См. док. 50, 51.

sible de s'en acquitter mieux. S.m. a regretté, il est vrai, que l'on ne puisse pas introduire Fox dans le ministère, mais, convaincue de l'impossibilité absolue d'obtenir ce point pour le moment, elle a approuvé en plein Votre idée d'associer le p[rin]ce de Galles et son parti à nos plans et de les rendre, pour ainsi dire, surveillants et garants de leur exécution. C'est, je crois, l'unique exemple qu'une cour étrangère se soit mêlée à ce degré des affaires intérieures du pays, qu'elle ait fait aller au même but le ministère et l'opposition, qu'elle ait rendu objet national celui de ses vues. La façon, dont Vous vous êtes pris relativement au code maritime, est aussi parfaite. L'empereur attend avec impatience l'arrivée de Kosin qui nous apportera des détails suivis et précis sur tous ces objets et par lequel Vous nous promettez des communications officielles du gouvernement anglais. Vous me marquez que Kosin devait être expédié le 4 ou le 5 de janvier, et nous ne sommes pas sans inquiétude sur son compte. Tout reste en suspens jusqu'à son arrivée. Vous savez que la raison, qui nous a décidé de ne rien communiquer à Londres de ce qui se faisait autre part, était de rendre les Anglais plus coulants pendant qu'ils croiraient qu'il n'y a rien de fait encore et de ne pas les rendre maîtres de nos secrets qu'ils auraient compromis ou volontairement pour allumer plus tôt la guerre ou par gaucherie comme nous en avons l'exemple pour les négociations avec la Suède. L'empereur a donc jugé (et en effet pour être conséquent il fallait ne pas se départir de sa marche) que ce ne serait qu'après l'arrivée de Kosin que nous pourrions procéder à une entière confidence. Je tâcherai de me tirer d'affaire avec le c[om]te Simon comme je pourrai, je ferai usage de Vos arguments, j'y ajouterai que comme l'intention de l'empereur était, que ces différentes transactions restent secrètes au gouvernement anglais, j'ai préféré de les taire à l'ambassadeur pour ne pas le mettre dans une position difficile vis-à-vis d'un gouvernement dont il était essentiel qu'il conservât la confiance. Je crois aussi qu'il serait bon que je lui dise qu'en bon ami Vous m'avez prévenu qu'il me soupçonnait de manquer de confiance envers lui.

En attendant, d'après ce que Vous m'avez mandé sur la Turquie, une première confidence part par ce courrier-ci qui porte au c[om]te Simon le projet de traité[157] et les instructions** tels qu'ils ont été envoyés à Mr d'Italinski, le tout accompagné d'une dépêche*** qui se ressent comme de raison de la première réponse anglaise[129] et qui a été écrite comme si nous n'avions pas d'autres nouvelles que celles données par le c[om]te Simon. Le projet de traité a dû être envoyé à Constantinople plus tôt que je ne l'aurais voulu à cause de la conduite franche que la Porte a tenue dernièrement et de la nécessité qu'il y avait de l'y maintenir et de ne pas lui inspirer aucune crainte sur notre compte; en outre, parce que nous avons dû agir comme étant abandonnés à nous-mêmes et qu'il fallait sortir de cette affaire embarrassante le mieux que possible, sans risquer de livrer la Porte à la France. Vous trouverez ci-joint la copie d'un *post scriptum* à Mr Italinski, que je n'envoie pas à l'ambassadeur et qui Vous montrera dans quel esprit nous écrivions. C'était de nécessité après la très mauvaise réponse[158], qu'avait donnée la cour de Londres, que lord Gower m'a communiquée ici et qui pourtant revenait entièrement à ce que le c[om]te Simon mandait. Vos premières lettres[159] ne sont arrivées ici que plus tard. Si cette négociation à Constantinople n'a pas des résultats aussi marquants qu'il aurait été à désirer, ce sera bien la faute de l'Angleterre et pas la nôtre. En attendant, pressez pour qu'on envoie au plus tôt des ordres à Mr Arbuthnot pour soutenir de toutes ses forces Mr Italinski. Nous avons ajouté l'Egypte parmi les pays dont la défense est proposée à la Porte pour prou-

** Аннотацию на инструкцию А. Я. Италинскому от 13(25) декабря 1804 г. см. на стр. 247.

*** См. док. 100.

ver davantage notre impartialité aux Anglais et aux Turcs et pour avoir sur quoi céder, car ces derniers n'y consentiront jamais.

Lacy est parti. Je Vous envoie ci-joint pour Votre information la copie de l'instruction[159] qu'il a reçue et qui n'est point communiquée au c[om]te Simon. Comme il est possible, d'après cette instruction, que la guerre s'allume de ce côté dans quelques mois, il est bon, qu'à cette occasion je Vous parle des subsides. Il nous en faut à toute force comme Vous le savez bien; mais l'empereur ne se soucie pas de toucher cette corde, car la demande une fois faite, cela nous lierait déjà jusqu'à un certain point, et c'est ce que l'empereur ne veut pas avant d'être bien sûr à quoi il en est, et si la cour de Londres adopte franchement nos principes et les suivra. Toutefois il est bon, que Vous prépariez les voies d'une manière privée et sans Vous avancer nullement au nom de notre cour. Plus on nous donnera et mieux cela sera. Il n'y a pas à penser à moins que 1.600 mille livres sterling par an, ce qui n'est pas trop si l'empereur donne 115 mille hommes de terre et une flotte. Les Autrichiens ont demandé une première somme pour se mettre en état et qui ne serait pas non plus hors de propos pour nous, vu les frais très grands de notre poste à Corfou. Outre le nombre d'hommes ci-dessus mentionné s.m. aura en Italie 4 à 8 mille Albanais, Cimariottes, Monténégrins qui coûteront aussi de l'argent et qu'il faudrait payer à part. Le mieux serait peut-être de séparer l'armée du royaume de Naples du reste de nos forces quant aux subsides. Le roi de Naples s'est offert de payer tout ce qu'on lui enverra, s'arrangeant lui de son côté avec l'Angleterre. 95 mille hommes seraient payés directement par l'Angleterre, 20 mille plus les corps francs albanais etc.—par le roi de Naples. Il y a encore la flotte qui coûte beaucoup et dont on ne peut se passer. Il est entendu que ce n'est nullement à la solde que les troupes seraient données. L'Angleterre n'aura ni commissaires ni payants aux armées. Elle payerait les sommes convenues à de termes fixes sans se mêler de rien autre; l'argent est le contingent qu'elle fournit à la coalition; comme elle ne peut pas donner des hommes, il faut qu'elle les remplace par des guinées. Comme il ne convient pas encore de parler sur cette matière au c[om]te Simon, je Vous en fais mention préalablement pour que Vous nous disiez ce que les Anglais voudront faire et que Vous les prépariez d'avance à se conformer à ce qui nous convient et à nous l'offrir même. Au reste, sur cet objet c'est encore Kosin qui nous fera parler plus clairement. Les Autrichiens sont dans l'attente de ce qu'on répondra de Londres à leurs demandes, et ce retard ne leur inspire pas un grand courage dont ils ont pourtant grand besoin. Tâchez de nous procurer de bons commandants anglais de terre et de mer dans la Méditerranée. Une grande quantité de vaisseaux de transport y est indispensable et de la bonne volonté de la part de l'amiral anglais. Pour ce qui est du général de terre, je nomme au c[om]te Simon lord Hutchison ou le g[énéra]l Moore; voyez, au reste, à nous faire avoir ce qu'il y aura de mieux. Mr Pozzo di Borgo, dont je Vous ai souvent parlé, a été pris au service pour être employé auprès du g[énéra]l Lacy. La chose reste secrète jusqu'à ce qu'il entre en activité. C'est une bonne acquisition.

Dans une de Vos lettres[160] Vous dites en passant que dans Votre opinion c'est le moment de commencer la guerre et qu'il ne faut pas la retarder. Nous ne sommes pas entièrement de cette opinion ici; au reste, c'est encore le bienheureux Kosin qu'il faut attendre avant que de se décider là-dessus. Cependant, s'il fallait déjà commencer soi-même (car il est très possible que Bonaparte ne commence pas de si tôt), c'est une grande question de décider de quelle manière il faut s'y prendre. Nous penchons ici à une idée que je m'empresse de Vous communiquer. Il semble qu'il ne conviendrait nullement de déclarer péremptoirement la guerre à la France, mais que, pour plus d'une raison, il faudrait prendre le biais de proposer, par une ligue de médiation des puissances continentales,

la paix aux deux Etats belligérants. Ce ne serait au fond qu'une forme, car les articles de la paix, convenus entre les puissances censées médiatrices et l'Angleterre, seraient proposés comme ultimatum à la France à une décision immédiate et seraient conformes à ce qu'exige l'équilibre de l'Europe et, par conséquent, inacceptables pour Bonaparte. La guerre s'en suivrait alors immédiatement. Il est vrai que dans ces premières propositions il faudrait offrir à Bonaparte de le laisser maître paisible de la France. Ceci est un inconvénient, mais il s'évanouit quand on considère le peu de probabilité qu'il y a que Bonaparte se soumette à nos propositions. D'un autre côté je vois plusieurs avantages majeurs dans cette marche. L'on y garde, en débutant, un caractère d'impartialité; l'on met Bonaparte entièrement dans son tort; on lui ôte tout motif à faire valoir devant la nation française, qui sentira que l'on n'en veut pas à elle pour favoriser exclusivement sa rivale et que c'est uniquement pour soutenir les injustes prétentions d'une famille d'usurpateurs que les Français sont forcés de se battre. Mais ce qui est encore plus important, c'est que de cette manière l'on sera plus certain de faire agir dans le même sens toutes les puissances continentales et de les mettre dedans, y compris l'Autriche, et surtout les puissances proprement neutres qui gardent dans leur cœur une sorte d'animosité et de haine contre l'Angleterre, à la tête la Prusse; sans ce biais il n'y a guère d'espoir d'entraîner cette dernière dont la coopération est pourtant de la plus haute importance. Ce n'est qu'après l'arrivée de Votre courrier que nous pourrons à cet égard prendre un parti décidé, et nous en ouvrir au g[ouvernemen]t anglais. Il est bon que Vous sachiez notre idée en gros pour l'insinuer au ministère britannique comme de Votre propre chef et sans nous compromettre, pour que nous soyons toujours à même de prendre telle décision que l'empereur jugera convenable. Les avantages que je viens de Vous indiquer seront, je pense, appréciés par Mr Pitt, qui n'ira pas s'effaroucher si, pour mieux réussir, nous proposons une médiation et non une coopération au début. Il serait nécessaire de savoir d'avance quels seraient les sacrifices que l'Angleterre voudrait faire à la paix. Veut-elle absolument garder Malte? Il serait indispensable qu'au moins pour le début elle consente à la proposition des médiateurs de remettre Malte à l'ordre de St. Jean avec toutes les sûretés nécessaires pour que cette île ne retombe jamais au pouvoir des Français. Le traité d'Amiens décida la question, et pour conserver l'apparence d'impartialité il faut s'y tenir; ce serait une preuve honorable de modération de la part de l'Angleterre; d'ailleurs, ce ne serait pas trop payer l'évacuation totale des Français de l'Italie et toutes les autres conditions qu'on leur imposerait. L'empereur désirerait que même à la paix véritable Malte fût rendue à l'Ordre. D'après ce que j'ai pu comprendre de milord Gower, il me semble que son gouvernement ne s'obstinerait pas sur ce point. Nous attendrons avec impatience ce que Vous nous manderez à ce sujet; en attendant, je Vous répète que ce ne sont que des avis préalables que je Vous donne et que chez nous-mêmes il n'y a rien de décidé à ce sujet.

Il est un point qui intéresse vivement l'empereur. C'est les affaires avec l'Espagne. S. m. a été outrée de la conduite de l'Angleterre avec cette malheureuse puissance[118]. Quelles que soient les raisons politiques, qui l'ont motivée, elles ne sont que trop contrebalancées par la défaveur que cela a jetée sur l'Angleterre aux yeux de toute l'Europe, par les armes que cela a prêtées contre elle et finalement par les inconvénients qui en résultent pour les opérations futures. Prêchez fortement sur cet objet; j'ai donné officiellement au c[om]te Simon les arguments **** qu'il avait à produire, et je Vous laisse le soin de les développer et d'y ajouter beaucoup d'autres qui sautent aux yeux.

**** См. док. 72.

Les lettres de Lisbonne parlent toujours de la prise de Goa quoique lord Gower persiste à la nier. Je crois que le ministère, restant les bras croisés et ne sachant que faire pour qu'on ne l'accuse pas d'inactivité, s'est décidé à tomber sur la pauvre Espagne. Je Vous envoie ci-joint une lettre que Mallia a écrite à l'égard du duc d'Orléans, cela Vous donnera des notions sur le caractère de ce prince et sur les projets de l'Angleterre. Aussitôt que nous recevrons des réponses à nos premières communications sur l'Espagne et qui, j'espère, seront selon les désirs de l'empereur, nous proposerons à la cour de Londres un plan***** sur une grande échelle pour essayer de sauver la pauvre Espagne, se raccommoder avec elle et l'attacher à la bonne cause. L'empereur a déjà reçu l'assurance positive que le roi d'Espagne y est porté. Il s'agit d'envoyer dans ce pays un ministre adroit qui change la face des affaires et, s'il est possible, tâche même de culbuter le p[rin]ce de la Paix. Ne dites encore rien sur ce dernier point avant nouvel avis. Mouravief de Madrid est rappelé; le choix du successeur n'est pas fixé; le b[aro]n Strogonoff se trouve sur les rangs; quoique sans expérience dans les affaires, il a du liant, de la finesse, de la mesure et beaucoup de zèle, et Vous savez que nous n'avons guère entre qui choisir. Le ministre d'Espagne ici, qui est un digne et galant homme et très bien intentionné, me disait l'autre jour que Gibraltar était le seul point de contact entre l'Espagne et l'Angleterre et que ce point levé, aucune raison ne pourrait guère plus brouiller ces deux puissances; que pour ravoir Gibraltar il n'y a pas de sacrifices que l'Espagne ne fasse, qu'elle offrirait de ses ports en Afrique qui serait sous tous les rapports d'une égale utilité à l'Angleterre que l'est Gibraltar et d'autres avantages en sus. Que dites-Vous de cette idée impraticable peut-être, mais qui est pourtant conforme à la saine politique?

On est dans des transes terribles à Lisbonne de n'être pas forcé de s'associer bientôt au sort présent de l'Espagne. M[r] d'Araoujo, avec lequel je me trouve en correspondance directe, paraît très bien disposé et porté à suivre nos impulsions.

J'en reviens à la Prusse. Voyez l'instruction qu'a reçue Wintzingerode ****** (dont la copie n'est pas envoyée au c[om]te Simon) avec les annexes, cela Vous instruira de ce qui s'est passé et de ce qui se passe là-bas. Il faut voir l'effet que cet envoi produira. Je ne sais s'il ne serait pas bon qu'à Votre retour d'Angleterre Vous preniez Votre chemin par Berlin pour y essayer aussi Votre savoir-faire. Ce n'est encore qu'une idée qui n'a aucune consistance, car au moment où je Vous l'écris, l'empereur même n'en a aucune connaissance.

Puisque j'en suis venu à Votre retour, je n'ai pas besoin de Vous dire combien nous désirons de Vous revoir et que Vous êtes nécessaire à l'empereur ici; cependant, avant que de quitter Londres, il faut que Vous terminiez les bases essentielles du travail, en un mot, tout ce qui ne se ferait pas bien sans Vous. Dans tous les cas je Vous engage de ne pas bouger avant de n'avoir reçu le courrier que nous Vous expédierons après que l'éternel Kosin sera arrivé, car jusque-là il ne peut y avoir rien de certain. Si Vous pouviez nous procurer un bon ambassadeur ici, bien dans notre sens, cela serait excellent, et Votre présence à Londres pourrait être raccourcie, car les affaires se termineraient ici. Milord Gower est doux, modéré, très raisonnable, il entend les affaires; mais ce n'est pas encore ce qu'il nous faudrait. Je sais qu'il parle déjà de s'en aller; peut-être que le changement de lord Harrowby l'y engagera. C'est un misérable changement qui a eu lieu, et je ne le regarde pas comme en mieux, surtout l'admission de Mr Adington. Cependant, si les choses s'arrangent comme Vous nous le faites espérer, il n'y a pas de mal que l'opposition soit puissante, au contraire.

***** См. док. 130.
****** См. док. 91.

Le chancelier m'a écrit à plusieurs reprises pour savoir quand son frère pourra enfin revenir et quitter le service. Je ne sais pas quels sont à cet égard les véritables désirs du c[om]te Simon. Faut-il le laisser là, faut-il l'engager à s'en aller. C'est sur quoi je n'ai encore aucune opinion, je serais bien aise de savoir la Vôtre. Kalytchef est comme de raison toujours très impatient. Quand Vous serez parti, n'y aura-t-il pas de nécessité d'avoir quelqu'un à Londres qui suive les affaires entamées, les surveille et soit capable de remplir entièrement les intentions de l'empereur? Je crois qu'il serait très bon d'avoir quelqu'un de confiance à Londres, surtout si lord Gower n'est pas remplacé comme nous le désirerions.

Venant de lire à s.m. cette lettre-ci, je Vous préviens que l'empereur n'a pas approuvé l'idée relative à la médiation; il croit que, comme elle ne serait que simulée, cela aurait un air de fausseté qui ferait du tort. La chose n'ayant été encore que légèrement discutée, je ne sais pas à quoi l'empereur s'arrêtera, si l'on en vient à agir de propre mouvement. Cependant, Vous sentirez la convenance de ne plus émettre l'idée en question pour le moment. Sur ce je finis. Tout à Vous.

A. C[z a r t o r y s k i]

J'apprends que la cour de Berlin a eu la nouvelle de Londres, que Vous y aviez signé un arrangement avec le g[ouvernemen]t anglais et que Votre courrier, portant cette nouvelle, a été expédié le 11 janvier. Le ministre prussien s'apprête à me faire des questions à ce sujet. D'après Vos lettres il paraît qu'il n'était pas encore question de rien signer; cependant, cela Vous prouve que les Prussiens sont bien servis à Londres et que le secret n'y est pas strictement gardé, ce qui déplaît fort à l'empereur et l'empêche de se livrer avec plus de confiance. Outre un bon ambassadeur ici, n'y aurait-il pas moyen d'avoir dans quelques autres cours principales des ministres anglais bien choisis; je Vous ai écrit excessivement à la hâte, et ma lettre est un véritable pot pourri; c'est à Vous à le démêler, monsieur, et à en tirer ce que Vous trouverez utile.

Печат. по подлиннику (автограф).

Перевод

Ваши письма, мой дорогой друг, включая письмо от 1 января н. ст., исправно нами получены. Император поручает мне сообщить Вам, что он глубоко удовлетворен тем, как Вы вели до сих пор порученные Вам переговоры *. Было бы трудно или, лучше сказать, невозможно выполнить это поручение лучше. Е. в-во сожалел, правда, что не удается ввести Фокса в министерство, но, будучи убежден, что пока добиться этого совершенно невозможно, он полностью одобрил Вашу мысль привлечь принца Уэльского и его партию на нашу сторону и сделать их, так сказать, защитниками наших планов и гарантами их осуществления. Я полагаю, это единственный случай, когда иностранный двор вмешался в такой степени во внутренние дела страны, когда он заставил идти к одной цели министерство и оппозицию и сделал свои собственные виды предметом национальных стремлений. Превосходен также Ваш образ действий в том, что касается морского кодекса. Император с нетерпением ожидает прибытия Козина, который доставит нам подробные и точные сведения по всем этим вопросам и с которым Вы нам обещаете прислать официальные сообщения английского правительства. Вы пишете, что Козин должен был быть отправлен 4 или 5 января, и мы уже беспокоимся относительно него. Все остается нерешенным до его прибытия. Вы знаете, что причиной, побудившей нас не сообщать в Лондон ничего о том, что предпринимается в других местах, было стремление сделать англичан более сговорчивыми, поскольку они думали бы, что ничего еще не сделано, и не раскрывать им наших секретов, которые могли бы быть ими разглашены или намеренно, чтобы поскорее разжечь войну, или по неловкости, как это уже имело место в отношении переговоров со Швецией. Поэтому император решил (и действительно, чтобы быть последовательным, нужно было не отступать от принятой им линии), что только после прибытия Козина мы могли бы приступить к вполне откровенным объяснениям. Я постараюсь, как смогу, объясниться с графом Семеном, употребив Ваши доводы; я добавлю к ним, что, поскольку император был намерен сохранить эти различные соглашения в тайне от

английского правительства, я предпочел не сообщать о них послу, чтобы не ставить его в затруднительное положение перед правительством, доверие которого к нему важно было сохранить. Я думаю также, что мне следовало бы ему сказать, что, как хороший друг, Вы меня предупредили, что он подозревает меня в отсутствии доверия к нему.

Пока же, в связи с тем, что Вы мне сообщили относительно Турции, мы отправляем первое доверительное сообщение с этим курьером, который везет графу Семену проект договора [157] и инструкции** в том виде, как они были отправлены г-ну Италинскому; все это сопровождается депешей ***, которая, естественно, была составлена исходя из первого английского ответа [129] и так, как если бы у нас не было других известий, кроме тех, которые были сообщены графом Семеном. Проект договора пришлось отправить в Константинополь раньше, чем мне хотелось бы, ввиду той искренней политики, которой следовала Порта в последнее время, и поскольку необходимо было побудить ее продолжать эту политику и не давать ей оснований для каких-либо опасений на наш счет; кроме того, мы должны были действовать так, как если бы мы были предоставлены самим себе, и нужно было выйти из этого затруднительного положения как можно лучше, не рискуя толкнуть Порту к Франции. Вы найдете в приложении копию посланного г-ну Италинскому постскриптума, который я не сообщаю послу и который покажет Вам, в каком духе мы писали. Это было необходимо после весьма неблагоприятного ответа [158], данного лондонским двором и сообщенного нам здесь лордом Гоуэром, сводившегося, впрочем, полностью к тому, что сообщал нам граф Семен. Ваши первые письма [160] прибыли сюда позже. Если эти переговоры в Константинополе не приведут к столь значительным результатам, как хотелось бы, то виновата в этом будет Англия, а не мы. А пока настаивайте на том, чтобы г-ну Арбатноту возможно скорее были отправлены предписания всемерно поддерживать г-на Италинского. Мы добавили Египет в число стран, защищать которые мы предлагаем Порте, с тем чтобы лучше доказать наше беспристрастие англичанам и туркам и чтобы было за счет чего делать уступки, так как последние никогда на это не согласятся.

Ласси уехал. Я посылаю Вам в приложении для Вашего сведения копию данной ему инструкции [116], которая не сообщена графу Семену. Поскольку, как сказано в этой инструкции, возможно, что война в этом районе вспыхнет через несколько месяцев, уместно объясниться сейчас с Вами относительно субсидий. Как Вы хорошо знаете, они нам нужны во что бы то ни стало. Но император не спешит затрагивать этот вопрос, так как, если просьба будет сделана, это уже свяжет нас до некоторой степени, а именно этого не желает император до тех пор, пока он наверняка не будет знать, как обстоит дело: принимает ли искренне лондонский двор наши принципы и будет ли следовать им. Однако было бы хорошо, чтобы Вы подготовили почву частным образом, не давая никаких обязательств от имени нашего двора. Чем больше нам дадут, тем лучше. Нечего и думать меньше чем о 1600 тыс. фунтов стерлингов в год, что совсем немного, если учесть, что император выставляет 115 тыс. человек сухопутных войск и флот. Австрийцы попросили осуществить первую выплату субсидий для подготовки к кампании, чего было бы нелишне добиться и нам, учитывая весьма значительные расходы на содержание наших войск на Корфу. Кроме вышеуказанного количества войск, е. в-во будет располагать в Италии 4—8 тыс. албанцев, химариотов и черногорцев; для содержания их также нужны деньги, которые должны выплачиваться отдельно. Лучше всего было бы отделить в том, что касается субсидий, армию, которая будет действовать в королевстве Неаполитанском, от остальных наших войск. Король неаполитанский соглашается принять на себя содержание всех войск, которые будут присланы к нему, и берет на себя достижение договоренности по этому вопросу с Англией. Содержание 95 тыс. человек будет оплачиваться непосредственно Англией, а содержание 20-тысячного корпуса и нерегулярных войск, набранных из албанцев и др.,— королем неаполитанским. Кроме того, имеется флот, содержание которого обходится дорого и без которого нельзя обойтись. Разумеется, никоим образом нельзя считать, что войска эти будут отданы на жалованье. Англия не будет иметь ни комиссаров, ни казначеев в армиях. Нужно будет, чтобы она платила условленные суммы в установленные сроки, не вмешиваясь во все прочее; деньги являются вкладом, который она предоставляет коалиции; раз она не может дать людей, нужно, чтобы она дала взамен их гинеи. Так как не следует пока говорить о данном деле графу Семену, я упоминаю о нем лишь в предварительном порядке, с тем чтобы Вы нам сообщили, что собираются делать англичане, и заранее их подготовили к тому, чтобы они сообразовались с тем, что нам нужно, и даже сами сделали нам соответствующее предложение. Впрочем, и по этому вопросу мы сможем высказаться более ясно после прибытия Козина. Австрийцы пребывают в ожидании ответа из Лондона на их просьбы, и эта задержка с ответом отнюдь не придает им мужества, в котором, однако, они весьма нуждаются. Постарайтесь подыскать нам хороших командующих английскими морскими и сухопутными силами в Средиземноморье. Большое количество транспортных судов и добрая воля со стороны английского адмирала — вот что там необходимо. Что касается командующего сухопутными войсками, я называю графу Семену лорда Гатчисона или генерала Мура; впрочем, озаботьтесь тем, чтобы обеспечить нам наилучшую кандидатуру. Г-н Поццо ди Борго, о котором я Вам часто говорил, принят на службу для использования при генерале Ласси. Это останется в секрете до тех пор, пока он не приступит к делам. Это хорошее приобретение.

В одном из Ваших писем[109] Вы заметили, между прочим, что, по Вашему мнению, настал момент начать войну и что не нужно оттягивать ее. Мы здесь не разделяем полностью этого мнения; впрочем, нужно дождаться прибытия того же благословенного Козина, прежде чем принять решение на этот счет. Однако если бы уже нужно было начинать самим (так как очень может быть, что Бонапарт не начнет так скоро), то возникает весьма важный вопрос, каким образом приступить к этому. Мы склоняемся здесь к мысли, которую я спешу Вам сообщить. Похоже, что отнюдь не следовало бы решительно объявлять войну Франции; по многим соображениям надлежало бы избрать следующий путь: предложить от имени посреднической лиги континентальных держав мир обоим воюющим государствам. По существу, это была бы лишь формальность, поскольку условия мира, согласованные между державами, выступающими в качестве посредников, и Англией, были бы предложены Франции в виде ультиматума, требующего немедленного принятия решения; эти условия соответствовали бы интересам европейского равновесия и, следовательно, оказались бы неприемлемыми для Бонапарта. Немедленным следствием этого явилась бы война. Правда, в этих первых предложениях нужно было бы заявить Бонапарту о нашем согласии на то, чтобы он по-прежнему правил Францией. Это, конечно, неудобство, но оно исчезает, если учесть, сколь маловероятно, чтобы Бонапарт согласился на наши предложения. С другой стороны, я усматриваю в таком образе действий ряд весьма существенных преимуществ. Приступая к действиям таким образом, мы выказываем свою беспристрастность; будет полностью доказана неправота Бонапарта; у него не останется никаких убедительных доводов, с которыми он мог бы обратиться к французской нации; она поймет, что мы не посягаем на ее интересы в пользу соперничающей с ней нации и что французов вынуждают сражаться единственно для того, чтобы поддержать несправедливые притязания семьи узурпаторов. Но, что еще важнее, такой образ действий дает больше уверенности в том, что удастся объединить и направить к общей цели усилия всех континентальных держав, включая Австрию и особенно собственно нейтральные государства во главе с Пруссией, которые затаили в душе некоторую враждебность и злобу по отношению к Англии. Если же избрать другой путь, то вряд ли можно надеяться привлечь Пруссию, сотрудничество которой, однако, чрезвычайно важно. Лишь после прибытия Вашего курьера мы сможем принять твердое решение на этот счет и объясниться с английским правительством. Нужно, чтобы Вам была известна в общих чертах наша идея, с тем чтобы Вы могли осторожно высказать ее британскому министерству, как бы по собственному побуждению и не вмешивая нас в это дело, чтобы мы всегда могли принять такое решение, которое император сочтет нужным. Указанные выше преимущества будут, я думаю, оценены г-ном Питтом, которого не смутит то обстоятельство, что для достижения успеха мы предлагаем вначале посредничество, а не сотрудничество. Было бы необходимо заранее знать, какие жертвы согласилась бы принести Англия ради мира. Желает ли она во что бы то ни стало сохранить Мальту? Было бы необходимо, чтобы, по крайней мере для начала, она согласилась на предложение посредников возвратить Мальту ордену св. Иоанна, причем ей были бы даны все необходимые гарантии того, что этот остров никогда не подпадет под власть французов. Этот вопрос был решен Амьенским договором и, чтобы сохранить видимость беспристрастности, нужно придерживаться его — это явилось бы убедительным свидетельством умеренности Англии и к тому же это не было бы слишком дорогой ценой за полный вывод французами своих войск из Италии и за все прочие условия, которые они должны были бы принять. Император желал бы, чтобы Мальта была возвращена ордену, даже в случае заключения действительного мира. Судя по тому, что я мог понять из слов милорда Гоуэра, мне кажется, что его правительство не будет упорствовать в этом вопросе. Мы с нетерпением будем ожидать, что Вы сообщите нам по этому поводу, пока же, повторяю, я высказываю Вам только предварительное мнение, поскольку у нас самих ничего еще не решено на этот счет.

Есть один вопрос, который живо интересует императора. Это дела с Испанией. Е. в-во был огорчен поведением Англии по отношению к этой несчастной державе[110]. Каковы бы ни были политические мотивы, лежавшие в его основе, они все же никоим образом не компенсируют ущерба, нанесенного ее действиями,— неблагоприятного мнения, сложившегося об Англии в результате этого у всей Европы, того, что это дало оружие против нее, и того, наконец, что это создает неблагоприятные факторы для будущих операций. Проявляйте настойчивость в этом вопросе; я официально сообщил графу Семену аргументы ****, которые он должен привести, а Вам надлежит развить их и добавить к ним многие другие очевидные доводы.

Письма из Лиссабона говорят по-прежнему о взятии Гоа, хотя лорд Гоуэр продолжает упорно отрицать это. Я думаю, что министерство, ничего не предпринимая и не зная, что сделать для того, чтобы его не обвинили в бездеятельности, решило обрушиться на бедную Испанию. Я Вам посылаю в приложении письмо, написанное Маллья о герцоге Орлеанском; из него Вы почерпнете сведения о характере этого принца и о проектах Англии. Как только мы получим ответ на наши первые сообщения относительно Испании, который, как я надеюсь, будет соответствовать желаниям императора, мы предложим лондонскому двору широкий план***** с целью попытаться спасти несчастную Испанию, восстановить хорошие отношения с ней и привлечь ее к правому делу. Император уже получил определенные заверения относительно того, что король испанский склонен к этому. Речь идет о том, чтобы направить в эту

страну искусного посланника, который придал бы другой оборот делам и, если возможно, постарался бы даже свергнуть князя Мира. Ничего пока не говорите по этому последнему пункту впредь до нового уведомления. Муравьев из Мадрида отозван; выбор преемника еще не сделан; в числе кандидатов фигурирует барон Строганов. Хотя у него нет опыта в делах, он обладает обходительностью, проницательностью, тактом, а также большим усердием, и Вы знаете, что нам почти не из кого выбирать. Испанский посланник в Петербурге, достойный и любезный человек, к тому же весьма благонамеренный, мне говорил как-то, что вопрос о Гибралтаре является единственным пунктом, где сталкиваются интересы Испании и Англии, и что если этот вопрос будет урегулирован, то ничто не сможет поссорить эти две державы; что нет таких жертв, которые не принесла бы Испания для того, чтобы вернуть Гибралтар; что она могла бы предложить один из своих африканских портов, который был бы во всех отношениях столь же полезен Англии, как и Гибралтар, а кроме того, и другие выгоды. Что Вы скажете об этой идее, возможно неосуществимой, но соответствующей здравой политике?

В Лиссабоне страшно боятся, как бы Португалии не пришлось разделить вскоре теперешнюю участь Испании. Г-н Арауxo, с которым я непосредственно переписываюсь, кажется, хорошо настроен и склонен следовать нашим внушениям.

Теперь я перехожу к Пруссии. Просмотрите инструкцию ******, полученную генералом Винцингероде (копия ее не отправлена графу Семену) с приложениями; это даст Вам представление о том, что произошло и происходит там. Посмотрим, каковы будут результаты этой поездки. Я не знаю, быть может, Вам при возвращении из Англии следовало бы проехать через Берлин, чтобы попытаться испробовать также и там Вашу искусность в делах. Это пока только неоформившаяся идея, поскольку в момент, когда я Вам пишу, император даже ничего о ней не знает.

Поскольку я упомянул о Вашем возвращении, излишне было бы говорить, как сильно мы желаем снова увидеть Вас и насколько Вы необходимы здесь императору. Однако, прежде чем покинуть Лондон, Вы должны завершить наиболее существенную, основную часть работы, — одним словом, все, что не могло бы быть хорошо сделано без Вас. В любом случае я прошу Вас не трогаться с места, пока к Вам не прибудет курьер, которого мы отправим после приезда Козина, который никак сюда не доберется, поскольку до тех пор все остается неопределенным. Было бы превосходно, если бы Вы сумели добиться назначения сюда подходящего посла, который был бы вполне в нашем духе, тогда Ваше пребывание в Лондоне могло бы быть сокращено, так как дело можно было бы закончить здесь. Милорд Гоуэр мягок, умерен, весьма рассудителен, разбирается в делах, но это еще не то, что нам нужно было бы. Я знаю, что он уже поговаривает о том, чтобы уехать отсюда; возможно, что замена лорда Гарроуби побудит его к этому. Печально, что это изменение имело место, и я не думаю, чтобы оно было к лучшему, особенно назначение г-на Аддингтона. Однако если дела уладятся так, как на это можно надеяться, судя по Вашим сообщениям, то нет беды в том, что оппозиция будет сильна, даже напротив.

Канцлер мне неоднократно писал, осведомляясь, когда его брат сможет наконец вернуться и оставить службу. Я не знаю, каковы в действительности желания графа Семена на этот счет. Следует ли оставить его там или вызвать его оттуда? Я не имею еще никакого мнения по этому вопросу и был бы весьма рад знать, что Вы об этом думаете. Колычев, как и следовало ожидать, по-прежнему пребывает в крайнем нетерпении. Не следовало ли бы после Вашего отъезда иметь в Лондоне кого-либо, кто продолжал бы начатые дела, наблюдал бы за ними и был бы способен полностью осуществить намерения императора? По-моему, было бы очень полезно иметь в Лондоне какое-либо доверенное лицо, особенно, если лорд Гоуэр не будет заменен, как мы бы того желали.

Я только что прочитал это письмо е. в-ву и предупреждаю Вас, что император не одобрил мысль о посредничестве. Он считает, что поскольку оно было бы только показным, то выглядело бы фальшиво, что принесло бы вред. Так как вопрос затрагивался пока лишь вскользь, я не знаю, на чем остановится император, если начнут действовать по собственному побуждению. Однако Вы понимаете, что пока не следует высказывать эту идею. На этом я кончаю. Весь к Вашим услугам

А. Чарторыйский

Мне стало известно, что берлинский двор получил сведения из Лондона о том, что Вы подписали там соглашение с английским правительством и что курьер с этим известием был отправлен Вами 11 января. Прусский посланник собирается запросить меня на этот счет. Судя по Вашим письмам, кажется, пока еще не было речи о том, чтобы подписывать что-либо; однако это доказывает, что у пруссаков хорошие связи в Лондоне и что там плохо хранят тайну; это весьма не нравится императору и не позволяет ему высказаться с бо́льшим доверием. Кроме хорошего посла в Петербурге, нельзя ли добиться того, чтобы и при некоторых других основных дворах находились хорошо подобранные английские посланники? Мое письмо написано наспех и представляет собой настоящую мешанину; Вам предстоит разобраться в ней, милостивый государь, и извлечь то, что Вы сочтете полезным.

104. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский Н. Н. Новосильцеву

5(17) февраля 1805 г.

Nous avons admiré, mon cher ami, avec Strogonoff l'habileté avec laquelle Vous avancez Votre besogne *. Votre début avec le c[om]te Simon, Vos succès progressifs ont été à souhait, au point qu'en vérité Vous avez sinon surpassé, du moins rempli entièrement notre attente. Malheureusement tout cela n'a pas encore produit l'effet désiré ici. L'empereur n'est nullement remis; son âme dans ce moment a, pour ainsi dire, une couleur changeante et ne peut encore prendre une teinte déterminée; ce sont toutes celles de l'iris, et un gris vague qui domine. L'on ne retrouve pas en lui l'assurance et la franchise que donne une décision bien prise; j'en aperçois souvent, au contraire, de l'inquiétude et des réticences de l'indécision.

L'empereur n'a pas goûté l'idée de la médiation que je Vous indique dans ma grande lettre **, et je n'ai pas bien pu démêler ses motifs. Le mode que je proposais me semblait de nature à lui plaire; mais je crains que, comme cela mène à prendre déjà une détermination finale, il n'ait voulu l'écarter à cause de cela. L'idée d'une guerre lui pèse et le tourmente. Votre retour ici est bien nécessaire, mais il faut que Vous consolidiez Votre besogne avant que d'y penser. Votre absence affaiblit beaucoup le bon parti, et les commérages en ont plus de prise sur l'empereur. Ainsi revenez vite, après que l'ouvrage aura été avancé au point de pouvoir aller sans Vous. L'idée de Vous faire revenir par Berlin ne souffrira, je crois, aucune difficulté et je pense que Votre passage là pourra être utile. Dans une dépêche adressée au c[om]te Simon j'avais inséré que, vu la conduite de la Prusse et la possibilité d'une rupture avec elle, il devait sonder confidentiellement le ministère anglais si à tout événement nous pourrions compter sur sa coopération contre la cour de Berlin. Mais l'empereur n'a pas voulu en entendre parler, disant que c'était trop précoce et qu'on ne pouvait pas compter sur la discrétion du c[om]te Simon et du ministère, qu'on en serait aussitôt instruit à Berlin. Il aurait été avec tout cela très essentiel de savoir l'opinion de la cour de Londres à cet égard. Ecrivez-moi un mot à part à ce sujet, ainsi que sur l'idée de la médiation que je Vous ai détaillée. Quand je considère le caractère et la façon d'être de l'empereur, j'avoue que j'ai des moments de bien vive inquiétude en le voyant si fort avancé; s'il recule, il se déshonore, mais saura-t-il soutenir son rôle. Espérons qu'il sortira de tout ces embarras avec gloire et sans honte. On ne peut se le dissimuler: nous outrepassons continuellement notre mesure, et c'est par des tours des forces successifs que l'on fait aller les choses. Adieu.

Печат. по подлиннику (автограф).

Перевод

Мой дорогой друг, мы со Строгановым восхищены искусством, с которым Вы выполняете данное Вам поручение *. Ваш дебют с графом Семеном, успехи, которых Вы последовательно добивались, превосходны, и, поистине, если Вы не превзошли наши ожидания, то по крайней мере полностью их оправдали. К сожалению, все это еще не дало желаемого здесь результата. Император нисколько не успокоен. Настроение его очень неустойчиво и не может, так сказать, принять определенную окраску: здесь все цвета радуги, но преобладает неопределенно-серый. В императоре не видно прежней уверенности и откровенности, являющихся результатом принятия твердого решения, наоборот, я часто замечаю в нем беспокойство и недомолвки, порождаемые нерешительностью.

* См. док. 50, 51.
** См. док. 103.

Императору не понравилась мысль о посредничестве, изложенная в моем большом письме ** к Вам; я не смог вполне понять, какими мотивами он руководствуется. Мне казалось, что образ действий, предложенный мной, должен ему понравиться, но боюсь, что, поскольку это влечет за собой необходимость принятия уже окончательного решения, он отклонил его именно по этой причине. Мысль о войне его тяготит и мучает. Ваше возвращение сюда крайне необходимо, но прежде, чем думать об этом, нужно, чтобы Вы обеспечили успех порученного Вам дела. Ваше отсутствие ослабляет партию здравомыслящих, и император больше поддается влиянию сплетен. Поэтому возвращайтесь скорей, как только дело продвинется настолько, что сможет дальше идти без Вас. Мысль о том, чтобы предложить Вам возвращаться через Берлин, я думаю, не встретит возражений, и я полагаю, что Ваш приезд туда может оказаться полезным. В одной из депеш на имя графа Семена я писал, что ввиду поведения Пруссии и возможности разрыва с ней он должен в конфиденциальном порядке выяснить у английского министерства, можем ли мы в случае необходимости рассчитывать на его содействие против берлинского двора. Однако император не захотел и слышать об этом, говоря, что это слишком преждевременно и что нельзя рассчитывать на то, что граф Семен и министерство сохранят это в тайне, что об этом сейчас же узнают в Берлине. При всем том было бы очень важно знать мнение лондонского двора на этот счет. Напишите мне несколько слов отдельно по этому вопросу, а также об идее посредничества, которую я подробно Вам изложил. Признаюсь, что когда я раздумываю о характере и образе действий императора, то временами испытываю сильную тревогу при виде того, как далеко он заходит; если он отступит, он себя обесчестит; но сумеет ли он выдержать свою роль? Будем надеяться, что из всех этих затруднений он выйдет со славой и без позора. Нельзя скрывать от самих себя, что мы постоянно не соблюдаем меры, и дела двигаются вперед ценой постоянного напряжения всех сил. Прощайте.

105. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Лондоне С. Р. Воронцову

5(17) февраля 1805 г.

J'ai prévenu v.ex. par ma dépêche du 27 nov[emb]re dernier* que l'empereur se proposait d'envoyer à Naples le général d'infanterie de Lacy. Il est parti pour sa destination muni de toutes les instructions[116] nécessaires pour remplir la commission dont il est chargé. A son arrivée à Naples, il a l'ordre de s'entendre avec les généraux et les ministres de s.m. sicilienne sur tout ce qui est relatif à la défense des Etats de ce souverain et d'examiner avec soin la quantité de troupes dont le roi de Naples pourra disposer, quelle est leur organisation et si leur dislocation et l'esprit qui les anime peuvent faire espérer qu'elles seront en état de résister au premier choc des Français et de s'opposer à leurs progrès, au moins jusqu'à l'arrivée de nos secours et de ceux de l'Angleterre. L'empereur, étant prêt à assister efficacement s.m. sicilienne, compte fermement que s.m. britannique emploiera également à cet effet un nombre de troupes suffisant, pour que nos projets puissent réussir. C'est en conséquence que s.m.i. m'a ordonné de Vous prescrire, Mr le comte, d'insister auprès du ministère britannique sur la demande que Vous avez déjà été chargé de faire, pour que le nombre des troupes anglaises réunies à Malte et destinées à agir sur le continent des Etats napolitains soit porté au moins à 15 milles hommes. Ce serait à pure perte qu'on voudrait entreprendre cette expédition sans une réunion considérable de forces, et comme il est constant que les avantages, remportés sur l'ennemi à l'ouverture d'une guerre, décident en quelque façon des succès pour la suite, il est d'autant plus essentiel d'avoir un nombre suffisant de troupes, pour que le début puisse être heureux.

V.ex. a dû également observer au ministère britannique combien il est nécessaire que toutes les opérations soient dirigées du même centre et que les troupes respectives soient réunies sous un même chef. Vous reviendrez, Mr le comte, sur cet objet, et Vous représenterez au cabinet de St. James, qu'il

* См. док. 72.

serait avantageux, et indispensable même, que le commandement en chef soit conféré au général Lacy. Il n'y a pas de doute, que le roi de Naples ne donne son plein assentiment à une proposition semblable que nous lui avons faite, et s.m.i. espère que le cabinet britannique, de son côté, souscrira à cette demande. Il suffirait sans doute, pour l'y déterminer, de la considération que Mr de Lacy est général au service d'une puissance continentale dont les troupes employées à cette expédition sont généralement connues par leur bravoure et les succès qu'elles ont déjà remportés sur les Français dans le royaume de Naples même. Indépendamment de cela Mr de Lacy n'est pas moins recommandable par ses talents et par sa longue expérience dans l'art de la guerre, que par sa valeur et sa prudence; il est d'ailleurs originaire anglais et c'est sans doute un titre de plus pour lui accorder le commandement des troupes britanniques combinées avec les nôtres. Il est bien entendu, au reste, que Mr de Lacy ne se mêlerait en rien de l'administration intérieure du corps anglais, et nous ne désirons autre chose pour lui que le droit de fixer ce qui est relatif aux opérations militaires.

Ce général, après avoir pris connaissance de l'état des choses dans le royaume de Naples, dressera un plan de défense pour le cas où les Français seraient les premiers à attaquer et le fera connaître à la personne qui sera chargée de coopérer à son exécution de la part de l'Angleterre, et si par la suite la nécessité de prendre l'offensive était reconnue, Mr de Lacy s'entendrait également avec le chef des troupes anglaises, qui seraient destinées à concourir à cette expédition, sur les points où elles devraient effectuer leur débarquement et sur leurs opérations ultérieures. Nous désirerions d'après cela que, quand les troupes britanniques seront rassemblées à Malte, leur chef ait ordre, lorsqu'il en sera requis par Mr de Lacy, de se concerter avec lui sur tout ce qui sera relatif aux opérations dans le royaume de Naples. Il serait à souhaiter, que ce commandement fût confié à une personne qui réunît à des talents distingués un caractère conciliant et fait pour prévenir toute discussion quelconque, qui pourrait s'élever entre les généraux respectifs. Un objet qui exige encore une attention particulière et la coopération efficace de la cour de Londres est l'embarcation de nos troupes de Corfou pour se rendre dans le royaume de Naples. Vous demanderez à cet effet, Mr le comte, que le chef des stations anglaises dans la Méditerranée reçoive ordre de prêter à la réquisition de Mr de Lacy toute assistance nécessaire pour effectuer ledit transport.

Ce général a ordre aussi de prendre des informations pour savoir si l'on peut trouver dans le royaume de Naples une assez grande quantité de chevaux pour monter nos régiments de cavalerie; mais, s'il avait lieu de se convaincre qu'il ne faut point compter sur ce secours, l'intention de s.m.i. serait de faire venir des régiments de cavalerie avec leurs chevaux des ports de la mer Noire. C'est dans ce cas particulièrement, que le concours des bâtiments anglais dans la Méditerranée serait nécessaire, et il importerait d'autant plus que leur commandant soit d'avance autorisé à satisfaire à cet égard aux demandes du général Lacy.

Notre auguste maître aurait désiré, en général, qu'une personne, honorée de la confiance de s. m. britannique, fût autorisée à s'entendre à Naples avec le général Lacy sur tous les autres points relatifs aux détails de cette expédition et pour l'aider à aplanir les difficultés qu'elle pourrait présenter. Mais comme le succès de nos plans dépend principalement du secret dont ils seront enveloppés et qu'il est essentiel, d'après cela, d'éviter tout ce qui pourrait éveiller dans le moment actuel l'attention des agents de la France, il paraît indispensable de retarder cette mesure encore pour quelque temps, à moins que la cour de Londres ne veuille conférer pour cet objet des pouvoirs à Mr Elliot. En général, s.m.i. a recommandé à Mr de Lacy d'observer, pendant son voyage

et à Naples même, la plus grande circonspection pour que personne ne puisse deviner qu'il est chargé d'une mission de la part de notre auguste maître, et v.ex. ne manquera point d'engager les membres du ministère britannique à combiner toutes leurs démarches relatives à nos projets concernant le royaume de Naples de manière à ce que le secret le plus impénétrable les environne.

Je me réfère pour tout le reste à ma dépêche du 27 novembre *, à laquelle celle-ci doit servir de complément et v.ex. voudra bien réunir tous les points et toutes les observations contenus dans ces deux pièces pour en faire l'objet de ses discussions avec le ministère britannique.

J'ai l'honneur...

Помета Александра I: Быть по сему.
Февраля 3 дня 1805 г.

Подписано и отправлено 5 февраля 1805 г.
с фельдъегерем Жорданом.

Печат. по отпуску.

Перевод

Моей депешей от 27 ноября прошлого года * я предупредил в. с-во о намерении императора послать в Неаполь генерала от инфантерии Ласси. Он отправился к месту своего назначения, имея на руках все инструкции [114], необходимые для выполнения данного ему поручения. Ему предписано по прибытии в Неаполь договориться с генералами и министрами его сицилийского в-ва обо всем, имеющем отношение к защите владений этого государя, и тщательно изучить, какова численность войск, которыми сможет располагать король неаполитанский, какова их организация и дает ли их дислокация и воодушевляющий их воинский дух основания надеяться, что они будут в состоянии противостоять первому натиску французов и противодействовать их продвижению по крайней мере до прибытия наших и английских подкреплений. Будучи готов оказать действенную помощь его сицилийскому в-ву, государь твердо рассчитывает, что его британское в-во также употребит для этого достаточное для успеха наших планов число войск. Вследствие этого е. и. в-во повелел предписать Вам, г-н граф, настаивать перед британским министерством на требовании, которое Вам уже поручалось предъявить, а именно, чтобы численность английских войск, сосредоточенных на Мальте и предназначенных для действий в пределах неаполитанских владений на материке, была доведена по меньшей мере до 15 000 человек. Было бы бесполезно предпринимать эту экспедицию, не собрав значительные силы; и так как не подлежит сомнению, что преимущества, полученные над противником в начале войны, решают некоторым образом успех в дальнейшем, то тем более важно иметь достаточное количество войск, чтобы начало могло быть удачным.

В. с-во должны были равным образом заметить британскому министерству, сколь необходимо, чтобы руководство всеми операциями осуществлялось из одного центра и чтобы соответствующие войска были объединены под командованием одного лица. Вам надлежит, г-н граф, вернуться к этому вопросу и представить сент-джемскому кабинету, что было бы полезно и даже необходимо, чтобы верховное командование было вверено генералу Ласси. Нет сомнения в том, что король неаполитанский даст свое полное согласие на сделанное ему нами аналогичное предложение, и е. и. в-во надеется, что и британский кабинет, со своей стороны, согласится на эту просьбу Для того чтобы склонить его к этому, было бы, несомненно, достаточно привести то соображение, что г-н Ласси — генерал на службе континентальной державы, войска которой, участвующие в этой экспедиции, повсеместно известны своей храбростью и победами, уже одержанными ими над французами в том же Неаполитанском королевстве. Независимо от этого г-н Ласси достоин этого назначения как благодаря своим талантам и многолетнему опыту в военном искусстве, так и благодаря своей храбрости и осмотрительности; к тому же он англичанин по происхождению, и это, несомненно, еще одно основание для того, чтобы вверить ему командование британскими войсками, которые будут действовать совместно с нашими. Впрочем, само собой разумеется, что г-н Ласси ни в коей мере не будет вмешиваться во внутреннее управление английским корпусом, и мы желаем только, чтобы он имел право решать вопросы, связанные с военными операциями.

Этот генерал, ознакомившись с положением дел в Неаполитанском королевстве, составит план обороны на тот случай, если бы французы напали первыми, и ознакомит с ним лицо, которому будет поручено с английской стороны содействовать его выполнению; если впоследствии было бы признано необходимым предпринять наступление, г-н Ласси договорился бы также с командующим английскими войсками, которые были бы предназначены для участия в этой экспедиции, относительно пунктов высадки и относительно их последующих действий.

В связи с этим мы желали бы, чтобы, когда британские войска будут сосредоточены на Мальте, их командующий имел приказ согласовать с г-ном Ласси, когда последний этого потребует, все, что касается операций в Неаполитанском королевстве. Было бы желательно, чтобы командование этими войсками было доверено лицу, обладающему наряду с выдающимися талантами покладистым характером, чтобы предупредить любой спор, который мог бы возникнуть между соответствующими генералами. Особого внимания и энергичного содействия лондонского двора требует также погрузка на суда наших войск на Корфу для отправки их в Неаполитанское королевство. Вам, г-н граф, надлежит попросить в связи с этим, чтобы командующему английскими морскими силами в Средиземном море было приказано оказать по требованию г-на Ласси помощь, необходимую для указанной перевозки.

Генералу Ласси приказано также собрать сведения о том, можно ли в Неаполитанском королевстве найти достаточное количество лошадей, чтобы обеспечить ими наши кавалерийские полки; но если он убедится, что на это совершенно нельзя рассчитывать, то е. и. в-во намерен доставить кавалерийские полки с лошадьми из портов Черного моря. В этом случае особенно было бы необходимо содействие английских судов, находящихся в Средиземном море, и было бы тем более важно, чтобы их командующий заранее был уполномочен удовлетворить просьбы генерала Ласси на этот счет.

Наш августейший государь вообще желал бы, чтобы какое-либо лицо, удостоенное доверия его британского в-ва, было уполномочено договориться в Неаполе с генералом Ласси по всем другим пунктам, связанным с деталями этой экспедиции, и помочь ему устранить те затруднения, которые могли бы возникнуть. Но так как успех наших планов зависит главным образом от того, будут ли они сохранены в тайне, и так как важно поэтому избегать всего, что могло бы в настоящее время привлечь внимание французских агентов, представляется необходимым еще немного повременить с этой мерой, если только лондонский двор не пожелает снабдить для этого полномочиями г-на Эллиота. Вообще е. и. в-во рекомендовал г-ну Ласси соблюдать во время поездки и в самом Неаполе величайшую осторожность, чтобы никто не мог догадаться, что он выполняет миссию, возложенную на него нашим августейшим государем, и в. с-во непременно должны побудить членов британского министерства предпринимать все свои демарши, связанные с нашими планами относительно Неаполитанского королевства, таким образом, чтобы они были окружены самой непроницаемой тайной.

Относительно всего остального я ссылаюсь на мою депешу от 27 ноября *, к которой данная депеша должна служить дополнением, а Вы, в. с-во, соблаговолите объединить все пункты и замечания, содержащиеся в этих двух депешах, чтобы сделать их предметом обсуждения с британским министерством.

Имею честь...

106. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский полномочному представителю при Республике Семи Соединенных островов Г. Д. Моцениго

№ 142 *12(24) февраля 1805 г.*

Monsieur le comte. Le général-major d'Anrep Vous communiquera qu'il sera peut-être bientôt dans le cas de quitter l'endroit où il se trouve pour se transporter avec nos troupes ailleurs [161], et alors le comité [162] qui a été établi à Corfou cessera d'exister; je dois y ajouter en outre par ordre de l'empereur que jusqu'à cette époque le commodore Greig, qui, au moment qu'il est, doit être arrivé à Corfou, prendra part à tout ce qui se traitera dans ce comité.

Quand les événements amèneront la nécessité du départ de M^r d'Anrep, le commandement militaire à Corfou sera remis au chef de la marine; c'est pourquoi il est enjoint à ce général de laisser à la tête des troupes de terre, qui resteront sur quelques-unes des Sept Iles, un général-major moins ancien que celui de la marine ou un des plus anciens colonels. Au cas que la levée des Chimariotes et des Albanais, que M^r d'Anrep a eu ordre de faire, ne pourrait être effectuée avant son départ de Corfou, c'est Vous qui aurez soin, monsieur, de la compléter d'après un plan que Vous dresserez d'avance avec M^r d'Anrep, et dès que ce corps sera levé et pourvu de tout le nécessaire, Vous remettrez soin de le transporter en Italie au chef de la marine. Le nombre à lever de ces troupes Vous sera indiqué par le général-major d'Anrep.

Je dois Vous faire part aussi que M[r] le commodore Greig a ordre d'examiner la possibilité qu'il y aurait de radouber à Corfou nos vaisseaux qui se trouvent dans la Méditerranée et de construire de petits bâtiments pour le service de la flotte.

S. m. attend de Votre zèle, monsieur, que Vous ferez tout Votre possible pour aider Mr Greig dans ce projet bien désirable, vu l'utilité qu'il présente. Il est encore un autre point non moins essentiel et pour lequel Votre coopération est absolument nécessaire; c'est de compléter le nombre de nos matelots de même que nos régiments de terre par des Grecs. Des ordres y relatifs sont déjà donnés à M[r] d'Anrep et à M[r] de Greig; j'ai cru devoir Vous indiquer seulement cet objet, ne doutant pas que Votre expérience ne Vous guidera dans ce que Vous aurez à faire pour assurer autant que possible la réussite de ce projet.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин граф. Генерал-майор Анреп сообщит Вам, что ему придется, возможно, вскоре покинуть место своего пребывания, чтобы отправиться с нашими войсками в другое место [161], и тогда комитет [162], созданный на Корфу, прекратит свое существование; я должен еще добавить по повелению императора, что до тех пор капитан-командор Грейг, который в настоящее время уже должен прибыть на Корфу, будет принимать участие во всем, что будет обсуждаться в этом комитете.

Когда события сделают необходимым отъезд г-на Анрепа, военное командование на Корфу будет передано командующему морскими силами; вот почему генералу Анрепу предписано поставить во главе сухопутных войск, остающихся на некоторых из Семи островов, генерал-майора, младшего по времени производства, чем командующий морскими силами, или одного из старших полковников. В том случае, если вербовка химариотов и албанцев, которую было приказано провести г-ну Анрепу, не сможет быть осуществлена до его отъезда с Корфу, ее завершением займетесь Вы, милостивый государь, по плану, который Вам следует составить заранее вместе с г-ном Анрепом; и, как только этот корпус будет сформирован и снабжен всем необходимым, Вы передадите командующему морскими силами попечение о том, чтобы доставить его в Италию. Численность войск, подлежащих набору, будет Вам указана генерал-майором Анрепом.

Я должен Вам сообщить также, что г-ну капитан-командору Грейгу приказано выяснить, имеется ли возможность отремонтировать на Корфу наши корабли, находящиеся в Средиземном море, и построить небольшие суда для нужд флота.

Е. в-во рассчитывает на Ваше усердие, милостивый государь, и ожидает, что Вы сделаете все возможное, чтобы помочь г-ну Грейгу в проведении в жизнь этого проекта, осуществление которого весьма желательно ввиду его полезности. Имеется еще один не менее важный вопрос, в котором Ваше содействие совершенно необходимо; речь идет о том, чтобы пополнить за счет греков экипажи наших судов и сухопутные войска. Соответствующие распоряжения уже даны г-ну Анрепу и г-ну Грейгу; я счел нужным только указать Вам на это, не сомневаясь в том, что Ваша опытность подскажет Вам, что нужно будет сделать, чтобы обеспечить, насколько возможно, успех этого плана.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

107. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

12(24) февраля 1805 г.

Monsieur le comte. L'assesseur Boulgakoff m'a exactement remis les différentes dépêches dont v. ex. l'avait chargé pour moi. En les portant à la connaissance de s.m.i., je me suis vu à même d'y joindre la copie *in extenso* des ordres, adressés à M[r] c[om]te de Stadion par cette même voie et que cet

ambassadeur s'est empressé de me faire connaître immédiatement après leur réception. Ils sont principalement relatifs, comme les rapports de v.ex., au dessein annoncé à s.m.i [mpériale] et r[oyal]e par Bonaparte de proclamer son frère Joseph roi de Lombardie. S.m.i. a été infiniment sensible à la confiance qui a dicté ces communications et croit ne pouvoir donner à son intime allié une preuve plus marquante du prix qu'elle y attache qu'en lui exprimant avec sa franchise habituelle ses appréhensions sur les suites que pourraient avoir les déterminations prises à Vienne dans cette affaire.

La marche que suit Bonaparte, lorsqu'il rumine l'exécution de quelques-uns de ses plans, est connue; il ébruite ses projets dans le but de connaître l'impression que leur réalisation peut produire; il les annonce lui-même afin de juger s'il pourra arracher un assentiment explicite aux puissances, qui sont les plus intéressées à s'opposer à ses désirs, ou du moins le leur dérober implicitement pour s'en prévaloir dans l'occasion. C'est ainsi qu'on peut envisager la participation renfermée dans la lettre de Bonaparte du 1 janv[ie]r [163] et qui se réfère à des actes publics qui n'ont pas existé. D'après les nouvelles les plus récentes ils pourraient même être remis à une autre époque par l'éloignement de Joseph Bonaparte à accepter la couronne qui lui est offerte et tout se réunit par conséquent pour prouver que l'intention du chef du gouvernement français, en écrivant à s.m.i[mpéria]le et r[oya]le, était uniquement de sonder le degré d'opposition, qu'il avait à attendre de la part de la cour de Vienne dans ses projets, et d'obtenir d'elle des assurances dont il puisse s'appuyer pour affirmer en France et dans les principales cours de l'Europe que l'empereur et roi ne s'opposera point à ses vues sur l'Italie.

L'instruction [164], adressée par le ministère autrichien à l'ambassadeur c[om]te de Cobenzl, est sans doute de nature à prévenir un semblable inconvénient, mais nous craignons, que Bonaparte ne se serve de la lettre [165] de s.m. i[mpéria]le et r[oya]le pour atteindre à ses fins; qu'il n'en publie les expressions en affectant de leur donner la signification la plus favorable à ses désirs et en les accompagnant des commentaires astucieux, dont il fait constamment usage, pour persuader aux Etats d'Italie que l'Autriche ne prend point intérêt au sort, qu'il leur prépare, et qu'elle le laissera tranquillement terminer et consolider son ouvrage. C'est de quoi Bonaparte lui-même sera peut-être convaincu et il est possible que la mesure et la modération, que s.m.i [mpéria]le et r[oya]le a cru devoir mettre dans sa réponse, au lieu d'arrêter le développement des plans ambitieux du maître actuel de la France l'encouragera, au contraire, à presser leur exécution et à leur donner plus d'étendue encore. S. m. est cependant loin de méconnaître les motifs qui ont fait envisager à Vienne une réponse purement négative comme dangereuse et imprudente. Il est sans contredit important d'éviter tout ce qui pourrait provoquer une réunion des forces de Bonaparte et amener avec lui une rupture prématurée; mais quoique l'ensemble des concerts et des arrangements projetés contre la France n'ait pu encore être réglé comme nous le désirerions et que surtout le retard, qu'éprouvent les réponses que nous attendons de Londres, ait empêché de s'entendre définitivement avec l'Angleterre pour assurer ses secours pécuniaires à l'Autriche aussi promptement que le danger l'exigerait, cependant, il n'est aucun doute, que la cour de Londres ne soit décidée à assister celle de Vienne dans les efforts qu'elle pourrait faire pour arrêter l'ambition croissante de Bonaparte. Notre auguste maître est également prêt à fournir des secours prompts et efficaces dès que les circonstances obligeront son allié à les requérir et si le concert*, existant entre la Russie et l'Aurtiche, n'a rien stipulé sur la conduite qu'on tiendrait dans le cas où Bonaparte établirait l'un de ses frères dans le Nord de

* См. док. 63.

l'Italie, l'on ne doit l'attribuer de notre part qu'à la conviction qu'avait s.m.i., en contractant cet acte, que les changements, qui s'opéreraient dans cette contrée ainsi que ceux qui pourraient arriver en Suisse, étaient d'une telle importance pour l'Autriche, que cette puissance n'avait besoin d'être liée par aucun acte formel pour s'opposer à de tels événements et que la nécessité de veiller à sa propre sûreté et à sa conservation serait un motif parfaitement suffisant pour l'y engager. Notre auguste maître, déterminé à assister la cour de Vienne aussitôt qu'elle viendrait à être menacée par le gouv[ernemen]t français, a cru que c'était à elle qu'appartenait l'initiative sur des objets qui la touchent aussi directement et s'en est remis, du reste, à cet égard, aux intérêts majeurs de l'Autriche, qui ne lui permettront pas d'hésiter sur la conduite qu'il lui convient de tenir dans ce développement des circonstances qui fut prévu dans la dépêche adressée par la cour de Vienne au c[om]te de Stadion en date du 17 juin[165] et où il est reconnu que la réunion permanente de la République italienne à la France, soit directe ou par l'établissement d'un frère de Bonaparte, n'était pas admissible.

L'impression, qu'auront produite à Paris les démarches récentes de la cour imp[éria]le et roy[a]le[166], va déterminer le parti qu'il faudra ultérieurement adopter sur cet objet important. L'empereur désire, qu'elles remplissent l'attente du cabinet de Vienne et que nos appréhensions à cet égard ne se réalisent pas. S.m. ne saurait cependant ne pas exprimer à son intime allié le vœu qu'elle forme pour que dans cette occurrence il déploie une fermeté égale à la difficulté du moment et capable d'arrêter la fougue ambitieuse de Bonaparte. L'empereur Vous charge surtout, Mr le comte, d'engager la cour où Vous êtes à continuer avec une activité redoublée les préparatifs commencés pour mettre ses frontières en Italie dans un état de défense redoutable. V.ex. déclarera en même temps au ministère autrichien que, quoiqu'il n'y ait rien de stipulé dans le concert*, arrêté entre les deux cours relativement aux événements qui pourraient survenir en Lombardie, s.m., ne considérant que l'ésprit dans lequel il a été conclu, n'en offre pas moins ses secours à l'Autriche au cas, que l'ambition obstinée de Bonaparte force cette puissance d'en venir contre lui à des mesures extrêmes pour garantir sa propre sûreté ou pour sauver le Nord de l'Italie d'un asservissement qui deviendrait d'autant plus complet s'il acquérait le caractère d'une sorte de légalité. L'empereur recevra, au reste, avec le plus vif intérêt les idées ultérieures de la cour de Vienne sur les affaires d'Italie et qui ont déjà été annoncées au comte de Stadion. S.m. compte fermement sur l'assurance que cet ambassadeur nous a donnée que rien ne se décidera sans que sa cour ne se soit préalablement concertée avec la Russie dans le plus étroit accord, et v.ex. ne manquera pas de participer sur ce sujet la sensibilité de notre maître à son auguste allié.

Je ne saurais finir sans Vous exprimer encore une fois, Mr le comte, l'impatience avec laquelle nous attendons la communication des plans d'opérations qui nous sont promis depuis si longtemps de Vienne et dont la saison avancée peut rendre le retard infiniment dommageable au succès des vues bienfaisantes des deux cours impériales.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

P. S. Les propositions de paix nouvellement faites à Londres par Bonaparte[167] et les avis qui nous reviennent de l'intérieur de la France prouvent assez qu'il n'a pas grande envie de commencer une guerre continentale à présent; ce n'est que pour essayer d'intimider ses opposants qu'il répand des bruits contraires et qu'il fait marcher avec beaucoup d'éclat une partie de sa garde en Italie. Au reste, les forces françaises dans cette contrée, même après l'arrivée de ce renfort,

ne seront pas bien considérables, et ce n'est pas de quoi donner une véritable inquiétude à l'Autriche. L'expérience du passé suffit pour nous faire prévoir que, si la cour de Vienne ne s'en laisse pas imposer par les grands mots et les démonstrations de Bonaparte et qu'elle lui fasse voir de la fermeté, qu'alors il y pensera à deux fois avant que de s'aventurer plus loin; l'on peut facilement remarquer que surtout depuis quelque temps Bonaparte n'a point de marche assurée dans sa politique; ce ne sont que des essais et des vacillations continuelles; mais s'il aperçoit de la faiblesse, il ira à coup sûr en avant. Pour ce qui est de la négociation que l'on désire d'engrainer relativement à l'établissement d'un Bonaparte sur le trône de Lombardie, je suis surpris que, pour tirer la chose en longueur et fournir nouvelle matière à discussion, l'idée ne soit pas venue au cabinet autrichien d'observer à celui de St. Cloud que la Russie ayant le droit de prétendre, par l'un des articles de la convention secrète du 11 octobre 1801**, que rien ne se termine en Italie que d'un commun accord avec elle, il serait indispensable, si l'on veut faire dans cette contrée quelque arrangement stable et qui mène à des résultats réellement utiles à toute l'Europe, de le rendre tel qu'il puisse être aussi agréé par l'empereur Alexandre.

J'ai pensé devoir mentionner ces différentes réflexions à v.ex., croyant qu'elle pourrait en faire usage en s'expliquant sur cette affaire avec M[r] le vice-chancelier de cour et d'Etat.

Ut in litteris

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Par le feldjäger Golm le 26 février (10 mars) 1805.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин граф. Асессор Булгаков исправно вручил мне различные депеши, которые в. с-во поручили ему доставить мне. Докладывая о них е. и. в-ву, я смог присоединить к ним копию in extenso направленных г-ну графу Стадиону с тем же курьером распоряжений, которые этот посол поспешил сообщить мне сразу же после того, как получил их. Как и в донесениях в. с-ва, в них идет речь главным образом об объявленном его императорскому и королевскому в-ву Бонапартом намерении провозгласить своего брата Жозефа королем Ломбардии. Е. и. в-во был чрезвычайно тронут доверием, которым продиктованы эти сообщения, и он считает, что не сможет лучше доказать своему близкому союзнику, насколько он ценит это, как выразив с присущей ему откровенностью свои опасения относительно последствий, которые могут иметь решения, принятые в Вене по этому делу.

Известно, как действует Бонапарт, когда он готовится приступить к выполнению каких-либо своих планов: он предает огласке свои проекты с целью выяснить, какое впечатление может произвести их осуществление; он объявляет о них сам, чтобы судить о том, удастся ли ему вырвать у держав, наиболее заинтересованных в том, чтобы воспротивиться его намерениям, прямое согласие или, по крайней мере, хитростью заполучить его косвенным образом, чтобы при случае воспользоваться этим к своей выгоде. Так можно рассматривать сообщение, содержащееся в письме Бонапарта от 1 января [163], где речь идет о публичных актах, не имевших места. Согласно самым последним известиям, их могут даже отложить до другого времени ввиду нежелания Жозефа Бонапарта принять предлагаемую ему корону; следовательно, все говорит за то, что, посылая письмо его императорскому и королевскому в-ву, глава французского правительства намеревался лишь выяснить, насколько сильного сопротивления своим планам ему следует ожидать со стороны венского двора, а также получить от него заверения, на которые он мог бы ссылаться, заявляя как во Франции, так и при главных европейских дворах, что император и король нисколько не будет противодействовать его видам в отношении Италии.

Инструкция [164], направленная австрийским министерством послу графу Кобенцлю, без сомнения, может предупредить подобный нежелательный результат, но мы опасаемся, как бы Бонапарт не воспользовался письмом [165] его императорского и королевского в-ва для достижения своих целей и не огласил употребленные там выражения, нарочито придав им наиболее благоприятное для его намерений значение и сопроводив их коварными комментариями, к которым он постоянно прибегает, чтобы убедить итальянские государства в

** См. т. 1, док. 22.

том, что Австрия не проявляет никакого участия к судьбе, которую он им готовит, и что она позволит ему спокойно завершить начатое им дело. В этом, быть может, будет убежден и сам Бонапарт, и возможно, что осторожность и умеренность, которые его императорское и королевское в-во счел необходимым придать своему ответу, вместо того чтобы остановить развитие честолюбивых планов теперешнего властителя Франции, напротив, поощрят его к тому, чтобы ускорить их осуществление и придать им еще больший размах. Е. в-во, однако, далек от того, чтобы не признавать основательности мотивов, побудивших Вену счесть резко отрицательный ответ опасным и неосторожным. Важно, бесспорно, избежать всего, что могло бы вызвать сосредоточение сил Бонапарта и привести к преждевременному разрыву с ним; но, хотя проектируемые соглашения и меры против Франции в их совокупности еще не смогли быть подготовлены, как мы бы этого желали, а задержка ответов, ожидаемых нами из Лондона, помешала окончательно договориться с Англией с целью обеспечить Австрии ее денежную помощь так скоро, как это требовалось бы опасностью положения, тем не менее нет никакого сомнения в том, что лондонский двор готов оказать венскому двору помощь в тех усилиях, которые этот последний мог бы предпринять для того, чтобы поставить предел растущему честолюбию Бонапарта. Наш августейший государь также готов оказать быструю и действенную помощь, как только обстоятельства вынудят его союзника просить о ней, и если в соглашении *, существующем между Россией и Австрией, ничего не сказано относительно той линии поведения, которой следует придерживаться в случае, если Бонапарт водворит одного из своих братьев в Северной Италии, то в том, что касается нас, это должно быть приписано убеждению, которым руководствовался е. и. в-во, заключая это соглашение, что изменения, которые могли бы произойти в этой стране, так же как и в Швейцарии, имеют такое значение для Австрии, что ей нет нужды связывать себя каким-либо формальным актом, чтобы оказать противодействие подобным событиям, и что необходимость заботиться о собственной безопасности и целостности была бы вполне достаточным мотивом, чтобы побудить ее к этому. Наш августейший государь, преисполненный решимости помочь венскому двору, как только для него возникнет угроза со стороны французского правительства, счел, что инициатива в вопросах, которые столь непосредственно касаются венского двора, должна принадлежать последнему, и положился, впрочем, в этом отношении на то, что важнейшие интересы Австрии не позволят ей колебаться в выборе линии поведения, которой ей следует придерживаться в том случае, если события будут развиваться так, как это было предусмотрено в депеше венского двора графу Стадиону от 17 июня [165], где признается, что нельзя допустить, чтобы Итальянская республика была навсегда присоединена к Франции, будь то непосредственно или путем водворения одного из братьев Бонапарта.

Впечатление, которое произведут в Париже недавние демарши [164] императорского и королевского двора, определит то решение, которое необходимо будет впоследствии принять по этому важному вопросу. Император желает, чтобы результат отвечал ожиданиям венского двора и чтобы наши опасения на этот счет не оправдались. Е. в-во не может, однако, не выразить своему близкому союзнику пожелания, чтобы при данных обстоятельствах он проявил соответствующую трудности момента твердость, которая могла бы остановить честолюбивые устремления Бонапарта. Император поручает Вам, г-н граф, уделить особое внимание тому, чтобы побудить двор, при котором Вы находитесь, продолжать с удвоенной энергией приготовления, начатые им с целью укрепления своих границ в Италии. В. с-ву надлежит заявить одновременно австрийскому министерству, что, хотя в заключенном между обоими дворами соглашении* ничего не сказано относительно событий, которые могли бы произойти в Ломбардии, е. в-во тем не менее, руководствуясь духом этого соглашения, предлагает свою помощь Австрии и на тот случай, если бы упорное стремление Бонапарта к осуществлению его честолюбивых замыслов вынудило эту державу прибегнуть к крайним мерам против него, чтобы обеспечить свою собственную безопасность или чтобы спасти Северную Италию от порабощения, которое стало бы тем более полным, если бы оно приобрело в какой-то степени характер законности. Впрочем, император с живейшим интересом ознакомится с новыми соображениями венского двора по итальянским делам, о которых уже было сообщено графу Стадиону. Е. в-во вполне полагается на данное этим послом заверение в том, что никакие решения не будут приняты без того, чтобы его двор предварительно полностью не договорился обо всем с Россией, и в. с-во не преминете выразить признательность нашего государя его августейшему союзнику.

В заключение не могу не напомнить Вам, г-н граф, о том, с каким нетерпением мы ожидаем сообщения из Вены так давно обещанных нам планов операций, запоздание которых может ввиду позднего времени года нанести очень большой ущерб делу успешного осуществления благодетельных видов обоих императорских дворов.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

P. S. Мирные предложения, вновь сделанные Бонапартом Лондону [167], и сведения, поступающие к нам из Франции, достаточно доказывают, что у него нет большого желания начинать сейчас континентальную войну; и если он распространяет слухи об обратном и направляет с большим шумом часть своей гвардии в Италию, то это лишь для того, чтобы попытаться

запугать своих противников. Впрочем, французские силы в Италии даже после прибытия этого подкрепления не будут очень значительными, и у Австрии нет оснований для серьезного беспокойства в связи с этим. Опыт прошлого позволяет предвидеть, что если венский двор не даст Франции запугать себя громкими словами и демонстрациями и выкажет твердость по отношению к Бонапарту, то последнему придется как следует подумать, прежде чем пускаться в дальнейшие предприятия. В политике Бонапарта, особенно с недавних пор, легко можно заметить отсутствие твердости и постоянные колебания, все, что он предпринимает,— это лишь неуверенные попытки; но если он заметит слабость, то непременно пойдет вперед. Что же касается намечаемых переговоров относительно возведения одного из Бонапартов на трон Ломбардии, то меня удивляет, что австрийскому кабинету не пришла мысль указать кабинету Сен-Клу, с целью затянуть дело и дать новую пищу для обсуждения, на следующее обстоятельство: поскольку Россия на основании одной из статей секретной конвенции от 11 октября 1801 г.** имеет право требовать, чтобы все вопросы, касающиеся Италии, решались окончательно лишь сообща с ней, то, если хотят добиться в этой стране сколько-нибудь прочного урегулирования, которое привело бы к результатам, действительно полезным для всей Европы, было бы необходимо осуществить это урегулирование таким образом, чтобы оно могло быть одобрено и императором Александром.

Я счел своим долгом изложить в. с-ву эти различные соображения, полагая, что Вы сможете ими воспользоваться при Ваших объяснениях по этому делу с г-ном вице-канцлером двора и государства.

Ut in litteris

Князь А. Чарторыйский

С фельдъегерем Гольмом 26 февраля
(10 марта) 1805 г.

Александр I Ю. А. Головкину

16 (28) февраля 1805 г.

О назначении Ю. А. Головкина чрезвычайным и полномочным послом в Китай.

Из бумаг гр. Ю. А. Головкина, стр. 4—5.

108. Александр I полномочному министру в Неаполе Д. П. Татищеву

18 февраля (2 марта) 1805 г.

Господин тайный советник Татищев. Настоящее положение дел в Италии, принимая для всех областей, в оной заключающихся, невыгодный оборот от возрастающего властолюбия главы правительства французского, особенно угрожает королевство Неаполитанское, коего обстоятельства таковы, что непременно требуют присутствия доверенной особы со стороны дружественной державы как для подкрепления колеблющихся решимостей е. в-ва короля Обеих Сицилий, так и для подания советов, соответственных с пользами двора того, почему и признал я за благо отправить Вас туда без отлагательства.

Служение Ваше при департаменте иностранных дел, поставив Вас в известность о сношениях и связях кабинета державы Российской со всеми иными в Европе и о положении дел вообще, излишним я почитаю распространяться рассуждениями об оных и для того ограничусь изложением Вам в наставление таковых, относящихся до будущего места пребывания Вашего.

Присоединением Савойи и Пиемонта Франция, получа невозбранный переход гор и дефилей Альпийских, приобрела средство владычествовать во всей почти Италии.

Король неаполитанский один довольно долгое время избегал сего ига, хотя и не в силах был воспрепятствовать водворению французских войск в его областях; по щастливому, однако же, положению государства его и по

немаловажному в оном народочислению не совсем еще для него исчезла возможность избавиться от пребывания их в его владениях.

Многие признаки заставляют при том опасаться, что Бонапарте, не довольствуясь настоящим могуществом Франции, ищет распространить оное предприятиями нащет владений Оттоманской Порты; но чтоб произвесть таковое намерение свое в исполнение с большею удобностью, имеет он нужду овладеть совершенно Неаполитанским королевством и даже Сицилиею, дабы отнять еще аглинским флотам возможность держаться в Средиземном море. Уважая все сии обстоятельства, совершенно противные видам моим, и приняв в соображение известия, до сведения моего уже достигшие, о учиненном Франциею от короля неаполитанского положительном требовании[108], чтоб прервал двор сей сношения свои с Англиею, с угрожением при том занять французскими войсками столицу неапольскую и все крепости. По обязанности же, мною принятой силою трактата, между мною и королем неапольским существующего, обеспечить целость областей е. в-ва, признал я за благо принять для сего меры благовременные, поколику государь сей подаст и с своей стороны достаточные средства к успешному достижению желаемой цели, вследствие чего повелел я отправиться в Неаполь без отлагательства генералу от инфантерии де Ласси под видом путешествия для поправления здоровья, уполномочив его, буде удостоверится в успехе, пригласить немедленно отряд войск российских из Корфу для защищения Неаполя, когда бы покусились французы в столицу сию учинить вторжение. Но прежде того обязанности его подлежать будет, так как предписано ему о том в инструкции[116], ему данной и у сего для сведения Вашего в копии приобщаемой, заняться генеральным обозрением и согласованием с тамошним правительством тех средств, кои к благоуспешности экспедиции споспешествовать долженствуют. На Вас же возлагаю содействовать и всеми силами генералу Лассию, во всем зависящем от Вас при правительстве или при министерстве неаполитанском, а наипаче по предметам, по коим относиться к Вам генерал сей будет. Мнение министра державы дружественной и пекущейся о благе той, при коей министр аккредитован, долженствуя быть уважаемо, я уверен, что, в качестве сем состоя при дворе неапольском, при настоящем критическом его положении, советами Вашими и стараниями не оставите воздерживать оный от всего того, что могло бы быть противно интересам его, направляя движения его к прямому пути, долженствующему вести к достижению желаемого избавления оного от ига, под коим ныне находится. Сей путь наиболее состоит в том, чтобсносить терпеливо что бы ни было чинимо со стороны французского правительства или войск его, изъявляя возможную податливость на требования их и избегая все то, что могло бы раздразить их и понудить преждевременно начать военные действия; таковая терпеливость короля Обеих Сицилий должна, однако, иметь свой конец уже тогда, когда б французские войска учинили покушение занять Калабрию, Неаполь или другие крепости государства сего.

Вам известно, в каком виде двор австрийский предъявил готовость свою на содействие с нами для воспрещения Франции занять войсками своими Неаполь и иные укрепленные места в сем государстве, почему и почитаю достаточным коснуться о том токмо напоминательно, что от двора неаполитанского таковое обязательство* императора германского надлежит содержать в тайне, дабы тем вящше удержать двор сей в пределах осторожности.

Лондонский двор в рассуждении неапольского имея во многом одинакия с нами виды, министр сей державы, без сомнения, будет с Вами откровенен, и Вы соответствуйте ему взаимною искренностью в том, что касается до дел

* См. док. 63.

Неапольского королевства и в коих аглинское правительство принимать будет непосредственное участие, старайтесь при том советами Вашими и дружественными внушениями воздерживать его от опрометчивых подвигов; о всем сем пространно изложены наставления в инструкции, генералу от инфантерии Лассию данной, точному смыслу коих и имеете Вы потому следовать. С министрами ж прочих держав соразмеряйте поведение Ваше, основываясь на сношениях дворов их с кабинетом нашим.

В свиданиях Ваших с королем и с министерством двора неапольского не оставьте удостоверять от имени моего о непоколебимости моей в принятом намерении пещись о сохранении целости королевства Неаполитанского, и что естьли бы позволили обстоятельства сблизиться с Франциею, то что в условиях моих с оною из первейших занимать место будет обеспечение благосостояния королевства Неаполитанского, доставление оному совершенной независимости и освобождение сего государства от пребывания в нем войск французских. Вам небезызвестно, что посредством неапольского двора начаты откровенные объяснения между мною и гишпанским двором*, а потому при всяком удобном случае подлежит Вам изъявлять е. в-ву королю Обеих Сицилий чувствовании мои по сему предмету, основанные на желании видеть державу гишпанскую, пользующеюся своею независимостью, со спокойствием внешним и внутренним.

Остается мне еще поручить в особливое попечение Ваше торговые сношения между обоими государствами, приобретающие новую силу посредством свободного по Черному морю плавания, доставленного неапольскому флагу. Распространение торговли сей я считаю для обоюдных подданных полезным, и Вы, содействуя оному сколько место Ваше на то способов доставить Вам может, мне чрез то угодное делать будете. Равномерно наблюдайте, чтоб консулы российские, в королевстве Обеих Сицилий находящиеся, заключали себя в правилах, им предписанных, и чтобы российские подданные, в сих местах торгующие, находили у них защиту, а не притеснения, а как американских соединенных областей ескадра, в Средиземном море ныне крейсирующая, нередко позволяет себе задерживать купеческие российские суда под разными предлогами, то Вы не оставите войтить в сношение с командующим тою ескадрою и стараться миролюбно отвлещи его от таковых непозволительных подвигов, долженствующих в продолжение произвести вящшие неудовольствия, влекущие часто за собою самый разрыв, чего избегнуть мне весьма было бы приятно.

Пребываю впрочем Вам благосклонный.

Помета Александра I: Быть по сему.

Генваря 16 дня 1805 г.
Высочайше подписана и доставлена тайному советнику Татищеву февраля 18 дня 1805 г.

Печат. по отпуску.

109. Посланник в Берлине М. М. Алопеус министру иностранных дел Пруссии Гарденбергу

24 февраля (8 марта) 1805 г.

Par le courrier de Hambourg, qui vient d'arriver, v.ex. aura sans doute été informée des empiétements que se permettent les Français et des nouvelles violences auxquelles ils se portent dans la Basse-Saxe.

* См. док. 129.

La ville de Lubeck ayant refusé réitérativement le soi-disant emprunt de 600 m[ille] francs, que Mr de Meding est chargé de négocier, quelques villages dans la proximité de la ville ont été occupés par les troupes françaises[169]. Il est vrai que ces villages sont situés dans le duché de Lauenbourg, mais une ancienne hypothèque, à ce qu'on prétend, ayant rendu leur administration commune au gouvernement hannovrien et au magistrat de Lubeck, le titre de possession se trouve par là même modifié. Les Français d'ailleurs ne se bornent point à la simple occupation: ils entravent complètement la liberté du commerce de la ville en refusant la sortie et l'entrée des voitures chargées de marchandises.

Il serait superflu d'observer que cette nouvelle mesure arbitraire compromet parfaitement la sûreté du Nord de l'Allemagne. L'acte*, signé par s.m. le roi le 24 mai 1804, s'énonce clairement à cet égard; il y est dit: «Si le gouvernement français étend au delà du *status quo* ses entreprises contre la sûreté de quelqu'un des Etats du Nord, nous sommes décidés à leur opposer les forces que la providence a mises entre nos mains». Dans l'article I du même acte se trouvent ses propres paroles: «On s'opposera de concert à tout nouvel empiétement du gouvernement français sur les Etats du Nord de l'empire, étrangers à sa querelle avec l'Angleterre».

L'application de ces passages au cas actuel est facile. Il me suffira sans doute de les rappeler et de prier v.ex. de porter ce nouvel incident à la connaissance du roi pour obtenir, que s.m. veuille bien donner de l'effet aux engagements pris envers l'empereur, mon auguste maître, et de concert avec s.m.i., afin de mettre une bonne fois le terme nécessaire aux usurpations, aux violences et aux mesures arbitraires du gouvernement français.

К письму к его с[иятельст]ву кн[язю]
А. А. Чарторыйскому под № 51.

Получ[ено] 8 марта 1805 г.

Печат. по копии.

Перевод

Через только что прибывшего из Гамбурга курьера в. пр-ву стало известно, конечно, о беззакониях, которые позволяют себе французы, и о новых актах насилия, которые они совершают в Нижней Саксонии.

В связи с тем что город Любек вторично отказался предоставить так называемый заем в 600 тыс. франков, переговоры о котором были поручены г-ну Медингу, несколько деревень близ города были заняты французскими войсками[169]. Правда, эти деревни находятся в герцогстве Лауэнбургском, но поскольку по давнему акту об ипотеке общее управление ими, как утверждают, было передано ганноверскому правительству и магистрату Любека, то тем самым было изменено право владения. Кроме того, французы отнюдь не ограничиваются простой оккупацией, они полностью стеснили свободу торговли города, запретив въезд и выезд повозкам с товарами.

Нет нужды говорить, что эта новая незаконная мера совершенно подрывает безопасность Севера Германии. Акт, подписанный е. в-вом королем 24 мая 1804 г.*, содержит ясное указание на этот счет; в нем сказано: «Если французское правительство распространит далее status quo свои предприятия, направленные против безопасности какого-либо из северных государств, мы полны решимости противопоставить им силы, которые провидение вручило нам». В статье I содержатся его слова: «Будет противопоставлено совокупное сопротивление всякому новому завладению французского правительства в северных владениях империи, неприкосновенных к спору его с Англиею».

Легко применить эти положения к данному случаю. Мне, несомненно, достаточно напомнить их и просить в. пр-во довести об этом новом инциденте до сведения короля с целью добиться того, чтобы е. в-во соблаговолил выполнить обязательства, взятые по отношению к императору, моему августейшему государю, совместно с е. и. в-вом, для того чтобы раз и навсегда положить предел узурпаторским действиям, насилиям и актам произвола французского правительства.

---

* См. док. 23.

110. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

27 февраля (11 марта) 1805 г.

Depuis l'époque où s.m.i. a jugé nécessaire d'interrompre toute relation diplomatique avec la France, ce gouvernement n'a cessé de travailler à les rétablir et a employé à cet effet l'intervention du cabinet prussien. Notre auguste maître a déclaré, dès le [dé]but de ces pourparlers qu'il ne prêterait l'oreille à aucune proposition quelconque tant que Bonaparte n aurait pas satisfait à ses engagements antérieurs envers la Russie. Mais loin de s'en occuper, il ne cherche qu'à entraîner notre auguste maître dans une négociation et à lui faire prendre des engagements qui puissent diminuer la confiance de ses alliés. C'est particulièrement l'heureuse union qui subsiste entre la Russie et la Porte qu'il voudrait dissoudre et c'est dans ce but qu'il vient tout récemment de proposer à s.m.i. de donner la République sept-insulaire en indemnité au roi de Sardaigne[156]. L'empereur n'a point été surpris d'une offre aussi astucieuse parce qu'il est habitué à la nature des vues de la France. Il l'a rejetée sur le champ comme inadmissible et m'a chargé, monsieur, de Vous donner ces détails, pour que Vous puissiez les communiquer au Divan en ajoutant au nom de s.m.i. qu'elle espère que la Sublime Porte reconnaîtra dans la conduite de notre auguste maître à cette occasion une nouvelle marque des sentiments qu'il lui porte et qui ne lui permettront jamais de prendre des engagements envers la France sans y comprendre les intérêts de la Porte, et encore moins de rien stipuler qui puisse leur être préjudiciable.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Reçu le 19(31) mars 1805.

Печат. по подлиннику.

Перевод

С того времени, когда е. и. в-во счел необходимым прервать какие бы то ни было дипломатические сношения с Францией, ее правительство непрестанно прилагало усилия к тому, чтобы восстановить их, и использовало с этой целью посредничество прусского кабинета. Наш августейший государь заявил с самого начала этих переговоров, что он не будет выслушивать никаких предложений до тех пор, пока Бонапарт не выполнит ранее взятых им по отношению к России обязательств. Но последний, отнюдь не помышляя об этом, стремится лишь втянуть нашего августейшего государя в переговоры и навязать ему обязательства, которые могли бы уменьшить доверие к нему его союзников. В особенности ему хотелось бы разрушить счастливый союз, существующий между Россией и Портой, и именно с этой целью он совсем недавно предложил е. и. в-ву отдать Республику Семи островов в порядке индемнизации королю сардинскому[156]. Император нисколько не был удивлен таким коварным предложением, так как ему хорошо известен характер намерений Франции. Он немедленно отверг его, как неприемлемое, и поручил мне, милостивый государь, передать Вам эти подробности, с тем чтобы Вы смогли сообщить их Дивану, добавив от имени е. и. в-ва, что он надеется, что Блистательная Порта увидит в действиях нашего августейшего государя в данном случае новое свидетельство чувств, которые он испытывает по отношению к ней и которые никогда не позволят ему принять на себя какие-либо обязательства перед Францией без учета интересов Порты и тем более заключить какие-либо соглашения, которые могли бы нанести ущерб ее интересам.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

111. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

27 февраля (11 марта) 1805 г.

Monsieur. Les notions que transmettent ici nos agents du littoral ex-vénitien roulent toutes sur les vexations inouïes que le pacha de Janina continue à y exercer et particulièrement sur la ville de Prévesa. Elles sont telles maintenant, que les pauvres habitants de çette ville en avaient moins souffert lors même qu'elle fut occupée par les troupes dudit pacha.

Il est difficile de comprendre que ni les justes égards aux plaintes[170] que nous avons à plusieurs reprises portées contre ses perfidies, ni les considérations qui découlent des propres intérêts de la Porte n'ont jamais pu la décider à réprimer la condüite révoltante de ce réfractaire. Ses torts sont si nombreux, si souvent répétés et sont si connus du ministère ottoman, ainsi que de tout le monde, qu'il serait inutile de les récapituler encore ici. Mais je ne saurais ne pas y rappeler la modération de notre auguste maître et ses soins magnanimes de maintenir, autant qu'il peut dépendre de lui, la tranquillité dans les Etats ottomans. S.m., convaincue qu'il était urgent, pour cet effet et surtout dans les circonstances présentes, de ne point exaspérer les habitants de ces contrées et de réprimer l'audace d'Ali-pacha, a épuisé, on peut dire, tous les moyens pour en persuader le gouvernement turc. L'empereur l'a conseillé au sultan comme ami et allié fidèle de sa hautesse; il l'a exigé d'elle comme garant des privilèges et du sort des 4 villes ex-vénitiennes. C'est ainsi, par la suite de ces mêmes dispositions, que la cour impériale, au lieu de profiter de la ligue[171] que différents agas, excédés des tyrannies du pacha de Jannina, avaient formée contre lui, ordonna à ses agents de travailler de leur mieux pour étouffer ces dissentions, afin de ne pas compromettre l'autorité du gouvernement turc; et quelque bien fondés que soient les sujets de mécontentements de s.m.i. contre ce visir, elle a suspendu les réclamations instantes qu'elle avait faites pour sa déposition et pour son éloignement de l'Albanie. Mû par son amitié pour la Porte et voulant lui éviter les embarras que cette circonstance aurait pu faire naître, l'empereur a demandé pour toute satisfaction, que les troupes d'Ali-pacha évacuent les 4 villes susmentionnées et qu'il observe désormais strictement tous les points de la convention de 1800*. S.m. était en droit de s'attendre que non seulement la Porte s'empresserait de donner les ordres les plus précis en conséquence, mais qu'elle veillerait aussi à ce qu'ils soient remplis ponctuellement. Il se trouve cependant que les troupes d'Ali-pacha n'ont point jusqu'à présent évacué Bucintro et qu'à peine a-t-il retiré celles qui occupaient Prévesa, qu'en témoignant un mépris complet aux ordres de son propre souverain, il a recommencé ses violences avec plus d'acharnement que jamais. Ses gens détruisent les jardins et les champs de cette ville, maltraitent d'une manière barbare les habitants et enlèvent leurs biens; et, en outre, pour continuer impunément ses ravages et pour se mettre à l'abri de toute poursuite qui pourrait être un jour dirigée contre lui, il se fortifie avec activité à Sulli et à Mitica. Je ne m'arrêterai pas ici aux résultats très graves, qui pourront s'en suivre pour la Porte, si Ali-pacha parvient à achever ces fortifications; j'observerai seulement que Mitica étant, pour ainsi dire, à la porte de Prévesa, on s'imagine facilement à quel état désolant seront réduits les habitants de cette ville. Tous ces faits attentatoires à la susdite convention parviennent à la connaissance de la Porte, sans qu'elle ait fait jusqu'à présent aucun mouvement pour y mettre ordre. Mais la patience de notre auguste maître pourrait se lasser à la fin de voir que sous les yeux mêmes de ses troupes un pacha insolent et rebelle ose insulter ainsi aux

---

* См. т. I, прим. 87.

engagements solennellement pris par les deux empires. S.m. Vous a dit, monsieur, dans son rescrit du 17 octobre dernier** que le sort de la République ionienne et du littoral ex-vénitien ayant été entre les mains de la Russie, c'est à elle d'en répondre. Vous répéterez ces mêmes paroles au ministère turc et Vous y ajouterez que l'empereur ne contracte des engagements que dans l'espoir de les voir scrupuleusement remplis; qu'il aime à s'expliquer franchement sur ce qui à cet égard ne répond pas à son attente et que c'est d'après cela que Vous croyez devoir observer à la Porte que si, malgré nos réclamations répétées, elle continuait à rester spectatrice tranquille de tous les désordres que se permet Ali-pacha à l'égard du littoral ex-vénitien, s.m. pourrait bien se voir obligée d'adopter d'autres moyens pour assurer la tranquillité de ces contrées d'une manière solide. Pour prévenir cette extrémité pénible, Vous vous expliquerez, monsieur, dans les termes les plus forts et aussitôt la présente reçue, avec le ministère de sa hautesse, en demandant positivement que la Porte emploie son autorité souveraine pour limiter l'exercice des pouvoirs d'Ali-pacha à la seule province qu'il gouverne, pour le forcer à détruire les fortifications qu'il a commencées à Sulli et surtout celles de Mitica, pour lui faire incessamment évacuer tout le littoral ex-vénitien sans aucune restriction et pour l'obliger à laisser les habitants jouir en paix des prérogatives que nous leur avons garanties de concert. Je dois répéter, à cette occasion, ce que je Vous ai déjà dit dans des dépêches antécédentes, que, dès que ce visir ne nous donnera plus par sa conduite de nouveaux motifs de mécontentement, la Russie, n'ayant rien personnellement contre lui, n'aura aussi aucune raison pour le poursuivre et pour lui vouloir du mal. Il Vous avait été également prescrit[172], monsieur, de demander au gouvernement turc le rappel de l'amiral Schermet-bey, commandant de l'escadre turque destinée à protéger les eaux de la République ionienne des corsaires barbaresques. L'indifférence avec laquelle il y voit venir les navires tunisiens et faire leurs captures, sa conduite reprochable dans plusieurs autres occasions et ses connivences avec Ali-pacha, tout cela confirme que la prolongation du séjour de Schermet-bey dans ces parages ne servira qu'à aigrir les habitants et à leur donner des sujets de mécontentement et de plainte contre la Porte. Vous aurez soin de revenir sur cette question et de représenter au ministère turc combien il serait utile que cet officier fût remplacé par un autre, dont le zèle et la loyauté puissent contribuer à maintenir la tranquillité dans le pays et à seconder les mesures qui seront prises pour sa sûreté.

Les preuves non équivoques d'intérêt et d'amitié, que l'empereur donne à chaque occasion à la Porte, nous font espérer qu'elle s'empressera de son côté à satisfaire aux justes demandes de s.m.i., au moment surtout où les liens qui unissent déjà les deux empires vont être resserrés par un nouvel acte***. L'empereur apporte à sa confection tout l'intérêt possible, mais par là même il doit insister sur l'observation plénière de transactions précédentes, leur stricte exécution pouvant seule lui donner l'espoir de voir maintenir scrupuleusement les nouveaux rapports qui s'établissent entre la Russie et l'Empire ottoman et qui sont tous dirigés vers le but unique d'écarter de la Porte des événements dont les suites pourraient lui être préjudiciables et de lui assurer l'affection des peuples qui lui sont soumis.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Получ[ено] 19(31) марта 1805 г.

Печат. по подлиннику.

** См. док. 61.

*** Речь идет о переговорах о возобновлении русско-турецкого союзного договора 1799 г., завершившихся подписанием 11(23) сентября 1805 г. нового союзного договора (см. док. 184).

Перевод

Милостивый государь. Все сведения, сообщаемые сюда нашими агентами с бывшего венецианского побережья, говорят о неслыханных притеснениях, по-прежнему чинимых там янинским пашой, в особенности в отношении города Превеза. В настоящее время эти притеснения настолько усилились, что несчастные жители этого города меньше страдали от них даже тогда, когда город был занят войсками названного паши.

Трудно понять, почему ни должное внимание к жалобам[170], которые мы неоднократно приносили на его вероломные действия, ни соображения, вытекающие из интересов самой Порты, не смогли до сих пор побудить ее пресечь возмутительные действия этого непокорного паши. Его проступки настолько многочисленны, так часто повторяются и столь хорошо известны как оттоманскому министерству, так и вообще всем, что было бы бесполезно здесь снова их перечислять. Но я не могу не напомнить об умеренности нашего августейшего государя и о его великодушных заботах о поддержании, насколько это может от него зависеть, спокойствия в оттоманских владениях. Е. в-во, будучи убежден в том, что для этого настоятельно необходимо, особенно в данных обстоятельствах, не доводить до отчаяния население этих областей и пресечь дерзость Али-паши, исчерпал, можно сказать, все средства, чтобы убедить в этом турецкое правительство. Император советовал это султану как друг и верный союзник его высочества, он требовал этого от него как гарант привилегий и судьбы 4 бывших венецианских городов. Исходя из этих же побуждений, императорский двор, вместо того чтобы использовать лигу[171], которую образовали против янинского паши различные аги, доведенные до крайности его тираническими действиями, повелел своим представителям приложить все усилия к прекращению этих раздоров, чтобы не подрывать авторитет турецкого правительства, и, как ни основательны имеющиеся у е. и. в-ва поводы для недовольства этим визирем, император не настаивает пока на выполнении предъявленных им ранее требований о его смещении и удалении из Албании. Движимый чувством дружбы к Порте и желая избавить ее от затруднений, которые могло бы вызвать это обстоятельство, император в качестве единственного удовлетворения потребовал, чтобы войска Али-паши эвакуировали названные 4 города и чтобы отныне этот паша неукоснительно выполнял все пункты конвенции 1800 г.* Е. в-во был вправе ожидать, что Порта не только поспешит отдать соответствующие точные приказания, но и позаботится также о том, чтобы они пунктуально выполнялись. Однако войска Али-паши до сих пор все еще не эвакуировали Бутринто, а сразу же после вывода своих войск из Превезы он, выказывая полное пренебрежение к повелениям собственного государя, возобновил свои насилия с еще большим неистовством, чем когда-либо. Его люди уничтожают сады и посевы, принадлежащие жителям этого города, варварски обращаются с населением и грабят его; наконец, для того чтобы безнаказанно продолжать свои бесчинства и оградить себя от любого преследования, которое когда-либо могло бы быть предпринято против него, он активно укрепляется в Сулли и Митикасе. Не буду останавливаться на тех весьма серьезных затруднениях, которые могут возникнуть для Порты, если Али-паше удастся закончить эти укрепления; замечу лишь, что, поскольку Митикас расположен, так сказать, у ворот Превезы, легко можно себе представить, в каком плачевном положении окажутся жители этого города. Все эти факты, являющиеся нарушением вышеупомянутой конвенции, известны Порте, но пока она не сделала абсолютно ничего для наведения порядка. Однако наш августейший государь может в конце концов потерять терпение, видя, как на глазах у его войск дерзкий и мятежный паша осмеливается столь пренебрежительно относиться к обязательствам, торжественно взятым на себя обеими империями. Е. в-во в своем рескрипте от 17 октября прошлого года ** писал Вам, милостивый государь, что, поскольку судьба Ионической республики и бывшего венецианского побережья находится в руках России, именно она и должна нести ответственность за них. Вам надлежит повторить эти слова турецкому министерству, добавив при этом, что император заключает соглашения только в надежде на то, что они будут в точности выполняться; Вы заявите также, что он желает откровенно объясниться относительно того, что не оправдывает его ожиданий на этот счет и что в соответствии с этим Вы считаете своим долгом заметить Порте, что, если она, несмотря на наши неоднократные протесты, будет по-прежнему равнодушно взирать на все те бесчинства, которые позволяет себе Али-паша в отношении бывшего венецианского побережья, е. в-во сочтет себя вынужденным применить другие средства, для того чтобы надежно обеспечить спокойствие этих областей. Чтобы не доводить дело до этой нежелательной крайности, Вам следует, милостивый государь, немедленно по получении настоящей депеши объясниться в достаточно решительных выражениях с министерством его высочества султана, самым определенным образом требуя, чтобы Порта использовала свою верховную власть для того, чтобы ограничить территорию, на которую распространяется власть Али-паши, лишь управляемой им провинцией, вынудить его разрушить укрепления в Сулли и в особенности в Митикасе, которые он начал возводить, добиться незамедлительной и безоговорочной эвакуации им всего бывшего венецианского побережья и заставить его дать возможность населению спокойно пользоваться правами, гарантированными нами совместно с Портой. В связи с этим я должен повторить, что, как я Вам уже писал в предыдущих депешах, коль скоро этот визирь перестанет давать нам своими действиями новые поводы для недовольства, у

России, которая не имеет ничего против него лично, не будет никаких оснований преследовать его или желать ему зла. Вам ранее было также предписано, милостивый государь, потребовать от турецкого правительства отзыва адмирала Шермет-бея, командующего турецкой эскадрой, выделенной для охраны вод Ионической республики от берберийских корсаров[172]. Равнодушие, с которым он взирает на то, как тунисские суда приходят в эти воды и занимаются грабежом, его предосудительное поведение во многих других случаях и его потворство Али-паше — все это подтверждает, что дальнейшее пребывание там Шермет-бея может лишь ожесточить жителей и даст им основания быть недовольными Портой и жаловаться на нее. Вам надлежит вернуться к этому вопросу и указать турецкому министерству, сколь полезно было бы заменить это должностное лицо другим, чье усердие и прямодушие способствовали бы поддержанию спокойствия в стране и содействовали бы мерам, которые будут приняты в целях обеспечения ее безопасности.

Недвусмысленные доказательства участия и дружбы, которые при каждом случае император дает Порте, позволяют нам надеяться, что последняя со своей стороны поспешит удовлетворить справедливые требования е. и. в-ва, в особенности в момент, когда узы, уже связывающие обе империи, должны быть в ближайшем будущем еще более укреплены новым актом ***. Император проявляет крайний интерес к подготавливаемому договору, но именно в силу этого он должен настаивать на строгом соблюдении предшествовавших соглашений, так как лишь неукоснительное их исполнение может вселить в него надежду на то, что новые отношения, устанавливаемые между Россией и Оттоманской империей с единственной целью не допустить событий, последствия которых могли бы быть пагубными для Порты, и обеспечить привязанность к ней подвластных ей народов, будут тщательно поддерживаться.

Имею честь. . .

Князь А. Чарторыйский

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов Александру I

28 февраля (12 марта) 1805 г.

Сообщает о настойчивых просьбах Селим-хана Нухинского (Шекинского) принять его в подданство России.

АКАК, т. II, стр. 643.

112. Запись беседы министра иностранных дел Пруссии Гарденберга с посланником в Берлине М. М. Алопеусом и Ф. Ф. Винцингероде

*6(18) марта 1805 г.**

Texte
de la note verbale[173]

Il est inconcevable que, malgré ces stipulations, ces relations heureuses et une conduite aussi loyale que celle observée par la Prusse, l'opinion puisse exister un instant que celle-ci eût des vues cachées ou des engagements secrets contraires aux intérêts de la Russie.

Le général baron de Wintzingerode et le conseiller privé d'Alopéus s'étant rendus lundi à une heure après midi à l'invitation du baron de Hardenberg chez ce ministre de cabinet, la conférence fut ouverte par la lecture de la note verbale[173] que le conseiller privé d'Alopéus avait reçue la veille. Au passage relatif aux vues cachées et aux engagements secrets contraires aux intérêts de la Russie, ce dernier observa que sans nourrir des soupçons aussi injurieux il fallait cependant convenir qu'en quelques occasions la Prusse par sa conduite avait inspiré de la défiance. Mr de Hardenberg ayant désiré qu'il en fût cité un seul exemple, Mr d'Alo-

* Дата беседы установлена по архивным материалам.

péus se rapporta à la mission de Mr Lombard à Bruxelles **. Le ministre de cabinet commença par mettre en avant quelques raisons qui devaient la justifier, mais il finit par convenir qu'elle n'avait aucunement amené le résultat qu'on s'en était promis, celui d'approfondir les intentions de Bonaparte et de lui inspirer de la modération. Il cita à son tour un fait bien qualifié, d'après sa manière de voir, à inspirer de la défiance si l'on y inclinait ici. Il soutint que le rapprochement entre la Russie et la France, quoique négocié par la Prusse et sous sa médiation, n'avait cependant pu inspirer au cabinet de St.-Pétersbourg assez de confiance pour qu'il eût communiqué à celui de Berlin la convention secrète*** conclue entre elles, dont ce dernier n'a eu connaissance que depuis peu. Le conseiller privé d'Alopéus répliqua que la négociation, dont elle est devenue le résultat, a été conduite à Paris; qu'entamée d'ailleurs sous le règne précédent, on a sous celui-ci suivi simplement le fil et donné la sanction à un ouvrage qui était déjà autant que terminé. Le baron de Hardenberg se mit alors à relever les soupçons qui avaient été articulés, il y a un an, sur de prétendus armements en Prusse; il en passa aux deux dernières lettres autographes de s. m. l'empereur au roi****, qui l'une et l'autre font mention du malheureux sujet de défiance dont ce ministre prétendait qu'il n'en existe le moindre motif, vu qu'il pouvait assurer sur son honneur qu'en Prusse on avait songé l'année passée aussi peu que cette année-ci à faire les moindres apprêts militaires, à ceux près qui se répètent tous les ans dans la plus profonde paix et qui tiennent à l'organisation militaire de la monarchie prussienne. Il en inféra qu'il existe des gens dont tous les efforts se concentrent dans la déplorable occupa-

** См. т. I, прим. 284.
*** См. т. I, док. 22.
**** Речь идет о письмах Александра I к прусскому королю от 10(22) декабря 180[illegible] и 10(22) января 1805 г. (см. аннотации на стр. 219 и 273).

tion d'inspirer de la défiance et d'affaiblir ainsi l'amitié intime et l'heureuse confiance qui avaient commencé à s'établir entre les deux monarques. Le conseiller privé d'Alopéus répondit que, n'ayant point connaissance des deux lettres autographes, il ne pouvait rien dire à ce sujet, mais qu'il connaît assez les principes et les sentiments de son auguste maître pour oser avancer que s.m.i. désire sincèrement de cimenter de plus en plus l'étroite union qui subsiste si heureusement entre les deux monarchies. Le baron de Wintzingerode à son tour se mit à exposer le véritable sens des deux lettres mentionnées et à en déduire qu'elles contenaient la preuve irréfragable que s.m. l'empereur n'ajoute aucune foi aux bruits relatifs à ces prétendus armements.

Aucune collision n'existe à l'égard de ceux-ci entre elle (la Russie) et la Prusse, dont l'amitié sûre et loyale lui sert de premier boulevard contre toute attaque pour elle-même et pour les États faibles du Nord auxquels elle s'intéresse. Si le roi veut la conservation de la paix aussi longtemps que des circonstances impérieuses ne le forcent à prendre les armes, c'est que ce système est le seul qui convienne autant à son coeur qu'au bonheur de ses peuples, le seul qui puisse le mettre en état de soutenir avec force et vigueur une guerre défensive.

Au passage que la Prusse sert de premier boulevard et que le système de la conservation de la paix est le seul qui convienne à son cœur et au bonheur de ses peuples, le général de Wintzingerode, en rendant les éloges dûs à ces sentiments, remarqua qu'il pourrait cependant naître des cas où un tel système devînt préjudiciable à la Russie en paralysant les opérations, supposé qu'elle fût forcée de rompre avec la France. Le baron de Hardenberg à son tour observa que si l'on pouvait imaginer le cas que la Russie voulût agir du côté du Nord de l'Allemagne, la gêne, qu'elle éprouverait, était la suite nécessaire du concert établi par la convention secrète du 24 de mai 1804 *****. Dès lors s'éleva une longue discussion sur la manière d'entendre les stipulations de cette convention. Le baron de Hardenberg la considéra sous le rapport d'un avantage immédiat pour la Russie, vu qu'en cas d'une rupture avec la France elle mettrait son aile droite à l'abri de toute insulte; il soutint que sans cette convention les villes anséatiques et la banque de Hambourg auraient depuis longtemps

***** См. док. 13, 23.

été la proie de la France, considérations qui, même pour la Russie, devaient être d'un grand poids. Le baron de Wintzingerode, sans le contester, regarda comme forcée l'interprétation que le concert entre la Russie et la Prusse dût produire l'effet d'empêcher la première à attaquer la France du côté qu'elle le jugerait à propos et, par conséquent, à la paralyser dans ses opérations, assurant que telle n'avait jamais été l'intention de sa cour en le proposant, tandis que Mr de Hardenberg prétendait que le but de ce concert ne portait que sur la conservation de la tranquillité du Nord de l'Allemagne. S'expliquant sur ce qu'on entend par le Nord de l'Allemagne, il rangea sous cette catégorie tous les Etats et provinces en deçà du Veser et de la Werra. A la suite de ces discussions Mr de Hardenberg ne cacha point que dans le malheureux cas d'une guerre sur le continent il ne prévoyait que trop que le roi, son maître, serait dans la nécessité de renoncer au système de neutralité qui lui tient si fort à cœur, après l'avoir soutenu toutefois jusqu'à la dernière extrémité et qu'alors ses dispositions personnelles, comme son intérêt le porteraient sans doute à se déclarer pour la Russie. Mr de Wintzingerode s'attachant à ce mot lui demanda si l'on pouvait compter sur cette assurance et s'il l'autorisait à la transmettre à son auguste maître ? Le ministre de cabinet ne voulut point qu'elle dût être considérée comme officielle, mais il répéta qu'il en était intimement convaincu, et cela d'autant plus que l'intérêt de la Prusse, ce grand mobile de la saine politique, l'exigeait impérieusement. Il regarda de plus comme impossible, dans le cas d'une rupture entre la Russie et la France, que la Prusse ne fût forcée par la dernière à se déclarer contre elle en vertu de ses engagements contractés le 24 mai 1804 *****, vu que non seulement la France avait promis de ne point augmenter ses forces dans le Hannovre au-delà de

26 à 27 mille hommes, mais que même la formation d'une armée sur le Rhin devait être regardée par la Prusse comme une mesure inadmissible, engagements qui, à en juger par la conduite observée jusqu'ici par la France, seraient immanquablement enfreints.

La conversation avait amené la question si la Saxe voudrait et pourrait soutenir une rigoureuse neutralité au cas que la guerre éclatât entre la Russie et la France ? Mr de Hardenberg pensa qu'oui et s'appuya de la conduite de l'électeur de Saxe dans des pareilles occasions, ainsi que des preuves de son inébranlable fermeté, ce prince étant connu à la vérité par sa modération, mais aussi par sa manière d'agir très conséquente. Pouvant porter sans grands efforts son armée à 40 mille, même à 50 mille hommes en cas d'urgente nécessité, il croyait que la Saxe est un Etat qu'il convient de ménager. A ce raisonnement il ajouta la réflexion que le cas malheureux où l'on se mettrait à obliger l'électeur par la force ouverte de renoncer à son système, serait d'autant plus à regretter que naturellement ce prince se replierait sur le roi de Prusse, dont les principes et l'intérêt exigeaient qu'il s'attachât au même système de rigoureuse neutralité.

L'ordre des matières conduisit au projet de concert entre les trois cours [122]. Ici le conseiller privé d'Alopéus exprima son extrême regret de ce que la réponse verbale ne contient point de réponse précise aux ouvertures qu'il avait eu l'honneur de faire de bouche à Mr le baron de Hardenberg ****** et le met par conséquent dans l'impossibilité de présenter quelque résultat à l'empereur, son auguste maître, sur cet objet de la plus haute et plus urgente importance. Le ministre de cabinet crut pouvoir soutenir l'opinion contraire. Il trouva dans la détermination de s.m. prussienne de prendre

****** Имеются в виду заявления, сделанные М. М. Алопеусом Гарденбергу на основании инструкции А. А. Чарторыйского от 16(28) января 1805 г. (см. док. 92).

l'engagement de n'en contracter aucun avec qui que ce soit à l'insu des deux cours impériales un résultat très essentiel. Il attacha également la plus haute importance à la franchise et à l'abandon avec lesquels la Prusse expose son système politique, même avant d'avoir obtenu de la part des deux cours impériales l'assurance qu'elles en agiront de même, condition que toutefois le roi regarde comme préalable avant que s.m. puisse prendre un parti ultérieur et définitif relativement au concert qu'on a en vue. Mr d'Alopéus observa que la politique de l'empereur, son auguste maître, était à découvert, ayant le caractère distinctif d'être noble, généreuse, parfaitement désintéressée et son but ne portant que sur l'indépendance des États qui n'ont pas encore subi le joug dont la France manifeste évidemment le désir de vouloir les accabler soit par la force, soit par la ruse et d'étendre ainsi sa domination non seulement sur ceux qui l'avoisinent, mais aussi sur des puissances plus éloignées. Quant à la politique actuelle de la cour de Vienne, Mr d'Alopéus pensa que les ouvertures du comte de Metternich ne laissaient rien à désirer; sur quoi Mr de Hardenberg incidenta: mais il n'a jamais été question de l'Angleterre et des relations avec elle. Il y fut répliqué ce qu'il n'existe point d'engagements avec cette puissance, autant qu'il nous en est connu. Le ministre de cabinet mit fin à la conférence en disant qu'il ne pouvait point aller au-delà des ordres du roi son maître, et qu'ici il ne s'agissait pas de ses sentiments personnels.

On s'est dispensé de faire entrer dans ce précis ce que le baron de Hardenberg a dit de l'affaire de Suède, parce que ce n'était que la récapitulation de ce qui se trouve dans la note [174] signée par ce ministre.

К письму к его сиятельству кн[язю] А.А.Чарторыйскому пбд № 57.

Получено 22 марта 1805 г.

Печат. по копии.

Перевод

Текст вербальной ноты[173]

Трудно себе представить, как, несмот-
на эти договорные постановления, доб-
отношения и столь прямодушное пове-
ие Пруссии, могли считать, хотя бы в те-
ие краткого времени, что у нее имеются
ытые намерения или тайные обязатель-
, противоречащие интересам России.

Генерал барон Винцингероде и тайный советник Алопеус явились в понедельник в час дня к министру кабинета барону Гарденбергу по его приглашению; беседа началась с чтения вербальной ноты[173], полученной накануне тайным советником Алопеусом. При чтении того места, где говорится о скрытых намерениях и тайных обязательствах, противоречащих интересам России, последний заметил, что столь оскорбительных подозрений нет, но все же нельзя не согласиться, что в некоторых случаях Пруссия своими действиями внушала недоверие.

Г-н Гарденберг попросил привести ему хотя бы один пример этого, и г-н Алопеус указал на миссию г-на Ломбарда в Брюссель**. Министр кабинета сначала привел несколько доводов, которые должны были доказать ее полезность, но в конце концов согласился, что она отнюдь не привела к тому результату, которого от нее ожидали, а именно — более точно выяснить намерения Бонапарта и внушить ему умеренность. Он привел в свою очередь факт, который, по его мнению, вполне мог породить недоверие, если бы здесь к этому были склонны. Он утверждал, что, хотя переговоры о сближении между Россией и Францией и велись при посредничестве Пруссии, это не смогло, однако, внушить санкт-петербургскому кабинету такое доверие, которое побудило бы его сообщить берлинскому кабинету заключенную между этими державами секретную конвенцию***, о которой последний узнал лишь совсем недавно. Тайный советник Алопеус возразил, что переговоры, результатом которых она явилась, велись в Париже, что к тому же они были открыты еще в предыдущее царствование, а при ныне царствующем императоре лишь продолжали начатое и дали санкцию делу, которое было уже почти завершено. После этого барон Гарденберг указал на подозрения, которые высказывались год назад относительно мнимых вооруженных приготовлений в Пруссии; затем он перешел к двум последним собственноручным письмам**** е. в-ва императора королю, в каждом из которых упоминается об этих же злополучных приготовлениях, порождающих недоверие, для которого, по утверждению этого министра, нет ни малейших оснований, так как он может дать честное слово, что в Пруссии в прошлом году столь же мало, как и в этом, думали об осуществлении хотя бы незначительных военных приготовлений, если не считать приготовлений, производимых ежегодно даже в условиях прочного мира и связанных с военной организацией прусской монархии. Он сделал отсюда вывод, что имеются люди, которые целиком посвятили себя неблаговидному занятию, состоящему в том, чтобы внушать недоверие и ослаблять таким

путем начавшие устанавливаться между двумя монархами тесную дружбу и счастливое доверие. Тайный советник Алопеус ответил, что, поскольку ему неизвестно содержание этих двух собственноручных писем, он ничего не может сказать на этот счет, но, достаточно хорошо зная принципы и чувства своего августейшего государя, он берет на себя смелость заявить, что е. и. в-во искренне желает еще более укрепить тот тесный союз, который столь счастливо существует между обеими монархиями. Барон Винцингероде в свою очередь остановился на подлинном смысле двух упомянутых писем и в заключение сказал, что в них содержится неопровержимое доказательство того, что е. и. в-во совершенно не верит слухам относительно пресловутых вооруженных приготовлений.

В отношении последних не существует никакого противоречия между ней (Россией) и Пруссией, надежная и искренняя дружба которой является первым оплотом против любого нападения на нее и на слабые северные государства, в которых она принимает участие. Если король хочет сохранять мир до тех пор, пока крайние обстоятельства не вынудят его взяться за оружие, то лишь потому, что только эта система соответствует как его чувствам, так и благоденствию его народов и только она позволит ему подготовиться к энергичной и решительной оборонительной войне.

При чтении того места, где говорится, что Пруссия служит первым оплотом и что только система сохранения мира соответствует чувствам короля и благоденствию его народов, генерал Винцингероде, отдавая должное этим чувствам, заметил, что тем не менее возможно такое стечение обстоятельств, когда подобная система будет во вред России, парализуя ее действия в случае, если она окажется вынужденной порвать с Францией. Барон Гарденберг в свою очередь заметил, что, если бы можно было предположить, что Россия пожелает действовать со стороны Северной Германии, стеснения, с которыми она встретилась бы, были бы неизбежным следствием согласия, созданного секретной конвенцией от 24 мая 1804 г.***** После этого долго говорили о том, как следует понимать постановления этой конвенции. Барон Гарденберг рассматривал ее с точки зрения непосредственной выгоды для России, поскольку в случае разрыва с Францией она обеспечила бы ее правый фланг от внезапного нападения; он утверждал, что, не будь этой конвенции, ганзейские города и гамбургский банк давно стали бы добычей Франции; эти соображения должны быть очень вескими даже для России. Барон Винцингероде, не оспаривая этого, сказал, что было бы большой натяжкой толковать конвенцию таким образом, будто соглашение России с Пруссией о совместных действиях должно иметь своим результатом то, что России нельзя будет атаковать Францию там, где она сочтет это выгодным, и что, следовательно, оно должно парализовать ее действия; он заверил, что его двор никогда не имел таких намерений, предлагая заключить это соглашение, в то время как барон Гарденберг утверждал, что единственной целью этого согласия является сохранение спокойствия Северной Германии. Объясняя, что подразумевается под Северной Германией, он включил в это понятие все государства и провинции по эту сторону Везера и Верры. После этого г-н Гарденберг прямо заявил, что, если, к несчастью,

на континенте вспыхнет война, он почти уверен, что король, его повелитель, должен будет отказаться от столь близкой его сердцу системы нейтралитета, но сделает это лишь после того, однако, как он попытается отстаивать ее до последней возможности, и тогда его личные симпатии, как и его интересы, заставят его, безусловно, принять сторону России. После этого заявления барона Гарденберга г-н Винцингероде спросил его, можно ли положиться на это заверение и разрешает ли он передать его е. в-ву императору всероссийскому. Министр кабинета не согласился с тем, чтобы это заверение рассматривалось как официальное, но повторил, что он глубоко убежден в этом, тем более что интересы Пруссии — великая движущая сила здравой политики — настоятельно требуют этого. Он сказал, что к тому же он считает невозможным, чтобы в случае разрыва между Россией и Францией Пруссия не была вынуждена последней выступить против нее в силу обязательств, принятых ею 24 мая 1804 г.*****, так как помимо того, что Франция обещала не увеличивать численность своих сил в Ганновере сверх 26—27 тыс. человек, даже сформирование армии на Рейне должно рассматриваться Пруссией как недопустимая мера; обязательства же эти, судя по поведению Франции до настоящего времени, неизбежно будут нарушены.

Затем перешли к вопросу о том, захочет ли и сможет ли Саксония сохранять строгий нейтралитет в случае, если бы между Россией и Францией вспыхнула война. По мнению г-на Гарденберга, на этот вопрос следует дать утвердительный ответ, и в подтверждение этого он сослался на поведение курфюрста в подобных обстоятельствах, а также привел доказательства его непоколебимой твердости; этот принц известен, правда, своей умеренностью, но в то же время он известен и своим весьма последовательным образом действий. Учитывая, что Саксония без особых усилий может довести численность своей армии до 40 тыс., а в случае крайней необходимости даже до 50 тыс. человек, г-н Гарденберг считает, что к этому государству следует относиться с осторожностью и вниманием. Он высказал также соображение, что, если бы, к несчастью, курфюрста попытались силой заставить отказаться от его системы, это было бы тем более достойно сожаления, что этот государь, естественно, объединился бы с королем прусским, принципы и интересы которого требуют, чтобы он следовал той же системе строгого нейтралитета.

Следующим был обсужден вопрос о проекте соглашения между тремя дворами о совместных действиях[123]. Тайный советник Алопеус выразил крайнее сожаление по поводу того, что вербальная нота не содержит определенного ответа на те предложения, которые он имел честь сделать в устной форме г-ну барону Гарденбергу******,

и что, следовательно, он не может доложить императору, своему августейшему государю, о достижении каких-либо результатов в этом весьма срочном и важном деле. Министр кабинета счел возможным утверждать противное. По его мнению, решение его прусского в-ва взять на себя обязательство не заключать никаких соглашений с кем бы то ни было без ведома двух императорских дворов является весьма существенным результатом. Он также подчеркнул важность того, что Пруссия излагает свою политическую систему искренне и откровенно, не дожидаясь даже заверений двух императорских дворов в том, что они будут действовать таким же образом; тем не менее король считает, что до выполнения этого предварительного условия он не сможет принять окончательное решение относительно обсуждаемого соглашения. Г-н Алопеус заметил, что император, его августейший государь, действует открыто, его политика отличается благородством, великодушием и совершенным бескорыстием, и его единственной целью является обеспечение независимости государств, которые не попали еще под иго Франции, открыто заявляющей о своем желании поработить их либо силой, либо хитростью и распространить таким образом свое господство не только на соседние государства, но и на более отдаленные державы. Что касается нынешней политики венского двора, то, по мнению г-на Алопеуса, предложения графа Меттерниха не оставляют желать ничего лучшего; на это г-н Гарденберг заметил: «Но ведь речь никогда не шла об Англии и взаимоотношениях с ней». Ему ответили, что, насколько нам известно, с этой державой не заключено никаких обязательств. Министр кабинета закончил беседу, заявив, что он не может превышать полномочия, данные ему в повелениях короля, его государя, и что здесь речь не идет о его личных чувствах.

В эту запись беседы решили не включать то, что сказал барон Гарденберг относительно Швеции, так как этот министр лишь кратко повторил содержание своей ноты[174].

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов Мустафа-хану Ширванскому

7(19) марта 1805 г.

Предложение вступить в подданство России.

АКАК, т. II, стр. 661—662.

Записка министра иностранных дел А. Р. Воронцова о международном положении России

Москва, 9(21) марта 1805 г.

Вопрос о борьбе с Францией. Основные цели коалиции России, Австрии и Англии: освобождение Италии и восстановление Германской империи в старых границах.

Арх. Воронцова, кн. XI, стр. 481—488.

113. Ф. Ф. Винцингероде товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

10(22) марта 1805 г.

Mon prince, à la suite des deux notes* du b[aron] de Hardenberg à Mr d'Alopeus, notre ministre a eu une conférence** à laquelle je fus aussi invité. Mr d'Alopeus, ayant déjà expédié par la poste passée ces deux notes à v.ex., je me bornerai à lui communiquer à présent les résultats de cette conférence en ne faisant que rapporter par articles d'après la suite du discours ce que le ministre prussien a dit ou accordé.

Les conséquences, qu'on peut tirer de cet entretien, m'ont paru si intéressantes que j'ai cru devoir faire part de cette dépêche à Mr d'Alopeus, pour n'avoir pas à me reprocher que v.ex. fût induit en erreur par une méprise de ma part. Notre ministre est entièrement tombé d'accord avec moi et m'a expressément assuré qu'il ne pouvait porter aucun autre jugement sur cette conférence. Vous verrez aisément, mon prince, sans que j'aie besoin d'ajouter ici nos réponses, ce que j'ai dû et pu facilement rejeter comme peu fondé ou inadmissible et à quoi je n'ai pas eu à objecter; v.ex. pourra, je crois, regarder la présente dépêche en quelque façon comme une confession politique du ministre prussien.

En discutant le contenu de la note verbale[178] adressée à Mr d'Alopeus et qui servit de base à l'entretien, on est venu à parler des objets suivants:

La Prusse prétend avoir de justes raisons de nous reprocher un manque de confiance, et le b[ar]on de Hardenberg cita comme preuve de cette assertion que, lorsque la Russie a fait le dernier traité de paix avec la France sous la médiation de la Prusse, on avait caché à cette dernière des articles secrets***.

La cour de Berlin reproche à la Russie d'incliner à la méfiance et relève les soupçons qu'on avait articulés à St.-Pétersbourg sur les prétendus armements en Prusse, dont s.m.i. a parlé au roi dans ses deux dernières lettres****. Le ministre prussien prétendit qu'il y avait des gens à St.-Pétersbourg, qui s'efforçaient à inspirer à l'empereur notre maître de la défiance contre la Prusse.

Le b[ar]on de Hardenberg assure que la Prusse se désiste du projet d'occuper la Poméranie suédoise et ne s'opposera pas à ce que le roi de Suède jugera convenable de faire pour mettre ce pays en état de défense; qu'elle ne lui dispute pas même le droit de prendre des subsides de l'Angleterre, pourvu que s.m. suédoise ne dépasse pas ses frontières pour agir offensivement contre les Français et pour troubler par là la tranquillité du Nord de l'Allemagne.

Le cabinet de Berlin explique la convention du 24 mai 1804***** comme portant obstacle à ce que la Russie prenne jamais contre la France des mesures qui pourraient attirer la guerre dans le Nord de l'Allemagne, il prétend que c'est elle-même qui s'est imposé cette gêne par le concert fait avec la Prusse.

Le ministre prussien comprend sous le Nord de l'Allemagne les Etats prussiens, le Mecklembourg, la Haute et Basse Saxe, enfin tout ce qui est en deçà du Weser et de la Werra et veut étendre son système de neutralité et de tranquillité sur ces pays.

Mr de Hardenberg est convaincu que surtout la Saxe est décidée de maintenir sa neutralité; il envisage ce pays comme méritant des ménagements tant pour

* См. прим. 173, 174.

** См. док. 112.

*** См. т. I, док. 22.

**** Речь идет о письмах Александра I прусскому королю от 10(22) декабря 1804 г. и 10(22) января 1805 г. (см. аннотации на стр. 219 и 273).

***** См. док. 23.

les forces militaires qu'il peut mettre sur pied, que pour les sentiments connus de l'électeur qu'il dit avoir déjà prouvé qu'il était capable de prendre un parti vigoureux. Le ministre prussien assure que les principes de ce prince et l'intérêt de son pays l'engageaient à s'attacher à la Prusse et à son système.

Le ministre prussien nous assura formellement que, dans un cas d'extrêmes et si la Prusse ne pouvait plus soutenir le système qu'elle a adopté, elle prendra le parti de la Russie et s'unira à elle. Mais officiellement il n'a pas voulu donner cette déclaration importante.

Mr de Hardenberg assure sur sa parole qu'ils ne se font aucuns préparatifs militaires en Prusse, à l'exception de ceux qui se répètent tous les ans, même dans la plus profonde paix.

Ainsi qu'il est dit déjà dans la note verbale[173] du b[ar]on de Hardenberg, ce ministre nous a assuré encore que la Prusse ne fera et n'entrera dans aucun accord, concert ou convention quelconque avec qui que ce soit, à l'insu des deux cours impériales.

Au sujet du concert[128], tout ce que Mr de Hardenberg a dit, était vague et quoique les sentiments personnels de ce ministre paraissent y être favorables, ce qu'il nous a dit lui-même des sentiments du roi son maître ne donne point d'espérance qu'on puisse parvenir à le réaliser avant que des circonstances impérieuses n'y forcent la cour de Berlin.

J'ai l'honneur...

Wintzingerode

Получено 22 марта 1805 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин князь, после получения г-ном Алопеусом двух нот * от барона Гарденберга наш посланник имел с ним беседу **, на которую был приглашен также и я. Поскольку г-н Алопеус уже отправил в. с-ву с прошлой почтой обе эти ноты, я ограничусь тем, что сообщу Вам теперь результаты этой беседы, излагая по пунктам, в том порядке, в каком они обсуждались, что сказал или с чем согласился прусский министр.

Выводы, которые можно сделать из этой беседы, показались мне столь интересными, что я счел своим долгом ознакомить с этой депешей г-на Алопеуса, чтобы мне не пришлось упрекать себя в том, что в. с-во были введены в заблуждение из-за моей ошибки. Наш посланник полностью согласился со мной и самым определенным образом заверил меня в том, что у него не могло быть никакого другого суждения относительно этой беседы. Вам нетрудно будет догадаться, князь, даже если я не буду излагать здесь наши ответы, что я должен был и легко мог отвергнуть как малообоснованное или неприемлемое и против чего мне не пришлось возражать. Я думаю, что в. с-во сможете рассматривать настоящую депешу некоторым образом как политическую исповедь прусского министра.

Обсуждая содержание адресованной г-ну Алопеусу вербальной ноты[173], которая послужила основой для беседы, мы остановились на следующих вопросах.

Пруссия утверждает, что она имеет веские основания упрекать нас в отсутствии доверия к ней, и в доказательство этого барон Гарденберг привел тот факт, что от Пруссии скрыли секретные статьи ***, когда Россия заключила при ее посредничестве последний мирный договор с Францией.

Берлинский двор упрекает Россию в склонности к недоверию и указывает на подозрения, высказывавшиеся в Санкт-Петербурге относительно мнимых военных приготовлений в Пруссии, о которых е. и. в-во писал королю в двух последних письмах****. Прусский министр утверждал, что в Санкт-Петербурге есть люди, которые стараются внушить нашему государю императору недоверие к Пруссии.

Барон Гарденберг заверяет, что Пруссия отказывается от проекта занятия Шведской Померании и не будет возражать против тех мер, которые шведский король сочтет нужным принять в целях подготовки этой провинции к обороне, что она не оспаривает у него даже права получить субсидии от Англии, если только его шведское в-во не перейдет границы своих владений, начав наступательные действия против французов и нарушив тем самым спокойствие Севера Германии.

Берлинский кабинет считает, что конвенция от 24 мая 1804 г.***** препятствует принятию Россией когда-либо в будущем против Франции мер, которые могли бы распространить

войну на Север Германии, и утверждает, что она сама установила для себя это условие, стесняющее ее свободу действий, своим соглашением с Пруссией.

Прусский министр подразумевает под Севером Германии прусские владения, Мекленбург, Верхнюю и Нижнюю Саксонию, наконец, все земли, находящиеся по эту сторону Везера и Верры, и хочет распространить на эти страны свою систему нейтралитета и мира.

Г-н Гарденберг убежден, что в особенности Саксония полна решимости поддерживать свой нейтралитет; он считает, что к этой стране следует относиться с осторожностью и внимательностью, учитывая как те военные силы, которые она может выставить, так и известные чувства курфюрста, который, по его словам, уже доказал, что он способен принимать энергичные решения. Прусский министр заверяет, что принципы этого принца и интересы его страны побуждали его примкнуть к Пруссии и к ее системе.

Прусский министр самым определенным образом заверил нас, что, если дело дойдет до крайности и если Пруссия не сможет более придерживаться избранной ею системы, она примет сторону России и объединится с ней. Но он не захотел сделать это важное заявление официально.

Г-н Гарденберг дал честное слово, что в Пруссии не осуществляется никаких военных приготовлений, за исключением тех, которые проводятся ежегодно даже в условиях прочного мира.

Этот министр повторил уже данные в его вербальной ноте[173] заверения в том, что Пруссия не заключит с кем бы то ни было никакого соглашения или конвенции и не присоединится к таковым без ведома обоих императорских дворов.

По вопросу о соглашении о совместных действиях[123] г-н Гарденберг высказался весьма неопределенно, и хотя лично он как будто бы благоприятно относится к этому, то, что он сам сказал нам о чувствах короля, своего государя, не позволяет надеяться, что его удастся заключить прежде, чем крайние обстоятельства вынудят к этому берлинский двор.

Имею честь ...

Винцингероде

114. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Стокгольме Д. М. Алопеусу

12(24) марта 1805 г.

Les dangers, auxquels les Etats du Nord et particulièrement la Poméranie suédoise sont exposés depuis l'établissement des Français dans le pays d'Hanovre, ont fait naître les justes appréhensions de l'empereur, notre auguste maître, et de s.m. le roi de Suède et ont motivé entre eux un concert intime pour la défense des Etats les plus imminemment menacés. Cette transaction a été signée ici par les plénipotentiaires respectifs le 2(14) janv[ier] 1805*, et je profite de la présente expédition pour Vous en faire parvenir, m[onsieu]r, une copie pour Votre connaissance et Votre direction personnelle. Le courrier qui Vous remettra cette dépêche sera incessamment suivi par celui que le b[ar]on de Stedingk expédie avec la ratification de cet acte.

Vous verrez que par l'art[icle] IV séparé la prestation des secours à fournir par s.m. suédoise est subordonnée à la conclusion d'un traité de subsides entre la Suède et l'Angleterre. S.m.i. a appris avec une véritable peine tant par les rapports qu'elle a reçus directement de Londres, que par les communications de l'ambassadeur b[ar]on de Stedingk, que la négociation ouverte à ce sujet n'avait produit aucun résultat satisfaisant. L'emp[ereur] se flatte cependant encore qu'on pourra s'entendre sur ce point soit en diminuant le nombre des troupes suédoises qui doivent agir en vertu de cette convention, soit en ne destinant à ces opérations que des troupes réglées, dont l'entretien est beaucoup moins dispendieux que celui des milices. Cependant, si, malgré toute la bonne volonté qu'on y apporterait de part et d'autre et malgré les soins officieux de notre auguste maître, il fallait renoncer à l'espoir de convenir d'un traité de subsides entre les cours de Londres et de Stockholm, le premier effet en serait d'annuler toute la force des dernières stipulations arrêtées entre l'empereur et

---

* См. док. 89.

le roi de Suède. S.m.i. en a senti tout l'inconvénient et m'a chargé en conséquence de proposer à M[r] l'ambassadeur de Suède un article additionnel, qui, d'un côté, assurerait à s.m. suédoise, dans le cas d'une attaque de la part des Français, un subside annuel de l'Angleterre calculé dans la proportion de 300 m[ille] livres sterlings pour chaque 25 m[ille] hommes que la Suède ferait agir et, de l'autre, déterminerait les points du concert, qu'elle exécuterait sans attendre la conclusion du traité des subsides mêmes. M[r] de Steding m'a remis un contre-projet, qui ne répondait pas entièrement aux vœux de notre auguste maître, et il m'a ordonné en conséquence de proposer une nouvelle rédaction de cet article additionnel. Je joins ici, m[onsieu]r, ces trois différents projets[175], qui Vous mettront à même de juger avec précision quelles sont les intentions de l'empereur. La transaction ayant été signée à St.-Pétersbourg, c'est également ici que ce nouvel article devra être définitivement réglé, mais cela ne saurait Vous empêcher, si Vous en trouviez l'occasion dans Vos entretiens avec M[r] d'Ehrenheim, de discuter avec lui la nécessité de l'addition proposée par notre auguste maître et de travailler selon les circonstances à la faire adopter par s.m. suédoise.

Vous pourriez également, m[onsieu]r, d'après Vos connaissances locales, chercher et indiquer au ministère suédois les moyens qui Vous paraîtraient les plus propres à réduire les dépenses qu'exige l'entretien d'un corps de 25 m[ille] hommes à une somme moins forte que celle demandée jusqu'ici par le roi et qui se rapproche davantage de ce que l'Angleterre pourrait fournir subsidiairement pour cet objet.

Je suis ...

Помета Александра I: Быть по сему.

Марта 9 дня 1805 г.

Подписана 12 марта 1805 г. и отправлена того же числа с фельдъегерем Артемьевым.

Печат. по отпуску.

Перевод

Опасность, угрожающая государствам Севера и особенно Шведской Померании с тех пор, как в Ганновере утвердились французы, вызвала справедливое беспокойство императора, нашего августейшего государя, и е. в-ва короля шведского и явилась причиной заключения между ними соглашения о совместных действиях в целях защиты государств, подвергающихся наибольшей опасности. Это соглашение было подписано здесь 2(14) января 1805 г.* соответствующими полномочными представителями, и я пользуюсь настоящей почтой, чтобы направить Вам, милостивый государь, копию его для Вашего сведения и личного руководства. Вслед за курьером, который доставит Вам настоящую депешу, немедленно отправится курьер, с которым барон Штединг посылает ратификационную грамоту этого акта.

Вы увидите, что по IV отдельной статье предоставление помощи его шведским в-вом поставлено в зависимость от заключения договора о субсидиях между Швецией и Англией. Е. и. в-во с истинным огорчением узнал как из донесений, полученных им непосредственно из Лондона, так и из сообщений посла барона Штединга, что переговоры, начатые по этому вопросу, не привели к какому-либо удовлетворительному результату. Однако государь император еще надеется, что по этому пункту можно будет достигнуть договоренности, уменьшив численность шведских войск, которые должны действовать в соответствии с этой конвенцией, или же выделив для участия в этих операциях лишь регулярные войска, содержание которых требует значительно меньших расходов, чем содержание ополчения. Если, однако, несмотря на добрую волю, которая будет проявлена обеими сторонами, и содействие нашего августейшего государя, пришлось бы отказаться от надежды на то, что лондонский и стокгольмский дворы придут к соглашению относительно договора о субсидиях, первым следствием этого была бы утрата всякой силы последними договорными постановлениями между государем императором и королем шведским. Е. и. в-во, понимая все неудобство этого, поручил мне поэтому предложить г-ну шведскому послу дополнительную статью, в которой, с одной стороны, его шведскому в-ву была бы гарантирована в случае нападения французов ежегодная субсидия Англии из расчета 300 тыс. фунтов стерлингов на каждые 25 тыс. человек, выставленных Швецией, а с другой стороны, были бы указаны те пункты соглашения,

которые она должна выполнить, не ожидая заключения договора о субсидиях. Г-н Штединг вручил мне контрпроект, не отвечающий полностью желаниям нашего августейшего государя, который в связи с этим повелел мне предложить новую редакцию упомянутой дополнительной статьи. Я прилагаю при сем эти три проекта[175], что позволит Вам составить себе точное представление о намерениях государя императора. Поскольку соглашение было подписано в Санкт-Петербурге, здесь же должна быть окончательно принята и новая статья, но это не должно помешать Вам обсудить с г-ном Эренгеймом, если к этому представится случай во время Ваших бесед с ним, необходимость предложенного нашим августейшим государем дополнения и приложить сообразно с обстоятельствами усилия к тому, чтобы побудить его шведское в-во принять это дополнение.

Вы могли бы также, милостивый государь, исходя из знания Вами местных условий, изыскать и указать шведскому министерству наилучшие, по Вашему мнению, средства снизить расходы, необходимые для содержания 25-тысячного корпуса, до менее значительной суммы, чем та, которую требовал до настоящего времени шведский король; эта сумма должна быть более близкой к той, которую могла бы предоставить для этих целей Англия в качестве субсидий.

Пребываю...

115. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

26 марта (7 апреля) 1805 г.

Monsieur. En chargeant v.ex. de la demande que le ministère prussien fasse connaître au gouvernement français l'intention de notre auguste maître d'envoyer Mr de Novossiltzoff à Paris[176], je crois devoir entrer dans de plus grands détails sur le but et les conséquences de cette mission, afin que Vous puissiez, lorsque l'occasion s'en présentera, en faire l'objet de Vos entretiens avec le ministre d'Etat le baron de Hardenberg. Notre auguste maître, n'étant occupé que des mesures qui peuvent ramener en Europe un juste équilibre, n'a pas voulu se refuser à une tentative motivée et appuyée par une disposition sincère de s.m. britannique pour la paix, au rétablissement de laquelle elle est prête à faire de véritables sacrifices. Si le gouvernement français est animé réellement d'un désir égal de rendre à l'Europe la tranquillité dont elle est privée, l'empereur n'aura qu'à se féliciter de la détermination qu'il a prise et qui aura pour résultat une paix stable qui assurera la tranquillité générale pour un terme plus long que ne l'ont fait les transactions qui jusqu'ici ont été conclues avec la France. Mais si au contraire le chef du gouvernement français, au lieu d'avoir égard à la modération des propositions qui lui seront faites et aux sacrifices auxquels l'Angleterre est disposée, formait des prétentions exagérées et incompatibles avec la sûreté et l'indépendance des Etats de l'Europe, ne faudrait-il pas en conclure que son ambition est insatiable et qu'il n'a en vue que de continuer ses envahissements à la faveur des germes de désunion qu'il a su semer entre les différents Etats de l'Europe? Quel est le cabinet qui pourrait se refuser alors à l'évidence de cette conséquence et qui ne sentît la nécessité de se réunir contre l'ennemi de toute l'Europe, qui, pour suivre ses vues ambitieuses ne veut décidément pas que la paix y soit rétablie? Quelque habitué que soit l'empereur à voir la cour de Berlin se déguiser les dangers de l'Europe, il connaît trop les sentiments du roi pour croire un moment qu'il puisse se dissimuler cette vérité, elle confirmerait encore ce qui depuis longtemps est irrévocablement prouvé, que la désunion seule des puissances de l'Europe a fait la force de Bonaparte et que l'espoir de la voir se prolonger nourrit et encourage son ambition désordonnée. Cet espoir ne sera pas réalisé maintenant; l'empereur a vu que les dispositions, que s.m. prussienne lui a confiées d'un côté et s.m. l'empereur d'Allemagne de l'autre procureraient par l'union de ces deux puissances et de la Russie un contrepoids aux projets dévas[ta]teurs de la France[177]; aujourd'hui, que par la démarche, à laquelle se

porte notre auguste maître, la stricte impartialité de s.m.i. et la modération de l'Angleterre paraissent dans tout leur jour, l'union projetée devient de plus en plus indispensable; toutes les raisons se réunissent pour prouver sa nécessité, quelque tournure que prennent les affaires en même temps que tous les inconvénients s'en trouvent écartés. Les liens projetés n'en présenteraient aucun, si la paix a lieu, et si elle est douteuse, rien ne pourra l'assurer davantage que cette même union. Le salut de l'Europe exige une conformité de principes et de mesures de la part des grandes puissances du continent pour en imposer à tout Etat ambitieux. Leur désunion ne peut qu'attirer sur l'Europe de nouvelles calamités. Il est facile, il est instant de les prévenir; et je ne saurais assez Vous recommander, monsieur, d'insister sur des réponses franches et prononcées aux ouvertures* que nous avons faites en dernier lieu à Berlin. Vous observerez à M^r le baron de Hardenberg que le moment actuel est décisif pour l'Europe et surtout pour la Prusse; qu'il ne faut point se laisser endormir par un espoir incertain de la paix et que l'époque de la négociation qui va s'ouvrir est favorable pour détourner l'attention de la France des relations qui peuvent s'établir dans l'intervalle entre les différentes puissances de l'Europe. Ce ministre est trop éclairé et connaît trop bien les intérêts et la position de son pays pour ne pas entrevoir que le degré de coopération que la Prusse apportera aux intentions bienfaisantes de l'empereur, déterminera seul la part qu'elle pourra avoir aux négociations de paix et aux avantages qui en résulteraient.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь. Поручая в. пр-ву обратиться к прусскому министерству с просьбой довести до сведения французского правительства о намерении нашего августейшего государя направить г-на Новосильцева в Париж[176], я считаю нужным подробнее остановиться на целях и значении этой миссии, с тем чтобы Вы могли, если представится случай, обсудить этот вопрос во время Ваших бесед с государственным министром бароном Гарденбергом. Наш августейший государь, заботясь лишь о мерах, могущих вернуть Европе справедливое равновесие, не захотел отказаться от попытки, предпринять которую его побуждает уверенность в искреннем стремлении его британского в-ва к миру, ради восстановления которого последний готов принести большие жертвы. Если французское правительство воодушевлено таким же желанием вернуть Европе покой, которого она лишена, то император сможет лишь поздравить себя с принятым им решением, результатом которого будет устойчивый мир, обеспечивающий всеобщее спокойствие в течение более продолжительного срока, чем это достигалось благодаря соглашениям, заключавшимся с Францией до сих пор. Если же глава французского правительства, вместо того чтобы принять во внимание умеренный характер предложений, которые будут ему сделаны, и жертвы, на которые готова пойти Англия, выставил бы чрезмерные требования, несовместимые с безопасностью и независимостью европейских государств, не следовало ли бы в таком случае сделать вывод, что его честолюбие безгранично и что он намерен по-прежнему осуществлять свои захваты, используя раздоры, которые он сумел посеять между различными государствами Европы? Какой кабинет смог бы тогда отрицать очевидность этого вывода и не почувствовал бы необходимости объединиться против врага всей Европы, который ради осуществления своих честолюбивых целей решительно не хочет, чтобы мир в Европе был восстановлен? Хотя государь император и привык к тому, что берлинский двор старается не замечать опасностей, угрожающих Европе, он слишком хорошо знает чувства короля, чтобы поверить хоть на мгновение, что последний может закрывать глаза на эту истину, которая лишний раз подтверждает то, что давно бесспорно доказано, а именно, что только разлад между европейскими державами создал силу Бонапарта, а надежда на продолжение этого разлада питает и подогревает его непомерное честолюбие. Теперь эта надежда не осуществится: император увидел, что намерения, сообщенные ему прусским королем, с одной стороны, и е. в-вом императором Германии — с другой, дают возможность путем заключения союза этих двух держав и России создать противовес разрушительным замыслам Франции[177]. Сейчас, когда благодаря демаршу, предпринимаемому нашим августейшим государем, абсолютная беспристрастность е. и. в-ва и умеренность Англии предстают во всей их очевидности, проектируемый союз становится все более нужным;

* См. док. 92.

все доводы говорят за то, что он необходим, какой бы оборот ни приняли события, и в то же время с ним не будут связаны какие-либо неудобства. Намечаемые союзные связи в условиях мира не вызовут никаких неудобств; если же мир будет под угрозой, то ничто не сможет обеспечить сохранение его лучше, чем этот союз. Спасение Европы требует единства принципов и действий великих континентальных держав, чтобы они могли призвать к порядку любое стремящееся к захватам государство. Разлад между ними может лишь навлечь на Европу новые бедствия. Нетрудно и совершенно необходимо предотвратить их, и я настоятельно рекомендую Вам, милостивый государь, требовать откровенного и определенного ответа на предложения*, сделанные нами в последнее время берлинскому двору. Вы заметите г-ну барону Гарденбергу, что настоящий момент является решающим для Европы, и особенно для Пруссии, что нельзя позволить успокоить себя неопределенной надеждой на мир и что в период переговоров, которые скоро начнутся, будет нетрудно отвлечь внимание Франции от сношений, могущих возникнуть тем временем между различными державами Европы. Г-н Гарденберг достаточно просвещенный человек, и он слишком хорошо знает интересы и положение своей страны, чтобы не понимать, что степень ее участия в мирных переговорах и ее доля выгод, которые могут явиться их результатом, будет зависеть лишь от того, насколько активно Пруссия будет содействовать благим намерениям императора.

Имею честь. . .

Князь А. Чарторыйский

116. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

26 марта (7 апреля) 1805 г.

Monsieur, je n'ai pas besoin d'assurer v. ex. du plaisir véritable que j'éprouve à lui transmettre aujourd'hui le rescrit de s. m. i. ci-joint[178]. Vous avez vu, monsieur, le soin particulier que j'ai mis à Vous faire parvenir constamment les directions que j'ai crues les plus propres à Vous faciliter l'exécution des ordres de l'empereur et si l'intérêt du service m'en a fait un devoir, le désir de Vous donner des marques d'une entière confiance n'y a pas eu moins de part. Je me félicite de pouvoir Vous annoncer que toutes Vos démarches ont rencontré la pleine approbation de l'empereur et je ne saurais que Vous recommander, monsieur, de continuer sur le même ton d'énergie et de juste insistance envers la cour où Vous êtes. Soyez persuadé que Vous acquerrez par là des titres réels à la bienveillance de notre auguste maître.

Il est bien à regretter que jusqu'ici Vos efforts pour établir le concert projeté avec l'Autriche soient restés sans effet. L'empereur a été on ne peut plus satisfait du billet confidentiel[179] que Vous avez écrit au b[ar]on de Hardenberg. Il faut être aussi apathique que l'est le cabinet de Berlin pour ne pas être attentif à des choses aussi fortes et aussi vraies qu'en peu de mots Vous avez su exprimer dans ce billet qui cependant est resté sans réponse jusqu'ici. La maladie de la reine douairière et sa mort quoique des événements bien tristes ne peuvent servir d'excuse pour traîner si longtemps des affaires d'une importance majeure, le cabinet de Berlin est habitué à recourir à tous les prétextes imaginables pour s'autoriser à ne point prendre un parti décisif, et je crains fort, qu'il ne veuille maintenant remettre ses réponses à l'époque où l'on connaîtra l'issue des négociations de Mr Nowossilzoff[176]. C'est ce que v. ex. aura soin de prévenir par tous les moyens possibles et elle est même autorisée à suspendre pendant quelques jours la communication de la demande des passeports pour ce ministre, si elle avait un espoir fondé de recevoir dans l'intervalle une réponse favorable de la cour de Berlin au sujet du concert.

La note[174] que Vous avez remise relativement à la Poméranie suédoise a obtenu toute l'approbation de s. m. i.; il est étonnant que jusqu'ici elle soit restée sans réponse car le roi ne peut point songer sérieusement à occuper cette province, lorsqu'il a la certitude que cette mesure lui attirerait une guerre avec la Russie. Si la France pouvait l'y pousser, ne donnerait-elle pas par là

une marque évidente de son désir de désunir les puissances et cette preuve ne suffirait-elle pas pour ouvrir enfin les yeux au cabinet de Berlin? Il parle constamment des engagements existant entre lui et la France; il s'y réfère sans cesse, et cependant un voile mystérieux semble les couvrir[149]. Quelle peut en être la raison, si ce n'est qu'on voudrait déguiser à la Russie, comme le roi voudrait se le déguiser à lui-même, que si d'un côté ces engagements sont directement contraires au bien de l'Europe et à la liaison intime que notre auguste maître désire conserver à jamais avec s. m. prussienne, de l'autre ces mêmes engagements, quoique déjà assez nuisibles dans leur ensemble, sont encore violés continuellement par la France. La conduite récente des troupes françaises à l'égard de la ville de Lubeck, et que Vous avez très bien relevée dans Votre lettre au baron de Hardenberg* en est un nouvel exemple. Lubeck et Hambourg forment la chaîne par laquelle arrivent une grande partie des marchandises qui s'importent au printemps en Russie. Si la communication entre ces deux villes est interrompue, notre commerce en souffrira essentiellement et cette circonstance indépendamment de la neutralité dont les villes anséatiques doivent jouir, nous forcera à insister pour que le roi de Prusse s'oppose énergiquement à de semblables démarches, qui, si elles sont contraires aux engagements de la France, motivent le recours à ceux ** existant entre la Russie et la Prusse. Vous aurez donc soin, monsieur, de ne pas discontinuer Vos démarches pour obtenir le prompt redressement de ce nouveau grief.

Je ne saurais enfin terminer cette dépêche sans Vous recommander encore une fois de presser autant que possible la négociation relative au concert projeté et sans Vous assurer de nouveau de la satisfaction que s. m. l'empereur a témoignée sur les différentes démarches que Vous avez faites à ce sujet.

Je suis...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, мне нет необходимости уверять в. пр-во в том, что я испытываю истинное удовольствие, препровождая Вам сегодня прилагаемый при этом рескрипт[178] е. и. в-ва. Вы видели, милостивый государь, как я заботился о том, чтобы постоянно направлять Вам указания, которые, по моему мнению, в наибольшей степени могли облегчить Вам выполнение повелений императора, и если интересы службы заставляли меня считать это своим долгом, то желание доказать мое безграничное доверие к Вам играло не меньшую роль. Я очень рад возможности сообщить Вам, что все Ваши демарши встретили полное одобрение государя императора, и мне остается лишь рекомендовать Вам, милостивый государь, продолжать вести себя столь же энергично и в меру настойчиво по отношению к двору, при котором Вы пребываете. Можете не сомневаться, что тем самым Вы приобретете действительные права на благосклонность нашего августейшего государя.

Достойно сожаления, что Ваши усилия, направленные на достижение намечаемого соглашения о совместных действиях с Австрией, до настоящего времени не дали результата. Император остался как нельзя более удовлетворен конфиденциальной запиской[179], направленной Вами барону Гарденбергу. Нужно находиться в состоянии такой апатии, в какой пребывает берлинский кабинет, чтобы оставить без внимания столь убедительные и справедливые доводы, которые Вы сумели изложить в немногих словах в этой записке, оставшейся, однако, до сих пор без ответа. Болезнь вдовствующей королевы и ее смерть, хоть и являются весьма печальными событиями, не могут служить извинением для столь длительного затягивания решения крайне важных дел; берлинский кабинет имеет обыкновение пользоваться любыми предлогами для того, чтобы обеспечить себе возможность не принимать окончательного решения, и я очень опасаюсь, как бы он не пожелал теперь отложить свой ответ до того времени, когда станет известным исход переговоров г-на Новосильцева[176]. В. пр-во должны приложить все усилия к тому, чтобы не допустить этого, и Вам даже разрешается повременить несколько дней с просьбой о паспортах для этого министра, если у Вас будут осно-

---

* См. док. 96.

** См. док. 13, 23.

вания надеяться, что за это время Вы получите благоприятный ответ от берлинского двора по вопросу о соглашении о совместных действиях.

Врученная Вами нота[174] по вопросу о Шведской Померании получила полное одобрение е. и. в-ва; странно, что она до сих пор осталась без ответа, так как король не может серьезно думать об оккупации этой провинции, раз он уверен, что эта мера повлекла бы за собой войну с Россией. Если Франция могла подстрекать его к этому, разве тем самым она не дала очевидного доказательства своего желания рассорить державы и не достаточно ли этого, чтобы открыть наконец глаза берлинскому кабинету? Последний постоянно говорит об обязательствах, существующих между ним и Францией, беспрестанно ссылается на них, и в то же время кажется, что они скрыты каким-то покровом таинственности[149]. Чем это можно объяснить, если не желанием короля скрыть от России, как и от самого себя, что если, с одной стороны, эти обязательства находятся в прямом противоречии с благом Европы и дружескими связями, которые наш августейший государь желает сохранить навсегда с его прусским в-вом, то, с другой стороны, эти же обязательства, и без того достаточно вредоносные, к тому же постоянно нарушаются Францией. Недавние действия французских войск в отношении города Любека, на которые Вы обратили внимание в Вашем письме барону Гарденбергу *, являются новым примером этого. Через Любек и Гамбург пролегает путь, по которому весной в Россию ввозится значительная часть товаров. Если сообщение между этими двумя городами будет прервано, то наша торговля существенно пострадает, и это обстоятельство, независимо от того, что ганзейские города должны пользоваться нейтралитетом, вынудит нас настаивать на том, чтобы король Пруссии энергично воспротивился подобным действиям, которые, находясь в противоречии с обязательствами Франции, позволяют требовать выполнения обязательств, существующих между Россией и Пруссией **. Таким образом, Вам, милостивый государь, следует продолжать Ваши демарши с целью добиться скорейшего возмещения ущерба, причиненного такими действиями.

Не могу закончить этой депеши, не порекомендовав еще раз Вам ускорить, насколько возможно, переговоры относительно намечаемого соглашения о совместных действиях и не заверив Вас снова в том, что государь император удовлетворен различными демаршами, предпринятыми Вами с этой целью.

Пребываю...

Князь А. Чарторыйский

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов Фетх-Али-шаху

29 марта (10 апреля) 1805 г.

Действия русских войск на Кавказе имеют целью собрать под русское подданство все земли, входившие ранее в состав Грузинского царства. Предлагает вернуть захваченных пленных и пушки, уплатить 1 млн. рублей в возмещение за нанесенные войной убытки и жить в мире с Россией.

АКАК, т. II, стр. 826.

117. Англо-русская союзная конвенция о мерах к установлению мира в Европе[180]

30 марта (11 апреля) 1805 г.

Au nom de la très Sainte et indivisible Trinité.

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et Sa Majesté le Roi du Royaume Uni de la Grande Bretagne et de l'Irlande, animés du désir de rendre à l'Europe la paix, l'indépendance et le bonheur dont Elle est privée par l'ambition démesurée du gouvernement français et le degré d'influence hors de toute proportion qu'il tend à s'arroger, ont résolu d'employer tous les moyens qui sont en Leur pouvoir, pour obtenir ce but salutaire et pour prévenir le renouvellement de circonstances aussi désastreuses et Elles ont nommé en conséquence pour arrêter et convenir des mesures qu'exigent Leurs intentions magnanimes, savoir: Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies le Sieur Adam Prince de Czartoryski, Son Conseiller privé, membre du Conseil d'Etat, Sénateur,

Ministre Adjoint des affaires étrangères, membre de la Direction générale des Ecoles, Curateur de l'Université Impériale de Wilna et de son District, Lieutenant du Grand Prieur de l'Ordre Souverain de St. Jean de Jérusalem du Prieuré Catholique russe et chevalier de l'Ordre de Ste Anne et Commandeur de celui de St. Jean de Jérusalem et le Sieur Nicolas de Novossiltzoff, Son Chambellan actuel, ministre adjoint de la justice, chargé de l'examen des projets présentés à Sa Majesté et d'autres commissions spéciales, Président de l'Académie des sciences, membre de la Direction générale des Ecoles, Curateur de l'Université de St.-Pétersbourg et de son District et Chevalier de l'ordre de St. Wladimir et Sa Majesté le Roi du Royaume de la Grande Bretagne et de l'Irlande le Lord Granville Leveson Gower, membre du Parlement dudit Royaume Uni, du Conseil privé de Sa Majesté et Son Ambassadeur Extraordinaire et Plénipotentiaire près Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies lesquels après avoir vérifié et échangé leurs pleins pouvoirs trouvés en bonne et due forme, sont convenus des Articles suivants:

Article I

Comme l'état de souffrance dans lequel se trouve l'Europe, exige des prompts remèdes, Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies et le Roi du Royaume Uni de la Grande Bretagne et de l'Irlande sont tombés d'accord d'aviser aux moyens de le faire cesser sans attendre le cas d'empiétements ultérieurs de la part du Gouvernement français. Ils sont convenus en conséquence d'employer les moyens les plus prompts et les plus efficaces pour former une ligue générale des Etats de l'Europe, et pour les engager d'accéder au présent concert[181] et de réunir pour en remplir le but une force qui, indépendamment de celles que Sa Majesté Britannique fournira, puisse monter à cinq cent mille hommes effectifs, et de l'employer avec énergie pour amener de gré ou de force le Gouvernement français à souscrire au rétablissement de la paix et de l'équilibre de l'Europe.

Article II

Cette ligue aurait pour but d'effectuer ce qu'on se propose par le présent concert savoir: A) L'évacuation du pays d'Hanovre et du Nord de l'Allemagne. B) L'établissement de l'indépendance des Républiques d'Hollande et de Suisse. C) Le rétablissement du Roi de Sardaigne en Piémont, avec un arrondissement aussi considérable que les circonstances le permettront. D) La sûreté future du Royaume de Naples et l'évacuation entière de l'Italie, y compris l'île d'Elbe, par les forces françaises. E) L'établissement d'un ordre de choses en Europe qui garantisse efficacement la sûreté et l'indépendance des différents Etats et présente une barrière solide contre des usurpations futures.

Article III

Sa Majesté Britannique pour concourir de Son côté efficacement aux heureux effets du présent concert, s'engage à contribuer aux efforts communs par l'emploi de Ses forces de terre et de mer, ainsi que de Ses bâtiments propres au transport des troupes selon ce qui sera déterminé à cet égard dans le plan général d'opérations. Elle aidera en outre, les différentes Puissances qui y accèderont, par des subsides, dont le montant réponde aux forces respectables que l'on veut employer et pour que ces secours pécuniers puissent être répartis de la manière la plus propre pour le bien général et assister les Puissances en me-

sure des efforts qu'elles feront pour contribuer aux succès communs, il est convenu, que ces subsides seront fournis (à moins d'arrangements particuliers) dans la proportion d'un million deux cent cinquante mille livres sterling par année pour chaque cent milliers d'hommes de troupes réglées, et ainsi en proportion pour un nombre plus grand ou plus petit, payables sous les conditions spécifiées plus bas.

Article IV

Lesdits subsides seront payables dans des termes d'un mois à l'autre, en proportion des forces que chaque Puissance emploiera conformément à ses engagements pour combattre l'ennemi commun, et d'après le rapport officiel des armées employées au début de la campagne et des corps et autres transports qui s'y rendront. On conviendra ensuite d'après le plan d'opérations, qui sera incessamment réglé du moment où ces subsides commenceront à être payés, en fixant le mode et le lieu de remboursement selon la convenance de chaque partie belligérante. Sa Majesté Britannique sera également prête à fournir dans l'année présente une somme pour première mise en campagne. Cette somme sera fixée par les arrangements particuliers qu'on prendra avec chaque Puissance qui entrerait dans ce concert. Mais Sa dite Majesté entend que la somme entière à fournir à une des Puissances dans le courant de l'année (en joignant une pareille avance ensemble avec les subsides de chaque mois) n'excèdera pas la proportion d'un million deux cent cinquante mille livres sterling pour chaque cent mille hommes[182].

Article V

Les hautes parties contractantes conviennent que les différents membres de la ligue pourront entretenir respectivement des personnes accréditées près des Généraux en Chef des diverses armées pour s'occuper de la correspondance et du règlement des opérations.

Article VI

Leurs Majestés conviennent que dans le cas qu'une ligue soit formée telle qu'il a été spécifié dans l'Article premier Elles ne feront la paix avec la France que du consentement commun de toutes les Puissances qui seront parties dans ladite ligue et de même que les Puissances continentales ne rappelleront point leurs forces avant la paix de même Sa Majesté Britannique s'engage à continuer le payement des subsides pendant toute la durée de la guerre.

Article VII

Le présent concert, qui est mutuellement reconnu par les hautes parties contractantes avoir la même force et valeur que le Traité le plus solennel, sera ratifié par Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et par Sa Majesté le Roi du Royaume Uni de la Grande Bretagne et de l'Irlande; et les ratifications en seront échangées à St.-Pétersbourg dans l'espace de dix semaines ou plus tôt si faire se peut[183].

En foi de quoi les Plénipotentiaires respectifs l'ont signé et y ont apposé le cachet de leurs armes. Fait à St.-Pétersbourg le 30 mars (11 avril) l'an mille huit cent et cinq.

L. S. Adam Prince Czartoryski
L. S. Nicolas de Novossilzoff

L. S. Granville Leveson Gower

Article premier séparé

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies ayant fait connaître à Sa Majesté Britannique Ses arrangements avec Leurs Majestés l'Empereur d'Allemagne * et le Roi de Suède**, Sa Majesté Britannique s'engage à remplir les stipulations du présent concert envers chacune de ces Puissances, si dans l'espace de quatre mois à compter du jour de la signature du présent acte toutes deux ou l'une d'elles faisait agir ses forces contre la France en vertu des engagements qu'Elles ont pris avec Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies.

Cet Article séparé aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans le Concert signé aujourd'hui et sera ratifié en même temps[183].

En foi de quoi Nous soussignés en vertu de nos pleins pouvoirs avons signé le présent Article séparé et y avons apposé le cachet de nos armes. Fait à St.-Pétersbourg le 30 Mars (11 Avril) l'an mille huit cent et cinq.

L. S. Adam Prince Czartoryski
L. S. Nicolas de Novossilzoff

L. S. Granville Leveson Gower

Article second séparé

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies ayant fait connaître à Sa Majesté le Roi du Royaume uni de la Grande Bretagne et de l'Irlande les arrangements qu'Elle a pris avec les Cours de Prusse*** et de Dannemarc**** pour prévenir des empiétements de la part de la France, Sa Majesté Britannique sera également prête à concourir à leur heureux effet sur le pied arrêté dans les differents Articles du concert signé aujourd'hui.

Cet Article séparé aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans le Concert signé aujourd'hui et sera ratifié en même temps[183].

En foi de quoi Nous soussignés, en vertu de nos pleins pouvoirs, avons signé le présent Article séparé et y avons apposé le cachet de nos armes. Fait à St.-Pétersbourg le 30 Mars (11 Avril) l'an mille huit cent et cinq.

L. S. Adam Prince Czartoryski
L. S. Nicolas de Novossilzoff

L. S. Granville Leveson Gower

Article troisième séparé

Les hautes parties contractantes sont convenues qu'il entre dans le but du présent concert de procurer à la Hollande et à la Suisse d'après les circonstances, des arrondissements convenables, tels que les ci-devant Pays-bas Autrichiens en tout ou en partie à la première et Génève et la Savoye à la seconde.

Elles entendent également que les arrangements qui seront faits en Europe à la suite de la guerre comprendront en faveur de l'Autriche une augmentation de territoire comme Elle se l'est réservée par sa convention * avec Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et en faveur d'autres Etats qui coopéreraient au but du présent concert des acquisitions proportionnées à Leurs efforts pour la cause Commune et compatibles avec l'équilibre de l'Europe.

---

* См. док. 63.
** См. док. 89.
*** См. док. 13, 23.
**** См. т. I, док. 271.

Cet Article séparé aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans le Concert signé aujourd'hui et sera ratifié en même temps[183].

En foi de quoi Nous soussignés en vertu de nos pleins pouvoirs, avons signé le présent Article séparé et y avons apposé le cachet de nos armes. Fait à St.-Pétersbourg le 30 Mars (11 Avril) l'an mille huit cent et cinq.

L. S. Adam Prince Czartoryski L. S. Granville Leveson Gower
L. S. Nicolas de Novossilzoff

Article quatrième séparé

La réunion de cinq cent mille hommes effectifs mentionnée à l'Article premier du concert signé aujourd'hui n'étant pas aussi facile que désirable, Leurs Majestés sont convenues qu'il serait mis à exécution aussitôt que l'on pourrait opposer à la France une force active de quatre cent mille hommes composée de la manière suivante: L'Autriche fournirait deux cent cinquante mille hommes, la Russie pas moins de cent quinze mille hommes indépendamment des levées faites par Elle en Albanie, en Grèce etc., et le reste des quatre cent mille hommes serait produit par des troupes Napolitaines, Hanovriennes, Sardes et autres.

Cet Article séparé aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans le Concert signé aujourd'hui et sera ratifié en même temps[183].

En foi de quoi Nous soussignés en vertu de nos pleins pouvoirs avons signé le présent Article séparé et y avons apposé le cachet de nos armes. Fait à St.-Pétersbourg le 30 Mars (11 Avril) l'an mille huit cent et cinq.

L. S. Adam Prince Czartoryski L. S. Granville Leveson Gower
L. S. Nicolas de Novossilzoff

Article cinquième séparé

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies s'engage aussi immédiatement que possible à faire avancer une armée de pas moins de soixante mille hommes sur les frontières d'Autriche et de même une autre de pas moins de quatre vingt mille hommes sur les frontières Prussiennes pour être prêtes à coopérer avec lesdites Cours dans la proportion établie par le concert signé aujourd'hui et à les soutenir respectivement dans le cas où elles seraient attaquées par la France qui les supposerait engagées dans quelques négociations tendant à un objet opposé à ses vues; mais il est entendu qu'indépendamment des cent quinze mille hommes que Sa Majesté Impériale de toutes les Russies ferait agir contre les français comme il est dit à l'Article quatrième séparé Elle tiendra sur ses frontières des corps de réserve et d'observation.

Il est convenu en outre qu'à mesure que les forces promises par Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies en tout ou en partie quitteront les frontières de Son Empire, Sa Majesté Britannique leur payera des subsides sur le pied établi par le présent concert jusqu'à la rentrée des dites troupes dans leurs foyers et en sus à titre de première mise pour entrer en campagne l'équivalent de trois mois de subsides.

Les troupes russes déjà stationnées aux sept îles ou destinées à s'y transporter ne jouiront de l'avantage des subsides et de l'avance de trois mois stipulée

par le présent Article qu'à dater du jour où elles quitteront les sept îles pour commencer leurs opérations contre les français.

Cet Article séparé aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans le Concert signé aujourd'hui et sera ratifié en même temps[183].

En foi de quoi Nous soussignés en vertu de nos pleins pouvoirs, avons signé le présent Article séparé et y avons apposé le cachet de nos armes. Fait à St.-Pétersbourg le 30 Mars (11 Avril) l'an mille huit cent et cinq.

L. S. Adam Prince Czartoryski — L. S. Granville Leveson Gower

L. S. Nicolas de Novossilzoff

Article sixième séparé

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et Sa Majesté le Roi du Royaume Uni de la Grande Bretagne et de l'Irlande n'ayant été portés à établir un concert énergique entr'Eux que dans la vue d'assurer à l'Europe une paix stable et solide fondée sur les principes de justice, d'équité et du droit des gens qui les guident constamment ont reconnu la nécessité de s'entendre dès à présent sur divers principes qu'ils mettront en évidence d'après un accord préalable aussitôt que les chances de la guerre en amèneront la nécessité.

Ces principes sont de ne gêner nullement le vœu national en France relativement à la forme du Gouvernement ni dans les autres pays où les armées combinées viendraient à agir; de ne s'approprier avant la paix aucune des conquêtes qui pourraient être faites par l'une ou l'autre des parties belligérantes et de ne prendre possession des villes et territoires qui seraient arrachés à l'ennemi commun qu'au nom du Pays ou Etat auxquels ils appartiennent de droit reconnu et dans tout autre cas au nom de tous les membres de la ligue. Enfin de rassembler à l'issue de la guerre un congrès général pour discuter et fixer sur des bases plus précises qu'elles n'ont malheureusement pu l'être jusqu'ici les prescriptions du droit des gens et d'en assurer l'observation par l'établissement d'un système fédératif calculé sur la situation des différents Etats de l'Europe.

Cet Article séparé aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans le Concert signé aujourd'hui et sera ratifié en même temps[183].

En foi de quoi Nous soussignés en vertu de nos pleins pouvoirs avons signé le présent Article séparé et y avons apposé le cachet de nos armes. Fait à St.-Pétersbourg le 30 Mars (11 Avril) l'an mille huit cent et cinq.

L. S. Adam Prince Czartoryski — L. S. Granville Leveson Gower

L. S. Nicolas de Novossilzoff

Article septième séparé

Les deux hautes parties contractantes, étant convenues de ne rien omettre pour engager Sa Majesté Prussienne à accéder au présent concert ont reconnu la nécessité de convenir dès à présent sur les acquisitions territoriales qu'Elles seraient disposées à concéder à la Cour de Berlin pour prix de ses efforts pour le bien de la cause commune. Elles ont jugé cependant que la Puissance de la Prusse s'étant déjà suffisamment accrue, la conservation de l'équilibre en Europe exige que ces concessions (qui dans tous les cas seront subordonnées aux chances de la guerre) consistent dans la restitution du Pays que la Prusse céda à la France par la convention secrète du cinq août mille sept cent quatre-

vingt et seize[184] avec un arrondissement plus ou moins grand et qui suivant les circonstances pourrait même s'étendre jusqu'à la frontière qui serait laissée à la France du côté des Pays bas, moyennant l'engagement que prendrait la Prusse de former une barrière avec la Hollande pour empêcher de ce côté le débordement de la puissance française.

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et le Roi du Royaume Uni de la Grande Brétagne et de l'Irlande se promettent également le cas échéant où les acquisitions dévolues à la Prusse établiraient une trop grande disproportion avec celles de l'Autriche ou d'autres Puissances du Continent, de convenir à l'amiable sur les moyens de les régler d'après la base d'une juste proportion et de manière qu'elles ne puissent nullement enfreindre l'équilibre de l'Europe.

Cet Article séparé aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans le Concert signé aujourd'hui et sera ratifié en même temps[183].

En foi de quoi Nous soussignés en vertu de nos pleins pouvoirs avons signé le présent Article séparé et y avons apposé le cachet de nos armes. Fait à St.-Pétersbourg le 30 Mars (11 Avril) l'an mille huit cent et cinq.

L. S. Adam Prince Czartoryski — L. S. Granville Leveson Gower
L. S. Nicolas de Novossilzoff

Article huitième séparé*

L'impulsion que le Gouvernement français cherche à donner aux différents Etats de l'Europe pouvant déterminer l'un ou l'autre de ces Etats à entraver les effets salutaires dont ce concert est l'objet et même à recourir à des mesures hostiles contre l'une des hautes parties contractantes en haine des soins qu'Elles prennent pour établir en Europe un ordre des choses équitable et permanent Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et Sa Majesté Britannique sont convenus de faire cause commune contre toute Puissance qui par l'emploi de ses forces ou par une union trop intime avec la France prétendrait élever des entraves essentielles au développement des mesures que les deux hautes parties contractantes devront prendre pour atteindre le but qu'Elles se sont proposé par le présent concert.

Cet Article séparé aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans le Concert signé aujourd'hui et sera ratifié en même temps[183].

En foi de quoi Nous soussignés en vertu de nos pleins pouvoirs avons signé le présent Article séparé et y avons apposé le cachet de nos armes. Fait à St.-Pétersbourg le 30 Mars (11 Avril) l'an mille huit cent et cinq.

L. S. Adam Prince Czartoryski — L. S. Granville Leveson Gower
L. S. Nicolas de Novossilzoff

Article neuvième séparé

Sa Majesté Britannique reconnaissant l'importance majeure dont il serait pour le succès des mesures arrêtées par le concert signé aujourd'hui, d'y voir concourir les Souverains d'Espagne et de Portugal s'en remet à la médiation de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies pour moyenner le plus tôt possible un accommodement entre l'Angleterre et l'Espagne sur des bases équitables et promet d'y apporter de Son côté des facilités pourvu que l'arrangement comprenne un engagement secret de l'Espagne de faire cause commune contre la France

au plus tard dans le terme de trois mois après que les armées des Puissances coalisées seront entrées en campagne. Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies travaillera également à déterminer le Portugal à se joindre dans ce dernier cas aux efforts de l'Espagne[185].

Cet Article séparé aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans le Concert signé aujourd'hui et sera ratifié en même temps[183].

En foi de quoi Nous soussignés en vertu de nos pleins pouvoirs avons signé le présent Article séparé et y avons apposé le cachet de nos armes. Fait à St.-Petersbourg, le 30 Mars (11 Avril) l'an mille huit cent et cinq.

L. S. Adam Prince Czartoryski — L. S. Granville Leveson Gower

L. S. Nicolas de Novossilzoff

Article dixième séparé

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et Sa Majesté le Roi du Royaume Uni de la Grande Bretagne et de l'Irlande après avoir arrêté par le concert signé aujourd'hui les mesures de vigueur qu'ils ont jugées les plus propres pour le prompt rétablissement du bonheur et de la tranquillité de l'Europe n'ont rien plus à cœur que de convaincre tous les Etats en général de la pureté de Leurs intentions et du désir sincère et prononcé qui Les anime de ne point être obligés de recourir à la force pour assurer la paix sur des bases équitables. En conséquence Leurs dites Majestés ont résolu de faire parvenir immédiatement au Chef du Gouvernement français des propositions de paix conciliantes, modérées et uniquement dirigées vers le bien général et la tranquillité future des différents États de l'Europe.

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies prenant sur soi le soin de cette négociation, Sa Majesté Britannique s'en remet entièrement à Son Auguste Allié et promet de souscrire aux propositions qui seront faites de la part des deux Cours à Bonaparte et dont les bases ont été arrêtées, signées par les plénipotentiares respectifs et annexées au présent Article séparé lequel aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans le Concert signé aujourd'hui et sera ratifié en même temps[186].

En foi de quoi Nous soussignés en vertu de nos pleins pouvoirs avons signé le présent Article séparé et y avons apposé le cachet de nos armes. Fait à St.-Petersbourg le 30 Mars (11 Avril) l'an mille huit cent et cinq.

L. S. Adam Prince Czartoryski — L.S. Granville Leveson Gower

L. S. Nicolas de Novossilzoff

Bases de pacification arrêtées entre les Plénipotentiaires de sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et celui de sa Majesté le Roi du Royaume uni de la Grande Bretagne et de l'Irlande

Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies et le Roi du Royaume Uni de la Grande Bretagne et de l'Irlande également convaincus des difficultés que le Chef actuel du Gouvernement français fera de souscrire à des propositions tendant à diminuer son influence sur les Etats qui avoisinent la France, ont jugé nécessaire de s'entendre préalablement sur les moyens qui pourraient

influer le plus efficacement sur la négociation qu'ils ont résolu d'entamer et de les employer pour la rendre aussi avantageuse que possible.

Ces moyens ne pouvant être autres vis-à-vis de Bonaparte que l'appréhension d'une guerre continentale d'un côté et de l'autre les restitutions que Sa Majesté Britannique est disposée à faire, Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies se fondant sur les arrangements qui seront concertés pour agir contre la France est résolu à faire connaître au Chef du Gouvernement français qu'il ne saurait éviter la guerre continentale à moins de se prêter à l'établissement d'un juste équilibre en Europe et Sa Majesté Britannique prenant en considération que l'Angleterre ne saurait compter sur une paix solide tant que la France conservera sur le Continent son influence actuelle dont la diminution peut être regardée comme un avantage positif pour la Grande Brétagne, est prête en conséquence à augmenter ses sacrifices à mesure que Bonaparte se montrera disposé à donner plus de gages de l'indépendance future des Etats qu'il possède illégalement ou qu'il opprime sans y avoir d'autre titre que sa volonté.

Ces gages pour devenir pleinement rassurants devraient être de nature à établir et assurer sur des bases solides:

1. Une barrière entre la France et l'Italie.
2. Une barrière entre la France et la Hollande.
3. La neutralité et l'indépendance absolue de la Suisse entière, de la Hollande, de l'Italie et de l'Empire Germanique.

Ces points ne sauraient être pleinement obtenus, tant que les limites de la France ne seront pas bornées à la Moselle et au Rhin, aux Alpes et aux Pyrénées.

Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies et le Roi du Royaume uni de la Grande-Bretagne et de l'Irlande ayant jugé que ces bases quelque modérées qu'elles fussent, ne sauraient que très difficilement être obtenues par une négociation qui, quelque favorable qu'elle soit, ne peut procurer les mêmes résultats qu'une guerre heureuse, ont senti la nécessité de se prêter à des modifications qui en mettant dans tout son jour leur modération, et la sincérité de leur désir pour le rétablissement de la paix, ne laissent à Bonaparte aucun juste motif quelconque de la refuser et en conséquence Elles ont voulu s'expliquer préalablement entr'Elles sur les points que le Plénipotentiaire de Sa Majesté Impériale devrait avoir principalement en vue, et sur ceux qui pourraient être admis, comme dernier terme si les premiers rencontraient une opposition insurmontable de la part de Bonaparte. Les hautes parties contractantes reconnaissant la justice et l'avantage qu'il y aurait de rétablir dans leurs Etats respectifs les Souverains dépossédés, la négociation entamée par le Plénipotentiaire de Sa Majesté Impériale sera fondée sur ce principe en autant que les circonstances et la sécurité future des différents Etats de l'Europe le permettront.

L'objet le plus essentiel à obtenir est la formation d'une barrière en Italie par le rétablissement du Roi de Sardaigne en Piémont avec une augmentation de territoire suffisante pour mettre ce Prince à même de veiller à sa propre sûreté qui devrait être garantie par un engagement formel et précis de la part de la France de respecter son indépendance pleine et entière.

Si ce point important était obtenu, les hautes parties contractantes croiraient pouvoir sans inconvénient, si les circonstances l'exigeaient, se prêter aux vues de Bonaparte pour l'arrangement du reste du Nord de l'Italie; lui permettre d'y établir un des siens, toutefois avec les assurances requises pour que l'indépendance du nouvel Etat soit pleinement garantie, et en cherchant d'en diminuer l'étendue par l'application d'une des combinaisons détaillées plus bas. Si cependant malgré tous les efforts du Plénipotentiaire de Sa Majesté Impériale le rétablissement du Roi de Sardaigne en Piémont ne pouvait être obtenu,

les Puissances contractantes seraient encore disposées à concéder que ce pays serve d'apanage à l'un des frères ou parents de Bonaparte avec les arrangements nécessaires pour que le nouvel Etat jouisse d'une indépendance parfaite, ne puisse jamais être réuni à la France et pourvu qu'alors Sa Majesté le Roi de Sardaigne obtienne un établissement solide en Italie qui le mette à même de garantir la sûreté future de cette contrée avec l'assistance de la Maison d'Autriche qui recevrait à cet effet une frontière militaire mieux assurée de ce côté.

Comme il est difficile d'arrêter définitivement en ce moment l'étendue qu'aura l'établissement du Roi de Sardaigne qu'il est à désirer de rendre le plus considérable que possible et cet objet, étant du nombre de ceux dont la fixation doit dépendre du cours de la négociation, Les hautes parties contractantes ont jugé en conséquence convenable de s'expliquer plus en détail sur les différents arrangements dont Elles envisagent le Nord de l'Italie susceptible et Elles seraient satisfaites qu'il fût adopté pour cette Contrée l'un des modes suivants.

1. Que le Roi de Sardaigne reçoive la République Italienne jusqu'à la jonction du Pô avec les limites du Parmesan, les Etats de Parme et de Plaisance et l'Etat de Gènes ou bien. 2. Que le Roi de Sardaigne reçoive l'Etat de Gènes, ceux de Parme et de Plaisance avec le territoire compris entre le Pô et la Toscane ou bien enfin. 3. Que le Roi de Sardaigne reçoive l'Etat de Gènes et ceux de Parme et Plaisance avec la ville et forteresse de Tortone, Lucques, Massa Carrara une frontière dans le Bolonnois et le Modénois en tout ou en partie. Le restant de la République Italienne dans ces trois hypothèses deviendrait un sujet de négociation.

Supposant que Bonaparte mît de l'importance à morceler ces pays, on pourrait proposer dans le premier cas susmentionné, de rétablir le Duc de Modène dans ses anciens Etats et de joindre les trois légations en tout ou en partie au Royaume d'Etrurie; dans le second cas de placer l'Electeur actuel de Saltzbourg à Milan et le Duc de Modène à Bergame et Brescia avec des arrondissements convenables pris sur le Mantouan. Dans le troisième cas l'une et l'autre de ces combinaisons pourrait trouver place. Cependant plus l'arrangement qui serait arrêté présenterait de faiblesse dans son ensemble et de facilités à Bonaparte pour conserver de l'influence en Italie et plus Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies et le Roi du Royaume uni de la Grande Bretagne et de l'Irlande reconnaissent le grand avantage, si non la nécessité indispensable qu'il y aurait d'obtenir la cession de Mantoue à l'Autriche avec la frontière que cette possession exigerait comme étant le moyen le plus efficace pour rassurer sur ces inconvénients.

Indépendamment d'un arrangement pour l'Italie de la nature de ceux indiqués plus haut, Leurs Majestés l'Empereur de toutes les Russies et le Roi du Royaume uni de la Grande-Bretagne et de l'Irlande jugent de la plus haute importance d'aviser aux moyens de prévenir à l'avenir le débordement des forces françaises vers la Hollande.

Le plus sûr sans doute serait d'établir un Etat puissant de ce côté, mais la négociation qui va avoir lieu ne pouvant amener ce résultat les hautes parties contractantes sont d'accord de demander au Chef du Gouvernement français le rétablissement du Stadhouderat héréditaire en faveur de la Maison d'Orange avec la cession à la Hollande d'Anvers et du territoire compris derrière une ligne tirée de cette ville à Maesbrict et avec une promesse explicite de la France de permettre la construction d'une ligne de forteresses pour la défense des Provinces-unies. Si cette proposition n'était point acceptée les hautes parties contractantes se contenteraient de l'établissement en Hollande d'un Gouvernement pleinement indépendant tel que l'était le Standhouderat héréditaire dans la Maison d'Orange avec la permission de fortifier à son gré

les limites que l'on obtiendrait pour la Hollande et qu'il serait à désirer de rendre au moins telles qu'elles étaient avant la guerre passée.

Après s'être communiqué Leurs vues sur ces deux points Leurs Majestés croient nécessaire de convenir qu'Elles n'envisageront comme réelle la neutralité et l'indépendance absolue de la Suisse entière, de la Hollande, de l'Italie et de l'Empire Germanique que dans le cas où le Gouvernement français souscrirait aux points suivants.

1. L'évacuation immédiate et plénière de ceux de ces pays qui sont occupés par les troupes françaises.

2. La liberté pour tous en général et particulièrement pour la Suisse de se donner telle forme de Gouvernement qu'ils jugeraient convenable.

3. La liberté de construire des forteresses pour leur défense.

Leurs Majestés croient enfin que pour consolider ces divers arrangements, il est nécessaire de rassembler un Congrès général afin de poser sur des bases précises les prescriptions du droit des gens et de régler définitivement les intérêts des Puissances de l'Europe et ceux de l'Empire Germanique dont différents Etats devraient éprouver des changements si la France admettait l'un des modes proposés pour la formation des barrières du côté de l'Italie et de la Hollande.

Relativement à cet objet les hautes parties contractantes se prêteraient volontiers à ce que le sort des pays de Passau, de Bergtholsgaden, de Saltzbourg, d'Aichstädt et du Brisgau soit réglé ainsi qu'il est statué dans la Convention conclue entre la Russie et l'Autriche le 23 Octobre (6 Novembre) 1804 * et que dans ce cas le pays de Fulde fût concédé à la Prusse. Le Roi du Royaume uni de la Gr.-Brétagne et de l'Irlande animé d'un désir sincère de contribuer efficacement au rétablissement de la paix, reconnaît dès à présent que les conditions énoncées ci-dessus sont qualifiées à motiver de sa part les concessions suivantes en faveur de la France ou de ses Alliés.

La restitution de toutes les conquêtes faites par l'Angleterre depuis le commencement de la guerre ainsi que celles qui auraient eu lieu dans l'intervalle, lesquelles seraient remises à leurs Souverains respectifs, en tant que la chose serait nécessaire, savoir: les Iles de Tabago et Ste Lucie, les établissements de St. Pierre et Miquelon, Pondichery et ses dépendances à la France, les Colonies de Surinam, Berbice, Démérara et Essequibo à la Hollande.

Les hautes parties contractantes sont également convenues que si après de vains efforts pour que Malte reste entre les mains de l'Angleterre ce point ne pouvait être obtenu on s'en désistera plutôt que de rompre la négociation; dans ce cas l'évacuation de Malte serait accordée et cette île recevrait une garnison Russe moyennant un arrangement ultérieur à la convenance des indigènes. Le Plénipotentiaire de Sa Majesté Impériale ne sera cependant pas autorisé à faire des démarches en conformité de cet Article qu'après qu'il aura été informé que la Cour de Londres y adhère [187].

Comme il est à prévoir que Bonaparte dans ses pourparlers avec le Plénipotentiaire de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies affectera un désir marqué de voir les troupes Russes évacuer les Sept Iles, Sa Majesté Impériale autorisera Son Plénipotentiaire à souscrire à cette mesure en ayant soin toutefois de ne point comprendre dans cette évacuation la première garnison qui a été introduite dans ce pays à la demande de la Porte et de l'aveu de la France pour en protéger l'organisation et en assurer la tranquillité intérieure. Le Plénipotentiaire de Sa Majesté Impériale conviendrait également alors des mesures nécessaires pour garantir d'une manière solide l'indépendance de la République Ionienne, condition qui deviendrait indispensable si l'évacuation totale des sept Iles par les troupes Russes pouvait être présentée par Bonaparte comme *sine qua non* de la paix.

Enfin pour que les heureux effets de la paix soient rendus à toute l'Europe Sa Majesté Britannique consent à étendre la pacification à l'Espagne et à la Hollande et à reconnaître le Royaume d'Etrurie et le Plénipotentiaire de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies aura soin dans le même but d'arrêter les bases du rétablissement de la bonne harmonie entre la France d'un côté et la Suède et la Porte de l'autre et de stipuler une clause en faveur du Portugal, qui en assurant l'indépendance entière de cet Etat le mette à l'abri des demandes pécuniaires et autres auxquelles il a été exposé jusqu'ici. Fait à St.-Pétersbourg le 30 Mars (11 Avril) l'an mille huit cent et cinq.

L. S. Adam
Prince Czartoryski
L. S. Nicolas
de Novossilzoff

L. S. Granville
Leveson Gower

Article onzième séparé

Les hautes parties contractantes reconnaissant la nécessité de soutenir les propositions de paix, qu'Elles sont intentionnées de faire parvenir à Bonaparte par des démonstrations énergiques, Elles ont résolu d'inviter Sa Majeste Impériale et Royale Apostolique à mettre immédiatement Ses armées en état d'agir en les complétant et en les concentrant à la proximité des limites de la France. Sa Majesté Britannique prenant en considération les dépenses extraordinaires que cette mesure exigera, promet et s'engage de fournir à Sa Majesté Impériale et Royale immédiatement après son adhésion au présent concert à titre de première mise en campagne la somme d'un million de livres Sterling que le Roi du Royaume Uni de la Grande-Brétagne et de l'Irlande ne revendiquera point dans le cas où les négociations de paix seraient couronnées d'un heureux succès, pourvu que dans le cas contraire l'Autriche entre immédiatement en campagne.

Cet Article séparé aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans le Concert signé aujourd'hui et sera ratifié en même temps[181].

En foi de quoi Nous soussignés en vertu de nos pleins pouvoirs avons signé le présent Article séparé et y avons apposé le cachet de nos armes. Fait à St.-Pétersbourg le 30 Mars (11 Avril) l'an mille huit cent et cinq.

L. S. Adam
Prince Czartoryski
L. S. Nicolas
de Novossilzoff

L. S. Granville
Leveson Gower

Article premier séparé et secret

Les hautes parties contractantes pour éviter toute discussion quelconque sur l'application des principes, dont Elles sont convenues par l'Article six séparé, ont jugé nécessaire de s'entendre à Leur égard avec plus de précision, et c'est en conséquence qu'Elles se promettent éventuellement d'observer ce qui suit:

1. Les principes des deux Souverains ne Leur permettant dans aucun cas de chercher à contraindre le libre vœu de la Nation française, c'est par des proclamations publiées à mesure que les événements de la guerre assureront leur poids, qu'ils chercheront à la disposer à écouter Leurs conseils; et pour y parvenir avec plus de certitude, Ils publieront qu'à tout événement les Propriétaires et les gens en place peuvent compter sur la paisible possession des avantages qu'Ils ont obtenus par la révolution et que les Puissances liguées sont prêtes à sanctionner toute forme de Gouvernement compatible avec la tranquil-

lité publique que le vœu national établirait en France. Quoique Leurs Majestés reconnaissent que pour le repos de l'Europe il serait à désirer que ce fût un Gouvernement Monarchique, basé sur des principes de modération et d'équité, Elles n'en feront pas d'avance la proposition formelle; mais chercheront d'en étendre et consolider la conviction en France et dès que la nation se sera prononcée dans ce sens, les hautes parties contractantes d'après son vœu, s'entendront sur les conditions qu'Elles proposeront à celui qui sera jugé propre à régner en France et dont la première serait de ne retracter aucune des promesses qui auraient été faites à la Nation française en vertu du présent Article.

2. La Hollande et la Suisse, à mesure qu'Elles seront délivrées du joug qui leur est imposé par Bonaparte, pourront se donner la forme de Gouvernement que le vœu national et les localités indiqueront et s'il s'agissait de désigner un Stadthouder au premier de ces Etats, les deux Cours s'entendront sur le choix de la personne qui sera portée à cette dignité qu'Elles verraient avec plaisir rendue à la Maison d'Orange si d'autres circonstances ne s'y opposent.

3. Une saine politique exigeant de prévenir tout germe de mécontentement dans les divers Etats, qui à la suite d'une guerre deviendraient le partage du Roi de Sardaigne, et de leur procurer le plus promptement possible une consistance assurée par l'heureux accord qui règnera entre le Souverain et les sujets, Leurs Majestés emploièront Leurs bons offices auprès du Roi de Sardaigne pour l'engager à établir dans les Pays de sa nouvelle domination un Gouvernement à la convenance de ses sujets et adapté aux localités.

4. Leurs Majestés prenant le plus vif intérêt à l'accomplissement des objets qu'Elles se proposent par l'Article séparé sixième ainsi que par le présent Article secret et surtout à ce que les prescriptions du droit des gens soient discutées et fixées d'une manière précise et leur observation garantie par l'assentiment général et par l'établissement en Europe d'un système fédératif qui assure l'indépendance des Etats faibles en présentant une barrière formidable contre l'ambition des plus forts, Elles s'entendront amicalement entr'Elles sur ce qui peut concerner ces objets et formeront une union intime pour en réaliser les heureux effets.

Cet article séparé et secret aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans le Concert signé aujourd'hui et sera ratifié en même temps[182].

En foi de quoi Nous soussignés en vertu de nos pleins pouvoirs avons signé le présent Article séparé et secret et y avons apposé le cachet de nos armes. Fait à St.-Pétersbourg le 30 Mars (11 Avril) l'an mille huit cent et cinq.

L. S. Adam Prince Czartoryski	L. S. Granville Leveson Gower
L. S. Nicolas de Novossilzoff	

Article second séparé et secret

Quoique les hautes parties contractantes soient convenues par l'Article premier séparé du concert, établi entr'Elles aujourd'hui, que l'Autriche et la Suède ne jouiraient des avantages que leur présente ledit concert que dans le cas où quatre mois après la signature, Elles feraient agir leurs forces contre la France en vertu des engagements qu'elles ont pris avec Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies; cependant Sa Majesté Britannique considérant l'avantage qui résulte pour la sécurité future de l'Europe d'une réunion semblable à celle formée par Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies avec Leurs Majestés l'Empereur d'Allemagne et le Roi de Suède pour s'opposer aux empiétements ultérieurs de Bonaparte, promet de remplir les stipulations du présent concert,

simultanément envers chacune de ces Puissances si pendant le courant de l'année mille huit cent et cinq toutes deux ou l'une d'Elles venait à faire agir ses forces contre la France en vertu de leurs engagements avec Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies.

Cet Article séparé et secret aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans le Concert signé aujourd'hui et sera ratifié en même temps[183].

En foi de quoi Nous soussignés en vertu de nos pleins pouvoirs avons signé le présent Article séparé et secret et y avons apposé le cachet de nos armes. Fait à St.-Pétersbourg le 30 Mars (11 Avril) l'an mille huit cent et cinq.

L. S. Adam Prince Czartoryski
L. S. Nicolas de Novossilzoff

L. S. Granville Leveson Gower

Печат. по подлиннику.
Опубл. Ф. Мартенс, т. II, стр. 433—461.

Перевод *****

Во имя пресвятой и нераздельной Троицы

Е. в-во император всероссийский и е. в-во король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, одушевленные желанием доставить Европе мир, независимость и счастие, которых она лишена чрезмерным честолюбием французского правительства и превышающим всякие соображения влиянием, которое оно стремится себе присвоить, решились употребить все находящиеся в их власти средства к тому, чтобы достигнуть этой спасительной цели и предупредить возобновление подобных бедственных обстоятельств, и вследствие того, чтобы постановить и согласиться относительно мер, вызываемых их великодушными стремлениями, назначили, именно: е. в-во император всероссийский — князя Адама Чарторыйского, своего тайного советника, члена Государственного совета, сенатора, товарища министра иностранных дел, члена Главной дирекции училищ, попечителя императорского Виленского университета и округа, поручика великого приора державного ордена св. Иоанна Иерусалимского в русском католическом приорстве и кавалера ордена св. Анны и командора ордена св. Иоанна Иерусалимского, и г-на Николая Новосильцева, своего действительного камергера, товарища министра юстиции, уполномоченного к рассмотрению проектов, представляемых е. в-ву, и на другие специальные поручения, президента Академии наук, члена Главной дирекции училищ, попечителя С.-Петербургского университета и округа и кавалера ордена св. Владимира; а е. в-во король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии — лорда Гренвилля Левесона Гоуэра, члена парламента Соединенного королевства, Тайного Совета е. в-ва и своего чрезвычайного посла и полномочного министра при е. в-ве императоре всероссийском, которые по поверке и обмене их полномочий, найденных в доброй и надлежащей форме, согласились на следующие статьи:

Статья I

Поелику бедственное положение, в котором находится Европа, требует быстрого врачевания, их в-ва император всероссийский и король великобританский и ирландский пришли к соглашению приискать средства к прекращению оного, не выжидая случаев новых захватов со стороны французского правительства. Вследствие того они согласились употребить самые быстрые и самые действительные средства к образованию всеобщей лиги европейских государств и к приглашению их приступить к настоящему соглашению[181] и для достижения цели соединить силы, каковые независимо от тех, которые доставлены будут е. в-вом королем великобританским, могли бы достигнуть 500 тыс. наличного войска, и энергично употребить их к тому, чтобы побудить французское правительство добровольно или по принуждению согласиться на восстановление мира и равновесия Европы.

Статья II

Лига эта имела бы целью выполнить те предположения, которые заключаются в настоящем соглашении, именно: A) Очищение ганноверских владений и Северной Германии. B) Восстановление независимости республик Голландской и Швейцарской. C) Восстановление короля сардинского в Пьемонте, с таким значительным приращением, какое дозволят обстоятельства. D) Безопасность на будущее время королевства Неаполитанского и совершенное очищение Италии, считая в том числе и остров Эльбу, от французских войск. E) Уста-

***** Дается по Ф. Мартенсу, сверен с подлинником.

новление такого порядка вещей в Европе, который бы в действительности гарантировал безопасность и независимость различных государств и представлял бы твердую опору против будущих узурпаций.

Статья III

Е. в-во король великобританский, чтобы со своей стороны действительным образом содействовать к счастливому выполнению настоящего соглашения, обязывается помогать общим усилиям употреблением своих сухопутных и морских сил, а также своих судов, удобных для перевозки войск, сообразно тому, как то будет определено в общем плане операций. Кроме того, е. в-во будет помогать различным державам, которые к сему приступят, субсидиями, сумма которых будет соответствовать тем значительным силам, которые предполагается употребить, и, чтобы эти денежные вспомоществования могли бы быть распределены способом, наиболее соответствующим общей выгоде, и помогать державам по мере тех усилий, которые ими оказаны будут в видах общего успеха; признано, что субсидии эти будут доставлены (за исключением особенных соглашений) в размере 1250 тыс. фунтов стерлингов ежегодно на каждые 100 тыс. человек регулярного войска и в соответствующей пропорции на большее или меньшее количество войск и будут выплачиваться при условиях ниже сего определенных.

Статья IV

Сказанные субсидии будут выплачиваемы в сроки от одного месяца до другого, соразмерно тем силам, которые употреблены будут каждою державою сообразно принятым ею обязательствам для отражения общего врага, и на основании официальных донесений об армиях, выступивших вначале в поход, а также о корпусах и других средствах, которые будут употреблены на войну. Затем, согласно плану операций, который немедленно будет составлен, определено будет время, с которого субсидии эти станут выплачиваться, причем определены будут способ и место уплаты, смотря по удобствам каждой из воюющих сторон. Е. в-во король великобританский равным образом согласен будет доставить в текущем году сумму, необходимую для первого выступления в поход. Сумма эта определена будет особыми соглашениями с каждою из держав, которые приступят к этому трактату. Но е. в-во полагает, что вся сумма, которая доставлена будет одной из держав в продолжение года (присовокупляя подобный же аванс к субсидиям каждого месяца), не будет превышать размера 1250 тыс. фунтов стерлингов на каждые 100 тыс. человек войска[182].

Статья V

Высокие договаривающиеся стороны согласны в том, что различные члены лиги могут обоюдно содержать аккредитованных при главнокомандующих различными армиями лиц, которым поручена будет корреспонденция и надзор за военными действиями.

Статья VI

Их в-ва соглашаются, что в случае, если образуется союз в таком виде, как это определено в статье I, они заключат мир с Францией не иначе как с общего согласия всех держав, которые примут участие в сказанном союзе, и равным образом, что державы континентальные не отзовут своих войск до заключения мира, так же как и е. в-во король великобританский обязуется продолжать выдачу субсидий во все продолжение войны.

Статья VII

Настоящее соглашение, которое высокими договаривающимися сторонами признается имеющим такую же силу и значение, как и трактат, заключенный самым формальным образом, будет ратифицировано е. в-вом императором всероссийским и е. в-вом королем Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, и ратификации будут обменены в С.-Петербурге в продолжение десяти недель или же, если возможно, и ранее[183].

В уверение чего уполномоченные той и другой стороны подписали сие и приложили печати своих гербов. Заключено в С.-Петербурге 30 марта (11 апреля) тысяча восемьсот пятого года.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Гренвилль
(М. П.) Николай Новосильцев Левесон Гоуэр

Отдельная статья I

В связи с сообщением е. в-вом императором всероссийским е. в-ву королю великобританскому о соглашениях с их в-вами императором германским * и королем шведским **, е. в-во король великобританский обязуется выполнить все условия настоящего соглашения

по отношению к каждой из этих держав, если в продолжение четырех месяцев, считая со дня подписания настоящего акта, обе державы или одна из них пустит в действие свои силы против Франции сообразно обязательствам, ими принятым относительно е. в-ва императора всероссийского.

Эта отдельная статья будет иметь ту же силу и значение, как если бы она была от слова до слова включена в соглашение, сегодня подписанное, и будет ратификована в то же время[183].

В удостоверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную статью и приложили к ней печати наших гербов. Заключено в С.-Петербурге 30 марта (11 апреля) тысяча восемьсот пятого года.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Гренвилль
(М. П.) Николай Новосильцев Левесон Гоуэр

Отдельная статья II

В связи с сообщением е. в-вом императором всероссийским е. в-ву королю Соединенного королевства Великобритании и Ирландии о соглашениях, принятых е. и. в-вом с дворами прусским *** и датским **** в предупреждение захватов со стороны Франции, е. в-во король великобританский заявляет, что он равным образом будет готов споспешествовать их счастливому выполнению на основаниях, постановленных в различных статьях соглашения, сегодня подписанного.

Эта отдельная статья будет иметь такую же силу и значение, как если бы она была от слова до слова включена в соглашение, сегодня подписанное, и будет ратификована в то же время[183].

В уверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную статью и приложили к ней печати наших гербов. Заключено в С.-Петербурге 30 марта (11 апреля) тысяча восемьсот пятого года.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Гренвилль
(М. П.) Николай Новосильцев Левесон Гоуэр

Отдельная статья III

Высокие договаривающиеся стороны согласились в том, что в цель настоящего соглашения входит и доставление Голландии и Швейцарии, смотря по обстоятельствам, надлежащих округлений, так, например, предоставление бывших Австрийских Нидерландов в полном их составе или частью — первой и Женевы с Савойей — второй.

Они равным образом полагают, что распоряжения, которые будут сделаны в Европе вслед за войною, будут иметь в виду увеличение территориальных владений Австрии, как она это выговорила себе конвенциею* с е. в-вом императором всероссийским, а также приращения, соразмерные усилиям ради общего дела****** и совместные с равновесием Европы, в пользу других государств, которые споспешествовали бы цели настоящего соглашения.

Эта отдельная статья будет иметь ту же силу и значение, как если бы она была от слова до слова включена в соглашение, сегодня подписанное, и будет ратификована в то же время[183].

В уверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную статью и приложили к ней печати наших гербов. Заключено в С.-Петербурге 30 марта (11 апреля) тысяча восемьсот пятого года.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Гренвилль
(М. П.) Николай Новосильцев Левесон Гоуэр

Отдельная статья IV

Так как соединение пятисот тысяч человек войска, упомянутое в первой статье сегодня подписанного соглашения, не столь удобовыполнимо, сколько желательно, то их в-ва признали, что статья эта тотчас же будет приведена в исполнение, как только окажется возможным противопоставить Франции действительную силу в четыреста тыс. человек, составленную следующим образом: Австрия доставит 250 тыс. человек, Россия — не менее 115 тыс. человек, независимо от наборов *******, сделанных ею в Албании, в Греции и проч., остальное же количество до 400 тыс. человек будет доставлено войсками неаполитанскими, ганноверскими, сардинскими и другими.

****** У Ф. Мартенса: «ради общего дела и настоящего положения».
******* У Ф. Мартенса: «восстаний».

Эта отдельная статья будет иметь ту же силу и значение, как если бы она была от слова до слова включена в соглашение, сегодня подписанное, и будет ратификована в то же время[183].

В уверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную статью и приложили к ней печати наших гербов. Заключено в С.-Петербурге 30 марта (11 апреля) тысяча восемьсот пятого года.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Гренвилль
(М. П.) Николай Новосильцев Левесон Гоуэр

Отдельная статья V

Е. в-во император всероссийский обязуется по всей возможности немедленно выдвинуть армию не менее как в шестьдесят тысяч человек на границы Австрии, а также другую, не менее как в восемьдесят тысяч человек на прусские границы, дабы быть готовым к действию с означенными дворами в пропорции, установленной сегодня подписанным соглашением, и к поддержанию их в случае, если бы они подверглись нападению со стороны Франции, которая предполагала бы их вступившими в какие-либо переговоры, предмет которых противоположен ее видам; кроме того, постановлено, что независимо от 115 тыс. человек, которые е. в-во император всероссийский выставит против французов, как это сказано в IV отдельной статье, е. в-во будет держать на своих границах резервные и обсервационные корпусы.

Кроме того, соглашено, что, по мере того как войска, обещанные е. в-вом императором всероссийским, в целом составе или в частях перейдут за границы его империи, е. в-во король великобританский будет выплачивать им субсидии на основаниях, установленных настоящим соглашением, до возвращения сказанных войск в свое отечество и сверх того при первом выступлении в поход — сумму, равняющуюся трехмесячной субсидии.

Русские войска, расположенные на Семи островах или назначенные к отправлению туда, будут пользоваться выгодами субсидий и авансов за три месяца, определенными настоящею статьею, только считая с того дня, когда они оставят Семь островов, для того чтобы начать военные действия против французов.

Эта отдельная статья будет иметь ту же силу и значение, как если бы она была от слова до слова включена в соглашение, сегодня подписанное, и будет ратификована в то же время[183].

В уверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную статью и приложили к ней печати наших гербов. Заключено в С.-Петербурге 30 марта (11 апреля) тысяча восемьсот пятого года.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Гренвилль
(М. П.) Николай Новосильцев Левесон Гоуэр

Отдельная статья VI

Е. в-во император всероссийский и е. в-во король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, решась учредить между собою энергическое соглашение единственно в видах обеспечить в Европе постоянный и прочный мир, основанный на принципах справедливости, правосудия и международного права, которыми они руководятся постоянно, признали необходимым с настоящего времени прийти к соглашению относительно различных принципов, которые ими будут обнародованы, по предварительному соглашению, как только успешное ведение войны вызовет к тому необходимость.

Эти принципы заключаются в том, чтобы нимало не стеснять народную волю во Франции относительно формы правления, а также и в других странах, куда вступят действующие соединенные армии; не присваивать себе, ранее заключения мира, какого-либо завоевания, которое могло бы быть сделано тою или другою из воюющих сторон, и брать во владение города и земли, которые будут отняты у общего врага, не иначе как от имени той страны или государства, которым они принадлежат по признанному праву, а во всяком другом случае именем всех членов лиги. Наконец, в том, чтобы по исходе войны созвать всеобщий конгресс для обсуждения и определения более точных, чем к несчастию могли быть до сих пор, постановлений международного права и обеспечить их соблюдение учреждением федеративной системы, устроенной сообразно положению разных государств Европы.

Эта отдельная статья будет иметь такую же силу и значение, как если бы она была от слова до слова включена в соглашение, сегодня подписанное, и будет ратификована в то же время[183].

В уверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную статью и приложили к ней печати наших гербов. Заключено в С.-Петербурге 30 марта (11 апреля) тысяча восемьсот пятого года.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Гренвилль
(М. П.) Николай Новосильцев Левесон Гоуэр

Отдельная статья VII

Обе высокие договаривающиеся стороны, согласившись не упустить ничего к тому, чтобы привлечь е. в-во короля прусского приступить к настоящему соглашению, признали необходимость условиться в настоящее время относительно тех территориальных приобретений, которые бы они были согласны признать за берлинским двором в вознаграждение за усилия ко благу общего дела. Однако же они полагали, что так как прусская держава уже достаточно увеличена, то сохранение европейского равновесия требует, чтобы такие уступки (которые во всяком случае будут зависеть от успехов войны) заключались бы в возвращении страны, уступленной Пруссиею Франции на основании секретной конвенции 5 августа 1796 г.[184], с большим или меньшим приращением, которое, смотря по обстоятельствам, могло бы простираться до границы, назначенной Франции со стороны Нидерландов, при обязательстве, которое приняла бы на себя Пруссия, составить вместе с Голландиею оплот, который воспрепятствовал бы вторжению французской державы.

Е. в-во император всероссийский и е. в-во король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии равным образом обещают, что, если представится случай, когда приобретения, достающиеся Пруссии, представили бы слишком большую несоразмерность с приобретениями Австрии и других континентальных держав, прийти к дружескому соглашению относительно средств к распределению их на основании точной соразмерности и таким способом, чтобы они ни в каком случае не могли нарушить равновесие Европы.

Эта отдельная статья будет иметь ту же силу и значение, как если бы она была от слова до слова включена в соглашение, сегодня подписанное, и будет ратификована в то же время[183].

В уверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную статью и приложили к ней печати наших гербов. Заключено в С.-Петербурге 30 марта (11 апреля) тысяча восемьсот пятого года.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Гренвилль
(М. П.) Николай Новосильцев Левесон Гоуэр

Отдельная статья VIII

Так как побуждения, которые французское правительство старается сообщить различным государствам Европы, могли бы повлечь то или иное из них к решимости воспрепятствовать тем спасительным стараниям, которые составляют предмет настоящего соглашения, и даже прибегнуть к мерам, враждебным против которой-либо из высоких договаривающихся сторон, по злобе к тем заботам, которые они предпринимают для устроения в Европе справедливого и постоянного порядка вещей, е. в-во император всероссийский и е. в-во король великобританский согласились действовать совместно против всякой державы, которая употреблением своих сил или же слишком тесным союзом с Франциею вознамерилась бы воздвигнуть существенные препятствия к развитию тех мер, которые обеими высокими договаривающимися сторонами должны быть приняты к достижению цели, предположенной ими в настоящем соглашении.

Эта отдельная статья будет иметь ту же силу и значение, как если бы она была от слова до слова включена в соглашение, сегодня подписанное, и будет ратификована в то же время[183].

В уверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную статью и приложили к ней печати наших гербов. Заключено в С.-Петербурге 30 марта (11 апреля) тысяча восемьсот пятого года.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Гренвилль
(М. П.) Николай Новосильцев Левесон Гоуэр

Отдельная статья IX

Е. в-во король великобританский, признавая в высшей степени важным для успеха мер, принятых в подписанном сегодня соглашении, участие государей Испании и Португалии в этом деле, обращается к посредничеству е. в-ва императора всероссийского для устроения в возможно скором времени соглашения между Англиею и Испаниею на справедливых основаниях и обещает со своей стороны сделать все облегчения, с тем чтобы соглашение заключало бы в себе секретное обязательство Испании принять участие в общем деле против Франции не позже, как по истечении трехмесячного срока по выступлении в поход соединенных армий держав, участвующих в коалиции. Е. в-во император всероссийский равным образом примет на себя труд согласить Португалию присоединиться в том последнем случае к усилиям Испании[185].

Эта отдельная статья будет иметь ту же силу и значение, как если бы она была от слова до слова включена в соглашение, сегодня подписанное, и будет ратификована в то же время[183].

В уверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную статью и приложили к ней печати наших гербов. Заключено в С.-Петербурге 30 марта (11 апреля) тысяча восемьсот пятого года.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Гренвилль
(М. П.) Николай Новосильцев Левесон Гоуэр

Отдельная статья X

Е. в-во император всероссийский и е. в-во король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, установив в подписанном сегодня соглашении те решительные меры, которые ими признаны наиболее действительными для скорого восстановления счастья и спокойствия Европы, имеют на душе только одно: убедить все государства вообще в чистоте их намерений и в искреннем и решительном желании, их одушевляющем, не быть вынужденными прибегать к силе для обеспечения мира на основаниях справедливости. Вследствие сего их величества решились немедленно сообщить главе французского правительства предложения мира, согласимые, умеренные и направленные единственно к общему благу и будущему спокойствию различных государств Европы.

Поскольку е. в-во император всероссийский принимает на себя заботы об этих переговорах, е. в-во король великобританский полагается в этом вполне на своего августейшего союзника и обещает подписать предложения, которые будут сделаны от лица обеих держав Бонапарту и основания которых были признаны и подписаны уполномоченными той и другой стороны и присоединены к настоящей отдельной статье, которая будет иметь ту же силу и значение, как если бы она была включена от слова до слова в соглашение, сегодня подписанное, и будет ратификована в то же время[186].

В уверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную статью и приложили к ней печати наших гербов. Заключено в С.-Петербурге 30 марта (11 апреля) тысяча восемьсот пятого года.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Гренвилль
(М. П.) Николай Новосильцев Левесон Гоуэр

Основания для заключения мира, принятые уполномоченными е. в-ва императора всероссийского и уполномоченным е. в-ва короля Соединенного королевства Великобритании и Ирландии

Их величества император всероссийский и король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, одинаково убежденные в тех затруднениях, которые оказаны будут главою нынешнего французского правительства при подписании предложений, направленных к ослаблению его влияния на соседние с Франциею государства, признали необходимым предварительно согласиться насчет средств, могущих повлиять самым действительным образом на переговоры, которые они решились начать, и употребить эти средства так, чтобы извлечь из переговоров как можно более выгод.

Так как эти средства по отношению к Бонапарту могут заключаться только в угрозе континентальною войною, с одной стороны, а с другой,— в возвращении земель, которое намерен сделать е. в-во король Великобритании, то е. в-во император всероссийский, основываясь на соглашениях, которые последуют относительно действий против Франции, решился сообщить главе французского правительства, что он может избегнуть континентальной войны лишь в том случае, если согласится на установление справедливого равновесия в Европе, а е. в-во король Великобритании, приняв во внимание, что Англия не может рассчитывать на прочный мир, пока Франция сохраняет на континенте свое нынешнее влияние, уменьшение которого может рассматриваться как определенное преимущество для Великобритании ********, готов в этих видах увеличить те жертвы, которые он уже намеревался сделать, если французское правительство обнаружит готовность дать достаточный залог для будущей независимости государств, которыми оно владеет незаконно или которые оно угнетает без малейшего основания и только по собственному произволу.

Чтобы гарантии эти могли быть вполне убедительными, они должны привести по свойству своему к установлению и укреплению на твердых основаниях:

1) оплота между Францией и Италией;

2) оплота между Францией и Голландией;

3) нейтральности и безусловной независимости всей Швейцарии, Голландии, Италии и Германской империи.

Постановления эти могут быть осуществляемы только в том случае, если границы Франции будут определены Мозелем и Рейном, Альпами и Пиренеями.

******** «...Англия не может... Великобритании» — перевод редакции. У Ф. Мартенса: «...мир, заключенный с Англией, делается прочнее и вернее по мере того, как настоящее влияние Франции на континенте будет уменьшено и стеснено».

Их величества император всероссийский и король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, рассудив, что эти основные постановления, как бы они умеренны ни были, могут быть осуществлены лишь при больших затруднениях посредством переговоров, которые как бы они ни были благоприятны, не могут доставить тех же результатов, как успешная война, сочли необходимым согласиться на изменения, кои, обнаруживая умеренность и искренность желаний к восстановлению мира, не оставляют Бонапарту ни малейшего мотива не принять мир, и вследствие того сочли необходимым предварительно объясниться между собою относительно тех пунктов, которые уполномоченный е. и. в-ва в особенности должен иметь в виду, и вместе с тем и о статьях, долженствующих быть допущенными в самом крайнем случае, если бы первые встретили непреодолимое сопротивление со стороны Бонапарта. Высокие договаривающиеся стороны вполне признают справедливость и выгоды, заключающиеся в восстановлении свергнутых государей в их прежних владениях, а потому переговоры, начатые уполномоченным е. и. в-ва, будут основаны на этом принципе, насколько это допущено будет обстоятельствами и будущею безопасностью различных государств Европы.

Важнейшая цель, которой необходимо достигнуть,— это образование в Италии преграды, посредством восстановления короля Сардинии в Пьемонте, с достаточным увеличением территории, дабы этот государь был в состоянии охранять собственную безопасность, которая в свою очередь должна быть гарантирована формальным и точным обещанием со стороны Франции уважать ее полную и совершенную независимость.

В случае достижения этой важной цели высокие договаривающиеся стороны полагали бы возможным, если обстоятельства того потребуют, согласиться с видами Бонапарта по устройству Северной Италии, дозволить ему водворить там одного из своих родных, с надлежащим во всяком случае удостоверением в том, что независимость нового государства будет вполне обеспечена, и с принятием мер к уменьшению пространства этого государства, руководствуясь одним из нижеследующих соображений. Если, однако, несмотря на все старания уполномоченного е. и. в-ва, восстановление короля сардинского в Пьемонте все-таки не будет достигнуто, то договаривающиеся державы еще могли бы согласиться, чтобы эта страна сделалась достоянием одного из братьев или родственников Бонапарта, приняв, однако, меры к тому, чтобы новое государство пользовалось полною независимостью, не могло быть никогда присоединяемо к Франции и с тем, что е. в-во король сардинский должен тогда получить крупное владение********* в Италии, с помощью которого он мог бы обеспечить будущую безопасность этой страны при содействии австрийского дома, долженствующего по этому случаю получить более верную военную границу с этой стороны.

Так как в настоящее время трудно определить в точности протяжение владений короля сардинского, которые желательно распространить как можно более, и так как этот предмет один из тех, определение которого будет зависеть от хода переговоров, то высокие договаривающиеся стороны вследствие этого признали удобным объясниться с большею подробностию о тех порядках, которые они полагают возможным применить к Северной Италии, и они были бы вполне удовлетворены, если бы к этой стране был применен один из следующих способов:

1) чтобы король Сардинии получил Итальянскую республику до соединения По с границами Пармскими, владения Пармы и Пьяченцы и территорию Генуи или же,

2) чтобы король Сардинии получил владения Генуи Пармы и Пьяченцы с территорией, находящеюся между По и Тосканой, или, наконец,

3) чтобы король Сардинии получил владения Генуи, Пармы и Пьяченцы с городом и крепостью Тортоны, Лукку, Массу и Каррару и границу в Болонье или Модене в целом или частью. Остальная часть Итальянской республики за этими тремя предположениями будет предметом переговоров.

Предполагая, что Бонапарт придает особенную важность раздроблению этих земель, можно было бы предложить в первом вышеприведенном случае восстановление герцога Моденского в его прежних владениях и присоединение всех трех легатств в целости или в частях к королевству Этрурскому; во втором случае — водворение нынешнего курфюрста Зальцбургского в Милане и герцога Моденского в Бергамо и Бреши с приличными округами, взятыми за счет Мантуанских владений. В третьем случае могут иметь место та и другая из этих комбинаций. Однако, чем более проектируемое соглашение будет представлять слабых сторон в целом и облегчать Бонапарту средства для сохранения своего влияния в Италии, тем более их величества император всероссийский и король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии признают большою выгодою, если не неизбежною необходимостью, достигнуть уступки Мантуи в пользу Австрии с той границею, которую владение это потребовало бы в виде вернейшего средства к устранению сих неудобств.

Независимо от вышеозначенных соглашений насчет Италии их величества император всероссийский и король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии признают чрезвычайно важным предусмотреть средства к предупреждению в будущем вторжения французских войск в Голландию.

********* «Крупное владение» — перевод редакции. У Ф. Мартенса: «прочное положение».

Наиболее целесообразно было бы, без сомнения, учреждение на этой стороне сильного государства, но так как предстоящие переговоры не будут в состоянии привести к этому результату, то высокие договаривающиеся стороны соглашаются требовать у главы французского правительства восстановления наследственного штатгальтерства в пользу оранского дома с уступкой Голландии, Антверпена и всей территории, находящейся за линией, проведенной от этого города к Маастрихту, с положительным обещанием со стороны Франции дозволить построить ряд укреплений для защиты соединенных провинций. Если бы это условие не было принято, высокие договаривающиеся стороны удовольствовались бы установлением в Голландии вполне независимого правительства, каковым было наследственное штатгальтерство в оранском доме, с дозволением укрепить по его усмотрению границы, которые будут установлены для Голландии и которые желательно было бы оставить по крайней мере таковыми, каковы они были до войны.

Сообщив друг другу свои взгляды по этим двум вопросам, их величества считают необходимым согласиться в том, что нейтральное положение и полнейшая независимость Швейцарии, Голландии, Италии и Германской империи считают они осуществимыми только в том случае, если французское правительство подпишет следующие пункты:

1) немедленное и полное очищение тех из этих стран, которые заняты французскими войсками;

2) свобода для всех вообще и для Швейцарии в особенности избрать для себя такую форму правления, какую они признают удобною;

3) свобода постройки укреплений для их защиты.

Наконец, их величества полагают, что для упрочения этих различных соглашений необходимо собрать общий конгресс с целью утверждения постановлений международного права на прочных основаниях и окончательного устройства интересов европейских держав и интересов Германской империи, различные государства которой должны будут подвергнуться изменениям, если бы Франция признала один из способов, предложенных для установления твердых оплотов со стороны Италии и Голландии.

По отношению к этому предмету высокие договаривающиеся стороны охотно допустят, чтобы судьба владений Пассау и Берхтольсгаден, Зальцбург, Эйхштедт и Брисгау была определена согласно конвенции, заключенной между Россией и Австрией 25 октября (6 ноября) 1804 г., и чтобы территория Фульды в этом случае была уступлена Пруссии.

Король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, проникнутый искренним желанием содействовать действительным образом восстановлению мира, признает с настоящего времени, что вышеизложенные условия могут послужить основанием к следующим уступкам с его стороны в пользу Франции или ее союзников:

Возвращение всех завоеваний, сделанных Англией со времени начала войны, а также и тех, которые могли бы иметь место в этот промежуток времени; таковые завоевания будут возвращены их прежним государям, насколько это окажется необходимым, а именно: острова Табаго и Св. Лючии, колонии С.-Пьер и Микелон, Пондишери и подвластные ей земли — Франции; колонии Суринам, Бербисе, Демерара и Эссекибо — Голландии.

Высокие договаривающиеся стороны равным образом соглашаются, что в случае если после тщетных усилий удержать Мальту в руках Англии эта цель не будет достигнута, то от нее можно скорее отказаться, чем прервать переговоры; в этом случае очищение Мальты от войск будет дозволено, и на этом острове водворится русский гарнизон в силу последующего соглашения, согласного с интересами туземных жителей. Уполномоченный е. и. в-ва, однако, получит дозволение действовать согласно этой статье только тогда, когда будет извещен, что лондонский двор изъявил на то согласие[187].

Так как есть основание предвидеть, что Бонапарт в переговорах с уполномоченным е. в-ва императора всероссийского изъявит сильное желание, чтобы русские войска очистили Семь островов, то е. и. в-во уполномочит своего посланника согласиться на эту меру, тщательно избегая, однако, включения сюда первого гарнизона, введенного в эти владения по требованию Порты и с согласия Франции, с целью сохранения тамошних учреждений и обеспечения внутреннего спокойствия. Уполномоченный е. и. в-ва может тогда принять необходимые меры для прочной гарантии независимости Ионической республики — условие, необходимое в том случае, если окончательное очищение от русских войск Семи островов будет представлено Бонапартом как условие sine qua non заключения мира.

Наконец, для того чтобы счастливыми последствиями мира могла воспользоваться вся Европа, е. в-во король великобританский соглашается прекратить несогласия также и с Испанией и Голландией и признать королевство Этрурское, а уполномоченный е. в-ва императора всероссийского в тех же видах употребит все старания к тому, чтобы положить основания к восстановлению доброго согласия между Франциею, с одной стороны, и Швециею и Портою — с другой, и к постановлению в пользу Португалии статьи, которая, обеспечив полную независимость этого государства, оградила бы ее от тех финансовых и других требований, которые ей предъявлялись до настоящего времени. В С.-Петербурге, 30 марта (11 апреля) тысяча восемьсот пятого года.

Князь Адам Чарторыйский — Гренвилль
Николай Новосильцев — Левесон Гоуэр

Отдельная статья XI

Высокие договаривающиеся стороны, признавая необходимость поддержать энергическими демонстрациями предложения мира, которые они намерены сделать Бонапарту, решились пригласить его императорское и королевское апостолическое в-во немедленно приготовить свои войска к военному действию посредством их пополнения и сосредоточения поблизости к французским границам. Е. в-во король великобританский, принимая во внимание чрезвычайные издержки, которые потребуются этой мерою, обещает и обязывается представить его императорскому и королевскому в-ву, немедленно после приступления его к настоящему соглашению, для подготовки к кампании ********** сумму в 1 миллион фунтов стерлингов, которую король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии не потребует обратно в случае, если мирные переговоры увенчаются счастливым успехом, с тем, однако, что в противном случае Австрия немедленно должна начать кампанию.

Настоящая отдельная статья будет иметь ту же силу и значение, как если бы она была от слова до слова включена в соглашение, сегодня подписанное, и будет ратификована в то же время[183].

В уверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную статью и приложили к ней печати наших гербов. Заключено в С.-Петербурге 30 марта (11 апреля) тысяча восемьсот пятого года.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Гренвилль
(М. П.) Николай Новосильцев Левесон Гоуэр

Первая отдельная и секретная статья

Высокие договаривающиеся стороны во избежание каких-либо споров о применении принятых ими по отдельной VI статье принципов признали необходимым согласиться в этом отношении с большею точностью и потому обязуются в предстоящем случае держаться следующих положений:

1) Так как принципы обоих государей не дозволяют им ни в каком случае попытаться стеснять свободную волю французской нации, то посредством обнародования прокламаций, по мере того как ход войны обеспечит их значение, они постараются расположить французов к принятию их советов, а для того чтобы достигнуть этой цели с большею уверенностью, они объявят, что во всяком случае хозяева-собственники и люди, состоящие при должности, могут рассчитывать на мирное пользование теми выгодами, которые приобретены ими вследствие революции, и что союзные державы готовы признать всякую форму правления, какая волею нации будет установлена во Франции, лишь бы она была совместна с общественным спокойствием. Хотя их величества и признают, что для спокойствия Европы желательно было бы, чтобы это правление было монархическое, основанное на принципах умеренности и справедливости,— формального об этом предложения они заранее не сделают, но постараются распространить и укрепить это убеждение во Франции и когда нация выскажется в этом смысле, тогда высокие договаривающиеся стороны соответственно этому желанию согласятся насчет условий, которые будут предложены тому, кто будет удостоен верховной власти во Франции, и первое из этих условий будет заключаться в том, чтобы не отказываться ни от одного из обещаний, которые даны бы были французской нации в силу настоящей статьи.

2) Голландия и Швейцария, по мере того как они освободятся от ига, наложенного на них Бонапартом, могут принять у себя такую форму правления, какая указана будет желанием нации и местными обстоятельствами, и если бы вопрос коснулся назначения для первого из этих государств штатгальтера, то оба двора придут к соглашению о выборе лица, которое должно быть возведено в этот сан, причем они особенно желали бы, чтобы это достоинство предоставлено было оранскому дому, если какие другие обстоятельства тому не воспрепятствуют.

3) Так как здравая политика требует предупреждения всякого зародыша неудовольствий в различных владениях, которые вследствие войны сделались бы достоянием короля Сардинского, и доставления им в возможной скорости прочного положения посредством счастливого согласия, которое должно воцариться между королем и его подданными, их величества употребят все старания на то, чтобы склонить короля Сардинского к установлению в своих новых владениях правительства, соответствующего выгодам его подданных и применимого к местным обстоятельствам и потребностям.

4) Их величества, принимая живейшее участие в исполнении предполагаемых ими в отдельной 6 статье условий, а равно и условий настоящей секретной статьи, и в особенности желая, чтобы постановления международного права были обсуждены и определены точным образом и исполнение их обеспечено всеобщим признанием и установлением в Европе федеративной системы, упрочивающей независимость небольших государств воздвижением сильных преград честолюбию сильнейших держав, дружественно согласятся между собою насчет

********** «...для подготовки к кампании» — перевод редакции. У Ф. Мартенса: «...под условием выступления в поход».

всего, что может касаться этих предметов, и заключат тесный союз, для того чтобы привести сие к счастливому осуществлению.

Настоящая отдельная и секретная статья будет иметь такую же силу и значение, как если бы она была включена от слова до слова в соглашение, сегодня подписанное, и будет ратификована в то же время[183].

В уверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную и секретную статью и приложили к ней печати наших гербов. Заключено в С.-Петербурге 30 марта (11 апреля) тысяча восемьсот пятого года.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Гренвилль
(М. П.) Николай Новосильцев Левесон Гоуэр

Вторая отдельная и секретная статья

Хотя высокие договаривающиеся стороны по I статье договора, заключенного ими сегодня, и согласились в том, что Австрия и Швеция воспользуются выгодами, предоставляемыми в их пользу упомянутым соглашением, только в том случае, если по прошествии четырех месяцев по подписании его они начнут военные действия против Франции в силу обязательств, принятых ими относительно е. в-ва императора всероссийского; однако е. в-во король Великобритании, принимая в соображение те выгоды, которые могут произойти для будущей безопасности Европы вследствие союза, подобного тому, который заключен между е. в-вом императором всероссийским и их величествами императором германским и королем шведским для противодействия дальнейшим захватам чужих владений со стороны Бонапарта, обещает исполнить условия настоящего соглашения одновременно по отношению к каждой из этих держав, если в течение 1805 г. обе или одна из них начнут военные действия против Франции в силу обязательств, принятых относительно е. в-ва императора всероссийского.

Настоящая отдельная и секретная статья будет иметь ту же силу и значение, как если бы она была включена от слова до слова в соглашение, сегодня подписанное, и будет ратификована в то же время[183].

В уверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную и секретную статью и приложили к ней печати наших гербов. Заключено в С.-Петербурге 30 марта (11 апреля) тысяча восемьсот пятого года.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Гренвилль
(М. П.) Николай Новосильцев Левесон Гоуэр

Александр I Фридриху-Вильгельму III

30 марта (11 апреля) 1805 г.

По просьбе Англии Александр I предпринимает попытку добиться мира между Англией и Францией и одновременно разрешить спорные вопросы, существующие между Францией и Россией. Александр I просит короля оказать содействие Н. Н. Новосильцеву, которому поручено ведение переговоров с Наполеоном.

Bailleu, Correspondance inédite, p. 61—62.

Фридрих-Вильгельм III Александру I

12 апреля 1805 г.

Сообщает о посылке в Петербург генерала Застрова. Извещает о том, что хотя он и одобряет политику Александра I, но не может присоединиться к нему, поскольку он намерен твердо придерживаться своей политики нейтралитета.

Bailleu, Correspondance inédite, p. 62—63.

118. Александр I послу в Лондоне С. Р. Воронцову

3(15) апреля 1805 г.

Monsieur l'ambassadeur comte de Worontzoff! Vous recevez par le présent courrier la copie du traité provisoire[188] tel qu'il a été conclu entre mes plénipotentiaires et celui de s. m. britannique, et la copie des articles séparés et secrets qui en font partie *. Il serait inutile que j'entrasse dans le détail des diverses stipulations que ces actes importants contiennent. J'en laisse le soin à

mon ministère. Elles s'expliquent d'ailleurs par elles-mêmes et sont fondées sur les principes que les deux cours ont invariablement adoptés. C'est l'observation de ces principes et la conviction qu'il s'agit en effet de combattre pour la cause de la justice et pour la prospérité de toute l'Europe, qui étaient seules capables de me faire consentir à exposer la Russie à perdre sa tranquillité présente que je pouvais encore lui conserver sans danger imminent et sans compromettre ma dignité, vu la position dans laquelle je me suis placé vis-à-vis de la France. Il me convenait même peut-être sous plus d'un rapport de ne rien changer à la nature de mes relations avec cette puissance et, en ne songeant point à me rapprocher de son gouvernement actuel, de ne pas me brouiller davantage avec lui.

Les liens défensifs ** que j'ai conclus avec mes voisins sont suffisants pour écarter tout sujet d'inquiétude pour mes Etats. Bonaparte ne peut s'avancer vers le Nord sans que la Prusse, le Dannemarc et par conséquent tous les autres princes de cette partie de l'Allemagne ne se réunissent pour le combattre. L'Autriche, assurée des secours de la Russie, se défendra avec énergie si elle est attaquée dans ses propres foyers. Je suis en état, s'il le fallait, de défendre seul la Turquie; et la cour de Vienne serait, dans ce cas, trop à portée du théâtre de la guerre et trop intéressée à ses résultats pour qu'elle ne veuille pas y prendre part. En un mot la Russie dans sa position, assurée de bonnes dispositions de tous ses voisins et unie à tant d'alliés, présente une masse redoutable qu'il est difficile d'émouvoir pour l'offensive, mais aussi qu'il est encore plus difficile d'entamer. Ses moyens de défense peuvent avoir leur développement sans que les subsides de l'Angleterre soient indispensables, car chacun se battrait dans ses foyers et pour défendre sa propre existence, la Russie seule serait dans le cas d'envoyer ses troupes dans des pays limitrophes, mais elle pourrait se passer plutôt alors de secours pécuniaires et il lui suffirait de pouvoir compter sur la résolution énergique des différents Etats qui l'entourent de ne point laisser pénétrer l'ennemi commun dans leurs limites.

Je ne trace pas ce tableau de ma position actuelle, qui n'est au reste que la stricte vérité, pour faire valoir davantage la résolution que j'ai prise d'en sortir: je connais tous les droits de l'Angleterre à l'assistance énergique, spontanée et sincère de ses co-Etats, lorsqu'elle veut soutenir les droits foulés des nations et l'indépendance de l'Europe. Je n'ai point l'intention non plus de cacher l'intérêt extrême que m'inspirent les souffrances de cette partie de l'Europe, qui gémit actuellement sous le joug de Bonaparte; je sens que les barrières défensives, posées jusqu'ici par les soins de la Russie, ne pourraient faire changer cet état de choses et que Bonaparte aurait peut-être encore longtemps l'habile politique de se contenter de dominer sur les Etats qu'il a déjà asservis et se garderait d'exciter une guerre continentale en poussant ses projets plus loin. Mais il m'importe qu'on n'ignore pas que, si je sors de la ligne dans laquelle je me suis placé, aucune crainte, aucune nécessité personnelle ne m'y porte; que je ne m'y suis décidé que par la connaissance certaine que j'ai acquise des sentiments d'équité et de modération qui animent la cour de Londres et dans le but unique de coopérer à la mise en pratique des principes généreux et justes qui seuls peuvent produire un bien stable et réel pour tous les Etats de l'Europe. Ce sont ces principes qui ont présidé à la confection de l'acte* signé aujourd'hui. Plus mes vues sont pures et plus ma joie l'a été aussi en les voyant consignés dans une transaction que je regarde comme la pierre angulaire de l'édifice qui va s'élever par les soins communs de la Russie et de l'Angleterre pour la prospérité de l'Europe.

* См. док. 117.

** Имеются в виду соглашения России о совместных действиях с Данией (см. т. I, док. 271), Пруссией (см. док. 13, 23), Австрией (см. док. 63), Швецией (см. док. 89).

Aucune opposition bien marquante ne s'était élevée entre les plénipotentiaires respectifs, et l'acte eût été signé presque sans débat, si une seule difficulté ne s'était rencontrée et n'eût failli faire manquer toute l'œuvre.

Les mêmes sentiments et les mêmes vues, qui m'ont porté à former avec s. m. britannique une union intime contre la France, m'ont aussi fait accueillir la proposition d'envoyer à Paris un plénipotentiaire pour proposer la paix à Bonaparte avant de recourir aux mesures extrêmes contre lui[176]. J'ai même envisagé la circonstance, qui a donné lieu à cette demande de la cour de Londres[167], comme un incident heureux, qui amenait de la manière la plus juste et la plus naturelle une explosion contre Bonaparte et qui donnait des armes puissantes, et les seules peut-être à employer, pour engager les puissances du continent à s'émouvoir contre la France. Cette démarche devait donc être réglée moins sur l'espoir d'obtenir une paix immédiate que sur l'effet qu'elle doit produire en Europe. Pour que ce ne soit pas une démarche fausse, il était indispensable que les propositions, que l'on serait dans le cas de faire à Bonaparte, fussent marquées au coin de la modération et de la justice. Le plan[189], que mes plénipotentiaires ont proposé, était calculé sur ce qui est essentiellement nécessaire à la sûreté de l'Europe. Il ne rencontra d'opposition de la part de lord Gower, que dans un seul point, celui relatif à Malte, qu'il persista à vouloir faire accompagner d'une restriction qui en annulait, pour ainsi dire, tout l'effet. Après que mes plénipotentiaires eurent épuisé tous les arguments possibles pour engager l'ambassadeur d'Angletterre à se rendre à mes désirs, je vis qu'il était prêt à rompre plutôt la négociation que de consentir éventuellement à l'évacuation de Malte au cas d'une pacification immédiate. J'aurais interrompu moi-même toute discussion ultérieure, si j'avais pu croire que le gouvernement anglais partageait à cet égard les sentiments de son ambassadeur; mais considérant qu'ils lui étaient entièrement personnels et intimement convaincu que s. m. britannique ne saurait mettre en balance la possession de Malte, qu'elle a une fois cédée, avec la sûreté et la paix rendues sans coup férir à l'Europe, je n'ai pas permis que l'opinion individuelle de lord Gower puisse tourner au préjudice de sa cour et de toute l'Europe. J'ai ordonné en conséquence à mes plénipotentiaires de signer avec la restriction, en déclarant en même temps à l'ambassadeur qu'on ne le faisait uniquement que parce que je savais séparer les sentiments de son gouvernement des siens propres et que, de plus, j'exigeais qu'aucune cour ne fût instruite de la restriction maintenue, me réservant de m'en expliquer directement avec s. m. britannique. C'est ce que je fais en Vous adressant le présent rescrit. Persuadé qu'un retard quelconque ferait le plus grand tort aux affaires soit à cause de la saison avancée, soit parce qu'on en inférerait que les deux cours n'ont pas pu s'entendre entr'elles, ce qui aurait immédiatement une influence fâcheuse sur la conduite des autres puissances, j'ai fait signer la restriction, mais dans l'attente qu'elle n'aurait aucune valeur et que s. m. britannique s'empresserait de me faire connaître, ainsi qu'à mon plénipotentiaire, qu'elle adhère à l'article ainsi qu'il a été originairement conçu.

Cette manière de m'expliquer directement avec la cour où Vous résidez était la seule qui me restait pour ne pas faire manquer la négociation. Ce n'est pas que j'attache, pour ma part, la moindre importance à ce que Malte ne soit plus entre les mains des Anglais; bien au contraire, la Russie trouverait son intérêt commercial et politique à ce qu'ils y restassent, et je désirerais beaucoup ne pas avoir la charge dispendieuse et onéreuse d'être le gardien de ce rocher; mais Malte a été considérée comme la cause de la guerre actuelle: jamais cependant l'Angleterre n'a dit qu'elle voulait garder cette île, après l'avoir une fois cédée. Elle a constamment déclaré qu'elle voulait uniquement avoir des sûretés suffisantes comme quoi Malte ne tomberait pas au pouvoir des Français;

ces sûretés, je les propose aussi bonnes que possibles, et si je trouvais quelqu'autre mode de les procurer, je l'adopterais avec empressement. Il était d'absolue nécessité d'avoir recours à un expédient de ce genre: le gouvernement anglais ne saurait dans ce moment, sans une contradiction évidente, asserter le désir sincère de la paix et déclarer en même temps qu'il veut conserver Malte à tout prix, car il est claire d'avance que cette condition rendrait la paix dès à présent absolument impossible; l'opinion en est unanime dans toute l'Europe et se trouve fondée sur des arguments trop palpables pour qu'il faille même les énumérer. La démarche, que nous voulons faire envers Bonaparte, a pour but de prouver à toute l'Europe qu'il n'y a pas moyen de faire la paix avec lui. Cette seule conviction fera agir l'Autriche et nous procurera peut-être la coopération de la Prusse. Mais que penseraient ces puissances si, en me chargeant d'une pareille négociation, je n'avais pas prévu l'impossibilité de faire la paix en voulant maintenir Malte dans son état présent? Je me trouverais compromis vis-à-vis d'elles, vis-à-vis de toute l'Europe, et, qui plus est, je perdrais l'espoir de diriger leur politique et leur action. L'on ne peut se dispenser de répondre de manière ou d'autre à la proposition que la France a adressée à l'Angleterre[167]. Si cette réponse n'est pas de nature à produire le meilleur effet possible, les opérations contre la France commenceront d'une manière défectueuse et leur début ne sera nullement de nature à promettre des résultats satisfaisants. Au lieu de prouver que nous avons voulu sincèrement la paix, nos propositions mêmes démontreraient le contraire; au lieu de mettre toutes les opinions de notre côté, nous les rendrions opposées. L'on pourrait me reprocher avec raison que je me suis écarté moi-même des principes de modération et de justice que j'ai proclamés, et je suis décidé de ne pas mériter ce reproche. Cela suffirait pour me faire perdre la confiance que j'ai réussi peut-être d'acquérir en Europe et qui seule me fait espérer de réunir les principales puissances du continent contre l'ennemi commun. En un mot, quoique l'île de Malte, dans mon opinion et en soi-même, n'ait assurément pas une importance assez grande pour décider du sort de toute l'Europe, cependant les circonstances qui ont accompagné cette affaire sont telles que je prévois les suites les plus fâcheuses si, dans ce moment-ci, nous pouvions être avec s. m. britannique d'un avis différent à cet égard. D'ailleurs j'agirais contre ma conviction et à contre-cœur, si je me mêlais d'une guerre entamée sur ce principe et pour cette seule raison; je ne me croirais pas justifié aux yeux de l'Europe et de mes sujets; c'est pourquoi Vous insisterez sur l'insertion de l'article dans les ratifications sans aucune restriction, et si, contre toute attente, la cour de Londres se refusait entièrement à cette demande, Vous ne lui laisseriez point ignorer que, malgré mon vif désir de coopérer avec s. m. britannique au salut de l'Europe, je me verrais forcé de refuser ma ratification aux actes signés ici. Au cas que cette résolution ne décidât point le ministère britannique selon mes vœux, Vous m'en instruiriez immédiatement, ainsi que Mr de Nowossiltzoff, si Vous aviez déjà reçu la nouvelle de son départ d'ici. Il sera muni d'instructions préalables sur la conduite qu'il devra tenir dans ce cas; mais je ne puis croire un moment qu'il soit obligé d'en faire usage et je n'ai aucun doute que mon attente ne sera nullement déçue et que la franchise et l'abandon de mes explications prouveront de plus en plus à s. m. britannique mon désir d'éloigner immédiatement tout ce qui peut causer la moindre diversité d'opinions entre nous.

Je suis... Alexandre***

Reçu par le courrier Berens le 27 avril (9 mai) 1805 г.

Печат. по подлиннику.

*** Контрассигновано А. А. Чарторыйским.

Перевод

Г-н посол граф Воронцов! Вы получите с этим курьером копию временного договора[188] в том виде, в каком он был заключен моими уполномоченными с уполномоченным его британского в-ва, а также копию отдельных и секретных статей, являющихся частью его. Было бы бесполезно вдаваться в детали различных постановлений, содержащихся в этих важных документах *. Я предоставляю заботу об этом моему министерству. К тому же они говорят сами за себя и основываются на принципах, которых неизменно придерживались оба двора. Лишь желание следовать этим принципам и убеждение в том, что речь действительно идет о борьбе за правое дело и за благоденствие всей Европы, смогли заставить меня согласиться подвергнуть Россию опасности потерять ее нынешнее спокойствие, которое я мог бы еще сохранить ей, не подвергаясь непосредственной угрозе и не компрометируя своего достоинства, учитывая положение России по отношению к Франции. Возможно даже, мне во многих отношениях надлежало бы совершенно не менять характера моих взаимоотношений с этой державой и, не стремясь к сближению с нынешним ее правительством, в то же время не ухудшать в еще большей степени отношений с ним.

Оборонительные обязательства **, заключенные мною с моими соседями, достаточны для того, чтобы устранить все основания для беспокойства за мои владения. Если Бонапарт двинется на север, Пруссия, Дания и, следовательно, все остальные князья этой части Германии непременно объединятся для борьбы с ним. Австрия, будучи уверена в помощи России, будет энергично защищаться, если ее собственные владения подвергнутся нападению. Если бы это потребовалось, я в состоянии один защитить Турцию; венский двор в этом случае, находясь столь близко от театра военных действий и будучи столь заинтересован в их результатах, захочет, безусловно, принять в них участие. Одним словом, Россия при ее положении, находясь в дружественных отношениях со всеми своими соседями и имея столько союзников, представляет собой грозную массу, со стороны которой трудно ожидать наступательных действий, но посягнуть на которую еще труднее. Она может развернуть свои силы для обороны и без субсидий Англии, так как все будут сражаться на своей земле, защищая свое собственное существование, одна лишь Россия должна будет послать свои войска в соседние страны, но тогда она скорее сможет обойтись без денежной помощи и ей будет достаточно уверенности в том, что она может рассчитывать на твердую решимость окружающих ее государств ни в коем случае не дать общему врагу проникнуть в их пределы.

Я даю здесь это описание, впрочем, строго соответствующее истине, настоящего положения моей империи не для того, чтобы выставить в возможно более выгодном свете принятое мною решение изменить это положение; мне известны все права Англии на энергичную и искреннюю помощь, которую ей должны оказать по собственному побуждению государства, являющиеся ее союзниками, когда она выступает в защиту попранных прав наций и независимости Европы. Я также нисколько не намерен скрывать огромное участие, проявляемое мной к страданиям этой части Европы, стонущей сейчас под игом Бонапарта. Я считаю, что оборонительные преграды, воздвигнутые до настоящего времени благодаря заботам России, не могли бы изменить это положение вещей и что Бонапарт, возможно, еще долго будет проводить ловкую политику, заключающуюся в том, чтобы довольствоваться властью над уже покоренными им странами, и будет воздерживаться от развязывания континентальной войны для осуществления своих дальнейших планов. Для меня важно, однако, чтобы знали, что если я отступаю от линии, которой придерживался, то меня к этому побуждает не какой-либо страх или личная необходимость; я принял это решение лишь потому, что хорошо знал о воодушевляющих лондонский двор чувствах справедливости и умеренности и с единственной целью сотрудничать с ним в деле проведения в жизнь великодушных и справедливых принципов, которые одни только могут обеспечить прочное и действительное благополучие всех государств Европы. Именно этими принципами руководствовались при составлении подписанного сегодня акта *. Мои намерения чисты, и тем большей была моя радость, когда я увидел, что они закреплены в соглашении, которое я рассматриваю как краеугольный камень здания, которое будет воздвигнуто совместными усилиями России и Англии для процветания Европы.

Никаких серьезных возражений соответствующими уполномоченными выставлено не было, и документ был бы подписан почти без обсуждения, если бы не встретилось одно затруднение, которое чуть не сорвало все дело.

Те же чувства и те же стремления, которые побудили меня вступить в тесный союз с его британским в-вом против Франции, заставили меня также принять предложение послать полномочного представителя в Париж, чтобы предложить мир Бонапарту, прежде чем прибегнуть к крайним мерам против него[176]. Я даже счел обстоятельство, давшее основание для этой просьбы лондонского двора[167], счастливым случаем, который самым справедливым и естественным образом приводил к выступлению против Бонапарта и давал могучее, быть может, единственное оружие для того, чтобы побудить континентальные державы подняться против Франции. Таким образом, этот демарш должен был определяться не столько надеждой добиться немедленного мира, сколько впечатлением, которое он должен произвести в Европе. Для того чтобы он не был фальшивым шагом, предложения, которые следовало сделать

Бонапарту, должны были быть отмечены печатью умеренности и справедливости. План[169], предложенный моими уполномоченными, был разработан на основе того, что является существенно необходимым для безопасности Европы. Он встретил возражения со стороны лорда Гоуэра лишь по одному пункту, а именно, относительно Мальты; он упорно хотел дополнить этот пункт оговоркой, сводившей, так сказать, на нет все его значение. После того как мои уполномоченные исчерпали все возможные аргументы, чтобы побудить английского посла пойти навстречу моим пожеланиям, я увидел, что он готов был скорее прервать переговоры, чем согласиться эвентуально на очищение Мальты в случае немедленного замирения. Я бы сам прервал всякое дальнейшее обсуждение, если бы я мог полагать, что английское правительство разделяет в этом отношении мнение своего посла; но, поскольку я считаю, что это исключительно его личное мнение, и глубоко убежден в том, что его британское в-во не станет колебаться в выборе между обладанием Мальтой, которую он однажды уже уступал, и возвращением Европе безопасности и мира без единого выстрела, я не допустил, чтобы личное мнение лорда Гоуэра обратилось во вред его двору и всей Европе. Вследствие этого я повелел моим уполномоченным подписать договор с этой оговоркой, заявив одновременно послу, что это делается единственно потому, что я умею отличать мнения его правительства от его личных и что, более того, я требую, чтобы ни один двор не был осведомлен об этой оговорке, и оставляю за собой право объясниться относительно ее непосредственно с его британским в-вом. Именно это я и делаю, направляя Вам данный рескрипт. Будучи убежден, что малейшая задержка нанесла бы величайший вред делам либо по причине позднего времени года, либо потому, что из этого могут сделать вывод о том, что наши дворы не смогли договориться между собой, что немедленно оказало бы пагубное влияние на поведение других держав, я велел подписать эту оговорку, надеясь, однако, на то, что она не будет иметь никакой силы и что его британское в-во поспешит известить меня, так же как и моего уполномоченного, что он принимает статью в том виде, в каком она первоначально была составлена.

Непосредственное объяснение с двором, при котором Вы пребываете, оставалось для меня единственным возможным способом не срывать переговоры. Не следует думать, что я лично придаю хоть малейшее значение тому, чтобы Мальта больше не находилась в руках англичан; напротив, с точки зрения торговых и политических интересов России ей было бы выгодно, чтобы они там оставались, и я бы весьма желал не нести тягостной и связанной с большими расходами обязанности быть стражем этой скалы; но Мальта считалась причиной нынешней войны; никогда, однако, Англия не говорила, что она хочет сохранить этот остров, после того как она его однажды уже уступила. Она постоянно заявляла, что хочет лишь иметь достаточные гарантии того, что Мальта не попадет в руки французов; я предлагаю ей наилучшие возможные гарантии этого, и, если бы я нашел какой-либо другой способ дать их, я с готовностью принял бы его. Было абсолютно необходимо прибегнуть к подобному средству: английское правительство в настоящий момент не может, не впадая в явное противоречие, утверждать, что оно искренне хочет мира, и в то же время заявлять, что оно желает любой ценой сохранить Мальту, так как заранее ясно, что это условие уже сейчас сделало бы мир абсолютно невозможным; мнение всей Европы на этот счет единодушно и основывается на аргументах, слишком очевидных, чтобы их нужно было перечислять. Демарш, который мы хотим предпринять по отношению к Бонапарту, имеет целью доказать всей Европе, что заключить мир с ним невозможно. Только убеждение в этом заставит действовать Австрию и, может быть, обеспечит нам сотрудничество Пруссии. Но что подумали бы эти державы, если, взяв на себя такие переговоры, я не предвидел бы, что невозможно заключить мир, желая оставить Мальту в ее теперешнем положении? Я оказался бы скомпрометированным перед ними, перед всей Европой, и, более того, я лишился бы надежды направлять их политику и действия. Нельзя не ответить тем или иным образом на предложение[167], с которым Франция обратилась к Англии. Если этот ответ по своему характеру не будет способен оказать наилучшее действие, операции против Франции начнутся в неблагоприятных условиях, и их начало никоим образом не сможет обещать удовлетворительных результатов. Вместо того чтобы доказать, что мы искренне стремимся к миру, эти наши предложения свидетельствовали бы об обратном; вместо того чтобы склонить всеобщее мнение на нашу сторону, мы восстановили бы его против себя. Меня могли бы тогда с полным основанием упрекнуть в том, что я сам отклонился от провозглашенных мною принципов умеренности и справедливости, а я хочу, чтобы мне не могли сделать такого упрека. Этого было бы достаточно, чтобы я потерял доверие, которое мне, быть может, удалось приобрести в Европе, в то время как только при наличии такого доверия я могу надеяться объединить главные континентальные державы против общего врага. Одним словом, хотя я считаю, что вопрос об о. Мальта сам по себе не имеет, конечно, такого большого значения, чтобы от него зависела судьба всей Европы, однако обстоятельства, сопутствовавшие этому делу, таковы, что если бы в настоящий момент мы разошлись с его британским в-вом во мнениях на этот счет, то, по моему убеждению, это привело бы к самым неприятным последствиям. К тому же я действовал бы против моих убеждений и велений сердца и не мог бы считать, что мои действия будут выглядеть обоснованными в глазах Европы и моих подданных, если бы я вступил в войну из-за этого принципа и по одной этой причине; вот почему Вам следует настаивать на включении в ратификационные грамоты этой статьи без какой-либо оговорки, и, если во-

вреки всякому ожиданию лондонский двор категорически отвергнет эту просьбу, Вы должны будете поставить его в известность, что, несмотря на мое горячее желание сотрудничать с его британским в-вом в деле спасения Европы, я вынужден буду отказаться ратифицировать подписанные здесь акты. В случае, если же это не побудит британское министерство пойти навстречу моим пожеланиям, Вы должны будете немедленно уведомить об этом меня, а также г-на Новосильцева, если Вам станет известно о его отъезде отсюда. Он будет снабжен предварительными инструкциями относительно образа действий, которому нужно будет следовать в этом случае; но я совсем не думаю, что он будет вынужден использовать их, и я нисколько не сомневаюсь в том, что мои ожидания ни в коей мере не будут обмануты и что полная откровенность моих объяснений еще более докажет его британскому в-ву мое желание немедленно устранить все, что могло бы вызвать малейшее расхождение во мнениях между нами.

Пребываю. . .

Александр***

Получено с курьером Беренсом
27 апреля (9 мая) 1805 г.

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов Александру I

7(19) апреля 1805 г.

Сообщает о готовности Ибрагим-хана Карабахского (Шушинского) и Селим-хана Шекинского (Нухинского) вступить в российское подданство. Для защиты владений Селим-хана от нападений Мустафа-хана Ширванского направлен отряд русских войск.

АКАК, т. II, стр. 701—702.

119. Александр I послу в Вене А. К. Разумовскому

10(22) апреля 1805 г.

Monsieur le conseiller privé actuel comte de Razoumoffsky. Vous avez déjà été préalablement instruit des termes où en étaient mes négociations avec la cour de Londres[10]. Aujourd'hui mon ministère Vous fait parvenir la transaction qui a été signée ici par mes plénipotentiaires et celui de s. m. britannique (avec toutes les pièces et actes qui en dépendent) *. Vous vous empresserez de les communiquer au ministère de s. m. impériale et royale et Vous ne manquerez point d'appeler toute son attention sur le soin particulier que j'ai mis à combiner les engagements, que je viens de prendre, avec ceux qui me liaient précédemment à la cour de Vienne **. La manière, dont est réglé l'objet des subsides, ne diffère que peu des désirs qu'elle m'avait annoncés, et l'Angleterre a pleinement adhéré aux articles qui concernent les acquisitions territoriales que l'Autriche s'est réservées à l'issue de la guerre[1*]. Je me flatte d'après cela que l'empereur et roi verra dans cette transaction un témoignage réitéré de mon amitié; qu'il reconnaîtra les avantages des nouveaux liens que j'ai formés et qu'il ne fera point de difficulté d'y adhérer et de donner sans perte de temps au comte de Stadion les instructions et les pouvoirs nécessaires pour signer ici son acte d'accession. La seule considération, qui pourrait arrêter s. m. impériale et royale, est que les secours pécuniaires, auxquels le cabinet de St. James s'est engagé, ne sont promis que dans le cas où d'ici à 4 mois elle ferait agir ses forces contre la France. Cette objection est d'une si haute importance, elle tient si essentiellement aux déterminations, que les grandes puissances sont obligées de prendre pour le salut de l'Europe, que je crois indispensable de m'y arrêter plus particulièrement.

La question se réduit à savoir si l'Autriche souffrira tous les envahissements de Bonaparte ou bien prendra la résolution de s'y opposer. (Cette puissance s'est

---

* См. док. 117.
** См. док. 63.

engagée envers moi à employer ses forces contre la France dans des cas prévus; il en est d'autres où son intérêt le plus direct lui en fait une loi indispensable; enfin le cas d'une agression contre les Etats autrichiens peut se présenter et ne laisserait plus aucune alternative entre une soumission entière et une résistance énergique. La cour de Vienne ne saurait se dissimuler que l'un de ces cas existe en ce moment par la réunion de l'Italie à la domination française et que les autres peuvent arriver très incessamment). Obligée alors d'agir contre la France, les premières lois de la prudence ne lui commandent-elles pas de choisir pour s'y décider le moment le plus propice, celui qui promet le plus de chances favorables? L'Autriche avoue qu'elle ne peut rien entreprendre contre l'ennemi commun sans les secours pécuniaires du roi d'Angleterre; ce souverain les lui fournit sur-le-champ si elle veut se prononcer; elle croit avoir besoin pour résister à Bonaparte d'une partie de mes forces, et je les offre immédiatement. Comme le cabinet de Vienne a montré quelque appréhension sur le parti que la Prusse embrasserait si la guerre venait à éclater, non seulement je me suis engagé à surveiller la conduite de cette puissance, mais la résolution, qu'elle vient de prendre de ne point reconnaître encore le nouveau titre de Bonaparte, et d'autres circonstances me font espérer, dans le cas d'une guerre continentale, que je parviendrai à la conduire selon nos vues. Toutes ces circonstances réunies ne prouvent-elles point que le moment actuel est le plus favorable pour que l'Autriche prenne un parti décisif, ou du moins pour qu'elle se prépare à agir incessamment avec vigueur contre la France. Si on laisse échapper ce moment, je le demande à la conviction de s. m. impériale et royale, quand et comment se flatte-t-elle de réunir des moyens suffissants pour pouvoir résister aux projets ultérieurs de Bonaparte? Les circonstances actuelles présentent à la cour de Vienne deux chances également avantageuses; la première est d'adhérer à la négociation de paix qui va s'ouvrir à Paris[176] et de profiter du loisir qu'elle donnera pour mettre ses forces sur un pied respectable, tandis que mes armées se rassembleront sur mes frontières et pourront se joindre à celles de l'empereur et roi à sa première réquisiton. La seconde est de se prononcer avec fermeté contre l'asservissement de l'Italie que Bonaparte vient d'effectuer en s'arrogeant le titre royal et qu'il se prépare à soutenir par la force des armes. L'Autriche ne peut tolérer cet envahissement qu'en renonçant à tous les droits que lui donnent ses traités avec la France. Les armements de Bonaparte en Italie autorisent ceux de s. m. impériale et royale et comme ses propres moyens lui paraissent insuffisants, elle peut et doit avoir recours à ses alliés. Je suis prêt à faire marcher immédiatement dans ses Etats des forces considérables et si cette mesure, pleinement autorisée par les empiétements successifs de Bonaparte, le déterminait à une attaque soudaine, mes troupes se seraient au moins déjà rapprochées du théâtre de la guerre et se trouveraient plus à portée de soutenir les efforts des armées autrichiennes. Le commencement des opérations a été préalablement fixé à 4 mois; ce terme a été jugé nécessaire pour connaître ce qu'on peut attendre des ouvertures qui vont être faites à Paris et suffisant pour mettre les diverses armées en état d'agir; mais sa dernière fixation devant dépendre principalement de l'issue des négociations à Paris et du plan de campagne, l'époque pourra en être réglée définitivement dans l'acte d'accession de s. m. impériale et royale. Le plus essentiel est que l'année présente ne s'écoule pas sans avoir commencé les opérations; car s'il en était autrement il en faudrait plus se flatter de pouvoir rien effectuer contre la France. L'Angleterre, ne voyant aucun accord dans les puissances continentales, serait obligée de songer à une paix partielle, et moi-même, qui suis empressé maintenant de contribuer par les efforts puissants au salut de l'Europe, je serais forcé de m'avouer qu'ils sont inutiles, puisque les puissances les plus exposées aux affronts et aux envahissements de la France ne veulent point me seconder avec

énergie. Je déplorerais le sort qui attend mes co-Etats, mais je m'en consolerais, quoique difficilement, par la conviction d'avoir fait tout ce qui dépendait de moi pour opposer une barrière efficace aux bouleversements ultérieurs dont l'Europe est menacée en m'y portant avec d'autant plus de désintéressement que la position de mes Etats les met encore pour longtemps à l'abri de toute atteinte directe de la part de la France.

Si j'insiste auprès de l'Autriche, c'est que son salut l'exige non moins que celui de toute l'Europe, et Vous aurez soin de ne rien négliger pour ouvrir les yeux au cabinet de Vienne sur les dangers dont s. m. impériale et royale va être assaillie, si elle se refuse à l'évidence des raisons qui ne lui permettent plus de biaiser avec Bonaparte. Celui-ci commencera la guerre aussitôt qu'il y trouvera son intérêt, et si ce fléau doit atteindre la monarchie autrichienne, ne vaut-il pas mieux que ce soit dans le moment actuel où elle peut compter sur des secours considérables de la part d'alliés sûrs et puissants, que plus tard où s. m. britannique, après avoir vu la nécessité et trouvé son avantage à terminer la guerre sans s'occuper des intérêts du continent, déclarerait ne plus être disposée à fournir une assistance subsidiaire aux puissances de l'Europe qui voudraient s'élever contre la France.

Je suis...

Alexandre***

Par l'asses[seur] Boulhakoff
le 24 av[ril] (6 mai) 1805.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Г-н действительный тайный советник граф Разумовский. Вы уже предварительно были извещены о положении, в котором находятся мои переговоры с лондонским двором[190]. Сегодня мое министерство посылает Вам соглашение, которое было подписано здесь моими уполномоченными и уполномоченным его британского в-ва, а также все документы и акты, к нему относящиеся *. Вам следует незамедлительно передать их министерству его императорского и королевского в-ва, и Вы не преминете обратить его внимание на особое старание, приложенное мною для того, чтобы согласовать только что принятые мною обязательства с теми, которые связали меня раньше с венским двором **. Вопрос о субсидиях разрешен почти в полном соответствии с выраженными им пожеланиями; Англия полностью согласилась со статьями, касающимися территориальных приобретений по окончании войны, которые выговорила себе Австрия[19]. Вследствие этого я льщу себя надеждой, что император и король увидит в этом соглашении новое доказательство моей дружбы, что он признает преимущества новых установленных мною связей, что он охотно присоединится к ним и, не теряя времени, даст графу Стадиону указания и необходимые полномочия для подписания здесь акта о присоединении. Единственное соображение, которое могло бы остановить его императорское и королевское в-во, заключается в том, что денежная помощь, которую обязался предоставить сент-джемский кабинет, обещана лишь в том случае, если в течение четырех месяцев с настоящего времени Австрия выступит против Франции. Это имеет столь большое значение и так тесно связано с решениями, которые великие державы обязаны принять для спасения Европы, что я считаю необходимым остановиться на этом более подробно.

Вопрос сводится к тому, смирится ли Австрия с захватническими действиями Бонапарта или же примет решение воспротивиться им. (Эта держава обязалась по отношению ко мне использовать свои силы против Франции в определенных случаях; в ряде других случаев этого будут требовать ее самые насущные интересы; наконец, может иметь место нападение на австрийские владения, и в этом случае ей придется выбирать лишь между полным подчинением и энергичным сопротивлением. Венский двор не может не признать, что один из этих случаев имеет место в данный момент в результате подчинения Италии французскому господству, а другие случаи могут возникнуть незамедлительно). Раз он должен будет тогда действовать против Франции, то не предписывают ли ему основные законы предусмотрительности выбрать для этого решения наиболее удобный момент, тот, который обещает больше всего благоприятных шансов? Австрия признает, что она ничего не может предпринять против общего врага без денежной помощи английского короля,— этот государь

*** Контрассигновано А. А. Чарторыйским.

немедленно окажет ей эту помощь, если она примет определенное решение; она считает, что для оказания сопротивления Бонапарту ей нужна часть моих сил, и я их немедленно предоставлю. Поскольку венский кабинет выразил некоторые опасения относительно того, чью сторону примет Пруссия, если разразится война, я не только обязался следить за поведением этой державы, но, кроме того, учитывая только что принятое ею решение — все еще не признавать нового титула Бонапарта — и другие обстоятельства, я имею основания надеяться, что в случае континентальной войны мне удастся направить ее согласно нашим планам. Разве все эти обстоятельства, вместе взятые, не доказывают, что данный момент является наиболее благоприятным для принятия Австрией окончательного решения или, по крайней мере, для того, чтобы она подготовилась к немедленным энергичным действиям против Франции. Если упустить этот момент, то — спрашиваю я у его императорского и королевского в-ва — как и когда он надеется собрать достаточные силы для того, чтобы быть в состоянии сопротивляться дальнейшим проектам Бонапарта? Обстоятельства данного момента предоставляют венскому двору две равно благоприятные возможности: первая — принять участие в мирных переговорах, которые в ближайшее время откроются в Париже[176], и использовать это время для того, чтобы подготовить внушительные силы, тогда как мои армии будут стянуты к границам и смогут присоединиться к армиям императора и короля по первой же его просьбе. Вторая возможность заключается в том, чтобы твердо выступить против порабощения Италии, которое только что осуществил Бонапарт, присвоив себе королевский титул, и которое он готовится поддерживать силой оружия. Австрия может примириться с этим захватом, лишь отказавшись от всех прав, которые ей дают ее договоры с Францией. Вооруженные приготовления Бонапарта в Италии дают основания для подобных приготовлений со стороны его императорского и королевского в-ва, и, поскольку его собственные силы кажутся ему недостаточными, он может и должен прибегнуть к помощи своих союзников. Я готов немедленно направить значительные силы в его владения, и, если эта мера, всецело оправданная непрестанными захватами Бонапарта, побудит его к неожиданному нападению, мои войска будут, по крайней мере, уже вблизи театра военных действий и будут иметь большую возможность поддержать усилия австрийских армий. Предварительно было условлено начать операции через четыре месяца; этот срок был признан необходимым для того, чтобы знать, чего можно ожидать от предложений, которые будут сделаны в Париже, и достаточным для того, чтобы привести армии в готовность, но, поскольку окончательное установление этого срока должно зависеть главным образом от исхода переговоров в Париже и от плана кампании, он может быть окончательно определен в акте присоединения его императорского и королевского в-ва. Самое важное заключается в том, чтобы операции начались до конца этого года, так как иначе нельзя будет больше надеяться предпринять что-либо против Франции. Англия, не видя никакого согласия между континентальными державами, будет вынуждена думать о сепаратном мире, и даже я, преисполненный сейчас готовности активно способствовать спасению Европы, тоже буду вынужден признать, что мои усилия бесполезны, поскольку державы, наиболее подвергающиеся оскорблениям и посягательствам со стороны Франции, не хотят энергично поддержать меня. Я буду оплакивать судьбу, ожидающую моих союзников, но я, хотя и с трудом, найду утешение в сознании того, что я сделал все от меня зависящее, чтобы поставить действительную преграду дальнейшим потрясениям, угрожающим Европе, причем добивался этого тем более бескорыстно, что в силу положения моих владений они еще долго будут находиться в безопасности от непосредственного нападения со стороны Франции.

Если я проявляю настойчивость по отношению к Австрии, то потому, что ее спасение требует этого не в меньшей степени, чем спасение всей Европы, и Вы должны сделать все возможное, чтобы открыть венскому кабинету глаза на те опасности, которые тотчас же обрушатся на его императорское и королевское в-во, если он не согласится с доводами, которые столь очевидно свидетельствуют о невозможности для него и дальше действовать окольными путями по отношению к Бонапарту. Последний начнет войну, как только он сочтет, что это ему выгодно, и если это бедствие должно постичь австрийскую монархию, то не лучше ли было бы, чтобы это произошло в данный момент, когда она может рассчитывать на значительную помощь со стороны надежных и могущественных союзников, чем позже, когда его британское в-во, сочтя, что необходимо закончить войну, найдя это более выгодным для себя и не заботясь об интересах континента, заявит, что он больше не желает предоставлять денежную помощь европейским державам, которые хотели бы выступить против Франции.

Пребываю...

А л е к с а н д р ***

С асессором Булгаковым, 24 апреля (6 мая) 1805 г.

120. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

11(23) апреля 1805 г.

Monsieur le comte! Par l'article II du concert existant entre la Russie et l'Autriche * il a été convenu qu'on ne négligerait aucune occasion et facilité pour se mettre en état de coopérer d'une manière efficace aux mesures actives qui seraient jugées nécessaires pour prévenir des dangers qui menaceraient immédiatement la sûreté générale de l'Europe.

L'empereur, envisageant l'élévation de Bonaparte au trône d'Italie comme un de ces événements qui par leur nature doivent motiver l'opposition énergique des deux cours impériales, ne néglige rien de ce qui est nécessaire pour mettre les forces russes à même de coopérer promptement avec celles de l'Autriche. Ne pouvant douter que cette puissance ne se prépare de son côté à opposer à Bonaparte une résistance sérieuse, s'il voulait effectuer une attaque pour soutenir ce nouvel envahissement, s. m. désirerait savoir en quoi consistent les mesures prises à cet effet en Autriche et quelle étendue on se propose de leur donner et surtout si l'on continue celles qui nous avaient été précédemment annoncées et qui devaient s'effectuer sous le prétexte de rassemblement d'un camp d'exercice et à quel point elles sont arrivées. Vous voudrez bien, Mr le comte, en faire l'objet de Vos entretiens avec Mr le vice-chancelier comte de Cobenzl et instruire s. m. avec détail et précision de ce qui Vous aura été communiqué sur la nature de ces préparatifs.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Par l'ass[esseu]r. Boulhakoff le 24 av[ril] (6 mai) 1805.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Г-н граф! Статьей II соглашения, существующего между Россией и Австрией *, было установлено, что стороны воспользуются всяким удобным случаем и возможностью, дабы приготовиться споспешествовать осуществлению тех деятельных мер, кои они за благо найдут предпринять к предупреждению опасностей, если оные за сим угрожать будут общей безопасности Европы.

Император, рассматривая вступление Бонапарта на трон Италии как одно из тех событий, которые по своему характеру должны вызвать энергичное противодействие обоих императорских дворов, делает все необходимое для того, чтобы русские силы были готовы быстро приступить к совместным действиям с австрийскими силами. Поскольку нельзя сомневаться в том, что названная держава со своей стороны готовится оказать серьезное сопротивление Бонапарту, если бы последний захотел совершить нападение для того, чтобы поддержать этот новый захват, е. в-во желал бы знать, какие именно меры приняты с этой целью в Австрии, какой размах предполагается им придать и, в особенности, продолжается ли осуществление объявленных нам ранее мер, которые должны были проводиться под предлогом лагерного сбора, и в какой стадии они находятся. Соблаговолите, г-н граф, побеседовать по этому вопросу с г-ном вице-канцлером графом Кобенцлем и подробно и точно известить е. в-во о том, что Вам будет сообщено о характере этих приготовлений.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

С асессором Булгаковым, 24 апреля (6 мая) 1805 г.

---

* См. док. 63.

121. Замечания Министерства иностранных дел России по австрийскому проекту плана военных действий

*24 апреля (6 мая) 1805 г.**

Le plan[191], que le cabinet de Vienne a fait remettre à celui de Pétersbourg, sert de nouvelle preuve de la confiance intime qui subsiste entre les deux cours impériales, et si la nouvelle guerre, par laquelle on se propose de mettre un frein à l'ambition de Bonaparte, doit avoir un heureux succès, ce n'est que de la continuation de cette confiance qu'il faudra l'attendre. En partant de ce principe, on va répondre audit plan sans déguisement en le suivant point par point, afin de lever, autant que possible, les difficultés qui semblent jusqu'à présent arrêter le cabinet d'Autriche.

Il est commencé dans ce plan par poser en fait *que les forces réelles des Français, d'après la nouvelle organisation, montaient à* 598.084 *et avec celles dont ils peuvent disposer à* 651.964 *hommes*. Le cabinet de Pétersbourg a lieu de croire qu'il s'en faut de beaucoup que l'armée française soit complète selon cette organisation, vu la peine qu'a le gouv[ernemen]t français, et les violents moyens qu'il est contraint d'employer pour faire marcher les nouveaux conscrits qui de toutes les manières tâchent d'éviter le service militaire. L'assistance de leurs auxiliaires est plus incertaine encore, puisque la plupart ne servent qu'à contre-cœur, et que, pour les faire agir, il faut toujours y joindre un plus grand nombre des Français qui les surveillent **.

Si on joint à cela, bien qu'il soit vrai en général que les Anglais ne pourraient pas exécuter un grand débarquement pour faire de ce côté une guerre régulière en France, que néanmoins ils peuvent occuper un bon nombre de troupes françaises en menaçant de descente tous les points abordables sur le Bas-Elbe, sur le Weser, sur les côtes d'Hollande, de la Flandre et de la France, tant le long de l'Océan que dans la Méditerranée, et de l'Italie enfin, les Français seront naturellement obligés d'avoir partout des troupes et de diviser leurs forces, d'autant plus qu'ils ne peuvent plus se fier sur la bonne volonté des habitants, et cette dernière raison est la même p[ou]r tout l'intérieur, puisqu'au moindre revers Bonaparte a pour le moins autant à craindre de la haine cachée qui règne contre lui que de la guerre ouverte, en sorte qu'il n'est pas probable qu'un gouvernement encore mal affermi, dans un pays rempli de mécontents, voulût s'exposer, en dégarnissant de troupes ses provinces intérieures, à voir recommencer ses guerres civiles ***.

Il s'en suit que jamais les Français ne seront en état, à beaucoup près, d'opposer aux puissances coalisées une force de 500 mille hommes et qu'on en pourra défalquer peut-être un tiers. Après quoi les 250 mille Autrichiens soutenus de 115 mille Russes ne donneront plus une disproportion aussi effrayante. Ajoutez qu'on a partout les habitants pour soi, puisque la guerre doit se faire principalement dans des pays conquis où les Français se sont fait généralement détester et où, à chaque pas qu'on fera en avant, on augmenterait ses forces, tandis que celles de l'ennemi diminueraient justement en sens contraire de ce qui a eu lieu quand l'opinion des peuples était différente.****

Du calcul désavantageux fait dans le plan de la cour de Vienne et que nous avons relevé on y a tiré pour conclusion: 1) «que les avantages du terrain que la France trouve dans sa position géographique, tant pour la défensive que pour

---

* Дата установлена по архивным материалам.

** Текст: «L'assistance... surveillent» — в публикации *Garden*, «Histoire générale des traités de paix» отсутствует.

*** Текст: «...d'autant plus... civiles» — у Garden'a отсутствует.

**** Текст: «Ajoutez... différente» — у Garden'a отсутствует.

l'agression, feraient désirer la conservation de la paix jusqu'à des conjonctures plus favorables».

Cette raison serait très solide et vraie, si raisonnablement on pouvait se flatter que dans la suite du temps ces conjonctures deviendraient plus favorables, que la cour de Vienne pût, en attendant, se préparer et augmenter ses forces en secret et que du reste les affaires ne changeassent pas de position.

Mais en temporisant, Bonaparte affermit de jour en jour son gouvernement et accroît sa puissance par l'organisation en sa faveur de toute la Lombardie et de Parme; la position géographique ne paraît pas changer en faveur de l'Autriche, mais bien au contraire. Outre qu'il n'y a rien de plus dangereux que la politique du gouvernement français qui toujours a su plus gagner par ses négociations que par ses armes. Si on compte les batailles livrées dans la dernière guerre, on trouvera que les Français en ont perdu pour le moins autant qu'ils en ont gagné; mais c'est toujours dans les intervalles d'une époque à l'autre et pendant les soi-disantes paix qu'ils ont su étendre leur domination.

On est donc fermement persuadé que la cour de Vienne, en consultant ses vrais intérêts, ne doit pas hésiter à commencer la guerre le plus tôt possible et qu'elle doit faire tous ses efforts pour empêcher que Bonaparte ne consolide sa puissance. Sûre de l'assistance de la Russie et de celle de l'Angleterre, elle ne pourra jamais trouver de conjonctures plus favorables. Le cabinet de Londres n'est pas en état de continuer la guerre seul sur le pied qu'il l'a faite jusqu'à présent. Aussi ce cabinet ne l'a-t-il pas dissimulé.

Mettons que la cour de Londres, voyant que les puissances continentales ne veulent rien faire, quitte enfin aussi la partie (et elle a de quoi faire sa paix), quelles en seront les suites et quelle sera alors la position de l'Europe ? Une fois cette paix faite, il ne sera pas aisé d'entraîner derechef l'Angleterre dans une guerre aussi coûteuse. Et laquelle des grandes puissances y perdrait le plus? Certainement l'Autriche qui, pour lors, sans avoir le secours des subsides anglais, se trouverait enfermée d'un côté par les Français, dont le gouvernement sera affermi, et de l'autre par la Prusse, ouvertement favorisée par ce gouvernement*****.

La seconde conclusion avancée dans ledit plan porte: «Qu'en cas d'une guerre inévitable, les cours alliées devraient agir avec les efforts les plus énergiques». En ceci le cabinet de Vienne a grandement raison; mais on croit qu'il n'en a aucune pour pouvoir supposer un moment qu'on le laisserait seul dans l'embarras. La loyauté de s. m. l'empereur de Russie est trop connue pour pouvoir laisser à cet égard une ombre de méfiance, et le ministère anglais n'irait pas non plus jeter en pure perte des sommes aussi immenses, si son intention n'était pas irrévocablement arrêtée.

A la suite de cette seconde conclusion, on mentionne trois points qui devraient coopérer ensemble pour préparer les grands moyens nécessaires pour effectuer ces efforts énergiques, savoir: le militaire, les finances et la politique.

1) «Quant au militaire, on compte que ce point deviendrait inutile, si les armées autrichiennes n'entraient pas avec plus de 300 mille hommes en campagne».

On a une trop grande opinion des ressources de la cour de Vienne pour se permettre de douter que l'armée autrichienne ne puisse être portée en peu de temps sur un pied assez respectable pour entrer en campagne avec des forces suffisantes, puisque étant alliée avec la Russie et sûre de cette cour, elle n'aura à faire qu'à la France seule, sans avoir grand besoin d'observer la Prusse.

Il est bien vrai que les Français, sitôt qu'ils verront que la guerre est inévitable, ne tarderont pas à se mettre en mouvement et que l'Autriche aura à

***** Текст: «Le cabinet de Londres... par ce gouvernement» — у Garden'a отсутствует.

soutenir un premier choc jusqu'à ce que les troupes russes aient pu les joindre; mais comme celles-ci sont prêtes à marcher, on en pourra tout de suite détacher un corps qui forcerait de marche pour venir aider à couvrir les Etats héréditaires et arrêter d'abord la première impétuosité du torrent.

2) Le second point, savoir *les finances*, présente un obstacle qui en grande partie doit être levé par les subsides de l'Angleterre. Au reste il est sûr qu'en ceci, aussi bien que pour ce qui concerne le complètement de l'armée, on doit supposer que la cour de Vienne emploiera tous ses moyens et toutes ses ressources.

Sur cet article il est encore à observer que les finances de la France, malgré ce qu'on en publie, ne peuvent pas non plus être dans un état fort brillant et qu'on ne conçoit pas d'où elle tirerait les fonds pour fournir à tous les frais d'une guerre pareille. Depuis la rupture avec les Anglais elle a déjà absorbé le produit de la vente de la Louisianne, les subsides de l'Espagne et du Portugal, les réquisitions fournies par les pays d'Hannovre, la Hollande et le royaume de Naples, et Bonaparte ne peut plus tirer de secours que des pays ruinés pour les trois quarts et qui certainement ne fourniront pas de bon cœur le peu qui leur reste. D'ailleurs la France a perdu sa colonie principale et presque tout son commerce, en un mot, ses plus grandes ressources.

3) La politique, qui fait donc le troisième point, exigerait «de porter la Prusse à se lier avec franchise au système des deux cours impériales, et si on ne parvient pas à gagner la Prusse, de temporiser et de préparer un moment favorable».

Certainement, si on pouvait engager la cour de Berlin à faire cause commune, on pourrait se flatter de faire de grandes choses, même sans efforts extraordinaires, parce qu'alors les Français se verraient attaqués depuis la Baltique ou depuis l'Elbe, jusqu'au fond de la botte d'Italie, auquel cas il leur serait impossible de faire face à tout.

On ne sait pas quel sera le résultat décisif des négociations qui se font actuellement à Berlin ******, mais supposé qu'elles ne réussissent pas et qu'on dût commencer la guerre sans cette cour, alors, il n'y aurait encore de dangereux que le premier choc, auquel il faudra subvenir par la marche forcée de la première colonne russe, dont il a été parlé plus haut *******.

Le contingent de la Russie serait en tout de 115 mille hommes. Si on en déduit jusqu'à 25 mille pour le royaume de Naples, il en resterait 90 mille pour agir en Allemagne, dont on pourra convenablement former deux armées, l'une de 50 mille hommes rassemblée [sur] ou à portée des frontières de la Gallicie vis-à-vis de Lemberg, et l'autre de 40 mille le long du Boug vis-à-vis de Lublin.

La première de ces deux armées pourrait détacher, dès la première apparence d'hostilités, la colonne mentionnée qui traverserait la Gallicie pour se rendre vers le Danube, afin d'aider à s'opposer aux premières tentatives des Français sur les Etats héréditaires en Allemagne. Arrivée à la hauteur de Ratisbonne, la position de l'armée autrichienne déciderait de sa destination ultérieure.

Le reste de l'armée russe suivrait immédiatement pour arriver à sa destination avec le moins de perte de temps possible.

L'autre armée prendrait sa marche par Lublin et Cracovie.

Il serait à souhaiter qu'on pût savoir par quels endroits la cour de Vienne désirerait que ces deux armées passassent de préférence, en observant qu'elles ne se croisent pas à Teschen.

****** Речь идет о переговорах о создании союза России, Пруссии и Австрии против Франции (см. прим. 150, 152, 173).

******* Текст: «3) La politique,.. plus haut» — y Garden'a отсутствует.

Quant à leur emploi, première pourrait opérer sur la rive gauche du Danube, communicativement avec celle d'Autriche sur la rive opposée, en appuyant d'abord sa gauche sur Donauwert.

La seconde armée arrivée en Bohème se porterait en Franconie ou partout ailleurs où l'état des choses l'exigera.

Il est à observer ici qu'à mesure que la frontière de Russie du côté de la Prusse aura été dégarnie, il conviendra d'y faire marcher d'autres troupes, tant pour avoir une grande réserve que pour observer cette puissance, ce qui n'entre pas en ligne de compte des 115 mille h[ommes].

Pour ce qui est de temporiser, on a déjà remarqué ci-dessus combien tout délai est préjudiciable à l'Autriche; cependant, afin de donner le temps à cette puissance de se préparer********, le cabinet de Pétersbourg va envoyer un homme de confiance à Paris pour essayer un dernier moyen amical en offrant à Bonaparte des conditions raisonnables[176]. Au cas qu'on réussît à les faire accepter, la guerre pourra être évitée, mais, en attendant, *on ne doit rien négliger*, car il est sûr qu'on ne réussira qu'à proportion qu'on se mettra sur un pied respectable; et il faut être prêt à commencer au moment que cette négociation serait rompue.

Les raisonnements par rapport aux opérations éventuelles paraissent très bien motivés. On est d'accord que toute opération contre la frontière française le long du Rhin au-dessus et au-dessous de Mayence serait remplie de difficultés; que, dans les circonstances où l'on est, tout dépend en premier lieu de la conquête de la Suisse; qu'on peut compter trois lignes qui y mènent: une du côté du Rhin par la Suabe et le Voralberg, une autre par le Tyrol et une troisième par l'Italie; que toute tentative sur la première de ces trois lignes est dangereuse, avant qu'on soit complètement maître de cette partie de l'Allemagne et en sûreté pour le reste; que les opérations par le Tyrol sont subordonnées aux succès des autres et que c'est plutôt de la ligne d'Italie qu'il faut attendre les premiers succès réels; que c'est par conséquent vers cette partie que les principaux efforts doivent être dirigés, et, enfin, qu'après les succès simultanés ou successifs des trois armées la conquête de la Suisse pourra donner moyen d'entamer la France par la Franche-Comté, en se couvrant en deçà du Rhin par un corps d'armée considérable en Suabe, et au delà, par la prise de Belfort et de Hunningue. Tout cela, on doit en convenir, est parfaitement bien vu.

Pour ce qui est des déterminations en quoi les armées russes devraient coopérer au plan de guerre, soit amalgamées avec les armées d'Autriche, soit uniquement en concertant leurs mouvements, il semble que ce dernier parti aura le moins d'inconvénients, sauf toutefois que la cour d'Autriche suppléât à ce que les armées russes pourraient manquer d'artillerie, vu la difficulté des transports éloignés.

Au cas qu'il serait une fois arrêté que l'armée autrichienne agirait seule en Lombardie, le nettoiement du royaume de Naples et de l'Etat de l'Eglise, en un mot, de l'Italie proprement dite (dont il n'est pas particulièrement parlé dans le plan de la cour de Vienne), cette besogne pourrait rester pour le compte des Russes. On y emploierait le restant des 115 mille hommes, qui est de 25 mille, ce qui suffira, en cas de réorganisation de l'armée napolitaine et avec le soutien de la flotte anglaise, pour y remporter un succès complet.

Dans ledit plan, enfin, on n'a fait que glisser sur l'assistance de la Suède et du Dannemarc. On sent la difficulté de faire agir ces deux puissances contre les Français, au moins tant que la Prusse ne se sera pas déclarée. Secondées cependant par quelque expédition des Anglais sur le Bas-Elbe ou le Bas-Weser

******** Текст: «Pour ce qui ... se préparer» — у Garden'a отсутствует.

et renforcées de quelques régiments d'infanterie russes, peut-être elles ne laisseraient pas d'être d'un grand poids pour la bonne cause.

Si la Prusse veut se joindre à la coalition, le plan de campagne prend une tout autre tournure, surtout pour ce qui regarde les Pays-Bas et le Bas-Rhin qui font sur cette partie le côté faible des Français, comme la Franche-Comté le fait sur l'autre*********.

P[ar] Borodowitzin le 13(25) mai 1805.

Печат. по копии.
Опубл. (с купюрами) Garden, Histoire générale des traités de paix, v. 8, p. 407—411.

Перевод

План[191], который венский кабинет направил петербургскому кабинету, служит новым доказательством глубокого доверия, существующего между двумя императорскими дворами, и успех новой войны, посредством которой мы намерены обуздать честолюбие Бонапарта, будет зависеть именно от того, сохранится ли и в дальнейшем это доверие. Исходя из этого принципа, мы выскажем откровенно наши замечания по этому плану, анализируя его пункт за пунктом, для того чтобы по возможности устранить все трудности, которые, по-видимому, еще останавливают австрийский кабинет.

План начинается с утверждения, что *реальные силы французов согласно новой организации достигают 598 084 человек, а включая те силы, которые они могут иметь в своем распоряжении,— 651 964 человека*. У петербургского кабинета есть основания полагать, что еще далеко до того, чтобы французская армия была полностью укомплектована согласно этой новой организации, учитывая, что французское правительство испытывает большие трудности и вынуждено прибегать к принудительным средствам при наборе новобранцев, всячески старающихся избежать военной службы. Помощь их союзников еще более ненадежна, так как большинство из них служат против воли, и, чтобы заставить их действовать, приходится приставлять еще большее число французов для наблюдения за ними **.

Если к сказанному прибавить, что, хотя, вообще говоря, и верно, что англичане не смогут, очевидно, осуществить высадку крупных сил для ведения с этой стороны на территории Франции регулярной войны, они все же могут отвлечь на себя значительные французские силы, создавая угрозу высадки десантов на всех доступных для этого участках в районе Нижней Эльбы, на Везере, на побережье Голландии, Фландрии, Франции, как атлантическом, так и средиземноморском, и, наконец, Италии; французы будут, естественно, вынуждены держать повсюду свои войска и расчленить свои силы, тем более что они больше не могут полагаться на доброжелательное отношение населения, причем это последнее соображение верно и для всей территории самой Франции, так как при малейшей превратности судьбы Бонапарту придется опасаться скрытой ненависти против себя по меньшей мере так же, как и открытой войны; и в результате маловероятно, чтобы еще не окрепшее правительство в стране, полной недовольных, захотело бы подвергнуть себя опасности возобновления гражданских войн, выведя войска из своих внутренних провинций***.

Из этого следует, что французы никогда не будут в состоянии выставить против держав коалиции армию, численность которой была бы близка к 500 тыс. человек, и эту цифру следует уменьшить, может быть, на одну треть. Тогда не будет такого огромного несоответствия между численностью французских войск и 250 тыс. австрийцев, поддержанных 115 тыс. русских. К этому надо добавить, что везде население за нас, так как война должна вестись в основном на территориях завоеванных стран, где французы вызвали к себе всеобщую ненависть и где с каждым новым шагом вперед, в противоположность тому, что имело место, когда мнение народов было другим, наши силы будут расти, в то время как силы неприятеля будут таять****.

Основываясь на неблагоприятных результатах расчетов, сделанных в плане венского двора, на которые мы уже обратили внимание, там сделали следующие выводы: 1) «что выгодные как для наступательных, так и для оборонительных действий Франции условия местности, связанные с ее географическим положением, заставляют желать сохранения мира до более благоприятной обстановки».

Это соображение было бы очень обоснованным и правильным, если бы были основания надеяться, что в будущем эта обстановка станет более благоприятной и что венский двор за это время сможет втайне подготовиться и увеличить свои силы, а в остальном положение дел не изменится.

********* Текст: «Pour ce qui est des déterminations... sur l'autre» — у Garden'а отсутствует.

Но, пользуясь промедлением, Бонапарт изо дня в день укрепляет положение своего правительства и крепит свое могущество, организуя в своих интересах всю Ломбардию и Парму; изменения в географическом положении по всем признакам не в пользу Австрии, а скорее наоборот. Кроме того, нет ничего более опасного, чем политика французского правительства, которое умело больше выигрывать путем переговоров, чем благодаря победам своего оружия. Если подсчитать количество сражений в последней войне, то окажется, что французы проиграли их по меньшей мере столько же, сколько выиграли; зато в периоды между кампаниями и во время так называемых мирных периодов они всегда умели распространить свое господство.

Таким образом, мы твердо убеждены, что венский двор, исходя из своих подлинных интересов, не колеблясь, должен начать войну как можно скорее и приложить все усилия к тому, чтобы помешать Бонапарту укрепить свое могущество. Если учесть, что этому двору обеспечена помощь России и Англии, то нынешнюю обстановку следует считать как никогда благоприятной для него. Лондонский кабинет не в состоянии продолжать войну один, как это было до настоящего времени; он и не скрывал этого.

Предположим, что, видя нежелание континентальных держав предпринимать что-либо, лондонский двор в конце концов также выйдет из игры (а у него есть за счет чего обеспечить себе мир). Каковы будут последствия этого? И в каком положении тогда окажется Европа? Если этот мир будет заключен, то нелегко будет снова вовлечь Англию в войну, требующую таких больших затрат. Какая из великих держав проиграет больше всего в результате этого? Разумеется, Австрия, которая в этом случае не могла бы рассчитывать на английские субсидии и оказалась бы между Францией, правительство которой к тому времени укрепится, с одной стороны, и Пруссией, пользующейся открытой поддержкой со стороны этого правительства, с другой стороны*****.

Второй вывод, содержащийся в этом плане, гласит, «что в случае неизбежной войны союзные дворы должны будут действовать самым энергичным образом». В этом отношении венский кабинет абсолютно прав, но мы считаем, что у него нет никаких оснований предполагать, что его оставят одного в затруднительном положении. Верность обязательствам е. в-ва императора всероссийского слишком хорошо известна, чтобы на этот счет могло оставаться хоть малейшее сомнение; что касается английского министерства, то оно также не стало бы бросать на ветер такие большие суммы, если бы его намерения не определились окончательно.

За этим вторым выводом следуют три пункта, которые должны осуществляться согласованно в целях подготовки средств, необходимых для того, чтобы предпринять эти энергичные усилия, а именно: военная сторона дела, финансы и соображения политики.

1) «Что касается военной стороны дела, то этот пункт не стоит и обсуждать, если австрийская армия, вступая в кампанию, не будет насчитывать более 300 тыс. человек».

Мы слишком высокого мнения о ресурсах венского двора и не сомневаемся в том, что численность австрийской армии в короткий срок может быть доведена до таких внушительных размеров, чтобы она начала кампанию с достаточными силами, так как, находясь в союзе с Россией и будучи уверена в ее помощи, она будет иметь дело только с Францией и у нее не будет большой необходимости следить за Пруссией.

Мы согласны с тем, что, как только французы убедятся в неизбежности войны, они не будут медлить с выступлением и что Австрии придется сдерживать первый натиск, пока к ней не смогут присоединиться русские войска. Но поскольку последние готовы к выступлению, можно будет сразу же выделить один корпус, который пойдет форсированным маршем, чтобы помочь защищать наследственные владения и остановить первый стремительный натиск.

2) Затруднительное финансовое положение, о котором идет речь во втором пункте, является препятствием, которое в значительной мере должно быть устранено благодаря английским субсидиям. Впрочем, нужно думать, что в этом деле, так же как и в отношении укомплектования армии, венский двор использует все свои средства и ресурсы.

По этому вопросу следует заметить также, что французские финансы, что бы о них ни писали, также не могут находиться в блестящем состоянии, и трудно представить себе, откуда Франция возьмет средства, необходимые для покрытия всех расходов, связанных с ведением подобной войны. После разрыва с Англией Франция уже успела израсходовать средства, полученные ею от продажи Луизианы, субсидии Испании и Португалии и то, что было получено в порядке реквизиций от Ганновера, Голландии и Неаполитанского королевства, и Бонапарт сможет теперь извлекать средства лишь из разоренных на три четверти государств, которые, конечно, неохотно будут отдавать то немногое, что у них осталось. К тому же Франция потеряла свою главную колонию, а ее торговля почти полностью прекратилась; одним словом, она лишилась своих основных ресурсов.

3) Соображения политики, о которых идет речь в третьем пункте, требуют «побудить Пруссию искренне присоединиться к системе, которой следуют оба императорских двора, а если не удастся привлечь Пруссию на свою сторону, то нужно будет выжидать и подготавливать более благоприятный момент».

Конечно, если бы нам удалось побудить берлинский двор действовать заодно с нами, то можно было бы надеяться добиться больших успехов даже без чрезвычайных усилий, так как тогда наступление на французов велось бы по всему фронту от Балтийского моря

или от Эльбы до Итальянского полуострова, и они были бы не в состоянии отразить нападение повсюду.

Еще неизвестно, каков будет окончательный результат переговоров, которые ведутся сейчас в Берлине ******, но если даже предположить, что они не завершатся успехом и что войну придется начинать без этого двора, то и тогда будет представлять опасность лишь первый удар, отражению которого нужно будет помочь форсированным маршем первой русской колонны, о чем речь шла выше *******.

Контингент войск, выставляемых Россией, должен составлять 115 тыс. человек. Если из этого числа выделить 25 тыс. человек для Неаполитанского королевства, то для действий в Германии останется 90 тыс., из которых вполне можно будет сформировать две армии; одну из этих двух армий численностью в 50 тыс. человек можно будет сосредоточить на границе с Галицией или вблизи от нее, против Львова, а вторую из 40 тыс. человек — вдоль Буга, против Люблина.

Первая из этих двух армий при первом же признаке начала военных действий сможет выделить из своего состава вышеуказанную колонну, которая, пройдя через всю Галицию, должна будет выйти к Дунаю, для того чтобы помочь отразить первый натиск французов на наследственные владения в Германии. После того как эта колонна выйдет на линию, на которой расположен Регенсбург, ее дальнейшие действия будут зависеть от положения австрийской армии.

Оставшаяся часть русской армии выступит вслед за ней, чтобы прибыть к месту своего назначения с минимальной потерей времени.

Вторая армия будет двигаться через Люблин и Краков.

Нам хотелось бы знать, какой путь следования предпочел бы венский двор для этих двух армий, имея в виду, что они не должны встретиться в Тешене.

Что касается их использования, то первая армия могла бы действовать на левом берегу Дуная, взаимодействуя с находящимися на противоположном берегу австрийскими войсками и опираясь сначала своим левым флангом на Донауверт.

Вторая армия, прибыв в Богемию, могла бы действовать во Франконии или в любом другом месте, где это будет требоваться обстановкой.

Здесь следует заметить, что, по мере того как войска будут уходить с русско-прусской границы, туда нужно будет направлять другие части как для того, чтобы иметь значительные резервы, так и для наблюдения за Пруссией; эти войска не входят в число 115 тыс. человек.

Что касается намерения выжидать, то выше уже отмечалось, сколь вредно для Австрии любое промедление; тем не менее с целью дать этой державе время для подготовки********, петербургский кабинет отправит в Париж свое доверенное лицо, чтобы испытать последнее мирное средство, предложив Бонапарту разумные условия[176]. В случае если удастся убедить его принять их, войны можно будет избежать; однако тем временем следует активно готовиться, так как успех, безусловно, находится в прямой зависимости от того, насколько внушительные силы мы выставим; нужно быть готовыми выступить сразу же после того, как эти переговоры будут прерваны.

Соображения относительно возможных операций представляются нам хорошо обоснованными. Мы согласны, что любые операции на французской границе по Рейну, выше и ниже Майнца, будут сопряжены с большими трудностями; что в данных обстоятельствах все зависит в первую очередь от того, удастся ли захватить Швейцарию; что существует три пути, ведущих туда: один путь—со стороны Рейна, через Швабию и Форарльберг, второй—через Тироль и третий —через Италию; что какие-либо действия на первом направлении связаны с большой опасностью до тех пор, пока мы не будем полными хозяевами этой части Германии, а остальная ее часть не будет вызывать беспокойства; что операции через Тироль будут зависеть от успеха на других направлениях, и первых реальных успехов следует скорее всего ожидать от войск, действующих на итальянском направлении; что, следовательно, именно на этом направлении должны быть предприняты основные усилия; что, наконец, после одновременных или последовательных успехов всех трех армий захват Швейцарии даст возможность вступить во Францию через Франш-Конте и что для прикрытия их действий нужно будет: на этой стороне Рейна оставить сильный корпус в Швабии, а на той стороне — захватить Бельфор и Гюнинген. Следует признать, что со всем этим здесь совершенно согласны.

Что касается соображений о том, как именно русские армии должны участвовать в осуществлении плана военных действий,— будучи слиты с австрийскими армиями или только согласовывая с ними свои действия,—то нам кажется, что последнее решение будет связано с меньшими неудобствами, если, однако, австрийский двор позаботится о восполнении того недостатка в артиллерии, который может ощущаться русскими войсками в связи с трудностями дальних перевозок.

В случае если будет решено, что австрийская армия будет действовать одна в Ломбардии, то задача очищения Неаполитанского королевства и Церковной области, одним словом, собственно Италии (о чем в плане венского двора подробно не говорится), могла бы остаться на долю русских. Для этой цели можно было бы использовать оставшиеся от 115 тыс. 25 тыс. человек, которых в случае реорганизации неаполитанской армии и оказания поддержки английским флотом было бы достаточно для того, чтобы добиться там полного успеха.

Наконец, в упомянутом плане лишь мельком упоминается о помощи со стороны Швеции и Дании. Мы понимаем, что нелегко будет заставить две эти державы действовать против французов, по крайней мере до тех пор, пока Пруссия не определит свою позицию. Однако если англичане помогут им, организовав какую-либо экспедицию в район Нижней Эльбы или Нижнего Везера, и если усилить их несколькими русскими пехотными полками, то они, быть может, сыграли бы немалую роль в борьбе за правое дело.

Если Пруссия пожелает присоединиться к коалиции, то план кампании будет иметь совсем другой характер, особенно в том, что касается Нидерландов и Нижнего Рейна, являющихся слабым местом французов с этой стороны, подобно тому как Франш-Конте является таким же слабым местом с другой *********.

Получено с Бородовицыным 13(25) мая 1805 г.

122. Александр I послу в Вене А. К. Разумовскому

28 апреля (10 мая) 1805 г.

Monsieur le conseiller privé actuel comte de Rasoumoffsky. Il y a près de deux mois que j'ai demandé à la cour de Vienne une réponse précise sur ses intentions dans la crise où se trouve l'Europe*, sans avoir pu l'obtenir jusqu'ici. Cependant dans cet intervalle l'asservissement de toute l'Italie a été consommé au mépris des traités les plus solennels, et l'Autriche a persisté dans son irrésolution et balance toujours à profiter des secours considérables que je lui offre immédiatement. Voudra-t-elle attendre paisiblement sans préparatifs, sans mesures de précaution, que Bonaparte vienne lui dicter des lois au centre de la monarchie, et la crainte, que cet ambitieux lui inspire et qu'elle ne lui fait que trop apercevoir, sera-t-elle plus forte que la sécurité qu'offre ma coopération ? Je croyais qu'en donnant 115 mille hommes pour soutenir les efforts de l'Autriche, je calmerais ses craintes, mais je vois avec une véritable douleur qu'elles existent toujours. Il faut donc les faire disparaître et j'y suis résolu. Ce n'est plus 115 mille hommes que je ferai agir, mais 180 mille de mes troupes, dont la bravoure, dans un nombre beaucoup moindre, a déjà contribué à délivrer l'Italie de ses oppresseurs, et qui j'espère cette fois avec l'aide de Dieu parviendront à des résultats bien plus décisifs. Telle est la détermination que j'ai prise et que je Vous charge de communiquer immédiatement au ministère autrichien. Vous lui annoncerez en même temps que ne pouvant m'expliquer la lenteur que met s. m. impériale et royale à répondre aux communications que je lui ai faites, ce retard a dû faire naître en moi l'idée que la violence de Bonaparte pourrait la porter à transiger avec lui et à sacrifier à un calme momentané et précaire ce qu'exige d'elle sa dignité. L'honneur de mon empire ne me permet, sous aucun rapport, de voir d'un œil indifférent mes voisins souscrire et par conséquent prêter les mains à l'asservissement successif de tous les Etats qui environnent la France. Je croyais que la mesure des secours que j'ai offerts serait suffisante pour préserver l'Europe d'un semblable malheur; il me semblait qu'en entrant dans une lutte où il n'y avait rien à gagner pour moi et tout pour mes alliés, j'acquerrais des titres à leur confiance entière; mais, ne la voyant encore prouvée par aucun effet réel, je me suis décidé à augmenter volontairement et sans instances le nombre des troupes que je veux employer, afin de remplir ma promesse de soutenir avec une énergie croissante la cause que j'ai embrassée. Mais plus j'en mets à défendre les droits des pays opprimés et plus j'acquiers de droits à une coopération efficace de leur part.

Les raisonnements, dont la cour de Vienne a accompagné le plan d'opérations[101] qu'elle m'a communiqué et qu'elle veut suivre au cas qu'elle soit attaquée par Bonaparte, m'ont principalement décelé le peu de confiance qu'elle mettait dans nos efforts réunis. Résolu à décider promptement le sort de

* См. док. 107.

l'Europe, j'ai donné plus d'étendue à mes projets et je les ai renfermés dans un plan général [102], qui comprend la coopération de la plupart des puissances de l'Europe. Le moyen de les y déterminer est de forcer la Prusse à agir; ce point obtenu, il n'est aucun doute que tous les Etats neutres les moins disposés à se prononcer ne suivent son exemple.

Le plan que j'ai dressé indique les mesures que je trouve nécessaires à cet effet et je le joins ici avec ma réponse ** au projet du cabinet de Vienne pour que Vous puissiez en donner à celui-ci une communication préalable.

Pour Vous aider dans le règlement des opérations tenant plus particulièrement à la partie militaire, j'ai donné ordre à mon aide de camp général baron de Wintzingerode de se rendre immédiatement à Vienne, afin de se joindre à Vous dans les discussions de tout ce qui est relatif à cet objet avec la personne qui y sera autorisée par s.m. impériale et royale, à la suite de quoi je désire qu'il retourne ici au plus tôt et m'apporte un compte précis et détaillé de la manière dont l'empereur-roi jugera le plus convenable de mettre ce plan en exécution ***. En attendant l'arrivée du général Wintzingerode qui suivra de quelques jours celle du présent courrier, Vous pourrez faire connaître au ministère autrichien que relativement à la Prusse mon intention est de rassembler des forces considérables en Lithuanie, qui prendraient immédiatement la place des corps qui se mettront en marche pour l'Allemagne et de combiner le débarquement en Poméranie (destiné autant à menacer la Prusse qu'à inquiéter les Français dans le Hanovre) avec l'arrivée de ma seconde armée de 50 mille hommes en Bohème sur les confins de la Saxe. C'est alors que je demanderai à la Prusse péremptoirement le passage par ses Etats d'un corps de 40 mille hommes et, si elle refuse, 100 mille hommes resteront pour aider l'Autriche en Allemagne soit contre les Français, soit contre les Prussiens et je ferai marcher d'autres armées en avant d'après un plan combiné auquel on travaille, et en traitant en ennemi tout ce qui s'opposera à leurs progrès. Je doute que la Prusse laisse venir les choses à cette extrémité et, si elle témoigne la moindre bonne volonté à nous seconder, il sera facile de l'engager à joindre une armée de 100 mille hommes à celles qui agiront contre la France. Toutes les probabilités se réunissent pour faire croire que, se voyant exposée à une attaque de trois côtés différents, elle embrassera plutôt ce parti que celui d'entrer en guerre avec la Russie. Les dernières relations que j'ai eues avec le cabinet de Berlin sont de nature à me convaincre qu'à danger égal, s'il y avait à opter entre une rupture avec la Russie ou la France, il préférerait mon alliance à celle de l'ennemi, et le général Wintzingerode arrivé à Vienne sera le plus à même d'y fournir des données satisfaisantes à ce sujet. La Prusse décidée sera sans doute elle-même d'opinion que dans une lutte pareille il ne faut souffrir aucun Etat neutre en Europe; quant à moi, en prenant une part aussi active à la guerre sans y avoir aucun intérêt direct, je crois acquérir le droit d'exiger d'eux une coopération qui peut procurer à plusieurs des acquisitions convenables et à tous une garantie de leur indépendance future. Je ne doute pas que s. m. impériale et royale n'en reconnaisse la nécessité, aussi bien que l'efficacité du plan que j'ai arrêté. Vous travaillerez à le faire apprécier pleinement par son ministère, et dès que la cour de Vienne aura pris un parti décisif, Vous m'en instruirez par un courrier extraordinaire et, si elle Vous en faisait la réquisition, Vous pourrez vous adresser au général, commandant mes forces sur les frontières, qui sera autorisé à faire marcher dans les Etats autrichiens le premier corps de mes troupes, composé de 50 mille hommes, qui sera suivi immédiatement du second, à la suite de quoi Vous pourrez faire savoir au général Lacy [116] mes ordres d'ouvrir la campagne dans le royaume de Naples.

** См. док. 121.
*** О результатах переговоров Винцингероде см. прим. 250.

Le général Wintzingerode étant chargé de s'occuper de concert avec Vous de ce qui est relatif aux opérations mêmes et leurs détails, je Vous commets aussi le soin de convenir de tous les arrangements nécessaires pour l'entretien de mes troupes tant à leur passage par les Etats autrichiens que lorsqu'elles auront commencé les opérations. Vous recevrez à cet effet une instruction particulière et je désire que ce travail soit terminé le plus promptement possible.

Je ne saurais douter que les détails dans lesquels je suis entré ici ne soient suffisants pour faire envisager à la cour impériale et royale la détermination que je viens de prendre dans son véritable jour. Il est nécessaire, il est instant que l'Autriche fasse cesser enfin une incertitude qui compromet le salut de l'Europe.

En perdant un temps précieux, on donne à l'ennemi celui de consolider son ouvrage et l'on risque de ne pouvoir commencer les opérations avant la fermeture des ports de la Baltique ce qui en détruirait totalement l'effet. On objectera peut-être que la négociation qui va s'ouvrir à Paris[17*] exige le temps nécessaire à son développement, mais il Vous sera facile de répondre que mes ouvertures doivent être absolument appuyées par des démonstrations vigoureuses et par tous les préparatifs nécessaires pour que, si Bonaparte refuse de se prêter aux justes demandes qui lui seront faites, mes troupes puissent immédiatement entrer en Autriche afin d'être à portée de la secourir efficacement contre l'attaque des Français.

Je ne doute pas que s. m. impériale et royale ne sente toute l'utilité de cette façon d'agir et c'est un objet sur lequel il sera essentiel que Vous vous entendiez avec le ministère impérial et royal. Vous pourrez lui annoncer que je serais plutôt disposé à renoncer à une négociation incertaine qu'à l'effet que j'attends de nos efforts réunis. Tous Vos soins doivent tendre à faire prononcer l'Autriche avec énergie et je crois Vous en fournir les moyens. L'impatience avec laquelle j'attendrai Vos rapports ultérieurs égalera l'importance de l'objet même et le succès de Vos démarches Vous assurera une part bien réelle à ma bienveillance.

Je suis...

Alexandre****

Par Borodowitzin le 13(25) mai 1805.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Г-н действительный тайный советник граф Разумовский. Около двух месяцев тому назад я попросил венский двор дать мне точный ответ относительно его намерений, учитывая критическое положение, в котором находится Европа *, но до сих пор не смог получить его. Между тем за это время была порабощена вся Италия вопреки самым торжественным договорам, а Австрия продолжает пребывать в состоянии нерешительности и до сих пор колеблется, не зная, воспользоваться ли ей той значительной помощью, которую я предлагаю предоставить ей без промедления. Неужели она намерена спокойно ждать, не готовясь и не принимая мер предосторожности, пока Бонапарт не придет диктовать ей свои законы в сердце самой монархии, и неужели страх, внушаемый ей этим честолюбцем, который она слишком явно позволяет ему заметить, окажется сильнее чувства уверенности в безопасности, которую дает ей мое содействие? Я полагал, что, предоставляя 115 тыс. солдат в помощь Австрии, я рассею ее страхи, однако с истинным прискорбием вижу, что они все еще существуют. Значит, необходимо все же рассеять их, и я на это решился. Я выставлю уже не 115, а 180 тыс. моих солдат, отвага которых при значительно меньшей численности уже способствовала освобождению Италии от ее угнетателей и которым, я надеюсь, на этот раз удастся с божьей помощью достигнуть более решительных результатов. Таково принятое мною решение, которое я Вам поручаю немедленно сообщить австрийскому министерству. Одновременно Вы заявите ему, что, поскольку я не могу объяснить себе медлительность, проявляемую его императорским и королевским в-вом, в том, чтобы дать ответ на сделанные мною заявления, это промедление должно было зародить во мне мысль о том, что склонность Бонапарта к насильственным дей-

**** Контрассигновано А. А. Чарторыйским.

ствиям может побудить его императорское и королевское в-во пойти на полюбовную сделку с ним и ради кратковременного и непрочного спокойствия принести в жертву все то, чего требует от него его достоинство. Честь моей империи никоим образом не позволяет мне равнодушно взирать на то, как мои соседи соглашаются с закабалением одного за другим всех государств, окружающих Францию, а следовательно, становятся соучастниками этого дела. Я полагал, что размер предлагаемой мною помощи явится достаточным, чтобы предохранить Европу от подобного несчастия; мне казалось, что, вступая в борьбу, в результате которой я не получил бы ничего, а мои союзники — все, я приобрету все права на полное их доверие; но, поскольку я не вижу никакого реального доказательства этому, я решил по собственному желанию, без каких-либо настояний, увеличить численность войск, которые я хочу употребить в дело, с тем чтобы выполнить свое обещание энергично защищать дело, на сторону которого я встал. Но чем больше сил я употребляю для защиты прав угнетенных стран, тем больше приобретаю я прав на эффективное сотрудничество с их стороны.

Соображения, которыми венский двор сопроводил сообщенный им мне план операций[191], которому он предполагает следовать в случае нападения на него Бонапарта, больше всего показали мне, как мало доверия питает этот двор к нашим совместным усилиям. Намереваясь незамедлительно решить судьбу Европы, я придал больший размах своим проектам и объединил их в общий план [192], предполагающий сотрудничество большинства европейских держав. Для того чтобы склонить их к этому, надо заставить Пруссию действовать; если мы добьемся этого, то нет сомнения в том, что все нейтральные государства, даже очень мало склонные к тому, чтобы занять определенную позицию, последуют ее примеру.

План, составленный мною, предусматривает меры, которые я считаю необходимым принять с этой целью, и я прилагаю его вместе с моим ответом** на проект венского кабинета для того, чтобы Вы могли сделать последнему предварительное сообщение о нем.

С целью помочь Вам в разработке операций в части, касающейся военной стороны дела, я повелел моему генерал-адъютанту барону Винцингероде немедленно отправиться в Вену, чтобы совместно с Вами участвовать в обсуждении всего, что относится к этому предмету, с лицом, уполномоченным на это его императорским и королевским в-вом; я желаю, чтобы после этого он вернулся как можно скорее сюда с точным и подробным донесением относительно того, каким образом император и король сочтет наиболее удобным привести этот план в исполнение ***. В ожидании прибытия генерала Винцингероде, который должен приехать через несколько дней после этого курьера, Вы можете поставить в известность австрийское министерство о том, что в отношении Пруссии мое намерение состоит в том, чтобы сосредоточить значительные силы в Литве, которые немедленно заменят войска, которые выступят в Германию, а также в том, чтобы произвести высадку в Померании (как для того, чтобы угрожать Пруссии, так и для того, чтобы беспокоить французов в Ганновере) одновременно с прибытием моей второй армии численностью в 50 тыс. человек в Богемию, на границы Саксонии. В этот момент я со всей решительностью потребую от Пруссии прохода через ее владения 40-тысячного корпуса, и если она откажется, 100 тыс. солдат останутся для оказания помощи Австрии в Германии, будь то против французов, или же против пруссаков, а другие армии двинутся вперед согласно плану совместных действий, над которым работают в настоящее время, и рассматривая как неприятеля всякого, кто будет препятствовать их продвижению. Я сомневаюсь, чтобы Пруссия допустила дело до этой крайности, и если она проявит хоть малейшее желание оказать нам помощь, то будет легко склонить ее к тому, чтобы она присоединила 100-тысячную армию к армиям, которые будут действовать против Франции. Все говорит за то, что, видя себя под угрозой нападения с трех разных сторон, она скорее примет это решение, чем начнет войну с Россией. Последние мои сношения с берлинским кабинетом убеждают меня в том, что, если бы ему пришлось при наличии одинаковой опасности выбирать между разрывом с Россией или с Францией, он предпочел бы союз со мной союзу с врагом, и генерал Винцингероде по прибытии в Вену сможет сообщить достаточные данные на этот счет. Приняв решение, Пруссия сама, вероятно, сочтет, что в подобной борьбе не следует терпеть, чтобы какое-либо государство в Европе оставалось нейтральным; что же касается меня, то, поскольку я принимаю такое активное участие в войне без прямой заинтересованности в ней, я полагаю, что приобретаю право требовать от них сотрудничества, которое может многим обеспечить подобающие приобретения и всем—гарантию их будущей независимости. Я не сомневаюсь, что его императорское и королевское в-во признает как необходимость, так и действенность составленного мною плана. Вам следует приложить все усилия к тому, чтобы его министерство полностью оценило этот план, и, как только венский двор примет окончательное решение, уведомьте меня об этом с чрезвычайным курьером; если же этот двор потребует, Вы можете обратиться к генералу, командующему моими войсками на границах, которому будут даны полномочия направить в австрийские владения первый корпус моих войск численностью в 50 тыс. человек, за которым немедленно последует второй; после этого Вы сможете сообщить генералу Ласси [116] мои повеления начать кампанию в королевстве Неаполитанском.

Поскольку генералу Винцингероде поручено совместно с Вами заняться тем, что касается самих операций и их деталей, я поручаю Вам также позаботиться о том, чтобы договориться о всех необходимых мерах по содержанию моих войск как во время их прохода

через австрийские владения, так и после того, как они начнут свои операции. На этот счет Вы получите особую инструкцию, и я желаю, чтобы эта работа была завершена как можно скорее.

Я не сомневаюсь в том, что подробностей, на которых я здесь остановился, вполне достаточно, чтобы в должном свете представить императорскому и королевскому двору принятое мною решение. Настоятельно необходимо, чтобы Австрия покончила, наконец, с той нерешительностью, которая ставит под угрозу спасение Европы.

Теряя драгоценное время, мы даем неприятелю время, для того чтобы он упрочил свое положение, и рискуем лишиться возможности начать операции до закрытия балтийских портов, что полностью могло бы свести на нет их действие. Могут возразить, что переговоры, которые должны начаться в Париже [176], требуют времени, необходимого для их развития, однако Вам нетрудно будет ответить, что мои предложения обязательно должны быть подкреплены энергичными демонстрациями и всеми необходимыми подготовительными мероприятиями для того, чтобы, в случае если Бонапарт откажется согласиться на справедливые требования, которые будут ему предъявлены, мои войска могли незамедлительно вступить в Австрию и имели возможность оказать ей действенную помощь против нападения французов.

Я не сомневаюсь, что его императорское и королевское в-во сознает всю выгодность такого образа действий, и чрезвычайно важно, чтобы Вы договорились по этому предмету с императорским и королевским министерством. Вы можете заявить ему, что я скорее пойду на отказ от ненадежных переговоров, чем от результата, которого я жду от наших соединенных усилий. Все Ваши старания должны быть направлены к тому, чтобы побудить Австрию занять решительную позицию, и полагаю, что я предоставляю Вам средства сделать это. Нетерпение, с которым я буду ожидать Ваших дальнейших донесений, может сравниться лишь с важностью самого предмета, а успех Ваших демаршей обеспечит Вам мое благоволение.

Пребываю...

А л е к с а н д р ****

Получено с Бородовицыным 13(25) мая 1805 г.

123. Дополнительная статья к англо-русской союзной конвенции от 30 марта (11 апреля) 1805 г.*

28 апреля (10 мая) 1805 г.

A r t i c l e a d d i t i o n n e l

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies s'étant déterminé, par une suite de Son désir sincère d'assurer le succès de l'entreprise concertée contre la France, d'augmenter, si les circonstances l'exigeaient jusqu'à cent quatre-vingt mille hommes les forces qu'il a promis de faire agir, Sa Majesté le Roi du Royaume uni de la Grande-Brétagne et de l'Irlande promet et s'engage de payer dans ce cas à Sa Majesté Impériale de toutes les Russies pour les troupes qu'Elle ajoutera ainsi aux cent quinze mille hommes déjà convenus, des subsides et une première mise en campagne sur le même pied que celui, arrêté par l'Article Cinq séparé du Concert * établi entre Sa Majesté L'Empereur de toutes les Russies et Sa Majesté le Roi du Royaume uni de la Grande-Brétagne et de l'Irlande le 30 Mars (11 Avril) 1805.

Cet Article additionnel aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans le concert précité, et sera ratifié par les deux Hautes Parties contractantes et les Ratifications échangées à St. Petersbourg dans l'espace de dix semaines ou plus tôt si faire se pourra [193].

En foi de quoi les soussignés Plénipotentiaires l'ont signé et y ont apposé le cachet de leurs armes. Fait à St.-Pétersbourg, le 28 Avril (10 Mai) 1805.

L. S. A d a m
P r i n c e C z a r t o r y s k i
L. S. N i c o l a s
d e N o v o s s i l z o f f

L. S. G r a n v i l l e
L e v e s o n G o w e r

Печат. по подлиннику.
Опубл. Ф. М а р т е н с, т. II, стр. 461—462.

* См. док. 117.

*Перевод***

Дополнительная статья

Так как е. в-во император всероссийский вследствие искреннего своего желания обеспечить успех предприятия, задуманного против Франции, решился увеличить, если обстоятельства того потребуют, обещанные им военные силы до 180 тыс. человек, е. в-во король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии обещает и обязуется выплачивать в этом случае е. в-ву императору всероссийскому субсидии за войска, таким образом, прибавленные к 115 тыс. человек уже условленным, и первый выход в кампанию на тех же основаниях, какие приняты в пятой отдельной статье соглашения * между е. в-вом императором всероссийским и е. в-вом королем Соединенного королевства Великобритании и Ирландии 30 марта (11 апреля) 1805 г.

Эта дополнительная статья будет иметь ту же силу и значение, как если бы она включена была от слова до слова в вышеупомянутое соглашение, и будет ратификована обеими высокими договаривающимися сторонами, и ратификации обменены будут в С.-Петербурге в продолжение 10 недель или и ранее, если окажется возможным [193].

В уверение чего нижеподписавшиеся уполномоченные подписали ее и приложили к ней печати своих гербов. Заключено в С.-Петербурге 28 апреля (10 мая) 1805 г.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский (М. П.) Гренвилль
(М. П.) Николай Новосильцев Левесон Гоуэр

124. Декларация А. А. Чарторыйского и Н. Н. Новосильцева английскому послу в С.-Петербурге Гоуэру

28 апреля (10 мая) 1805 г. ***

Les soussignés plénipotentiaires de s. m. l'emp[ereur] de Toutes les Russies ayant porté à la connaissance de leur auguste maître les différents articles**** dont ils étaient convenus avec s. ex. lord Gower, plénipotentiaire de s. m. britannique, ont reçu ordre d'accompagner la signature de cet acte de la déclaration suivante:

Comme il est plus que probable que les premières objections qu'aura à soutenir le plénipotentiaire envoyé à Paris [176] seront dirigées contre les prétendus abus que les ennemis de la G[ran]de-Brétagne lui imputent d'avoir introduit dans son code maritime et que la négociation pourrait se rompre immédiatement s'il n'avait pas à donner sur cet objet une réponse qui puisse paraître satisfaisante au jugement de tout gouvernement impartial, ledit plénipotentiaire sera autorisé en conséquence à promettre que s. m. i. s'occupera de suite à rassembler des données précises et propres à mettre cette matière dans son véritable jour et à ajouter que dans le cas où contre une attente pleinement fondée il se trouverait dans ledit code quelques dispositions contraires à la justice et au droit des gens, l'emp[ereu]r s'empresserait d'interposer ses bons offices pour engager s. m. b[ritanni]que à y remédier.

S. m. i. se déterminant à cette démarche unilatérale par la conviction intime qu'elle procurera aux deux cours alliées l'avantage d'écarter de la négociation une discussion épineuse et leur fournira dans tous les cas le moyen de montrer à l'Europe qu'on n'a refusé de s'expliquer sur aucun des points qui pourraient faciliter la pacification espère que s. m. b[ritanni]que appréciera ces motifs et qu'elle reconnaîtra dans le présent office, que les soussignés ont eu ordre de remettre à son plénipotentiaire une marque du désir constant de s. m. l'empereur de Toutes les Russies de ne rien faire que de la connaissance

---

** Дается по Ф. Мартенсу, сверен с подлинником.

*** Дата подписания подлинной декларации А. А. Чарторыйским и Н. Н. Новосильцевым (установлено по акту ратификации).

**** См. док. 117.

de son auguste allié et de concert avec lui afin de resserrer par là de plus en plus leur union intime.

Fait à St.-Pétersbourg.

Печат. по копии *****.

Опубл. Ф. Мартенс, т. II, стр. 467—469.

Перевод ******

Нижеподписавшиеся уполномоченные е. в-ва императора всероссийского, доведя до сведения их августейшего повелителя различные статьи****, о которых они условились с е. с-вом лордом Гоуэром, уполномоченным е. в-ва короля великобританского, получили повеление сопроводить подписание сего акта следующей декларацией:

Так как более нежели вероятно, что первые возражения, которые будут сделаны уполномоченному, командированному в Париж[176], будут направлены против мнимых злоупотреблений, введение которых в морской кодекс приписывается Великобритании ее врагами, и так как переговоры могут быть прерваны немедленно, в случае если бы он не мог дать по этому предмету ответа, который казался бы удовлетворительным на суде каждого беспристрастного правительства, то вследствие этого вышеупомянутый посланник будет уполномочен обещать, что е. и. в-во тотчас же займется собранием точных данных, могущих представить этот предмет в истинном свете, и прибавить, что если, вопреки всякому основательному ожиданию, в означенном кодексе нашлись бы какие статьи, противные справедливости и международному праву, то император поспешит употребить все старания к тому, чтобы побудить е. в-во короля великобританского их исправить.

Е. и. в-во, решаясь на сию меру по собственному почину вследствие искреннего убеждения, что она доставит двум союзным дворам выгоды к устранению от переговоров щекотливого спора и доставит им во всяком случае возможность доказать пред всей Европою, что они не отказались бы объясниться ни в одном из пунктов, могущих облегчить восстановление мира, надеется, что е. в-во король Великобритании оценит эти побуждения и признает в настоящей декларации, которую нижеподписавшиеся получили, повеление передать его уполномоченному знак постоянного желания е. в-ва императора всероссийского ни к чему не приступать без ведома и согласия его августейшего союзника с целью этим самым еще более скрепить их тесный союз.

Заключено в С.-Петербурге.

Александр I Францу II

28 апреля (10 мая) 1805 г.

Извещение об отъезде в Вену генерала Винцингероде для переговоров о присоединении Австрии к России с целью борьбы против Наполеона.

Beer A., Zehn Iahre österreichischer Politik, 1801—1810. Leipzig, 1877, S. 458.

125. Александр I послу в Лондоне С. Р. Воронцову

29 апреля (11 мая) 1805 г.

Monsieur le général d'infanterie comte de Worontzow. Tout ce qui a été traité jusqu'ici entre s. m. britannique et moi l'aura convaincue que j'étais parfaitement d'opinion qu'il n'y avait plus de temps à perdre pour mettre des bornes à l'ambition désordonnée de la France, et il est bien à regretter que la difficulté des communications, d'un côté, et, de l'autre, l'irrésolution et la lenteur de quelques puissances n'aient pas permis de régler définitivement

***** На копии помета: NB—l'original n'est point joint au traité. C'est cette copie seule qui existe, l'original ayant été remis.— (Оригинал к договору не приложен, поскольку он был вручен. Имеется только эта копия).

****** Дается по Ф. Мартенсу, сверен с подлинником.

jusqu'à présent tous les arrangements indispensables pour cette entreprise. J'ai cherché à faire partager ma conviction à cet égard à tous mes alliés, mais plusieurs d'entr'eux continuent à se guider par la crainte que leur inspire Bonaparte et s'aveuglent volontairement sur les dangers qui les menacent. L'Autriche même, que j'ai cru pouvoir rassurer pleinement par l'offre d'un secours considérable, tarde à prendre une résolution définitive et compromet par là le sort de tous les Etats qui avoisinent la France. Je ne puis attribuer cette conduite de sa part qu'à l'appréhension que nos efforts réunis ne parviendraient pas à opposer une barrière suffisante aux forces ennemies. J'ai voulu lui ôter jusqu'à ce prétexte de balancer plus longtemps sur le parti qu'elle doit embrasser, et, fidèle à la résolution, que je Vous avais annoncée, de tenir plus que je ne promettais, je viens de me déterminer à porter jusqu'à 180 mille hommes les troupes que je suis convenu de faire agir. Ce moyen m'a paru devoir décider l'Autriche et même la Prusse et à leur suite la majeure partie des puissances de l'Europe, mais si je m'étais trompé et si elles pouvaient préférer le rôle honteux que leur fait jouer Bonaparte à celui plein de gloire que leur assure la coopération efficace de la Russie et de l'Angleterre, il ne resterait plus à ces deux puissances qu'à faire connaître à l'Europe les intentions généreuses qu'elles ont manifestées pour son bonheur et à se concerter sur la conduite que leur prescrirait la défection des souverains les plus directement intéressés à rétablir l'équilibre général.

Le plan qui renferme mes vues d'après la nouvelle détermination que j'ai prise vient d'être transmis à la cour de Vienne, et je Vous charge de le communiquer immédiatement au ministère de s. m. britannique. J'en joins ici à cet effet une copie sub lit. «A»[192].

Vous provoquerez sans perte de temps une discussion détaillée sur son contenu et Vous observerez qu'il est calculé sur la nécessité d'opposer à la France le plus de forces possible et, par conséquent, sur la réunion de celles de la plus grande partie des Etats de l'Europe. En offrant pour ma part une aussi grande masse de forces, sans avoir aucun intérêt direct à la lutte contre la France, je crois acquérir un droit réel à réclamer la coopération de toutes les puissances neutres et je suis résolu d'y insister. Je me flatte d'y être pleinement secondé par s. m. britannique, et comme il n'est pas fait nominativement mention, dans mon plan de la Porte Ottomane, Vous ne manquerez point de prévenir le cabinet de St. James, que je compte la presser aussi de se déclarer contre la France et que je désire que le ministre britannique à Constantinople soit muni des instructions nécessaires pour appuyer fortement toutes les démarches que le mien fera dans ce but et même de faire sentir à la Porte qu'on pourra se porter à des mesures désagréables pour elle.

Ces bases générales du plan que je compte suivre Vous mettront déjà à même de faire connaître au cabinet de St. James l'esprit dans lequel il a été conçu, mais je crois nécessaire d'entrer encore dans quelques détails tant sur ce qui l'a amené que sur la coopération que j'attends de la cour de Londres pour son exécution plénière.

L'Autriche m'avait fait parvenir un plan d'opération[191] qui n'était calculé que sur le cas où elle serait obligée de soutenir seule le premier choc des Français et qui, comme Vous le verrez par la copie ci-jointe, portait les forces françaises à un nombre exagéré et décelait pleinement les appréhensions de la cour de Vienne. Tous les arguments en général sur lesquels il était fondé m'ont paru si peu faits pour rassurer l'Autriche, si elle pouvait les adopter pour règle de sa conduite, que j'ai cru nécessaire de les réfuter non seulement dans une réponse ci-annexée sub lit. «C»*, mais même d'en détruire s'il était possible

* См. док. 121.

jusqu'au souvenir, et j'ai pensé que le meilleur moyen pour cela et le plus compatible avec la situation des affaires en général était de lui montrer que si je ne précipitais jamais mes résolutions, lorsqu'elles étaient prises, je les soutenais avec tous les efforts qu'elles pouvaient exiger. Mais toute ma bonne volonté et tous mes soins resteraient sans effet, si s. m. britannique pouvait ne point les apprécier dans toute leur étendue et si elle ne voulait point les seconder de tous ses moyens.

Vous trouverez ci-joint une note[194] detaillée sur la répartition des subsides qu'exigerait mon nouveau plan. Je conçois que s. m. britannique verra avec peine proposer une augmentation du fond qu'elle a destiné à cet objet, mais il me semble que le but de ce nouvel effort est si avantageusement compensé sous tous les rapports que, s'il y a une possibilité quelconque pour elle d'y souscrire, elle ne balancera pas à le faire. Dans la note annexée au présent rescrit j'ai tâché de diminuer autant que possible la masse des subsides et je ne reviendrai pas sur ce travail, mais je ne puis me dispenser de Vous recommander encore plus particulièrement ici d'engager le ministère britannique à convenir immédiatement d'un arrangement avec le roi de Suède. Ce prince veut traiter directement avec la cour de Londres, il m'a annoncé qu'il avait déjà diminué ses prétentions et je me flatte, d'après cela, qu'il sera possible de trouver un terme moyen qui les satisfasse. C'est dans ce but que j'ai proposé de ne lui demander qu'une prestation de 16 mille hommes et je consentirais même à ce que ce nombre fût diminué pourvu que l'Angleterre prenne des arrangements avec s. m. suédoise, qui procurent à mes troupes la facilité de débarquer à Stralsund et d'y réunir les débris de l'armée d'Hanovre. Ce poste m'est indispensable sous un double rapport, le premier, pour déloger les Français du pays d'Hanovre, mais plus particulièrement pour menacer de ce côté la Prusse, si elle se refusait à souscrire à nos vues. Mon intention est de calculer l'envoi de mes troupes en Poméranie sur l'époque à laquelle la seconde armée, que je ferai passer en Allemagne, sera arrivée en Bohème sur les confins de la Saxe. J'aurai déjà une armée considérable en Lithuanie et je ferai coïncider mes propositions de coopération à la Prusse avec l'occupation des deux autres positions. La première demande, que je ferai à la cour de Berlin, sera le libre passage d'une armée de 40 mille hommes par ses Etats en déclarant que, s'il est refusé, il sera forcé, et, pour que s. m. prussienne y consente plus volontiers, c'est alors que je lui offrirai des avantages réels pour coopérer à mes efforts, et le ministre d'Angleterre pourrait être autorisé préalablement à conclure immédiatement un traité de subsides avec cette puissance, mais il serait nécessaire en outre qu'il fût instruit de tenir la même conduite que Mr Alopéus, de concerter toutes ses démarches avec lui et de quitter même ensemble Berlin, si la Prusse refusait obstinément de souscrire à nos vues. Ce moyen m'a paru le plus prompt pour décider l'irrésolution du roi, et comme il n'aura rien à craindre de la part des Français, vu le nombre considérable de mes troupes qui seront déjà rapprochées du théâtre de la guerre, il me semble que rien ne pourra l'arrêter de se prononcer selon nos vœux. En communiquant ces détails au cabinet de St. James, Vous ajouterez que je désirerais également que s. m. britannique combinât avec cette négociation (de l'époque de laquelle elle sera instruite à temps) un débarquement sur l'Elbe ou le Weser, comme cela est mentionné dans le plan d'opérations, et qu'elle employât à cet effet le plus de troupes possible qui pourraient, en cas de résistance ou d'attaque des Français, se replier avec sécurité sur la Poméranie Suédoise pour opérer leur jonction avec mon armée et celle du roi de Suède. Il serait nécessaire également que les croiseurs anglais dans la mer du Nord et autres eussent ordre de s'opposer au commerce prussien aussitôt que le ministre d'Angleterre aurait quitté Berlin.

J'ai pensé que s. m. britannique, ayant toujours destiné les troupes hannovriennes qu'elle a rassemblées à agir sur le continent lorsque l'occasion s'en présenterait, les emploierait volontiers à cette opération. Cette coopération active n'est point la seule que j'ai projetée pour les troupes britanniques comme Vous le remarquerez dans le plan même.

Dans les premières communications que j'ai faites à s. m. britannique sur ma manière d'envisager les opérations qui doivent avoir lieu en Italie, je lui avais proposé d'employer à un débarquement combiné 15 mille hommes; mais cette demande, ayant rencontré de l'opposition de sa part, j'ai cru devoir restreindre dans le nouveau plan sa coopération à la délivrance du royaume de Naples, si l'on ne pouvait en obtenir davantage, au moins à 5 mille hommes, car si même mes troupes réunies à celles de s. m. sicilienne suffisaient pour chasser les Français de ses Etats, les 5 mille Anglais pourraient faire toujours une diversion très avantageuse sur un autre point de l'Italie et, en occupant ainsi un plus grand nombre de troupes françaises, contribuer efficacement à nos succès. Le ministère britannique sentira également combien il serait important que dès que les opérations commenceront en Italie ses flottes y soient considérablement augmentées pour être à portée de seconder utilement les efforts des Autrichiens et les miens et pour en imposer plus sûrement à la Turquie.

Je Vous ai déjà fait connaître que j'aurais peut-être besoin de bâtiments de transport pour faire passer de mes troupes des ports de la mer Noire et des Sept Iles en Italie, et Vous aurez soin en général de renouveler la demande que les commandants des forces de terre et de mer anglaises dans la Méditerranée soient autorisés de satisfaire à tous égards aux réquisitions du général Lacy.

Le dernier point de coopération active de l'Angleterre serait enfin celui d'un débarquement sur les côtes de France ou au moins de démonstration et d'attaques, même passagères, qui jettent l'alarme dans le pays. Il appartient à toutes les époques de la guerre, mais plus essentiellement à la troisième, celle où les armées du continent occuperaient presque la totalité des troupes françaises et où il n'y aurait par conséquent pour l'Angleterre pas même l'apparence d'un danger pour ses côtes, et dans ce cas j'ai supposé que s. m. britannique, qui a rassemblé tant de troupes pour la défense de ses royaumes, en emploierait volontiers une partie pour inquiéter et fatiguer l'ennemi commun et le forcer à porter son attention et à destiner une partie de ses forces à la surveillance de ses ports. Ces opérations d'ailleurs pourraient être avantageusement combinées avec celles des armées qui agiraient en Italie, en Hollande et dans les Pays-Bas.

S. m. britannique reconnaîtra certainement combien l'exécution du plan projeté assurerait d'une manière indubitable le succès de la guerre contre la France. Il exige à la vérité une résolution énergique de la part de la cour de Vienne, celle d'employer tous ses moyens pour résister à Bonaparte jusqu'à ce que mes troupes puissent agir de concert avec les siennes; mais cette nécessité existe dans tous les cas, et le mode, que je propose, présente à l'Autriche une sécurité absolue par la force des secours que je lui offre. De la part de l'Angleterre ce plan requiert les derniers efforts sous le rapport de l'assistance subsidiaire, mais cette même assistance ne diminue-t-elle pas à mesure de la plus prompte conclusion d'une paix sur les bases désirées, et si s. m. britannique est dans le cas de payer des subsides à 500 mille hommes pendant trois ans, ne gagnerait-elle point encore en en fournissant à 600 mille pendant deux années seulement. Plus la probabilité de ne point faire traîner la guerre s'accroît et plus cette proportion devient frappante. Je ne doute donc pas qu'un gouvernement aussi éclairé que celui d'Angleterre ne reconnaisse sans peine le grand avantage qu'il y aurait à terminer l'entreprise le plus tôt possible et qu'il ne sacrifie volontiers ses dernières ressources pour y contribuer de son côté. S. m. bri-

tannique se convaincra que c'est ce seul but qui peut me déterminer à employer des forces aussi considérables. L'offre que j'en fais est le témoignage le plus irrévocable qu'il me soit possible de donner de mon zèle pour la bonne cause et pour le salut de l'humanité souffrante. Il est instant de porter remède aux malheurs qui l'accablent, et j'espère y parvenir avec l'assistance de s. m. britannique. Mais il est nécessaire que je sois instruit au plus tôt de l'adhésion du cabinet de St.James dont je ne saurais douter, et Vous aurez soin de m'en informer promptement en y joignant des notions détaillées sur ses vues relativement aux opérations que je propose.

L'objet de ce rescrit et du plan, auquel il est relatif, étant de la plus grande importance, il me paraît essentiel d'en maintenir le secret avec un soin particulier d'autant que s'il venait à transpirer, le succès de notre entreprise deviendrait très douteux; et comme j'ai eu des preuves certaines que des détails que la cour de Londres avait intérêt de tenir cachés ont cependant été connus et particulièrement à Berlin, je crois devoir Vous prescrire de ne communiquer le présent office qu'à Mr Pitt seul, auquel Vous demanderez en mon nom et en Vous fondant sur les raisons énoncées ci-dessus, qu'il ne donne aucune connaissance quelconque aux bureaux des objets qui se traitent en ce moment entre les deux cours.

Enfin je ne saurais terminer ce rescrit sans Vous réitérer ce qui Vous a déjà été mandé par mon ministère sur la nécessité que la plus grande conformité de conduite règne entre les agents des deux cours dans le Levant. Des nouvelles que je reçois de Corfou m'instruisent du contraire, et Vous ne manquerez point de réveiller l'attention du ministère britannique sur cet objet et de lui demander de ma part qu'on expédie des ordres précis à tous les employés de la Grande-Bretagne dans les échelles du Levant de se régler dans leurs démarches sur l'intimité qui existe entre s. m. britannique et moi. Je suis...

Alexandre**

Reçu par Mr de Wallouyeff le 20 mai (1 juin) 1805.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Г-н генерал от инфантерии граф Воронцов. Все, что обсуждалось до настоящего момента между его британским в-вом и мною, вероятно, убедило его, что я целиком придерживаюсь того мнения, что нельзя более терять времени, чтобы положить конец безмерному честолюбию Франции, и весьма достойно сожаления, что затрудненность сношений, с одной стороны, и, с другой, нерешительность и медлительность некоторых держав не позволили до настоящего времени окончательно определить все меры, необходимые для осуществления этого предприятия. Я старался побудить всех моих союзников разделить мое убеждение на этот счет, но многими из них продолжает руководить страх, внушаемый им Бонапартом, и они упорно закрывают глаза на опасности, угрожающие им. Даже Австрия, которую, как мне казалось, я мог совершенно успокоить, предложив ей значительную помощь, и та медлит с принятием окончательного решения и тем самым ставит под угрозу судьбу всех государств, расположенных по соседству с Францией. Я могу объяснить это ее поведение только опасением, что наши соединенные усилия не смогут создать достаточную преграду вражеским силам. Я хотел лишить ее даже и этого предлога для дальнейших колебаний относительно решения, которое она должна принять, и, будучи верен объявленному Вам намерению выполнить более, чем я обещал, я решил довести численность войск, которые я согласился ввести в действие, до 180 тыс. человек. Мне казалось, что это средство должно заставить решиться Австрию и даже Пруссию, а вслед за ними большую часть держав Европы, но если я ошибся и если они предпочтут постыдную роль, которую их заставляет играть Бонапарт, той славной роли, которую им обеспечивает действенная помощь России и Англии, то этим двум державам ничего более не останется, как сообщить Европе о благородных намерениях, которые они проявили в отношении ее блага, и договориться о той линии поведения, которую заставило бы их принять отступничество государей, наиболее непосредственно заинтересованных в восстановлении всеобщего равновесия.

** Контрассигновано А. А. Чарторыйским.

План с изложением моих намерений в соответствии с принятым мною новым решением недавно передан венскому двору, и я поручаю Вам немедленно сообщить его министерству его британского в-ва. С этой целью я прилагаю к сему копию его под литерой «А» [192].

Вам следует незамедлительно добиться подробного обсуждения его содержания и отметить, что этот план основан на необходимости противопоставить Франции как можно больше сил и, следовательно, предполагает объединение сил большей части государств Европы. Предлагая со своей стороны столь большие силы, не будучи при этом непосредственно заинтересован в борьбе против Франции, я думаю, что приобретаю тем самым реальное право требовать содействия всех нейтральных держав, и я полон решимости настаивать на этом. Я уповаю на всестороннюю поддержку в этом его британского в-ва, а поскольку в моем плане Оттоманская Порта прямо не упомянута, Вы не преминете уведомить сент-джемский кабинет, что я намерен настоятельно просить Порту, чтобы и она выступила против Франции, и что я желаю, чтобы британскому посланнику в Константинополе были даны предписания энергично поддерживать все демарши моего посланника, которые он сделает с этой целью, и даже дать понять Порте, что мы можем прибегнуть к неприятным для нее мерам.

Эти общие основы плана, которому я намерен следовать, дадут Вам возможность ознакомить сент-джемский кабинет с духом этого плана, но я считаю необходимым войти еще в некоторые подробности как относительно того, что обусловило его создание, так и относительно содействия, которого я ожидаю от лондонского двора для его полного осуществления.

Врученный мне австрийский план операций [193] был рассчитан только на тот случай, если бы она должна была одна выдержать первый удар французов, и, как Вы это увидите из прилагаемой копии, преувеличивал численность французских сил и полностью выдавал опасения венского двора. В целом все соображения, лежащие в основе его, показались мне столь мало способными успокоить Австрию, если бы она могла принять их за правило своего поведения, что я счел необходимым опровергнуть их не только в ответе, прилагаемом здесь под литерой «С»*, но даже уничтожить, если это возможно, само воспоминание о них, и я решил, что наилучшим способом для этого, наиболее совместимым с положением дел в целом, было показать ей, что если я никогда не торопился с принятием решений, то после их принятия прилагал все усилия к тому, чтобы добиться их выполнения. Но все мои добрые намерения и все мои старания остались бы безрезультатными, если бы его британское в-во не оценил их во всей их полноте и не захотел помочь их осуществлению всеми своими средствами.

Вы найдете в приложении подробную записку [194] о распределении субсидий, которых потребует мой новый план. Я понимаю, что его британскому в-ву будет неприятно предложение увеличить средства, предназначенные им для этих целей, но мне кажется, что результат этих новых усилий так выгодно вознаградит нас во всех отношениях, что если у него имеется какая-либо возможность согласиться на это, то он не колеблясь сделает это. В записке, прилагаемой к настоящему рескрипту, я постарался назвать возможно меньшую общую сумму субсидий, и я более не вернусь к этому, но я должен еще раз предложить Вам побудить британское министерство немедленно достигнуть соглашения со шведским королем. Этот государь хочет вести переговоры непосредственно с лондонским двором; он сообщил мне, что он уже уменьшил свои притязания, и поэтому я надеюсь, что будет возможно найти компромиссное решение, которое удовлетворило бы их. С этой целью я предложил, чтобы от него потребовали выставить лишь 16 тыс. солдат, и я согласился бы даже на то, чтобы это число было еще уменьшено, лишь бы Англия договорилась с его шведским в-вом о мерах, которые обеспечивали бы моим войскам возможность высадиться в Штральзунде и собрать там остатки ганноверской армии. Этот пункт мне необходим в двух отношениях: для того чтобы вытеснить французов из Ганновера и, в особенности, чтобы угрожать с этой стороны Пруссии, если бы она отказалась согласиться с нашими видами. Я намерен приурочить отправку моих войск в Померанию к тому времени, когда вторая армия, которую я отправлю в Германию, прибудет в Богемию на границу с Саксонией. У меня уже будет значительная армия в Литве, и я сделаю так, чтобы мое предложение Пруссии о совместных действиях совпало с занятием двух других позиций. Свободный проход 40-тысячной армии через владения берлинского двора — такова будет первая просьба, с которой я обращусь к нему, объявив, что, если в этом будет отказано, проход будет осуществлен силой; для того чтобы е. в-во король прусский согласился на это более охотно, я предложу ему тогда реальные выгоды за содействие моим усилиям; английский посланник мог бы быть заранее уполномочен немедленно заключить с этой державой договор о предоставлении субсидий, но необходимо было бы также, чтобы он имел инструкции придерживаться той же линии поведения, что и г-н Алопеус, согласовывать с ним все свои демарши и даже вместе покинуть Берлин, если бы Пруссия упорно отказывалась согласиться с нашими видами. Этот способ мне показался наиболее подходящим для того, чтобы победить нерешительность короля, и так как ему нечего будет опасаться со стороны французов, учитывая значительную численность моих войск, которые уже будут находиться поблизости от театра военных действий, мне кажется, что ничто не сможет помешать ему принять решение, отвечающее нашим желаниям. Сообщив эти подробности сент-джемскому кабинету, Вы добавите, что я желал бы также, чтобы его британское в-во

одновременно с этими переговорами (о времени проведения которых он будет своевременно извещен) произвел высадку на Эльбе или Везере, как об этом упоминается в плане операций, и чтобы он употребил для этого как можно большее количество войск, которые, в случае если бы французы оказали сопротивление или перешли в наступление, могли бы в безопасности отступить к Шведской Померании, чтобы соединиться с моей армией и армией шведского короля. Было бы необходимо также, чтобы английские крейсеры в Северном и других морях имели приказ начать препятствовать прусской торговле, как только английский посланник покинет Берлин.

Я подумал о том, что его британское в-во, который предназначает собранные им ганноверские войска для действий на материке, когда к этому представится случай, охотно использовал бы их для этой операции. Это активное содействие — не единственное, намеченное мною для британских войск, как Вы это увидите из самого плана.

В первых сообщениях, сделанных мною его британскому в-ву относительно моей точки зрения на операции, которые должны проводиться в Италии, я предложил ему выделить для участия в объединенном десанте 15 тыс. человек; но так как эта просьба встретила возражения с его стороны, я счел нужным ограничить по новому плану его содействие освобождению Неаполитанского королевства предоставлением 5 тыс. человек, если нельзя добиться большего, ибо если даже моих войск, объединенных с войсками его сицилийского в-ва, было бы достаточно для изгнания французов из его владений, то 5 тыс. англичан всегда могли бы осуществить весьма выгодную диверсию в другом пункте Италии и, отвлекая таким образом большее число французских войск, действенно способствовать нашим успехам. Британское министерство равным образом почувствует, насколько важно, чтобы сразу же после начала операций в Италии его морские силы в этом районе были значительно увеличены, с тем чтобы они могли помочь усилиям австрийцев и моим усилиям, а также более надежно держать в почтении Турцию.

Я уже поставил Вас в известность о том, что мне понадобятся, быть может, транспортные суда для перевозки моих войск из черноморских портов и с Семи островов в Италию, и Вам следует возобновить просьбу о том, чтобы командующие английскими сухопутными и морскими силами в Средиземном море получили указание удовлетворять во всех отношениях просьбы генерала Ласси.

Наконец, активное содействие Англии могло бы выразиться в осуществлении десанта на берегах Франции или, по крайней мере, в отвлекающих операциях и нападениях, хотя бы даже и мимолетных, которые тревожили бы страну. Это относится ко всем периодам войны, но главным образом к третьему, когда армии, действующие на континенте, отвлекли бы на себя почти все французские войска и когда, следовательно, берегам Англии не угрожала бы даже видимость опасности; я предположил, что в этом случае его британское в-во, который собрал столько войск для защиты своих владений, охотно употребит часть их на то, чтобы беспокоить и изматывать общего врага и вынудить его бдительно охранять его порты и выделить для этого часть сил. Кроме того, эти операции можно было бы удачно сочетать с операциями армий, действующих в Италии, Голландии и Нидерландах.

Его британское в-во признает, безусловно, насколько выполнение предлагаемого плана могло бы обеспечить несомненный успех в войне против Франции. Правда, в соответствии с ним требуется, чтобы венский двор принял твердое решение употребить все свои средства для оказания сопротивления Бонапарту до тех пор, пока мои войска не смогут действовать совместно с его войсками, но эта необходимость существует во всех случаях, а способ, который я предлагаю, обеспечивает Австрии совершенную безопасность благодаря предлагаемой мною сильной помощи. От Англии этот план требует последних усилий в отношении помощи субсидиями, но разве размеры этой помощи не уменьшаются в зависимости от того, насколько быстро будет заключен мир на желаемых основаниях, и если его британское в-во должен выплачивать субсидии на содержание 500 тыс. солдат в течение трех лет, то не будет ли для него выгоднее предоставлять их для 600 тыс. человек в течение только двух лет? Чем больше возрастает возможность не затягивать войну, тем более поразительной становится эта пропорция. Итак, я не сомневаюсь, что столь просвещенное правительство, как английское, без труда признает, насколько выгоднее как можно скорее закончить это предприятие, и охотно пожертвует свои последние ресурсы, чтобы способствовать этому со своей стороны. Его британское в-во убедится, что это единственная цель, ради которой я могу решиться употребить столь значительные силы. То, что я предлагаю эти силы,— самое неопровержимое свидетельство, какое я могу только дать, моего усердия в деле защиты правого дела и спасения страдающего человечества. Настало время избавить его от одолевающих его бедствий, и я надеюсь преуспеть в этом с помощью его британского в-ва. Однако необходимо, чтобы я был как можно скорее уведомлен о согласии сент-джемского кабинета, в котором я не могу сомневаться, и Вы позаботитесь о том, чтобы быстро меня известить об этом, присовокупив подробные сведения о его видах в отношении тех операций, которые я предлагаю.

Поскольку предмет этого рескрипта и плана, к которому он относится, имеет величайшее значение, то мне представляется крайне важным с особой тщательностью хранить его в тайне, так как если бы он получил огласку, то успех нашего предприятия стал бы весьма сомнительным. Поскольку у меня есть несомненные доказательства того, что подробности, которые

лондонский двор желал сохранить в тайне, стали тем не менее известны, в частности в Берлине, то я считаю нужным предписать Вам сообщить настоящее письмо одному только г-ну Питту, которого Вы попросите от моего имени, обосновывая свою просьбу вышеизложенными мотивами, чтобы он ничего не сообщал в канцеляриях относительно вопросов, которые в настоящее время обсуждаются между двумя дворами.

Наконец, я не могу закончить этот рескрипт, не повторив Вам того, о чем Вам уже сообщало мое министерство относительно необходимости величайшей согласованности в действиях представителей обоих дворов в Леванте. Известия, получаемые мной из Корфу, говорят об обратном, и Вы не преминете обратить на это внимание британского министерства и попросить его от моего имени послать точные предписания всем представителям Великобритании в портах Леванта исходить в своих действиях из той тесной связи, которая существует между его британским в-вом и мною.

Пребываю...

Александр **

Получено с г-ном Валуевым 20 мая (1 июня) 1805 г.

126. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский полномочному представителю при Республике Семи Соединенных островов Г. Д. Моцениго

№ 145 *1(13) мая 1805 г.*

Monsieur le comte. Les dépêches[195] que Vous aviez confiées à Mr Benkendorff, aide de camp de l'empereur, nous sont parvenues par un exprès, puisque lui-même a été arrêté à la quarantaine de Trieste.

S. m. a été indignée de la duplicité de voïvode de Prévésa, qui cherche à empiéter sur les droits des habitants du littoral ex-vénitien, et de la conduite dans laquelle Aly-pacha de Janina ne cesse de persévérer. En approuvant tout ce que Vous avez écrit à notre ministre à Constantinople, l'empereur m'a ordonné en même temps de lui prescrire, qu'il fasse son possible pour engager la Porte à mettre fin aux actes arbitraires de ses préposés. Les mesures que Vous avez prises relativement à cet objet, nous paraissent aussi les plus convenables, car il est certainement préférable d'instruire le ministère ottoman des abus exercés par les commandants turcs, avant de procéder vis-à-vis de ceux-ci à des explications sérieuses, lesquelles sans être précédées d'une pareille démarche pourraient bien être présentées au Divan sous un autre point de vue.

J'ai communiqué à l'ambassadeur d'Angleterre tout ce que Vous nous mandez, monsieur, sur les armateurs anglais[196], en écrivant en même temps à Mr le comte de Worontzoff à Londres de faire à la suite des détails, que Vous lui avez transmis directement à ce sujet, les démarches nécessaires auprès du ministère britannique.

Vu l'empressement qu'ont manifesté les Chimariotes d'entrer au service de s. m. i. et d'être organisés en un corps à l'instar de celui des Sulliotes, j'écris[197] aujourd'hui par ordre de l'empereur à Mr d'Anrep de former un régiment de cette tribu, si elle consentait à se soumettre à une certaine discipline militaire, sans quoi il serait inutile d'avoir à une solde fixe un corps, qu'on peut se borner à lever si les circonstances l'exigent et licencier dès qu'on n'en a plus besoin. Au contraire, un régiment exercé peut servir de noyau à une organisation plus considérable, qui s'opérerait d'autant plus facilement alors qu'en amalgamant les nouvelles levées avec les anciennes, on aurait plus de moyens de les accoutumer à l'ordre et à l'obéissance. Mr d'Anrep Vous communiquera, sans doute, les dépêches qui lui sont adressées à cette occasion. Vous voudrez bien Vous concerter avec lui sur leur contenu, ainsi que sur l'utilité et le mode d'exécution de différents articles y mentionnés.

La lettre de change que Vous avez tirée ici sur les banquiers de la cour pour la valeur de 750 mille piastres sera acceptée et escomptée. Cette traite n'aurait certainement pas eu lieu, si le feldjäger Holm qui Vous a été expédié, chargé d'un crédit de 200 mille roubles, n'eût pas été retardé dans sa course. Pour obvier dorénavant à la nécessité d'avoir recours à une pareille opération, je Vous envoie ci-joint encore deux lettres de crédit chacune de 200 mille roubles, l'une sur Venise et l'autre sur Constantinople, et j'espère qu'avec ce secours Vous serez pour longtemps en état de faire face à Vos dépenses extraordinaires.

A propos de ce dernier article je ne puis omettre de Vous parler des débours occasionnés par l'augmentation accordée à nos troupes aux îles Ioniennes. Cet objet n'entrait pas en considération tant qu'il n'y en avait dans ces contrées-là qu'un seul régiment; il était supportable encore avec le nombre de troupes qui y sont stationnées actuellement; mais il ne peut que devenir extrêmement onéreux, quand les 10 mille hommes qu'on va incessamment y envoyer des ports de la mer Noire y seront arrivés, auxquels, sans être injuste, on ne saurait refuser le même surplus dont jouissent ceux qui les ont précédés. C'est précisément par cette raison que dans ma dépêche du 2 août 1804 et dont copie est ci-jointe je Vous écrivis d'accorder cette augmentation à nos troupes comme de Votre chef en Vous appuyant de titre de plénipotentiaire et nullement au nom de l'empereur, ce qui, autant que je puis entrevoir par Vos rapports, n'a pas été suivi. Dans le premier cas, il n'y aurait eu aucun inconvénient, dès que ce surcroît de dépenses nous eût été trop à charge, de déclarer aux troupes que cette disposition de Votre part n'a pas été approuvée, en y ajoutant que ce qui avait été touché par chacun lui restait, mais que dorénavant cette augmentation cessait. Actuellement un pareil changement n'est plus si facile à opérer; cependant Mr d'Anrep m'écrivant avoir pour quelque temps suspendu le payement de ce surplus, je pense que quand les esprits se seront faits à cette privation, on pourrait abolir ce surplus ou du moins le diminuer de la moitié. Les troupes russes, qui d'après les lois militaires ne doivent, dans quelque pays qu'elles se trouvent, recevoir que ce qui leur est fixé, n'auront aucune raison de s'en plaindre et d'ailleurs à Vous parler franchement, je ne conçois pas, pourquoi ces mêmes troupes peuvent avec leur solde ordinaire s'entretenir ici à St.-Pétersbourg où la cherté surpasse de beaucoup celle de Corfou et ne sauraient subsister avec les mêmes moyens aux Sept îles.

Au reste, monsieur, je ne Vous prescris rien sur cet objet. L'empereur connaissant le zèle qui Vous anime pour son service, ainsi que les sentiments de Mrs d'Anrep et de Greich, laisse à Votre prudence et à la leur de prendre là-dessus telle décision que Vous jugerez la plus convenable.

Il ne me reste encore qu'à Vous informer que le payement que Vous avez fait des 2 mille ducats volés sur notre vaisseau à Venise a été approuvé.

J'ai l'honneur...

A. Czartoryski

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин граф. Депеши [195], которые Вы доверили адъютанту императора г-ну Бенкендорфу, доставлены нам с нарочным, так как сам г-н Бенкендорф был задержан в связи с карантином в Триесте.

Е. в-во был возмущен двурушничеством воеводы Превезы, пытающегося посягнуть на права жителей бывшего венецианского побережья, а также действиями Али-паши Янинского, который упорно не желает изменить свое поведение. Одобряя все то, что Вы написали нашему посланнику в Константинополе, император повелел мне в то же время предписать ему сделать все от него зависящее, чтобы побудить Порту положить конец произволу подчиненных ей правителей. Меры, принятые Вами в связи с этим, нам также кажутся наиболее подходящими, ибо, без сомнения, лучше известить оттоманское министерство о злоупот-

реблениях, допускаемых турецкими правителями, прежде чем вступать с этими последними в непосредственные серьезные объяснения, которые, если бы им не предшествовал подобный демарш, вполне могли бы быть представлены Дивану в превратном свете.

Я передал английскому послу все, что Вы нам сообщаете относительно английских каперов [196], написав одновременно г-ну графу Воронцову в Лондон, чтобы он предпринял, исходя из подробностей, сообщенных ему непосредственно Вами на этот счет, необходимые демарши перед британским министерством.

Ввиду проявленной химариотами готовности поступить на службу е. и. в-ва в отряд, который будет создан по образцу сформированного из сулиотов, я посылаю сегодня г-ну Анрепу по повелению императора предписание[197] создать полк из представителей этой народности, если они согласятся подчиняться известной военной дисциплине, без чего было бы бесполезно иметь на постоянном жаловании часть, которую можно было бы создать только тогда, когда этого потребовали бы обстоятельства, и распустить сразу же по миновании в ней надобности. Обученный полк, напротив, может послужить ядром более значительного формирования, которое было бы тем легче создать, что, смешивая новобранцев со старыми солдатами, мы имели бы больше возможностей приучить их к порядку и повиновению. Г-н Анреп сообщит Вам, без сомнения, содержание депеш, направленных ему по этому вопросу. Соблаговолите посоветоваться с ним относительно их содержания, так же как и относительно полезности и способа проведения в жизнь упомянутых там различных соображений.

Вексель, выданный Вами на банкиров двора е. в-ва на сумму в 750 тыс. пиастров, будет принят и учтен. Этот вексель не пришлось бы, конечно, давать, если бы посланный к Вам фельдъегерь Хольм, везущий аккредитив на 200 тыс. рублей, не задержался в пути. Чтобы предотвратить в дальнейшем необходимость прибегать к подобной операции, я посылаю Вам с этой депешей еще два аккредитива, каждый на 200 тыс. рублей: один — на Венецию, другой — на Константинополь; и я надеюсь, что благодаря этой помощи Вы в течение долгого времени будете в состоянии покрывать Ваши чрезвычайные расходы.

В связи с этим последним вопросом я не могу не сказать Вам об издержках, вызванных увеличением жалованья нашим войскам на Ионических островах. Этот расход не был значителен, пока на этих островах имелся лишь один полк; он еще терпим при той численности войск, которые там размещены в настоящее время, но он может стать чрезвычайно обременительным, когда туда прибудут 10 тыс. человек, которые в ближайшее время будут посланы из портов Черного моря и которым было бы несправедливо отказать в такой же прибавке к жалованью, какой пользуются прибывшие туда ранее. Именно по этой причине я и предписал Вам в депеше от 2 августа 1804 г., копия которой здесь приложена, предоставить эту прибавку нашим войскам как бы по Вашей собственной инициативе как полномочного представителя, но ни в коем случае не от имени императора, что, насколько я могу видеть из Ваших донесений, не было Вами выполнено. В первом случае не было бы никакого неудобства, как только это увеличение расходов стало бы для нас слишком обременительным, объявить войскам, что это Ваше распоряжение не было одобрено, добавив, что деньги, полученные на основании этой надбавки, остаются у тех, кто их получил, но впредь она отменяется. Сейчас подобное изменение не так легко осуществить; впрочем, поскольку г-н Анреп писал мне, что он приостановил на некоторое время выплату этой надбавки, я полагаю, что, когда умы примирятся с этой потерей, можно будет отменить надбавку совсем или, по крайней мере, уменьшить ее наполовину. Русские войска, которые по военным законам должны, в какой бы стране они ни находились, получать только то, что им строго определено, не будут иметь никакого основания жаловаться на это; впрочем, говоря откровенно, мне непонятно, почему эти же самые войска могут жить на свое обычное жалованье здесь, в С.-Петербурге, где дороговизна намного превосходит дороговизну на Корфу, и не могут прожить на те же средства на Семи островах.

Впрочем, милостивый государь, я ничего не предписываю Вам на сей счет. Император, зная усердие, которое Вы проявляете к его службе, так же как и чувства г. г. Анрепа и Грейга, полагается на Вашу и на их осмотрительность в том, что касается принятия решения, которое Вы сочтете наиболее подходящим.

Мне остается только уведомить Вас, что произведенная Вами выплата 2 тыс. дукатов, похищенных с нашего корабля в Венеции, одобрена.

Имею честь...

А. Чарторыйский

127. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Стокгольме Д. М. Алопеусу

1(13) мая 1805 г.

Monsieur l'ambassadeur baron de Stedingk n'a pas sans doute manqué de rendre compte à sa cour des informations que je lui ai données sur les résultats de nos démarches à Berlin au sujet de l'affaire relative à la Poméranie.

Je trouve nécessaire, m[onsieu]r, de Vous retracer ici en substance toute la marche que cette affaire a suivie, afin que Vous puissiez en donner une connaissance détaillée au ministère de s. m. le roi de Suède.

L'intérêt tout particulier, avec lequel notre auguste maître avait pris à tâche de s'opposer à l'intention du roi de Prusse de prendre en dépôt la Poméranie suédoise, est déjà suffisamment connu à la cour de Stockholm. S. m. i. ne s'est pas contentée de charger son ministre à Berlin d'entrer dans des explications sur ce sujet avec le ministère prussien et de lui déclarer péremptoirement qu'elle ne souffrirait pas l'accomplissement d'un pareil dessein; pour presser d'autant plus les résultats qu'elle attendait de ses démarches, elle a jugé nécessaire d'envoyer à Berlin son aide de camp général le b[aro]n de Wintzingerode * en le munissant d'une lettre[145] pour le roi, par laquelle elle lui faisait connaître les mêmes résolutions. Le ministère prussien ayant tardé de donner une réponse catégorique au sujet de cette affaire, M[r] d'Alopeus consigna les réclamations, qu'il avait faites jusqu'alors verbalement, dans une note officielle[174] et la remit le 24 février au ministre d'Etat et de cabinet le b[aro]n de Hardenberg. Il reproduisit dans cette note de nouveau et avec énergie l'impression qu'avait faite sur notre auguste maître le parti que s. m. prussienne avait annoncé vouloir prendre à l'égard de la Poméranie. Il déclara que cette détermination inattendue du cabinet de Berlin devait causer d'autant plus de peine à l'empereur, qu'elle a été motivée sur une simple ouverture d'un ministre de France; il a ajouté qu'il serait difficile de ne pas partager le sentiment de la cour de Russie, que tous les arrangements, que s. m. suédoise avait faits, loin d'être agressifs, rentrent dans la classe des mesures de sûreté dont personne n'a le droit de demander compte à ce souverain; que loin de causer du déplaisir à s. m. prussienne, ces mesures ne devraient que lui être agréables, puisqu'elles augmentent la masse d'opposition qui doit s'élever contre l'ambition désordonnée de la France, et qu'il est de l'intérêt de la Russie et de la Prusse d'encourager plutôt que d'affaiblir; qu'enfin les liens d'amitié et de parenté et ceux d'alliance défensive[97], qui unissent l'empereur au roi de Suède, ne permettraient pas à s. m. i. de voir d'un œil indifférent toute tentative qui pourrait être dirigée contre les Etats suédois. C'est à la suite de cette note et de plusieurs conférences qui ont été tenues entre M[r] d'Alopeus, le b[aro]n de Wintzingerode et le ministre d'Etat et de cabinet prussien, que ce dernier remit à M[r] d'Alopeus la note ci-jointe en copie[178]. Quoique son contenu ne tende principalement qu'à faire l'apologie de la conduite du roi de Prusse dans cette affaire et à exposer les motifs qui l'ont dirigée, le b[aro]n de Hardenberg, dans les assurances verbales ** qu'il a données ensuite à M[r] d'Alopeus et de Wintzingerode, s'est expliqué plus positivement et a exprimé avec précision que la Prusse se désistait absolument du projet d'occuper la Poméranie suédoise et de s'opposer à ce que le roi de Suède jugera convenable pour mettre ce pays en état de défense, et qu'elle ne lui disputera pas même le droit de prendre des subsides de l'Angleterre; mais il a répété son adage accoutumé, que s. m. prussienne regarde comme une mesure essentielle que la Suède s'abstienne soigneusement de toute démarche provocatoire vis-à-vis de la France. L'empereur a cru d'autant plus devoir se contenter de ces explications qu'à tout événement la Prusse est déjà avertie à quoi elle doit s'attendre de la part de la Russie, si elle hasardait quelque démarche contre la Poméranie suédoise, et cette considération fait désirer à s. m. i. que la cour de Stockholm y trouve aussi un motif suffisant d'arrêter pour le moment toute discussion ultérieure sur cet objet. Vous voudrez bien, m[onsieu]r, communiquer tant la présente dépêche que la note prussienne

---

* См. док. 91.

** См., в частности, док. 112.

à Mr le baron d'Ehrenheim, afin qu'il les porte à la connaissance du roi, son maître. Vous exprimerez en même temps à ce ministre que l'empereur se flatte que la manière, dont il a agi dans tout le cours de l'affaire relative à la Poméranie, sera pleinement appréciée par s. m. suédoise et sera regardée comme une nouvelle preuve de cet empressement avec lequel s. m. i. saisit chaque occasion où elle peut mettre en évidence ses sentiments pour le roi et raffermir de plus en plus l'amitié et la bonne intelligence qui règnent entre les deux cours.

Je suis...

Помета Александра I: Быть по сему.
Майя 1 дня 1805 г.

Отправлено 3 майя с кол[лежским] асе[ссором] Валуевым.

Печат. по отпуску.

Перевод

Господин посол барон Штединг, без сомнения, не преминул донести своему двору то, что я ему сообщил о результатах наших демаршей в Берлине в связи с делом о Померании. Считаю необходимым, милостивый государь, вкратце изложить Вам весь ход этого дела, чтобы Вы могли подробно ознакомить с ним министерство его в-ва короля шведского.

Совершенно особый интерес, с которым наш августейший государь отнесся к тому, чтобы воспрепятствовать намерению короля прусского взять под свою охрану Шведскую Померанию, уже достаточно известен стокгольмскому двору. Е. и. в-во не удовлетворился тем, что поручил своему посланнику в Берлине вступить в объяснения с прусским министерством по этому вопросу и решительно заявить ему, что он не потерпит осуществления подобного намерения; чтобы как можно скорее достичь результатов, которых он ждал от своих демаршей, он счел необходимым послать в Берлин своего генерал-адъютанта барона Винцингероде *, снабдив его письмом [145] к королю, которым он извещал его о тех же решениях. Поскольку прусское министерство медлило дать категорический ответ по этому делу, г-н Алопеус изложил сделанный им до того в устной форме протест в официальной ноте [174] и вручил ее 24 февраля государственному и кабинетному министру барону Гарденбергу. Он еще раз описал в энергичных выражениях в этой ноте впечатление, произведенное на нашего августейшего государя решением, которое его прусское в-во желал, как он заявил, принять в отношении Померании. Он заявил, что это неожиданное решение берлинского кабинета тем более должно было огорчить императора, что оно основывалось на простом заявлении французского посланника; он добавил, что трудно не согласиться с мнением русского двора о том, что все меры, принятые его шведским в-вом, отнюдь не носят агрессивного характера, а являются мерами по обеспечению безопасности, в которых никто не имеет права требовать отчета у этого государя. Далее указывалось, что эти меры не только не должны были вызвать неудовольствие его прусского в-ва, а даже должны бы быть ему приятны, так как они увеличивают силы оппозиции, которая должна подняться против непомерного властолюбия Франции, и что в интересах России и Пруссии способствовать им, а не ослаблять их. Наконец, дружественные и родственные связи, а также узы оборонительного союза [97], связывающие императора с королем шведским, никогда не позволили бы е. и. в-ву равнодушно взирать на какое бы то ни было посягательство на шведские владения. Следствием этой ноты и ряда бесед между г-ном Алопеусом, бароном Винцингероде и государственным и кабинетным министром Пруссии явилась нота, врученная этим последним г-ну Алопеусу и препровождаемая при сем в копии [178]. Хотя ее содержание сводится главным образом к оправданию поведения в этом деле короля прусского и изложению мотивов, им руководивших, барон Гарденберг в заверениях, данных им затем в устной форме г. г. Алопеусу и Винцингероде **, высказался более определенно и ясно заявил, что Пруссия совершенно отказывается от своего намерения оккупировать Шведскую Померанию и противодействовать тому, что король шведский сочтет нужным предпринять с целью приведения этой страны в состояние обороноспособности и что он не будет даже оспаривать ее право на получение субсидий от Англии; однако он повторил свои обычные слова о том, что его прусское в-во считает существенно важным, чтобы Швеция тщательно воздерживалась от каких-либо провокационных действий по отношению к Франции. Император тем более счел нужным удовлетвориться этими объяснениями, что на всякий случай Пруссия уже получила предупреждение о том, чего она должна ожидать со стороны России, если осмелится что-либо предпринять против Шведской Померании, и это соображение заставляет е. и. в-во желать, чтобы стокгольмский двор также нашел в этом достаточное основание для того, чтобы прекратить в данный момент всякие дальнейшие споры по этому вопросу. Соблаговолите, милостивый государь, сообщить г-ну Эренгейму как настоящую депешу, так и прусскую ноту для того, чтобы он довел их до сведения короля,

своего государя. Одновременно Вы заявите этому министру, что император надеется, что тот образ действия, которого он придерживался во все время переговоров по делу о Померании, будет полностью одобрен его шведским в-вом и будет воспринят как новое доказательство той готовности, с которой е. и. в-во пользуется каждым случаем, чтобы проявить свои чувства к королю и еще больше укрепить отношения дружбы и взаимопонимания, царящие между обоими дворами.

Пребываю...

128. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

4(16) мая 1805 г.*

Monsieur, le comte de Mocenigo ne Vous a point laissé ignorer les procédés arbitraires que se permet Abdulla-bey, voïvode de Prévésa, envers les habitants de l'Albanie ex-vénitienne. Ces procédés étant en opposition évidente avec plusieurs articles de la convention du 25 déc[em]bre 1800** passée entre la cour impériale et la Sublime Porte, je ne doute pas que Vous aurez déjà fait les démarches nécessaires auprès du ministère turc afin de l'engager à tenir strictement la main à l'exécution de ladite convention en réprimant avec énergie la conduite d'Abdulla-bey.

Supposé que ces premières démarches n'aient pas encore produit l'effet désiré, Vous les renouvellerez à la réception de celle-ci en représentant avec fermeté que s. m. i. ne saurait voir d'un œil indifférent les vexations exercées contre un peuple dont elle a garanti les droits et prérogatives d'un commun accord avec sa hautesse; que malgré qu'on ne puisse douter que le voïvode de Prévésa n'agit nullement d'après les intentions de la Porte, il est cependant bien déplorable qu'à peine délivrés de l'oppression d'Aly-pacha, les habitants de ces contrées se trouvent itérativement plus mal que jamais par l'insolence et la rapacité d'un nouveau tyran; que l'empereur s'attend à ce que la Sublime Porte prendra sans délai les mesures les plus efficaces pour mettre un frein aux vexations d'Abdulla-bey et pour assurer à l'avenir aux habitants de l'Albanie ex-vénitienne tous les avantages auxquels ils ont droit de prétendre. Vous ajouterez enfin, que malgré la répugnance qu'aurait l'empereur de prendre telle détermination que ce soit qui pourrait être désagréable à la Porte, s. m. i. tient trop religieusement aux engagements qu'elle a contractés pour ne pas faire usage de tous les moyens qui pourront se concilier avec l'alliance existant entre les deux empires afin de faire jouir les habitants de Prévésa, Parga et Woinitza des effets de sa haute protection.

Lorsque Vous ferez cette dernière insinuation, Vous aurez soin d'éviter tout ce qui pourrait alarmer la Porte en lui faisant croire que nous avons le dessein d'agir contre leur gré; Vous assurerez au contraire que s. m. i. ne prendra aucune détermination à cet égard sans connaître préalablement le résultat des mesures que la Porte aura prises pour réprimer la conduite d'Abdulla-bey et que ce ne sera que dans le cas où ces mesures n'auraient produit aucun effet, que s.m.i. se croira obligée d'en prendre d'autres qui lui paraîtront propres à mener au but que l'on se propose.

En appuyant ces représentations de tous les arguments, que Vous tirerez de la convention même, Vous engagerez la Porte à approfondir jusqu'à quel point Aly-pacha peut être intéressé dans les nouveaux désordres dont il s'agit. A en juger par les rapports du c[omt]e Mocenigo, ce pacha n'y paraît être rien

* Датировано по отпуску.

** В тексте ошибка. Имеется в виду конвенция 21 марта (1 апреля) 1800 г. (см. т. I, прим. 87).

moins qu'étranger. Il compte par les mêmes principes, qu'il a toujours professés et qui ne sont nullement propres à nous inspirer de la confiance en lui, surtout dans le cas où les Français tenteraient quelque expédition du côté de la Morée ou de l'Albanie.

Vous êtes chargé, monsieur, de réitérer à cette occasion au ministère ottoman l'assurance positive que notre auguste souverain, tout en insistant sur l'exécution des stipulations formellement arrêtées entre les deux empires, n'a d'autre vue, d'autre intérêt que de contribuer de tous ses moyens au maintien de la tranquillité et à la sûreté des Etats de sa hautesse, son intime allié.

Vous voudrez bien me faire connaître le résultat des représentations cidessus et en informer également notre ministre à Corfou.

J'ai l'honneur...

Получ[ено] 31 мая 1805 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, граф Моцениго не преминул сообщить Вам о незаконных действиях, которые позволяет себе Абдулла-бей, воевода Превезы, по отношению к населению бывшей Венецианской Албании. Поскольку эти действия прямо противоречат некоторым статьям конвенции, заключенной между императорским двором и Блистательной Портой 25 декабря 1800 г. **, я не сомневаюсь, что Вы уже сделали турецкому министерству необходимые представления для того, чтобы побудить его строго следить за выполнением указанной конвенции, энергично пресекая действия Абдуллы-бея.

В случае если эти первые демарши не достигли пока желаемого результата, я предписываю Вам по получении этой депеши возобновить Ваши представления, решительно заявив, что е. и. в-во не сможет безучастно созерцать, как притесняют народ, чьи права и прерогативы он гарантировал совместно с его султанским высочеством; что несмотря на то, что вне всяких сомнений воевода Превезы действует не по наущению Порты, тем не менее весьма прискорбно то, что население этих областей, едва освободившись от гнета Али-паши, вновь страдает в еще большей степени, чем когда-либо, от наглости и жадности нового тирана; что император надеется на то, что Блистательная Порта безотлагательно примет самые действенные меры, чтобы положить конец притеснениям Абдуллы-бея и обеспечить в будущем населению бывшей Венецианской Албании все льготы, на которые оно вправе рассчитывать. Вы добавите, наконец, что несмотря на крайнее нежелание императора принимать решения, которые могли бы быть неприятны Порте, е. и. в-во слишком свято относится к обязательствам, которые он принял на себя, чтобы не использовать всех средств, совместимых с существующим между двумя империями союзом, для того чтобы обеспечить жителям Превезы, Парги и Вониццы возможность пользоваться благами его высокого покровительства.

Когда Вы будете делать это последнее заявление, старайтесь избежать всего, что могло бы встревожить Порту, дав ей повод думать, что мы имеем намерение действовать против ее желания; напротив, Вы должны заверить ее в том, что е. и. в-во не примет никакого решения на этот счет, не узнав предварительно результата тех мер, которые будут приняты Портой, для того чтобы пресечь недостойные действия Абдуллы-бея, и только в том случае, если эти меры не дадут никакого эффекта, е. и. в-во сочтет себя обязанным прибегнуть к другим средствам, которые он сочтет пригодными для достижения поставленной цели.

Подкрепляя эти заявления всеми аргументами, почерпнутыми из самой конвенции, попытайтесь заставить Порту выяснить, в какой степени Али-паша мог быть замешан в этих новых беспорядках, о которых идет речь. Если судить по докладам графа Моцениго, похоже, что этот паша вовсе не чужд данным событиям. Он по-прежнему придерживается тех же принципов, которые всегда исповедовал и которые отнюдь не способны внушить нам доверие к нему, особенно в том случае, если бы французы послали войска в Морею или Албанию.

Вам поручается, милостивый государь, вновь положительно заверить по этому поводу оттоманское министерство в том, что наш августейший повелитель, продолжая настаивать на выполнении условий договоров, официально заключенных двумя империями, не имеет при этом другой цели и другого интереса, как способствовать всеми средствами поддержанию спокойствия и безопасности владений его султанского высочества, его близкого союзника.

Соблаговолите сообщить мне о результатах Ваших демаршей во исполнение вышеизложенного и информируйте об этом также и нашего посланника на Корфу.

Честь имею...

129. Нота посланника в Константинополе А. Я. Италинского турецкому правительству

7(19) мая 1805 г.

Le soussigné envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire de s. m. l'empereur de toutes les Russies, persuadé que la Sublime Porte persévérerait avec toute la fermeté nécessaire dans la détermination qu'elle avait prise de s'en tenir strictement aux engagements, qui la lient avec la cour impériale de Russie * et celle d'Angleterre, et de ne pas reconnaître le titre impérial de Bonaparte, aimait à croire que la mission de l'officier français Jaubert et la lettre[198] dont il était porteur ne pourrait pas ébranler une détermination si convenable à la dignité de sa hautesse et si impérieusement commandée par les véritables intérêts de son empire. Mais l'incertitude, dans laquelle se trouve encore le soussigné sur le mode de la présentation de cette lettre à sa hautesse, le refus de la Sublime Porte de lui communiquer le contenu sous prétexte qu'elle l'ignore elle-même, l'assurance, que témoignent publiquement les agents français d'avoir de sa hautesse une réponse conforme à leurs désirs, ne permettent plus au soussigné de rester dans la même persuasion. Il se voit en conséquence obligé d'appeler la plus sérieuse attention de la Sublime Porte sur toutes les observations qu'il lui a présentées d'ordre exprès de sa cour tant de vive voix que par écrit, depuis le commencement de cette discussion; il doit surtout l'inviter à relire attentivement et prendre en très sérieuse considération la note qu'il a eu l'honneur de lui adresser le 3(15) décembre dernier ** et dont le contenu indique suffisamment la manière dont s. m. i. aurait envisagé à cette époque et envisagerait encore une déviation quelconque des principes, et de la conduite suivie par la Sublime Porte dans l'affaire de la reconnaissance du titre impérial de Bonaparte.

Le soussigné regretterait d'autant plus de voir la Sublime Porte s'écarter de ces principes que dans la crise actuelle de l'Europe leur inobservance doit plus que jamais influer de la manière la plus funeste sur la destinée de l'Empire Ottoman. Le ministère de sa hautesse est sans doute trop éclairé pour ne pas pressentir cette influence et trop sage pour ne pas la prévenir.

(signée) A. d'Italinsky

Печат. по копии.

Перевод

Нижеподписавшийся чрезвычайный посланник и полномочный министр е. в-ва императора всероссийского, будучи убежден, что Блистательная Порта со всей необходимой твердостью будет придерживаться принятого ею решения строго соблюдать обязательства, связывающие ее с русским императорским двором * и с английским двором, и не признавать императорский титул Бонапарта, хотел бы верить, что миссия французского офицера Жобера и доставленное им письмо[198] не смогут поколебать решения, столь соответствующего достоинству его высочества султана и столь настоятельно диктуемого подлинными интересами его империи. Но неизвестность, в которой еще пребывает нижеподписавшийся относительно способа вручения этого письма его высочеству султану, отказ Блистательной Порты сообщить ему его содержание под тем предлогом, что оно неизвестно ей самой, публично выражаемая французскими агентами уверенность, что они получат от его высочества султана ответ, соответствующий их желаниям,— все это не позволяет больше нижеподписавшемуся оставаться в прежнем убеждении. Вследствие этого он считает себя обязанным обратить самое серьезное внимание Блистательной Порты на все представленные ей им с начала обсуждения этого вопроса по особому повелению его двора как устные, так и письменные замечания; он просит особенно внимательно перечитать и самым серьезным образом обсудить ноту, которую он имел честь направить ей 3(15) декабря истекшего года ** и содержание которой

---

* Имеется в виду русско-турецкий союзный договор 1799 г. (см. т. I, прим. 86).
** См. док. 75.

достаточно ясно показывает, как его императорское в-во рассматривал бы тогда и будет рассматривать и в настоящее время какое-либо уклонение Блистательной Порты от принципов и линии поведения, которой она следует в деле признания императорского титула Бонапарта.

Нижеподписавшийся тем более сожалел бы об отклонении Блистательной Порты от этих принципов, что при нынешнем критическом положении в Европе отступление от них больше чем когда бы то ни было должно отразиться самым гибельным образом на судьбе Оттоманской империи. Министерство его высочества султана, несомненно, является слишком просвещенным, чтобы не предвидеть, и слишком благоразумным, чтобы не предотвратить этого.

(Подпись) А. Италинский

130. Инструкция Александра I посланнику в Мадриде Г. А. Строганову

12(24) мая 1805 г.

Ayant rappelé le conseiller privé de Mouravieff du poste qu'il occupait à Madrid, j'ai jugé à propos de Vous nommer mon ministre plénipotentiaire près s.m. catholique.

Les relations qui se sont rétablies entre mon cabinet et celui de St. Il-de-Fonse depuis la déclaration échangée à Paris par mon ministre plénipotentiaire le comte de Morcoff et le chevalier Azarra, ambassadeur d'Espagne[199], ces relations, dis-je, n'ont pu devenir bien intimes jusqu'ici par plus d'une cause, mais elles sont susceptibles d'acquérir un plus haut degré d'intérêt qui ne saurait qu'augmenter par les circonstances du moment et par celles que le temps fera naître selon toutes les probabilités. C'est à préparer les voies à cette liaison plus prononcée et plus permanente entre la Russie et l'Espagne et à arracher, s'il est possible, la cour de Madrid à son asservissement à la France, que tendront tous Vos soins et j'aime à me persuader que Vous ne négligerez rien pour remplir mes intentions à cet égard.

Avant de Vous développer les détails de la négociation que Vous entamerez dès Votre arrivée à Madrid, il est nécessaire de Vous faire connaître le système général que j'ai adopté pour les relations politiques de la Russie et particulièrement celles qui existent entre mon cabinet et plusieurs puissances de l'Europe, en tant que ces relations coïncident avec les intérêts de la cour près laquelle Vous résiderez.

Dans la position difficile où se trouvent depuis quelque temps les Etats qui gémissent sous le joug ou bien sous l'influence despotique de la France, je n'ai qu'un seul désir, c'est celui de voir rentrer ces Etats dans leur indépendance primitive, de poser une barrière solide aux prétentions et aux projets gigantesques du gouv[ernemen]t français et de rétablir par là l'équilibre qui a reçu de si fortes atteintes par les succès récents de la France et, surtout, par l'ambition démesurée de son premier fonctionnaire actuel. C'est vers ce grand but que mes soins ont été constamment dirigés.

Convaincu que, malgré la grande étendue de puissance et de forces que la providence m'a confiée, la position géographique de mes Etats et leurs intérêts essentiels exigent que, pour parvenir à ce but, je m'assure d'abord du concours des principales puissances de l'Europe, je n'ai cessé de les encourager et de les inviter à se réunir à moi.

Ma conduite publique était propre sans doute à leur inspirer de la confiance et le système surtout, que j'ai suivi envers la France, était de nature à écarter jusqu'au moindre doute sur la loyauté de mes intentions et sur ma sollicitude pour le bien général.

A mon avènement au trône j'avais cru d'abord qu'un concert d'amitié et de bonne intelligence entre la Russie et la France pourrait être un des moyens

les plus sûrs pour rétablir une paix définitive et générale, qui aurait au moins donné le temps à l'Europe de respirer après tant de désastres, et de restaurer l'édifice du système social, ébranlé jusque dans ses fondements. Les démarches, que je fis en conséquence, eurent pour résultat que le cabinet des Thuilleries s'obligea formellement à contribuer de son côté à la confection de l'œuvre salutaire que j'avais en vue, mais il se refusa bientôt à remplir la majeure partie des engagements* qu'il venait de prendre. Toutes mes instances pour l'y résoudre furent inutiles, et le gouv[ernemen]t français n'ayant pas discontinué, en attendant, de me donner de nouveaux motifs de mécontentement, je me suis enfin vu dans la nécessité de rompre toute relation politique avec lui en rappelant ma mission de Paris.

Par ce rappel, ainsi que par les remontrances sérieuses que mon chargé d'affaires a eu ordre de faire avant son départ et qui sont connues de l'Europe entière, je suis parvenu à rendre quelque sentiment aux cabinets défaillants de l'Europe et à les accoutumer à l'idée d'une nouvelle opposition contre la France, qu'ils regardaient comme impossible depuis la paix de Lunéville ** et celle d'Amiens ***. J'ai tiré parti de cette circonstance pour raviver les négociations déjà entamées par mon ministère avec plusieurs des puissances les plus directement intéressées à arrêter les progrès alarmants de Bonaparte. Les cours de Berlin, de Copenhague, de Vienne et de Stockholm ont enfin senti la nécessité urgente d'un contrepoids capable de balancer la puissance gigantesque de la France et de mettre une digue aux actes arbitraires d'envahissement et de vexation que se permet son chef actuel. Ces cours ont successivement contracté des engagements **** vis-à-vis de moi et se sont obligées à faire cause commune avec la Russie pour ne plus souffrir les empiétements ultérieurs qui pourraient être tentés par le gouv[ernemen]t français.

Pendant que mon ministère était occupé à faire mûrir les négociations dont je viens de Vous découvrir l'issue, j'ai pensé que l'Espagne devait aussi trouver sa place parmi les puissances que la Russie cherchait à réveiller de leur apathie. Il m'a paru que, quoique considérablement affaiblie par différents genres de calamités cette puissance ne manque pas encore de ressources et que surtout elle pourrait devenir d'un grand poids dans la balance au cas où les armées françaises seraient occupées en Italie ou sur le Rhin.

Vous verrez par les pièces ci-jointes qu'on a déjà fait une démarche indirecte ***** pour sonder s. m. catholique sur le parti qu'elle embrasserait dans le cas précité. La réponse du roi énoncée dans une lettre du prince de la Paix au duc St. Théodor[200], ministre de Naples à Madrid, ne pouvait être décisive par plus d'une raison; cependant elle est de nature à faire espérer que s. m. ne sera pas éloignée dans l'occasion de tenir la conduite que lui suggéreront d'un côté l'élévation et la droiture de son caractère et de l'autre ses véritables intérêts. Vous trouverez encore ici une lettre[201] du commandeur d'Araujo, adressée au chancelier comte de Worontzoff, dans laquelle il lui fait part des bonnes dispositions de la cour de Madrid, ainsi que la réponse[202] qui a été faite à cette lettre.

---

* Речь идет о русско-французской секретной конвенции 1801 г. (см. т. I, док. 22).

** См. т. I, прим. 24.

*** См. т. I, прим. 110.

**** Речь идет о соглашениях о совместных действиях, заключенных Россией с Данией (см. т. I, док. 270), Пруссией (см. док. 13, 23), Австрией (см. док. 63) и Швецией (см. док. 89).

***** См. док. 2.

Tandis que ceci se traitait et que j'avais tout lieu de m'attendre à une issue conforme à mes désirs******, survinrent les différends[119] entre l'Espagne et l'Angleterre qui bientôt furent suivis d'une rupture ouverte[118].

Aussitôt que je pus être instruit de la mauvaise tournure que prenaient les négociations entre les deux puissances, je me suis empressé de faire toutes les démarches capables de prévenir cette rupture, et la cour de Naples a été derechef invitée à transmettre de ma part à s. m. catholique des ouvertures à ce sujet[200] qui faisaient suite aux précédentes. Les instructions******* qui en même temps furent adressées au comte de Worontzoff, mon ambassadeur à Londres, prouvent évidemment que je n'ai rien négligé pour faire sentir au cabinet de St. James tout le tort qui en résulterait pour le bien général. Malheureusement mes remontrances n'arrivèrent qu'après coup et ne purent produire l'effet auquel on était fondé de s'attendre.

Sur ces entrefaites et tandis que le gouv[ernemen]t français ne cessait de donner de nouveaux sujets d'alarme, j'ai jugé à propos, avant de prendre un parti décisif, de m'assurer des vraies intentions de s.m. britannique sur les affaires du moment. Le retour de Londres de mon ministre adjoint de la justice de Novossiltzoff et les rapports simultanés de l'ambassadeur comte de Worontzoff me procurèrent des notions exactes à ce sujet. J'ai acquis la consolante certitude que s. m. britannique, guidée par les sentiments de modération et d'humanité qui lui sont propres, désire sincèrement la paix et que même elle serait prête à faire des sacrifices marquants pour parvenir à ce but, pourvu que cette paix puisse rétablir la tranquillité générale sur des bases solides et restreindre la France dans ses limites naturelles.

Pour me donner un témoignage irréfragable de la droiture de ses intentions à cet égard, le roi de la Grande-Bretagne m'a fait témoigner le désir, que je prenne telle mesure que je jugerai convenable pour faire connaître à Bonaparte les dispositions pacifiques dans lesquelles se trouve le gouv[ernemen]t anglais et que je me charge de proposer la paix à la France en cas qu'elle voulût entendre raison.

Mettant de côté tout sujet de mécontentement personnel et désirant épuiser tous les moyens compatibles avec la dignité et la gloire de mon empire pour rendre la tranquillité à l'Europe, je suis déterminé à me conformer au désir de s. m. britannique, et pour ne pas perdre l'à propos, je me propose d'envoyer incessamment à Paris une personne de confiance avec ordre de s'expliquer sans intermédiaire avec le chef actuel du gouv[ernemen]t français, au cas que sur la demande qui lui en sera faite, il manifeste le même désir de paix, qu'il a prétendu vouloir prouver par sa dernière lettre[167] adressée au roi de la Grande-Bretagne et à laquelle ma démarche servira de réponse[176]. Si Bonaparte juge à propos de ne point faire délivrer les passeports nécessaires à mon plénipotentiaire, cela nous procurera plus tôt la même conviction, qui quelque temps après ne serait que le résultat de la négociation au cas qu'il n'acceptât pas la paix après avoir écouté les propositions qui lui seront faites, et la nécessité de prendre des mesures de vigueur n'en deviendra que plus pressante. Si, au contraire, le gouvernement français ne décline pas de recevoir la personne en question que je veux lui envoyer, dans ce cas mon choix s'est fixé sur mon ministre adjoint de la justice qui ne faisant que revenir de Londres et connaissant

****** Против текста «Vous verrez ... à mes désirs» на полях вариант: «Vous verrez par les pièces ci-jointes qu'on avait déjà fait précédemment des démarches et que j'avais lieu d'en attendre une issue conforme à mes désirs. mais tandis que ceci se traitait...». («Из приложенных здесь документов Вы увидите, что ранее уже предпринимались соответствующие демарши и что у меня были все основания ожидать результата, отвечающего моим желаниям, но в то время, пока велись переговоры обо всем этом...»).

******* См. док. 72.

à fond les vues du cabinet de St. James, pourra mieux que tout autre s'acquitter de cette commission. En même temps qu'il fera connaître à Bonaparte les sacrifices que le roi de la Grande-Bretagne consent à faire au bien général, Mr de Novossiltzoff sera chargé de proposer les préliminaires que je trouve indispensable d'arrêter avant de traiter sur les demandes spécifiques des puissances belligérantes. Ces préliminaires, qui doivent embrasser les intérêts généraux de la cause commune, seront dictés par la justice et l'impartialité les plus strictes, mon intention invariable n'étant que de rétablir l'équilibre qui se trouve être entièrement rompu par la France et de protéger les faibles contre l'abus du pouvoir.

Si le premier fonctionnaire de la République française, éclairé sur ses véritables intérêts et sensible à la vraie gloire, veut enfin essayer de donner à son autorité une base plus solide en respectant l'indépendance des gouvernements, il acceptera les propositions qui lui seront faites de ma part et de celle de l'Angleterre, et l'on pourra espérer alors le rétablissement et la conservation de la paix qui ramènera nécessairement un ordre de choses seul capable d'assurer le bien général, parce qu'il sera fondé sur la sûreté et l'indépendance de tous les Etats souverains de l'Europe.

Mais dans le cas où Bonaparte, continuant à faire dépendre le maintien et l'affermissement de son pouvoir du désordre et des troubles qui agitent l'Europe, se laissera entraîner par l'excès de sa funeste ambition et lui sacrifiera toute autre considération quelconque, alors ce sera une preuve convaincante que la paix est impossible avec lui, qu'il ne veut la donner à l'Europe qu'après l'avoir entièrement asservie et que, par conséquent, pour sauver l'humanité de l'abîme qu'il lui prépare, l'on n'a plus le choix des moyens et que c'est à ceux de force et de vigueur seuls qu'il faut recourir sans délai. C'est un raisonnement sur lequel Vous aurez soin d'appuyer en son temps auprès du ministère espagnol pour le porter à entrer dans mes vues.

Je serai prêt à tout événement. Une partie formidable de mes armées n'attend que mes ordres pour se mettre en mouvement et doit agir de concert avec les troupes des autres puissances plus intéressées encore par leur position à s'opposer au torrent devastateur. Si le ciel bénit nos efforts, il ne faut pas douter que la plus juste des causes ne soit couronnée par le succès le plus complet.

Il résulte de cet exposé que la grande question sur la guerre ou la paix ne pourra être définitivement résolue que lorsque je connaîtrai l'issue de la négociation dont sera chargé Mr de Novossiltzoff à Paris. Il ne tiendra certainement pas à moi de rétablir immédiatement le repos et la tranquillité général, si le gouv[ernemen]t français veut apprécier la modération que je mettrai dans mes démarches envers lui. Si non, mon parti est trop irrévocablement pris pour que je puisse faire un pas rétrograde. D'ailleurs, une considération du plus grand poids vient encore à l'appui de ma détermination à cet égard. Supposé que Bonaparte refuse ou ne profite pas des offres qui lui seront faites et que ce refus coupable n'amène pas de suite la guerre continentale, il est certain que l'Angleterre, malgré l'immensité de ses ressources, ne pourra résister au-delà d'un certain temps au fardeau de la guerre qui pèse sur elle seule. Elle fera la paix partielle; la perte d'une grande partie de l'Europe serait alors consommée, et les puissances continentales, poussées à bout bientôt après par la France, ne pourraient plus compter ni sur la coopération de l'Angleterre, ni sur les subsides qu'elle offre actuellement. Il est donc indispensable sous tous les rapports, si la paix ne se fait pas, de secourir efficacement cette dernière puissance sans perte de temps et sans attendre l'époque où elle se sera épuisée, tandis que la France par là même aura acquis de nouvelles ressources; Bonaparte n'attend que ce moment pour river les chaînes des puissances continentales qu'il tient déjà sous sa dépendance et pour donner un libre cours à tous

les projets d'extension et d'agrandissement, qu'il médite ou qui pourront encore naître de son ambition effrénée.

Telle est dans ce moment-ci la situation politique de l'Europe.

Comme on ne peut prévoir avec certitude quel sera le parti que prendra le gouv[ernemen]t français, il est instant que Vous sachiez dès à présent la marche que Vous aurez à tenir dans l'une ou l'autre des hypothèses soit que la paix générale se fasse incessamment, soit que la guerre continentale devienne inévitable.

Le but principal de Vos négociations Vous a déjà été indiqué; il y a un objet d'une haute importance, qui pour le moment en fait la partie la plus essentielle et la plus difficile à atteindre, que je Vous recommande de suivre avec une attention invariable et qui contribuera principalement à délivrer l'Espagne du joug français et à l'attacher par des liens plus intimes et plus permanents à la Russie; c'est le rétablissement de la paix entre l'Espagne et l'Angleterre sous ma médiation. Cet objet est aussi susceptible de modification d'après les circonstances, comme Vous le verrez dans le cours de ces instructions et nommément dans les points suivants d'après lesquels Vous aurez soin de régler Votre conduite.

I.

Pour Vous rendre à Votre poste il sera convenable que Vous preniez la route de l'Angleterre d'où Vous passerez à Lisbonne etc. Lorsque Vous serez arrivé à Londres, on y connaîtra peut-être déjà les résultats de la négociation du ministre adjoint de la justice Novossiltzoff à Paris. Si ces résultats sont tels que je le désire ardemment pour le bien de l'humanité, l'Espagne sera déjà comprise dans les bases qui auront été établies pour la pacification générale. Il ne Vous restera alors qu'à régler avec le comte de Worontzoff ce qui regardera les différends particuliers entre l'Espagne et l'Angleterre; cet objet ne rencontrera probablement pas de grandes difficultés. Dans le cas, au contraire, où le feu de la guerre actuelle viendrait à se communiquer au continent, Vous aviserez préalablement avec ledit ambassadeur au mode le plus convenable pour effectuer une paix séparée entre les deux puissances ou bien pour ménager le concert secret dont il sera parlé ci-dessous.

Il est si important pour la cause commune d'arracher l'Espagne à l'influence française que l'Angleterre ne saurait apporter trop de facilités afin de coopérer à ce but salutaire. La restitution des frégates, des piastres prises et des colonies que l'Angleterre peut enlever dans le cours de cette guerre serait un acte de justice qui aplanirait beaucoup de difficultés. Vous tâcherez donc de vous assurer du degré de condescendance sur lequel on pourra compter de la part du gouv[ernemen]t britannique. Plus Vous obtiendrez de latitude à cet égard pendant Votre séjour à Londres et plus Vous aurez d'espoir de réussir dans Vos négociations à Madrid. Vous ne négligerez donc rien pour connaître là-dessus les véritables dispositions du gouv[ernemen]t britannique que le comte de Worontzoff sera chargé de rendre aussi favorables que possible au rétablissement de la bonne harmonie entre la Grande-Bretagne et l'Espagne.

II.

A Lisbonne Vous trouverez le commandeur d'Araujo à la tête du ministère portugais. Comme il a fait quelque séjour à St.-Pétersbourg et qu'il paraît être dans de bonnes dispositions pour le bien général, Vous pourrez tirer de lui des notions détaillées sur la situation actuelle des affaires d'Espagne et sur les localités de la cour de Madrid par où il a passé à son retour d'ici. Vous tâcherez d'acquérir sa confiance et de le faire agir à Vos fins, sans cependant

le rendre maître de Votre secret qu'à très bonnes enseignes, au défaut desquelles Vous ne lui confierez que des choses qui ne pourront nullement Vous compromettre, et Vous éviterez surtout de lui faire soupçonner le dernier but de Votre mission, ainsi que tout ce qui est relatif au prince de la Paix. Les liaisons qu'a eues le commandeur d'Araujo avec le gouv[ernemen]t français et celles qui pourraient bien l'unir audit prince, sont de nature à exiger de Votre part une conduite pareille qu'il faudra cependant accompagner par tous les dehors convenables de confiance. Une correspondance confidentielle entre Vous et ce ministre pourrait peut-être devenir utile sous différents rapports; c'est pourquoi Vous pourrez convenir avec lui sur cet objet s'il Vous en faisait la proposition.

Il sera nécessaire que Vous vous fassiez présenter à la cour de Lisbonne qui est très considérée à Madrid particulièrement à cause du tendre attachement qu'ont leurs majestés catholiques pour leur fille, épouse du prince régent. Vous ne négligerez pas, si Vous en trouverez l'occasion, de faire connaître aux souverains du Portugal toute l'étendue de mes sollicitudes particulières pour le bien-être de leur royaume et de celui d'Espagne et Vous tâcherez, s'il est possible, de les intéresser au succès de Vos négociations.

Comme Vous serez dans le cas d'avoir des relations suivies avec le conseiller d'Etat actuel Wassilieff, mon ministre près du prince régent de Portugal, Vous arrêterez avec lui toutes les mesures que Vous jugerez pouvoir contribuer au bien du service.

III.

Je ne Vous parlerai point des premières formalités que Vous aurez à remplir dès Votre arrivée à Madrid et dans lesquelles Vous vous conformerez aux usages établis. Vous aurez soin à leur occasion et dans toutes celles qui se présenteront aussitôt que Vous serez entré en rapport avec le ministère espagnol, de l'assurer de l'amitié sincère que je porte à s.m. catholique ainsi que du haut degré d'intérêt que je prends à la prospérité et à l'indépendance de ses Etats. Vous appuierez ces assurances par l'exposé fidèle des bases de mon système politique. Dès le début, Vous pourrez entrer dans le détail des soins que j'ai pris afin de prévenir la rupture entre l'Espagne et l'Angleterre. Les dispositions que j'ai manifestées dans cette occurrence doivent être un sûr garant de mes sentiments personnels pour s.m. catholique, ainsi que de ma sollicitude pour le bien général. A une époque où aucune communication de la cour de Madrid ne pouvait encore m'imposer l'obligation d'agir, je me suis empressé de faire les démarches les plus prononcées pour le maintien de la paix entre les deux puissances. Vous ne manquerez pas de mettre cet argument dans toute l'évidence dont il est susceptible, et Vous ajouterez que je ne m'arrêterai certainement pas à ces premières démarches, si l'Espagne veut recourir à mon intervention.

Supposé que la paix entre l'Angleterre et la France ait lieu immédiatement, les intérêts de la cour de Madrid deviendront une partie essentielle des négociations et formeront un objet principal de mes soins. Les choses en seront naturellement plus faciles à arranger; il ne Vous restera alors que de vous assurer des bases que s.m. c[atholique] désirera adopter pour le rétablissement de sa paix avec l'Angleterre; Vous tâcherez de concilier ces bases avec les données que Vous aurez acquises sur les dispositions du gouv[ernemen]t britannique relativement à l'Espagne et ensuite Vous en ferez part à mon ambassadeur à Londres. C'est ainsi que de concert avec le comte de Worontzoff Vous vous appliquerez avec le moins de délai que possible à aplanir les difficultés réciproques et à rapprocher les prétentions des deux puissances de façon qu'elles puissent s'accommoder sans le concours d'aucun autre intermédiaire. L'Espagne agissant actuellement en partie principale et non en auxiliaire de la France, celle-ci ne saurait dès lors la contraindre à négocier sa paix conjoin-

tement avec elle. La cour de Madrid ne pourra qu'y gagner sous tous les rapports, puisque cela faciliterait les moyens de la délivrer du patronage incommode de la France, sans quoi la paix même ne serait qu'un avantage précaire. Il s'agira donc d'établir une négociation entre l'Espagne et l'Angleterre pour le rétablissement de la paix sous ma médiation, ou du moins de faire en sorte que si cet objet doit être traité dans la négociation commune pour la paix générale, ces deux puissances s'entendent directement entr'elles et avec moi sur les résultats qu'il s'agirait d'y porter et qui les touchent particulièrement. Si je préfère un mode semblable, c'est qu'il amènerait plus d'harmonie et de confiance entre lesdites puissances et deshabituerait l'Espagne de l'idée qu'elle a eu jusqu'à présent, que ce n'est que de concert avec la France et par son entremise qu'elle peut obtenir des conditions acceptables de la part de l'Angleterre. Au reste il serait très difficile de déterminer dès à présent le mode que l'on pourra adopter pour le rétablissement de la paix entre l'Espagne et l'Angleterre, puisqu'il faudrait pouvoir connaître l'état dans lequel seront les choses au moment où il sera permis de s'occuper de cette œuvre salutaire et Vous aurez sur cela à vous régler sur les avis que Vous serez dans le cas de recevoir de mon ambassadeur à Londres ou même de Mr de Novossiltzoff à l'issue de sa négociation à Paris. Dans tous les cas, comme la paix générale, si elle se fait immédiatement, n'aura lieu que par mon intervention, j'aurai soin que les résultats en soient toujours les mêmes pour l'Espagne. Il Vous suffira pour le moment de connaître à cet égard mes intentions et leurs motifs. Je m'en rapporte pour le reste à Votre prudence et à Votre zèle qui Vous suggéreront les moyens les plus convenables pour remplir le but que je me propose, selon que les circonstances Vous l'indiqueront.

IV.

Si la guerre entre l'Angleterre et la France continue, il n'en sera pas moins utile de travailler à un rapprochement partiel entre l'Angleterre et l'Espagne. Le moyen le plus sûr pour y parvenir serait toujours ma médiation que le gouv[ernemen]t britannique accepte également dans ce cas. Il ne s'agirait donc que de la faire agréer aussi à la cour de Madrid. Nul doute que si s. m. c[atholique] pouvait avoir la faculté de prendre ce parti, sa paix avec l'Angleterre ne s'ensuivît aussitôt et conformément aux intérêts réciproques des deux puissances.

Mais il ne faut pas se dissimuler que Vous pourrez dans cette occasion rencontrer des difficultés insurmontables. Le gouv[ernemen]t français sera trop intéressé à ce que cette paix séparée ne se fasse pas, pour négliger aucun des moyens qu'il a en son pouvoir, afin de retenir l'Espagne en état de guerre contre la Grande-Bretagne. Il faut s'attendre même à ce que la France, plutôt que de consentir à une pacification isolée entre l'Angleterre et l'Espagne, attaquera celle-ci pour l'en empêcher, et les inconvénients qui résulteraient de cette rupture prématurée sont tellement palpables, qu'il est de la plus haute importance de ne pas les provoquer. A cette fin Vous mettrez toute Votre application à ménager un concert secret entre les cabinets de Madrid et de Londres d'après lequel on s'obligerait réciproquement à ne pousser les opérations de la guerre qu'autant qu'il le faudra absolument pour ne point donner de soupçons au gouv[ernemen]t français. Cet arrangement qui conviendrait également aux deux parties durerait jusqu'au moment où les circonstances permettront à s. m. c[atholique] de se déclarer ouvertement pour nous.

Je me flatte d'engager le cabinet de St. James à se prêter à un pareil ordre de choses, pourvu que je sois en état de lui donner la conviction des vrais sentiments de s. m. catholique. Cette conviction sera parfaitement acquise par la déclaration secrète dont il sera parlé dans le paragraphe suivant.

Pour procurer à la cour de Madrid tous les avantages possibles de cet arrangement, on pourrait peut-être engager le gouv[ernemen]t britannique à faire passer secrètement dans quelque port d'Espagne les trésors enlevés au cap Ste. Marie[118]. Comme on ne saurait être sûr cependant de ce que le cabinet de St. James se prêtera à une pareille restitution, Vous éviterez soigneusement de donner quelque assurance positive à cet égard à la cour de Madrid, à moins que pendant Votre séjour à Londres Vous n'ayez eu lieu de vous persuader que le gouv[ernemen]t britannique ne se refusera point à une telle proposition.

Pour tout ce qui sera relatif à ce concert secret, Vous vous entendrez également avec mon ambassadeur à Londres et Vous aurez grand soin de vous servir pour cette correspondance des voies les plus sûres, sans jamais rien donner au hasard.

V.

Il Vous sera aisé de faire sentir au ministère espagnol que le gouv[ernemen]t britannique, malgré tous les soins que je pourrais y mettre, ne voudra jamais se prêter à l'arrangement en question sur des assurances vagues et sans avoir préalablement des preuves convaincantes des véritables dispositions de s.m. catholique en faveur de la bonne cause et de son désir prononcé de secouer le joug de la France à la première occasion. Vous inviterez donc s. m. le roi d'Espagne en mon nom à s'engager préalablement envers moi par un acte authentique non seulement à ne point faire cause commune avec les Français, s'ils étaient attaqués par quelques puissances alliées du continent[204], mais, bien au contraire, à prendre une part active à l'entreprise glorieuse dont il s'agit en se déclarant contre eux.

Cette diversion et le partage des armées françaises qui en résulterait ne pourrait être que du plus grand secours pour la bonne cause; les succès, auxquels on aurait droit de s'attendre, en seraient d'autant plus assurés et le roi acquerrait une gloire bien solide en concourant si efficacement aux efforts communs dont le but d'ailleurs doit l'intéresser directement et sous tous les rapports. Aussitôt que s. m. catholique se sera déterminée à prendre l'engagement que je Vous charge d'obtenir, j'ai lieu de croire que l'Angleterre se prêtera volontiers au concert secret que je désire établir entre les deux puissances, car alors les principaux motifs qui ont amené la rupture n'existeraient plus; le gouvernement britannique serait parfaitement rassuré sur la véritable déstination des armements qui continueraient d'avoir lieu dans les ports de l'Espagne, et l'article des subsides[205] s'anéantirait de lui-même parce que l'état de guerre, dans lequel cette puissance ne cesserait d'être ostensiblement, lui servirait de raison suffisante pour ne plus en fournir à la France.

Vous trouverez ci-joint un projet de convention[206] comme je désirerais qu'elle fût conclue et que Vous proposerez dès que Vous en serez là dans Votre négociation. Si Vous réussissez à tomber d'accord sur le fond de la question, il est probable que ce projet sera adopté à moins que l'on ne veuille changer quelque chose à la forme, ce qui deviendrait absolument indifférent pourvu que le sens précis y soit. *Cette convention, conclue sous le sceau du plus profond secret, ne pourra compromettre s. m. c[atholique] dans aucun cas, puisque le cabinet de St. James auquel seul on ne pourra se dispenser de faire connaître maintenant l'existence de cet acte est trop intéressé à en voir les stipulations remplies pour que l'on puisse craindre qu'il abuse jamais de cette confidence.*

Pour ne pas perdre de temps et pour agir avec le plus de circonspection que possible, Vous expédierez un courrier extraordinaire au c[om]te de Worontzoff avec une copie de la transaction que Vous aurez signée. Vous lui ferez passer en même temps toutes les notions que Vous jugerez pouvoir contribuer au succès de ses démarches auprès du gouv[ernemen]t britannique.

VI.

On Vous fera peut-être la remarque qu'il est d'usage d'obtenir des stipulations réciproques dans de pareils cas et que s.m. c[atholique] en prenant l'engagement dont il s'agit désirerait pouvoir espérer quelqu'avantage particulier de son adhésion à la cause commune, comme une compensation pour les frais de la guerre et les risques qu'elle aura courus. Vous répondrez à cela d'abord: qu'il faut compter parmi les grands avantages qui en résulteront pour la cour de Madrid la résiliation du traité d'alliance de St. Il-de-Fonse [204], source de tous les maux présents de l'Espagne, et qui se trouvera complètement annulé par le fait, dès qu'elle se sera déclarée contre la France, ensuite, que puisque les résultats généraux de notre entreprise, s'ils sont tels qu'il est permis de s'y attendre, doivent régler non seulement les intérêts directs de la cour de Madrid, mais encore ceux des royaumes de Portugal, des Deux Siciles et de toute l'Italie, ces motifs seuls devraient suffir à s.m. c[atholique], mais elle en trouvera, j'espère, de puissants encore dans les avantages qu'elle retirera des dispositions moins hostiles de l'Angleterre et dans l'espoir certain d'une paix honorable avec cette puissance. En sus la crainte, d'une part, de voir le royaume d'Etrurie privé de toute possession par les coalisés et la certitude, de l'autre, de régler et garantir son existence d'une manière solide ne manqueront pas de faire de l'impression sur la cour de Madrid. Pour ce qui est de quelqu'autre avantage auquel elle pourrait raisonnablement prétendre à l'issue de la guerre, comme je ne saurais connaître précisément ce qui pourrait convenir à s. m. c[atholique], Vous tâcherez de sonder le ministère espagnol sur cet objet et Vous me rendrez compte de ce que Vous aurez appris.

Dans le cas où le ministère espagnol Vous proposerait de donner à ses engagements une autre forme, Vous pourrez y souscrire, pourvu qu'ils soient bien explicites, et s'il désirait insérer dans la convention quelqu'autre article et si Vous le jugiez en opposition avec les principes de la justice la plus stricte et l'état des affaires dans ce moment, Vous prendriez le tout *ad referendum* et Vous m'en feriez Votre rapport.

Pour donner à l'opposition que Vous serez dans le cas de manifester dans cette occasion le caractère de l'impartialité la plus parfaite, Vous assurerez le ministère de s. m. catholique que toute vue d'ambition ou d'intérêt particulier sera étrangère au plan de notre entreprise. Quant à moi, je me flatte que la position, l'étendue, la puissance de mon empire et surtout le système que j'ai constamment suivi écarteront jusqu'au moindre doute sur ma loyauté et sur la pureté des intentions qui me guident. Mais comme toutes les cours ne sont pas dirigées par le même esprit, il est possible que l'exemple du passé donnât des doutes à s. m. catholique sur le désintéressement de quelqu'une des autres puissances alliées. Vous observerez à ce sujet qu'il est probable que la nécessité de rétablir un juste équilibre exigera quelque changement dans l'ordre des choses actuel, mais que ce sera cette considération seule qui dictera la condescendance que je serai dans le cas de manifester, et que loin de jamais prêter les mains à l'accomplissement d'aucune vue d'intérêt partiel, lorsque je la trouverai contraire aux principes que je professe, je m'y opposerai constamment et que même si le cas l'exigeait, je saurai faire usage des moyens les plus infaillibles pour contenir l'ambition et la convoitise dans leurs justes bornes. Vous mettrez au reste tous Vos soins pour que cette négociation ne traîne pas en longueur. Il sera bon qu'à cet effet Vous employiez aussi les arguments les plus pressants par lesquels Vous dépeindrez les malheurs que peut s'attirer l'Espagne au cas qu'elle persiste à faire cause commune avec la France, tandis que le reste de l'Europe se sera déclaré contr'elle. L'Angleterre a de grands moyens pour nuire à l'Espagne dans les deux Indes. Les coalisés pourraient même au besoin lui

porter des coups dans ses propres foyers, et Bonaparte assailli de tous les côtés ne sera plus même en état de lui offrir ses perfides secours, dont l'acceptation serait du reste plus dangereuse encore que notre attaque. Avant de finir ce paragraphe je dois ajouter que si par hasard la guerre s'allumait sur le continent avant que Vous soyez au bout de Votre négociation, Vous ne devez que redoubler Vos efforts pour obtenir l'engagement précité et pour porter l'Espagne à se prononcer contre la France dans le plus court terme possible en lui représentant que la conduite tyrannique et outrageante de Bonaparte à son égard l'autorise pleinement à saisir toute occasion pour rompre les liens onéreux qui unissent son royaume à la France et qu'à cet égard on ne saurait jamais reprocher à s. m. c[atholique] avec justice le moindre manque de bonne foi ou de loyauté envers une puissance qui se dit son alliée, mais qui ne se sert de ce titre que pour l'opprimer et lui nuire. Les craintes qu'aurait la cour de Madrid de prendre cette détermination trop tôt seront levées d'elles-mêmes dans cette supposition.

VII.

Si, comme je le suppose, s. m. catholique se décide à conclure la transaction que Vous proposerez, il sera nécessaire pour donner à cet acte toute la force et la validité requises, que le prince de la Paix ou tel autre ministre qui sera chargé de le signer soit muni des pleins pouvoirs d'usage. Par la même raison Vous trouverez ici une autorisation de ma part pour suivre et terminer cette négociation. Au reste le contenu de l'acte que Vous signerez pourra être par la suite étendu par des conventions ou déclarations additionnelles aussitôt que les distances et la difficulté des communications le permettront. Je me conformerai volontiers aux vues de s. m. catholique à cet égard et je ne désire avoir ce premier engagement de sa part que pour pouvoir m'employer en faveur de ses intérêts auprès du gouv[ernemen]t britannique avec d'autant plus d'efficacité et sans perte de temps.

VIII.

Dans le cas où la négociation du Sr Novosiltzoff à Paris traînerait en longueur et que pendant Votre séjour à Londres on n'y connût encore aucun de ses résultats, Vous n'en poursuivrez pas moins la tâche qui Vous est imposée par les présentes instructions, en adoptant toutefois les modifications que de concert avec le comte de Worontzoff Vous jugerez convenables pour tout ce qui aura trait à la pacification ou bien au concert secret à établir entre l'Espagne et l'Angleterre.

IX.

En traitant de cet important objet à Madrid, Vous pourrez insinuer au ministère espagnol que je n'envisagerai ce premier rapprochement qui doit s'en suivre entre mon cabinet et celui de St. Il-de-Fonse que comme un acheminement à des liaisons plus intimes encore et plus solides pour l'avenir. Une alliance fédérative entre la Russie, l'Espagne, le Portugal et les Etats souverains de l'Italie m'a toujours paru le moyen le plus efficace pour contenir la France dans ses justes bornes et pour assurer par là le repos et l'indépendance du Midi de l'Europe. Cet objet qui m'intéressera toujours à plus d'un égard sera le sujet d'une négociation ultérieure sur laquelle Vous recevrez des instructions en son temps. Je ne saurais ne pas remarquer à cet endroit que le traité de St. Il-de-Fonse [204], tant que ses stipulations seront en force, restera toujours un grand obstacle qui s'opposera à ce que l'Espagne n'adopte un système politique

conforme à ses véritables intérêts. Dans la supposition d'une pacification immédiate, cette difficulté continuera d'exister et Vous tâcherez d'aviser aux moyens de la lever avec le temps, en portant l'attention du ministère espagnol sur cet objet et en vous entendant confidentiellement avec lui, pour que je sache au juste la manière dont il l'envisage.

X.

Vous tâcherez dès Votre début à Madrid de Vous concilier les bonnes grâces et la bienveillance de leurs majestés catholiques par tous les moyens compatibles avec la dignité du caractère dont Vous êtes revêtu. Vous ferez bien aussi de fréquenter les principaux ministres espagnols. Leur amitié et leur confiance, que Vous parviendrez à obtenir par une conduite sage et uniforme sans jamais rien précipiter, pourront Vous être d'une grande utilité pour le succès de Vos négociations ********.

Le prince de la Paix occupe le premier rang parmi ces ministres et jouit d'une confiance et d'un pouvoir sans bornes. Comme il a une grande influence sur les déterminations de la cour de Madrid et, par conséquent, sur les intérêts de la cause commune, il ne sera pas superflu de Vous faire connaître les notions qui sont parvenues à mon ministère sur la personne de ce premier ministre.

Il est soupçonné d'être aveuglément adonné aux Français soit par crainte, soit par ambition, soit enfin par inclination; on le suspecte de plus d'être l'instigateur de projet d'abdication que s. m. c[atholique] a voulu mettre en exécution et cela pour parvenir à la régence; peut-être même qu'il porte ses vues jusqu'au trône. On ajoute que dans ces différents projets d'élévation le prince de la Paix est secrètement encouragé et favorisé par Bonaparte. La connaissance que l'on a des principes et de l'astuce de cet homme, auquel tous les moyens sont égaux pourvu qu'il parvienne à son but, ne rend pas cette assertion invraisemblable par la raison que si Bonaparte (comme on le suppose avec beaucoup de fondement) a des projets sur le trône d'Espagne pour quelqu'un des membres de sa famille, il aurait infiniment plus beau jeu contre un usurpateur qu'avec un roi légitime. Quoi qu'il en soit, il est certain qu'une grande partie des malheurs qui affligent l'Espagne est due à la conduite et à la mauvaise administration du prince de la Paix. Sous ce rapport seul, ce serait rendre un service essentiel à s. m. catholique, à la monarchie espagnole et par contre-coup à l'Europe entière, si l'on pouvait l'éloigner du ministère avec toutes ses créatures. Cet éloignement devrait être le complément de ce que l'on se propose. On aurait soin de ne composer le nouveau ministère que de sujets d'un mérite et d'une probité reconnus et ayant pour eux l'opinion générale. La confiance dans ce ministère porterait l'Angleterre à plus de facilités, et la marche des affaires en général ne pourrait qu'y gagner infiniment. Vous ne vous occuperez de cet objet qu'avec la plus grande réserve et après Vous être orienté sur le nouveau théâtre sur lequel Vous allez paraître. Si Vous entrevoyez des possibilités pour que cette régénération si salutaire s'opère en Espagne, Vous pourrez vous ouvrir sur cet objet au duc de St. Théodore, ministre du roi de Naples à Madrid, qui est particulièrement intéressé à voir le ministère espagnol mieux organisé qu'il ne l'est dans ce moment-ci. Outre les motifs de mécontentement personnel que le duc de St. Théodore a contre le prince de la Paix, il en est un qui touche de trop près s. m. sicilienne pour que son ministre à Madrid puisse

---

******** Против текста «Vous tâcherez... Vos négociations» на полях помета: NB. omettre tout ce paragraphe en y mettant des points («Опустить весь этот параграф, поставив многоточие».)

y rester passif. Ce sont les procédés peu convenables qu'essuie la princesse des Asturies, fille du roi de Naples, et qui n'ont d'autre source que l'inimitié que le premier ministre a vouée à l'héritier présomptif du trône. Vous pourrez donc compter à un certain point sur la franchise et loyauté du duc de St. Théodore pour tout ce qui sera relatif au changement si désirable à tous égards; mais je le répète, il faudra que surtout à Votre début, Vous évitiez tout ce qui pourrait donner le moindre soupçon au prince de la Paix; Vous tâcherez au contraire par une conduite sage et prudente de l'entretenir dans une sécurité parfaite sur ce qui le concerne. Cela sera d'autant plus nécessaire qu'il est naturellement d'un caractère ombrageux et très soupçonneux. Une pareille conduite d'ailleurs Vous donnera le temps de pénétrer ses véritables sentiments. Malgré qu'assurément il ne soit pas fait pour inspirer beaucoup de confiance, cependant si Vous le jugiez tellement bien établi dans les bonnes grâces du roi que son renvoi deviendrait impossible, et si surtout l'on pouvait nourrir l'espoir de l'attacher aux intérêts de la bonne cause, dans ce cas il sera plus sûr de s'en tenir à lui et de ne rien négliger afin de l'y déterminer. Vous lui représenterez d'un côté la gloire et les avantages de son souverain comme inséparables du parti que je désire que s. m. c[atholique] embrasse, et Vous lui insinuerez de l'autre que ses intérêts personnels à lui et à la conservation de son poste seraient infiniment plus assurés, si on parvenait à établir un ordre de choses plus adapté à la dignité de la monarchie espagnole ainsi qu'au bien général.

XI.

Quoique la prépondérance et le crédit dont jouit actuellement l'ambassadeur de France à Madrid, ne soient qu'une suite de la sujétion dans laquelle Bonaparte tient l'Espagne et que sous ce rapport son influence soit assez précaire, cependant les choses étant dans cet état, Vous devez absolument user de la plus grande circonspection dans tout ce qui aura trait aux négociations dont Vous êtes chargé. Le moindre soupçon que pourrait avoir le gouvernement français de leur existence attirerait infailliblement à l'Espagne de nouvelles humiliations et ne ferait qu'accélérer l'exécution des projets d'envahissement que Bonaparte médite depuis longtemps. Il sera donc urgent que Vous soyez scrupuleusement sur Vos gardes vis-à-vis de l'ambassadeur de France et contre les nombreux espions qu'il entretient et dont il a su environner la cour même. Il sera également nécessaire que Vous vous prémunissiez contre le manège de quelques-uns des membres du corps diplomatique que l'ambassadeur de France a su mettre dans ses intérêts et que Vous tâcherez de signaler dès que Vous serez sur les lieux. Avec ces précautions il faut espérer que Vous parviendrez à dérober à la vigilance française le véritable but de Votre mission.

XII.

Parmi les ministres accrédités à la cour de Madrid ce sont ceux de Naples et de Portugal avec lesquels Vous pourrez vous lier plus particulièrement. Le duc de St. Théodore Vous sera utile, surtout au moment de Votre arrivée, par les connaissances qu'il a eu le temps d'acquérir sur le pays et sur les personnes qui composent le ministère espagnol. Vous en tirerez tout le parti que Vous pourrez en ne perdant pas de vue, cependant, la prudence et la circonspection que Vous impose la nature des affaires dont Vous aurez à traiter.

Vu la conformité d'intérêts qui existe entre les deux cours de Madrid et de Naples, Vous ferez bien aussi de vous mettre en relation suivie avec le conseiller privé de Tatistscheff mon ministre près s. m. sicilienne. Vous aurez observé que c'est par l'entremise de cette cour qu'a été faite la première démarche de mon ministère auprès de celle de Madrid. La bonne volonté que le roi des

Deux Siciles nous a témoignée dans cette occasion ainsi que ses dispositions en général, ne me permettent pas de douter qu'il s'empressera toujours à concourir à tout ce qui pourra contribuer aux succès de la bonne cause. Les dispositions d'un souverain proche parent et allié de s. m. c[atholique] Vous offriront de grandes facilités dans le cours de Vos négociations et Vous vous concerterez à cet effet avec le conseiller privé de Tatistscheff sur les moyens les plus propres pour en tirer tout le parti possible.

Indépendamment des sentiments d'amitié que j'ai toujours portés à s. m. sicilienne et qui n'attendent que la première occasion pour se manifester dans toute leur étendue, je ne puis que prendre l'intérêt le plus prononcé à la situation pénible où se trouvent tous les princes et Etats souverains de l'Italie. Le sort du roi de Sardaigne surtout est l'objet de mes plus vives sollicitudes. Pour ce qui regarde l'Italie en général, un de mes premiers soins sera, aussitôt que le cours des événements me le permettra, de m'employer avec énergie à la délivrance de cette belle et intéressante partie de l'Europe de toute influence étrangère, en quoi mes intentions sont assurément très conformes aux intérêts et aux désirs de s. m. catholique.

Quant au Portugal, il paraît certain jusqu'ici qu'il saisira avec empressement la première occasion favorable pour secouer le joug de la France surtout si l'Espagne lui en donne l'exemple. Il n'est point présumable que la cour de Lisbonne change jamais d'avis à cet égard; cependant si cela pouvait arriver et qu'elle voulût rester passive vers le temps où l'on sera en état d'agir, Vous inviterez s.m. catholique à intervenir avec énergie auprès de s[on] a[ltesse] royale le prince régent pour l'engager à concourir efficacement aux efforts des puissances alliées. A cet effet il serait même à propos que la cour de Madrid entamât avec celle de Lisbonne une négociation directe, que mon ministre appuierait de son côté aussitôt que s. m. c[atholique] se sera prononcée pour la bonne cause par la convention susmentionnée. J'abandonne à Votre prudence et à Votre sagesse le choix des moyens les plus convenables pour établir cette négociation dont les résultats assureront l'adhésion du Portugal à la bonne cause.

L'intimité qui règne entre mon cabinet et celui de Vienne Vous permettra de cultiver également le ministre d'Autriche à Madrid en tant que ses principes et son caractère personnel Vous inspireront plus ou moins de confiance. Je vais incessamment demander à la cour de Vienne de recommander à son ministre de s'entendre sur toute chose avec Vous et de l'autoriser quand Vous l'en requerrez à appuyer les démarches que Vous êtes chargé de faire à Madrid en faveur de la cause commune.

Quant à la conduite que Vous aurez à tenir en général, je Vous recommande de la rendre conforme toujours à la plus parfaite équité et modération dont Vous savez que j'ai fait la règle de toutes mes relations politiques. Tout en conservant intacte la dignité qui est inhérente à la place que Vous allez occuper, Votre caractère sage et conciliant m'est trop connu pour que je ne sois certain que Vous éviterez soigneusement toute prétention, toute exigence qui pourrait blesser à juste titre la cour où Vous résiderez et diminuer la confiance générale que je désire que Vous y inspiriez. Vos discussions avec le ministère doivent être soutenues avec fermeté et avec toute la force des arguments dont elles seront susceptibles mais Vous en écarterez sans cesse tout ce qui pourrait faire naître de l'aigreur et du mécontentement personnel. Il sera bon que Vous évitiez aussi de manifester une partialité passionnée pour ou contre telle puissance que ce soit. Vous ferez connaître que je n'ai jamais confondu la nation française avec son gouv[ernemen]t, que mes efforts ne tendent qu'à réprimer les projets trop ambitieux de celui-ci qui menace d'asservir l'Europe entière et ne sont nullement dirigés par aucune autre vue quelconque qui puisse être au détriment de la nation en corps. Vous ferez sentir également dans l'occasion

que ce n'est nullement par l'effet d'une prévention aveugle et passionnée pour l'Angleterre que j'embrasse son parti dans la circonstance actuelle, mais uniquement par la conviction que le salut de l'Europe l'exige; que la Russie dans cette occurrence n'est point, comme on voudra le débiter, l'instrument de l'Angleterre et que bien loin de servir les vues que les ennemis de cette puissance lui ont prêtées souvent, c'est au contraire s. m. britannique qui a bien voulu entrer dans les miennes et adopter avec empressement les principes équitables que je lui ai proposé de suivre. C'est par de pareils raisonnements que Vous parviendrez à détruire toute fausse idée qui pourrait naître sur l'état présent des choses en Europe et sur mes véritables sentiments et la droiture de mes intentions.

XIII.

Tout en suivant la négociation politique qui est le but principal de Votre mission, Vous ferez sentir au ministère espagnol les avantages réciproques auxquels on aurait droit de s'attendre si on voulait donner au commerce direct entre la Russie et l'Espagne toute l'extension et l'activité dont il est susceptible. La différence marquée que la nature a mise dans le climat et le sol des deux empires offre différents objets qui pourraient être échangés sans l'intervention des autres nations commerçantes. Outre le commerce de la Baltique qui ne manque pas d'être intéressant à plus d'un égard, il est à observer que depuis que mes ports de la Mer Noire sont plus fréquentés qu'autrefois, les spéculations mercantiles des Espagnols dirigées vers ces contrées pourraient leur procurer des bénéfices considérables.

La cour de Madrid n'a point jugé à propos de ratifier le dernier traité[207] que son ministre à Constantinople avait conclu avec le ministère ottoman et dans lequel entre autres il était question du libre passage dans la Mer Noire. J'ai déjà chargé mon ministre près la Sublime Porte d'y préparer les voies afin d'aplanir les difficultés[208] qui se sont élevées à ce sujet, et j'ai tout lieu de m'attendre à ce que mon intervention pourra amener des résultats conformes aux désirs de s. m. c[atholique]. Pour Vous mettre au fait du point où en est cette affaire et de la manière dont elle a été conduite par les cours respectives et afin que par là Vous soyez plus en état de contribuer à la terminer à la satisfaction de l'Espagne, j'ai ordonné qu'on Vous donnât en copie des notes échangées ici et des dépêches écrites à Constantinople à ce sujet. Vous pourrez faire valoir l'empressement que je témoigne dans cette occasion à complaire à s. m. c[atholique] comme une nouvelle preuve de mes sentiments pour elle.

Je chargerai mon ministère de Vous fournir tous les renseignements qui pourraient encore Vous être nécessaires et de Vous tenir au courant des événements dont la connaissance pourra Vous être utile. Vous de Votre côté ne lui laisserez rien ignorer de la marche et des progrès de Vos différentes négociations ainsi que des opérations du gouv[ernemen]t français dans le pays où Vous résiderez et en général de tout ce qui Vous paraîtra mériter quelqu'attention.

En Vous confiant cette importante mission, j'aime à me persuader que Vous ne négligerez rien pour exécuter mes ordres avec l'exactitude et le zèle le plus infatigable et que par là Vous acquerrez de nouveaux droits à l'estime particulière avec laquelle je suis...[209]

Помета Александра I: Быть по сему.
Мая 4 дня 1805.

Высочайше подписана 12 мая 1805 года и того же дня вручена министру барону Строганову.

Печат. по отпуску.

Перевод

Отозвав тайного советника Муравьева с поста, который он занимал в Мадриде, я счел нужным назначить Вас моим полномочным министром при его католическом в-ве.

Отношения, восстановившиеся между моим и сент-ильдефонским кабинетами после того как в Париже мой полномочный министр граф Морков и испанский посол шевалье Азара обменялись декларациями [199], не могли до сих пор по ряду причин стать очень близкими, но они могут представить значительно больший интерес, который, по всей вероятности, еще больше увеличится в силу обстоятельств данного момента или тех, которые возникнут в будущем. Именно к тому, чтобы подготовить пути для установления более определенных и постоянных связей между Россией и Испанией и избавить мадридский двор, если это возможно, от французского порабощения, и должны быть направлены Ваши усилия, и мне хочется верить, что Вы ничего не упустите, для того чтобы осуществить мои намерения в этом отношении.

Прежде чем писать Вам подробно о переговорах, которые Вы начнете после Вашего прибытия в Мадрид, необходимо ознакомить Вас с общей системой, принятой мною в том, что касается политических отношений России и, в частности, отношений, существующих между моим кабинетом и некоторыми европейскими державами в той мере, в какой эти отношения касаются интересов двора, при котором Вы будете аккредитованы.

В связи с тем тяжелым положением, в котором находятся с некоторого времени государства, стонущие под игом Франции или же под ее деспотическим влиянием, я хотел бы только одного,— чтобы эти государства снова получили свою прежнюю независимость, чтобы была поставлена прочная преграда притязаниям и далеко идущим планам французского правительства и чтобы тем самым было восстановлено равновесие, столь сильно поколебленное недавними успехами Франции и особенно необузданным властолюбием ее теперешнего первого сановника. Именно к достижению этой великой цели и были постоянно направлены мои усилия.

Будучи убежден в том, что, несмотря на большое могущество и огромные силы, данные мне провидением, географическое положение моих владений и их основные интересы требуют, чтобы для достижения этой цели я заручился заранее содействием главных европейских держав, я непрестанно ободрял их и предлагал им присоединиться ко мне.

Мое поведение в отношениях с другими державами было способно, без сомнения, внушить им доверие, а моя политика в отношении Франции должна была устранить даже малейшие сомнения в искренности моих намерений и моих забот об общем благе.

По восшествии на престол я счел вначале, что установление дружеского согласия и взаимопонимания между Россией и Францией могло бы явиться одним из самых верных средств для восстановления всеобщего и окончательного мира, который, по крайней мере, дал бы Европе время, для того чтобы передохнуть после стольких бедствий и восстановить свою социальную систему, расшатанную до самого основания. Результатом демаршей, предпринятых мною в связи с этим, явилось то, что тюильрийский кабинет официально взял на себя обязательство способствовать со своей стороны спасительному делу, которое я имел в виду *; но вскоре он отказался выполнить большую часть своих обязательств. Все мои настояния, имевшие своей целью побудить его выполнить их, не имели успеха, и, поскольку французское правительство между тем непрестанно давало мне новые поводы для недовольства, я, в конце концов, был вынужден порвать всякие политические отношения с ним, отозвав мою миссию из Парижа.

Благодаря отозванию миссии, так же как и серьезным предостережениям, которые мой поверенный в делах получил повеление сделать перед своим отъездом и которые известны всей Европе, мне удалось несколько воодушевить недостаточно решительные кабинеты Европы и добиться того, что они свыклись с мыслью о необходимости новой оппозиции против Франции, которую они считали невозможной со времени заключения Люневильского ** и Амьенского *** мирных договоров. Я воспользовался этим обстоятельством для активизации переговоров, уже начатых моим министерством с некоторыми из держав, наиболее заинтересованных в том, чтобы положить конец вызывающим тревогу успехам Бонапарта. Берлинский, копенгагенский, венский и стокгольмский дворы почувствовали наконец настоятельную необходимость создать противовес, с помощью которого можно было бы противостоять огромному могуществу Франции и поставить преграду беззаконным захватам и притеснениям, которые позволяет себе ее нынешний правитель. Эти дворы один за другим заключили со мной соглашения **** и обязались действовать сообща с Россией, чтобы не допустить дальнейших захватов, которые французское правительство могло бы попытаться осуществить.

В то время, когда мое министерство было занято завершением переговоров, исход которых я Вам только что сообщил, я подумал, что и Испания должна найти свое место среди держав, которые Россия пытается сейчас пробудить от апатии. Я счел, что, несмотря на то, что эта держава значительно ослаблена в результате различных бедствий, у нее еще имеются ресурсы и что ее силы могли бы иметь немаловажное значение в общем балансе, особенно в том случае, если бы французские армии были заняты в Италии или на Рейне.

Из приложенных документов Вы увидите, что уже был сделан косвенный демарш *****, имевший своей целью прозондировать, какое решение принял бы его католическое в-во в указанном случае. Ответ короля, изложенный в письме Князя Мира герцогу Сент-Теодору [200], неаполитанскому посланнику в Мадриде, не мог быть окончательным по целому ряду причин; однако по своему характеру этот ответ позволяет надеяться, что е. в-во в соответствующем случае не откажется следовать такой линии поведения, которую ему подскажут, с одной стороны, благородство и прямота его характера, а с другой — его истинные интересы. Кроме того, Вы найдете в приложении письмо командора Араухо [201], адресованное канцлеру графу Воронцову, в котором он сообщает о добром расположении мадридского двора, а также ответ [202], который был дан на это письмо.

В то время, когда велись все эти переговоры и у меня были все основания ожидать результата, отвечающего моим желаниям ******, между Испанией и Англией возникли разногласия [119], за которыми вскоре последовал полный разрыв [118].

Как только я узнал о том, что переговоры между этими двумя державами приняли плохой оборот, я поспешил предпринять все демарши, которые могли бы предотвратить этот разрыв, и вновь просил неаполитанский двор передать его католическому в-ву от моего имени предложения по этому вопросу [203], которые являлись развитием предыдущих предложений. Инструкции *******, посланные тогда же графу Воронцову, моему послу в Лондоне, с очевидностью доказывают, что я ничем не пренебрег для того, чтобы дать понять сент-джемскому кабинету, какой вред это причинило общему благу. К несчастью, мои предостережения были получены только тогда, когда разрыв уже состоялся, и не смогли дать результата, которого можно было ожидать от них.

В связи с тем, что французское правительство не прекращало между тем давать новые поводы для беспокойства, я счел целесообразным, прежде чем принять окончательное решение, выяснить истинные намерения его британского в-ва по актуальным вопросам. Возвращение из Лондона товарища министра юстиции Новосильцева и присланные тогда же донесения посла графа Воронцова обеспечили мне точные сведения на этот счет. Я приобрел утешительную уверенность в том, что его британское в-во, движимый свойственными ему чувствами умеренности и гуманности, искренне желает мира и что он готов даже пойти на значительные жертвы для достижения этой цели, чтобы благодаря этому миру можно было восстановить на прочных основах всеобщее спокойствие и вернуть Францию в ее естественные границы.

Чтобы дать мне неоспоримое доказательство искренности своих намерений в этом отношении, король Великобритании выразил пожелание, чтобы я предпринял такой демарш, какой сочту уместным, чтобы довести до сведения Бонапарта о миролюбивых намерениях английского правительства, а также чтобы я взялся предложить Франции мир, если она захочет внять голосу рассудка.

Оставляя в стороне все то, что дает мне основания для личного неудовольствия, и стремясь использовать до конца все средства, совместимые с достоинством и славой моей империи, для того чтобы вернуть Европе спокойствие, я решил пойти навстречу желанию его британского в-ва, и, чтобы не упустить подходящего момента, я намереваюсь немедленно послать в Париж доверенное лицо, поручив ему объясниться непосредственно с главой французского правительства в случае, если в ответ на сделанный ему на этот счет запрос он выразит такое же стремление к миру, какое он пытался доказать своим последним письмом [167] к королю Великобритании, ответом на которое и явится мой демарш [176]. Если Бонапарт сочтет уместным отказать в выдаче необходимых паспортов моему полномочному представителю, то это лишь раньше убедит нас в том же, в чем мы убедились бы в результате переговоров в случае, если бы, выслушав предложения, которые ему будут сделаны, он не согласился заключить мир, а необходимость принятия решительных мер стала бы еще более настоятельной. Если же, напротив, французское правительство не откажется принять вышеупомянутое лицо, которое я собираюсь к нему направить, то мой выбор остановился на товарище министра юстиции, который только что вернулся из Лондона и, будучи хорошо осведомлен о видах сент-джемского кабинета, сможет лучше, чем кто-либо другой, выполнить это поручение. Г-ну Новосильцеву будет поручено сообщить Бонапарту о тех жертвах, на которые король Великобритании готов пойти ради общего блага и одновременно с этим предложить французскому правительству прелиминарные условия, которые я считаю необходимым составить, прежде чем приступать к обсуждению частных требований воюющих держав. Эти прелиминарии, в которых должны быть предусмотрены общие для всех держав интересы, будут основаны на принципах справедливости и полнейшего беспристрастия, поскольку я неизменно стремлюсь лишь к тому, чтобы восстановить равновесие, полностью нарушенное Францией, и защитить слабых от произвола сильных.

Если первый сановник Французской республики, осознав свои подлинные интересы и стремясь к истинной славе, захочет, наконец, попытаться утвердить свою власть на более прочных основах, уважая независимость других правительств, то он примет предложения, которые будут сделаны ему с моей стороны и со стороны Англии, и тогда можно будет надеяться на восстановление и сохранение мира, который с необходимостью повлечет за собой установление порядка вещей, единственно способного обеспечить всеобщее благопо-

лучие, поскольку он будет основываться на безопасности и независимости всех суверенных государств Европы.

Но в случае если Бонапарт, по-прежнему используя беспорядки и смуты, терзающие Европу, для поддержания и укрепления своей власти, позволит своему непомерному и гибельному властолюбию увлечь себя и пожертвует ради этого всеми другими соображениями, то это явится убедительным доказательством того, что мир с ним невозможен, что он хочет дать мир Европе лишь после того, как полностью закабалит ее, и что, следовательно, для того чтобы спасти человечество от пропасти, которую он ему готовит, не остается никаких других средств, и что необходимо незамедлительно прибегнуть к силе и решительным мерам. На это соображение Вы должны будете в свое время сделать упор в беседах с испанским министерством, чтобы побудить его войти в мои виды.

Я буду готов к любому событию. Огромная армия ждет только моего приказа, чтобы выступить в поход и действовать сообща с войсками других держав, которые в силу своего местоположения еще более заинтересованы в том, чтобы противостоять этому разрушительному потоку. Если небо благословит наши усилия, то не может быть сомнения в том, что это справедливейшее дело увенчается полным успехом.

Из вышесказанного явствует, что великий вопрос войны или мира может быть окончательно решен лишь после того, как мне станут известны результаты переговоров, которые будет поручено вести Новосильцеву в Париже. Я, несомненно, буду готов содействовать немедленному восстановлению всеобщего мира и спокойствия, если французское правительство оценит умеренность, которую я проявлю по отношению к нему в своих демаршах. В противном же случае мое решение слишком бесповоротно, чтобы я мог отступать. К тому же еще одно очень веское соображение подтверждает правильность моего решения по этому вопросу. Если предположить, что Бонапарт ответит отказом или не воспользуется предложениями, которые будут ему сделаны, и этот преступный отказ не вызовет немедленно континентальную войну, Англия, несомненно, несмотря на ее громадные ресурсы, не сможет до бесконечности нести одна бремя войны. Она заключит сепаратный мир; тогда большая часть Европы будет погублена, а континентальные державы, доведенные вскоре Францией до крайности, не смогут больше рассчитывать ни на содействие Англии, ни на субсидии, которые она им сейчас предлагает. Следовательно, если мир не будет заключен, будет во всех отношениях необходимо без промедления оказать эффективную помощь Англии, не дожидаясь того времени, когда эта держава истощит свои силы, в то время как Франция тем самым приобретет новые ресурсы; Бонапарт ждет только этого момента, чтобы поработить континентальные державы, которые он уже держит в зависимости, и чтобы осуществить все свои завоевательные планы, которые он замышляет или которые еще породит в будущем его необузданное честолюбие.

Такова в данный момент политическая обстановка в Европе.

Ввиду того что нельзя с уверенностью предсказать, какое решение примет французское правительство, необходимо, чтобы Вы сейчас уже знали, какой линии Вы должны будете придерживаться как в случае немедленного установления всеобщего мира, так и в случае, если континентальная война станет неизбежной.

Главная цель Ваших переговоров уже была Вам указана; самой существенной в настоящее время и наиболее трудно выполнимой ее частью явится задача, которой я предлагаю Вам уделять неослабное внимание, так как ее осуществление будет способствовать освобождению Испании от французского гнета и поможет привязать ее более тесными и постоянными узами к России; речь идет о восстановлении мира между Испанией и Англией при моем посредничестве. Эта задача также может подвергнуться изменениям в зависимости от обстоятельств, как Вы увидите из этой инструкции и, в частности, из нижеследующих пунктов, которыми Вам следует руководствоваться в Ваших действиях:

I

Будет целесообразно, если Вы, следуя к месту Вашего назначения, проедете в Англию, оттуда в Лиссабон и т. д. Когда Вы прибудете в Лондон, там, возможно, уже будут известны результаты переговоров товарища министра юстиции Новосильцева в Париже. Если эти результаты будут такими, какими я весьма хотел бы видеть их в интересах блага человечества, Испания будет уже включена в те основные условия, которые будут выработаны для установления общего мира. Тогда Вам останется только урегулировать совместно с графом Воронцовым то, что касается частных разногласий между Испанией и Англией; этот вопрос не встретит, вероятно, больших трудностей. Напротив, в случае если пламя нынешней войны перекинется на континент, Вам нужно будет предварительно наметить с упомянутым послом наиболее подходящий способ, для того чтобы обеспечить сепаратный мир между этими двумя державами или же позаботиться о секретном соглашении, о котором будет идти речь ниже.

Для общего дела настолько важно вырвать Испанию из-под французского влияния, что Англия должна всемерно способствовать достижению этой спасительной цели. Возвращение захваченных фрегатов и пиастров, а также колоний, которые Англия может завоевать в ходе этой войны, явилось бы актом справедливости и устранило бы многие трудности. Вы постараетесь выяснить, насколько большой уступчивости можно ожидать от британского кабине-

та. Чем большего Вы добьетесь в этом отношении во время Вашего пребывания в Лондоне, тем больше у Вас будет надежды на успех Ваших переговоров в Мадриде. Вы должны, следовательно, сделать все для того, чтобы узнать истинные намерения британского правительства; графу Воронцову будет поручено стараться как можно более расположить его к восстановлению доброго согласия между Великобританией и Испанией.

II

В Лиссабоне Вы найдете командора Араухо во главе португальского министерства. Поскольку он находился некоторое время в С.-Петербурге и, как кажется, настроен в пользу общего блага, Вы сможете узнать от него подробные сведения о современном положении дел в Испании и, в частности, о тех областях, подчиненных мадридскому двору, через которые он проезжал, возвращаясь из России. Попытайтесь приобрести его доверие и заставить его действовать в Ваших интересах, открывая, впрочем, ему свои секреты только в случае, если Вы будете уверены, что он их сохранит; если же такой уверенности не будет, доверяйте ему только такие вещи, которые никоим образом не смогут Вас скомпрометировать; особенно старайтесь, чтобы у него не возникло никаких подозрений относительно конечной цели Вашей миссии, а также в отношении всего, что касается Князя Мира. Связи, которые командор Араухо поддерживал с французским правительством, а также, по-видимому, и с Князем Мира, по своему характеру требуют подобного образа действий с Вашей стороны, но при этом необходимо сохранять подобающую видимость доверия. Конфиденциальная переписка между Вами и этим министром могла бы быть полезной во многих отношениях; поэтому Вы можете договориться с ним на этот счет, если он Вам сделает такое предложение.

Необходимо, чтобы Вы добились представления Вас лиссабонскому двору, с которым очень считаются в Мадриде, в частности по причине нежной привязанности их католических величеств к их дочери, супруге принца-регента. Если Вам представится случай, не преминете сообщить царствующим особам Португалии о том, что благо их королевства и королевства Испании является предметом моих постоянных забот, и постарайтесь, если это возможно, заинтересовать их в успехе Ваших переговоров.

Так как Вам придется поддерживать постоянные сношения с действительным статским советником Васильевым, моим посланником при португальском принце-регенте, Вы условитесь с ним обо всех мерах, которые Вы сочтете полезными для службы.

III

Я не буду писать о первых формальностях, предстоящих Вам по приезде в Мадрид, при выполнении которых Вы должны будете придерживаться установленных обычаев. При выполнении этих формальностей, так же как и во всех других случаях, которые Вам представятся сразу же после того, как Вы вступите в сношения с испанским министерством, Вам нужно будет заверить его в чувстве искренней дружбы, питаемой мною к его католическому в-ву, а также в моей крайней заинтересованности в благоденствии и независимости его владений. В подкрепление этих заверений Вам нужно будет изложить в точности основы моей политической системы. Вы можете начать с подробного рассказа об усилиях, приложенных мною для предотвращения разрыва между Испанией и Англией. Намерения, проявленные мною в этих обстоятельствах, должны быть надежной гарантией моих личных чувств к его католическому в-ву, так же как и моей заботы о всеобщем благе. Еще в то время, когда никакие заявления мадридского двора не могли обязать меня действовать, я поспешил предпринять самые определенные демарши с целью сохранения мира между этими двумя державами. Постарайтесь выставить этот аргумент во всей его очевидности и добавьте к этому, что если Испания хочет прибегнуть к моему посредничеству, то я, конечно, не ограничусь этими первыми демаршами.

Если предположить, что мир между Англией и Францией будет заключен немедленно, тогда интересам мадридского двора будет посвящена важная часть переговоров и они явятся главным предметом моих забот. Тогда, разумеется, все вопросы легче будет урегулировать; Вам останется только выяснить, на каких основах его католическое в-во пожелает восстановить мир с Англией; Вы постараетесь согласовать эти основы с теми данными, которые Вы получите о намерениях британского правительства в отношении Испании, и затем сообщите об этом моему послу в Лондоне. Именно так, действуя совместно с графом Воронцовым, Вам следует в возможно кратчайший срок устранить трудности, возникающие с обеих сторон, и сблизить взаимные претензии обеих держав таким образом, чтобы они могли договориться без участия какого-либо другого посредника. Поскольку Испания выступает теперь в качестве основной стороны, а не в качестве помощницы Франции, последняя не сможет заставить ее вести переговоры о мире лишь совместно с ней. Мадридский двор может только выиграть от этого во всех отношениях, так как это облегчило бы ему освобождение от стеснительной опеки Франции, без чего мир был бы весьма непрочным благом. Итак, речь будет идти о том, чтобы организовать переговоры о восстановлении мира между Испанией и Англией при моем посредничестве или, по крайней мере, добиться того, чтобы в случае, если этот предмет должен будет обсуждаться в ходе общих переговоров о всеобщем мире, эти две державы

договорились непосредственно друг с другом и со мной относительно тех вопросов, которые нужно будет обсудить в ходе этих переговоров и которые их особо касаются. Если я предпочитаю именно такой образ действий, то это потому, что благодаря ему могло бы установиться большее единодушие и доверие между указанными державами, а Испания отказалась бы от имевшегося у нее убеждения в том, что только в согласии с Францией и при ее посредстве она сможет добиться от Англии приемлемых условий. Впрочем, сейчас очень трудно точно определить, каким образом можно будет действовать, для того чтобы восстановить мир между Испанией и Англией, так как следовало бы знать, как будут обстоять дела в момент, когда можно будет заняться этим спасительным делом, и Вам придется в этом отношении сообразоваться с сообщениями, полученными от моего посла в Лондоне или даже от г-на Новосильцева по окончании его переговоров в Париже. В любом случае, поскольку установление всеобщего мира, если он будет заключен немедленно, будет иметь место только благодаря моему посредничеству, я позабочусь о том, чтобы результаты его были для Испании всегда одинаковыми. В настоящее время будет достаточно ознакомить Вас с моими намерениями и определившими их мотивами. В остальном я полагаюсь на Вашу предусмотрительность и усердие, которые должны подсказать Вам в соответствии с обстоятельствами наилучшие средства для достижения цели, которую я ставлю.

IV

Если же война между Англией и Францией будет продолжаться, то и в этом случае нужно будет прилагать усилия к сближению между Англией и Испанией. Наиболее верным способом для достижения этого явилось бы опять-таки мое посредничество, на которое и в этом случае соглашается британское правительство. Останется, следовательно, только добиться согласия также и от мадридского двора. Не может быть никакого сомнения в том, что если бы его католическое в-во смог принять такое решение, мир между Испанией и Англией был бы заключен очень скоро и в соответствии со взаимными интересами обеих держав.

Не следует, однако, скрывать от себя, что Вы сможете встретить в этом случае непреодолимые трудности. Французское правительство будет слишком заинтересовано в том, чтобы этот сепаратный мир не был заключен, и использует все средства, имеющиеся в его распоряжении, для того чтобы удержать Испанию в состоянии войны против Великобритании. Нужно ожидать даже того, что Франция скорее нападет на Испанию, чтобы помешать сепаратному миру между нею и Англией, чем согласится на этот мир, а трудности, которые явятся следствием этого преждевременного разрыва, столь очевидны, что в высшей степени важно не вызывать их своими действиями. С этой целью Вы приложите все усилия к тому, чтобы подготовить секретное соглашение между мадридским и лондонским кабинетами, согласно которому обе стороны взаимно обязались бы вести военные действия лишь постольку, поскольку это будет необходимо для того, чтобы не вызвать подозрений у французского правительства. Это соглашение, отвечающее интересам обеих сторон, сохраняло бы свою силу до того момента, пока обстоятельства не позволили бы его католическому в-ву открыто стать на нашу сторону.

Я надеюсь, что мне удастся склонить сент-джемский кабинет к такому образу действий, если только я смогу убедить его в искренности чувств его католического в-ва. Такое убеждение можно вполне создать при помощи секретной декларации, о которой пойдет речь в следующем параграфе.

Чтобы обеспечить мадридскому двору все возможные выгоды от этого соглашения, следовало бы, может быть, предложить британскому правительству тайно перевезти в какой-либо испанский порт захваченные у мыса Св. Марии сокровища [118]. Но так как не может быть уверенности в том, что сент-джемский кабинет пойдет на подобную реституцию, Вы должны тщательно избегать того, чтобы давать мадридскому двору какие-либо положительные заверения на этот счет, если только во время Вашего пребывания в Лондоне Вы не убедитесь в том, что британское правительство не отвергнет подобное предложение. Во всем, что касается этого секретного соглашения, Вы также должны условиться с моим послом в Лондоне; при переписке с ним Вам следует использовать самые верные пути и никогда ничего не доверять случаю.

V

Вы легко сможете дать понять испанскому министерству, что британское правительство, несмотря на все усилия, которые я мог бы приложить к этому, никогда не согласится заключить соглашение, о котором идет речь, лишь на основании туманных заверений, не получив предварительно убедительных доказательств того, что его католическое в-во действительно настроен в пользу правого дела и стремится к свержению при первой же возможности французского ига. Следовательно, Вы должны от моего имени предложить его в-ву королю испанскому предварительно принять по отношению ко мне в составленном по всей форме акте обязательство не только не выступать совместно с французами, если они будут атакованы какими-либо союзными державами континента [204], а, напротив, принять активное участие в этом славном предприятии, открыто выступив против французов.

Эта диверсия и разделение французских армий в результате ее значительно помогли бы правому делу; успех, которого мы вправе ожидать, будет благодаря этому обеспечен в еще

большей мере, и король приобретет истинную славу, столь эффективно содействуя общим усилиям, цель которых, впрочем, должна интересовать его непосредственно и во всех отношениях. Как только его католическое в-во примет решение взять на себя обязательство, добиться которого я Вам поручаю, Англия, как у меня есть основания полагать, охотно пойдет на заключение секретного соглашения между двумя державами, к которому я стремлюсь, так как тогда основные причины, приведшие к разрыву, более не существовали бы; британское правительство было бы полностью спокойно относительно истинной цели вооруженных приготовлений, которые продолжались бы в портах Испании, а вопрос о субсидиях [205] отпал бы сам собой, поскольку состояние войны, в котором эта держава формально по-прежнему находилась бы, послужило бы ей достаточным основанием для отказа от выплаты их Франции.

Мне хотелось бы, чтобы будущая конвенция соответствовала проекту [206], который Вы найдете в приложении и который Вы предложите, как только для этого наступит момент в ходе Ваших переговоров. Если Вам удастся прийти к соглашению по существу вопроса, вполне вероятно, что этот проект будет принят, если только в него не пожелают внести какие-либо изменения, касающиеся формы; это не будет иметь никакого значения, лишь бы был сохранен в точности смысл. Эта конвенция, заключенная в самой глубокой тайне, ни в коем случае не может скомпрометировать его католическое в-во, поскольку сент-джемский кабинет, которому одному нельзя будет не сообщить сейчас о существовании этого акта, слишком заинтересован в выполнении постановлений этой конвенции, чтобы можно было опасаться того, что он злоупотребит этим доверием.

Чтобы не терять времени и действовать со всей возможной осторожностью, Вы пошлете чрезвычайного курьера к графу Воронцову с копией соглашения, которое Вы подпишете. Одновременно Вы передадите ему все сведения, которые, по Вашему мнению, смогут способствовать успеху его демаршей перед британским правительством.

VI

Вам могут заметить, что обычно в таких случаях добиваются взаимовыгодных условий и что его католическое в-во, беря на себя обязательства, о которых идет речь, желал бы иметь возможность надеяться на получение каких-либо особых преимуществ за свое присоединение к общему делу в качестве компенсации за связанные с войной расходы и риск, которому он подвергнется. На это Вы ответите, прежде всего, что среди больших преимуществ, которые явятся результатом этого для мадридского двора, будет расторжение Сент-ильдефонского союзного договора [204], являющегося источником всех теперешних бед Испании, ибо он будет фактически полностью аннулирован сразу же после того, как Испания выступит против Франции; кроме того, поскольку общие результаты нашего предприятия, если они будут такими, как на это можно надеяться, должны обеспечить не только непосредственные интересы мадридского двора, но и интересы королевств Португалии, Обеих Сицилий и всей Италии, то уже этого должно быть достаточно для его католического в-ва; я надеюсь также, что весьма убедительными должны явиться соображения о преимуществах, связанных с менее враждебным отношением со стороны Англии и с твердой надеждой заключить почетный мир с этой державой. Наконец, с одной стороны, боязнь того, что участники коалиции лишат королевство Этрурию всех его владений, и, с другой стороны, уверенность в том, что существование этого королевства будет обеспечено и надежно гарантировано, не может не произвести впечатления на мадридский двор. Что касается каких-либо других преимуществ, на которые этот двор мог бы претендовать в разумных пределах по окончании войны, то поскольку я не знаю точно, что его могло бы устроить, постарайтесь выяснить позицию испанского министерства по этому вопросу и сообщите мне все, что Вы узнаете.

Если испанское министерство предложит Вам облечь его обязательства в другую форму, Вы можете согласиться на это с тем, однако, условием, чтобы они были ясно и определенно выражены; если же оно захочет включить в конвенцию какую-нибудь новую статью и Вы найдете, что она противоречит принципам строжайшей справедливости и нынешнему положению вещей, Вам следует принять все ad referendum и доложить об этом мне.

Чтобы придать возражениям, которые Вам в этом случае придется выдвинуть, характер полнейшей беспристрастности, Вы должны будете заверить министерство его католического в-ва в том, что какие бы то ни было властолюбивые или корыстные стремления будут чужды планам нашего предприятия. Что касается меня, то я надеюсь, что положение, величина и могущество моей империи и, особенно, система политики, которой я постоянно следовал, устранят малейшие сомнения в моем прямодушии и чистоте руководящих мной намерений. Но поскольку не все дворы проникнуты тем же духом, возможно, что его католическое в-во, исходя из опыта прошлого, усомнится в бескорыстии какой-нибудь из союзных держав. Вы заметите на этот счет, что вполне возможно, что необходимость восстановления справедливого равновесия потребует некоторых изменений в нынешнем положении вещей, но что только это соображение может внушить мне снисходительность, когда мне представится случай проявить ее, а также, что я не только никогда не окажу поддержки каким-либо видам, основанным на сугубо частных интересах, но всегда буду препятствовать им, если найду, что они противоречат принципам, которых я придерживаюсь, и даже, если это потребуется, сумею употребить самые действенные средства, для того чтобы ограничить влас-

толюбие и алчность справедливыми рамками. Впрочем, Вы должны приложить все усилия к тому, чтобы эти переговоры не затягнвались. С этой целью Вам нужно будет также употребить самые убедительные аргументы для описания тех бед, которые может навлечь на себя Испания, если она по-прежнему будет действовать сообща с Францией, в то время как все остальные европейские страны открыто выступят против нее. Англия располагает сильными средствами для того, чтобы нанести ущерб Испании в обеих Индиях. Державы коалиции также смогут при необходимости нанести ей удары в ее собственных владениях, и осаждаемый со всех сторон Бонапарт не сможет даже предложить ей свою вероломную помощь, принятие которой, впрочем, было бы еще более опасно, чем наше нападение. Заканчивая этот параграф, я должен добавить, что, если вдруг война на континенте вспыхнет до того, как Вы закончите переговоры, Вы должны будете лишь удвоить свои усилия с целью добиться вышеупомянутого обязательства и побудить Испанию как можно скорее выступить против Франции, указывая на то, что тиранические и оскорбительные действия Бонапарта по отношению к ней дают ей полное право воспользоваться любым случаем, чтобы порвать тягостные узы, соединяющие это королевство с Францией, и что никто и никогда не мог бы обоснованно упрекнуть его католическое в-во хотя бы в малейшей недобросовестности или неискренности по отношению к державе, которая называет себя союзником Испании, но пользуется этим названием лишь для того, чтобы угнетать ее и наносить ей вред. При этом предположении опасения, которые могли бы иметься у мадридского двора, что он примет это решение слишком рано, исчезли бы сами собой.

VII

Если, как я предполагаю, его католическое в-во решит заключить с нами соглашение, которое Вы ему предложите, необходимо будет для придания этому акту должной силы и законности, чтобы Князь Мира или другой министр, которому будет поручено подписать его, был облечен надлежащими полномочиями. Исходя из тех же соображений, я даю Вам здесь полномочия на ведение и завершение этих переговоров. Впрочем, содержание акта, который Вы подпишите, может быть впоследствии расширено дополнительными конвенциями или декларациями, как только это позволят большие расстояния и трудности сообщения. Я охотно сообразуюсь с видами его католического в-ва на этот счет; я хочу получить от него это первое обязательство лишь для того, чтобы иметь возможность более действенно и не теряя времени выступить перед британским правительством в защиту его интересов.

VIII

В случае, если переговоры г-на Новосильцева в Париже затянутся и во время Вашего пребывания в Лондоне там еще ничего не будет известно об их результатах, Вы отнюдь не должны ослаблять Ваших усилий, направленных на выполнение задачи, поставленной перед Вами настоящими предписаниями, внеся в них все же изменения, которые Вы вместе с графом Воронцовым найдете нужными, в отношении всего, что будет касаться установления мира или заключения секретного соглашения между Испанией и Англией.

IX

Ведя переговоры по этому важному вопросу в Мадриде, Вы можете намекнуть испанскому министерству, что я буду рассматривать сближение между моим и сент-ильдефонским кабинетами, которое явится результатом этого, лишь как первый шаг к установлению в дальнейшем более тесных и прочных связей. Федеративный союз между Россией, Испанией, Португалией и суверенными государствами Италии всегда казался мне наиболее эффективным средством для удержания Франции в ее законных границах и для обеспечения тем самым спокойствия и независимости Южной Европы. Этот вопрос, который всегда будет интересовать меня во многих отношениях, станет предметом последующих переговоров, относительно которых Вы получите в свое время инструкции. Я не могу не отметить здесь, что Сент-Ильдефонский договор [204], до тех пор пока его постановления будут оставаться в силе, всегда будет большим препятствием к принятию Испанией системы политики, соответствующей ее истинным интересам. Если предположить, что примирение последует немедленно, это затруднение по-прежнему будет существовать, и Вы должны позаботиться о средствах для его устранения со временем, обратив внимание испанского министерства на этот предмет и конфиденциально объяснившись с ним, с тем чтобы я точно знал, как оно его рассматривает.

X********

Постарайтесь с самого начала Вашей деятельности в Мадриде приобрести всеми средствами, совместимыми с достоинством звания, которым Вы облечены, расположение и благосклонность их католических величеств. Вам следовало бы также бывать у влиятельных испанских министров. Их дружба и доверие, которые Вам удастся приобрести, действуя спокойно и благоразумно, никогда ничего не ускоряя, могут быть очень полезными для успеха Ваших переговоров.

Князь Мира занимает первое место среди этих министров и пользуется неограниченной властью и доверием. Поскольку он имеет большое влияние на решения мадридского двора и, следовательно, на ход общего дела, будет не лишне сообщить Вам сведения, которые дошли до моего министерства о личности этого первого министра.

Есть подозрение, что он слепо предан французам, то ли из страха перед ними, то ли из честолюбия, то ли, наконец, из симпатии к ним; подозревают, кроме того, что именно он является автором проекта отречения короля от престола, который его католическое в-во хотел провести в жизнь; при этом Князь Мира преследовал цель стать регентом; возможно даже, что он простирает свои виды вплоть до вступления на трон. К этому добавляют, что Бонапарт тайно вдохновляет и поощряет Князя Мира в этих честолюбивых планах. Учитывая общеизвестные принципы и коварство этого человека, не гнушающегося никакими средствами для достижения своей цели, такое утверждение не кажется неправдоподобным, потому что если Бонапарт (как не без оснований предполагают) замышляет посадить на престол Испании одного из членов своей семьи, то ему будет несравненно легче справиться с узурпатором, чем с законным королем. Как бы то ни было, нет сомнений в том, что многими своими несчастьями Испания обязана образу действий и плохому управлению Князя Мира. Уже только в этом отношении суметь удалить из министерства его и его ставленников значило бы оказать важную услугу его католическому в-ву, испанской монархии и, в конечном счете, всей Европе. Устранение его явилось бы дополнением к тому, чего мы хотим достигнуть. Надо постараться, чтобы новое министерство было составлено лишь из людей, достоинства и честность которых были бы общепризнаны и в пользу которых было бы расположено всеобщее мнение. Доверие к такому министерству побудило бы Англию пойти на более значительные уступки, и это в высшей степени благоприятно сказалось бы на общем ходе дел. Вы должны заняться этим вопросом с величайшей осторожностью и лишь после того, как Вы полностью сориентируетесь в той новой обстановке, в которой Вам предстоит действовать. Если Вы увидите, что такое спасительное возрождение Испании возможно осуществить, Вы можете сообщить о своих планах герцогу Сент-Теодору, посланнику неаполитанского короля в Мадриде, который особенно заинтересован в том, чтобы испанское министерство было лучше организовано, чем в настоящее время. Кроме личной неприязни, которую герцог Сент-Теодор питает к Князю Мира, имеется одно обстоятельство, слишком близко касающееся его сицилийского в-ва, чтобы его посланник в Мадриде мог оставаться в этом вопросе пассивным. Речь идет о недостойных действиях в отношении принцессы астурийской, дочери короля неаполитанского, которые объясняются ненавистью, питаемой первым министром к предполагаемому наследнику престола. Следовательно, Вы сможете полагаться в определенной степени на искренность и честность герцога Сент-Теодора в том, что будет касаться этой, столь желанной во всех отношениях замены; но, повторяю, Вы должны будете, особенно в начале Вашей деятельности, избегать всего, что могло бы внушить хоть малейшее подозрение Князю Мира. Напротив, действуя благоразумно и осторожно, старайтесь поддерживать в нем спокойную уверенность относительно того, что его касается. Это будет тем более необходимо, что он по характеру недоверчив и очень подозрителен. К тому же такой образ действий даст Вам время проникнуть в его истинные намерения. Несмотря на то что он, конечно, не может внушать большого доверия, тем не менее, если Вы придете к выводу, что король настолько благоволит к нему, что его отстранение невозможно, и, особенно, если можно будет надеяться на то, что удастся приобщить его к интересам справедливого дела, в этом случае, пожалуй, вернее будет сделать все для того, чтобы склонить его на нашу сторону. Вы укажете ему, с одной стороны, на то, что слава и выгода его государя неразрывно связаны с решением, которое я предлагаю принять его католическому в-ву, а с другой стороны, намекнете ему, что его личные интересы и сохранение его положения будут гораздо лучше обеспечены, если удастся установить порядок вещей, более соответствующий как достоинству испанской монархии, так и общему благу.

XI

Хотя преобладающее влияние, которым пользуется французский посол в Мадриде, объясняется лишь зависимостью, в которой Бонапарт держит Испанию, и в этом отношении его влияние является непрочным; все-таки, поскольку так обстоит дело, Вы должны соблюдать величайшую осмотрительность во всем, что будет касаться порученных Вам переговоров. Малейшее подозрение, которое возникнет у французского правительства относительно наличия этих переговоров, неминуемо навлечет на Испанию новые унижения и только ускорит осуществление захватнических планов, которые уже давно вынашивает Бонапарт. Поэтому крайне необходимо, чтобы Вы тщательно остерегались французского посла и многочисленных шпионов, которых он содержит и которыми он сумел окружить даже королевский двор. Вам нужно будет также обезопасить себя от происков некоторых членов дипломатического корпуса, которых французский посол сумел привлечь на свою сторону и на которых Вам нужно будет обратить внимание, как только Вы прибудете на место. Следует надеяться, что, приняв все эти предосторожности, Вам удастся обмануть бдительность французов и скрыть истинную цель Вашей миссии.

Среди посланников, аккредитованных при мадридском дворе, Вы сможете поддерживать более тесные связи с неаполитанским и португальским посланниками. Герцог Сент-Теодор будет Вам весьма полезен, особенно в первое время после Вашего прибытия, сведениями, которые он успел уже приобрести о стране и лицах, входящих в состав испанского министерства. Вы извлечете из них всю возможную пользу, не теряя, однако, из виду необходимости соблюдения осторожности и осмотрительности, чего требует от Вас сам характер вопросов, по которым Вы должны будете вести переговоры.

Учитывая соответствие интересов мадридского и неаполитанского дворов, Вам следовало бы поддерживать постоянную связь с тайным советником Татищевым, моим посланником при его сицилийском в-ве. Обратите внимание, что именно через посредство этого двора моим министерством был сделан первый демарш перед мадридским двором. Добрая воля, которую проявил в этом случае король Обеих Сицилий, так же как и вообще его образ мыслей, не позволяют мне сомневаться в том, что он всегда с готовностью будет содействовать всему, что сможет способствовать успехам правого дела. Благорасположение государя, являющегося близким родственником и союзником его католического в-ва, намного облегчит Ваши переговоры, и Вы должны с этой целью договориться с тайным советником Татищевым относительно средств, наиболее подходящих для извлечения всей возможной выгоды из этого обстоятельства.

Независимо от дружеских чувств, которые я всегда питал к его сицилийскому в-ву и которые при первом же случае проявятся во всей своей полноте, я не могу не проявлять полнейшего участия к тягостному положению, в котором находятся все государи и суверенные государства Италии. Судьба короля Сардинского является предметом моих особых забот. Что касается Италии в целом, то одной из первых моих забот, как только ход событий мне это позволит, будет энергично содействовать освобождению этой прекрасной и важной части Европы от всякого чужестранного влияния, и в этом мои намерения, конечно, полностью соответствуют интересам и желаниям его католического в-ва.

Что касается Португалии, то пока кажется несомненным, что она готова воспользоваться первым же удобным случаем, чтобы сбросить с себя иго Франции, особенно если Испания подаст ей в этом пример. Трудно предположить,что лиссабонский двор изменит когда-либо свое мнение на этот счет; тем не менее, если бы это произошло, если бы Португалия пожелала остаться пассивной в то время, когда все будут готовы к действиям, Вы предложите его католическому в-ву оказать энергичное воздействие на его королевское высочество принца-регента, с тем чтобы побудить его эффективно содействовать усилиям союзных держав. В этих целях было бы даже уместно, чтобы мадридский двор завязал с лиссабонским двором прямые переговоры, которые мой посланник поддержал бы, как только его католическое в-во встал бы на сторону правого дела, заключив вышеупомянутую конвенцию. Я предоставляю Вашему благоразумию и мудрости выбор наиболее подходящих средств для организации этих переговоров, результатом которых должно было бы явиться присоединение Португалии к правому делу.

Тесная связь, существующая между моим и венским кабинетами, позволит Вам поддерживать отношения также с австрийским посланником в Мадриде в той мере, в какой его принципы и характер будут внушать Вам доверие. Я немедленно обращусь к венскому двору с просьбой рекомендовать его посланнику в Мадриде обо всем договариваться с Вами и уполномочить его поддерживать, если Вы будете просить его об этом, Ваши демарши в пользу общего дела

Что касается общей линии поведения, которой Вы должны будете следовать, я рекомендую Вам всегда сообразовывать ее с принципами высшей справедливости и умеренности, которые, как Вам известно, я взял за правило в отношениях со всеми государствами. Я слишком хорошо знаю Ваше благоразумие и примирительный характер, чтобы не быть уверенным в том, что, постоянно заботясь о соблюдении достоинства, неразрывно связанного с постом, который Вам предстоит занять, Вы в то же время будете старательно избегать высказывать какие-либо претензии и требования, могущие обидеть двор, при котором Вы будете находиться, и уменьшить общее доверие к Вам, которого я очень хотел бы, чтобы Вы добились. Вам следует вести переговоры с министерством с твердостью, используя все возможные аргументы; но Вы должны будете избегать всего, что могло бы вызвать обиду и личное недовольство. Следовало бы также стараться не проявлять слишком явного пристрастия или неприязни к какой бы то ни было державе. Вы заявите, что я всегда делал различие между французским народом и его правительством, что мои усилия направлены лишь к тому, чтобы пресечь слишком честолюбивые замыслы того, кто угрожает порабощением всей Европе, и в основе их не лежат какие-либо другие виды, которые могли бы быть во вред нации в целом. Вы дадите равным образом почувствовать при случае, что я встаю на сторону Англии в данных обстоятельствах не вследствие слепого и пристрастного предрасположения к ней, а единственно из убеждения, что это нужно для спасения Европы; что Россия в данном случае отнюдь не является, как некоторые хотят это представить, орудием Англии и что она не только не служит видам, которые враги этой державы часто ей приписывали, но напротив, его британское в-во сам соблаговолил войти в мои виды и с готовностью принял справедливые принципы, следо-

вать которым я ему предложил. С помощью подобных доводов Вам удастся уничтожить могущие возникнуть ложные представления относительно нынешнего положения вещей в Европе и относительно моих истинных чувств и чистоты моих намерений.

XIII

Одновременно с проведением политических переговоров, являющихся главной целью Вашей миссии, Вы укажете испанскому министерству на те взаимные выгоды, каких можно было бы ожидать, если непосредственной торговле между Россией и Испанией будет придан весь возможный размах и активность. Благодаря большому различию в климатических и почвенных условиях наших империй имеется много разных товаров, которыми можно было бы обмениваться без посредничества других торговых наций. Следует заметить, что помимо торговли через Балтийское море, представляющей интерес во многих отношениях, торговые операции испанцев в наших портах на Черном море, после того как наши порты в этих краях стали посещаться чаще, чем раньше, могли бы обеспечить им значительную прибыль.

Мадридский двор не счел возможным ратифицировать последний договор [207], который его посланник в Константинополе заключил с оттоманским министерством и в котором, между прочим, шла речь и о свободном проходе в Черное море. Я уже поручил моему посланнику при Блистательной Порте подготовить пути к тому, чтобы устранить затруднения, возникшие в этом вопросе [208], и у меня есть все основания ожидать, что мое посредничество приведет к результатам, отвечающим желаниям его католического в-ва. Для того чтобы ознакомить Вас с тем, в каком положении находится сейчас это дело и как проходили переговоры по нему между упомянутыми державами, и дать Вам возможность более деятельно способствовать его завершению к удовлетворению Испании, я приказал передать Вам копии нот, которыми обменялись здесь, и депеш по этому вопросу, отправленных в Константинополь. Вы можете выставить в надлежащем свете проявленную мною в этих обстоятельствах готовность сделать приятное его католическому в-ву как новое доказательство моих чувств к нему.

Я поручу моему министерству сообщить Вам все сведения, которые могут Вам понадобиться, и держать Вас в курсе событий, знание которых может быть Вам полезно. Вы, со своей стороны, должны сообщать ему обо всем, что касается хода Ваших переговоров, о действиях французского правительства в стране Вашего пребывания и вообще обо всем, что Вы сочтете заслуживающим внимания.

Доверяя Вам эту важную миссию, я убежден, что Вы приложите все усилия для того, чтобы выполнить мои повеления в точности и с самым неутомимым усердием и тем самым приобретете новые права на мое особенное к Вам уважение, с которым пребываю... [209]

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов Александру I

22 мая (3 июня) 1805 г.

Извещение о вступлении Шурагельской области в подданство России и о принимаемых им мерах для обеспечения безопасности этой области от набегов войск Мамед-хана Ереванского.

АКАК, т. II, стр. 572—574.

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов Александру I

22 мая (3 июня) 1805 г.

Извещение о подписании с Селим-ханом Шекинским (Нухинским) договора о вступлении ханства в подданство России.

АКАК, т. II, стр 646—647.

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов Александру I

22 мая (3 июня) 1805 г.

Извещение о подписании Ибрагим-ханом Карабахским (Шушинским) договора о вступлении ханства в подданство России. Прилагает текст договора и просит утвердить его.

АКАК, т. II, стр. 702—707.

Министр иностранных дел А. Р. Воронцов Александру I

24 мая (5 июня) 1805 г.

Подробные соображения в связи с подготовкой коалиции против Франции. Осуждение нерешительной позиции Австрии. Желательность привлечения к коалиции Пруссии, Турции и других стран.

Сб. РИО, т. 82, стр. 42—55.

Министр иностранных дел А. Р. Воронцов товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

24 мая (5 июня) 1805 г.

Соображения в связи с запиской, представленной Александру I*. В случае войны с Францией русские войска не должны углубляться далее Голландии. Угрозы берлинскому двору с целью привлечь его к коалиции могут привести Россию к войне с Пруссией. Полезность постоянного союза с Англией.

Сб. РИО, т. 82, стр. 38—42.

131. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

25 мая (6 июня) 1805 г.

Monsieur. Les rapports de v. ex. du 12(24) mai [210] dont le conseiller de cour Bagreyeff était porteur, viennent de me parvenir, et je m'empresse de Vous communiquer, monsieur, les déterminations que s. m. i. a prises d'après leur contenu.

Le № 106 qui accompagne le passeport, transmis par le ministre des relations extérieures pour Mr de Nowossiltzoff, ne contient rien qui puisse nous instruire si les conditions préalables, auxquelles s. m. i. subordonnait l'envoi de son plénipotentiaire, ont été acceptées ou non. Il paraît même, d'après les copies des lettres de Talleyrand [211], annexées à ce rapport, que Mr Laforest n'a point été autorisé à entrer en explication sur cet objet et que s'il a été discuté, c'est uniquement dans la réponse [212] de Bonaparte à s. m. prussienne. L'empereur aurait certainement désiré savoir avec précision, avant de donner ordre à Mr de Novossiltzoff de se rendre à Paris, si ce ministre, y arrivant muni d'une lettre [176] de moi pour Talleyrand, serait admis à voir le chef du gouvernement français en audience particulière, à lui exposer directement, et à lui détailler sans intermédiaire les propositions de l'empereur et si Bonaparte n'allait point jusqu'à prétendre que s. m. i., après avoir mis de côté tous ses griefs personnels à sa charge, ajoutât encore à ce sacrifice celui d'une reconnaissance prématurée du titre qu'il a pris. Cependant le silence, gardé à cet égard par le cabinet de Berlin, n'a laissé aucun doute à s. m. i., qu'instruit comme il l'était par la lettre de s. m. au roi [213] et par les dépêches** que je Vous ai adressées en même temps, des vœux de l'empereur, Mr le baron de Hardenberg ne se fût empressé de nous faire connaître les difficultés que leur accomplissement rencontrait de la part de Bonaparte, si la lettre de celui-ci en eût contenu des indices. C'est donc, en se fondant principalement sur cette opinion et pour ne point perdre un temps précieux, que l'empereur a prescrit à Mr de Novossilt-

* См. предыдущую аннотацию.
** См. док. 115, 116.

zoff de partir immédiatement pour Berlin. Il se mettra en route samedi 27 mai (8 juin) et Vous aurez soin, monsieur, de lui faire savoir le plus promptement possible l'endroit où il pourra trouver le roi, auprès duquel il sera chargé de s'acquitter d'une commission particulière de l'empereur [214] qui, persuadé que Mr de Novossiltzoff recevra de s. m. prussienne elle-même la confirmation que Bonaparte consent à traiter directement avec ce plénipotentiaire, l'a autorisé préalablement à se rendre à Paris, aussitôt qu'il aura acquis cette certitude.

S. m. prussienne est prévenue que Mr de Novossiltzoff lui donnera les détails qu'elle pourrait désirer sur les bases de pacification qui seront proposées à Bonaparte, et il sera chargé également de l'inviter à les appuyer de son côté avec fermeté. L'empereur a pensé que le roi, qui a toujours témoigné le désir de voir cesser au plus tôt la guerre actuelle, sera disposé à contribuer, en tout ce qui dépendra de lui, à l'acheminement d'une paix solide; mais on ne saurait se déguiser que quelque bonnes que fussent les dispositions de s. m. prussienne à cette occasion, leur effet serait absolument nul, si l'organe de sa pensée près de Bonaparte ne tenait point un langage qui y soit analogue et ne mettait point une exactitude scrupuleuse à rendre compte à sa cour des incidents que fera naître le chef du gouvernement français pour éluder de satisfaire à l'accomplissement des vœux de toute l'Europe, qui réclament promptement la liberté des Etats injustement et tyranniquement opprimés. S. m. i. n'a point déguisé à Mr de Zastrow et l'a chargé même de le dire au roi [215] que tel serait certainement le cas, si le marquis de Lucchesini devait avoir la faculté d'intervenir dans la négociation. L'habitude qu'il a de cajoler Bonaparte, le peu de confiance que lui accordent toutes les puissances de l'Europe et la Russie particulièrement paraissent être des motifs suffisants pour engager le roi à ne point l'envoyer à Paris dans le moment actuel, et à le suppléer plutôt par une autre personne qui possède la confiance personnelle du roi et qui la mérite sous tous les rapports. Il paraîtrait surtout nécessaire que l'impartialité de celui qui serait chargé de cette commission fût bien constatée et Vous seriez bien dans le cas de faire valoir ce motif, si s. m. prussienne voulait employer à cette occasion le Sr Lombard, qui est également envisagé comme beaucoup plus attaché à la France qu'à toute autre puissance. L'empereur ne sachant point d'ailleurs les autres personnes que s. m. prussienne pourrait employer à cette commission et ayant reconnu à Mr de Zastrow toutes les qualités qu'elle exigeait, il serait charmé que le choix du roi tombât sur cet officier qui commande personnellement l'estime et qui, jouissant de celle du roi et de sa confiance entière, pourrait vraiment influer sur les déterminations de Bonaparte; et si nos soins devaient être infructueux, Mr de Zastrow pourrait au moins rendre un compte fidèle à son maître de l'état des choses en France, qui probablement ne répondrait guère à ce qu'en a dit le marquis de Lucchesini. S. m. i. a exprimé à plusieurs reprises à Mr de Zastrow son désir qu'il fût chargé de cette mission, et Vous aurez soin, monsieur, d'en prévenir M^r le baron de Hardenberg et de le disposer à engager s. m. prussienne à adopter la proposition que Mr de Novossiltzoff sera chargé de lui faire à ce sujet.

En attendant Vous ne négligerez rien, monsieur, pour Vous assurer que Bonaparte a souscrit aux conditions que s. m. i. avait mises à l'envoi de son plénipotentiaire, afin d'être à même d'en instruire Mr de Novossiltzoff immédiatement après son arrivée.

J'ai l'honneur . . .

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Печат. по подлиннику

Перевод

Милостивый государь. Донесения в. пр-ва от 12(24) мая [210], доставленные надворным советником Багреевым, только что мною получены, и я спешу сообщить Вам, милостивый государь, решения, принятые е. и. в-вом в связи с их содержанием.

Донесение № 106, к которому приложен паспорт, переданный министром внешних сношений для г-на Новосильцева, не содержит ничего, из чего мы могли бы увидеть, приняты или нет предварительные условия, от чего зависит отправление е. и. в-вом своего полномочного представителя. Судя по копиям писем [211] Талейрана, приложенным к этому донесению, похоже даже, что г-н Лафоре совсем не был уполномочен вступать в объяснения по этому вопросу и что если он и обсуждался, то исключительно в письме [212] Бонапарта его прусскому в-ву. Император, прежде чем дать повеление г-ну Новосильцеву отправиться в Париж, конечно, хотел бы точно знать, сможет ли этот министр, который прибудет с письмом [176] от меня к Талейрану, получить частную аудиенцию у главы французского правительства и прямо и без посредников изложить ему предложения императора и не станет ли Бонапарт требовать, чтобы е. и. в-во, после того как он оставил в стороне все личные обиды на него, добавил бы еще к этой жертве и преждевременное признание принятого им титула. Между тем молчание, которое хранит берлинский кабинет на этот счет, не оставило у е. и. в-ва никакого сомнения, что барон Гарденберг, который был столь хорошо осведомлен о желаниях императора из письма [213] е. и. в-ва королю и посланных мною Вам депеш **, поспешил бы поставить нас в известность о трудностях, на которые их осуществление наталкивалось со стороны Бонапарта, если бы только письмо последнего содержало какие-либо указания на этот счет. Основываясь главным образом на этом мнении и чтобы не терять драгоценного времени, император предписал г-ну Новосильцеву немедленно отправиться в Берлин. Он выедет в субботу 27 мая (8 июня), и Вы должны, милостивый государь, возможно быстрее известить его о месте, где он сможет найти короля, к которому он имеет особое поручение от императора [214]; государь, будучи убежден, что г-н Новосильцев получит от самого его прусского в-ва подтверждение того, что Бонапарт согласен вести переговоры непосредственно с этим полномочным представителем, заранее дал ему полномочия отправиться в Париж, как только он получит такую уверенность.

Его прусское в-во предупрежден, что г-н Новосильцев сообщит ему, если король пожелает этого, подробности относительно основных условий замирения, которые будут предложены Бонапарту; ему будет поручено также предложить его прусскому в-ву решительно поддержать их со своей стороны. Император счел, что король, всегда выражавший желание, чтобы теперешняя война как можно скорее закончилась, будет готов содействовать всеми зависящими от него средствами установлению прочного мира; но нельзя закрывать глаза на то, что, как бы хороши ни были намерения его прусского в-ва на этот счет, их результат будет равен нулю, если речи выразителя его мыслей при Бонапарте не будут соответствовать этим намерениям и если он не будет с величайшей тщательностью доводить до сведения своего двора обо всем, что будет предпринимать глава французского правительства, чтобы уклониться от удовлетворения чаяний всей Европы, требующей немедленного предоставления свободы несправедливо и тиранически угнетаемым государствам. Е.и. в-во не скрыл от г-на Застрова и даже поручил ему передать королю [215], что так, несомненно, и получится, если маркиз Люккезини будет иметь возможность вмешиваться в переговоры. Его привычка льстить Бонапарту,недостаток доверия к нему со стороны всех держав Европы, и в частности России,— как будто бы основательные мотивы для того, чтобы побудить короля не посылать его в Париж в настоящий момент, а скорее заменить его другим лицом, которое пользуется личным доверием короля и во всех отношениях заслуживает его. Особенно необходимым представляется, чтобы беспристрастие того, кому будет дано это поручение, было бесспорным, и Вам нужно будет подчеркнуть это соображение, если бы его прусское в-во захотел использовать для этого г-на Ломбарда, которого также считают значительно более приверженным к Франции, чем к какой-либо другой державе. Впрочем, император, не зная других лиц, которых его прусское в-во мог бы использовать для этого поручения, и признавая за г-ном Застровым все те качества, которые требуются для этого, был бы очень рад, если бы выбор короля пал на этого офицера, который внушает личное уважение и который, пользуясь уважением и полным доверием короля, мог бы действительно повлиять на решения Бонапарта, а если бы наши старания оказались бесплодными, г-н Застров мог бы, по крайней мере, дать верный отчет своему государю о положении вещей во Франции, которое, очевидно, совершенно не соответствовало бы тому, что говорил об этом маркиз Люккезини. Е. и. в-во неоднократно говорил г-ну Застрову о своем желании, чтобы эта миссия была поручена ему, и Вам следует, милостивый государь, предупредить об этом барона Гарденберга и убедить его склонить своего государя к принятию предложения, которое должен сделать ему г-н Новосильцев на этот счет.

Тем временем, милостивый государь, Вы должны ничем не пренебречь для того, чтобы убедиться, что Бонапарт согласился на условия, в зависимость от принятия которых е. и. в-во ставит посылку своего полномочного представителя, с тем чтобы иметь возможность уведомить об этом г-на Новосильцева сразу же по его приезде.

Имею честь ...

Князь А. Чарторыйский

132. Посол в Лондоне С. Р. Воронцов Н. Н. Новосильцеву

25 мая (6 июня) 1805 г.

Monsieur, ce qui a été facile à prévoir vient d'être confirmé. Après beaucoup de délibérations, après plusieurs conseils tenus on vient de m'annoncer ici officiellement qu'on ne peut céder sur le point de Malthe et qu'on n'ose le faire sans braver ouvertement à cet égard les sentiments du parlement et de la nation entière. Qu'on peut aussi peu permettre la révision du code maritime, qui, d'ailleurs, est fondé sur des traités particuliers avec les différentes puissances du continent et contre lequel la France seule ne discontinue de lever sa voix parce qu'elle est la plus intéressée à réprimer la force maritime de l'Angleterre.

Je suis donc autorisé à informer v. ex. qu'elle peut articuler au nom du roi d'Angleterre pour l'accomplissement de la paix les propositions que s. m. a déjà faites — de rendre à la France et à ses alliés les conquêtes qui ont été faites par ses armes dans cette guerre-ci, mais que v. ex. ne doit rien proférer au nom du roi sur l'article de Malthe ni sur celui du code maritime.

J'ai l'honneur d'être . . .

S. c[omte] Woronzow

P. S. Je crois devoir transmettre ici à v. ex. pour plus d'information la copie d'un des offices [216] que j'ai reçus hier de la part de lord Mulgrave, dans laquelle Vous observerez, monsieur, le genre d'autorisation dont v. ex. est de nouveau munie de la part du roi d'Angleterre.

Ut in litteris

S. c[omte] Woronzow

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, только что подтвердилось то, что легко можно было предвидеть. После долгого обсуждения, после ряда заседаний совета мне только что официально здесь объявили, что по вопросу о Мальте они не могут идти на уступки, ибо осмелиться сделать это — значило бы открыто пренебречь в этом отношении мнением парламента и всей нации. Столь же мало возможным представляется также пересмотр морского кодекса, в основу которого к тому же легли особые договоры с различными державами континента и против которого только одна Франция не переставала поднимать голос, потому что она больше всех заинтересована в том, чтобы пресечь рост морского могущества Англии.

Итак, я уполномочен известить в. пр-во, что Вы сможете от имени английского короля изложить для заключения мира уже сделанные е. в-вом предложения — возвратить Франции и ее союзникам территории, захваченные его вооруженными силами в ходе нынешней войны, но в. пр-во не должны что-либо заявлять от имени короля ни по вопросу о Мальте, ни по вопросу о морском кодексе.

Имею честь...

Граф С. Воронцов

P. S. Полагаю своим долгом передать при этом в. пр-ву для более подробной информации копию [216] одного из официальных писем, полученных мною вчера от лорда Мюльгрэва, из которого Вы увидите, милостивый государь, какого рода полномочиями английский король вновь облек в. пр-во.

Ut in litteris

Граф С. Воронцов

Посол в Лондоне С. Р. Воронцов Александру I

26 мая (7 июня) 1805 г.

Сообщение об отклонении Питтом русского предложения вывести английские войска с о. Мальта в случае, если это окажется необходимым для примирения с Францией.

Арх. Воронцова, кн. X, стр. 436—444.

133. Нота посланника в Константинополе А. Я. Италинского правительству Турции

29 мая (10 июня) 1805 г.

Le soussigné envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire de s. m. l'empereur de toutes les Russies a lu avec la plus sérieuse attention la note en date du dernier jour de Sefer l'an 1220[217] que la Sublime Porte lui a fait remettre au sujet de la nouvelle de l'occupation d'Anacra par les troupes russes.

D'après les sentiments qui unissent jusqu'aujourd'hui les deux cours et dans lesquels s. m. i. n'a point varié, le ministère ottoman aurait pu se dispenser peut-être de faire de cet objet la matière d'une pièce aussi officielle et d'un caractère aussi prononcé; quoi qu'il en puisse être, il est du devoir du soussigné de la transmettre à son auguste souverain, mais il ne l'est par moins d'y répondre préalablement, afin de relever quelques inexactitudes échappées à la Sublime Porte dans le récit historique, qu'elle a jugé à propos de faire, des circonstances qui ont précédé et suivi cet événement et il n'a besoin pour cela que de recourir aux protocoles des deux entrevues qu'il a eu l'honneur d'avoir les 6 et 13 août dernier avec s. ex. le reis-effendi.

Dans la première, le soussigné a exposé un fait survenu à Poti, c'est-à-dire le refus que quelques bâtiments de la cour impériale avaient éprouvé en y abordant, la surprise de son auguste souverain à cet égard, la nécessité d'établir par le Phase et les ports d'Anacra et de Batoumi une communication avec les troupes que s. m. a dans la province de Géorgie ainsi qu'en Mingrélie et dans l'Imirette, depuis que les princes de ces deux contrées, comme la Sublime Porte en avait été précédemment informée, s'étaient mis sous sa protection immédiate pour être préservés des malheurs et des désastres auxquels eux et les habitants de ces contrées étaient exposés, les uns par les continuelles invasions des Lesguis, des Abazas et de divers autres peuplades barbares et indépendantes, leurs voisines, et tous par les attaques des Persans qui les menaçaient de toutes leurs forces.

Le soussigné avait justifié l'urgente et absolue nécessité de cette communication par les besoins impérieux des troupes qui se trouvaient dans l'intérieur des terres; et en ajoutant qu'elle exigeait aussi l'établissement de quelques commissaires dans ces points, il avait énoncé l'intention d'y en établir.

Le soussigné avait observé en même temps que s. m. i., par un effet de l'esprit de modération et de conciliation qui la caractérise et d'après les liaisons intimes existant entre elle et sa hautesse, ne voulait point mettre en avant et discuter le droit de propriété de ce littoral et que, laissant à l'écart une telle discussion, elle aimait mieux prendre à cet égard un arrangement amical avec la Sublime Porte, comme cela se pratique tous les jours entre des Etats limitrophes.

Dans la seconde conférence la Sublime Porte fit communiquer au soussigné ses observations soit contre la demande de la cour impériale pour le littoral, soit contre celle d'une libre communication avec l'intérieur des terres; elle lui fit remettre un état descriptif de ce littoral, les habitants de ces contrées lui furent en même temps dépeints comme un peuple indocile, farouche, à demi sauvage; elle lui fit entrevoir que l'apparition des bâtiments de la cour impériale et le débarquement, qu'ils effectueraient, pourraient les effaroucher et les porter à des excès; et elle mit en avant la mission d'un mubachir comme propre à faciliter l'ouverture et l'établissement d'une libre communication.

Le soussigné, se référant au langage qu'il avait tenu dans la première conférence au sujet des demandes de sa cour, se borna à assurer la Sublime Porte

de son exactitude à lui transmettre les observations qu'elle y opposait, mais il n'a pu les admettre puisqu'il n'avait pas même l'ordre de les discuter et qu'il avait au contraire celui de faire remarquer que s. m. i. passait sous silence le droit de propriété.

Le soussigné a transmis en effet exactement ces observations à sa cour; elle se borne dans sa réponse à témoigner sa satisfaction de la mission d'un mubachir pour faciliter la communication demandée.

Si depuis il a été fait un dépôt sur la plage déserte de Kemhal, si un petit détachement y a été stationné, c'est apparemment une mesure de précaution pour la garde des objets destinés à l'armée qui se trouve dans la Mingrélie, l'Imirette et la Géorgie, et elle est sans doute une suite du portrait que le ministère ottoman a tracé lui-même du caractère des habitants de cette côte et de l'inquiétude qu'il a témoignée sur les fâcheuses conséquences qui pourraient résulter de l'établissement de la communication et même d'une tentative à cet effet. Ce n'est au reste là qu'une conjecture du soussigné, car il est sans aucune espèce d'information de la part de sa cour tant sur cet objet que sur l'occupation d'Anacra; en la supposant certaine, il ignore si elle a été commandée par s. m. i. et d'après des considérations indépendantes des communications antérieures entre les deux cours; il ignore si elle a eu lieu du propre fait du commandant militaire de ces contrées et par une suite de quelque circonstance locale et isolée[218]; et dans cette ignorance absolue, il était assez naturel que le soussigné éprouvât un sentiment d'autant plus pénible que cet événement a paru produire sur la Sublime Porte une impression singulièrement exagérée; on dirait à son langage et au ton de sa note que s. m. i., dont les principes d'équité, de modération et de désintéressement sont si bien connus de toute l'Europe et doivent l'être plus particulièrement du ministère ottoman, va engloutir tous les Etats de la Sublime Porte, lorsque s. m. les garantit en ce moment, et qu'elle en est, on ose le dire, presque le seul et unique soutien; mais le soussigné croit ne devoir attribuer ce langage qu'aux dispositions qu'il aperçoit depuis quelque temps dans la Sublime Porte à l'égard de la cour impériale, malgré tout l'art qu'on met à les lui cacher.

Il aime à se flatter encore qu'elles n'acquerront pas une consistance funeste, et, dans cet espoir, il se fait un vrai plaisir d'assurer la Sublime Porte que tant qu'elle conservera avec s. m. i. les liens qui l'unissent encore aujourd'hui, elle trouvera dans son auguste voisin et allié les sentiments d'intérêt et d'amitié dont elle a déjà recueilli les heureux fruits.

(signée) A. d'Italinsky.

Печат. по копии.

Перевод

Нижеподписавшийся, чрезвычайный посланник и полномочный министр е. в-ва императора всероссийского, с самым серьезиным вниманием прочитал ноту, датированную последним днем Сефера 1220 г. [217], которую Блистательная Порта вручила ему по поводу известия об оккупации Анаклии русскими войсками.

Исходя из чувств, которые до сих пор связывают оба двора и которые со стороны е. и. в-ва нисколько не изменились, оттоманское министерство могло бы не делать из этого повода для столь официального документа, причем такого резкого характера; как бы там ни было, нижеподписавшийся должен довести эту ноту до сведения своего августейшего государя и в то же время дать предварительный ответ на нее, чтобы обратить внимание Блистательной Порты на некоторые неточности, допущенные в данном ею описании обстоятельств, имевших место до и после этого события; для этого ему нужно лишь обратиться к протоколам двух бесед, которые он имел честь вести 6 и 13 августа прошлого года с е. пр-вом реис-эфенди.

Во время первой беседы нижеподписавшийся изложил событие, происшедшее в Поти: отказ, который получили несколько судов императорского двора, прибывшие туда; изумление его августейшего государя в связи с этим; необходимость установить через Риони и порты Анаклию и Батуми сообщение с войсками, которые держит е. в-во в провинции Грузии, а

также в Мингрелии и Имеретии с тех пор, как государи этих двух стран, как об этом была ранее осведомлена Блистательная Порта, отдали себя под его непосредственное покровительство, чтобы предохранить себя от несчастий и бедствий, которым подвергались они сами и население этих стран: некоторые — вследствие постоянных набегов лезгин, абхазцев и различных других, соседних с ними, варварских независимых племен, и все вместе — вследствие нападений персов, угрожавших им всеми своими силами.

Нижеподписавшийся обосновал неотложную и абсолютную необходимость установления упомянутого сообщения настоятельными потребностями войск, расположенных во внутренних районах страны, и, добавив, что для этого требовалось также назначение нескольких комиссаров в означенные пункты, он заявил о намерении назначить их туда.

Нижеподписавшийся в то же время отметил, что е. и. в-во, руководствуясь свойственным ему чувством умеренности и доброжелательности, а также учитывая тесные узы, существующие между ним и его высочеством султаном, отнюдь не желает выдвигать и обсуждать вопрос о праве собственности на означенное побережье и что, оставив в стороне подобный спор, он предпочитает решить этот вопрос путем дружеского соглашения с Блистательной Портой, как это всегда делается между пограничными государствами.

Во время второй беседы Блистательная Порта сообщила нижеподписавшемуся свои замечания с возражениями как против просьбы императорского двора относительно побережья, так и против просьбы об установлении свободного сообщения с внутренними районами; она передала ему описание этого побережья, причем население этих стран было обрисовано как народ непокорный, злобный, полудикий. Она дала ему понять, что появление судов императорского двора и высадка с них могли бы встревожить его и побудить к эксцессам, и предложила послать туда мубашира, для того чтобы облегчить открытие и установление свободного сообщения.

Нижеподписавшийся, ссылаясь на сказанное им во время первой беседы по вопросу о просьбах его двора, ограничился тем, что заверил Блистательную Порту, что он в точности передаст замечания, сделанные ею, но не мог их принять, так как он не имел приказания даже обсуждать их, наоборот, ему было приказано заметить, что е. и. в-во обходит молчанием право собственности.

Нижеподписавшийся действительно точно передал эти замечания своему двору; последний в своем ответе ограничивается выражением своего удовлетворения по поводу посылки мубашира для облегчения установления сообщения, о котором просили.

Если после этого на пустынном берегу Кемхаля был устроен склад и если там был размещен небольшой отряд, то это, очевидно,— мера предосторожности, имевшая своей целью охрану имущества, предназначенного для армии, находящейся в Мингрелии, Имеретии и Грузии, и, несомненно, она явилась следствием той характеристики, которую дало само оттоманское министерство жителям этого побережья, и того беспокойства, которое им было проявлено относительно неприятностей, которые могли бы явиться следствием установления сообщения и даже какой-либо попытки в этом направлении. Впрочем, это лишь предположение нижеподписавшегося, так как он не имеет никаких сообщений от своего двора ни по этому вопросу, ни по поводу занятия Анаклии; допуская, что это действительно могло иметь место, он не знает, однако, произошло ли это по повелению е. и. в-ва и по соображениям, не зависящим от предшествовавшего обмена мнениями между обоими дворами, или по собственной инициативе военного начальника этих областей и как следствие какого-либо частного, местного обстоятельства[218]; находясь в таком неведении, нижеподписавшийся, естественно, испытывает тем более тягостное чувство, что это событие, кажется, произвело на Блистательную Порту чрезмерно сильное впечатление; судя по содержанию и по тону ее ноты, можно подумать, что е. и. в-во, чьи справедливые, умеренные и бескорыстные принципы столь хорошо известны всей Европе и особо хорошо должны быть известны оттоманскому министерству, собирается якобы поглотить все владения Блистательной Порты, в то время как е. и. в-во в настоящий момент гарантирует их и, можно смело сказать, является почти одной единственной их опорой; однако нижеподписавшийся полагает, что такие речи следует приписать исключительно тем настроениям, которые он замечает с некоторого времени у Блистательной Порты по отношению к императорскому двору, несмотря на все старания скрыть их от него.

Ему хочется надеяться, что они не достигнут пагубных размеров, и в этой надежде он с истинным удовольствием заверяет Блистательную Порту в том, что, до тех пор пока она будет сохранять узы, связывающие ее до сих пор с е. и. в-вом, она найдет в своем августейшем соседе и союзнике чувства участия и дружбы, счастливыми плодами которых она уже пользовалась.

(подписано) А. Италинский

Александр I Фридриху-Вильгельму III

29 мая (10 июня) 1805 г.

Просит короля занять твердую позицию по отношению к Франции в период переговоров Н. Н. Новосильцева в Париже, что вынудит Наполеона согласиться на заключение мира. В случае неудачного исхода переговоров неизбежна война, и Александр приглашает короля заключить при посредстве Н. Н. Новосильцева договор о союзе.

Bailleu, Correspondance inédite, p. 65—66.

Полномочия Н. Н. Новосильцеву для ведения переговоров с французским правительством

30 мая (11 июня) 1805 г.

Полномочия Н. Н. Новосильцеву для вручения французскому правительству условий мирного урегулирования между Англией и Францией, ведения переговоров и заключения мирного договора.

Сб. РИО, т. 82, стр. 62—63.

Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский министру иностранных дел Франции Талейрану

30 мая (11 июня) 1805 г.

Извещение о посылке в Париж Н. Н. Новосильцева с целью примирения Англии и Франции и восстановления мира в Европе.

Сб. РИО, т. 82, стр. 57—59.

Александр I Н. Н. Новосильцеву

30 мая (11 июня) 1805 г.

Инструкции о ведении переговоров с Наполеоном. Предписывается закончить переговоры не позднее 18(30) августа, с тем чтобы при неудаче переговоров иметь возможность осуществить намеченные на этот случай мероприятия.

Сб. РИО, т. 82, стр. 59—62.

Проект договора об основах восстановления мира между Францией и Англией

30 мая (11 июня) 1805 г.

Восстановление мира на основе Люневильского договора, Лондонских прелиминарий 1.X.1801 г., Амьенского договора, Парижского мирного договора 8.X.1801 г. и секретной конвенции 10.X.1801 г., кроме некоторых изменений в соответствии с нижеследующими условиями:

— немедленная эвакуация французами всей Италии;
— возвращение Пьемонта королю Сардинии и восстановление независимости Сардинского королевства;
— немедленная эвакуация французами Голландии и восстановление ее независимости;
— признание независимости и нейтралитета Швейцарии;
— отмена ст. X Амьенского договора, передача Мальты под охрану русских войск;
— обеспечение независимости Ионических островов;
— ряд территориальных изменений в Германии в пользу Австрии, Пруссии, Баварии и Бадена;
— возвращение Франции и Голландии территорий, отвоеванных у нее Англией в ходе войны;
— созыв европейского конгресса для решения прочих территориальных вопросов.

Сб. РИО, т. 82, стр. 63—69.

Проект декларации русского уполномоченного *

30 мая (11 июня) 1805 г.

Россия обязуется изучить основы морского кодекса Англии и предложить свои добрые услуги для его пересмотра, если он окажется в противоречии со справедливостью и международным правом.

Сб. РИО, т. 82, стр. 70.

Александр I представителю Фридриха-Вильгельма III Застрову

Конец мая — начало июня 1805 г.

Прежде чем раскрыть королю полностью намерения и планы России, Александр I должен знать, присоединится ли Пруссия к России и Австрии в их намерении обеспечить равновесие сил в Европе и остановить агрессию Наполеона путем войны, если переговоры о мире не увенчаются успехом. Если король и присоединится к союзникам, то Александр I обязуется обеспечить Пруссии субсидии и вооруженную помощь.

Ranke, Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten v. Hardenberg, B-d, 2, S. 161—162.

134. Вербальная нота Министерства иностранных дел представителю Фридриха-Вильгельма III Застрову [219]

*Начало июня 1805 г.***

S. m. prussienne, en apprenant la démarche [176] que s. m. l'empereur de toutes les Russie est déterminé à faire pour rendre la paix à l'Europe, n'aura pu se déguiser que cette démarche, et par sa nature et par les rapports dans lesquels la Russie se trouve vis-à-vis de la France, demandait à être soutenue avec énergie au cas que Bonaparte ne souscrivît point aux propositions qui lui seront faites ou se refusât même à les entendre. Il est nécessaire que le chef du gouv[ernemen]t français l'envisage sous ce point de vue, autrement on se flatterait en vain d'obtenir la paix de Bonaparte qui, sans l'appréhension d'une guerre continentale, n'y voudra souscrire qu'en la dictant à l'Europe asservie. S. m. i. est cependant loin de penser que, même en découvrant à Bonaparte la certitude d'une levée de boucliers formidable, l'on doive prétendre qu'il souscrive à des propositions qui ne seraient point marquées au coin de la modération et uniquement calculées sur ce qui est juste et raisonnable, et par conséquent l'empereur, en prescrivant à son plénipotentiaire d'éviter tout ce qui pourrait faire naître de l'aigreur, ne demandera à la France que le sacrifice de ce qui ne blesserait point sa véritable gloire et ses intérêts les plus essentiels et lui offrira en retour des concessions équitables de la part de l'Angleterre; mais si, au lieu de profiter d'une négociation où l'amour du bien, la justice et le désir de procurer à l'Europe une paix stable seront seuls écoutés, le gouv[ernemen]t français pouvait préférer aux heureux effets d'une tranquillité assurée et générale l'avantage passager de conserver la totalité des moyens, dont il dispose maintenant, pour asservir les Etats qui l'avoisinent, il ne resterait d'autre parti à prendre aux puissances de l'Europe que de réunir leurs efforts contre l'ennemi avéré et commun de leur repos pour sortir de cet état de sujétion humiliante, dans laquelle on se trouve vis-à-vis de Bonaparte, et

* Должна была быть вручена Н. Н. Новосильцевым французскому правительству в случае подписания договора об основах восстановления мира между Францией и Англией.

** Датировано на основании материалов архива.

pour faire rentrer la France dans les limites desquelles une juste politique n'aurait jamais dû la laisser sortir.

Si l'on considère maintenant quelle est la nature des rapports qui doivent exister dans cet état de choses entre la Russie et la Prusse, on se convaincra que tout dépend de savoir si ces deux puissances sont d'accord ou non sur le principe que la position actuelle des affaires en Europe exige des remèdes efficaces et immédiats et qu'un refus de Bonaparte de s'y prêter doit motiver l'emploi de la force pour le contraindre à une paix équitable.

Jusqu'ici rien n'a été négligé par la Russie pour acquérir l'espoir que s. m. prussienne partagerait sa conviction à cet égard, et cependant elle n'a pu y parvenir; au contraire, toutes les tentatives faites par le cabinet de St.-Pétersbourg pour porter celui de Berlin à prendre en considération sérieuse la situation malheureuse de l'Europe ont été infructueuses.

En 1803, sur des données qui devaient paraître exactes, il fut offert au roi de prendre des mesures communes pour délivrer l'Allemagne de la présence des Français. L'empereur, pour accélérer cette œuvre salutaire, s'empressa d'entrer immédiatement dans le plus grand détail sur ses vues, de proposer et les principes et le mode d'exécution, ce qui n'empêcha pas qu'il ne reçût dans cette occasion un refus complet de la part du cabinet de Berlin *.

La même conduite a été suivie tout récemment encore, lorsque s. m. i. a proposé à la Prusse un concert[152] avec l'Autriche pour s'opposer à tout empiétement ultérieur de la France. Les stipulations qu'il renfermait exprimaient également tout ce que la Prusse pouvait désirer de connaître; les cas où les stipulations seraient exécutées étaient prévus, les moyens indiqués, les sûretés données. La crainte seule de l'établissement de ce concert imprima du respect à Bonaparte; il balança de prendre pour lui le titre de roi d'Italie, et l'on sait avec certitude qu'il ne s'y détermina qu'après avoir eu connaissance du peu de succès des ouvertures faites à l'occasion de l'envoi du b[ar]on de Wintzingerode à Berlin. Ce concert était tellement adapté aux circonstances qu'il aurait déjà, par une opposition commune, prévenu l'usurpation récente de la France, mais la Prusse en a décliné la confection ** en appuyant principalement son refus sur ce qu'elle ne connaissait pas *les liens qui unissent les cours de Pétersbourg et de Vienne entre elles et avec la cour de Londres*. Ce motif pourrait être combattu par la considération que, quelle que soit la confiance mutuelle, un abandon entier ne peut être que la suite d'opinion et de vues communes, et les rapports de chaque souverain et surtout la marche de leurs cabinets peuvent souvent établir une grande différence dans leur conduite réciproque. S. m. i. cependant n'en a jamais admis entre elle et s. m. le roi de Prusse. Elle a toujours jugé que les deux Etats étaient également appelés à s'occuper du maintien d'un juste équilibre en Europe, et c'est d'après ce principe qu'elle n'a rien laissé ignorer de ses buts et de ses projets au roi, mais la Prusse, au contraire, s'applique à restreindre son influence exclusivement au Nord de l'Allemagne. Cette seule différence, bien involontaire de la part de la Russie, une fois levée, il ne pourrait plus en exister aucune entre les liaisons des deux Etats. Toute la conduite de l'empereur a prouvé de reste combien il souhaite n'avoir rien de caché pour le roi son allié; et il ne fallait pas moins que la persévérance de la cour de Berlin à s'isoler par système et à ne point embrasser dans sa politique, malgré les vives instances de l'empereur, tous les Etats dont la ruine menace la sûreté générale, pour mettre une sorte de limite à une entière confiance dont s. m. i. éprouve sans cesse le besoin pressant et le désir prononcé.

---

* См. т. I, док. 186, 187.
** См. док. 112, 113.

Si s. m. y a résisté jusqu'à présent, c'est qu'elle n'a point voulu qu'on pût lui reprocher de s'être écartée dans sa marche, en quoi que ce soit, de ce qui pouvait être nécessaire ou directement utile au bien d'une entreprise aussi importante pour l'humanité, et dont le succès intéresserait la Prusse tout autant que le reste de l'Europe, si même le cabinet de Berlin pouvait ne vouloir pas y prendre une part efficace.

S. m. suivrait donc sa conviction et son penchant naturel en communiquant à son allié les liens qu'elle a formés ou forme encore pour le bien-être de ceux de ses co-Etats qu'elle voit opprimés ou en danger de l'être; mais elle croit être obligée d'attendre que le vœu de s. m. prussienne d'en être instruite soit motivé par une disposition prononcée de leur tendre aussi une main secourable.

Cependant l'intérêt général, l'amitié des deux souverains, tout commande à la Russie et à la Prusse de s'unir étroitement dans la crise actuelle. Cette union, pour devenir salutaire, doit être fondée sur une conformité absolue de principes. Tant que ceux-ci ne seront discutés et arrêtés, c'est en vain qu'on travaillerait à combiner des mesures, dont la discussion serait oisive si leur but n'était pas convenu, et qui ne produiraient aucun effet si elles n'étaient pas dirigées dans le même sens.

La Russie connaît la situation de la Prusse relativement à la France; elle a jugé également quels pouvaient être les vœux du cabinet de Berlin pour l'avenir et elle n'y trouve rien qui ne soit entièrement compatible avec ses propres vues et le bien général.

La sûreté, l'indépendance de tous les Etats de l'Europe et l'établissement d'un juste équilibre entre eux, est tout ce que s. m. l'empereur désire d'effectuer soit par une négociation de paix, soit par la force, si celle-ci était infructueuse.

S'il faut recourir aux armes, la Russie, quoique hors de portée des atteintes de l'ennemi et par conséquent moins intéressée à la lutte que tout autre Etat, sera la première à donner l'exemple d'une énergie soutenue en employant aux efforts communs des forces très considérables et en s'engageant formellement à les faire agir pendant toute la durée de la guerre. Elle prendra en considération dans tous ses plans les dangers auxquels l'un ou l'autre de ses alliés peut être exposé par une attaque soudaine de l'ennemi et s'entendra avec eux sur les moyens qui seraient les plus propres pour parer à cet inconvénient.

La Russie, libre de toute vue ambitieuse, contribuera volontiers à procurer aux différents Etats, qui seraient en guerre avec la France, des arrondissements qui pourraient convenir à leur sûreté et de justes compensations de leurs pertes. Pour éviter tout mésentendu à cet égard, c'est d'avance qu'elle s'occupera à discuter les objets qui pourraient convenir à chacune des parties belligérantes, en soumettant en tout cas à un congrès général la distribution des conquêtes qui auraient été faites et dont le sort serait réglé sur ce qu'exige le maintien de la paix publique et de l'équilibre général.

Après avoir tracé les principes qui dirigent la Russie, on doit se flatter que la cour de Berlin n'y trouvera rien qu'elle ne voulût prendre pour règle de sa conduite. En les exprimant avec détail et précision, l'empereur observe la même marche qu'il a toujours suivie envers le cabinet de Berlin, celle que prescrit une confiance illimitée pour tout ce qui concerne les desseins, les buts, les sentiments de la cour de St.-Pétersbourg; mais comment celle-ci pourrait-elle en agir de même à l'égard de ses liaisons avec d'autres puissances dont il n'est pas en son pouvoir de révéler le secret, avant que les vues de la Russie et de la Prusse ne soient parfaitement à l'unisson?

L'empereur, ayant fait connaître lui-même à M^r le g[énéra]l de Zastrow ce qu'il croyait de nature à y préparer les voies[215], a voulu que l'on s'étendît davantage dans la présente note sur la question qui s'agite entre les deux cours.

S. m. dépasse peut-être par là les bornes qui appartiennent à de semblables ouvertures, puisqu'elle énonce avec précision les principes fondamentaux du système qu'elle suit à l'égard de la France, et qui, ayant dû naturellement servir de base aux liens qu'elle aurait été dans le cas de former, peuvent par conséquent faire préjuger en quoi ces derniers consistent. L'empereur, cependant, se confiant dans le caractère de son ami et allié, est loin de regretter cette franchise et, persuadé que le roi fera de son côté un pas en avant vers l'union la plus désirable qui puisse exister entre les deux cours, s. m. i. chargera Mr de Nowossiltzoff de donner à s. m. prussienne toutes les explications qu'elle pourrait désirer sur les bases de pacification qui seront proposées à la France.

Печат. по копии.

Перевод

Его прусское в-во, узнав о демарше[176], который е. в-во император всероссийский решил предпринять с целью вернуть мир Европе, не мог не увидеть, что как по своему характеру, так и в силу отношений, существующих между Россией и Францией, этот демарш требует решительной поддержки в том случае, если Бонапарт не согласится на сделанные ему предложения или откажется даже выслушать их. Необходимо, чтобы глава французского правительства рассматривал его с этой точки зрения, иначе тщетно было бы надеяться добиться от Бонапарта мира, ибо если ему не будет грозить континентальная война, то он согласится на мир, только продиктовав свои условия порабощенной Европе. Однако е. и. в-во вовсе не думает, что можно надеяться на принятие Бонапартом предложений, которые не были бы отмечены духом умеренности и не исходили бы из соображений разумных и справедливых, даже если он будет поставлен в известность о неизбежности мощного вооруженного выступления в случае отказа; вследствие этого государь, предписав своему полномочному представителю избегать всего, что могло бы вызвать раздражение, потребует от Франции поступиться лишь тем, что не задевает ее подлинной славы и основных интересов, и взамен этого предложит ей справедливые уступки со стороны Англии. Но если французское правительство, не пожелав воспользоваться переговорами, в ходе которых будут руководствоваться лишь стремлением к добру, справедливости и желанием обеспечить Европе устойчивый мир, предпочтет благим результатам всеобщего, прочного мира преходящее преимущество сохранить всю совокупность средств, которыми оно сейчас располагает, для порабощения соседних государств, то в этом случае европейским державам не останется никакого иного решения, как объединить все свои усилия против признанного общего врага их покоя, чтобы покончить с унизительным состоянием зависимости от Бонапарта и заставить Францию вернуться к границам, из которых при разумной политике она бы никогда не вышла.

Если рассмотреть теперь, каким должен быть при данных обстоятельствах характер отношений между Россией и Пруссией, то следует признать, что все зависит от того, согласны или нет обе державы с тем принципом, что нынешнее положение дел в Европе требует действенных и срочных мер по его исправлению и что отказ Бонапарта согласиться на это должен стать основанием для применения силы, чтобы принудить его к справедливому миру.

До настоящего времени Россия ничем не пренебрегала для того, чтобы получить надежду на то, что его прусское в-во разделит его убеждение на этот счет, однако ей не удалось добиться этого; напротив, все попытки санкт-петербургского кабинета убедить берлинский кабинет принять серьезно во внимание тяжелое положение Европы остались бесплодными.

В 1803 г. на основе данных, казавшихся точными, королю было предложено принять сообща меры для того, чтобы избавить Германию от присутствия французов. Чтобы ускорить это спасительное дело, император поспешил тотчас же изложить возможно подробнее свои виды и предложил как принципы, так и способ осуществления его, что не помешало тогда берлинскому кабинету ответить полным отказом*.

Такой же линии поведения Пруссия следовала и совсем недавно, когда е. и. в-во предложил ей установить согласие[152] с Австрией, с тем чтобы воспротивиться любым дальнейшим посягательствам Франции. В постановлениях этого соглашения содержалось все, что Пруссия могла желать знать: случаи, когда статьи соглашения должны быть выполнены, были предусмотрены, средства указаны, гарантии даны. Одного опасения, что это согласие будет установлено, было достаточно, чтобы внушить уважение Бонапарту: он колебался, принимать ли ему титул короля Италии, и совершенно точно известно, что он решился на это лишь после того, как узнал о малом успехе предложений, сделанных во время поездки в Берлин барона Винцингероде. Это согласие столь хорошо соответствовало обстоятельствам, что оно уже помешало бы Франции благодаря совместному противодействию держав осуществить ее недавние узурпаторские действия. Но Пруссия отказалась от создания его**, обосновывая

свой отказ главным образом тем, что ей неизвестны обязательства, *связывающие петербургский и венский дворы между собой и с лондонским двором*. Этот мотив можно было бы опровергнуть тем, что, каково бы ни было взаимное доверие, полная откровенность может быть следствием лишь общности намерений и видов и что связи каждого государя, и особенно политика их кабинетов, часто могут порождать большие различия в их действиях. Тем не менее е. и. в-во никогда не допускал этого в отношениях между ним и прусским королем. Он всегда считал, что оба государства в равной мере призваны заботиться о сохранении справедливого равновесия в Европе, и, следуя этому принципу, он ничего не скрывал от короля относительно своих целей и планов, тогда как Пруссия, напротив, старается ограничить свое влияние исключительно Северной Германией. Если это единственное различие, в котором Россия совершенно неповинна, будет устранено, то между связями обоих государств не будет больше существовать никаких различий. Впрочем, все поведение государя императора доказало, что он отнюдь не желает скрывать что-либо от короля, своего союзника; и лишь упорное стремление берлинского двора систематически изолироваться и, несмотря на настояния государя императора, не включать в орбиту своей политики все государства, крушение которых угрожает общей безопасности, поставило некоторые границы полному доверию, в котором е. и. в-во испытывает настоятельную нужду и которого он очень желает.

Если до настоящего момента е. в-во воздерживался от этого, то лишь потому, что он не хотел, чтобы его могли упрекнуть в том, что в своих действиях он отклонился в чем бы то ни было от того, что могло быть необходимым или непосредственно полезным для столь важного для человечества предприятия, в успехе которого Пруссия была бы заинтересована столько же, сколько другие государства Европы, даже если берлинский кабинет и не пожелал бы принять в нем действенного участия.

Таким образом, е. в-во последовал бы своему убеждению и естественным склонностям, сообщив своему союзнику о связях, уже установленных или еще устанавливаемых им ради благополучия тех своих союзников, которые либо угнетаются, либо находятся под угрозой покорения; но государь полагает, что он должен подождать, пока желание его прусского в-ва быть осведомленным на этот счет будет обосновано ясно выраженным намерением также протянуть им руку помощи.

Однако общие интересы и дружба обоих государей обязывают Россию и Пруссию тесно объединиться в нынешнем критическом положении. Это объединение, чтобы стать спасительным, должно основываться на полном совпадении основных принципов. До тех пор пока эти принципы не будут обсуждены и установлены, бесполезно было бы трудиться над разработкой согласованных мер, обсуждение которых явилось бы напрасной тратой времени, если не будет достигнута договоренность об их цели, и которые окажутся эффективными только в том случае, если будут направлены к единой цели.

Россия знает положение Пруссии относительно Франции, она учла также, каковы могут быть пожелания на будущее прусского кабинета, и не находит в них ничего, что не было бы полностью совместимо с ее собственными видами и общим благом.

Безопасность, независимость всех государств Европы и установление справедливого равновесия между ними — это все, чего хочет добиться е. в-во император либо путем мирных переговоров, либо силой, если бы переговоры не дали результата.

В случае необходимости прибегнуть к силе оружия Россия, хотя она и находится вне пределов досягаемости врага и, следовательно, менее любого другого государства заинтересована в этой борьбе, первой подаст пример энергичных действий, выделив для участия в общих усилиях весьма значительные силы и дав обязательство по всей форме, что эти силы будут действовать в течение всей войны. Во всех своих планах Россия будет учитывать опасность, которой может подвергнуться в случае внезапного нападения врага тот или иной из ее союзников, и договорится с ними о средствах, наиболее пригодных для его отражения.

Россия, не имея каких-либо властолюбивых видов, будет охотно способствовать тому, чтобы обеспечить различным государствам, которые будут участвовать в войне против Франции, округление их владений, которое соответствовало бы интересам их безопасности, а также справедливое возмещение их потерь.

Во избежание каких-либо недоразумений на этот счет Россия заранее займется обсуждением того, что могло бы интересовать каждую из воюющих сторон, и представит во всех случаях общему конгрессу вопрос о распределении завоеванных земель, судьба которых должна быть определена в соответствии с требованиями сохранения общего равновесия и всеобщего мира.

После того как принципы, которыми руководствуется Россия, изложены, можно надеяться, что берлинский двор не найдет в них ничего, что он не пожелал бы взять за правило своего поведения. Излагая свои принципы точно и подробно, государь император следует той линии поведения, которой он всегда придерживался по отношению к берлинскому кабинету, выражая ему безграничное доверие во всем, что касается замыслов, целей и чувств санкт-петербургского двора. Но может ли он поступать так же, когда речь идет о связях петербургского двора с другими дворами, тайны которых он не в праве разглашать, пока виды России и Пруссии не будут полностью совпадать?

Государь, лично осведомив г-на генерала Застрова о том, что, по его мнению, может подготовить пути к этому[215], пожелал, чтобы вопрос, обсуждаемый обоими дворами, был рассмотрен подробнее в данной ноте. Возможно, что е. и. в-во переступает тем самым обычные рамки подобного рода предложений, точно излагая основные принципы системы которой он придерживается по отношению к Франции, ибо эти принципы, поскольку они, естественно, должны служить основой тех связей, которые он может установить, дают, следовательно, возможность судить, в чем именно эти последние будут состоять. Однако, доверяя своему другу и союзнику, император отнюдь не сожалеет о своей откровенности, и, будучи убежден в том, что король со своей стороны пойдет навстречу этому союзу, самому желательному из тех, которые могут быть установлены между обоими дворами, е. и. в-во поручит г-ну Новосильцеву дать его прусскому в-ву все объяснения, которых он мог бы пожелать относительно основных условий восстановления мира, которые будут предложены Франции.

135. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

2(14) июня 1805 г.

Monsieur le comte. Je m'empresse de faire part à v. ex. que les passeports demandés à Bonaparte pour Mr de Novossiltzoff[176] sont arrivés et que ce ministre se mettra en conséquence en route samedi prochain.

Il me serait difficile, M[r] le comte, de Vous exprimer avec combien de regret et de déplaisir s. m. voit partir ce négociateur sans que nous ayons pu parvenir à obtenir une réponse positive de la cour de Vienne sur les communications d'une importance majeure* qui lui ont été faites depuis 4 mois. L'empereur, cependant, ne variant pas dans son désir de montrer à s. m. impériale et royale combien il est empressé de déférer à ses vœux, a recommandé à Mr de Novossiltzoff de mettre dans ses pourparlers avec Bonaparte la modération nécessaire pour ne point l'effaroucher au premier abord et de se référer même dans le cours de la négociation aux traités de Luneville ** et d'Amiens *** en tant que cela ne sera pas incompatible avec les vœux de s. m. britannique, et en effet la position, dans laquelle se trouvait l'Europe après la conclusion de ces deux actes et par conséquent avant la réunion du Piemont à la France[220], peut autoriser pleinement Mr de Novossiltzoff à demander, comme modifications nécessaires à ces traités, l'évacuation de l'Italie entière, l'indépendance de la Hollande assurée par un gouvernement stable et celle de la Suisse. Mais en adoptant même cette marche pour la négociation, il serait impossible de la traîner au-delà d'un certain temps sans sacrifier entièrement l'Europe, car la Russie ne pourrait plus agir avec la même promptitude à cause de la saison avancée et de la fermeture prochaine de ses ports. Bonaparte ne se ferait point illusion sur les suites que présagerait la lenteur des négociations et il se préparerait, en attendant leur interruption, à attaquer l'Autriche avec de grands avantages. Celle-ci se trouverait par là même plus exposée et elle doit par conséquent ne point perdre un moment pour se mettre en état de lui opposer des forces respectables, afin que nous ayons au moins la certitude que, si elle était attaquée, elle se défendrait avec énergie. Il ne suffit point que l'Autriche ait signé un acte avec nous, mais il est nécessaire et même indispensable qu'elle se déclare disposée et prête, avec l'assistance des subsides que l'Angleterre lui fournira, à remplir ses engagements. Qu'elle fixe enfin un terme aux préparatifs dont elle dit s'occuper et qui, d'après ses déclarations, doivent avoir également pour but de s'opposer à la réunion de la République italienne à la France. Tous ces points rentrent dans la demande que nous avons faite au

---

* См. док. 107.
** См. т. I, прим. 24.
*** См. т. I, прим. 110.

cabinet autrichien d'accéder aux engagements pris avec l'Angleterre****, et il est instant que v. ex. exige une réponse prompte et catégorique sur l'objet de cette accession, afin que s. m. i. sache enfin ce qu'elle a à espérer de l'Autriche en réciprocité de l'assistance qu'elle lui a promise. L'incertitude à cet égard est plus nuisible qu'un refus, car il n'y a plus un seul moment à perdre. Toute réponse vague n'est plus possible ni admissible maintenant, et il est de toute nécessité que s. m. soit immédiatement informée, si elle peut compter ou non sur l'Autriche, et dans le premier cas, de quelle manière cette puissance veut prendre part aux opérations communes. La cour de Vienne a avancé tout récemment qu'elle a besoin pour se préparer de la partie la plus précieuse de la bonne saison; mais aussi l'époque à laquelle nous proposons d'agir emporte-t-elle cette bonne saison, puisque Mr de Novossiltzoff ne pourra être de retour de Paris que vers la fin du mois d'août et certainement tout se réunit pour prescrire à l'Autriche de nous donner des garants de ses dispositions pour acquérir de son côté un droit à nos efforts. En attendant s. m. vient de donner l'ordre que ses armées se rapprochent des points arrêtés dans le plan d'opérations[192] qui Vous a été envoyé, afin qu'elles soient prêtes à marcher en avant aussitôt que l'empereur aura appris que les négociations ont été rompues à Paris; la cour de Vienne après avoir témoigné le désir de les voir traîner pendant la bonne saison ne voudra pas sans doute prendre ce même retard pour excuse de ne point agir. C'est son irrésolution seule qui a engagé d'arrêter d'un jour à l'autre l'envoi de Mr de Novossiltzoff qui autrement, d'après le premier plan, aurait été attendre ses passeports auprès du roi de Prusse; ce qui nous aurait fait gagner près d'un mois du temps le plus précieux. Il se peut au reste que la saison avancée détruise les craintes de la cour de Vienne en ce que l'hiver survenant, les Français auront plus de difficulté de se porter contre les Etats autrichiens, ne prévoyant pas même d'être mis dans le cas de rien entreprendre cette année, et qu'en attendant les armées russes pourront arriver sur le théâtre de la guerre et avancer leurs opérations.

Je joins ici, M[r] le comte, pour que Vous puissiez en donner communication au cabinet autrichien, les pièces[211] dont M[r] d'Alopeus a accompagné l'envoi des passeports pour notre plénipotentiaire. Vous verrez par leur contenu que ce ne sera qu'à Berlin que Mr de Novossiltzoff apprendra où il pourra voir Bonaparte. Ce ministre s'arrêtera quelques jours auprès de s. m. prussienne pour faire une nouvelle tentative afin de l'engager à se joindre à l'Autriche et à la Russie et, si le roi s'y déterminait, Mr de Novossiltzoff lui proposerait de prendre part à sa négociation et d'envoyer quelqu'un à Paris pour le seconder, mais en insistant que ce soit une personne dont on puisse attendre une manière d'agir différente de celle que M[r] Lucchesini tient habituellement[221].

V. ex. est également chargée de proposer au ministère autrichien d'autoriser le c[om]te de Cobenzl, si la négociation est établie à Paris, de seconder de tous ses efforts M[r] de Novossiltzoff et d'adhérer aux propositions qu'il fera. L'intelligence des plénipotentiaires des trois cours ferait certainement une forte impression sur Bonaparte, mais peut-être par cette même raison la cour de Vienne ne voudra-t-elle point y souscrire par la crainte que la part qu'elle prendrait à nos ouvertures ne devienne un grief de Bonaparte contr'elle. Nous aurions égard à ce motif si cette puissance voulait enfin nous dire si elle agira oui ou non, car tout dépend maintenant du rôle qu'elle jouera. La Prusse ou cédera volontairement ou y sera contrainte et par conséquent c'est entre les mains de l'Autriche qu'est le sort de l'Europe, et dans l'une et l'autre hypothèse il est indispensable que nous sachions quelle sera la conduite que tiendra la cour de Vienne. Je ne reviendrai point ici sur tous les arguments qui ont

---

**** См. док. 117.

déjà été employés pour prouver que l'irrésolution de l'Autriche dans les circonstances actuelles tend immanquablement à sa perte certaine. Je ne doute pas, Mr le comte, que Vous ne les retraciez tous à cette occasion et que Vous ne vous empressiez de nous instruire de ce que Vous aurez enfin pu obtenir.

J'ai l'honneur...

Le pr[ince] A. Czartoryski

Par l'ass(esseu)r Doubansky
le 15(27) juin 1805.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин граф. Спешу сообщить в. с-ву, что паспорта, запрошенные у Бонапарта для г-на Новосильцева[176], прибыли и что, следовательно, он выедет в следующую субботу.

Трудно передать Вам, г-н граф, какое сожаление и неудовольствие испытывает е. в-во в связи с тем, что это лицо, уполномоченное для переговоров, уже выезжает, а мы все еще не смогли получить определенного ответа венского двора на сообщения чрезвычайной важности*, которые были сделаны ему 4 месяца назад. Однако император, по-прежнему желая показать его императорскому и королевскому в-ву свою готовность идти навстречу его пожеланиям, рекомендовал г-ну Новосильцеву проявить в переговорах с Бонапартом необходимую умеренность, чтобы не встревожить его с самого начала, и даже ссылаться в ходе переговоров на Люневильский** и Амьенский*** договоры в той мере, в какой это будет совместимо с пожеланиями его британского в-ва. Действительно, положение, в котором находилась Европа после заключения этих договоров и, следовательно, до присоединения Пьемонта к Франции[220], дает г-ну Новосильцеву полное основание потребовать, в качестве дополнений к этим договорам, вывода войск из всей Италии, независимости Голландии, которая должна быть обеспечена путем создания устойчивого правительства, и независимости Швейцарии. Но даже если бы переговорам было дано такое направление, нельзя было бы затягивать их долее определенного времени, не принося полностью в жертву Европу, ибо Россия не могла бы более действовать с той же быстротой ввиду позднего времени года и предстоящего закрытия ее портов. Бонапарт не обманулся бы насчет последствий, которые предвещало бы затягивание переговоров, и тем временем он подготовился бы к ведению кампании против Австрии в весьма выгодных для себя условиях. Вследствие этого Австрия подверглась бы еще большей опасности; поэтому она должна не терять ни минуты и подготовить для оказания ему сопротивления внушительные силы, чтобы мы были по крайней мере уверены, что, подвергнувшись нападению, она будет энергично защищаться. Одного лишь подписания Австрией соглашения с нами совершенно недостаточно; нужно и даже необходимо, чтобы она выразила желание и готовность выполнить свои обязательства с помощью субсидий, которые предоставит ей Англия. Пусть она назначит, наконец, срок окончания приготовлений, которыми она, по ее словам, занимается и которые, как она заявляет, должны также иметь целью противодействовать присоединению Итальянской республики к Франции. Все эти пункты содержатся в сделанной нами австрийскому кабинету просьбе присоединиться к обязательствам, заключенным с Англией****, и настоятельно необходимо, чтобы в. с-во потребовали быстрого и определенного ответа относительно присоединения к этим обязательствам, с тем чтобы е. и. в-во узнал наконец, на что он может надеяться в ответ на помощь, которую он ему обещал. Неопределенность в этом отношении приносит больший вред, чем отказ, ибо нельзя более терять ни минуты. Сейчас уже невозможен и неприемлем какой бы то ни было неясный ответ, и совершенно необходимо, чтобы е. в-во незамедлительно был уведомлен, может он или нет рассчитывать на Австрию, и если да, то каким образом эта держава намерена принимать участие в общих операциях. Венский двор совсем недавно заявил, что для подготовки ему нужна самая лучшая пора теплого времени года; но и период, когда мы предлагаем действовать, дает ей возможность использовать это время года, поскольку г-н Новосильцев сможет вернуться из Парижа только к концу августа, и, безусловно, все обстоятельства требуют того, чтобы Австрия дала нам гарантию своих намерений, чтобы со своей стороны получить право на наше содействие. Пока же е. в-во отдал приказ своим армиям приблизиться к пунктам, указанным в высланном Вам плане операций[192], с тем чтобы они были готовы выступить сразу же после того, как император узнает о разрыве переговоров в Париже; после того как венский двор проявил желание затянуть эти переговоры на период теплого времени года, он не захочет, конечно, использовать эту задержку для оправдания своего отказа от действий. Только нерешительность венского двора побуждала откладывать со дня на день отъезд г-на Новосильцева, тогда как в соответствии с первоначальным планом он должен был бы уже ждать паспорта, находясь у прусского короля, и таким образом мы бы выиграли около месяца наиболее благоприятного времени. Возможно, впрочем, что позднее время года уничтожит опасения венского двора, поскольку с наступлением зимы французам будет труднее напасть на австрийские владения, не предвидя возможности предпринять

что-либо в этом году, а тем временем русские армии смогут прибыть к театру военных действий и начать свои операции.

Я прилагаю здесь, г-н граф, для того чтобы Вы смогли сообщить об этом австрийскому кабинету, бумаги[211], которыми г-н Алопеус сопроводил паспорта для нашего уполномоченного. Из их содержания Вы увидите, что г-н Новосильцев только в Берлине узнает, где он сможет увидеть Бонапарта. Этот посланник задержится на несколько дней у его прусского в-ва, чтобы сделать еще одну попытку убедить его присоединиться к Австрии и России, и, если король на это решится, г-н Новосильцев предложит ему принять участие в переговорах и послать кого-нибудь в Париж в помощь ему, но настояв на том, чтобы это было лицо, от которого можно было бы ожидать иного образа действий, нежели тот, которого обычно придерживается г-н Люккезини[221].

В. с-ву поручается также предложить австрийскому министерству уполномочить графа Кобенцля, если переговоры будут вестись в Париже, всемерно содействовать г-ну Новосильцеву и присоединиться к предложениям, которые он сделает. Согласованность действий уполномоченных трех дворов произвела бы, без сомнения, сильное впечатление на Бонапарта, но, может быть, именно поэтому венский двор не захочет согласиться на это из боязни навлечь на себя недовольство Бонапарта участием в наших демаршах. Мы приняли бы во внимание это соображение, если бы эта держава соблаговолила, наконец, сказать нам, будет ли она действовать или нет, так как сейчас все зависит от той роли, которую она будет играть. Пруссия или уступит добровольно, или будет принуждена к этому, и, следовательно, именно в руках Австрии находится судьба Европы; как в том, так и в другом случае нам необходимо знать, какой линии поведения будет придерживаться венский двор. Я не буду здесь возвращаться ко всем тем аргументам, которые уже приводились для доказательства того, что нерешительность Австрии при нынешних обстоятельствах неминуемо приведет ее к верной гибели. Я не сомневаюсь, г-н граф, что Вы вновь употребите все эти аргументы в данном случае и что немедленно сообщите нам все, чего Вам удастся, наконец, добиться.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

С асессором Дубанским, 15(27) июня 1805 г.

136. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

2(14) июня 1805 г.

Monsieur le comte, j'ai exactement reçu les différentes dépêches[222] que v. ex. m'a adressées par Mr Gourieff. S. m. i. a été contente des efforts que Vous avez faits pour arracher au comte de Cobenzl une réponse un peu conforme à ce que nous aurions tout droit d'attendre de la cour de Vienne dans la position bien critique où elle se trouve. En effet il est très étonnant, et on ne doit certainement l'attribuer qu'aux effets d'une terreur panique, qu'elle ne veuille s'expliquer sur rien avec la précision nécessaire pour que nous puissions savoir à quoi nous en tenir. Indépendamment de la dépêche officielle* que je Vous adresse aujourd'hui, Mr le comte, sur l'incertitude où le c[abine]t de Vienne nous tient, je crois encore devoir Vous retracer pour Votre direction personnelle tous les points sur lesquels nous attendons une réponse et des explications claires et précises. S. m. impériale et royale a signé un concert avec notre auguste maître **. Elle y a mis une restriction qui porte sur les subsides de l'Angleterre; nous nous sommes occupés de lui procurer ceux-ci et, cependant, elle ne s'explique et ne répond même pas lorsqu'on lui demande si elle les accepte et si elle en est satisfaite. Elle a toujours appuyé sur la nécessité de décider la Prusse à s'unir à nous et, cependant, elle n'a jamais énoncé clairement et sans réserve que le concours de cette puissance déterminerait sans restriction les opérations de l'Autriche. Elle nous a déclaré il a y longtemps qu'elle envisagerait la réunion de la République italienne à la France comme une mesure qui requerrait l'emploi de la force pour l'empêcher, elle nous assure maintenant vouloir persister dans cette résolution et, cependant, elle se refuse à prendre

* См. док. 135.
** См. док. 63.

lesengagements qui doivent lui procurer, sous le double rapport des finances et du militaire, les secours les plus prompts et les plus efficaces qu'elle puisse espérer et que le c[abine]t de St. James lui offre soit pour le cas où elle serait attaquée, soit pour celui bien plus avantageux où elle voudrait prévenir l'ennemi. Le ministère autrichien nous communique dans la dépêche ci-jointe en copie[223], comme une marque de confiance illimitée, les dispositions militaires dont il s'occupe parce que Bonaparte rassemble de grandes forces en Italie et nous apprenons par d'autres voies que ces mesures sont déjà contremandées. Toutes ces incohérences font qu'il est impossible de s'arrêter à aucun plan vu le peu de confiance que l'Autriche doit inspirer, et c'est ce qui me force à recommander à v. ex. de tenter successivement tous les moyens, que pourra lui suggérer son zèle pour le service de l'empereur et pour la cause qu'il soutient, afin d'obtenir des aveux sincères sur ce que la cour de Vienne compte faire dans la crise qui la menace et sur ce qu'elle désire que nous fassions de notre côté. Si l'Autriche croit qu'elle court trop de dangers en étant la première puissance à se prononcer contre la France et si elle préfère que nous ayons l'apparence de forcer le passage par ses Etats pour nous rapprocher du théâtre de la guerre et pour augmenter les embarras de la Prusse en longeant ses frontières, l'empereur ne s'y refuserait pas s'il était sûr que l'Autriche le seconderait par la suite; en général, s. m. se prêtera à toute mesure de cette nature qui n'exposerait pas un petit corps de ses troupes à une supériorité trop évidente, mais pourvu toujours qu'en indiquant ses opinions à cet égard l'Autriche voulût indiquer aussi avec précision et détail la manière dont elle coopérera de son côté aux succès de l'entreprise et l'époque à laquelle elle s'y déterminera.

J'ai l'honneur. . .

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Par l'ass(esseu)r Doul ansky
le 15(27) juin 1805.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин граф, различные депеши[222], которые в. с-во направили мне с г-ном Гурьевым, получены мной в исправности. Е. и. в-во был доволен усилиями, приложенными Вами с целью добиться от графа Кобенцля ответа, в какой-то мере соответствующего тому, чего мы вправе ожидать от венского двора в том весьма критическом положении, в каком он сейчас находится. В самом деле, тот факт, что двор этот не желает определенно объясниться ни по одному из вопросов,— а нам эта определенность необходима, чтобы знать, как нам следует действовать,— вызывает удивление и может быть объяснен лишь паническим страхом. Помимо официальной депеши*, направляемой Вам, г-и граф, сегодня относительно неопределенности, в которой держит нас венский кабинет, я считаю необходимым напомнить для Вашего личного руководства все те пункты, по которым мы ждем ответа и ясных и точных объяснений. Его императорское и королевское в-во подписал с нашим августейшим государем соглашение о совместных действиях**. Он включил туда оговорку относительно английских субсидий; мы приложили усилия к тому, чтобы обеспечить ему эти субсидии, и тем не менее он не высказывается по этому вопросу и даже не отвечает, когда его спрашивают, принимает ли он их и удовлетворен ли ими. Он всегда настаивал на необходимости побудить Пруссию присоединиться к нам, однако никогда ясно и без оговорок не заявлял, что присоединение этой державы, безусловно, побудит Австрию действовать. Он давно уже заявил нам, что будет рассматривать присоединение Итальянской республики к Франции как действие, которому необходимо помешать путем применения силы; сейчас он продолжает уверять нас, что твердо придерживается этого решения, и тем не менее отказывается взять на себя обязательства, которые должны обеспечить ему как в финансовом, так и в военном отношении самую быструю и действенную помощь, на которую он только может рассчитывать и которую сент-джемский кабинет предлагает ему как на тот случай, если он подвергнется нападению, так и на тот, более благоприятный для него, случай, если он пожелает опередить неприятеля. Австрийское министерство в знак безграничного доверия сообщает нам в прилагаемой в копии депеше[223] о военных приготовлениях, которыми оно занимается ввиду того, что Бонапарт сосредоточивает в Италии большие силы, а мы узнаем другими путями, что эти меры уже отменены. В силу всех этих расхождений между словами и делами невозможно остановиться ни на

одном плане, поскольку Австрия внушает очень мало доверия, и это заставляет меня рекомендовать в. с-ву применить последовательно все средства, какие Вам подскажет Ваше усердие к службе нашему государю и к делу, в защиту которого он выступил, с целью добиться откровенных признаний относительно того, что венский двор намерен делать в связи с угрожающим ему кризисом и чего он ожидает от нас. Если Австрия полагает, что она подвергнется слишком большой опасности, выступая первой против Франции, и предпочитает, чтобы дело выглядело так, будто мы двинули войска через ее владения без ее согласия, чтобы приблизиться к театру военных действий и увеличить затруднения Пруссии, двинув войска вдоль ее границ, то государь согласился бы на это, если он будет уверен, что Австрия его поддержит впоследствии. Вообще е. в-во даст согласие на любую подобную меру, если только в результате ее осуществления малочисленный корпус его войск не окажется вынужденным сражаться с намного превосходящими силами противника; но он согласится на это при неизменном условии, чтобы, излагая свое мнение на этот счет, Австрия указала бы точно и подробно, как именно она будет со своей стороны содействовать успеху этого предприятия, а также время, когда она примет решение об этом.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

С асессором Дубанским, 15(27) июня 1805 г.

137. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

2(14) июня 1805 г.

Particulière et réservée

Les dépêches de v. ex. apportées successivement par Mr Gourieff[222], Benkendorff et par Borel et Mr Guintoff[224], de même que les communications faites en même temps par le c[om]te de Stadion[225], ont pu jusqu'à un certain point nous rassurer sur la sincérité des sentiments de la cour de Vienne et nous donner l'espoir qu'un jour elle voudra et pourra agir, mais n'en sont pas moins désolantes pour ce qui concerne la crise du moment. Il faut voir maintenant quel effet produiront les ouvertures que Vous aurez faites à la suite de l'expédition de Borodowitzine * et quelles seront les réponses qu'y donnera le ministère autrichien. Il est de toute nécessité que v. ex. exige des réponses claires, précises, catégoriques. L'empereur n'en a pu obtenir jusqu'ici; l'Autriche assure qu'elle ne reconnaîtra pas le nouveau roi d'Italie; qu'elle en prenne donc l'engagement solennel et sans restriction. Elle dit qu'elle ne permettra aucun empiétement ultérieur de Bonaparte; qu'elle énonce clairement quels sont ces empiétements! (On peut facilement les prévoir et la patience avec laquelle la cour de Vienne a souffert la réunion du r[oyau]me d'Italie à la France n'est point propre à nous rassurer sur l'avenir). Il faut qu'elle prenne des engagements formels à ce sujet, qui coupent court à de nouvelles tergiversations. L'Autriche prétend qu'elle est hors d'état de commencer la guerre dans ce moment et qu'il lui faut du temps pour se mettre en mesure. Ce fait est-il vrai et avéré, ou bien simplement un prétexte mis en avant pour cacher un système décidément mauvais, basé sur une faiblesse de sentiments sans retour et, peut-être, sur la mauvaise foi? Les préparatifs actuels de l'Autriche sont-ils réels et non douteux et peut-on en attendre des résultats prompts et satisfaisants? A quelle époque ces préparatifs seront-ils terminés? Il faut que l'Autriche dise le jour précis où elle sera prête enfin et qu'elle s'engage à commencer les hostilités dans ce jour. Ce ne sont pas des assurances vagues, mais des engagements précis que nous demandons dans le terme le plus court que possible. Il n'est pas à supposer qu'on ne puisse s'entendre sur ce qu'il y a de mieux à faire, pourvu que la question soit discutée avec une égale candeur et le même désir du bien. L'empereur n'en a pas d'autre. Il ne veut que sauver l'Europe et sauver

* См. док. 121, 122.

l'Autriche; la chose en vérité n'est pas facile. Je Vous avoue, M[r] le comte, que je regarde comme très douteux si l'Angleterre voudra donner des subsides l'année prochaine. L'Autriche perdant le moment de les avoir ne doit pas se dissimuler que bientôt il faudra bien qu'elle fasse la guerre avec ses propres moyens, si l'on ne peut parvenir à lui obtenir ceux de l'Angleterre, qu'elle laisse échapper aujourd'hui. Notre convention** avec la cour de Vienne n'a presque plus aucune valeur, si l'Angleterre refuse les subsides; de cette manière nous n'avons plus de certitude sur aucun point et c'est sur quoi il faudrait donc que l'Autriche s'explique et que nous trouvions remède. Il y va de son existence, et c'est pour elle-même qu'elle est obligée de se décider au parti de la vigueur. Après avoir commis la première faute de ne point se procurer les secours de l'Angleterre, la cour de Vienne voudra-t-elle, parce qu'elle ne pourra plus les avoir, devenir tributaire de l'empereur d'Occident? Au reste v. ex. pourra s'imaginer facilement que nous ne demanderons pas mieux que de procurer à la cour de Vienne les subsides des Anglais, si ses déterminations et sa conduite nous fourniront encore quelques titres de les demander. Mais il faut être préparé au pis-aller, à ce qu'ils soient refusés et, certes, la considération que l'Autriche ne peut plus compter sur les subsides anglais n'engagera pas Bonaparte à la ménager davantage et à s'arrêter dans ses projets.

L'empereur observe avec surprise, et cette circonstance donne à s. m. quelque soupçon sur la sincérité de la cour de Vienne, que dans la crise actuelle et lorsque, d'après le cours naturel des événements, l'Autriche doit s'attendre à être attaquée d'un moment à l'autre, cette puissance, au lieu de presser les arrangements qui doivent lui assurer des secours essentiels, tâche au contraire de traîner le tout en longueur, comme si elle était intéressée à ce qu'il n'en résultât rien. Pendant qu'elle annonce vouloir se défendre contre une attaque de Bonaparte[225], n'est-il pas étonnant que le ministère autrichien ne s'inquiète pas si les troupes russes sont déjà rassemblées en force suffisante sur les frontières pour s'avancer à leur secours; qu'il ne s'informe pas si les généraux sont nommés qui doivent marcher à la première réquisition etc. Tant d'incurie et d'insouciance dans ce moment pourrait faire supposer que l'Autriche a pris des engagements et a reçu des assurances qui, malgré les apparences, ne lui font pas redouter l'attaque de Bonaparte. Je prie v. ex. de porter toute son attention sur ce point afin de l'éclaircir. Le rapprochement, dont il est de nouveau question entre Vienne et Berlin, a besoin également d'être suivi de près, car ces deux puissances nous embarasseraient assez et ne rendraient pas un grand service à l'Europe, si elles s'avisaient de se lier entr'elles uniquement pour leur propre défense isolée et en abandonnant tout le reste au bon plaisir de Bonaparte.

Tandis que l'Autriche est si loin encore de se décider conformément à nos vœux et qu'elle ne veut prendre aucune part directe à la négociation de Mr de Novossiltzoff, parce qu'elle trouve que les bases de pacification arrêtées ici ne sont pas encore assez mitigées, nous avons lieu de supposer que la cour de Londres au contraire trouve qu'elles ne sont pas assez avantageuses. Comment rapprocher et faire aller dans le même sens des éléments aussi disparates. L'emper[eu]r en avait l'espoir; il croyait réussir d'inspirer de l'énergie à Vienne et de la modération à Londres, ou seulement d'y faire comprendre que l'Angleterre doit du moins se donner les airs de la modération afin de pouvoir entraîner le continent dans la guerre; car il était à peu près sûr que la paix ne pourrait pas se faire sous lesdites conditions. Ce que je viens de Vous confier, M[r] le comte, n'étant encore qu'un avis préalable, doit rester enfoui *dans le plus profond secret* et je Vous le transmets pour Votre seule et unique information.

** См. док. 63.

Il est possible que la chose transpire directement de Londres et c'est pourquoi j'ai pensé qu'il était instant que Vous en soyez instruit d'avance, afin d'être préparé à combattre immédiatement l'impression funeste qu'une telle notion pourrait produire à Vienne, d'y prêcher qu'il ne faut pas perdre courage à cause des obstacles qu'on rencontre, qu'ils ne doivent pas nous faire dévier du système et des plans adoptés et qu'il s'agit de sauver l'Europe malgré les écarts de l'Angleterre. L'empereur s'est conduit avec tout l'abandon que donne le zèle pur et ardent dont il est animé pour le bien commun; s. m. n'a pas hésité de s'avancer parce qu'elle a jugé des autres par soi-même; il est possible que ses calculs bienfaisants soient pour le moment trompés par la faiblesse des uns et la déraison des autres. Cependant l'emp[ereu]r cherchera encore à force d'énergie, de fermeté, de persévérance de réparer les fautes commises de tous côtés. Il restera inébranlable dans ses principes, dans son système et dans la marche qu'il s'est tracée. Il emploiera tous ses soins, tous ses moyens pour le salut de ses alliés et de l'Europe, tant qu'il conservera un espoir quelconque d'y réussir ; mais cet espoir doit ou devenir certain ou se perdre entièrement dans très peu de temps ; et ce terme passé sans un arrangement satisfaisant l'emp[ereu]r sera forcé d'abandonner ses co-Etats du continent à leur mauvais sort et de s'occuper uniquement à ne pas partager leur destinée.

Je n'écris aujourd'hui qu'une lettre particulière au g[énéra]l de Wintzingerode, dans laquelle je lui fais part de divers raisonnements sur la situation des affaires et sur les plans de campagne future. V. ex. voudra bien le tenir au courant ; elle peut s'en fier à lui sur toute chose et ne rien lui cacher. Ses recherches et ses efforts combinés avec les Vôtres pourront être d'une utilité réelle. Je n'ai pas besoin de Vous dire avec quelle impatience s. m. attendra Vos rapports et je finis en Vous réitérant, Mr le comte, l'expression de mes sentiments inaltérables.

Signé le 2 juin 1805.

Печат. по отпуску.
Опубл. в купюрах. Васильчиков, Семейство Разумовских, т. 4, стр. 39—41.

Перевод

Личное и секретное

Депеши в. с-ва, доставленные последовательно господами Гурьевым[222], Бенкендорфом, Борелем и Гинтовым[223], а равно и сообщения, сделанные в то же время графом Стадионом[224], успокоили нас до некоторой степени относительно искренности чувств венского двора и дали возможность надеяться, что когда-либо он пожелает и сможет действовать. Тем не менее в отношении нынешнего кризиса эти сообщения весьма малоутешительны. Теперь надо посмотреть, какое впечатление произведут предложения, которые Вы сделаете согласно указаниям, отправленным с Бородовицыным*, и какой ответ даст на них австрийское министерство. Совершенно необходимо, чтобы в. с-во потребовали ответов ясных, точных и категорических. До настоящего времени государь не мог получить их; Австрия уверяет, что не признает нового короля Италии; так пусть она возьмет на себя в этом отношении торжественное обязательство без каких-либо оговорок. Она заявляет, что не допустит никаких дальнейших захватов со стороны Бонапарта; пусть же она ясно выскажется, какие захваты она имеет в виду (их легко предугадать, и покорность, с которой венский двор смирился с присоединением Итальянского королевства к Франции, никак не может успокоить нас относительно будущего). Необходимо, чтобы она взяла на себя обязательства по всей форме на этот счет, чтобы устранить возможность новых уверток. Австрия утверждает, что в настоящий момент она не в состоянии начать войну и что ей нужно время для подготовки. Является ли этот факт истинным и несомненным, или же это просто предлог, выдвигаемый с целью скрыть определенно порочную политику, в основе которой лежит непреоборимое малодушие, а может быть, и недобросовестность? Действительно ли Австрия осуществляет сейчас приготовления, и можно ли ждать от них скорых и удовлетворительных результатов? К какому времени эти приготовления будут закончены? Нужно, чтобы Австрия назвала точно дату, когда она будет, наконец, готова, и чтобы она обязалась начать военные действия в этот день. Мы требуем, чтобы нам в кратчайший срок были даны не туманные заверения,

а совершенно точные обязательства. Нет никакого сомнения в том, что можно выработать наилучший образ действий, лишь бы вопрос обсуждался обеими сторонами с равным чистосердечием и стремлением к общему благу. У государя нет иных желаний. Он хочет лишь спасти Европу и Австрию, и, по правде говоря, это нелегкое дело. Признаюсь, граф, что я сильно сомневаюсь в том, что Англия согласится дать субсидии в будущем году. Упуская случай получить их, Австрия не должна заблуждаться относительно того, что скоро ей придется вести войну на собственные средства, если не удастся обеспечить получение от Англии субсидий, которые она сейчас упускает. Наша конвенция** с венским двором не будет иметь почти никакого значения, если Англия откажет в субсидиях. Таким образом, у нас нет больше уверенности ни в одном вопросе и, следовательно, нужно было бы, чтобы Австрия объяснилась на этот счет и чтобы мы нашли средство исправить это. Речь идет о самом ее существовании, и именно ради себя самой она должна примкнуть к сторонникам решительных действий. Венский двор совершает первую ошибку, не обеспечивая себе помощи Англии; неужели он захочет, так как он не сможет больше получить эту помощь, стать данником императора Запада? Впрочем, в. с-во, конечно, понимаете, что мы с радостью обеспечим венскому двору субсидии англичан, если его решения и его действия дадут нам новые основания просить их. Но нужно быть готовым к самому худшему, а именно, что в них будет отказано: и, конечно, то соображение, что Австрия не может больше рассчитывать на английские субсидии, отнюдь не побудит Бонапарта больше считаться с ней и остановиться в своих замыслах.

Государь с удивлением замечает — и это обстоятельство вызывает у него некоторые сомнения относительно искренности венского двора,— что в нынешнем критическом положении, когда Австрия, судя по естественному ходу событий, должна с минуты на минуту ждать нападения, эта держава, вместо того чтобы поторопиться с принятием мер, которые должны обеспечить ей существенную помощь, напротив, старается всячески затягивать их проведение, как будто она заинтересована в том, чтобы они не дали никакого результата. Разве не удивительно, что, в то время как Австрия заявляет о своем намерении защищаться от нападения Бонапарта[225], австрийское министерство не беспокоится относительно того, стянуты ли к границе русские войска в достаточном количестве, чтобы прийти на помощь австрийцам, не интересуется, назначены ли генералы, которые должны выступить по первому требованию, и т. д.? Такая беспечность и нерадение в настоящий момент могли бы вызвать предположение, что Австрия приняла на себя обязательства и получила заверения, которые позволяют ей, несмотря на видимость опасности, не бояться нападения Бонапарта. Я прошу в. с-во обратить все Ваше внимание на этот вопрос с тем, чтобы выяснить его. Пристального наблюдения требует также сближение между Веной и Берлином, о котором снова идет речь, поскольку эти две державы весьма затруднили бы наши действия и не оказали бы Европе большой услуги, если бы задумали объединиться единственно ради собственной защиты, а в остальном предоставить Бонапарту поступать как ему заблагорассудится.

В то время как Австрия еще столь далека от принятия решения, соответствующего нашим желаниям, и отказывается от какого-либо непосредственного участия в переговорах г-на Новосильцева, находя, что основные условия восстановления мира[176], разработанные здесь, еще недостаточно смягчены, у нас есть основания предполагать, что лондонский двор, напротив, находит, что они недостаточно выгодны. Как сблизить и согласовать столь различные точки зрения? Государь надеялся преуспеть в этом, он думал, что ему удастся внушить Вене решительность, а Лондону — умеренность или хотя бы заставить лондонский двор понять, что по крайней мере внешне Англия должна проявлять умеренность для того, чтобы можно было вовлечь в войну континентальные страны, так как можно было почти наверняка сказать, что мир не может быть заключен на упомянутых условиях. Поскольку то, что я Вам сейчас доверительно изложил, г-н граф, является лишь предварительным суждением, оно *должно сохраняться в глубочайшей тайне*, и я сообщаю Вам это единственно для Вашего сведения. Возможно, что эти сведения просочатся непосредственно из Лондона, и поэтому я счел необходимым заранее поставить Вас в известность, чтобы Вы были в состоянии сразу же рассеять пагубное впечатление, которое они могли бы произвести в Вене; Вы должны уверить венский кабинет в том, что не следует терять мужества из-за встречающихся препятствий, что они не должны заставить нас отклониться от уже принятых системы и планов и что речь идет о том, чтобы спасти Европу несмотря на отступничество Англии. Государь действовал с самозабвением, порожденным воодушевляющим его чистым и горячим стремлением к общему благу; е. в-во без колебаний выступил первым, ибо он судил о других по самому себе; возможно, что в настоящее время его благие расчеты не оправдываются из-за малодушия одних и безрассудства других. Тем не менее государь еще раз попытается исправить ошибки и тех и других, употребив всю свою энергию, твердость и настойчивость. Он остается непреклонным в своих принципах, в своей системе и в намеченном им образе действий. Он будет прилагать все усилия и употреблять все средства для спасения своих союзников и Европы до тех пор, пока у него будет хоть малейшая надежда на успех, но эта надежда в самое ближайшее время неизбежно должна или укрепиться, или исчезнуть окончательно. Если по истечении этого времени не будет достигнуто удовлетворительного соглашения, импера-

тор будет вынужден предоставить своих континентальных союзников их печальной судьбе и будет заботиться исключительно о том, чтобы не разделить их участь.

Сегодня я пишу только личное письмо генералу Винцингероде, в котором я излагаю различные соображения о положении дел и о планах будущей кампании. Соблаговолите, в. с-во, держать его в курсе дел; Вы можете во всем на него полагаться и ничего не скрывать от него. Его старания и усилия в сочетании с Вашими могут принести действительную пользу Нет нужды говорить о том, с каким нетерпением е. в-во будет ждать Ваших донесений; заканчивая письмо, я вновь заверяю Вас, г-н граф, в неизменности моих чувств.

Подписано 2 июня 1805 г.

Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Лондоне С. Р. Воронцову

4(16) июня 1805 г.

Сообщение об отъезде Н. Н. Новосильцева из С.-Петербурга для ведения переговоров с Наполеоном. Недовольство политикой правительств Англии и Австрии, позиция которых затрудняет создание коалиции против Франции.

Арх. Воронцова, кн. 15, стр. 323—331.

Договор о вступлении Шекакийского ханства в подданство России

9(21) июня 1805 г.

АКАК, т. II, стр. 829—830.

Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский Н. Н. Новосильцеву

9(21) июня 1805 г.

Сенат Генуи постановил просить Бонапарта о присоединении Лигурийской республики к Франции. Это — новое проявление политики агрессивности главы французского правительства, стремящегося к полному порабощению Италии. Если Бонапарт не отклонит просьбу генуэзского сената, то Новосильцев должен вернуться в С.-Петербург.

Сб. РИО, т. 82, стр.70—75.

138. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский Н. Н. Новосильцеву

10(22) июня 1805 г.

Mon cher ami. Nous venons de recevoir la nouvelle que Gênes est incorporée à l'Empire français ou peu s'en faut[226]. Bonaparte nous traite comme des polissons.

Nous avons pensé que c'était une circonstance qu'il fallait saisir pour se tirer du mauvais pas dans lequel nous nous trouvons. Vous trouverez des ordres officiels[227] en conséquence. Cependant ils ne pouvaient qu'être éventuels, puisque nous sommes jusqu'à présent dans une parfaite ignorance sur tout ce que nous attendons de Londres et de Vienne, qu'il est possible que Vous en soyez instruit plus tôt que nous et que, suivant leur teneur, Vous pourriez Vous voir obligé de changer de conduite et de continuer Votre voyage à Paris. Peut-être aussi ce que Vous apprendrez à Berlin, la manière dont on y envisage les choses et même le plus ou moins d'énergie du roi, seront des motifs de plus pour asseoire Votre détermination. Mais je Vous avoue qu'ici nous et l'empereur sommes fortement d'opinion qu'il n'y a rien de mieux à faire que de profiter de cette nouvelle indignité de Bonaparte pour ne plus faire un seul pas envers lui et pour rompre toute négociation ultérieure. Cette résolution d'éclat et inopinée fera peut-être un bon effet, sauvera plus sûrement l'honneur de l'em-

pereur. Après la dernière démarche de Bonaparte on doit s'attendre à tout de sa part, et peut-être ne veut-il Vous recevoir que pour avoir l'avantage de Vous renvoyer avec un outrage de plus, que nous serions pour le moment fort embarrassé de venger vu l'état des affaires. Il vaut mieux ne pas s'y exposer et, en rompant les premiers pour un motif aussi juste, prendre une sorte d'avantage sur lui. Piattoli Vous sera utile pour rédiger la note que Vous aurez à remettre au ministère prussien, et je ne suis pas inquiet sur la manière dont il saura la tourner sous Votre direction. Il sera bon de la faire publier de suite dans les gazettes [228], et l'on pourrait s'adresser pour cet effet à Mr Schwartzkopf, résident de Hanovre à Frankfort et parent de notre consul Betucaux. Ceci suffira de notre part, et s'il y a lieu de publier plus tard un exposé plus solennel et plus détaillé encore, je crois qu'il sera plus à propos que cela se fasse par le ministère ici à Votre retour quand toutes nos incertitudes sur Londres et Vienne auront cessé.

La décision de Vous expédier un courrier était prise et j'avais écrit ma lettre jusque là, lorsque Davison a paru dans ma chambre. Il m'a remis un tas de lettres pour Vous. Je les ai toutes décachetées avec Strogonoff et je Vous les envoie ci-jointes. Münster s'est conduit on ne peut pas mieux [229]; mais ce qu'il mande n'est pas entièrement conforme à ce qu'écrit Mr Pitt. La lettre [230] de ce dernier me paraît plutôt ministérielle que confidentielle et amicale et ne me plaît pas beaucoup. Un port quelconque dans la Méditerranée, comme Lampedouse par exemple, aurait pu être exigé par l'Angleterre ; mais vouloir absolument Minorque me paraît presque équivaloir à un refus complet. Je ne sais pas ce qu'il veut dire par *la protestation* qu'il annonce sur le code maritime. Notre note * ne pouvait y donner lieu, et tout ce qu'ils avaient à faire de moins, c'était de n'y rien répondre. Les Anglais se gâtent leurs propres affaires par cette affectation inutile, et ils deviennent ridicules en prétendant qu'on ne parle même pas des principes de leur code, comme s'ils craignaient de les voir approfondis. Ils veulent qu'on les traite comme les mystères de la religion.

Il faut attendre les courriers du ministère et du c[om]te Simon pour pouvoir juger avec précision des réponses de l'Angleterre. Je suppose que Vous les aurez à Berlin plus tôt que nous. Mais d'après la lettre de Mr Pitt je ne prévois pas qu'elles soient assez bonnes pour changer notre idée actuelle. L'arrivée de Davison, qui a fort bien rempli sa commission, n'a donc pu nous engager qu'à presser encore davantage l'expédition de ce courrier, afin qu'il parte avant l'arrivée de ceux de Londres, et tandis que nous sommes censées ne rien savoir sur ce qui s'est décidé là-bas. Plus j'y pense et plus je crois qu'il ne faut pas laisser échapper cette occasion. C'est nous qui rompons dans ce cas; ce n'est pas Bonaparte qui Vous renvoit ; ce qui vaut beaucoup mieux quand on ne peut pas agir tout de suite ; c'est à lui qu'en reste la faute, par la mesure qu'il vient de se permettre avec Gênes, au lieu que si Vous allez traiter avec lui, il est très incertain, d'après l'état des choses, sur qui retombera la cause de l'impossibilité de la paix, parce qu'il *pourra* très bien dire qu'il la refuse par intérêt pour ses alliés. D'ailleurs, qui sait tous les tours qu'il Vous prépare là-bas ; et assurément nous n'avons pas beau jeu ; il est échappé au roi de Prusse des mots qui font supposer qu'il craint lui-même quelque malice de Bonaparte dans cette négociation et c'est ce qu'il serait bon aussi de pénétrer. D'ailleurs, notre détermination devrait aussi convenir à l'Angleterre même ; s'il s'agit de démontrer que la paix est impossible avec Bonaparte, cela est tout prouvé maintenant et pourrait bien ne plus l'être au bout de Votre négociation à cause de la maladresse de l'Angleterre. A quel propos nous exposer encore à quelque outrage personnel, tandis que les Anglais ne se conduisent pas avec

* См. док. 124.

cordialité et déférence et que l'Autriche ne permet pas qu'on en vienne à des mesures de vigueur immédiates. De plus le terme de l'échange des ratifications avec l'Angleterre est passé sans qu'elles soient arrivées, nous avons par conséquent tout le droit de faire ce que bon nous semble, surtout après la réception des deux lettres*** du c[om]te Simon qui peuvent être produites dans le temps ; et, prévoyant que la négociation n'irait pas bien et comme il faut à Paris et que nous serions en partie obligés d'en faire retomber la faute sur l'Angleterre, ne vaut-il pas mieux s'arrêter tout court dès à présent, lorsque les circonstances permettent d'en laisser tout l'odieux à Bonaparte et de ménager davantage l'Angleterre. Si, après tout ce qui s'est passé, cette puissance veut encore à sa façon traiter avec Bonaparte, elle n'a qu'à s'en charger elle-même. Votre envoi n'est plus ce qu'il devait être, et c'est un grand avantage de s'en dépêtrer honorablement.

Il est possible que Bonaparte ait la fourberie de ne pas accepter le vœu du sénat de Gênes en donnant pour cause les traités et la négociation de paix qui va commencer ; dans ce cas Vous pourriez bien être obligé de continuer Votre route si d'autres entraves ne s'élèvent. J'aurais sans doute été extrêmement aise que Vous vissiez cet homme et ses farces de près ; cela aurait été utile sous plus d'un rapport; mais excepté le seul motif, tous, d'après notre manière de voir ici et d'après ce que nous savons jusqu'à présent, se réunissent pour nous faire préférer Votre retour ici sans s'aventurer plus loin. Dès que Vous aurez pris une décision expédiez-moi au plus tôt un courrier pour que nous sachions sans le moindre délai ce qui se sera fait, et à quoi Vous vous serez déterminé après avoir tout pesé. Je serais bien aise de savoir quelles sont les allégations de Klinger contre Piattoli. Est-il bonapartien, Prussien, ou bien ancien Polonais? Au reste je n'ai pas le moindre motif de me défier de Piattoli, et, au contraire, toutes les raisons pour mettre pleine confiance en lui ; cependant il faut, toujours, s'en tenir à la maxime de s'abstenir de toute confidence inutile, il vaut mieux qu'il ne sache que ce qu'il a besoin de savoir pour bien remplir l'objet auquel Vous l'emploierez. C'est un excellent instrument dont Vous saurez faire usage. Nous veillons sur l'éternel procès. Comme je ne veux pas arrêter d'un seul instant le courrier, Vous n'aurez pas cette fois de lettres de Strogonoff qui cagnarde et me fait attendre.

Pour compléter Vos instructions je Vous envoie un billet*** que l'empereur m'a écrit en me renvoyant la dépêche confirmée que Vous recevez de ma part. L'empereur paraît ne pas sentir entièrement combien cela devrait l'arranger s'il peut pour le moment se mettre un peu de côté. *Charité bien ordonnée commence par soi-meme.* Pensons d'abord à mettre la considération de l'empereur à couvert. Pour y réussir l'occasion qui se présente me semble d'autant meilleure, qu'elle ne nous oblige pas de compromettre en rien l'Angleterre et que celle-ci reste aussi à couvert par ce moyen. Si les propositions qui seront faites à Bonaparte ne sont pas *parfaitement équitables* (souligné trois fois), il les publiera avec son adresse et ses commentaires habituels ; et au lieu de lui nuire on lui donnera un moyen sûr d'électriser la nation française ; au lieu qu'à présent la chose reste dans le vague et en suspens, et c'est lui qui garde tous les torts. On a jamais vu en agir avec plus d'impudence et d'insolence.

Stadion, à qui je viens de faire part des instructions éventuelles que Vous recevez, m'a paru extrêmement satisfait de cette résolution et m'a dit qu'elle serait trouvée parfaite à Vienne ; milord Gower ne le sera pas autant, car sa cour ne s'embarrasse pas de nous voir compromis, quitte à nous en tirer comme nous pourrons ; cependant Stuart, que je viens de voir parce que l'ambassadeur est malade, a fort bien pris la chose. En effet, je crois que tant pour l'Angleterre que pour nous c'est tout ce qu'il y a de mieux à faire.

J'antidate mes dépêches officielles pour qu'en tout cas on puisse dire qu'elles sont parties avant l'arrivée même de Davison. L'ambassade anglaise n'est jusqu'à présent informée de rien. Prochnitski se fait fort d'être à Berlin dans 7½. Comme nous étions convenus que Vous ne vous dépêcheriez plus, j'espère qu'il Vous trouvera à Berlin; si cependant Vous avez quitté cette ville pour aller trouver le roi, Prochnitski Vous suivra, et Vous pourrez revenir à Berlin pour remplir Vos instructions. Quoique je vais écrire d'ici au c[om]te Simon pour lui annoncer la résolution prise, il sera bon également que Vous lui adressiez une dépêche raisonnée en lui annonçant la chose faite.

Adieu, mon cher ami, portez Vous bien et arrangez nous tout cela comme il faut. Je n'ai rien de nouveau de plus à Vous mander.

Печат. по подлиннику (автограф).

Перевод

Мой дорогой друг. Мы только что получили известие о том, что Генуя уже присоединена к Французской империи или близка к этому[226]. Бонапарт обращается с нами, как с мальчишками.

Мы сочли, что этим обстоятельством следует воспользоваться для того, чтобы выйти из затруднительного положения, в котором мы находимся. Соответствующие официальные распоряжения Вы получите[227]. Однако эти распоряжения могут быть лишь эвентуальными, так как до сих пор мы находимся в полном неведении относительно всего того, что мы ожидаем из Лондона и Вены; вполне возможно, что Вы об этом узнаете раньше нас и что в зависимости от характера этих сведений Вам, быть может, придется изменить линию поведения и продолжить Вашу поездку в Париж. Возможно также то, что Вы узнаете в Берлине о взглядах берлинского двора на вещи и о степени решительности короля, послужит для Вас дополнительными мотивами при принятии Вами решения. Но признаюсь Вам, что мы здесь твердо придерживаемся мнения, которого придерживается также и император, что самое лучшее — это воспользоваться этим новым недостойным поступком Бонапарта, чтобы больше не делать ни шагу навстречу ему и прервать всякие дальнейшие переговоры. Такое неожиданное решение, которое привлечет всеобщее внимание, может произвести хорошее действие и более надежным образом спасет честь императора. После последнего демарша Бонапарта всего можно ожидать с его стороны, и не исключено, что он хочет Вас принять лишь для того, чтобы иметь возможность отослать Вас прочь, нанеся еще одно оскорбление, за которое нам пока будет весьма трудно отомстить при данном положении дел. Лучше не подвергать себя опасности этого и первыми пойти на разрыв, имея столь справедливое основание, и тем самым в некотором роде одержать над ним победу. Пиаттоли может быть Вам полезен при составлении ноты, которую Вы должны вручить прусскому министерству, и я совершенно спокоен за то, что под Вашим руководством он сумеет ее составить должным образом. Хорошо будет затем опубликовать ее в газетах[228], а для этого можно было бы обратиться к г-ну Шварцкопфу, ганноверскому резиденту во Франкфурте, родственнику нашего консула Бетюко. Этого будет достаточно с нашей стороны, а если нужно будет позднее опубликовать более торжественное и подробное заявление, то, я думаю, лучше будет, если это сделает здешнее министерство после Вашего возвращения, когда не останется никаких неясностей в отношении Лондона и Вены.

Решение послать Вам курьера было уже принято, и я написал свое письмо до этого места, когда ко мне в комнату явился Дэвисон. Он передал мне кипу писем для Вас. Я все их распечатал вместе со Строгановым и посылаю Вам их в приложении[229]. Мюнстер вел себя как нельзя лучше, но его сообщения не совсем соответствуют тому, что пишет г-н Питт. Письмо[230] последнего мне представляется скорее официальным, чем доверительным и дружеским, и не очень мне нравится. Англия могла бы потребовать какой-нибудь порт в Средиземном море, например Лампедузу; но ее желание во что бы то ни стало получить Менорку, на мой взгляд, почти равносильно полному отказу. Я не знаю, что он хочет сказать своим сообщением о *протесте* в отношении морского кодекса. Наша нота* не могла послужить основанием для этого, и, во всяком случае, все, что им следовало сделать,— это не давать на нее никакого ответа. Англичане сами портят себе дело своей бесполезной аффектацией и ставят себя в смешное положение, требуя, чтобы о принципах их кодекса даже не говорили, как будто они боятся, как бы в них не вникли. Они хотят, чтобы к ним относились как к религиозным таинствам.

Для того чтобы иметь возможность точно судить об ответах Англии, нужно подождать курьеров от министерства и от графа Семена. Я предполагаю, что Вы в Берлине получите их раньше нас. Но, судя по письму г-на Питта, я не думаю, чтобы они были в такой степени благоприятными, чтобы изменить наше теперешнее мнение. Поэтому приезд Дэвисона, который прекрасно выполнил данное ему поручение, мог лишь заставить нас еще больше поспе-

шить с отправкой этого курьера, с тем чтобы он уехал до прибытия курьеров из Лондона, пока будет считаться, что мы ничего не знаем относительно того, что там решено. Чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что не следует упускать эту возможность. В этом случае мы сами порываем, а не Бонапарт отсылает Вас прочь; это гораздо лучше, когда нет возможности действовать немедленно: вина за срыв переговоров падает на него ввиду тех действий, которые он только что позволил себе по отношению к Генуе, в то время как, если Вы поедете для ведения переговоров с ним, неизвестно при нынешнем положении вещей, на кого падет ответственность за невозможность примирения, потому что он вполне *сможет* сказать, что отказывается от него, исходя из интересов своих союзников. Впрочем, кто знает, какие фортели он Вам там готовит, и, конечно, Вам придется нелегко; у короля прусского вырвались как-то слова, по которым можно предположить, что он сам опасается какой-либо хитрости со стороны Бонапарта в этих переговорах, и это именно то, что следовало бы также выяснить. К тому же наше решение должно было бы устраивать и саму Англию; если речь идет о том, чтобы убедить в невозможности мира с Бонапартом, то сейчас этот факт является уже полностью доказанным, тогда как неудачные действия Англии могут привести к тому, что к концу Ваших переговоров он перестанет быть таковым. К чему нам подвергать себя риску получить еще какое-нибудь личное оскорбление, в то время как англичане в своем поведении не проявляют сердечности и уступчивости, а Австрия не соглашается, чтобы немедленно были приняты решительные меры? Кроме того, срок обмена ратификационными грамотами с Англией истек, а мы их не получили, следовательно, мы имеем полное право поступать так, как мы сочтем нужным, особенно после получения двух писем[231] от графа Семена, которые со временем могут быть представлены; предвидя, что переговоры в Париже не будут протекать удачно и надлежащим образом и что мы будем вынуждены возложить часть вины за это на Англию, то не лучше ли покончить со всем этим уже сейчас, когда обстоятельства благоприятствуют тому, чтобы всю вину приписать Бонапарту и в большей мере пощадить Англию. Если после всего, что произошло, эта держава пожелает по-своему вести переговоры с Бонапартом, она должна будет взять это на себя. Ваша поездка уже не является тем, чем она должна была быть, и было бы очень хорошо с достоинством выпутаться из этого.

Возможно, что Бонапарт схитрит и не даст согласия на предложение генуэзского сената, выставив причиной этому существующие договоры и то, что в ближайшее время должны начаться мирные переговоры; в этом случае Вы должны продолжать свой путь, если не возникнут другие препятствия. Я был бы, конечно, очень рад, если бы Вы вблизи повидали этого человека и ознакомились с его выходками; это могло бы оказаться полезным во многих отношениях; но, за исключением этого единственного довода, все остальные, в соответствии с нашим образом мыслей и судя по тому, что мы до сих пор знаем, заставляют нас предпочесть, чтобы Вы вернулись сюда, не идя на дальнейший риск. Как только Вы примете какое-либо решение, сразу же шлите ко мне курьера, чтобы мы без малейшего промедления узнали о том, что будет сделано и на что Вы, взвесив все, решитесь. Я хотел бы знать, на что ссылается Клингер, выступая против Пиаттоли? Разве он бонапартист, пруссак или бывший поляк? Впрочем, у меня нет ни малейших причин не доверять Пиаттоли, а напротив, я имею все основания полностью доверять ему; однако всегда нужно придерживаться правила воздерживаться от всяких ненужных доверительных сообщений; лучше, если он будет знать только то, что ему необходимо для успешного выполнения тех поручений, которые Вы ему дадите. Это — превосходное орудие, которым Вы сумеете воспользоваться. Мы внимательно следим за делом, которое никак не может завершиться. Поскольку я ни на минуту не хочу задерживать курьера, на этот раз Вы не получите писем от Строганова, он ленится и задерживает меня.

В дополнение к уже данным Вам инструкциям я посылаю Вам записку[232] императора, которую он написал, возвращая мне утвержденную им депешу, которую я Вам отправляю. Кажется, император не вполне осознает, сколь выгодно ему было бы отойти несколько в сторону в данный момент. *Прежде чем заботиться о других, нужно подумать о себе.* Прежде всего следует позаботиться о престиже императора. Представляющийся нам случай кажется мне тем более удобным для достижения этого, что он не вызывает для нас необходимости в чем-либо компрометировать Англию, и престиж последней, таким образом, также будет сохранен. Если предложения, которые будут сделаны Бонапарту, не будут *совершенно справедливыми* (подчеркиваю трижды), он с присущей ему ловкостью обнародует их со своими обычными комментариями, и, вместо того чтобы причинить ему вред, мы дадим ему в руки верное средство возбудить французский народ; в то же время сейчас дело остается неясным и нерешенным, и вся вина по-прежнему лежит на нем. Еще никто и никогда не действовал с бóльшим бесстыдством и наглостью.

Стадион, которого я только что ознакомил с инструкциями, которые Вам даются в предвидении возможного случая, как мне показалось, остался крайне удовлетворен таким решением и сказал мне, что в Вене его найдут превосходным; милорд Гоуэр не выразит такого же удовлетворения, так как его двор не беспокоится о том, что мы окажемся скомпрометированными, предоставляя нам выпутываться как мы сумеем; однако Стюарт, которого я только что видел, поскольку посол болен, отнесся к этому очень хорошо. В самом деле, я думаю, что для Англии, так же как и для нас, это лучшее, что можно сделать.

Я помечаю мои официальные депеши задним числом, чтобы во всяком случае можно было сказать, что они были отправлены еще до прибытия Дэвисона. Английскому посольству до сих пор ни о чем не сообщали. Прохницкий обещает быть в Берлине через семь с половиной дней. Поскольку мы договорились, что Вы не будете больше спешить, надеюсь, что он застанет Вас в Берлине; если же Вы уедете из этого города для свидания с королем, Прохницкий последует за Вами, и Вы сможете вернуться в Берлин для выполнения данных Вам инструкций. Хотя я напишу отсюда графу Семену, чтобы поставить его в известность о принятом решении, будет хорошо, если Вы также пошлете ему обоснованную депешу, сообщив о том, что сделано.

Прощайте, мой дорогой друг, будьте здоровы и устройте нам все как следует. Больше у меня нет новостей, которые можно сообщить Вам.

139. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Лондоне С. Р. Воронцову

13(25) июня 1805 г.

Particulière

Il ne Vous échappera pas, M[r] le comte, que dans la lettre officielle[333] que je Vous adresse aujourd'hui je ne fais aucune mention des droits que l'Angleterre pouvait avoir à ce que nous ne rappelions pas Mr de Novossiltzoff sans son aveu, puisque la mission de ce plénipotentiaire était la suite d'un concert arrêté entre les deux cours, mais il n'échappera pas non plus à v. ex. que l'Angleterre nous a délié de toute obligation à cet égard en laissant écouler le terme fixé pour les ratifications de l'acte signé ici le 30 mars (11 avril) * sans envoyer les siennes[334]. Cependant ce motif n'aurait pas été suffisant pour faire prendre à l'empereur une résolution semblable sans se concerter préalablement avec s. m. b[ritanni]que, si, d'un côté, le temps l'avait permis, et, de l'autre, si les bases de pacification avaient été de nature à procurer la paix ou à montrer à toute l'Europe par leur modération que c'était Bonaparte qui ne voulait pas souscrire à lui rendre le repos et la tranquillité. C'est ce qu'on ne pouvait guère attendre après les difficultés que Vous m'avez annoncées dans Vos deux lettres particulières du 28 avril (10 mai) et du 6(18) mai[331], et, par conséquent, il était de la meilleure politique possible de profiter de la première sottise du souverain corse pour mettre sur son compte la rupture de toutes négociations et les suites qu'elle peut entraîner. Celle de réunir Gênes dans les circonstances actuelles est si forte qu'elle ne pouvait nous laisser aucun doute sur le parti qu'il nous restait à prendre. Nous nous flattons que le ministère britannique sera obligé d'en convenir et qu'il apprendra surtout avec plaisir que nous avons pris des mesures pour que les motifs de l'interruption du voyage de Mr de Novossiltzoff soient immédiatement connus dans toute l'Europe sans en faire, cependant, tomber la faute sur l'Angleterre.

Je ne puis Vous dépeindre, M[r] le comte, l'impatience avec laquelle l'empereur attend Votre courrier. Nous nous sommes tellement avancés vis-à-vis de l'Autriche et de toute l'Europe, que si l'Angleterre voulait reculer maintenant, elle nous compromettrait envers tous nos alliés et nous forcerait à dévoiler les fausses combinaisons d'après lesquelles elle agit, ce qui, certainement, nuirait à ses intérêts et à ceux de tous les Etats que nous voulons protéger ; mais ce serait un mal auquel elle nous aurait contraint en retour des dispositions les plus loyales et les plus énergiques. Je me flatte encore que Votre prudence aura su écarter tout ce qui aurait pu mener à ce résultat que l'empereur le premier verrait avec beaucoup de peine.

---

* См. док. 117.

Je me réserve de Vous parler plus en détail sur les affaires par la première occasion favorable, et j'ai l'honneur. . .

Помета Александра I: Быть по сему.
Июня 11 дня 1805 г.

Подписана и отправлена на эстафете
13 июня 1805 г.

Печат. по отпуску.

Перевод

Личное

Вы, несомненно, обратите внимание, г-н граф, что в официальном письме[233], написанном Вам сегодня, я совершенно не упоминаю о праве Англии на то, чтобы мы не отзывали г-на Новосильцева без ее согласия, поскольку миссия этого полномочного представителя явилась следствием соглашения между двумя дворами, но в. с-во поймете также и то, что Англия освободила нас от какого-либо обязательства на этот счет, поскольку срок, намеченный для ратификации акта, подписанного здесь 30 марта (11 апреля)*, истек, а она не прислала своих ратификационных грамот[234]. Однако этого основания было бы недостаточно для того, чтобы побудить императора принять подобное решение, не договорившись предварительно с его британским в-вом, если бы, с одной стороны, время позволило сделать это, а с другой — если бы основы замирения по своему характеру могли обеспечить мир или своей умеренностью показать всей Европе, что один только Бонапарт не желает согласиться вернуть ей мир и покой.

После тех затруднений, о которых Вы мне сообщили в двух частных письмах, от 28 апреля (10 мая) и 6(18) мая[231], на это никак нельзя было надеяться и, следовательно, лучше всего было воспользоваться первым неверным шагом корсиканского властителя, чтобы отнести на его счет прекращение всех переговоров и последствия, которые это может повлечь за собой. Ошибка, выразившаяся в присоединении в настоящих условиях Генуи, столь велика, что у нас не могло оставаться никаких сомнений относительно того решения, которое нам оставалось принять. Мы льстим себя надеждой, что британское министерство должно будет согласиться с ним и с особым удовольствием узнает, что мы приняли меры к тому, чтобы оповестить всю Европу о причинах разрыва переговоров, порученных Новосильцеву, не возлагая, однако, вины за это на Англию.

Не могу передать Вам, граф, с каким нетерпением император ждет курьера от Вас. Мы так далеко зашли по отношению к Австрии и всей Европе, что, если бы Англия пожелала отступить сейчас, она скомпрометировала бы нас перед лицом всех наших союзников и заставила бы нас разоблачить те обманные комбинации, исходя из которых она действует, что, несомненно, повредило бы как ее интересам, так и интересам всех тех государств, защитить которые мы хотим; но это было бы злом, на которое нас вынудила бы пойти сама Англия, тогда как наши намерения самые честные и решительные. Я льщу себя надеждой, что благодаря Вашей осмотрительности удастся избежать всего, что могло бы привести к такому результату, весьма неприятному прежде всего для императора.

Я воспользуюсь первым благоприятным случаем, чтобы более подробно написать Вам о делах; имею честь...

Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский Н. Н. Новосильцеву

13(25) июня 1805 г.

Английское правительство не согласилось уполномочить Новосильцева на то, чтобы он в переговорах с Наполеоном заявил от имени Англии об ее согласии на отказ от владения Мальтой и пересмотр английского морского кодекса, если бы это оказалось необходимым для примирения Англии и Франции. В связи с этим Чарторыйский подтверждает решение русского правительства отказаться от ведения переговоров с Наполеоном*.

Сб. РИО, т. 82, стр. 77—79.

---

* См. аннотацию на письмо А. А. Чарторыйского Н. Н. Новосильцеву от 9(21) июня 1805 г. на стр. 462.

Александр I главноуправляющему в Грузии П. Д. Цицианову

16(28) июня 1805 г.

Предписание возвратить крепость Анаклию владельцу Абхазии Келеш-беку и вывести оттуда русские войска.

АКАК, т. II, стр. 525.

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов Александру I

17(29) июня 1805 г.

Извещение о заключении с Шекакийским Джехангир-ханом договора о вступлении ханства в подданство России.

АКАК, т. II, стр. 829.

140. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Лондоне С. Р. Воронцову

19 июня (1 июля) 1805 г.

Je ne saurais Vous exprimer, M^r le comte, combien l'empereur est surpris du peu d'empressement que le ministère britannique a mis à répondre avec détail au plan [192] dont l'assesseur Walouyeff était porteur. Il aurait été d'une nécessité indispensable de perdre le moins de temps possible à nous faire connaître les déterminations de la cour de Londres sur tant d'objets divers.

Sans la circonstance du rappel de Mr de Novossiltzoff * nos troupes seraient déjà en marche dans ce moment, et cependant nous ne savons encore à quoi nous en tenir sur les subsides additionnels que nous avons demandés pour la Prusse et pour les autres puissances que nous désirons voir réunir leurs forces aux nôtres.

Nommément, toutes nos représentations sur la nécessité de s'entendre avec s. m. s[uédoi]se ** sont restées sans effet et c'est en vain qu'on alléguerait la possibilité que le concert *** ne serait point ratifié, car dans de semblables circonstances, comme v. ex. l'a très judicieusement observé à Mr Pitt, il vaut mieux avoir à regretter trop de démarches que de pouvoir se reprocher d'avoir négligé quelque chose de ce qui pouvait mener au but.

Nous avons proposé à la cour de Londres de prendre part aux opérations dans le Nord par un débarquement sur l'Elbe ou le Veser ***, mais nous n'avons également reçu aucune réponse à cet égard et il en est de même sur ce que Vous avez été chargé de communiquer relativement au projet, présenté par le lieutenant-colonel d'Arenschild [193] qui surtout aurait besoin d'être mis promptement à exécution.

Vous voudrez bien, M^r le comte, faire un relevé dans les différentes dépêches que je Vous ai successivement adressées de tous les objets qui sont restés sans réponse et presser Mr Pitt de s'en expliquer, car le moment de procéder aux opérations actives paraît approcher et il est de plus en plus nécessaire que le c[abine]t britannique nous mette à même de prendre les engagements qui peuvent déterminer la conduite des autres puissances.

Nous avons déjà la certitude de trouver au centre de l'Allemagne des auxiliaires qui agiront avec tous leurs moyens pour seconder nos opérations, mais

* См. док. 138.
** См., в частности, док. 125.
*** См. док. 117.

il est absolument nécessaire que nous puissions, aussitôt que nos troupes s'approcheront de l'empire, faire à ses différents membres des propositions de coopération acceptables.

Je suis. . .

Помета Александра I: Быть по сему.
Июня 17 дня 1805 г.

Подписано и отправлено с фельдъегерем Безверовым 19 июня 1805 г.

Печат. по отпуску.

Перевод

Мне трудно передать Вам, г-н граф, насколько император был удивлен тем, что британское министерство не слишком спешило дать подробный ответ относительно плана [132], посланного с асессором Валуевым. Было бы крайне необходимо, чтобы без малейшего промедления, в возможно кратчайший срок, нам были сообщены решения лондонского двора по всем вопросам.

Если бы не факт отозвания г-на Новосильцева*, наши войска в данный момент находились бы уже в движении, а мы все еще не знаем, на что мы можем рассчитывать в отношении дополнительных субсидий, запрошенных нами для Пруссии и других держав, силы которых было бы желательно видеть объединенными с нашими.

В частности, все наши представления относительно необходимости договориться с его шведским в-вом** остались безрезультатными, и напрасно было бы ссылаться на возможность того, что соглашение*** не будет ратифицировано, так как в подобных обстоятельствах, как в. с-во изволили справедливо заметить г-ну Питту, лучше сожалеть о слишком большом числе демаршей, чем иметь основание упрекать себя в том, что пренебрегли каким-то средством, которое могло бы привести к цели.

Мы предложили лондонскому двору принять участие в операциях на Севере, произведя высадку на Эльбе или Везере***, но тоже не получили никакого ответа на этот счет; так же обстоит дело и с проектом, представленным подполковникомАреншильдом [235], о котором Вам было поручено сообщить и к выполнению которого в особенности нужно было бы немедленно приступить.

Соблаговолите, г-н граф, просмотреть различные депеши, которые я Вам последовательно направлял, представить г-ну Питту перечень всех вопросов, оставшихся без ответа, и поторопить его с объяснением относительно них, так как похоже, что наступает время начала активных действий, и все более и более необходимо, чтобы британский кабинет дал нам возможность брать обязательства, которые смогут определить поведение других держав.

У нас есть уже уверенность в том, что в центре Германии мы найдем помощников, которые всеми своими средствами будут помогать нам в наших операциях, но совершенно необходимо, чтобы мы сразу же, как только наши войска подойдут к границам империи, смогли обратиться к различным ее членам с приемлемыми предложениями о сотрудничестве.

Пребываю...

Министр иностранных дел А. Р. Воронцов товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

20 июня (2 июля) 1805 г.

Соображения по поводу миссии Н. Н. Новосильцева в Париж. Считает, что она не будет иметь успеха ввиду нерешительности Австрии и Пруссии и предлагает план действий, которому должна будет следовать Россия, когда Наполеон откажется принять ее предложения.

Сб. РИО, т. 82, стр. 81—90.

141. Н. Н. Новосильцев Александру I

Берлин, 28 июня (10 июля) 1805 г.

Всемилостивейший государь. Я спешу донести в. и. в-ву, что сегодняшний день я подал здешнему министру барону Гарденбергу, вследствие полученной мною от 9(21) июня в. и. в-ва инструкции [237], прилагаемую при сем

в копии ноту [158], и отправляю сегодня же курьеров в Лондон и Вену для уведомления о сем происшествии графа Воронцова и графа Разумовского.

Остановить сию столь благоразумную и настоящим обстоятельствам соответственную меру, которая была мне предписана, и продолжать путь во Францию могло бы оправдать одно токмо нижеследующее обстоятельство. Ежели бы е. в-во король прусский настоял на оном с тем, что в замену такового со стороны в. и. в-ва снисхождения он совершит договор, в котором даст торжественное обещание, что ежели Бонапарте не согласится на делаемые ему предложения, то он к наступательному союзу, противу сего всей Европы общего врага совершающемуся, присоединится со всеми силами своими, или с означением известного числа войск. Но со времени приезда е. в-ва сего 26 июня (8 июля) в Шарлоттенбург до сегодняшнего дня, в который я подал сию ноту, опыт двух конференций с бароном Гарденбергом и одного разговора с е. в-вом королем на аудиенции, которую я удостоился иметь вчерась, 27 июня (9 июля), доказал мне, что расположение здешнего двора весьма противно таковому ожиданию.

Предоставляя себе сделать в. и. в-ву подробное донесение о всем, что происходило на сих конференциях в свое время, я теперь по краткости оного буду иметь счастие представить одни токмо заключения, которые с основательностью извлечь можно из всех слов как е. в-ва, так и барона Гарденберга. Они все, в пространном смысле взятые, по мнению моему, содержатся в следующем:

1) Что на добровольное содействие е. в-ва короля прусского в освобождении Европы ни под каким видом надеяться не можно.

2) Что он из тесного кругу, в котором заключил долг свой принимать деятельное в политических делах участие, ограничивающееся одним защищением северной части Германии, без сильного принуждения не выступит.

3) Что он тверд и непоколебим в оном намерении и *по системе*, и *по расположению* своему; *по системе* потому, что он пользу свою почитает общею токмо с теми державами, коих, по его мнению, достаточно для защиты северной части Европы, судьбою же прочих держав не дорожит, полагая, впрочем, надежду, что разными уловками и благосклонностями он избежит с Бонапарте всякой ссоры. *По расположению или свойству своему* потому, что он не имеет того духу, который нужен, чтобы решиться выйти из кругу или порядка обыкновенной жизни своей, и что излишняя недоверчивость к способностям и дарованиям, которыми он одарен природою, заставляет его опасаться, что он себя обесславит, ежели вступит в войну, тем более что, следуя примеру предков своих, должен будет сам командовать своею армиею.

К сему присовокупить можно, что он ласкает себя надеждою успеть в том, чтобы, и не принимая участия в войне, получить выгоды при общем замирении.

4) Что в политику его входит быть союзником России только по северной части, а не по полуденным ее владениям, в которых, может быть, и не неприятно было бы ему видеть ее ослабленною.

Хотя е. в-во и барон Гарденберг прежде усильно настояли, чтобы негоциация с Бонапарте не прервалась по случаю занятия сим последним Генуи, но сегодня, подав ноту, я не заметил, чтобы сие было ему неприятно. Разность сия происходит, может быть, и от того, что е. в-во по прочтении тех мирных предложений [159], которые я должен был сделать Бонапарте, нашел, что требуемые с его стороны пожертвования были так велики и такого роду, что, судя по обстоятельствам и по характеру его, он, конечно бы, отвергнул оные при самом начале, о чем е. в-во изволил на аудиенции моей рассуждать со мною довольно обстоятельно.

Сегодня ее в-во королева изволила допустить меня к себе для поднесения письма от в. и. в-ва и которое приняла с чувствительною признательностью,

а е. в-во пригласил к обеденному столу и был весьма ласков, но ни слова не говорил о поданной мною ноте [***], хотя она и была уже бароном Гарденбергом е. в-ву представлена.

Окончив, таким образом, все повеления в. и. в-ва, мне не остается ничего более, как помышлять о скорейшем возвращении в С.-Петербург.

С глубочайшим благоговением есмь...

Николай Новосильцов

Печат. по подлиннику.

142. Полномочия чрезвычайному и полномочному послу Ю. А. Головкину

29 июня (11 июля) 1805 г.

Божиею поспешествующею милостию, мы *Александр Первый*, император и самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, царь Херсониса-Таврического, государь Псковский и великий князь Смоленский, Литовский, Волынский и Подольский, князь Естляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогицкий, Корельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; государь и великий князь Нова-города Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витепский, Мстиславский и всея Северные страны повелитель, и государь Иверские, Карталинские, Грузинские и Кабардинские земли, черкасских и горских князей и иных наследный государь и обладатель; наследник Норвежский, герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмерсенский и Ольденбургский, и государь Еверский, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем сим, кому о том ведать надлежит, что поставляя всегда главнейшим предметом попечений наших благоденствие подданных, от всемогущего бога управлению нашему вверенных, и зная несомнительным образом, что его богдыханово в-во паче всего обращает свое внимание к оному ж предмету, мы уполномочили отправляемого к его богдыханскому в-ву в качестве чрезвычайного и полномочного посла нам любезноверного графа *Юрия Головкина*, нашего *действительного тайного советника, сенатора, государственной коллегии президента, двора нашего* и всех наших орденов оберцеремониймейстера, действительного камергера и разных орденов кавалера, вступить в переговоры с тем или теми, кои от его богдыханова в-ва достаточно к тому уполномочены будут, с ними заключить и подписать трактат, условие или постановление, клонящееся к вящшему утверждению союза между обеими империями равномерно к славе и пользе оных. Обещаем императорским словом нашим за нас и преемников наших за благо принять и верно исполнять все то, что в силу сей полной мочи означенным уполномоченным нашим заключено и подписано будет. Во уверение чего мы сию полную мочь собственною нашею рукою подписали и нашею государственною печатью утвердить повелели. Дана в престольном нашем граде Святого Петра в лето от рождества Христова спасителя нашего 1805 июня 29 дня, а государствования нашего в пятое.

Александр*

Печат. по подлиннику.

---

* Контрассигновано А. А. Чарторыйским.

143. Александр I посланнику в Стокгольме Д. М. Алопеусу

30 июня (12 июля) 1805 г.

Par les notions que Vous avez reçues de mon ministère sur l'état de crise dans lequel nous nous trouvons depuis la rupture de la négociation qui avait été confiée à Mr de Novossiltzoff, Vous aurez vu que, d'après toutes les probabilités, nous devons nous attendre incessamment à une rupture entre la Russie et ses alliés d'une part et la France de l'autre.

En considérant le système offensif que Buonaparté a toujours suivi et surtout son caractère fougueux, il est à présumer que l'entrée de mes troupes dans les Etats autrichiens et en Prusse suffira seule pour occasionner le commencement immédiat des hostilités. Alors la Poméranie suédoise serait exposée à une invasion soit des troupes prussiennes, si la cour de Berlin refuse de faire cause commune avec la Russie, ou bien de la part des Français établis en Hannovre, qui ne tarderaient pas à se prévaloir de la proximité où ils se trouvent de la Poméranie suédoise pour l'occuper.

Désirant garantir efficacement cette province, je me propose d'y envoyer incessamment un corps d'au moins 16 m[ille] h[ommes], qui va se mettre en mer et qui doit débarquer à Stralsund.

En remettant au roi la lettre de cabinet ci-jointe[227], Vous exposerez à s. m. l'urgence du cas qui m'a déterminé à prendre ce parti en vertu de l'arrangement préalable fait entre son cabinet et le mien ; Vous lui exprimerez la pleine confiance que j'ai dans la continuation de ses bonnes dispositions pour la bonne cause; Vous l 'assurerez que je n'épargnerai rien pour la soutenir ; enfin Vous inviterez s. m. à faire expédier sans délai les ordres nécessaires pour l'admission de mes troupes en Poméranie, vu que le moindre obstacle, qu'elles rencontreraient dans cette occasion, ne manquerait pas de faire le plus mauvais effet, en ce qu'il pourrait faire douter de la sincère intimité qui règne entre nous.

Vous ferez connaître à s. m. que je lui offre avec plaisir le commandement de cette armée, si elle jugeait à propos de s'en charger ; et puisque, pour la renforcer autant que les circonstances le permettront, il serait de la plus grande utilité de lever sur les lieux un corps d'Hannovriens, conformément aux articles 2 et 3 de la convention du 3 décembre 1804 [228], passée entre la Suède et l'Angleterre (à cet effet), Vous demanderez que le roi fasse adresser ses ordres aux différentes autorités établies en Poméranie, afin que la formation d'un pareil corps, qui aura lieu immédiatement après que mes troupes auront été débarquées, ne rencontre aucune difficulté.

Pour compléter les mesures de défense que je trouve nécessaires afin de mettre la Poméranie à l'abri de toute tentative hostile de la part de l'ennemi, Vous engagerez s.m. à augmenter sa garnison de Stralsund jusqu'à 8 mille h[ommes]. Comme il est possible, néanmoins, que l'arrangement subsidiaire entre la Suède et l'Angleterre n'ait pas encore été conclu, ce retard fournirait à s.m. une raison plausible pour ne point se prêter à cette demande. Dans cette hypothèse, Vous réunirez tous Vos soins pour décider Mr Pierrepoint à se prêter aux désirs de la cour de Stockholm, en Vous étayant du peu de différence qu'il y a entre la somme qu'elle demande et celle qu'il est autorisé à accorder. Si, cependant, il se retranchait dans ses instructions en Vous alléguant l'impossibilité de les outrepasser, alors, pour ne pas perdre de temps, Vous inviterez le roi à se contenter du secours pécuniaire que le ministre d'Angleterre est autorisé à lui assurer, bien entendu que ce ne sera que pour le moment et seulement pour le nombre de troupes susmentionné. Vous informerez en même temps s. m. que je ferai faire incessamment de nouvelles démarches auprès du gouvernement brit[anni]que, afin de procurer à la Suède la totalité du

subside qu'elle demande, et que, dans le cas où le cabinet de St. James persisterait à s'y refuser, je serai prêt à payer au roi la somme qui manquera pour compléter la somme totale.

Le cas échéant, c'est dans ce sens que je Vous autorise à donner une déclaration formelle pour garantir à s. m. la somme en question.

Помета Александра I: Быть по сему
Июня 27 дня 1805 г.

Подписан и вручен камер-юнкеру Алопеусу
июня 30 дня 1805 г.

Печат. по отпуску.

Перевод

На основании сведений, полученных Вами от моего министерства, относительно критического положения, в котором мы находимся с того времени, как были прерваны переговоры, ведение которых было доверено г-ну Новосильцеву, Вы, очевидно, уже видели, что, по всей вероятности, мы должны ожидать немедленного разрыва между Россией и ее союзниками, с одной стороны, и Францией — с другой.

Исходя из того, что Буонапарте всегда следовал наступательной системе, и в особенности учитывая неистовство его характера, нужно предполагать, что ввод моих войск в австрийские владения и в Пруссию немедленно приведет к началу военных действий. Тогда Шведская Померания окажется под угрозой вторжения либо со стороны прусских войск, если берлинский двор откажется выступить на стороне России, либо со стороны находящихся в Ганновере французов, которые не преминут воспользоваться тем, что они находятся поблизости от Шведской Померании, чтобы занять ее своими войсками.

Желая действенным образом защитить эту провинцию, я намереваюсь незамедлительно послать туда корпус войск, численностью не менее чем в 16 тыс. человек, который в ближайшее время должен отправиться морем и высадиться в Штральзунде.

Когда Вы будете вручать королю при сем прилагаемое кабинетное письмо [237], Вам нужно будет объяснить е. в-ву неотложный характер обстоятельства, побудившего меня принять это решение, в силу предварительного соглашения между его и моим кабинетами. Вы выразите ему мою уверенность в том, что его благоприятное отношение к правому делу останется неизменным, и заверите его, что я все сделаю для его защиты; наконец, Вы попросите е. в-во без промедления дать необходимые распоряжения для принятия моих войск в Померании, учитывая, что малейшее препятствие, которое они встретят при высадке, неминуемо вызовет самые неблагоприятные последствия, так как заставит усомниться в искренности дружественных отношений, царящих между нами.

Сообщите е. в-ву, что я с удовольствием предлагаю ему командовать этой армией, если он сочтет уместным взять это на себя, и, поскольку для того, чтобы усилить ее в той мере, в какой это позволят обстоятельства, было бы весьма полезно создать на месте корпус из ганноверцев, в соответствии со 2 и 3 статьями конвенции от 3 декабря 1804 г. [238], заключенной между Швецией и Англией с этой целью, Вы потребуете, чтобы король дал повеления различным имеющимся в Померании властям, с тем чтобы формирование подобного корпуса, которое должно быть произведено сразу же после высадки моих войск, не встретило никаких трудностей.

В качестве дополнительных мер по обеспечению обороны, которые я считаю необходимыми для того, чтобы оградить Померанию от любого враждебного предприятия неприятеля, предложите е. в-ву увеличить гарнизон Штральзунда до 8 тыс. человек. Однако поскольку не исключено, что соглашение относительно субсидий между Швецией и Англией еще не достигнуто, то эта задержка может дать е. в-ву уважительный повод не удовлетворить эту просьбу. В таком случае Вам нужно будет приложить все усилия к тому, чтобы побудить г-на Пьерпонта согласиться с пожеланиями стокгольмского двора, указывая на то, что между суммой, требуемой этим двором, и той суммой, на которую его уполномочили согласиться, нет большой разницы. Если же, однако, он будет ссылаться на данные ему полномочия, заявляя, что не может превышать их, тогда, чтобы не терять времени, предложите королю удовлетвориться той денежной помощью, которую английский посланник уполномочен предоставить ему; разумеется, это будет лишь на первое время и только на выщеуказанное количество войск. Одновременно Вы уведомите е. в-во, что я незамедлительно прикажу сделать новые демарши перед британским правительством с целью обеспечить Швеции запрашиваемую ею субсидию полностью и что в случае, если сент-джемский кабинет будет упорно отказывать в этом, я готов уплатить королю сумму, которая будет недоставать до полной суммы.

Я уполномочиваю Вас дать, в случае необходимости, официальное заявление в этом духе с целью гарантировать е. в-ву сумму, о которой идет речь.

Указ Александра I о принятии Мингрелии в состав Российской империи

4 (16) июля 1805 г.

Утверждаются «просительные пункты» кн. Г. Дадиани, поданные в 1803 г.

Опубл. ПСЗРИ, т. 28, приложение, стр. 6—8.

Фридрих-Вильгельм III Александру I

14 июля 1805 г.

Отказ от предлагаемого Александром I союза. Заявление о намерении придерживаться системы нейтралитета и соглашения с Россией от 12(24) мая 1804 г.*

Bailleu, Correspondance inédite, p. 66—68.

144. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский министру коммерции Н. П. Румянцеву

3(15) июля 1805 г.

Получив высочайшее повеление довести до сведения в. с-ва все то, что может из происшествий политических дел в Персии относиться к расширению государственной торговли, имею честь сообщить Вам, что последние донесения генерала от инфантерии князя Цициянова доставили сюда известие о присоединении на вечные времена к Российской империи ханства Карабагского, или Шушинского**, и ханства Шекинского, или Нухинского***, в Дагестане лежащего.

Из сего нового приобретения, при первом взгляде, извлекаются следующие важнейшие коммерческие виды:

1. Открывается способность устроить сухопутные дороги для хождения караванов из Тифлиса чрез Елизаветполь (т. е. Ганжу) и Шушу (столичный город и крепость ханства Карабагского) в Джеват, где река Аракс, сливаясь с Курою, соделывает сию последнюю судоходною, хотя плоскодонные суда могут по нужде подыматься вверх до Елизаветполя.

2. Место Джеват по физическому своему положению долженствует быть со временем важным пунктом для связания торговых сношений Персии с Астраханью, когда обеспечены будут таковые же сношения с лучшею по Каспийскому морю гаванью Бакинскою и пристанью Сальян, при устье Куры на правом берегу сей реки лежащею.

Известно, что место Джеват и деревня Мабур, по тем же уважениям в силу трактата, в 1724 г. с Персиею заключенного***, были точками сопредельности тройных границ: российских, турецких и персидских; так же и то, что предначертание императора Петра Великого было устроить на Каспийском море три главнейшие пристани, чрез кои персидские и индейские избытки протекая вливались бы в Астрахань, яко средоточие азиятской торговли: первую, пониже Сальян, при устье Куры; вторую, на Гилянских берегах, при Зинзилийском порте, а третию при Астрабате, для привлечения индейской торговли чрез Хоросан, Кабул и Кандагар, откуда караваны могут приходить в 15 дней и менее.

Кажется, однако же, что Сальян и Джеват долженствуют быть токмо пристанями для транзитного торга и что надлежит предпочесть для море-

---

* См. док. 23.

** См. аннотацию на письмо П. Д. Цицианова о принятии Карабахским ханством российского подданства на стр. 439.

*** См. аннотацию на письмо П. Д. Цицианова о принятии Шекинским ханством российского подданства на стр. 439.

ходного плавания гавани Бакинскую и Зинзилийскую. Ибо известно, что устье Куры занесено мелями, которые проходу морских судов полагают препятствие.

3. Ханство Карабагское, лежащее в великой Армении, хотя обессилилось многими вышедшими оттуда армянскими колониями в Россию, в Грузию и персидские владения, но промышленный и для торговли способный армянский народ, покровительствуемый благостию российского правления, может собрать истощенные силы свои и получить надежнейшие успехи в торговле, которая вместо прежнего утеснения будет ободряема всеми мерами.

4. Из главнейших естественных произрастений персидских, шелк и хлопчатая бумага, суть изобильнейшие. Сверх того, князь Цициянов уведомляет, что минерал, столь нужный для многих изделий, квасцы продаются в Елизаветполе пуд по 80 коп. на месте, а в Астрахане покупаются по 15 руб. за пуд. Таковая разность в цене заслуживает уважение.

Печат. по отпуску.

Александр I Селиму III

5(17) июля 1805 г.

Выражает признательность за пересылку копии письма Наполеона Селиму[198], которым французский император пытался вызвать у султана недоверие к политике России в отношении Турции. Александр I заверяет Селима, что русское правительство заинтересовано в сохранении дружественных отношений с Турцией и намерено охранять целостность и неприкосновенность Турецкой империи. Александр I сообщает также, что инцидент, имевший место в Анаклии, произошел против воли русского правительства и в настоящее время разрешен в соответствии с пожеланиями Порты[218].

Опубл. «Русский вестник», т. 46, 1863, стр. 91—93.

Александр I чрезвычайному и полномочному послу Ю. А. Головкину

6(18) июля 1805 г.

Общие инструкции по важнейшим вопросам посольства в Китай. Основное внимание уделяется вопросам торговли.

Из бумаг гр. Ю. А. Головкина, стр. 11—22.

145. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский английскому послу в С.-Петербурге Гоуэру

8(20) июля 1805 г.
Конфиденциально

J'ai reçu la note[240] que v. ex. m'a adressée le 30 juin (12 juillet) et je me suis empressé de la mettre sous les yeux de l'empereur. S. m. i. m'a ordonné d'y répondre avec détail, non dans l'intention de renouveler une discussion qui lui est pénible, mais pour que s.m. britannique connaisse avec précision les motifs, qui ont fait balancer l'empereur, s'il ratifierait ou non le concert signé par nous le 30 mars (11 avril) *, et les conditions auxquelles s. m. i. y est disposée maintenant. Cette dernière détermination est principalement fondée sur les assurances que Vous venez de donner, milord, au nom de Votre cour, du regret qu'éprouve le roi, Votre maître, de voir entraver les heureux effets de l'union entre nos deux souverains par une discussion qui, vu le rappel de Mr de Novossiltzoff n'a plus la même importance, et de l'intention constante de s.m. britannique de seconder, par tous les sacrifices compatibles avec l'hon-

* См. док. 117.

neur de sa couronne et les intérêts indispensables de la Grande-Bretagne, l'exécution des mesures arrêtées le 30 mars. Certainement l'empereur ne peut que désirer de ménager ces intérêts autant que les siens propres; mais le sujet des dernières discussions[241], d'après sa conviction, n'était point opposé à ce désir sincère, au contraire, s.m. était convaincue que rien ne contribuerait plus à l'avantage et à la gloire du cabinet britannique que l'occasion qui lui était offerte de montrer toute l'étendue de son désintéressement.

La position de l'empire de Russie porte naturellement l'empereur à suivre avec une attention bien sérieuse les intérêts et la situation des différentes puissances de l'Europe. S.m. britannique a des preuves plus que suffisantes que la Russie les envisage dans leur véritable jour et qu'elle veut employer des efforts énergiques pour concourir au salut de ses co-Etats, mais l'opinion même que la force seule peut faire adopter à Bonaparte une marche plus modérée, opinion, qui contribue encore aujourd'hui à déterminer l'empereur à sanctionner l'union intime de la Russie avec la Grande-Bretagne, donnait à s.m.i. une juste mesure des conditions auxquelles le chef ambitieux de la France se serait prêté à la paix, et l'événement a bien prouvé combien peu il aurait été disposé à accepter les bases de pacification telles qu'elles ont été signées ici en y comprenant même l'évacuation pure et simple de l'île de Malte. L'empereur ne s'en est pas flatté un moment et il ne saurait se persuader que cette considération, qui a été mise sous les yeux de s.m. britannique, n'était pas suffisante pour la déterminer à suivre en cette occasion l'opinion de s.m.i. qui, certainement, n'aurait ni intérêt ni satisfaction à priver maintenant l'Italie, la Grèce, l'Egypte et les Dardanelles de la sécurité que peut leur offrir le maintien d'une station anglaise à Malte, qui au reste se trouvait assurée par l'établissement d'une garnison russe dans cette île.

Des considérations de la même nature sont applicables à la déclaration ** qui Vous a été remise, milord, au moment de la conclusion de l'acte du 30 mars. Il est difficile de concevoir que le ministère britannique ait pu croire que l'intention de l'empereur, dont les plénipotentiaires signaient un concert provisoire plus intime que tous les traités antérieurs, fut de susciter au même moment des embarras au cabinet de St. James. Si s.m. ne peut s'empêcher de souhaiter que la cour de Londres se montre disposée à suivre, relativement au code maritime, une opinion, fondée uniquement sur les principes les plus libéraux et les plus équitables, comme un des moyens les plus sûrs et les plus efficaces pour assurer le succès de la bonne cause qu'on peut nommer, à si juste titre, la cause générale, il était impossible que le ministère britannique pût croire que l'empereur oublierait à cette occasion que les traités de l'Angleterre avec lui, avec les cours de Stockholm, de Copenhague et autres devaient conserver leur valeur, tout traité étant sacré.

L'empereur, d'après la connaissance qu'il a de l'esprit qui anime les cabinets de l'Europe, sentait la nécessité de se préparer à réfuter les observations qu'ils feraient sur les griefs de la France, auxquels on aurait refusé de répondre; ce motif était d'autant plus pressant que s.m.i., en se disposant à faire marcher des troupes, voulait que tous les partis fussent forcés d'applaudir à cette détermination et je dois Vous prévenir, milord, que l'empereur persiste dans cette intention et qu'il se propose de publier dans un manifeste, dès que les résolutions de la cour de Vienne lui permettront de s'approcher avec quelqu'espoir de succès des limites de la France, la substance des propositions qu'il jugeait devoir être faites à Bonaparte et dont Mr de Novossiltzoff avait été chargé.

L'observation que Vous faites, milord, sur l'impression que peut produire à l'égard des déterminations de la cour de Vienne, le retard qu'éprouve l'échange

** См. док. 124.

des ratifications[234] n'a point échappé à s. m. i., mais je puis aussi Vous annoncer qu'elle l'avait prévu et que son ambassadeur est autorisé depuis longtemps à prévenir tout effet semblable en déclarant, aussitôt qu'il en verrait la nécessité, que l'empereur, s'il se décidait même à ne point ratifier le concert signé ici, n'en suivrait pas moins les plans qu'il a communiqués à la cour de Vienne. Cependant cette même observation de v.ex. a fait espérer à s. m. i. que le cabinet de St. James sentirait de son côté la nécessité de s'occuper des moyens de satisfaire autant que possible aux vœux des autres puissances pour les déterminer à agir. S. m. i. se plaisait à croire que l'Angleterre ne mettrait pas l'accomplissement du concert, qui doit mener à ce résultat, en balance avec sacrifices demandés. L'empereur en jugeait ainsi d'après les sentiments et les principes politiques qui le guident et ceux-ci lui montrent trop évidemment l'importance dont est, pour le salut de l'Europe, l'union énergique de la Russie et de l'Angleterre, pour ne pas se prêter aussi à présent à tout ce qui peut en assurer les heureux effets. Au reste, si les intentions magnanimes et prononcées de l'empereur et de s. m. britannique ne pouvaient faire cesser l'irrésolution des autres puissances, alors il serait indispensable pour ce cas de s'entendre sur la marche qu'il faudrait suivre, supposé que la cour de Vienne ne voulût agir qu'au printemps prochain ou même pas du tout. Ce dernier objet n'ayant point été discuté jusqu'ici, Vous sentez, milord, qu'il est du nombre de ceux qui appartiennent essentiellement à l'union intime de nos deux cours et qui doivent la cimenter.

Le concert du 30 mars (11 avril) * en est la base, et s. m. i. consent à le consolider par son acte de ratification, mais persistant dans ses opinions à l'égard des facilités qu'il aurait été convenable d'apporter à la négociation de paix, l'empereur ne peut souscrire aux bases de pacification telles qu'elles sont tracées dans l'acte de ratification de s. m. britannique et, en conséquence, elle se propose de ne point comprendre dans le sien l'art[icle] 10 séparé et son annexe *.

Etant autorisé, milord, à échanger les ratifications dans cette forme aussitôt que j'aurai reçu la nouvelle positive que Mr de Novossiltzoff ne continue pas son voyage, je Vous observerai que les principales différences existant dans les deux actes de ratification auront besoin d'être constatées avec leur cause dans un protocole de conférence formel ***.

Il m'est infiniment agréable, milord, d'avoir à Vous annoncer une détermination qui mettra le sceau à l'union de nos deux cours et à me persuader en même temps qu'aucunes nouvelles entraves ne mettront des bornes à la confiance entière qui est due aux sentiments et aux vues dont l'empereur est animé, et qu'une conformité absolue de principes et de mesures, en écartant à l'avenir tout germe de désunion, fera bientôt atteindre à nos deux souverains le but important auquel ils aspirent également.

Je suis...

Помета Александра I: Быть по сему:
Июля 7 дня 1805 г.

Подписано и послано 8 июля 1805 г.

Печат. по отпуску.

Перевод

Я получил ноту[240], которую в. пр-во направили мне 30 июня (12 июля), и поспешил представить ее императору. Е. и. в-во приказал мне дать на нее подробный ответ, но не с целью возобновить тягостный для него спор, а для того, чтобы его британское в-во был точно осведомлен о тех соображениях, которые заставили императора колебаться, ратифицировать или

*** См. док. 150.

нет соглашение, подписанное нами 30 марта (11 апреля)*, а также о тех условиях, на которых е. и. в-во склонен сейчас согласиться на это. Это последнее решение принято главным образом на основании тех заверений, которые Вы, милорд, только что дали от имени Вашего двора относительно того, что король, Ваш повелитель, весьма огорчен тем, что наступлению счастливых следствий союза между нашими двумя государями препятствует спор, который в связи с отозванием г-на Новосильцева уже не имеет прежнего значения, а также относительно того, что его британское в-во по-прежнему намерен содействовать проведению в жизнь мер, договоренность о которых была закреплена 30 марта, идя на все жертвы, совместимые с честью его короны и главнейшими интересами Великобритании. Разумеется, император желает оберегать эти интересы, как свои собственные, однако предмет последних несогласий [241], по его убеждению, не находился в противоречии с этим искренним желанием; напротив, е. в-во был убежден, что ничто не могло бы лучше способствовать выгоде и славе британского кабинета, как представлявшийся ему случай в полной мере проявить свое бескорыстие.

Положение Российской империи, естественно, заставляет императора очень внимательно следить за интересами и положением различных европейских держав. Его британское в-во располагает более чем достаточными доказательствами того, что Россия рассматривает их в их истинном свете и что она желает употребить энергичные усилия с целью содействовать спасению ее союзников; однако уже само мнение, что лишь сила может заставить Бонапарта принять более умеренную линию поведения, мнение, которое и сейчас побуждает императора принять решение санкционировать тесный союз России с Великобританией, давало возможность е. и. в-ву правильно судить о тех условиях, на которых честолюбивый властитель Франции согласился бы на мир, а события достаточно убедительно показали, что он вряд ли принял бы основные условия восстановления мира в том виде, в каком они были подписаны здесь, даже если бы они предусматривали безоговорочную эвакуацию о. Мальты. Ни на минуту император не обольщал себя надеждой на это, и ему трудно поверить, что этого соображения, изложенного его британскому в-ву, оказалось недостаточно для того, чтобы побудить его в данном случае разделить мнение е. и. в-ва, для которого, разумеется, не представляло бы ни выгоды, ни удовлетворения лишить в настоящее время Италию, Грецию, Египет и Дарданеллы той безопасности, которую может обеспечить им сохранение английской базы на Мальте и которая, впрочем, обеспечивалась бы благодаря вводу на этот остров гарнизона из русских войск.

Подобные соображения можно отнести и к той декларации**, которая была вручена Вам, милорд, в момент заключения акта от 30 марта. Трудно представить себе, что британское министерство могло подумать, что император, уполномоченные которого подписали временное соглашение более дружественного характера, чем все предшествовавшие договоры, имел намерение в то же время создать затруднения для сент-джемского кабинета. Если е. и. в-во не может не желать, чтобы лондонский двор показал свою готовность следовать в отношении морского кодекса мнению, основывающемуся единственно на самых либеральных и справедливых принципах, считая это одним из наиболее верных и действенных средств обеспечить успех правого дела, которое с полным основанием можно назвать общим, то нельзя представить себе, чтобы британское министерство могло полагать, что император при этом забудет о том, что договоры Англии с ним, со стокгольмским, копенгагенским и другими дворами должны сохранить свою силу, поскольку всякий договор священен.

Основываясь на том, что ему известно о настроениях европейских кабинетов, император чувствовал необходимость быть готовым опровергнуть их возражения относительно претензий Франции, по которым следует дать отрицательный ответ; этот довод был тем более веским, что е. и. в-во, намереваясь отдать приказ своим войскам о выступлении, хотел, чтобы все партии были вынуждены приветствовать такое решение, и я должен предупредить Вас, милорд, что император очень тверд в этом намерении и собирается, как только решения венского двора позволят ему приблизиться с надеждой на успех к границам Франции, опубликовать манифест, изложив в нем основное содержание предложений, которые, по его мнению, следовало сделать Бонапарту, что и было поручено г-ну Новосильцеву.

Ваше замечание, милорд, о том, что задержка с обменом ратификационными грамотами[234] может создать неблагоприятное впечатление у венского двора и повлиять на его решения, отнюдь не ускользнуло от внимания е. и. в-ва, но я могу также сообщить Вам, что е. и. в-во предвидел это, и его посол давно уже был уполномочен принять меры к тому, чтобы у венского двора не создалось такого впечатления,— ему поручено сделать заявление, как только он увидит в этом необходимость, о том, что, если даже император решит совсем не ратифицировать соглашение, подписанное здесь, он тем не менее будет следовать планам, сообщенным им венскому двору. Однако это же замечание в. пр-ва дало е. и. в-ву надежду на то, что сент-джемский кабинет в свою очередь почувствует необходимость заняться вопросом о средствах для удовлетворения, насколько будет возможно, желаний других держав, чтобы побудить их действовать. Е. и. в-ву хотелось думать, что Англия не будет колебаться относительно того, стоит ли ради создания согласия, которое должно привести к этой цели, приносить те жертвы, которых от нее требуют. Император судил об этом таким образом, исходя из чувств и политических принципов, которыми он руководствуется, а они слишком убедительно гово-

рят о том, какое важное значение для спасения Европы имеет энергичный союз России и Англии, чтобы не согласиться уже сейчас на все, что может обеспечить его благотворные результаты. Впрочем, если великодушные и открытые намерения императора и его британского в-ва не смогли бы положить конец нерешительности других держав, то в этом случае возникла бы необходимость договориться о линии поведения, которой нужно будет следовать, исходя из предположения, что венский двор пожелает приступить к действиям лишь будущей весной или совсем не выступит. Этот последний вопрос до сих пор вовсе не обсуждался, но Вы понимаете, милорд, что он относится к тем вопросам, которые существенным образом связаны с тесным союзом наших дворов и которые призваны скрепить его.

Соглашение от 30 марта (11 апреля)* служит основой для этого, и е. и. в-во согласен скрепить его своим ратификационным актом; по-прежнему оставаясь, однако, при своем мнении относительно того, что следовало бы сделать, чтобы создать более благоприятные условия для мирных переговоров, император не может согласиться на основные условия восстановления мира в том виде, в каком они изложены в ратификационном акте его британского в-ва, и вследствие этого намерен не включать в свой ратификационный акт 10-ю отдельную статью и приложение к ней*.

Поскольку я уполномочен, милорд, обменяться ратификационными грамотами в этом виде, как только я получу точное известие о том, что г-н Новосильцев не продолжает свою поездку, я замечу Вам, что основные различия, имеющиеся между двумя ратификационными грамотами, нужно будет констатировать в официальном протоколе конференции*** вместе с изложением причины этого.

Мне крайне приятно сообщить Вам, милорд, решение, которое окончательно скрепит союз наших двух дворов, и одновременно убедиться в том, что никакие новые препятствия не помешают полному доверию, являющемуся результатом чувств и видов, воодушевляющих императора, и что полное соответствие принципов и мер, устранив на будущее всякие зародыши разногласий, позволит вскоре нашим двум государям достичь той важной цели, к которой они одинаково стремятся.

Пребываю...

Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский чрезвычайному и полномочному послу Ю. А. Головкину

8(20) июля 1805 г.

Дополнение к инструкции Александра I Головкину. Государственные интересы России и Китая требуют, чтобы обе державы «соединились теснейшим узлом дружбы, согласия и откровенности». Важность расширения торговых связей России со странами Азии. Головкин уполномочивается предложить китайскому правительству посредничество России в его отношениях с Англией.

Из бумаг гр. Ю. А. Головкина, стр. 22—26.

146. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский главноуправляющему в Грузии П. Д. Цицианову

11(23) июля 1805 г.

При добровольном вновь покорении ханства Карабагского* и ханства Шекинского** были взяты здесь на рассуждение следующие вопросы: 1) Полезно ли для политических видов России при первом шаге налагать дани на сии новоприобретенные владения? 2) Наложение даней, превратившись в правило, не нанесет ли урона той доверенности, которую всеми мерами должно стараться приобретать российскому начальству в Персии и Дагестане? 3) Не подумают ли азиятские народы, толкуя цель предприятий нашего двора в самую неприятную сторону, что в российских завоеваниях участвует некоторым образом и корыстолюбие.

---

* См. аннотацию на письмо П. Д. Цицианова о принятии Карабахским ханством российского подданства на стр. 439.

** См. аннотацию на письмо П. Д. Цицианова о принятии Шекинским ханством российского подданства на стр. 439.

Государь император, желая учредить на прочном основании благосостояние новопокоряющихся народов, высочайше указать мне соизволил объявить в. с-ву, что е. в-во приемлет налагаемые на них дани не иначе, как в виде необходимо нужного политического обуздания и яко залог подданства их, отрицаясь от всего того, что могло бы клониться к отягощению сих народов. Вследствие чего е. в-ву благоугодно знать мнение в. с-ва на следующие предположения, которые могут остаться правилом на предбудущее время, если существование оных сопряжено с пользами государственными:

1) Принять за правило, в самом теснейшем смысле, налагать на народы, приходящие в подданство, политические дани деньгами, изделиями или естественными произведениями, дабы оные служили единственно залогом подданства их и дабы доказать гласным образом, что могущество Российской империи не имеет в виду столь жалких способов для приращения своих доходов.

2) В произведении даней соображаться с богатством и родом естественных произведений или изделий, буде платеж оных определен натурою, и с степенью промышленности и торговли каждого народа, буде платеж назначен деньгами.

3) Для первоначального сближения новопокоряющихся народов с нравами российскими позволить, буде пожелают, присылать ежегодно или каждые два годы однажды дани с нарочными депутатами в С.-Петербург или, смотря по обстоятельствам, к главноуправляющему Грузиею, дабы по награждении их приличными дарами возвратились они в свое отечество с принесением радостных известий.

Приняв сии три правила в самом строгом смысле, не трудно будет извлечь из оных частное приложение к настоящим обстоятельствам, как ниже следует:

1) Лошади карабагские славятся в Персии за лучшие; по второму правилу можно бы наложить на Карабаг дань, состоящую в нескольких лошадях лучшей породы ежегодно для конюшни е. и. в-ва.

2) Шекинское владение изобилует шелком; сверх того в Дагестане вообще делают изрядные ковры,— и так сверх шелку обложить можно некоторым числом богатых ковров, наподобие того, как Грузия с 1587 года некоторое время платила российским царям, посылая ежегодно 10 золотых ковров и 10 персидских камок.

3) Провинция Джарская равномерно изобилует шелком и составляется из 6 вольных обществ, на которые наложенную дань уменьшить можно по приличию, буде оная для них тягостна, определя платеж натурою или деньгами; частное распределение дани оставить можно, как доселе было, на собственное их распоряжение.

Впрочем, буде в вышесказанном встретятся неудобства, оставя платеж даней натурою, можно сделать следующее распоряжение: для вознаграждения издержек, на пенсион сих же ханов употребляемых, превратить дани в деньги и обложить Селим-хана шекинского и Ибрагим-хана карабагского, каждого 10 и 15 тыс. рублей ежегодно, с тем чтобы остальная часть дани, которая от обеих ханств составит в первом случае 25, а во втором 15 тыс. рублей, обратилась на собственные пользы их народов и на общественные заведения под распоряжением самих ханов, оставленных на прежних правах, но с ведома и по согласию главнокомандующего Грузиею. Буде сие покажется затруднительно и с образом персидского правления несовместимо, то по крайней мере наклонить ханов, чтобы часть дани, из милосердия е. в-ва оставляемая, не почиталась уже в числе внутренних налогов и не взималась бы с народа, во облегчение ему и в залог благости российского правления.

Исполняя сию высочайшую волю государя императора, долгом почитаю присовокупить, что умеренность и уменьшение налагаемых даней признать можно яко вернейший способ для привлечения преданности азиятских народов к российскому правительству; сравнение прежнего существования их с нынешним и насильственного правления ханов с кротким и бескорыстным правлением российским долженствует неминуемо обратиться в пользу нашу и произвесть по времени весьма выгодное для России влияние, которое будет тем действительнее, что извлечется самопроизвольно из благотворных попечений правительства о судьбе новопокоряющихся народов. По совершении предначертаний на Персию, когда устроятся прочные дороги и пределы грузинские получат желаемое спокойствие, время укажет лучше, какие в тех странах могут быть изобильнейшие источники государственного богатства в торговле или земских податях; но теперь настоит первейшая надобность в том, чтобы отвращать встречающиеся препятствия всеми способами, которые находятся в руках наших, дабы тем облегчить успех предприятий. Впрочем все сие предоставляется на опытное мнение в. с-ва, которое утвердит здешнюю решимость.

Печат. по АКАК, т.II, стр. 713—714.

147. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

12(24) июля 1805 г.

Monsieur le comte! La dépêche précédente[242] était destinée à faire connaître à v. ex. l'ensemble du plan * que s. m. i. a formé pour remplacer dans celui[243] de la cour de Vienne ce qui y était calculé sur le voyage de Mr de Novossiltzoff à Paris[176]. Dans celle-ci je me propose de Vous entretenir, Mr le comte, de quelques objets de détail y relatifs.

Le mode qui nous paraît le plus convenable à suivre est que Vous soyez chargé de remettre à la cour de Vienne, au moment où la première armée (celle de Brody) entrera dans les Etats autrichiens, une déclaration ostensible ** pour annoncer que s. m. i. a fait avancer cette armée qui sera incessamment suivie d'une seconde (celle de Brzesc) pour se rapprocher des frontières de France, parce que les envahissements successifs de Bonaparte menacent tous les jours plus l'indépendance des Etats de l'Europe; que s. m. i., libre de tous liens avec d'autres puissances, retirera ses troupes aussitôt que Bonaparte donnera des sûretés suffisantes pour qu'on n'ait rien à appréhender pour le sort futur des Etats faibles.

Quelques jours après le passage de la première armée, la seconde se mettrait en marche, et, en calculant le temps nécessaire pour qu'elle se trouve dans la proximité de Varsovie et celle de Lithuanie prête à entrer en Prusse, Mr d'Alopeus remettrait à Berlin la même déclaration[244] dont Vous auriez été chargé, Mr le comte, avec les modifications que la différence des rapports des deux cours exige.

C'est alors qu'il est instant que Mr le comte de Metternich soit déjà instruit de déclarer à la cour de Berlin que l'Autriche adhère en plein au plan de la Russie et qu'il tienne absolument la même conduite que notre ministre.

Quant aux ouvertures à faire à la France, l'Autriche peut alléguer que les rassemblements de troupes françaises en Italie l'ayant forcée à concentrer de ce

* См. док. 151.

** Упоминаемая декларация была вручена А. К. Разумовским австрийскому министерству иностранных дел 19(31) августа 1805 г. (см. док. 165).

côté toutes ses forces, elle n'en a point de disponibles pour s'opposer à la marche de celles de la Russie; que, connaissant les dispositions de notre auguste maître qui ne songe aucunement à s'immiscer *dans la querelle particulière de la France avec la Grande-Bretagne*, la cour de Vienne ne peut que se prêter à ses désirs en demandant à Bonaparte les moyens de rassurer l'empereur de Russie sur les craintes qu'il a pour les Etats du continent et à l'aider par conséquent à opérer par des voies de conciliation la retraite des troupes russes.

Si Bonaparte consentait à ouvrir une négociation sans la faire précéder de conditions qui lui donneraient le temps de renforcer ses armées et les moyens de retarder la marche de celles de Russie, la cour de Vienne pourrait entrer dans des pourparlers avec lui sur les objets indiqués dans la note *** que je Vous ai adressée, Mr le comte. D'après tout ce qui s'est passé il ne conviendrait aucunement à l'empereur de rechercher une semblable négociation, mais si la France demandait qu'il y prît part et que la cour de Vienne le désirât également, Vous êtes autorisé dès à présent à vous joindre aux démarches qu'elle fera dans ce sens en attendant que Vous receviez des pleins pouvoirs formels à cet effet. S. m., ayant montré dans les points qu'elle indique à l'Autriche combien ses désirs sont modérés, s'attend que la cour de Vienne ne se prêtera point à des conditions moins rassurantes et que l'empereur n'aura point à se reprocher d'avoir mis en mouvement des forces très considérables pour se voir ensuite dans le cas de les rappeler sans avoir obtenu l'objet de ses vœux et c'est sur quoi Vous devez insister absolument, Mr le comte, en évitant toutefois tout ce qui nous donnerait l'apparence d'attiser volontairement le feu de la guerre et de vouloir aigrir les esprits. Au reste, comme il ne serait point convenable que Vous quittiez Votre poste, il y aura auprès de nos armées des agents diplomatiques qui pourraient, si les circonstances l'exigeaient, être employés aux négociations, lorsque les troupes seront plus rapprochées des frontières de France.

Il est probable que la cour de Berlin voudra intervenir de son côté dans ces négociations; il serait sans doute avantageux qu'on pût l'éviter, mais j'y aperçois plusieurs difficultés et principalement celle que l'espoir de cette négociation sera certainement un véhicule puissant pour déterminer la Prusse à s'unir à nos vues.

Il est nécessaire que v. ex. discute tous ces objets et qu'elle nous donne un détail circonstancié de la manière dont on les envisagera à Vienne.

Si la résolution de cette cour est telle que nous avons lieu de l'attendre, Vous voudrez bien, Mr le comte, nous le faire savoir par courrier, en lui recommandant le plus de célérité possible, et en instruire également avec détail Mr le général Michelson qui sera sur la frontière et qui en donnera immédiatement avis aux autres chefs des armées pour qu'ils puissent mettre la main aux derniers préparatifs nécessaires pour pouvoir exécuter le plan au moment même où ils en recevront l'ordre.

Comme il sera nécessaire que les déclarations diplomatiques et même les instructions des généraux soient modifiées sur les explications que Vous aurez eues avec la cour de Vienne, nous jugeons qu'il serait impossible de leur donner maintenant des directions suffisantes pour qu'ils puissent agir sur une réquisition de Votre part, mais cela ne doit pas Vous empêcher de convenir avec le ministère autrichien du jour de l'entrée de la première et de la seconde armée en calculant de manière à ce que nous ayons le temps de recevoir Vos rapports et d'expédier les courriers qu'ils nécessiteront, ce qui n'exigera dans aucun cas au-delà de 7 à 8 jours.

*** См. док. 148.

Si, cependant, après l'arrivée de Mr de Wintzingerode et du courrier que le comte de Stadion attend, nous pouvons munir les généraux d'instructions suffisantes pour que, sur Votre premier avis, ils puissent commencer, nous le ferons immanquablement. Mais en attendant, vu les dangers auxquels la cour de Vienne est exposée, s. m. i. Vous autorise dès à présent, Mr le comte, en cas d'attaque de la part des Français, d'appeler dans les Etats autrichiens la première armée qui se trouve rassemblée à Brody, aussitôt que la réquisition Vous en sera faite.

C'est au général Michelson que v. ex. s'adressera et il aura ordre de se porter en avant sans attendre des ordres ultérieurs de l'empereur.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Par Prochnitzky le 2 août n[ouveau] s[tyle] 1805.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин граф! Целью предыдущей депеши[242] было ознакомить в. с-во с планом * в целом, который е. и. в-во составил с тем, чтобы заменить в плане[243] венского двора то, что связано там с поездкой г-на Новосильцева в Париж[176]. В настоящей депеше, граф, я намерен написать Вам о некоторых относящихся к этому предмету деталях.

Нам кажется, что наиболее подходящим образом действий будет уполномочить Вас вручить венскому двору в тот момент, когда первая армия (бродская) вступит в австрийские владения, открытую декларацию ** о том, что е. и. в-во двинул эту армию, за которой немедленно последует вторая (брестская), чтобы приблизиться к границам Франции, в связи с тем, что непрерывные захваты Бонапарта с каждым днем все больше и больше угрожают независимости европейских государств; что е. и. в-во, не будучи связан обязательствами с другими державами, выведет свои войска, как только Бонапарт согласится дать гарантии, достаточные для того, чтобы можно было совершенно не опасаться за будущее слабых государств.

Несколько дней спустя после прохода первой армии двинется вторая армия, и г-н Алопеус, рассчитав время, необходимое ей для того, чтобы подойти к Варшаве, а литовской армии для того, чтобы быть готовой вступить в Пруссию, вручит в Берлине декларацию, подобную той, которую должны будете вручить и Вы, с изменениями, обусловленными разницей в отношениях с обоими дворами[244].

Настоятельно необходимо, чтобы в это время графу Меттерниху уже было предписано объявить берлинскому двору, что Австрия полностью присоединяется к плану России, и чтобы он придерживался абсолютно такой же линии поведения, как и наш посланник.

Что касается предложений, которые должны быть сделаны Франции, то Австрия может заявить, что сосредоточение французских войск в Италии заставило ее сконцентрировать все свои силы в этом направлении и поэтому, не располагая свободными военными силами, она не может воспротивиться продвижению русских войск, что, зная намерения нашего августейшего государя, который отнюдь не склонен вмешиваться в *частный спор Франции с Великобританией*, венский двор может лишь согласиться с его пожеланиями и потребовать от Бонапарта средств успокоить опасения русского императора за судьбу континентальных государств и тем самым помочь добиться путем соглашения вывода русских войск.

Если бы Бонапарт согласился начать переговоры, не ставя предварительных условий, которые дали бы ему время усилить свои армии и средства задержать продвижение русских армий, то венский двор мог бы вступить с ним в переговоры по вопросам, указанным в записке ***, которую я Вам направил, г-н граф. После всего того, что произошло, императору никак не подобало бы добиваться подобных переговоров, но на случай, если бы Франция попросила его участвовать в них, а венский двор также желал бы этого, Вам уже сейчас, не дожидаясь получения официальных полномочий на этот счет, разрешается присоединиться ко всем демаршам, которые сделает в этом направлении венский двор. Е. в-во, доказав пунктами, предложенными Австрии, сколь умеренны его желания, надеется, что венский двор не пойдет на менее удовлетворительные гарантии и императору не придется упрекать себя в том, что он двинул весьма значительные силы только для того, чтобы отозвать их затем, не добившись осуществления своих стремлений, и на это Вы должны делать особый упор, г-н граф, избегая, однако, всего, что могло бы создать видимость того, что мы сознательно хотим разжечь пламя войны и ожесточить умы. Впрочем, поскольку Вам отнюдь не следует покидать Ваш пост, при наших армиях будут находиться дипломатические агенты, которых

можно будет, если этого потребуют обстоятельства, употребить для переговоров, когда войска подойдут ближе к границам Франции.

Возможно, берлинский двор пожелает со своей стороны принять участие в этих переговорах; было бы, конечно, лучше избежать этого, но я предвижу в этом отношении ряд трудностей, и главная из них состоит в том, что надежда на эти переговоры будет, несомненно, мощным средством побудить Пруссию присоединиться к нашим видам.

Необходимо, чтобы в. с-во обсудили все эти вопросы и сообщили нам подробно и обстоятельно о том, как их будут рассматривать в Вене.

Если решение венского двора будет таким, как у нас есть основания надеяться, то соблаговолите, г-н граф, известить нас об этом с курьером, предложив ему ехать со всей возможной поспешностью, а также сообщить об этом генералу Михельсону, который будет находиться на границе и тотчас же уведомит других командующих армиями, чтобы дать им возможность сделать последние приготовления, необходимые для того, чтобы они смогли приступить к выполнению плана, как только получат об этом приказ.

Поскольку возникнет необходимость в том, чтобы в дипломатические декларации и даже в инструкции генералам были внесены изменения в соответствии с теми объяснениями, которые Вы будете иметь с венским двором, мы считаем, что было бы невозможно дать им сейчас указания, достаточные для того, чтобы они могли действовать по одному Вашему требованию, но это не должно помешать Вам договориться с австрийским министерством о дне вступления первой и второй армий с таким расчетом, чтобы мы имели время получить Ваши донесения и отправить курьеров с письмами, которые нужно будет послать в связи с этими, что потребует, во всяком случае, не более 7—8 дней.

Если, однако, после приезда г-на Винцингероде и курьера, ожидаемого графом Стадионом, мы сможем дать генералам инструкции, достаточные для того, чтобы они могли начать действовать по первому Вашему уведомлению, мы не преминем сделать это. Тем временем ввиду опасности, которой подвергается венский двор, е. и. в-во уже теперь уполномочивает Вас, г-н граф, в случае нападения со стороны французов предложить первой армии, сосредоточенной в настоящее время в Бродах, вступить в австрийские владения, как только Вас об этом попросят.

В. с-ву нужно будет обратиться к генералу Михельсону, который получит приказ выступить, не ожидая дальнейших приказаний императора.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

С Прохницким, 2 августа нового стиля 1805 г.

148. Записка Министерства иностранных дел России Министерству иностранных дел Австрии

12(24) июля 1805 г.

Points que la cour de Vienne pourrait proposer comme sûretés

Le traité de Lunéville* et la convention secrète du 10 octobre 1801** doivent faire la base des demandes adressées à la France en cas de négociation. L'Autriche a le droit d'exiger, d'après le premier de ces traités, l'indépendance absolue de la Hollande, de la Suisse, des Républiques cisalpine et ligurienne. Elle demandera donc des sûretés à cet égard qui devront consister dans l'évacuation immédiate de ces divers pays et dans la permission qui leur serait accordée de se donner telle forme de gouvernement qui pourrait leur convenir sans qu'ils aient toutefois la faculté de se réunir à la France, mais bien celle de construire des forteresses pour leur défense. Si Bonaparte insistait pour conserver l'un des siens dans une partie de la Cisalpine, l'Autriche pourrait y adhérer, mais elle demanderait en compensation l'une des limites indiquées dans la note du 7 juillet[243].

La Russie a le droit d'insister d'après sa convention secrète** sur l'indépendance du royaume de Naples, sur une indemnité pour le roi de Sardaigne,

---

* См. т. I, прим. 24.

** См. т. I, док. 22.

sur un concert pour le règlement des affaires d'Italie. S. m. i. se contenterait de ce que le roi de Sardaigne obtînt la Ligurie avec Parme et Plaisance et des acquisitions suffisantes pour compenser ses pertes. Si la France voulait conserver jusqu'à la paix définitive une faible partie de ses troupes près de Tarente, l'empereur y consentirait à condition qu'il maintiendrait à Corfou une garnison au moins égale à ce nombre de troupes françaises. Quant aux autres arrangements en Italie, l'empereur se contentera de ce dont s. m. i[mpériale] et r[oya]le serait satisfaite pourvu que dans tous les cas le roi de Sardaigne y obtienne une indemnité proportionnée à ses pertes et que l'indépendance du royaume de Naples soit assurée. La Prusse a intérêt d'insister sur l'évacuation du pays d'Hannovre. Quant à son droit à cet égard, il est commun à la Russie et à l'Autriche et, par conséquent, il est indispensable d'insister pour son évacuation entière; si elle était accordée, on pourrait consentir à ce que cette province fût remise en dépôt à la Prusse jusqu'à ce que les puissances belligérantes en aient disposé à la paix. Le cabinet de Berlin pourrait même pour faciliter cet arrangement passer une transaction particulière avec Bonaparte pourvu qu'elle rentre dans l'ensemble des stipulations. Le sort de la Hollande intéresse particulièrement la Prusse et afin de mettre également dans les propositions un point qui soit à sa convenance plus directe, on demandera le rétablissement de la maison d'Orange; mais s'il ne pouvait être obtenu, on se contenterait de l'évacuation immédiate de ce pays ou d'une sûreté plausible qu'il sera entièrement libre à la paix générale.

Les deux cours impériales s'étant expliquées ici sur les points dont elles demanderont le redressement immédiat à la France, elles ont voulu prévoir le cas où Bonaparte alléguerait qu'il ne saurait y satisfaire tant que la paix maritime n'en sera point le prix; alors il est convenu que les deux puissances se chargeront de toute proposition auprès de s. m. britannique, qui pourrait paraître raisonnable et qui donnerait un espoir fondé d'être agréée par la cour de Londres. Une semblable tentative pouvant être infructueuse et Bonaparte pouvant se refuser à satisfaire sur-le-champ à quelques-unes des demandes des deux cours, offrant d'en remettre plusieurs à la paix avec l'Angleterre, les cours impériales se contenteront encore d'une assurance positive à cet égard pourvu que Bonaparte consente à donner des gages de l'exécution de ses engagements. Au nombre de ces sûretés il serait nécessaire d'obtenir en faveur du roi de Sardaigne l'Etat de Gènes et les duchés de Parme et Plaisance à titre d'établissement provisoire qui serait complété à la paix; la sortie de la plus grande partie des troupes françaises de l'État de Naples avec la promesse de ne point les y faire rentrer, de convenir, enfin, qu'une armée russe de 40 m[ille] hommes au moins serait repartie en Allemagne le plus à la proximité des frontières de France que possible; mais dans ce cas la cour de Vienne ne serait point tenue à reconnaître le titre qu'on aurait consenti de laisser en Italie à l'un des parents de Bonaparte, et la Russie celui de l'empereur des Français, se réservant d'y procéder lorsque la paix générale et l'accomplissement par Bonaparte des promesses, qu'il aurait données, amènerait le cas où s. m. i. de toutes les Russies retirerait ses troupes de l'Allemagne. Au surplus, les autres sûretés qu'il faudrait encore demander à Bonaparte pourront être discutées pendant le cours même de la négociation et l'on s'en occupera aussitôt que les circonstances l'exigeront.

Помета Александра I: Быть по сему.
Июля 12 дня 1805 г.

Отправлено с фельдъегерем Прохницким
12 июля 1805 г.

Печат. по отпуску.

Перевод

Пункты, которые венский двор мог бы потребовать в качестве гарантий

Люневильский договор* и секретная конвенция от 10 октября 1801 г.** должны лежать в основе требований к Франции в случае переговоров. По первому из этих договоров Австрия имеет право требовать полной независимости Голландии, Швейцарии и Цизальпинской и Лигурийской республик. Она должна потребовать гарантий на этот счет, которые должны будут состоять в том, чтобы французские войска были немедленно выведены из указанных стран, а последним была предоставлена возможность избрать форму правления по своему желанию, с тем, однако, чтобы они не могли присоединиться к Франции, но чтобы в то же время они могли строить крепости для своей обороны. Если бы Бонапарт настаивал на том, чтобы оставить в части Цизальпинской республики одного из своих родственников, Австрия могла бы согласиться на это, но взамен она должна потребовать одну из границ, указанных в ноте от 7 июля[243].

Согласно секретной конвенции**, Россия имеет право настаивать на независимости Королевства Неаполитанского, на возмещении потерь королю сардинскому, на совместном урегулировании итальянских дел. Е. и. в-во был бы удовлетворен, если бы король сардинский получил Лигурию с Пармой и Пьяченцей и другие владения, достаточные для возмещения его потерь. Если Франция пожелала бы оставить до заключения окончательного мира незначительную часть своих войск возле Таранто, император согласился бы на это при том условии, что он сохранит на Корфу гарнизон, по меньшей мере равный по численности этим французским войскам. Что касается других мер по урегулированию дел в Италии, то император удовольствовался бы тем, что удовлетворило бы его императорское и королевское в-во, лишь бы король сардинский при всех условиях получил возмещение, равное его потерям, и была обеспечена независимость Королевства Неаполитанского. Пруссия заинтересована в том, чтобы настаивать на выводе войск из Ганновера. Что касается ее права на это, то такое же право имеют Россия и Австрия, и, следовательно, необходимо настаивать на полной эвакуации войск из этого курфюршества; если бы это требование было принято, то можно было бы согласиться на то, чтобы эта провинция была отдана под охрану Пруссии до тех пор, пока воюющие державы не решат ее судьбу при заключении мира. Для облегчения такого урегулирования берлинский кабинет мог бы заключить с Бонапартом особое соглашение, лишь бы оно соответствовало другим постановлениям. Судьба Голландии интересует особенно Пруссию, и, для того чтобы включить в предложения пункт, в котором она заинтересована более непосредственно, следует требовать восстановления Оранского дома, но если бы не удалось добиться этого, то следовало бы удовольствоваться немедленным выводом войск из этой страны или достаточной гарантией того, что она будет полностью свободна по заключении общего мира.

Оба императорских двора, договорившись здесь о пунктах, немедленного удовлетворения которых они потребуют от Франции, предусмотрели вероятность того, что Бонапарт будет ссылаться на невозможность удовлетворить их до тех пор, пока за его согласие не заплатят восстановлением мира на морях; на этот случай договорились, что Россия и Австрия возьмутся передать его британскому в-ву любое предложение, которое казалось бы разумным и давало основание надеяться на то, что оно будет принято лондонским двором. Поскольку подобная попытка может оказаться безрезультатной и Бонапарт может отказаться удовлетворить немедленно некоторые из требований обоих дворов, предложив отложить часть из них до заключения мира с Англией, императорским дворам нужно будет удовольствоваться положительными заверениями на этот счет, лишь бы Бонапарт согласился дать гарантии того, что он выполнит свои обязательства.

В числе этих гарантий было бы необходимо добиться передачи сардинскому королю Генуэзского государства и герцогств Пармы и Пьяченцы в качестве временного надела, подлежащего увеличению при заключении мира, вывода большей части французских войск из Неаполитанского государства, обещания не вводить их туда вновь и, наконец, согласия на то, чтобы русская армия численностью не менее 40 тыс. человек была размещена в Германии как можно ближе к французским границам. Но в этом случае венский двор не был бы обязан признавать титул, который согласились бы оставить в Италии одному из родственников Бонапарта, а Россия — титул императора Франции, оставив за собой право сделать это после того, как заключение всеобщего мира и выполнение обещаний, данных Бонапартом, повлекли бы за собой вывод из Германии войск е. в-ва императора всероссийского. Прочие гарантии, которых следовало бы еще потребовать от Бонапарта, могут быть обсуждены в ходе самих переговоров, и этим займутся, как только того потребуют обстоятельства.

149. Дополнительная статья к англо-русской союзной конвенции от 30 марта (11 апреля) 1805 г.*

12(24) июля 1805 г.

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies étant intentionné de concerter avec la Cour de Vienne des mesures d'après lesquelles des armées Russes considérables se rapprocheraient à travers les Etats Autrichiens et Prussiens des limites de la France, en annonçant que ces mouvements ont pour but d'obtenir des sûretés pour le Continent, promet et s'engage envers Sa Majesté Britannique, en Son nom et en celui de Ses Alliés, que si même les circonstances exigeaient qu'ils déclarassent au moment où les troupes Russes se mettront en marche, que cette opération n'est point la suite d'une combinaison existant avec Sa Majesté Britannique, mais que ce sont les Puissances continentales qui réclament l'exécution des engagements pris par la France directement envers elles, que cependant aussitôt que la guerre éclatera, ils ne poursuivront plus un but particulier, mais celui, déterminé par le concert du 30 Mars (11 Avril) * avec toutes les clauses qui en font partie. En réciprocité de cette assurance Sa Majesté Britannique promet et s'engage: 1. De remplir envers Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies les stipulations du Concert précité dans toutes ses clauses aussitôt que la guerre aura éclaté entr'Elle et la France, et nommément de fournir pour les troupes Russes les subsides convenus, à compter du jour où elles auront quitté les frontières de l'Empire, et en sus les trois mois stipulés à titre de première mise en campagne; bien entendu cependant, que quel que soit le temps qui s'écoulera entre l'époque de la sortie des troupes Russes de leurs frontières et celles du commencement des hostilités, Sa Majesté Britannique ne sera tenue de payer à la Russie pour ce temps au plus que six mois de subsides, y compris la première mise en campagne. 2. De remplir à l'égard de l'Autriche toutes les stipulations du susdit Concert, et nommément tout ce qui est relatif aux subsides, aussitôt que l'Ambassadeur de Sa Majesté Impériale et Royale aura signé l'Acte d'accession de Sa cour, et enfin 3. De payer également aux autres Alliés de la Russie, qui l'assisteront dans cette entreprise (à moins d'arrangements particuliers) les subsides qui leur étaient déstinés par le susdit Concert et aux conditions qui y sont exprimées.

Cet Article additionnel aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans le Concert précité et sera ratifié par les deux Hautes Parties contractantes et les Ratifications échangées à St.-Pétersbourg dans l'espace de dix semaines ou plus tôt si faire se pourra[245].

En foi de quoi les soussignés Plénipotentiaires l'ont signé et y ont apposé le cachet de leurs armes. Fait à St.-Pétersbourg le 12(24) Juillet 1805.

L. S. Adam P[rin]ce Czartoryski — L. S. Granville Leveson Gower

Печат. по подлиннику.

Опубл. Ф. Мартенс, т. II, стр. 462—464.

Перевод **

Е. в-во император всероссийский, имея намерение согласиться с венским двором относительно мер, в силу которых значительные русские войска приблизятся к границам Франции чрез австрийские и прусские владения, и объявляя, что эти движения имеют целью приобретение безопасности для континента, обещает и обязуется е. в-ву королю великобританскому от имени своего и от имени своих союзников, что, если даже обстоятельства потребуют того,

---

* См. док. 117.

** Дается по Ф. Мартенсу, сверен с подлинником.

чтобы в момент выступления русских войск в поход они объявили, что эта операция не есть следствие соглашения, существующего с е. в-вом королем великобританским, но что континентальные державы требуют выполнения обязательств, принятых Франциею непосредственно относительно их, когда же, однако, вспыхнет война, они не будут преследовать какой-либо особой цели, кроме той, которая определена соглашением от 30 марта (11 апреля) * со всеми принадлежащими к нему постановлениями В возмездие за сие уверение е в-во король великобританский обещает и обязуется, во-первых, исполнить в отношении к е в-ву императору всероссийскому все условия вышеупомянутого соглашения со всеми его постановлениями, как только вспыхнет война между е. в-вом и Францией, а именно, доставить русским войскам условленные субсидии, начиная с того дня, как они перейдут границы империи, и сверх того за 3 условленные месяца под условием первого выступления в поход, разумея при этом, что, какое бы ни прошло время между выступлением русских войск за границу и началом военных действий, е. в-во король Великобритании не считается обязанным выплачивать за это время субсидии далее чем за шесть месяцев, включая сюда и первое выступление в поход; во-вторых, исполнить по отношению к Австрии все условия помянутого соглашения, а именно все касающееся до субсидий, как только посланник его императорского и королевского в-ва подпишет акт о приступлении его двора к соглашению, и, наконец, в-третьих, выплачивать равным образом прочим союзникам России, которые будут помогать ей в этом предприятии (если только не последует каких-либо особенных условий), субсидии, назначенные им вышеупомянутым соглашением и на условиях, в нем изложенных.

Эта дополнительная статья будет иметь ту же силу и значение, как если бы она была включена от слова до слова в вышеупомянутое соглашение, и будет ратификована обеими высокими договаривающимися сторонами, и ратификации будут обменены в С.-Петербурге в продолжение десяти недель или же, если возможно, и ранее[245]

В уверение чего нижеподписавшиеся уполномоченные подписали сию статью и приложили к ней печати своих гербов.

Заключено в С.-Петербурге 12(24) июля 1805 г.

(М. П). Князь Адам Чарторыйский

(М. П.) Гренвилль Левесон Гоуэр

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов Александру I

14(26) июля 1805 г.

Извещение о вступлении Джафар-Кули-хана Хойского в подданство России.

АКАК, т. II, стр. 857—858.

150. Протокол конференции между товарищем министра иностранных дел А. А. Чарторыйским и английским послом в С.-Петербурге Гоуэром

16(28) июля 1805 г.

Le 16 juillet 1805 à 8 heures de l'après-midi, le Plénipotentiaire de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies Prince Adam de Czartoryski et le Plénipotentiaire de Sa Majesté Britannique Lord Granville Leveson Gower s'étant réunis pour procéder à l'échange des ratifications du Concert signé par eux le 30 Mars (11 Avril) *, le Prince de Czartoryski a ouvert la Conférence en faisant à Lord Granville Leveson Gower la déclaration suivante.

«Que Sa Majesté Britannique ayant laissé écouler le terme fixé pour l'échange des Ratifications[234] du Concert signé ici, le 30 Mars (11 Avril) sans faire parvenir les siennes à St.-Pétersbourg et différentes discussions s'étant élevées sur la teneur de cet Acte, l'Empereur avait délibéré s'il le ratifierait ou non; que cependant les sentiments d'amitié qu'il porte au Roi de la Grande Bretagne et l'heureux effet qui doit résulter pour l'Europe de Leur nouvelle union surtout depuis que la Cour de Vienne fait espérer qu'elle se prononcera

* См. док. 117.

incessamment contre la France, ont déterminé Sa Majesté Impériale à signer également Son Acte de ratification, mais sans y comprendre l'Article Xme séparé et son annexe. Que cette restriction était fondée sur ce que l'Empereur malgré la satisfaction avec laquelle Il a vu, que la Cour de Londres n'insistait pas sur la conservation absolue de l'Ile de Malte, persistait dans l'opinion qu'Il avait énoncée au Roi du Royaume uni de la Grande-Bretagne et de l'Irlande sur les facilités qu'il aurait été convenable d'apporter à la conclusion de la paix, si le Chef du Gouvernement français avait souscrit aux bases de pacification réglées ici; que d'ailleurs celles-ci et l'article auquel elles sont annexées devenaient maintenant superflus, Bonaparte ayant prouvé à la face de l'Europe par ses nouveaux envahissements qu'il ne voudrait admettre aucunes conditions de paix raisonnables et Sa Majesté Impériale s'étant déterminée à rappeler Son Plénipotentiaire.

Qu'en conséquence l'Empereur avait autorisé lui Prince de Czartoryski à échanger Son acte de ratification contre celui envoyé à Lord Granville Leveson Gower, si ce plénipotentiaire se croyait autorisé à le recevoir dans cette forme».

Lord Granville Leveson Gower ne balança point à répondre: que connaissant les intentions du Roi Son Maître il jugeait être pleinement autorisé à recevoir les ratifications de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies dans la forme dans laquelle elles étaient dressées et de les échanger contre celles qui lui avaient été envoyées de Londres.

Les Plénipotentiaires respectifs ont reconnu en outre que l'article VII séparé devait conserver sa rédaction primitive et que les actes de ratification, quoique d'une teneur différente, auraient la même force et valeur que s'ils contenaient mot à mot les articles du Concert signé ici le 30 Mars (11 Avril), et afin de constater la cause des différences qui s'y trouvent, les Plénipotentiaires sont convenus de déposer dans un protocole de Conférence formel leurs déclarations réciproques et d'en signer immédiatement des copies doubles en procédant en même temps à l'échange des ratifications telles que les souverains respectifs les ont signées.

En foi de quoi les soussignés Plénipotentiaires ont fait dresser le présent protocole de Conférence, l'ont signé et y ont fait apposer le cachet de leurs armes. Fait à St.-Pétersbourg le 16 Juillet 1805.

L. S. Adam P[rin]ce Czartoryski

L. S. Granville Leveson Gower

Печат. по подлиннику.
Опубл. Ф. Мартенс, т. II, стр. 469—471.

Перевод **

16 июля 1805 г., в 8 часов пополудни, уполномоченный е. в-ва императора всероссийского князь Адам Чарторыйский и уполномоченный е. в-ва короля великобританского лорд Гренвилль Левесон Гоуэр собрались с целью приступить к обмену ратификаций трактата, подписанного ими 30 марта (11 апреля)*, причем князь Чарторыйский открыл конференцию, сделав лорду Гренвиллю Левесону Гоуэру следующую декларацию:

«Что как е. в-во король великобританский пропустил срок, назначенный для обмена ратификаций[234] трактата, подписанного здесь 30 марта (11 апреля), не доставив своей ратификации в С.-Петербург, и как по отношению к содержанию этого акта возникли различные споры, е. и. в-во рассуждал о том, следует ли его ратификовать или нет; но что, однако ж, чувства дружбы, которые он питает к великобританскому королю, и счастливые последствия, ожидаемые для Европы от их нового союза, в особенности с тех пор, как Австрия подает надежду немедленно высказаться против Франции, побудили е. и. в-во равным образом подписать акт ратификации, не включая сюда отдельной X статьи и ее приложения. Что это

** Дается по Ф. Мартенсу, сверен с подлинником.

исключение основано на том, что император, невзирая на удовольствие, с каким он убедился, что лондонский двор не настаивает на безусловном сохранении о. Мальты, остается при мнении, которое он выразил королю Соединенного королевства Великобритании и Ирландии относительно облегчений, которые прилично было бы сделать ради заключения мира, если бы глава французского правительства согласился на основании восстановления мира, здесь означенные; что сверх того эти последние вместе со статьей, к которой они приложены, становятся теперь излишними, ввиду того что Бонапарт пред лицом всей Европы доказал новыми своими захватами, что он не согласится ни на одно из благоразумных условий мира, и е. и. в-во решился отозвать своего уполномоченного.

Вследствие сего император уполномочил его, князя Чарторыйского, обменять свой акт ратификации на тот, который был послан лорду Гренвиллю Левесону Гоуэру, если только последний считает себя в праве принять его в такой форме.

Лорд Гренвилль не колеблясь ответил, что, зная намерения короля, своего повелителя, он считает себя вполне уполномоченным принять ратификацию е. в-ва императора всероссийского в той форме, в какой она была изложена, и обменять ее на присланную ему из Лондона.

Оба уполномоченные, кроме того, признали, что VII отдельная статья должна сохранить свою первоначальную редакцию и что акты ратификаций, хотя различного содержания, будут иметь ту же силу и значение, как если бы они содержали слово в слово статьи договора, подписанного здесь 30 марта (11 апреля), и, для того чтобы констатировать причину содержащихся в них различий, уполномоченные согласились в формальном протоколе конференции изложить их взаимные декларации и немедленно подписать их двойные копии, приступая в то же время к обмену ратификаций в том виде, как подписали их оба государя.

В уверение чего нижеподписавшиеся уполномоченные велели составить настоящий протокол конференции, подписали его и приложили к нему печати своих гербов. В С.-Петербурге 16 июля 1805 г.

(М. П.) Князь Адам Чарторыйский

(М. П.) Гренвилль Левесон Гоуэр

151. Декларация посла в Вене А. К. Разумовского Министерству иностранных дел Австрии *

22 июля (3 августа) 1805 г.

Le soussigné, ayant porté à la connaissance de sa cour la déclaration préalable[243] qui lui a été remise par s. ex. Mr le vice-chancelier comte de Cobenzl, vient de recevoir ordre d'y faire la réponse suivante:

S. m. i. de toutes les Russies n'a pu voir sans une véritable satisfaction que les plans **, qu'elle avait communiqués à son auguste allié aient été appréciés par lui dans leur ensemble à l'exception de quelques modifications, auxquelles il n'aurait point été difficile de satisfaire, si un concours de circonstances particulières n'exigeait de nouvelles combinaisons.

Le rappel de Mr de Novossiltzoff est le principal obstacle qui s'oppose à l'adoption entière du plan tracé dans la déclaration du 7 juillet[243]. S. m. i. souscrit à l'ensemble des opérations militaires dont il traite, et dès lors il ne faut que suppléer au mode de les commencer qu'offrait la négociation projetée à Paris et il ne paraît point difficile d'amener des combinaisons au moins aussi favorables. «S. m. i[mpéria]le et r[oya]le désire de ne point s'exposer à rengager ses Etats dans une nouvelle lutte, après tout ce que 10 ans de guerre leur ont déjà fait éprouver de maux, sans avoir la satisfaction de pouvoir se dire et mettre en évidence aux yeux de ses peuples et de l'Europe entière que si la guerre est devenue inévitable, rien au moins n'aura été négligé pour en détourner le fléau par les voies de la conciliation et de la modération» ***.

---

* Текст декларации был прислан А. К. Разумовскому Министерством иностранных дел России.

** См. док. 121, 122.

*** Цитата из текста декларации от 7 июля 1805 г. (см. прим. 243).

Ce désir a été partagé de tous temps par s. m. i. de toutes les Russies et c'est pour y satisfaire qu'elle offre de faire marcher ses troupes aux termes et dans le nombre proposés par le cabinet autrichien, mais en ne leur donnant d'autre but et d'autre destination que celle de faire une démonstration armée imposante, à la faveur de laquelle la cour de Vienne, d'accord avec celle de S.-Pétersbourg, puisse obtenir de la France des sûretés suffisantes pour garantir à l'avenir leurs Etats respectifs et ceux des puissances neutres des dangers auxquels ils sont exposés constamment par l'ambition démesurée du chef du gouvernement français.

L'infraction des traités conclus par la France avec la Russie et l'Autriche **** et les empiétements successifs à la charge des Etats neutres seraient donc les seuls griefs que la Russie alléguerait, dont elle demanderait le redressement et que l'Autriche citerait pour justifier son adhésion à la marche des troupes russes.

La cour de Vienne, en faisant connaître simultanément aux cabinets de Berlin et des Thuilleries sa détermination de s'unir aux projets de la Russie, emploierait auprès du premier ses soins de concert avec l'empereur, mon maître, pour faire adopter au roi de Prusse la conduite des deux cours impériales et c'est alors que s'effectueraient les opérations militaires, projetées pour décider cette puissance à agir, et de la manière dont elles sont tracées dans la déclaration du 7 juillet[243].

Vis-à-vis de la France la cour de Vienne aurait un autre langage à tenir. Elle lui représenterait les droits qu'ont les puissances de réclamer l'exécution des traités conclus avec elles; annoncerait que, n'ayant point réclamé jusqu'alors les violations formelles de celui de Lunéville, elle ne pouvait se refuser à l'invitation de l'empereur de Russie de demander le redressement de tous ses griefs et l'observation à l'avenir des transactions qui lient les deux Etats; mais que quels que fussent ses droits, ses moyens d'agir unis à ceux de la Russie, elle ne voulait obtenir ces demandes que par la voie des négociations et qu'elle promettait au nom de la Russie que les troupes se retireraient aussitôt que les Etats neutres de l'Europe pourraient compter sur leur indépendance. Si Bonaparte conserve quelque désir de la paix, il ne se refusera point alors à entrer en pourparlers et s. m. i[mpéria]le et r[oya]le aura occasion de montrer à l'Europe sa modération et son désir de conserver à ses sujets les bienfaits de la paix.

Mais si au contraire il repoussait avec hauteur toute proposition raisonnable qui lui serait faite, l'empereur, mon auguste maître, se flatte que rien ne pourra retenir l'Autriche de déclarer son adhésion entière au but qui fait l'objet du concert ***** existant entre s. m. l'empereur de toutes les Russies et la Grande-Bretagne. S. m. en a pris l'engagement envers la cour de Londres et a obtenu en réciprocité la promesse qu'elle serait disposée dans ce cas à exécuter envers la Russie et ses alliés toutes les stipulations de ce concert pourvu que ces puissances voulussent également en adopter toutes les bases.

S. m. l'empereur de toutes les Russies, en proposant à son auguste allié ce nouvel ensemble de mesures pour en imposer à l'ennemi commun, croit qu'il réunit les combinaisons que s. m. i[mpéria]le et r[oya]le désirait voir exister pour commencer les opérations tracées dans la note du 7 juillet[243], car le cabinet autrichien aura tous les moyens désirables de faire valoir son désir de la paix et en même temps les troupes russes pourront s'avancer et prévenir les Français sous prétexte toutefois qu'elles ne marchent que dans l'intention

---

**** Имеются в виду Люневильский договор (см т. I, прим. 24) и русско-французская секретная конвенция 1801 г. (см. т. I, док. 22).

***** См. док. 117.

d'occuper des positions nécessaires pour soutenir une demande équitable de sûreté pour les puissances du continent.

Le soussigné ne saurait donc douter que s. m. i[mpéria]le et r[oya]le n'accepte immédiatement la proposition qu'il est chargé de lui faire au nom de s. m. l'empereur de toutes les Russies et il se flatte d'être bientôt à même d'en transmettre l'assurance positive à sa cour.

Помета Александра I: Быть по сему.
Июля 12 дня 1805 г.

Отправлено с фельдъегерем Прохницким
12 июля 1805 г.

Печат. по отпуску.

Перевод

Нижеподписавшийся, доведя до сведения своего двора предварительную декларацию [243], врученную ему е. с-вом вице-канцлером графом Кобенцлем, получил только что повеление дать на нее следующий ответ:

Е. в-во император всероссийский отметил с истинным удовлетворением, что планы **, сообщенные им его августейшему союзнику, в целом были одобрены им, за исключением некоторых изменений, которые можно было бы внести без затруднений, если бы особое стечение обстоятельств не потребовало новых комбинаций.

Отозвание г-на Новосильцева является главным препятствием к принятию целиком плана, намеченного в декларации от 7 июля [243].

Е. и. в-во согласен с тем комплексом военных операций, о которых там идет речь, и поэтому нужно лишь наметить взамен того способа начать их, который обеспечивался намечавшимися переговорами в Париже, другой способ, и представляется, что будет нетрудно найти комбинации, по меньшей мере столь же благоприятные. «Его императорское и королевское в-во не желает подвергаться опасности снова вовлечь свое государство в новую войну после всех тех бед, которые ему пришлось испытать в результате десятилетней войны, если он не будет иметь удовлетворения сказать самому себе и сделать очевидным для своего народа и всей Европы, что хотя война и стала неизбежной, по крайней мере, было использовано все для того, чтобы отвратить это бедствие при помощи умеренности и примирительных методов»***.

Е. в-во император всероссийский всегда разделял это желание, и именно ради того, чтобы обеспечить его исполнение, он предлагает двинуть свои войска в те сроки и в таком количестве, какие предложены австрийским кабинетом, но лишь с единственной целью произвести внушительную военную демонстрацию, благодаря чему венский двор в согласии с петербургским двором мог бы добиться от Франции достаточных гарантий для того, чтобы оградить на будущее их владения и владения нейтральных государств от опасности, которой они постоянно подвергаются вследствие чрезмерного властолюбия главы французского правительства.

Итак, Россия предъявит Франции претензии только по поводу нарушения договоров, заключенных ею с Россией и Австрией ****, и непрерывных посягательств на права нейтральных государств, и только по этим пунктам она потребует удовлетворения, и лишь на них Австрия будет ссылаться в оправдание своего согласия на проход русских войск.

Доведя одновременно до сведения берлинского и тюильрийского кабинетов свое решение присоединиться к планам России, венский двор постарается совместно с императором, моим повелителем, добиться того, чтобы король прусский присоединился к действиям обоих императорских дворов, и вот тогда-то и должны быть осуществлены военные операции, задуманные с целью побудить Пруссию действовать, и таким образом, как они намечены декларацией от 7 июля [243].

С Францией венскому двору надлежит разговаривать иначе. Он должен будет сделать ей представление о том, что державы имеют право требовать исполнения договоров, заключенных с ними, и объявить, что, не протестовав до сих пор против явных нарушений Люневильского договора, он не мог отклонить предложение русского императора потребовать удовлетворения всех претензий, а также соблюдения в будущем соглашений, связывающих оба государства; но что, каковы бы ни были его права и средства, соединенные со средствами России, он хочет добиться удовлетворения этих требований лишь путем переговоров и что он обещает от имени России, что войска будут выведены, как только нейтральные государства Европы смогут не бояться за свою независимость. Если Бонапарт хоть сколько-нибудь желает мира, то он не откажется вступить в переговоры, и его императорское и королевское в-во получит возможность показать Европе свою умеренность и желание сохранить для своих подданных все блага мира.

Император, мой августейший повелитель, льстит себя надеждой, что если Бонапарт, напротив, высокомерно отвергнет все сделанные ему разумные предложения, то в этом случае ничто не удержит Австрию от того, чтобы заявить о своем полном присоединении к цели, составляющей предмет соглашения между е. в-вом императором всероссийским и Великобританией *****. Е. в-во взял на себя такое обязательство по отношению к лондонскому двору и в ответ добился обещания, что последний будет готов в этом случае выполнить по отношению к России и ее союзникам все условия этого соглашения, лишь бы указанные державы согласились также принять основные его положения.

Е. в-во император всероссийский, предлагая своему августейшему союзнику этот новый план мероприятий с целью образумить общего неприятеля, полагает, что в нем предусмотрены условия, которые его императорское и королевское величество считал необходимыми для того, чтобы можно было начать операции, намеченные в декларации от 7 июля [243], так как австрийский кабинет будет располагать всеми возможностями, чтобы подчеркнуть свое стремление к миру, и в то же время русские войска смогут продвинуться и опередить французов под тем предлогом, однако, что продвижение это имеет целью лишь занятие необходимых позиций, для того чтобы поддержать справедливое требование безопасности для всех континентальных держав.

Нижеподписавшийся не может поэтому сомневаться в том, что его императорское и королевское в-во примет немедленно предложение, которое ему поручено сделать от имени е. в-ва императора всероссийского, и льстит себя надеждой, что сумеет в скором времени передать своему двору положительные заверения на этот счет.

Министр иностранных дел А. Р. Воронцов товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

24 июля (5 августа) 1805 г.

Замечания по поводу коалиции против наполеоновской Франции и противоречий между ее участниками. Сомнения относительно солидарности Англии, России и Австрии.

Сб. РИО, т. 82, стр. 97—102.

152. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский главноуправляющему в Грузии П. Д. Цицианову

26 июля (7 августа) 1805 г.

Секретно

По дошедшим сюда верным известиям, 9-го числа прошедшего мая должен был отправиться из Константинополя в Требизонт, а оттуда в Персию, и именно в Тегран, французский емисар Жуберт[246], который по прибытии в Азию переменит имя свое. При нем находится некто по имени Осип Васильевич, должно думать, из русских или из армян, живущих в России. За Жубертом вслед отправится в скорости в Персию же другой емисар — Ромье[247], неизвестно, однако же, какою дорогою. Оба сии емисары — люди значущие при Бонапарте, в делах употребляемые и в своем ремесле искусные. Нетрудно проникнуть в настоящий предмет сей посылки; известно, что они везут с собою знатные суммы денег, и догадываться можно с некоторою основательностию, что намерения их устремляются против России. При теперешних неприязненных обстоятельствах наших с Персиею нетрудно будет наклонить Баба-хана к сильнейшим покушениям на пределы грузинские или, по внушениям их, на другие какие-либо вредные замыслы.

Сообщая в. с-ву для сведения и для осторожности Вашей сие важное известие, остается желать и ожидать от опытности Вашей, не придумаете ли Вы какого-нибудь способа для опровержения неприличных замыслов кабинета С[ен]-Клу, который, не удовольствовавшись замешательствами Европы, вознамерился испытать в Азии любимые правила свои, то есть действовать ложными слухами, внушениями и подстреканиями.

При сем случае я нахожу нужным сообщить в. с-ву мнение мое. Мысль о открытии негоциации с Баба-ханом весьма справедливо признана Вами рановременною и могущею, некоторым образом, оказать наше бессилие. Но естли бы в. с-во нашли способного человека к отправлению в Тегран в виде емисара, кажется, что при расторопности посылаемого сие могло бы послужить, по крайней мере на сей раз, к уменьшению влияния французских емисаров. Отправленный от Вас доверенный человек, без всяких письменных видов, мог бы с своей стороны также внушить приближенным к Баба-хану о честолюбии Бонапарте, о покушениях его на Египет, о замыслах его на Азию и даже распустить от себя слух, что Россия не имеет отвращения признать Баба-хана шахом, естли он пришлет посольство с предложениями о мире. Успех и неудача такой посылки не налагает на начальство никакой официальной обязанности и кончится одними денежными издержками. Впрочем, выбор способного человека составляет главнейшее затруднение и, по местному познанию Вашему того края, покажет Вам лучше удобность или невозможность такого предположения, которое не иначе, как в виде мнения, предоставляется на благорассуждение в. с-ва.

Пребываю...

Помета Александра I: Быть по сему.
Июля 26 дня 1805 г.

Подписано и отправлено с эстафетой июля 26 дня 1805 г.

Печат. по отпуску.

153. Декларация товарища министра иностранных дел А. А. Чарторыйского австрийскому послу в С.-Петербурге Стадиону

28 июля (9 августа) 1805 г.

Le soussigné ministre adjoint des affaires étrangères en conséquence des autorisations qu'il a reçues à cet effet de s. m. l'empereur de toutes les Russies déclare à s. ex. Mr l'ambassadeur c[om]te de Stadion ce qui suit:

1. Les différentes observations et propositions énoncées par la cour de Vienne dans la déclaration préalable[248] remise par le vice-chancelier de cour et d'Etat c[om]te de Cobenzl à Mr l'ambassadeur c[om]te de Rasoumoffsky le 7 juillet sont adoptées par s. m. l'empereur de toutes les Russies pour servir de base au concert des mesures entre la cour de Russie et celles de Vienne et de Londres. De même les modifications y proposées par s. m. i[mpéria]le et r[oya]le pour le règlement des affaires du continent sont également adoptées pour le cas où l'on pourrait espérer d'éviter la guerre par les voies de la négociation.

2. S. m. l'emp[ereu]r de toutes les Russies confirme les arrangements militaires détaillés dans le protocole des conférences tenues entre le g[énéra]l b[ar]on de Wintzingerode, d'une part, et Mrs le p[rin]ce de Schwarzenberg et de Mack, de l'autre, signé le 16 juillet[248] et s'oblige à faire exécuter strictement l'ensemble des mesures qui y sont réglées.

3. S. m. l'emp[ereu]r de toutes les Russies s'engage en outre de travailler à disposer s. m. b[ritanni]que à consentir aux modifications et demandes contenues dans la pièce intitulée: *Remarques sur quelques objets particuliers de la convention signée entre les cours de Pétersbourg et de Londres le 30 mars (11 avril) de cette année*[224].

4. S. m. l'emp[ereu]r de toutes les Russies promet d'employer ses soins les plus actifs pour engager s. m. b[ritanni]que à accorder la totalité des demandes

subsidiaires que forme la cour de Vienne, mais bien entendu toutefois que, si malgré tous ses efforts s. m. i. ne pouvait y parvenir, cela n'apportera pas de changement essentiel aux mesures concertées entre la Russie et l'Autriche.

5. S. m. l'emp[ereu]r de toutes les Russies s'engage, aussitôt que les troupes russes en tout ou en partie auront dépassé leurs limites, de ne traiter de la paix que sur les bases qu'elle a elle-même reconnues comme indispensables à la sûreté de l'Europe et, si la guerre avait éclaté, de ne faire ni paix ni trêve que du consentement des alliés, comme cela est stipulé dans le concert du 30 mars (11 avril) de cette année *.

Le soussigné, en remettant cette déclaration préalable, qui doit tenir lieu et avoir la valeur de l'acte le plus solennel, à Mr l'ambassadeur d'Autriche, est autorisé à lui annoncer en même temps qu'il est prêt à procéder sur ces mêmes bases immédiatement à la conclusion de l'acte formel d'accession de la cour de Vienne au concert du 30 mars (11 avril) [249].

La présente déclaration et celle remise en retour par Mr l'ambassadeur c[om]te de Stadion seront ratifiées par les souverains respectifs dans le plus court terme possible et les ratifications échangées à St.-Pétersbourg [250].

En foi de quoi le soussigné ministre adjoint des affaires étrangères a signé la présente déclaration, y a fait apposer le cachet de ses armes et l'a échangée contre celle ** signée aujourd'hui par s. ex. Mr le c[om]te de Stadion.

Печат. по копии.
Опубл. Ф. Мартенс, т. II, стр. 430—433.

Перевод ***

Нижеподписавшийся товарищ министра иностранных дел на основании полномочий, которые он получил на этот предмет от е в-ва императора всероссийского, объявляет е. с-ву г-ну посланнику графу Стадиону нижеследующее:

1

Различные замечания и предположения, заявленные венским двором в предварительной декларации, сообщенной государственным и придворным вице-канцлером графом Кобенцлем г-ну посланнику графу Разумовскому 7 июля [243], приняты е. в-вом императором всероссийским за основания к соглашению относительно мер между двором российским и дворами венским и лондонским. Равным образом предположенные в ней изменения его императорским и королевским в-вом для устройства дел на континенте приняты на тот случай, если представится надежда избежать войны путем переговоров.

2

Е. в-во император всероссийский подтверждает те распоряжения на случай войны, которые подробно изложены в протоколе конференций бывших между бароном Винцингероде, с одной стороны, и господами князем Шварценбергом и фон Маком, с другой, подписанном 16 июля [246], и обязуется к точному приведению в исполнение совокупности всех мер, там определенных.

3

Кроме того, е. в-во император всероссийский обещает употребить все старания к тому, чтобы расположить е. в-во короля великобританского к согласию на изменения и требования, заключающиеся в акте, именуемом «*Замечания о некоторых частных вопросах конвенции, подписанной между дворами с.-петербургским и лондонским 30 марта (11 апреля) сего года*» [236].

4

Е. в-во император всероссийский обещает употребить самые действенные старания к тому, чтоб е. в-во король великобританский согласился выдать в целости все испрашиваемые венским двором субсидии; при этом, однако, разумеется, что если бы, несмотря на все

* См. док. 117.
** См. док. 154.
*** Дается по Ф. Мартенсу, сверен с подлинником.

усилия, е. и. в-ву не удалось достигнуть этого, то обстоятельство это не поведет ни к каким существенным изменениям в тех мерах, на которые последовало соглашение между Россией и Австрией.

5

Е. в-во император всероссийский обязывается, как только русские войска в целом составе их или частью выступят за свои границы, вступать в переговоры о мире только на основаниях, признанных им самим необходимыми для безопасности Европы, а если начнется война, не заключать ни мира, ни перемирия без согласия на то союзников; как это условлено в соглашении от 30 марта (11 апреля) сего года*.

Нижеподписавшийся, передавая сию предварительную декларацию, которая должна заменить собой и иметь значение самого торжественного акта, г-ну австрийскому посланнику, уполномочен в то же время объявить ему, что он готов немедленно приступить на этих самых основаниях к заключению формального акта о приступлении венского двора к соглашению 30 марта (11 апреля)[249].

Настоящая декларация и та, которая была передана в обмен г-ном посланником графом Стадионом, будут ратификованы государями в наивозможно краткий срок, и ратификации будут обменены в С.-Петербурге[250].

В уверение чего нижеподписавшийся товарищ министра иностранных дел подписал настоящую декларацию, приложил к ней печать своего герба и обменял ее на декларацию**, подписанную сего числа е. с-вом г-ном графом Стадионом.

154. Декларация австрийского посла в С.-Петербурге Стадиона о присоединении Австрии к англо-русской союзной конвенции 30 марта (11 апреля) 1805 г. *

С.-Петербург, 28 июля (9 августа) 1805 г.

Le Soussigné Ambassadeur Extraordinaire et Plénipotentiaire de Sa Majesté Impériale et Royale Apostolique, conformément aux autorisations spéciales de l'Empereur Son Auguste Maître, déclare en réponse à la déclaration ** qui lui a été remise par Son Excellence Monsieur le Prince de Czartorisky en date d'aujourd'hui, ce qui suit:

I

Sa Majesté Impériale et Royale en acceptant les différents points énoncés dans cette déclaration, accède au concert conclu entre les Cours de Pétersbourg et de Londres le 30 Mars (11 Avril) de cette année * ainsi qu'au dernier plan[192] que le Ministère de Russie a fait présenter à Vienne. Elle promet d'en exécuter les engagements sauf les modifications, clauses et demandes renfermées dans les différentes pièces officielles auxquelles Sa Majesté Impériale de Russie a donné Son adhésion dans la déclaration préalable susdite qui sera prise pour base du Concert des mesures que l'Autriche et la Russie emploieront pour atteindre à leur but.

II

Sa Majesté Impériale et Royale s'engage d'exécuter sans délai l'arrangement militaire convenu à Vienne le 16 juillet[248], tant pour la démonstration armée qui doit faciliter la négociation que pour les opérations contre l'ennemi qui pourraient s'en suivre, dans la confiance et l'attente certaine, que le présent accord préalable aura son plein effet de point en point, et que l'accord définitif sera conclu sans retard et sur les mêmes bases entre les trois Puissances.

---

* См. док. 117.
** См. док. 153.

III

Sa Majesté Impériale et Royale s'engage aussitôt que les troupes russes en tout ou en partie auront dépassé leurs limites, de ne traiter de la paix que sur les bases qu'Elle a Elle-même reconnues comme indispensables à la sûreté de l'Europe, et si la guerre avait éclaté, de ne faire ni paix ni trêve que du consentement des Alliés comme cela est stipulé dans le concert du 30 Mars (11 Avril) de cette année.

IV

Le Soussigné en remettant la présente déclaration préalable qui doit tenir lieu et avoir la valeur de l'acte le plus solennel, à Son Excellence Monsieur le Prince de Czartorisky, est autorisé à Lui annoncer en même temps, qu'il est prêt à procéder immédiatement sur ces mêmes bases à la conclusion de l'acte formel d'accession de l'Autriche au Concert du 30 Mars (11 Avril)[249].

La présente déclaration et celle remise au Soussigné par Son Excellence Monsieur le Prince de Czartorisky** seront ratifiées par les Souverains respectifs dans le plus court terme possible, et les ratifications échangées à St.-Pétersbourg[250]. En foi de quoi le Soussigné Ambassadeur Extraordinaire et Plénipotentiaire de Sa Majesté Impériale et Royale Apostolique a signé la présente déclaration, y a fait apposer le Cachet de ses armes, et l'a échangée contre celle signée aujourd'hui par Son Excellence Monsieur le Prince de Czartorisky. Fait à St.-Pétersbourg le Vingt-huit juillet (neuf août) Mil huit Cent et cinq.

L. S. J. Ph. le comte de Stadion

Печат. по подлиннику.
Опубл. Ф. Мартенс, т. II, стр. 428—430.

*Перевод****

Нижеподписавшийся чрезвычайный и полномочный посланник его императорского и королевского апостолического в-ва согласно специальному полномочию императора, своего августейшего повелителя, объявляет в ответ на декларацию **, врученную ему е. с-вом князем Чарторыйским от сего числа, следующее:

I

Его императорское и королевское в-во, принимая различные пункты, изложенные в этой декларации, приступает к соглашению, заключенному между с.-петербургским и лондонским дворами 30 марта (11 апреля) сего года *, а также и к последнему плану[192], который русское министерство распорядилось представить в Вену. Е. в-во обещает исполнить все заключающиеся в них обязательства, кроме изменений, оговорок и требований, заключающихся в различных официальных актах, на которые е. в-во император всероссийский изъявил свое согласие в вышеуказанной предварительной декларации, которая будет принята за основание к соглашениям относительно мер, принимаемых Австрией и Россией для достижения общих целей.

II

Его императорское и королевское в-во обязуется исполнить безотлагательно военные соглашения, заключенные в Вене 16 июля[248], касательно как вооруженной демонстрации, долженствующей облегчить переговоры, так и могущих воспоследовать действий против неприятеля, в уверенности и основательном ожидании, что настоящее предварительное соглашение будет приведено в исполнение по всем пунктам и что окончательное соглашение будет заключено тремя державами без замедления и на тех же основаниях.

III

Его императорское и королевское в-во обязуется, как только русские войска в целом или частью перейдут через свои границы, трактовать о мире только на основаниях, которые

*** Дается по Ф. Мартенсу, сверен с подлинником.

он сам признал необходимыми для безопасности Европы, а если начнется война, то не заключать ни мира, ни перемирия без согласия союзников, как это определено в соглашении 30 марта (11 апреля) сего года.

IV

Нижеподписавшийся, передавая настоящую предварительную декларацию, долженствующую заменить и иметь значение самого торжественного акта, е. с-ву князю Чарторыйскому, уполномочен объявить ему в то же время, что он готов приступить немедленно на тех же основаниях к заключению формального акта о приступлении Австрии к соглашению 30 марта (11 апреля) [249].

Настоящая декларация, а также и та, которая передана нижеподписавшемуся е. с-вом князем Чарторыйским **, будут ратификованы обоюдно государями в возможно краткий срок, и ратификации будут обменены в С.-Петербурге [250].

В уверение чего нижеподписавшийся чрезвычайный и полномочный посол его императорского и королевского апостолического в-ва подписал настоящую декларацию, приложив к ней печать своего герба, и представил ее в обмен той, которая сегодня же была подписана е. с-вом князем Чарторыйским. Заключена в С.-Петербурге 28 июля (9 августа) 1805 г.

(М. П.) Граф И. Ф. Стадион

155. Декларация товарища министра иностранных дел А. А. Чарторыйского английскому послу в С.-Петербурге Гоуэру

28 июля (9 августа) 1805 г.

Le soussigné ministre adjoint des affaires étrangères en conséquence des autorisations qu'il a reçues à cet effet de s. m. l'empereur de toutes les Russies déclare à s. ex. Mr l'ambassadeur lord G. Leveson Gower ce qui suit:

1.

Le soussigné a échangé ce jourd'hui avec s. ex. Mr l'ambassadeur d'Autriche les déclarations ci-jointes en copie *.

2.

S. m. l'empereur de toutes les Russies s'attend que Mr l'ambassadeur d'Angleterre adhérera au nom de sa cour sans réserve à leur contenu et que, s'il ne s'y croyait pas suffisamment autorisé, il exprimera dans une déclaration formelle les points auxquels il peut souscrire dès à présent.

3.

Le soussigné est autorisé à échanger la présente déclaration contre celle** qui lui sera remise par s. ex. lord G. L. Gower.

4.

La présente déclaration et celle ** remise en retour par s. ex. Mr l'ambassadeur lord G. L. Gower, qui doivent tenir lieu et avoir la valeur de l'acte le plus solennel, seront ratifiées par les souverains respectifs et les ratifications échangées à St.-Pétersbourg dans le plus court espace de temps possible [250].

En foi de quoi le soussigné ministre adjoint des affaires étrangères a signé la présente déclaration, y a fait apposer le cachet de ses armes et l'a échangée contre celle ** signée aujourd'hui par s. ex. Mr l'ambassadeur d'Angleterre.

Печат. по копии.

---

* См. док. 153, 154.

** См. док. 156.

Перевод

Нижеподписавшийся товарищ министра иностранных дел в соответствии с полномочиями, полученными им для этой цели от е. в-ва императора всероссийского, имеет заявить е. с-ву г-ну послу лорду Г. Левесону Гоуэру следующее:

1

Нижеподписавшийся обменялся сегодня с е. с-вом г-ном австрийским послом декларациями, копии которых прилагаются *.

2

Е. в-во император всероссийский ожидает, что г-н английский посол безоговорочно согласится от имени своего двора с их содержанием и что, если он считает, что он не имеет для этого достаточных полномочий, он укажет в официальной декларации, какие пункты он может принять уже теперь.

3

Нижеподписавшийся уполномочен обменять настоящую декларацию на декларацию **, которую ему вручит е. с-во лорд Г. Л. Гоуэр.

4

Настоящая декларация и декларация **, врученная в обмен на нее е. с-вом г-ном послом лордом Г. Л. Гоуэром, которые должны иметь значение и силу самого торжественного акта, будут ратифицированы соответствующими государями, а обмен ратификациями состоится в С.-Петербурге в возможно кратчайший срок[250].

В удостоверение чего нижеподписавшийся товарищ министра иностранных дел подписал настоящую декларацию, приложил к ней свою гербовую печать и обменял ее на декларацию **, подписанную сегодня е. с-вом английским послом.

156. Декларация английского посла в С.-Петербурге Гоуэра Министерству иностранных дел

28 июля (9 августа) 1805 г.

Le Soussigné Ambassadeur de Sa Majesté Britannique ayant été invité * par Son Excellence Monsieur Le Prince Czartoryski Ministre adjoint au Département des Affaires Etrangères, et Son Excellence Monsieur Le Comte de Stadion Ambassadeur Extraordinaire et Plénipotentiaire de Sa Majesté L'Empereur et Roi à accéder aux Déclarations ** réciproquement échangées entre les deux Cours Impériales ce 9 d'Août 1805, en vertu de ses pleins pouvoirs déclare ce qui suit.

Les différentes Observations et Propositions énoncées par la Cour de Vienne, dans la Déclaration préalable remise par Le Vice-Chancelier de Cour et d'Etat Monsieur Le Comte de Cobenzl à Monsieur L'Ambassadeur Le Comte de Razoumovskoi le 7 Juillet[248], et dans le Mémoire raisonné du 21 Juillet[251], sont adoptées par Sa Majesté Le Roi du Royaume uni de la Grande-Bretagne et de l'Irlande pour servir de Base au Concert des Mesures entre les trois Cours de Londres, de St.-Pétersbourg, et de Vienne et les Modifications y proposées pour le Règlement des Affaires du Continent, sont également adoptées pour le cas, où on pouvait espérer d'éviter la Guerre par les voies de la Négociation.

L'Ambassadeur Britannique tout en déclarant que ses Instructions positives ne lui permettent pas d'accéder aux Demandes pécuniaires de la Cour de Vienne, s'engage au Nom de son Souverain, à faire payer les Subsides Mensuels convenus par le Concert du 30 Mars (11 Avril) *** à compter du 1 d'Octobre

* См. док. 155.
** См. док. 153, 154.
*** См. док. 117.

1805. Il s'engage aussi d'avancer avec le moindre délai possible, l'équivalent de cinq Mois des Subsides à titre de première mise en Campagne, sous Condition expresse que Sa Majesté Britannique puisse revendiquer tout payement quelconque, en faveur de Sa Majesté Impériale et Royale Apostolique au delà du Million stipulé par l'article onzième additionnel du Traité précité, soit à titre de première Mise en Campagne, soit comme Subside courant, en cas que les Négociations qui vont être entamées avec le gouvernement de la France, ne se termineront pas par la guerre ****.

Il déclare en outre, que si lesdites Négociations seront trainées au delà du 31 de Décembre 1805 l'Echouement du premier trimestre sera le terme des Payements mensuels, jusqu'au moment où les Hostilités commenceraient.

Sa Majesté Impériale et Royale Apostolique s'étant engagé de mettre sur pied pas moins que trois cent vingt mille hommes, le Soussigné convient que les Avances comme première mise en Campagne, soient payées selon ce calcul, bien entendu, que si contre toute Attente, les Armées Autrichiennes ne seraient portées à la Force specifiée ci-dessus, Sa Majesté Britannique pourrait défalquer une Somme proportionnée au Nombre défectueux.

L'Ambassadeur Britannique ne peut se prêter aux Modifications et Demandes contenues dans la Pièce intitulée *«Remarques sur quelques objets particuliers de la Convention signée entre les Cours de St.-Pétersbourg et de Londres le 30 Mars (*11 *Avril) de cette année»* [224] se trouvant encore sans Instructions de sa Cour, qui l'autorisent d'accéder aux Demandes pareilles.

L'Ambassadeur Britannique accepte l'Accession de Sa Majesté l'Empereur et Roi sous les Conditions énoncées dans les Déclarations préalables ** échangées aujourd'hui, entre Les Plénipotentiaires de Leurs Majestés Impériales, avec la Réserve solennelle, que cette acceptation ne sera regardée comme valable, ni les Engagements susdits obligatoires, à moins que la Cour de Vienne de son côté, ne se conforme en tout aux Stipulations dudit Acte.

Le Soussigné en remettant à Son Excellence Monsieur Le Prince Czartoryski Ministre adjoint au Département des Affaires Etrangères la présente Déclaration préalable, qui doit tenir lieu et avoir la Valeur du Traité le plus solennel, est autorisé à lui annoncer en même temps, qu'il est prêt à procéder immédiatement sur ces mêmes Bases, à la Conclusion de l'Acte formel de l'accession de la Cour de Vienne, au Concert du 30 Mars (11 Avril) [249].

Les présentes seront ratifiées par les Cours respectives, dans le plus court espace de temps que faire se pourra. En foi de quoi Le Soussigné, en vertu des pleins Pouvoirs de Sa Majesté Britannique a signé la présente Déclaration préalable, et y a apposé le cachet de Ses Armes.

Fait à St.-Pétersbourg le vingt-huit Juillet (neuf d'Août) Mil huit cent et cinq.

L. S. Granville Leveson Gower

Печат. по подлиннику.
Опубл. Ф. Мартенс, т. II, стр. 464—467.

●

Перевод *****

Нижеподписавшийся посланник е. в-ва короля Великобритании, получив приглашение* от е. с-ва князя Чарторыйского, товарища министра иностранных дел, и е. с-ва графа Стадиона, чрезвычайного и полномочного посланника его императорского и королевского в-ва, приступить к декларациям **, которыми обменялись оба императорских двора сего 9 августа 1805 г., в силу своих полномочий объявляет нижеследующее.

**** Речь идет о переговорах, которые австрийское правительство предлагало начать с Наполеоном (см. прим. 251).

***** Дается по Ф. Мартенсу, сверен с подлинником.

Различные замечания и предположения, выраженные венским двором в предварительной декларации, переданной государственным и придворным вице-канцлером графом Кобенцлем г-ну послу графу Разумовскому 7 июля [243], и в объяснительной записке от 21 июля [251], приняты е. в-вом королем Соединенного королевства Великобритании и Ирландии за основания к соглашению между тремя дворами — лондонским, с.-петербургским и венским — относительно принимаемых ими мер, и предложенные в них изменения для устроения континентальных дел также приняты на случай, если бы можно было надеяться избежать войны путем переговоров.

Великобританский посол, объявляя, что данные ему положительные инструкции не дозволяют ему согласиться на денежные требования венского двора, обязуется, однако, от имени своего государя выплачивать ежемесячно субсидии по условию договора 30 марта (11 апреля) *** начиная с 1 октября 1805 г. Он также обязуется выплатить с наименьшим по возможности промедлением сумму, равняющуюся сумме пятимесячных субсидий, для первого выступления в поход, с непременным условием, чтобы его британское королевское в-во мог потребовать обратно все платежи в пользу его императорского и королевского апостолического в-ва, превышающие сумму 1 млн., условленную XI дополнительной статьей упомянутого трактата или под видом первого выступления в поход или как текущую субсидию, в случае если переговоры, которые должны начаться с французским двором, не окончатся войной ****.

Кроме того, он объявляет, что если упомянутые переговоры будут продолжаться долее 31 декабря 1805 г., то после истечения первого трехмесячного периода ежемесячные платежи будут прекращены до того времени, пока не начнутся военные действия ******.

Так как его императорское и королевское апостолическое в-во обязывается снарядить не менее 320 тыс. человек, то нижеподписавшийся соглашается, чтобы суммы на первый выход в кампанию были уплачены согласно этому расчету, с тем, однако, что если вопреки ожиданиям австрийские войска не будут доведены до вышеозначенной силы, е. в-во король великобританский мог бы вычесть сумму, соответствующую недостающему числу.

Британский посол не может согласиться на изменения и требования, изложенные в акте под заглавием *«Замечания о некоторых частных вопросах конвенции, подписанной между дворами с.-петербургским и лондонским 30 марта (11 апреля) сего года»* [224], не имея еще от своего двора инструкций, уполномочивающих его к принятию таковых требований.

Британский посол принимает приступление его императорского и королевского в-ва на условиях, выраженных в декларациях**, которыми обменялись сегодня уполномоченные их и. в-в, с торжественной оговоркой, что это согласие будет признано действительным и вышеозначенные обещания обязательными только в том случае, если венский двор с своей стороны во всем сообразуется с условиями этого акта.

Нижеподписавшийся, передавая е. с-ву князю Чарторыйскому, товарищу министра иностранных дел, настоящую предварительную декларацию, долженствующую заменить и иметь одинаковое значение с самым торжественным трактатом, уполномочен сообщить ему в то же время, что он немедленно готов приступить на тех же основаниях к заключению формального акта о приступлении венского двора к соглашению 30 марта (11 апреля) 1805 г. [249]

Настоящие акты обоюдно будут ратификованы дворами в наивозможно короткий промежуток времени.

В уверение чего нижеподписавшийся в силу полномочий е. в-ва великобританского короля подписал настоящую предварительную декларацию и приложил к ней печать своего герба.

Заключено в С.-Петербурге 28 июля (9 августа) 1805 г.

(М. П.) Гренвилль Левесон Гоуэр

157. Командующий русскими войсками на Ионических островах Р. К. Анреп товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

31 июля (12 августа) 1805 г.

Сиятельнейший князь, милостивый государь. По многим дошедшим до меня слухам о притеснениях и угрозах, делаемых Али-пашою семействам сулиотов и албанцов, вступивших в службу нашу, равно как и о мерах, им

****** «...то после истечения... пока не» — перевод редакции. У Ф. Мартенса: «...то истечение первого трехмесячного периода будет сроком ежемесячных платежей до того времени, когда...»

взятых для воспрещения желающим из сих народов входить в формируемый мною легион легких иррегулярных стрелков, решился я отправить к нему консула Флори с письмом от меня, в коем я сему паше объясняю обстоятельно, сколь таковые препятствия с его стороны вредны пользе общей, прибавив к тому, что войска сии могут с большою пользою быть употреблены двором нашим, в случае надобности, и для защищения целости владений Оттоманской империи. Теперь же, узнав к совершенному удивлению моему, что паша сей уполномочен к таковому поведению против нас нарочным ферманом[252] от Порты, в самых сильных выражениях писанным и с коего при сем следует копия, я считаю обязанностию моею донести о сем в. с-ву чрез сего нарочного курьера, покорнейше прося Вас, милостивый государь, о неоставлении меня в сем случае без дальнейших предписаний Ваших, столь нужных для руководства моего в настоящих обстоятельствах, лишающих меня не токмо способов в приведении до желаемого окончания высочайше возложенного на меня формирования помянутого легиона, но и могущих навлечь за собою самые неприятные следствия для влияния нашего в Греции. Быв с некоторого времени совершенно без известий из Константинополя, но полагая Порту тем не менее в тесном союзе с двором нашим, не понятно было для меня, как таковой ферман мог оною быть издан, тем более, что сия последняя издавна смотрит равнодушно на баталион из химариотов, состоящий в неапольской службе, и в укомплектовании оного не чинит ни малейших препятствий сему правительству; а что оттоманское министерство было извещено в свое время о намерении двора нашего составить из сих греческих народов корпус иррегулярных войск, в том я ссылаюсь на отношение мое к посланнику нашему г-ну Италинскому от 18 декабря прошедшего года, коим я, предупредив о сем сего последнего, просил его заблаговременно об отдалении всех недоразумений, произойти могущих между нами и Портою от каких-либо вредных внушений, сделанных на сей счет недоброжелателями нашими.

Донося в. с-ву о столь неожиданных поступках Порты против нас, долгом поставляю довесть до сведения Вашего и то, что с некоторого времени начинаем мы здесь встречать большие затруднения от Али-паши даже в доставлении сюды с твердой земли дров, мяса и разных иных припасов, нам необходимых, что и побудило меня обще с г-ном полномочным графом Моценигою, поручить консулу Флори взойти по сему предмету в особенные переговоры с помянутым пашою. Между тем, судя по упорности, им в сем случае оказываемой, опасаюсь я, чтобы он и на сей счет не имел каких-либо повелений из Константинополя.

Предавая все сие на благорассмотрение в. с-ва, в заключение сего остается мне просить паки Вас, милостивый государь, о снабжении меня по всем сим обстоятельствам Вашим милостивым наставлением, ибо остановив высочайше возложенное на меня формирование помянутых войск и встречая со стороны Али-паши разные препятствия в доставлении сюды некоторых необходимых припасов для продовольствия войск наших, буду я находиться здесь в больших затруднениях до получения на сие представление решительных предписаний от в. с-ва.

Имею честь...

Роман фон Анреп

Пол[учено] 6 сент[ября] 1805 г.

Печат. по подлиннику.

158. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

3(15) августа 1805 г.

Monsieur le comte! Depuis le retour ici de Mr le général de Wintzingerode nous nous sommes occupés sans relâche de tout ce qui était relatif à l'exécution du concert de mesures [252], proposé par nous à l'Autriche et modifié par elle [254].

Le premier point était de satisfaire aux différentes conditions auxquelles l'Autriche mettait son adhésion au concert du 30 mars (11 avril) *. Vous verrez, Mr le comte, par les copies ci-jointes des déclarations échangées entre Mr le comte de Stadion, l'ambassadeur d'Angleterre et moi **, comment cet objet a été réglé.

Pour l'intelligence de ces actes il est nécessaire que v. ex. ait sous les yeux les pièces auxquelles on s'y réfère, et c'est à cet effet que je joins ici la copie *des observations sur quelques objets particuliers du concert signé le 30 mars* (11 *avril*)[225] *et le mémoire raisonné du 21 juillet*[251].

L'empereur, en consentant à adopter l'arrangement militaire[248] fait par le général Wintzingerode et en promettant de remplir exactement son ensemble, n'a pu que donner une preuve de sa bonne volonté à suivre les dispositions de son auguste allié. Cependant, sans revenir ici sur le tort que les affaires ont éprouvé en général par les lenteurs que l'Autriche a apportées à se prononcer, elles ont contribué à faire naître en ce moment une difficulté que nous avions espéré pouvoir encore lever, mais qu'il a été impossible après des calculs rigoureux d'écarter entièrement.

Dans le plan [192], que nous avons transmis à Vienne, l'armée de Lithuanie ne devait commencer à agir que lorsque la seconde division de nos troupes, partie de Brzesc, serait arrivée en Bohême. La marche des régiments avait été calculée sur cette hypothèse, et lorsque nous reçûmes le premier avis que l'Autriche demandait que les opérations contre la Prusse commençassent immédiatement, les régiments de l'armée de Lithuanie ont eu ordre d'accélérer leur marche, mais malgré cette mesure il se trouve qu'ils ne pourront être réunis pour passer les frontières que vers le 16(28) septembre, tandis qu'en suivant le calcul et la marche proposée dans l'arrangement militaire convenu à Vienne, ils auraient dû être prêts à passer les frontières vers le 30 août v[ieux] st[yle]. Ce retard du rassemblement complet des troupes en Lithuanie, qui n'existerait pas si nous avions été 15 jours plus tôt au fait des résolutions que prendrait l'Autriche, doit influer sur l'époque du départ de l'armée de Brzesc et sur la nature des ouvertures qui seront faites à la cour de Berlin, au moment où l'on y apprendra l'entrée en Gallicie de l'armée de Brody.

D'après les nouvelles dispositions l'armée de Brzesc passera la frontière le 4(16) septembre au plus tard. Je destine une dépêche particulière à faire connaître à v. ex. tout le détail des instructions *** dont Mr d'Alopeus sera muni et qui correspondent à cette époque.

La première armée russe sous les ordres du général Koutousoff a reçu ordre de passer en Gallicie le 10 (22) août, comme cela avait été préalablement convenu, et le général Wintzingerode s'y est rendu pour en accélérer le départ.

Quant à la manière de motiver cette mesure, nous avons entièrement adopté celle proposée par la cour de Vienne.

V. ex. est chargée de remettre, en réponse à la note pacifique[255] de la cour de Vienne, la déclaration ci-jointe ****, qui a été calculée de manière à ne

* См. док. 117.
** См. док. 153—156.
*** См. док. 159—164.
**** См. док. 165.

point compromettre l'intelligence secrète qui existe entre l'Autriche et nous et à justifier en même temps aux yeux de l'Europe la résolution que prend l'empereur de faire marcher ses armées.

Il n'a pas jugé nécessaire de faire publier un manifeste par le général commandant, parce que cela aurait donné l'apparence d'une mesure hostile à celle qui doit toujours être réputée comme uniquement dirigée pour assurer la paix; d'ailleurs la publication de la déclaration que Vous êtes chargé de remettre remplira le même but, et Vous êtes autorisé, M^r le comte, à la faire insérer dans les gazettes si la cour de Vienne en témoignait le désir.

Il est possible que s. m. i[mpériale] et r[oyale] ne veuille point manifester hautement le parti qu'elle prendra sur la marche de nos troupes, avant l'époque à laquelle toutes les forces destinées à agir contre la Prusse seront réunies. Je dois Vous prévenir, M^r le comte, qu'à cet égard s. m. i. ne pressera pas son allié, qu'elle envisagera même comme avantageux, vu la nature des premières ouvertures qui seront faites à la cour de Berlin ***** et dont le but sera de gagner une quinzaine de jours de temps, que le ministère prussien ne soit pas entièrement assuré du parti que prendra l'Autriche, mais il est bien entendu que le retard, que la cour de Vienne mettrait à faire connaître sa réponse formelle, ne s'étendra pas au delà du terme nécessaire pour que M^r d'Alopeus en soit en possession avant le 5(17) septembre, époque à laquelle il commencera les demandes péremptoires, et ce sera certainement un moyen efficace de les obtenir que d'avoir à annoncer alors que l'Autriche s'est rangée du côté de la Russie et qu'elle a reconnu la nécessité de la marche des troupes et cette manifestation ne présentera plus aucun danger, car avec les demandes péremptoires à la Prusse s'exécuteront les mesures propres à la contraindre, si elle voulait rester ****** plus longtemps, à se prononcer contre la France ou au moins pour l'ensemble des projets de l'Autriche et de la Russie.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Par le feldj[äger] Fedoroff le 17(29) août 1805.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин граф! После возвращения сюда генерала Винцингероде мы беспрерывно занимались всем, что относится к осуществлению соглашения о совместных мерах [253], предложенного нами Австрии и измененного ею [254].

Прежде всего нужно было решить вопрос о различных условиях, на которых Австрия соглашалась присоединиться к соглашению от 30 марта (11 апреля)*. Из прилагаемых копий деклараций **, которыми обменялись граф Стадион, английский посол и я, Вы увидите, как был урегулирован этот вопрос.

Для понимания этих документов необходимо, чтобы в. с-во имели перед глазами документы, на которые там ссылаются, и с этой целью я прилагаю копию *«Замечаний по некоторым особым предметам соглашения, подписанного 30 марта (11 апреля)»* [225] *и объяснительную памятную записку от 21 июля* [251].

Соглашаясь принять военный план [243], согласованный генералом Винцингероде, и обещая точно выполнять его в целом, император лишь доказал свое желание следовать намерениям своего августейшего союзника. Однако, не говоря уже о том, что задержка в принятии Австрией решения нанесла ущерб ходу дел вообще, она способствовала также возникновению в настоящий момент трудности, которую мы надеялись преодолеть, но которую, как показали тщательные расчеты, оказалось невозможным устранить полностью.

По плану [192], переданному нами в Вену, литовская армия должна была начать действовать лишь после того, как вторая группа наших войск, выступив из Бреста, прибудет в Богемию. Движение полков было рассчитано, исходя из такого предположения, и, когда мы получили первое известие о том, что Австрия требует, чтобы операции против Пруссии начинались немедленно, полкам литовской армии был дан приказ ускорить свое движение, но,

***** См. об этом в док. 159.

****** «rester»—ошибка переписчика; следует читать «résister» (восстановлено по отпуску).

несмотря на эту меру, оказалось, что они смогут сосредоточиться для перехода границы лишь к 16(28) сентября, в то время как в соответствии с расчетами и темпами движения, предложенными по военному плану, согласованному в Вене, они должны были быть готовы перейти границу к 30 августа ст. ст. Эта задержка с сосредоточением войск в Литве, которая не имела бы места, если бы мы на две недели раньше узнали о тех решениях, которые приняла Австрия, должна отразиться на времени выступления брестской армии и на характере предложений, которые будут сделаны берлинскому двору в тот момент, когда там узнают о вступлении в Галицию бродской армии.

По новой диспозиции, брестская армия перейдет границу не позже 4(16) сентября. Особой депешей я предполагаю довести до сведения в. с-ва во всех подробностях инструкции, которые будут даны г-ну Алопеусу на этот период.

Первая русская армия под командованием генерала Кутузова получила приказ вступить в Галицию 10(22) августа, как об этом было предварительно договорено, и генерал Винцингероде отправился к этой армии для того, чтобы ускорить ее выступление.

Что касается того, как следует обосновать эту меру, то мы полностью согласны сделать так, как предложил венский двор.

В. с-во уполномочиваетесь вручить в ответ на ноту венского двора о мирных переговорах [255] прилагаемую при сем декларацию ****, составленную с таким расчетом, чтобы не ставить под угрозу разглашения секретное соглашение, существующее между нами и Австрией, и вместе с тем оправдать в глазах Европы решение императора о выступлении его армий.

Государь не счел нужным предписывать командующему публиковать какой-либо манифест, потому что это могло бы придать видимость враждебности мере, которую в любом случае должны рассматривать как имеющую своей единственной целью обеспечение мира; впрочем, опубликование декларации, которую Вам поручено вручить, позволит достигнуть этого же, и Вы уполномочиваетесь, г-н граф, поместить ее в газетах, если венский двор выразит такое пожелание.

Не исключено, что его императорское и королевское в-во не пожелает открыто провозгласить свое решение в связи с движением наших войск, пока не будут сконцентрированы все силы, предназначенные для действий против Пруссии. Должен предупредить Вас, г-н граф, что в этом отношении е. и. в-во не будет торопить своего союзника и, учитывая характер первых предложений, которые будут сделаны берлинскому двору ***** и цель которых будет заключаться в том, чтобы выиграть недели две времени, сочтет даже выгодным, чтобы прусское министерство не было полностью уверено в том, какое решение примет Австрия, но само собой разумеется, что официальный ответ должен быть дан Австрией не позднее срока, необходимого для того, чтобы г-н Алопеус имел его до 5(17) сентября, когда он начнет предъявлять решительные требования, и не может быть сомнения в том, что возможность заявить тогда, что Австрия встала на сторону России и признала необходимость продвижения войск, явится действенным средством добиться положительного ответа на них, и такая огласка уже не представит никакой опасности, так как одновременно с предъявлением решительных требований к Пруссии будут предприняты меры, с помощью которых можно было бы принудить ее, если бы она захотела продолжать отказываться выступить против Франции или хотя бы в пользу планов Австрии и России в целом.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

С фельдъегерем Федоровым, 17(29) августа 1805 г.

159. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

7(19) августа 1805 г.

Avant de faire connaître à v. ex. les déterminations que l'empereur vient de prendre, je crois nécessaire de retracer ici la conduite qu'il a tenue depuis son avènement au trône à l'égard de la France et des autres puissances dont la marche peut influer sur la prospérité de l'Europe ou contribuer à son asservissement total.

Bonaparte tenait en mains le pouvoir suprême en France. Il l'employait en apparence à réparer les plaies de la révolution; il annonçait vouloir travailler à assurer sa propre existence politique et le repos de la France par une paix durable. L'empereur, en se prêtant à cette paix, a facilité la conclusion de

celle* avec l'Angleterre et il n'a mis d'autres conditions au rétablissement des rapports habituels d'amitié et de commerce avec la France que celles qui étaient nécessaires pour faire reconnaître par Bonaparte le droit de la Russie de s'immiscer dans toutes les affaires majeures de l'Europe et, particulièrement, dans celles de l'empire d'Allemagne et de l'Italie.

Cet acte ** ainsi que ceux que conclurent alors d'autres puissances avec Bonaparte sont pour lui des monuments honorables de la confiance qu'il avait su inspirer, mais ils donnaient par là même de nouveaux titres aux différentes parties contractantes, et particulièrement à la Russie qu'aucun intérêt personnel n'avait porté à transiger avec le chef du gouvernement français, de s'opposer à ses vues si elles pouvaient tendre à opprimer ses voisins.

Le système, qui devait naître de ces transactions et particulièrement du traité conclu par la Russie, eut bientôt son application. La Russie et la France réunirent leurs soins pour régler les indemnités en Allemagne.

La Russie n'apporta à cette œuvre que des sentiments d'impartialité et de modération qui tendaient uniquement à maintenir la paix et à éteindre les haines existant entre les différents membres du Corps germanique.

La France, au contraire, ne fit usage de son intervention que pour renverser l'équilibre entre les principaux Etats, que pour s'assurer des moins forts par quelques avantages passagers et des autres par les jalousies qu'elle fit naître, qu'elle prépara pour l'avenir et qu'elle a soigneusement entretenues depuis.

L'Autriche dans les vues de la France devait être moins favorisée dans le partage que la Prusse, parce qu'elle s'était opposée avec plus de persévérance au débordement des Français. La Russie, par ses liaisons avec ces deux puissances, aurait voulu les voir également partagées; cependant, à cette occasion encore, le désir de maintenir la paix, de rapprocher les parties porta l'empereur à engager l'Autriche à se contenter d'un lot modique et à consentir à celui, hors de proportion, assigné à la Prusse[256].

La Russie ne revendiqua même pas à cette occasion le droit incontestable qu'elle aurait eu d'exiger qu'un de ses voisins n'acquît pas une étendue de territoire plus considérable que celle qu'il avait perdue. Vous savez mieux que personne, monsieur, ce qui détermina alors l'empereur à donner son assentiment au lot assigné à la cour de Berlin. Ce fut principalement l'espoir que s. m. prussienne, satisfaite d'acquisitions aussi avantageuses pour elle, s'occuperait dorénavant à préserver tous ses co-Etats du sort que leur faisait déjà présager l'ambition croissante de Bonaparte et les actes auxquels il s'était porté dans l'intervalle de la conclusion de la paix et du règlement des indemnités. C'est alors que les comices de Lyon[257] lui préparèrent le trône d'Italie[258], et un décret du Sénat, dicté par lui, la réunion du Piémont[220] au territoire français.

L'empereur ne manqua point dès lors de rendre ses co-Etats attentifs à cette marche subversive de tout lien social. Il les exhortait à l'union, lorsque Bonaparte par un nouveau coup d'autorité alla dicter à la nation helvétique une constitution[259], tandis que les traités les plus solennels, celui nommément sur lequel repose la paix continentale *, garantissaient à ce pays la liberté de se donner telle forme de gouvernement qu'il jugerait convenable à sa prospérité.

Tous ces empiétements successifs, qui en présageaient bien d'autres, aurait dû alors déjà faire lever toutes les nations pour s'opposer à l'ambition de Bonaparte; mais les plaies de l'Europe étaient encore trop fraîches pour qu'aucun Etat voulût s'engager légèrement dans une lutte dangereuse, parce que des moyens immenses se trouvaient à la disposition de celui qui n'aspirait qu'à les employer pour opprimer davantage l'Europe.

---

* См. т. I, прим. 110.
** См. т. I, док. 21, 22.

L'Angleterre seule se prononça ouvertement contre tant de violences et entreprit de lutter contre la France. Une guerre maritime devait être la suite de cette résolution; mais il appartenait au chef du gouvernement français de trouver des prétextes pour rendre sa querelle particulière avec l'Angleterre celle de tous les Etats trop faibles pour s'opposer à ses volontés.

L'empereur n'oublia pas à cette occasion ce que lui prescrivaient tous ses devoirs. Voyant avec douleur la paix publique troublée, il employa toutes les voies de persuasion possibles pour faire cesser les hostilités entre les puissances belligérantes. Aucun soin, aucune peine ne furent épargnés pour atteindre ce but; mais ils furent infructueux, et dès lors il ne restait à la Russie que de travailler à séparer les intérêts du continent d'une lutte qui leur était étrangère. Elle réclama formellement en faveur de la neutralité du royaume de Naples et de l'Allemagne, violée en contravention à des engagements solennels. Mais toutes ces réclamations, auxquelles la modération présida et qui furent constamment guidées par le désir de rendre aux Etats opprimés leur indépendance, ne firent qu'accroître leur oppression et ne parvinrent jamais à alléger même leur sort.

C'est à cette époque que Bonaparte, violant plus ouvertement encore les droits de la neutralité, enleva sur un territoire voisin un être innocent, mais coupable de son nom et de sa naissance, qui devaient assurer sa félicité et qui le précipitèrent au tombeau par un attentat dont l'histoire ne retracera pas les détails sans horreur[1].

L'empereur crut alors ne devoir plus garder aucuns ménagements; il insista sur une réparation formelle de cette violence et réclama en même temps tout ce que les engagements directs de la France l'autorisaient plus particulièrement à demander. Il s'adressa à l'empire en corps, à son chef et à ses principaux membres, pour leur montrer l'abîme qui menaçait l'Europe d'une subversion totale ***; mais encore cette fois ses efforts furent vains. La France refusa toute réparation des griefs à sa charge, et les Etats de l'Europe, désunis et, par conséquent, affaiblis, ne répondirent point à l'appel qui leur était fait par un allié sincère et en état de leur prêter une main secourable. La Russie ne cessa depuis de rappeler à tous les Etats leur dignité, leurs droits. Dans toutes les occasions elle leur témoigna sa résolution de les assister et de faire cause commune avec eux contre un usurpateur d'autant plus entreprenant que jusqu'ici il n'a rencontré aucun obstacle efficace à ses projets.

Cependant Bonaparte sentant lui-même que toutes ses entreprises devaient enfin lasser la patience des Etats de l'Europe et craignant peut-être que l'offense faite à la Prusse dans la personne d'un agent accrédité près d'elle[100] ne changeât le système de cette cour, il crut nécessaire de se réhabiliter en quelque sorte aux yeux de l'Europe en feignant les sentiments qu'il aurait dû avoir. C'est à ce motif plutôt qu'à tout autre qu'il faut attribuer la démarche pacifique[167] à laquelle il s'est porté au commencement de cette année. Il voulut en imposer à toute l'Europe, et peut-être y serait-il parvenu, s'il n'eût montré bientôt après combien peu ses assurances étaient sincères.

S. m. britannique accueillit l'offre de paix qui lui fut faite, elle demanda à l'empereur de consentir à envoyer un plénipotentiaire à Bonaparte pour entamer des négociations de paix[176]. Ce plénipotentiaire était déjà en route, mais il fut forcé d'interrompre sa marche, parce que Bonaparte n'a pas permis qu'on pût croire un moment qu'il voulait sincèrement la paix. La cour de Berlin sait quelle fut la cause du rappel de Mr de Novossiltzoff ****. Elle n'ignore pas non plus le but que l'empereur se proposait: il consistait à profiter d'une

*** См. док. 1.
**** См. док. 138.

négociation de paix entre les puissances belligérantes pour rendre aux Etats faibles leur indépendance.

C'est le désir d'assurer cette indépendance qui a seul fait agir la Russie et qui en ce moment lui prescrit sa conduite.

L'Autriche s'est adressée aux cours de St.-Pétersbourg, de Berlin et de Londres et à la France pour tâcher de renouveler la négociation[255]. L'empereur y a consenti, mais connaissant d'après l'expérience du passé, qu'on ne peut rien obtenir du chef du gouvernement français qu'en se faisant respecter par lui, il croirait toute négociation sans but, si elle n'était pas accompagnée d'une démonstration imposante, qui donnera à tous les Etats, qui voudront y prendre part, la faculté de tenir un langage conforme à la vérité et à leur dignité.

C'est à la Russie à donner l'impulsion à ses voisins et à leur prouver que, quoiqu'à l'abri du danger par sa position, elle est prête à tout entreprendre pour porter ses forces là où le besoin rend leur présence indispensable.

L'Europe sait que toutes les représentations, toutes les réclamations de la Russie ont été jusqu'ici infructueuses; que, dis-je, elles ont souvent même été accueillies par la France avec un dédain outrageant.

La modération a été souvent taxée d'apathie et même d'impuissance. Certainement ce reproche aurait été mérité si la Russie n'avait depuis longtemps annoncé aux puissances, avec lesquelles elle est en relations amicales, l'intention de les assister énergiquement. La Prusse plus que toute autre puissance a eu des preuves irrévocables du désir de l'empereur de soutenir par la force des armes la juste cause qu'il avait embrassée. Malgré le peu de résultats qu'ont eu ses offres et ses explications à ce sujet, il ne doute pas un moment de la sincérité des motifs allégués jusqu'ici par s. m. prussienne pour ne point se prononcer ouvertement contre l'ennemi de tout ordre.

Ces motifs étaient l'incertitude de la conduite que tiendrait l'Autriche et le peu d'espoir, que nourrissait le roi, qu'on pût réunir des moyens suffisants pour s'opposer aux forces françaises.

L'empereur a travaillé à lever ces difficultés et, croyant y être parvenu, il ne forme aucun doute que s. m. prussienne ne sente comme lui la nécessité de montrer à Bonaparte qu'il n'est point destiné par la providence pour être le dominateur de tous les Etats qu'il opprime.

La certitude seule, que les moyens sont préparés pour recourir à la force, peut le faire rentrer en lui-même. C'est cette conviction, que l'empereur a acquise par tous les efforts infructueux qu'il a faits pour disposer Bonaparte à une marche plus modérée, qui a fait prendre à s. m. i. la résolution de mettre en exécution les mesures suivantes.

150 mille hommes de ses meilleures troupes, indépendamment d'un corps nombreux prêt à débarquer en Italie, se rapprocheront des limites de la France dans le but d'obtenir de Bonaparte qu'il renonce aux envahissements qu'il a successivement opérés et qu'il donne des sûretés qu'il ne les renouvellera pas.

L'empereur invitera leurs majestés l'empereur d'Allemagne et le roi de Prusse à demander ces sûretés à la France de concert avec lui, si les négociations pour la paix générale étaient infructueuses, et il promet d'avance que ses troupes se retireront aussitôt que Bonaparte aura voulu souscrire aux justes demandes qui lui seront faites. S. m. i., n'ayant aucun droit maintenant, depuis le rappel de Mr de Novossiltzoff, d'exiger la cessation de la guerre maritime, n'en fera pas une condition indispensable de la retraite de ses troupes et elle a voulu donner par là une preuve plus efficace de la sincérité de son désir d'éviter une guerre continentale en ne prenant aucun engagement avec la cour de Londres qui puisse gêner ses déterminations, tant que Bonaparte ne commencera pas les hostilités; mais s'il y avait recours contre la Russie ou contre ses alliés, alors s. m. i. croirait ne devoir plus épargner aucun moyen de pousser la guerre avec énergie

et elle ferait immédiatement cause commune avec s. m. britannique, jusqu'à ce que les événements de la guerre aient amené l'époque d'une paix générale, équitable et solide.

Voilà, monsieur, la résolution de l'empereur que j'avais à Vous annoncer, et Vous trouverez dans mes autres dépêches ***** la manière dont Vous devez la faire connaître à la cour de Berlin et l'engager à y accéder.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Получено 17(29) августа 1805 г.
с курьером капитаном Тесляевым.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Прежде чем сообщить в. с-ву решения, которые только что принял император, я считаю необходимым напомнить здесь, какой линии поведения он придерживался с момента своего восшествия на престол по отношению к Франции и другим державам, действия которых могут повлиять на процветание Европы или способствовать ее окончательному порабощению.

Бонапарт держал в своих руках верховную власть во Франции. Он делал вид, что использовал ее для того, чтобы залечить раны, нанесенные революцией; он заявлял, что хочет направить свои усилия на обеспечение своего собственного политического существования и покоя Франции путем прочного мира. Император, согласившись на этот мир, содействовал заключению мира с Англией *, и он не поставил для восстановления нормальных дружественных и торговых отношений с Францией никаких иных условий, кроме тех, которые были необходимы для того, чтобы заставить Бонапарта признать за Россией право участия во всех важнейших делах Европы, и в особенности в делах Германской империи и Италии.

Этот акт **, так же как и те, которые заключили тогда с Бонапартом другие державы, является для него почетным памятником доверия, которое он сумел внушить; но они давали тем самым новые права договаривающимся сторонам, и в частности России, которая не имела никакой личной заинтересованности в примирении с главой французского правительства, воспрепятствовать его видам, если бы они были направлены на порабощение его соседей.

Система, которая должна была возникнуть в результате этих соглашений, и в частности в результате договора, заключенного Россией, вскоре была применена на практике. Россия и Франция объединили свои усилия в целях урегулирования вопроса об индемнизациях в Германии.

Россия действовала в этом деле с большой беспристрастностью и умеренностью, стремясь исключительно к тому, чтобы сохранить мир и уничтожить ненависть, существующую между различными членами германского сообщества.

Франция, напротив, использовала свое посредничество лишь для того, чтобы нарушить равновесие между главными государствами, расположить в свою пользу менее сильных путем предоставления некоторых преходящих выгод, а прочих — при помощи завистливого соперничества, которое она породила, подготовила на будущее и потом тщательно поддерживала.

В соответствии с видами Франции Австрии при разделе следовало благоприятствовать менее чем Пруссии, так как она более упорно сопротивлялась захватническим стремлениям французов. В силу своих связей с обеими этими державами Россия хотела бы, чтобы они получили равные наделы; однако и в этом случае желание сохранить мир и сблизить стороны заставило императора побудить Австрию удовлетвориться скромным наделом и согласиться на непропорционально большой надел, выделенный Пруссии[256].

Россия даже не настаивала при этом на своем неоспоримом праве требовать, чтобы ни один из ее соседей не получил территорию большую, чем он потерял. Вы знаете лучше, чем кто-либо, милостивый государь, что побудило тогда императора дать согласие на надел, назначенный берлинскому двору. Это была главным образом надежда на то, что его прусское в-во, удовлетворившись столь выгодными для него приобретениями, будет стремиться с этого момента предохранить своих союзников от судьбы, которую им уже предвещали растущее властолюбие Бонапарта и те действия, которые он совершил в промежутке между заключением мира и урегулированием вопроса об индемнизациях. Именно тогда Лионские комиции[257] подготовили ему итальянский трон[258], а декрет сената, продиктованный им самим,— присоединение Пьемонта к Франции[220].

С тех пор император не упускал случая привлечь внимание государств, своих союзников, к этому образу действий, подрывающему всякие общественные связи. Он убеждал их объединиться, когда Бонапарт допустил еще одно самоуправство, продиктовав швейцарской нации конституцию[259], в то время как самые торжественные договоры, в частности договор *, на

***** См. док. 160, 161.

котором покоится мир на континенте, гарантировали этой стране свободу избрать такую форму правления, какую она сочтет нужной для своего процветания.

Все эти следовавшие одно за другим посягательства, которые предвещали еще много других, должны были бы уже тогда побудить все нации поставить преграду властолюбию Бонапарта; но слишком свежи еще были раны Европы, чтобы какое-либо государство могло легко решиться вступить в опасную борьбу, так как громадные средства находились в распоряжении того, кто только и мечтал использовать их для еще большего угнетения Европы.

Одна только Англия открыто высказалась против этих насилий и вступила в борьбу против Франции. Следствием этого решения должна была явиться морская война; но глава французского правительства пожелал найти предлоги для того, чтобы превратить свою частную распрю с Англией в распрю всех государств, слишком слабых, чтобы противиться его воле.

Император не забыл, что ему предписывал его долг в этом случае. Со скорбью видя, что общественный мир нарушен, он употребил все возможные способы убеждения, чтобы добиться прекращения военных действий между воюющими державами. Для достижения этой цели не жалели ни сил, ни средств, но все оказалось бесполезным, и с этого момента России осталось лишь прилагать усилия к тому, чтобы интересы континентальных держав не пострадали в результате чуждой им борьбы. Она официально протестовала против нарушения нейтралитета Королевства Неаполитанского и Германии, совершенного вопреки самым торжественным обязательствам. Но все эти протесты, в основе которых лежали умеренность и неизменное желание вернуть угнетенным государствам их независимость, привели лишь к усилению гнета и не смогли даже облегчить участь этих государств.

В это время Бонапарт, нарушая еще более открыто права нейтралитета, похитил на соседней территории невинного человека, вина которого заключалась только в его имени и в его рождении, которые должны были обеспечить ему счастье, но ввергли его в могилу в результате преступления, подробности которого история не сможет пересказать без ужаса [1].

Тогда император счел, что он не обязан более соблюдать мягкость и уступчивость в отношениях с Наполеоном; он потребовал удовлетворения по всей форме за это насилие, а также исполнения всего того, что прямые обязательства Франции позволяли ему особо требовать. Он обратился к империи в целом, императору и главным членам империи, чтобы указать им на опасность, грозящую гибелью Европе ***; но и на этот раз его усилия оказались напрасными. Франция отказалась удовлетворить предъявленные ей претензии, а разобщенные и поэтому ослабленные государства Европы не откликнулись на призыв, с которым обратился к ним искренний и способный оказать им помощь союзник. С тех пор Россия непрестанно напоминала всем государствам об их достоинстве и правах. Во всех случаях она выражала свою решимость помогать им и действовать совместно с ними против узурпатора, тем более предприимчивого, что он до сих пор не встречал никакого серьезного препятствия своим планам.

Однако Бонапарт сам чувствовал, что все его предприятия должны в конце концов истощить терпение европейских государств, и, опасаясь, быть может, как бы оскорбление, нанесенное Пруссии в лице агента, при ней аккредитованного[100], не вызвало изменения в политике этого двора, счел необходимым каким-то образом реабилитировать себя в глазах Европы, притворившись, что он испытывает чувства, которые он должен был бы испытывать. Этому соображению, скорее чем какому-либо другому, следует приписать мирный демарш[167], предпринятый им в начале этого года. Этим он хотел ввести в заблуждение всю Европу и, может быть, преуспел бы в этом, если бы он не показал вскоре, сколь неискренними были его заверения.

Его британское в-во принял сделанное ему предложение о мире и попросил императора послать к Бонапарту полномочного представителя для мирных переговоров[176]. Этот полномочный представитель уже находился в пути, но был вынужден прервать свое путешествие, потому что Бонапарт не допустил, чтобы могли хоть на минуту поверить, будто он искренне желает мира. Берлинский двор знает, по какой причине был отозван г-н Новосильцев ****. Ему известна также и цель, которую ставил перед собой император: она состояла в том, чтобы воспользоваться мирными переговорами между воюющими державами в целях возвращения независимости слабым государствам.

Только желание обеспечить эту независимость побудило Россию действовать; это же желание определяет ее линию поведения и в настоящий момент.

Австрия обратилась к с.-петербургскому, берлинскому и лондонскому дворам и к Франции, пытаясь возобновить переговоры [255]. Император ответил согласием, но, зная по прошлому опыту, что от главы французского правительства можно добиться чего-либо, только заставив его уважать себя, он счел, что всякие переговоры будут бесцельными, если они не будут сопровождаться внушительной демонстрацией, которая даст всем государствам, пожелавшим принять в этом участие, возможность говорить то, что соответствует истине и их достоинству.

Именно Россия должна дать толчок своим соседям и доказать им, что хотя она и находится в безопасности в силу своего положения, но готова все предпринять для того, чтобы направить свои силы туда, где обстоятельства делают их присутствие необходимым.

Европе известно, что все представления и протесты России до сих пор были безрезультатными; я даже могу сказать, что нередко Франция встречала их с оскорбительным пренебрежением.

Умеренность зачастую расценивалась как апатия и даже как бессилие. Конечно, этот упрек был бы заслуженным, если бы Россия не объявила уже давно державам, с которыми она находится в дружеских отношениях, о своем намерении активно помогать им. Пруссия, более чем какая-либо иная держава, имела неопровержимые доказательства того, что император желал силой оружия защищать справедливое дело, на сторону которого он встал. Несмотря на то что его предложения и объяснения на этот счет дали незначительные результаты, он ни минуты не сомневается в том, что его прусское в-во был искренен в своих объяснениях, которые он давал до настоящего времени по поводу причин, препятствовавших ему открыто выступить против врага всякого порядка.

Этими мотивами были: неуверенность короля в том, какой линии поведения будет придерживаться Австрия, и сомнение в том, что можно собрать достаточные силы, чтобы противопоставить их французским силам.

Император старался преодолеть эти трудности, и, поскольку он считает, что добился этого, он нисколько не сомневается, что его прусское в-во чувствует, подобно ему, необходимость показать Бонапарту, что он вовсе не предназначен провидением быть властителем всех государств, которые он угнетает.

Он образумится только в том случае, если уверится, что уже подготовлены средства, чтобы прибегнуть к силе. Это убеждение, которое император вынес в результате всех бесплодных усилий, предпринятых с целью склонить Бонапарта к более умеренной линии поведения, побудило е. и. в-во принять решение привести в исполнение следующие меры:

Помимо того, что многочисленный корпус будет подготовлен к высадке в Италии, 150 тыс. его лучших солдат будут придвинуты к границам Франции, с тем чтобы добиться от Бонапарта отказа от произведенных им многочисленных захватов и предоставления гарантий того, что он не возобновит их.

Император предложит их в-вам императору германскому и королю прусскому потребовать совместно с ним этих гарантий от Франции, если бы переговоры о всеобщем мире оказались бесплодными, и он заранее обещает, что его войска уйдут сразу же после того, как Бонапарт пожелает согласиться на справедливые требования, которые ему будут предъявлены.

Е. и. в-во, не имея теперь, после отзыва г-на Новосильцева, никакого права требовать прекращения морской войны, не выставит это в качестве непременного условия отвода своих войск; не беря на себя никаких обязательств по отношению к лондонскому двору, которые могли бы стеснить его действия, до тех пор пока Бонапарт не начнет военных действий, он хотел дать тем самым наиболее убедительное доказательство своего искреннего желания избежать континентальной войны. Но если бы он прибегнул к военным действиям против России или против ее союзников, тогда е. и. в-во счел бы своим долгом использовать все средства для того, чтобы активно вести войну, и он немедленно объединился бы с его британским в-вом, чтобы действовать совместно с ним до тех пор, пока события войны не приведут к всеобщему справедливому и прочному миру.

Таково, милостивый государь, решение императора, которое я должен был Вам сообщить, и в моих других депешах *****. Вы найдете указания о том, каким образом Вы должны будете поставить о нем в известность берлинский двор и побудить его присоединиться к нему.

Честь имею...

Князь А. Чарторыйский

160. Записка Министерства иностранных дел о мероприятиях по привлечению Пруссии к коалиции против Наполеона

*7(19) августа 1805 г.**

Une armée rassemblée à Brody[260] est destinée à entrer dans les Etats autrichiens le 10(22) août. C'est à dater de ce jour que doivent être calculées toutes les mesures, tant militaires que diplomatiques, tendant à persuader ou à contraindre la Prusse à faire cause commune avec la Russie et l'Autriche.

La nouvelle de l'entrée de cette armée parviendra à Berlin vers le 16(28) août. Le ministère prussien en sera probablement très occupé, et c'est alors qu'il est nécessaire que M[r] d'Alopeus soit muni d'instructions précises sur la conduite qu'il aura à tenir.

---

* Дата отправления записки посланнику в Берлине М. М. Алопеусу.

A cet effet il lui sera expédié de St.-Pétersbourg un courrier le 7(19) août, qui lui portera une lettre[261] de s. m. l'empereur au roi de Prusse et la copie des différents engagements existant entre la Russie et d'autres puissances. Ces actes, que Mr d'Alopeus ne consentira à communiquer sous aucun prétexte quelconque, le mettront au fait de tous les projets de la Russie, et c'est ce qui est nécessaire pour qu'il puisse juger si telle ou telle proposition incidentelle, qui pourrait lui être faite, est admissible ou non.

La lettre de s. m. i. au roi de Prusse sera une récapitulation de tous les motifs qui doivent le déterminer à se joindre à la Russie, tant pour effectuer un armement imposant d'observation et de médiation que pour agir contre Bonaparte, s'il se refusait en dernière analyse à donner des sûretés pour l'Europe, même sans conclure la paix avec l'Angleterre.

Les instructions ** à Mr d'Alopeus, qui accompagneront cette lettre, lui prescriront de communiquer confidentiellement la réponse *** faite par s. m. i. à la note pacifique[255] de la cour de Vienne pour indiquer ainsi quels sont les plans de la Russie sans toutefois gêner la Prusse pour leur adoption, mais en même temps Mr d'Alopeus tentera tous les moyens possibles pour disposer la Prusse à entrer dans les vues que la Russie manifeste dans la déclaration remise par le comte Razoumoffski, en faisant pressentir que si l'Autriche embrasse un parti conforme aux désirs de la Russie, il n'y aura plus d'excuse pour la Prusse de n'en pas faire autant. Indépendamment des arguments renfermés dans la lettre de s. m. i. il emploiera tous ceux que sa sagacité lui suggérera pour atteindre ce but. Il annoncera que la Russie a des armées prêtes à soutenir toute détermination que prendrait la Prusse et qui pourrait la compromettre vis-à-vis de la France; que l'empereur a également des troupes en réserve pour venir à l'appui de tout État qui pourrait être menacé à la suite de la résolution que s. m. i. a prise.

Mr d'Alopeus continuera ainsi ses démarches afin de tâcher d'amuser le tapis jusqu'à ce que les autres dispositions militaires, qui doivent concourir à résoudre la Prusse, soient entièrement achevées. Il tâchera d'inspirer au ministère prussien une sécurité entière; s'il ne peut espérer de le porter à se joindre volontairement et entièrement à notre système et s'il prévoit que cette tâche est de toute impossibilité sans employer des moyens de vigueur, alors il n'insistera pas sur une réponse pour ne pas en provoquer de négative qui empêcherait ensuite de tenir au cabinet prussien le langage projeté dans la suite de cette note. Il pourra même se refuser à recevoir tout office qui lui serait remis sur cet objet et qui ne rentrerait pas directement dans les vues de la Russie, alléguant qu'il serait préférable de ne point se presser que de donner trop tôt une réponse qui ne pourrait faire que beaucoup de peine à l'empereur. Si cependant la cour de Berlin persistait dans cette intention, il l'inviterait à faire passer sa réponse par le comte de Goltz, ne prenant pas sur lui de la transmettre.

Telle sera la première époque de la négociation de Mr d'Alopeus, qui doit correspondre au mouvement de l'armée de Brody en Autriche et durer depuis le 16(28) août jusqu'au 4(16) septembre. La seconde doit se régler d'après les dispositions militaires suivantes:

L'armée de Brzesc[262], forte de 50 m[ille] hommes, partira au plus tard le 4(16) septembre des frontières de Russie pour se porter sur la Pilica, où elle arrivera vers le 16(28) septembre.

Toute l'armée de Lithuanie[263], forte de 100 m[ille] hommes, dont 40 m[ille] destinés à traverser les Etats prussiens pour se rendre sur les frontières du pays d'Hannovre et 60 m[ille] pour soutenir cette mesure au cas

** См. док. 159, 161, 162, 163, 164.
*** См. док. 165.

que la Prusse mette obstacle à son exécution, sera rassemblée également pour cette époque.

Les troupes destinées à débarquer en Poméranie[264] se mettront en mer dans cet intervalle, étant déjà tout à fait préparées à entreprendre cette opération.

La seconde époque de la négociation commencera au 4(16) septembre et devra être terminée au 10(22) ou 11(23), afin que Mr d'Alopeus puisse aviser de son résultat les armées de Lithuanie et de Brzesc avant le 16(28) septembre, jour où elles seront prêtes à passer les frontières de la Prusse, et comme il faut environ 6 jours pour la marche du courrier que Mr d'Alopeus enverra à Grodno[265], la seconde époque de sa négociation ne durera que 6 à 7 jours.

Pour qu'il puisse la commencer le 4(16) il lui sera expédié un courrier de St.-Pétersbourg le 25 août (6 septembre) pour lui transmettre l'ordre de changer la nature de ses démarches auprès de la cour de Berlin.

Ce courrier sera porteur d'une seconde lettre[266] de l'empereur qui, en annonçant au roi de Prusse l'entrée d'une nouvelle armée par Brzesc en Gallicie, lui représentera de la manière la plus vive les dangers auxquels l'Europe est exposée si ces secours étaient insuffisants et elle aura pour conclusion de demander péremptoirement à la Prusse de se joindre à la Russie et de consentir au passage par ses Etats non seulement de l'armée de Brzesc lorsqu'elle sera arrivée à la Pilica, mais d'une autre venant de la Lithuanie.

A la réception de ce courrier Mr d' Alopeus se rendra chez le ministre du cabinet b[ar]on de Hardenberg et, en lui donnant la lettre au roi, il le préviendra qu'elle est relative à un objet de la plus grande importance et demandera qu'elle soit remise sans délai à sa haute destination.

Il annoncera en même temps au ministère prussien que pour le moment il n'est autorisé à aucune communication et qu'il doit attendre celles qui lui seront faites par le cabinet de Berlin à la suite des résolutions que s. m. aura prises sur la lettre de l'empereur.

Aussitôt que le baron de Hardenberg annoncera à Mr d'Alopeus qu'il a à l'entretenir sur la lettre adressée au roi par s. m. i., ce ministre se rendra chez lui et écoutera ses ouvertures. Si elles sont favorables, il y donnera suite dans le sens de ce que la Russie veut obtenir.

Si la résolution du roi n'est point favorable, Mr d'Alopeus la combattra par tous les arguments renfermés dans la lettre au roi dont il recevra une copie à cet effet, sans cependant faire apercevoir qu'il connaît la teneur de la lettre. Il n'emploiera aucune menace, travaillera, au contraire, à pénétrer le ministre prussien de cette vérité que les mesures proposées par la Russie sont les seules adaptables aux circonstances du moment, que la Prusse n'a rien à craindre de la Russie qui n'a aucun intérêt et bien moins encore la volonté de lui nuire. Que si les deux puissances laissent attaquer l'Autriche sans la secourir, elles ne peuvent plus compter sur un moment de tranquillité.

Il annoncera au b[ar]on de Hardenberg que l'Autriche a adhéré aux résolutions prises par s. m. i. sur la note[255] remise par la cour de Vienne et lui communiquera la réponse[267] donnée au c[om]te Razoumoffski, si elle est déjà parvenue à Berlin; si non il indiquera de s'en enquérir au c[om]te Metternich, et il est indispensable que celui-ci soit autorisé à cette époque à déclarer que l'Autriche a souscrit aux mesures proposées par la Russie et qu'elle s'attend que la cour de Berlin agira de même.

Il pressera le baron de Hardenberg de se concerter avec lui sur des déclarations semblables à échanger immédiatement et qui expriment la résolution des deux cours d'agir dans un accord parfait en attendant qu'on puisse concerter ultérieurement les termes dans lesquels s. m. prussienne accédera aux vues de la Russie et de l'Autriche, objet pour lequel Mr d'Alopeus recevra des pleins pouvoirs formels aussitôt qu'il sera connu sur quelles bases le roi consent à traiter.

Si le b[ar]on de Hardenberg laissait écouler trois jours sans faire inviter Mr d'Alopeus pour lui parler des résolutions du roi, le ministre de Russie n'attendra pas davantage pour insister sur la nécessité de lui donner une réponse et agira comme il lui est prescrit de le faire plus haut dans le cas où il serait appelé pour entendre une réponse évasive ou déclinatoire.

C'est alors surtout qu'il devra employer tous les moyens possibles pour persuader la cour de Berlin à faire cause commune avec la Russie et à consentir au passage des troupes.

Il annoncera que les généraux sont chargés de payer tous les vivres qui leur seront fournis argent comptant et représentera qu'il serait instant que le cabinet s'occupât à les procurer, parce que les habitants y trouveraient mieux leur compte.

Cependant, si malgré tous ses soins Mr d'Alopeus ne pouvait engager Mr de Hardenberg à s'entendre immédiatement avec lui sur une déclaration à échanger et qui contiendrait les motifs que le roi voudrait qu'on alléguât pour cause de son adhésion aux plans de la Russie et à la marche des troupes, ce ministre ne tardera plus à remettre une déclaration[268] *mutatis mutandis* semblable à celle *** donnée par le c[om]te Razoumoffsky à Vienne et demandera une réponse péremptoire en prévenant le baron de Hardenberg qu'il ne serait pas au pouvoir de lui, Alopeus, de retarder la marche des troupes parce que le cabinet de St.-Pétersbourg, n'ayant pu douter qu'elles seraient reçues, avait muni les généraux commandants de l'ordre précis d'entrer le 16(28) septembre pour traverser les Etats prussiens sans toutefois commettre la moindre hostilité, et il observera au baron de Hardenberg qu'il n'y a plus de temps pour faire prononcer à s. m. i. l'ordre à ses troupes de ne point avancer.

Mr d'Alopeus ne discontinuera plus de travailler avec tout le soin possible pour pénétrer le baron de Hardenberg de la nécessité indispensable que le roi se rende aux désirs de l'empereur et lui représentera qu'un jour plus tard il ne serait plus au pouvoir du ministre de Russie d'indiquer même aux généraux commandant les armées la route que la cour de Berlin désire qu'ils suivent.

Sur toutes les questions, qui seront faites à Mr d'Alopeus relativement au débarquement d'un corps de troupes en Poméranie, il répondra que cette mesure pourrait être en combinaison avec l'entrée des troupes russes dans les Etats autrichiens, parce que cette opération pouvant exposer la Poméranie à une invasion, il se pourrait que s. m. i. sur une demande du roi de Suède compte mettre cette province à l'abri d'un coup de main de la part des Français.

Le ministre de Russie aura aussi soin dans toutes les occasions qui s'en présenteront de remarquer que les déclarations échangées le 24 mai **** ne s'opposent aucunement à cette mesure, parce que par cet acte l'empereur a tout promis pour assister le roi dans la défense du Nord de l'Allemagne et n'a pas signé un mot qui s'oppose à ce que s. m. i. prenne des arrangements avec la Suède pour préserver plus efficacement la Poméranie d'une attaque.

Les deux armées sur le libre passage desquelles Mr d'Alopeus insistera sont celle de Brzesc, destinée à se rendre de la Pilica par Warsovie et Breslau en Allemagne, et celle, destinée à se rendre de Grodno aux frontières du pays d'Hannovre. Si la Prusse consent au passage de la seconde armée et promet de faire des démonstrations de son côté, en alléguant en même temps pour motif du refus de laisser passer l'armée de Volhynie un manque de vivres et de fourrages, Mr d'Alopeus pourra prendre sur lui d'engager le général qui la commande à partager ses forces et à en détacher une partie qui poursuivrait sa marche par les Etats autrichiens.

**** См. док. 13, 23.

Lorsque les troupes seront entrées, Mr d'Alopeus pourra continuer à traiter de leur passage sur un pied amical par les Etats prussiens et de l'adhésion de cette cour aux projets de la Russie, mais il insistera toujours pour qu'elle s'engage à faire cause commune avec elle et l'Autriche pour les négociations et pour la guerre qui serait une suite naturelle de leur rupture.

Si les soins de Mr d'Alopeus ne pouvaient le mener à obtenir avant le 11(23) sept[embre] le consentement du roi pour le libre passage des troupes russes, ce ministre n'expédiera pas de courrier à l'armée afin de constater que les troupes avaient l'ordre en tout cas de se porter en avant à l'époque indiquée à la cour de Berlin et, par conséquent, que le parti en était irrévocablement arrêté.

Par le feldj[äger] Fedoroff le 17(29) août 1805.

Печат. по копии, отправленной посланнику в Берлине М. М. Алопеусу.
Опубл. сб. РИО, т. 82, стр. 123—131.

Перевод

Армия, сконцентрированная в Бродах[260], должна вступить в пределы австрийских владений 10(22) августа. Исходя из этой даты, следует рассчитывать все военные и дипломатические меры, направленные на то, чтобы убедить или принудить Пруссию действовать совместно с Россией и Австрией.

Известие о вступлении этой армии в Австрию дойдет до Берлина к 16(28) августа. Прусское министерство, по-видимому, отнесется к этому с большим вниманием, поэтому необходимо, чтобы к тому времени г-н Алопеус был снабжен точными инструкциями относительно линии поведения, которой он должен будет придерживаться.

С этой целью 7(19) августа из С.-Петербурга к нему будет послан курьер с письмом[261] государя императора королю прусскому и с копиями различных обязательств, существующих между Россией и другими державами. Эти документы, которые г-н Алопеус не должен соглашаться сообщать ни под каким предлогом, поставят его в известность относительно всех планов России, что необходимо для того, чтобы он мог судить о приемлемости того или иного предложения, которое ему может быть сделано.

В письме е. и. в-ва королю прусскому будут вновь изложены все мотивы, которые должны побудить его присоединиться к России как для осуществления внушительных обсервационных и посреднических вооруженных приготовлений, так и для действий против Бонапарта, если бы последний отказался в конечном счете дать гарантии для Европы, даже не заключая мира с Англией.

В инструкциях ** г-ну Алопеусу, которые будут отправлены одновременно с этим письмом, ему будет предписано конфиденциально сообщить ответ *** е. и. в-ва на ноту венского двора о мирных переговорах [255], чтобы показать таким образом, каковы планы России, не настаивая, однако, на принятии их Пруссией; но в то же время г-н Алопеус испробует все возможные средства, дабы склонить Пруссию к видам России, изложенным в декларации, врученной графом Разумовским; при этом он должен дать понять, что, если Австрия займет позицию, соответствующую желаниям России, у Пруссии больше не будет никаких оправданий для отказа поступить так же. Помимо аргументов, содержащихся в письме е. и. в-ва, Алопеусу следует употребить для достижения этой цели также все аргументы, которые ему подскажет его проницательность. Он должен заявить, что у России есть армии, готовые поддержать любое решение, которое приняла бы Пруссия и которое могло бы навлечь на нее неудовольствие Франции; что, кроме того, император имеет в резерве войска для оказания поддержки всякому государству, для которого может возникнуть опасность в связи с принятым е. и. в-вом решением.

Г-ну Алопеусу следует продолжать придерживаться такого образа действий, стараясь тянуть время до тех пор, пока не будут целиком завершены другие военные меры, которые должны способствовать тому, чтобы побудить Пруссию принять решение. Он должен постараться внушить прусскому министерству чувство полной безопасности; если у него не будет надежды склонить его к добровольному и безоговорочному присоединению к нашей системе и если он увидит, что эту задачу совершенно невозможно выполнить, не прибегая к решительным средствам, то пусть он не настаивает на ответе, чтобы не вызвать отказа, который помешал бы разговаривать впоследствии с прусским кабинетом так, как это предполагается ниже в этой записке. Он может даже отказаться принимать какие-либо официальные бумаги по этому предмету, которые не соответствовали бы прямо видам России, ссылаясь на то, что лучше не торопиться, чем дать слишком поспешно ответ, который неизбежно весьма огорчил бы

императора. Если берлинский двор тем не менее будет упорствовать в своем намерении, то нужно будет предложить ему отправить ответ через графа Гольца и не брать на себя его передачу.

Таким должен быть первый этап переговоров г-на Алопеуса, этап, который должен соответствовать по времени движению бродской армии в Австрию и продолжаться с 16(28) августа до 4(16) сентября. На втором этапе нужно будет сообразовываться со следующими мерами военного характера:

Брестская армия[262], численностью в 50 тыс. человек, не позднее 4(16) сентября двинется от границ России в направлении к Пилице, куда она прибудет к 16(28) сентября.

К этому времени равным образом будет сконцентрирована вся литовская армия[263], численностью в 100 тыс. человек, из которых 40 тыс. должны будут пройти через прусские владения, направляясь к границам Ганновера, а 60 тыс. предназначаются для оказания им поддержки в случае, если Пруссия будет препятствовать осуществлению этой меры.

Между тем войска, предназначенные для высадки в Померании[264], отправятся морским путем, будучи уже совершенно готовы к этой операции.

Второй этап переговоров начнется 4(16) сентября и должен закончиться 10(22) или 11(23), с тем чтобы г-н Алопеус мог предупредить об их результатах литовскую и брестскую армии до 16(28) сентября — дня, когда они будут готовы перейти границы Пруссии, а поскольку курьеру, которого г-н Алопеус отправит в Гродно[265], нужно приблизительно 6 дней, для того чтобы добраться до места назначения, то второй этап переговоров будет длиться всего 6—7 дней.

Для того чтобы он мог начать его 4(16), к нему будет послан из С.-Петербурга 25 августа (6 сентября) курьер, который доставит ему повеление изменить характер его демаршей перед берлинским двором.

Этот курьер доставит второе письмо[266] императора, который, извещая короля прусского о вступлении новой армии через Брест в Галицию, убедительно изобразит опасности, грозящие Европе в том случае, если эта помощь окажется недостаточной; в заключение Пруссии будет предъявлено решительное требование присоединиться к России и пропустить через свою территорию не только брестскую армию, когда она прибудет к Пилице, но и ту, которая движется из Литвы.

По прибытии этого курьера г-н Алопеус отправится к министру кабинета барону Гарденбергу и, передав ему письмо для короля, предупредит его о том, что в письме речь идет о вопросе величайшей важности, и потребует, чтобы оно было без промедления передано по его высокому назначению.

Одновременно он объявит прусскому министерству, что пока он не уполномочен делать какие-либо сообщения и что он должен ждать сообщений от берлинского кабинета относительно решений, которые примет е. в-во в связи с письмом императора.

Как только барон Гарденберг уведомит г-на Алопеуса о своем желании поговорить с ним по поводу письма е. и. в-ва королю, наш посланник должен отправиться к нему и выслушать его заявления. Если они окажутся благоприятными, нужно будет дать им ход в направлении, соответствующем намерениям России.

Если решение короля будет неблагоприятным, г-н Алопеус должен будет постараться доказать его неправильность с помощью аргументов, содержащихся в адресованном королю письме, копия которого будет ему послана для этого, не давая, однако, заметить, что ему известно содержание письма. Ему не следует прибегать к каким-либо угрозам; напротив, он должен стараться убедить прусского министра в неоспоримости той истины, что меры, предложенные Россией, являются единственно приемлемыми в данных обстоятельствах, что Пруссии нечего опасаться России, которая не заинтересована в том, чтобы вредить ей, и не стремится к этому, что, если обе эти державы допустят, чтобы Австрия подверглась нападению, и не окажут ей помощи, они не смогут больше рассчитывать ни на минуту спокойствия.

Он должен заявить барону Гарденбергу, что Австрия присоединилась к решениям, принятым е. и. в-вом в связи с нотой[255] венского двора, и сообщить ему данный графу Разумовскому ответ[267], если он уже доставлен в Берлин; если же он еще не будет получен, то пусть г-н Алопеус посоветует обратиться за ним к графу Меттерниху; необходимо, чтобы последний к тому времени был уполномочен заявить, что Австрия дала свое согласие на предложенные Россией меры и ожидает, что и берлинский двор поступит таким же образом.

Он должен настаивать на том, чтобы барон Гарденберг договорился с ним относительно немедленного обмена сходными декларациями, в которых выражалась бы решимость обоих дворов действовать в полном согласии в ожидании того, когда они смогут в дальнейшем согласовать условия, на которых его прусское в-во присоединится к видам России и Австрии; г-н Алопеус получит официальные полномочия на этот счет, как только станет известно, на каких основах король согласен вести переговоры.

Если в течение трех дней барон Гарденберг не пригласит г-на Алопеуса для того, чтобы сообщить ему о решениях короля, русский посланник должен не ждать более, а настаивать на необходимости ответа и следовать тому образу действий, которого ему было предписано выше придерживаться в случае, если бы его пригласили, чтобы объявить уклончивый или отрицательный ответ.

Тогда-то, в особенности, он должен употребить все возможные средства к тому, чтобы убедить берлинский двор действовать заодно с Россией и дать согласие на проход ее войск.

Он должен также заявить, что генералам поручено платить наличными деньгами за весь провиант, поставляемый армии, и что кабинету настоятельно необходимо заняться обеспечением провианта, потому что это будет выгоднее жителям.

Если, однако, несмотря на все свои старания, г-н Алопеус не сможет убедить г-на Гарденберга немедленно договориться с ним относительно обмена декларациями с изложением мотивов, которые король пожелал бы выставить в качестве причины, побудившей его присоединиться к планам России и дать согласие на пропуск ее войск, то наш посланник должен будет незамедлительно вручить декларацию[268] *mutatis mutandis*, подобную врученной графом Разумовским в Вене ***, и потребовать решительного ответа, предупредив барона Гарденберга, что не в его, Алопеуса, власти задержать выступление войск, ибо с.-петербургский кабинет, не сомневаясь в том, что их пропустят, дал генералам, командующим ими, точный приказ вступить 16(28) сентября в пределы Пруссии и пройти по ее территории, не совершая, впрочем, никаких враждебных действий; он должен будет также заметить барону Гарденбергу, что е. и. в-во уже не располагает временем приказать своим войскам не выступать.

Со всем возможным усердием г-н Алопеус должен непрестанно убеждать барона Гарденберга в насущной необходимости того, чтобы король пошел навстречу желаниям императора, и заявить Гарденбергу, что днем позже русский посланник будет уже не в силах даже указать генералам, командующим армиями, предпочитаемый берлинским двором маршрут следования русских войск.

На все вопросы относительно высадки корпуса войск в Померании г-ну Алопеусу следует отвечать, что эта мера, очевидно, связана со вступлением русских войск в австрийские владения; поскольку эта операция может подвергнуть Померанию угрозе вторжения, е. и. в-во, возможно, намеревается по просьбе короля шведского оградить эту провинцию от опасности внезапного нападения французов.

Русский посланник должен стараться также при всяком удобном случае подчеркивать, что декларации ****, обмен которыми был произведен 24 мая, никоим образом не противоречат этой мере, ибо этим актом император обещал всякую помощь королю в защите Северной Германии и не подписал никаких обязательств, которые препятствовали бы ему договориться со Швецией о более эффективных мерах по обороне Померании от нападения.

Г-н Алопеус будет настаивать на свободном пропуске двух армий, а именно: брестской армии, которая должна пройти из Пилицы через Варшаву и Бреслау в Германию, и той, которая направится из Гродно к границам Ганновера. Если Пруссия согласится пропустить вторую армию и пообещает осуществить со своей стороны соответствующие меры с целью демонстрации и в то же время откажется пропустить волынскую армию, ссылаясь на недостаток провианта и фуража, г-н Алопеус сможет предложить генералу, командующему этой армией, разделить свои силы, с тем чтобы часть их продолжила движение через австрийские владения.

После вступления войск г-н Алопеус сможет продолжать переговоры об их проходе на дружественных основах через прусские владения и о присоединении прусского двора к планам России, но он по-прежнему должен будет настаивать на том, чтобы этот двор обязался действовать совместно с Россией и Австрией как при переговорах, так и в войне, которая может стать естественным следствием их разрыва.

Если до 11(23) сентября старания г-на Алопеуса не приведут к получению согласия короля на свободный проход русских войск, то он не должен будет посылать курьера к армии, чтобы показать тем самым, что войска имели повеление выступить в любом случае в срок, указанный берлинскому двору, и что, следовательно, решение об этом было принято бесповоротно.

С фельдъегерем Федоровым,
17(29) августа 1805 г.

161. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

7(19) августа 1805 г.

Monsieur. Il est probable que lorsque Vous discuterez, monsieur, avec le b[ar]on de Hardenberg les motifs qui doivent engager la Prusse à s'unir à nous, il Vous demandera de le mettre au fait des dispositions dans lesquelles se trouve l'Autriche. Si c'est dans la première époque de Votre négociation que ces questions seront faites à v. ex., elle pourra répondre que le parti que l'Autriche prendra à la suite de la marche des troupes russes n'est point douteux

quoiqu'il ne soit pas encore connu; que Vous avez des notions précises sur les préparatifs militaires qu'elle a faits, qu'ils se montent maintenant à 220 m[ille] hommes réunis sur les frontières d'Italie et du côté de l'empire, que ces forces seront augmentées d'ici au premier janvier à 320 m[ille] hommes en activité, indépendamment d'un corps de réserve de 70 m[ille] hommes.

Il Vous sera facile de prouver qu'avec ces forces, auxquelles se joindront immédiatement 60 m[ille] hommes partis de Brody et 25 m[ille] rassemblés à Corfou, nous serons en état de tenir pendant assez longtemps les forces de Bonaparte en échec, mais comme, pour obtenir de lui une paix qu'on puisse espérer être durable, il faut avoir une grande supériorité de forces, l'empereur s'est décidé à faire joindre encore 100 m[ille] hommes à la première armée qui marche en ce moment et il s'attend que le roi de Prusse fournira en cas de guerre au moins 100 m[ille] de ses troupes, ce qui indubitablement déciderait la balance en notre faveur. Si ces questions Vous seront faites lorsque Vous serez arrivé à la seconde époque de la négociation, alors Vous pourrez déclarer que l'Autriche a adhéré pleinement à la marche des troupes et qu'elle est décidée à obtenir la paix générale ou, si l'on ne pouvait y parvenir, des sûretés de l'indépendance future du continent.

C'est pour coopérer à ces différents modes d'agir à l'égard de la France que nous désirons avoir des engagements de la Prusse. Si le roi considère ses véritables intérêts, il n'est aucun doute qu'il ne se range de notre côté ; car, certainement, il ne peut rien gagner dans une guerre avec nous parce que, quels que soient les événements de celle avec la France, nous emploierons toutes nos ressources pour réduire la Prusse. Tandis qu'en s'unissant à nous pour les négociations de paix et pour la guerre, dans le premier cas, elle peut espérer le rétablissement de la maison d'Orange en Hollande et la réunion de Fulde aux Etats prussiens et, dans le second cas, elle peut s'attendre à ces deux avantages et à un accroissement considérable sur la rive gauche du Rhin, ce qui ne lui donnerait d'autre charge que de défendre la Hollande contre une invasion française.

L'Angleterre, par ses engagements * avec nous, offre à la Prusse 1.250 mille l[ivres] st[erling] par an pour chaque 100 m[ille] hommes qu'elle voudra mettre en compagne et en sus, pour première mise en campagne, 4 mois de subsides. Voilà, monsieur, ce que Vous pouvez offrir à la Prusse et même Vous engager dès à présent *sub sperati* à lui procurer. Le second courrier Vous portera les pleins pouvoirs formels pour signer une transaction par laquelle la Prusse prendrait les engagements que nous lui demandons et qui consistent à faire, pour de grands avantages ce que nous faisons uniquement par zèle pour le bien général.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь! Не исключено, что, когда Вы будете обсуждать с бароном Гарденбергом мотивы, которые должны побудить Пруссию присоединиться к нам, он попросит Вас сообщить ему о намерениях Австрии. Если такой вопрос будет Вам задан на первом этапе Ваших переговоров, то в. пр-во ответите, что не может быть сомнений относительно того, какое решение будет принято Австрией в связи с движением русских войск, хотя оно еще и неизвестно; что Вы располагаете точными сведениями о сделанных ею военных приготовлениях, что в результате их в настоящий момент 220 тыс. человек сосредоточены на границах с Италией и с государствами Германской империи, что к первому января численность этих

* См. док. 117, 149.

сил будет доведена до 320 тыс. человек в строю, не считая резервного корпуса в 70 тыс. человек.

Вам легко будет доказать, что с этими силами, к которым незамедлительно присоединятся 60-тысячная армия из Брод и 25 тыс. солдат, находящихся на Корфу, мы сможем в течение довольно долгого времени успешно сражаться с войсками Бонапарта, но, поскольку для того, чтобы вынудить его к миру, который был бы достаточно прочным, надо располагать большим превосходством в силах, император решил присоединить еще 100 тыс. человек к первой армии, находящейся в настоящий момент на марше, и ожидает, что король прусский выставит в случае войны войска численностью не менее 100 тыс. человек, что, несомненно, решительно изменит соотношение сил в нашу пользу. Если же этот вопрос будет задан Вам на втором этапе переговоров, Вы сможете заявить, что Австрия дала безоговорочное согласие на проход войск и что она полна решимости добиться общего мира или, если это не удастся, гарантий будущей независимости континента.

Мы хотим, чтобы Пруссия взяла на себя обязательства для того, чтобы тем самым способствовать этим действиям, направленным против Франции. Если король будет исходить из своих подлинных интересов, он, несомненно, выступит на нашей стороне, так как он, безусловно, не может ничего выиграть в войне против нас ввиду того, что, каков бы ни был ход войны с Францией, мы употребим все наши средства для того, чтобы наказать Пруссию. В то же время, присоединившись к нам как для участия в мирных переговорах, так и для ведения войны, Пруссия может надеяться: в первом случае — на восстановление Оранского дома в Голландии и присоединение Фульды к прусским владениям, а во втором — помимо этих преимуществ также и на значительные территориальные приобретения на левом берегу Рейна, за что она должна будет лишь защищать Голландию от французского вторжения.

На основании заключенного с нами соглашения * Англия предлагает Пруссии 1250 тыс. фунтов стерлингов в год за каждые 100 тыс. солдат, которых она выставит для участия в кампании, и сверх того сумму, равную четырехмесячной субсидии, для подготовки к кампании. Это Вы, милостивый государь, можете предложить Пруссии и даже уже сейчас взять на себя обязательство sub sperati обеспечить ей это. Следующий курьер доставит Вам официальные полномочия для подписания соглашения, по которому Пруссия примет на себя обязательства, которых мы от нее требуем и которые заключаются в том, чтобы за большие выгоды сделать то, что мы делаем единственно из стремления к общему благу.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

162. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

7(19) августа 1805 г.

Monsieur. Quoique nous ne puissions croire que s. m. prussienne consente à laisser venir les choses aux dernières extrémités en se refusant obstinément à ne pas se joindre aux projets de l'empereur, il est nécessaire, cependant, de prévoir ce cas, et j'ai voulu Vous instruire, monsieur, de la marche qui sera suivie par nos généraux au cas qu'ils entrent dans les Etats prussiens sans y être autorisés par une volonté manifeste du roi.

Le 16(28) septembre — jour destiné à leur entrée — ils adresseront chacun une lettre au général prussien commandant la distance où ils effectueront le passage, et M[r] le général Michelson, qui commandera toutes les armées en chef, Vous en instruira par courrier extraordinaire.

Ces lettres exprimeront les motifs qui ont déterminé s. m. à faire marcher des troupes en Autriche, se référeront aux communications qui ont eu lieu à ce sujet par Votre canal à Berlin et se termineront par l'espoir fondé du général russe que s. m. prussienne à Votre demande a déjà fait expédier les ordres de laisser passer nos troupes par ses Etats.

Les généraux sans attendre de réponse à cet office feront marcher leurs troupes. Ils leur feront observer la plus exacte discipline et ne commettront aucunes hostilités, si les Prussiens de leur côté ne les commencent pas. Mais comme un état de guerre ouverte serait préférable à des mesures que les armées prussiennes pourraient prendre dans le secret pour tomber ensuite sur les troupes

russes, tout mouvement qui sera observé parmi les régiments stationnés dans le pays que nos armées traverseront sera envisagé comme un acte hostile.

Voilà, monsieur, la nature des instructions dont nos généraux seront munis et qu'ils rempliront avec ponctualité[269]. J'ai cru nécessaire de Vous en prévenir pour le cas où le cabinet prussien Vous annoncerait qu'il est décidé à laisser passer nos troupes sans toutefois vouloir coopérer à leur but, et si le baron de Hardenberg Vous témoignait que des mesures semblables à celles détaillées dans cette dépêche annoncent une grande méfiance dans le cabinet prussien, Vous vous attacherez à lui prouver combien il serait facile à sa cour de détruire entièrement cette méfiance en accédant pleinement à nos propositions.

Il est possible d'un autre côté que la cour de Berlin veuille envisager comme marque d'hostilité toute entrée de troupes russes sur son territoire et qu'elle Vous annonce que Vos fonctions sont terminées ; dans ce cas je dois Vous prévenir, monsieur, que l'intention de s. m. est que Vous tâchiez d'éviter autant que possible cette tournure des affaires en travaillant à tenir le plus longtemps possible Votre poste ; mais si enfin Vous ne jugiez plus pouvoir rester à Berlin sans compromettre la dignité de l'empereur, alors Vous quitterez cette ville et Vous vous rendrez à l'armée de Mr le général Michelson avec lequel Vous vous concerterez sur les négociations qu'il serait possible de continuer pour rétablir la bonne harmonie entre nous et la Prusse, mais toujours sur le principe qu'elle se joindrait à nos vues contre la France.

Cependant comme s. m. ne saurait prévoir et encore moins désirer que le roi, son allié, veuille jamais rompre réellement avec elle, l'empereur Vous prescrit de ne faire aucun préparatif quelconque pour Votre départ et de Vous en abstenir jusqu'au tout dernier moment. S. m. me charge de Vous garantir que tous les dommages auxquels Vous serez exposé dans ce cas Vous seront exactement bonifiés.

Notre conduite vis-à-vis le comte de Goltz prouvera également notre désir invariable de rester en bonne intelligence avec le cabinet de Berlin, et nous ne pensons pas à l'éloigner d'ici.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь. Хотя мы не можем поверить, что его прусское в-во решится довести дело до последней крайности, упорно отказываясь присоединиться к планам императора, следует, однако, иметь в виду такую возможность, и я решил сообщить Вам, милостивый государь, о том, какой линии поведения будут следовать наши генералы в случае, если русские войска вступят во владения Пруссии без ясно выраженного разрешения короля.

16(28) сентября, когда они должны будут вступить в Пруссию, каждый из генералов направит письмо прусскому генералу, командующему войсками на участке, где они будут проходить, а г-н генерал Михельсон, который будет осуществлять главное командование всеми армиями, известит Вас об этом с чрезвычайным курьером.

В этих письмах будут содержаться мотивы, побудившие е. в-во двинуть войска в Австрию, а также ссылка на сообщения, сделанные на этот счет через Вас в Берлине; в заключение русский генерал выразит обоснованную надежду, что его прусское в-во по Вашей просьбе уже направил распоряжения о пропуске наших войск через его владения.

Генералы, не ожидая ответа на этот демарш, двинут свои войска. Они обеспечат соблюдение самой строжайшей дисциплины и не предпримут никаких враждебных действий, если пруссаки не начнут их со своей стороны. Но, поскольку состояние открытой войны было бы предпочтительней мер, которые прусские армии могут осуществить втайне с целью напасть затем на русские войска, любое передвижение прусских полков, расположенных в районах, где будут проходить наши армии, будет рассматриваться как враждебный акт.

Таковы, милостивый государь, инструкции, которые получат наши генералы и которые они в точности выполнят[269]. Я счел необходимым предупредить Вас об этом на случай, если прусский кабинет известит Вас, что он решил пропустить наши войска, не желая, однако, участвовать в осуществлении поставленных перед ними целей, и если барон Гарденберг заявит

Вам, что меры, подобные тем, которые подробно изложены в настоящей депеше, свидетельствуют о большом недоверии к прусскому кабинету, Вы должны будете постараться доказать ему, сколь легко мог бы его двор рассеять это недоверие, полностью согласившись на наши предложения.

С другой стороны, возможно, что берлинский двор пожелает рассматривать как враждебный акт всякое вступление русских войск на его территорию и объявит Вам о прекращении Ваших функций; на этот случай я должен предупредить Вас, милостивый государь, что е. в-ву угодно, чтобы Вы старались избегать, пока это будет возможно, такого оборота дел, стремясь остаться возможно дольше на Вашем посту; но если Вы увидите в конце концов, что Вы не можете находиться дольше в Берлине, не компрометируя достоинства императора, Вы покинете этот город, направитесь в армию генерала Михельсона и договоритесь с ним относительно переговоров, которые было бы возможно продолжить в целях восстановления доброго согласия между нами и Пруссией, но по-прежнему на основе того принципа, что она присоединится к нашим видам против Франции.

Однако, поскольку е. в-во не может предполагать и тем более желать, чтобы король, его союзник, захотел когда-либо действительно порвать с ним, император предписывает Вам не делать никаких приготовлений к отъезду и воздерживаться от этого до самого последнего момента. По поручению е. в-ва я гарантирую Вам полное возмещение всех убытков, которые Вы можете понести в этом случае.

Наше поведение по отношению к графу Гольцу равным образом будет доказывать наше неизменное желание сохранить доброе согласие с берлинским кабинетом, и мы не собираемся высылать его отсюда.

Имею честь... Князь А. Чарторыйский

163. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

7(19) августа 1805 г.
Réservée

Monsieur, depuis le commencement du règne de s. m. l'empereur aucun de ses ministres n'a encore été chargé d'une négociation aussi importante que celle qui Vous est confiée aujourd'hui et aussi intimement liée aux intérêts les plus essentiels de la Russie et de toute l'Europe.

Par une succession d'événements qu'il serait inutile de récapituler, les choses en sont venues à un point que ce ne sont plus des paroles, mais des actions qu'il faut. Les alarmes des alliés de l'empereur, leur désir, leur attente, la marche de Bonaparte, ses projets, la haine, qu'il porte aux sentiments énergiques et généreux de l'empereur, sont autant de motifs divers dont la foule réunie a formé sa détermination aussi réfléchie que forte d'opposer aux projets de Bonaparte des mesures qui répondent à la grandeur du mal qu'il veut causer. Depuis quelque temps nous ne cessons d'acquérir des preuves réitérées de la haine et des désirs de vengeance dont le gouvernement français est travaillé contre la Russie. Pour Vous en donner un exemple je Vous dirai que nous savons positivement, non de Vienne mais d'une source infiniment sûre, que Bonaparte a offert il n'y a pas longtemps à l'Autriche de grands avantages en Italie pour la cession des bouches du Cattaro et de la Dalmatie etc. etc. Il est évident que ce projet n'avait pour but que de porter des coups sensibles à la Russie en envahissant ou bien en rendant tributaire l'Empire ottoman. Il est certain que Bonaparte envoie des émissaires en Perse[270] pour nous y susciter des ennemis et diriger leurs opérations Si la haine lui fait imaginer et entreprendre des combinaisons aussi éloignées, à quoi ne faut-il pas s'attendre de sa part, lorsqu'il s'agit d'éléments plus rapprochés et plus sous sa main.

Ce n'est pas dans une imprévoyante et timide inertie qu'il faut attendre les coups d'un pareil homme; c'est en les prévenant qu'on peut les éviter; mais il serait inutile de m'étendre davantage pour justifier les résolutions de notre auguste maître ; les dépêches * d'aujourd'hui Vous fourniront suffisam-

* См. док. 159—162.

ment d'arguments à cet égard et d'ailleurs les faits parlent d'eux-mêmes d'une manière assez évidente ; mon but, en Vous adressant la présente, est de chercher à compléter autant que possible les instructions renfermées dans les autres dépêches de cette expédition et d'y ajouter toutes les notions et tous les raisonnements qui ont pu être omis. Dans un moment aussi délicat on ne saurait Vous en fournir assez.

La nécessité indispensable pour l'empereur d'agir avec vigueur contre la France une fois posée en fait, la conduite qu'il est obligé de tenir vis-à-vis de la Prusse en est une suite nécessaire.

Que le roi se mette pour un moment à la place de notre auguste maître et qu'il prononce.

La Russie, en s'embarquant dans une guerre aussi lointaine, en y employant des forces aussi considérables, peut-elle permettre qu'une puissance limitrophe reste dans une inaction coupable et suspecte, tandis que le but de cette guerre est tel qu'aucun Etat ne saurait refuser d'y concourir, sans se déclarer l'ennemi de toute l'Europe, et surtout la Prusse dont la défection jadis a causé tous les malheurs de la coalition[271], dont la conduite récente a fait en grande partie les succès de Bonaparte et dont la coopération est indispensable pour qu'on puisse se combattre avec avantage.

La réussite de la noble entreprise qui va commencer et, pendant sa durée, la sûreté de l'empire de Russie sont attachées à ce que la Prusse se réunisse à nous contre l'ennemi commun. Vous savez, monsieur, que rien n'a été négligé pendant deux ans consécutifs afin d'obtenir cette réunion sincère du cabinet de Berlin aux vues généreuses de notre auguste maître. Les instances les plus vives, les témoignages d'une entière confiance, tout ce que l'amitié sincère et les sentiments les plus affectueux peuvent inspirer, tout a été employé par l'empereur pour engager s. m. prussienne à se joindre à lui. Notre cabinet, pour ainsi dire, a été sans cesse aux petits soins avec celui de Berlin ; cependant rien n'a pu le tirer de l'apathie passive dans laquelle il persévère. En attendant, les événements se sont développés au point que l'empereur a dû se décider à agir immédiatement et qu'il faut également que la Prusse prenne à présent, sans plus tarder, une détermination définitive. Si la crainte et la faiblesse dominent à un tel degré les sentiments du roi, que dans un moment aussi décisif il abandonne l'empereur dont il se dit l'ami, qui nous répondra que cette même faiblesse, cette même crainte, jointes à l'envie de figurer quand les autres puissances seront épuisées et de jouer un rôle important, ne l'engagent plus tard à entraver et à perdre les alliés, mais pourquoi chercher une combinaison dans l'avenir, la politique actuelle de la Prusse n'est-elle pas déjà assez funeste pour l'Europe et cette puissance ne veut-elle pas être maintenant (j'ose le dire à sa honte éternelle) le boulevard de la France du côté du Nord, afin que ce colosse puisse porter toutes ses forces vers le Midi et terrasser plus sûrement ceux qui voudront sauver l'Europe de ses coups.

Non, monsieur, la neutralité de la Prusse est regardée ici comme trop utile à Bonaparte, trop funeste pour l'Europe, trop inquiétante pour la Russie, pour qu'on puisse la permettre, c'est un parti pris et l'on préfère d'avoir la Prusse contre soi que de la laisser neutre.

Notre premier but reste cependant toujours d'obtenir sa coopération franche, loyale et sincère.

Si ce but est atteint — tous les vœux de l'empereur sont remplis ; s. m. est toujours animée de la plus vive et de la plus sincère amitié pour le roi.

Vous remarquerez les ménagements et les gradations délicates qu'elle a voulu mettre dans ces circonstances pressantes, et même lorsque, dans ce dernier moment décisif, elle avait fait déjà marcher des troupes en Autriche.

C'est une marque bien frappante de l'attachement invariable de s. m. i. pour le roi et du désir qu'elle a de déférer à tout ce qui peut lui être agréable jusqu'au dernier terme marqué par la nécessité.

C'est aussi la ligne de conduite qui Vous est prescrite. Vous connaissez le but, Vous avez pleine latitude dans les moyens et la marche à tenir pourvu que Vous y parveniez. Tout ce que je Vous recommande, c'est pendant la première époque de Votre négociation de faire Votre possible pour entretenir dans le cabinet prussien une entière sécurité sur nos projets. Si la cour de Berlin s'en doute trop tôt, elle voudra peut-être se mettre en mesure ; elle croira pouvoir nous résister et la guerre en sera plus certaine. Au lieu que si la Prusse se voit prise au dépourvu, peut-être s'arrangera-t-elle plus facilement à l'amiable. Je ne Vous cacherai pas, monsieur, que pour que Votre succès soit complet, il serait à désirer que Vous l'obteniez dans la première époque de Votre négociation. Une détermination spontanée du roi sans que l'ombre même d'une menace ait pu encore avoir lieu, une détermination, motivée par la marche de nos troupes en Galicie et par le rassemblement de celles destinées à soutenir le roi, serait tout ce que nous pourrions désirer.

Du moins serait-il infiniment à souhaiter que la cour signe l'acte que Vous lui demanderez avant l'entrée de nos troupes et que Vous ayez même le temps d'en faire parvenir la nouvelle à nos généraux en leur indiquant la marche qu'on leur propose de suivre et les arrangements qui ont été réglés à cet égard, qui cependant ne doivent pas les éloigner de leur but, ni être contraires à ce que la sûreté de nos armées exigera.

On doit s'attendre à bien des inconvénients, si la décision de la Prusse est tardive. Lorsque nos troupes passeront la frontière sans aucun avis de Berlin, est-il probable que les commandants prussiens, quoique privés sur ce point de toute instruction, ne leur fassent aucune résistance ; un seul coup de pistolet allumera les hostilités et elles ne seront plus faciles à arrêter. Si même les troupes prussiennes restent tranquilles pour le premier moment, je dois Vous avertir par ordre exprès de l'empereur et Vous en préviendrez en son temps le ministère prussien que le moindre mouvement parmi les troupes, leur retraite pour se joindre aux inspections de la Silésie et de la Marche, ou bien leur rassemblement dans l'ancienne et la nouvelle Prusse, ne pourront être tolérés par nos généraux et seront regardés par eux comme une déclaration de guerre.

Il est encore une circonstance sur laquelle v. ex. doit prévenir en son temps le ministère du roi. Nos troupes après être entrées payeront les fourrages et les vivres, mais il faut qu'on leur en fournisse et si le pays n'est pas en état de le faire, nos généraux demanderont qu'on leur en donne des magasins du roi. Les armées russes, pour éviter autant que possible toute difficulté, prendront avec soi des vivres pour plusieurs jours, en cas qu'elles soient pressées par la nécessité, sur un refus de les aider des magasins royaux, nos généraux seront obligés d'en demander de vive force.

Que de germes de mécontentement, de rancune et de méfiance réciproques pourraient être évités si la Prusse prenait son parti spontanément avant l'entrée de nos troupes.

Mettons que tout se passe le mieux du monde, que nous marchions sans rencontrer d'opposition, qu'on fournisse aux troupes russes des vivres, qu'aucune garnison ne bouge, nous ne pourrons cependant pas nous aventurer au-delà d'une certaine ligne sans qu'il soit nécessaire que le cabinet de Berlin, avant qu'elle en soit dépassée, ne se décide pour ou contre nous ; mais plus la Prusse tardera et plus l'aspect des choses risque de changer et de s'embrouiller par quelque incident malheureux que l'état d'incertitude et d'anxiété réciproques fera naître facilement.

Plus la Prusse retardera sa décision, plus elle aura l'air d'y être forcée et plus nous deviendrons, naturellement, ombrageux et éxigeants, car une détermination forcée n'inspire pas une grande confiance.

En recherchant les partis qu'il reste à la Prusse de prendre à la suite de nos démarches, on peut énumérer les suivants:

1. De se joindre à nous franchement et loyalement et en réunissant tous ses moyens à ceux que s. m. met en mouvement pour appuyer les propositions de paix ou pour faire la guerre à la France.

2. De déclarer qu'on ne permettra pas à nos troupes de passer et qu'on se défendra. Cette résolution vaudrait mieux pour nous que tout parti intermédiaire et qui nous laisserait des doutes, car nous désirons une décision claire et entière.

3. De proposer de se déclarer dans un certain temps. Outre que ceci ne serait admissible que comme modification d'un traité déjà signé, je ne comprends pas de quelle utilité ce délai serait à la Prusse. Bonaparte n'est nullement préparé aux événements qui vont y arriver. Les armées russes sont en pleine marche, celles de l'Autriche sont en mesure; certainement ce ne sera pas le moment que Bonaparte choisira pour tomber sur la Prusse ; mais s'il avait la volonté et les moyens de le faire, le répit demandé par elle ne la garantirait pas de ses entreprises.

Dès que nos troupes entreront dans les Etats prussiens, ce qui ne peut plus être ni empêché ni retardé, les Français considéreront cette démarche comme un acte hostile et obligeront eux-mêmes la Prusse de se déclarer pour ou contre ; la demande d'un répit qui dépasserait un terme peu considérable ne pourrait donc dénoter qu'un désir de s'entendre avec la France.

4. De rester entièrement passifs, de dire qu'ils ne peuvent et ne veulent pas s'opposer à notre passage, mais qu'ils sont décidés à ne pas faire cause commune avec nous. Ce parti serait celui auquel nous pourrions le moins consentir. Il me semble si contraire à l'honneur de la monarchie prussienne que je ne puis croire qu'on veuille l'adopter à Berlin.

Cependant il faut en prévoir la possibilité pour ne pas le permettre.

Ce parti prouverait évidemment, d'après le raisonnement contenu dans l'article précédent, que la Prusse s'est entendue avec les Français, qu'ils peuvent compter sur elle et que la cour de Berlin s'est décidée à souffrir tous les désagréments de notre part pour pouvoir plus tard nous les revaloir.

La Russie, en permettant à la Prusse de rester neutre après avoir forcé le passage, n'aurait fait qu'offenser inutilement cette puissance sans avoir rien obtenu pour le bien de la cause générale.

S. m. aura au surplus tous les ménagements possibles pour les désirs du roi, s'il ne s'agit que d'un répit dans l'arrangement des opérations réunies ; celui-là se combinera facilement d'après les circonstances, mais le principe doit déjà être agréé et l'acte signé ; et comment le roi, dans la réponse qu'il fera aux deux lettres[272] de s. m., ne lui donnerait-il pas une réponse décisive ? D'ailleurs, je le répète, dans tous les cas nos troupes ne pourront dépasser une certaine position environ à 10 ou 12 jours de marche après leur entrée sur le territoire prussien, sans qu'il soit d'absolue nécessité que la cour de Berlin se soit définitivement décidée. Nos généraux ne pourront continuer leur marche après ce terme, sans savoir positivement à quoi s'en tenir et si c'est avec des alliés sincères ou avec des ennemis qu'ils ont à faire. Un terme moyen deviendra alors de toute impossibilité. Commênt continuer la marche dans cet état de choses douteux ; avant que de le faire ils seront obligés de procéder au désarmement des troupes qui seront restées derrière dans leurs garnisons et cette mesure, que les toutes premières règles de prudence commandent, amenant de la résistance, produira également la guerre.

Puisqu'une résolution décisive est donc absolument inévitable, pourquoi ne pas la prendre une heure plus tôt, quand on peut le faire avec plus d'honneur et d'avantage.

L'empereur dans sa seconde lettre[266] proposera à s. m. prussienne une entrevue pour convenir de tout entr'eux. Cette entrevue, qui pourrait avoir lieu dans la seconde moitié du mois de septembre, temps où s. m. compte se rendre à l'armée, aurait pour but de régler tous les détails de ce qui a rapport à l'exécution même, mais l'acte préalable du concert devrait déjà être signé. Cet acte, dont il Vous sera facile de trouver la rédaction dans les différentes pièces annexées qui Vous sont envoyées, devrait contenir : 1) L'accession à l'armement de médiation et d'observation et à la négociation de l'Autriche. 2) L'accession en cas de guerre au concert avec l'Angleterre. 3) L'obligation de faire agir un certain nombre de troupes contre l'ennemi et d'en employer dès à présent une partie pour se mettre en mesure contre ses entreprises et pour coopérer à l'armement précité. 4) La demande de faire entrer nos troupes, ou la permission formelle de passer si elles étaient déjà entrées. Cet objet pourrait faire celui de déclarations dans l'esprit de celle remise à Vienne pour annoncer la marche de l'armée de Brody. De notre côté cet acte présenterait l'assurance des avantages convenus pour la Prusse en cas de paix ou de guerre et l'offre du subside dans le dernier cas. Les choses réglées sur ce principe par des déclarations préalables, le reste des objets à concerter pourrait l'être plus tard, avec moins de hâte, et nommément à l'entrevue de leurs majestés. Il sera infiniment agréable à l'empereur d'apprendre que le roi de Prusse aura immédiatement disposé d'une partie de ses troupes pour des démonstrations et pour les placer de manière à agir contre Bonaparte, car c'est cette circonstance surtout qui prouvera le plus évidemment la sincérité des sentiments de la cour de Berlin ; et si elle mettra de la mauvaise grâce et du retard à se décider, elle aura grand besoin ensuite de nous le prouver.

Je ne saurais Vous rendre assez attentif sur les différentes nuances qui peuvent exister dans la conduite de la cour de Berlin et qui motiveront celles que nous serons forcés d'adopter. Outre ce que je Vous en ai dit précédemment, j'ajouterai encore qu'en mesure de la mauvaise volonté et de l'aigreur qu'on nous montrera, ou bien si les hostilités commençaient et duraient plus ou moins de temps, en un mot, plus les décisions de la Prusse se trouveront obtenues par la force uniquement et non par la conviction, la confiance et l'amitié, plus aussi elle nous forcera à profiter de nos avantages et de nous mettre en garde contre une puissance qui n'est pas capable d'avoir des sentiments décidés et que nous devrons supposer nous garder rancune.

V. ex. aura le plus grand soin de suivre et de pénétrer les véritables sentiments que dénotera le cabinet de Berlin pendant le cours de Votre négociation, et Vous en rendrez ici un compte exact en avertissant également nos généraux de ce qui se passe, afin que nous sachions à quoi nous devons nous attendre de la part de la Prusse. Le principal sera de savoir à chaque époque au juste jusqu' à quel point on pourra se fier aux assurances de la Prusse, et s. m. Vous commet particulièrement cette tâche importante.

L'empereur ne voudrait nullement *forcer* le roi à se déclarer, et surtout s. m. désire en éviter la moindre apparence, mais elle voudrait lui inspirer une entière confiance dans ses moyens et dans ses résolutions et lui donner la conviction que la Prusse ne peut plus rester neutre. Tout ce que s. m. désire, c'est de ne pas choquer l'amour-propre et la dignité du roi, de la ménager même autant que possible. C'est dans cet esprit qu'a été rédigée la note ** que l'on Vous envoie aujourd'hui, et que s. m. veut que Vous agissiez. Si toutefois l'on

** См. док. 160.

épuise inutilement tous les moyens propres à faire agir le roi de bon gré et que l'on en vienne, contre notre plus sincère désir, aux extrémités dont j'ai fait mention dans le cours de cette lettre, ce ne sera plus en vérité notre faute, et s. m. n'aura rien à se reprocher, car elle s'est constamment attachée à laisser toujours au roi une issue honorable et avantageuse et à lui donner les moyens de prendre une résolution par lui-même. Si le roi s'y refuse, la faute en sera à lui seul. L'empereur a tout fait depuis deux ans et fait encore l'impossible pour engager s. m. prussienne à force d'instances, de raisons et de prières à suivre la seule route compatible avec les circonstances actuelles. L'empereur aura rempli les devoirs de l'amitié, mais si rien enfin ne réussit et s'il faut enfin en venir aux mains, s. m. ne reculera plus; affligée plus profondément que qui que ce puisse être au monde, c'est avec un cœur navré qu'elle sera contrainte d'user des moyens extrêmes, et la Prusse en ressentira les effets. Dans le même moment une armée russe se trouvera sur les frontières de la Silésie, un corps considérable aura débarqué en Poméranie suédoise, une armée sera aux portes de Varsovie, une autre pénétrera dans la Prusse ducale, enfin, une armée plus considérable suivra pour soutenir les deux dernières, sans compter les corps de réserve qui seront dans nos frontières. L'Autriche, la Suède, l'Angleterre et il faut espérer d'autres puissances encore feront cause commune avec nous ; le commerce prussien risquera beaucoup par nous dans la Baltique, par les Anglais dans l'Océan. La guerre sera poussée avec toute la vigueur et l'impétuosité possible afin de réduire la Prusse dans le moins de temps qu'on pourra.

Quand on envisage, d'un côté, ces dangers qu'une guerre avec la France est bien loin de pouvoir balancer, et, de l'autre, les offres de subsides, d'acquisitions, la confiance surtout que doit inspirer au roi le caractère de l'empereur comparé à celui de Bonaparte, je ne comprends pas en vérité comment la Prusse pourrait encore hésiter.

L'honneur, le bon droit, l'équité et tous les intérêts bien entendus de la cour de Berlin parlent en notre faveur.

Tous ces éléments ménagés habilement par v. ex. me font espérer un succès certain. A ces considérations l'on peut encore ajouter que Bonaparte sera pris au dépourvu, qu'il ne s'attend nullement à ce qui va arriver; qu'il veut dans ce moment entreprendre son expédition contre l'Angleterre et rien ne serait plus heureux que s'il s'y était décidé ; qu'il a dégarni entièrement le Rhin ; qu'en Italie ses forces sont inférieures à celles des Autrichiens ; qu'enfin jamais moment ne fut plus propice pour commencer.

J'ai cru devoir Vous faire part de ces différentes réflexions et données pour que Vous en fassiez usage selon les circonstances. L'empereur a voulu que Vous soyez mis au fait de tout et que rien absolument ne Vous reste caché, afin que Vous puissiez marcher d'un pas assuré droit au but.

Ce but est précis et nous ne saurions nous en écarter d'une ligne; mais dans la manière d'y parvenir on Vous laisse la plus grande latitude; tout ce que Vous croirez plus convenable, plus calculé pour produire de l'effet sur la conduite du roi et pour ne pas choquer son amour-propre, sera bien fait. Obtenir son accession sincère à nos projets est le vœu le plus ardent que forme s. m. S'il n'y a pas moyen de le voir rempli, alors les intérêts de l'Etat et la sûreté des armées régleront notre conduite. La note ** qui Vous est envoyée n'est pas pour Vous lier dans la marche que Vous adopterez. L'on n'a voulu y préciser *que les dates de l'expédition des courriers* et les deux époques entièrement distinctes de Votre négociation, dans la première desquelles Vous devrez entretenir la plus grande sécurité dans le cabinet de Berlin, tandis que dans la seconde il faudra lui peindre tous les dangers qu'il va courir en ne se déclarant pas pour nous.

L'expédition d'aujourd'hui Vous prouvera du reste la grande confiance que l'on place dans Votre zèle et dans Vos talents. Permettez que je finisse en faisant les vœux les plus sincères pour Vos succès et par l'assurance de la considération très distinguée avec laquelle j'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Печат. по подлиннику.

Перевод

Доверительно

Милостивый государь, с начала царствования е. в-ва государя нашего ни одному из его посланников не поручались переговоры, столь важные, как те, которые доверены ныне Вам, и столь тесно связанные с основными интересами России и всей Европы.

В результате событий, излагать которые было бы излишне, сложилось такое положение, что теперь от слов нужно уже переходить к действиям. Тревога союзников императора, их чаяния и ожидания, образ действий Бонапарта, его планы и ненависть, испытываемая им к решительным и великодушным намерениям императора,— все эти различные мотивы, вместе взятые, заставили императора принять решение, столь же твердое, сколь и обдуманное, противопоставить проектам Бонапарта меры, которые соответствовали бы величине того зла, которое он хочет причинить. С некоторого времени мы непрестанно получаем новые доказательства того, что французское правительство обуревают чувства ненависти и мщения по отношению к России. Для примера скажу Вам, что мы определенно знаем — не от венского двора, а из другого, безусловно достоверного, источника,— что Бонапарт предложил недавно Австрии большие преимущества в Италии за уступку ему Которской бухты, Далмации и т. д. Совершенно очевидно, что этот проект имел единственной целью нанести чувствительные удары России завоеванием Оттоманской империи или превращением ее в данницу Франции; нет сомнения, что Бонапарт посылает своих эмиссаров в Персию[270], чтобы создавать там врагов для нас и направлять их действия. Если ненависть толкает его на создание и осуществление столь далеко задуманных комбинаций, то чего только нельзя ожидать от него, когда речь идет об объектах более близких и более доступных?

Было бы непредусмотрительно ожидать ударов подобного человека, пребывая в состоянии робкого бездействия; их можно избежать, лишь предупредив их. Излишне, однако, приводить еще какие-либо доводы для обоснования справедливости решения нашего августейшего повелителя, на этот счет Вы почерпнете достаточно аргументов из сегодняшних депеш *, впрочем, и факты довольно убедительно говорят сами за себя. Я поставил перед собой цель попытаться дополнить этой депешей, насколько возможно, инструкции, изложенные в других депешах этой почты, и добавить суждения и доводы, которые могли быть в них упущены. Чем более подробные инструкции Вы получите в настоящий сложный момент, тем лучше.

Если признано, что решительные действия против Франции являются крайней необходимостью для императора, то отсюда вытекает, что линия поведения, которую он вынужден проводить в отношении Пруссии, является необходимым следствием этого.

Пусть король на мгновение поставит себя на место нашего августейшего повелителя и вынесет решение.

Может ли Россия, вступая в войну, которая будет вестись так далеко от ее границ и в которой будут заняты ее столь значительные силы, позволить, чтобы граничащая с ней держава оставалась в преступном и подозрительном бездействии, в то время как цели этой войны таковы, что ни одно государство не может отказаться от участия в ней, не объявив себя тем самым врагом всей Европы; особенно это относится к Пруссии, отступничество которой в прошлом было причиной всех несчастий коалиции[271], поведение которой еще совсем недавно в значительной мере обеспечило успех Бонапарта и сотрудничество которой необходимо для того, чтобы успешно сражаться.

Успех начинаемого благородного предприятия и безопасность Российской империи в период его осуществления зависят от присоединения Пруссии к нашей борьбе против общего врага. Вам известно, милостивый государь, что в течение двух лет подряд делалось все, чтобы добиться искреннего присоединения берлинского кабинета к благородным видам нашего августейшего повелителя. Самые упорные настояния, свидетельства полного доверия, все, что искренняя дружба и чувства глубокой привязанности могут внушить, было употреблено императором для того, чтобы побудить его прусское в-во присоединиться к нему. Наш кабинет, так сказать, всегда был крайне предупредителен по отношению к берлинскому кабинету; однако ничто не смогло вывести его из состояния бездеятельной апатии, из которого он упорно не желает выходить. Между тем в результате развития событий создалось такое положение, что император должен был решиться начать действовать немедленно; необходимо, чтобы Пруссия, не медля более, также приняла окончательное решение. Если страх и слабодушие настолько овладели королем, что в столь решительный момент он покидает императора, другом которого себя называет, то кто может гарантировать, что эти же чувства наряду с же-

лашием выступить и играть важную роль, когда другие державы уже будут истощены, не побудят позднее короля помешать союзникам и погубить их? Но зачем задумываться над комбинациями, возможными в будущем, разве нынешняя политика Пруссии не является уже пагубной для Европы и разве эта держава (к ее вечному позору, осмелюсь сказать) не желает стать сейчас оплотом Франции на севере, с тем чтобы этот колосс мог направить все свои силы на юг и более легко разгромить тех, кто пожелает спасти Европу от его ударов?

Нет, милостивый государь, здесь полагают, что нейтралитет Пруссии слишком полезен Бонапарту, слишком пагубен для Европы и слишком тревожит Россию, чтобы его можно было допустить; это решено, и здесь скорее предпочитают иметь Пруссию в числе врагов, чем позволить ей быть нейтральной.

Однако мы по-прежнему стремимся прежде всего к тому, чтобы добиться ее откровенного, честного и искреннего сотрудничества.

Если эта цель будет достигнута, то сбудутся все чаяния императора; е. в-во неизменно испытывает чувства самой глубокой и искренней дружбы по отношению к королю.

Вы увидите, с какой осторожностью, мягкостью и умеренностью государь действовал при столь неотложных обстоятельствах даже тогда, когда в этот последний решительный момент он двинул свои войска в Австрию. В этом весьма ярко проявляется как неизменное расположение е. и. в-ва к королю, так и его желание идти на все, что может быть ему приятно, до того последнего предела, который создается необходимостью.

Вам предписывается та же линия поведения. Цель Вам известна, и Вы совершенно свободны в выборе средств и образа действий, лишь бы Вы достигли ее. Я Вам рекомендую лишь сделать в первой стадии переговоров все возможное, чтобы у прусского кабинета не возникло беспокойства относительно наших планов. Если берлинский двор догадается о них слишком рано, он захочет, может быть, подготовиться, сочтет, что сможет противостоять нам, и в результате вероятность войны увеличится. Если же Пруссия будет застигнута врасплох, то, возможно, с ней будет легче достигнуть полюбовного соглашения. Не скрою от Вас, милостивый государь, что, для того чтобы Ваш успех был полным, желательно, чтобы Вы его добились в первой стадии переговоров. Решение короля, принятое им по собственному побуждению, без того, чтобы имела место хоть малейшая угроза, решение, принятое в связи с движением наших войск в Галицию и сосредоточением войск, предназначенных для оказания поддержки королю,— вот все, чего мы могли бы желать.

Было бы крайне желательно, по меньшей мере, чтобы этот двор подписал акт, который Вы от него будете требовать, до вступления наших войск и чтобы Вы успели известить об этом наших генералов, сообщив им маршруты следования и соглашения, достигнутые на этот счет, которые, однако, не должны удалять их от поставленной перед ними цели или противоречить требованиям безопасности наших армий.

Если Пруссия промедлит с принятием решения, то следует ожидать многих неудобств. Если наши войска перейдут границу, не получив никаких уведомлений из Берлина, то возможно ли, чтобы прусские военачальники не оказали им никакого сопротивления, хотя у них и не будет никаких инструкций на этот счет; один пистолетный выстрел развяжет военные действия, и тогда остановить их будет нелегко. Если даже в первый момент прусские войска останутся спокойными, то должен Вас предупредить, по особому повелению государя императора (и в свое время Вы предупредите об этом прусское министерство), что малейшее движение среди войск, их отход для соединения с войсками силезской и военно-пограничной инспекций или же их сосредоточение в старой и новой Пруссии не смогут быть терпимы нашими генералами и будут рассматриваться ими как объявление войны.

Есть еще одно обстоятельство, о котором в. пр-ву надлежит предупредить в свое время министерство короля. Наши войска, вступив на прусскую территорию, будут оплачивать фураж и провиант, но нужно, чтобы им их поставляли, и если это нельзя будет сделать на местах, то наши генералы попросят, чтобы они были выданы из складов короля. Чтобы избежать, насколько возможно, каких-либо затруднений, русские армии возьмут с собой продовольствие на несколько дней, и наши генералы потребуют его силой лишь в случае крайней необходимости, будучи вынуждены к этому отказом в помощи за счет королевских складов.

Сколько поводов для взаимного недовольства, огорчения и недоверия могло бы быть устранено, если бы Пруссия приняла свое решение по собственному побуждению, до вступления наших войск.

Допустим, что все идет наилучшим образом, что мы продвигаемся, не встречая сопротивления, что русским войскам поставляется провиант, что ни один гарнизон не двигается, и тем не менее необходимо, чтобы берлинский кабинет высказался за или против нас, прежде чем мы рискнем перейти определенную черту. Но чем больше Пруссия будет медлить, тем больше риска, что положение вещей изменится и усложнится в результате какого-либо инцидента, который легко может возникнуть в обстановке взаимной неуверенности и тревоги.

Чем дольше Пруссия будет медлить со своим решением, тем больше будет казаться, что ее к этому вынудили, и тем более недоверчивыми и требовательными будем мы, что совершенно естественно, так как вынужденное решение не внушает большого доверия.

Рассмотрим вопрос о решениях, которые Пруссия может принять вследствие наших демаршей. Можно указать следующие варианты:

1. Искренне и честно присоединиться к нам и объединить все свои силы с теми силами, которые е. в-во приводит в действие с целью поддержать предложения о мире или вести войну против Франции.

2. Заявить, что они не позволят пройти нашим войскам и будут защищаться. Такое решение было бы для нас лучше любого промежуточного решения, которое оставляло бы место сомнениям, так как мы хотим ясного и полного ответа.

3. Предложить объявить свою позицию через некоторое время. Не говоря уже о том, что это было бы допустимо лишь в порядке изменения уже подписанного договора, я не понимаю, какую пользу принесла бы Пруссии подобная отсрочка. Бонапарт совершенно не подготовлен к событиям, которые должны произойти. Русские армии уже продвигаются вперед, австрийские находятся в состоянии готовности, и, конечно, не этот момент выберет Бонапарт для нападения на Пруссию; но если бы у него было намерение и средства сделать это, то отсрочка, о которой она попросила бы, не гарантировала бы ее от его нападения.

Вступление наших войск в прусские владения, чему нельзя уже помешать и что нельзя отсрочить, будет расценено французами как враждебный акт, и они немедленно сами заставят Пруссию объявить, на чью сторону она становится; просьба о длительной отсрочке могла бы свидетельствовать лишь о желании договориться с Францией.

4. Остаться совершенно пассивной и заявить, что они не могут и не хотят препятствовать прохождению наших войск, но что они решили не действовать сообща с нами. На такое решение мы менее всего могли бы согласиться. На мой взгляд, оно настолько несовместимо с честью прусской монархии, что я не могу поверить, чтобы в Берлине захотели принять его.

Однако следует предусмотреть такую возможность, с тем чтобы не допустить этого.

В силу соображений, изложенных в предыдущем параграфе, подобное решение со всей очевидностью доказывало бы, что Пруссия вступила в соглашение с французами, что последние могут на нее рассчитывать и что берлинский двор решил претерпеть от нас все неприятности, с тем чтобы впоследствии отплатить нам за них.

Позволить Пруссии оставаться нейтральной после того, как Россия осуществит проход своих войск без ее согласия, означало бы лишь напрасно оскорбить эту державу, ничего не добившись для блага общего дела.

Впрочем, е. в-во будет, возможно, более уступчив к пожеланиям короля, если речь будет идти лишь об отсрочке в деле составления плана объединенных операций. Об этом легко можно было бы договориться применительно к обстоятельствам, но сам принцип должен быть уже принят и соглашение подписано. Да и как сможет король не дать решительного ответа, отвечая на два письма[272] е. в-ва? К тому же, повторяю, в любом случае, когда наши войска достигнут определенной линии (примерно через 10—12 дней марша после их вступления на прусскую территорию), возникнет абсолютная необходимость того, чтобы берлинский двор принял окончательное решение. По истечении этого срока наши генералы не смогут продолжать движение, не зная определенно, как им надлежит действовать и с кем они будут иметь дело — с искренними союзниками или с врагами. Какое-либо компромиссное решение будет тогда совершенно невозможно. Как продолжать движение в такой неопределенной обстановке? Прежде чем сделать это, они будут вынуждены приступить к разоружению прусских войск, оставшихся позади в своих гарнизонах, а эта мера, диктуемая основными правилами предосторожности, вызвав сопротивление, также приведет к войне.

Поскольку Пруссии неизбежно придется определить свою позицию, то почему не принять решения часом раньше, когда это можно сделать с большим достоинством и выгодой?

Во втором своем письме[266] император предложит его прусскому в-ву встретиться, чтобы договориться обо всем. Эта встреча, которая могла бы состояться во второй половине сентября, когда е. в-во рассчитывает отправиться к армии, имела бы целью урегулировать все детали, относящиеся к осуществлению соглашения о совместных действиях, но само предварительное соглашение уже должно быть подписано. Этот акт, редакцию которого Вы найдете в приложенных здесь бумагах, должен будет содержать следующее:

1) согласие на участие в обсервационной армии, создаваемой для поддержания посредничества, и в переговорах Австрии;

2) присоединение в случае войны к соглашению о совместных действиях с Англией;

3) обязательство выставить против неприятеля определенное количество войск и использовать теперь же часть их для того, чтобы подготовиться к оказанию сопротивления его действиям и принять участие в создании упомянутой армии;

4) просьба ввести наши войска или официальное разрешение на проход их, если бы они уже вступили. Это могло бы явиться предметом деклараций в духе той, которая была вручена в Вене с целью известить о вступлении бродской армии. С нашей стороны в этом акте гарантировались бы преимущества для Пруссии, относительно которых достигнута договоренность, как на случай мирного урегулирования, так и на случай войны, а также предлагались бы субсидии в этом последнем случае. После того как дело было бы урегулировано на основе этого принципа предварительными декларациями, остальные вопросы могли бы быть согласованы позже, в меньшей спешке, в частности при встрече их величеств. Императору будет бесконечно приятно узнать, что король прусский немедленно выделит часть своих армий для осуществления демонстраций и расположит их таким образом, чтобы они были готовы дей-

ствовать против Бонапарта, так как именно это убедительнее всего докажет искренность намерений берлинского двора; если же последний будет проявлять нежелание и медлить с решением, то впоследствии ему надо будет сделать очень много, чтобы доказать нам это.

Очень прошу Вас быть крайне внимательным к различным нюансам в поведении берлинского двора, от которых будет зависеть выбор нами соответствующего образа действий. К уже сказанному мной на этот счет добавлю, что, если Пруссия выкажет нежелание и недовольство, если начнутся и какое-то время будут продолжаться военные действия, одним словом, чем в большей мере решения Пруссии будут приняты лишь под давлением силы, а не вследствие убежденности, доверия и дружбы, тем в большей мере она будет вынуждать нас использовать наши преимущества и не доверять державе, которая не способна принимать твердые решения и, как мы должны будем предполагать, затаила против нас злобу.

В. пр-ву следует весьма внимательно наблюдать и стараться разгадать истинные намерения берлинского двора, которые он может проявить во время переговоров с Вами, и дать нам об этом точный отчет, предупредив также обо всем происходящем наших генералов, чтобы мы знали, чего нам следует ожидать со стороны Пруссии. Основное — в каждый данный период знать в точности, до какой степени можно полагаться на заверения Пруссии, и е. в-во поручает Вашему особому попечению эту важную задачу.

Императору вовсе не хотелось бы *принуждать* короля к принятию решения; е. в-во особенно желает избегнуть даже видимости этого, напротив, он хочет внушить королю полное доверие к своим действиям и решениям и убедить его в том, что Пруссия не может больше оставаться нейтральной. Е. в-во стремится к тому, чтобы отнюдь не задевать самолюбия и достоинства короля и даже, насколько возможно, щадить их. Записка **, направляемая Вам сегодня, составлена именно в таком духе, и е. в-ву угодно, чтобы Вы действовали таким же образом. Если тем не менее все средства, способные побудить короля к добровольным действиям, окажутся безрезультатными и мы вопреки нашим самым искренним желаниям будем вынуждены прибегнуть к крайним мерам, упомянутым мной в этом письме, то это произойдет действительно не по нашей вине и е. в-ву не в чем будет себя упрекнуть, так как он неизменно старался оставить королю почетный и выгодный выход и предоставить ему все возможности принять решение по собственному побуждению. Если король откажется сделать это, то вся вина ляжет на него одного. В течение двух лет государь делал все и в настоящее время продолжает делать все возможное и невозможное, чтобы побудить его прусское в-во при помощи настояний, доводов и просьб пойти по единственному при данных обстоятельствах пути. Государь выполнит то, чего требует от него долг дружбы, но, если он не достигнет успеха и возникнет необходимость применить силу, е. в-во не отступит больше; опечаленный больше, чем кто бы то ни было в мире, он будет принужден с болью в сердце прибегнуть к крайним средствам, последствия которых Пруссия ощутит на себе. В одно и то же время одна из русских армий подойдет к границам Силезии, сильный корпус высадится в Шведской Померании, другая армия явится к Варшаве, третья войдет в собственно Пруссию; наконец, с целью оказания поддержки этим двум последним армиям, вслед за ними выступит еще одна, более значительная, не считая резервных корпусов, которые будут расположены на наших границах. Австрия, Швеция, Англия и, нужно надеяться, другие державы будут действовать совместно с нами; мы будем всемерно препятствовать прусской торговле на Балтике, англичане — в Атлантическом океане. Война будет вестись со всей возможной стремительностью и энергией, с тем чтобы разгромить Пруссию в возможно кратчайший срок.

Если учесть, с одной стороны, все эти опасности, являющиеся гораздо более серьезными, чем те, которые принесет ей война с Францией, а с другой стороны, обещания субсидий и приобретений и, особенно, доверие, которое должен внушать королю характер императора по сравнению с характером Бонапарта, то мне действительно непонятно, как Пруссия может еще колебаться.

Честь, истинное право, справедливость и все истинные интересы берлинского двора говорят в нашу пользу.

Если в. пр-во осторожно и умело используете все эти доводы, то можно надеяться на верный успех. К этим соображениям следует добавить то, что Бонапарт будет застигнут врасплох, что он совсем не ожидает того, что произойдет, что он собирается в настоящий момент предпринять экспедицию против Англии и было бы очень хорошо, если бы он решился на это, что он снял все свои войска с Рейна, что в Италии силы австрийцев превосходят его силы и что, наконец, никогда момент не был столь благоприятным для того, чтобы начать действовать.

Я счел нужным поделиться с Вами этими различными мыслями и соображениями для того, чтобы Вы могли их использовать применительно к обстоятельствам. Император повелел осведомить Вас обо всем и ничего не утаивая, с тем чтобы Вы могли уверенно идти прямо к цели.

Цель эта точно определена, и мы не можем отступать от нее ни на йоту; но что касается того, как достигнуть ее, то здесь Вам предоставляется широкая свобода действий; все, что Вы сочтете подходящим и разумным для того, чтобы повлиять на образ действий короля, не задевая его самолюбия, следует сделать. Добиться искреннего присоединения короля к нашим планам — вот самое горячее желание е. в-ва. Если же не будет возможности осуществить его, то

тогда интересы государства и требования безопасности наших армий определят нашу линию поведения.

Записка ** послана Вам не для того, чтобы связать Вам руки в выборе образа действий. Мы хотели лишь точно определить *даты отправления курьеров* и два совершенно различных этапа Ваших переговоров: на первом этапе Вы должны поддерживать в берлинском кабинете чувство полной безопасности, на втором же этапе нужно будет обрисовать все те опасности, которым он подвергнется, если не выступит на нашей стороне.

Впрочем, сегодняшняя почта покажет Вам, какое большое доверие мы питаем к Вашему усердию и талантам. Позвольте мне в заключение искренне пожелать Вам успеха и заверить в глубочайшем почтении, с которым имею честь...

Князь А. Чарторыйский

164. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

7(19) августа 1805 г.

Monsieur! J'ai exactement reçu en son temps le rapport de v. ex. № 131 où elle m'instruit de la conversation qu'elle a eue avec Mr l'électeur de Hesse[273]. J'en ai rendu compte à l'empereur qui a appris avec une véritable satisfaction les dispositions dans lesquelles se trouve ce prince, et s. m. i. m'a chargé, maintenant que toutes les mesures concertées contre la France se développent, de Vous munir des instructions nécessaires pour donner suite aux offres de son altesse électorale.

En établissant pour base que ce prince fournira 30 mille hommes pour se réunir aux armées russes, nos arrangements avec l'Angleterre * nous permettent de lui promettre 375 mille liv[res] sterl[ing] de subsides par an, pendant toute la durée de la guerre, et en sus le tiers de cette somme à titre de première mise en campagne pour subvenir aux frais d'armement et d'équipement de ses troupes.

L'empereur aurait confié avec plaisir à s[on] a[ltesse] électorale le commandement des troupes qu'il fait marcher en ce moment en Allemagne, mais il a déjà pris à cet égard des arrangements qui s'y opposent.

Cependant, comme il y a encore un très grand nombre de troupes russes destinées à se rendre en Allemagne, il sera possible à l'empereur d'en mettre une partie sous les ordres de l'électeur qui y joindrait les 30 mille qu'il veut fournir, ce qui formerait une armée qui pourrait être renforcée par la suite par différents corps de troupes d'empire et se charger d'opérations importantes.

Pour maintenir le secret de l'intelligence qu'on pourrait établir dès à présent avec l'électeur, Vous pourrez convenir de la teneur d'une lettre qu'il adresserait à s. m. i. qui, en acceptant ses offres, promettrait de remplir les conditions dont elles seraient accompagnées, si elles ne surpassaient pas ce qui est mentionné dans cette dépêche.

Si l'électeur désirait s'assurer de quelques acquisitions territoriales à la paix, Vous demanderiez, monsieur, en quoi elles devraient consister, et si elles n'étaient pas de nature à présenter de trop grandes difficultés à procurer, Vous pourriez promettre que l'empereur y apporterait des soins et y engagerait également ses alliés.

Cet engagement éventuel de l'électeur d'agir resterait entièrement secret, et pour ne point le compromettre vis-à-vis de la France s. m. i. ferait faire, par le commandant d'une de ses armées, une sommation en forme à s[on] a[ltesse] électorale, qui y répondrait en consentant à joindre ses forces aux armées russes.

---

* См. док. 117, 149.

Voilà, monsieur, le mode, sur lequel nous pourrions dès à présent nous entendre avec l'électeur, et Vous voudrez bien me faire savoir le plus tôt possible quels succès les soins, que Vous apporterez à cet objet, auront obtenu.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, я исправно и в срок получил донесение в. пр-ва № 131, в котором Вы мне сообщаете о Вашей беседе с г-ном курфюрстом Гессенским[273]. Я доложил об этом императору, который с истинным удовлетворением узнал о намерениях этого государя; е. и. в-во поручил мне теперь, когда все согласованные меры против Франции уже осуществляются, снабдить Вас необходимыми инструкциями для того, чтобы дать ход предложениям его курфюршеского высочества.

Приняв за основу то, что этот государь выставит 30 тыс. человек, которые присоединятся к русским армиям, мы можем, в соответствии с нашими соглашениями * с Англией, пообещать ему субсидии в размере 375 тыс. фунтов стерлингов в год в течение всего времени, пока будет продолжаться война, и сверх того треть этой суммы в качестве субсидии на подготовку к кампании, для покрытия расходов на вооружение и снаряжение его войск.

Император с удовольствием доверил бы его курфюршескому высочеству командование войсками, которые он отправляет сейчас в Германию, но он уже предпринял в этом отношении шаги, препятствующие этому.

Однако, поскольку в Германию еще должно быть отправлено большое количество русских войск, император сможет отдать часть их под командование курфюрста, и в результате объединения их с теми 30 тыс. человек, которые он хочет выставить, была бы создана армия, которая была бы усилена впоследствии за счет войск империи; ей можно было бы поручать серьезные операции.

Чтобы сохранить в тайне соглашение с курфюрстом, которого можно было бы достигнуть уже сейчас, Вы можете договориться о содержании письма, которое он направит е. и. в-ву; последний, принимая его предложения, дал бы обещание выполнить те условия, которыми они сопровождались бы, если они не будут идти дальше того, о чем говорится в этой депеше.

Если курфюрст пожелает обеспечить себе при заключении мира некоторые территориальные приобретения, Вам, милостивый государь, нужно будет спросить, чего именно он хочет, и, если Вы сочтете, что их можно будет обеспечить без особых затруднений, можете пообещать ему, что император позаботится об этом и побудит к этому также и своих союзников.

Это эвентуальное обязательство курфюрста действовать оставалось бы в полной тайне, и, чтобы не скомпрометировать его перед Францией, е. и. в-во мог бы приказать командующему одной из своих армий обратиться к его курфюршескому высочеству с соответствующим требованием по всей форме, на которое последний ответил бы согласием соединить свои войска с русскими армиями.

Именно о таком образе действий мы могли бы, милостивый государь, уже сейчас договориться с курфюрстом; соблаговолите сообщить мне как можно скорее результаты Ваших стараний.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

Александр I Фридриху-Вильгельму III

7(19) августа 1805 г.

Посредничество, предпринятое Австрией с целью добиться от Наполеона удовлетворения справедливых требований европейских держав[255], может иметь успех только в том случае, если оно будет поддержано созданием внушительной наблюдательной армии у французских границ с участием войск России, Австрии и Пруссии, которая должна будет немедленно начать военные действия против Франции в случае отказа Наполеона согласиться на предъявленные ему условия.

Ввиду этого Александр I принял решение придвинуть свои армии к французским границам. Часть войск уже двигается через территорию Австрии. Император не сомневается, что Фридрих-Вильгельм III согласится на проход остальной части русских войск через территорию Пруссии и присоединится к действиям России и Австрии.

Bailleu, Correspondance inédite, p. 68—71.

Посланник в Константинополе А. Я. Италинский главноуправляющему в Грузии П. Д. Цицианову

7(19) августа 1805 г.

Сообщение об урегулировании инцидента в Анаклии[218] в соответствии с интересами Турции. Извещение о том, что в Персию направляются инкогнито французские эмиссары Жобер и Ромье * с полномочиями от Наполеона убедить персидского шаха продолжать войну с Россией и обещать ему финансовую и военную помощь.

АКАК, т. II, стр. 884—885.

Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Лондоне С. Р. Воронцову

9(21) августа 1805 г.

Сообщение о том, что австрийское правительство заявило о своем предварительном присоединении к англо-русскому договору от 30 марта (11 апреля) 1805 г., но выдвинуло ряд требований, от принятия которых во многом зависит окончательное присоединение Австрии к коалиции. С. Р. Воронцову предписывается добиться от английского правительства принятия австрийских требований и обсудить с ним вопрос о субсидиях для Швеции.

Арх. Воронцова, кн. XV, стр. 348—351.

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов Аббас-Кули-хану Нахичеванскому

14(26) августа 1805 г.

Согласие удовлетворить просьбу Аббас-Кули-хана о принятии Нахичеванского ханства в подданство России.

АКАК, т. II, стр. 635—636.

165. Декларация посла в Вене А. К. Разумовского Министерству иностранных дел Австрии[274]

*19(31) августа 1805 г.***

Il serait superflu de revenir ici sur les motifs qui ont déterminé s. m. l'empereur de toutes [les] Russies à rappeler le plénipotentiaire qu'elle avait expédié de concert avec s. m. britannique pour traiter de la paix avec le chef du gouvernement français.

Ces motifs sont trop justes et trop évidents pour n'être pas appréciés par toute l'Europe. Ils ont été énoncés dans la note[236] remise au ministère de s. m. prussienne par Mr de Novossiltzoff le 28 juin (10 juillet) et la résolution *** qu'ils ont provoquée n'est qu'une conséquence des mêmes sentiments et des mêmes principes qui ont constamment porté s. m. i. à employer ses soins assidus au rétablissement de la tranquillité générale.

Depuis la rupture entre l'Angleterre et la France s. m. a vu avec surprise et douleur la majeure partie des Etats du continent successivement forcés à porter le fardeau d'une guerre purement maritime dans son principe et étrangère à

---

* См. прим. 246, 247.

** Дата вручения декларации А. К. Разумовским австрийскому министерству иностранных дел. Текст декларации был составлен в С.-Петербурге.

*** См. док. 147.

leurs intérêts directs; mais elle n'a pu conserver l'espoir que les voies d'une négociation franche et amicale suffiraient pour faire cesser cet état des choses affligeant, lorsqu'elle eut appris que, sans aucun égard pour les démarches solennelles qui tendaient à rétablir la paix et au moment même où la Russie offrait de traiter de sa conclusion, de nouveaux Etats encore perdaient leur indépendance[275].

Si donc s. m. i. a pris la résolution de rappeler son plénipotentiaire, c'est uniquement parce qu'elle avait acquis l'entière certitude que cette mission n'aurait point de résultats satisfaisants et non que ses vœux ardents pour rendre la paix à l'Europe se fussent aucunement ralentis.

La preuve la plus éclatante que l'empereur puisse en donner est d'adhérer maintenant à la demande[255] qui vient d'être faite par s. m. i[mpéria]le et r[oya]le a[postolique] simultanément à l'Angleterre, à la Prusse, à la France et à la Russie dans le but de voir renouer la négociation interrompue.

Cependant s. m. i. ne saurait en même temps se cacher la pro[ba]bilité qu'une conduite de la part du gouvernement français, pareille à celle qui a déjà forcé l'empereur à rétracter ses premiers pas pour une négociation de paix, ne rende encore infructueuse celle que l'Autriche propose de renouer.

L'appréhension pénible, mais que l'expérience justifie, de voir de nouveaux empiétements exécutés au moment où la négociation aura été acceptée ou pendant son cours; celle que des dangers plus grands naîtront pour l'Europe d'une démarche qui n'a pour but que de la sauver; la certitude qu'ils seront inévitables dès que les justes demandes**** des puissances continentales aussi bien que celle que le gouvernement français veut soutenir à la suite de ses envahissements successifs, n'auront pu être satisfaites d'aucune part; l'obligation surtout où se trouve l'empereur, dans des circonstances aussi calamiteuses et difficiles, de venir au secours de ses alliés dont la sûreté et même l'existence est imminemment menacée et de leur offrir enfin non une assistance illusoire, mais réelle, immédiate et efficace, toutes ces considérations réunies tracent la seule conduite qu'il appartient à s. m. i. de suivre. La Russie ne peut plus maintenant reprendre le fil des négociations interrompues qu'en se mettant en état de secourir ses alliés au moment où ils seraient attaqués et de garantir l'Europe d'un bouleversement ultérieur. Elle doit combiner ses mesures de manière à se procurer un espoir fondé que la négociation de paix pourra promettre des résultats plus heureux que ceux que l'on a obtenus de toutes les démarches pacifiques qui ont été faites jusqu'ici et qui, malheureusement, n'ont été marquées que par le manque d'égards, que le gouvernement français a montré pour les instances et les représentations de la Russie et des autres puissances continentales, et par un accroissement toujours répété des dangers de l'Europe.

C'est en conséquence de tout ce qui vient d'être allégué que le soussigné a ordre de faire connaître au ministère de s. m. i[mpériale] et r[oyale] a[postolique], en réponse à la note[255] que M^r l'ambassadeur comte de Stadion a remise au cabinet de St.-Pétersbourg le 26 juillet (7 août), que s. m. l'empereur de toutes les Russies a pris sur son contenu les déterminations suivantes:

D'adhérer à la demande de renouveler les négociations de paix rompues par le rappel de Mr de Novossiltzoff et d'y procéder aussitôt que le chef du gouvernement français aura manifesté une disposition semblable.

De faire avancer immédiatement deux armées de 50 m[ille] hommes chacune à travers la Gallicie vers le Danube[276] dans le but de combiner avec les négociations de paix un armement puissant de médiation et d'observation, propre à prévenir des empiétements ultérieurs pendant le travail de la

---

**** См. док. 148.

pacification et à garantir à son issue l'Autriche et les pays avoisinants de toute attaque de la part de la France.

D'inviter s. m. i[mpéria]le et r[oya]le et d'autres puissances encore à coopérer de leur côté à cette mesure salutaire dont le gouvernement français, s'il veut lui-même juger avec impartialité, reconnaîtra la convenance.

Le soussigné, en s'acquittant auprès du ministère de s. m. i[mpéria]le et r[oya]le a[postolique] du présent office, doit y ajouter par ordre exprès de l'empereur, son maître, que c'est uniquement le désir le plus sincère de rendre la paix à l'Europe qui règle sa conduite en cette occasion, que la Russie apportera aux négociations de paix les dispositions les plus conciliantes et les plus propres à en amener l'heureuse issue et qu'elle déclare solennellement être prête à retirer ses troupes aussitôt que ce résultat tant désiré aura été obtenu par des sûretés suffisantes pour tous les Etats de l'Europe.

S. m. i. invite formellement s. m. i[mpériale] et r[oyale] a[postolique] de se joindre aux mesures qu'elle a adoptées et le soussigné est autorisé à s'entendre avec son ministère sur tout ce qui peut être relatif à cet objet important.

Помета Александра I: Быть по сему.

Августа 3 дня 1805 г.

Отправлено 3 августа.

Печат. по отпуску.

Перевод

Было бы излишне вновь излагать мотивы, побудившие е. в-во императора всероссийского отозвать полномочного представителя, направленного им по договоренности с его британским в-вом для ведения переговоров о мире с главой французского правительства.

Эти мотивы слишком справедливы и очевидны, чтобы не быть одобренными всей Европой. Они были изложены в ноте[236], врученной г-ном Новосильцевым 28 июня (10 июля) министерству его прусского в-ва, и решение ***, принятое в связи с ними, является лишь следствием тех чувств и принципов, которые всегда побуждали е. и. в-во неизменно заботиться о восстановлении всеобщего спокойствия.

С момента разрыва между Англией и Францией е. в-во с горечью и удивлением видел, что большинство континентальных государств одно за другим вынуждаются нести бремя войны, в принципе являющейся чисто морской и чуждой их непосредственным интересам; но государь не мог более надеяться покончить со столь прискорбным положением вещей посредством откровенных и дружеских переговоров, после того как он узнал, что все торжественные демарши, направленные на восстановление мира, оставляются без внимания и что в тот самый момент, когда Россия предлагает вести переговоры о заключении мира, все новые и новые государства теряют свою независимость[275].

И если е. и. в-во принял решение отозвать своего полномочного представителя, то это было сделано потому, что он убедился в том, что эта миссия не будет иметь удовлетворительных результатов, а отнюдь не потому, что он охладел в своем горячем стремлении вернуть мир Европе.

Он наиболее убедительным образом доказывает это, давая согласие на предложение [255], сделанное его императорским и королевским апостолическим в-вом одновременно Англии, Пруссии, Франции и России в целях возобновления прерванных переговоров.

Однако е. и. в-во не может в то же время не видеть возможности того, что образ действий французского правительства, который уже вынудил императора аннулировать сделанные им первые демарши в направлении мирных переговоров, приведет к тому, что переговоры, которые Австрия предлагает возобновить, также окажутся бесплодными.

Тягостное, но оправдываемое опытом опасение, что новые посягательства будут совершены в тот момент, когда будет принято предложение о переговорах или во время их; опасения, что для Европы возникнет еще большая опасность в результате демарша, единственная цель которого — спасение ее; уверенность в том, что эта опасность станет неизбежной, едва только справедливые требования**** континентальных держав и требования, которые станет отстаивать французское правительство в связи со своими многочисленными захватами, будут взаимно отклонены, и особенно то, что император считает своим долгом при столь бедственных и трудных обстоятельствах прийти на помощь союзникам, безопасность и само существование которых находятся под непосредственной угрозой, и предложить им, наконец помощь не иллюзорную, а реальную, немедленную и действенную,— все эти соображения, вместе

взятые, и определяют ту единственную линию поведения, которой е. и. в-во должен следовать. Россия может теперь возобновить прерванные переговоры, лишь обеспечив себе возможность прийти на помощь своим союзникам сразу же после того, как они подвергнутся нападению, и оградить Европу от дальнейших потрясений. Она должна избрать такой образ действий, который дал бы ей возможность твердо надеяться на то, что мирные переговоры дадут результаты более счастливые, чем те, которые были достигнуты благодаря всем мирным демаршам, предпринятым до настоящего времени и отмеченным, к сожалению, лишь пренебрежением французского правительства к настояниям и представлениям России и других континентальных держав и постоянным усилением опасности для Европы.

На основании вышеизложенного нижеподписавшийся имеет повеление довести до сведения министерства его императорского и королевского апостолического в-ва, что в ответ на ноту [255], которую г-н посол граф Стадион вручил 26 июля (7 августа) санкт-петербургскому кабинету, е. в-во император всероссийский принял по ее содержанию следующие решения:

Согласиться с предложением возобновить мирные переговоры, прерванные в результате отозвания г-на Новосильцева, и приступить к ним, как только глава французского правительства выразит подобное же намерение.

Двинуть немедленно две армии, по 50 тыс. человек каждая, через Галицию к Дунаю [276], имея в виду сочетать мирные переговоры с внушительными вооруженными приготовлениями в порядке наблюдения и посредничества, способными воспрепятствовать дальнейшим захватам в ходе мирных переговоров и гарантировать Австрию и соседние страны от нападения со стороны Франции, которое могло бы явиться их следствием.

Предложить его императорскому и королевскому апостолическому в-ву, а также другим державам принять со своей стороны участие в этой спасительной мере, уместность которой должно будет признать и французское правительство, если оно пожелает судить об этом беспристрастно.

Делая министерству его императорского и королевского апостолического в-ва данное официальное заявление, нижеподписавшийся, по особому повелению императора, своего государя, должен добавить, что е. в-во руководствуется в своих действиях в данном случае лишь самым искренним желанием вернуть Европе мир, что Россия придет на мирные переговоры с самыми примирительными намерениями, такими, которые лучше всего могут обеспечить их счастливый исход, и что император торжественно обязуется вывести войска, как только этот столь желаемый результат будет достигнут вследствие обеспечения достаточных гарантий для всех европейских государств.

Е. и. в-во официально приглашает его императорское и королевское апостолическое в-во присоединиться к принятым им мерам, и нижеподписавшийся уполномочен договориться с его министерством относительно всего, что может относиться к этому важному предмету.

166. Англо-шведская конвенция об усилении гарнизона о. Штральзунд [277]

19(31) августа 1805 г.

S. m. le roi de Suède et s. m. le roi du Royaume Uni de la Grande-Bretagne et de l'Irlande, animées d'un désir égal de contribuer de tous les moyens que la providence a mis à leur disposition pour mettre une fin aux malheurs qui troublent le repos de l'Europe et convaincues en particulier de l'urgence de garantir les places fortes du Nord de l'Allemagne contre des entreprises hostiles, sont convenues d'en stipuler les conditions par une convention séparée, faisant suite à celle secrète et préliminaire conclue entre elles le 3 décembre dernier [238]. A cet effet leurs dites majestés ont choisi et nommé pour leurs plénipotentiaires, savoir s. m. le roi de Suède le sieur Jean Christophe, baron de Toll, un des seigneurs du royaume de Suède, gouverneur général du duché de Scanie, général de cavalerie dans ses armées, chef du régiment de carabiniers de Scanie, Chevalier et commandeur de ses ordres et chevalier de tous les ordres de Russie; et s. m. le roi du Royaume Uni de la Grande-Bretagne et de l'Irlande — l'honorable Henry Pierrepont, son envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire près s. m. suédoise qui sont convenus des articles suivants:

Art[icle] I.

La convention secrète et préliminaire conclue entre les deux souverains le 3 décembre 1804 est renouvelée et demeurera dans toute sa force et vigueur l'espace du temps fixé ci-dessous à l'article VII.

Art[icle] II.

S. m. le roi de la Grande-Bretagne supposant que le but énoncé dans le préambule ne saurait être mieux atteint, quant à la Poméranie suédoise, qu'en tenant la forteresse de Stralsund dans un état respectable de défense, afin de conserver un point de ralliement et de retraite aux forces des puissances alliées et nommément aux troupes de l'empereur de toutes les Russies dans le cas que s. m. i. désirerait débarquer ses forces dans cet endroit pour coopérer au plan général, s'engage de payer la somme de 1 mille et 800 livres sterling par mois pour chaque mille hommes de troupes réglées dont s. m. suédoise renforcerait la garnison ordinaire de la ville de Stralsund.

Art[icle] III.

Une garnison de 8 mille hommes en totalité paraissant suffisante pour la défense de cette place, et la garnison ordinaire, la milice de la bourgeoisie y comprise, montant à plus de 4 mille hommes, il est entendu que le renfort mentionné dans l'article précédent n'excédera point 4 mille hommes de troupes réglées, de manière que les subsides à fournir par s. m. le roi de la Grande-Bretagne, monteront à la somme de 7 mille 200 livres sterling par mois.

Art[icle] IV.

Le payement des subsides susmentionnés se fera avant la fin de chaque mois et sera compté du 1 Juillet dernier pour les troupes suédoises au nombre de 1,5 mille hommes actuellement à Stralsund, mais pour les renforts y arrivant à dater du jour de leur débarquement.

Art[icle] V.

Les deux hautes parties contractantes, n'ayant pu convenir sur le montant des frais de transport s. m. le roi de Suède, voulant donner une preuve convaincante de son désir de contribuer au succès de la cause commune, s'engage de transporter à ses propres frais en Poméranie les troupes, qui devront y être envoyées en vertu de la présente convention, et de ne rien exiger pour leur retour.

Art[icle] VI.

S. m. l'empereur de toutes les Russies ayant témoigné le désir de pouvoir débarquer une partie de ses troupes en Poméranie, s. m. suédoise s'engage comme une suite de la présente convention de faciliter ce débarquement autant qu'il lui sera possible et d'en faire au reste un objet de stipulation particulière entre elle et s. m. i.[278]

Art[icle] VII.

Les termes des obligations contenues dans les articles II et III de la convention secrète et préliminaire n'accordant au roi de la Grande-Bretagne de jouir des avantages qu'ils renferment que pendant la durée de la guerre entre la Suède et la France ou pendant l'espace de 12 mois pour le moins et s. m. britannique

n'ayant pas profité des stipulations des deux articles susmentionnés, s. m. le roi de Suède s'engage de les prolonger aussi longtemps que les subsides déterminés par la présente convention seront acquittés par la Grande-Bretagne et tant que cette puissance continuera la guerre contre la France conjointement avec la Russie.

Art[icle] VIII.

Les ratifications de la présente convention seront échangées à Stockholm dans l'espace de six semaines ou plus tôt si faire se peut[279].

En foi de quoi, nous soussignés, en vertu de nos pouvoirs, avons signé la présente convention et y avons fait apposer le cachet de nos armes. Fait à Helsingborg le 31 d'août 1805.

Signé: J. C. Baron de Toll. L. S. | Signé: Henry Pierrepont. L. S.

Premier article séparé

S. m. le roi de Suède et s. m. le roi du Royaume Uni de la Grande-Bretagne et de l'Irlande sont convenues par le présent article séparé et additionnel que les subsides déterminés par les articles II et III de la convention signée aujourd'hui continueront d'être payés par la Grande-Bretagne pendant toute la durée de la guerre que cette puissance fera à la France conjointement avec la Russie, ou que l'état des choses et les opérations des alliés exigeront que la forteresse de Stralsund soit maintenue dans un état de défense respectable, à moins que les deux hautes parties contractantes ne s'accorderaient mutuellement sur la cessation des subsides. Dans l'un et l'autre de ces cas, s'ils coïncidaient avec une saison innavigable, s. m. britannique s'engage cependant de prolonger leur payement d'après le même taux comme par le passé jusqu'au moment de retour des troupes suédoises de la Poméranie, qui s'effectuerait avec la première occasion.

Cet article séparé aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans la convention signée aujourd'hui et sera ratifié en même temps[279].

En foi de quoi, nous soussignés, en vertu de nos pouvoirs avons signé le présent article séparé et y avons fait apposer le cachet de nos armes. Fait à Helsingborg le 31 d'août 1805.

Signé: J. C. Baron de Toll. L. S. | Signé: Henry Pierrepont. L. S.

Second article séparé

Les troupes hanovriennes, qui, d'après les stipulations des articles II et III de la convention secrète et préliminaire du 3 décembre 1804 rappelées dans l'article VII de la présente, pourront être rassemblées par la suite dans la Poméranie suédoise, resteront tout le temps de leur séjour dans cette province sous les ordres suprêmes de celui qui y commandera en chef les troupes réunies, sans aucune infraction aux droits énoncés dans les trois articles susmentionnés.

Cet article séparé aura la même force et valeur que s'il était inséré mot à mot dans la convention signée aujourd'hui et sera ratifié en même temps[279].

En foi de quoi, nous soussignés, en vertu de nos pouvoirs, avons signé le présent article séparé et y avons fait apposer le cachet de nos armes. Fait à Helsingborg le 31 d'août 1805.

Signé: J. C. Baron de Toll. L. S. | Signé: Henry Pierrepont. L. S.

Печат. по копии.
Опубл. G. Martens, S. IV, pp. 177—179, 181—183.

Перевод

Е. в-во король шведский и е. в-во король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, одушевленные равным желанием покончить с помощью данных им провидением средств с бедствиями, нарушающими спокойствие Европы, и убежденные особенно в крайней необходимости обеспечить безопасность крепостей Севера Германии от враждебных предприятий, договорились изложить свои обязательства в отдельной конвенции в развитие секретной и предварительной конвенции, заключенной между ними 3 декабря прошлого года[238]. Для этой цели их вышеупомянутые в-ва избрали и назначили своих полномочных представителей, а именно: его в-во король шведский — г-на Жана Кристофа барона Толля, одного из сеньоров Шведского королевства, генерал-губернатора герцогства Скании, генерала от кавалерии армии е. в-ва, командира полка карабинеров Скании, кавалера и командора его орденов и кавалера всех российских орденов; а е. в-во король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии — достопочтенного Генри Пьерпонта, своего чрезвычайного посланника и полномочного министра при его шведском в-ве, которые условились о следующих статьях:

Статья I

Секретная и предварительная конвенция, заключенная между двумя государями 3 декабря 1804 г., возобновляется и сохранит свою силу и действие на время, указанное ниже, в статье VII.

Статья II

Полагая, что наилучшим средством для достижения цели, изложенной в преамбуле, в том, что касается Шведской Померании, является содержание Штральзундской крепости в состоянии внушительной обороны, чтобы сохранить сборный пункт и позиции для отходящих войск союзных держав, и в частности войск императора всероссийского, в случае, если е. и. в-во пожелал бы высадить свои силы в этом месте для содействия общему плану, е. в-во король Великобритании обязуется платить сумму в 1 тыс. 800 фунтов стерлингов в месяц за каждую тысячу солдат регулярных войск, которыми его шведское в-во усилил бы обычный гарнизон города Штральзунд.

Статья III

Так как гарнизон в 8 тыс. человек в целом представляется достаточным для защиты этой крепости и так как обычный гарнизон вместе с ополчением горожан составляет более чем 4 тыс. человек, решено, что подкрепление, упомянутое в предыдущей статье, не превысит 4 тыс. солдат регулярных войск, и, таким образом, субсидии, предоставляемые е. в-вом королем Великобритании, составят сумму в 7 тыс. 200 фунтов стерлингов в месяц.

Статья IV

Выплата вышеупомянутых субсидий будет производиться до конца каждого месяца и будет исчисляться: для шведских войск, находящихся в настоящее время в количестве 1 тыс. 500 человек в Штральзунде, — с 1 июля текущего года и для прибывающих туда подкреплений — со дня их высадки.

Статья V

Так как две высокие договаривающиеся стороны не смогли условиться о сумме транспортных расходов, е. в-во шведский король, желая дать убедительное доказательство своего стремления способствовать успеху общего дела, обязуется перевезти за свой собственный счет в Померанию войска, которые должны быть туда посланы в силу настоящей конвенции, и ничего не требовать на их перевозку обратно.

Статья VI

Так как е. в-во император всероссийский засвидетельствовал свое желание высадить часть своих войск в Померании, его шведское в-во обязуется вследствие настоящей конвенции содействовать этой высадке, насколько это для него будет возможно, заключив, впрочем, на этот счет особое соглашение с е. и. в-вом[278].

Статья VII

Так как условия обязательств, содержащихся в статьях II и III секретной и предварительной конвенции, предоставляют королю Великобритании право пользоваться заключающимися в них преимуществами только во время войны между Швецией и Францией или в течение по меньшей мере года и так как его британское в-во не воспользовался условиями двух выше-

упомянутых статей, е. в-во шведский король обязуется продлить их действие на то время, пока Великобритания будет выплачивать субсидии, установленные настоящей конвенцией, и пока эта держава будет продолжать войну против Франции совместно с Россией.

Статья VIII

Обмен ратификационных грамот настоящей конвенции состоится в Стокгольме в течение 6 недель или ранее, если это будет возможно[279].

В удостоверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую конвенцию и приложили к ней наши гербовые печати. Совершено в Гельсингборге 31 августа 1805 г.

Подпись: Ж. К. барон Толль (М. П.)
Подпись: Генри Пьерпонт (М. П.)

Первая отдельная статья

Е. в-во шведский король и е. в-во король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии договорились в силу настоящей отдельной и дополнительной статьи, что субсидии, установленные статьями II и III подписанной сегодня конвенции, будут выплачиваться Великобританией в течение всего времени, пока эта держава будет воевать с Францией совместно с Россией или пока положение вещей и действия союзников будут требовать, чтобы Штральзундская крепость содержалась в состоянии внушительной обороны, если только две высокие договаривающиеся стороны не договорятся обоюдно о прекращении выплаты субсидий. Тем не менее и в том и в другом случае, если бы это совпало с периодом прекращения навигации, его британское в-во обязуется продлить их выплату из того же расчета, что и ранее, до возвращения шведских войск из Померании, которое будет осуществлено при первой возможности.

Эта отдельная статья будет иметь такую же силу и значение, как если бы она была от слова до слова включена в конвенцию, подписанную сегодня, и будет ратифицирована в то же самое время[279].

В удостоверение чего мы, нижеподписавшиеся, в силу наших полномочий подписали настоящую отдельную статью и приложили к ней наши гербовые печати. Совершено в Гельсингборге 31 августа 1805 г.

Подпись: Ж. К. барон Толль (М. П.)
Подпись: Генри Пьерпонт (М. П.)

Вторая отдельная статья

Ганноверские войска, которые согласно условиям статей II и III секретной предварительной конвенции от 3 декабря 1804 г., упомянутым в статье VII настоящей конвенции, могут быть собраны впоследствии в Шведской Померании, останутся на все время их пребывания в этой провинции под верховным командованием главнокомандующего расположенных там объединенных войск без какого-либо нарушения прав, изложенных в трех вышеупомянутых статьях.

Эта отдельная статья будет иметь такую же силу и значение, как если бы она была от слова до слова включена в конвенцию, подписанную сегодня, и будет ратифицирована в то же самое время[279].

В удостоверение чего мы, нижеподписавшиеся, подписали настоящую отдельную статью и приложили к ней наши гербовые печати. Совершено в Гельсингборге 31 августа 1805 г.

Подпись: Ж. К. барон Толль (М. П.)
Подпись: Генри Пьерпонт (М. П.)

167. Акт гарантии Россией англо-шведской конвенции об усилении гарнизона Штральзунда *

19(31) августа 1805 г.

Une convention ayant été conclue aujourd'hui par l'intervention de s. m. l'empereur de toutes les Russies entre s. m. le roi de Suède et s. m. le roi du Royaume Uni de la Grande Bretagne et de l'Irlande pour le renfort de la garnison de Stralsund, faisant suite à convention secrète et préliminaire signée le 3 décembre 1804[238], l'une et l'autre des hautes parties contractantes ont encore

* См. док. 166.

requis amiablement s. m. i. de vouloir assurer par sa garantie l'exécution d'un ouvrage si désiré. Sur quoi s. m. l'empereur de toutes les Russies s'est volontiers prêtée à un moyen, qui tend uniquement à un but si salutaire, et nous ayant à cet effet muni de ses pouvoirs, nous soussigné envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire de s. m. i. déclarons et assurons par le présent acte en vertu de nos pouvoirs que s. m. l'empereur de toutes les Russies garantit la convention, qui a été signée en date d'aujourd'hui entre s. m. le roi de Suède et s. m. le roi du Royaume Uni de la Grande-Bretagne et de l'Irlande, dans toute son étendue avec les deux articles séparés qui y sont annexés et qui en font partie ainsi que toutes les conditions, clauses et stipulations qui y sont contenues en la meilleure forme, que faire se peut et que s. m. i. fera aussi expédier et délivrer des ratifications particulières de cet acte de garantie.

En foi de quoi nous avons signé le présent acte et y avons fait apposer le cachet de nos armes et l'avons échangé contre les actes d'acceptation comme seront échangées de même les ratifications du présent acte contre les ratifications desdits actes d'acceptation dans l'espace de 7 semaines ou plus tôt si faire se peut[279].

Fait à Helsingborg le 31 d'août 1805.

Signé: D. Alopeus
L. S.

Печат. по копии.
Опубл. G. Martens, S. IV, p. 180.

Перевод

В связи с заключением сегодня при посредничестве е. в-ва императора всероссийского конвенции между е. в-вом королем шведским и е. в-вом королем Соединенного королевства Великобритании и Ирландии об усилении гарнизона Штральзунда в развитие секретной и предварительной конвенции, подписанной 3 декабря 1804 г.[238], обе высокие договаривающиеся стороны по полюбовному соглашению обратились также к е. и. в-ву с просьбой соблаговолить обеспечить своей гарантией выполнение столь желательного дела. В ответ на это е. и. в-во император всероссийский охотно согласился на такую меру, направленную единственно на столь спасительную цель, и для этого снабдил нас своими полномочиями, а посему мы, нижеподписавшийся чрезвычайный посланник и полномочный министр е.и. в-ва, настоящим актом в силу наших полномочий заявляем и заверяем, что е. в-во император всероссийский гарантирует в наилучшей возможной форме конвенцию, заключенную сегодня между е. в-вом королем шведским и е. в-вом королем Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, во всем ее объеме вместе с двумя отдельными статьями, приложенными к ней и являющимися ее составной частью, а также все условия, оговорки и постановления, которые в ней содержатся, и что е. и. в-во повелит также изготовить и вручить особые ратификации этого акта гарантии.

В удостоверение чего мы подписали настоящий акт и приложили к нему нашу гербовую печать и обменяли его на акты принятия, так же как в течение шестинедельного срока или раньше, если это окажется возможным, будут обменены ратификационные грамоты настоящего акта на ратификационные грамоты названных актов[279].

Совершено в Гельсингборге 31 августа 1805 г.

Подписано: Д. Алопеус
(М. П.)

168. Акт принятия Швецией русской гарантии англо-шведской конвенции об усилении гарнизона Штральзунда*

19(31) августа 1805 г.

Une Convention ayant été conclue aujourd'hui, par l'intervention de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, entre Sa Majesté le Roi de Suède et Sa Majesté le Roi du Royaume Uni de la Grande Bretagne et de l'Irlande, pour le renfort de la Garnison de Stralsund, faisant suite à la Convention secrète et préliminaire du 3 Décembre 1804[238], et Sa dite Majesté Impériale, ayant encore

* См. док. 166.

accordé à la réquisition des Hautes Parties Contractantes, Sa garantie ** à toutes les stipulations, qui font partie de ladite Convention, le soussigné, Gouverneur Général de la Scanie, etc. déclare, que Sa Majesté le Roi de Suède reçoit avec reconnaissance l'Acte de Garantie, qui Lui a été délivré aujourd'hui au nom de Sa Majesté Impériale de Toutes les Russies, par Son Envoyé Extraordinaire et Ministre Plénipotentiaire, et que Sa Majesté Suédoise fera aussi expédier et délivrer des ratifications particulières de cet Acte d'acceptation.

En foi de quoi le Soussigné Gouverneur Général etc. a signé ce présent Acte, et y a fait apposer le cachet de Ses armes ; et l'a échangé contre l'Acte de Garantie ci-dessus énoncé, comme seront échangées de même les ratifications du présent Acte contre les ratifications dudit Acte de Garantie, dans l'espace de six semaines, ou plus tôt si faire se peut[279].

Fait à Helsingborg le Trente et un d'août l'an mil huit cent et cinq ***.

(L. S.) J. C. Baron de Toll

Печат. по подлиннику.

Перевод

В связи с подписанием сегодня при посредничестве е. в-ва императора всероссийского конвенции между е. в-вом королем шведским и е. в-вом королем Соединенного королевства Великобритании и Ирландии об усилении гарнизона Штральзунда, заключенной в развитие секретной и предварительной конвенции от 3 декабря 1804 г.[238], а также в связи с тем, что по просьбе высоких договаривающихся сторон его реченное императорское в-во дал гарантию ** всех постановлений, включенных в упомянутую конвенцию, нижеподписавшийся генерал-губернатор Скании и проч. заявляет, что е. в-во король шведский с благодарностью принимает акт гарантии, врученный ему сегодня от имени е. в-ва императора всероссийского его чрезвычайным посланником и полномочным министром, и что его шведское в-во также повелит изготовить и вручить особые ратификационные грамоты этого акта принятия.

В удостоверение чего нижеподписавшийся генерал-губернатор и проч. подписал настоящий акт и приложил к нему свою гербовую печать и обменял его на вышеупомянутый акт гарантии; таким же образом в течение шестинедельного срока или раньше, если это окажется возможным, будут обменены ратификационные грамоты настоящего акта на ратификационные грамоты названного акта гарантии[279].

Совершено в Гельсингборге тридцать первого августа тысяча восемьсот пятого года.

(М. П.) Ж. К. барон де Толль

169. Нота посланника в Стокгольме Д. М. Алопеуса королю Швеции Густаву-Адольфу IV

19(31) августа 1805 г.

La cour de Vienne a adopté à quelques modifications près le plan proposé par la Russie, qui en son temps a été communiqué à s. m. suédoise par une lettre autographe de s. m. i.[280]. Son exécution conduira selon toutes les probabilités à une rupture entre la Russie et ses alliés d'une part et la France de l'autre, car en considérant le système offensif suivi constamment par Bonaparte et son caractère fougueux on ne saurait douter que l'entrée des troupes russes dans les Etats autrichiens et en Prusse n'amène le commencement immédiat des hostilités. Alors la Poméranie suédoise serait exposée à une invasion soit de la part de la Prusse si la cour de Berlin refuse de faire cause commune avec la Russie, soit de la part des Français établis en Hannovre qui profitant de la proximité où ils se trouvent de la Poméranie ne tarderaient pas à l'occuper.

** См. док. 167.

*** Акт принятия Англией русской гарантии этой конвенции опубл. G. Martens, S. IV, p. 181.

S. m. l'empereur de toutes les Russies désirant prévenir une attaque de cette province se propose d'y envoyer sans délai un corps de seize mille hommes au moins, qui va se mettre en mer et qui doit débarquer à Stralsund ou aux environs.

Les conditions que s. m. le roi de Suède a mises à leur admission[281] viennent d'être remplies par l'empressement qu'a témoigné l'envoyé britannique d'acquiescer aux propositions faites par la cour de Stokholm pour le renfort de la garnison de Stralsund et la garantie * des stipulations convenues aujourd'hui **, que le soussigné envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire de s. m. l'empereur de toutes les Russies a eu l'honneur de signer au nom de son auguste maître, répond à s. m. suédoise des soins de son allié à les faire exécuter religieusement.

Avant même que ces engagements aient été définitivement arrêtés, l'empereur, confiant dans la persévérance avec laquelle s. m. suédoise reste attachée à la bonne cause, a fait tout préparer pour l'embarquement de ses troupes et s. m. i. se flatte que s. m. suédoise voudra sans délai faire expédier les ordres nécessaires pour leur admission en Poméranie, vu que le moindre obstacle qu'elles rencontreraient dans cette occasion ne manquerait pas de produire le plus mauvais effet en ce qu'il pourrait faire douter de la sincère intimité qui règne entre les deux augustes alliés.

Le soussigné déclare par ordre de l'empereur, son maître, que s. m. i. offre avec plaisir à s. m. le roi de Suède le commandement de cette armée, si elle jugeait à propos de s'en charger et puisque pour la renforcer autant que les circonstances le permettent il serait de la plus grande utilité de lever sur les lieux un corps d'Hannovriens conformément aux articles 2 et 3 de la convention du 3 décembre dernier[238], renouvelés par l'article VII de celle signée en ce jour **, s. m. le roi daignera faire adresser ses ordres aux différentes autorités établies en Poméranie, afin que la formation d'un pareil corps, qui aura lieu immédiatement après que les troupes impériales auront été débarquées, ne rencontre aucune difficulté.

Les arrangements à prendre pour le rassemblement des corps hannovriens nécessitant le départ du soussigné pour la Poméranie, s. m. le roi daignera permettre qu'il s'y fasse accompagner par le colonel de Berg de la suite de l'empereur pour la partie topographique, auquel il recommandera les précautions nécessaires pour ne pas exciter trop d'attention. La présence de cet officier y sera d'autant plus utile qu'il pourra donner des renseignements précis sur les besoins des troupes russes, dont l'économie diffère si essentiellement de celle d'autres armées. Le soussigné peut assurer préalablement que ces besoins ne seront pas considérables, les bâtiments de transport amenant avec eux la majeure partie des objets nécessaires à l'approvisionnement des troupes. L'essentiel serait de permettre à l'officier quartier-maître de visiter avec les personnes que s. m. suédoise nommera à cet effet l'île de Rügen pour pouvoir convenir des quartiers à assigner aux troupes russes au fur et à mesure qu'elles y débarquent et pour trouver les endroits propres à établir des fours de campagne pour la boulangerie.

Comme les vaisseaux de guerre chargés de transporter une partie des troupes impériales en Poméranie ne pourront point approcher assez près des côtes pour effectuer le débarquement avec facilité, ils pourraient être efficacement aidés par les chaloupes canonnières stationnées à Stralsund si les circonstances permettaient de les désarmer pour cet effet et si leur service ne fût pas pour le moment rendu nécessaire ailleurs.

---

* См. док. 167.
** См. док. 166.

S. m. suédoise ayant daigné déjà promettre au soussigné qu'elle serait disposée d'envoyer des officiers de sa marine en Russie qui pourraient indiquer les meilleurs endroits de débarquement sur l'île de Rügen et accompagner les troupes dans leur navigation, il en réitère ici la prière en proposant s'il n'y aurait pas moyen de faire embarquer ces officiers sans délai à bord de quelques bâtiments de transport qui pourraient servir aux troupes assemblées sur les côtes de Russie et nommément à Reval.

Le soussigné en se rapportant aux traités, qui lient les deux souverains, ose se flatter que s. m. suédoise donnera ses ordres pour que les ports suédois soient ouverts aux bâtiments russes destinés aux opérations maritimes de cette année dans la Baltique et qu'ils pourront y recevoir tous les secours en matériaux ou réparations qu'ils seront dans le cas de requérir et qu'ils pourront jouir de la faculté d'y hiverner si les circonstances l'exigeaient.

Comme il est possible que les événements prennent une tournure qui nécessitera la coopération de la flotte à rames stationnée à Rotehersalm et qu'elle fût obligée de longer les côtes de la Finlande suédoise pour se porter ensuite sur quelque point du côté opposé, le soussigné désirerait être instruit si les bâtiments qui la composent pourraient en cas de besoin trouver un abri dans les villes et places fortes de la Finlande.

Signé: D. Alopeus

Печат. по копии.

Перевод

Венский двор принял с некоторыми изменениями предложенный Россией план, который был в свое время сообщен его шведскому в-ву в личном письме е. и. в-ва[280]. Его осуществление, по всей вероятности, приведет к разрыву между Россией и ее союзниками, с одной стороны, и Францией, с другой, так как, учитывая наступательную политику, которой неизменно следует Бонапарт, и его необузданный характер, можно не сомневаться в том, что вступление русских войск в австрийские владения и Пруссию приведет к немедленному началу военных действий. В этом случае Шведская Померания оказалась бы под угрозой вторжения либо со стороны Пруссии, если берлинский двор откажется действовать совместно с Россией, либо со стороны стоящих в Ганновере французских войск, которые не замедлили бы оккупировать Померанию, воспользовавшись близостью расстояния.

Е. в-во император всероссийский, стремясь предупредить нападение на эту провинцию, намерен незамедлительно послать туда корпус войск численностью не менее 16 тыс. солдат; этот корпус должен отплыть на судах и высадиться в Штральзунде или поблизости от него.

Условия принятия этих войск, выдвинутые е. в-вом королем Швеции[281], выполнены благодаря готовности, с которой британский посланник согласился на предложение стокгольмского двора об усилении гарнизона Штральзунда, а подписанный нижеподписавшимся от имени его августейшего государя акт гарантии * заключенных сегодня договорных постановлений ** представляет собой ручательство перед его шведским в-вом в том, что его союзник позаботится об обеспечении неукоснительного их соблюдения.

Будучи уверен в приверженности его шведского в-ва к правому делу, император, еще до окончательного принятия этих обязательств, распорядился приготовить все к отправке своих войск на судах, и е. и. в-во льстит себя надеждой, что его шведское в-во соблаговолит незамедлительно отправить необходимые приказы относительно принятия русских войск в Померании, так как малейшее препятствие, встреченное ими при этом, неизбежно приведет к самым нежелательным последствиям в том отношении, что это может заставить усомниться в искренности тесной дружбы между обоими августейшими союзниками.

По повелению императора, его государя, нижеподписавшийся заявляет, что е. и. в-во с удовольствием предлагает е. в-ву королю Швеции взять на себя командование этой армией, если он сочтет это уместным; а так как для ее усиления в той мере, в которой это позволят обстоятельства, было бы весьма полезно набрать на месте корпус ганноверцев, в соответствии со статьями 2 и 3 конвенции от 3 декабря прошлого года[238], подтвержденными статьей VII конвенции **, подписанной сегодня, следовало бы, чтобы е. в-во король соблаговолил направить различным должностным лицам в Померании распоряжение с той целью, чтобы формирование этого корпуса, которое будет предпринято сразу после высадки императорских войск, не встретило никаких препятствий.

Так как меры, которые должны быть приняты в связи с формированием ганноверского корпуса, делают необходимым отъезд нижеподписавшегося в Померанию, он просит е. в-во

короля соблаговолить разрешить,чтобы в этой поездке его сопровождал для проведения топографических съемок полковник Берг из свиты императора; он порекомендует ему действовать с необходимыми предосторожностями, чтобы не привлечь чрезмерного внимания. Присутствие этого офицера будет тем более полезным, что он сможет дать точные сведения о потребностях русских войск, нормы довольствия которых столь существенно отличаются от норм, принятых в других армиях. Нижеподписавшийся может заранее сказать, что эти потребности будут незначительными, так как транспортные суда доставят вместе с войсками большую часть того, что необходимо для их провиантского довольствия. Очень важно разрешить офицеру-квартирмейстеру посетить с лицами, которые будут назначены для этой цели его шведским в-вом, остров Рюген, чтобы он мог условиться об обеспечении русских войск квартирами по мере их высадки и наметить места, удобные для устройства походных хлебопекарен.

Поскольку военные суда, предназначенные для перевозки части императорских войск в Померанию, не смогут подойти к берегу на достаточно близкое для удобной высадки расстояние, им могла бы быть оказана действенная помощь канонерскими лодками, стоящими у Штральзунда, если обстоятельства позволят снять с них для этого пушки и если им не придется нести в это время службу в другом месте.

Так как его шведское в-во уже соблаговолил обещать нижеподписавшемуся послать в Россию офицеров своего флота, которые смогли бы указать лучшие места для высадки на острове Рюген и сопровождать войска в плавании,последний напоминает об этой просьбе и хотел бы осведомиться, нельзя ли незамедлительно послать этих офицеров на транспортных судах, которые могли бы послужить для перевозки войск, сосредоточенных на побережье России, а именно в Ревеле.

Нижеподписавшийся, ссылаясь на договоры, связывающие обоих монархов, смеет надеяться, что его шведское в-во распорядится о том, чтобы шведские порты были открыты для русских судов, предназначенных для морских операций на Балтике в текущем году, и что при необходимости они смогут получить там требующиеся материалы и им будет оказана помощь в ремонте, а также, что они смогут остаться там на зимовку, если этого потребуют обстоятельства.

Поскольку возможен такой оборот событий, который обусловит необходимость участия также и гребного флота, стоящего в Ротесальме, и ему придется проплыть вдоль побережья Шведской Финляндии, чтобы подойти к какому-либо пункту на противоположном берегу, нижеподписавшийся хотел бы знать, смогут ли суда этого флота найти в случае необходимости убежище в городах и фортах Финляндии.

Подпись: Д. Алопеус

170. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

20 августа (1 сентября) 1805 г.

Monsieur le comte! Dans la pièce intitulée «Remarques sur quelques objets particuliers de la Convention du 30 mars (11 avril)»[111] la cour de Vienne s'est attachée à réfuter le passage de l'article 6 séparé * qui est relatif à la manière de prendre possession des pays qu'on pourrait arracher à l'ennemi commun.

Lorsqu'il a été question d'échanger les déclarations du 28 juillet**, le peu de temps que nous avions pour convenir de la teneur de ces actes, la nécessité d'écarter toute discussion qui aurait pu en retarder la confection, toutes ces considérations nous ont empêché de répondre aux principes avancés dans la susdite pièce, mais il n'en est pas moins nécessaire que Vous connaissiez à fond, M[r] le comte, la manière dont s. m. envisage cet objet, afin que Vous puissiez le discuter avec le ministère autrichien, et nous ne saurions douter qu'il ne se rende aux représentations que Vous êtes chargé de lui faire, particulièrement sur la manière de prendre possession et d'administrer les pays conquis.

Dans une guerre, comme celle qui est sur le point d'éclater, la cour de Vienne ne peut point être envisagée comme seule partie principale. La Russie, vu les forces considérables qu'elle emploie, quoiqu'elle ait consenti à en mettre une partie sous la direction générale de mons[ei]g[neu]r l'archiduc,

* См. док. 117.
** См. док. 153—156.

ne saurait être considérée comme auxiliaire, et, par conséquent, elle aurait un droit égal à celui de l'Autriche de retenir pour prix de ses efforts les conquêtes que ses armées feraient.

La Russie en renonçant à ce droit pour elle-même par les différents articles des conventions qu'elle a conclues avec l'Autriche et avec l'Angleterre, a été intentionnée de le transporter par ces mêmes transactions à d'autres Etats et c'est ainsi qu'elle a stipulé des avantages pour le roi de Sardaigne. La cour de Vienne ne les a considérés qu'en comparant les titres que ce prince pouvait avoir par lui-même à ceux de la maison d'Autriche, mais il aurait été juste de voir que l'intérêt que la Russie prend au sort de ce prince ajoutait beaucoup aux titres qu'il avait précédemment.

On ne saurait disconvenir que la Russie ne retirerait que très peu de fruit de ses efforts si, après avoir contribué à procurer des avantages à l'Autriche, elle ne pouvait point en assurer également à d'autres Etats auxquels elle prend intérêt.

En ceci son droit est incontestable, mais il paraît que la cour de Vienne, en le reconnaissant même, pense que pour le succès des opérations il est nécessaire qu'elle conserve son administration militaire sur tout le pays qu'elle aura conquis. C'est sur ce point particulièrement que l'empereur ne peut tomber d'accord avec son allié.

S. m. pense que certainement il est important de se procurer autant de ressources que possible des pays même où l'on fera la guerre, mais il croit que ce but peut être mieux atteint en y rétablissant les souverains légitimes comme, par exemple, en Piémont. Le roi de Sardaigne, replacé sur son trône, s'engagerait volontiers à fournir aux armées alliées tels et tels objets de subsistance qu'on lui demanderait et les habitants, voyant que les sacrifices sont indispensables, puisque celui qui les requiert est le plus intéressé à en diminuer le fardeau, ne murmureraient pas des charges qu'ils auraient à supporter, ce qui ne serait point le cas si l'armée occupante prenait elle-même les contributions.

Le mode en général, proposé dans l'article 6 séparé pour prendre possession des pays qui n'ont pas de souverain légitime et reconnu, donnerait un grand avantage aux puissances alliées en ne faisant point apercevoir qu'elles ont éventuellement disposé de ces conquêtes et en laissant par conséquent à chaque pays et à chaque souverain la faculté de former des conjectures sur le sort futur des Etats arrachés à l'ennemi commun.

C'est montrer aux yeux de l'Europe le désintéressement de la ligue et porter naturellement tous les Etats à désirer la réunion d'un congrès comme le moyen le plus efficace de procurer un calme constant à l'Europe en assignant dans une juste proportion le lot de chaque puissance.

La Russie, l'Autriche et l'Angleterre étant d'accord sur ce que la cour de Vienne doit acquérir [11], il n'est aucun doute qu'elle ne l'obtienne immédiatement, mais en ayant l'apparence de ne l'acquérir que par une décision du congrès; ces nouvelles acquisitions lui seraient garanties avec le système général de l'Europe, et s. m. impériale et royale y trouverait certainement son avantage.

Toutes ces considérations devraient déterminer la cour de Vienne à adopter le plan que nous avons tracé pour la marche à suivre relativement aux conquêtes, et Vous voudrez bien, M^r le comte, y inviter le ministère de s. m. impériale et royale.

J'ai l'honneur ...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Par Gellmann et Brosinn
le 8(20) septembre 1805.
Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин граф! В документе, озаглавленном «Замечания по некоторым особым вопросам конвенции от 30 марта (11 апреля)»[226], венский двор старался опровергнуть то место 6-ой отдельной статьи, где говорится об образе действий при овладении странами, отвоеванными у общего врага.

Небольшой промежуток времени, которым мы располагали, когда стоял вопрос об обмене декларациями от 28 июля *, для того, чтобы договориться о содержании этих актов, необходимость избегать всяких споров, которые могли бы задержать их составление,— все это помешало нам ответить на положения, выдвинутые в упомянутом документе; тем не менее Вам, г-н граф, необходимо хорошо знать точку зрения е. в-ва по этому предмету, чтобы Вы могли обсудить его с австрийским министерством, и мы не можем сомневаться в том, что оно пойдет на уступки в результате представлений, которые Вам поручено ему сделать, особенно в вопросе о том, от чьего имени следует занимать завоеванные страны и управлять ими.

В такой войне, как та, которая готова разразиться, венский двор никоим образом нельзя рассматривать как единственного главного участника. Учитывая, что Россия выставляет значительные силы, хотя и согласилась передать часть их под общее командование его высочества эрцгерцога, она не может рассматриваться как вспомогательная сила и, следовательно, она должна иметь такое же право, как и Австрия, удержать в качестве награды за свои усилия те завоевания, которые будут сделаны ее армиями.

Россия, провозглашая свой отказ от этого права в различных статьях договоров, заключенных ею с Австрией и Англией, имела в виду передать его, в силу этих же соглашений, другим государствам, и на основании этого она выговорила преимущества для короля сардинского. Венский же двор рассматривал вопрос об этих преимуществах лишь сопоставляя права, которые имел этот государь лично, с правами австрийского дома, но было бы справедливо считать, что участие, принимаемое Россией в судьбе этого государя, значительно увеличивает права, которыми он обладал до сих пор.

Нельзя не согласиться с тем, что Россия извлекла бы весьма мало пользы из своих усилий, если бы, способствуя получению выгод Австрией, она не смогла бы обеспечить их равным образом и другим государствам, в которых она принимает участие.

В этом отношении ее право неоспоримо, но похоже, что венский двор, даже признавая его, все же считает, что для успеха операций необходимо, чтобы за ним было сохранено военное управление на всей завоеванной им территории. Именно в этом вопросе в особенности император не может согласиться со своим союзником.

Е. в-во полагает, что важно, конечно, получить как можно больше средств от тех самых стран, где будет вестись война, но он считает, что этой цели скорее можно достигнуть, восстановив там законных государей, как, например, в Пьемонте. Король сардинский, будучи восстановлен на своем троне, охотно примет на себя обязательство поставлять союзным армиям те или иные припасы, которые у него потребуют, а население, видя, что жертвы необходимы, поскольку тот, кто их требует, больше всех заинтересован в облегчении их бремени, не станет роптать на тяготы, которые ему придется переносить, чего не было бы в том случае, если бы оккупационная армия сама взимала контрибуции.

В целом образ действий при овладении странами, не имеющими законных и признанных государей, предложенный в 6-ой отдельной статье, обеспечивал бы большое преимущество союзным державам, так как в этом случае не создалось бы впечатления, что они заранее распорядились этими завоеваниями, и каждая страна и каждый государь имели бы возможность строить предположения относительно будущей участи государств, отторгнутых у общего врага.

В этом случае лига продемонстрировала бы Европе свое бескорыстие, а все европейские государства сами пришли бы к мысли о желательности созыва конгресса, который мог бы наиболее эффективным образом обеспечить постоянное спокойствие в Европе, назначив каждой державе ее долю в справедливой пропорции.

Поскольку Россия, Австрия и Англия достигли соглашения относительно того, что должен приобрести венский двор[19], нет ни малейшего сомнения в том, что он получит свою часть незамедлительно, но нужно, чтобы это выглядело как получение ее по решению конгресса; эти новые приобретения будут ему гарантированы общеевропейской системой, и это, безусловно, будет выгодно его императорскому и королевскому в-ву.

Все эти соображения, как нам кажется, должны побудить венский двор принять намеченный нами образ действий при завоеваниях, и Вам, г-н граф, следует предложить министерству его императорского и королевского в-ва присоединиться к нему.

Имею честь... Князь А. Чарторыйский

С Гельманном и Брозиным
8(20) сентября 1805.

171. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

20 августа (1 сентября) 1805 г.

Monsieur le comte. La nouvelle de l'entrée de nos troupes en Gallicie produira certainement beaucoup d'effet en Europe mais surtout en empire.

Les princes et Etats limitrophes de la France craindront, et non sans fondement, que Bonaparte ne se décide à faire passer le Rhin à ses armées et à venir au-devant des forces russes et autrichiennes réunies.

Les propositions, faites par la cour de Vienne pour renouer la négociation de paix[251], pourront peut-être ralentir un peu la fougue de Bonaparte, mais si cette considération le retenait même de faire marcher immédiatement une armée, il n'en tentera pas moins tous les moyens qu'il est habitué à employer pour déterminer les princes d'empire à se déclarer contre nous et à s'attacher à lui par des engagements formels.

C'est pour éviter cet inconvénient qu'il est nécessaire de munir nos ministres en empire d'instructions relatives à la crise actuelle et de leur prescrire le langage qu'ils doivent tenir pour faire envisager les déterminations de la Russie dans leur véritable jour. C'est à cet effet que s. m. i. m'a chargé d'adresser à Mrs de Buhler, de Maltitz, de Hanicoff et de Klupfell les lettres ci-jointes[252], mais pour que les ouvertures qui y sont prescrites puissent produire plus d'effet, il serait convenable qu'elles fussent appuyées par les ministres de s. m. i[mpéria]le et r[oya]le accrédités aux cours de Dresde, Munic, Bade et Stuttgardt. Je Vous transmets en conséquence, Mr le comte, les ordres que j'adresse à nos ministres et s. m. l'empereur veut qu'en les faisant parvenir à leur destination par la voie que Vous jugerez la plus convenable, Vous y ajoutiez les directions que Vous trouverez nécessaires d'après les explications que Vous aurez eues avec Mr le vice-chancelier comte de Cobenzl. Mrs de Buhler, de Maltitz, de Hanicoff et de Klupfell reçoivent l'ordre de Vous rendre compte de tout ce qui se passera d'intéressant dans le lieu de leur résidence, et, comme il serait instant de gagner autant de temps que possible pour diriger leurs démarches toujours dans l'esprit de nos projets, l'empereur Vous commet cette tâche, Mr le comte, et Vous voudrez donc bien en conséquence vous concerter avec le ministère autrichien sur les différentes ouvertures qu'il faudra successivement prescrire à nos ministres en empire et les leur indiquer en nous en instruisant également. De mon côté je leur fais savoir aujourd'hui de remplir Vos prescriptions comme si elles leurs venaient directement de notre part.

Il n'échappera pas à v. ex. que dans le premier moment les ouvertures auprès des Etats d'empire ne pourront être que préparatoires, mais lorsque notre armée approchera et si Bonaparte faisait marcher des troupes en empire, alors il est indispensable que la Diète soit requise de déclarer la guerre: car il ne saurait être dans notre plan de souffrir la neutralité d'aucun Etat voisin du théâtre de la guerre après la détermination déjà concertée de forcer la Prusse à se déclarer contre la France. Dans une dépêche du « » * j'ai recommandé à v. ex. d'entrer en discussion à ce sujet avec le ministère autrichien et je me flatte qu'elle n'a attendu que le développement de nos mesures pour s'occuper de cet objet que je suis chargé de lui rappeler aujourd'hui.

J'ai l'honneur ...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Par Gellmann et Brosi[nn]
le 8(20) [septem]bre 1805.

Печат. по подлиннику.

* Пропуск в документе.

Перевод

Господин граф. Известие о вступлении наших войск в Галицию произведет, без сомнения, большое впечатление в Европе, а в особенности в империи.

Граничащие с Францией государства и князья не без основания будут опасаться, как бы Бонапарт не решил приказать своим армиям перейти Рейн и двинуться навстречу соединенным русско-австрийскнм силам.

Сделанные венским двором предложения о возобновлении мирных переговоров[255], вероятно, смогут несколько задержать стремительное выступление Бонапарта, но если даже это соображение и удержит его от решения немедленно двинуть вперед какую-либо армию, он все же употребит все средства, к которым он обычно прибегает, чтобы побудить имперских князей выступить против нас и связать себя с ним обязательствами по всей форме.

С целью избежать такого невыгодного для нас оборота дел необходимо снабдить наших посланников в государствах империи инструкциями относительно нынешнего кризиса и указать им, какие заявления они должны делать, чтобы выставить решения России в их истинном свете. С этой целью е. и. в-во поручил мне направить господам Бюлеру, Мальтицу, Ханыкову и Клюпфелю прилагаемые при этом письма[282]; но для того, чтобы предписываемые в них демарши могли произвести больший эффект, следовало бы, чтобы их поддержали посланники его императорского и королевского в-ва, аккредитованные при дрезденском, мюнхенском, баденском и штутгартском дворах. Вследствие этого я пересылаю Вам, г-н граф, мои предписания, адресованные нашим посланникам, и е. и. в-ву угодно, чтобы, отправляя их по назначению наиболее подходящим, по Вашему мнению, путем, Вы добавили к ним указания, какие Вы сочтете необходимыми в соответствии с теми объяснениями, которые Вы будете иметь с г-ном вице-канцлером графом Кобенцлем.

Г-дам Бюлеру, Мальтицу, Ханыкову и Клюпфелю повелевается докладывать Вам обо всех важных событиях, происходящих в местах их пребывания, и, так как настоятельно необходимо выиграть возможно больше времени для того, чтобы направлять их действия неизменно в духе наших планов, император поручает это Вам, г-н граф; вследствие этого соблаговолите договориться с австрийским министерством относительно различных демаршей, которые нужно будет последовательно предписать нашим посланникам в государствах империи и дать им соответствующие указания, поставив об этом в известность равным образом и нас. Со своей стороны я сегодня сообщаю им, что они должны выполнять Ваши предписания так, как если бы они исходили непосредственно от нас.

В. с-ву должно быть ясно, что в первое время демарши, с которыми нужно будет выступить перед имперскими государствами, могут иметь лишь характер подготовки, но когда подойдет наша армия и в случае, если Бонапарт двинет войска в империю, необходимо будет потребовать от Сейма объявления войны, так как мы не намерены терпеть нейтралитет какого бы то ни было государства, расположенного вблизи театра военных действий, после того, как мы договорились заставить Пруссию выступить против Франции. В депеше от «   »* я советовал в. с-ву обсудить этот вопрос с австрийским министерством, и я льщу себя надеждой, что Вы ждали только начала осуществления намеченных нами мер, чтобы заняться этим вопросом, о котором мне поручено Вам напомнить в сегодняшнем письме.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

С Гельманном и Брозиным
8(20) сентября 1805 г.

172. Посол в Вене А. К. Разумовский товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

№ 124 — *20 августа (1 сентября) 1805 г.*

Mon prince. Le courrier dont je me sers aujourd'hui est le lieutenant Doublansky, expédié par Mr de Tatichtcheff et porteur des dépêches pour v. ex. Il était accompagné du lieutenant Rhédy, par lequel j'ai reçu la dépêche chiffrée[283] dont je joins ici copie. Ce dernier a été mis à ma disposition pour porter à Naples les réponses que me demandait notre ministre. Ces deux officiers sont ici depuis 8 jours, et je me hâte d'exposer à v. ex. le motif de ce délai qu'il n'a pas dépendu de moi d'abréger et qui tient aux circonstances qui ont dû servir de règle à ma conduite.

Mr de Tatichtcheff m'expose les dangers dont est menacée la cour de Naples. Il prévoit qu'elle sera incessamment dans le cas de réclamer la garantie qui lui a été assurée par son traité d'alliance[384] avec nous, et, conséquemment, la nécessité de transporter dans les Etats de s. m. sicilienne nos troupes stationnées à Corfou. Il me sollicite de l'informer positivement si la cour de Vienne reconnaîtra dans les suites probables de cet événement le *casus foederis* convenu entre les deux cours impériales. Mr de Tatichtcheff ignorait à cette époque l'étendue des déterminations prises dans le cabinet autrichien[323], celle de ses armements et, surtout, le développement des mesures actives qui vont en faire éclater le but aux yeux de l'Europe. Je me serais empressé de lui en donner connaissance. J'aurais cru ne devoir plus différer de transmettre au général Lascy l'autorisation, dont notre auguste maître a daigné me munir, pour faire passer l'armée de Corfou sur le territoire napolitain *, mais il fallait concerter cette démarche avec le ministère autrichien, et je m'en suis ouvert au c[om]te de Cobenzl dès le même jour. Quelques heures avant notre entretien sur cet objet, il reçut un courrier du c[om]te de Stadion qui lui annonçait les retards qu'éprouvait la marche de nos troupes **. Je n'ai pas besoin de Vous dire, mon prince, que cette nouvelle a produit ici une sensation pénible, exempte cependant, je me hâte de l'ajouter, de toute défiance, et même bientôt atténuée par les réflexions que je m'empressai de faire faire au c[om]te de Cobenzl, lorsqu'il me rendit compte du contenu des dépêches qu'il venait de recevoir. Je lui observai que le passage de la colonne de Brody n'était différé que de deux jours et, quant à ce qui concerne la Prusse, il n'y en aurait que quinze de différence, que j'étais persuadé que l'empereur, mon maître, mettrait tout en œuvre pour abréger même ce délai et rapprocher autant que possible les mesures des termes convenus, et que le courrier, qui devait m'arriver d'un moment à l'autre, confirmerait indubitablement ce que j'avançais. Ces assurances eurent leur effet et tranquillisèrent ce ministre, mais il jugea nécessaire en même temps de surseoire à l'exécution de tout ce que la circonstance actuelle prescrivait sous le rapport politique jusqu'à l'arrivée du courrier que j'attendais, c'est-à-dire la mission du c[om]te de Meerveldt à Berlin et du prince Charles Schwarzenberg à Munic[385], dont je rendrai compte plus particulièrement dans une autre dépêche. C'est sous ce même point de vue qu'il envisagea les mesures, que je voulais concerter avec lui relativement aux opérations du Midi de l'Italie, dont il ajourna la discussion jusqu'à l'arrivée du susdit courrier, époque à laquelle elle dût être entamée immédiatement et soumise à l'empereur par le général Mack. Le vice-chancelier me témoigna, de la part de son auguste maître et, encore plus particulièrement, au nom de l'archiduc Charles, le désir que j'expédiasse immédiatement un courrier au-devant de l'armée de Brody, afin de presser son entrée dans les Etats autrichiens, au cas qu'elle eût éprouvé quelque délai ultérieur, ou bien, si elle était déjà en marche, pour l'engager à réparer le temps perdu en accélérant autant que possible ses mouvements. Ne pouvant me refuser de satisfaire à cette demande, je fis partir, deux heures après avoir quitté le c[om]te de Cobenzl, un employé de ma chancellerie, et comme je venais d'apprendre, d'après les dépêches du c[om]te de Stadion, que ce n'était plus le général Michelson qui devait commander cette armée, comme cela m'avait été annoncée officiellement par v. ex., mais qu'il avait plu à s. m. i. de remplacer ce choix par celui du général Koutousoff et que ce dernier ne serait point encore rendu vraisemblablement à son poste, j'ai jugé à propos, pour remplir le but de l'expédition dont j'étais requis, d'adresser la note[386], dont je joins ici copie, à celui des généraux de s. m. i., qui se trouverait de fait chargé de la conduite de l'armée.

* См. док. 122.
** См. об этом в док. 158.

Le feldjäger Fedoroff est arrivé il y a trois jours. Je me suis empressé, mon prince, de m'acquitter des principaux objets sur lesquels portaient les ordres qui m'ont été transmis par cette expédition. Le point le plus important était de faire connaître et agréer à cette cour-ci la marche adoptée par la nôtre à l'égard de celle de Berlin en conséquence des changements qu'ont dû nécessiter les retards dans la marche de nos troupes de ce côté-là, d'après les stipulations sur lesquelles on comptait ici***. S. m. i. a daigné encore dans cette circonstance m'abandonner le soin de modifier, selon que je le trouverais convenable, le plan que v. ex. m'a fait parvenir, et même de me borner à n'en faire qu'une communication verbale, si je le jugeais à propos. Je n'ai pas balancé, mon prince, de me décider à en faire une *in extenso*, parce que je n'ai rien vu dans ledit plan qui ne coïncidât parfaitement avec la manière d'envisager les choses de la part du ministère autrichien tant par rapport à la conjoncture du moment, que relativement aux bases générales du concert **** arrêté entre les deux cours impériales. Mon opinion à cet égard a été pleinement justifiée par celle du c[om]te de Cobenzl. Il a trouvé le plan en tous points conforme à la conduite qu'il convenait de suivre à l'égard de la Prusse, et les instructions du c[om]te de Meerveldt seront combinées d'après celles qui sont tracées à Mr d'Alopéus.

J'ai présenté en même temps au vice-chancelier le projet de note ***** (ou déclaration), destinée à servir de réponse à l'office[286] transmis par cette cour-ci à la nôtre, en même temps qu'à celles de Londres et de Berlin, ainsi qu'au gouvernement français en date du...****** pour renouer la négociation confiée à Mr de Nowosilzoff, et que les circonstances ne lui ont pas permis de poursuivre. Cette pièce, ayant été examinée par le ministère autrichien, en a reçu les justes applaudissements dûs à la sagesse et à la dignité qui l'ont dictée. Nous sommes convenus que, revêtue de ma signature, elle sera remise incessamment à l'ambassadeur de France ensemble avec les réponses[287] qu'on a différé jusqu'ici de donner aux offices[288] parvenus de la part de son gouvernement et afin de lui fournir une nouvelle preuve des principes adoptés invariablement par les deux cours impériales. Cette communication sera suivie de l'insertion de cette pièce dans les papiers publics, précédée de celle à laquelle elle sert de réponse[289].

Je reviens maintenant, mon prince, à ce qui concerne le Midi de l'Italie et l'emploi de nos troupes de Corfou. Le résultat de mes entretiens sur cet objet n'a pas été tout à fait aussi heureux, ni d'un accord aussi unanime, que je l'aurais désiré. J'aurais voulu qu'on m'eût fait connaître avec précision les mouvements de l'armée autrichienne afin de les combiner avec ceux qu'aurait entrepris le général Lascy. On s'est borné à me dire qu'on souhaiterait que ce général se mît en relation avec l'archiduc Charles et qu'il réglât en conséquence l'emploi de ses forces. On m'a fait entendre qu'il serait plus avantageux pour la cause commune qu'elles dépendissent des opérations de ce prince et qu'il serait même plus analogue au but général que leur débarquement eût lieu sur un point plus rapproché de l'armée autrichienne, alléguant que c'était la masse entière de cette armée qui devait assurer le salut de l'Italie et, par conséquent, celui du royaume de Naples. On m'a cité, à l'appui de ce raisonnement, ce qui est arrivé dans la dernière guerre, lorsque l'empereur Paul, ayant destiné un corps de troupes au secours des Etats de s. m. sicilienne, en avait ordonné ensuite la jonction avec l'armée qui combattait dans le Nord de l'Italie. Je n'ai pas eu de peine, sans qu'on me l'eût dit, à démêler dans ce projet l'opinion

*** См. док. 160.
**** См. док. 63.
***** См. док. 165.
****** Пропуск в документе.

de l'archiduc qui ne croit jamais avoir des forces assez suffisantes et qui n'aime point à partager la direction de ses plans. Je me suis borné à répondre que je ne pouvais prendre sur moi de prescrire au général Lascy les opérations qu'il avait à suivre, que ma tâche à son égard était circonscrite; qu'il m'était prescrit, d'après les circonstances, de lui indiquer le moment de transporter les troupes de Corfou en Italie et que, quant à leur emploi, il devait avoir lieu conformément à ses instructions dont je n'avais point connaissance, mais que je présumais que l'empereur, mon maître, destinait ces troupes à la défense des Etats napolitains en les joignant à celles que les Anglais amèneraient de Malte, à quelques mille hommes que fournirait s. m. sicilienne et aux levées qui se feraient dans le pays sous la protection de cette masse de forces déjà considérable; qu'il n'y avait pas de doute qu'une armée ainsi organisée avec promptitude et intelligence forcerait bientôt les Français à évacuer le royaume, et qu'après avoir opéré une aussi puissante diversion, ce serait alors le moment pour elle de se joindre à l'archiduc et de l'assister dans ses entreprises sur le reste de l'Italie. Me résumant sur le principal objet de cette conférence, je demandai au c[om]te de Cobenzl s'il ne jugeait point que la conjoncture présente des affaires était au point de ne plus retarder les opérations du général Lascy, et, pour fixer à cet égard ma propre opinion, j'ajoutai à la demande que je venais de lui faire celle que puisque l'archiduc Charles allait se rendre incessamment à l'armée d'Italie, quelle serait l'époque où ce prince commencerait à la faire agir ? Il me répondit que, dès que son altesse royale serait sur les lieux, elle prendrait connaissance exacte de la situation des Français, de l'état de leurs forteresses et que si ces notions répondaient à celles qu'on a jusqu'ici, lesquelles ne représentent point les choses comme formidables comparativement aux moyens que les Autrichiens ont à leur disposition, dans ce cas l'archiduc n'hésiterait pas un instant à attaquer les places de Mantoue, Pesckiera et Legnago, afin de se procurer par ces acquisitions une ligne de défense plus avantageuse, ou bien une position plus favorable pour l'offensive.

Il me semble, mon prince, que cette donnée doit me suffire pour mettre à exécution les ordres dont je suis muni par rapport au général Lascy. C'est dans le sens de ce que je viens de Vous marquer, que je vais m'expliquer à son égard en réexpédiant le lieut[enan]t Rhédy immédiatement après que j'aurai mis fin aux dépêches que j'ai l'honneur de Vous adresser. J'écrirai en même temps au général Anrep, conformément aux dernières instructions que v. ex. m'a transmises, pour qu'il se tienne prêt à l'embarquement de ses troupes, et cet avis lui parviendra par l'assesseur Weydemeyer que j'ai retenu ici pour cet effet.

Le retard de la marche de nos troupes, je dois le répéter encore, n'a fait naître ici ni défiance, ni inquiétude, pas même une appréhension sur le dérangement qui pouvait en résulter pour l'ensemble du plan combiné entre les deux cours; cependant v. ex. concevra aisément l'extrême impatience où on était d'apprendre qu'elles eussent passé la frontière. La nouvelle en était attendue d'heure en heure d'après le calcul, supposé que la première colonne devait entrer le 22 nouveau style; enfin, avant-hier on reçut l'avis du général Strauch qu'elle devait passer le 25, et le retour de mon courrier, qui ne peut manquer d'arriver dans la journée de demain, nous en apportera des détails plus circonstanciés *******.

J'ai l'honneur ...

C[omte] A. de Rasoumoffsky

Получено 6 сентября 1805 г.

Печат. по подлиннику.

Опубл. в купюрах Васильчиков, Семейство Разумовских, т. 4, стр. 61—63

******* Следующий далее постскриптум опущен как не имеющий отношения к вопросам внешней политики.

Перевод

Господин князь. Сегодняшнюю почту я посылаю с поручиком Дубланским, отправленным г-ном Татищевым с депешами в. с-ву. Вместе с ним приехал поручик Реди, доставивший мне шифрованную депешу [283], копию которой прилагаю. Последний был предоставлен в мое распоряжение, чтобы я мог отправить с ним в Неаполь ответы, которые просил у меня наш посланник. Эти два офицера находятся здесь уже неделю, и я спешу изложить в. с-ву причину этой задержки: сократить ее было не в моих силах, она связана с обстоятельствами, которые должны были определить мое поведение.

Г-н Татищев пишет мне об опасностях, грозящих неаполитанскому двору. Он предвидит, что очень скоро этот двор должен будет обратиться с просьбой выполнить гарантию, данную ему по союзному договору [284] с нами, и что, следовательно, будет необходимо отправить наши войска, находящиеся на Корфу, во владения его сицилийского в-ва. Он просит меня определенно сообщить ему, будет ли венский двор рассматривать возможные последствия этого события как *casus foederis*, о котором достигнута договоренность между двумя императорскими дворами. Г-н Татищев не знал тогда, как далеко зашел австрийский кабинет в своих решениях [223], какой размах приняли его вооруженные приготовления и, особенно, о начале осуществления активных мер, цель которых сразу станет ясна всей Европе. Я поспешил бы поставить его в известность об этом и не стал бы медлить долее с передачей генералу Ласси предоставленных мне нашим августейшим государем полномочий переправить армию с Корфу на неаполитанскую территорию *, но нужно было согласовать этот шаг с австрийским министерством, и я в тот же день сообщил об этом графу Кобенцлю. За несколько часов до нашей беседы по этому предмету к нему прибыл курьер от графа Стадиона с известием о том, что движение наших войск задерживается **. Мне нет нужды сообщать Вам, князь, что эта новость произвела здесь тягостное впечатление, однако спешу добавить, что оно не было связано с каким-либо недоверием и скоро его удалось даже несколько рассеять с помощью соображений, которыми я поспешил поделиться с графом Кобенцлем, когда он сообщил мне содержание только что полученных им депеш. Я заметил, что движение колонны из Брод было задержано лишь на два дня, а что касается Пруссии, то разница составит лишь две недели, и я убежден, что император, мой государь, приложит все усилия к тому, чтобы сократить даже эту отсрочку и приблизить, насколько возможно, время осуществления этих мер к условленным срокам, и что курьер, который должен прибыть ко мне с минуты на минуту, несомненно, подтвердит мои слова. Эти уверения возымели свое действие и успокоили этого министра, но в то же время он счел необходимым отложить до прибытия ожидаемого мною курьера выполнение всего того, что диктовалось данными обстоятельствами в политическом отношении, то есть миссию графа Мерфельдта в Берлин и князя Шварценберга в Мюнхен [285], о чем я сообщу более подробно в другой депеше. Под этим же углом зрения он рассматривал и вопрос о связанных с операциями на юге Италии мерах, которые я хотел согласовать с ним и обсуждение которых он отложил до прибытия вышеуказанного курьера, после чего это обсуждение должно быть немедленно начато и результаты его будут представлены императору генералом Маком. Вице-канцлер от имени своего августейшего государя и, особенно, от имени эрцгерцога Карла выразил желание, чтобы я немедленно отправил курьера навстречу бродской армии, чтобы ускорить ее вступление в австрийские владения в случае, если будет иметь место еще какая-либо задержка, а если эта армия уже находится в пути, то побудить ее наверстать потерянное время, ускорив, насколько возможно, ее движение. Я не мог отказать в этой просьбе и, спустя два часа после того, как я покинул графа Кобенцля, отправил с этой целью одного из чиновников моей канцелярии, поскольку как раз перед этим я узнал из депеш графа Стадиона, что этой армией должен командовать уже не генерал Михельсон, как это было мне официально сообщено в. с-вом, а назначенный вместо него е. и. в-вом генерал Кутузов, который, по-видимому, еще не прибыл к месту своего назначения, я счел уместным для достижения цели, имевшейся в виду вице-канцлером, адресовать письмо [286], копию которого я при этом прилагаю, тому из генералов е. и. в-ва, который фактически будет находиться во главе армии.

Фельдъегерь Федоров прибыл три дня тому назад. Я поспешил, князь, выполнить основные поручения, о которых говорилось в предписаниях, полученных мною с этой почтой. Особенно важно было осведомить здешний двор об образе действий, принятом нашим двором в отношении берлинского двора в результате изменений, связанных с задержкой движения наших войск в этом направлении, в соответствии с договорными обязательствами, на которые здесь рассчитывали, и убедить его согласиться с этим планом ***. Е. и. в-во соблаговолил в этих обстоятельствах разрешить мне внести изменения, которые я сочту целесообразными, в план, направленный мне в. с-вом, и даже ограничиться лишь устным сообщением на этот счет, если я найду это уместным. Я, не колеблясь, решил сделать сообщение об этом *in extenso*, потому что я не видел в указанном плане ничего такого, что не совпадало бы полностью с точкой зрения австрийского министерства как в отношении оценки нынешней обстановки, так и в отношении общих основ соглашения ****, заключенного между двумя императорскими дворами. Правильность моего мнения нашла свое полное подтверждение в мнении графа Кобенцля. Он нашел, что план во всем соответствует той линии поведения, которой надлежит следовать по отношению к Пруссии, и инструкции графу Мерфельдту будут составлены в соответствии с инструкциями, данными г-ну Алопеусу.

Одновременно я представил вице-канцлеру проект ноты ***** (или декларации), которая должна служить ответом на официальное заявление [286], направленное здешним двором нашему двору и одновременно лондонскому и берлинскому дворам, а также и французскому правительству, от ...*****?, о возобновлении порученных г-ну Новосильцеву переговоров, которые он в силу обстоятельств не смог продолжить. Этот документ был рассмотрен австрийским министерством, и мудрость и достоинство, которыми он проникнут, встретили с его стороны справедливое одобрение. Мы договорились, что эта нота будет скреплена моей подписью и незамедлительно вручена французскому послу вместе с откладывавшимся до сих пор ответом [287] на официальные сообщения [288], полученные от его правительства, с тем чтобы дать ему новое доказательство нерушимости принятых обоими императорскими дворами принципов. Затем это сообщение будет опубликовано в газетах вместе с документом, ответом на который оно служит [289].

Теперь, князь, я возвращаюсь к тому, что касается Южной Италии и использования наших войск, находящихся на Корфу. Результат моих переговоров по этому предмету не был таким удачным, а согласие таким единодушным, как я бы того желал. Я хотел бы, чтобы меня точно осведомили о движении австрийской армии, чтобы согласовать с ним те действия, которые предпримет генерал Ласси. А мне только сказали, что было бы желательно, чтобы этот генерал связался с эрцгерцогом Карлом и соответственно с этим решил вопрос об использовании своих сил. Мне дали понять, что для общего дела было бы выгоднее, если бы действия генерала Ласси зависели от операций этого принца, и даже, что их высадка в более близком к австрийской армии пункте более соответствовала бы общей цели; при этом утверждали, что спасение Италии и, следовательно, Королевства Неаполитанского должна обеспечить вся эта армия. В подтверждение этого соображения сослались на то, что произошло во время последней войны, когда император Павел, выделив один корпус войск для помощи владениям его сицилийского в-ва, повелел затем соединить его с армией, сражавшейся в Северной Италии. Хотя мне об этом ничего не сказали, я без труда угадал в этом проекте мнение эрцгерцога, который всегда считает, что у него недостаточно сил, и очень не любит разделять с кем-либо руководство осуществлением своих планов. Я ограничился ответом, что не могу взять на себя предписывать генералу Ласси, какие операции он должен проводить, так как моя задача по отношению к нему ограничена; что мне было предписано указать ему в соответствии с обстоятельствами время переброски войск с Корфу в Италию, а что касается их использования, то этот вопрос должен решаться в соответствии с данными ему инструкциями, которые мне совершенно неизвестны, но я полагаю, что император, мой государь, предназначил эти войска для защиты неаполитанских владений совместно с войсками, которые англичане доставят с Мальты, несколькими тысячами человек, которые выставит его сицилийское в-во, и тем количеством новобранцев, которое будет завербовано на месте под прикрытием этих и без того весьма значительных сил. Я сказал далее, что быстро и разумно организованная таким образом армия, несомненно, быстро вынудит французов вывести войска из этого королевства, а после проведения такой сильной диверсии эта армия сможет присоединиться к эрцгерцогу и помочь ему в его действиях в остальной части Италии. Резюмируя сказанное мною по основному вопросу этой беседы, я спросил графа Кобенцля, не считает ли он, что теперешнее положение дел таково, что не следует больше откладывать начало операций генерала Ласси? А для того чтобы определить свое собственное мнение на этот счет, я задал ему помимо этого вопроса еще один: когда эрцгерцог Карл, в ближайшее время направляющийся в итальянскую армию, введет ее в действие? Он ответил мне, что, как только его королевское высочество прибудет на место, он тщательно ознакомится с положением французов, с состоянием их крепостей и, если подтвердятся имеющиеся сейчас сведения, в соответствии с которыми положение вещей представляется совсем не столь ужасным, учитывая имеющиеся в распоряжении австрийцев силы, то в этом случае эрцгерцог, не колеблясь ни минуты, атакует крепости Мантую, Пескьеру и Леньяго, с тем чтобы, захватив их, обеспечить себе более выгодную линию обороны или более удобную для наступления позицию.

Мне кажется, князь, что этих данных должно быть достаточно для приведения в исполнение повелений, полученных мною в отношении генерала Ласси. Я немедленно объяснюсь с ним в духе вышеизложенного, отправив назад поручика Реди, как только я закончу депеши в. с-ву. Одновременно, в соответствии с последними пересланными в. с-вом инструкциями, я напишу генералу Анрепу, чтобы он был готов к погрузке своих войск на суда; это известие будет ему доставлено асессором Вейдемейером, которого я задержал здесь с этой целью.

Я должен повторить еще раз, что задержка выступления наших войск не породила здесь ни недоверия, ни беспокойства, ни даже опасения относительно того, что она может вызвать нарушение плана в целом, согласованного между двумя дворами; однако в. с-во легко поймете, с каким нетерпением здесь ожидали известия о том, что они перешли границу. Это известие ожидалось с часу на час, так как предполагалось, что первая колонна должна вступить 22-го по новому стилю; наконец, позавчера было получено сообщение от генерала Штрауха о том, что она должна перейти границу 25-го; мой курьер, который обязательно должен вернуться завтра, доставит нам более обстоятельные сведения*******.

Имею честь...

Граф А. Разумовский

173. Нота посланника в Стокгольме Д. М. Алопеуса генерал-губернатору Скании Толлю

21 августа (2 сентября) 1805 г.

Le soussigné envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire de s. m. l'empereur de toutes les Russies a vu avec une peine extrême par la note *** que s. ex. Mr le baron de Toll lui a fait remettre, que l'admission des troupes de l'empereur, son maître, en Poméranie était rendue encore problématique. Il l'avait si peu supposé que d'abord après la signature de la convention * arrêtée avant-hier il a expédié des ordres au commandant du lugger impérial, qui l'avait amené ici, de mettre à la voile et de faire les signaux convenus pour annoncer cette admission aux troupes qui doivent être embarquées à l'heure qu'il est.

L'obstacle qui paraît s'y opposer ne tient cependant qu'à un seul point, celui du commandement en chef de cette armée et le soussigné peut d'autant moins se porter à des engagements formels, qui doivent le conférer au gouverneur général de la Poméranie, qu'ils seraient en opposition avec l'article VII de la convention du 2 (14) janvier dernier** conclue entre les deux cours et du second article séparé et secret qui en fait partie. S. m. suédoise a daigné remarquer dans l'audience, qu'elle vient de lui accorder, que le cas était différent maintenant où il ne s'agissait que du séjour desdites troupes dans une province de ses Etats, dont le gouverneur général lui étant personnellement responsable ne pouvait point déférer les précautions pour sa défense et sa police à des autorités étrangères. Ces raisons sont si plausibles qu'elles pourraient servir de base aux arrangements à prendre à cet effet, qui, en abandonnant le commandement en chef de la province au gouverneur général, conserverait au général commandant les troupes russes la discipline de son armée. Le soussigné, qui par les raisons qu'il a eu l'honneur d'alléguer à différentes reprises depuis qu'il est question d'un envoi de troupes en Poméranie désirerait que les stipulations particulières à ce sujet fussent convenus par Mr l'ambassadeur de s. m. le roi à la cour impériale, s'engage avec plaisir en attendant qu'elles soient arrêtées de servir de médiateur entre leurs excellences Mr le comte de Tolstoy et Mr le baron d'Essen et il ose se flatter de pouvoir s'en acquitter à leur satisfaction mutuelle.

Quant aux besoins des troupes impériales le soussigné ne s'est point attendu que l'exactitude de leur payement fût soumise au moindre doute. Il est trop bien instruit des intentions de l'empereur, son auguste maître, pour ne pas prendre à cet égard sans hésiter les engagements les plus solennels.

Il fera parvenir sans délai à sa cour les renseignements fournis dans la note *** de s. ex. Mr le baron de Toll et il saisit cette occasion pour réitérer à s. m. suédoise l'expression de sa reconnaissance pour l'empressement qu'elle daigne témoigner de faire partir des officiers de sa marine pour St.-Pétersbourg.

Les explications dans lesquelles le soussigné vient d'entrer lèveront sans doute les objections à l'entrée des troupes impériales en Poméranie et il ose se flatter que s. m. suédoise daignera faire expédier immédiatement les ordres nécessaires à leur admission.

Le soussigné prie s. ex. Mr le baron de Toll d'agréer l'expression de sa haute considération.

Signé: D. Alopeus

Печат. по копии.

---

* См. док. 166.
** См. док. 89

Перевод

Нижеподписавшийся чрезвычайный посланник и полномочный министр е. в-ва императора всероссийского был крайне огорчен, узнав из ноты [290], направленной ему е. пр-вом г-ном бароном Толлем, о том, что вопрос о высадке войск императора, его государя, в Померании вновь поставлен под сомнение. Он никак не предполагал этого и даже немедленно после подписания заключенной позавчера конвенции* отправил командиру императорского люгера, доставившего его сюда, приказ поднять паруса и подать условные сигналы о согласии на высадку войск, которые в данный момент уже должны быть погружены на суда.

То, что кажется препятствующим этому, связано лишь с вопросом о командовании этой армией, и нижеподписавшийся тем более не может согласиться принять формальные обязательства, передающие командование генерал-губернатору Померании, что такие обязательства противоречили бы статье VII конвенции, заключенной между двумя дворами 2 (14) января с. г.**, и второй отдельной и секретной статье этой конвенции. Его шведское в-во во время только что данной им аудиенции соблаговолил заметить, что теперь мы имеем дело с другими обстоятельствами, так как речь идет лишь о пребывании упомянутых войск в одной из его провинций, генерал-губернатор которой, лично перед ним ответственный, никак не может передавать право на принятие мер по ее защите и обеспечению внутреннего порядка иностранным должностным лицам. Эти соображения так справедливы, что они вполне могут быть положены в основу такого решения этого вопроса, в соответствии с которым вся полнота власти в провинции будет сохранена за генерал-губернатором, а русские войска будут подчиняться своему командующему. Со времени возникновения вопроса о посылке войск в Померанию нижеподписавшийся имел честь неоднократно излагать причины, заставляющие его желать, чтобы переговоры об особых договорных условиях на этот счет велись г-ном послом е. в-ва короля при императорском дворе, и он с удовольствием обязуется в ожидании решения этого вопроса служить посредником между их пр-вами г-ном графом Толстым и г-ном бароном Эссеном. Он льстит себя надеждой, что ему удастся исполнить это к их обоюдному удовлетворению.

Что же касается снабжения императорских войск, то нижеподписавшийся никак не ожидал, что точность в деле оплаты поставок может быть подвергнута какому-либо сомнению. Он достаточно хорошо знает намерения императора, его августейшего государя, чтобы, не колеблясь, взять на себя торжественные обязательства на этот счет.

Он незамедлительно передаст своему двору сведения, сообщенные в ноте [290] е. пр-ва г-на барона Толля, и пользуется этим случаем, чтобы вновь выразить его шведскому в-ву признательность за ту готовность, которую е. в-во соблаговолил проявить в деле отправки офицеров своего флота в С.-Петербург.

Только что сделанные нижеподписавшимся разъяснения, несомненно, устранят все возражения против вступления императорских войск в Померанию, и он смеет надеяться, что его шведское в-во соблаговолит незамедлительно отправить необходимые предписания относительно их принятия.

Нижеподписавшийся просит е. пр-во г-на барона Толля принять уверения в высоком уважении к нему.

Подпись: Д. Алопеус

174. Нота посланника в Стокгольме Д. М. Алопеуса генерал-губернатору Скании Толлю

22 августа (3 сентября) 1805 г.

Le soussigné envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire de s. m. l'empereur de toutes les Russies pressé par l'urgence du moment ne saurait remettre davantage son départ pour la Poméranie et il prie s. ex. Mr le gouverneur général de la Scanie de lui faire expédier les passeports nécessaires à sa route. Il sera accompagné de Mr de Berg, gentilhomme livonien, de sous-secrétaire de la mission Langell et de trois domestiques.

Quoique par les deux notes* que s. ex. Mr le baron de Toll lui a fait remettre hier le débarquement des troupes impériales ne soit pas encore accordé, le soussigné ose se flatter que s'il avait lieu avant que l'obstacle qui l'entrave soit levé, leur admission ne souffrira pas de difficulté. Il en puise l'espérance flatteuse dans les sentiments de s. m. le roi de Suède pour s. m. i., dans la

* См. прим. 290, 291.

conformité d'opinions des deux souverains sur les conjonctures présentés et dans les liens étroits qui unissent les cours.

Le soussigné prie s. ex. Mr le baron de Toll d'agréer l'expression de sa haute considération.

Signé: D. A l o p e u s

Печат. по копии.

Перевод

Нижеподписавшийся чрезвычайный посланник и полномочный министр е. в-ва императора всероссийского ввиду не терпящих отлагательства дел не может более откладывать свой отъезд в Померанию и просит его пр-во г-на генерал-губернатора Скании распорядиться о выдаче необходимых для проезда паспортов. Его будут сопровождать ливонский дворянин г-н Берг, помощник секретаря миссии Лангель и трое слуг.

Хотя в двух нотах*, переданных вчера г-ном бароном Толлем нижеподписавшемуся, и не содержится еще согласия на высадку императорских войск, он смеет надеяться, что высадке этих войск не будет чиниться помех в том случае, если она последует раньше, чем будет устранено то, что ей препятствует. Посланник льстит себя надеждой на это, исходя из дружественных чувств е. в-ва короля Швеции к е. и. в-ву, соответствия мнений обоих монархов с сложившейся обстановке и тесных уз, объединяющих оба двора.

Нижеподписавшийся просит е. пр-во г-на барона Толля принять уверения в его высоком уважении.

Подпись: Д. А л о п е у с

175. Посланник в Стокгольме Д. М. Алопеус Александру I

№ 55 *Гельсингборг, 22 августа (9 сентября) 1805 г.*

Sire! A peine la convention * pour le renfort de la garnison de Stralsund était-elle signée que Mr de Wetterstedt m'avertit confidentiellement que le roi s'attendait maintenant à recevoir la note qu'il m'avait demandée, il y a quelque temps, sur les arrangements relatifs à l'entrée et au séjour des troupes de v. m. i. en Poméranie[278]. Peu d'heures après je fis parvenir à s. m. suédoise par le canal de Mr de Wetterstedt celle que je joins ici en copie **.

Le lendemain s. m. suédoise daigna m'informer elle-même qu'elle avait nommé le gouverneur général baron de Toll pour entrer en conférences avec moi sur le contenu de ma note et elle m'annonça que des officiers de sa marine à Carlscrona recevaient l'ordre de s'embarquer à bord d'un yacht pour se rendre à Cronstadt et offrir à l'amirauté de v. m. i. les renseignements et les services qu'elle pourrait être dans le cas d'exiger.

Rendu chez le baron de Toll, ce négociateur me fit lecture d'une lettre du cabinet du roi, son maître, qui l'autorisait à entrer en conférences avec moi et de convenir des points nécessaires à l'admission des troupes russes en Poméranie. Il me remit cette lettre qui suit ci-près en original et voulut ensuite commencer une discussion pour en venir à la conclusion d'un traité séparé sur cet objet.

Avant de l'admettre j'informais Mr de Toll de tout ce qui s'était passé relativement à cette admission, jusqu'au moment où le roi de Suède m'avait fait déclarer par son secrétaire de cabinet Wetterstedt, qu'elle formerait l'objet d'une stipulation particulière entre son ministère et moi, dès le moment que le subside pour le renfort de Stralsund serait accordé par la Grande-Bretagne; que là-dessus j'avais chargé Mr de Wetterstedt de prier s. m. d'accorder éventuellement ses pleins pouvoirs à son ambassadeur à St.-Pétersbourg pour convenir le cas échéant d'un pareil arrangement, vu que se trouvant sur les lieux où tous les renseignements pouvaient lui être fournis, lui, en ancien militaire, pouvait beaucoup mieux terminer ces objets que moi, qui, par le défaut de mes connais-

* См. док. 166.
** См. док. 169.

sances en cette partie, serait exposé à chaque nouvelle proposition de requérir des nouvelles instructions; que rien à cet égard n'avait été changé par mon voyage en Russie, où le temps ne m'avait pas permis de recueillir des notions qui étaient tout à fait étrangères à la diplomatie. «Mais ceci change absolument la thèse, répliqua le baron de Toll avec un ton mêlé de surprise et de satisfaction, il faudra donc que l'embarquement de vos troupes soit remis jusqu'à ce que Mr de Stedingk ait eu le temps d'arranger cette affaire». Je lui objectais qu'apparemment il n'en était plus temps, vu que dans le moment où nous causions ensemble, le lugger à bord duquel j'étais arrivé devait déjà se trouver à la voile, portant à St.-Pétersbourg la convention * signée hier, où l'admission des troupes de v. m. i. en Poméranie était clairement énoncée; que d'ailleurs il n'y avait pas de moments à perdre et que ces arrangements, dont il voulait convenir, ne pouvaient être soumis à aucunes difficultés entre deux cours aussi étroitement liées que les nôtres. Il se mit là-dessus à discuter le commandement des troupes, qui selon lui devait revenir au gouverneur général de la Poméranie. Je lui remarquais que j'avais déclaré au nom de v. m. i., qu'elle offrait avec plaisir ce commandement à s. m. suédoise, mais que je ne pouvais pas m'imaginer que cela dût s'étendre au gouverneur général de la Poméranie, dont en revanche les pouvoirs et les fonctions ne pouvaient être ni levés ni bornés par la présence d'un officier général étranger se trouvant à la tête d'une armée; qu'il ne s'agissait que de s'entendre sur ces objets pour prévenir tous les inconvénients et que, devant me rendre moi-même en Poméranie et qu'ayant l'honneur de connaître et Mr le comte de Tolstoy, commandant en chef des troupes de débarquement et Mr le baron d'Essen, gouverneur général de la Poméranie, je me chargeais avec plaisir d'être médiateur entr'eux jusqu'à ce que tous les articles, que s. m. suédoise désirait voir arrangés, fussent arrêtés par Mr de Stedingk; qu'en attendant il y avait un très bon moyen de suppléer à ces arrangements en me délivrant une réponse détaillée à ma note *** qui me servirait de direction. Je finissais par prier Mr de Toll de m'obtenir la permission du roi son maître de pouvoir me rendre sans délai à Stralsund pour aviser au rassemblement des corps hannovriens, qui allait devenir impossible, si nos projets, dont les feuilles publiques commençaient déjà à jaser, gagnaient trop de publicité.

Mr de Toll, ennemi juré du Dannemarc mit ensuite sur le tapis la politique de cette cour et prétendait qu'elle se ferait faire une douce violence par une démonstration des Français contre le Holstein pour se jeter entièrement entre les bras du gouvernement français. Il partait de là pour proposer qu'on devait la forcer de se déclarer pour la bonne cause et qu'en tout cas on pouvait lui offrir comme appât l'occupation de la ville de Hambourg jusqu'à la paix. Le roi m'avait parlé aussi de cette proposition à faire à la cour de Copenhague et voulut que j'allasse sur-le-champ la négocier moi-même ou en charger Mr de Lisakevitz. Alors je fis semblant d'applaudir à ce projet, prétendant toutefois que le temps n'était pas encore arrivé pour le mettre en exécution. Pour ce qui était de Mr de Toll je lui fis observer en lui rappelant ce que le roi son maître lui avait dit des mesures qui allaient s'exécuter contre la Prusse, que ma cour ne manquait pas de vigueur quand il s'agissait de faire déclarer les irrésolus, mais que si on voulait l'employer dans le moment actuel contre le Dannemarc, ce serait le forcer de recourir malgré lui aux Français; que d'ailleurs sa conduite mesurée et conséquente ne l'avait jamais exposé au soupçon de pencher pour une alliance française et que celle qu'elle avait contractée d'ancienne date avec la Russie paraissait lui tenir infiniment à cœur; j'ajoutais avec un air mystérieux qu'au reste je lui répondais des bonnes dispositions de cette cour et que si les Français faisaient mine de s'emparer du Holstein, les Danois se défend-

*** См. док. 169.

raient immanquablement et qu'il n'y avait aucune apparence, comme il le prétendait, que la flotte assemblée au Texel viendrait chercher la danoise dans le port de Copenhague pour l'engager à se joindre à elle.

Il est de mon devoir de rapporter à cette occasion que dès les premiers jours de mon retour le roi de Suède me parla avec triomphe des explications qu'il avait demandées récemment à la cour de Copenhague, m'envoyant son secrétaire pour me lire les notes échangées à cette occasion et communiquées déjà par Mr de Stedingk.

Ayant tâché dans mes discussions avec Mr de Toll de mettre la plus grande politesse, j'avais esperé qu'il conserverait ce ton dans les relations avec moi. Sa note[290] ci-jointe, servant de réponse à celle *** que j'avais remise l'avant-veille, loin d'en faire preuve, met au jour son âcreté, ainsi que le manque de délicatesse et l'avidité des Suédois, quand il s'agit d'intérêts pécuniaires. En même temps avec cette note je fus averti de me trouver à midi chez le roi qui désirait me parler.

S. m. suédoise me répéta à peu près les mêmes choses que Mr de Toll m'avait dites sur le commandement général et, après avoir écouté tous les arguments que j'employais pour lui prouver l'impossibilité qu'il y avait à moi d'en rien stipuler, le roi se contenta de ce que je remettrais une seconde note où ces difficultés seraient expliquées, les observations, qu'il venait de me faire, répétées et où je prendrais l'engagement d'intervenir en médiateur entre les deux généraux jusqu'à ce que l'affaire pût être arrêtée à St.-Pétersbourg. S. m. promit de me faire répondre par une note qui entrerait en détail sur cet objet et qui pouvait me servir de direction. Je lui témoignais ensuite mon étonnement du ton de Mr de Toll en parlant du payement des besoins de l'armée, m'offrant à donner à ce sujet les sûretés qu'on pouvait exiger. Le roi répondit qu'il était tout simple qu'on tâchait de prendre ses précautions quand il s'agissait d'affaires d'argent. Le roi n'avait marqué aucune humeur à cette audience et m'avait même confié qu'il viendrait en Poméranie voir les troupes de v. m. i.

Je ne perdis pas un moment de rédiger ma note****telle que je la transmets ci-près en copie et espérant de voir à la fin le terme de cette discussion, hérissée de tant de difficultés, je fus bien surpris de recevoir en réponse celle [291] qui suit ici en original.

Mais j'étais résolu de ne pas me décourager et de vider jusqu'à la lie la coupe d'amertume et de dégouts qu'on me présentait pendant tout le cours de cette fastidieuse négociation. J'écrivis un billet à Mr de Wetterstedt pour lui demander un entretien, et il vint me trouver sur-le-champ.

Tâchant de m'informer ce qui avait fait si brusquement rejeter mes propositions, j'appris que le roi s'imaginait que puisque je rappelais deux articles de sa convention du 2(14) janvier***** précisément en opposition avec ce que demandait s. m., elle avait cru qu'il y avait là-dessous quelque arrière-pensée de cachée, mais je n'eus pas de peine à convaincre Mr de Wetterstedt que j'en avais dit sur cet objet plus même que je n'aurais dû le faire et uniquement pour mettre fin à ces interminables discussions. Je lui répétais encore tout ce que le roi m'avait dit et promis à ce sujet, ajoutant que je priais s. m. de m'accorder une seconde audience pour pouvoir m'expliquer encore plus clairement sur ce qu'il pouvait y être demeuré d'obscur dans la première. Cependant Mr de Wetterstedt restait toujours cloué sur la chaise, n'osant ni me regarder ni partir et articulant quelques syllabes sans suite, parmi lesquelles je crus démêler à la fin celles de payement et de doute. «Vous voulez parler, lui dis-je, de ce que j'ai relevé les vôtres sur notre exactitude d'acquitter ce dont nos

---

**** См. док. 173.
***** См. док. 89.

armées se fourniront et je Vous avouerai que j'en ai été très offensé. Rien ne Vous a donné lieu d'en concevoir de pareils et cela jusqu'à déclarer que sans un engagement de payer comptant l'entrée à nos troupes en Poméranie se trouverait fermée». Le pauvre jeune homme était confondu: lui-même avait rédigé la pièce et sans mauvaise intention, il avait, pressé par son pédagogue Toll, employé des sulvicismes et tiré des conclusions là où il fallait articuler des propositions.

S. m. suédoise m'accorda une audience le lendemain, qui dura près d'une heure. Il m'est impossible de rendre compte de cet entretien sans répéter une grande partie de ce qui a été rapporté auparavant. D'abord le roi ne voulait absolument céder sur rien et paraissait avoir oublié entièrement ce qu'il m'avait promis la veille, mais à force de tourner l'affaire du commandement de mille manières et d'aviser à un expédient de reprendre la chose sans se donner un démenti, il fut convenu que je présenterais une note pour demander des passeports et qu'à cette occasion je glisserais un mot sur l'admission des troupes. La réponse que le roi ordonnerait de faire renfermerait alors la réservation qui lui tient tant à cœur.

A cette audience le roi m'apprit qu'il venait d'être informé de quelques mouvements dans les armées françaises en Hanovre et dans le Lauenbourg et de l'expédition d'un courrier de Bernadotte à l'armée d'Hollande. Cela me fournit l'occasion d'insister sur mon départ pour la Poméranie que je fixais au lendemain.

Le roi ne me cacha pas qu'il avait envie de commander lui-même et qu'il ferait agir 4 à 5 mille hommes de sa garnison de Stralsund avec les troupes de v. m. i., mais que la prudence exigeait que pendant l'hiver il retournât en Suède.

Dès mon retour chez moi je fis partir la note ****** dont j'accompagne copie et on m'y fit la réponse ci-jointe [292], qui m'assura à la fin de ce qu'aucun obstacle ne s'opposerait au débarquement des troupes de v. m. i. Ne perdant pas un moment, j'ajoute seulement que quelques heures après l'expédition du courrier je partirai moi-même d'ici pour me rendre en Poméranie et préparer tout à leur réception.

Je suis...

D. Alopeus

Печат. по подлиннику.

Перевод

Государь! Сразу же после подписания конвенции * об усилении гарнизона в Штральзунде г-н Веттерштедт конфиденциально предупредил меня, что король ждет теперь ноты, которую он у меня запросил некоторое время тому назад, относительно мер, связанных со вступлением и пребыванием войск е. и. в-ва в Померании [278]. Несколько часов спустя я отправил его шведскому в-ву через г-на Веттерштедта ноту **, копию которой прилагаю при этом.

На следующий день его шведское в-во соблаговолил лично сообщить мне, что он поручил генерал-губернатору барону Толлю вступить в переговоры со мной относительно содержания моей ноты; он объявил мне, что офицерам его флота в Карлскруне приказано отправиться на яхте в Кронштадт и предложить адмиралтейству в. и. в-ва сведения и услуги, которые могут ему потребоваться.

Когда я пришел к барону Толлю, этот уполномоченный зачитал мне кабинетное письмо короля, его государя, которое уполномочивало Толля вступить в переговоры со мной и договориться по вопросам, связанным с принятием русских войск в Померании. Он вручил мне письмо, оригинал которого прилагается, и хотел затем начать обсуждение, с тем чтобы заключить отдельный договор по этому вопросу.

Прежде чем согласиться на это, я изложил г-ну Толлю историю вопроса о принятии войск вплоть до момента, когда король шведский объявил мне через секретаря своего кабинета Веттерштедта, что этот вопрос явится предметом особого договорного обязательства между

****** См. док. 174.

его министерством и мною сразу же после того, как Великобритания предоставит субсидию для усиления гарнизона Штральзунда; я сообщил ему также, что в связи с этим я просил г-на Веттерштедта передать е. в-ву просьбу о том, чтобы он дал в предвидении такой возможности полномочия своему послу в С.-Петербурге договориться в случае необходимости о подобном соглашении ввиду того, что он, находясь там, где ему могут быть сообщены все сведения, как старый военный, сможет значительно лучше, чем я, довести до конца это дело, так как недостаточность знаний в этой области заставила бы меня при всяком новом предложении требовать новых инструкций; я добавил, что моя поездка в Россию ничего не изменила в этом отношении, так как недостаток времени не позволил мне почерпнуть сведения в вопросе, совершенно чуждом дипломатии. «Но это совершенно меняет положение,— ответил мне барон Толль тоном, одновременно удивленным и удовлетворенным,— значит, нужно будет отложить погрузку ваших войск на суда до тех пор, пока г-н Штединг не уладит это дело». Я возразил ему, что, по-видимому, для этого нет больше времени, поскольку ко времени нашего разговора судно, на котором я прибыл, должно было уже отплыть в С.-Петербург с подписанной вчера конвенцией *, где ясно говорится о согласии принять войска в. и. в-ва в Померании; что к тому же нельзя терять времени и что в вопросе о мерах, относительно которых он хотел договориться, не может возникнуть каких-либо затруднений между столь тесно связанными дворами, как наши. Тогда он заговорил о командовании войсками, которое, по его словам, должно осуществляться генерал-губернатором Померании. Я заметил ему, что я объявил от имени в. и. в-ва, что Вы с удовольствием предлагали его шведскому в-ву взять на себя командование, но я не мог себе представить, что это должно распространяться на генерал-губернатора Померании; в то же время власть и функции последнего не могут быть ни отменены, ни ограничены в связи с присутствием иностранного генерала, находящегося во главе армии. Я сказал, что нужно лишь договориться по этим вопросам, чтобы предупредить все нежелательные явления, и, поскольку я сам должен отправиться в Померанию и имею честь знать как г-на графа Толстого, командующего войсками, которые должны высадиться в Померании, так и генерал-губернатора Померании г-на барона Эссена, я с удовольствием соглашусь быть посредником между ними до тех пор, пока г-н Штединг не договорится окончательно по всем пунктам, урегулирования которых желает его шведское в-во; пока же это соглашение не достигнуто, можно было бы использовать другое средство, а именно: вручить мне подробный ответ на мою ноту ***, которым бы я руководствовался. В заключение я попросил г-на Толля получить для меня разрешение от короля, его государя, на мой немедленный отъезд в Штральзунд с целью принять меры по сосредоточению ганноверских войск, что может оказаться невозможным, если наши планы, о которых газеты уже начали болтать, станут слишком известными.

Г-н Толль, заклятый враг Дании, завел речь о политике датского двора и утверждал, что этот двор постарается устроить так, чтобы подвергнуться некоторому насилию в результате какой-либо демонстрации французов против Гольштейна, с тем чтобы тогда всецело перейти на сторону французского правительства. Исходя из этого, он предложил заставить датский двор выступить за правое дело и во всяком случае в качестве приманки предложить ему занять до заключения мира город Гамбург. Король также говорил мне о том, что следует сделать такое предложение копенгагенскому двору, и хотел, чтобы я сам немедленно отправился вести переговоры об этом или поручил их г-ну Лизакевичу. Тогда я сделал вид, что одобряю этот план, но одновременно заявил, что время для приведения его в исполнение еще не пришло. Что касается г-на Толля, то, напомнив ему слова короля, его государя, о мерах, которые должны быть приняты против Пруссии, я заметил, что мой двор нельзя упрекнуть в недостатке решительности, когда речь идет о том, чтобы заставить колеблющихся занять определенную позицию, но действовать таким образом в настоящий момент против Дании значило бы заставить ее перейти на сторону французов против ее желания и что к тому же ее умеренное и последовательное поведение никогда не давало оснований подозревать ее в склонности к союзу с французами, и она, кажется, очень дорожит союзом, ранее заключенным ею с Россией; я добавил с таинственным видом, что в общем я ручаюсь за добрые намерения этого двора, и, если французы вознамерятся захватить Гольштейн, датчане непременно будут защищаться, и что нет никаких признаков того, что флот, собранный у о. Тессель, подойдет, как он утверждает, к копенгагенскому порту с целью побудить датский флот присоединиться к нему.

В этой связи я должен сообщить, что в первые же дни после моего возвращения король шведский с торжеством говорил мне об объяснениях, которых он недавно потребовал от копенгагенского двора, и прислал ко мне своего секретаря, зачитавшего мне ноты, которыми обменялись по этому поводу и которые сообщены уже г-ном Штедингом.

Стараясь проявлять величайшую учтивость в беседах с г-ном Толлем, я надеялся, что он будет придерживаться такого же тона в своих отношениях со мной. Прилагаемая при этом его нота **°, являющаяся ответом на ноту ***, врученную мною два дня тому назад, не только не свидетельствует об этом, но и доказывает его язвительность, а также недостаток деликатности и чрезмерную требовательность шведов в денежных вопросах. Одновременно с получением этой ноты я был предупрежден о том, что в полдень я должен быть у короля, который желал со мною говорить.

Его шведское в-во повторил мне почти то же, что мне сказал г-н Толль относительно главного командования, и, выслушав все мои доводы о том, что я не могу принимать какие бы то ни было договорные обязательства на этот счет, король удовлетворился моим обещанием вручить еще одну ноту с изложением этих затруднений и только что высказанных им замечаний, в которой я возьму на себя обязательство быть посредником между обоими генералами до тех пор, пока это дело не будет решено в С.-Петербурге. Е. в-во обещал, что мне ответят нотой с подробным изложением этого вопроса, которая сможет послужить мне руководством. Затем я выразил ему мое удивление по поводу тона г-на Толля в вопросе об оплате того, что потребуется для армии, предлагая дать на этот счет требуемые гарантии. Король ответил, что стремление принять меры предосторожности вполне естественно, когда речь идет о денежных делах. Король не проявлял никакого неудовольствия во время этой аудиенции и даже сообщил мне доверительно, что он поедет в Померанию смотреть войска в. и. в-ва.

Не теряя ни минуты, я составил ноту ****, копию которой прилагаю, надеясь, что эти переговоры, в ходе которых встретилось столько трудностей, будут, наконец, завершены; поэтому я был весьма удивлен, получив в ответ ноту[291], прилагаемую мною в оригинале.

Но я решил не отчаиваться и испить до дна чашу горечи и неприятностей, с которыми я встречался в ходе этих нескончаемых переговоров. Я написал записку г-ну Веттерштедту с просьбой встретиться для беседы, и он тотчас же явился ко мне.

Стараясь узнать, что заставило так внезапно отклонить мои предложения, я выяснил, что в связи с моим напоминанием о двух статьях конвенции от 2 (14) января*****, прямо противоположных тому, чего требовал король, он решил, что за этим крылась какая-то задняя мысль; мне удалось, однако, без труда убедить г-на Веттерштедта, что я сказал по этому предмету даже больше, чем должен был, и исключительно ради того, чтобы положить конец этим бесконечным переговорам. Я повторил ему все, что мне сказал и обещал король по этому вопросу, добавив, что я прошу е. в-во дать мне еще одну аудиенцию, чтобы я мог точнее объясниться относительно того, что осталось неясным во время первой аудиенции. Однако г-н Веттерштедт продолжал сидеть, как прикованный к стулу, не смея ни взглянуть на меня, ни уйти, и произносил какие-то бессвязные слова, среди которых я, наконец, разобрал что-то об оплате и сомнениях. «Вы хотите сказать о Ваших сомнениях относительно нашей точности в деле оплаты поставок для снабжения наших армий, и, признаюсь, я этим был весьма оскорблен. Ничто не давало Вам оснований для подобных сомнений, да еще вплоть до того, что Вы заявили, что если мы не дадим обязательства платить наличными, то доступ нашим войскам в Померанию будет закрыт». Бедный молодой человек был смущен: ведь он сам составлял эту бумагу и без злого умысла, под давлением своего наставника Толля, употребил сульвицизмы и сделал выводы там, где следовало лишь изложить предложения.

На следующий день его шведское в-во дал мне аудиенцию, которая продолжалась около часа. Невозможно сделать сообщение об этой беседе, не повторив большую часть того, о чем я уже докладывал ранее. Сначала король совершенно не хотел ни в чем уступать и, казалось, полностью забыл об обещаниях, данных мне накануне, но, после того как он рассмотрел вопрос о командовании на тысячу ладов и старался найти способ вернуться к старому, не опровергая самого себя, условились, что я представлю ноту с просьбой о паспортах и включу в нее несколько слов относительно принятия наших войск. Тогда в ответе, который король прикажет направить мне, будет содержаться столь желанная для него оговорка.

Во время этой аудиенции король уведомил меня, что как раз перед этим ему сообщили о передвижении французских армий в Ганновере и в Лауэнбурге, а также о том, что Бернадот послал курьера в армию, расположенную в Голландии. Я воспользовался этим, чтобы настоять на моем отъезде в Померанию, намеченном мною на следующий день.

Король не скрыл от меня своего желания самому командовать войсками и сказал, что он выставит от 4 до 5 тыс. солдат из гарнизона Штральзунда для совместных действий с войсками в. и. в-ва, но что из соображений осмотрительности он должен вернуться на зиму в Швецию.

По возвращении к себе я отправил ноту ******, копию которой Вы найдете в приложении, и получил прилагаемый здесь ответ[292], убедивший меня, наконец, в том, что ничто более не будет препятствовать высадке войск в. и. в-ва. Чтобы не терять ни минуты, добавлю только, что через несколько часов после отправки курьера я сам выеду отсюда в Померанию, чтобы приготовить все к их встрече.

Пребываю...

Д. Алопеус

Александр I Фридриху-Вильгельму III

23 августа (4 сентября) 1805 г.

События в Европе требуют немедленных объединенных действий против Бонапарта. Александр I просит короля присоединиться к австро-русскому союзу. Если Фридрих-Вильгельм III не может немедленно дать ответа, то желательно, чтобы он разрешил проход

русских армий через прусскую территорию. Вопрос об участии Пруссии в союзе может быть разрешен при личном свидании обоих монархов. Александр I не сомневается, что разрешение на проход русских армий будет дано.

Bailleu, Correspondance inédite, p. 71—73.

176. Посол в Лондоне С. Р. Воронцов товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

№ 397 *25 августа (6 сентября) 1805 г.*

Monsieur le prince, il ne me reste plus qu'à répondre à v. ex. à la lettre officielle[298] qu'elle m'a écrite au sujet des négociations dont est chargé Mr le baron de Strogonoff en Espagne. Ce ministre et moi nous avons parlé tant à milord Mulgrave qu'à Mr Pitt pour voir quelle facilité la cour de Londres pourrait donner pour amener une pacification entre elle et celle de Madrid, et quel est l'appât qui pourrait être offert à l'Espagne pour la dégager de la France et la tourner même contre cette dernière. Nous avons trouvé que la manière ici d'envisager l'Espagne est tout à fait différente de celle qu'on a chez nous. Leur ayant fait souvenir que dans leur convention* avec nous ils se sont engagés à donner toutes les facilités possibles pour moyenner la paix avec l'Espagne, ils nous répondirent qu'ils sont toujours prêts à se réconcilier avec elle, et quand je proposai, étant seul avec Mr Pitt, de donner quelque appât, comme celui de la restitution des frégates et des piastres qui s'y trouvaient[118], la réponse qu'il me donna fut, que: 1. Ce serait reconnaître qu'on avait tort de les avoir saisies, tandis que cette démarche a été justifiée par toutes les infractions et les perfidies que la faiblesse de l'Espagne, gouvernée par la France, avait faites à ce pays sous le masque d'une prétendue neutralité, et qu'on savait les armements commencés dans tous les ports espagnols et qui ne s'achevaient que faute d'argent qui était attendu; que même dans ce cas on s'était borné à signifier aux trois frégates de retourner d'où elles étaient venues et que, si elles s'obstinaient à entrer à Cadix, on s'y opposerait par la voie des armes; que l'Angleterre a été deux fois la dupe des assurances de l'Espagne — une fois en 1762 et l'autre fois dans la guerre d'Amérique où également la cour de Madrid donnait les assurances les plus positives de sa parfaite neutralité jusqu'au moment que les trésors qu'on attendait d'Amérique fussent arrivés; alors on arma des flottes à Cadix, Ferrol et Carthagène et on déclara la guerre à ce pays-ci. 2. Que ces frégates et ces piastres ne sont pas au gouvernement, le tout étant devenu la propriété des capteurs après qu'on a attendu plusieurs mois pour recevoir une explication claire et précise sur les relations de l'Espagne avec la France, sur lesquelles la cour de Madrid n'a jamais voulu répondre depuis près de deux ans, et qu'on avait demandé aussi une plus stricte observance de la neutralité et que si ces explications eussent été données ici par la cour de Madrid, les frégates et l'argent lui auraient été restitués; mais, bien loin de cela, la cour de Madrid déclara la guerre et les prises furent données aux capteurs suivant les lois de la marine anglaise. Je lui proposai encore s'il n'y avait pas moyen de donner une espèce d'avance en argent pour mettre en état l'Espagne de se garantir contre la France et puis de se tourner même contre elle. Il me dit sur cela que l'Angleterre n'a jamais acheté des paix et que l'idée de tirer l'Espagne du joug de la France et encore moins de la faire agir contre prouve qu'on ne connaît pas bien l'intérieur de ce malheureux pays, dénué de toute ressource, avec une flotte délabrée, équipée pitoyablement, n'ayant pas 30 mille hommes de troupes en état de porter les armes; que depuis près de deux ans de

* См. док. 117.

guerre ils n'ont pas pu rassembler 10 mille hommes devant Gibraltar et que ces 10 mille hommes ont plus l'air de mendiants que de soldats pour faire la guerre; que les finances de ce malheureux pays sont complètement ruinées et que l'ambitieux prince de la Paix, qui gouverne despotiquement l'Espagne, est si abhorré que son existence ne tient qu'à la protection que lui accorde Bonaparte; par conséquent rien ne pourra le déterminer à rompre avec ce terrible voisin, à moins que la France ne se trouve tellement abattue par une guerre malheureuse sur le continent qu'elle ne soit plus en état d'envoyer 20 mille hommes au-delà des Pyrénées, qui feraient la conquête de toute l'Espagne; que même si le prince de la Paix était culbuté, celui qui lui succéderait, si c'est un homme éclairé et honnête, serait obligé de ménager la France qui peut bouleverser l'Espagne dans l'état de délabrement où elle est; que vouloir entraîner l'Espagne, c'est la pousser vers sa ruine totale, car un pays aussi ruiné ne peut se rétablir qu'après une suite d'années d'une administration très sage; que si les affaires de la France vont mal, la cour de Madrid sans aucun risque pourrait rentrer dans sa neutralité sans rien craindre, et l'Angleterre ne demanderait rien autre chose d'elle que cette neutralité et que si les affaires de la France allaient encore plus mal, alors l'Espagne, en mettant (si toutefois cela lui était possible) 20 à 25 mille hommes pour la garde des Pyrénées, pourrait rompre tout commerce avec la France.

Mr Pitt ne voit pas les affaires d'Espagne autrement qu'il me les a dépeintes, mais comme Mr le baron de Strogonoff est muni d'instructions très amples et de plusieurs renseignements très détaillés sur le pays où il va et qu'il est plus plein que moi de cette matière dont il a fait une étude particulière tant par les papiers qu'il possède que par ceux qu'il a été à même de voir à Pétersbourg dans l'archive du bureau, il pourra peut-être obtenir davantage de Mr Pitt qu'il doit voir demain. Certainement ce ne sera pas faute de zèle (car il en a beaucoup) qu'il ne réussira pas, ni faute d'arguments qu'il possède très bien. Je me réfère donc au rapport que ce ministre fera après son entrevue avec le premier ministre de ce pays.

J'ai l'honneur ...

S. c[omte] Woronzow

P. S. Mr Pitt dans la conversation, que j'ai eue avec lui hier, m'annonça avec chagrin que milord L. Gower demande formellement son rappel et le demande avec instance, alléguant le délabrement de sa santé qui ne fait qu'empirer. Ce qui désole le plus Mr Pitt, c'est que non seulement on perd un ministre qui a déployé la plus grande capacité, et cela à la cour la plus importante pour l'Angleterre, mais qu'il ne voit aucun autre sur qui tourner les yeux pour pouvoir remplacer lord L. Gower — il en est désolé.

On a eu ici l'avis certain que les flottes combinées sont entrées à Cadix, où elles étaient surveillées par l'amiral Collingwood, dont l'escadre de 4 vaisseaux de ligne avait été augmentée par 4 autres, arrivés de Gibraltar. Depuis on a encore été informé que l'amiral Calder avec 20 vaisseaux de ligne avait été vu le 25 passé devant le cap St. Vincent, et comme le vent lui était favorable, il doit être arrivé le lendemain devant Cadix où les flottes ennemies sont maintenant bloquées par une force anglaise de 28 vaisseaux de ligne.

Ut in litteris.

S. c[omte] Woronzow

Получено 19 сентября 1805 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин князь, мне остается лишь ответить на официальное письмо в. с-ва[293] по поводу переговоров в Испании, возложенных на г-на барона Строганова. Мы с этим посланником беседовали как с милордом Мюльгрэвом, так и с г-ном Питтом, чтобы выяснить, чем лондонский двор мог бы способствовать достижению примирения между ним и мадридским двором и какую приманку можно было бы предложить Испании, чтобы оторвать ее от Франции и даже повернуть против этой последней. Мы нашли, что здесь смотрят на Испанию совершенно иначе, чем мы. Когда мы напомнили им, что по конвенции * с нами они обязались всячески способствовать достижению мира с Испанией путем посредничества, они нам ответили, что они по-прежнему готовы к примирению с ней, и, когда я, будучи наедине с г-ном Питтом, предложил выставить какую-либо приманку, скажем возвращение фрегатов с находившимися на них пиастрами[118], он мне ответил, что: 1) это означало бы признать захват их неправомерным, в то время как этот шаг был оправдан всеми беззаконными и вероломными поступками, которые под прикрытием мнимого нейтралитета Испания, подчинившаяся из-за своей слабости Франции, совершила в отношении Англии, и было известно, что во всех испанских портах начаты вооруженные приготовления, которые не были завершены лишь из-за отсутствия денег, которых ожидали; что даже в этом случае ограничились тем, что предложили трем фрегатам возвратиться туда, откуда они отплыли, и предупредили, что если они все же будут упорствовать в своем стремлении войти в Кадис, то этому воспрепятствуют силой оружия; что Англия дважды уже была обманута заверениями Испании: первый раз — в 1762 г., второй раз — во время американской войны, когда мадридский двор равным образом давал самые положительные заверения в своем полном нейтралитете до тех пор, пока не прибыли ожидавшиеся из Америки сокровища, тогда испанцы вооружили флоты в Кадисе, Ферроле и Картахене и объявили войну Англии; 2) что эти фрегаты и эти пиастры не принадлежат правительству, так как и то и другое стало собственностью каперов после того, как в течение нескольких месяцев Англия ожидала получения ясного и точного разъяснения о взаимоотношениях Испании с Францией, но мадридский двор так и не желает отвечать на этот вопрос уже в течение двух лет; что Англия потребовала также более строгого соблюдения нейтралитета и, если бы эти разъяснения были даны ей мадридским двором, фрегаты и деньги были бы возвращены ему; но мадридский двор не только не сделал этого, но даже объявил войну, и, согласно английским морским законам, захваченные призы были переданы каперам. Я задал ему вопрос, нельзя ли выдать нечто вроде денежного аванса, чтобы дать возможность Испании обезопасить себя от Франции, а затем даже выступить против нее. Он ответил мне на это, что Англия никогда не покупала мир, и думать о том, чтобы освободить Испанию от ига Франции, а тем более заставить ее действовать против последней,— значит недостаточно хорошо знать внутреннее положение этой несчастной страны, лишенной каких-либо ресурсов, с пришедшим в упадок флотом, имеющим жалкое вооружение, не располагающей и 30 тыс. солдат, способных носить оружие; что в течение почти двух лет войны они не смогли собрать 10 тыс. человек у Гибралтара, да и эти 10 тыс. имеют скорее вид нищих, чем боеспособных солдат; что финансы этой несчастной страны полностью расстроены; что честолюбивый Князь Мира, деспотически управляющий Испанией, столь ненавистен, что своим существованием обязан исключительно покровительству, оказываемому ему Бонапартом; следовательно, вряд ли что-либо сможет заставить его порвать с этим страшным соседом, разве что Франция будет настолько ослаблена в результате неудачной войны на континенте, что она окажется больше не в состоянии послать 20 тыс. солдат по ту сторону Пиренеев, которые покорили бы всю Испанию; что, даже если бы Князь Мира был свергнут, а его преемником стал бы человек просвещенный и честный, он также вынужден был бы ладить с Францией, которая может раздавить Испанию, находящуюся в состоянии упадка; что желать привлечь на свою сторону Испанию — это значит толкнуть ее к полной гибели, потому что столь разоренная страна сможет оправиться лишь после ряда лет мудрого правления; что, если дела Франции будут идти плохо, мадридский двор смог бы без всякого риска, ничего не опасаясь, вернуться к своему нейтралитету и Англия не требовала бы от него ничего, кроме этого нейтралитета; что если бы дела Франции пошли еще хуже, то Испания, выставив (если только это будет для нее возможным) от 20 до 25 тыс. человек для охраны Пиренеев, смогла бы прекратить всякие сношения с Францией.

Г-н Питт оценивает испанские дела именно так, как он мне их обрисовал, но так как г-ну барону Строганову сообщены весьма пространные инструкции и подробные сведения о стране, куда он направляется, и он лучше меня разбирается в этом вопросе, изучавшемся им специально как по имеющимся у него документам, так и по тем, которые он имел возможность видеть в Петербурге в архиве канцелярии, то не исключено, что он сможет добиться большего от г-на Питта, которого он должен увидеть завтра. Если он не добьется успеха, то, конечно, не из-за недостатка усердия (так как он весьма усерден) и не из-за недостатка в аргументах — у него их достаточно. Поэтому я отсылаю к донесению, которое этот посланник составит после своей встречи с премьер-министром Англии.

Имею честь...

Граф С. Воронцов

P. S. Г-н Питт в разговоре, который я имел с ним вчера, с огорчением сообщил мне, что милорд Л. Гоуэр официально просит отозвать его и просит об этом настойчиво, ссылаясь на расстроенное и все ухудшающееся здоровье. Г-н Питт огорчен не только тем, что Англия теряет весьма даровитого посланника и к тому же при дворе, наиболее важном для Англии, но и тем, что он не видит никого, кто мог бы заменить Л. Гоуэра, и он расстроен этим.

Здесь получили достоверное известие о том, что соединенный флот вошел в Кадис, где за ним наблюдает адмирал Коллингвуд, эскадра которого, состоявшая из 4 линейных кораблей, была усилена еще четырьмя, прибывшими из Гибралтара. После того были дополнительно получены сведения, что 25-го прошлого месяца адмирала Колдера с 20 линейными кораблями видели у мыса Св. Винцента, и так как ветер был попутным, то он должен был на следующий день подойти к Кадису, где неприятельский флот теперь блокирован английскими силами из 28 линейных кораблей.

Ut in litteris

Граф С. Воронцов

177. Посланник в Берлине М. М. Алопеус товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

№ 173 *25 августа (6 сентября) 1805 г.*

Mon prince, j'ai des remerciements tout particuliers à faire à v. ex. de la communication de la note * sur la marche à suivre etc., y ayant trouvé des renseignements aussi précis que précieux pour ma direction. Ma conduite y a été rigoureusement conformée et j'ose bien répondre qu'ici on est encore loin de se douter de la détermination prise chez nous de faire marcher des troupes par ce pays. Car, quoique les ordres aient été expédiés de mettre sur le pied de guerre plusieurs régiments, on a commencé par ceux répartis en Vestphalie. Au reste, je ne saurais cacher à v. ex. qu'en arrivant à la seconde époque de la négociation, où j'aurai à annoncer la marche de nos troupes, l'impression que cet avis va produire sera extrêmement forte. C'est dans l'entrevue entre l'empereur et roi que je fonde tout mon espoir; je voudrais qu'elle pût précéder l'entrée des troupes. Alors les esprits seront moins exaspérés par cette marche, parce qu'on la regardera comme une suite d'un arrangement pris entre les souverains. Au surplus, cette entrevue, je la regarde comme le seul et dernier moyen de déterminer le roi; tout autre manquerait son effet et il serait difficile de répondre que ce prince ne tournât du côté de la France. Dans ce cas malheureux la Prusse en souffrirait sans doute immensément, mais les efforts réunis des alliés n'en deviendraient que plus dépendants de chances incalculables, dont, à coup sûr, il y en aurait qui tourneraient au préjudice notable de l'Autriche.

Il y a encore une considération sur laquelle il est de mon devoir de fixer l'attention de v. ex. La moisson a totalement manqué dans la Marche et la Poméranie. Avec la meilleure volonté du monde il sera difficile, pour ne pas dire impossible, de fournir des subsistances au corps d'armée, destiné à traverser ce pays pour marcher vers le Hannovre. Celui qui doit toucher la Silésie trouvera plus de facilités. Ne pourrait-on pas fréter des bâtiments pour faire des transports de grains de Libau à Stettin? Il est vrai que si le roi de Prusse se déclarait contre nous, cette ressource serait perdue et fournirait même de la subsistance à l'ennemi. Mais indépendamment de la circonstance, que ce malheureux cas me paraît peu probable, il y aurait moyen de masquer l'opération pour le premier instant. Les grains pourraient être consignés à une maison de commerce à Hambourg et les consignations envoyées à moi, afin qu'on n'en sût rien à Hambourg, supposé que les Français entrassent dans cette ville. Je proposerais pour cet effet les Srs Schramm, Kerstens et compagnie, qui sont

* Речь идет о «Записке Министерства иностранных дел о мероприятиях по привлечению Пруссии к коалиции против Наполеона» (см. док. 160).

mes banquiers et avec lesquels il me serait facile d'arranger les opérations ultérieures suivant l'exigence des cas et la tournure des événements. Je n'ai pas besoin de prouver qu'il est essentiel, si mon projet trouve approbation, de hâter l'envoi de ces grains, vu la saison avancée.

J'ai l'honneur ...

Alopeus

Получено 3 сентября 1805 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Князь, я чрезвычайно благодарен в. с-ву за присылку «Записки об образе действий...»*, где я нашел столь же точные, сколь и ценные сведения, которыми я должен руководствоваться. Мое поведение в точности соответствует этим предписаниям, и я беру на себя смелость поручиться, что здесь далеки еще от подозрений относительно принятого нами решения провести войска через Пруссию, ибо хотя и был дан приказ о приведении в боевую готовность нескольких полков, но начали с полков, размещенных в Вестфалии. Впрочем, я не могу скрыть от в. с-ва, что, когда, приступив ко второму этапу переговоров, я должен буду объявить о движении наших войск, впечатление от этого сообщения будет чрезвычайно сильным. Все свои надежды я возлагаю на свидание императора с королем; мне хотелось бы, чтобы оно предшествовало вступлению наших войск. Тогда умы будут менее возбуждены движением этих войск, так как его будут рассматривать как следствие достигнутого между монархами соглашения. Более того, я рассматриваю это свидание как единственное и последнее средство убедить короля; любое другое средство не привело бы к желаемой цели и было бы трудно поручиться, что этот государь не перейдет на сторону Франции. В случае, если этот прискорбный факт будет иметь место, Пруссия, без сомнения, очень сильно пострадает, но объединенные усилия союзников в еще большей степени будут зависеть от непредвиденных случайностей, многие из которых обернутся против Австрии.

Я считаю своим долгом обратить внимание в. с-ва на еще одно соображение. В пограничном районе и в Померании сильный неурожай. При всем желании будет трудно, если не сказать невозможно, снабжать продовольствием корпус, который должен пройти через эту область, направляясь к Ганноверу. Корпус, который будет двигаться через Силезию, встретит меньше трудностей. Нельзя ли зафрахтовать корабли для транспортировки зерна из Либавы в Штеттин? Правда, если прусский король выступит против нас, эти запасы провианта пропадут и даже будут использованы для снабжения неприятельских войск, но независимо от того, что такой нежелательный оборот дела мне кажется маловероятным, можно найти способ замаскировать на первое время эту операцию. Зерно можно было бы отправить на консигнацию какому-либо торговому дому в Гамбурге, а документы послать мне, чтобы в Гамбурге ничего не знали, на случай, если французы войдут в этот город. Я предложил бы для этого дела господ Шрамма, Керстенса и К°, которые являются моими банкирами и с которыми мне было бы легко урегулировать последующие операции, в зависимости от обстоятельств и оборота событий. Нет необходимости доказывать, сколь важно, если мой проект встретит одобрение, поспешить с посылкой этого зерна ввиду позднего времени года.

Имею честь...

Алопеус

178. Посланник в Берлине М. М. Алопеус товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

№ 179 *25 августа (6 сентября) 1805 г.*

Mon prince, j'allais fermer mes paquets, lorsque M^r le baron de Hardenberg m'a fait inviter de la manière la plus pressante de me rendre chez lui. Y étant allé dans l'instant même, ce ministre s'est mis à me parler avec la plus vive émotion des rapports qui entraient à tout moment des frontières sur l'augmentation des troupes de s. m. i., qui se disposaient à border les provinces prussiennes. Quoique le roi, d'après ce que m'en a dit Mr de Hardenberg, a la plus grande confiance dans le caractère de l'empereur, il commence cependant à prendre de vives inquiétudes de cette mesure menaçant de devenir hostile. Il n'en est pas moins résolu de ne pas mettre encore sur le pied de guerre les régiments répartis dans la Prusse méridionale etc., mais Mr de Harden-

berg m'assura que, si malheureusement le projet était conçu chez nous de vouloir forcer le passage par les provinces prussiennes, le roi n'écouterait que la voix de son devoir et de sa dignité. Je lui répondis que je n'en avais aucune connaissance et que je ne pouvais même imaginer que de pareils projets sont formés; que toutefois le moyen le plus simple de faire cesser des appréhensions de toute espèce est, sans contredit, celui d'accéder aux propositions que je lui avais faites; que je ne concevais pas comment le roi pouvait s'en défendre; que même je croyais qu'en cela il ne suit que l'opinion de Mr Beyme qui suppose que le parti de neutralité est celui qui convient le plus aux intérêts de la Prusse. Mr de Hardenberg m'assura qu'il ne s'agit plus de cela, mais de l'appréhension qu'on a conçue, comme si on croyait que la Prusse était assez déchue de sa puissance pour pouvoir être forcée, malgré elle, à entrer dans la coalition; qu'en ce cas il pouvait m'assurer qu'il n'y a ici qu'une voix, à commencer par le comte de Schulenbourg, qu'il faut plutôt périr que de souffrir une violence qui couvrira d'opprobre la Prusse et effacera toute sa gloire acquise au prix de tant de sang. Il me conjura de Vous en écrire, mon prince, encore par ce courrier et de Vous prier instamment de porter s. m. l'empereur, en cas que ce projet funeste serait formé, de le suspendre; il croit que le roi, traité avec ménagement, finira par accéder à la coalition, mais pas dans le courant de cette année-ci, afin d'écarter le soupçon d'y avoir été forcé. Il ajouta ces propres paroles: «Mais il doit pour le premier moment vous suffire, que nous prenons une attitude imposante du côté, qui donne le plus de jalousie à la France et qui vous mettra à l'abri de toute attaque du côté du Nord de l'Allemagne. Au nom de Dieu, considérez donc que ce serait une cruelle faute politique que d'augmenter les forces disponibles de la France de plus de 200 mille hommes et de manquer par là le but qu'on s'est proposé en voulant forcer Bonaparte à passer par des conditions raisonnables».

Le maréchal de la cour d'Hannovre, baron de Loew, arrivé ici il y a peu de jours, vient de me dire que le bruit s'est répandu à Hannovre que les troupes françaises se disposaient à évacuer l'électorat pour joindre l'armée du Rhin.

M'étant acquitté de la commission de Mr de Hardenberg, il ne me reste qu'à faire des vœux pour que les choses tournent de manière que de leur combinaison il n'en résulte point de l'avantage pour Bonaparte.

A ce que je viens d'apprendre, sans garantir toutefois l'authenticité de cet avis, l'armée prussienne qui sera rendue mobile dans ce moment va monter à 80 mille hommes.

J'ai l'honneur ...

Alopeus

Получено 3 сент[ября] 1805 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Князь, я как раз собирался запечатать пакеты, когда г-н барон Гарденберг передал мне настоятельное приглашение прийти к нему. Я тотчас отправился к нему, и этот министр с очень большим волнением заговорил со мной о ежеминутно приходящих с границ сообщениях об увеличении численности войск е. и. в-ва, которые намерены расположиться на границах прусских провинций. Хотя король, по словам г-на Гарденберга, и питает самое глубокое доверие к императору, тем не менее он начинает очень тревожиться в связи с этими мероприятиями, грозящими перейти во враждебные действия. Тем не менее решено пока не приводить в состояние боевой готовности полки, размещенные в Южной Пруссии, и др., но г-н Гарденберг заверил меня, что если, к несчастью, мы намереваемся силой осуществить проход через прусские провинции, то король будет действовать лишь в соответствии с требованиями долга и достоинства. Я ответил ему, что ничего об этом не знаю и не могу даже представить себе, что имеются подобные проекты; тем не менее самым простым способом избавиться от каких-либо опасений является, без сомнения, согласиться на сделанные ему мной предложения; я не понимаю, продолжал я, как может король отказываться от этого, и даже

полагаю, что в этом вопросе он лишь следует мнению г-на Бейма, считающего, что политика нейтралитета более всего соответствует интересам Пруссии. Г-н Гарденберг заверил меня, что речь теперь идет не об этом, а о возникшем опасении, что Пруссию считают настолько ослабевшей, что ее можно принудить войти в коалицию помимо ее воли; что в таком случае он может меня заверить, что все здесь, начиная с графа Шуленбурга, единодушно считают, что лучше погибнуть, чем потерпеть насилие, которое покроет Пруссию позором и лишит ее всей славы, завоеванной ценой стольких жертв. Он заклинал меня послать еще с этим курьером Вам, князь, письмо с настоятельной просьбой убедить государя императора, в случае если этот гибельный проект существует, остановить его исполнение; он полагает, что король, если обходиться с ним осторожно, не задевая его самолюбия, в конце концов примкнет к коалиции, но не в текущем году, чтобы не возникло подозрение, что его к этому принудили. Он добавил следующие слова: «Но на первое время вам должно быть достаточно того, что мы занимаем сдерживающую позицию в районе, на который Франция зарится больше всего, и это обеспечит вас от любого нападения французов со стороны Северной Германии. Во имя господа бога, поймите же, что было бы жестокой политической ошибкой увеличить силы, находящиеся в распоряжении Франции, более чем на 200 тыс. человек и тем самым лишить себя возможности достичь цели, которую ставили перед собой, стремясь заставить Бонапарта согласиться на разумные условия».

Маршал ганноверского двора барон Лоев, прибывший сюда несколько дней тому назад, только что сообщил мне, что в Ганновере распространился слух о намерении французов эвакуировать свои войска из курфюршества, чтобы присоединить их к рейнской армии.

После того как я выполнил поручение г-на Гарденберга, мне остается лишь высказать пожелание, чтобы дела не приняли такого оборота, при котором Бонапарт мог бы извлечь выгоду.

Как я только что узнал (не ручаюсь, однако, за достоверность этих сведений), численность прусских войск, которые будут приведены в походное состояние в настоящий момент, будет доведена до 80 тыс. человек.

Имею честь ...

А л о п е у с

Фридрих-Вильгельм III Александру I

6 сентября 1805 г.

Надеется на успех переговоров с Наполеоном. Сообщает о своей решимости защищать нейтралитет Пруссии силой оружия.

B a i l l e u, Correspondance inédite, p. 74—76.

179. Конвенция между Россией и Королевством Обеих Сицилий о защите королевства от нападения Франции

29 августа (10 сентября) 1805 г.

Les intentions hostiles de la France contre le Royaume de Naples prenant, de jour en jour un caractère plus évident, malgré les sacrifices nombreux et pénibles que Sa Majesté Sicilienne s'est imposés dans l'espoir de ramener le Chef du Gouvernement français à des idées plus modérées, ont enfin placé Sa Majesté dans la nécessité de revenir du système de condescendance qu'Elle avait cru devoir suivre jusqu'à présent et qui n'a servi qu'à accroître les exigences de Bonaparte. Forcée de cette manière à recourir à d'autres moyens pour rétablir l'intégrité de Sa Couronne et replacer Ses Etats dans la même position où ils se trouvaient avant la reprise des hostilités entre l'Angleterre et la France, Sa Majesté Sicilienne embrasse de préférence ceux qui Lui sont offerts par l'intérêt constant que Sa Majesté Impériale l'Empereur de toutes les Russies n'a cessé de prendre au bien-être du Royaume de Naples, et par les secours efficaces qu'Elle espère d'Elle en vertu de la garantie accordée par la Russie aux Etats Napolitains par le traité du 18(29) Décembre 1798[284]. Sa Majesté Impériale de Son côté après les essais infructueux qu'Elle a faits, pour ramener

Bonaparte à une conduite plus juste à l'égard de Sa Majesté Sicilienne reconnaît la nécessité de recourir à des moyens vigoureux, à l'effet d'aider Son Allié forcé à la défense de Ses intérêts les plus chers. A cette fin les deux hautes parties contractantes ayant résolu de se concerter d'avance, au moyen de la présente convention sur différents points qui doivent contribuer au succès des mesures communes, ont nommé Leurs Plénipotentiaires Sa Majesté Impériale l'Empereur de toutes les Russies le Sieur Dimitri de Tatistscheff Son Conseiller privé, Chambellan actuel, Ministre Plénipotentiaire près Sa Majesté Sicilienne, chevalier des ordres de Sainte Anne de la première classe, grand Croix de celui de Saint Wladimir de la Seconde classe, de l'ordre militaire de Saint George, et Commandeur de l'ordre Souverain de Saint Jean de Jérusalem; et Sa Majesté le Roi des deux Siciles, le Sieur Thomas Firrao Prince de Luzzi, Gentilhomme de la chambre du Roi, chevalier de ses ordres, Grand Maître de la maison de Sa Majesté la Reine, Conseiller d'Etat ayant *ad interim* le Département des affaires étrangères; et le Sieur Thomas Somma Marquis de Circello, Gentilhomme de la chambre de Sa Majesté le Roi, Chevalier de l'Ordre de Saint Janvier et de Saint Jean de Jérusalem, Conseiller d'Etat et Maréchal de Camp des armées de Sa Majesté Sicilienne, lesquels après avoir vérifié Leurs pleins pouvoirs respectifs, sont convenus des points suivants:

Article I

Dans le cas où le Gouvernement français abusant des circonstances pénibles dans lesquelles se trouve le Royaume de Naples voulût renforcer le corps d'armée qui séjourne dans les Etats de Sa Majesté Sicilienne ou exiger l'admission des troupes françaises dans les forteresses Napolitaines, leur introduction dans la Capitale, les Calabres ou dans quelqu'autre province du Royaume hors la ligne que lesdites troupes occupent maintenant, Sa Majesté Sicilienne est décidée à refuser toutes ces demandes et encore plus toutes celles qui pourraient jeter le moindre doute sur l'union qui existe si heureusement entre la Cour Impériale de Russie et celle de Naples et que Sa Majesté Sicilienne veut employer tous ses efforts à consolider de plus en plus. Un tel refus pouvant probablement amener les voies de fait, Sa Majesté Sicilienne se servira de tous les moyens dont elle peut disposer pour empêcher l'ennemi d'effectuer aucun de ses projets susmentionnés, et Sa Majesté Impériale reconnaissant la justice de la cause de Son Auguste Allié, s'empressera d'envoyer à Son Secours un corps de troupes (tel que Sa Majesté Impériale l'aura jugé suffisant) pour assurer la délivrance du Royaume de Naples de l'oppression qui pèse sur Lui.

Article II

Une expérience répétée ayant suffisamment démontré combien le succès des opérations militaires dépend du secret dont elles sont enveloppées, Sa Majesté Sicilienne consent à laisser à la disposition du Général en chef Russe, qui commandera les troupes de Sa Majesté Impériale destinées à agir dans le Royaume de Naples, le moment de leur débarquement et le choix des points sur lesquels ce débarquement doit s'effectuer, d'autant plus que c'est sur les mouvements qu'on verra faire à l'ennemi, qu'il doit régler Ses opérations. Quelque part donc que les troupes Russes Se présentent pour opérer leur débarquement dans le Royaume de Naples, Sa Majesté Sicilienne s'engage de faire donner partout les ordres nécessaires, de Leur accorder assistance et toutes les facilités qu'elles seront dans le cas de requérir.

Article III

Six mille hommes de troupes Anglaises étant destinés à agir conjointement et sous les ordres du Général en chef Russe, les dispositions de l'article précédent leur sont de même applicables.

Article IV

L'unité dans le Commandement devant essentiellement influer sur la célérité des opérations militaires, si nécessaire contre l'ennemi qu'on se propose de combattre, Sa Majesté Sicilienne s'engage de remettre toutes Ses forces à la disposition du Général en chef Russe du moment qu'il jugera convenable de recevoir ce Commandement ; et pour prévenir d'avance tout mésentendu à cet égard, il sera dès lors formellement déclaré Général en chef de l'armée Russo-Anglo-Napolitaine.

Article V

Toutes les garnisons dans les forteresses, forts ou châteaux sur le continent du Royaume seront composées et organisées d'après un ordre signé du Général en chef de telles troupes des trois puissances Alliées, qu'il jugera à propos de choisir à cet emploi, et on n'opposera à l'exécution du présent article aucune difficulté sous tel prétexte que ce soit.

Article VI

Les forteresses, forts, châteaux ou places de dépôt, seront à la réquisition du général en chef Russe, suffisamment pourvus de munitions de guerre et de bouche, ainsi que de tous les objets nécessaires à l'artillerie. De plus, pour s'assurer d'autant mieux la défense desdites forteresses ou places fortes, Sa Majesté Sicilienne invite le susdit général en chef à inspecter ou faire inspecter les travaux préparatoires à cet effet, et s'il juge à propos d'en faire établir de nouveaux ou faire réparer les anciens, il sera ordonné de lui fournir sans délai le nombre de travailleurs nécessaires au prompt achèvement des susdits travaux.

Article VII

Le long trajet que les troupes Russes et Anglaises ont à faire pour se rendre sur le territoire Napolitain rendant l'embarcation des chevaux extrêmement difficile et presque impossible, Sa Majesté Sicilienne Se charge et S'engage d'en pourvoir les régiments de cavalerie Russes et Anglais et de fournir en outre à l'armée Alliée les chevaux et mulets, nécessaires au transport de l'artillerie, à celui des munitions de guerre et à l'attirail du campement.

Article VIII

Sa Majesté Sicilienne S'engage à faire fournir par le Département des transports qui se trouve établi dans Son armée tous les chariages que les mouvements de l'armée pourront occasionner, et en cas qu'on ait besoin d'avoir recours à des réquisitions, elles tomberont à la charge du pays ; mais comme il importe de gagner l'affection des habitants, Sa Majesté Sicilienne a l'intention de leur bonifier de Son trésor Royal les pertes de temps qu'ils seront dans le cas d'essuyer ainsi que la fourniture de leurs chevaux ou bêtes de somme. Le Général en chef Russe aura soin de son côté que ces réquisitions ne se fassent que dans les cas d'absolue nécessité.

Article IX

Sa Majesté Sicilienne ayant déclaré à plusieurs reprises qu'Elle se chargeait de pourvoir à l'entretien des troupes Russes, il est convenu entre les deux hautes parties contractantes, que pendant tout le temps que les troupes Alliées séjourneront sur le territoire Napolitain, le logement, le bois et la lumière leur seront fournis par le pays. Elles recevront en outre les vivres et la gratification pécuniaire, sur le pied qu'elles ont été fournies aux troupes Napolitaines lors de la Campagne de 1799 et les rations de fourrage, soit en argent soit en nature, d'après les tableaux que le général en chef fournira tous les mois. Les escadres Russes destinées à protéger les opérations des troupes Alliées sur le continent, recevront de Sa Majesté Sicilienne tous les approvisionnements nécessaires d'après les règlements et les états de la marine Russe, quant à la solde des officiers et des matelots Sa Majesté Impériale l'Empereur de toutes les Russies prend sur Elle de la payer.

Article X

Sa Majesté Impériale l'Empereur de toutes les Russies ayant formé dans la République Sept-Insulaire une légion composée de Suliotes, Epirotes et Chimariotes dans le seul but de renforcer le corps de troupes Russes destiné à agir pour la délivrance du Royaume de Naples, Sa Majesté Sicilienne se charge de la solde et de l'entretien de ladite légion aux conditions qui lui ont été accordées par Sa Majesté Impériale l'Empereur de toutes les Russies.

Article XI

L'établissement des hôpitaux pour l'armée Russo-Anglaise sera laissé à la disposition du Général en chef, et Sa Majesté Sicilienne se charge de les pourvoir de médicaments et autres objets nécessaires.

Article XII

Aussitôt que le Général en chef aura jugé convenable de requérir le complètement de l'armée Napolitaine, Sa Majesté Sicilienne s'engage d'y faire procéder avec toute l'activité possible.

Article XIII

Les troupes Russes une fois débarquées dans le Royaume de Naples et les hostilités contre la France commencées, Sa Majesté Impériale de toutes les Russies s'engage à rejeter tout accommodement dans lequel la conservation future, l'intégrité des Etats de Sa Majesté Sicilienne, des droits de Souveraineté qui appartiennent à la Couronne des Siciles (sauf les transactions antérieures à ce contraires) et l'indépendance du Royaume de Naples ne seraient pas comprises. De même lorsque les soins de Sa Majesté Impériale l'Empereur de toutes les Russies auront amené l'établissement d'une négociation pour la paix générale, Sa Majesté Impériale d'après l'intérêt constant et l'amitié qu'Elle professe pour Sa Majesté Sicilienne aura toute la considération nécessaire au bien-être et à la sûreté future du Royaume de Naples et spécialement à la dignité et avantages de Sa Majesté Sicilienne, laquelle de Son côté s'engage aussi à n'entrer dans aucune espèce de négociation avec la France, encore moins de traiter de paix avec elle, sans l'avis et le consentement de Sa Majesté Impériale l'Empereur de toutes les Russies.

Article XIV

Les prisonniers que l'armée combinée Russo-Anglo-Napolitaine, se trouvera avoir fait sur l'ennemi, seront échangés en masse et sans distinction de nation; mais pour ce qui regarde les trophées et le butin, ils appartiendront sans partage aux troupes qui les auront conquis.

Article XV

La présente convention sera ratifiée dans l'espace de neuf semaines ou plus tôt si faire se peut, et s'il arrivait même que les événements amenassent les troupes Russes sur le territoire Napolitain avant l'échange des ratifications, les dispositions y contenues n'en seront pas moins fidèlement exécutées[294].

Article XVI

Immédiatement après que l'échange des ratifications aura été effectuée la présente convention sera communiquée au Ministre d'Angleterre résidant près Sa Majesté Sicilienne, lequel sera invité à y accéder[295].

En foi de quoi les Plénipotentiaires respectifs, après avoir signé le prése acte, y ont apposé le sceau de leurs armes. Fait à Naples le 29 d'Août (10 de Septembre) l'an de grâce mil huit cent cinq.

(L. S.) Dimitri de Tatistscheff

(L. S.) Thomas Firra Prince de Lu
(L. S.) Thomas de Som marquis de Circ

Article Séparé

Lorsque l'armée Alliée aura Dieu aidant purgé le territoire Napoli troupes ennemies et que les événements qui pourront avoir lieu dans de l'Italie, donneront au Général en chef l'espoir de continuer ave Ses opérations dans la Romagne et plus loin, les dispositions de la prés vention tant pour l'entretien des troupes Russes que pour la coopér troupes Napolitaines, conserveront toute leur force et valeur ; bien en les pays étrangers à la domination de Sa Majesté le Roi des deux Sicil quels l'armée Russo-Anglo-Napolitaine pourra séjourner, contrib leur part autant que possible aux moyens d'entretien et de sub troupes Alliées.

Cet article séparé aura la même force et valeur que s'il était mot dans la convention signée aujourd'hui. En foi de quoi les Plé respectifs après l'avoir signé y ont apposé le sceau de leurs Naples le 29 d'Août (10 de septembre) l'an de grâce mil huit ce

(L. S.) Dimitri de Tatistscheff

(L. S.) Thom Prince
(L. S.) Thomas marquis

Печат. по подлиннику.
Опубл. Auriol Ch., La France, l'Angleterre et Naples de 1803 à 1806, P., 1905, т. II, p. 525—530.

Перевод

Враждебные намерения Франции в отношении Неаполитанского мающие день ото дня все более явный характер, несмотря вы, на которые его сицилийское в-во пошел в на

тельства к большей умеренности в его замыслах, заставили, наконец, е. в-во отказаться от политики уступок, которой он считал нужным придерживаться до сих пор и которая лишь способствовала росту притязаний Бонапарта. Будучи вынужден, таким образом, прибегнуть к другим средствам для восстановления целостности своей короны и возвращения своих владений в то положение, в котором они находились до возобновления военных действий между Англией и Францией, его сицилийское в-во отдает предпочтение тем средствам, которые могут быть ему предоставлены благодаря постоянному интересу е. в-ва императора всероссийского к благоденствию Королевства Неаполитанского, и эффективной помощи, которую он надеется получить от е. и. в-ва в силу данной Россией по договору от 18 (29) декабря 1798 г.[284] гарантии целостности неаполитанских владений. Со своей стороны е. и. в-во после предпринятых им бесплодных попыток побудить Бонапарта относиться к его сицилийскому в-ву с большей справедливостью признает необходимым прибегнуть к решительным мерам для оказания помощи своему союзнику, вынужденному защищать свои насущные интересы. С этой целью обе высокие договаривающиеся стороны, решив заранее согласовать путем заключения настоящей конвенции различные меры, которые должны способствовать успеху совместных действий, назначили своими уполномоченными: е. и. в-во император всероссийский — г-на Дмитрия Татищева, своего тайного советника, действительного камергера, полномочного министра при его сицилийском в-ве, кавалера орденов св. Анны первого класса, большого креста ордена св. Владимира второго класса, военного ордена св. Георгия и командора суверенного ордена св. Иоанна Иерусалимского; а е. в-во король Обеих Сицилий — г-на Томазо Фиррао, князя Люцци, камер-юнкера, кавалера королевских орденов, гофмейстера ее в-ва королевы, государственного советника, возглавляющего *ad interim* департамент иностранных дел, и г-на Томазо Сомма, маркиза Чирчелло, камер-юнкера е. в-ва короля, кавалера орденов св. Жанвье и св. Иоанна Иерусалимского, государственного советника и бригадного генерала армий его сицилийского в-ва,— которые после взаимной проверки полномочий пришли к соглашению по следующим пунктам:

Статья I

Если бы французское правительство, воспользовавшись тяжелым положением Королевства Неаполитанского, вознамерилось усилить корпуса войск, пребывающие во владениях его сицилийского в-ва, или потребовать допуска французских войск в неаполитанские крепости, ввода их в столицу, в Калабрию или какую-либо другую провинцию королевства за линией, занимаемой сейчас названными войсками, то его сицилийское в-во исполнен решимости отклонить в этом случае все подобные требования, а тем более требования, которые могли бы подвергнуть малейшему сомнению союз, столь счастливо существующий между русским императорским двором и двором неаполитанским, союз, для дальнейшего укрепления которого его сицилийское в-во желает употребить все усилия. Поскольку следствием отклонения этих требований могут явиться насильственные действия, его сицилийское в-во использует все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы помешать неприятелю осуществить любой из вышеназванных проектов, а е. и. в-во, признавая правоту дела своего августейшего союзника, поспешит послать ему на помощь войска (в количестве, которое е. и. в-во сочтет достаточным) для того, чтобы обеспечить избавление Королевства Неаполитанского от угнетения.

Статья II

Поскольку опыт военных операций неоднократно доказывал, что успех их в очень большой степени зависит от соблюдения тайны, его сицилийское в-во соглашается предоставить русскому генералу, который будет командовать войсками е. и. в-ва, предназначенными для действий в Королевстве Неаполитанском, право определить время их высадки и выбрать пункты, где она должна осуществляться, тем более что разрабатывать операции он должен будет в зависимости от действий противника. Поэтому, где бы ни начали высадку русские войска, его сицилийское в-во обязуется дать всюду необходимые распоряжения об оказании им помощи и содействия, которые им могли бы потребоваться.

Статья III

Так как 6-тысячный английский отряд предназначен для совместных действий с русскими войсками под командованием русского главнокомандующего, положения предыдущей статьи распространяются и на этот отряд.

Статья IV

Поскольку от единства командования в очень большой степени зависит быстрота военных операций, столь необходимая при действиях против неприятеля, с которым намереваются сражаться, его сицилийское в-во обязуется передать все свои силы в распоряжение русского главнокомандующего, когда последний найдет нужным принять на себя это

командование; с этого времени, для того чтобы предупредить возникновение каких бы то ни было недоразумений в этом отношении, он официально будет объявлен главнокомандующим русско-англо-неаполитанской армией.

Статья V

Все гарнизоны в крепостях, фортах и замках, расположенных в континентальной части королевства, будут созданы и укомплектованы в соответствии с приказом, подписанным главнокомандующим, из тех войск трех союзных держав, которые он сочтет нужным выделить для этой цели; выполнению настоящей статьи не будут препятствовать ни под каким предлогом.

Статья VI

Крепости, форты, замки или склады будут предоставляться в распоряжение русского главнокомандующего по его требованию и будут иметь достаточно боеприпасов и провианта, так же как и снаряжения, необходимого для артиллерии. Сверх того, в целях лучшего обеспечения обороноспособности упомянутых крепостей или фортов, его сицилийское в-во предлагает вышеупомянутому главнокомандующему проинспектировать ход соответствующих подготовительных работ; если он найдет нужным возвести новые сооружения или отремонтировать старые, будет приказано без промедления предоставить ему рабочих в количестве, необходимом для быстрейшего окончания вышеупомянутых работ.

Статья VII

Поскольку длительный путь, который должны проделать русские и английские войска, прежде чем они высадятся на неаполитанской территории, делает чрезвычайно трудной и почти невозможной перевозку лошадей, его сицилийское в-во берет на себя обязательство поставить их русским и английским кавалерийским полкам и предоставить, кроме того, союзной армии лошадей и мулов, необходимых для перевозки артиллерии, боеприпасов и лагерного снаряжения.

Статья VIII

Его сицилийское в-во обязуется дать указание транспортному департаменту своей армии о предоставлении транспортных средств, которые могли бы потребоваться армии, и в случае, если возникнет необходимость прибегнуть к реквизициям, то они будут произведены на месте; но так как важно завоевать поддержку жителей, то его сицилийское в-во намерен вознаградить их из королевской казны за потерю времени, а также за поставку лошадей или вьючных животных. Со своей стороны русский главнокомандующий позаботится о том, чтобы эти реквизиции производились лишь в случае абсолютной необходимости.

Статья IX

Поскольку его сицилийское в-во неоднократно заявлял, что он берет на себя заботу о содержании русских войск, высокие договаривающиеся стороны условились, что в течение всего времени пребывания союзных войск на неаполитанской территории жилье, отопление, освещение будут обеспечиваться местным населением. Кроме того, они будут получать съестные припасы и денежное вознаграждение на таких же условиях, на каких их получали неаполитанские войска во время кампании 1799 г., а также фураж, поставляемый либо натурой, либо в денежном возмещении в соответствии с ведомостями, представляемыми главнокомандующим ежемесячно. Русские эскадры, предназначенные для прикрытия операций союзных войск на континенте, будут получать от его сицилийского в-ва все необходимое довольствие в соответствии с регламентами и нормами, существующими в русском флоте; что касается жалованья офицерам и матросам, то е. в-во император всероссийский берет выплату его на себя.

Статья X

Так как е. в-во император всероссийский создал в Республике Семи островов легион из сулиотов, эпиротов и химариотов с единственной целью усилить русские войска, предназначенные для действий по освобождению Королевства Неаполитанского, его сицилийское в-во берет на себя выплату жалованья и содержание указанного легиона на тех условиях, которые были ему пожалованы е. в-вом императором всероссийским.

Статья XI

Вопросы учреждения госпиталей для русско-английской армии будут находиться в ведении главнокомандующего, а его сицилийское в-во берет на себя снабжение их медикаментами и другими необходимыми предметами.

Статья XII

Его сицилийское в-во обязуется быстро и энергично пополнить неаполитанскую армию, как только главнокомандующий сочтет необходимым потребовать этого.

Статья XIII

Е. в-во император всероссийский обязуется после высадки русских войск в Королевстве Неаполитанском и начала военных действий против Франции не вступать ни в какое соглашение, в котором не будут обусловлены сохранность в будущем, неприкосновенность владений его сицилийского в-ва и суверенных прав, принадлежащих короне Сицилий (за исключением условий предыдущих соглашений, противоречащих этому), и независимость Королевства Неаполитанского. Точно так же, когда благодаря заботам е. в-ва императора всероссийского начнутся переговоры о всеобщем мире, е. и. в-во, в силу постоянного интереса и дружеских чувств к его сицилийскому в-ву, отнесется со всем необходимым вниманием к благосостоянию и будущей безопасности Королевства Неаполитанского и особенно к достоинству и выгодам его сицилийского в-ва, который со своей стороны также обязуется не вступать ни в какие переговоры с Францией, а тем более не заключать с ней мира без ведома и согласия е. в-ва императора всероссийского.

Статья XIV

Захваченные объединенной русско-англо-неаполитанской армией пленные будут обмениваться без учета национальной принадлежности; но что касается трофеев и военной добычи, то они будут принадлежать исключительно тем войскам, которые их захватят.

Статья XV

Настоящая конвенция будет ратифицирована в 9-недельный срок или ранее, если это окажется возможным, и если даже случится, что ход событий заставит русские войска вступить на неаполитанскую территорию до обмена ратификационными грамотами, содержащиеся в ней положения будут тем не менее в точности выполнены[294].

Статья XVI

Сразу же после обмена ратификационными грамотами настоящая конвенция будет сообщена английскому посланнику при его сицилийском в-ве, и ему будет предложено присоединиться к ней[295].

В удостоверение чего соответствующие уполномоченные, подписав настоящий акт, приложили к нему свои гербовые печати. Совершено в Неаполе 29 августа (10 сентября) тысяча восемьсот пятого года от рождества Христова.

(М. П.) Дмитрий Татищев

(М. П.) Томазо Фиррао, князь Люцци

(М. П.) Томазо Сомма, маркиз Чирчелло

Отдельная статья

После того как союзная армия с божьей помощью очистит неаполитанскую территорию от неприятельских войск и события, могущие произойти на севере Италии, дадут главнокомандующему надежду на успешное продолжение операций в Романье и далее, положения настоящей конвенции, относящиеся как к содержанию русских войск, так и к содействию неаполитанских войск, сохранят всю свою силу и значение; разумеется, области, неподвластные е. в-ву королю Обеих Сицилий, в которых русско-англо-неаполитанская армия может пребывать, со своей стороны внесут посильный вклад в дело содержания и снабжения союзных войск.

Эта отдельная статья будет иметь такую же силу и значение, как если бы она от слова до слова была включена в подписанную сегодня конвенцию. В удостоверение чего соответствующие уполномоченные, подписав ее, приложили к ней свои гербовые печати. Совершено в Неаполе 29 августа (10 сентября) тысяча восемьсот пятого года от рождества Христова.

(М. П.) Дмитрий Татищев

(М. П.) Томазо Фиррао, князь Люцци

(М. П.) Томазо Сомма, маркиз Чирчелло

Главноуправляющий в Грузии П. Д. Цицианов Александру I

29 августа (10 сентября) 1805 г.

Притеснения со стороны персидских властей вынуждают жителей Ереванского ханства искать покровительства России и бежать в области, занимаемые русскими войсками.

АКАК, т. II, стр. 628.

180. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому

2(14) сентября 1805 г.

Monsieur, je Vous envoie ci-joint deux lettres[296] pour messieurs Arbuthnot et Sturmer de la part des ambassadeurs d'Angleterre et d'Autriche résidant ici. Vous verrez par les copies ci-annexées de ces deux lettres que, pour le bien de la chose, j'ai été autorisé à communiquer à lord Gover et au comte de Stadion les dernières nouvelles que nous avons reçues de Const[antino]ple[297]. A la suite de cette communication et par un effet de l'heureuse intimité qui règne entre les deux cours impériales et celle de Londres, messieurs Gover et Stadion se sont empressés de se mettre en correspondance avec leurs collègues à Constantinople pour les engager éventuellement à réunir leurs soins aux Vôtres pour déjouer les intrigues du parti français et ramener la Porte aux principes de la saine politique. Ne doutant pas que Mr Arbuthnot ainsi que l'internonce, persuadés combien ce but doit intéresser également leurs cours respectives, ne tarderont pas à suivre les impulsions qu'on leur donne, je dois m'attendre à ce que Vous tirerez de cette circonstance tout le parti qu'elle Vous offre.

Lord Gover désirant que Mr Arbuthnot ne sache pas que je Vous transmets une copie de sa lettre, Vous voudrez bien conformer Votre langage avec cet ambassadeur en conséquence.

Au demeurant je n'ai pas besoin de Vous observer que si dans l'intervalle Vous étiez parvenu à redresser nos affaires et que Vous jugiez pouvoir Vous passer de la coopération des ministres d'Angleterre et d'Autriche, que dans ce cas Vous ne ferez aucun usage de ces lettres.

J'ai l'honnèur ...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

P. S. La copie de la lettre de lord Gower n'est pas précisément exacte, vu que l'on a fait quelques changements dans la lettre même. J'ai cru toutefois devoir Vous envoyer cette copie qui, au reste, n'est que pour Votre seule et unique information.

Получ[ено] 20 сентября 1805 г. около полуночи в 11 ½ часов.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, посылаю Вам два письма[296] для господ Арбатнота и Штюрмера от английского и австрийского послов, пребывающих здесь. Из прилагаемых копий этих двух писем Вы увидите, что ради пользы дела я был уполномочен сообщить лорду Гоуэру и графу Стадиону последние известия, полученные нами из Константинополя[297]. В связи с этим, учитывая тесные дружеские отношения, столь счастливо существующие между обоими императорскими дворами и лондонским двором, господа Гоуэр и Стадион поспешили снестись письменно с их коллегами в Константинополе, побуждая их, в предвидении могущих возникнуть обстоятельств, объединить свои усилия с Вашими, чтобы расстроить интриги французской партии и вернуть Порту к принципам разумной политики. Я не сомневаюсь, что как г-н Арбатнот, так и интернунций, зная, сколь сильно в этом должны быть заинтересованы также

и их дворы, не замедлят последовать делаемым им внушениям, и надеюсь, что Вы извлечете из этого обстоятельства всю возможную пользу.

Поскольку лорд Гоуэр желает, чтобы г-н Арбатнот не знал о том, что я передаю Вам копию его письма, учитывайте это обстоятельство во время бесед с ним.

Впрочем, мне нет нужды указывать Вам, что если тем временем Вам удастся поправить наши дела и Вы сочтете возможным обойтись без содействия английского и австрийского посланников, то в этом случае Вы не воспользуетесь этими письмами.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

P. S. Копия письма лорда Гоуэра не совсем точна ввиду того, что в само письмо внесены были некоторые изменения. Все же я счел своим долгом послать Вам эту копию, которая, впрочем, предназначается единственно для Вашего сведения.

181. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

5(17) сентября 1805 г.

Monsieur, c'est uniquement sur le contenu de Vos rapports du 25 août (6 septembre) * que s. m. i. a pris les résolutions énoncées dans la dépêche[298] que je Vous adresse aujourd'hui. C'est le désir de voir arriver de manière ou d'autre la Prusse à l'adoption de notre système qui les a décidées, et comme v. ex. a montré l'espoir de réussir, si l'entrée des troupes ne s'effectuait que de concert avec l'entrevue ** des deux souverains, elle pourra maintenant profiter des dispositions de s. m. i. pour amener ce résultat. Celui qu'il nous importe d'obtenir est une fin prompte et décisive, et c'est la tâche qui Vous est réservée avec tous les moyens de l'atteindre, puisque ce sont ceux que Vous avez indiqués.

J'ai l'honneur ... Le p[rin]ce A. Czartoryski

P. S. Si avant la réception des présentes Vous aviez obtenu déjà des résultats satisfaisants, il s'entend de soi-même que Vous ne ferez, monsieur, usage des instructions qui Vous sont envoyées aujourd'hui, que pour autant qu'elles pourront servir à remplir de plus en plus les intentions de s. m. dont Vous êtes suffisamment instruit.

Ut in litteris.

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Получено 15(27) сентября 1805 г. с курьером переводч[иком] графом Ожаровским.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, е. и. в-во принял решения, изложенные в направляемой Вам сегодня депеше[298], исходя исключительно из содержания Ваших донесений от 25 августа (6 сентября) *. Принятие этих решений было вызвано желанием, чтобы Пруссия так или иначе присоединилась к нашей системе и, поскольку в. пр-во выразили надежду преуспеть в этом деле в случае, если бы вступлению войск предшествовала встреча обоих государей, Вы можете теперь воспользоваться намерениями е. и. в-ва, чтобы добиться желаемого результата. Главное, что нам нужно,— это добиться быстрого и решительного окончания дела; в этом состоит Ваша задача, и Вы должны добиться успеха, поскольку средства, которые Вам предоставляются, именно те, которые Вы сами указали.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

P. S. В случае, если до получения настоящих депеш Вы уже добьетесь удовлетворительных результатов, то само собой разумеется, милостивый государь, что Вы воспользуетесь инструкциями, посылаемыми Вам сегодня, лишь в той мере, в какой они смогут способствовать наилучшему выполнению намерений е. в-ва, которые Вам достаточно хорошо известны.

Ut in litteris.

Князь А. Чарторыйский

* См. док. 178.

** «Avec l'entrevue» — вписано над строкой.

182. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский главноуправляющему в Грузии П. Д. Цицианову

8(20) сентября 1805 г.

Из последних депешей в. с-ва от 23 июля[299], которые получены пред отправлением сего курьера, государь император с особенным удовольствием усмотреть соизволил желаемый успех движения Вашего, для отражения Баба Хана учиненный, который произвел здесь тем более радостное впечатление, что вместе с оным получено известие о поправлении Вашего здоровья, для пользы тамошних дел толико нужного.

Из прилагаемых при сем депешей[300], пред сим заготовленных, в. с-во усмотреть изволите, что е. в-ву благоугодно было твердое принять решение прекратить в Персии военные действия и ограничить себя там оборонительной войною; те же самые причины, о коих упомянуто в депешах, при сем посылаемых, убеждают повторить Вам, милостивый государь мой, что сия высочайшая воля е. в-ва и ныне существует и не прежде может получить изменение, как смотря по течению европейских обстоятельств, умножающих заботливость двора российского. Предшествовавшие успехи российского оружия и нынешнее неудачное предприятие[301] Баба Хана представляют весьма благоприятный случай извлечь из умеренности нашей самое выгодное заключение, доказав Баба Хану, что российские войска не ищут завоеваний, но отражают токмо его покушения, которых, однако же, опасаться не имеют причины. Пользуясь сими обстоятельствами, кажется, что у места было бы теперь без потери времени довести до него посторонним образом следующие внушения, или придерживаясь смысла оных: мы воюем с Баба Ханом, не зная, какое он имеет неудовольствие против русских и в чем состоят его притязания. Мы доказали, что не боимся войны, и персияне в том удостоверены на опытах. Баба Хан начал военные действия, мы делали ему отпор; но всякая война должна иметь свое начало и конец между большими державами. Итак, не лучше ли нам переговорить между собою о взаимных неудовольствиях и кончить их полюбовно, естьли Баба Хан откроет к тому дорогу склонностию своею к мирным переговорам.

Таковые внушения при теперешних обстоятельствах нимало не противны будут достоинству российского двора, даже естьли бы старались в Персии дать сему поступку другой изворот, толкуя, что Россия просит мира. Ибо желать мира не может быть постыдно для сильной державы, какова Россия, и тем более когда сие желание оказывается при одержании успехов с нашей стороны и когда персияне при всех напряжениях своих ни на шаг не могли вперед податься. Здесь признано, что ежели в. с-во откроете удобность употребить сие средство по лучшему Вашему благорассуждению, должно ожидать от оного весьма полезного действия.

По желанию в. с-ва написанное письмо[302] от меня к Ибрагим Хану карабагскому, у сего прилагаемое, прошу покорнейше доставить к нему, буде положение тамошних дел того требует. Для сведения Вашего копия с оного тут же препровождается.

С истинным почитанием и пр[очее].

Помета Александра I: Быть по сему.
Сентября 4 дня 1805 г.

Подписано 8 сентября и отправлено 9-го с фельдъегерем Ивановым.

Печат. по отпуску.
Опубл. АКАК, т. II, стр. 849—850.

Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский главноуправляющему в Грузии П. Д. Цицианову

8(20) сентября 1805 г.

Предписание всемерно противодействовать попыткам французских эмиссаров Ромье и Жобера * использовать пашей пограничных с Россией турецких областей во враждебных России целях.

АКАК, т. II, стр. 885—886.

Фридрих-Вильгельм III Александру I

21 сентября 1805 г.

Категорически отказывается пропустить русские армии через территорию Пруссии. Намекает на то, что будет вынужден сопротивляться любой попытке нарушить нейтралитет Пруссии.

Bailleu, Correspondance inédite, p. 76—78.

183. Посланник в Берлине М. М. Алопеус командующим русскими армиями Л. Л. Беннигсену и И. И. Михельсону

10(22) сентября 1805 г.

Повеления государя императора наложили на меня должность употребить все средства и доводы, удобные к склонению короля прусского на соединение с е. и. в-вом для остановления и положения преграды хищениям и насильствам Бонапарте; три недели сряду не переставал я представлять все доказательства, кои только могут изъяснить пользу сего предприятия, но все усилия мои остались тщетны, и я никак не мог успеть отвратить его прусское в-во от системы неутралитета, им твердо принятой. Е. в-во дни три тому назад приказал всей армии прусской быть в готовности к походу, по-видимому, дабы дать более силы сему его решительному намерению. Сие средство приведет в движение двести тысяч человек.

В силу инструкции моей требовал я у кабинет-министра барона Гарденберга испросить мне позволение короля для прохода армии, состоящей под начальством в. пр-ва и предлагал ему договориться с ним обо всем, что до сего касаться может, уверяя, что не будет учинено никакого неприятельского действия и что все припасы заплачены будут наличными деньгами. Барон Гарденберг, повторив мне неоднократно, что король не может на то согласиться и что е. в-во желает беспосредственно изъясниться с государем императором о сих важных предметах, занимающих ныне кабинеты, мне ничего более не остается, как известить о том в. пр-во.

Имею честь...

К письму к его с[иятельст]ву кн[язю] А. А. Чарторыйскому под № 206 1805 г. посланника Алопеуса из Берлина.

Получено 17 сентября 1805 г.

Печат. по копии.

---

* См. прим. 246, 247.

184. Русско-турецкий союзный оборонительный договор

Константинополь, 11(23) сентября 1805 г.

[illegible]

Константинополь, 11(23) сентября 1805 г.

[illegible]

Фотокопия с подлинника.

Текст русско-турецкого союзного оборонительного договора на французском языке[303]

Au nom de Dieu tout-puissant.

Sa majesté le très auguste et très puissant empereur ottoman et sa majesté le très auguste et très puissant empereur et padichah de toutes les Russies, animés d'un désir également sincère non seulement de maintenir et consolider pour le bien de leurs Etats et sujets respectifs la paix, l'amitié et la bonne harmonie qui subsistent si heureusement entr'eux, mais ayant résolu aussi de raffermir et d'étendre pour leur sûreté réciproque les liens de l'alliance défensive existant entr'eux dont les heureux résultats ont produit et consolidé la parfaite intimité et l'entière confiance qui règnent entre les deux hautes cours ont choisi et nommé à cet effet pour leurs plénipotentiaires, savoir: sa majesté l'empereur ottoman de sa part—les très excellents et très honorables Esseid-Ibrahim Ismet-Bey, par deux fois ci-devant Casi-asker de Romélie, et Ahmed-Wassif, reis-effendi, et sa majesté l'empereur de toutes les Russies de son côté—son chambellan actuel et son envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire près la Porte ottomane, lesquels après s'être communiqué leurs pleins pouvoirs, trouvés en bonne et due forme, et avoir conféré entre eux, sont convenus des articles suivants pour le renouvellement et la prolongation de l'alliance entre les deux puissances[304].

Article I. La paix, l'amitié et la bonne intelligence qui existent si heureusement sur terre et sur mer entre leurs majestés l'empereur ottoman et l'empereur de toutes les Russies, leurs empires et leurs sujets établissant à jamais entr'eux par cette alliance défensive une parfaite intimité et un intérêt commun pour le bien-être et la sûreté de leurs empires, ils n'auront à l'avenir que les mêmes amis et les mêmes ennemis. C'est pourquoi leurs dites majestés promettent de s'entendre franchement sur toutes les affaires qui intéresseront la tranquillité et la sûreté respectives et de prendre d'un commun accord les mesures nécessaires pour repousser de leurs Etats toute espèce d'entreprise hostile et pour effectuer la tranquillité générale.

Article II. Si une puissance quelconque manifestait des vues ou des intentions nuisibles aux deux hautes parties contractantes ou à l'une d'elles, l'autre emploiera ses bons offices pour les prévenir, mais si son intervention pour aplanir le différend survenu et pour prévenir qu'on n'en vienne à une rupture, était sans effet et que les efforts et les moyens de la partie attaquée ne fussent pas suffisants pour détourner et repousser les entreprises hostiles dont elle serait menacée, alors son allié sera obligé de l'assister d'un secours en forces de terre et de mer; mais si vu la localité ou la distance des lieux il n'était pas possible qu'il soit effectif, alors il sera compensé en argent d'après l'évaluation qui sera faite de la dépense que ce secours effectif aurait entraînée. S'il est requis en forces de mer, il consistera au moins en six vaisseaux de ligne et quatre frégates et s'il est requis en forces de terre, il sera pour le moins de dix mille hommes d'infanterie et de deux mille de cavalerie; mais la prestation des secours de terre et de mer réunis ne pourra avoir lieu que d'après un concert préalable à cet effet.

Article III. Le choix des susdits secours effectifs ou pécuniaires dépendra de la partie attaquée et dans le cas où elle requerrait les premiers, les troupes ou l'escadre seront envoyées trois mois au plus tard après la réquisition qui en sera faite; mais si l'on préférait des secours pécuniaires, ils seront comptés année par année et à de termes fixes à partir du jour de la déclaration de la guerre par la puissance attaquante ou du commencement des hostilités et continueront jusqu'à la conclusion de la paix.

Article IV. Les troupes auxiliaires seront pourvues, en proportion de leur

nombre, de l'artillerie, des munitions et de tout ce qui leur sera nécessaire par leur souverain, dont elles recevront aussi leur paye. Quant à leur subsistance, la partie requérante doit du jour qu'elles sortiront des Etats de son allié leur fournir les vivres et fourrages en nature, de bonne qualité et dans la même proportion et espèce qu'elles les reçoivent en temps de guerre de leur souverain; et afin d'éviter toute espèce de difficultés et de malentendu sur cet objet, la partie requérante déterminera les lieux et les chemins par où ces troupes devront passer, en se concertant au préalable avec son allié. La partie requérante leur procurera en outre les autres commodités dont jouissent ses propres troupes, ainsi que celles auxquelles les troupes requises sont habituées.

Article V. La partie requérante doit fournir à l'escadre auxiliaire, sur le pied dont on conviendra, les vivres nécessaires à la subsistance, à compter du jour de son arrivée dans le Canal, ainsi que dans les autres eaux que la puissance requérante pourrait désigner pour l'emploi de ce secours et durant tout le temps qu'elle sera employée contre l'ennemi; et s'il n'est pas possible de fournir en nature la subsistance nécessaire pour ce secours de mer, elle sera fournie en argent d'après le prix dont on conviendra. La partie requérante fournira également à ladite escadre, sans aucun délai et sans aucune difficulté, de ses arsénaux et de ses magasins, aux prix ordinaires, tout ce dont elle pourrait avoir besoin, en cas qu'elle dût se réparer; indépendamment des escadres des deux cours alliées, il en sera de même pour les autres bâtiments de guerre et leurs transports pendant la durée de l'alliance, pour leurs intérêts communs, lesquels bâtiments de guerre et transports auront une libre entrée dans les ports respectifs, soit pour y hiverner, soit pour s'y réparer.

Article VI. Si les efforts de la partie attaquée appuyée des forces auxiliaires de terre ou de mer specifiées dans l'article 2ème de ce traité ou de toutes les deux ensemble n'étaient pas suffisants pour repousser les attaques de l'ennemi et que la puissance auxiliaire fût à portée de pouvoir de son côté faire directement la guerre par mer ou par terre à l'ennemi de son allié, elle la lui fera avec toutes ses forces et jusqu'à la conclusion de la paix. Mais si à cause de la grande distance des lieux, elle n'était pas à même de lui faire directement la guerre et d'y employer toutes ses forces et que la partie attaquée désirât que le nombre des forces auxiliaires de terre ou de mer fût augmenté, dans ce cas on conviendra amicalement de la nature et de la force des secours que la partie requise pourrait joindre aux premiers.

Article VII. Dans le cas où les hauts alliés feraient agir de concert toutes leurs forces, ou combineraient * les secours stipulés dans le présent traité, ils promettent de se communiquer réciproquement avec une franchise sans réserve le plan de leurs opérations militaires, de faciliter autant que possible son exécution, de se faire connaître mutuellement leurs vues relativement à la durée de la guerre et les conditions de la paix, de s'entendre à cet égard entr'eux et de ne faire ni paix ni trêve que d'un commun accord et jamais sans y comprendre son allié ou sans pourvoir à la sûreté de ses Etats.

Article VIII. Les deux hautes parties contractantes sont convenues et ont arrêté qu'en cas de rencontre de leurs flottes, escadres, vaisseaux et autres bâtiments de guerre, le salut aura lieu en observant réciproquement, pour le commencer, la supériorité du grade du commandant indiqué par le pavillon de commandement qu'il arbora et que dans le cas où il y aurait égalité des grades, le salut n'aura point lieu. L'on répondra toujours au salut par le même nombre de coups de canons qu'aura tiré celui qui saluera le premier. L'on s'enverra en conséquence en cas de rencontre des chaloupes, afin de s'entendre et d'éviter toute dispute ou malentendu quelconque.

---

* В «Известиях МИД» вместо «ou combineraient» напечатано «en combinant».

Article IX. Les trophées et tout le butin qu'on aura fait sur les ennemis appartiendront aux troupes qui les auront remportés **.

Article X. Quoique les deux hautes parties contractantes se réservent un plein droit d'entrer en négociation avec d'autres puissances et de faire avec elles des traités que leurs intérêts peuvent exiger, cependant elles s'engagent de la manière la plus formelle l'une envers l'autre à ne rien comprendre dans ces traités qui puisse jamais causer le moindre tort, dommage ou préjudice à l'une d'entr'elles, ou porter atteinte à l'intégrité de leurs Etats, ni aux privilèges et avantages commerciaux de leurs sujets. Elles promettent au contraire de ménager et de conserver de leur mieux l'honneur, la sûreté et l'utilité réciproques.

Article XI. Leurs majestés l'empereur des Ottomans et l'empereur de toutes les Russies en concluant entr'eux le présent traité d'alliance défensive non dans des vues de conquêtes, mais uniquement pour défendre l'intégrité de leurs possessions respectives, pour la sûreté de leurs sujets et pour maintenir les autres puissances dans une situation qui les mette à même de conserver la balance politique si nécessaire à la tranquillité générale, ne manqueront pas d'inviter à y adhérer sa majesté le roi de la Grande-Bretagne et les autres souverains qui pourraient prendre part à des engagements aussi salutaires.

Article XII. Le traité de paix conclu à Jassy le 29 décembre 1791 et de l'Egire l'an 1206, le 15 de la lune de dgemaziul-evvel ***, les autres traités et instruments qu'il rappelle, aussi bien que la convention du 21 mars 1800 et de l'Egire l'an 1214, le 8 de la lune de Zilkaade ****, sont confirmés ici en tant que les stipulations postérieures et le présent traité n'y apportent aucune modification.

Article XIII. Pour donner à cette alliance un plein et entier effet les deux hautes parties contractantes se garantissent mutuellement leurs possessions dans l'état où elles se trouvent actuellement.

Article XIV. Quoique les deux hautes puissances contractantes soient sincèrement disposées à maintenir ces engagements le plus longtemps possible, cependant comme par la suite les circonstances pourraient exiger quelques changements dans ces stipulations, l'on est convenu de fixer la durée du présent traité d'alliance défensive au terme de neuf ans à compter du jour de l'échange des ratifications impériales. A l'approche de l'expiration de ce terme les deux hautes parties contractantes s'entendront amicalement sur le renouvellement du traité d'après la situation des affaires à cette époque.

Article XV. Le présent traité d'alliance défensive sera ratifié par sa majesté l'empereur des Ottomans et sa majesté l'empereur des toutes les Russies et les ratifications seront échangées à Constantinople dans l'espace de trois mois ou plus tôt si faire se peut [305].

Articles Secrets

Article I. Leurs majestés l'empereur des Ottomans et l'empereur et padichah de toutes les Russies prenant en mûre considération les circonstances présentes de l'Europe et la conduite du gouvernement français, laquelle dictée par son ambition et ses projets d'agrandissement est contraire aux principes de la justice et de l'équité, a produit le bouleversement de l'équilibre politique et a rendu précaire la situation de tous les Etats exposés à des agressions hostiles de sa part, en considérant surtout l'existence de ses vues et de ses projets contre les Etats de la Sublime Porte, ont reconnu nécessaire de s'ouvrir entr'eux franchement et sans réserve sur tous ces importants objets ainsi que le demande

** В оригинале вместо «remportés» написано «transportés». Исправление внесено по турецкому тексту договора.

*** См. т. I, прим. 97.

**** См. т. I, прим. 87.

la plus sincère amitié qui subsiste entre leurs majestés et dont le maintien et la solidité est affermi pour l'avenir par le traité d'alliance défensive renouvelé; à la suite de ces ouvertures il a été réciproquement convenu que si pour empêcher et anéantir les projets d'agrandissement ultérieur du gouvernement français, pour opérer le rétablissement de l'équilibre politique et pour procurer la sûreté et la tranquillité de tous les Etats que ledit gouvernement menace quelques-unes des grandes puissances de l'Europe se déterminaient à réunir leurs efforts et à former une coalition et que dans ce cas sa majesté impériale de toutes les Russies se décidât pour le bien de ses alliés et celui de toute l'Europe à prendre une part active dans une telle coalition défensive dans son principe, la Sublime Porte désirant contribuer aux heureux résultats de ladite coalition défensive, résultats, qui en produisant le bien général de l'Europe seront en particulier de la plus grande efficacité pour mettre l'Empire ottoman hors d'atteinte des projets sinistres de la France, fera cause commune avec son auguste allié l'empereur de toutes les Russies, ou fournira au moins à s. m. i. le secours mentionné dans l'article second du présent traité d'alliance défensive et d'une manière conforme aux stipulations du même traité, en même temps la Sublime Porte prendra soins de faciliter le passage par le Canal de Constantinople aux vaisseaux de guerre et transports militaires que sa majesté l'empereur aura besoin d'envoyer dans la Méditerranée pendant la durée d'une telle guerre et elle se conformera aux vues salutaires de sa dite majesté son allié.

Article II. Sa majesté l'empereur et padichah de toutes les Russies se proposant d'inviter les cours de Vienne, Berlin, Stockholm, Copenhague et autres d'accéder à la coalition qui pouvait avoir lieu entre elle, l'Angleterre et quelqu'une des puissances ci-dessus nommées pour concourir ensemble à forcer la France de se porter à l'organisation d'un système qui rétablisse la balance politique de l'Europe, garantisse les droits sacrés des nations et la tranquillité générale, se charge de les informer en même temps que sa majesté l'empereur ottoman son auguste allié fera cause commune avec elle pour contribuer aux heureux résultats de cette coalition défensive; sa majesté l'empereur ottoman se fie à la sagesse de sa majesté l'empereur de Russie sur les moyens qu'elle croira devoir employer à l'effet de ses invitations et informations.

Article III. La Sublime Porte désirant et ayant à cœur que les stipulations de la convention **** conclue par ci-devant relativement aux villes et territoires ex-vénitiens en Albanie, lesquels ont été réunis à ses Etats, soient entièrement observées et que l'on s'occupe à aviser aux moyens propres à procurer le bien-être et la tranquillité des habitants des dites villes et à maintenir les privilèges et prérogatives que leur accorde ladite convention, elle promet et s'engage à ne pas permettre qu'au mépris des stipulations y contenues les pachas et les chefs des provinces voisines, ni les commandants et officiers de sa marine introduisent des gens armés dans lesdites villes et territoires et exigent des habitants des contributions, à ne jamais tolérer que le voïvode qui les gouverne, ni ses gens puissent innover ou porter la moindre atteinte aux privilèges et immunités des habitants, ainsi qu'aux stipulations faites en leur faveur, et à les faire jouir enfin, conformément aux dites stipulations, de tous les avantages dont ils jouissaient sous la domination de la ci-devant république de Venise. En un mot la convention conclue le 8ème jour de la lune de Zilkaadé, de l'an de l'Egire 1214, c'est-à-dire le 21 mars 1800 ****, est confirmée par le présent traité d'alliance, comme si elle y était insérée mot par mot; et si en contravention du présent article secret il survenait de la part des employés et autres sujets de la Sublime Porte quelques vexations ou dommages aux habitants dudit littoral ex-vénitien, la Sublime Porte sur les représentations du ministre de la cour de Russie en obligera les auteurs aux réparations convenables.

Article IV. Sa majesté impériale de toutes les Russies, en vertu du premier article de la convention conclue entr'elle et sa majesté l'empereur ottoman le 21 mars 1800****, c'est-à-dire le 8ème jour de la lune de Zilkaadé l'an de l'Egire 1214, s'étant engagée pour elle que pour ses successeurs de garantir l'intégrité des Etats de la République des Sept Iles unies et vu les circonstances actuelles de l'Italie, la prévoyance exigeant la présence des troupes russes dans les susdites îles, il est convenu qu'elles ne seront point rappelées jusqu'à ce que l'état des choses qui motive leur séjour soit écarté. En réciprocité de cette marque d'amitié sincère de la cour de Russie, la Porte ottomane pendant toute la durée du séjour des troupes russes sur le territoire de la République Septinsulaire facilitera le passage par le Canal de Constantinople des vaisseaux de guerre russes destinés à remplacer les forces navales qui se trouvent dans lesdites îles ou à ravitailler et relever les troupes qui y sont stationnées.

Article V. La République des Sept Iles unies, vassale de la Sublime Porte devant être envisagée comme la barrière de ses Etats du côté de l'Italie, sa majesté l'empereur ottoman reconnaissant la nécessité que cette république acquière un degré de consistance et de force qui puisse suffire à sa propre défense et voulant s'en attacher aussi les habitants et prouver qu'il est de sa dignité et de son équité, comme aussi de son intérêt, que cette république puisse se maintenir dans l'état politique que la convention conclue le 8ème de Zilkaadé 1214, c'est-à-dire le 21 mars 1800 ****, entre les deux hautes parties contractantes lui a procuré, promet de supprimer ceux des articles du diplôme ***** impérial précédemment donné à cette république, lesquels sont contraires au texte de ladite convention conclue entre les deux puissances, de modifier ce diplôme d'une manière conforme aux stipulations précitées et de ne rien négliger en général, pour que cette république puisse s'affermir et acquérir de la considération.

Article VI. Comme cette alliance entre les deux empires et les secours qu'elle stipule en faveur de l'un et de l'autre ont pour objet la sûreté et l'avantage réciproques et la désertion des équipages de vaisseaux et des troupes auxiliaires ne pouvant qu'affaiblir ces secours stipulés, les deux hautes parties contractantes s'engagent à ne point recevoir ni retenir, sous aucun motif ni prétexte quelconque, les déserteurs de leurs troupes respectives de terre et de mer, le seul cas de religion excepté. Ainsi, si des sujets russes originaires mahométans venaient à déserter, ils seront rendus, et quant aux sujets russes chrétiens qui embrasseront le mahométisme, ils continueront à servir sur la flotte ou dans les armées russes jusqu'au temps où ces secours auxiliaires de terre ou de mer rentreront dans les Etats de la puissance qui les a fournis; à cette époque on agira à leur égard d'après l'article 8ème du traité de Jassy ***.

Article VII. Les deux parties contractantes sont convenues de considérer la mer Noire comme fermée et de n'y permettre l'apparition d'aucun pavillon de guerre ni bâtiment armé de quelque puissance que ce soit, et dans le cas où quelqu'une d'elles tenterait d'y paraître en armes, les deux hautes parties contractantes s'engagent de regarder une pareille tentative comme *casus foederis* et de s'y opposer de toutes leurs forces navales, comme étant l'unique moyen d'assurer leur tranquillité réciproque.

Article VIII. Si en haine de la présente alliance les Français s'emparent, dans ces circonstances, avec leurs troupes, qui avoisinent actuellement le Danemarck, du détroit du Sund situé sur la mer Baltique et qui sert de débouché au commerce le plus lucratif du Nord de la Russie et est le passage indispensable pour l'envoi de ses flottes dans les parages lointains et qu'il en résulte un état de guerre entre cette cour et la France, dans ce cas la Sublime Porte, en ré-

***** См. т. I, прим. 324.

ciprocité du vif intérêt et des soins généreux que sa majesté impériale a manifestés pour ses affaires, promet et s'engage en se concertant au préalable à cet égard avec la cour de Russie ou de faire cause commune avec elle ou de donner le secours stipulé.

Article IX. La quotité des secours pécuniaires stipulés dans l'article troisième des conditions patentes est déterminée de la manière suivante: savoir que ce secours sera réglé en argent à raison de cent piastres par an pour chaque soldat d'infanterie et de cent cinquante pour chaque soldat de cavalerie, et cette somme sera exactement payée chaques trois mois d'avance par la puissance secourante sur la demande qu'en fera la partie attaquée et requérante, à compter du premier mois de la déclaration de la guerre jusqu'à la conclusion de la paix. Dans le cas où il sera nécessaire d'agir en conformité des articles premier et huitième des conditions secrètes, les secours en argent seront également fournis de la même façon jusqu'à la cessation des motifs qui ont nécessité ce secours.

Article X. Les présents articles secrets seront tenus cachés aux autres puissances et il ne leur sera donné rien à connaître. Ils seront montrés d'un commun accord entre les deux parties aux seules puissances qui devront accéder à cette alliance. Les ratifications en seront échangées à Constantinople dans trois mois, ou même plus tôt si cela est possible[305].

Ecrit le 29 de la lune de dzemazi-ul-ahir l'an de l'Egire 1220, 11(23) septembre 1805.

Nous soussigné grand interprète du Divan impérial certifions et attestons que la présente traduction est conforme à l'original.

Le prince de Callimachy.

К письму посланника Италинского 12(24) сентября 1805.

Получено 6 октября 1805.

Печат. по экземпляру, заверенному подписью и печатью Калимаки, врученному А. Я. Италинскому турецким министерством иностранных дел.

Опубл. Известия Министерства иностранных дел, СПб, 1912, кн. V, стр. 244—249.

Перевод ******

Во имя всемогущего бога.

Е. в-во августейший и могущественный император оттоманский Селим III и е. в-во августейший и могущественный император и самодержец всероссийский Александр I, воодушевленные одинаково искренним желанием не только сохранить и укрепить ради блага своих государств и подданных мир, дружбу и доброе согласие, столь счастливо существующие между ними, но также желая в целях взаимной безопасности упрочить и расширить узы существующего между ними оборонительного союза, счастливые результаты которого создали и укрепили тесную дружбу и полное доверие в отношениях между двумя высокими дворами, избрали и назначили для этой цели своими уполномоченными: е. в-во император оттоманский со своей стороны — сиятельнейших и почтеннейших Ессейд-Ибрагима Исмет-Бея, дважды бывшего кази-аскером Румелии, и Ахмед-Вассифа, реис-эфенди, а е. в-во император всероссийский со своей стороны — своего действительного камергера и чрезвычайного посланника и полномочного министра при Оттоманской Порте Андрея Италинского, которые, обменявшись своими полномочиями, найденными в надлежащей форме, и после обсуждения договорились о нижеследующих статьях относительно возобновления и продления союзного договора между двумя державами[306].

Статья I

Поскольку мир, дружба и доброе согласие на суше и на море, столь счастливо существующие между их величествами императором оттоманским и императором всероссийским, их империями и их подданными благодаря этому оборонительному союзу устанавливают навечно

****** Дается по тексту договора на французском языке; сверен с турецким текстом (в частности, по турецкому тексту восстановлены имена, отсутствующие во французском тексте).

между ними тесные дружеские отношения и общность интересов в деле обеспечения благоденствия и безопасности их империй, то отныне у них будут общие друзья и общие враги. Поэтому их реченные величества обещают с полной откровенностью согласовывать между собою все действия, касающиеся их взаимного спокойствия и безопасности, и с общего согласия принимать меры, необходимые для отражения любого враждебного посягательства на их государства и установления всеобщего мира.

Статья II

Если какая-либо держава проявит враждебные намерения в отношении обеих высоких договаривающихся сторон или одной из них, другая употребит свои добрые услуги, чтобы предупредить их осуществление, но если ее вмешательство с целью уладить столкновение и предотвратить возможный разрыв не принесет успеха и если силы и средства подвергшейся нападению стороны окажутся недостаточными для предотвращения и отражения враждебных действий против нее, то в этом случае ее союзник должен будет оказать ей помощь своими сухопутными и морскими силами; если же ввиду местоположения или отдаленности района военных действий нельзя будет оказать эффективную помощь, вместо нее будет предоставлена денежная помощь в соответствии с оценкой расходов, которых потребовало бы оказание эффективной помощи. Если потребуется оказать помощь морскими силами, то должно быть предоставлено по меньшей мере 6 линейных кораблей и 4 фрегата, а если нужна будет помощь сухопутными силами, то должно быть выделено не менее 10 тыс. человек пехоты и 2 тыс. кавалерии; но предоставление одновременно помощи и на суше и на море будет иметь место лишь после предварительного соглашения на этот счет.

Статья III

Выбор между вышеупомянутой помощью войсками или денежной помощью будет зависеть от подвергшейся нападению стороны, и, если она потребует помощи вооруженными силами, войска или эскадра будут посланы не позже чем через три месяца после того, как будет сделана соответствующая просьба; но, если будет выбрана денежная помощь, ее сумма будет исчисляться ежегодно в установленные сроки, считая со дня объявления войны нападающей стороной или с начала военных действий вплоть до заключения мира.

Статья IV

Посланные на помощь войска должны обеспечиваться в соответствии с их численностью артиллерией, боеприпасами и всем, что им будет необходимо, их государем, который обязан также платить им жалованье. Что касается снабжения их продовольствием, то обратившаяся с просьбой о помощи сторона должна будет со дня выхода войск из владений ее союзника поставлять им провиант и фураж в натуре, хорошего качества и по тем же нормам, по каким они получают их во время войны от своего государя; чтобы избежать каких бы то ни было затруднений и недоразумений по этому поводу, сторона, обратившаяся с просьбой о помощи, должна определить пути следования этих войск, согласовав их предварительно со своим союзником. Кроме того, сторона, обратившаяся с просьбой о помощи, предоставит войскам и другие удобства, какими пользуются ее собственные войска, а также такие, к которым привыкли войска, посылаемые на помощь.

Статья V

Сторона, обратившаяся с просьбой о помощи, должна обеспечивать присланную ей на помощь эскадру необходимым для ее содержания продовольствием на условиях, о которых будет достигнута договоренность, начиная со дня ее прибытия в пролив, равно как и в другие воды, которые держава, обратившаяся с просьбой о помощи, укажет для использования этих сил, и в течение всего времени, пока эскадра будет действовать против врага; если же не будет возможности поставить в натуре довольствие, необходимое для этих военно-морских сил, то вместо него следует выдать деньги в соответствии с ценами, которые будут согласованы. В случае, если указанной эскадре потребуется произвести ремонт, сторона, обратившаяся за помощью, также поставит ей по обычным ценам из своих арсеналов и складов без всякого промедления и каких-либо препятствий все, в чем она будет нуждаться; в течение срока действия союза такой порядок будет соблюдаться не только по отношению к эскадрам двух союзных дворов, но в их общих интересах также и по отношению к их другим военным и транспортным судам, которые будут иметь право свободного захода в порты обеих сторон как для зимовки, так и для ремонта.

Статья VI

Если усилия подвергшейся нападению стороны, поддержанной присланными ей на помощь сухопутными или морскими силами, указанными во второй статье данного договора, или теми и другими силами вместе, окажутся недостаточными для того, чтобы отразить нападение врага, и если оказывающая помощь держава будет в состоянии со своей стороны непо-

средственно вести военные действия на море или на суше против врага своего союзника, она будет вести их всеми своими силами до заключения мира. Если же в силу большой отдаленности она не сможет непосредственно вести военные действия и применить для этого все силы, а сторона, подвергшаяся нападению, пожелает, чтобы количество присланных ей на помощь сухопутных и морских сил было увеличено, то в этом случае обе стороны дружески договорятся о том, какие подкрепления и какой численности будут выделены оказывающей помощь державой дополнительно к силам, предоставленным первоначально.

Статья VII

В случае, если высокие союзные державы выставят все свои силы для совместных действий или же одна из них окажет помощь другой, как это предусмотрено настоящим договором, они обещают с полной откровенностью сообщать друг другу планы своих военных операций, облегчать насколько это возможно их выполнение, оповещать друг друга о своих намерениях относительно продолжительности войны и условий мира, договариваться между собой по этим вопросам и не заключать ни мира, ни перемирия без общего согласия и не включив в соответствующий акт своего союзника или не обеспечив безопасность его владений.

Статья VIII

Обе высокие договаривающиеся стороны согласились и постановили, что в случае встречи их флотов, эскадр, кораблей и других военных судов должен быть произведен взаимный салют, причем вопрос о том, кто должен салютовать первым, будет решаться с учетом старшинства по чину командующего согласно его флагу, поднятому на корабле, и что в случае равенства командующих по чину салют производиться не будет. Ответный салют должен всегда производиться тем же числом пушечных выстрелов, какое было дано судами, салютовавшими первыми. В случае встречи соответственно с обеих сторон будут высылаться шлюпки с целью договориться и избежать каких бы то ни было споров и недоразумений.

Статья IX

Захваченные у врага трофеи и вся добыча будут принадлежать войскам, которые их захватят.

Статья X

Хотя обе высокие договаривающиеся стороны сохраняют за собой полное право вступать в переговоры с другими державами и заключать с ними договоры в соответствии со своими интересами, однако они самым положительным образом взаимно обязуются не включать в эти договоры ничего, что могло бы когда-либо причинить хотя бы малейший вред, ущерб или убыток одной из них или явиться посягательством на целостность их владений или на торговые привилегии и преимущества их подданных. Напротив, они обещают прилагать все усилия к тому, чтобы оберегать и защищать честь, безопасность и интересы друг друга.

Статья XI

Их величества император оттоманский и император всероссийский, заключая настоящий договор об оборонительном союзе не с целью завоеваний, а исключительно для защиты целостности своих владений, безопасности своих подданных и для сохранения других держав в таком положении, которое позволяло бы им поддерживать столь необходимое для всеобщего спокойствия политическое равновесие, не преминут пригласить е. в-во короля Великобритании и других государей, которые могли бы принять участие в столь спасительных обязательствах, присоединиться к этому договору.

Статья XII

Мирный договор, заключенный в 1206 г. хиджры, 15 числа пятого месяца Лунного года, то есть 29 декабря 1791 г., в Яссах ***, и другие договоры и акты, к нему относящиеся, а также конвенция от 1214 г. хиджры, 8 числа одиннадцатого месяца Лунного года, то есть 21 марта 1800 г.****, подтверждаются здесь в той мере, в какой последующие постановления и настоящий договор не вносят в них никаких изменений.

Статья XIII

С целью обеспечить наибольшую действенность этого союза обе высокие договаривающиеся стороны взаимно гарантируют друг другу целостность их владений в их нынешнем состоянии.

Статья XIV

Хотя обе высокие договаривающиеся державы искренне намерены сохранять эти обязательства в силе возможно дольше, однако, поскольку в будущем обстоятельства могут потребовать внесения некоторых изменений в эти постановления, обе стороны согласились

установить срок действия настоящего оборонительного союзного договора в девять лет, считая со дня обмена императорскими ратификационными грамотами. Перед истечением этого срока обе высокие договаривающиеся стороны дружески придут к соглашению о возобновлении договора в соответствии с положением дел в то время.

Статья XV

Настоящий договор об оборонительном союзе подлежит ратификации е. в-вом императором оттоманским и е. в-вом императором всероссийским, и обмен ратификационными грамотами будет произведен в Константинополе в течение трех месяцев или раньше, если это окажется возможным [305].

Секретные статьи

Статья I

Их величества император оттоманский и император и самодержец всероссийский, тщательно рассмотрев сложившуюся в Европе обстановку и действия французского правительства, которые определяются его честолюбием и захватническими планами, противоречат принципам законности и справедливости, привели к нарушению политического равновесия и сделали ненадежным положение всех государств, которым угрожают агрессивные действия с его стороны, и учитывая в особенности наличие у него намерений и планов, направленных против владений Блистательной Порты, признали необходимым с полной откровенностью объясниться по всем этим важным вопросам, как этого требует самая искренняя дружба, существующая между их величествами, дальнейшее сохранение и укрепление которой обеспечивается на будущее возобновленным союзным оборонительным договором; после этого предварительного обмена мнениями была достигнута договоренность о том, что если для того, чтобы воспрепятствовать осуществлению французским правительством его планов дальнейшего расширения своих владений и для того, чтобы восстановить политическое равновесие и обеспечить безопасность и спокойствие всех государств, которым угрожает указанное правительство, какие-либо из великих европейских держав решат объединить свои усилия и образовать коалицию, и что если в этом случае е. в-во император всероссийский решил бы ради блага своих союзников и блага всей Европы принять активное участие в такой коалиции, оборонительной по своему характеру, Блистательная Порта, желая содействовать успеху действий этой оборонительной коалиции, успеху, который, обеспечивая общее благо Европы, в то же время наиболее эффективным образом оградит Оттоманскую империю от осуществления зловещих планов Франции, будет действовать совместно со своим августейшим союзником императором всероссийским или по крайней мере предоставит е.и. в-ву помощь, упомянутую в статье второй настоящего договора об оборонительном союзе и в соответствии с условиями этого договора; Блистательная Порта одновременно позаботится об облегчении прохода через Константинопольский канал военных кораблей и воинских транспортов, которые е. в-во император должен будет направлять в Средиземное море в течение войны, и будет во всем содействовать благим намерениям его реченного в-ва, своего союзника.

Статья II

Е. в-во император и самодержец всероссийский, намереваясь пригласить венский, берлинский, стокгольмский, копенгагенский и другие дворы присоединиться к коалиции, которую могли бы образовать он, Англия и какая-либо из вышеназванных держав, чтобы совместными усилиями вынудить Францию согласиться на создание системы, которая восстановила бы политическое равновесие в Европе и гарантировала бы священные права наций и всеобщее спокойствие, обязуется в то же время сообщить им, что е. в-во император оттоманский, его августейший союзник, будет действовать совместно с ним, чтобы способствовать достижению счастливых результатов этой оборонительной коалиции; е.в-во император оттоманский полагается на мудрость е. в-ва императора всероссийского в отношении того, каким образом он сочтет целесообразным передать эти приглашения и сообщения.

Статья III

Блистательная Порта, горячо желая, чтобы полностью соблюдались условия ранее заключенной конвенции **** относительно бывших венецианских городов и территорий в Албании, которые были присоединены к ее владениям, и чтобы были намечены меры, способные обеспечить благосостояние и спокойствие жителей указанных городов и сохранить привилегии и прерогативы, предоставляемые им указанной конвенцией, обещает и обязуется не разрешать, чтобы в нарушение условий этой конвенции паши и губернаторы соседних провинций, а также военачальники и офицеры флота вводили в указанные города и в пределы этих территорий вооруженных людей и требовали от жителей контрибуций; никогда больше не допускать, чтобы воевода, который ими управляет, или его люди вводили какие-нибудь новые порядки или посягали на привилегии и льготы жителей, а также нарушали поста-

новления, обеспечивающие защиту их интересов, и, наконец, предоставить жителям этих провинций возможность пользоваться в соответствии с указанными постановлениями всеми преимуществами, которыми они пользовались, находясь под властью бывшей Венецианской республики. Одним словом, конвенция, заключенная 8 дня одиннадцатого месяца Лунного года 1214 г. хиджры, то есть 21 марта 1800 г.****, подтверждается настоящим союзным договором, как если бы она от слова до слова была включена в него; и если, в нарушение настоящей секретной статьи, чиновники или другие подданные Блистательной Порты будут притеснять жителей указанного бывшего Венецианского побережья или причинять им ущерб, Блистательная Порта по представлению посланника русского двора обяжет виновных надлежащим образом возместить этот ущерб.

Статья IV

Поскольку е. в-во император всероссийский в силу первой статьи конвенции, заключенной 8 дня одиннадцатого месяца Лунного года 1214 г. хиджры, то есть 21 марта 1800 г.****, между ним и е. в-вом императором оттоманским, обязался за себя и за своих наследников гарантировать целостность владений Республики Семи Соединенных островов и поскольку ввиду современного положения в Италии предусмотрительность требует присутствия русских войск на указанных островах, решено, что они не будут отозваны до тех пор, пока не изменится положение вещей, вызывающее необходимость их пребывания там. В ответ на это проявление искренней дружбы со стороны русского двора Оттоманская Порта в течение всего времени пребывания русских войск на территории Республики Семи островов будет облегчать проход через Константинопольский канал русских военных судов, предназначенных для замены морских сил, находящихся у указанных островов, или для снабжения и замены расположенных там войск.

Статья V

Поскольку Республика Семи Соединенных островов, являющаяся вассалом Блистательной Порты, ограждает ее владения со стороны Италии, е. в-во император оттоманский, признавая необходимым, чтобы эта республика стала настолько прочной и сильной, чтобы могла сама защищать себя, и желая также обеспечить привязанность к себе ее населения и доказать, что его достоинство, справедливость, так же как и его интересы, требуют, чтобы эта республика могла сохранять тот политический статус, который был установлен для нее заключенной 8 дня одиннадцатого месяца Лунного года 1214 г. хиджры, то есть 21 марта 1800 г., конвенцией **** между двумя высокими договаривающимися сторонами, обещает отменить те из статей императорского диплома *****, данного прежде этой республике, которые противоречат тексту указанной конвенции, заключенной между двумя державами, изменить этот диплом в соответствии с упомянутыми выше постановлениями и вообще сделать все возможное для того, чтобы эта республика могла укрепиться и приобрести авторитет.

Статья VI

Так как данный союз между двумя империями и предусмотренная им взаимная помощь имеют целью обеспечение безопасности и выгоды обеих держав и так как дезертирство из экипажей судов и из войск, посланных для оказания помощи, может лишь ослабить их, обе высокие договаривающиеся стороны обязуются не принимать и не удерживать по каким бы то ни было мотивам и ни под каким предлогом дезертиров из их сухопутных и морских вооруженных сил, за исключением лишь тех случаев, когда это связано с вопросами вероисповедания. Таким образом, если русские подданные магометанского происхождения дезертируют, они будут возвращены, а что касается русских подданных христианского вероисповедания, принявших магометанство, они будут продолжать служить в русском флоте или в русских армиях до тех пор, пока эти прибывшие на помощь сухопутные или морские силы не возвратятся во владения пославшей их державы, и тогда с ними поступят в соответствии с восьмой статьей Ясского договора ***.

Статья VII

Обе договаривающиеся стороны согласились рассматривать Черное море как закрытое и не допускать появления в нем никакого военного судна или каперского корабля какой бы то ни было державы, а в случае, если какая-нибудь держава попытается проникнуть туда, прибегнув к силе оружия, обе высокие договаривающиеся стороны обязуются рассматривать подобную попытку как *casus foederis* и оказать сопротивление, применив для этого все свои военно-морские силы, что явится в таком случае единственным средством обеспечить спокойствие для обеих сторон.

Статья VIII

Если из ненависти к настоящему союзу французы в этих обстоятельствах захватят с помощью своих войск, находящихся в настоящее время вблизи Дании, пролив Зунд у входа в Балтийское море, который служит выходом для самой доходной торговли севера России

и необходим для прохода ее флотов при отправке в отдаленные страны, и если результатом этого явится война между Россией и Францией, Блистательная Порта, отвечая взаимностью на живое участие и великодушные заботы, которые проявил е. и. в-во по отношению к ее делам, обещает и обязуется, договорившись предварительно по этому поводу с русским двором, либо действовать совместно с ним, либо предоставить обусловленную помощь.

Статья IX

Величина денежной помощи, предусматриваемой третьей несекретной статьей, определяется следующим образом: эта помощь будет устанавливаться в денежном выражении из расчета 100 пиастров в год за каждого пехотинца и 150 пиастров за каждого кавалериста, и эта сумма будет аккуратно выплачиваться предоставляющей помощь державой авансом каждые три месяца по просьбе стороны, подвергшейся нападению и обратившейся с просьбой о помощи, начиная с первого месяца объявления войны и вплоть до заключения мира. В случае, если окажется необходимым действовать в соответствии с первой и восьмой секретными статьями, денежная помощь будет оказываться таким же образом до исчезновения причин, сделавших эту помощь необходимой.

Статья X

Настоящие секретные статьи будут держаться в тайне от других держав, и им ничего не будет о них сообщено. Они будут показаны с обоюдного согласия сторон лишь тем державам, которые должны будут присоединиться к этому союзу. Ратификационные грамоты будут обменены в Константинополе в течение трех месяцев или раньше, если это окажется возможным [305].

Составлено 29 числа шестого месяца Лунного года, 1220 г. хиджры, 11 (23) сентября 1805 г.

Я, нижеподписавшийся главный переводчик императорского Дивана, заверяю и свидетельствую, что настоящий перевод полностью соответствует оригиналу.

Князь Калимаки.

Александр I Фридриху-Вильгельму III

15(27) сентября 1805 г.

Получив согласие Фридриха-Вильгельма III встретиться с ним лично, Александр I отменил приказ о проходе русских войск через территорию Пруссии, однако надеется, что король все же разрешит проход русских войск. Для переговоров по этому вопросу посылается генерал Долгорукий.

Bailleu, Correspondance inédite, p. 78—79.

185. Нота посланника в Константинополе А. Я. Италинского турецкому правительству

26 сентября (8 октября) 1805 г.

S. ex. le reis-effendi ayant communiqué l'extrait de diverses lettres [306] adressées à la Sublime Porte par Ali Pacha de Yanina et par Ibrahim Pacha relativement au recrutement de quelques individus en Albanie et aux mesures de défense prises par les généraux russes à Corfou [134], le soussigné envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire de s. m. l'empereur de toutes les Russies pour répondre à cette communication a l'honneur d'observer que si les commandants russes à Corfou ont songé à procéder au recrutement en question, sans en faire préalablement prévenir la Sublime Porte, c'est parce que d'après les instructions qu'ils avaient reçues de s. m. i. ils devaient croire que le ministère ottoman avait reconnu la sincérité des intentions et la sagesse des conseils de leur auguste souverain, que la Sublime Porte ne doutait point de l'existence des projets du gouvernement français et que dès lors elle était convaincue de la nécessité de préparer de longue main les moyens de s'opposer à leur exécution et de se fier à cet égard aux soins magnanimes et généreux de s. m.i.

C'est cette conviction qui a motivé la conduite des commandants russes; c'est elle aussi qui leur avait fait espérer qu'ils trouveraient dans ceux de la Sublime Porte une coopération franche et loyale, bien loin de rencontrer des obstacles de leur part.

Cependant, ces commandants de s. m. i. en éprouvaient continuellement sous tous les rapports; mais ils ont constamment préféré de les attribuer aux sentiments personnels d'Ali Pacha, à l'effet des intentions perverses de ce gouverneur dont l'intelligence avec les Français, si bien constatée, a été si souvent dénoncée à la Sublime Porte.

Le soussigné, de son côté, aimait à partager cette opinion des commandants de s. m. i., à la nourrir et à en faire la base de ses démarches auprès du ministère ottoman.

Le soussigné devait cette confiance à la Sublime Porte dans un moment où il procédait avec elle au renouvellement de l'alliance[807], où elle témoignait un si vif désir de resserrer un moment plus tôt ses liens avec la cour impériale, où sa hautesse le sultan ne cessait de faire donner par son ministère, et directement à s. m. i., les assurances les plus positives, les plus solennelles sur ses dispositions.

Cette heureuse situation des deux ministères demandait aussi que la Sublime Porte, au lieu d'expédier à Ali Pacha les ordres[252] dont les lettres de ce gouverneur contiennent l'aveu formel, prît le seul parti convenable, celui de s'expliquer franchement, de s'entendre et de se concerter avec le soussigné sur ce recrutement.

Néanmoins il aime non seulement à croire que les considérations, qui ont déterminé l'expédition de ces ordres à Ali Pacha, sont différentes de celles qu'ils peuvent faire supposer, mais même le soussigné est persuadé que l'exposé, qu'il lui fera des motifs et du but de ce recrutement, contribuera à faire envisager par la Sublime Porte cette opération sous son véritable point de vue.

La possibilité que les troupes de s. m. i. stationnées à Corfou soient mises en activité pour la défense de la Sublime Porte, avait fait songer de tirer parti du genre de service auquel les Albanais sont très propres, celui des tirailleurs, et, en conséquence, d'en composer un corps régulier de 3 à 4 mille hommes, mais dont les individus, bien loin d'être enlevés à leur pays, y rentreraient du moment où les circonstances qui ont déterminé leur réunion cesseraient.

Tel est l'unique but, telle a été l'intention des commandants de s. m. i. à Corfou.

Le ministère ottoman est trop éclairé, sans doute, pour ne pas sentir qu'une pareille mesure pour devenir utile exigeait de s'occuper d'avance de sa mise à exécution et que y recourir au moment de la nécessité c'eût été s'exposer à ne pas en obtenir les avantages qu'elle promet.

Or, jamais il n'a été plus instant d'achever les préparatifs pour les opérations militaires qui, d'après toutes les apparences, ne peuvent pas tarder d'être entamées, et au succès desquelles la Sublime Porte ne peut être que très intéressée, puisque l'expulsion des troupes françaises du royaume de Naples, à laquelle elles tendront, peut seule opérer la sûreté de l'Empire ottoman.

Cette considération essentielle et la connaissance pleine et entière, que la Sublime Porte a de la situation des affaires, ne peut pas lui permettre de se refuser à concourir à la formation de ce corps de tirailleurs.

D'après cet exposé, d'après la confection du traité d'alliance *, qui a mis le sceau à l'intimité des deux empires, qui en a identifié les intérêts, le soussigné ne doute pas que la Sublime Porte, mue par ces différentes considérations et en reconnaissance des sacrifices immenses que s. m. i. a faits et fait encore pour

* См. док. 184.

préserver les Etats ottomans de l'invasion dont ils sont menacés par la présence des troupes françaises sur les côtes du royaume de Naples, ne s'empresse de donner à ses agents et commandants en Albanie des instructions qui puissent non seulement faire cesser les persécutions qu'elle a autorisées contre les familles des enrôlés, mais même faciliter le complément du corps de tirailleurs qu'ils doivent former.

Le soussigné qui n'a pas encore porté à la connaissance de s. m. i. la communication des lettres d'Ali Pacha, qui ne l'a même pas voulu, avant d'être entré en explication avec le ministère ottoman, désire vivement d'être mis à même de pouvoir par là empêcher l'impression désagréable qu'elle produirait nécessairement sur l'esprit de cet auguste souverain, si le soussigné devait y ajouter l'avis de l'insistance de la Sublime Porte à maintenir les dispositions prohibitives et de rigueur dont il y est fait mention.

Il serait bien plus agréable au soussigné, bien plus conforme à la situation des deux cours, d'avoir à informer s. m. i. que la Sublime Porte reconnaît la sagesse des mesures de son auguste allié et qu'elle s'empresse à les seconder.

(signé) André Italinsky

Печат. по копии.

Перевод

Поскольку е. пр-во реис-эфенди сообщил выдержки из различных писем, присланных Блистательной Порте Али-пашой Янинским и Ибрагим-пашой [306] относительно вербовки некоторых лиц в Албании, а также относительно оборонительных мер, принятых русскими генералами на Корфу [134], нижеподписавшийся чрезвычайный посланник и полномочный министр е. в-ва императора всероссийского в ответ на это сообщение имеет честь заметить, что если русские военачальники на Корфу решили произвести означенную вербовку, не предупредив об этом заранее Блистательную Порту, то только потому, что, исходя из полученных от е. и. в-ва инструкций, они, должно быть, полагали, что оттоманское министерство признало искренность намерений и мудрость советов их августейшего государя, что Блистательная Порта нисколько не сомневается в существовании у французского правительства определенных замыслов в отношении ее и что она убеждена поэтому в необходимости заблаговременно приготовить средства с целью воспрепятствовать их осуществлению, а также в необходимости довериться в этом отношении великодушным заботам е. и. в-ва.

Именно это убеждение и определило поведение русских военачальников; оно же дало им основание надеяться на то, что со стороны военачальников Блистательной Порты они встретят искреннее и прямодушное содействие, но ни в коем случае не препятствия.

Однако военачальники е. и. в-ва постоянно наталкивались на такие препятствия во всем; но они всегда предпочитали приписывать их личным чувствам Али-паши, результату злостных намерений этого правителя, сговор которого с французами, столь убедительно доказанный, неоднократно изобличался перед Блистательной Портой.

Нижеподписавшийся, со своей стороны, охотно разделял мнение военачальников е. и. в-ва, поддерживал его и исходил из него в своих демаршах перед оттоманским министерством.

Нижеподписавшийся не мог не относиться с таким доверием к Блистательной Порте в момент, когда он вел с ней переговоры о возобновлении договора о союзе [307], когда она выражала столь горячее желание как можно скорее скрепить узы дружбы с императорским двором, когда его высочество султан непрестанно давал через свое министерство и непосредственно е. и. в-ву самые положительные, самые торжественные заверения относительно своих намерений.

В силу столь благоприятных отношений между обоими министерствами Блистательная Порта, вместо того чтобы отдавать Али-паше приказания [252], получение которых официально подтверждено в письмах этого правителя, должна была бы принять единственно подобающее решение — откровенно объясниться и договориться с нижеподписавшимся относительно означенной вербовки.

Все же нижеподписавшийся не только хочет верить, что соображения, вызвавшие посылку этих приказаний Али-паше, не таковы, как это можно предположить, судя по их содержанию, но даже убежден, что изложение им Блистательной Порте причин и целей этой вербовки будет содействовать тому, что она будет рассматривать эту меру в ее истинном свете.

Возможность использования войск е. и. в-ва, расположенных на Корфу, для защиты Блистательной Порты навела на мысль о той пользе, которую могли бы принести албанцы, являющиеся очень хорошими стрелками, и, следовательно, о создании из них отряда регу-

лярных войск численностью от 3 до 4 тыс. человек; однако эти люди отнюдь не будут оторваны от своей родины, а вернутся туда, как только отпадут обстоятельства, вызвавшие необходимость их вербовки.

Такова единственная цель, таково было намерение военачальников е. и. в-ва на Корфу.

Оттоманское министерство, без сомнения, достаточно разумно, и оно понимает, что, для того чтобы подобная мера могла принести пользу, к ее осуществлению следовало приступить заранее и что прибегнуть к ней лишь в момент необходимости значило бы идти на риск не получить тех выгод, которые она сулит.

Между тем никогда еще не было столь настоятельно необходимо закончить подготовку к военным операциям, которые, по всей видимости, не замедлят начаться и в успехе которых Блистательная Порта должна быть крайне заинтересована, так как лишь изгнание французских войск из Неаполитанского королевства, являющееся целью этих операций, может обеспечить безопасность Оттоманской империи.

Это важнейшее соображение и полная осведомленность Блистательной Порты о положении вещей не позволят ей отказаться от содействия формированию этого отряда стрелков.

Учитывая вышеизложенное, а также заключение договора о союзе *, скрепившего узы тесной дружбы между обеими империями и обусловившего общность их интересов, нижеподписавшийся не сомневается в том, что Блистательная Порта, руководствуясь этими соображениями и в благодарность за неисчислимые жертвы, которые принес и продолжает приносить е. и. в-во с целью предохранить оттоманские владения от угрозы вторжения, нависшей над ними в связи с пребыванием французских войск на побережье Неаполитанского королевства, поспешит дать своим агентам и военачальникам в Албании соответствующие инструкции, с тем чтобы не только положить конец преследованиям, которым с ее разрешения подвергаются семьи завербованных, но и облегчить комплектование отряда стрелков из них.

Нижеподписавшийся еще не известил е. и. в-во о сообщенных ему письмах Али-паши и даже не хотел делать этого до объяснения с оттоманским министерством, и он горячо желает получить возможность предотвратить неблагоприятное впечатление, которое это неизбежно произвело бы на его августейшего государя, если бы к тому же нижеподписавшийся был вынужден сообщить об упорном стремлении Блистательной Порты оставить в силе упомянутые там суровые запретительные постановления.

Нижеподписавшемуся было бы гораздо приятнее сообщить е. в-ву, что Блистательная Порта признает мудрость мер своего августейшего союзника и готова им содействовать; это в большей мере соответствовало бы характеру отношений между обоими дворами.

(Подпись) Андрей Италинский

186. Декларация представителей Королевства Обеих Сицилий полномочному министру в Неаполе Д. П. Татищеву

8 октября 1805 г.

Les soussignés, par ordre exprès et au nom du Roi leur Maître, ont l'honneur de faire à Son Excellence Monsieur le Ministre Plénipotentiaire de Russie la déclaration suivante:

La part sincère et active que Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies a prise constamment au bien-être du Royaume de Naples, l'intérêt que ce Souverain a particulièrement manifesté à voir ce pays rendu à son indépendance, ayant excité toute la sensibilité de Sa Majesté Sicilienne, l'ont portée à recourir à Son Auguste Allié, en l'invitant à vouloir bien employer une partie de ses troupes à l'effet de purger ses Etats des forces françaises qui les ont envahis. Sa Majesté Impériale s'étant rendue aux vœux qui lui ont été exprimés par Sa Majesté Sicilienne, une convention * particulière à cet objet a été conclue entre Leurs dites Majestés. Entre temps, le chef actuel du Gouvernement français ayant obligé l'Ambassadeur de Sa Majesté résidant à Paris de signer une convention [294], soit dite de neutralité, dans laquelle ayant imposé au Roi des obligations onéreuses et dérogatoires à sa dignité, il consent pour sa part à retirer dans l'espace d'un mois les troupes françaises stationnées dans les provinces napolitaines, et a exigé du Roi par l'organe de l'Ambassadeur de France résidant à sa Cour la ratification de cet acte dans l'espace de quarante-huit heures après

* См. док. 179.

notification faite, avec menace, en cas de refus, de faire marcher les troupes françaises sur la capitale du Royaume.

L'état actuel de l'armée du Roi et la triste situation du Royaume ayant porté Sa Majesté Sicilienne à souscrire à la volonté de son ennemi naturel, Elle s'empresse en même temps de déclarer à son intime ami et allié Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, qu'elle regarde la Convention de Paris, qu'elle vient de ratifier, comme un acte qui lui a été extorqué par la force et par conséquent nullement obligatoire pour elle; mais qu'au contraire elle veut observer strictement et exécuter les stipulations contenues dans la Convention conclue le 29 août (10 septembre) * par les soussignés et Son Excellence Monsieur le Chevalier de Tatistcheff, Ministre Plénipotentiaire de Russie ; qu'en conséquence Sa Majesté Sicilienne attend avec impatience l'arrivée dans ses Etats des troupes russes et anglaises avec l'appui desquelles elle espère Dieu aidant non seulement libérer ses Etats des troupes françaises qui s'y trouvent maintenant, mais leur en fermer de même l'entrée pour l'avenir.

En foi de quoi, par ordre et au nom de Sa Majesté le Roi notre Auguste Maître, nous avons signé la présente déclaration et y avons apposé le sceau de nos armes. Faite à Portici le 26 septembre (8 octobre) l'an de grâce mil huit cent cinq.

(L. S.) Thomas Firrao Prince de Luzzi.
(L. S.) Thomas de Somma Marquis de Circello.

Печат. по подлиннику.

Опубл. Auriol Ch., La France, l'Angleterre et Naples de 1803 à 1806, P., 1905, t. 2, p. 603—604.

Перевод

Нижеподписавшиеся по повелению и от имени короля, их государя, имеют честь сделать его пр-ву г-ну полномочному министру России следующее заявление:

Искреннее и живое участие к судьбе Неаполитанского королевства, постоянно проявлявшееся е. в-вом императором всероссийским, а также его особый интерес к восстановлению независимости этой страны вызвали у его сицилийского в-ва чувство горячей признательности и побудили его обратиться к своему августейшему союзнику с просьбой выделить часть своих войск для того, чтобы очистить владения его сицилийского в-ва, захваченные французскими войсками. Поскольку его императорское в-во пошел навстречу пожеланиям, высказанным его сицилийским в-вом, между их реченными величествами была заключена особая конвенция * по этому вопросу. Между тем нынешний глава французского правительства вынудил находящегося в Париже посла е. в-ва подписать конвенцию [294] о так называемом нейтралитете и, навязав королю обременительные и оскорбительные для его достоинства обязательства, согласился, со своей стороны, вывести в месячный срок французские войска, дислоцированные в неаполитанских провинциях, и через французского посла, аккредитованного при неаполитанском дворе, предъявил королю требование ратифицировать этот акт в течение 48 часов после уведомления об этом, пригрозив, что в случае отказа французские войска будут двинуты на столицу королевства.

Ввиду нынешнего состояния армии и плачевного положения королевства его сицилийское в-во был вынужден подчиниться воле своего естественного врага, но в то же время он спешит заявить своему близкому другу и союзнику е. в-ву императору всероссийскому, что он рассматривает только что ратифицированную им Парижскую конвенцию как акт, подписанный по принуждению и, следовательно, не имеющий для него никакой силы; что, напротив, он желает строго соблюдать и выполнять условия конвенции, заключенной 29 августа (10 сентября) * нижеподписавшимися и е. пр-вом г-ном кавалером Татищевым, полномочным министром России; что вследствие этого его сицилийское в-во с нетерпением ожидает прибытия в его владения русских и английских войск, при поддержке которых он надеется с божьей помощью не только освободить свои владения от находящихся там сейчас французских войск, но и закрыть им туда доступ на будущее.

В силу чего по повелению и от имени е. в-ва, нашего августейшего государя, мы подписали настоящую декларацию и приложили к ней наши печати.

Совершено в Портичи 26 сентября (8 октября) тысяча восемьсот пятого года от рождества Христова.

(М. П.) Томазо Фиррао, князь Люцци
(М. П.) Томазо Сомма, маркиз Чирчелло

187. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Лондоне С. Р. Воронцову

Пулавы, 27 сентября (9 октября) 1805 г.

Tous les rapports, qui nous parviennent de Corfou et des environs, s'accordent sur ce que le S[r] Morier, consul brit[anni]que en Morée, ne discontinue pas à se conduire d'une manière aussi incompatible avec les liens d'amitié et de bonne intelligence qui existent entre notre auguste cour et celle de Londres, que contraire aux assurances que le ministère anglais nous a données en dernier lieu sur la sincérité de ses dispositions à concourir aux opérations que nous avons jugées nécessaires pour assurer le bien-être de la République septinsulaire.

Une marche uniforme, que suivraient les employés des deux cours dans ce pays, pourrait seule déjouer les intrigues toujours renaissantes des émissaires français et de leurs adhérents, parmi lesquels il faut placer en première ligne le pacha de Yanina.

Il a donc dû nous paraître étrange que le Sr Morier ne se borne seulement pas à censurer et à décréditer nos opérations dans ce pays-là, mais que même il offre et procure à Aly-pacha tous les moyens qui dépendent de lui pour faciliter à ce rebelle les entreprises qu'il médite soit contre son gouvernement, soit contre nous. Il est de fait, entre autre, que le Sr Morier lui a procuré un officier anglais du corps de génie, lequel s'est chargé de lui tracer les plans de plusieurs nouvelles forteresses destinées à inquiéter et à maîtriser les habitants qui nous montrent quelque attachement; qu'il a offert au pacha de Yanina de faire venir de l'artillerie de Malte pour armer une corvette qu'il vient de mettre en mer pour troubler le commerce des îles Ioniennes; qu'il appuie fortement Aly-pacha à Constantinople pour que la Porte ferme les yeux sur ses empiétements continuels au détriment des Tschamis et autres peuples indépendant de lui, ce qui par la suite peut accroître la puissance de ce pacha au point de compromettre la sûreté de Corfou même. En un mot, le Sr Morier, fût-il l'agent de la puissance la plus ennemie de la Russie, ne saurait se conduire avec plus de zèle et d'activité pour nuire à nos intérêts.

Comme il nous sera toujours impossible de supposer qu'il en agit ainsi d'après les instructions de sa cour, nous ne pouvons attribuer ses procédés qu'à son caractère personnel et à une inimitié prononcée qu'il a manifestée contre la Russie dès son arrivée dans le pays où il se trouve.

En partant de cette base, il paraît que, vu la conformité d'intérêts qui unit les cabinets de St.-Pétersbourg et de St. James, celui-ci ne peut faire moins que de rappeler le Sr Morier du poste qu'il occupe actuellement en lui donnant quelque autre place où il ne puisse nuire aux intérêts communs des deux puissances [308]. Mais si cette mesure rencontrait quelque difficulté dans son exécution, le S[r] Morier devrait du moins être muni d'ordres précis et clairs de s'abstenir de tout ce qui peut être contraire aux vues et aux intentions bienfaisantes de notre auguste cour et, surtout, de ne point favoriser les intentions malveillantes du pacha de Yanina.

L'empereur Vous charge, M[r] le c[om]te, de faire de nouvelles remontrances à ce sujet au ministère de s. m. br[itanni]que, en les appuyant de tous les arguments qui dérivent de la nécessité d'éviter toute espèce de discussion de ce genre dans un moment où des objets d'un intérêt majeur paraissent devoir absorber toute l'attention des deux cours.

Помета Александра I: Быть по сему.
27 сен[тября] 1805 г. в Пулавах.

Печат. по отпуску.

Перевод

Все донесения, поступающие к нам с Корфу и из близлежащих мест, свидетельствуют о том, что образ действий г-на Мориера, британского консула в Морее, по-прежнему является столь же несовместимым с дружескими связями и добрым согласием между нашим августейшим двором и лондонским двором, сколь и противоречащим недавним заверениям английского министерства в искренности его намерения содействовать тем мерам, которые мы сочли необходимыми для обеспечения благоденствия Республики Семи островов.

Только согласованность действий представителей обоих дворов в этой стране могла бы расстроить постоянно возникающие интриги французских агентов и их сторонников, среди которых на первое место следует поставить пашу Янинского.

Нам не могло поэтому не показаться странным, что г-н Мориер не ограничивается тем, что порицает и порочит наши действия в этой стране, но даже предлагает и доставляет Али-паше все находящиеся в его распоряжении средства, чтобы содействовать этому мятежнику в предприятиях, замышляемых им либо против своего правительства, либо против нас. Известно, между прочим, что г-н Мориер послал к нему английского офицера инженерных войск, который взялся составить проекты нескольких новых крепостей, предназначенных для того, чтобы беспокоить и усмирять жителей, выказывающих приверженность к нам; что он предложил паше Янины доставить артиллерию с Мальты для вооружения корвета, недавно посланного им в море для того, чтобы чинить препятствия торговле Ионических островов; что он оказывает сильную поддержку Али-паше в Константинополе, добиваясь, чтобы Порта закрыла глаза на его непрерывные посягательства на свободу чами и других не зависящих от него народов, что впоследствии может усилить власть этого паши до такой степени, что возникнет угроза безопасности самого Корфу. Одним словом, г-н Мориер, будь он агентом самой враждебной России державы, не мог бы проявить большего рвения и большей энергии для того, чтобы вредить нашим интересам.

Поскольку мы никак не можем предположить, что он действует подобным образом в соответствии с инструкциями своего двора, мы приписываем его действия только его характеру и явной враждебности по отношению к России, проявляемой им с момента приезда в страну, где он находится.

Исходя из этого, мы полагаем, что ввиду общности интересов, объединяющих петербургский и сент-джемский кабинеты, последний должен по меньшей мере отозвать г-на Мориера с поста, который он занимает в настоящее время, предоставив ему другое место, где он не мог бы вредить общим интересам обеих держав [303]. Но если бы осуществление этой меры встретило какие-либо затруднения, то г-ну Мориеру должны были бы, по крайней мере, ясно и недвусмысленно предписать воздерживаться от всего, что может противоречить благотворным видам и намерениям нашего августейшего двора, и, особенно, от поддержки враждебных намерений паши Янины.

Император поручает Вам, г-н граф, сделать новые представления на этот счет министерству его британского в-ва, подкрепив их всеми доводами, вытекающими из необходимости избегать каких бы то ни было споров такого рода в момент, когда вопросы высшей важности, казалось бы, должны поглотить все внимание обоих дворов.

188. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский полномочному министру в Неаполе Д. П. Татищеву

Пулавы, 28 сентября (10 октября) 1805 г.

Ayant rendu compte à l'empereur du désir de la cour de Naples de renouveler le traité d'alliance de 1798 [284], je suis autorisé à communiquer à v. ex. que s. m. se prêtera avec plaisir à tout ce qui peut cimenter l'union existant entre les deux cours et qu'elle Vous fera munir d'instructions particulières sur cet objet aussitôt que le développement des circonstances en aura indiqué le moment convenable.

En attendant, je crois devoir Vous communiquer quelques idées qui m'ont été suggérées par le désir de donner à nos relations avec l'Italie un certain degré de consistance et de rendre les avantages qui doivent résulter de ces relations aussi réciproques que possible.

Toute alliance entre la cour imp[éria]le et telle puissance isolée de l'Italie ne peut qu'être très avantageuse pour celle-ci, tandis que la Russie n'y gagne rien, si ce n'est l'obligation de protéger son alliée contre les grandes puissances

qui avoisinent l'Italie. Or, comme toute transaction politique présuppose des avantages plus ou moins, mutuels, il est essentiel de songer à quelque moyen capable de procurer à la Russie, du moins en partie, les bénéfices que son alliance offre aux princes d'Italie.

Une association préalable entre les principaux Etats qui occupent la péninsule me paraît être la mesure la plus propre à atteindre ce but. Il faudrait que ces Etats, mettant de côté leurs différends particuliers et se pénétrant uniquement de leur intérêt commun, formassent une espèce de confédération entre eux en s'obligeant à défendre chacune des parties intéressées contre toute agression quelconque. Ce serait alors avec cette association en masse que la cour imp[éria]le pourrait trouver quelqu'avantage à s'unir et il serait donc à désirer de pouvoir amener les principaux Etats de l'Italie à un pareil arrangement.

Il s'entend que l'on ne pourra s'occuper de ce projet que lorsque l'Italie entière sera délivrée du joug et de l'influence despotique du gouvernem[en]t français, et que, surtout, la partie septentrionale de ce beau pays sera rentrée sous la domination de ses souverains légitimes. Si alors on pouvait établir un pareil concert entre les rois de Naples et de Sardaigne, tous les Etats intermédiaires de la péninsule y accéderaient d'eux-mêmes.

Ce n'est qu'à Vous seul, monsieur, que j'ai voulu éventuellement communiquer cette idée, afin qu'étant sur les lieux Vous puissiez calculer la possibilité de la mettre en exécution et me faire connaître Votre opinion à cet égard. Il paraît que le renouvellement de notre traité d'alliance avec la cour de Naples pourrait servir d'acheminement ou bien donner occasion à un pareil arrangement si les événements de la guerre qui va éclater nous sont favorables [309].

Помета Александра I: Быть по сему.
27 сент[ября] 1805 г. в Пулавах.

Подписано и отправлено до Вены с фельдъегерем Прохницким 28-го.

Печат. по отпуску.

Перевод

Я доложил императору о желании неаполитанского двора возобновить союзный договор 1798 г.[284] и уполномочен сообщить в. пр-ву, что е. в-во с удовольствием согласится на все, что может упрочить союз, существующий между двумя дворами, и что он повелит снабдить Вас специальными инструкциями на этот счет, как только ход событий укажет подходящий для этого момент.

Пока же я считаю необходимым сообщить Вам некоторые соображения, которые были подсказаны мне желанием упрочить в известной степени наши отношения с Италией и сделать по возможности взаимными выгоды, которые должны вытекать из этих отношений.

Любой союз между императорским двором и каким-либо отдельным государством в Италии не может не быть весьма выгодным для последнего, тогда как Россия ничего не приобретает, кроме обязательства защищать своего союзника от великих держав, расположенных поблизости от Италии. Однако, поскольку всякое политическое соглашение должно быть более или менее взаимовыгодным, нужно подумать о каком-либо средстве, благодаря которому Россия смогла бы получить, по крайней мере частично, такие же выгоды, какие союз с нею обеспечивает государям Италии.

Предварительное объединение главных государств, расположенных на полуострове, представляется мне наилучшей мерой для достижения этой цели. Нужно было бы, чтобы эти государства, отбросив частные разногласия и проникшись единственно своими общими интересами, образовали нечто вроде конфедерации и взяли на себя обязательство защищать любого из ее участников от какой бы то ни было агрессии. И тогда императорский двор мог бы найти какую-то выгоду в союзе со всем этим объединением в целом; поэтому было бы желательно склонить основные государства Италии к подобному соглашению.

Понятно, что этим проектом можно будет заняться только после освобождения всей Италии от гнета и деспотического влияния французского правительства и в особенности после того, как северная часть этой прекрасной страны будет возвращена ее законным государям.

Если бы тогда удалось установить подобное согласие между королями Неаполя и Сардинии, все промежуточные государства полуострова присоединились бы к нему сами собой.

Только Вас одного, милостивый государь, я хотел в предвидении могущих возникнуть обстоятельств посвятить в эту идею для того, чтобы Вы на месте смогли взвесить возможности проведения ее в жизнь и сообщить мне Ваше мнение на этот счет. Мне кажется, что возобновление нашего союзного договора с неаполитанским двором смогло бы проложить путь или дать повод к подобному соглашению, если ход войны, которая вот-вот разразится, будет нам благоприятствовать [309].

189. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Вене А. К. Разумовскому

*28 сентября (10 октября) 1805 г.**

Les circonstances ont pris une tournure si embarrassante et qui peut encore devenir si inattendue que je crois indispensable de faire à v. ex. un narré exact et détaillé de tout ce qui s'est passé jusqu'ici entre nous et la Prusse, des différentes chances que l'on peut en attendre et des moyens qu'il faudra prendre pour en sortir, afin qu'ayant cet exposé présent, Vous soyez dans le cas de combattre, là où Vous êtes, les méfiances, les doutes et les craintes exagérées qui causeraient dans ce moment un mal plus réel que celui que nos ennemis quel que soit leur nombre sont en état de nous faire.

Je n'ai pas besoin de Vous dire combien la conduite de Mr d'Alopeus a peu répondu à notre attente; Vous en êtes suffisamment instruit par les rapports des comtes de Metternich et de Meerfeldt, qu'on Vous aura communiqués à Vienne. Mr d'Alopeus non seulement a totalement fait manquer sa négociation par la manière dont il l'a conduite, mais il a eu de plus le tort d'induire s. m. l'empereur en erreur par ses rapports. Tandis que par son peu d'activité, sa contenance peureuse et abattue il encourageait les refus du c[abine]t de Berlin et que par des confidences inexcusables il exaspérait le roi et changeait dans ses éléments l'esprit dans lequel nous voulions agir envers la Prusse, ses dépêches, que nous reçûmes peu de temps avant notre départ de Pétersbourg, ne parlaient que de l'entière confiance que le roi plaçait dans la loyauté de l'emp[ereu]r, de sa détermination de ne faire en conséquence aucuns préparatifs de ce côté-ci, de la grande probabilité que le roi accédera à nos désirs, si l'on évite toute mesure extrême, mais disant que l'entrée inattendue de nos troupes sur le territoire prussien gâterait tout et déciderait incontinent le roi à se défendre jusqu'à la dernière extrémité et de se jeter dans les bras de la France. Mr d'Alopeus s'attacha surtout à prouver qu'il n'y avait qu'une entrevue entre les deux souverains qui pourrait amener les choses au terme désiré pour le bien de la cause commune, mais toujours si elle précédait l'entrée de nos troupes **. En effet s. m. jeta en avant dans sa seconde lettre [310] au roi l'idée d'une entrevue, laquelle fut considérée comme pouvant devenir utile, mais uniquement après l'entrée des armées pour prouver d'autant mieux combien l'on était éloigné de toute intention hostile, pour adoucir en même temps le coup porté et supposant que, si le roi après l'entrée des troupes se décidait à voir s. m., il se prononçait par là même pour nous. C'eût été d'ailleurs le meilleur moyen d'effacer toute amertume et toute impression fâcheuse et de régler définitivement ce qui n'aurait pu l'être dans le premier moment. Cependant les rapports de Mr d'Alopeus étaient calculés pour faire de l'impression sur le cœur généreux de notre auguste maître. Répugnant à tout ce qui pourrait paraître opposé à la loyauté, croyant en apercevoir dans la cour de Berlin plus qu'on ne s'y était attendu, désirant vivement éviter la guerre avec le roi pour que rien ne détourne du grand

* Дата утверждения Александром I.
** См., в частности, док. 178.

but qu'on s'était proposé et pour être plus à même de fournir à l'empereur-roi son allié des secours puissants, s. m. i. prit sur elle (car aucun de ses ministres n'aurait osé se charger d'une telle responsabilité) d'arrêter la marche des troupes russes en Prusse comme l'unique moyen de conserver encore l'espoir fondé d'obtenir la coopération de cette puissance. S. m. en même temps se décida de presser son départ de Pétersbourg, persuadée que sa présence sur les lieux était nécessaire pour y amener le roi plus aisément et le faire souscrire plus facilement à nos vues. Cette prompte décision (contre laquelle je pris aussi la liberté de soumettre avec d'autres ministres nos très humbles représentations à l'empereur) m'empêcha d'en prévenir v. ex. à temps et c'est ce qui fit que s. m. arriva ici[310], sans que l'avis en ait pu parvenir d'avance à son auguste allié.

S. m. ne fut pas plutôt à Brzesc que les notions, venant de Berlin et des Etats prussiens, annoncèrent, que le cabinet de Potsdam, loin d'agir avec loyauté, n'en avait fait parade que pour gagner du temps et se préparer à pouvoir nous opposer une résistance aussi forte que ses moyens le lui permettent. L'emp[ereu]r expédia aussitôt de Brzesc l'aide de camp général p[rin]ce de Dolgorouki[311] avec ordre de ne s'arrêter que 24 heures à Berlin pour presser le roi, s'il n'avait pas changé d'avis, de se rendre à l'entrevue qu'un courrier de Mr d'Alopeus arrivé à Brzesc avait annoncé comme convenue[312].

En attendant, s. m. partit pour Pulavy afin d'être plus près de son armée et de la frontière prussienne et ayant indiqué Grouschin sur territoire autrichien comme le lieu le plus propre pour son entrevue avec le roi.

Le major Hake arriva sur ces entrefaites à Pulavy avec une lettre[313] du roi, qui ne changea rien à l'état des affaires, et la réponse[314] fut expédiée le même jour.

Le lendemain peu s'en fallut qu'à la suite des nouvelles reçues de la Prusse, qui ne parlaient que de préparatifs guerriers et même de la marche d'une armée sur la Piliça[315], s. m. ne se soit déterminée à faire passer immédiatement la sienne par cette rivière afin de prévenir des intentions hostiles aussi manifestes. Cependant ces nouvelles ne s'étant pas confirmées dans leur totalité et les communications adressées au c[om]te de Stadion étant survenues dans lesquelles la cour de Vienne semble insister pour qu'on évite à tout prix une guerre avec la Prusse[316], s. m., convaincue de la justesse du raisonnement contenu dans les dépêches autrichiennes, portée en toute occasion à céder aux désirs de son intime allié, a pris la détermination d'attendre le roi malgré ses préparatifs hostiles et de faire dans cette entrevue une dernière tentative afin de l'engager à entrer de gré dans nos vues. Telle est la suite des circonstances qui a amené l'état actuel des choses et c'est sur leur situation qu'il faut surtout s'arrêter. Nous convenons qu'elle est, sous bien des rapports, absolument différente de ce qu'elle était il y a deux semaines. Nous ne pouvons plus entrer en Prusse, grâce à Mr d'Alopeus, avec l'apparence d'ignorer qu'elle veut s'opposer à notre entrée et avec l'espoir de la forcer immédiatement à nos vues. Si nous avons la guerre avec la Prusse, ce n'est plus avec un Etat pris au dépourvu et forcé par la surprise à être plus traitable, mais bien avec une puissance avertie d'avance, qui est décidée à se défendre et qui a eu le temps de se préparer à cet effet, qui a eu le loisir de se reconnaître et de former ses plans. Il faut donc s'attendre à une guerre en forme, faite avec toute l'énergie dont la Prusse peut être capable, et à son union immédiate et entière avec la France. Il n'est pas douteux que ces résultats seraient très fâcheux pour la cause que nous défendons et, en particulier, pour l'Autriche. Aussi notre auguste maître fera-t-il l'impossible p[our] l'éviter. Si l'on ne peut obtenir le tout du roi, on se contentera d'obtenir une partie, voulant par là complaire aux désirs de l'intime allié de s. m. et prouver combien on cherche avant tout à remplir le grand but contre la France.

Cependant, non seulement pour le bien des affaires, mais aussi pour l'honneur de l'empereur, il faut nécessairement obtenir quelque chose de réel et qui

soit en même temps ostensible, afin que l'Europe ne puisse pas dire que l'empereur a fait avancer une armée, s'y est rendu en personne pour finir par reculer devant la volonté du roi de Prusse, qui certainement n'est pas en état d'en avoir une quand la Russie voudra le contraire.

Si donc le roi se refuse à tout ce qui serait favorable au bien général, à tout ce qui pourrait mettre à l'abri l'honneur de l'empereur, s. m., malgré l'extrême désir qu'elle aurait de l'éviter et de considérer en tout point l'avantage et la sûreté de son allié, est fermement décidée de commencer la guerre contre la Prusse, et notre armée passera la Piliça quelques heures après le départ du roi. L'empereur ne se dissimule pas tous les désavantages qui sont dans les chances possibles à la suite de cet événement. Cependant la cour de Vienne ne sera pas surprise qu'il y tienne invariablement, car l'honneur va avant tout, et nous perdrions la plus grande partie de notre force s'il était compromis à ce point dès le début des opérations. Avec tout cela il ne faut pas s'exagérer les dangers et pourvu que, dans un moment aussi critique, les deux cours impériales restent intimement unies, combinent leur énergie et leurs efforts et sachent mettre en usage des moyens égaux aux obstacles qu'elles auront à surmonter, elles peuvent être sûres de les vaincre avec gloire et avantage. Je ne Vous cacherai pas, Mr le comte, que dans ce cas nous comptons beaucoup sur les secours que nous fournira le pays dans lequel nous entrerons. La domination prussienne est haïe dans la ci-devant Pologne ; on y recevra les Russes à bras ouverts ; les habitants coopéreront de tous leurs efforts pour notre armée contre les Prussiens. C'est de quoi nous pouvons être assurés. L'armée russe sera nourrie, complétée avec la plus grande facilité et de nouveaux corps pourront être levés dans très peu de temps. Avec ce surcroît de forces et la grande désertion qu'il y aura dans l'armée prussienne, nos succès sont plus que probables, de manière que nous pourrons pousser avec vigueur nos opérations ici, et si la fortune nous sourit peut-être pourrons-nous même envoyer une partie du corps de Bouxhoewden au secours de l'Autriche. En supposant même à nos armes le moins de succès que possible, le pire qui peut nous arriver c'est d'occuper tout le pays jusqu'à la Vistule et de nous y tenir sur la défensive avec nos troupes renforcées par celles du pays et d'attendre dans cette position l'arrivée des corps de réserve qui seront prêts pour le printemps prochain, duquel nous ne serons bientôt éloignés que de quelques mois, ce qui nous facilitera le moyen de faire filer un corps vers la Bohème. Il est bon que v. ex. soit au fait de tous ces détails, afin qu'elle soit dans tous les cas à même de tranquilliser le ministère autrichien sur sa position et sur la nôtre. Je le répète, je ne crains aucun danger ni aucune chance pourvu que les deux cours impériales restent bien unies et ne séparent jamais leurs intérêts, lesquels par une union cordiale et inaltérable seront toujours parfaitement garantis.

Je suis ...

Помета Александра I: Быть по сему.
Сентября 28 1805 г.

Печат. по отпуску.
Опубл. в купюрах Васильчиков, Семейство Разумовских, т. 4, стр. 70—73.

Перевод

Обстоятельства настолько усложнились и дальнейший ход событий может принять столь неожиданный оборот, что я считаю необходимым точно и подробно сообщить в. с-ву обо всем, что произошло до настоящего времени между нами и Пруссией, о различных возможных последствиях этого и о мерах, которые необходимо будет тогда принять; я делаю это для того, чтобы Вы могли, основываясь на данном сообщении, рассеять в месте Вашего пребывания недоверие, сомнения и преувеличенные опасения, способные причинить сейчас

более реальное зло, чем то, которое в состоянии причинить нам наши враги, как бы многочисленны они ни были.

Мне нет необходимости говорить Вам, сколь мало поведение г-на Алопеуса отвечало нашим ожиданиям; Вы достаточно осведомлены об этом из донесений графа Меттерниха и графа Мерфельдта, с которыми Вас, очевидно, ознакомили в Вене. Г-н Алопеус не только вел переговоры таким образом, что обрек их на полную неудачу, но сверх того он виноват в том, что своими донесениями ввел в заблуждение е. в-во императора. В то время как своей бездеятельностью, боязливым и растерянным поведением он поощрял берлинский кабинет отвечать нам отказом, а своими непростительными признаниями озлоблял короля и коренным образом нарушал линию поведения, которой мы хотели следовать в отношении Пруссии, в его депешах, полученных нами незадолго до нашего отъезда из Петербурга, только и говорилось, что о полном доверии короля к прямодушию императора, о его решении не делать вследствие этого никаких приготовлений с этой стороны, о большой вероятности того, что король согласится с нашими пожеланиями, если мы будем избегать каких бы то ни было крайних мер; по его словам, неожиданное вступление наших войск на прусскую территорию испортило бы все и сразу же заставило бы короля защищаться до последней крайности и броситься в объятия Франции. Г-н Алопеус особенно старался доказать, что только свидание обоих государей могло бы привести дело к желаемому концу ради общего блага, но лишь в том случае, если оно будет предшествовать вступлению наших войск**. Е. в-во действительно выдвинул в своем втором письме[288] к королю мысль о свидании, считая, что оно могло бы принести пользу, но полагал, что оно должно состояться после вступления наших армий, чтобы еще более убедительно доказать, сколь далеки мы от каких-либо враждебных намерений и чтобы смягчить в то же время нанесенный удар; к тому же предполагалось, что если бы король после вступления войск решил встретиться с е. в-вом, то тем самым он стал бы на нашу сторону. Это было бы к тому же наилучшим способом рассеять всякую горечь и недовольство и окончательно уладить то, что не могло бы быть улажено в первый момент. Однако донесения г-на Алопеуса были составлены с тем расчетом, чтобы тронуть благородное сердце нашего августейшего государя. Питая отвращение ко всему, что могло бы выглядеть несовместимым с прямодушием, считая, что берлинский двор более искренен, чем ожидали, горячо желая избежать войны с королем, чтобы не уходить в сторону от основной цели и иметь больше возможностей оказать императору и королю, своему союзнику, мощную поддержку, е. и. в-во решил (так как никто из его министров не осмелился бы взять на себя подобную ответственность) отменить приказ о вступлении русских войск в Пруссию, чтобы сохранить еще обоснованную надежду добиться сотрудничества этой державы с нами. В то же время е. в-во решил ускорить свой отъезд из Петербурга, будучи убежден, что его присутствие на месте необходимо для того, чтобы легче было склонить короля к этому и побудить его принять наши планы. Поспешность принятия этого решения (против которого я вместе с другими министрами позволил себе сделать императору всеподданнейшее представление) помешала мне своевременно предупредить об этом в. с-во, почему и случилось, что е. в-во прибыл сюда[310], а его августейшему союзнику не было заранее сообщено об этом.

Едва е. в-во прибыл в Брест, как из сведений, полученных из Берлина и прусских владений, выяснилось, что потсдамский кабинет далеко не прямодушен в своем поведении, а только притворялся таковым, чтобы выиграть время и приготовиться оказать нам сопротивление, столь сильное, какое только ему позволяют его средства. Император тотчас же отправил из Бреста в Берлин генерал-адъютанта князя Долгорукого[311] с приказанием оставаться там лишь 24 часа, чтобы поторопить короля, если он не изменил своих намерений, приехать на свидание, о котором, как известил прибывший в Брест курьер г-на Алопеуса, была достигнута договоренность[312].

Тем временем е. в-во отправился в Пулавы, чтобы находиться ближе к своей армии и к прусской границе, наметив Грушин на австрийской территории как наиболее подходящее место для свидания с королем.

Майор Гаке приехал между тем в Пулавы с письмом[313] короля, ничего не изменившим в положении дел, и ответ[314] на него был отправлен в тот же день.

На следующий день в результате получения известий из Пруссии, в которых только и говорилось, что о военных приготовлениях и даже о движении одной из армий на Пилицу[315], е. в-во чуть было не приказал своей армии немедленно перейти эту реку, с тем чтобы предупредить столь явно выраженные враждебные намерения. Однако, поскольку полностью эти известия не подтвердились, а граф Стадион получил письма, в которых венский двор, казалось, настаивал на том, чтобы любой ценой избежать войны с Пруссией[316], е. в-во, убежденный в справедливости соображений, содержавшихся в австрийских депешах, и всегда готовый пойти навстречу пожеланиям своего близкого союзника, принял решение ждать короля, несмотря на его враждебные приготовления, и сделать во время этого свидания последнюю попытку побудить его добровольно войти в наши виды. Таковы те обстоятельства, которые привели к теперешнему положению вещей, и на этом положении следует особо остановиться. Мы согласны с тем, что оно во многих отношениях совершенно отлично от положения, существовавшего две недели тому назад. Благодаря г-ну Алопеусу мы не можем более вступить в Пруссию, делая вид, будто мы не знаем, что она намерена воспротивиться вступлению наших

войск, и в надежде немедленно вынудить ее принять наши виды. В случае войны с Пруссией нам придется воевать уже не с государством, застигнутым врасплох и в силу неожиданности вынужденного быть более сговорчивым, а с державой, предупрежденной заранее, решившей защищаться и имевшей время для подготовки, с державой, у которой было время сориентироваться и составить свои планы. Следовательно, нужно ожидать войны по всей форме, которую Пруссия будет вести со всей возможной энергией, и немедленного и безусловного союза ее с Францией. Нет сомнений, что эти результаты были бы весьма пагубны для дела, которое мы защищаем, и в особенности для Австрии. Поэтому наш августейший повелитель сделает даже невозможное, чтобы избежать этого. Если не удастся добиться от короля всего, мы удовольствуемся частью, желая тем самым поступить в соответствии с пожеланиями близкого союзника е. в-ва и доказать наше стремление достичь прежде всего основной цели, связанной с борьбой против Франции.

Однако не только для блага дела, но и для ограждения чести императора совершенно необходимо добиться чего-либо ощутимого и вместе с тем для всех очевидного, чтобы Европа не могла сказать, что император двинул армию, лично прибыл на место, а кончил тем, что отступил перед волей прусского короля, который, безусловно, не в состоянии настаивать на своем, если Россия захочет обратного.

Поэтому, если король ответит отказом на все, что было бы полезным для общего блага и могло бы оградить честь императора, е. в-во, несмотря на свое крайнее желание избежать этого и на стремление во всем считаться с выгодой и безопасностью своего союзника, полон решимости начать войну против Пруссии, и наша армия перейдет Пилицу через несколько часов после отъезда короля. Император не скрывает от себя все неблагоприятные обстоятельства, которые могут явиться следствием этого события. Однако венский двор не должен удивляться тому, что император непоколебим в своем решении, так как честь — прежде всего, и мы потеряли бы большую часть нашей силы, если бы честь наша была так скомпрометирована с самого начала операций. При всем этом не нужно преувеличивать опасности, и, если только в столь критический момент тесный союз обоих императорских дворов будет сохранен, если они объединят свои усилия и сумеют употребить средства, соответствующие стоящим перед ними препятствиям, они могут быть уверены, что преодолеют их со славой и выгодой. Не скрою от Вас, г-н граф, что в этом случае мы весьма рассчитываем на помощь населения страны, в которую мы вступим. В бывшей Польше ненавидят прусское владычество; русских там примут с распростертыми объятиями; местные жители всеми силами будут содействовать нашей армии против пруссаков. В этом мы можем быть уверены. Русская армия будет обеспечена продовольствием, ее очень легко будет пополнять, и в очень короткий срок можно будет сформировать новые воинские части. Учитывая это увеличение наших сил и массовое дезертирство из прусской армии, можно считать наши успехи более чем вероятными, и мы сможем предпринять здесь активные операции, а если счастье нам улыбнется, мы, возможно, даже окажемся в состоянии послать часть корпуса Буксгевдена на помощь Австрии. Даже в том случае, если наше оружие будет иметь наименьший возможный успех, мы, на худой конец, займем всю эту область до Вислы и наши войска, усиленные за счет войск, набранных на месте, будут держать там оборону и ждать на этой позиции прибытия резервных корпусов; последние будут готовы к будущей весне, от которой нас отделяет лишь несколько месяцев, что облегчит нам возможность двинуть один корпус к Богемии. В. с-ву следует знать все эти подробности, чтобы Вы могли в любом случае успокоить австрийское министерство относительно его и нашего положения. Повторяю, я не боюсь никакой опасности, никакой случайности, если только оба императорских двора останутся тесно объединенными и никогда не будут разделять свои интересы, гарантией которых всегда будет их сердечный и непоколебимый союз.

Пребываю ...

Проект договора о вступлении Бакинского ханства в подданство России

Сентябрь 1805 г.

АКАК, т. II, стр. 738.

Александр I Фридриху-Вильгельму III *

[Сентябрь] 1805 г.

Французские войска уже нарушили безнаказанно нейтралитет Северной Германии, пройдя через Гессен. Военные приготовления Пруссии враждебны России, ввиду чего Александр I принял решение о переходе русскими войсками прусских границ.

Bailleu, Correspondance inédite, p. 80—81.

* Это письмо должно было быть вручено в первой декаде сентября, но затем Александр изменил свое решение, и письмо было заменено другим (см. аннотацию на письмо от 15(27) сентября на стр. 594).

190. Записка министерства иностранных дел о предстоящих переговорах с Пруссией

1805 г., не позднее 3(15) октября.

Comme il n'est point probable que le roi de Prusse, d'après la nature de ses armements et la manière dont il a envisagé l'intention de la Russie de faire passer des troupes par les Etats prussiens sans l'assentiment préalable de la cour de Berlin, souscrive à toutes les demandes que la Russie a faites, il est nécessaire d'examiner la nature des modifications qu'elles pourront éprouver sans cesser d'être compatibles avec l'intérêt de la cause commune et avec ce qu'exige l'honneur de la Russie, qui serait compromis, si la Prusse ne cédait sur aucun point quelconque.

L'on classera les différentes vues que la Prusse pourra manifester de la manière suivante:

1) La Prusse accède à tous les plans des alliés, mais refuse le passage des armées russes en tout ou en partie.

2) La Prusse refuse d'accéder aux plans des alliés et veut maintenir sa propre neutralité.

3) La Prusse refuse d'accéder aux plans des alliés et veut maintenir et soutenir sa neutralité et celle du Nord de l'Allemagne.

Personne ne disconviendra que ce dernier point ne peut être admis, parce qu'il est entièrement incompatible avec la dignité de la Russie et les intérêts de la cause commune.

Le second ne saurait être admis qu'en toute dernière analyse et n'empêcherait pas la Russie d'être compromise envers elle-même et envers ses alliés ; car si elle alléguait même, pour motif de son abandon des plans qu'elle avait formés, le désir de ne point étendre le feu de la guerre, tant qu'elle n'obtiendra pas quelque témoignage apparent d'un changement de système de la Prusse, la Russie ne pourra détruire l'opinion que c'est la contenance de la Prusse qui l'a portée à ne point insister sur la coopération de cette puissance au plan formé contre la France. Dans tous les cas, d'ailleurs, si ce point devait être concédé à la Prusse, il serait indispensable qu'elle prît des engagements bien précis pour que sa neutralité ne se change point en médiation armée, lorsque les alliés seront aux prises avec la France.

Ces engagements devraient être au moins:

1) D'adhérer à la médiation armée projetée par la Russie et l'Autriche et de mettre sur le pied de paix toutes les troupes qui ne serviraient pas à la démonstration armée contre la France.

2) De n'accorder dans aucun cas de passage aux Français.

3) Dans le cas où la guerre éclaterait, de s'unir aux alliés pas plus tard qu'au printemps prochain.

4) De renoncer dès à présent à la neutralité du Nord de l'Allemagne et, par conséquent, non seulement de ne mettre aucun obstacle aux opérations de l'armée débarquée en Poméranie, mais de consentir même au passage d'un corps peu nombreux destiné à la renforcer.

Des engagements de cette nature pourraient empêcher que la neutralité de la Prusse ne devienne dangereuse ; mais cette puissance empêcherait toujours que les opérations contre la France soient décisives. Cette considération seule prouverait combien cet état de choses serait désavantageux à la Russie, indépendamment qu'il serait funeste à sa considération parmi les puissances de l'Europe.

Le premier cas est le seul à désirer pour la Russie, mais pour s'y prêter la Prusse formera peut-être des prétentions excessives et l'on peut les préjuger

d'après la conversation[317] que le comte de Haugwitz a eue avec le comte de Metternich. C'est sur la Hollande que les vues de la Prusse se dirigent ; mais une concession de cette nature ne peut être faite sans l'assentiment des cours de Vienne et de Londres, et si même ces deux puissances pouvaient y être portées par l'appât de quelques avantages marquants, il semble qu'aucune considération quelconque ne saurait engager la Russie à s'y prêter, sans recevoir pour son compte une augmentation de forces proportionnée aux acquisitions de ces deux voisins.

Cette vérité est trop évidente pour que les cabinets de Vienne, de Berlin et de Londres ne la sentent pas, et il est probable que la Russie n'aura qu'à la rappeler pour qu'ils ne tombent d'accord, si toutefois il y avait des considérations assez puissantes pour permettre en général que la Prusse joigne à ses possessions actuelles la Hollande.

Par Prochnitzky le 3(15) octobre 1805.

Печат. по копии.

Перевод

Так как, судя по характеру вооружений короля прусского и по его отношению к намерению России провести войска через прусские владения без предварительного согласия берлинского двора, маловероятно, что он согласится на все требования, предъявленные Россией, необходимо рассмотреть характер изменений, которые в них можно внести, не поступаясь интересами общего дела и честью России, которая была бы скомпрометирована, если бы Пруссия не уступила ни по одному пункту.

Пруссия может выказать следующие намерения:

1. Пруссия присоединяется ко всем планам союзников, но отказывается пропустить, полностью или частично, русские армии.

2. Пруссия отказывается присоединиться к планам союзников и хочет сохранить свой собственный нейтралитет.

3. Пруссия отказывается присоединиться к планам союзников и хочет сохранить и защитить свой нейтралитет и нейтралитет Северной Германии.

Никто не станет отрицать, что этот последний пункт не может быть принят, так как он совершенно несовместим с достоинством России и интересами общего дела.

Второй пункт мог бы быть принят только в крайнем случае; его принятие скомпрометировало бы Россию перед нею самой и ее союзниками, так как, даже мотивируя свой отказ от составленных ею планов нежеланием расширять пожар войны, пока она не получит какое-нибудь явное свидетельство изменения политики Пруссии, Россия не сможет опровергнуть мнение, что только позиция Пруссии побудила ее не настаивать на участии этой державы в планах, направленных против Франции. Впрочем, если бы пришлось уступить в этом пункте Пруссии, то в любом случае будет необходимо добиться принятия ею совершенно точных обязательств, с тем чтобы ее нейтралитет не превратился в вооруженное посредничество, когда союзники будут бороться против Франции.

Эти обязательства должны содержать по крайней мере следующее:

1. Присоединиться к вооруженному посредничеству, задуманному Россией и Австрией, и перевести на мирное положение все войска, которые не будут участвовать в вооруженной демонстрации против Франции.

2. Ни в коем случае не соглашаться на проход французских войск.

3. Если разразится война, присоединиться к союзникам не позже будущей весны.

4. Отказаться от нейтралитета Северной Германии с настоящего момента и, вследствие этого, не только не чинить никаких препятствий операциям армии, высадившейся в Померании, но даже согласиться на проход немногочисленного корпуса, предназначенного для ее усиления.

Такого рода обязательства могли бы помешать тому, чтобы нейтралитет Пруссии стал опасен, но эта держава постоянно препятствовала бы решительным действиям против Франции. Одно это соображение достаточно доказывает, насколько такое положение вещей было бы невыгодно для России, не говоря уже о том, что пагубно сказалось бы на ее престиже среди европейских держав.

Только принятие Пруссией решения, изложенного в первом пункте, желательно для России, но за это Пруссия выдвинет, быть может, чрезмерные требования, и о них можно судить заранее по разговору[317], состоявшемуся между графом Гаугвицем и графом Меттернихом. Пруссия имеет виды на Голландию; но уступка такого рода не может быть сделана без согласия венского и лондонского дворов, и даже если бы можно было склонить к этому

обе эти державы, пообещав им какие-либо значительные выгоды, то, очевидно, никакое соображение не сможет побудить Россию пойти на это, если она не будет усилена пропорционально приобретениям этих двух соседей.

Истина эта слишком очевидна, чтобы венский, берлинский и лондонский кабинеты не понимали ее, и возможно, что России нужно будет только напомнить о ней, чтобы прийти к соглашению на этот счет, если, однако, имеются достаточно веские соображения, чтобы вообще позволить Пруссии присоединить Голландию к ее теперешним владениям.

С Прохницким 3(15) октября 1805 г.

191. Запись беседы тайного советника Вейдемейера с датским посланником в С.-Петербурге Бломом

6(18) октября 1805 г.

Барон Блом, приехав ко мне (6 окт[ября] 1805 г.) в назначенный ему предварительно час, показывал записку[318], содержащую словесный ответ, учиненный 30 сентября в Копенгагене г-ну Лизакевичу. По прочтении мною той записки, сказал он, что не преминул бы ее мне вручить, но, не сомневаясь, что она доставлена уже сюда от помянутого российского министра с преподанными ему изустно объяснениями, не находит за нужно ее повторительно сообщать, но, ссылаясь на донесение г-на Лизакевича, с своей стороны присовокупить должен, что ему поручено изъявить здесь сильнейшее уверение о искренней к е. и. в-ву дружбе и привязанности двора своего, который вследствие учиненного ему с здешней стороны внушения собрал уже и привел в военное состояние от 25 до 30 тыс. человек; что сие ополчение в случае надобности может доведено быть тысяч до 50, да и теперь уже составляет довольно знатную силу, которой содержание может еще продолжиться долгое время; что оно, при всем устройстве финансов двора его, для него само по себе не без тягости, особливо по причине нынешнего хлебного неурожая, частыми и проливными дождями причиненного, что оное ополчение подаст, конечно, повод к разным со стороны французов требованиям, но дацкий двор не преминет стараться отклонять их, так как он не оказал податливости на предложения прусского кабинета касательно Любека, Гамбурга и Травеминде[319], что по неведению, к которой стороне пристанет его прусское в-во, хотя двору дацкому тем более надобно иметь осторожность, но в полном уповании на дружеское и деятельное пособие государя императора решился он всеми силами и до самой крайности противустоять могущему иногда последовать на области его со стороны французов нападению, что о Бонапарте к нему, барону Блому, пишут, что возвратился он из Италии весьма задумчивым и что известия о новых противу его от союзных держав предприятиях весьма его потревожили и озаботили. Все сие, выслушав, принял я на донесение, а барон Блом вручил мне приложенный здесь пакет на имя его сиятельства князя Адама Адамовича[320].

Печат. по копии.

192. Чрезвычайный и полномочный посол Ю. А. Головкин пограничным управителям Китая

Кяхта, 8(20) октября 1805 г.

По прибытии моем на границу, долг имею известить о том Вас. господа Ван и Амбань, в силу 9 пункта трактата, который гласит: «Ежели от одного к другому империю пошлется за публичными делами малый или великий посол, когда оный прибудет на границу и объявит о своем деле и о своем

характере, будет ожидать недолго на границе, дондеже вышлется кто навстречу для препровождения и тогда ему дадутся скорые подводы и корм и с прилежанием препровожден будет, по прибытии дастся дом и корм и проч[ее]»[321] и вследствие того объявить Вам, что я назначен от е. и. в-ва всемилостивейшего государя моего чрезвычайным и полномочным послом к его богдыханову в-ву и в сем звании имею поднести великой особе его богдыханова в-ва грамоту[322] с извещением о всерадостном вступлении всероссийского императора, великого государя моего, на прародительский императорский наследственный престол, с приязненным от высокой его стороны поздравлением его богдыханова в-ва с таковым же последовавшим и для него благополучным происшествием, и изображающую искреннее желание е. и. в-ва в[еликого] г[осударя] моего утвердить и распространить всеми способами, обоим государствам взаимно приятными, благополучно продолжающуюся обоюдную дружбу и согласие, и для поднесения подарков, посланных от е. и. в-ва, в знак дружбы к его богдыханову в-ву.

Я почитаю великою для себя честию быть исполнителем благого сего намерения и потому употреблю все усердное старание к споспешествованию и к утверждению толь важного и полезного дела.

Как Вы ныне в последнем письме[323] Вашем уведомляете меня, г[оспода] В[ан] и А[мбань], что «согласно с высочайшею милостию его богдыханова в-ва, пожалованною в рассуждении дальнего пути встретиться могущих неприятностей от вод и воздуха, угодно его бог[дыханову] в-ву, чтобы убавлены были из свиты посольства ненужные люди», то имею сказать Вам, господа Ван и Амбань, что, почитая щастливейшим долгом следовать воле его богдыханова в-ва, приступил я к уменьшению свиты моей, будучи удостоверен, что всемилостивейший государь мой, всероссийский император, и без предварительного испрошения соизволения его за благо примет всякой подвиг, мною сделанный в угодность его богдыханову в-ву.

Определив вследствие данных мне предписаний остающимся при мне чиновникам предназначенные им должности, числу оных прилагаю у сего имянной список. Я надеюсь, что Вы, господа Ван и Амбань, из сего моего подвига усмотрите искреннее и прилежное старание мое заслуживать милость и благоволение великого государя Вашего, ибо в том поставляю долг и благополучие мое.

В рассуждении требуемой Вами, господа Ван и Амбань, описи подарочным вещам должен я Вам сказать, что в числе драгоценных и знатных подарков, достойных быть поднесенными его богдыханову в-ву, находятся большие зеркала и многие другие разные вещи, кои по качеству своему при препровождении чрез столь дальний путь подвержены быть могут порче и ломке, почему и не могу я по требованию Вашему представить верной описи прежде благополучного доставления оных до места.

Да сверх того, не упомянуто о том в трактате, ниже при прежних посольствах такового примера не было, чтобы российские послы подобные описи представляли до прибытия своего к высочайшему двору его богдыханова в-ва.

О потребном числе верблюдов, лошадей, вьюков и проч[ем] не можно было Вас, господа Ван и Амбань, по сие время уведомить, во-первых, потому, что ныне только соединились обозы с теми подарками, кои со мною посланы, а во-вторых, и потому, что в нашем государстве перевозятся вещи в больших ящиках, а прибыв уже на границу, раскладывают в малые для удобнейшей перевозки.

Приведя ныне в известность количество и тягость вещей, при мне находящихся, могу с точностию уведомить Вас, господа Ван и Амбань, что для доставления оных потребно верблюдов, вьюков, лошадей по приложен-

ному у сего реэстру, а сверх того, под собственных упряжных лошадей, заготовленных соответственно письму Вашему, Средней Луны в 29 день писанному[324], потребно иметь по станциям должное количество корму.

В заключение сего приятно и лестно мне, господа Ван и Амбань, уверить Вас, что не токмо сохранение, но и вящшее утверждение благополучно существующего между обеими государствами согласия и дружбы есть первейшая моя обязанность и предмет стараний моих, что доказать Вам твердую имею надежду во всех моих сношениях с Вами. Того ради послано. Во уверение подписано моею рукою с приложением герба моего печати в Кяхте 1805 октября 8 дня.

Печат. по отпуску.

193. М. И. Кутузов послу в Вене А. К. Разумовскому

Браунау, 12 (24) октября 1805 г.

Monsieur l'ambassadeur, v. ex. saura déjà par la lettre[325] que j'ai eu l'honneur de lui écrire en date d'hier, que j'ai vu Mr le g[énéra]l Mack à son passage par Braunau. Il a dîné chez moi avec Mr le c[om]te de Merveldt et pendant que nous étions à table notre conversation a roulé tant sur la malheureuse défaite[326] de m[onsei]g[neu]r l'archiduc Ferdinand, que sur tout ce qui concerne l'armée française en Bavière. Sans en entretenir ici v. ex., qui peut-être sait déjà ces détails par Mr de Mack lui-même, je crois cependant devoir Vous parler, Mr l'ambassadeur, de plusieurs points de notre conversation et, persuadé que v. ex. sera bien aise d'en être instruite, j'en fais l'objet de l'expédition d'aujourd'hui, dont l'assesseur de collège Pisani est porteur.

Le jour même où Mr de Mack tomba entre les mains des Français, Bonaparte l'a fait venir chez lui. Depuis deux heures de l'après-midi jusqu'au moment où l'on a allumé les bougies, il m'a dit avoir été dans le cabinet du chef du gouvernement français, qui durant cette intervalle lui a parlé à différentes reprises du désir qu'il avait de voir cesser les hostilités. Mr de Mack lui a répondu qu'aussi l'empereur son maître ne se refuserait pas à un arrangement fondé sur des bases solides, qu'il n'y avait jamais été contraire, mais que, malgré les revers de l'armée sous les ordres de m[onsei]g[neu]r l'archiduc Ferdinand, il ne saurait accéder à rien sans l'assentiment de son intime allié, l'empereur de Russie. Bonaparte répliqua qu'il était prêt à traiter aussi avec notre auguste maître dont il connaissait parfaitement les sentiments et il s'est servi nommément des paroles suivantes: «Alexandre est un brave homme, bon et loyal, mais je n'aime pas son ministère qui est voué à l'Angleterre et dirigé totalement par elle». Puis il a ajouté en advenant toujours la parole à Mack: «Vous pouvez dire à l'empereur, Votre maître, que je suis décidé à faire des sacrifices et même de grands sacrifices pour rendre la paix à l'Europe, d'ailleurs, je suis sûr de la Prusse». Ensuite parlant d'autres objets, le chef du gouvernement français est revenu à l'article de la paix, et Mr de Mack a convenu en quelque façon être chargé par Bonaparte de faire à s. m. impériale et royale des propositions de paix; mais il ne s'en est pas ouvert d'avantage à moi et, voyant sa réserve, je n'ai pas voulu trop le questionner. Le c[om]te de Merveldt qui était présent nous a gêné beaucoup en montrant de l'humeur sur les confidences du g[énéra]l Mack.

Cette conversation a fait naître en moi l'idée que le chef du gouvernement français, voyant, d'un côté, la coalition devenir de jour en jour plus formidable par les différentes cours qui y ont accédé, a peut-être fait au cabinet autrichien des propositions assez avantageuses pour l'en détacher et que la cour de

Vienne, de l'autre, sera probablement plus coulante dans un moment où, après la perte qu'elle a essuyée, elle voit l'ennemi sur le point de pénétrer dans le cœur de ses Etats. J'ai cru devoir Vous en parler, Mr l'ambassadeur, afin que v. ex. puisse prendre à temps ses mesures pour être au fait de ce dont il pourrait être question dans le cabinet autrichien à la suite des propositions dont Mr de Mack est chargé. V. ex. dans sa sagesse saura certainement prévenir les démarches de ce général, si elle y découvre quelque chose de désavantageux pour la coalition.

J'ai l'honneur ...

Koutousoff

Печат. по подлиннику.

Опубл. М. И. Кутузов, Сб. документов, т. II, стр. 115—116.

Перевод

Господин посол, в. с-ву уже известно из письма[325], которое я имел честь написать Вам вчера, что я видел г-на генерала Мака при его проезде через Браунау. Он отобедал у меня с г-ном графом Мерфельдтом, и за столом мы беседовали как о прискорбном поражении[326] его высочества эрцгерцога Фердинанда, так и обо всем, что касается французской армии в Баварии. Не буду говорить Вам об этом, в. с-во, так как Вы, очевидно, уже знаете эти подробности от самого г-на Мака, однако считаю своим долгом рассказать Вам, г-н посол, о некоторых пунктах нашего разговора, и, будучи убежден, что в. с-ву будет интересно об этом узнать, я посылаю Вам это письмо сегодняшней почтой, которую доставит коллежский асессор Пизани.

В тот же день, когда г-н Мак попал в руки французов, Бонапарт велел привести его к себе. С двух часов пополудни до тех пор, пока не зажгли свечи, он, по его словам, находился в кабинете главы французского правительства, который в течение этого времени несколько раз говорил ему о том, что он желает прекращения военных действий. Г-н Мак ему отвечал, что император, его государь, также не отказался бы от примирения на прочных основах, что он никогда этому не противился, но что, несмотря на неудачи армии его высочества эрцгерцога Фердинанда, он не сможет принять никакого предложения без согласия его ближайшего союзника, русского императора. Бонапарт ответил, что он готов вести переговоры также и с нашим августейшим государем, чувства которого ему прекрасно известны, и он произнес буквально следующие слова: «Александр — хороший человек, добрый и прямодушный, но мне не нравится его министерство, которое предано Англии и целиком управляется ею». Затем он добавил, по-прежнему обращаясь к Маку: «Вы можете сказать императору, Вашему государю, что я решил пойти на жертвы, и даже на большие жертвы, чтобы восстановить мир в Европе; к тому же я уверен в Пруссии». Затем в разговоре о других предметах глава французского правительства вернулся к вопросу о мире, и г-н Мак согласился некоторым образом взять на себя поручение Бонапарта передать его императорскому и королевскому в-ву предложения о мире, но больше он ничего не сказал мне об этом, и, видя его сдержанность, я не стал слишком его расспрашивать. Присутствовавший при этом граф Мерфельдт нас очень стеснял, выказывая неудовольствие по поводу откровенных признаний генерала Мака.

Этот разговор навел меня на мысль о том, что, с одной стороны, глава французского правительства, возможно, сделал довольно выгодные предложения австрийскому кабинету с целью оторвать его от коалиции, видя, что она становится все более могущественной в результате вступления в нее различных дворов, и что, с другой стороны, венский двор будет, вероятно, более сговорчив в момент, когда после постигшей его неудачи он видит, что враг готов проникнуть в самое сердце его владений. Я счел своим долгом сообщить Вам об этом, г-н посол, чтобы Вы могли вовремя принять меры, благодаря которым Вы будете знать, о чем может пойти речь в австрийском кабинете в связи с предложениями, которые поручено передать г-ну Маку. В. с-во сумеете, безусловно, предупредить действия этого генерала, если Вы усмотрите в них что-либо невыгодное для коалиции.

Имею честь...

Кутузов

194. Русско-прусская конвенция о совместных действиях против Франции *

Потсдам, 22 октября (3 ноября) 1805 г.

Au nom de la Très Sainte et indivisible Trinité

Sa Majesté le Roi de Prusse et Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies ayant résolu de Se concerter sur la marche à suivre d'un commun accord dans Leur relation actuelle avec la France, ont nommé pour discuter les objets de ce concert, savoir : Sa Majesté le Roi de Prusse les Sieurs, Charles Auguste Baron de Hardenberg et Chrétien Henri Curce Comte de Haugwitz, Ses Ministres d'Etat et de Cabinet, Chevaliers de Ses grands Ordres etc. etc. et Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies les Sieurs Adam Prince de Czartoryski, Son Conseiller privé, Membre du Conseil, Sénateur, Ministre adjoint des affaires étrangères, Membre de la Direction générale des écoles, Curateur de l'université Impériale de Vilna et de Son disctrict, Lieutenant du Grand Prieur de l'Ordre Souverain de St. Jean de Jérusalem du Prieuré Catholique Russe et Chevalier de l'Ordre de Ste Anne et de celui de St. Jean de Jérusalem ; Maxime d'Alopeus, Son Conseiller privé, Envoyé Extraordinaire et Ministre Plénipotentiaire près Sa Majesté le Roi de Prusse et près du Cercle de Basse Saxe, Chevalier des Ordres de St. Alexandre Newsky, de Ste Anne de la première classe et de St. Wladimir de la seconde et Pierre Prince de Dolgorouky, Général Major des Armées de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, Son aide de camp Général; Inspecteur de la Division de Lithuanie et Chevalier de l'Ordre de Ste Anne de la première classe de St. Wladimir de la quatrième et Commandeur de celui de St. Jean de Jérusalem, etc. etc. lesquels après l'échange de leurs pleins pouvoirs respectifs ont arrêté les Articles suivants:

Article I

Sa Majesté le Roi de Prusse Se charge de la médiation entre les Puissances belligérantes, mais d'une médiation armée, dont le résultat doit être, ou le prompt retour de la paix continentale sur les bases énoncées dans l'Article suivant, ou le concours effectif de la Prusse à la guerre que les alliés font à la France.

Article II

Sa Majesté le Roi de Prusse n'ayant que le bien général en vue et voulant en donner la preuve à l'Europe dans la Sagesse et la modération de Ses demandes ne peut prendre pour bases de Ses propositions que les traités.

Ainsi tout ce que l'Autriche a consenti à laisser en propriété à la France par la paix de Lunéville ** ou par d'autres conventions postérieures [327] pourra rester au pouvoir des Français.

Le Roi de Sardaigne recevra en indemnité de Ses pertes l'un des quatre établissements indiqués ci-après.

1. La République Italienne jusqu'à la jonction du Pô avec les limites du Parmesan, les Etats de Parme et de Plaisance et l'Etat de Gènes, ou bien
2. l'Etat de Gènes, ceux de Parme et de Plaisance avec le territoire compris entre le Pô et la Toscane, ou bien
3. l'Etat de Gènes et ceux de Parme et de Plaisance avec la ville et forteresse de Tortone, Lucques, Massa Carrara, une frontière dans le Bolonois et le

---

* См. также док. 195—197.

** См. т. I, прим. 24.

Modenois en tout ou en partie, ou bien enfin, s'il était impossible d'atteindre une des trois premières alternatives

4. Parme et Plaisance et la République Ligurienne.

L'indépendance de Naples, de la Hollande, de l'Empire Germanique et de la Suisse, seront assurées par l'adhésion de la France aux points suivants :

1. L'évacuation immédiate et plénière après la paix, de ceux de ces pays qui sont occupés par les troupes françaises.

2. La liberté pour tous en général et particulièrement pour la Suisse, de Se donner telle forme de Gouvernement qu'ils jugeraient convenable et de former telle alliance qu'ils croiront nécessaires à leur bien et leur Sûreté.

3. La liberté de construire des forteresses pour leur défense.

Sa Majesté Impériale trouvera un motif dans ces Sûretés pour retirer Ses troupes de Corfou.

L'Autriche recevra pour frontières du côté de l'Italie le Mincio et le Pô avec Mantoue, la Polesina de Rovigo y comprise, pour prix de la reconnaissance du nouveau Roi de Lombardie, dont la couronne sera d'abord séparée de celle de France avec les clauses d'indépendance énoncées ci-dessus.

Sa Majesté Prussienne et Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies prenant un égal intérêt à la tranquillité et la sûreté de l'Empire Ottoman sont convenues que le Plénipotentiaire de Sa Majesté Prussienne éxigerait un engagement formel de la part de la France propre à garantir la Porte de toute vengeance quelconque de Sa part en haine des démarches faites par le Divan en suite de Son union avec Sa Majesté l'Empereur de Russie.

Telles seront les propositions de la Prusse, mais considérant que ce qui a armé l'Europe contre la France, est moins l'état actuel des choses que l'incertitude sur l'avenir et cette progression alarmante d'empiétements dont personne ne peut calculer le terme, considérant que la stipulation de l'Article VI rendra enfin à l'Europe toutes les sûretés qui lui manquaient et que, ce grand but obtenu, les Souverains armés contre la France pourraient Se livrer sans reproches à Leurs intentions paternelles et au désir d'épargner à Leurs peuples les calamités de la guerre ; Sa Majesté Prussienne après avoir tout essayé pour obtenir sans réserve les conditions énoncées plus haut, consentira pour Sa part à tel sacrifice que la Cour de Vienne jugera admissible pour le retour de la paix, bien entendu que la Stipulation ci-dessus énoncée ne peut sous aucun rapport être considérée comme relative à la Russie.

Article III

D'abord après la signature du présent Traité, Sa Majesté le Roi de Prusse enverra au quartier général français un Négociateur de confiance, chargé d'y porter en Son nom les propositions susdites.

Article IV.

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies en faisant au bonheur de voir la paix en Europe rétablie le Sacrifice de Ses justes ressentiments contre la France, déclarera être satisfaite des propositions faites par la Prusse et acceptées par la France sur les bases ci-dessus énoncées et reconnaîtra à la conclusion de la paix générale l'Empereur des Français et le Roi de Lombardie.

Article V.

Après l'acceptation des bases par la France un armistice général mettra fin aux hostilités. On fixera des positions que les armées occuperont jusqu'à la signature de la paix. Le Lech ou s'il le faut l'Isère pour les Français en Alle-

magne, l'Inn et le Danube pour les Alliés. En Italie, l'Adige pour les deux parties belligérantes. Les circonstances décideront si l'on pourra en obtenir de plus avantageuses ou à quelles lignes il faudra se déterminer pour mettre un intervalle entre les armées. Les armées Prussiennes occuperont la position énoncée dans le mémoire*** ci-joint de Son Altesse Sérénissime le Duc de Bronsvic. Quant au corps d'armée Russe qui pourrait se trouver dans le midi de de l'Italie, les généraux commandants respectifs conviendront d'une ligne de démarcation qui également établirait un intervalle entre les deux armées. Les Ministres nommés par la Russie, l'Autriche, la Prusse et la France se rassembleront pour conclure. L'endroit du congrès sera arrêté sans perte de temps entre la France et le Négociateur Prussien.

Article VI

Un objet essentiel des travaux du congrès sera de donner à l'Europe entière le système qui lui a manqué, en mettant, non plus comme autrefois, tel objet particulier sous la garantie de telle Puissance, mais tous les objets sous la garantie de toutes. Et, comme moyen de donner à cette garantie toute sa force, on est convenu d'entretenir après la paix le concert le plus intime sur tous les objets de l'arrangement actuel.

Article VII

Durant la Négociation les armées Prussiennes continueront à avancer vers les points d'où elles devront agir en cas de rupture et la négociation sera conduite de manière à être terminée dans l'espace de quatre semaines à compter du jour du départ du Négociateur qui aura lieu incessamment.

Article VIII

Si la France se refuse aux propositions stipulées, les armées Prussiennes entreront en campagne aux conditions énoncées plus bas. Sa Majesté le Roi de Prusse mettra en activité cent quatre-vingt mille hommes de Ses propres troupes et au-delà s'il le faut. Elle fera tous Ses efforts pour assurer à la cause commune le concours des Etats que le besoin de Sa Protection attache à Son système et emploiera de concert avec Ses alliés tous les moyens pour engager les autres Etats de l'Europe à se réunir contre l'ennemi commun.

Article IX

Sa Majesté le Roi de Prusse quelque graves que soient les motifs qui Lui font prendre ce parti extrême, s'est dû d'attacher à Son concours les conditions suivantes, impérieusement dictées par la position géographique de Ses Etats, par le besoin de veiller à ce que l'épuisement de leurs ressources ne les laisse pas eux-mêmes sans défense par la considération de la ruine qui les attend tôt ou tard, si, dans les guerres futures, l'isolement de quelques-unes des provinces Prussiennes, menace éternellement de compromettre leur tranquillité.

Ces conditions sont,

1. Que l'Angleterre paye des subsides pour la totalité des troupes Prussiennes, mises en campagne contre la France dans la proportion établie à l'égard de la Russie et de l'Autriche et pour un nombre convenu de troupes Saxonnes et Hessoises qui se joindront à leurs drapeaux. Si la Négociation aboutit à la paix, cet article aussi bien que celui plus bas relatif à un arrondissement des domaines Prussiens tombe. Si elle amène la guerre les subsides se payeront depuis le jour où les armées Prussiennes se sont mises en mouvement contre la France

*** См. док. 196.

qui est celui où l'on reçût à Berlin la nouvelle de la violation du territoire de Sa Majesté. Quant aux frais de mobilisation, la Prusse recevra l'équivalent de quatre mois de Subsides.

2. Que vu le désastre des dernières récoltes et l'impossibilité absolue de nourrir les armées à moins de ressources extraordinaires, Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies veuille permettre que l'achat de ces besoins se fasse en partie dans Ses Etats et que l'Angleterre favorise autant que possible leur transport dans les magasins de Sa Majesté Prussienne à l'embouchure des fleuves.

3. Qu'à la paix on procurera à la Prusse une frontière plus sûre que celle qu'elle a actuellement soit par des acquisitions, soit par des échanges. On aura égard en réglant ces Articles, aux Sacrifices et aux efforts que la Prusse aura été dans le cas de faire pour la cause commune.

Article X

On combinera éventuellement un plan de campagne. La position militaire dans laquelle se trouveront à l'époque de la décision les armées actuellement combattantes, en décidera et les Puissances conviendront entr' Elles d'un point central duquel les grandes opérations seront dirigées jusqu'au moment où l'ennemi replié sur la rive gauche du Rhin permettra de convenir et de concerter des mesures propres à l'état des choses d'alors. En outre les armées des différentes Puissances correspondront entr'Elles par l'envoi réciproque d'officiers instruits.

Article XI

Tous les objets qui auraient besoin d'être éclaircis ou réglés ultérieurement le seront entre les hautes parties contractantes dans l'union et la confiance la plus intime et Elles S'engagent à Se communiquer mutuellement à dater du jour de la signature du présent concert, toutes propositions et ouvertures quelconques qui leur seraient faites de la part de la France.

Article XII

Ce traité sera ratifié[328] le jour même de sa signature et mis en exécution immédiatement après quant à ceux de ses articles qui ne sont pas éventuels. En foi de quoi les Plénipotentiaires respectifs l'ont signé et y ont apposé le sceau de leurs armes.

Fait à Potsdam le 3 Novembre (22 Octobre) 1805[329].

L. S. Charles Auguste Baron de Hardenberg
L. S. Chrétien Henri Curce Comte de Haugwitz
L. S. Adam Prince Czartoryski
L. S. Maxime d'Alopeus
L. S. Pierre Prince Dolgorouky

Печат. по подлиннику.
Опубл. Ф. Мартенс, т. II, стр. 481—489****.

*Перевод******

Во имя пресвятой и нераздельной Троицы.

Е. в-во император всероссийский и е. в-во король прусский, решась прийти к соглашению относительно плана для общих действий в их настоящих сношениях с Францией, назначили для обсуждения предметов этого соглашения, именно: е. в-во король прусский гос-

**** Ф. Мартенсом договор опубликован по тексту, включенному в акт ратификации декларации о присоединении Австрии к конвенции. Тексты идентичны, за исключением порядка перечисления сторон и последовательности подписей.

***** Дается по Ф. Мартенсу, сверен с подлинником.

под барона Карла Августа Гарденберга и графа Христиана Генриха Курция фон Гаугвица своих государственных и кабинетных министров, кавалеров его больших орденов и т. д., а е. в-во император всероссийский господ князя Адама Чарторыйского, своего тайного советника, члена Совета, сенатора, товарища министра иностранных дел, члена главной дирекции училищ, попечителя императорского Виленского университета и округа, поручика великого приора державного ордена св. Иоанна Иерусалимского в русском католическом приорстве и кавалера ордена св. Анны и ордена св. Иоанна Иерусалимского, Максима Алопеуса, своего тайного советника, чрезвычайного посланника и полномочного министра при е. в-ве короле прусском и при Нижне-Саксонском округе, кавалера орденов св. Александра Невского, св. Анны первого класса и св. Владимира второго класса, и князя Петра Долгорукого, генерал-майора армий е. в-ва императора всероссийского, своего генерал-адъютанта, инспектора Литовской дивизии и кавалера ордена св. Анны первого класса, св. Владимира четвертого класса и командора ордена св. Иоанна Иерусалимского и т. д., которые, после обмена их взаимных полномочий, постановили следующие статьи:

Статья I

Е. в-во король прусский принимает на себя посредничество между воюющими державами, но посредничество вооруженное, которого последствием должно быть или немедленное восстановление мира на континенте на основаниях, изложенных в следующей статье, или же действительное участие Пруссии в войне, которую союзники ведут против Франции.

Статья II

Е. в-во король прусский, имея в виду только общее благо и желая представить этому доказательства Европе в благоразумии и умеренности своих требований, может принимать за основания своих предложений только трактаты.

Таким образом, все то, что Австрия согласилась оставить во владении Франции по Люневильскому миру ** или же по другим последующим конвенциям[327], может оставаться во власти французов.

Король сардинский в вознаграждение потерь получит одно из четырех нижеозначенных учреждений:

1) Итальянскую республику до соединения По с границами Пармскими; владения Пармы и Пьяченцы и владения Генуи; или же

2) Владения Генуи, Пармы и Пьяченцы с территориею, заключающеюся между По и Тосканою; или же

3) Владения Генуи, а также владения Пармы и Пьяченцы с городом и крепостью Тортона, Лукку, Масса-э-Каррару, границу в Болонских и Моденских землях в целом или частью; или же, наконец, если бы оказалось невозможным достигнуть которой-либо из трех первых альтернатив,

4) Парму и Пьяченцу и Лигурийскую республику.

Независимость Неаполя, Голландии, Германской империи и Швейцарии будут обеспечены принятием со стороны Франции следующих пунктов:

1) Немедленное и полное очищение после заключения мира тех из этих стран, которые заняты французскими войсками;

2) Свобода для всех вообще, и в частности для Швейцарии, учредить у себя такую форму правления, какую они почтут удобною, и заключить такой союз, какой они почтут необходимым для своего блага и своей безопасности;

3) Свобода в постройке крепостей для своей защиты.

Е. и. в-во из этих ручательств усмотрит основания к тому, чтобы вывести войска свои из Корфу.

Австрия получит границею со стороны Италии — Минчио и По с Мантуею, включая и Полизину Ровигойскую, в вознаграждение признания нового короля Ломбардии, корона которого будет сначала отделена от французской со всеми условиями независимости, выше сего изложенными.

Е. в-во император всероссийский и е. в-во король прусский, одинаковым образом заинтересованные в спокойствии и безопасности Оттоманской империи, согласились в том, что уполномоченный е. в-ва короля прусского потребует формального со стороны Франции обязательства, способного гарантировать Порту от какого-либо с ее стороны мщения по ненависти к тем поступкам, которые сделаны были Диваном вследствие его союза с е. в-вом императором всероссийским.

Таковы предложения Пруссии; но принимая в соображение, что причина вооружения Европы против Франции заключается не столько в современном положении дел, сколько в неопределенности будущего и в этом устрашающем увеличении захватов, конца которым никто не может рассчитать; принимая в соображение, что постановление VI статьи обеспечит, наконец, Европе те гарантии, которых ей недоставало, и что по достижении этой великой цели государи, вооружившиеся против Франции, могли бы безупречно предаться их отеческим стремлениям и желанию избавить своих подданных от бедствий войны, его прусское

в-во, испытав все средства к достижению всех без изъятия вышеизложенных условий, согласится, с своей стороны, на такие жертвы, на которые венский двор сочтет возможным пойти ради восстановления мира, разумея при этом, что вышеизложенное постановление никоим образом не может считаться относящимся к России.

Статья III

Прежде всего по подписании настоящего трактата е. в-во король прусский отправит в главную квартиру французов поверенное лицо для переговоров, уполномоченное сообщить там от его имени вышеприведенные предложения.

Статья IV

Е. в-во император всероссийский ради счастия видеть восстановление мира в Европе, принося в жертву свое справедливое негодование против Франции, объявит, что он удовлетворяется предложениями, сделанными Пруссиею и принятыми Франциею на вышеизложенных основаниях, и признает при заключении всеобщего мира императора французов и короля Ломбардии.

Статья V

По принятии Франциею сих оснований всеобщее перемирие положит конец враждебным действиям. При этом определено будет положение, которое будут занимать армии до подписания мирного трактата: Лех или, если необходимо, Изер для Франции в Германии, Инн и Дунай для союзников; в Италии Адидже для обеих воюющих сторон. Обстоятельства решат, возможно ли будет получить более выгодные положения и какое расстояние нужно будет принять промежутком между армиями. Прусские войска займут положение, изъясненное в прилагаемом здесь мемуаре *** его светлости герцога Брауншвейгского. Что касается до корпуса русских войск, который мог бы оказаться на юге Италии, то командующие той и другой стороны генералы согласятся насчет демаркационной линии, которая равным образом определит расстояние между двумя армиями. Министры, назначенные Россиею, Австриею, Пруссиею и Франциею, соберутся для заключения трактата. Относительно места для конгресса последует без потери времени соглашение между Франциею и прусским уполномоченным.

Статья VI

Существенною целью работ конгресса будет устройство во всей Европе такой системы, которой она была лишена, не поставляя, как то было прежде, тот или другой частный вопрос под гарантию определенной державы, но все вообще вопросы под гарантию всех. И с целью придать этой гарантии всю ее силу они согласились установить, по заключении мира, самое тесное соглашение по всем вообще вопросам настоящего устройства.

Статья VII

Во время переговоров прусские войска будут подвигаться вперед к тем пунктам, откуда они должны будут действовать в случае разрыва; переговоры же будут ведены таким образом, чтобы они были окончены в продолжение четырех недель, считая со дня отправления уполномоченного, которое последует немедленно.

Статья VIII

Если Франция откажется от поставленных предложений, прусские войска выступят в поход при условиях нижеозначенных. Е. в-во король прусский приготовит к походу 180 тыс. человек своих собственных войск и даже более, если это потребуется. Е. в-во окажет все усилия к тому, чтобы обеспечить в пользу общего дела содействие со стороны государств, которые вследствие нужды в его покровительстве придерживаются его стороны, и по соглашению с союзниками употребит все средства к тому, чтобы пригласить прочие европейские державы соединиться против общего врага.

Статья IX

Е. в-во король прусский, как бы ни были сильны мотивы, заставляющие его принять эту крайнюю меру, счел долгом обставить свое содействие следующими условиями, решительным образом проистекающими из географического положения его владений, из необходимости позаботиться о том, чтобы истощение их средств не поставило эти самые владения вне защиты; принимая в соображение то разорение, которое рано или поздно ожидает их в случае, если во время предстоящих войн разобщенность некоторых из прусских провинций будет постоянно угрожать разрушить их спокойствие.

Условия эти суть:

1) Что Англия выплатит субсидии за весь состав прусских войск, поставленных в действие против Франции в пропорции, принятой в отношении к России и Австрии, а также за условленное количество войск саксонских и гессенских, которые присоединятся к их знаменам. Если переговоры окончатся миром, статья эта, точно так же как и последующая статья, касающаяся округления прусских владений, отменяется. Если за переговорами последует война, то субсидии будут выплачиваться со дня выступления прусских войск в поход против Франции, которым днем будет считаться тот, когда получено будет в Берлине известие о нарушении территории е. в-ва. Что касается до издержек мобилизации войск, то Пруссия получит сумму, равняющуюся четырехмесячной субсидии.

2) Что имея в виду неурожай последних лет и решительную невозможность продовольствовать войска иначе, как из источников чрезвычайных, е. в-во император всероссийский соизволит допустить, чтобы покупка необходимого продовольствия произведена была частью в его владениях и чтобы Англия содействовала, насколько возможно, их перевозке в магазины е. в-ва короля прусского, расположенные в устьях рек.

3) Что при заключении мира Пруссии устроена будет граница более безопасная, чем та, которую она имеет в настоящее время, или посредством новых присоединений, или же посредством обмена. При заключении этих статей будут приняты во внимание те жертвы и те усилия, которые оказаны будут со стороны Пруссии ради общего дела.

Статья X

Предварительно составлен будет план военных действий. Решение этого вопроса будет зависеть от того боевого положения, в котором будут находиться тогда армии, в настоящее время действующие, и державы договорятся между собою относительно центрального пункта, из которого будут руководить крупными операциями до тех пор, пока неприятель, оттесненный на левый берег Рейна, не сделает возможным согласиться и условиться насчет мер, соответствующих тогдашнему положению дел. Сверх того, армии различных держав будут сообщаться между собою взаимною посылкою сведущих офицеров.

Статья XI

Все предметы, которые потребовалось бы в дальнейшем разъяснить и определить, будут определены между высокими договаривающимися сторонами в самом тесном единении и доверии; и они обязуются взаимно сообщать, считая со дня подписания настоящего соглашения, все проекты и предложения, которые бы им сделаны были со стороны Франции.

Статья XII

Этот трактат будет ратификован[328] в самый день его подписания и приведен в исполнение непосредственно затем по отношению к тем из статей, которые не суть эвентуальные статьи.

В уверение чего уполномоченные той и другой стороны подписали сие и приложили здесь печати своих гербов.

Заключено в Потсдаме 22 октября (3 ноября) 1805 г.[329]

(М. П.) Барон Карл Август Гарденберг
(М. П.) Граф Христиан Генрих Курций Гаугвиц
(М. П.) Князь Адам Чарторыйский
(М. П.) Максим Алопеус
(М. П.) Князь Петр Долгорукий

195. Отдельные секретные статьи к русско-прусской конвенции о совместных действиях против Франции 22 октября (3 ноября) 1805 г.*

Потсдам, 22 октября (3 ноября) 1805 г.

Article I.

La Prusse ne pouvant que difficilement obtenir une frontière sûre du côté de la France, sans un arrangement qui la mettrait en possession d'Hannovre Sa Majesté Impériale de Toutes les Russies qui ne saurait par une suite de Son intimité et de Son union avec Sa Majesté Britannique prendre d'engagements à ce sujet cependant a promis, par égard pour l'urgence des circonstan-

* См. док. 194.

ces actuelles et par un désir de complaire autant que possible à Sa Majesté Prussienne et de la disposer à une coopération suivie, d'employer Ses bons offices pour effectuer cet arrangement soit par un troc, soit de toute autre manière qui puisse dédommager la Maison Electorale de Bronswic et concilier le mieux tous les intérêts. Si celle-ci accède à cet arrangement et si l'Angleterre consent au payement des subsides pour la totalité des troupes que Sa Majesté le Roi de Prusse mettra en campagne pour toute la durée de la guerre, Sa Majesté s'engage à ne faire ni paix ni trêve et à ne poser les armes que d'un commun accord avec Son auguste Allié et Sa Majesté Britannique. Si les conditions ci-dessus énoncées ne pouvaient être obtenues d'une manière qui ne laissât aucun doute à Sa Majesté Prussienne, Elle poursuivrait Ses propres opérations avec l'énergie et l'activité que Son honneur et Sa puissance Lui prescrivent, mais Elle n'aurait plus d'autre devoir résultant de la présente Convention, que celui de prévenir Son Allié six mois d'avance que Sa sûreté et le manque de ressources pécuniaires La décideraient à S'arranger avec l'ennemi.

Article II.

Sa Majesté Impériale de Toutes les Russies déterminée à faire tous les sacrifices possibles au rétablissement de la paix générale ne balancera pas à retirer Ses troupes de la République Ionienne en même temps que les autres conditions de la paix seront exécutées, si la France faisait de cet objet une condition *sine qua non*, mais il est impossible à l'Empereur de ne point songer au sort qui attend cette République lorsque les troupes Russes l'auront quittée et Il Se verra constamment forcé d'envisager comme une condition indispensable de la retraite de Ses troupes, que l'indépendance de la République Ionienne soit efficacement assurée et garantie.

Sa Majesté Impériale a même des motifs de croire que le Chef du Gouvernement Français, qui dans deux lettres a engagé et pressé la Russie de prendre des mesures pour mettre fin aux désordres qui troublaient les Sept-Iles ne sera pas éloigné de souscrire à ce que Sa Majesté Impériale d'accord à cet égard avec la Porte Ottomane y conserve une garnison qui ne surpasse pas quinze cents hommes, pour y maintenir l'ordre et la tranquillité jusqu'à ce que ce pays ait acquis quelque consistance. Sa Majesté Prussienne ayant égard aux considérations majeures énoncées ci-dessus S'engage à recommander à Son plénipotentiaire de travailler avec le plus de force possible à ménager la conservation d'une garnison russe aux Sept-Iles.

Les présents articles séparés et secrets auront la même force et valeur que s'ils étaient insérés mot à mot dans le traité signé aujourd'hui. Ils seront ratifiés et les ratifications en seront échangées en même temps ***.

En foi de quoi les Plénipotentiaires respectifs les ont signés et y ont apposé le sceau de leurs armes. Fait à Potsdam le trois Novembre (vingt-deux Octobre) mil huit cent cinq.

L. S. Charles Auguste Baron de Hardenberg
L. S. Chrétien Henri Curce comte de Haugwitz

L. S. Adam P[rin]ce Czartoryski
L. S. Maxime d'Alopeus
L. S. Pierre Prince Dolgorouky

Печат. по подлиннику.
Опубл Ф. Мартенс, т. II, стр. 494—497**.

** У Ф. Мартенса статьи опубликованы по тексту, включенному в акт ратификации дополнительной декларации о присоединении Австрии к отдельным и секретным статьям конвенции; тексты идентичны, за исключением обратного порядка расположения подписей.

*Перевод****

Статья I

Так как Пруссии не иначе, как с великим трудом возможно приобрести прочную границу со стороны Франции без такого распоряжения, которое поставило бы ее во владение Ганновером, то е. в-во император всероссийский, который вследствие тесного союза своего с е. в-вом королем великобританским не мог бы принять на себя обязательство по этому предмету, обещал, однако ж, во внимание к требованиям современных обстоятельств и вследствие желания сделать насколько возможно угодное е. в-ву королю прусскому и склонить е. в-во к неустанному содействию, употребить свои добрые услуги **** к приведению в исполнение этой сделки или посредством обмена, или же другим каким-либо способом, который мог бы вознаградить дом курфюрста Брауншвейгского и согласить наилучшим образом все вообще интересы. Если сей последний дом приступит к этому соглашению и если Англия соглашается на уплату субсидии за весь состав войск, которые е. в-вом королем прусским поставлены будут в действие на все продолжение войны, е. в-во обязуется не заключать ни мира, ни перемирия и не складывать оружия иначе, как ***** по общему соглашению со своим августейшим союзником и е. в-вом королем великобританским. Если бы вышеизложенные условия не могли быть достигнуты способом, который не оставлял бы никакого сомнения е. в-ву королю прусскому, то он будет выполнять свои собственные операции с энергиею и деятельностию, которые ему предписывают его честь и его могущество; но из настоящей конвенции для него не вытекало бы тогда никаких обязательств, кроме обязанности предупредить своего союзника за 6 месяцев вперед о том, что его безопасность и недостаток в денежных средствах побудили его к соглашению с неприятелем.

Статья II

Е. в-во император всероссийский, решаясь принести все возможные жертвы для восстановления общего мира, не замедлит вывести свои войска из Республики Ионических островов, в то же время как прочие условия мира будут приводимы в исполнение, если бы Бонапарт сделал из сего вопроса условие *sine qua non;* но так как е. в-ву невозможно упустить из виду судьбу, ожидающую эту республику, как только русские войска ее оставят, то он будет считать себя решительно вынужденным полагать необходимым условием выступления своих войск то, что независимость Ионической республики будет действительным образом обеспечена и гарантирована.

Е. и. в-во имеет даже основания предполагать, что глава французского правительства, который в двух письмах приглашал и побуждал Россию принять меры к тому, чтобы положить конец беспорядкам, которые тревожат Семь Островов, не воспротивится тому, чтобы е. и. в-во по соглашению в этом отношении с Оттоманскою Портою сохранил там гарнизон, не превышающий полутора тысяч человек, для поддержания там порядка и спокойствия до тех пор, пока эта страна будет иметь возможность приобрести какое-либо прочное положение. Е. в-во король прусский, принимая во внимание вышеизложенные высшие соображения, обязуется поручить своему уполномоченному оказать все возможные усилия к тому, чтобы достигнуть сохранения русского гарнизона на Ионических островах.

Настоящие отдельные и секретные статьи будут иметь ту же силу и значение, как если бы они были включены от слова до слова в трактат, сегодня подписанный; они будут ратифицированы, и ратификации оных будут обменены в то же время[328].

В уверение чего уполномоченные той и другой державы подписали их и приложили к ним печати своих гербов. Заключено в Потсдаме 22 октября (3 ноября) 1805 г.

(М. П.) Барон Карл Август Гарденберг	(М. П.) Князь Адам Чарторыйский
(М. П.) Граф Христиан Генрих Курций Гаугвиц	(М. П.) Максим Алопеус
	(М. П.) Князь Петр Долгорукий

*** Дается по Ф. Мартенсу, сверен с подлинником.

**** «свои добрые услуги» — перевод редакции; у Мартенса: «все старания».

***** «не складывать... как» — перевод редакции; у Мартенса: «действовать оружием только».

196. Записка о военных приготовлениях Пруссии в соответствии с русско-прусской конвенцией о совместных действиях против Франции 22 октября (3 ноября) 1805 г.[330]

Ноябрь 1805 г.

D'abord après la rupture de la neutralité par les armées Françaises Sa Majesté le Roi, Se détermina * de faire replier le peu de troupes du pays d'Anspach sur Bareuth et de les renforcer par huit Bataillons et dix Escadrons de Cavalerie qu'on pouvait rassembler à la hâte, ce qui aurait porté la masse des troupes de Sa Majesté dans le Margraviat de Bareuth, à quinze bataillons et quinze escadrons; il fut résolu en même temps de négocier avec l'Electeur de Saxe pour appuyer la gauche de ce corps de troupes Prussiennes. En même temps Sa Majesté ordonna au Prince de Hohenlohe de marcher des bords de la Wartha avec vingt Bataillons et quarante Escadrons pour se porter dans le pays de Bareuth, renforcer les premières troupes qui s'y trouveraient rassemblées. Les succès inopinés des Armées Françaises sur le Danube et des difficultés pour les subsistances, firent cependant considérer l'envoi de ce premier Corps de troupes, comme insuffisant contre une invasion de la part des Français, et Sa Majesté le Roi préféra de rassembler toutes les troupes destinées pour la Franconie dans une position moins exposée et moins propre à donner avant le temps des jalousies aux Français et on leur assigna des cantonnements entre la Werra et la Saale.

Dans cette même époque le Roi fit occuper le Pays d'Hannovre, et résolut d'attendre dans cette position l'arrivée des troupes aux ordres immédiats du Prince d'Hohenlohe, et de former trois réserves disponibles sur les points où l'urgence l'éxigerait, on négocia en même temps avec les Electeurs de Hesse et de Saxe, pour joindre leurs troupes à celles de la Prusse.

Actuellement Sa Majesté vient de se déterminer de faire avancer incessamment, dès que les troupes qui sont toutes en mouvement, seront arrivées sur les points qui leur sont destinés:

1. Le Prince de Hohenlohe avec la plus grande partie de son corps de troupes dans le Margraviat de Bareuth, dont la gauche sera appuyée par dix à douze mille Saxons; il y a en outre une réserve destinée pour ce corps de troupes de quatorze Bataillons et de trente Escadrons;

2. de faire avancer les troupes du pays d'Hannovre, dans le pays de Fulda, de Meiningen et de Coburg, à l'appui de Corps de troupes en Franconie;

3. de faire observer la partie intérieure du Mayn, du Rhin et les débouchés de Mayence, par les troupes de l'Electeur de Hesse et un corps de troupes Prussiennes;

4. il resterait en Westphalie et dans le pays d'Hannovre, des Corps de troupes Prussiennes, disponibles à faire agir de concert avec les troupes de sa Majesté Impériale de toutes les Russies;

5. la forteresse de Hameln pourrait être bloquée par les troupes Hannovriennes, soit par celles qui viennent d'Angleterre, soit par celles qu'on reformera incessamment dans le pays.

Tous ces arrangements demanderont au moins quatre ou cinq semaines de temps, à cause des éloignements d'où les troupes partent.

Печат. по подлиннику.
Опубл. Ф. Мартенс, т. II, стр. 491—493.

---

* У Ф. Мартенса — «se déterminera».

Перевод **

После того как французские армии нарушили нейтралитет, е. в-во король сначала решил отвести из Ансбаха имевшееся там небольшое количество войск к Байрейту и усилить их 8 батальонами и 10 эскадронами кавалерии, которые можно было наскоро собрать, что довело бы численность войск е. в-ва в Байрёйтском маркграфстве до 15 батальонов и 15 эскадронов. В то же время было решено войти в переговоры с курфюрстом Саксонским о поддержке левого крыла этого корпуса прусских войск. Одновременно е. в-во предписал князю Гогенлоэ выступить с берегов Варты с 20 батальонами и 40 эскадронами, чтобы отправиться в округ Байрёйта для подкрепления первых войск, которые там собрались бы ***. Неожиданные успехи французских войск на Дунае и затруднительность в продовольствии повели, однако ж, к тому соображению, что посылка этого первого корпуса войск оказалась бы **** недостаточною против нападения со стороны французов, и е. в-во король предпочел собрать все войска, назначенные для Франконии, в позиции, менее уязвимой ***** и менее способной к тому, чтобы прежде времени возбудить беспокойство в французах, а потому им назначено квартирование между Веррой и Заале.

В это же самое время король приказал занять Ганноверскую землю и решился ожидать в этой позиции прихода войск, состоящих под непосредственным командованием князя Гогенлоэ, и составить три резерва, находящихся в распоряжении в таких пунктах, где нужда этого потребует. В то же время были ******ведены переговоры с Гессенским и Саксонским курфюрстами относительно присоединения их войск к прусским войскам.

В настоящее же время е. в-во решился приказать немедленно выступить, как только войска, находящиеся в движении, придут на пункты, им назначенные:

1) князю Гогенлоэ с большею частью корпуса его войск в маркграфство Байрёйтское, так как левое его крыло подкрепляемо будет 10 или 12 тыс. саксонцев. Кроме того, для этого же корпуса имеется резерв из 14 батальонов и 30 эскадронов;

2) выступить войскам из Ганновера к Фульде, Мейнингену и Кобургу в подкрепление корпуса войск во Франконии;

3) распорядиться охранением нижней части Майна, Рейна и проходов Майнца войсками Гессенского курфюрста и корпусом прусских войск;

4) в Вестфалии и в Ганноверских областях останутся отряды прусских войск для совокупного действия с войсками е. в-ва императора всероссийского;

5) крепость Хамельн могла бы быть блокируема ганноверскими войсками или теми войсками, которые прибудут из Англии, или же теми, которые немедленно сформированы будут в этой области.

Все эти распоряжения потребуют для себя по крайней мере от 4 до 5 недель по причине отдаленности мест, из которых войска выступают.

197. Декларация о присоединении Австрии к русско-прусской конвенции о совместных действиях против Франции 22 октября (3 ноября) 1805 г. *******

Потсдам, 22 октября (3 ноября) 1805 г.

Sa Majesté Impériale et Royale Apostolique, Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et Sa Majesté le Roi de Prusse ayant résolu de se concerter sur la marche à suivre d'un commun accord dans leur relation actuelle avec

** Дается по Ф. Мартенсу, сверен с подлинником.

*** «После того... собрались бы»—перевод редакции. У Ф. Мартенса: «Прежде всего по нарушении нейтралитета французскими войсками, е. в-во король прикажет придвинуть небольшую часть войск из Ансбаха к Байрёйту и усилить их 8 батальонами и 10 эскадронами кавалерии, которые можно будет собрать в скорое время, что выведет численность войск е. в-ва в Байрёйтском маркграфстве до 15 батальонов и 15 эскадронов. Решено также в то же время войти в переговоры с курфюрстом Саксонским для подкрепления левого крыла этого корпуса прусских войск. В то же время е. в-во предпишет князю Гогенлоэ выступить с берегов Варты с 20 батальонами и 40 эскадронами, чтобы отправиться в округ Байрёйта для подкрепления первых войск, которые там собрались бы».

**** У Ф. Мартенса: «оказывается».

***** У Ф. Мартенса: «враждебной».

****** У Ф. Мартенса: «будут».

******* См. док. 194.

la France, ont nommé, pour discuter les objets de ce concert, savoir, Sa Majesté Impériale et Royale Apostolique, le Sieur Clément-Wenzeslas-Lothaire, Comte du St. Empire Romain de Metternich-Winnebourg, Chevalier de Malte, Son Chambellan actuel, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près Sa Majesté le Roi de Prusse; Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, les Sieurs Adam Prince de Czartoryski, Son Conseiller privé, Membre du Conseil, Sénateur, Ministre adjoint des affaires étrangères, Membre de la Direction générale des écoles, Curateur de l'Université Impériale de Wilna et son district, Lieutenant du Grand-Prieur de l'Ordre Souverain de St. Jean de Jérusalem du Prieuré catholique Russe, et Chevalier de l'Ordre de Ste Anne et de celui de St. Jean de Jérusalem; Maxime d'Alopéus, Son Conseiller privé, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près Sa Majesté le Roi de Prusse et près du Cercle de Basse-Saxe, Chevalier des Ordres de St. Alexandre Newsky, de Ste Anne de la première classe et de St. Wladimir de la seconde; et Pierre, Prince de Dolgorouki, Général-Major des Armées de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, son aide de camp général, Inspecteur de la division de Lithuanie, et Chevalier des Ordres de Ste Anne de la première et de St. Wladimir de la quatrième classe, et commandeur de celui de St. Jean de Jérusalem; et Sa Majesté le Roi de Prusse, les Sieurs Charles-Auguste, Baron de Hardenberg, et Chrétien-Henri-Curce, Comte de Haugwitz, Ses Ministres d'Etat et du Cabinet, Chevaliers de Ses grands Ordres, lesquels, après l'échange de leurs pleins pouvoirs respectifs, ont arrêté un Traité qui a été signé par les Plénipotentiaires de la Cour Impériale de Russie et ceux de la Cour de Berlin, et dont les articles sont mot à mot de la teneur suivante *...

Et, afin que ce Traité, au contenu duquel Sa Majesté Impériale et Royale Apostolique adhère dans toute sa force et teneur, Lui soit commun et réciproquement obligatoire pour les trois Cours l'une envers l'autre, il a été convenu que le Soussigné, en vertu des pleins pouvoirs dont il est muni, signerait en double la présente déclaration, qui est reconnue avoir la même force et valeur que le traité le plus solennel, et l'échangerait contre des déclarations de la même teneur signées par les Plénipotentiaires de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies et par les Plénipotentiaires de Sa Majesté Prussienne, lesquelles déclarations réciproques seront ratifiées par les Souverains respectifs et les ratifications échangées dans l'espace de quatre semaines ou plus tôt, si faire se pourra [331].

En foi de quoi, le Soussigné Plénipotentiaire de Sa Majesté Impériale et Royale Apostolique a signé le présent acte, y a apposé le sceau de ses armes, et l'a délivré aux Plénipotentiaires de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies, contre un acte pareil et d'une teneur parfaitement conforme à celui-ci, qui lui a été remis de leur part.

Fait à Potsdam, le 3 Novembre 1805.

(L. S.) Clément Wenzeslas-Lothaire Comte du St. Empire de Metternich Winnebourg.

Печат. по подлиннику.
Опубл. Ф. Мартенс, т. II, стр. 480—481.

*Перевод***

Его императорское и королевское апостолическое в-во, е. в-во император всероссийский и е. в-во король прусский, решась прийти к соглашению относительно плана для общих действий в их настоящих отношениях с Францией, назначили для обсуждения вопросов этого соглашения, именно: его императорское и королевское апостолическое в-во — г-на Кле-

* Здесь следует текст русско-прусской союзной конвенции о совместных действиях против Франции 22 октября (3 ноября) 1805 г. (см. док. 194) и акта ее ратификации Россией.

** Дается по Ф. Мартенсу, сверен с подлинником.

мента Венцеля Лотаря, графа св. Римской империи фон Меттерних-Виннебурга, Мальтийского кавалера, своего действительного камергера, чрезвычайного посланника и полномочного министра при е. в-ве короле прусском; е. в-во император всероссийский — господ князя Адама Чарторыйского, своего тайного советника, члена Совета, сенатора, товарища министра иностранных дел, члена главного управления училищ, попечителя Императорского Виленского университета и его округа, державного ордена св. Иоанна Иерусалимского великого приора католического в России приорства поручика, орденов св. Анны и св. Иоанна Иерусалимского кавалера, Максима Алопеуса, своего тайного советника, чрезвычайного посланника и полномочного министра при е. в-ве короле прусском и при Нижне-Саксонском округе, кавалера орденов св. Александра Невского и св. Анны первой степени и св. Владимира второй степени, и князя Петра Долгорукого, генерал-майора армии е. в-ва императора всероссийского, своего генерал-адъютанта, инспектора Литовской дивизии, кавалера орденов св. Анны первой степени и св. Владимира четвертой степени, командора ордена св. Иоанна Иерусалимского; и е. в-во король прусский — господ барона Карла Августа Гарденберга и графа Христиана Генриха Курция фон Гаугвица, своих государственных и кабинетных министров, кавалеров его больших орденов, которые после обмена их взаимных полномочий заключили трактат, который был подписан полномочными императорского российского двора и полномочными берлинского двора и которого статьи дословно следующего содержания...**

И, дабы сей трактат, к содержанию которого его императорское и королевское апостолическое в-во приступает во всей его силе и значении, был ему общим и обоюдно обязательным для трех дворов друг к другу, признано было, что нижеподписавшийся в силу полномочий, ему данных, подписал бы в двух экземплярах настоящую декларацию, которая признана долженствующею иметь ту же силу и значение, как самый торжественный трактат, и обменил бы их на декларации такого же содержания, подписанные уполномоченными е. в-ва императора всероссийского и уполномоченными е. в-ва короля прусского, каковые обоюдные декларации будут ратификованы взаимно государями и ратификации будут обменены в продолжение четырех недель или ранее, если представится возможность[331].

В уверение чего нижеподписавшийся уполномоченный его императорского и королевского апостолического в-ва подписал настоящий акт, приложил к нему печать своего герба и передал его уполномоченным е. в-ва императора всероссийского в обмен на такой же акт, по содержанию совершенно согласный с этим, который был ему сообщен с их стороны.

Заключено в Потсдаме, 3 ноября 1805 г.

(М. П.) Клемент Венцель Лотарь,
граф св. империи фон Меттерних-Виннебург

198. Дополнительная декларация о присоединении Австрии к русско-прусской конвенции о совместных действиях против Франции 22 октября (3 ноября) 1805 г.*

Потсдам, 22 октября (3 ноября) 1805 г.

Sa Majesté Impériale et Royale Apostolique, Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et Sa Majesté le Roi de Prusse ayant résolu de se concerter sur la marche à suivre d'un commun accord dans leur relation actuelle avec la France, ont nommé, pour discuter les objets de ce concert, savoir, Sa Majesté Impériale et Royale Apostolique, le Sieur Clément Wenzeslas-Lothaire, Comte du St. Empire Romain de Metternich Winnebourg, Chevalier de Malte, Son Chambellan actuel, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près Sa Majesté le Roi de Prusse; Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, les Sieurs Adam Prince de Czartoryski, Son Conseiller privé, Membre du Conseil, Sénateur, Ministre adjoint des affaires étrangères, Membre de la Direction générale des écoles, Curateur de l'Université Impériale de Wilna et son district, Lieutenant du Grand-Prieur de l'Ordre souverain de St. Jean de Jérusalem du Prieuré catholique Russe, et chevalier de l'Ordre de Ste Anne et de celui de St. Jean de Jérusalem; Maxime d'Alopéus, Son Conseiller privé, Envoyé extraordinaire et Ministre plénipotentiaire près Sa Majesté le Roi de Prusse et près du Cercle de Basse-Saxe, Chevalier des Ordres de St. Alexandre Newsky, de Ste Anne de la première classe et de St. Wladimir de la se-

* См. док. 195.

conde; et Pierre, Prince de Dolgorouky, Général-Major des Armées de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, Son Aide de camp général, Inspecteur de la division de Lithuanie, et Chevalier des Ordres de Ste Anne de la première et de St. Wladimir de la quatrième classe, et Commandeur de celui de St. Jean de Jérusalem; et Sa Majesté le Roi de Prusse, les Sieurs Charles Auguste, Baron de Hardenberg et Chrétien Henri Curce, comte de Haugwitz, Ses Ministres d'Etat et du Cabinet, Chevaliers de Ses grands Ordres, lesquels, après l'échange de leurs pleins pouvoirs respectifs, ont arrêté deux articles séparés et secrets, qui ont été signés par les Plénipotentiaires de la Cour Impériale de Russie et ceux de la Cour de Berlin, et qui sont mot à mot de la teneur suivante...**

Et, afin que ces articles séparés et secrets, au contenu desquels Sa Majesté Impériale et Royale Apostolique adhère dans toute leur force et teneur, lui soient communs et réciproquement obligatoires pour les trois Cours l'une envers l'autre, il a été convenu que le Soussigné, en vertu des pleins pouvoirs dont il est muni, signerait en double la présente Déclaration additionnelle, qui est reconnue avoir la même force et valeur que le Traité le plus solennel, et l'échangerait contre des Déclarations de la même teneur, signées par les Plénipotentiaires de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies et par les Plénipotentiaires de Sa Majesté Prussienne, lesquelles Déclarations réciproques seront ratifiées par les Souverains respectifs et les ratifications échangées dans l'espace de quatre semaines ou plus tôt, si faire se pourra[231].

En foi de quoi, le Soussigné Plénipotentiaire de Sa Majesté Impériale et Royale Apostolique a signé le présent Acte, y a apposé le sceau de ses armes, et l'a délivré aux Plénipotentiaires de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies, contre un Acte pareil et d'une teneur parfaitement conforme à celui-ci, qui lui a été remis de leur part.

Fait à Potsdam le 3 Novembre 1805.

(L. S.) Clément Wenzeslas-Lothaire Comte du St. Empire de Metternich-Winnebourg.

Печат. по подлиннику.
Опубл. Ф. Мартенс, т. II, стр. 493—494, 497—498.

Перевод ***

Его императорское и королевское апостолическое в-во, е. в-во император всероссийский и е. в-во король прусский, решась прийти к соглашению относительно плана для совокупного действия в их настоящих сношениях с Франциею, назначили для обсуждения предметов соглашения следующих лиц: его императорское и королевское апостолическое в-во — г-на Клемента Венцеля Лотаря, графа св. Римской империи фон Меттерних-Виннебурга, Мальтийского кавалера, своего действительного камергера, чрезвычайного посланника и полномочного министра при е. в-ве короле прусском; е. в-во император всероссийский — господ князя Адама Чарторыйского, своего тайного советника, члена Совета, сенатора, товарища министра иностранных дел, члена главного управления училищ, попечителя Императорского Виленского университета и его округа, державного ордена св. Иоанна Иерусалимского великого приора католического в России приорства поручика, орденов св. Анны и св. Иоанна Иерусалимского кавалера, Максима Алопеуса, своего тайного советника, чрезвычайного посланника и полномочного министра при е. в-ве короле прусском и при Нижне-Саксонском округе, кавалера орденов св. Александра Невского, св. Анны первого класса и св. Владимира второго класса, и князя Петра Долгорукого, генерал-майора армии е. в-ва императора всероссийского, своего генерал-адъютанта, инспектора Литовской дивизии и кавалера ордена св. Анны первого класса, св. Владимира четвертого класса и командора ордена св. Иоанна Иерусалимского; и е. в-во король прусский — господ Карла Августа

** Здесь следует текст отдельных секретных статей (см. док. 195) и акта их ратификации Россией 22 октября (3 ноября) 1805 г.

*** Дается по Ф. Мартенсу, сверен с подлинником.

барона Гарденберга и Христиана Генриха Курция графа Гаугвица, своих государственных и кабинетных министров, кавалеров его высших орденов, которые после обмена их обоюдных полномочий, постановили две отдельные и секретные статьи, которые были подписаны уполномоченными российского императорского двора и уполномоченными берлинского двора и которые от слова до слова суть следующего содержания... **

Дабы сии отдельные и секретные статьи, к содержанию которых его императорское и королевское апостолическое в-во приступает во всей их силе и значении, были ему общими и обоюдно обязательными для трех дворов друг к другу, условлено было, что нижеподписавшийся в силу полномочий, которыми он снабжен, подпишет в двух экземплярах настоящую дополнительную декларацию, за которою признается такая же сила и значение, как за самым торжественным трактатом, и обменит ее на декларации такого же содержания, подписанные уполномоченными е. в-ва императора всероссийского и уполномоченными е. в-ва короля прусского, каковые обоюдные декларации будут ратификованы государями и той и другой стороны, и ратификации обменены в продолжение 4 недель или ранее, если представится возможность[331].

В уверение чего нижеподписавшийся уполномоченный его императорского и королевского апостолического в-ва подписал сей акт, приложил к нему печать своего герба и вручил его уполномоченным е. в-ва императора всероссийского в обмен на таковой же акт, по содержанию совершенно согласный с этим, который ему был передан с их стороны.

Заключено в Потсдаме, 3 ноября 1805 г.

(М. П.) Клемент Венцель Лотарь,
граф св. империи фон Меттерних-Винnебург

199. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Лондоне С. Р. Воронцову

Потсдам, 24 октября (5 ноября) 1805 г.

Monsieur le comte, au moment où s.m.i. arrivait à Berlin[332] l'on y recevait les premières nouvelles des désastres que l'armée autrichienne en Allemagne a éprouvés[326], qui, malheureusement, ne se sont que trop confirmés depuis et qui sont tels qu'en ce moment la seule barrière qui puisse s'opposer à l'entrée des Français à Vienne est l'armée du général Koutousoff, auquel se sont joints 24 bataillons et 60 escadrons autrichiens. Cette armée qui ne peut aller à 70 mille hommes pourra difficilement tenir longtemps contre celle de Bonaparte victorieuse et forte de 140 mille hommes. Il sera donc indispensablement nécessaire que le général Koutousoff se replie autant que possible pour tâcher d'éviter une affaire décisive avant que notre seconde armée puisse le joindre, mais, comme il faut encore environ 4 semaines pour que cette jonction soit opérée, il ne reste presqu'aucun doute que Bonaparte marchera avec de si grands moyens sur Vienne que l'armée du général Koutousoff ne pourra l'arrêter.

Le moyen d'empêcher ce résultat était d'obtenir une diversion puissante de la Prusse, ou, au moins, qu'elle fît des démonstrations propres à faire sentir à Bonaparte qu'il ne saurait dégarnir ses flancs et ses derrières et, encore moins, s'avancer trop avant sans se couvrir contre une attaque inopinée qui le laisserait entièrement sans retraite.

Telles étaient les considérations qui devaient présider à la négociation que nous avions à entreprendre en arrivant à Berlin, et, malheureusement, nous n'avions d'alternative que de voir l'Autriche perdue par une suite de l'inertie de ses généraux et de leur pusillanimité ou de réussir à assurer une diversion du côté de la Prusse, quelque peu durable que dût être au reste sa coopération, car nous nous flattons que le premier échec sera réparé pour la campagne prochaine, si dans celle-ci encore toutes les armées russes peuvent se réunir en Allemagne et donner par là la facilité aux Autrichiens de réorganiser une nouvelle armée pour coopérer avec les nôtres.

Les difficultés que nous avions éprouvées de tout temps, lorsque nous avons proposé à la Prusse un concert énergique, se sont bien accrues depuis la certitude

de la défaite complète des Autrichiens et la répugnance naturelle du roi à se désister de son système de neutralité, malgré la violence des Français, était devenue encore plus grande depuis qu'il ne prévoyait point que la guerre pût amener bientôt des résultats décisifs.

Enfin, sans m'étendre beaucoup sur toutes les difficultés que présentait la négociation, je dois me borner à dire à v. ex. qu'elles ont surpassé sous tous les rapports mon attente et que, sans la persévérance que l'empereur a mise à seconder le travail de ses plénipotentiaires, ils ne seraient jamais parvenus à obtenir même les stipulations * que je Vous transmets aujourd'hui, quoiqu'ils eussent ordre de procurer à tout prix une coopération aussi prompte que possible de la part de la Prusse, dût-elle même ne point s'obliger à la continuer pendant toute la durée de la guerre.

Pour que Vous puissiez juger, M[r] le comte, de la manière dont nous avons rempli cette tâche, je repasserai les différents articles du traité * ci-joint que nous avons signé et je les accompagnerai des détails qui sont nécessaires pour juger des motifs que nous avons eu de les admettre.

Le roi, attaché à son système, a voulu absolument lui rendre un dernier hommage et a demandé de n'entrer en scène que comme médiateur armé. Nous avons fait tout pour l'en dissuader et nous n'aurions point souscrit à son vœu si, d'un côté, les propositions qu'il s'est engagé de faire n'avaient pas été telles que Bonaparte n'y souscrira jamais et, de l'autre, si nous n'avions pas acquis la certitude qu'effectivement, pour espérer quelque résultat marquant de la coopération de la Prusse, il fallait attendre que ses armées se fussent portées aux différents points d'où elles doivent agir, ce qui ne peut s'effectuer avant 4 semaines à cause de leur éloignement et de la saison avancée. Voilà les motifs de l'article 1-er dont le second est une conséquence.

Dans celui-ci nous avons fait insérer à peu de choses près les points stipulés entre nous et la cour de Londres pour l'arrangement des affaires d'Italie et pour assurer l'indépendance de tous les Etats de l'Europe, mais il faut observer cette grande différence que les conditions, qui avec quelques autres peu importantes étaient présentées comme le prix de la paix avec s. m. britannique, sont exigées maintenant uniquement pour le retour du repos sur le continent. Il est impossible par là même que Bonaparte y souscrive, et nous croyons que le ministère le sentira trop bien pour envisager un moment comme un manque aux engagements, que nous avons pris envers la cour de Londres, de ne traiter de la paix que de concert avec elle après le commencement des hostilités, l'assentiment que nous avons été forcés de donner aux propositions de la Prusse. D'ailleurs, les échecs inouïs éprouvés par les armées autrichiennes auraient pu faire envisager les alliés comme dégagés de cette obligation, mais il nous a semblé que sous ce rapport nous n'avions aucuns reproches à appréhender de la part de la Grande-Bretagne qui aurait certainement de grandes facilités pour conclure sa paix, si l'on pouvait parvenir à commencer par établir sur le continent l'ordre des choses tracé dans le second article dont le troisième, le quatrième, le cinquème et le sixième sont une conséquence et je n'ai à cet égard d'autre observation à faire, si ce n'est que la position, que prendront les armées pendant la négociation, tranquillise sur les entreprises de Bonaparte et que la garantie mutuelle proposée à l'article devient un lien pour la Prusse contre les usurpations futures de Bonaparte.

L'acrticle sept était commandé par les circonstances et le huitième renferme le premier engagement positif de la Prusse; le neuvième — les conditions qui sont au nombre de trois.

---

* Речь идет о русско-прусской конвенции от 22 октября (3 ноября) 1805 г. (см. док. 194).

Lorsque l'on considère la quotité et la nature de l'assistance que s.m. britannique fournit à ses autres alliés, l'on conçoit les raisons par lesquelles la Prusse, malgré nos représentations, n'a jamais voulu souscrire à une diminution de secours pécuniers; mais nous savons en même temps que cette assistance est si étendue qu'avec toute la bonne volonté possible le ministère britannique ne pourrait peut-être pas fournir les sommes que cet engagement exige; nous savions d'ailleurs qu'il n'a jamais destiné de subsides que pour 100 mille hommes à la Prusse; mais depuis le plan formé à cet égard la situation des affaires est devenue si critique que, pour quelque temps au moins, il paraît indispensable de chercher à satisfaire sur ce point les demandes de la Prusse. Pour en faciliter le règlement il est entendu avec la cour de Berlin qu'elle se prêtera à ne point toucher au commencement toutes les sommes qui lui seraient destinées et qu'elle consentira à n'en recevoir présentement qu'une partie. D'ailleurs, c'est un objet de négociation qui pourra, à ce que nous espérons, d'après notre persuasion de la bonne volonté qui y sera apportée des deux parts, être réglé à leur satisfaction mutuelle.

Le second point sera peut-être onéreux à la cour de Londres, mais nous avons été obligés d'y souscrire parce que nous avons l'expérience des difficultés que rencontre l'entretien des troupes et que c'est un objet de la plus grande importance pour le succès des opérations militaires.

Le troisième point est conçu de manière à ce que nous ne pouvions nous y refuser après l'éloignement marqué du roi à accepter pour prix de sa coopération des acquisitions qui le rapprocheraient d'avantage de la France. Je ne ferai aucunes observations sur les articles 10, 11, et 12, et je me bornerai à ajouter que pour le moment les opérations que la Prusse projette partent du principe de se borner dans cette campagne à faire rétrograder les Français au delà du Rhin et à s'emparer de la Hollande pour, dans la campagne prochaine, les attaquer dans leurs foyers.

Voilà, M^r le comte, quel est l'engagement que Vous avez à communiquer au ministère britannique. S'il n'est pas tel qu'on devrait le désirer, il est du moins aussi avantageux que les circonstances l'ont permis; et certainement il n'y avait pas moyen d'obtenir autrement la coopération de la Prusse. Nous désirons que le cabinet de Londres se représente la position dans laquelle se trouve l'Europe et que, dans sa sagesse, en adhérant à ces stipulations, il mette tous ses soins à ne pas rendre inutile un concert qui peut seul le plus efficacement assurer le salut de la bonne cause.

J'ai l'honneur...

Le pr[in]ce A. Czartorysky

Reçu par M^r d'Oubril le 4(16) nov[em]bre 1805.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин граф, в момент, когда е. и. в-во прибыл в Берлин[332], там были получены первые известия о поражениях австрийской армии в Германии[326], которые, к несчастью, затем лишь подтвердились; в результате этих неудач в настоящий момент единственной преградой, стоящей на пути французов к Вене, является армия генерала Кутузова, к которой присоединились 24 батальона и 60 эскадронов австрийцев. Эта армия, не насчитывающая и 70 тыс. человек, не сможет долго выдерживать натиск победоносной армии Бонапарта численностью в 140 тыс. человек. Поэтому совершенно необходимо, чтобы генерал Кутузов отступил насколько возможно, с тем чтобы постараться избежать решающего сражения до присоединения к нему нашей второй армии; но так как соединение этих армий может быть осуществлено не ранее, чем через четыре недели, не остается почти никаких сомнений в том, что Бонапарт двинет на Вену столь большие силы, что армия генерала Кутузова не сможет его остановить.

Помешать этому можно было бы в том случае, если бы Пруссия согласилась произвести мощную диверсию или по крайней мере демонстрации, способные заставить Бонапарта почувствовать, что ему не следует обнажать свои фланги и тылы, а тем более продвигаться вперед слишком далеко, не обезопасив себя от внезапного нападения, которое отрезало бы ему пути к отступлению.

Этими соображениями мы должны были руководствоваться в ходе переговоров, предстоявших нам в Берлине, но, к сожалению, перед нами стояла альтернатива: допустить гибель Австрии в результате бездеятельности и малодушия ее генералов или постараться обеспечить диверсию со стороны Пруссии, каким бы кратковременным ни было ее сотрудничество, так как мы надеемся, что последствия первой неудачи будут ликвидированы к будущей кампании, если в ходе этой кампании все русские армии смогут соединиться в Германии и тем самым облегчить Австрии возможность организовать новую армию для совместных действий с нашими войсками.

Трудности, с которыми мы постоянно сталкивались с тех пор, как предложили Пруссии решительные совместные действия, сильно возросли в связи с уверенностью в полном поражении австрийцев, а упорное нежелание короля, объясняемое его природными склонностями, отказаться от системы нейтралитета, несмотря на насилия французов, еще более укрепилось, после того как он увидел, что война не сможет быстро привести к решительным результатам.

Я не буду слишком распространяться о трудностях, связанных с этими переговорами, и ограничусь тем, что скажу в. с-ву, что они во всех отношениях превзошли мои ожидания и что без постоянной поддержки со стороны государя императора его полномочным представителям никогда не удалось бы добиться даже тех договорных условий *, которые я Вам пересылаю сегодня, хотя они получили повеление обеспечить любой ценой и в кратчайший срок сотрудничество Пруссии, даже если бы она и не обязалась осуществлять его в течение всей войны.

Чтобы Вы, г-н граф, могли судить о том, каким образом мы выполнили эту задачу, я остановлюсь еще раз на различных статьях подписанного нами договора *, который здесь прилагается, и сообщу при этом подробности, необходимые для того, чтобы понять, какими мотивами мы руководствовались, принимая эти статьи.

Король, приверженный к своей системе, пожелал отдать ей последний долг и потребовал, чтобы его роль сводилась лишь к вооруженному посредничеству. Мы сделали все, чтобы разубедить его в этом, и ни в коем случае не согласились бы с его пожеланием, если бы, с одной стороны, предложения, которые он обязался сделать, не были такими, что Бонапарт никогда не пойдет на них, и если бы, с другой стороны, мы не были уверены в том, что надеяться на сколько-нибудь заметный результат от сотрудничества Пруссии действительно можно будет лишь после того, как ее армии достигнут исходных пунктов своих действий, а для этого понадобится не менее четырех недель ввиду их отдаленности и поздней осени. Таковы мотивы принятия первой статьи, а вторая является следствием первой.

Во вторую статью мы внесли, с небольшими изменениями, включенные в договор между нами и лондонским двором пункты, касающиеся устройства дел в Италии и обеспечения независимости всех государств Европы, но следует отметить существенное различие, состоящее в том, что условия, выставлявшиеся ранее вместе с некоторыми другими маловажными условиями как цена за мир с е. в-вом королем британским, ныне являются платой лишь за восстановление мира на европейском континенте. Поэтому невозможно, чтобы Бонапарт согласился на них, и мы полагаем, что министерство слишком хорошо понимает это и не усмотрит в нашем вынужденном согласии на предложения Пруссии нарушения принятого нами по отношению к лондонскому двору обязательства вести переговоры о мире после начала военных действий только совместно с ним. Впрочем, неслыханные поражения австрийских армий могли бы дать основание считать союзников свободными от этого обязательства, но мы полагали, что в этом отношении нам нечего опасаться каких-либо упреков со стороны Великобритании, которой, несомненно, было бы очень легко заключить мир, если бы удалось начать с установления на европейском континенте порядка вещей, намеченного во второй статье, следствием которой являются статьи третья, четвертая, пятая и шестая; по этому поводу мне остается заметить лишь, что позиции, которые займут армии во время переговоров, дадут возможность не беспокоиться относительно предприятий Бонапарта и что взаимная гарантия, предложенная в этой статье, связывает Пруссию с нами в борьбе против будущих захватов Бонапарта.

Седьмая статья была продиктована обстоятельствами; в восьмой содержится первое положительное обязательство Пруссии, а в девятой — условия, их три.

Если принять во внимание размер и характер помощи его британского в-ва другим его союзникам, становятся понятными причины, по которым Пруссия, несмотря на все наши представления, так и не дала согласия на уменьшение денежной помощи; вместе с тем мы знаем, что размеры этой помощи столь велики, что британское министерство даже при всем желании окажется, возможно, не в состоянии предоставить суммы, предусматриваемые в этом обязательстве. Впрочем, нам было известно, что министерство намеревалось предоставить Пруссии субсидии только на 100 тыс. солдат; но с тех пор, как был намечен этот план, положение дел стало столь критическим, что, по крайней мере на некоторое время, необхо-

димо изыскать возможность удовлетворить требования Пруссии по этому пункту. Чтобы облегчить урегулирование этого вопроса, с берлинским двором достигнута договоренность о том, что он согласится не получать сразу же всю предназначаемую сумму, а удовлетворится в настоящее время лишь частью ее. Впрочем, этот вопрос можно решить путем переговоров и урегулировать его к обоюдному удовлетворению; мы надеемся на это, будучи убеждены в доброй воле обеих сторон.

Второй пункт, возможно, будет обременительным для лондонского двора, но мы вынуждены были его принять, так как на собственном опыте мы убедились в трудностях, связанных с содержанием войск, а также потому, что это имеет особо важное значение для успеха военных операций.

Третий пункт составлен так, потому что мы не могли от него отказаться, после того как король проявил явное нежелание получить в качестве платы за свое содействие приобретения, благодаря которым границы его владений приблизились бы к Франции. Я не буду делать никаких замечаний по статьям 10, 11 и 12 и лишь добавлю, что в данный момент план операций, намечаемых Пруссией, исходит из того принципа, что в этой кампании следует лишь заставить французов отступить за Рейн и захватить Голландию, для того чтобы в будущей кампании атаковать французов на их территории.

Таково, г-н граф, обязательство, о котором Вам надлежит сообщить британскому министерству. Если оно не такое, каким хотелось бы его видеть, то по крайней мере оно настолько выгодно, насколько это позволили обстоятельства; другой возможности добиться сотрудничества Пруссии, безусловно, не было. Мы хотели бы, чтобы лондонский кабинет принял во внимание положение Европы и, присоединившись к указанным договорным постановлениям, приложил все старания к тому, чтобы не сделать бесполезным соглашение, которое одно только может наиболее действенно обеспечить спасение правого дела.

Имею честь. . .

Князь А. Чарторыйский

Получено с г-ном Убри 4(16) ноября 1805 г.

200. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Лондоне С. Р. Воронцову

Потсдам, 24 октября (5 ноября) 1805 г.

Monsieur le comte. Après Vous avoir fait connaître *, Mr le comte, les articles patents du traité ** que nous venons de signer, je passe à la discussion des articles séparés et secrets ci-joints***.

Le second n'est sujet à aucunes observations et il s'explique par lui-même, mais je sens qu'en Vous mettant dans le cas de porter à la connaissance du ministère britannique la stipulation relative au pays d'Hannovre, je Vous impose une tâche d'autant plus pénible qu'attaché depuis tant d'années à la personne du roi, Vous lui causerez une véritable douleur en lui présentant la perspective que les grands intérêts de l'Europe pourraient le séparer de ses anciens et fidèles sujets. C'est ainsi que nous avons envisagé cette question et que nous n'avons cessé de la représenter aux ministres du roi de Prusse, mais le parti du cabinet d'insister sur un engagement qui ne détruisît pas l'espoir de se procurer cette acquisition était irrévocable, et quoique celui que nous avons contracté prouve par ses expressions même que nous n'avions aucunement la volonté de préjuger les déterminations de s.m. britannique ou de supposer qu'elles pussent être favorables au plan de la Prusse, nous avons cependant demandé de pouvoir mettre les plus grands ménagements dans cette communication afin de ne point affecter trop la sensibilité du roi. C'est donc sur ce pied que Vous aurez à agir, Mr le comte, et comme Vous connaissez les sentiments que l'empereur porte au roi, je ne saurais douter que Vous ne vous en acquittiez de la manière la plus convenable.

A l'égard du ministère britannique Votre tâche sera moins difficile. Les ministres, habitués à considérer dans leurs combinaisons les rapports de

* См. док. 199.
** См. док 194.
*** См. док. 195.

toutes les puissances, sentiront que dans la crise où sont les affaires, c'eût été tout gâter et se priver volontairement d'une coopération indispensable dans les circonstances actuelles, que de se refuser à donner à la Prusse l'espoir qu'elle demandait. Le cabinet de St. James a senti depuis longtemps la nécessité de contrebalancer dans les concessions à la Prusse les offres que la France ne cesse de lui faire pour la retenir dans son système. Il a recommandé plus d'une fois à lord G. L. Gower et tout récemment encore de travailler à disposer notre auguste maître de se prêter à ce que la Prusse fît des acquisitions conséquentes pour l'engager par là à tenir envers la France une conduite plus ferme. Nous avons adopté ce principe en tant qu'il est compatible avec l'équilibre qu'il est indispensable de maintenir entre la Russie, l'Autriche et la Prusse, et nous avons fait en conséquence les propositions les plus généreuses au cabinet de Berlin pour des acquisitions qui le mettraient en contact immédiat avec la France, mais il a été sourd à toutes ces propositions et a insisté irrévocablement sur la promesse de concourir par des bons offices à lui procurer Hannovre et mettant à la certitude d'y parvenir la condition de coopérer avec les alliés jusqu'à l'issue de la lutte. Cette demande de la Prusse, qui est certainement une suite des offres que la France lui a faites, tenait tellement à cœur au roi et à ses ministres que nous avons plus d'une fois vu la négociation prête à se rompre par notre éloignement à y souscrire. Si l'on considère maintenant dans quelle crise l'Europe se trouve, on jugera quel était le parti que nous avions à prendre. Renoncer à la coopération de la Prusse, c'était s'exposer à voir l'Autriche entièrement subjuguée par les Français et forcée par leurs armées aux portes de la capitale à signer une paix honteuse et qui aurait détruit sur-le-champ le fruit de tous nos efforts. C'est ce que l'empereur n'a pas cru pouvoir permettre, et je ne balance pas à m'en rapporter sur ce que nous avions à faire dans cet état de choses aux lumières des membres composant le ministère britannique.

C'est ce ministère qui jugera maintenant s'il est possible ou non de donner suite au projet que la cour de Berlin a formé****. Il ne nous appartient pas d'insister pour son admission, ni de préjuger en combien les trocs que la Prusse propose peuvent être agréés par s.m. britannique, satisfaisants pour son auguste maison et favorables aux intérêts de la Grande-Bretagne. Nous sommes également assurés que nous n'avons pas besoin d'appuyer sur l'avantage qui résulterait pour la cause commune de la coopération franche et suivie de la Prusse et que cet objet sera pleinement apprécié par le ministère britannique, mais il est impossible à l'empereur de ne point croire, qu'après avoir montré pour sa part un désintéressement infini en consentant à ce que la Prusse fît une acquisition aussi majeure, le cabinet de St. James voudra contribuer de son côté à ne pas détruire l'effet d'un engagement que s. m. i. a dû prendre pour procurer la coopération de la Prusse qui sauverait l'Europe, si même elle n'était pas durable. Il est donc essentiel de ne pas atténuer l'effet des engagements que nous venons de prendre en les rejetant sans une mûre délibération, car quoique la Prusse n'ait mis ce prix qu'à une coopération soutenue, il ne faut point se le déguiser, la certitude de ne point obtenir l'objet de ses vœux la jetterait certainement de nouveau dans les bras de la France et l'engagerait à transiger avec elle à des conditions, qui, indépendamment du tort qu'elles feraient aux opérations des alliés, seraient peut-être plus dangereuses pour l'Europe et plus désavantageuses à s. m. britannique que la cession même qu'on lui demande. Telles sont, M[r] le comte, les considérations qui doivent nous guider dans les démarches que nous avons à faire sur cet objet. La cour de Vienne

**** Имеются в виду положения 1-ой отдельной и секретной статьи русско-прусской конвенции (см. док. 195).

munira son ambassadeur d'instructions conformes à ce que je Vous écris, et j'ai demandé et obtenu que Mr de Jacobi soit instruit de se laisser guider par Vous dans les pourparlers auxquels cet objet donnera lieu entre lui et le ministère britannique et je ne saurais me dispenser de Vous répéter encore que Vos soins doivent tendre à ce que le roi, lorsqu'il aura connaissance de cet article séparé, ne l'envisage point comme opposé aux sentiments d'amitié inviolable que l'empereur lui porte.

J'ai l'honneur ...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Reçue par Mr d'Oubril le 4(16) nov[em]bre 1805.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин граф. После того как я ознакомил Вас * с несекретными статьями только что подписанного нами договора**, перехожу к рассмотрению отдельных и секретных статей ***, прилагаемых к этому письму.

По второй статье не может быть никаких замечаний — она говорит сама за себя, но я понимаю, что, возлагая на Вас обязанность довести до сведения английского министерства условие договора, относящееся к Ганноверу, я ставлю перед Вами тем более трудную задачу, что, испытывая в течение уже стольких лет чувство симпатии к королю, Вы должны будете причинить ему подлинное огорчение, обрисовав ему возможность такого стечения обстоятельств, когда ради высших интересов Европы ему пришлось бы расстаться с его старыми и верными подданными. Мы рассматривали этот вопрос и всегда излагали его министрам прусского короля именно таким образом, но решение кабинета настаивать на обязательстве, оставляющем надежду на это приобретение, было непоколебимо, и, хотя сами формулировки подписанного нами обязательства подтверждают, что у нас не было ни малейшего желания предопределять решения его британского в-ва или предполагать, что они могут оказаться благоприятными для плана Пруссии, мы, тем не менее, потребовали, чтобы сообщение об этом было сделано с величайшей осторожностью, дабы не слишком затрагивать чувства короля. Вам, г-н граф, надлежит, следовательно, действовать именно в таком духе, и, так как Вам известно отношение императора к королю, я нисколько не сомневаюсь в том, что Вы выполните это поручение надлежащим образом.

В отношении английского министерства Ваша задача будет менее трудной. Министры, привыкшие в своих комбинациях учитывать взаимоотношения всех держав, поймут, что отказать Пруссии в просьбе оставить ей эту надежду — значило бы в создавшемся критическом положении все испортить и сознательно лишить себя ее сотрудничества, столь необходимого в нынешних обстоятельствах. Сент-джемский кабинет уже давно почувствовал необходимость определенных уступок Пруссии с целью уравновесить предложения, которые Франция непрестанно делает ей, с тем чтобы она по-прежнему придерживалась своей системы. Недавно он еще раз рекомендовал лорду Гр. Л. Гоуэру постараться склонить нашего августейшего повелителя к согласию на то, чтобы Пруссия сделала соответствующие приобретения, с целью побудить ее тем самым придерживаться по отношению к Франции более твердой линии поведения. Мы приняли этот принцип постольку, поскольку он совместим с равновесием, которое необходимо поддерживать между Россией, Австрией и Пруссией; вследствие этого мы великодушно предложили берлинскому кабинету приобретения, результатом которых будет непосредственное соприкосновение его с Францией, но он остался глух ко всем этим предложениям и категорически настаивал на том, чтобы ему дали обещание способствовать добрыми услугами получению им Ганновера, заявляя, что он будет сотрудничать с союзниками до конца лишь при условии, если он будет уверен в достижении этой цели. Этому требованию Пруссии, являющемуся, без сомнения, результатом посулов Франции, король и его министры придавали такое значение, что переговоры неоднократно могли прерваться из-за нашего нежелания принять его. Если к тому же учесть кризис, переживаемый Европой, станет ясно, какое решение мы должны были принять. Отказаться от сотрудничества Пруссии — значит подвергнуться опасности того, что вся Австрия будет порабощена французами и окажется вынужденной под давлением их армий, стоящих у ворот столицы, подписать позорный мир, который сразу же уничтожит плоды всех наших усилий. Именно этого император не счел возможным допустить, и я не сомневаюсь в том, что члены английского кабинета согласятся, что мы так и должны были поступить при данном положении вещей.

Теперь это министерство должно решить, возможно или нет дать ход проекту **** берлинского двора. Нам не следует ни настаивать на его принятии, ни судить заранее о том, в какой мере обмен, предлагаемый Пруссией, может быть приемлемым для его британского в-ва и насколько он удовлетворяет его августейший дом и отвечает интересам Великобрита-

нии. Мы также убеждены в том, что нам нет необходимости подчеркивать, сколь выгодно было бы для общего дела искреннее и постоянное сотрудничество Пруссии, и что это соображение будет по достоинству оценено английским министерством, но император верит, что, после того как он проявил со своей стороны величайшее бескорыстие, согласившись на то, чтобы Пруссия сделала столь важное приобретение, сент-джемский кабинет, со своей стороны, поддержит обязательство, принятое е. и. в-вом с целью обеспечить сотрудничество Пруссии, которое спасло бы Европу, даже если бы оно и не было продолжительным. Следовательно, важно не ослабить действия только что принятых нами обязательств, отклонив их без зрелого размышления, так как, хотя Пруссия и назначила эту цену лишь за постоянное сотрудничество с нами, не следует скрывать от себя, что уверенность в невозможности добиться предмета ее вожделений, несомненно, снова толкнула бы ее в объятия Франции и побудила бы ее вступить в сделку с ней на условиях, которые не только повредили бы операциям союзников, но и оказались бы, может быть, более опасными для Европы и более невыгодными для его британского в-ва, чем та уступка, которой от него требуют. Таковы, г-н граф, соображения, которыми мы должны руководствоваться в предстоящих нам демаршах по этому вопросу. Венский двор снабдит своего посла инструкциями в духе этого письма, и я добился того, что г-ну Якоби будет дано предписание руководствоваться Вашими советами в ходе переговоров по этому предмету между ним и английским министерством; я не могу не повторить Вам еще раз, что Вы должны приложить все усилия к тому, чтобы король, ознакомившись с этой отдельной статьей, не рассматривал ее как противоречащую чувствам нерушимой дружбы, которые император питает к нему.

Имею честь . . .

Князь А. Чарторыйский

Получено с г-ном Убри 4(16) ноября 1805 г.

Договор о вступлении Шурагельской области в подданство России

29 октября (10 ноября) 1805 г.

АКАК, т. II, стр. 577—578.

Александр I Фридриху-Вильгельму III

2(14) ноября 1805 г.

Французским войскам сопутствует успех благодаря превосходству в силах.
Судьба Европы в руках короля. Александр I надеется, что король выполнит свои обязательства.

Bailleu, Correspondance inédite, p. 83—84.

201. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский генералу Ласси

Легница, 3(15) ноября 1805 г.

Monsieur le général, v. ex. aura déjà été instruite par la voie publique et, plus particulièrement, par les communications de Mr l'ambassadeur c[om]te de Rasoumoffsky des événements désastreux qui ont signalé le commencement des opérations militaires en Allemagne[326]. Celles qui ont eu lieu jusqu'ici dans la Haute Italie sont à la vérité plus rassurantes par leur résultat [333]; cependant comme Bonaparte, une fois maître de Vienne, ne tardera pas de tomber en force sur l'archiduc Charles, comme celui-ci ne peut suffisamment couvrir ni ses derrières ni ses flancs et que, par conséquent, il devra nécessairement se replier et se borner à laisser une forte garnison pour défendre Venise, ne pouvant plus compter alors sur la coopération de la part des Autrichiens, le corps de troupes de s. m., qui aurait débarqué dans le royaume de Naples, serait exposé à l'attaque d'une force supérieure des Français. Vous pourriez dans tous les cas vous retirer en Calabre et en Sicile; mais alors le royaume de Naples

serait livré à la vengeance des Français, et, par conséquent, pour le moment il aurait été préférable de laisser jouir cet Etat de la neutralité qu'ils lui ont accordée. J'avais précédemment informé v. ex. que nous n'étions pas d'avis de céder aux désirs de la cour de Vienne, qui demandait que Votre corps débarquât dans la Haute Italie. Cependant, dans l'état actuel des choses, pour ne pas laisser les troupes russes inactives aux Sept îles, s. m. ne s'opposerait plus qu'elles débarquassent à Trieste pour y agir de concert avec les autrichiennes, si Vous trouviez de Votre côté cette mesure convenable. Si donc cela était faisable, v. ex. se mettrait incessamment en relation avec son altesse royale monseigneur l'archiduc Charles pour le prévenir de cette détermination de manière qu'il puisse à peu près calculer l'époque à laquelle Vous vous serez rendu à Votre nouvelle destination.

On ne se dissimule pas du reste que l'exécution de cette mesure peut rencontrer de grandes difficultés, surtout du côté des bâtiments de transports et de vivres qui Vous seront nécessaires pour opérer la traversée jusqu'à Venise. En général ce n'est point d'ici qu'il est possible de Vous prescrire avec précision ce que Vous auriez à faire. S. m. abandonne à Votre prudence de le décider, tout avis de notre part à cet égard ne pouvant probablement Vous parvenir que tard, et lorsque Vous aurez déjà pris un parti concerté avec la cour de Naples et le général Craigh. Dans le cas où Vous auriez mis pied à terre à Naples, l'empereur, mettant sa confiance dans Votre habileté, dans le courage de ses troupes dans les îles, dans le zèle * des personnes qui se trouvent auprès de Vous pour concourir à Vos travaux, est persuadé que rien ne sera négligé pour faire tête à l'ennemi avec tous les moyens que Vous pourrez réunir, et sortir de la lutte avec gloire et avantage.

J'ai l'honneur ...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

P.S. M^r le c[om]te de Rasoumoffsky Vous transmettra une copie de la convention ** qui vient d'être conclue entre notre auguste cour et celle de Berlin. V. ex. y trouvera les nouveaux engagements que la cour de Ber[lin] a contractés; et quoique ces engagements ne soient encore que conditionnels, nous avons tout lieu de croire que s.m. prussienne ne tardera pas à se déclarer ouvertement pour la bonne cause. Veuillez bien, M^r le général, communiquer cette pièce à Mr de Tatischeff.

Ut in litteris

Le p[rin]ce A. Czartoryksi

Печат. по подлиннику.

Перевод

Господин генерал. В. пр-ву, очевидно, уже стало известно из слухов, а особенно из сообщений г-на посла графа Разумовского, о несчастных событиях[326], которыми ознаменовалось начало военных действий в Германии. Правда, результаты военных операций, имевших место до настоящего времени в Верхней Италии, являются более ободряющими[338]; однако поскольку Бонапарт, захватив Вену, не замедлит обрушиться на эрцгерцога Карла, а последний не может в достаточной мере прикрыть ни свои тылы, ни свои фланги и, следовательно, ему неизбежно придется отступить, оставив лишь сильный гарнизон для защиты Венеции, корпус войск е. в-ва, который высадился бы в Королевстве Неаполитанском, не имея больше возможности рассчитывать тогда на содействие австрийцев, оказался бы под угрозой нападения превосходящих сил французов. Вы могли бы в любом случае отступить в Калабрию и в Сицилию, но тогда Королевство Неаполитанское было бы отдано французам на расправу, и поэтому пока было бы предпочтительнее дать возможность этому государству пользоваться нейтралитетом, на который согласились французы. Я прежде сообщал в. пр-ву,

* «dans le zèle» — восстановлено по отпуску.
** См. док. 194—196.

что мы не были склонны уступить желаниям венского двора, просившего, чтобы Ваш корпус высадился в Верхней Италии. Однако, чтобы не оставлять русские войска в бездействии на Семи Островах, при теперешнем положении вещей е. в-во не будет больше возражать против их высадки в Триесте для совместных действий с австрийцами, если Вы со своей стороны сочтете эту меру целесообразной. Если это осуществимо, в. пр-ву нужно будет немедленно снестись с его королевским высочеством эрцгерцогом Карлом с целью предупредить его об этом решении, чтобы он мог приблизительно рассчитать, в какое время Вы отправитесь к Вашему новому месту назначения.

Впрочем, мы отдаем себе отчет в том, что при осуществлении этой меры могут встретиться большие трудности, особенно в отношении транспортных судов и съестных припасов, которые Вам будут необходимы, чтобы переправиться в Венецию. Вообще, совершенно невозможно точно предписать отсюда, что Вам следует делать. Е. в-во, полагаясь на Вашу осторожность, предлагает решить это Вам, так как наше мнение по этому вопросу дойдет до Вас, наверное, поздно и уже после того, как Вы примете решение, согласованное с неаполитанским двором и с генералом Крейгом. Император, веря в Ваши способности, храбрость своих войск, находящихся на островах, и в усердие лиц, содействующих Вам в Ваших трудах, убежден, что в случае высадки наших войск в Неаполе Вы сделаете все возможное, употребив все силы, которые Вы сможете собрать, для того чтобы дать отпор врагу и выйти из борьбы со славой и победой.

Имею честь . . .

Князь А. Чарторыйский

P. S. Князь Разумовский перешлет Вам копию конвенции **, только что заключенной между нашим августейшим двором и берлинским двором. В. пр-во найдете в ней новые обязательства, принятые берлинским двором, и, хотя эти обязательства являются пока лишь условными, мы имеем все основания полагать, что его прусское в-во не замедлит открыто выступить за правое дело. Соблаговолите, г-н генерал, сообщить содержание этого документа г-ну Татищеву.

Ut in litteris

Князь А. Чарторыйский

202. Посланник в Копенгагене В. Г. Лизакевич министру иностранных дел Дании Бернсторфу

3(15) ноября 1805 г.

Monsieur le comte ! C'est par ordre exprès de ma cour que je m'adresse à v. ex. pour m'entretenir confidentiellement avec elle sur la situation actuelle des affaires en Europe et lui faire les communications suivantes pour les faire porter à la connaissance de monseigneur le prince royal, afin de savoir là-dessus les intentions de son altesse royale, en Vous priant, Mr le comte, de m'honorer incessamment de sa réponse, pour que je puisse sans délai en rendre compte à ma cour.

«L'avant-garde de l'armée russe sous les ordres de Mr le comte de Tolstoy occupe déjà le duché de Lauenbourg[334] et dans 4 jours le corps d'armée l'aura joint, qui à son tour sera suivi, sous peu, par un corps de Suédois commandés par leur propre roi.

Cette armée se trouvant près du Holstein et des troupes que monseigneur le prince royal de Dannemarc y a rassemblées, il importe infiniment à la cour de Russie d'être instruite avec exactitude des desseins du Dannemarc et du système politique que cette cour compte suivre dans les conjonctures présentes, où l'Europe paraît se lever en masse pour s'opposer au torrent prêt à l'engloutir.

Tant que la Prusse faisait mine de soutenir à main armée une neutralité qui, toujours incommode, eût pu devenir funeste même aux alliés, il était concevable que le Dannemarc, chérissant sa tranquillité, désirât de la partager. Aujourd'hui les affaires ont changé de face. La France elle-même, persévérant dans ses principes d'arrogance et de rapine, a forcé la Prusse de se déclarer pour

la cause des alliés[335], et la cour de Copenhague, prête à coopérer précédemment à ses mesures, ne serait-elle pas portée encore aujourd'hui à suivre son exemple ? Trop longtemps menacé dans le voisinage de ses provinces par un gouvernement qui ne consulte que ses propres intérêts et ne respecte jamais les droits d'autrui, le Dannemarc est des plus éminemment intéressés à voir éloignées les armées françaises du siège de leurs usurpations et, concourant au but salutaire que la Russie, l'Autriche, la Grande-Bretagne, la Prusse et la Suède se sont proposé, la cour de Dannemarc pourra se glorifier d'avoir contribué à rendre la paix à l'Europe et l'indépendance aux Etats moyens, qui étaient menacés de perdre la leur à jamais. Il est impossible que la France puisse soutenir, malgré les succès qu'elle a remportés au commencement, le choc qui va l'assaillir de tous côtés, et bientôt elle sera resserrée dans ses propres limites, si toutes les puissances sont animées d'un désir également sincère de mettre des bornes à son ambition dévastatrice.

Le ministère de s.m. danoise a déjà été précédemment instruit des secours que la Russie est prête d'offrir au Dannemarc, dans le cas qu'il veuille faire cause commune avec elle. Si ces offres trouvent actuellement de l'accès, on propose à son altèsse royale monseigneur le prince royal d'envoyer une personne à l'armée russe suffisamment instruite, pour convenir des opérations mutuelles, afin de prévenir toutes les collisions pour les marches et la subsistance de ces armées. L'amitié, qui lie de si ancienne date le Dannemarc à la Russie, fait espérer que, dans tous les cas, il mettra de l'empressement et des facilités à faire parvenir à l'armée russe des provisions de ses provinces»[336].

Cette dépêche m'est parvenue par courrier, j'expédie aujourd'hui ma lettre à v. ex. par estafette et je la supplie de me faire avoir sa réponse le plus tôt possible, afin que je puisse la transmettre sans perte de temps à ma cour[337].

J'ai l'honneur...

Печат. по копии.

Перевод

Господин граф! По особому повелению моего двора я обращаюсь к в. с-ву, чтобы обсудить с Вами в конфиденциальном порядке положение дел в Европе в настоящее время и сделать Вам следующие сообщения, которые необходимо довести до сведения кронпринца, с тем чтобы выяснить намерения его королевского высочества на этот счет; я прошу Вас, г-н граф, оказать мне честь, незамедлительно сообщив его ответ, чтобы я мог как можно скорее передать его моему двору.

«Авангард русской армии под командованием графа Толстого занимает уже герцогство Лауэнбургское[334]; через 4 дня к нему присоединятся главные силы, а вскоре, в свою очередь, и шведский корпус под командованием своего короля.

Поскольку эта армия находится поблизости от Гольштейна и войск, сосредоточенных там его высочеством кронпринцем датским, русскому двору крайне необходимо быть точно осведомленным о намерениях Дании и о той политической системе, которой этот двор рассчитывает придерживаться в настоящее время, когда вся Европа, кажется, поднимается, чтобы остановить готовый поглотить ее мощный поток.

До тех пор пока Пруссия делала вид, что она готова силой оружия поддержать нейтралитет, который всегда представлял неудобства и мог бы стать даже гибельным для союзников, было понятно, почему Дания, дорожа своим спокойствием, также желала придерживаться нейтралитета. В настоящее время обстановка изменилась. Франция, упорно следуя своим честолюбивым и грабительским принципам, сама вынудила Пруссию встать на сторону союзников[335]; намерен ли копенгагенский двор, который ранее выражал готовность участвовать в этих мерах, и сейчас последовать ее примеру? Поскольку Дания слишком долго находилась под угрозой в силу пребывания в непосредственной близости от ее владений войск правительства, руководствующегося лишь своими собственными интересами и нисколько не уважающего прав других, она больше всех заинтересована в удалении французских армий из захваченных ими областей. и, способствуя достижению спасительной цели, которую Россия, Австрия, Великобритания, Пруссия и Швеция поставили перед собой, датский двор мог бы гордиться своим участием в деле восстановления мира в Европе и независимости менее сильных государств, которым угрожала опасность потерять ее навсегда. Немыслимо, чтобы Франция, несмотря на одержанные ею вначале победы, могла выстоять под ударами,

которые будут нанесены ей со всех сторон, и, если все державы будут воодушевлены в одинаковой степени искренним желанием положить конец ее губительным стремлениям, ей вскоре придется вернуться в свои собственные границы.

Министерство его датского в-ва было уже ранее поставлено в известность о том, что Россия готова предоставить Дании помощь, если она пожелает действовать заодно с Россией. Если эти предложения будут теперь приняты, его королевскому высочеству кронпринцу предлагается направить в русскую армию достаточно осведомленное лицо для согласования совместных операций, с тем чтобы предупредить всякие столкновения по вопросам передвижения и снабжения этих армий.

Учитывая, что Дания и Россия издавна связаны узами дружбы, мы надеемся, что Дания в любом случае с готовностью окажет содействие в доставке провианта русской армии из своих провинций»[336].

Эта депеша мне доставлена с курьером; я направляю сегодня мое письмо в. с-ву с нарочным и убедительно прошу дать мне ответ как можно скорее, чтобы я мог, не теряя времени, передать его моему двору[337].

Имею честь . . .

203. Александр I Селиму III

3(15) ноября 1805 г.

J'ai lu avec plaisir dans la lettre, que V[otre] h[autesse] a bien voulu m'adresser en date «...»[338], les sentiments qu'elle y exprime. Sa conviction, qu'une liaison intime entre les deux empires influe essentiellement sur leur conservation et leur bien-être, et le désir de cimenter de plus en plus l'étroite union qui s'est établie entre nous, tout, enfin, dans la lettre de V[otre] h[autesse] a été vivement senti et apprécié par moi. C'était dans les mêmes sentiments que ceux de V[otre] h[autesse], que j'avais autorisé mon ministre le S[r] d'Italinsky de commencer la négociation pour le renouvellement de l'alliance[307]. Les deux articles[339], qui n'ont pas eu l'assentiment de V[otre] h[autesse], étaient dans mon opinion tous les deux calculés sur le bien et les intérêts de l'Empire ottoman. Sa tranquillité aurait été assurée par quelques concessions, faites aux rayas, article que, du reste, je n'aurais désiré voir rédigé que d'une manière entièrement conforme aux lois et usages de Votre empire. Pour ce qui est de l'introduction d'une force armée dans Vos Etats, je n'avais pas hésité à la proposer comme le meilleur moyen de pouvoir, en cas de besoin, concourir efficacement à la défense des Etats de V[otre] h[autesse] et pour contribuer au rétablissement de la tranquillité dans plusieurs de ses provinces. Une mesure semblable, ayant été proposée par moi à l'empereur des Romains et au roi de Prusse, et ayant été acceptée par ces souverains, cette circonstance prouvera mieux que toute autre chose de quelle nature étaient mes motifs et mon attente. Aujourd'hui, cependant, que l'union, qui vient de se former entre s. m. prussienne et moi *, ajoute un degré d'espoir de plus pour le bonheur général et fait prévoir que bientôt Bonaparté, malgré les avantages passagers qu'il a remportés sur les Autrichiens, sera réduit aux justes limites que l'équilibre de l'Europe lui prescrit; dans un moment aussi heureux il m'eût trop coûté de conserver le moindre sujet de déplaisir à un allié aussi loyal que V[otre] h[autesse], et je ne saurais me refuser aux demandes qu'elle me fait dans sa lettre amicale du «...»[338].

Je n'hesite donc pas, pour lui prouver combien j'aime à remplir les désirs que son amitié m'exprime avec confiance, d'envoyer les ratifications[304] du traité, tel qu'il a été conclu entre nos plénipotentiaires, sans insister sur les deux articles qui n'ont pas rencontré son approbation plénière. Mais en donnant à V[otre] h[autesse] une marque aussi éclatante de mon amitié et de mon désir de remplir tous ses souhaits, je me flatte que, de son côté, elle voudra bien me donner une preuve de la reciprocité de ses sentiments et

* См. док. 194—196.

qu'elle ne se refusera pas d'ordonner quelque mesure efficace qui mette le sort de la Moldavie et de la Vallachie dans un état de tranquillité et de sécurité qu'elles n'ont pas actuellement, car je ne puis voir avec indifférence le sort affligeant de ces provinces limitrophes de mon empire et dont j'ai garanti l'existence et le bonheur en vertu des traités contractés entre les deux Etats.

De cette manière l'union la plus intime se consolidera pour toujours entre nous et nos descendants, pourvu que nos ministres soient animés des mêmes sentiments et secondent nos vues qui sont la prospérité de nos empires et la sûreté générale.

En faisant des vœux au ciel pour que les résultats de cette union répondent à cette attente, je souhaite à V[otre] h[autesse] une longue vie, accompagnée de prospérité et de gloire, et suis etc.

Печат. по копии.

Перевод

Я с удовольствием прочел письмо Вашего высочества от... [338], в котором Вы пишете о Ваших чувствах ко мне. Убежденность Вашего высочества в том, что дружественные отношения между двумя империями существенно важны для их целостности и благополучия, выраженное Вами стремление к дальнейшему укреплению установившегося между нами тесного союза — словом, все содержание письма Вашего высочества было мною глубоко понято и оценено. Руководствуясь такими же чувствами, я поручил в свое время моему посланнику г-ну Италинскому начать переговоры о возобновлении договора о союзе[307]. Обе статьи[339], не получившие одобрения Вашего высочества, по моему мнению, имели целью обеспечение благополучия и интересов Оттоманской империи. Ее спокойствие могло бы быть достигнуто путем некоторых уступок райя; впрочем, я хотел, чтобы такая статья была сформулирована не иначе, как в полном соответствии с законами и обычаями Вашей империи. Что касается ввода войск в Ваши владения, то я без колебаний предложил это как лучшее средство для того, чтобы в случае необходимости иметь возможность успешно содействовать защите владений Вашего высочества и способствовать восстановлению спокойствия в некоторых Ваших провинциях. Подобная мера была мною предложена римскому императору и королю прусскому, и эти государи согласились на нее; это обстоятельство должно доказать лучше, чем что бы то ни было, каковы были мои побуждения и мои ожидания. Однако сейчас, когда только что заключенный между его прусским в-вом и мною союз * еще более усиливает надежду на всеобщее благополучие и позволяет предвидеть, что скоро Бонапарте, несмотря на временные успехи, одержанные им над австрийцами, будет заключен в те справедливые пределы, которых требует равновесие в Европе, в столь счастливый момент мне было бы слишком тяжело оставить малейший повод к неудовольствию у такого верного союзника, как Ваше высочество, и я не могу отказать в просьбах, изложенных в Вашем дружеском письме от ...[338]

Итак, чтобы доказать Вам, с каким удовольствием я иду навстречу пожеланиям, дружески и доверительно высказанным Вашим высочеством, я, не колеблясь, посылаю Вам ратификационные грамоты[304] договора в том виде, в каком он был заключен между нашими уполномоченными, и не настаиваю на тех двух статьях, которые не получили Вашего полного одобрения. Но, давая Вашему высочеству столь убедительное свидетельство моей дружбы и моего стремления выполнить все Ваши пожелания, я надеюсь, что Вы со своей стороны соблаговолите дать мне доказательства взаимности Ваших чувств и не откажетесь дать повеление относительно какой-либо действенной меры, способной обеспечить Молдавии и Валахии спокойствие и безопасность, которых они теперь лишены, так как я не могу равнодушно взирать на прискорбную судьбу этих граничащих с моей империей провинций, существование и благоденствие которых я гарантировал в договорах, заключенных между нашими государствами.

Таким образом навсегда будет укреплен самый тесный союз как между нами, так и между нашими потомками, если только наши министры будут воодушевлены такими же чувствами и будут способствовать нашим видам, состоящим в стремлении к процветанию наших империй и к всеобщей безопасности.

Моля небо о том, чтобы результаты этого союза оправдали эти ожидания, и желая Вашему высочеству долгой жизни, благоденствия и славы, пребываю и т. д.

Александр I Наполеону I

Оломоуц, 15(27) ноября 1805 г.

Выражает признательность за письмо от 13(25) ноября и сообщает о своем желании восстановить европейский мир на справедливых основах.

Сб. РИО, т. 82, стр. 184—185.

204. Посланник в Константинополе А. Я. Италинский товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

18(30) ноября 1805 г.

Monseigneur, à la réception de la dépêche que v. ex. m'a fait l'honneur de m'adresser de Kozenitza le 8 octobre dernier[340], je me suis empressé d'informer la Porte que le traité d'alliance signé le 11(23) septembre * étant parvenu à v. ex. et mis par elle sous les yeux de s.m. l'empereur, cet auguste souverain avait ordonné d'en préparer les ratifications pour m'être expédiées incessamment. J'ai ajouté aussi qu'à cet envoi serait jointe la réponse ** de s.m.i. à la lettre[338] du sultan, et que, malgré le retard que cette expédition devait nécessairement éprouver par la circonstance du voyage de s.m.i., elle aurait encore probablement lieu dans le terme fixé par le traité.

J'ai tu à la Porte que la réponse au sultan renfermerait une forte insistance pour que la Valachie soit mise à l'abri des vexations des riverains du Danube. Je n'ai entrevu aucun avantage d'une communication anticipée à cet égard.

Il en eût été autrement, si la Porte eût été au moment de s'arrêter à quelque parti sous ce rapport; une pareille notification eût pu peut-être aider à la chose ; mais l'information de v. ex. m'est parvenue lorsque le ministère ottoman, à la suite de mes représentations depuis la signature du traité, a cru avoir pourvu à la sûreté de la Valachie en écrivant des lettres insignifiantes aux commandants et ayans sur les bords du Danube, et au prince Ypsilanty au lieu d'adresser des firmans aux uns pour leur défendre sévèrement d'attenter aux privilèges de la province, et à l'hospodar pour lui prescrire de les soutenir et de les défendre en repoussant dans l'occasion, s'il y a lieu, la force par la force.

Informé par les agents du prince Ypsilanty de cette insignifiante mesure de la Porte, je m'étais proposé de revenir sur cet objet avec des nouvelles observations, lorsque j'ai eu connaissance par la dépêche de v. ex., qu'il devait être compris dans la réponse de s.m.i. au sultan.

Je me suis décidé alors d'attendre cette réquisition de notre auguste souverain.

En communiquant cette intention de s.m.i. au vieux prince Ypsilanty, celui-ci a pensé aussi qu'il serait en effet plus utile d'ajourner cet objet jusqu'à cette époque, en m'observant même qu'en ce moment la province ne paraît pas menacée de quelque irruption; que, cependant, on ne pouvait pas se dissimuler que cette tranquillité n'était que factice, puisque l'on ne l'obtenait et que la province n'en jouissait que par des sacrifices considérables en argent et en provisions de toute espèce, ce qui était toujours une charge très onéreuse pour les habitants.

Quelles que soient les chances de la guerre actuelle contre la France, la Russie restera, certes, toujours une puissance formidable, que la Porte sera for-

* См. док. 184.
** См. док. 203.

cée de ménager et de respecter, néanmoins il faut s'attendre que, malgré l'alliance, le succès des différentes demandes, que nous aurons à faire, sera plus ou moins subordonné aux événements.

C'est un effet certain du caractère de ce gouvernement et de sa politique.

Aussi, d'après cette idée que j'en ai, je prévois les efforts qu'il faudra faire, si les circonstances continuaient à être aussi malheureuses que le début de l'armée autrichienne en Souabe, dont nous venons d'apprendre le terrible revers[326].

Cette nouvelle a produit en cette capitale une certaine sensation qui n'est pas à l'avantage des alliés; néanmoins, comme on a considéré en même temps que les ressources de la coalition formée contre la France sont immenses, que celles qui restent à l'Autriche sont très considérables et que les moyens formidables de la Russie sont encore intacts, la défaite de l'armée autrichienne n'a pas été envisagée comme un mal irréparable.

L'espérance eût été plus complète, si l'on était plus rassuré sur le compte de la Prusse.

L'effronterie des agents français, d'un côté, affectant de répandre partout que la conduite du cabinet de Berlin ne sera pas telle que les ennemis de la France se plaisent à l'annoncer, et, de l'autre, la faiblesse des déclarations du chargé d'affaires Bielfeld à cet égard, les doutes mêmes qu'il a élevés sur l'accession de sa cour à la coalition, paraissent avoir produit quelque incertitude sur une prompte et active coopération des armées prussiennes.

Il est même une circonstance remarquable que je dois faire connaître à v. ex.: le courrier de Vienne, arrivé récemment et par lequel le désastre de l'armée autrichienne a été annoncé, a apporté à l'internonce Sturmer et au chargé d'affaires Bielfeld la copie de la note[341] remise en dernier lieu par le ministère prussien aux S[ieur]s La Foret et Duroc.

L'internonce en me la communiquant m'a informé que le chargé d'affaires Bielfeld, avec lequel il s'était entretenu de cette note, lui avait fait part qu'il avait ordre de la communiquer à la Porte, mais que sur la question à lui faite, s'il annoncerait l'accession de son roi à la coalition, Mr Bielfeld avait répondu qu'il n'était point autorisé à une pareille déclaration.

Certes, on ne saurait disconvenir qu'il n'eût besoin d'une autorisation précise; mais on pourrait être étonné pourquoi le ministère prussien ne la lui a pas donnée en même temps qu'il lui a prescrit la communication de la note.

L'internonce Sturmer m'a paru inquiet sur les dispositions, que le revers de l'armée autrichienne pourrait produire dans le ministère ottoman, et sur la possibilité que la France n'entraînât la Porte.

Cette crainte m'a paru chimérique, et en rassurant l'internonce Sturmer, j'ai pensé non seulement à nos moyens de tenir la Porte en bride, mais même à cet extrême désir du ministère ottoman d'être tranquille spectateur de la lutte actuelle; car si la Porte éprouve intérieurement une satisfaction que ses voisins s'affaiblissent, ce n'est pas pour pouvoir ensuite les attaquer. Elle est bien loin de conserver l'esprit de conquête, mais c'est qu'elle s'imagine d'être plus à l'abri de leurs attaques à l'avenir

J'avoue, disait ces jours-ci un homme de marque à un agent du prince Ypsilanty, que je ne désire ni que les alliés soient victorieux, ni les Français non plus; ils n'ont qu'à s'entre-détruire, pourvu que la Porte reste tranquille.

Le langage de ce personnage doit être la pensée de ces gens-ci en général.

Nous les obligerons sans contredit à s'en tenir aux stipulations de l'alliance, mais le fait est que si cela dépendait d'eux, il ne se départirait *** pas de l'inertie dans laquelle ils voudraient rester plongés.

*** « il ne se départirait. »— так в документе. Очевидно, следует читать — « .ils ne se départiraient »

V. ex. daignera permettre qu'en terminant cette dépêche, j'essaye de lui exprimer combien je m'estime heureux que mes efforts dans la pénible négociation de l'alliance m'aient mérité l'approbation de s.m.i. et la satisfaction de v. ex.

Je suis...

A. Italinsky

Пол[учено] 23 декабря 1805 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь, получив депешу[340], которую Вы изволили отправить мне 8 октября сего года из Козеницы, я поспешил сообщить Порте, что, как только Вы получили союзный договор, подписанный 11(23) сентября *, и представили его е. в-ву императору, наш августейший государь распорядился подготовить его ратификационные грамоты, чтобы незамедлительно выслать их мне. Я добавил также, что к этим грамотам будет приложен ответ ** е. и. в-ва на письмо[338] султана и, несмотря на то, что эта почта была задержана отправкой в связи с поездкой е. и. в-ва, она все же прибудет, вероятно, в сроки, указанные в договоре.

Я не сообщил Порте о том, что в своем ответе султану е. и. в-во настоятельно требует оградить Валахию от притеснений со стороны придунайских пашей. Я не думаю, что преждевременное уведомление об этом было бы целесообразным.

Дело обстояло бы иначе, если бы Порта в этот момент принимала решение на этот счет; в этом случае подобное заявление, возможно, помогло бы делу. Но я получил Ваши сообщения после того, как оттоманское министерство сочло, что оно уже достаточно позаботилось о безопасности Валахии в ответ на мои представления, сделанные после подписания договора, разослав ни к чему не обязывающие письма комендантам и аянам придунайских провинций и князю Ипсиланти, вместо того чтобы направить первым султанские фирманы, строго запрещающие всякие посягательства на привилегии этой провинции, а господарю — предписание поддерживать и защищать эти привилегии и в случае необходимости даже отражать силой вооруженные нападения.

Будучи информирован чиновниками князя Ипсиланти об этой совершенно недостаточной мере турецкого правительства, я предполагал вернуться к этому вопросу, выдвинув новые соображения, когда из Вашей депеши узнал, что е. и. в-во коснется этого вопроса в своем ответе султану.

Тогда я решил дожидаться, чтобы это требование было сделано нашим августейшим монархом.

Когда я сообщил об этом намерении е. и. в-ва старому князю Ипсиланти, последний также счел более полезным отложить обсуждение этого вопроса до получения письма е. и. в-ва, заметив мне, что в настоящее время провинции, по-видимому, не угрожает вторжение, хотя нельзя скрывать, что это спокойствие является призрачным, так как его удалось добиться и сохранить в провинции лишь ценой значительных жертв в виде дани деньгами и продовольствием, что легло тяжким бременем на население.

Каковы бы ни были превратности нынешней войны с Францией, Россия, несомненно, по-прежнему останется мощной державой, с которой Порта будет вынуждена считаться и которую она должна будет уважать. Тем не менее следует ожидать, что, несмотря на договор о союзе, удовлетворение различных требований, которые мы выдвинем перед Портой, будет в той или иной мере зависеть от хода событий.

Это проистекает из самого характера турецкого правительства и его политики.

Поэтому, учитывая мнение, которое я составил на этот счет, я предвижу, что нам предстоит встретиться с некоторыми трудностями, если и в дальнейшем нас будут преследовать неудачи, подобные ужасному исходу первых операций австрийской армии в Швабии, о котором мы недавно узнали[326].

Эта новость произвела в турецкой столице довольно сильное впечатление, но отнюдь не в пользу союзников; поскольку, однако, все считают, что резервы коалиции, организованной против Франции, огромны, что у самой Австрии тоже остаются еще значительные резервы, а громадные ресурсы России еще не вводились в действие, поражение австрийской армии не рассматривается здесь как непоправимая беда.

Надежда была бы более прочной, если бы было больше уверенности в отношении Пруссии.

Наглость французских агентов, старающихся распространять повсюду слухи о том, что поведение берлинского кабинета не будет таким, каким хотели бы представить его противники Франции, а также неубедительные заявления по этому поводу поверенного в делах Бильфельда, который высказал даже сомнения относительно присоединения его двора к коа-

лиции, вызвали, по-видимому, некоторую неуверенность в активном сотрудничестве прусских армий в ближайшее время.

Я должен также сообщить в. с-ву об одном заслуживающем внимания обстоятельстве: курьер, только что прибывший из Вены и доставивший весть о поражении австрийской армии, привез интернунцию Штюрмеру и поверенному в делах Пруссии Бильфельду копию ноты[341], врученной недавно прусским министерством господам Лафоре и Дюроку.

Сообщая мне ее содержание, интернунций сказал, что поверенный в делах Пруссии Бильфельд, с которым он беседовал об этой ноте, передал ему, что он получил предписание информировать о ней Порту, но на вопрос о том, собирается ли он объявить о вступлении его короля в коалицию, г-н Бильфельд ответил, что он не уполномочен сделать такое заявление.

Конечно, нельзя отрицать, что для этого ему нужно было иметь точные указания; удивительно, однако, что прусское министерство, предписывая ему сообщить Порте содержание ноты, в то же время не уполномочило его сделать такое заявление.

Мне показалось, что интернунций Штюрмер беспокоится относительно того, как может повлиять неудача австрийской армии на намерения оттоманского министерства; он обеспокоен также тем, что Франция может привлечь Порту на свою сторону.

Это опасение показалось мне совершенно необоснованным, и, успокаивая интернунция Штюрмера, я имел в виду не только средства, которыми мы располагаем, чтобы заставить Порту действовать в соответствии с нашей политикой, но и то, что оттоманское министерство больше всего стремится оставаться спокойным наблюдателем нынешней борьбы, так как, хотя Порта и испытывает внутреннее удовлетворение от того, что ее соседи ослабляются, она не воспользуется этим для того, чтобы напасть на них. Она полностью отказалась от мысли о завоеваниях и думает лишь о том, как лучше защитить себя от нападений со стороны своих соседей в будущем.

«Признаюсь,— сказал на днях один влиятельный человек чиновнику князя Ипсиланти,— что я не желаю победы ни союзникам, ни французам; пусть они уничтожают друг друга, лишь бы Порта была оставлена в покое».

Слова этого сановника выражают мысли всех лиц этого круга. Мы, бесспорно, заставим их придерживаться условий договора; но, если бы это зависело от них, они не вышли бы из того состояния бездеятельности, в котором они хотели бы пребывать.

Позвольте мне, в. с-во, заканчивая эту депешу, выразить Вам мою радость по поводу того, что мои усилия в трудных переговорах о союзе заслужили одобрение е. и. в-ва и в. с-ва.

Остаюсь . . .

А. Италинский

205. Чрезвычайный и полномочный посол Ю. А. Головкин пограничным управителям Китая

Троицкосавск, 19 ноября (1 декабря) 1805 г.

По получении письма Вашего, г[оспо]да Ван и Амбань, X года 9 луны в 4 день писанного, согласно требованию Вашему, послал я Вам решительный ответ на все пункты, в оном вмещенные, а сверх того, дабы в одно время разрешить и те Ваши вопросы, которые бы могли Вы вновь сделать о тех же самых или о других каких предметах, уполномочил я 1 секретаря посольства кам[ер]-юнкера 5 класса Байкова изъяснить Вам все важные причины, побуждающие меня утвердить прежде мною писанное[342]. Сим способом надеялся я прекратить те затруднения, которые Вы находили, и получить от Вас удовлетворительный и последний уже отзыв, тем более, что все сделанные к[амер]-юн[кером] Байковым в угодность Вашу объяснения, вследствие данного ему от меня предписания, приняты Вами благосклонно, о чем Вы ему и словесно объявили, но из письма Вашего от 10 год[а] 10 л[уны] 6 ч[исла][343], врученного мне присланным от Вас тусалакчием, вижу, что Вы, г[оспо]да Ван и Амбань, не токмо опять повторяете прежние требования Ваши, но еще представляете новые, о коих в первых письмах Ваших вовсе не упомянуто.

После всех объяснений, многократно мною Вам, г[оспо]да Ван и Амбань, сделанных, коими старался я всегда доказать Вам по мере возможности

искреннее мое желание поступать соответственно дружбе между великими государствами нашими, благополучно существующей, не нужным* почитаю при сем случае повторять вам оные.

На новые требования Ваши, г[оспо]да Ван и Амбань, как о грамоте[332], которую имею я поднести его б[огдыхано]ву] в-ву, так равно и о церемониале, объясняю Вам следующее:

Соображаясь прежним установлениям и примерам, я не могу сообщить Вам предварительно грамоты[332], а по прибытии уже моем к высочайшему двору его б[огдыханова] в-ва представляю список с оной назначенным на то министрам великого государя Вашего; в удостоверение же, что оная не изображает ничего иного, кроме поздравления от е. и. в-ва к его б[огдыханову] в-ву с восприятием прародительского престола и изъявления искреннего желания его утвердить и распространить всеми способами благополучно существующую дружбу, поместил я важнейшее содержание сей грамоты в письме моем к Вам, сего 1805 от 8 октября посланном**.

В рассуждении титула, подобающего его б[огдыханову] в-ву, обязан я Вас, г[оспо]да Ван и Амб[ань], уверить, что оный в полной мере сохранен согласно существующим постановлениям.

Касательно церемониала при представлении меня пред лицо его б[огдыханова] в-ва, то, ведая обряды, кои соблюдаемы были предшественниками моими, я, без сомнения, оным последую, надеясь, что при сем случае воспользуюсь теми же преимуществами, какие всегда российским послам по милости его б[огдыханова] в-ва оказываемы были.

Сими объяснениями подтверждаю я сделанные Вам, г[оспо]да Ван и Амб[ань], по приказанию моему к[амер]-ю[нкером] Байковым как о сих статьях, так рáвно и о подарках словесные представления.

На предложение же, объявленное мне от имени Вашего, г[оспо]да Ван и Амбань, маймачинским заргучием, «чтобы по скудности корму употребить Ваших лошадей и проводников под кареты и другие экипажи», имею Вам сказать, что, хотя и сделаны уже мною по сему предмету все распоряжения сходственно требованию Вашему в письме Вашем от Счастьл[ивого] 10 года 5 луны; но чтобы дать Вам новое доказательство желания моего совершить возложенное на меня поручение, я и на сие соглашаюсь, с тем, однако ж, чтобы сверх потребных лошадей и проводников даны еще от Вас были люди для постановления полаток, при свите моей находящихся, потому что назначенные мною для сего и при лошадях 35 человек останутся на границе.

В заключение должен я Вам, г[оспо]да Ван и Амбань, сказать, что, поелику наступает время для проезда чрез степь неудобное и истекает уже другой месяц, как я прибыл на границу со всею моею свитою и ожидаю прекращения всех затруднений, въезду моему противопоставленных, прошу Вас на все вышесказанное меня разрешить, ибо истощил я уже все средства, от меня зависящие.

Вручено сие письмо ургинским курьерам г-ном камер-юнк[ером] Байковым 20 нояб-р[я] 1805 г.

Печат. по отпуску.

---

* «не нужным» — подчеркнуто и под ним написано «излишним».

** См. док. 192.

206. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

Голич, 24 ноября (6 декабря) 1805 г.

Monsieur. Par mes précédentes dépêches v. ex. a été instruite des événements qui ont amené et accompagné la retraite du général Koutousoff jusqu'à Ollmütz,[344] de la jonction de l'armée commandée par ce général avec celle du c[omte] Bouxhöwden, et, enfin, de la détermination prise dès lors par s. m. l'empereur de marcher en avant pour reprendre l'offensive. Il était devenu d'autant plus instant d'exécuter cette détermination que le manque absolu de vivres et de fourrages aux environs d'Ollmütz rendait absolument impossible un plus long séjour de l'armée russe dans ces contrées.

Le 15 de ce mois toute l'armée se porta en avant, et, après avoir fait deux marches sur le grand chemin qui conduit d'Ollmütz à Brünn, elle fit un mouvement à gauche, ayant délogé l'ennemi de Wischau à la suite d'un combat très avantageux. Le 19 l'armée campa devant Austerlitz. C'est là que se livra le lendemain une des batailles les plus acharnées et les plus meurtrières, qui, de mémoire des plus anciens militaires, ait eu jamais lieu. Le général Koutousoff, forcé par les mêmes motifs qui l'avaient obligé de quitter Ollmütz, se vit obligé d'attaquer l'ennemi qui occupait une position très avantageuse et qui avait eu le temps de faire venir des renforts considérables de Bohême et de Vienne. Entièrement privé d'espions, malgré qu'on se trouvait dans un pays ami, on avait absolument ignoré cette circonstance chez nous. Bref, l'action commença à 8 heures du matin et dura jusqu'à l'obscurité. Ni la bravoure héroïque des troupes russes, ni la présence de s. m. l'empereur qui était partout où le danger paraissait le plus imminent, rien ne put contrebalancer la grande supériorité du nombre de l'ennemi ainsi que la conduite peu louable des troupes autrichiennes[345]. L'ennemi parvint à percer notre centre, ce qui lui donna la facilité de nous attaquer en flanc et à dos. Dès lors, l'avantage de cette journée se déclara pour lui, et la perte d'une grande partie de notre artillerie et de nos bagages ne fut qu'une conséquence de ce premier malheur. Cependant l'armée russe, malgré ses pertes, ne céda point le champ de bataille, et ce n'est que le lendemain qu'elle effectua sa retraite, sans que l'ennemi ait jugé à propos de l'attaquer. Nous avons beaucoup perdu en tués et en blessés, mais il paraît certain que l'ennemi a essuyé une perte au moins tout aussi considérable.

L'empereur François, témoin des exploits des troupes russes ainsi que de l'inutilité de leurs efforts, privé entièrement de toute ressource pour l'existence même des troupes si la guerre devait continuer, ne put que se fortifier dans le dessein qui l'avait déjà engagé d'envoyer précédemment le c[om]te Stadion au quartier général français[346]. Le prince de Lichtenstein fut envoyé par s. m. i[mpériale] et r[oyale] vers Bonaparte pour proposer d'abord un armistice[347]. L'empereur notre auguste maître, ayant déclaré à son allié, dès l'expédition du c[om]te Stadion, qu'il était seul en droit de décider sur les intérêts et le salut de sa monarchie dans de si tristes circonstances, ne put s'opposer de même à la mission du prince de Lichtenstein. Celui-ci convint d'un armistice pour 24 heures, dans le courant desquelles l'empereur François aurait une entrevue avec Bonaparte.

Cette entrevue a eu lieu le 22 de ce mois. Il y a été convenu que l'armistice serait prolongé[348] et que les plénipotentiaires respectifs de l'Autriche et de la France s'assembleraient à Nicolsburg pour traiter de la paix[349]. En conséquence, le motif, qui avait engagé l'empereur notre maître à venir au secours de son allié, cessant entièrement, s. m. s'est décidée à retirer ses troupes et à les faire rentrer en Russie.

Le prince Dolgorouki, aide de camp de l'empereur et portèur d'une lettre autographe [250] de s. m. i. au roi de Prusse se trouve à même de compléter les notions qui manquent à ce tableau. Je me réfère donc à ce qu'il Vous en dira, et je me bornerai à observer ici que l'empereur a jugé que, dans la circonstance du moment où l'une des puissances principales viendra à manquer à la coalition, il ne reste rien de mieux à faire pour le repos momentané de l'Europe que de rester tranquille, de tâcher de se fortifier chez soi en resserrant de plus en plus l'union si heureusement existant entre le roi de Prusse et notre auguste maître et d'attendre ensuite le cours des événements. Mais comme il est possible que Buonaparté ne nous en laisse pas le temps, et qu'en attendant il est d'une importance majeure de pourvoir à la sûreté du Nord de l'Allemagne, s. m. i. laisse à la disposition du roi les corps de ses troupes sous les ordres des généraux c[om]te de Tolstoy et Benningsen, et, loin de se borner à ce secours dans le cas où Bonaparte, en haine des liaisons qui unissent la cour de Berlin à la nôtre, voulût tomber sur la Prusse, s. m. i. sera prête à assister son auguste allié de toutes ses forces et moyens. Elle invite donc le roi à diriger la marche ultérieure des corps susmentionnés, d'adresser ses ordres en conséquence au général Benningsen et au comte Tolstoy, et d'aviser en même temps aux moyens les plus propres à mettre hors de danger les troupes alliées qui étaient destinées à agir de concert avec les nôtres dans le Hanovre etc. Leur retour ne dépendra absolument que de la détermination du roi de Prusse. En général, l'empereur s'en rapporte entièrement à s. m. prussienne pour tout ce qui regarde l'exécution de ces différents objets.

J'ai l'honneur ...

Le p[r i n]c e A. C z a r t o r y s k i

P.S. En faisant parvenir aujourd'hui les ordres de l'empereur au général c[om]te de Tolstoy pour le prévenir de la détermination prise par s. m. de faire rentrer ses troupes en Russie, j'en expédie de pareils au général Lacy, commandant en chef des troupes russes qui doivent avoir débarqué dans le royaume de Naples [251]. Il lui est recommandé de les mettre en sûreté, de les embarquer pour les ports de la mer Noire, en laissant toutefois une garnison à Corfou, suffisant pour mettre ce point dans un état de défense respectable. Mr de Tatistsheff est chargé en même temps de démontrer à la cour de Naples l'inutilité d'un plus long séjour des troupes russes en Italie et à conseiller de s'en tenir à la convention de neutralité [204] conclue à Paris par le marq[ui]s de Gallo. Tout ceci cependant ne change rien aux dispositions connues de l'empereur envers s. m. sicilienne qui sera assez juste sans doute pour convenir que la retraite des troupes russes dans ce moment-ci est impérieusement commandée par l'urgence des circonstances.

Ut in litteris.

Получено 5(17) декабря 1805 г. с генерал-майором князем Долгоруковым.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь. Из моих предыдущих депеш в. пр-ву известно о событиях, явившихся причиной отступления генерала Кутузова до Оломоуца [244], о соединении армии этого генерала с армией графа Буксгевдена и, наконец, о решении, принятом в связи с этим е. и. в-вом, двигаться вперед, чтобы снова перейти в наступление. Выполнение этого решения стало тем более неотложным, что полное отсутствие продовольствия и фуража в окрестностях Оломоуца делало абсолютно невозможным дальнейшее пребывание русской армии в этом районе.

15 числа сего месяца вся армия двинулась вперед и, совершив два перехода по большой дороге, ведущей из Оломоуца в Брюнн, сделала маневр влево, выбив противника из Вишау после победоносного сражения. 19-го армия стала лагерем перед Аустерлицем. Именно

там произошла на следующий день одна из самых ожесточенных и кровопролитных битв, которые, по воспоминаниям ветеранов, когда-либо имели место. Генерал Кутузов в силу тех самых причин, которые заставили его покинуть Оломоуц, был вынужден атаковать неприятеля, занимавшего очень выгодную позицию и уже успевшего подтянуть значительные подкрепления из Богемии и Вены. Это обстоятельство было совершенно неизвестно нам, так как, несмотря на то, что мы находились в дружественной стране, у нас совсем не было осведомителей. Короче говоря, сражение началось в 8 часов утра и продолжалось до темноты. Ни храбрость русских войск, ни присутствие е. в-ва императора, появлявшегося всюду, где опасность казалась наибольшей, ничто не могло уравновесить большого численного превосходства противника, так же как и мало похвального поведения австрийских войск[345]. Врагу удалось прорвать наш центр, что дало ему возможность атаковать нас с флангов и с тыла. С этого момента преимущество оказалось в этот день на его стороне, и потеря большей части нашей артиллерии и наших обозов была лишь следствием этого первого несчастья. Однако русская армия, несмотря на потери, не оставила поля боя и отступила лишь на следующий день, причем противник не счел возможным атаковать ее. Мы понесли большие потери убитыми и ранеными, но представляется несомненным, что противник потерпел по меньшей мере столь же значительный урон.

Император Франц, бывший свидетелем подвигов русских войск, так же как и тщетности их усилий, полностью лишенный средств для содержания войск в случае продолжения войны, мог только утвердиться в намерении, которое прежде уже побудило его послать графа Стадиона во французскую штаб-квартиру[346]. Князь Лихтенштейн был послан его императорским и королевским в-вом к Бонапарту, чтобы предложить сначала перемирие[347]. Император, наш августейший государь, еще при отправке графа Стадиона объявивший своему союзнику, что только он в столь печальных обстоятельствах имеет право принимать решения, касающиеся интересов и судьбы своей монархии, не мог воспротивиться миссии князя Лихтенштейна. Последний договорился о перемирии на 24 часа, в течение которых император Франц должен был встретиться с Бонапартом.

Эта встреча состоялась 22 числа сего месяца. Во время встречи было условлено, что перемирие будет продлено[348] и что соответствующие уполномоченные Австрии и Франции встретятся в Никольсбурге для ведения переговоров о мире[349]. Поскольку полностью исчезла причина, побудившая императора, нашего государя, прийти на помощь своему союзнику, е. в-во решил отвести свои войска и вернуть их в Россию.

Адъютант императора князь Долгорукий, которому поручено доставить королю Пруссии собственноручное письмо[350] е. и. в-ва, сможет дополнить это описание. Поэтому я ссылаюсь на то, что он Вам скажет об этом, и ограничусь здесь замечанием, что, по мнению императора, в теперешних обстоятельствах, когда одна из основных держав скоро выйдет из коалиции, не остается ничего лучшего для установления кратковременного покоя в Европе, как сохранять спокойствие, стараться укрепить внутреннее положение, все больше и больше укрепляя столь счастливо существующий союз между королем Пруссии и нашим августейшим государем, и выжидать развития событий. Но поскольку вполне возможно, что Буонапарте не оставит нам времени для этого, и поскольку чрезвычайно важно тем временем обеспечить безопасность Северной Германии, е. и. в-во оставляет в распоряжении короля корпуса своих войск под командованием генералов графа Толстого и Беннигсена и отнюдь не ограничится этой помощью, если Бонапарт из ненависти к узам, объединяющим берлинский двор с нашим, захочет напасть на Пруссию; в этом случае е. и. в-во готов содействовать своему августейшему союзнику всеми своими силами и средствами. Итак, е. и. в-во предлагает королю осуществлять руководство дальнейшим движением вышеуказанных корпусов, направлять соответственно свои приказы генералу Беннигсену и графу Толстому и наметить в то же время наилучшие средства, для того чтобы поставить вне опасности союзные войска, предназначавшиеся для совместных действий с нашими войсками в Ганновере, и т. д. Их возвращение будет зависеть исключительно от короля Пруссии. Вообще император всецело полагается на его прусское в-во во всем, что касается осуществления этих различных задач.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

P. S. Направляя сегодня приказы императора генералу графу Толстому, чтобы уведомить его о решении е. в-ва вернуть его войска в Россию, я посылаю аналогичные приказы генералу Ласси[351], главнокомандующему русскими войсками, которые должны были уже высадиться в Королевстве Неаполитанском. Ему рекомендуется обеспечить их безопасность, отправить их на судах в черноморские порты, оставив, однако, в Корфу гарнизон, достаточный для того, чтобы надежно обеспечить оборону этого пункта. Одновременно г-ну Татищеву поручено доказать неаполитанскому двору бесполезность дальнейшего пребывания русских войск в Италии и посоветовать ему придерживаться конвенции о нейтралитете[294], заключенной в Париже маркизом Галло. Тем не менее общеизвестные чувства императора к королю Обеих Сицилий остаются неизменными, и его сицилийское в-во, несомненно, не сможет не признать, что отвод русских войск в данный момент настоятельно диктуется чрезвычайными обстоятельствами.

Ut in litteris.

207. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский послу в Лондоне С. Р. Воронцову

Голич, 24 ноября (6 декабря) 1805 г.

Je suppose que v. ex. aura été instruite par la voix publique, autant que par les dépêches de lord Gower, que le ministère brit[annique] n'aura pas manqué de Vous communiquer, des événements qui ont amené et accompagné la retraite du g[énéra]l Koutouzoff jusqu'à Olmütz [344], la jonction de l'armée, commandée par ce général avec celle du c[om]te Buxhoevden et, enfin, de la détermination prise dès lors par s.m. l'empereur de marcher en avant pour reprendre l'offensive. Il était devenu d'autant plus instant d'exécuter cette détermination que le manque absolu de vivres et de fourrages aux environs d'Olmütz rendait parfaitement impossible un plus long séjour de l'armée russe dans ces contrées.

Le 15 (27) de ce mois toute l'armée se porta en avant, et, après avoir fait deux marches sur le grand chemin qui conduit d'Olmütz à Brunn, elle fit un mouvement à gauche, ayant délogé l'ennemi de Wischau à la suite d'un combat très avantageux. Le 19 nov[embre](1 déc[embre]) l'armée campa au-devant d'Austerlitz. C'est là que se livra le lendemain une des batailles les plus acharnées et les plus meurtrières, qui, de mémoire des plus anciens militaires, ait eu jamais lieu. Le g[énéra]l Koutouzoff, forcé par les mêmes motifs qui l'avaient obligé de quitter Olmütz, se vit pressé d'attaquer l'ennemi qui occupait une position très avantageuse et qui avait eu le temps de faire venir des renforts considérables de Bohème et de Vienne. Entièrement privé d'espions, malgré qu'on se trouvait dans un pays ami, on avait absolument ignoré ces circonstances chez nous. Bref, l'action commença à 8 heures du matin et dura jusqu'à l'obscurité. Ni la bravoure héroïque des troupes russes, ni la présence de s. m. l'empereur qui était partout où le danger paraissait le plus imminent, rien ne put contrebalancer la grande supériorité du nombre de l'ennemi ainsi que la conduite peu louable des troupes autrichiennes[345]. L'ennemi parvint à percer notre centre, ce qui lui donna la facilité de nous attaquer en flanc et à dos. Dès lors, l'avantage de cette journée se déclara pour lui, et la perte d'une grande partie de notre artillerie et de nos bagages ne fut qu'une conséquence de ce premier malheur. Cependant l'armée russe, malgré ses pertes, ne céda point le champ de bataille, et ce n'est que le lendemain qu'elle effectua sa retraite, sans que l'ennemi ait jugé à propos de l'attaquer. Nous avons beaucoup perdu en tués et en blessés, mais il paraît certain que l'ennemi a essuyé une perte au moins tout aussi considérable.

L'empereur François II, témoin des exploits des troupes russes ainsi que de l'inutilité de leurs efforts, privé entièrement de toute ressource pour l'existence même des troupes si la guerre devait continuer, ne put que se fortifier dans le dessein qui l'avait déjà engagé d'envoyer précédemment le c[omte] Stadion au quartier général français [346]. Le p[rin]ce de Lichtenstein fut envoyé par s. m. i[mpérial]e et r[oyal]e vers Bonaparte pour proposer d'abord un armistice [347].

L'empereur notre auguste maître, ayant déclaré à son allié, dès l'expédition du c[omte] Stadion, qu'il était seul en droit de décider sur les intérêts et le salut de sa monarchie dans de si tristes circonstances, ne put s'opposer de même à la mission du p[rin]ce de Lichtenstein. Celui-ci convint d'un armistice pour 24 heures, dans le courant desquelles l'emp[ereur] François II aurait une entrevue avec Bonaparte.

Cette entrevue a eu lieu le 22 de ce mois. Il y a été convenu que l'armistice serait prolongé [348] et que les plénipotentiaires respectifs de l'Autriche et de la France s'assembleraient à Nicolsburg pour traiter de la paix [349]. En

conséquence, le motif, qui avait engagé l'empereur notre maître à venir au secours de son allié, cessant entièrement, s. m. s'est décidée à retirer ses troupes et à les faire rentrer en Russie.

Mr le conseiller privé et ministre adjoint de l'intérieur comte de Stroganoff, qui a bien voulu se charger de la présente expédition, complètera l'esquisse que je viens de Vous tracer de l'état actuel des choses et des événements qui l'ont amené. Ayant accompagné l'empereur pendant presque tout le voyage, Mr le c[om]te de Stroganoff est au fait de toutes les particularités qui ont pu m'échapper ou que je n'ai pas le loisir de transmettre à v. ex. J'espère qu'après Vous être mis au fait de tout ce qui s'est passé, v. ex. se persuadera que s. m. i. a fait tout ce qui était humainement possible en faveur de la cause commune, mais que, dans les circonstances présentes, il ne restait à s. m. i. d'autre parti à prendre que celui de retirer. Il ne s'agit que de se pénétrer de la nécessité absolue, qui a forcé l'emp[ereu]r d'embrasser ce parti, pour se convaincre en même temps que s. m. i. n'a rien à se reprocher envers l'Angleterre. En effet la Russie n'est entrée et n'entre pas dans aucune composition avec la France; elle se regarde toujours en guerre avec nous. C'est tout ce que l'empereur peut faire; car dans tous ses engagements s. m. n'a pris *l'obligation d'agir que de concert avec l'Autriche*. Cette puissance mise hors de combat, la Russie n'est plus dans le cas de le continuer toute seule. Les circonstances nous obligent de nous retirer; mais ces circonstances mêmes ne sauraient retomber à notre charge et sont absolument indépendantes de la volonté de l'empereur. Si Mach n'avait point sacrifié l'armée autrichienne en Allemagne [326], si le roi de Prusse s'était déclaré dès le moment où la violation manifeste de son territoire par les Français ne paraissait lui laisser d'autre parti à prendre [335], si le roi de Suède, de son côté, ne s'était appliqué à entraver les opérations des forces alliées [352], si, enfin, les troupes anglaises et hanovriennes avaient débarqué à temps [353] et qu'en général le gouvernement britannique avait fait un usage plus actif de son armée dès l'instant où il n'y avait plus de descente à craindre, il est certain que ces puissantes diversions n'auraient pas permis à Bonaparte de concentrer toutes ses forces, de les diriger contre nous, et les choses en auraient pris une tout autre tournure.

Le corps des troupes russes, qui doit déjà avoir débarqué soit en Sicile ou sur la terre ferme du roy[aume] de Naples, ne saurait guère être omis de la mesure générale. Mr de Lacy recevra l'ordre de les embarquer pour la mer Noire [351], après en avoir prévenu les commandants des forces anglaises, qui se trouvent dans ces contrées, afin qu'ils puissent sans risque et à temps prendre les mesures qu'ils jugeront nécessaires pour leur sûreté. Ensuite le général touchera à Corfou pour mettre cette place dans un état de défense respectable et il y laissera une garnison suffisante pour sa défense. Malgré l'intérêt particulier que l'emp[ereu]r prendra toujours au sort du royaume des Deux Siciles, s. m. i. n'a pu faire autrement que de retirer également les troupes en question, vu que leur présence ne ferait qu'attirer de nouvelles armées françaises contre lesquelles nos forces ne pourraient tenir, lorsque l'Autriche a fait la paix, tandis qu'en les éloignant, la cour de Naples conservera toujours l'espérance et les moyens de faire valoir la convention de neutralité [294] conclue à Paris par Gallo. Du reste, notre auguste maître emploiera toute son influence pour engager la cour de Vienne à ménager autant que possible les intérêts de s. m. sicil[ienne], lors des négociations de Nicolsburg et à la paix qui en sera probablement la suite.

Quant aux troupes que commande le c[om]te Tolstoy, l'emp[ereu]r a jugé devoir les mettre pour le moment à la disposition de s. m. pruss[ienne] ainsi que la division sous les ordres du général Benningsen [350]. C'est l'appréhension que Bonaparte pourra tourner ses armes contre la Prusse, en haine des

liaisons contractées en dernier lieu par la cour de Berlin avec la nôtre, qui a motivé cette détermination de s. m. i. Mais le cas échéant, elle ne se bornera pas à ce secours et soutiendra le roi de Prusse par toutes ses forces et moyens.

Les affaires de cette façon se trouvent encore dans un état d'incertitude, on ne peut savoir encore si la paix se fera effectivement entre l'Autriche et la France; il est tout aussi peu sûr que Bonaparte ne tombe pas sur la Prusse pour se venger de l'apparence de dispositions qu'elle a manifestées en faveur des alliés. Dans chacun de ces cas la guerre ne tardera pas à se rallumer, et il sera encore permis d'espérer de rétablir l'ordre et la paix générale sur les bases aussi équitables qu'il sera possible. On ne saurait cependant se dissimuler qu'après ce qui est arrivé les succès sont peu probables et il serait donc à préférer de temporiser pour le moment et d'attendre du cours des événements une occasion plus favorable de reprendre la grande œuvre que les circonstances nous forcent d'abandonner actuellement.

J'ai l'honneur...

Писана из Голича и отправлена с т[айным] с[оветником] гр[афом] Строгановым 24 ноября (6 декабря) 1805 г.

Печат. по отпуску.

Перевод

Я предполагаю, что в. с-ву уже известно по слухам, а также из депеш лорда Гоуэра, содержание которых британское министерство не преминуло Вам сообщить, о событиях, послуживших причиной отступления генерала Кутузова до Оломоуца[344], о соединении армии этого генерала с армией графа Буксгевдена и, наконец, о решении, принятом вследствие этого е. в-вом императором, двигаться вперед, чтобы снова перейти в наступление. Выполнение этого решения стало тем более неотложным, что полное отсутствие продовольствия и фуража в окрестностях Оломоуца сделало совершенно невозможным дальнейшее пребывание русской армии в этом районе.

15 (27) сего месяца вся армия двинулась вперед и, совершив два перехода по большой дороге, ведущей из Оломоуца в Брюнн, сделала маневр влево, выбив противника из Вишау после победоносного сражения. 19 ноября (1 декабря) армия стала лагерем перед Аустерлицем. Именно там на следующий день произошла одна из самых ожесточенных и кровопролитных битв, которые, по воспоминаниям ветеранов, когда-либо имели место. Генерал Кутузов в силу тех же самых причин, которые заставили его покинуть Оломоуц, был вынужден атаковать неприятеля, занимавшего очень выгодную позицию и уже успевшего подтянуть значительные подкрепления из Богемии и Вены. Эти обстоятельства были совершенно неизвестны нам, так как, несмотря на то что мы находились в дружественной стране, у нас совсем не было осведомителей. Короче говоря, сражение началось в 8 часов утра и продолжалось до темноты. Ни храбрость русских войск, ни присутствие е. в-ва императора, который был повсюду, где опасность казалась наибольшей, ничто не могло уравновесить большого численного превосходства противника, так же как и мало похвального поведения австрийских войск[345]. Врагу удалось прорвать наш центр, что дало ему возможность атаковать нас с флангов и с тыла. С этого момента преимущество оказалось в этот день на его стороне, а потеря большей части нашей артиллерии и наших обозов была лишь следствием этого первого несчастья. Однако русская армия, несмотря на потери, не оставила поля боя и отступила лишь на следующий день, причем враг не счел возможным атаковать ее. Мы понесли больше потери убитыми и ранеными, но представляется несомненным, что враг потерпел по меньшей мере такой же значительный урон.

Император Франц II, бывший свидетелем подвигов русских войск, так же как и тщетности их усилий, полностью лишенный средств для содержания войск в случае продолжения войны, мог только утвердиться в намерении, которое прежде уже побудило его послать графа Стадиона во французскую штаб-квартиру[346]. Князь Лихтенштейн был послан его императорским и королевским в-вом к Бонапарту, чтобы предложить сначала перемирие[347]. Император, наш августейший государь, еще при отправке графа Стадиона объявивший своему союзнику, что только он в столь печальных обстоятельствах имеет право принимать решения, касающиеся интересов и судьбы своей монархии, не мог воспротивиться миссии князя Лихтенштейна. Последний договорился о перемирии на 24 часа, в течение которых император Франц II должен был встретиться с Бонапартом.

Эта встреча состоялась 22 сего месяца. Во время встречи было условлено, что перемирие будет продлено[348] и что уполномоченные Австрии и Франции встретятся в Никольсбурге

для ведения переговоров о мире[349]. Поскольку полностью исчезла причина, побудившая императора, нашего государя, прийти на помощь своему союзнику, е. в-во решил отвести свои войска и вернуть их в Россию.

Г-н тайный советник и товарищ министра внутренних дел граф Строганов, который соблаговолил взять на себя передачу этих писем, дополнит сделанное мною здесь краткое описание теперешнего положения и событий, результатом которых оно явилось. Поскольку граф Строганов сопровождал императора в течение почти всего путешествия, он хорошо осведомлен о всех подробностях, которые могли ускользнуть от меня или которые я не сообщаю в. с-ву из-за недостатка времени. Узнав обо всем, что произошло, в. с-во, надеюсь, убедитесь, что е. и. в-во сделал для общего дела все, что было в человеческих силах, но при нынешних обстоятельствах е. и. в-во мог принять лишь решение об отводе войск. Нужно только понять абсолютную необходимость, заставившую императора принять это решение, чтобы убедиться, что е. и. в-ву не в чем упрекнуть себя по отношению к Англии. Действительно, Россия не вступила и не вступает ни в какую сделку с Францией, которая по-прежнему считает себя в состоянии войны с нами. Это все, что император может сделать, так как во всех своих соглашениях е. и. в-во брал на себя *обязательство действовать лишь совместно с Австрией*. Поскольку эта держава уже не будет участвовать в борьбе, Россия не может продолжать войну одна. Обстоятельства заставляют нас отступить, но они не могут быть поставлены нам в вину и совершенно не зависят от воли императора. Если бы Мак не принес в жертву австрийскую армию в Германии[326], если бы король прусский выступил еще тогда, когда явное нарушение французами территориальной неприкосновенности его владений, казалось, не позволяло ему принять другое решение[335], если бы шведский король со своей стороны не чинил препятствий операциям союзных армий[352], если бы, наконец, английские и ганноверские войска высадились бы вовремя[353], а британское правительство вообще более активно использовало свою армию, после того как угроза десанта миновала, тогда, несомненно, эти мощные диверсии не позволили бы Бонапарту сконцентрировать все свои силы и направить их против нас, и дела приняли бы совсем другой оборот.

Корпус русских войск, который уже должен был высадиться либо в Сицилии, либо в континентальных владениях Королевства Неаполитанского, не может не учитываться при осуществлении общих мероприятий. Г-ну Ласси будет приказано погрузить войска на суда для отправки в Черное море[351], предварительно предупредив об этом командующих английских войск в этих местах, чтобы они, не подвергая себя риску, своевременно могли принять меры, которые сочтут необходимыми для обеспечения своей безопасности. Затем генерал сделает остановку в Корфу, чтобы подготовить эту крепость к обороне, и оставит там достаточный для ее защиты гарнизон. Несмотря на особый интерес, который император всегда будет проявлять к судьбе Королевства Обеих Сицилий, е. и. в-ву не оставалось ничего другого, как вывести и эти войска ввиду того, что их присутствие лишь привлекло бы новые французские армии, против которых наши силы не смогли бы устоять после заключения мира Австрией, тогда как в случае их вывода неаполитанский двор сможет продолжать надеяться и получит возможность требовать соблюдения конвенции о нейтралитете[294], заключенной в Париже Галло. Впрочем, наш августейший государь использует все свое влияние, чтобы побудить венский двор учесть, насколько это возможно, интересы его сицилийского в-ва во время переговоров в Никольсбурге и в мирном договоре, которым они, вероятно, завершатся.

Что касается войск под командованием графа Толстого, то император счел нужным в настоящее время передать их, так же как и дивизию под командованием Беннигсена, в распоряжение его прусского в-ва[350]. Это решение е. и. в-ва объясняется лишь опасением, что Бонапарт из ненависти к установившимся в последнее время связям между берлинским и нашим дворами может повернуть оружие против Пруссии. Но в случае необходимости е. и. в-во не ограничится этой помощью и поддержит прусского короля всеми силами и средствами.

Таким образом, дела все еще находятся в неопределенном положении; пока еще неизвестно, будет ли действительно заключен мир между Австрией и Францией; точно так же не совсем ясно, нападет ли Бонапарт на Пруссию, чтобы отомстить за проявленное ею расположение к союзникам. В любом из этих случаев война не замедлит вспыхнуть снова и можно будет еще надеяться восстановить порядок и всеобщий мир на возможно более справедливых началах. Однако нельзя закрывать глаза на то, что после всего происшедшего успех мало вероятен, и поэтому теперь предпочтительнее было бы выждать, пока ход событий не предоставит более удобного случая возобновить осуществление великого дела, которое мы не можем теперь продолжать в силу обстоятельств.

Имею честь...

208. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский полномочному министру в Неаполе Д. П. Татищеву

Голич, 24 ноября (6 декабря) 1805 г.

La dépêche[351] que j'adresse aujourd'hui au g[énéra]l Lacy et que je le prie de Vous communiquer, mettra v. ex. au fait des motifs pressants qui ont engagé s. m. i. à retirer ses troupes tant de l'Allemagne que de l'Italie et de la Hollande. Comme il est hors de doute que cette détermination produira une sensation très forte sur la cour près de laquelle Vous résidez, v. ex. voudra bien faire connaître à s. m. sicilienne la nécessité absolue qui l'a dictée ainsi que les regrets de notre auguste maître de n'avoir pu dans cette occasion lui être d'un secours plus efficace. Vous ajouterez que, cependant, l'empereur ne cessera jamais de prendre l'intérêt le plus vif au bien-être du royaume des Deux Siciles et que s. m. i. saisira toutes les occasions qui se présenteront pour prouver la sincérité de ces dispositions; mais que pour le moment elle doit se borner à conseiller à leurs majestés siciliennes de tâcher de s'en tenir à la convention[294] conclue à Paris par Gallo. Le gouv[erne]m[en]t français ne manquera pas sans doute de se récrier sur l'entrée de nos troupes dans le royaume de Naples; mais dans ce cas on n'aura qu'à répondre que, puisque les troupes françaises n'ont point respecté dans le temps la neutralité du royaume, il était naturel que les troupes russes se croiraient également en droit de l'enfreindre et que le royaume de Naples était trop faible pour s'y opposer dans les deux cas et ne saurait en pâtir sans injustice. En un mot, Vous assisterez leurs majestés de tous les bons conseils qu'elles pourront Vous demander et Vous combinerez en même temps les mesures nécessaires pour effectuer l'embarquement et la retraite des troupes de s. m. i. qui, malgré la malheureuse tournure qu'ont prise les affaires, ne doute nullement que la cour de Naples voudra bien faciliter cette retraite autant que les circonstances le lui permettront.

J'ai l'honneur ...

Подписано и отправлено из Голича 24 ноября 1805 г. с полковником Шепелевым.

Печат. по отпуску.

Перевод

Из депеши[351], которую я направляю сегодня генералу Ласси и содержание которой я прошу его сообщить Вам, в. пр-во узнаете о важных причинах, побудивших е. и. в-во вывести свои войска как из Германии, так и из Италии и Голландии. Поскольку нет сомнения в том, что это решение произведет очень сильное впечатление на двор, при котором Вы пребываете, соблаговолите, в. пр-во, довести до сведения его сицилийского в-ва, что оно было продиктовано абсолютной необходимостью и что наш августейший повелитель весьма сожалеет о том, что он не смог в этом случае оказать ему более эффективную помощь. Вы добавите, что император никогда, однако, не перестанет проявлять самый живой интерес к благоденствию Королевства Обеих Сицилий и что е. и. в-во в будущем воспользуется любыми возможностями, чтобы доказать искренность своих чувств, но что в данный момент он может лишь посоветовать их сицилийским в-вам стараться придерживаться конвенции[294], заключенной в Париже Галло. Французское правительство не преминет, без сомнения, заявить протест против ввода наших войск в Королевство Неаполитанское, но в этом случае достаточно будет ответить, что так как французские войска в свое время не соблюдали нейтралитет королевства, то русские войска, естественно, также сочли себя вправе нарушить его и что Королевство Неаполитанское из-за своей слабости не в силах воспротивиться ни тем, ни другим и вынуждено незаслуженно страдать в связи с этим.

Одним словом, Вы поможете их в-вам всеми добрыми советами, за которыми они могут к Вам обратиться, и наметите в то же время меры, необходимые для осуществления погрузки и вывода войск е. и. в-ва, который, несмотря на неблагоприятный оборот дел, нисколько не сомневается в том, что неапольский двор будет содействовать выводу этих войск в той мере, в какой это позволят ему обстоятельства.

Имею честь...

209. Товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский посланнику в Берлине М. М. Алопеусу

Тешин, 3(15) декабря 1805 г.

Monsieur. Lorsque s. m. i. quitta Hollitsch[354] et que le prince Pierre Dolgorouki fut expédié pour Berlin[350], on avait tout lieu de se flatter que Buonaparté consentirait à donner à l'Autriche une paix supportable. En effet, le général Savary, envoyé à notre quartier général,[355] avait déclaré que l'armistice aurait pour principe que les armées russes et françaises quitteraient de concert le territoire autrichien. Dans les conversations que Buonaparte avait eues avec le p[rin]ce de Lichtenstein et dans son entretien avec s. m. imp[éria]le et roy[a]le il avait manifesté également des sentiments de modération qui firent croire à l'empereur-roi que Buonaparté ne mésuserait pas de ses avantages.

C'est avec cette même persuasion qu'est parti notre auguste maître. S. m. a cru que dans ce cas il était juste, vu l'état où se trouvait l'Autriche, de lui laisser faire sa paix, même avec quelques sacrifices compatibles jusqu'à un certain point avec son existence et la sûreté future de l'Europe, et qu'il serait peut-être préférable alors de rester tranquille pendant quelque temps pour reprendre haleine et se concerter ultérieurement afin de pouvoir agir avec plus d'ensemble qu'on ne l'a fait jusqu'ici.

Cependant, depuis le départ de s. m. les choses ont beaucoup changé. La cour de Berlin aura été instruite sous quels termes onéreux a été conclu l'armistice[348] en question, et, par conséquent, sous quels auspices se traitera la paix de Nicolsburg. Buonaparté ne s'en cache plus. Il parle d'ôter le pays de Salzbourg et le Tyrol à la maison d'Autriche et la réunion de l'Etat et de la ville de Venise au royaume d'Italie est, selon lui, une condition *sine qua non*. Si l'Autriche est forcée d'accepter de pareils termes, elle est rayée du nombre des puissances indépendantes, et l'Europe recevra avec elle le joug que Buonaparté lui prépare depuis si longtemps.

Dans un instant aussi critique, il n'y a d'espoir que dans l'énergie du roi de Prusse, dans sa loyauté et sa fidélité à remplir ses engagements. Que s. m. se prononce selon ce que le traité de Potsdam * a statué, et bientôt les affaires prendront un autre aspect. Ou l'Autriche obtiendra des conditions supportables, ou bien la guerre continuera avec l'espoir de réparer les pertes que nous avons essuyées jusqu'à présent. Les forces prussiennes une fois en jeu, elles seront vigoureusement soutenues par les nôtres. L'armée même de Koutousoff aura le temps de se refaire et de prendre sa revanche; l'Autriche respirera, réunira ses forces éparses. L'armée de l'archiduc Charles est intacte[356]; l'insurrection hongroise sera prête à agir dans un mois, et, malgré tout ce que présentent les apparences, l'on peut compter avec certitude sur l'énergie et la loyauté de l'empereur François II. C'est bien à contre-cœur qu'il est entré en pourparlers avec Buonaparté, et ce ne serait que s'il se voyait absolument abandonné qu'il transigerait avec lui à des conditions contraires aux intérêts les plus essentiels de l'Autriche et de toute l'Europe. Il importe sans doute beaucoup à la Prusse d'empêcher des résultats aussi funestes ; en effet, l'existence de la maison d'Autriche et le poids qu'elle doit mettre dans la balance politique de l'Europe, tiennent de si près à la sûreté et à l'indépendance de toutes les puissances en général, que la moindre observation à ce sujet paraît superflue.

---

* См. док. 194—196.

Je ne vous dissimulerai pas que ce qui a surtout jeté l'empereur-roi dans l'extrémité de traiter isolément avec son ennemi, c'est l'incertitude où l'on était si la Prusse, après l'échec d'Austerlitz, voudrait encore remplir ses engagements. Les dépêches qui nous sont parvenues entre temps et qui nous ont fait connaître que le roi avait pris ses mesures pour le cas même où les armées impériales seraient obligées de se replier sur la Silésie, les dépêches apportées par le lieutenant-général prince Dolgorouki, et enfin celles que Mr de Finkenstein a reçues et qu'il m'a communiquées, sont toutes de nature à détruire ces craintes et à donner l'espoir que s. m. prussienne ne voudra pas dans ces circonstances abandonner la maison d'Autriche à la discrétion de Buonaparté[357].

S. m. ne se trouvant pas ici, il m'a été impossible de prendre ses ordres, d'une part, sur l'état affligeant que présente de nouveau l'ambition et la mauvaise foi de Buonaparte qui veut réduire à rien la malheureuse Autriche, de l'autre, sur l'espoir assuré qu'offre la persévérance généreuse de s. m. prussienne. Cependant je connais trop les sentiments de notre auguste maître pour n'être pas convaincu qu'il approuvera le contenu de cette dépêche que j'adresse à v. ex., pour qu'elle emploie tous ses soins, afin que le roi remplisse les engagements du traité de Potsdam en soutenant l'Autriche. Rien ne serait plus funeste que si elle était forcée de céder le Vénitien; ce serait rendre Bonaparté maître de l'Empire ottoman, et les suites de ce nouvel envahissement seraient incalculables.

Je me flatte que vous n'aurez qu'à attirer un moment l'attention de s. m. prussienne sur l'important objet qui a motivé la présente, pour la décider à prendre le seul parti que semblent lui indiquer sa dignité comme ses véritables intérêts ; mais en cas, cependant, que s. m. trouvât des motifs pour rester encore indécise, v. ex. insistera pour le moins sur ce que la cour de Berlin ne prenne aucune décision définitive avant que de s'être entendu avec notre auguste maître, et qu'en attendant elle témoigne hautement son intercession en faveur de l'Autriche en laissant ses troupes sur les points d'où elles puissent commencer leurs opérations, dès que, d'une manière ou de l'autre, s. m. prussienne le jugerait convenable.

J'ai l'honneur...

Le p[rin]ce A. Czartoryski

P. S. Aussitôt que la cour de Berlin aura pris quelque décision favorable pour l'Autriche et pour la cause commune en général, v. ex. voudra bien en donner connaissance incessamment et par courrier au ministère de l'empereur-roi soit de la part du b[ar]on Hardenberg par le canal de Mr de Finkenstein, soit de la vôtre par celui du c[om]te de Rasoumoffsky. En même temps vous ne laisserez pas de nous en informer à Pétersbourg, afin que l'on puisse prendre à temps les mesures qui en conséquence seront jugées nécessaires.

Ut in litteris

Le p[rin]ce A. Czartoryski

Печат. по подлиннику.

Перевод

Милостивый государь! Когда е. и. в-во покидал Голич[354], а князь Петр Долгорукий направлялся в Берлин[350], были все основания надеяться, что Буонапарте согласится на мир с Австрией на сносных для нее условиях. Действительно, генерал Савари, присланный в нашу штаб-квартиру[355], заявил, что одновременный вывод русских и французских войск

с австрийской территории явится основой перемирия. В своих беседах с князем Лихтенштейном, а равно и с его императорским и королевским в-вом Буонапарте также проявил чувство умеренности, что дало Францу II основание верить, что Буонапарте не будет злоупотреблять преимуществами своего положения.

Наш августейший повелитель уехал, будучи убежден в этом. Е. в-во считает справедливым, учитывая положение, в котором находится Австрия, предоставить ей возможность заключить мир, даже пойдя на некоторые жертвы, совместимые в какой-то степени с ее существованием и будущей безопасностью Европы; он также считает, что было бы, возможно, предпочтительнее сохранять некоторое время спокойствие, чтобы получить передышку и договориться относительно дальнейших действий, с тем чтобы они были более согласованными, чем до сих пор.

Однако со времени отъезда е. в-ва положение значительно изменилось. Берлинский двор, очевидно, уже знает, на каких тягостных условиях было заключено вышеуказанное перемирие[348] и, следовательно, какими обещают быть мирные переговоры в Никольсбурге. Буонапарте больше не скрывает своих планов. Он намеревается отторгнуть Зальцбург и Тироль у Австрийского дома, а присоединение государства Венеции с городом Венецией к королевству Италии является, по его словам, условием sine qua non. Если Австрия будет вынуждена принять подобные условия, то она окажется исключенной из числа независимых государств, и Европа вместе с ней подпадет под ярмо, давно уже уготованное ей Буонапарте.

В столь критический момент можно возлагать надежды лишь на решительность прусского короля, на его честность и верность своим обязательствам. Достаточно е. в-ву прусскому королю занять позицию, соответствующую постановлениям Потсдамского договора *, и положение дел быстро изменится. Либо Австрия добьется сносных условий, либо война будет продолжена в надежде возместить те потери, которые мы понесли до настоящего времени. Как только прусские войска вступят в войну, им будет оказана мощная поддержка со стороны наших войск. Армия Кутузова будет иметь время восстановить свои силы и взять реванш; Австрия передохнет и соберет свои разрозненные силы. Армия эрцгерцога Карла остается нетронутой[356]; венгерское «восстание» ** будет готово к действиям через месяц, и вопреки всем внешним признакам можно с уверенностью рассчитывать на верность своим обязательствам и решительность императора Франца II. Он лишь скрепя сердце вступил в переговоры с Буонапарте и заключит с ним сделку на условиях, противоречащих основным интересам Австрии и всей Европы, лишь в том случае, если увидит, что он оказался в полном одиночестве. Для Пруссии, несомненно, очень важно не допустить столь пагубных последствий; действительно, существование Австрийского дома и его значение в политическом равновесии в Европе столь тесно связаны с безопасностью и независимостью всех держав вообще, что упоминать здесь об этом кажется излишним.

Не скрою от Вас, что императора Франца II толкнула на крайнее решение начать сепаратные переговоры со своим врагом главным образом неуверенность в том, что Пруссия выполнит свои обязательства после поражения под Аустерлицем. Полученные нами тем временем депеши с сообщением о мерах, принятых королем на тот случай, если императорские армии будут вынуждены отступить в Силезию, депеши, доставленные генерал-лейтенантом князем Долгоруким, и, наконец, депеши, полученные г-ном Финкенштейном и сообщенные им мне,— все они рассеивают подобные опасения и позволяют надеяться, что в этих обстоятельствах его прусское в-во не пожелает отдать Австрийский дом на милость Буонапарте[357].

Ввиду отсутствия е. в-ва я был лишен возможности испросить его повелений, с одной стороны, по вопросу о прискорбном положении, создающемся вновь в связи с честолюбивыми устремлениями и недобросовестностью Буонапарта, стремящегося низвести несчастную Австрию до ничтожества, а с другой стороны, по вопросу о твердости и великодушии прусского короля и связанных с этим надеждах. Однако я слишком хорошо знаю чувства нашего августейшего повелителя, чтобы усомниться в том, что он одобрит содержание этой депеши, в которой в. пр-ву предлагается употребить все усилия к тому, чтобы король выполнил обязательства, принятые им на себя по Потсдамскому договору, и поддержал Австрию. Было бы крайне пагубно для нашего дела, если бы Австрия была вынуждена уступить Венецию; это означало бы отдать во власть Бонапарте Оттоманскую империю, и последствия этого нового захвата были бы неисчислимы.

Я льщу себя надеждой, что Вам достаточно будет обратить внимание его прусского в-ва на важность вопроса, которому посвящена настоящая депеша, чтобы убедить его принять единственно правильное решение, подсказываемое ему как чувством его достоинства, так и подлинными его интересами; если е. в-во найдет, однако, причины пока не принимать решения, в. пр-ву надлежит настаивать по крайней мере на том, чтобы берлинский двор не принимал окончательного решения, не договорившись заранее с нашим августейшим повелителем, а пока открыто выступил в поддержку Австрии, оставив свои войска в тех пунктах.

** Дворянское конное ополчение.

откуда они могли бы начать операции, как только прусский король сочтет это, так или иначе, целесообразным.

Имею честь...

Князь А. Чарторыйский

P. S. Как только берлинский двор примет какое-либо благоприятное для Австрии и для общего дела в целом решение, соблаговолите, в. пр-во, немедленно известить об этом австрийское министерство либо от имени барона Гарденберга через посредство г-на Финкенштейна, либо от Вашего имени через графа Разумовского. Одновременно Вы не преминете сообщить нам об этом в Петербург, с тем чтобы мы могли своевременно принять меры, которые будут сочтены необходимыми в связи с этим.

Ut in litteris

Князь А. Чарторыйский

210. Посланник в Берлине М. М. Алопеус товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому

18(30) декабря 1805 г.

№ 301

Mon prince, m'étant rendu aujourd'hui de bon matin chez le baron de Hardenberg, il m'assura qu'il ignorait encore si le comte de Haugwitz a achevé sa relation et si par conséquent il y aurait comité chez le roi.[358] S. m., à ce que suppose le ministre de cabinet, écrira elle-même à l'empereur pour transmettre à s. m. i. les communications du comte de Haugwitz.

Le duc de Bronsvic, étant entré hier au soir en conversation avec moi, protesta, sans que je lui eusse demandé la moindre chose, qu'il ne connaissait pas encore *en détail* les communications dont le comte de Haugwitz est chargé. Mais il dit que le Sr Laforest, dans une conversation qu'il avait eue avec lui, a fait sentir combien Bonaparte désirait qu'au moins sur les formes diplomatiques la Russie voulût s'entendre avec la France; il ajouta que l'heureux usurpateur s'est déterminé à expulser le roi de Naples de son royaume, mais que si l'empereur de Russie voulait se prêter à admettre *les formes diplomatiques usitées*,[359] ce souverain pourrait être sauvé, Bonaparte étant prêt en tel cas à le laisser tranquille, uniquement par complaisance pour s. m. i.

Il paraît que Laforest évite autant que possible de traiter avec Mr de Hardenberg. On vient d'insérer dans la gazette de Manheim l'article injurieux que j'ai l'honneur de joindre ici en copie.[360]

J'ai celui d'être ...

Alopeus

P. S. Les ministres s'étant assemblés chez le roi hier au matin à dix heures, la conférence a duré jusqu'à deux heures. On n'en connaît pas encore les résultats mais il est probable, comme le baron de Hardenberg l'a supposé, que le roi écrira lui-même à l'empereur pour les transmettre à s. m. i.

J'ai l'honneur ...

Ut in litteris

Alopeus

Получено 31 декабря 1805 г.

Печат. по подлиннику.

Перевод

Ваше с-во, когда сегодня рано утром я пришел к барону Гарденбергу, он заверил меня, что ему еще не известно, закончил ли граф Гаугвиц свое донесение, и поэтому он не знает, состоится ли заседание комитета у короля[358]. Е. в-во, как предполагает министр кабинета, сам напишет императору и ознакомит его с сообщениями графа Гаугвица.

Герцог Брауншвейгский, вступив вчера вечером в разговор со мною, заверял меня, хотя я совершенно ни о чем его не спрашивал, что ему еще не известны *в деталях* сообщения, которые поручено сделать графу Гаугвицу. Он сказал, однако, что г-н Лафоре в разговоре с ним дал понять, что Бонапарт весьма желает, чтобы Россия, по крайней мере относительно дипломатических форм, договорилась с Францией; он добавил, что удачливый узурпатор решил изгнать короля неаполитанского из его королевства, но, если бы русский император согласился на *общепринятые дипломатические формы*[359], этот государь мог бы быть спасен, так как Бонапарт готов в этом случае оставить его в покое единственно из любезности к е. и. в-ву..

Похоже, что Лафоре уклоняется по возможности от объяснений с г-ном Гарденбергом. В мангеймской газете недавно поместили оскорбительную статью, копию которой я имею честь приложить здесь[360].

Имею честь...

Алопеус

P. S. Вчера в десять часов утра министры собрались у короля на заседание, которое продолжалось до двух часов. Результаты его еще не известны, но, вероятно, как это предполагал барон Гарденберг, король сам напишет императору и сообщит их е. и. в-ву.

Имею честь...

Ut in litteris

Алопеус

ПРИМЕЧАНИЯ *

[1] Имеется в виду вторжение отряда французских драгун во владения маркграфа Баденского и арест герцога Энгиенского в г. Эттенгейме 15 марта 1804 г. Герцог был обвинен в участии в заговоре против Наполеона и расстрелян 21 марта 1804 г. — *7—20, 23, 25, 60, 65, 66, 86, 87, 107, 108, 119, 123, 170, 508, 511.*

[2] Имеется в виду угроза оккупации французскими войсками Королевства Обеих Сицилий и вопрос о совместных англо-русских действиях в связи с этим.—*8, 9, 228.*

[3] Правящие династии Испании и Королевства Обеих Сицилий (Неаполя) являлись двумя ветвями Бурбонского дома. В 1700 г. на испанский престол был возведен внук Людовика XIV Филипп Анжуйский (после коронации — Филипп V), положивший начало испанской линии Бурбонов. Младшие сыновья Филиппа V основали неаполитанскую (в 1735 г.) и пармскую (в 1748 г.) династии Бурбонов.— *8, 9.*

[4] Речь идет об отказе Фридриха-Вильгельма III от предложенного ему Наполеоном в начале 1804 г. союза. С целью привлечь короля к этому союзу Наполеон обещал ему территориальные приобретения на севере Германии (в частности, Ганновер) и пытался уверить в том, что Россия и Австрия якобы заключили тайное соглашение о захвате и разделе европейских владений Турции.— *10—12.*

[5] В указанных депешах излагались соображения о целесообразности проведения переговоров о медиатизации непосредственного дворянства (см. прим. 6) не в Регенсбурге, как предлагало прусское правительство, а в Вене.— *11, 12.*

[6] Речь идет о части германских дворян, являвшихся номинально полноправными членами Германской империи, хотя и не имевших представительства в Имперском сейме. Эти дворяне находились в вассальной зависимости непосредственно от германского императора (откуда и произошло наименование «непосредственное» дворянство) и не признавали над собой сюзеренитета князей, территории которых окружали их владения. Крупные князья постоянно стремились подчинить себе (медиатизировать) непосредственное дворянство. Одну из таких попыток предпринял осенью 1803 г. курфюрст Баварский, введя войска во владения непосредственных дворян на территориях Вюрцбурга и Бамберга, отошедших к нему по решению Имперского сейма 25 февраля 1803 г., и потребовав от них принесения присяги на верность и исполнения всех вассальных повинностей. Примеру курфюрста последовал ряд имперских князей, а также прусский король. Вследствие этого непосредственное дворянство обратилось к Францу II как к германскому императору с просьбой защитить его права от посягательства со стороны князей. Вмешательство Франца II оказалось безрезультатным, после чего Имперский сейм решил просить посредничества Франции и России в разрешении этого спора, подобно тому как это имело место в деле об индемнизации германских князей (см. т. I, прим. 5). Правительства обоих государств дали согласие на посредничество, однако сразу же возникли разногласия по поводу места ведения переговоров. Пруссия предлагала провести переговоры в Регенсбурге, против чего категорически возражала Австрия, опасаясь, что в этом случае будет значительно облегчена возможность активного вмешательства Франции во внутренние дела империи.— *11, 12.*

[7] В упоминаемой депеше от 9 (21) апреля 1803 г. А. А. Чарторыйский предписывал М. М. Алопеусу потребовать от прусского правительства объяснений по поводу военных приготовлений Пруссии на границе с Россией.— *12, 13.*

[8] Ноту под литерой «А» П. Я. Убри вручил Талейрану 30 апреля (12 мая) 1804 г. (см. аннотацию на стр. 54).—*13—15, 17, 18, 23, 25, 54, 57, 65, 66, 82, 84, 92, 96, 107, 108.*

[9] В ноте под литерой «В» заявлялось, что ввиду несоблюдения Францией соглашений, заключенных ею с Россией, русское правительство приняло решение прекратить дипломатические отношения с Францией. Эта нота не была вручена по соображениям, которые П. Я. Убри изложил в донесении А. А. Чарторыйскому от 9 (21) мая 1804 г. (см. аннотацию

---

* Цифры курсивом в конце примечаний обозначают страницы тома, к которым относится данное примечание.

на стр. 61). Содержание ноты легло в основу ноты, врученной П. Я. Убри Талейрану 16 (28) августа 1804 г. (см. аннотацию на стр. 116).—*15, 92, 93, 96, 107, 108.*

[10] По-видимому, имеется в виду письмо А. А. Чарторыйского П. Я. Убри от 6 (18) апреля 1804 г. (опубл. Сб. РИО, т. 77, стр. 565—569). — *16, 17.*

[11] В донесении от 3 (15) апреля 1804 г. В. Г. Лизакевич сообщал, что министр иностранных дел Бернсторф официально заявил ему, что Дания не в состоянии защищать ганзейские города от французов и желает ограничиться лишь обеспечением своей собственной безопасности. — *21, 22, 302, 303.*

[12] В упоминаемом рескрипте Фридриха-Вильгельма III посланнику в С.-Петербурге Гольцу, составленном в начале апреля 1804 г., сообщалось об окончательном отказе Пруссии от заключения с Францией предложенного Наполеоном союза и о том, что король, вынужденный согласиться с оккупацией Ганновера французскими войсками, решительно воспротивится попыткам Наполеона увеличить их численность там. — *26, 28.*

[13] Речь идет о заявлении прусского министерства иностранных дел французскому послу в Берлине Лафоре 2 апреля 1804 г., что так как Франция отказывается заключить соглашение о выводе французских войск из Ганновера и обеспечении свободы торговли на Эльбе и Везере, то Фридрих-Вильгельм III принял решение прекратить переговоры. Было заявлено также, что прусское правительство обязуется не предпринимать каких-либо враждебных действий по отношению к Франции, пока она не будет увеличивать численность своих войск в Ганновере. — *27, 29, 61, 63.*

[14] Весной 1803 г. прусское правительство, обеспокоенное угрозой вторжения французских войск в Ганновер, изъявило желание заключить с Россией соглашение о совместных действиях по обеспечению безопасности государств Северной Германии (см. т. I, док. 176). Александр I одобрил идею такого соглашения и предписал посланнику в Берлине М. М. Алопеусу начать с прусским правительством переговоры по выработке условий соглашения (см. т. I, док. 181). М. М. Алопеус совместно с министром иностранных дел Пруссии Гаугвицем выработал проект конвенции (см. т. I, док. 184). Он был одобрен Александром I и отправлен в Берлин вместе с полномочиями для подписания соглашения (см. т. I, док. 194, 195). Однако к этому времени Ганновер был уже занят французскими войсками без какого-либо противодействия со стороны Пруссии, а Наполеон дал заверения Фридриху-Вильгельму III, что он не будет увеличивать численность своих войск в Ганновере. Основываясь на этом, король принял решение ограничиться политикой строгого нейтралитета и отказался утвердить уже подготовленное сторонами соглашение (см. т. I, док. 198). Отказ прусского правительства от им же самим предложенного соглашения вызвал в Петербурге возмущение, и некоторое время в отношениях между Пруссией и Россией сохранялись холодность и недоверие.

Однако уже в начале 1804 г. прусское правительство снова вынуждено было обратиться к России за поддержкой ввиду все более возраставшей угрозы со стороны Франции. На этот раз, прежде чем дать какой-либо ответ, от него потребовали самых положительных и официальных заверений в том, что оно действительно стремится к союзу с Россией, для того чтобы активно противодействовать Франции (см. т. I, док. 264). Только после того как Фридрих-Вильгельм III известил Александра I, что, надеясь на помощь России, он отказался от заключения с Францией союза, Александр I направил в Берлин подписанную им публикуемую нами декларацию и предписал М. М. Алопеусу добиться от короля подписания аналогичного акта. После непродолжительных переговоров 12 (24) мая 1804 г. была подписана декларация (см. док. 23), оформившая обязательства Пруссии по обеспечению безопасности государств Северной Германии. Однако ст. 4 прусской декларации, излагавшая «*casus foederis*», значительно отличалась от соответствующей статьи русской декларации. В дальнейшем Фридрих-Вильгельм III воспользовался тем, что Россия приняла прусскую редакцию «*casus foederis*», и отказался выступить против Франции, несмотря на требования России.—*30.*

[15] 27 апреля 1804 г. австрийский посол Стадион вручил А. А. Чарторыйскому в ответ на ноту русского министерства иностранных дел от 20 декабря 1803 г. (1 января 1804 г.) (см. т. I, док. 247) памятную записку (опубл. *Beer*, Österreich und Russland, S. 81—91). Сославшись на неблагоприятную политическую обстановку и отсутствие у Австрии экономических и военных возможностей, австрийское правительство отказалось от заключения с Россией соглашения о совместных действиях против Франции.—*33, 36, 44, 46—49, 51.*

[16] Речь идет о письме Франца II Александру I от 1 апреля 1804 г. (опубл. *Beer*, Österreich und Russland, S. 58—61). Франц II предлагал заключить соглашение путем обмена собственноручными письмами между ним и Александром I, подобно тому как были заключены соглашения 1781 и 1789 гг. (опубл. *Ф. Мартенс*, т. II, стр. 107—116, 191—192). Настоящее письмо, являвшееся проектом такого акта, содержало положения о возобновлении русско-австрийского оборонительного союза 3 (14) июля 1792 г. (опубл. *Ф. Мартенс*, т. II, стр. 198—213) и обязательства Австрии в случае возникновения войны между Россией и Австрией, с одной стороны, и Францией — с другой. В письме говорилось о необходимости противодействия агрессивной политике Наполеона, но вместе с тем предлагалось отложить определение случаев, когда Россия и Австрия должны были бы выступить против захватов Франции, до того времени, когда намерения Франции станут более ясными.—*33, 36, 48.*

[17] В письме от 1 апреля 1804 г. предлагалось также возобновить действие секретной декларации о союзе Австрии и России против Пруссии от 23 декабря 1794 г. (3 января 1795 г.) (опубл. *Ф. Мартенс*, т. II, стр. 243—248).—*33, 36*.

[18] Франц II настаивал на том, чтобы Россия выставила армию численностью в 150 тыс. человек.—*35, 37*.

[19] Речь идет о депеше австрийского министерства иностранных дел послу в Петербурге Стадиону от 11 февраля 1804 г. (опубл. *Beer*, Österreich und Russland, S. 75—81), сообщавшей о территориальных приобретениях в Италии, которые австрийское правительство желало бы получить в случае успешного исхода войны против Франции (присоединение к Австрии земель к северу от р. По и к востоку от р. Адды и предоставление курфюрсту Зальцбургскому — бывшему великому герцогу Тосканскому — владений на севере Италии). Копия этой депеши была подписана Францем II и приложена к его письму Александру I от 1 апреля 1804 г. (см. прим. 16). Требования Австрии были приняты Александром I. К публикуемому нами письму была приложена копия указанной депеши со следующей собственноручной надписью Александра I: «Подписывая сие, я ссылаюсь на статью моего собственноручного письма от 25 апреля, относящуюся к содержанию этой депеши в копии. Александр».—*39, 40, 42, 383, 385, 547, 548*.

[20] Речь идет о письме Александра I Францу II от 9 (21) апреля 1804 г., в котором излагались соображения о политической обстановке в Европе в связи с расстрелом герцога Энгиенского и содержалось приглашение заключить с Россией союз с целью положить конец агрессивным стремлениям Наполеона (опубл. *Beer*, Österreich und Russland, S. 62—63).—*44, 46, 49, 50*.

[21] В своей памятной записке (см. прим. 15) австрийское министерство иностранных дел сообщало также, что Англия отказала ему в просьбе о выделении субсидий для австрийской армии и просило русское правительство попытаться со своей стороны добиться английских субсидий для Австрии.—*47, 48*.

[22] Упоминаемая нота была вручена Имперскому сейму 14 мая 1804 г. Текст ноты гласил: «Его императорское и королевское в-во полагает, что французское правительство само намеревается сообщить Империи причины и факты, побудившие его совершить в марте сего года аресты на территории Германии. Поэтому он считает, что ничто не мешает попросить указанное правительство дать удовлетворительные и успокоительные заверения на этот счет». (По арх. материалам, перевод с франц.).—*50, 51*.

[23] В этот день А. А. Чарторыйский направил С. Р. Воронцову еще несколько писем (см. Арх. Воронцова, кн. XV, стр. 178—189).—*52*.

[24] Имеется в виду письмо английского посла в Петербурге Д. Уоррена А. А. Чарторыйскому от 27 апреля 1804 г. (опубл. Арх. Воронцова, кн. XV, стр. 176—178).—*52*.

[25] Упоминаемое сообщение было сделано шведским послом Штедингом в начале мая 1804 г. Содержание его излагается в документе.—*54, 56*.

[26] В результате этого обмена мнениями шведское правительство согласилось на содействие России в англо-шведских переговорах о субсидиях. Усилия русского посланника в Стокгольме Д. М. Алопеуса во многом способствовали заключению 3 декабря 1804 г. (опубл. *G. Martens*, S. IV, p. 158—160) и 19 (31) августа 1805 г. (см. док. 166, 167, 168) англо-шведских конвенций о субсидиях для усиления шведского гарнизона в Штральзунде.—*55, 56*.

[27] Имеется, в частности, в виду депеша Люккезини, прусского посланника в Париже, от 17 мая 1805 г. (опубл. *Bailleu*, Preussen und Frankreich, S. 263—265), в которой он сообщал, в частности, что демарш России по поводу ареста и расстрела герцога Энгиенского вызвал ярость Наполеона. Он начал подготовку к войне с Россией и просит Фридриха-Вильгельма III дать ответ, пропустит ли он русские войска через территорию Пруссии в случае франко-русской войны или нет.—*64—66*.

[28] Имеется в виду нота Талейрана П. Я. Убри от 16 мая 1804 г. (опубл. Сб. РИО, т. 77, стр. 606—609).—*65, 66, 82, 84, 92, 96, 107, 108*.

[29] Речь идет о рескрипте Фридриха-Вильгельма III от 24 мая 1804 г. (опубл. *Bailleu*, Preussen und Frankreich, S. 265—267). Король предписывал Люккезини заверить Наполеона в том, что Пруссия будет соблюдать строгий нейтралитет во франко-русской войне и не допустит прохода русских войск через ее территорию при том, однако, условии, что «Франция не будет продвигаться в Северной Германии далее той линии, которую она занимает в настоящее время».—*65, 66*.

[30] Речь идет о переговорах по заключению русско-австрийского соглашения о совместных действиях против Франции.—*67, 69, 83, 85*.

[31] В депеше от 12 (24) мая 1804 г. А. К. Разумовский сообщал, что венский двор уклонился от немедленного ответа на предложения, содержавшиеся в письме Александра I от 25 апреля (7 мая) 1804 г. (см. док. 15). По мнению А. К. Разумовского, будет почти невозможно склонить австрийское правительство принять русские предложения ввиду крайней боязни, которую оно испытывает перед Наполеоном, «могущество которого действует на австрийский двор, как голова Медузы».—*67, 69*.

[32] В упоминаемом документе австрийское министерство иностранных дел излагало замечания на проект русско-австрийского соглашения, представленный Австрии в виде письма

Александра I Францу II от 25 апреля (7 мая) 1804 г. (см. док. 15). Основные требования сводились к замене формы заключения соглашения (вместо ранее согласованной формы обмена собственноручными письмами между монархами — обмен министерскими декларациями) и к увеличению количества войск, выставляемых Россией, до 150 тыс. человек.—*68, 70.*

[33] Письмо Мирза-Мамед-Шефи П. Д. Цицианову опубл. АКАК, т. II, стр. 807—808. См. также аннотацию на стр. 71.—*71, 126.*

[34] Ответное письмо П. Д. Цицианова от 27 мая (8 июня) 1804 г. опубл. там же, стр. 808—809. См. также аннотацию на стр. 71.—*71, 126.*

[35] Речь идет о письмах папы Пия VII Александру I и кардинала-секретаря Э. Консальви А. А. Чарторыйскому от 3 мая 1804 г. Сообщая об обстоятельствах, вынудивших его выдать Вернега французам, Пий VII просил не разрывать дипломатических отношений с Римом. Э. Консальви со своей стороны выражал надежду, что А. А. Чарторыйский приложит все усилия к сохранению добрых отношений с Римом, так как он имел возможность в период своего пребывания в Риме «убедиться в искренности стремления папского двора к сохранению дружественных отношений с Россией».—*72, 74.*

[36] В своем ответе Пию VII от 23 мая (4 июня) 1804 г. Александр I писал, что, вполне понимая причины, вынудившие папский двор выдать Вернега французам, он тем не менее считает себя обязанным прекратить дипломатические отношения с Римом до тех пор, «пока изменившиеся обстоятельства не дадут возможности восстановить их».—*74, 75.*

[37] В письме от 11 (23) апреля 1804 г. М. Ивелич сообщал А. Я. Италинскому, что находящемуся при черногорском митрополите Негоше аббату Дольчи удалось настроить Негоша против России в пользу Франции, и Ивелич прилагает усилия к тому, чтобы открыть измену Негоша черногорскому народу.—*76, 77.*

[38] Имеется в виду письмо сербских старейшин посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому от 3 (15) мая 1804 г. (опубл. *М. Вукићевић*, Карађорђе, т. I, стр. 402—406).—*77, 78, 89, 91, 155.*

[39] Сербское восстание, начавшееся в феврале 1804 г., явилось важной вехой в истории многовековой национально-освободительной борьбы сербского народа против турецкого владычества. Непосредственным поводом к восстанию послужила резня сербов, учиненная турецкими янычарами во главе с их предводителями (дахиями). На борьбу против турецких завоевателей поднялись широкие массы сербского народа во главе с Кара-Георгием (Георгием Черным). В начале восстания турецкое правительство, находившееся в остром конфликте с янычарами, не признававшими верховной власти султана, занимало выжидательную позицию в отношении сербских повстанцев, рассчитывая при благоприятном обороте дела восстановить свою власть в Белградском пашалыке. Но успехи повстанцев в первые месяцы борьбы побудили Порту принять меры к ликвидации восстания. С этой целью в июле 1804 г. в Сербию был направлен боснийский визирь Бечир-паша. С самого начала восстания Россия сочувственно относилась к сербским повстанцам, оказывая сербам материальную помощь (см. док. 73, 81) и действенную дипломатическую поддержку, в частности, через своего посланника в Константинополе А. Я. Италинского (см. док. 43, 51, 55).

В 1804—1805 гг. в условиях надвигавшейся войны с Францией и угрозы появления наполеоновских войск на Балканах Россия опасалась оказывать прямую военную помощь сербским повстанцам, не желая вступать в вооруженный конфликт с Турцией, с которой она была связана договором об оборонительном союзе. Позднее, во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг., имевшей большое значение для борьбы сербского народа за независимость, русские войска оказали открытую военную поддержку сербскому восстанию. В ходе русско-турецких переговоров о мире в 1807—1812 гг. русские представители неизменно настаивали на улучшении положения сербов и добились включения в Бухарестский мирный договор, подписанный 16 (28) мая 1812 г., статьи 8-й, в силу которой Порта обязывалась предоставить сербам определенную автономию во внутреннем управлении.—*77, 78, 248.*

[40] В 1801 г. в результате междоусобной борьбы 4 дахия захватили власть в Белградском пашалыке и установили режим военного террора и насилия в отношении сербов. Белградский пашалык был разделен на 4 части — уделы дахиев. Автономия, предоставленная Сербии султанскими фирманами 1793, 1794, 1796 гг., была отменена.—*77, 78.*

[41] Имеется в виду нота А. А. Чарторыйского Гедувилю от 25 мая (6 июня) 1804 г. (опубл. Сб. РИО, т. 77, стр. 638—639), в которой сообщалось об отказе Гедувилю в аудиенции у императора ввиду того, что неизвестен ответ французского правительства на ноту России по поводу ареста и расстрела герцога Энгиенского (см. прим. 8).—*82, 84.*

[42] Наполеон Бонапарт был провозглашен императором французов указом Сената от 18 мая 1804 г. —*82, 85, 171, 172.*

[43] В донесении от 16(28) мая 1804 г. А. К. Разумовский сообщил о намерении Франца II объявить себя наследственным императором Австрии и признать Наполеона императором Франции, если он признает новый императорский титул за Австрийским домом.—*83, 85.*

[44] Речь идет о депеше от 23 мая (4 июня) 1804 г. В ней А. К. Разумовский извещал о своей беседе с австрийским министром иностранных дел Л. Кобенцлем, который сообщил ему о способе, предложенном Австрии французским правительством для урегулирования

инцидента с арестом герцога Энгиенского. Согласно французскому предложению, маркграф Баденский должен был бы сделать заявление о том, что арест французскими властями герцога Энгиенского в Эттенгейме был произведен с ведома и согласия маркграфа, в связи с чем должны были бы отпасть претензии, предъявляемые Франции по этому поводу. Кобенцль в ответ на это заявил, что предлагаемый Францией способ неприемлем, так как общеизвестно, что арест герцога Энгиенского был произведен без предварительного уведомления маркграфа.—*87*.

[45] Речь идет о намерении русского правительства создать в соседних с владениями Али-паши областях союз местных правителей против паши Янинского. Подобного рода союз мог бы явиться и противовесом политике, которую проводила на Балканах Франция. Русское правительство считало, что опорой Франции могли стать области, подвластные Али-паше, и, поддерживая против последнего население прибрежных областей, стремилось создать свою систему союзов. При содействии представителя Г. Д. Моцениго консула Бенаки 17 мая 1804 г. между пашами городов Дельвины, Кониспoли, Маргаритиона и Парамитьи был заключен договор о союзе и совместных действиях в борьбе против Али-паши Янины. Договор предусматривал также оказание его участниками помощи сулиотам, борющимся против Али-паши.—*87, 88*.

[46] Упоминаемое соглашение было заключено Г. Д. Моцениго 2 мая 1804 г. В соглашении говорилось, что «если начнется война между Али-пашой и Мустафа-пашой (пашой Дельвины.— *Прим. ред.*), то граф Моцениго обязуется оказать Мустафе-паше всемерную помощь». Соглашение предусматривало, что эта помощь должна оказываться путем снабжения химариотов продовольствием, пушками и порохом. Кроме того, Моцениго обязался принять меры к тому, чтобы помешать кораблям Али-паши подвозить подкрепления и продовольствие его войскам.—*88*.

[47] Намереваясь выяснить отношение турецкого правительства к сербским повстанцам и засевшим в белградской крепости дахиям, австрийский интернунций в Константинополе в беседе с реис-эфенди, состоявшейся в конце мая 1804 г., заявил, что сербские повстанцы неоднократно обращались к австрийским пограничным властям с просьбой принять участие в качестве посредников в переговорах между повстанцами и белградскими дахиями и что австрийские офицеры принимали участие в таких переговорах в Шабаце и Земуне в мае 1804 г. Как сказал интернунций, сербские старейшины изъявили готовность перейти под покровительство Австрии, лишь бы избавиться от насилий со стороны дахиев, и передать Австрии Белград, Смедерево и Шабац, как только повстанцы освободят их от янычар. Старейшины заявили будто бы, что, если Австрия не согласится на это, сербы обратятся за помощью к какой-либо другой державе. На это реис-эфенди ответил, что Порта уже приняла меры к умиротворению восстания и отдала приказ боснийскому визирю Бечир-паше направиться со своим войском в Сербию и установить там порядок.—*89, 91*.

[48] Речь идет о русско-турецкой войне 1787—1791 гг., в которой Австрия до 1790 г. принимала участие на стороне России.—*89, 91*.

[49] Речь идет о донесении П. Я. Убри А. А. Чарторыйскому от 9(21) мая, в котором излагались мотивы, побудившие его воздержаться от вручения ноты о разрыве отношений с Францией (см. аннотацию на стр. 61).—*93, 96*.

[50] Нота, текст которой был приложен к письму А. А. Чарторыйского под литерой «А», была вручена П. Я. Убри Талейрану 9(21) июля 1804 г. (см. аннотацию на стр. 109).—*94, 97*.

[51] Нота, текст которой был приложен к письму А. А. Чарторыйского под литерой «В», была вручена П. Я. Убри Талейрану 17(29) августа 1804 г. (см. аннотацию на стр. 119).—*94, 97*.

[52] Имеется в виду депеша А. А. Чарторыйского от 22 июня (4 июля) 1804 г., в которой давалось указание П. Я. Убри при вручении ноты «А» (см. прим. 50) кратко перечислить Талейрану ряд действий французского правительства, расцениваемых как неприязненные по отношению к России: отношение к А. И. Моркову, дело д'Антрэга и дело Вернега, ограничение числа служащих в русской миссии в Париже, инцидент с Кристеном, отказ русским дипломатическим агентам в праве защищать интересы подданных Республики Семи Соединенных островов и т. д.—*95, 98*.

[53] Наполеон был провозглашен королем Италии 17 марта 1805 г. решением консульты Итальянской республики и коронован в Милане 26 мая 1805 г.—*98, 99*.

[54] В депеше от 2(14) мая А. Я. Италинский излагал историю переговоров между Россией и Турцией по вопросу о заключении русско-турецкой конвенции от 21 марта 1800 г. о статусе Ионических островов и свои соображения относительно диплома Турции Республике Семи Соединенных островов (см. т. I, прим. 325).—*104, 106*.

[55] Речь идет о врученном австрийским послом Стадионом А. А. Чарторыйскому проекте декларации Австрии от 17 июня 1804 г. о совместных с Россией действиях против Франции (опубл. *Beer*, Österreich und Russland, S. 92—105).—*107, 109*.

[56] А. А. Чарторыйский имеет в виду свою инструкцию Г. Д. Моцениго от того же числа, в которой одобрялись предложенные Г. Д. Моцениго в докладе царю от 15(27) апреля 1804 г.

меры по обороне Республики Семи Соединенных островов и албанского побережья в случае французского десанта.—*110, 112*.

[57] К инструкции Р. К. Анрепу был приложен манифест к населению Албании и Греции, который он должен был опубликовать в случае высадки там французских войск. В манифесте содержались призыв к грекам и албанцам выступить против французов и обещание добиться для греков и албанцев «прерогатив, льгот и привилегий, которые обеспечат их странам мир, счастье и благополучие».—*111, 112*.

[58] 26 февраля (9 марта) 1804 г. А. А. Чарторыйский предписал С. Р. Воронцову посоветовать английскому министерству иностранных дел заменить Форести — английского министра-резидента на Ионических островах — ввиду того, что он не в состоянии обеспечить проведение политики, соответствующей интересам России и Англии. Английское министерство ответило С. Р. Воронцову, что оно считает возможным оставить Форести, дав ему указания более тесно сотрудничать с Г. Д. Моцениго.—*111, 113*.

[59] В письме от 19 апреля (1 мая) 1804 г. Г. Д. Моцениго сообщил А. А. Чарторыйскому, что один из арматолисов (греков, скрывавшихся от турок в горах Северной Греции) написал французскому комиссару на о. Занте письмо, в котором обещал французам помощь арматолисов, если французские войска высадятся в Греции.—*112, 113*.

[60] Речь идет, по-видимому, о письме английского министра иностранных дел Гарроуби посланнику в Вене Пэджету от 24 июля 1804 г. (опубл. The Paget papers, v. II, p. 139—140).—*113, 114*.

[61] Речь идет о ноте турецкого правительства, врученной А. Я. Италинскому 17(29) июня 1804 г. Турецкое правительство присоединялось к протесту России в связи с арестом и расстрелом герцога Энгиенского и выражало согласие на продление русско-турецкого союзного договора 23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.).—*115, 119, 123, 144, 150*.

[62] 10 мая 1804 г. был образован новый английский кабинет во главе с Питтом, сменившим Аддингтона. Министром иностранных дел был назначен Гарроуби.—*116*.

[63] Речь идет об объяснении, имевшем место в июне 1804 г., между А. Я. Италинским и английским поверенным в делах в Константинополе Стратоном, потребовавшим от турецкого правительства копии депеши А. А. Чарторыйского А. Я. Италинскому от 16(28) апреля 1804 г. (см. док. 11), переданной А. Я. Италинским реис-эфенди, и ответной ноты турецкого правительства (см. прим. 61). А. Я. Италинский, в частности, указал Стратону на необоснованность его претензий, поскольку о содержании вышеупомянутой депеши Стратон был информирован.—*116*.

[64] В упоминаемой депеше А. Я. Италинский сообщал об обстоятельствах вступления в Белград войск боснийского визиря Бечир-паши. Бечир-паша, посланный Портой для примирения дахиев с восставшими сербами, подошел к Белграду 12 июля 1804 г. и вступил в переговоры с сербами и дахиями. Переговоры закончились неудачей, и дахии, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, бежали из Белграда по Дунаю. Однако они были взяты в плен сербским воеводой Миленко Стойковичем и по приказанию Бечир-паши убиты. После бегства дахиев крепость оказалась в руках Гушанц-али, призванного ими на помощь весной 1804 г., который 22 июля (3 августа) 1804 г. открыл ворота белградской крепости Бечир-паше, надеясь заслужить этим прощение от турецкого правительства.

Подробнее об обстоятельствах вступления в Белград Бечир-паши см. *Вукићевић*, Карађорђе и *Попов*, Россия и Сербия, часть I.—*116, 118*.

[65] В письме от 17(29) июля 1804 г. А. А. Чарторыйский рекомендовал А. Я. Италинскому проявлять осторожность в переговорах с Портой относительно сербских повстанцев, с тем чтобы не вызвать подозрений у турецкого правительства. До овладения повстанцами Белградом, по мнению А. А. Чарторыйского, не следовало предпринимать активного вмешательства в пользу сербов, так как это не могло послужить им на пользу. В письме, в частности, говорилось: «Как только белградская крепость окажется в руках сербов, мы могли бы, как Вы это отмечаете, действенно вмешаться в их дело и добиться от Порты выгодных для них условий... Однако без артиллерии и боеприпасов в условиях, когда австрийцы поставляют продовольствие гарнизону, трудно надеяться на удачный исход этого предприятия.

Сербы находятся на слишком большом расстоянии от тех пунктов, через которые мы могли бы послать им тайно необходимую помощь, а денежные средства оказались бы для них бесполезными ввиду того, что австрийцы не склонны поставлять им боеприпасы.

Пока что, поскольку мы не можем оставаться равнодушными к судьбе этого народа, самое лучшее, что Вы можете сделать,— это идти тем путем, который Вы себе наметили, и при удобном случае, когда Вы будете уверены, что это Вас не скомпрометирует, устно сообщить им о наших добрых намерениях по отношению к ним; однако одновременно придется уведомить их о тех трудностях, которые препятствуют оказанию им помощи, посоветовать им использовать все средства для того, чтобы овладеть Белградом, дабы этим путем заставить Порту вступить в переговоры с ними, дать понять им, что лишь тогда мы могли бы выступить в их защиту с целью добиться выгодных условий и, предоставив им гарантию, получить право оказывать им в будущем защиту». (Перевод с франц., печат. по арх. материалам).—*116, 118*.

[66] Гушанц-али являлся одним из сподвижников Позвант-оглу. Весной 1804 г. он вступил в Белград, где оставался до 17 декабря 1805 г., когда под нажимом сербов, осаждавших

Белград, был вынужден оставить его и удалиться в Видин. Подробнее о Гушанц-али см. *Вукићевић*, Карађорђе, т. II.—*117, 118.*

[67] Имеется в виду союзный русско-турецкий договор 1799 г. (см. т. I, прим. 86), который был заключен сроком на 8 лет.—*119, 123, 156, 204, 206, 227, 241, 295, 296.*

[68] Имеется в виду отрывок из ноты министра иностранных дел Англии Гарроуби С. Р. Воронцову от 26 июня 1804 г.: «Исключительно важно, чтобы представителям обеих держав было предписано приложить все усилия к тому, чтобы нейтрализовать неблагоприятное впечатление, которое могло бы быть произведено на Порту тем, что войска России или Англии в крайнем случае были бы вынуждены временно занять какие-либо важные пункты [турецких владений.— *Прим. ред.*] для защиты их от французов. (Опубл. *Rose*, Select dispatches, р. 14—19). Из этой ноты видно, что английское правительство предусматривало, в случае необходимости, оккупацию ряда территорий, принадлежавших Турции. См. также прим. 157.—*120—124.*

[69] В указанной депеше А. А. Чарторыйский предписывал С. Р. Воронцову разъяснить английскому правительству позицию России в вопросе о защите Неаполя и европейских владений Турции от французских войск: Россия начнет немедленно военные действия против Франции, если она посягнет на европейские владения Турции, поскольку Россия в состоянии вести войну в этом районе даже без чьей-либо помощи. Но ввиду удаленности Неаполитанского королевства от России и трудностей, связанных с транспортировкой по морю и снабжением войск, Россия не сможет прийти ему на помощь в случае нападения французов, если Австрия не согласится действовать совместно с Россией и Англией.—*122, 126.*

[70] Письмом от 13(25) июля А. К. Разумовский сообщил А. А. Чарторыйскому о том, что английский посланник в Вене Пэджет просил его содействия в доставке английскому посланнику в Неаполе инструкций, направляемых ему в связи с достигнутой между правительствами России и Англии договоренностью о том, что русские войска на Ионических островах немедленно выступят на помощь Неаполю, если он подвергнется нападению французов.—*123, 126.*

[71] Имеются в виду три депеши А. Я. Италинского А. А. Чарторыйскому от 16(28) июля. В одной из них А. Я. Италинский сообщал, что он добился от реис-эфенди предписания турецким пашам в прибрежных провинциях Албании оказывать всемерное содействие командующему русскими войсками на о. Корфу генерал-майору Анрепу и извещал о согласии турецкого правительства возобновить снабжение корфийской крепости боеприпасами. Две другие депеши касались мореплавания в Черном море.—*126.*

[72] В депеше № 82 от 22 августа (3 сентября) 1804 г. А. К. Разумовский писал, что ему почти удалось склонить Австрию к принятию русских предложений о заключении союза.—*128, 130.*

[73] Речь идет об инструкции А. А. Чарторыйского П. Я. Убри от 22 июня (4 июля) 1804 г., которой ему предписывалось потребовать от Франции выполнения ее обязательств в отношении России. В исполнение этого предписания П. Я. Убри вручил Талейрану 9(21) июля 1804 г. ноту (см. аннотацию на стр. 109).—*129, 130.*

[74] Австрийский двор настаивал на том, чтобы Россия выставила 150-тысячную армию для участия в военных действиях против Франции, в то время как русское правительство считало достаточным 115 тыс. человек.—*129, 130.*

[75] 20 июля 1804 г. представитель Ганновера на Регенсбургском сейме Реден сделал заявление, что он полностью поддерживает русское заявление от 26 апреля (6 мая) 1804 г. (см. док. I) и считает, что сейм должен потребовать от Наполеона объяснений по поводу ареста герцога Энгиенского и заверений, что подобные нарушения суверенитета империи не будут допущены в будущем. Однако это заявление не было поставлено на обсуждение, а 27 августа 1804 г. сейм по указанию Франца II был распущен на каникулы.—*129, 130.*

[76] Имеются в виду изменения в устройстве Империи, оформленные так называемым Имперским протоколом 25 февраля 1803 г. (опубл. *G. Martens*, S. III, р. 239—355).—*129, 130.*

[77] Речь идет о письме английского министра иностранных дел Гарроуби С. Р. Воронцову от 26 июня 1804 г. (опубл. *Rose*, Select dispatches, р. 14—19).—*132, 136.*

[78] Имеется в виду рескрипт С. Р. Воронцову от 18 (30) августа 1804 г. (опубл. Арх. Воронцова, кн. X, стр. 307—310).—*132, 136.*

[79] Настоящая инструкция была вручена Н. Н. Новосильцеву для ведения переговоров о коалиции европейских держав против Франции. Уже с конца 1803 г. русское правительство стремилось создать систему союзов с рядом европейских государств, которая должна была бы воспрепятствовать расширению завоеваний Франции в Европе. К моменту миссии Н. Н. Новосильцева царским правительством были заключены конвенции с Данией (см. т. I, док. 270) и Пруссией (см. док. 13, 23) о совместных действиях по обороне Северной Германии; велись переговоры по заключению соглашений с Австрией и Швецией. Однако все эти соглашения носили локальный характер, так как содержавшиеся в них обязательства начать военные действия против Франции вступали в силу лишь в случае нарушения ею *status quo* в районе, непосредственно затрагивавшем интересы союзников России. В целом эти соглашения не обеспечивали единства действий континентальных держав против Франции.

К осени 1804 г., когда возможность дальнейших аннексий Франции в Центральной Европе и Средиземноморье стала совершенно очевидной, русское правительство решило отказаться от частичных мероприятий и попытаться противопоставить завоевательной политике Франции наступательный союз европейских государств. В создании такого союза была крайне заинтересована и Англия, с правительством которой уже велись предварительные переговоры. Так как русский посол в Лондоне С. Р. Воронцов не пользовался полным доверием царя и министерства, то было решено направить в Лондон товарища министра юстиции Н. Н. Новосильцева в качестве личного представителя Александра I, снабдив его публикуемыми в настоящем томе инструкциями. Н. Н. Новосильцев должен был отправиться в Лондон под предлогом изучения британского государственного права и вести переговоры о создании коалиции без ведома С. Р. Воронцова. Только после того как обе стороны пришли бы к единому мнению, английское правительство должно было уже от своего имени сообщить русскому послу основные положения будущего договора и завершить с ним оставшуюся часть работы. Н. Н. Новосильцев находился в Лондоне с 16 ноября 1804 г. по 27 января 1805 г. В течение этого времени он обсудил с премьер-министром Англии Питтом (см. док. 79) основные вопросы создания будущей коалиции. По договоренности между Н. Н. Новосильцевым и Питтом последним был составлен проект англо-русского союзного договора (см. прим. 137), который и был вручен 20 января 1805 г. от имени английского правительства русскому послу в Лондоне и английскому в С.-Петербурге в качестве основы для ведения дальнейших переговоров.

До сих пор еще в исторической литературе распространено мнение, сложившееся под влиянием буржуазной, в первую очередь французской, историографии, о том, что русское правительство вошло в третью антинаполеоновскую коалицию, преследуя цель немедленно удовлетворить свои притязания на Польшу и овладеть европейскими владениями Турции, в частности Константинополем и проливами. В обоснование такого толкования направления русской внешней политики в 1804—1805 гг. ссылаются лишь на мемуары князя Чарторыйского (Mémoires du prince Adam Czartoryski et sa correspondance avec l'empereur Alexandre I, P. 1887), в которых наряду с воспоминаниями Чарторыйского опубликована т. н. «Записка об устройстве европейских дел», датированная 1804 годом. Помимо этого, ссылаются на т. н. «секретную инструкцию» Чарторыйского Н. Н. Новосильцеву. Эта инструкция впервые публикуется нами под заголовком «Дополнительные замечания к секретной инструкции Александра I Н. Н. Новосильцеву» (док. 51), но и она не говорит о притязаниях России на Польшу и на Константинополь.

Из публикуемых нами документов видно, что Новосильцеву не давалось поручения обсуждать с английским правительством вопросов о Польше и разделе Турции. Это положение подтверждается также и тем, что в переписке Новосильцева с царем и Чарторыйским в этот период эти вопросы вовсе не обсуждались, как не обсуждались они и в беседах Новосильцева с Питтом, в чем можно убедиться, прочитав отчет Новосильцева царю (док. 79). Таким образом, можно констатировать, что материалы миссии Новосильцева, в том числе и пресловутая «секретная инструкция», не дают оснований для вышеприведенных высказываний о ближайших целях русской политики в тот период. Что же касается «Записки об устройстве европейских дел» (см. Мемуары Чарторыйского, т. II, стр. 58—61), то в ней имеются упоминания о некоторых исторических фактах, имевших место не раньше середины или конца 1806 г. (Так, например, в «Записке» говорится об изгнании короля Обеих Сицилий, о Голландии — как королевстве, о Берге — как герцогстве, о Тироле — как самостоятельном государстве). Это не позволяет отнести дату составления упомянутой записки к 1804 г., как это сделали составители приложений к Мемуарам. Кроме того, содержание «Записки» разительно противоречит направлению русской внешней политики в тот период по отношению к другим государствам, в чем можно убедиться, сопоставив «Записку» с публикуемыми в этом томе материалами. Записка эта, даже если она является подлинной, не могла быть написана ранее середины 1806 г., когда Чарторыйский уже не был управляющим российским министерством иностранных дел, а следовательно, она не может быть отнесена к числу российских дипломатических документов. Подлинник или копии этой записки в АВПР не обнаружены.

Появление мнения о том, что Россия в 1804—1805 гг. стремилась вступить в войну с наполеоновской империей с целью захвата Польши и Константинополя, видимо, было обусловлено тем, что, не имея в своем распоряжении подлинных внешнеполитических русских документов, историки воспользовались воспоминаниями Чарторыйского, который стремился представить свою деятельность на посту руководителя министерства иностранных дел России в более выгодном свете в глазах поддерживавших его кругов польской эмиграции, и некритически отнеслись к помещенным в этом издании материалам и к их датировке.— *138*.

[80] Вестфальский мир 1648 г. завершил Тридцатилетнюю войну 1618—1648 гг. (См. *Garden*, Histoire générale des traités de paix, v. I). —*141, 148*.

[81] Речь идет о предварительном варианте проекта союзного договора с Турцией, врученном Н. Н. Новосильцеву для обсуждения с английским кабинетом. Гласные статьи договора содержали обязательство о возобновлении русско-турецкого оборонительного союза.

Секретные статьи предусматривали присоединение Турции к коалиции против Франции и оказание взаимной помощи в случае, если бы одна из договаривающихся держав подверглась нападению со стороны Франции. В соответствии с этими статьями Порта должна была предоставить Англии возможность использовать ряд своих портов на Балканах в качестве баз для крейсирования английской эскадры в Адриатике, а также разрешить русской армии в количестве не свыше 20 тыс. человек занять позицию на Дунае, с тем чтобы она имела возможность немедленно прийти на помощь турецким войскам на Адриатическом побережье в случае высадки французского десанта. В силу одной из отдельных («особенных») статей Порта должна была отменить свой диплом 1801 г. для Ионической республики (см. т. I, прим. 324) и согласиться на пребывание русских войск на Корфу вплоть до очищения Италии от французских войск. Согласно другой отдельной статье проекта Россия подтверждала, что ее подданные — мусульмане будут по-прежнему пользоваться свободой вероисповедания и гражданскими правами наравне с православными подданными, а Порта обязывалась предоставить такие же права всем своим подданным-христианам, в частности грекам.— *152, 154, 227, 228, 241, 258, 306, 307.*

[82] Имеется в виду донесение А. К. Разумовского от 19 (31) августа 1804 г. о событиях в Белграде и об отношении Австрии к сербскому восстанию. Австрийское правительство советовало сербам прекратить восстание и, по-существу, отказалось от поддержки повстанцев. Об отношении самих сербских повстанцев к Австрии можно судить по донесению генерального консула в Яссах И. Ф. Болкунова, который в своем секретном донесении А. А. Чарторыйскому от 28 мая (10 июня) 1805 г. сообщал следующее: «Приехав в Букорест, я застал уже здесь возвратившегося из Сербии человека от г-на Новаковича, который был послан от него по известным препоручениям, а в отсутствие его, оставаясь здесь, будет продолжать сношения с народом сербским. Также нашлись здесь еще два полномочных сербской нации: один, бывший депутатом в С.-Петербурге и который был назначен в том же качестве в Константинополь на случай невозможности самому капитану Новаковичу отправиться, а другой — тайный секретарь Черни-Георгия Стефан Евтич, присланный сюда единственно с словесными извещениями... О расположении славяно-сербов к австрийскому двору сказанные полномочные уверяли, что, кроме естественных причин, разделяющих один народ от другого, сербы имеют другие, основательные, не входить с оным в близкие сношения и что, напротив, поведение австрийцев снабдением, вопреки просьбам их, белградских турок припасами и дозволением убежища некоторым из неприятелей сербов, избегшим праведного их мщения, без сомнения, рождают в них недоверчивость и остуду к сим своим соседям...» (По арх. материалам).— *154.*

[83] В письме от 18 (30) сентября 1804 г. А. А. Чарторыйский предписывал генеральному консулу в Яссах А. А. Жерве посоветовать сербам обратиться с прошением об оказании помощи к Александру I. 29 сентября (11 октября) 1805 г. на имя Александра I было получено письмо от сербских повстанцев от 15 июля 1804 г., подписанное Кара-Георгием и другими предводителями повстанцев и содержавшее просьбу об оказании помощи сербскому народу.— *155.*

[84] Речь идет о ноте, врученной реис-эфенди французскому послу в Константинополе Брюну в августе 1804 г.: турецкое правительство уклонялось от окончательного ответа на требование Брюна признать Наполеона императором французов.— *156, 205, 206.*

[85] В состоявшейся 8 (20) сентября 1804 г. беседе реис-эфенди с французским послом Брюном реис-эфенди по поручению Селима III решительно заявил, что Турция не может признать Наполеона императором без предварительного согласования с Россией, так как к этому ее обязывает ст. 4 русско-турецкого союзного договора от 23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.).— *156, 157.*

[86] Речь идет о бракосочетании сестры Александра I Марии Павловны с наследным принцем Саксен-Веймарским и Эйзенахским Карлом-Фридрихом.— *158, 160.*

[87] Имеется в виду нота представителя Франца II Хюгеля Имперскому сейму от 14 мая 1804 г. (см. прим. 22). Представитель Пруссии Гертц ограничился выражением надежды на то, что Наполеон не замедлит представить «достаточные и успокоительные объяснения». 2 июля 1804 г. Гертц, являвшийся одновременно и представителем маркграфа Баденского, заявил от его имени Сейму, что Франция дала маркграфу достаточные объяснения, и так как дальнейшее обсуждение русской ноты могло бы иметь нежелательные последствия для мира в Европе и безопасности Германской империи, то он желает, чтобы Сейм снял ее с повестки дня. На том же заседании Гертц уже от лица Пруссии поддержал заявление Бадена. Однако 13 июля 1804 г. Хюгель от имени германского императора потребовал дальнейшего обсуждения русской ноты, в связи с чем Сейму предстояло голосование по этому вопросу. В ответ на упрек М. М. Алопеуса в том, что Пруссия отказалась от своего первоначального решения и не проявила последовательности, выказанной Австрией, Гарденберг ответил, что позиция Пруссии была более честной, так как она откровенно поддержала баденскую ноту, стремясь к сохранению мира, в то время как Австрия действовала неискренне, ибо она сделала свое заявление о необходимости продолжать обсуждение русской ноты, зная, что большая часть представителей на Сейме разъехалась и голосование было невозможно.— *158, 160.*

[88] Имеется в виду фактическое прекращение обсуждения ноты Клюпфеля Имперским сеймом после заявления, сделанного от имени маркграфа Баденского 2 июля 1804 г. (см. прим. 87).— *159, 160.*

[89] В беседе с М. М. Алопеусом 7 июля 1804 г. прусский министр иностранных дел Гарденберг заявил, что согласно германскому публичному праву и устройству Империи она должна становиться на защиту своего сочлена только в том случае, когда он делает об этом формальный запрос Имперскому сейму. А так как маркграф Баденский заявил о том, что удовлетворен объяснениями, данными французским правительством по поводу ареста герцога Энгиенского, то ни император, ни Империя не могут вмешиваться далее в это дело, не нарушая суверенных прав маркграфа.— *159, 160.*

[90] В той же беседе М. М. Алопеус заметил, что преамбула прусской декларации от 24 мая 1804 г. (см. док. 23) содержит выражения, из которых можно заключить, что Пруссия смирилась с захватами, осуществленными Францией на Севере Германии. В ответ на это Гарденберг заявил, что Пруссия не намерена мириться с ними, но считает, что, пока длится англо-французская война, ничего предпринять нельзя и вопрос этот может быть поставлен только после установления мира.— *159, 161.*

[91] Французские оккупационные власти в Ганновере потребовали от города Бремена предоставления Ганноверу займа для нужд французских войск. После отказа бременских властей французы лишили этот город возможности сообщения с Ганновером. Тогда Бремен был вынужден предоставить требуемый заем в размере 350 тыс. экю.— *161, 162.*

[92] В секретном докладе русского генерального консула в Яссах А. А. Жерве А. А. Чарторыйскому от 14 (26) сентября 1804 г. сообщалось о прибытии в Яссы сербских депутатов П. Новаковича, И. Протича и М. Стефановича, направлявшихся в С.-Петербург, с тем чтобы просить у Александра I помощи сербскому народу, восставшему против турок. По сведениям, полученным от них, сербское войско численностью в 20 тыс. человек осадило Белград. Если бы у сербов было достаточно оружия и другого военного снаряжения, они могли бы выставить до 150 тыс. человек.— *163.*

[93] Речь идет о рескрипте Фридриха-Вильгельма III прусскому посланнику в С.-Петербурге Гольцу от 24 сентября 1804 г. В нем, в частности, сообщалось, что французский посланник в Берлине Лафоре неоднократно заверял прусский кабинет в искреннем стремлении Франции к улучшению отношений с Россией. Считая примирение России с Францией необходимым для обеспечения безопасности владений государей — членов Германской империи и сохранения мира в Европе, король предписывал Гольцу просить русское правительство принять предложение Лафоре начать в Берлине при посредничестве Пруссии переговоры о примирении России с Францией.— *164—166.*

[94] Имеется в виду нота французского поверенного в делах в С.-Петербурге Рейневаля А. А. Чарторыйскому от 20 октября 1804 г. (опубл. Сб. РИО, т. 77, стр. 745—748).— *164—166.*

[95] Имеется в виду нота поверенного в делах России в Париже П. Я. Убри Талейрану от 16 (28) августа 1804 г. (см. аннотацию на стр. 116).—*164, 166.*

[96] Летом 1804 г. между Францией и Швецией резко обострились отношения в связи с отказом шведского короля признать императорский титул Наполеона. Вследствие этого король принял решение усилить гарнизоны в Шведской Померании. Прусское правительство заявило королю, что военные приготовления Швеции могут быть расценены Наполеоном как враждебные по отношению к Франции и что это создаст предлог для оккупации Шведской Померании французскими войсками. Оно потребовало на этом основании от короля прекратить военные приготовления и одновременно заявило французскому правительству, что, хотя Пруссия ни в коем случае не принимает стороны Швеции, она также не может допустить занятия Шведской Померании французскими войсками. М. М. Алопеус в депеше от 20 сентября (2 октября) 1804 г. сообщал, что, по его мнению, Пруссия сама намеревается оккупировать Шведскую Померанию под предлогом предотвращения военного столкновения между Францией и Швецией.— *167, 168.*

[97] Имеется в виду союзный договор между Россией и Швецией, заключенный в Гатчине 18 (29) октября 1799 г. (опубл. *G. Martens*, R. VII, p. 365—372).— *167, 168, 185, 186, 262, 264, 267—269, 274, 278, 411, 412.*

[98] Имеется в виду донесение П. Я. Убри А. А. Чарторыйскому от 22 сентября (4 октября) 1804 г. (см. аннотацию на стр. 156).— *169.*

[99] Рескриптом от 6 (18) октября 1804 г. М. М. Алопеусу было предписано сообщить прусскому правительству, что Александр I одобряет заявление Фридриха-Вильгельма III о недопустимости оккупации Шведской Померании французскими войсками, но считает необходимым, чтобы Пруссия подкрепила этот демарш приведением в боевую готовность войск, для того чтобы иметь возможность дать отпор Франции, если она все же попытается вторгнуться в Померанию. Одновременно предписывалось заявить, что Александр I считает вполне правильным намерение шведского короля усилить гарнизоны в Померании и что Пруссии не следует препятствовать этому.— *169, 170.*

[100] Речь идет об аресте французскими властями в Гамбурге английского поверенного в делах при округе Нижняя Саксония Румбольда и захвате его архивов. Арест был произве-

ден по приказанию министра полиции Франции Фуше в ночь с 24 на 25 октября 1804 г. под тем предлогом, что Румбольд якобы занимался шпионажем.— *170, 193, 194, 508, 511.*

[101] Речь идет о заявлении М. М. Алопеуса прусскому министру иностранных дел Гарденбергу 27 октября 1804 г. Указав на то, что арест Румбольда французскими властями на территории Гамбурга является нарушением нейтралитета Северной Германии, М. М. Алопеус потребовал от Пруссии выполнения ею обязательств, предусмотренных соглашением о совместных действиях с Россией по защите Северной Германии (см. док. 23).— *170.*

[102] Речь идет об оккупации войсками Али-паши городов Парги, Превезы, Бутринто и Воницы, находившихся под покровительством Турции и России согласно русско-турецкой конвенции от 21 марта 1800 г. (см. т. I, прим. 87).— *171, 172.*

[103] Царское правительство добивалось, чтобы Порта разрешила провоз по реке Риони в район Кутаиси и Тифлиса продовольствия, доставляемого из Крыма в порт Поти. В сентябре 1804 г. в результате настояний А. Я. Италинского султан предписал турецкому командующему в районе Поти Селим-паше не препятствовать провозу продовольствия для русских войск по реке Риони. — *172, 173.*

[104] По согласованию между договаривающимися сторонами взаимные договорные обязательства были оформлены в виде одинаковых по содержанию деклараций. Настоящая декларация была подписана министром иностранных дел А. А. Чарторыйским и товарищем министра иностранных дел Д.П.Татищевым. Австрийская декларация была подписана австрийским послом в С.-Петербурге Стадионом. Текст австрийской декларации опубл. *Ф. Мартенс*, т. II, стр. 406—419. — *174, 178, 183.*

[105] Декларация и ее отдельные статьи были ратифицированы Францем II 30 ноября 1804 г. и Александром I — 17 (29) ноября 1804 г.— *178, 179, 183, 185.*

[106] Имеется в виду рескрипт Фридриха-Вильгельма III посланнику в С.-Петербурге Гольцу от 15 октября 1804 г., в котором сообщалось о получении в Берлине известия о подготовке корпуса русских войск к отправке в Мекленбург. Гольцу предписывалось выяснить, действительно ли Россия готовит такую экспедицию, и, если известие подтвердится, заявить от имени короля, что такие действия России противоречат ее обязательствам по отношению к Пруссии и могут привести к нежелательным последствиям.— *185, 186.*

[107] «Я не могу поверить, чтобы в Петербурге хотели вынудить короля принять меры, которые были бы выгодны Франции» (из донесения М. М. Алопеуса А. А. Чарторыйскому от 4 (16) октября 1804 г.).— *186.*

[108] Имеется в виду намерение прусского правительства занять Шведскую Померанию своими войсками.— *186.*

[109] В донесении от 11 (23) сентября 1804 г. посланник в Берлине М. М. Алопеус сообщал, что Наполеон направляется в Майнц, где его ожидают германские князья.— *187, 188.*

[110] Имеется в виду курфюрст Майнцский Карл.— *187, 188.*

[111] Речь идет о подписании 25 октября (6 ноября) 1804 г. представителями России и Австрии деклараций о совместных действиях против Франции (см. док. 63).— *189, 190.*

[112] Имеется в виду официальное заверение, данное министром иностранных дел Пруссии Гарденбергом М. М. Алопеусу 30 октября 1804 г., о том, что в ближайшие три недели после отправки курьера с письмом Фридриха-Вильгельма III Наполеону (см. прим. 133) Пруссия приведет в боевую готовность два корпуса общей численностью в 94 тыс. человек.—*193, 194.*

[113] В этом письме Наполеону от 30 октября 1804 г. Фридрих-Вильгельм III указывал, что арест Румбольда на нейтральной территории компрометирует политику Пруссии, которая сможет обеспечить нейтралитет Северной Германии, обещанный Наполеону, только до тех пор, пока сама Франция будет уважать его. Если Румбольд не будет немедленно освобожден, король лишится возможности оправдывать свою политику нейтралитета в глазах европейских держав. (Опубл. *Hanoteau*, Lettres personnelles des souverains, 1939, p. 289—292). — *194, 195.*

[114] Упоминаемая депеша С. Р. Воронцова А. А. Чарторыйскому от 28 сентября (10 октября) 1804 г. опубл. Арх. Воронцова, кн. XV, стр. 260—262. Со своей стороны английский посол в С.-Петербурге Гоуэр довел до сведения А. А. Чарторыйского депешу английского министра иностранных дел Гарроуби от 10 октября 1804 г., в которой Гоуэру предписывалось добиться от русского правительства приказания командующему русскими войсками на Ионических островах высадиться в Калабрии для оказания помощи королю неаполитанскому, если он обратится за помощью.— *195, 198.*

[115] Письмом от 13 (25) октября 1804 г. неаполитанский посланник Серра-Каприола просил А. А. Чарторыйского сообщить, какого образа действий по отношению к Франции будет придерживаться русское правительство после того, как оно отозвало своего поверенного в делах из Парижа. Серра-Каприола сообщал, что в том случае, если Россия будет стремиться урегулировать свои разногласия с Францией мирным путем, его правительство желало бы, чтобы Россия добилась полного вывода французских войск из Неаполя. Если же возникнет война, то правительство Неаполя предлагает направить в его владения сильный русский корпус, который совместно с английскими и австрийскими войсками должен будет очистить Италию от французских войск. 24 ноября (6 декабря) 1804 г. А. А. Чарторыйский ответил, что русское правительство выполнит свои обязательства, если Неаполь обратится к нему за по-

мощью в соответствии с договором от 18 (29) декабря 1798 г. Одновременно А. А. Чарторыйский отметил, что Англия и Австрия еще не готовы выступить против Наполеона в Италии, а одних русских войск будет недостаточно для достижения успеха. Неудача русских войск может повлечь неблагоприятные последствия для дальнейших планов противников Наполеона и для самого Неаполя. Ввиду этого А. А. Чарторыйский предложил Неаполю проводить возможно более осторожную политику, чтобы не дать Наполеону повода напасть на Неаполь раньше, чем Россия, Англия и Австрия подготовятся к ведению эффективных военных действий против Наполеона. А. А. Чарторыйский сообщал также, что русское правительство приняло решение направить в Италию генерала Ласси (см. прим. 116) и просило оказать ему содействие в выполнении порученной ему задачи.— *196*, *198*.

116 Обширные инструкции генералу Ласси в полном соответствии с текстом настоящего письма были даны 6 (18) января 1805 г. В силу этих инструкций Ласси должен был изучить итальянский театр военных действий, принять необходимые меры для укрепления неаполитанской армии и после начала военных действий против Франции возглавить объединенные русско-англо-неаполитанские силы в Италии и на Ионических островах и начать военные действия против французских войск в Италии (см. также док. 105).— *197*, *199*, *312*, *316*, *320*, *322*, *330*, *396*, *398*.

117 13 (25) октября неаполитанский посланник Серра-Каприола направил А. А. Чарторыйскому ноту, в которой извещал его о принятом Наполеоном решении ввести дополнительно во владения Неаполя 8 тыс. человек под предлогом того, что Россия усиливает свои войска на Ионических островах. В связи с этим Серра-Каприола от имени своего двора просил русское правительство сократить численность войск на Ионических островах или дать официальное заверение о том, что оно не намерено использовать их для действий в Италии. В ответной ноте от 24 ноября (6 декабря) 1804 г. А. А. Чарторыйский заявил, что русские войска содержатся на Ионических островах не только для оказания в случае необходимости помощи Неаполю, но и для охраны европейских владений Турции от возможного десанта французов и поэтому русское правительство не может удовлетворить просьбу Неаполя. Одновременно А. А. Чарторыйский заявил, что русское правительство дает официальное обязательство не начинать первым в Италии военных действий.— *198*, *200*, *213*, *214*.

118 Речь идет о захвате 5 октября 1804 г. в водах Кадиса трех испанских кораблей, возвращавшихся из Америки с грузом золота и серебра, английскими военными судами под командованием капитана Грехэма Мура. Этот инцидент в значительной степени обострил отношения между Испанией и Англией и послужил одним из поводов к объявлению Испанией войны Англии 20 декабря 1804 г.— *200*, *202*, *226*, *240*, *313*, *317*, *418*, *423*, *431*, *434*, *564*, *566*.

119 Английское правительство обвиняло испанское правительство в том, что оно предоставило ряд своих портов французам для вооружения военно-морских судов, предназначенных для усиления французской эскадры в Ферроле.—*201*, *203*, *418*, *431*.

120 В донесении от 29 октября (10 ноября) 1804 г. А. К. Разумовский сообщал, что известие о захвате английским флотом испанских кораблей у Кадиса было расценено в Вене как начало англо-испанской войны и «парализовало у венского кабинета на время всякую способность мыслить и действовать».— *202*, *203*.

121 В письме от 3 (15) ноября 1804 г. на имя А. А. Чарторыйского сербские посланцы (см. прим. 92) излагали причины восстания (см. прим. 39) и обращались за помощью к русскому правительству. В письме говорилось: «Неописуемые гонения, обиды и неправедно от дайов и прочих султана ребеллов, чрез три последние года Сербиею произвольно и разбойнически владеющих и все из Сербии султану принадлежащие выгоды самовольно себе присвоивших, и бесчеловечно деемыя женам и детям сербским насилия, да, наконец, и на самое бытие всех и, что сего дражайше есть, на православную веру свирепое турков ополчение и конечного уничтожения приуготование, справедливость и необходимость всеобщего сербов восстания и вооружения и основательнейшую к туркам неповеренность доказаннейшу творят и наше к всевысочайшему трону всероссийскому прибежище пред лицом целого света оправдывают.

Сербы в крайней нужде сей сначала безоружны почти крайнему бесчеловечию мучителей своих противостали и их до сих пор повсюду побеждали, но сколь поступки наши щастливей, столько же умножается число врагов и противных их сил и нам необходимо нужно лучшее войска нашего учреждение и много крепчайших сил противоставление; понеже и в Сербии еще и в окрестных провинциях множество ребеллов турков есть, которые союзники и племянники оных, которых сербы уже истребили, суще присный и настоящий нам не мир, а беду готовят. Султан поступки наши доселе одобрял, и что Белград и Сербию от ребелл освободили, великую нам милость обещал. Сего ради и Бечир-паша в Белград пришел, чтобы нас с добрыми турки помирить, а между тем и на его от страны турков, ребеллов Боснии, нападение готовится. Почему всех сербов согласное и единодушное решение есть, прежде оружие из рук своих не выбросить, пока ребеллы, враги свои, совсем не изженут и будущую свою безопасность совершенно утвержденную не увидят. Мы закон положили: ребеллы изгонити, а с добрыми турки мирные трактаты и капитуляции делать, в которых им безопасность персон и имений их уверяем. При таковом трактате с Бечир-пашом, нарочито для примирения

в Белград пришедшим, хотели мы иностранного посредственника, свидетеля и гаранта, но ни Бечир-паша сему не годовал, ни Австрия прошенного свидетеля дала.

Народ сербский от древних даже времен истинное избавление свое от единородной только и единоверной России ожидающий! В сицевых нынешних утесняемых обстоятельствах отцу своему и единому природному рода и благочестия своего защитнику и покровителю, благочестивейшему великому императору всероссийскому, преблагому и человеколюбивому Александру просящие воздвигает руки! и с чадским умилением на колена припадающе: отеческого покровительства, защищения и к избавлению помощи всесмиреннейше просит и молит!

Недостаток только денег и нужного оружия причиною есть, что сербы военные свои поступки желаниям своим сходно доселе не распространили; для того оружие для великого числа к всеобщему восстанию готовейших и решеннейших сербов, нужно число пушек с искусными к употреблению их артиллеристы, с порохом и прочею провизиею, несколько регулярного воинства и искусных военных мужей и паче всех большее денег количество в состояние сербов поставило бы в предпринятом освобождения деле в скорейшем паче надежды времени пожелательнейше успети. Великая сия и неоцениmая помощь сильным своим и возбудительным движением весь народ сербский так ободрит, да основательно предвидеть можно, что все почти турецкие провинции, в которых сербы живут, в одном магновении соединятся срамное и бесчеловечное тиранов иго свергнути.

А между тем необходимо нужно бы было одного российского консула в Сербию немедленно и явно послать, который бы посредственником и гарантом мира, с добрыми турки деемого, бывал, а и народу сербскому важную утеху присутствием своим приносил бы.

В сие время Австрия многократные, важные и истинные рода сербского заслуги не забудет; и сербы совершенное пред лицом целой Европы право имеют по крайней мере никакового препятствия от сей стороны не ожидать. И то на сии от сербов Австрийскому дому сотворенные заслуги, то на живое участие, которое важная часть рода сербского, в австрийской державе живущего, в нынешних отечества своего надлежательствах имеет, смотря, всемогущее заступление и сильное великого Александра слово безсумненно расположит Австрию на приятельские к Сербии отношения, и сербам с Россиею соответствования чрез Трансильванию путь свободный и безопасный сотворит.

Никогда сербы согласнее об освобождении отечества своего не думали, никогда единодушнее и усерднее, как теперь, не желали божественные, природные и вечные породы, языка и благочестия между Россианы и Серби сущие союзы политическими, любезнейшими отношениями освятити и будущее свое щастие, таким образом, на крепком и непоколебимом основании утвердити; которому чтоб в нынешних важных обстоятельствах первые начала положить, общее всех сербов междувременное желание есть: чтоб Сербия, под именем Сербского Правления, либо под иным сходным наименованием на пример 7 Островов Республики под прямым и непосредственным России защищением и покровительством в самостоятельное политическое состояние произвелася, нерушимо сохраняя донынешнее к султану обязательство принадлежащую ему умеренную дань отдавать и прибавляя к сему новое: на упорные ему ребеллы всегда воевать. Кажется, что султан от разных сторон упорными ребеллами убежден, в представлении сем верные для себя выгоды увидит, и новому сему установлению наконец согласитися будет.

Нет жертвы, которую за великое сие и божественное благодетельство всевысочайшему дому всероссийскому — царской сей и любезнейшей Сербии надежде, верные Сербы на чадского благодарения алтарь с восхищением не бы принесли!

Все сие мы только нижайше опомянути в. с-ву отважаемся; впрочем как всесовершенное в нынешних надлежательствах наших расположение, так и будущих сербских судбин определение, премудрому отеческого всероссийского кабинета провидению полно и безгранично от страны целого народа вручаем и предаем, всепокорнейше просяще на важность и необходимость скорости решения всемилостивейшего и таковогo народу сербскому нужнейшего, немедленного сообщения милостивейшее призрение имети и нас в состояние поставити, точное от нас народу известие сотворити мощи.

Всесмиреннейшее сие от страны целого рода сербского прошение умильнейше в. с-во молим всевысочайшей персоне е. и. в-ва с природным в. с-ву человеколюбием поднести и сильным своим заступлением подкрепити, якоже и высокую имеем честь за милостивейшее нас благоприятие чувствительнейшее благодарение от страны целого народа сербского в. с-ву засвидетельствовать; нас в будуще щедрой милости и защищению вручить и в глубочайшем высокопочитании непременно пребыти». (По арх. материалам.)— *203*.

[122] Имеется в виду угроза французского посла Брюна немедленно покинуть Константинополь, если Порта в ближайшее время не признает императорского титула Наполеона.— *205*, *206*.

[123] 20 ноября 1804 г. австрийским посланником в Берлине Меттернихом была получена депеша, которой австрийское правительство одобрило выдвинутое Меттернихом и М. М. Алопеусом предложение о заключении соглашения, которое предусматривало бы совместные действия России, Пруссии и Австрии по обеспечению политического равновесия в Европе и, в случае необходимости, объединение их вооруженных сил для защиты от нападения со сто-

роны Франции. Этой же депешей Меттерниху было предписано начать с прусским министерством иностранных дел переговоры по этому вопросу. В двадцатых числах ноября 1804 г. Меттерних вручил прусскому министерству иностранных дел памятную записку, в которой сообщалось о желании Австрии предать забвению все разногласия с Пруссией и заключить соглашение между Пруссией, Австрией и Россией об установлении единства действий с целью обеспечения безопасности Германской империи и сохранения мира в Европе. В конце декабря 1804 г. прусское министерство иностранных дел дало согласие начать переговоры в соответствии с предложениями Австрии.— *207, 209, 210, 212, 341, 345, 348, 349.*

[124] Имеется в виду разгром второй антинаполеоновской коалиции и заключение Австрией Люневильского мира с Францией в 1801 г. на тяжелых для нее условиях.— *208, 211.*

[125] Рескриптом от 21 ноября 1804 г. (опубл. *Bailleu,* Preussen und Frankreich, Bd. II, S. 316—317) прусскому посланнику в Париже Люккезини было предписано предложить французскому правительству вывести войска из Ганновера и передать его Пруссии «на хранение». В случае принятия этого предложения Пруссия обязывалась дать Франции гарантию, что она не допустит оккупации Ганновера какой-либо державой и использования его в целях, враждебных Франции. Пруссия соглашалась также гарантировать уплату Ганновером контрибуций Франции и обязывалась возвратить ей Ганновер после окончания англо-французской войны. Однако Люккезини было предписано также заявить Наполеону и Талейрану, что если Ганновер будет отобран у английского короля, то Фридрих-Вильгельм III не потерпит, чтобы Ганновер был передан кому-либо, кроме Пруссии. Люккезини было поручено также сообщить, что русское правительство приняло предложение добрых услуг короля в русско-французском конфликте и что если французское правительство со своей стороны согласится на это, то король с удовольствием будет способствовать урегулированию этого конфликта.— *210, 212, 216, 218.*

[126] В ответ на письмо Фридриха-Вильгельма III от 30 октября 1804 г. (см. прим. 113) Наполеон сообщил, что он приказал немедленно освободить Румбольда и выслать его в Англию (см. письмо Наполеона Фридриху-Вильгельму III от 10 ноября, Correspondance de Napoléon, X, p. 46—48). Король удовлетворился этим решением, но Александр I счел его недостаточным и упоминаемой в тексте депешей М.М. Алопеусу от 4 (16) декабря было предписано настоять на том, чтобы Пруссия потребовала от Наполеона возвращения Румбольда в Гамбург, возврата его архива и официального заверения в том, что Франция никогда более не допустит подобных нарушений международного права.— *215, 217, 218.*

[127] Упоминаемый рескрипт в архиве не обнаружен. О предложении Пруссии относительно вывода французских войск из Ганновера см. прим. 125.— *215, 217.*

[128] 10 ноября 1804 г. Талейран заявил прусскому посланнику в Париже Люккезини, что условием примирения Франции и России должен явиться отказ от мирного договора и секретной конвенции 1801 г. между ними и заключение нового договора на следующих основаниях: Франция выводит войска из Неаполя и соглашается на то, чтобы сардинскому королю были отданы в качестве возмещения за потерянные им владения в Италии Ионические острова и о. Мальта; Россия выводит войска с Ионических островов, признает Итальянское и Этрурийское королевства, присоединение Пьемонта к Франции и право Франции распоряжаться Пармой и Пьяченцей. Это заявление Талейрана было доведено до сведения русского правительства 4(16) декабря 1804 г. А. А. Чарторыйский предписал М. М. Алопеусу заявить прусскому министерству иностранных дел, что русское правительство продолжает считать обязательными для себя и для Франции условия мирного договора и секретной конвенции 1801 г. (см. т. I, док. 21, 22) и согласится возобновить отношения с Францией только в том случае, если она выполнит четыре обязательных предварительных условия, изложенные в ноте П. Я. Убри Талейрану от 9 (21) июля 1804 г. (см. аннотацию на стр. 109). М. М. Алопеус должен был также поставить Пруссию в известность, что Россия не сможет согласиться на признание Итальянской республики и на вознаграждение сардинского короля путем передачи ему Ионических островов и о. Мальты.— *216, 218, 301.*

[129] Имеется в виду ответ английского правительства на сообщения, содержавшиеся в депеше А. А. Чарторыйского от 18 (30) августа 1804 г. (см. док. 45). Об этом ответе сообщил А. А. Чарторыйскому С. Р. Воронцов в письме от 28 сентября (10 октября) 1805 г. (опубл. Арх. Воронцова, кн. XI, стр. 372—373). Английское правительство сочло на основании упомянутой депеши, что у русского правительства имеется скрытое намерение захватить часть европейских владений Турции, и заявило, что оно не даст официального ответа на предложения А. А. Чарторыйского, пока не получит разъяснения на этот счет.— *226, 240, 311, 316.*

[130] В связи с прибытием сербских посланцев в С.-Петербург А. А. Чарторыйский в депеше от 4 (16) декабря 1804 г. предписывал А. Я. Италинскому рассеять подозрения турецкого правительства в том, что будто бы эти посланцы прибыли в Россию по наущению из С.-Петербурга: «Вам следует убедить ее (Порту.— *Прим. ред.*), что император, не помышляя вовсе выступать в качестве покровителя турецких подданных и вмешиваться во внутренние дела сей Империи, однако, считает своим дружеским долгом дать совет его высочеству султану привлечь к себе эту нацию (сербский народ.— *Прим. ред.*), предоставив ей привилегии, избавляющие ее от тирании и гнета, от которого она страдает и по нынешнее время. Сербы умножили бы доходы Порты и даже ее военные силы. Они уплачивали бы Порте ежегодно не-

сколько тысяч пиастров сверх их налогов и других доходов этой провинции, при условии, что они находились бы под управлением своего вождя и остальные чиновники также избирались бы из их среды, подобно тому как это имеет место в Молдавии и Валахии, но с той лишь разницей, что сохранение этих привилегий будет обеспечиваться только честным словом султана, а в случае войны они будут обязаны поставлять ему войско пропорционально числу населения и финансовым возможностям их провинции. Такая мера принесла бы большую выгоду Порте, и она не должна пренебрегать ею при нынешнем положении. Давая эти дружеские советы, Вы должны позаботиться о том, чтобы у турецкого министерства не осталось никаких подозрений, что наш двор якобы вмешивается во внутренние дела Турции или что у нас есть скрытые намерения на этот счет. Нам не следовало бы обо всем этом говорить, если бы мы не опасались, что, сохраняя молчание о прибытии сербских депутатов, мы дали бы повод Порте заподозрить нас в тайных сношениях с этой нацией» (по арх. материалам. Перевод с франц.).— *248*.

[131] Имеется в виду Систовский мирный договор между Австрией и Турцией от 4 августа 1791 г. (опубл. *Noradounghian*, Recueil d'actes internationaux, t. II, p. 6—12).— *250, 252*.

[132] В упоминаемом письме от 15 июня 1804 г. Т. Джефферсон выражал признательность Александру I за дружественное посредничество, оказываемое русским правительством в деле освобождения команды американского судна, захваченного беями Триполи. В письме высказывалось также удовлетворение по поводу расширения торговли между Соединенными Штатами Америки и Россией. Джефферсон писал, что русские торговцы будут пользоваться привилегиями наиболее дружественной нации и выражал надежду, что американские торговцы встретят со стороны русских властей столь же доброжелательное отношение (опубл. «Русская мысль», 1910, октябрь, стр. 87—88).— *254*.

[133] В упоминаемом письме Д. Медисон выражал русскому правительству благодарность в связи с получением известия о том, что Александр I согласился ходатайствовать перед Турцией о возвращении Соединенным Штатам Америки команды американского судна, захваченного беями Триполи.— *255*.

[134] Имеются в виду предпринятые генералом Анрепом меры по формированию корпуса из сулиотов, бежавших от преследований Али-паши Янинского на Ионические острова. Корпус создавался для обороны албанского побережья от французского десанта.— *256, 594, 596*.

[135] Принц Уэльский (Валлийский) являлся наследником английского престола, а Фокс и Мойра — лидерами оппозиции. Н. Н. Новосильцев вел с ними переговоры наряду с официальными переговорами с представителями правительственной партии — Питтом и Гарроуби с целью заручиться одобрением с их стороны предлагавшегося русским правительством плана мероприятий, с тем чтобы избежать перемены внешнеполитического курса Англии в случае смены монарха или правительства.— *257*.

[136] Речь идет о письме С. Р. Воронцову от 20 января 1805 г., в котором английское министерство иностранных дел сообщало о своем желании достичь соглашения с Россией о совместных действиях европейских государств против Наполеона. В письме подробно рассматривались принципы, на которых должна была быть основана будущая коалиция, состав ее участников, стратегический план военных действий и принципы послевоенного переустройства Европы. К письму был приложен проект англо-русского союзного договора (см. прим. 137), который британское правительство изъявляло готовность подписать в случае согласия России. Письмо было подписано Мюльгрэвом, сменившим заболевшего Гарроуби на посту министра иностранных дел. Однако в действительности автором письма являлся Питт. На это указывают как Н. Н. Новосильцев (см. настоящий док.), так и С. Р. Воронцов в своем донесении А. А. Чарторыйскому от 21 января 1805 г., при котором он препроводил в С.-Петербург письмо британского министерства. Предложения английского министерства основывались на результатах переговоров Питта с Н. Н. Новосильцевым (см. док. 79), но так как по предварительной договоренности о том, что С. Р. Воронцов не должен быть осведомлен о существе миссии Новосильцева (см. прим. 79), Питт не упомянул об этом в своем письме.— *257*.

[137] Составленный Питтом и врученный С. Р. Воронцову 20 января 1805 г. проект русско-английского договора гласил: «Их в-ва король Великобритании и император всероссийский, воодушевленные желанием избавить Европу от бедствий, которые она уже давно испытывает, и от возрастающей опасности, которой ей угрожает неуемное властолюбие Бонапарта и непомерное могущество Франции, а также стремясь исключить возможность повторения столь гибельных обстоятельств, решили употребить совместно все имеющиеся в их распоряжении средства для достижения этой великой цели и договорились о нижеследующем:

1) Задачей этого союза настоящим провозглашается:

— способствовать освобождению Ганновера и Севера Германии;
— восстановить и обеспечить независимость республик Голландии и Швейцарии;
— восстановить короля Сардинии во всех его прежних владениях;
— обеспечить безопасность Неаполитанского королевства, добиться полного вывода

французских войск из Италии и стремиться в отношении этих стран, а также всех других территорий, которые были захвачены со времени революции и которые могли бы быть отобраны у Франции на левом берегу Рейна, к установлению такого порядка вещей, который наиболее способствовал бы созданию на будущее действенной преграды дальнейшим захватам Франции.

2) Их величества условились употребить все свое влияние для того, чтобы склонить венский и берлинский дворы, а также другие континентальные державы присоединиться к данному соглашению ради перечисленных целей и выставить в соответствии и соразмерно с их возможностями определенное количество войск, которые вместе с войсками, выставляемыми императором всероссийским, составили бы силы численностью не менее 500 тыс. человек.

3) Е. в-во император всероссийский обязуется как можно быстрее подвести свои войска в количестве не менее 60 тыс. человек к границам Австрии и одновременно не менее 80 тыс. человек к границам прусских владений, с тем чтобы эти войска были готовы выступить сообща с этими дворами и поддержать их в том случае, если они присоединятся к этому соглашению или если они будут атакованы Францией, которая может заподозрить их в ведении переговоров о заключении соглашения, подобного настоящему, или по другим вопросам.

4) Его британское в-во обязуется, в случае если какие-либо из указанных континентальных держав обяжутся выставить такое количество войск, которое в дополнение к войскам России составит в общем армию в 400 тыс. человек (для использования ее в целях, изложенных выше), обеспечить со своей стороны этим странам субсидии в размере 1 250 000 фунтов стерлингов в год на каждые 100 тыс. человек и в той же пропорции соответственно на меньшее или большее число войск (выплачиваемых на условиях, изложенных ниже).

5) Эти субсидии будут выплачиваться ежемесячно в соответствии с количеством человек, имеющимся в наличии на каждый месяц и используемым в соответствии с планом операций, который будет согласован позднее; в дополнение к этому е. в-во готов уже в этом году выдать в качестве аванса для покрытия расходов, могущих возникнуть до начала кампании, некоторую сумму, размер которой будет определен позже с державой, вступающей в это соглашение, с тем чтобы полная сумма, которая должна быть выдана этой державе в течение года (считая упомянутый аванс вместе с ежемесячными субсидиями) не превысила установленную пропорцию в 1 250 000 фунтов стерлингов на каждые сто тысяч человек.

6) Их в-ва условливаются, что если будет заключено соглашение о совместных действиях, как это предусмотрено статьей 4, они пойдут на мир с Францией лишь при условии, что все цели, указанные в статье I, будут полностью достигнуты и будет создана действенная преграда дальнейшим захватам чужих земель, и если только мир будет заключен с общего согласия всех держав, входящих в этот союз.

Отдельная статья

В случае, если германский император и прусский король войдут в данную конфедерацию и усилия союзников в достижении указанных в этом договоре целей увенчаются успехом, его британское в-во и император всероссийский будут содействовать заключению в будущем такого соглашения, по которому германский император и сардинский король получат приращения в Италии, а король Пруссии и Республика Соединенных провинций — на левом берегу Рейна, причем такие приращения, которые не противоречили бы целям, указанным в данном соглашении, и в то же время служили бы вознаграждением, соразмерным их усилиям в борьбе за общее дело, и способствовали бы созданию сильной и более надежной преграды на пути осуществления Францией планов расширения ее территории.» (По арх. материалам, перевод с англ.).

В основу переговоров о заключении англо-русского союзного договора лег публикуемый нами проект. Дж. Роз в публикации Select dispatches ошибочно публикует в качестве проекта договора, врученного С. Р. Воронцову и посланного послу в С.-Петербурге Гоуэру, более поздний проект трехстороннего договора между Россией, Англией и Австрией, который был послан английским правительством Гоуэру значительно позднее, когда выяснилась возможность присоединения Австрии к коалиции. Однако этот проект был получен Гоуэром уже после того, как был согласован двусторонний англо-русский договор и ввиду этого не был представлен им на рассмотрение русского правительства.— *259.*

138 В упоминаемом письме от 20 декабря 1804 г. папа Пий VII, считая, что достигнутое в результате его настойчивых просьб освобождение Вернега (см. прим. 140) устраняет причины, приведшие к разрыву между Церковной областью и Россией (см. док. 27), просил русское правительство восстановить дипломатические отношения с Ватиканом.— *261.*

139 В ноте папского нунция А. К. Разумовскому от 4 января 1805 г. сообщалось о том, что в результате настойчивых просьб папы римского Наполеон освободил Вернега.— *261.*

140 16 (28) апреля 1804 г. шведский король Густав-Адольф IV обратился к Александру I с просьбой прислать в Шведскую Померанию корпус русских войск для защиты этой провинции от вооруженного нападения со стороны Франции. Вербальной нотой от 2 (14) мая 1804 г. (см. док. 22) русское правительство дало положительный ответ на эту просьбу и одновременно предложило договориться о совместных действиях с целью изгнания французских войск из занятых ими областей Северной Германии. 10 (22) июня 1804 г. шведский посол в

С.-Петербурге Штединг вручил ответную вербальную ноту, в которой сообщил о согласии короля заключить с Россией договор о совместных действиях против Франции при условии выделения Швеции английских субсидий и предоставления королю главного командования русско-шведскими войсками. 27 июня (9 июля) 1804 г. Александр I написал королю письмо, в котором изложил цели и основные положения будущего соглашения и предложил королю снабдить Штединга полномочиями для ведения переговоров. Полномочия были получены Штедингом в конце августа 1804 г., и 24 августа (5 сентября) ему был вручен предварительный проект соглашения. Согласно этому проекту, цель договора должна была состоять в обеспечении безопасности Северной Германии; обязательства союзников подлежали выполнению с момента перехода французскими войсками р. Везер в направлении на Шведскую Померанию, Ольденбург, Мекленбург или Евер. Швеция должна была выставить 20—25 тыс., а Россия — 40—50 тыс. солдат, из которых 10 тысяч должны были быть перевезены на шведских судах; продовольствие и фураж для русских войск должно было поставлять население Померании за наличный расчет. Руководство операциями русских и шведских войск поручалось шведскому королю, командование отдельными корпусами русских и шведских войск должно было осуществляться их командирами по заранее согласованному плану; в случае неполного или частичного объединения русских и шведских войск командование объединенным отрядом должно было переходить к командиру более крупного из объединяющихся отрядов. 11 (23) сентября Штединг вручил А.А. Чарторыйскому свои замечания на этот проект. Шведский посол заявил, что Швеция не может выделить ввиду недостатка средств суда для перевозки русских войск, снабжать их продовольствием, фуражом и топливом, и предложил, чтобы русские войска высадились не в Штральзунде, а в Мекленбурге. Штединг предложил, чтобы соглашение о совместных действиях подлежало выполнению не с момента перехода французскими войсками р. Везер, а в случае их вторжения в Шведскую Померанию, Ольденбург, Мекленбург или Евер. Он заявил также, что главное командование объединенными войсками должно принадлежать в случае отлучки короля генерал-губернатору Шведской Померании, а командование смешанными русско-шведскими отрядами — старшему по званию командиру, в случае же равенства званий — тому из них, кто окажется старшим по времени производства в это звание. В заключение Штединг сообщил, что соглашение будет иметь силу только в том случае, если Англия выделит Швеции субсидии. В новом проекте, врученном Штедингу 19 ноября (1 декабря) 1804 г., были учтены многие его замечания и предложения, однако русское правительство не сочло возможным уступить в вопросах командования объединенными отрядами и подчинения русского корпуса генерал-губернатору Шведской Померании. Оставлена была и статья, согласно которой высадка русского корпуса должна была осуществляться в Штральзунде; однако, идя навстречу пожеланиям Швеции, русское правительство обязалось начать вывод русских войск из Шведской Померании в Мекленбург, как только численность высадившихся в Штральзунде войск достигнет 20 тыс. человек. В письме А. А. Чарторыйскому от 21 ноября (3 декабря) 1804 г. Штединг сообщил, что он в основном согласен со всеми статьями нового проекта, но вновь потребовал учесть сделанные им ранее предложения о том, чтобы русский корпус был подчинен генерал-губернатору и чтобы командирами объединенных отрядов становились старшие по выслуге лет в звании. Шведы полагали, что если командиры объединенных отрядов будут назначаться, следуя принципу, предложенному русской стороной, то командование всегда будет принадлежать русским командирам, поскольку русский корпус будет значительно превосходить по численности шведские войска; русская же сторона считала, что в случае принятия шведского принципа командование практически всегда будет принадлежать шведским командирам, поскольку продвижение по службе в шведской армии происходило значительно медленнее, чем в русской. В ходе последовавших переговоров обе стороны пошли на уступки — русское правительство согласилось на подчинение генерал-губернатору Шведской Померании той части русских войск, которая будет размещена в Штральзунде, и на то, чтобы командир русского корпуса согласовывал с генерал-губернатором передвижения остальной части русских войск, а шведы согласились принять предложенный русским правительством принцип командования объединенными отрядами. Таким образом последние спорные вопросы были разрешены, и 2 (14) января 1805 г. конвенция была подписана. — *262, 267.*

[141] Ганновер, являвшийся наследственным владением английского короля Георга III, и гамбургские порты в устье Эльбы — Куксхавен и Ритцебютель — были заняты французскими войсками в течение мая — июня 1803 г. под предлогом того, что Англия использует их в своих интересах в войне против Франции. — *262, 267.*

[142] Россия являлась гарантом Германской империи в силу акта гарантии ею мирного договора и конвенций (опубл. Ф. Мартенс, т. II, стр. 65—96), заключенных в Тешене в мае 1779 г. между Австрией, Пруссией и другими германскими государствами и подтверждавших политический статус Империи, установленный Вестфальским мирным договором 1648 г. (см. прим. 80). Швеция являлась гарантом Империи в силу Вестфальского мирного договора. — *262, 267.*

[143] Шведский король ратифицировал конвенцию и отдельные и секретные статьи ее 12 февраля 1805 г. Несколько позже они были ратифицированы и Александром I. — *265—267, 269—271.*

[144] Депешей от 17(29) ноября 1804 г. А. Я. Италинский информировал А. А. Чарторыйского о письме адмирала Нельсона английскому поверенному в делах в Константинополе Стратону, переданном последним реис-эфенди. В письме сообщалось о посылке Нельсоном английского военного судна в Константинопольский порт для прохода в Черное море с целью «обозрения побережья этого моря». Реис-эфенди, ссылаясь на русско-турецкий союзный договор 1799 г. (см. т. I, прим. 86), отклонил просьбу Стратона о пропуске в Черное море английского судна. А. Я. Италинский поддержал реис-эфенди и выразил уверенность в том, что турецкое правительство и впредь не будет соглашаться на подобные предложения английского посла без предварительного согласования с русским дипломатическим представителем.— *271, 272*.

[145] Речь идет о письме Александра I Фридриху-Вильгельму III от 15 (27) января 1805 г. (см. аннотацию на стр. 273).— *273, 278, 411, 412*.

[146] Имеется в виду нота прусского министерства иностранных дел М. М. Алопеусу от 24 декабря 1804 г. Ссылаясь на необходимость предотвратить оккупацию Шведской Померании французскими войсками, прусское министерство заявляло о намерении занять ее прусскими войсками и держать их там до установления полного мира в Европе. В ноте содержалась также просьба к России убедить шведского короля отказаться от намерения усилить гарнизоны в Померании и указывалось, что в случае согласия Густава-Адольфа IV удовлетворить это требование отпал бы и проект оккупации Померании Пруссией.— *273, 278*.

[147] 3 декабря 1804 г. в Стокгольме была подписана секретная англо-шведская конвенция о субсидиях (опубл. *G. Martens*, S. IV, p. 158—160). Об англо-шведских переговорах о субсидиях сообщил Пруссии французский посланник в Берлине Лафоре официальной нотой от 18 декабря 1804 г.— *274, 278*.

[148] Имеются в виду письма Александра I Фридриху-Вильгельму III от 10 (22) декабря 1804 г. и 10 (22) января 1805 г. (см. аннотации на стр. 219 и 273) и письмо Фридриха-Вильгельма III Александру I от 4 января 1805 г. (см. аннотацию на стр. 256).— *275, 279*.

[149] Письменного соглашения между Францией и Пруссией по этому вопросу не существовало. Однако обещание, данное Ломбардом Наполеону в июле 1803 г. и подтвержденное в апреле 1804 г. (см. прим. 13), о том, что Пруссия будет соблюдать самый строгий нейтралитет, обеспечивало Франции безопасность ее северо-восточных границ.— *275, 280, 354, 355*.

[150] В письме № 356 от 14 (26) декабря 1804 г. М. М. Алопеус сообщал, что король Пруссии принял решение согласиться на предложение о заключении соглашения между Россией, Австрией и Пруссией о совместных действиях для противодействия французским завоеваниям в Европе. Однако Фридрих-Вильгельм III отказался от заключения формального договора и поручил своему министру иностранных дел Гарденбергу выработать иную форму соглашения. М. М. Алопеус со своей стороны предложил форму обмена собственноручными письмами между тремя монархами с изложением их взаимных обязательств. В конфиденциальном письме от 24 декабря (5 января) 1804 г. М. М. Алопеус сообщал, что Гарденберг принял это предложение «ad referendum» и просил Алопеуса выяснить также мнение венского двора по этому вопросу.— *282, 288*.

[151] Имеются в виду памятная записка австрийского посланника Меттерниха (см. прим. 123) и вербальная нота министра иностранных дел Пруссии Гарденберга Меттерниху от 26 декабря 1804 г., в которой сообщалось, что король Пруссии соглашается предать забвению разногласия с Австрией и начать с ней переговоры о русско-прусско-австрийском соглашении (опубл. Metternich's nachgelassene Papiere, Bd. II, S. 36—37).—*282, 284, 288, 290*.

[152] Имеется в виду документ, озаглавленный «Проект письма для обмена между их в-вами императорами России и Австрии и королем Пруссии»: «Государь и брат мой. Принимая решение следовать политике полнейшего нейтралитета в нынешней войне, я стремился сохранить мир и спокойствие на континенте и видеть эти блага возможно скорее возвращенными всей Европе на прочной и справедливой основе. Я всегда рассматривал недостаточность согласия во взглядах и в образе действий, в предпринимаемых демаршах и мероприятиях монархов — естественных хранителей равновесия в Европе — как основную причину ряда последовательных захватов и вторжений, осуществленных Францией, и неуверенности, которая возникла в результате этого относительно ее дальнейших планов.

Таким образом, чтобы предотвратить новые захватнические акты со стороны французского правительства, я счел, государь и брат мой, учитывая существующую между в. в-вом и мною общность взглядов и чувств, что если бы нам удалось внести в наш образ действий и мероприятия столько же согласия, сколько его уже имеется в наших взглядах, то это самым благотворным образом способствовало бы сохранению мира в Европе и достижению цели, столь горячо желаемой нами обоими,— установлению прочного и справедливого равновесия между различными государствами Европы.

Вследствие этого я обещаю и обязуюсь установить с в. в-вом тесное согласие в отношении к кризису и опасностям, которым подвержена Европа, согласовывать с Вами мои шаги в этом направлении и не упускать никакого случая для совместного действенного участия

в мероприятиях, которые мы сочли бы необходимыми для предотвращения опасностей, непосредственно угрожающих общей безопасности Европы и, в частности, безопасности наших государств.

И хотя я надеюсь, что в. в-во будете держать в глубочайшем секрете содержание настоящего послания, однако упоминаю об этом, так как тому, кто знает о бурном продвижении вперед, осуществляемом французским правительством, нетрудно предугадать, что из ненависти к нашему союзу, заключенному под покровительством всевышнего и не преследующему никакой другой цели, кроме противодействия агрессии или новым завоеваниям, Франция предпримет крайнне меры против наших государств или против тех слабых государств Европы, полное подчинение которых воле французского правительства даст ему возможность напасть на нас с большим преимуществом. Нам, следовательно, необходимо прийти к соглашению о принятии эффективных мер на этот случай.

В соответствии с этим я обещаю и обязуюсь,

во-первых: в случае, если бы французы напали на владения в. в-ва, действовать одновременно и совместно с в. в-вом согласно плану, который будет между нами немедленно согласован, силами, достаточными для того, чтобы успешно сражаться против врага и отбросить его на собственную территорию. Эти силы должны быть не менее... с моей стороны... со стороны в. в-ва и 100 тыс. со стороны е. в-ва императора всероссийского, который будет приглашен присоединиться к настоящему соглашению; при этом само собой разумеется, что как одной, так и другой стороной будет принят к исполнению один и тот же план действий, если бы одна из трех держав подверглась прямому нападению со стороны Франции;

во-вторых: поскольку наши убеждения не позволяют нам ни вмешиваться во внутренние дела Франции, ни стремиться вызвать там контрреволюцию и поскольку наши намерения сводятся исключительно к тому, чтобы уберечь наши соответственные государства от вторжения и обеспечить нашими совместными усилиями сохранение мира и упрочение независимости всех европейских государств вообще, то цель настоящего соглашения не была бы достигнута, если бы мы не придали ему размаха, который оно должно иметь уже в силу своего характера, а потому я обещаю и обязуюсь выполнять его условия одновременно с в. в-вом и е. в-вом императором всероссийским в случае, если бы французское правительство позволило себе следующие нарушения:

I°— . . . (пропуск в документе).

Однако же, так как при определении случая, при котором это соглашение подлежит выполнению, мы намереваемся смотреть на вещи широко и воспринимать их в их подлинном значении, то мы не можем скрыть от себя того, что некоторые имперские государства могут явиться иногда ареной событий, которые противоречили бы основному положению нашего соглашения либо потому, что они из-за выгоды предались Франции, либо потому, что зависят от нее в каком-либо отношении. Мы признаем, следовательно, что мелкие нарушения, такие, например, как оккупация Меппена или острова Св. Петра около Майнца, которые могут быть исправлены путем представления и которые не угрожают ничьей безопасности, не предусматриваются соглашением, побудительной причиной которого является всеобщая безопасность и, безусловно, не будут отнесены к числу случаев, вызывающих необходимость его осуществления.

Если же, боже сохрани, после заключения настоящего соглашения мы окажемся вынужденными французским правительством воевать с ним, то мы взаимно обязуемся не складывать оружия и не вести переговоров о мире с общим врагом, как только со взаимного согласия и после предварительной договоренности между нами и е. в-вом императором всероссийским.

Соблаговолите, в. в-во, рассматривать обязательства, содержащиеся в моем послании так, как если бы они были вписаны в наиторжественнейший и наисвященнейший договор, и хранить их в самой неприкосновенной тайне; в равной мере и я обязуюсь в этом по отношению к в. в-ву и в свою очередь с таким же уважением отнесусь к обязательствам, которые в. в-во соблаговолит в порядке обмена составить в подобной же форме для меня, и я обязуюсь за себя, за моих наследников и преемников выполнять их с самой нерушимой и скрупулезной точностью». (По арх. материалам, перевод с франц.).— *284*, *290*, *449*, *451*.

[158] В одной из депеш А. Я. Италинского от 1(13) декабря 1804 г. сообщалось о решении французского правительства отозвать своего посла из Константинополя, если в трехдневный срок турецкое правительство не изменит своей позиции в отношении требования Франции признать Наполеона императором. А. Я. Италинский писал, что прусский посланник в Париже Люккезини, играя на руку Франции, также пытался склонить Турцию к признанию Наполеона императором. В беседе с Галиб-эфенди, турецким послом в Париже, Люккезини заявил, что решение Порты не признавать Наполеона императором несовместимо с позицией нейтралитета, которой Турция обязалась придерживаться. К депеше была приложена копия ноты Талейрана Галиб-эфенди от 26 октября 1804 г. В ноте указывалось, что французское правительство оскорблено тем, что Турция, признавая императорский титул за другими европейскими династиями, в том числе за Россией, делает исключение для Франции. В связи с этим французское правительство грозило отозвать своего посла из Константинополя, если в течение трех дней позиция турецкого правительства не изменится.

В депеше от 2 (14) декабря 1804 г. А. Я. Италинский извещал, что 1 декабря Брюн демонстративно покинул Константинополь. Отъезд Брюна вызвал замешательство в турецком правительстве. Реис-эфенди попросил его отложить свой отъезд из Турции на несколько дней, с тем чтобы Порта смогла представить в письменной форме ответ на ноту Талейрана Галиб-эфенди.—*293—296*.

[154] Речь идет о депеше А. Я. Италинского от 13(25) декабря 1804 г. В ней сообщалось, что Брюн в ожидании ответа Порты остановился на лечебных водах в нескольких километрах от Константинополя. Колебания турецкого правительства в отношении признания императорского титула Наполеона вызвали энергичное вмешательство А. Я. Италинского. Последний уполномочил своего первого драгомана К. Фонтона заявить реис-эфенди, что любая уступка Брюну будет расцениваться как враждебный акт в отношении России и отступление от русско-турецкого союза и может привести к самым пагубным последствиям для Турции. В беседе с Фонтоном реис-эфенди сообщил, что Брюн использовал свое пребывание «на лечебных водах» для оказания давления на турецкое правительство. Стремясь скомпрометировать реис-эфенди Махмуд Раифа, Брюн вел закулисные переговоры с его личными врагами, пытаясь представить дело таким образом, будто основной причиной его поспешного отъезда была пристрастная позиция реис-эфенди в вопросе о признании императорского титула Наполеона, которая якобы расходится с мнением султана и верховного визиря. Брюн требовал назначения нового представителя для ведения с ним переговоров. Турецкое правительство назначило для переговоров с Брюном нового уполномоченного Атиф-эфенди. Русский посланник потребовал объяснений у турецкого правительства и ответа на свою ноту от 3(15) декабря 1804 г. (см. док. 75). 5(17) декабря реис-эфенди во время второй беседы с Фонтоном поручил ему заверить А. Я. Италинского, что политика турецкого правительства в отношении Наполеона остается неизменной. Назначение Атиф-эфенди, по словам реис-эфенди, преследовало цель показать Брюну, что, несмотря на назначение нового представителя, позиция Турции осталась прежней. 6(18) декабря 1804 г., не получив от Турции положительного ответа, Брюн выехал из Турции.—*293*, *294*.

[155] Речь идет о ноте прусского министра иностранных дел Гарденберга от 28 января 1805 г., с которой он препровождал М. М. Алопеусу ноту французского посланника в Берлине Лафоре от 22 января 1805 г., извещавшую прусское министерство о согласии Наполеона принять посредничество Пруссии с целью урегулирования разногласий между Россией и Францией.—*301*.

[156] Имеется в виду письмо М. М. Алопеусу от 28 января 1805 г., в котором Гарденберг изложил сообщенные ему французским посланником в Берлине Лафоре французские предложения об условиях урегулирования русско-французских противоречий. Указывая на желание Наполеона и правительства Франции восстановить дружественные отношения с Россией, Лафоре сообщал прусскому правительству, что основой для соглашения должно явиться полное забвение прошлых разногласий и отказ от мирного договора и секретной конвенции 1801 г. (см. т. I, док. 21, 22). При заключении нового мирного договора Франция предлагала обсудить вопросы о Мальте, о пребывании русских войск на Ионических островах и французских войск в Неаполе, о вознаграждении сардинского короля путем передачи ему о. Сардинии, о. Мальта и Ионических островов. Расценивая французские предложения как неприемлемые для России, Гарденберг тем не менее предлагал начать с Францией переговоры. Гарденберг сообщал также, что, учитывая, что подготавливаемое Наполеоном политическое переустройство Италии может вызвать недовольство России и сорвать переговоры с Францией, он предписал прусскому посланнику в Париже официально выяснить намерения Наполеона на этот счет.—*301*, *308—310*, *333*.

[157] Русский проект союзного оборонительного договора между Россией и Турцией, утвержденный Александром I 17(29) декабря 1804 г., содержал 17 гласных и 9 секретных статей. Гласные статьи проекта договора предусматривали обязательства России и Турции о взаимной помощи в случае нападения Франции. Наиболее существенные обязательства обеих сторон содержались в секретных статьях. В целях противодействия французской агрессии предполагалось образование коалиции европейских государств. Турция, поскольку ее владения были объектом притязаний Наполеона, обязывалась оказывать всемерное содействие участникам коалиции. Турецкое правительство должно было обеспечить проход через черноморские проливы военных кораблей и транспортов, которые Россия будет посылать в Италию или другие страны во время войны с Францией (ст. 1-я секретная). Договаривающиеся стороны считали возможным после ратификации русско-турецкого оборонительного договора присоединение к нему Австрии, Пруссии, Швеции и Дании, с тем чтобы совместно с ними и Англией образовать коалицию, способную заставить Наполеона вывести войска из Италии, германских государств, Голландии и Швейцарии (ст. 2-я секретная). Если не удастся образовать коалицию против Франции, а последняя будет продолжать оккупацию Италии и по-прежнему угрожать европейским провинциям Турции, Египту и Константинополю, Россия и Англия обязывались активно участвовать в обороне турецких владений. Ввиду того что западные границы России сильно удалены от районов Турции, наиболее подверженных угрозе нападения со стороны Франции, вследствие чего было невозможно своевременно оказать эффективную военную помощь, проект предусматривал отправку из России в Молдавию и

Валахию одного корпуса численностью в 10—15 тыс. человек. Корпус этот не должен был вмешиваться во внутренние дела княжеств и предназначался для того, чтобы воспрепятствовать высадке французского десанта. Турция со своей стороны должна была обеспечить этот корпус продовольствием. Кроме того, Турция доверяла России оборону крепости Парга, в которой предполагалось содержать русский гарнизон в 2 тыс. человек. Англия, согласно проекту договора, обязывалась обеспечить оборону Египта. В связи с этим предусматривалось введение корпуса английских войск в Александрию. Турция также доверяла Англии оборону одного из своих портов в Морее, в котором Англия могла бы содержать гарнизон в 4—5 тыс. человек и несколько военных кораблей (ст. 3-я секретная). Предусматривалось, что в случае захвата Францией пролива Зунд, имеющего важное стратегическое значение и необходимого для русской торговли в Балтийском море, Турция должна была рассматривать подобный акт как прямую агрессию против России и объявить, если обстоятельства потребуют этого, войну Франции (ст. 4-я секретная). Турция также обязывалась поддерживать Республику Семи Соединенных островов, строго выполнять постановления русско-турецкой конвенции от 21 марта 1800 г. и отменить все противоречащие ей постановления (ст. 5-я секретная).

В силу 6-й секретной статьи проекта Порта обязывалась не допускать нарушения прав населения Албании и бывших венецианских городов, вытекавших из постановлений вышеуказанной конвенции. Эта статья предусматривала также право русского правительства ходатайствовать перед Портой за население этих владений Турции.

Россия в свою очередь гарантировала безопасность Республики Семи Соединенных островов, причем Турция обязывалась предоставить свободный проход через черноморские проливы русским военным судам, выделенным для снабжения русских войск на этих островах (ст. 7-я секретная).

Ст. 8-я секретная обязывала Порту облегчить положение христианских подданных Турции, проживающих в европейских провинциях, предоставить им равные права с магометанами, обеспечить им не только свободу совести и вероисповедания, но и право пользования теми же гражданскими законами, прерогативами и льготами, которыми пользуются магометане, и таким образом, чтобы они во всем, за исключением хараджа (повышенный поземельный налог, уплачиваемый немусульманами), который они будут платить и впредь, пользовались равными с мусульманами правами. Турецкое правительство обязывалось также уважать права константинопольского патриарха и его епископов. Турецкие должностные лица обязаны были принимать во внимание представления христианских духовных лиц в пользу своих соотечественников.

9-я секретная статья касалась отношений между Россией и Черногорией. В ней указывалось: «В связи с тем что государи России с незапамятных времен оказывали покровительство жителям Черногории, как имеющим одинаковое происхождение и исповедующим одну и ту же религию с русскими подданными... Блистательная Порта, движимая искренним желанием не дать со своей стороны никакого повода к подрыву дружбы и доброго согласия, которые должны существовать между двумя тесно связанными союзниками, в данной отдельной секретной статье обязуется дать самые определенные приказы пашам в Скутари и Бассано и другим турецким комендантам и чиновникам, находящимся в соседстве с Черногорией, не только не допускать каких бы то ни было враждебных актов со стороны оттоманских подданных по отношению к черногорцам, но и строго охранять неприкосновенность их территории». (По арх. материалам, перевод с франц.).—*311*, *316*.

[158] 14 ноября 1804 г. английский посол в С.-Петербурге Гоуэр вручил А. А. Чарторыйскому письмо своего министерства от 10 октября 1804 г., содержавшее ответ на предложения, изложенные А. А. Чарторыйским в депеше от 18 (30) августа 1804 г. (см. док. 45). Английское правительство изъявляло готовность содействовать России в ее переговорах с Турцией о возобновлении союзного договора, но указывало на то, что депеша А. А. Чарторыйского составлена якобы в весьма неопределенных выражениях, и требовало, чтобы ему были сообщены в полном объеме условия, на которых Россия намерена вести переговоры с Турцией (опубл. *Rose*, Select dispatches, p. 47—48).—*311*, *316*.

[159] Имеется в виду, в частности, письмо Н. Н. Новосильцева А. А. Чарторыйскому от 2(14) декабря 1804 г., в котором он извещал, что сообщения С. Р. Воронцова относительно неблагоприятной позиции английского правительства в вопросе о возобновлении русско-турецкого союзного договора (см. прим. 129) не соответствуют действительности. —*311*, *316*, *471*.

[160] В письме А. А. Чарторыйскому от 29 ноября (11 декабря) 1804 г. Н. Н. Новосильцев писал, что, по его мнению, необходимо в самое ближайшее время начинать военные действия против Наполеона, ибо война с ним рано или поздно неизбежна, а промедление приведет к тому, что впоследствии России придется вести войну в менее благоприятных условиях.—*312*, *317*.

[161] А. А. Чарторыйский имеет в виду план переброски части русских войск во главе с генералом Анрепом с о. Корфу в Италию на помощь генералу Ласси.—*323*, *324*.

[162] Комитет по обороне Республики Семи Соединенных островов и албанского побережья от возможного вторжения французских войск был создан в мае 1804 г. согласно предписанию А. А. Чарторыйского, изложенному в его депеше к Г. Д. Моцениго от 6(18) апреля 1804 г. В комитет входили: Г. Д. Моцениго, командующий сухопутными силами генерал Анреп и

командующий военно-морскими силами капитан-командор Сорокин. Местопребыванием комитета являлся о. Корфу.—*323*, *324*.

[163] Письмом от 1 января 1805 г. Наполеон извещал Франца II об отказе от своих прав на Ломбардию, предоставленных ему Лионской консультой, в пользу своего брата Жозефа, который будет провозглашен королем Италии, если откажется от права наследовать корону Франции. В том же письме Наполеон предупреждал, что увеличение численности австрийских войск в Тироле и Каринтии обязывает его усилить свои войска в Италии и на Рейне (опубл. Correspondance de Napoléon, X, p. 98—99).—*325*, *327*.

[164] Имеется в виду инструкция австрийского министерства иностранных дел послу в Париже Ф. Кобенцлю от 23 января 1805 г., в которой излагались причины, побудившие Франца II не давать прямо отрицательного или положительного ответа на письмо Наполеона от 1 января 1805 г. и предписывалось начать переговоры о заключении соглашения между Францией и Австрией, которое оформило бы политическую независимость Итальянского королевства от Франции.—*325—328*.

[165] Ответ Франца II Наполеону (от 23 января 1805 г.) был составлен в осторожных и примирительных выражениях. Франц II изъявлял свое согласие на провозглашение Жозефа Бонапарта королем Ломбардии и высказывал надежду на то, что Наполеон выполнит свои обещания о предоставлении независимости новому королевству. Увеличение численности австрийских войск на границе с Италией и на адриатическом побережье Франц II объяснял необходимостью создания санитарного кордона с целью воспрепятствовать проникновению в Австрию желтой лихорадки, завезенной в Европу из Америки (опубл. *Hanoteau*, Lettres personnelles des souverains, p. 19—22).—*325*, *327*.

[166] Эта депеша опубл. *Beer*, Österreich und Russland, S. 92—105.—*326*, *328*.

[167] Имеется в виду письмо Наполеона английскому королю Георгу III от 2 января 1805 г. с предложением прекратить военные действия (опубл. Correspondance de Napoléon, X, p. 100—101).—*326*, *328*, *379—382*, *418*, *431*, *508*, *511*.

[168] Имеются в виду письма Наполеона неаполитанскому королю и королеве от 2 января 1805 г. (опубл. Correspondance de Napoléon, X, p. 102—104).—*330*.

[169] Представитель Ганновера Мединг обратился к магистрату Любека с просьбой предоставить заём в 600 тыс. франков, необходимый Ганноверу для содержания французских оккупационных войск. После отказа магистрата предоставить требуемый заем французские оккупационные власти объявили, что в порту Любека находится судно из Малаги с товарами, зараженными якобы желтой лихорадкой. Под предлогом создания санитарного кордона французские войска блокировали город и лишили его возможности вести торговлю.—*332*.

[170] Посланник в Константинополе А. Я. Италинский неоднократно выступал в защиту населения городов Парги, Превезы, Воницы и Бутринто. Так, в ноте от 27 мая (8 июня) 1804 г. А. Я. Италинский потребовал от турецкого правительства принятия решительных мер против насилий, которым подвергаются жители этих городов со стороны войск янинского Али-паши. В одном из своих донесений А. А. Чарторыйскому от 3(15) июня 1804 г. А. Я. Италинский писал: «Касательно янинского Али-паши подал я ноту... Сверх сего учинил я лично рейс-эфендию при последнем моем свидании с ним настояние, дабы оный непослушный государю своему подданный, притесняющий область, пришедшую в подданство Порты на основании конвенции, гарантированной российским двором (см. т. I, прим. 87.—*Прим. ред.*), дерзнувший нарушить народные права в рассуждении Республики Семи островов, не только обуздан был, но и наказан по великости предерзостей своих. Почитая, что жители городов Парги, Превезы и Воницы могли бы приведены быть навсегда в совершенную безопасность от наглости Али-паши, ежели бы Порта отняла у него уезд — залив Арты, приметил я рейс-эфендию, что Порта должна на такой конец употребить непременно власть свою. Рейс-эфенди весьма одобрил примечание сие, обещал сообщить Порте и стараться о воспоследовании по оному желаемого мною действия...» (По арх. материалам).—*334*, *336*.

[171] Речь идет о союзе против Али-паши, созданном летом 1804 г. (см. прим. 45).—*334*, *336*.

[172] В письме от 3(15) октября 1805 г. А. А. Чарторыйский обращал внимание А. Я. Италинского на то, что пребывание на посту командующего турецкими морскими силами на Адриатическом море Шермет-бея, ярого сторонника Франции, являлось одной из причин беспокойства в Албании и предписывал убедить турецкое правительство в целесообразности замены его на этом посту «более преданным султану лицом.»—*335*, *337*.

[173] В вербальной ноте от 17 марта 1805 г. министр иностранных дел Пруссии Гарденберг сообщал М. М. Алопеусу, что Пруссия согласна заключить с Россией и Австрией соглашение о совместных действиях по обеспечению мира в Европе, но только после того, как ей будут сообщены в полном объеме цели, которые ставят обе эти державы, а также обязательства, существующие между ними и между каждой из них с другими государствами. Одновременно Гарденберг заверил, что Пруссия не заключит каких-либо соглашений с другими государствами без ведома России и Австрии (текст ноты частично включен в док. 112).—*337*, *343*, *347—349*, *411*, *412*.

[174] В этой ноте (также от 17 марта 1805 г.) Гарденберг писал, что Пруссия ставит своей целью сохранение нейтралитета Северной Германии, а так как переговоры Швеции с Англией о предоставлении субсидий для усиления гарнизона в Штральзунде нарушают нейтралитет

и создают предлог для нападения Франции на Шведскую Померанию, то Пруссия считает своим долгом предотвратить эту угрозу посредством занятия Померании своими войсками.

Нота эта являлась ответом на ноту М.М. Алопеуса Гарденбергу от 12(24) февраля 1804 г., в которой говорилось: «Не подлежит сомнению, что в случае агрессии шведский король потребует оказать ему помощь на основании Гатчинского договора. Первой статьей этого договора высокие договаривающиеся стороны *самым торжественным и священным образом гарантируют взаимно все свои владения и европейские провинции в их настоящем положении.* Нижеподписавшийся должен заявить, что император, его августейший повелитель, слишком добросовестно относится к заключенным им обязательствам, чтобы не откликнуться на это требование...» (По арх. материалам, перевод с франц.).—*342, 346, 353, 355, 411, 412.*

[175] В первоначальном варианте проекта дополнительной статьи, врученном Штедингу 25 февраля (9 марта) 1805 г., содержалось два пункта. Один из них гласил, что V отдельная и секретная статья русско-шведской конвенции от 2(14) января 1805 г. (см. док. 89) сохранит свою силу даже в том случае, если английское правительство не выделит субсидий Швеции. Согласно второму пункту шведское правительство должно было сосредоточить в Шведской Померании крупные силы для участия в вооруженной демонстрации стран коалиции и для отвлечения внимания французского правительства. Шведский посол согласился с первым пунктом, но отклонил второй и включил в свой проект дополнительной статьи пункт, согласно которому Швеция обязывалась лишь «...привести в оборонительное состояние свои владения в Германии». Русское правительство вынуждено было согласиться с отказом Швеции активно участвовать в вооруженной демонстрации и в новом варианте проекта дополнительной статьи предложило изложить формулировку фразы «...привести в оборонительное состояние свои владения в Германии» в редакции: «...привести во внушительное оборонительное состояние...», а также включило пункт, согласно которому шведское правительство должно было подготовить свои вооруженные силы для немедленной переброски их, в случае необходимости, на континент. Шведское правительство отказалось подписать дополнительную статью и в этой редакции, ссылаясь на то, что оно не в состоянии предпринимать какие-либо вооруженные приготовления без финансовой помощи Великобритании.—*350, 351.*

[176] Имеется в виду предположение отправить в Париж для ведения мирных переговоров с Наполеоном Н. Н. Новосильцева. Поездка эта была задумана по согласованию с английским правительством в связи с предложением о прекращении военных действий, сделанным Наполеоном английскому королю в январе 1805 г. (см. прим. 167). Ввиду того что дипломатические отношения между Англией и Россией, с одной стороны, и Францией — с другой, были разорваны, было решено направить к Наполеону Н.Н. Новосильцева в качестве личного представителя Александра I со всеми необходимыми полномочиями для ведения переговоров от имени Англии и России. Н. Н. Новосильцеву были вручены полномочия, инструкция Александра I, проект мирного договора с Францией, проект дополнительной декларации к договору, письмо А. А. Чарторыйского Талейрану (все эти документы опубл. в Сб. РИО, т. 82, стр. 57—69), а также так называемые «Основания для заключения мира, принятые уполномоченными е. в-ва императора всероссийского и уполномоченным е. в-ва короля Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии» (см. приложение к X отд. ст. англо-русской конвенции, док. 117). Следует отметить, что царское правительство не возлагало особых надежд на успех этой миссии и рассчитывало использовать отказ Наполеона от примирения на предлагаемых ему условиях для того, чтобы показать Европе, что его миролюбивые предложения являются на самом деле лишь хитроумным ходом, имевшим целью ввести в заблуждение общественное мнение и выгадать время для осуществления завоевательных стремлений.—*351—354, 379, 381, 384, 386, 391, 394, 397, 399, 400, 401, 418, 431, 440, 442, 448, 451, 453, 455, 459, 461, 482, 484, 508, 511.*

[177] В момент составления настоящего письма в С.-Петербурге еще не было известно об отказе прусского короля заключить союз с Россией и Австрией.—*351, 352.*

[178] Речь идет о рескрипте от 18(30) марта 1805 г., которым Александр I выражал свое полное доверие М. М. Алопеусу и одобрял его действия.—*353, 354.*

[179] В упоминаемой конфиденциальной записке от 11(23) февраля 1805 г. М. М. Алопеус просил министра иностранных дел Пруссии Гарденберга убедить короля, что в сложившейся политической обстановке наилучшим решением для Пруссии является принятие предложения о заключении союза с Россией и Австрией.—*353, 354.*

[180] Заключению этой конвенции предшествовали переговоры Н. Н. Новосильцева в Лондоне (см. док. 50, 51, 79, 87).—*355.*

[181] 28 июля (9 августа) 1805 г. к данной конвенции присоединилась Австрия (см. док. 154).—*356, 368.*

[182] 12(24) июля 1805 г. в С.-Петербурге А. А. Чарторыйским и английским послом Гоуэром была подписана дополнительная статья о порядке предоставления Англией субсидий участникам коалиции (см. док. 149).—*357, 369.*

[183] Договор, а также одиннадцать отдельных статей и две отдельные и секретные статьи были ратифицированы Георгом III 17 июня 1805 г. Обмен ратификационными грамотами состоялся в С.-Петербурге 28 июля 1805 г. (см. док. 150).—*357—362, 366—372, 376, 377.*

[184] Опубл. *G. Martens*, R. VI, p. 653—656.—*361, 372.*

[185] Исполнение обязательств России по этой статье было возложено на посланника в Испании Г. А. Строганова (см. док. 130).—*362*, *372*.

[186] Ст. X и «Основания» не были ратифицированы Александром I ввиду того, что английское правительство отказалось ратифицировать включенный в «Основания» пункт об отказе Англии от Мальты.—*362*, *373*.

[187] Этот пункт «Оснований» вызвал категорический протест со стороны английского правительства и не был им ратифицирован (см. док. 150).—*365*, *375*.

[188] Конвенция была названа «временной», так как предполагалось, что окончательный договор будет заключен после победы коалиции над Францией.—*377*, *381*

[189] Имеются в виду «Основания для заключения мира, принятые уполномоченными е. в-ва императора всероссийского и уполномоченным е. в-ва короля Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии», приложенные к X отд. статье англо-русской конвенции (см. док. 117).—*379*, *382*.

[190] Имеется в виду письмо А. А. Чарторыйского А. К. Разумовскому от 2 (14) апреля 1805 г., извещавшее о заключении англо-русской союзной конвенции.—*383*, *385*.

[191] План операций, предложенный Австрией, опубл. *Neumann*, Recueil des traités, t. II, p. 112—117, за исключением следующего текста: «§ 3. Эти различные соображения приводят к столь сомнительным результатам, что политика должна способствовать, насколько возможно, устранению наибольшего числа трудностей.

Один из главнейших способов, которые должно употребить с этой целью, состоит в том, чтобы заставить Пруссию присоединиться со всей откровенностью к системе обоих императорских дворов и сотрудничать с ними. Очень полезно было бы также, если не удастся привлечь Пруссию, выгадывать время и выбирать благоприятный момент, чтобы подготовиться настолько, чтобы иметь возможность сражаться с противником, имея необходимые силы, должную подготовку и уверенность в успехе». (По арх. материалам, перевод с франц.; приводится по тексту плана операций, врученного австрийским послом в С.-Петербурге Стадионом министерству иностранных дел России).—*388*, *392*, *395*, *398*, *402*, *406*.

[192] Упоминаемый план был утвержден Александром I 24 апреля (6 мая) и вручен австрийскому министерству иностранных дел в конце мая 1805 г. План исходил из необходимости иметь численный перевес над противником и закончить войну в две кампании, что должно было сократить расходы на содержание армий и в то же время не дать Наполеону времени применить его излюбленное средство — возбуждение раздоров между его противниками. Для того чтобы дать Австрии возможность сдержать первый натиск французов, Россия соглашалась увеличить численность выставляемых ею войск до 180 тыс. человек, 100 тыс. из которых в составе двух армий должны были прийти на помощь Австрии по первому ее требованию. В период развертывания сил и подтягивания русских армий к районам военных действий союзники должны были ограничиваться чисто оборонительными действиями везде, кроме Италии, где предполагалось предпринять наступление с целью отвлечения сил Франции из Германии. После ввода русских войск в Чехию (Богемию) и Померанию имелось в виду заставить Пруссию присоединиться к коалиции под угрозой вторжения русских и австрийских армий. Присоединение Пруссии к коалиции повлекло бы к участию в ней Дании, Саксонии, Мекленбурга и Брауншвейга, что вместе с русской армией в Литве увеличило бы силы коалиции до 597 тыс. человек. После этого предполагалось начать активные действия в Италии, Тироле, Швабии, Голландии, Фландрии, за Рейном. Войска освобожденных государств должны были увеличить силы коалиции до 732 тыс. человек, что дало бы союзникам реальную возможность добиться осуществления своих целей. Главной целью было изгнание французских войск из всей Италии, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Ганновера и с правого берега Рейна.—*396*, *398*, *402*, *406*, *454*, *455*, *469*, *470*, *497*, *498*, *504*, *505*.

[193] Дополнительная статья была ратифицирована Георгом III 10 июня 1805 г. Обмен ратификационными грамотами был произведен в С.-Петербурге 28 июля 1805 г. (см. док. 150).—*399*, *400*.

[194] В упоминаемой записке сообщалось, что австрийская армия будет насчитывать 316 тыс. человек, а не 250 тыс., как предусматривалось ст. IV отдельной англо-русской союзной конвенции (см. док. 117), что влекло за собой необходимость увеличения суммы субсидии, которую Англия предполагала выплачивать Австрии.—*403*, *406*.

[195] Имеются в виду донесения Г. Д. Моцениго Александру I и А. А. Чарторыйскому от 6(18) марта 1805 г. В донесении Александру I сообщалось о нарушении турецким воеводой Превезы Абдулла-беем, вопреки данным им Г. Д. Моцениго обещаниям, ст. 8-й, 9-й и 10-й русско-турецкой конвенции 1800 г. (см. т. I, прим. 87). В донесении А. А. Чарторыйскому Г. Д. Моцениго сообщал о захватах английскими каперами австрийских, а также рагузских и греческих под русским флагом судов под тем предлогом, что они якобы везут продовольствие в Испанию, с которой Англия находилась в состоянии войны.—*408*, *409*.

[196] В письме от 3(15) мая 1805 г. А. А. Чарторыйский предписывал послу в Лондоне С. Р. Воронцову потребовать от английского правительства принятия мер к тому, чтобы корабли английского флота не задерживали торговых судов под русским флагом.—*408*, *410*.

[197] Речь идет об инструкции, посланной генералу Анрепу 4(16) мая 1805 г. А. А. Чарторыйский одобрял предложение Анрепа увеличить численность батальона из сулиотов до

1000 человек и создать полк из химариотов. В письме детально излагались вопросы организации, финансирования и вооружения этого полка. О деятельности созданных Россией на Ионических островах национальных формирований после 1806 г. см. *Boppe*, A., L'Albanie et Napoléon (1797—1814), P. 1914.—*408, 410.*

[198] В мае 1805 г. эмиссар Наполеона Жобер (см. прим. 246) вручил турецкому султану письмо Наполеона от 30 января 1805 г. (опубл. Correspondance de Napoléon, X, p. 130—131). В этом письме Наполеон убеждал султана отказаться от союза с Россией и ориентироваться на «истинных друзей» Турции — Францию и Пруссию. Угрожая войной, Наполеон требовал от султана отставки реис-эфенди и членов Дивана, дружественно относившихся к России, а также просил поддержать Персию в войне, которую она ведет против России. См. *А. Р. Иоаннисян*, Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия, Ереван, 1958, стр. 89—139.—*415, 476.*

[199] Имеется в виду обмен декларациями между русским посланником в Париже А. И. Морковым и испанским послом Азарою в связи с заключением русско-испанского договора от 22 сентября (4 октября) 1801 г. (см. т. I, док. 20).—*416, 430.*

[200] 13(25) октября 1804 г. посланник Королевства Обеих Сицилий в С.-Петербурге Серра-Каприола сообщил А. А. Чарторыйскому ряд документов, из которых явствовало, что испанское правительство благосклонно отнеслось к русскому предложению о присоединении Испании к коалиции, которое было передано ему через посредство посланника Королевства Обеих Сицилий в Мадриде Сент-Теодора. В письме к этому посланнику глава испанского правительства Годой заявил, что Испания, возможно, присоединится к коалиции, если в ней примут участие Англия и Пруссия и если коалиция будет стремиться к улучшению положения всех государств, а не к достижению частных выгод ее участников.—*417, 431.*

[201] В январе 1804 г. португальский посланник в С.-Петербурге Араухо был назначен министром иностранных дел и военным министром Португалии и выехал в Лиссабон. Перед отъездом министр иностранных дел России А. Р. Воронцов просил его выяснить возможность привлечения Испании к борьбе против Наполеона. Упоминаемым в документе письмом от 20 июля 1804 г. Араухо сообщал А. Р. Воронцову, что ему удалось, по-видимому, убедить главу испанского правительства Годоя в необходимости принять участие в предстоящей борьбе против Наполеона. Араухо сообщал также о беседах, которые он имел проездом через Париж, с Наполеоном и Талейраном. Последний заявил, в частности, что Франция, с целью спровоцировать Англию на объявление войны Испании, намерена заставить Испанию внести в ее торговую политику изменения, невыгодные для английских интересов.—*417, 431.*

[202] В письме министру иностранных дел Португалии Араухо от 27 ноября (9 декабря) 1804 г А. А. Чарторыйский выражал надежду, что Араухо удастся убедить испанское правительство проводить такую политику, которая соответствовала бы истинным интересам Испании. А. А. Чарторыйский высказывал опасение, что в результате захвата англичанами испанских фрегатов (см. прим. 118) между Испанией и Англией может возникнуть война. В письме сообщалось, что русское правительство предприняло соответствующие демарши через своего посла в Лондоне с целью предотвратить возникновение такой войны, и выражалась надежда, что португальское правительство, со своей стороны, будет способствовать предотвращению войны.—*417, 431.*

[203] 24 ноября (6 декабря) 1804 г. А. А. Чарторыйский вручил посланнику Королевства Обеих Сицилий Серра-Каприола письмо, в котором содержалась просьба о том, чтобы его правительство попыталось убедить испанское правительство урегулировать конфликт с Англией из-за захвата испанских фрегатов (см. прим. 118) мирным путем и не доводить дело до войны. А. А. Чарторыйский просил, чтобы Королевство Обеих Сицилий добилось от Испании обязательства, в форме секретной декларации или конвенции с Россией и Королевством Обеих Сицилий, согласно которому Испания в случае европейской войны против Наполеона стала бы на сторону коалиции. А. А. Чарторыйский писал, что, если бы Испания дала такое обязательство, русскому правительству было бы легче добиться примирения Англии и Испании.—*418, 431.*

[204] Франко-испанский договор от 19 августа 1796 г., заключенный в Сент-иль-де-Фонсе, провозглашал создание оборонительного и наступательного союза и предусматривал предоставление определенного контингента войск в порядке помощи в случае нападения на одну из сторон или возникновения угрозы такого нападения. В соответствии со ст. XIII в случае, если бы обстоятельства, вызвавшие конфликт, затрагивали интересы обеих договаривающихся сторон, они должны были использовать против общего врага все свои вооруженные силы (опубл. *G. Martens*, R. VI, p. 656—661).—*423—425, 434—436.*

[205] 19 октября 1803 г. испанское правительство заключило с Францией конвенцию, в силу которой предоставление Испанией вооруженных сил в распоряжение французского правительства (см. прим. 204) заменялось выплатой крупной ежемесячной субсидии, а Франция соглашалась на соблюдение Испанией нейтралитета в англо-французской войне (опубл. *Garden*, Histoire générale des traités de paix, v. 8, p. 201—204).—*423, 435.*

[206] Имеется в виду проект секретного соглашения между Россией и Испанией, которое, как предполагалось, должно было быть заключено путем подписания конвенции или обмена соответствующими декларациями.

Проект был одобрен Александром I 4 (16) мая и вручен Г. А. Строганову 12 (24) мая 1805 г.

Текст проекта гласил:

«В связи с тем, что е. в-во император всероссийский выразил его католическому в-ву свое огорчение по поводу того, что Испания не только терпит притеснения от своего могущественного соседа, но и оказалась несправедливо вовлеченной, вследствие союзного договора, не дающего ей никаких выгод, в войну, которая противоречит и вредит ее интересам, и так как это заявление, свидетельствующее об искренней дружбе е. и.в-ва к его католическому в-ву, сопровождалось просьбой дать ему положительный ответ, на чью сторону встанет Испания в том случае, если Франция будет вовлечена в континентальную войну, его католическое в-во, понимая вызвавшие эти сообщения причины, назначил и уполномочил г-на... для ведения переговоров с действительным камергером бароном Строгановым, послом е. в-ва императора всероссийского,для того,чтобы условиться о мерах,которые смогли бы гарантировать владения его католического в-ва от затруднений, которые они теперь испытывают; указанные послы после проверки и размена своих полномочий, найденных в доброй и должной форме, условились и договорились о нижеследующих статьях:

Статья I

Будучи извещен о том, что король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии положился на посредничество е. в-ва императора всероссийского в деле заключения мира между Испанией и Англией, его католическое в-во также соглашается на это посредничество и просит е. в-во императора всероссийского употребить свои добрые услуги для того, чтобы этот мир был восстановлен на прочных и справедливых основах или же, если обстоятельства не позволят достигнуть этой столь желаемой цели немедленно, хотя бы добиться у сент-джемского кабинета предоставления мадридскому двору всех возможных при нынешней войне преимуществ в силу секретного соглашения, которое могло бы быть заключено для этого между двумя державами при содействии е. и. в-ва.

Статья II

Е. в-во император всероссийский согласен признать за королем Этрурии все его теперешние владения и тот надел, который может ему достаться в результате общего устройства дел в Европе, и король Испании просит е. и. в-во склонить лондонский двор также согласиться на это условие.

Статья III

Его католическое в-во, сознавая, что настоящее положение дел в Европе совершенно не обеспечивает всеобщую безопасность и, особенно, независимость суверенных государств, граничащих с Францией, полностью признает настоятельную необходимость, побуждающую различные европейские державы силой противодействовать непрерывным посягательствам французского правительства. Не сомневаясь, впрочем, в том, что е. в-во император всероссийский и его союзники, прибегая к таким мерам, не имеют в виду другой цели, кроме восстановления справедливого равновесия в Европе, и будучи твердо убежден в том, что произвол французского правительства по отношению к Испании дает его католическому в-ву достаточное основание воспользоваться любой возможностью, чтобы разорвать обременительный союз, связывающий эти две страны, он обещает не только не действовать совместно с Францией в случае, если она будет атакована союзниками в Италии или на Рейне, но, напротив, открыто выступить против нее не позже чем через 2—3 месяца после начала военных действий и таким образом всеми своими силами содействовать объединенным усилиям союзных держав.

Статья IV

Высокие договаривающиеся стороны условились употребить объединенные усилия для того, чтобы побудить Португалию присоединиться к усилиям его католического в-ва, направленным в силу постановлений предыдущей статьи на обеспечение будущей независимости его владений и на избавление от господства Франции.

Статья V

Ввиду того, что его католическое в-во взял на себя обязательство, в случае своего участия в войне против Франции, не заключать с ней отдельного мира без соглашения с е. в-вом императором всероссийским, этот государь также обещает не заключать мир с общим врагом без участия в нем Испании и, кроме того, обязуется добиться для нее преимуществ, на которые она вправе претендовать по окончании войны.

Статья VI

Высокие договаривающиеся стороны обещают друг другу хранить настоящее соглашение в строгом секрете, сообщив о нем только Англии и Португалии, которые должны будут в нем участвовать, если только переговоры е. в-ва императора всероссийского с другими державами относительно военных операций не вызовут необходимости сообщить о существовании этого акта.

Статья VII

Настоящая конвенция или декларация будет иметь силу и значение самого торжественного договора, и, чтобы избежать некоторых неудобств, которые могут возникнуть при ее исполнении из-за большого расстояния, существующего между двумя странами, высокие договаривающиеся стороны условились, что она вступит в действие и станет обязательной для обеих высоких договаривающихся держав еще до размена ратификаций, который будет иметь место в ... в течение 4-х месяцев со дня подписания или ранее, если это окажется возможным.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся уполномоченные оную подписали и приложили гербов своих печати.

Учинено в ...» (По арх. материалам, перевод с франц.). О результатах переговоров Г. А. Строганова см. прим. 209.—*423*, *435*.

[207] 6 ноября 1804 г. испанский посланник в С.-Петербурге Норонна вручил А. А. Чарторыйскому ноту, в которой извещал, что испанский король не ратифицировал заключенный его посланником в Константинополе торговый договор с Портой, согласно которому испанские торговые суда получали бы право свободного прохода в Черное море, ввиду того что Порта обусловила это право требованием, чтобы испанские купцы, направляющиеся в Черное море, обменивали испанскую валюту на турецкую. Норонна просил русское правительство воздействовать на Порту, с тем чтобы она сняла это ограничение. В ответной ноте, врученной А. А. Чарторыйским испанскому посланнику 18(30) декабря 1804 г., выражалось согласие оказать добрые услуги в деле отмены ограничения, но не раньше, чем само испанское правительство начнет новые переговоры с турецким правительством по этому вопросу.—*429*, *439*.

[208] 13(25) декабря 1804 г. А. А. Чарторыйский предписал А. Я. Италинскому добиваться от турецкого правительства отмены правила, в силу которого испанские пиастры подлежали обмену на обладавшие меньшей покупательной способностью турецкие, поскольку это стесняло торговлю на Черном море.—*429*, *439*.

[209] Г. А. Строганов прибыл в Мадрид в декабре 1805 г. К этому времени в Мадриде уже было известно, что ход военных действий в Европе складывался не в пользу коалиции. В этих условиях Г. А. Строганову было весьма трудно склонить испанское правительство присоединиться к коалиции. Когда же были получены известия о поражении главных сил союзников под Аустерлицем, стало окончательно ясно, что привлечь Испанию к коалиции не удастся, о чем Г. А. Строганов сообщил в С.-Петербург. В связи с этим А. А. Чарторыйский своим письмом от 26 марта (7 апреля) 1806 г. предписал Г. А. Строганову прекратить дальнейшие попытки в этом направлении и добиваться лишь соблюдения Испанией строгого нейтралитета.—*429*, *439*

[210] Речь идет о донесении М. М. Алопеуса № 108 от 12(24) мая 1805 г., в котором сообщалось о согласии Наполеона начать переговоры с Н. Н. Новосильцевым (см. прим. 176) и о получении для него паспортов на въезд во Францию.—*440*, *442*.

[211] К донесению были приложены письма Талейрана министру иностранных дел Пруссии Гарденбергу и французскому посланнику в Берлине Лафоре от 11 мая 1805 г., извещавшие о согласии Наполеона начать переговоры о восстановлении мира в Европе. В письме к Лафоре указывалось, кроме того, что переговоры Наполеона с Фридрихом-Вильгельмом III, принявшим на себя посредничество в этом деле, будут вестись непосредственно между ними, минуя министров и посланников.—*440*, *442*, *454*, *456*.

[212] Речь идет о письме от 9 мая 1805 г. (опубл. Correspondance de Napoléon, X, p. 391—392). Наполеон высказывал сомнение в искренности желания Англии восстановить мир с Францией, но тем не менее сообщал о своем согласии начать переговоры с Н. Н. Новосильцевым. В письме ничего не сообщалось об отношении Наполеона к предварительным условиям примирения, выдвинутым Россией.—*440*, *442*.

[213] Имеется в виду письмо Александра I Фридриху-Вильгельму III от 30 марта (11 апреля) 1805 г. (см. аннотацию на стр. 377).—*440*, *442*.

[214] Н. Н. Новосильцеву было поручено попытаться склонить короля к совместным действиям с Россией против Франции (см. аннотацию на письмо Александра I Фридриху-Вильгельму III от 29 мая (10 июня) 1805 г. на стр. 447).—*441*, *442*.

[215] Речь идет о записке, врученной Застрову в конце мая — начале июня 1805 г. (опубл. *Ranke*, Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten v. Hardenberg, Bd. 2, S. 161—162). Александр I писал, что, прежде чем полностью раскрыть королю политические и союзные связи России, он должен быть убежден в том, что Пруссия присоединится к России и Австрии в борьбе против Наполеона, если он отвергнет мирные предложения, которые предъявит ему Н. Н. Новосильцев (см. прим. 176). Александр I обещал королю субсидии и всемерную помощь России, если он присоединится к борьбе против Наполеона.— *441*, *442*, *450*, *453*.

[216] Имеется в виду письмо министра иностранных дел Англии Мюльгрэва послу в Лондоне С. Р. Воронцову от 5 июня 1804 г. о том, что английское правительство категорически настаивает на изъятии из условий примирения, которые Н. Н. Новосильцев должен предъявить Наполеону (см. прим. 176), пункта о согласии Англии на отказ от владения о. Мальта и на пересмотр морского кодекса. За этим исключением английское правительство подтверждало свое согласие на то, чтобы Н. Н. Новосильцев вел переговоры с Наполеоном от имени английского короля на вышеупомянутых условиях. — *443*.

[217] В ноте турецкого правительства, датированной последним днем сефера 1220 г. (17(29) мая 1805 г.), содержался протест по поводу занятия русскими войсками крепости Анаклия (Анакра) и требование о выводе из нее русских войск.—*444, 445*.

[218] В связи с занятием русскими войсками Анаклии П. Д. Цицианов в рапорте Александру I от 12(24) апреля 1805 г. писал: «... не меньше, однако же, встревожен я сверх чаяния моего случившимся происшествием, что ген.-майор Рыкгоф, столь славно выполнивший данное ему поручение (речь идет об освобождении из плена наследника Мингрелии князя Левана, захваченного абхазским владельцем Келеш-беком. — *Прим. ред.*), не известен будучи о политических наших обращениях с Оттоманской Портою, без моего на это повеления взял с тремя ротами пристань Анаклию, хотя и принадлежащую Келеш-беку, но состоящую в зависимости от Порты и имеющую в себе турецкий гарнизон. Но к сему наивяще побужден он был упорством его и тем, что он (Келеш-бек.—*Прим. ред.*) ослушался даже Сеид Ахмед Эриб-эфендия, от турецкого двора приезжавшего под видом обозрения того края и привезшего фирман на пропуск судов наших мимо пристани Поти к берегам Мингрелии, который склонял его к добровольной выдаче Левана.

Впрочем, долгом считаю всеподданнейше донести в. и. в-ву, что, стараясь поправить сие дело, без воли моей случившееся, предписал я Рыкгофу, вытребовав только всех мингрельских аманатов, тотчас сдать опять крепость турецкому начальнику и немедленно возвратиться назад, внуша турецкому начальству, в оном краю находящемуся, что это сделано против воли начальства и единственно для того, что Келеш-бек ослушался Эриб-эфендия внушений о выдаче сказанного князя Левана». (По арх. материалам.)—*445, 446, 476, 534*.

[219] Генерал Застров прибыл в С.-Петербург 6 мая 1805 г. в качестве личного представителя прусского короля с заданием убедить Александра I в том, что Пруссия не может нарушить мира с Францией и что единственно возможной для нее является политика нейтралитета. Тем самым король окончательно отказывался от сделанного ему предложения заключить союз с Россией и Австрией (см. прим. 123). Инструкция Фридриха-Вильгельма III Застрову опубл. *Ranke*, Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten v. Hardenberg, Bd. 5, S. 137—145.—*448*.

[220] Пьемонт был присоединен к Франции декретом 11 сентября 1802 г. (опубл. *G. Martens*, S. IV, p. 111—112).—*453, 455, 507, 510*.

[221] Русское правительство обвиняло прусского посланника в Париже Люккезини в том, что он является приверженцем Наполеона и предает интересы Пруссии и России.—*454,456*.

[222] В одной из депеш, доставленных фельдъегерем Гурьевым и датированных 1(13) мая 1805 г., А. К. Разумовский сообщал, что, несмотря на все его усилия, австрийский министр иностранных дел Кобенцль уклоняется от обсуждения вопроса о присоединении Австрии к англо-русскому договору 30 марта (11 апреля) 1805 г. Одновременно А. К. Разумовский выразил убеждение, что условия мира, которые союзники намерены предъявить Наполеону, несомненно будут им отвергнуты и что ввиду этого следует ограничиться требованием соблюдения условий Люневильского и Амьенского договоров.—*456, 457, 460*.

[223] В депеше австрийского министерства иностранных дел послу в С.-Петербурге Стадиону от 11 апреля 1805 г. сообщалось, что на Военном совете 8 апреля были приняты решения о приведении армии к штатам военного времени, о создании дополнительных военных лагерей и провиантских складов и т. п.—*457, 458, 460, 551, 554*.

[224] В депеше от 7(19) мая 1805 г., посланной с направлявшимся в С.-Петербург австрийским коммерсантом Гинтовым, А. К. Разумовский сообщал о беседе с австрийским министром иностранных дел Кобенцлем, во время которой обсуждался вопрос о присоединении Австрии к англо-русской союзной конвенции. Австрийским министром были сделаны замечания по статьям, касающимся субсидий, количества войск, выставляемых Россией, времени начала военных действий, управления завоеванными областями и размера территориальных приобретений Пруссии в случае удачного исхода войны. Хотя Кобенцль и уклонился от определенного ответа, у А. К. Разумовского создалось впечатление, что Австрия все же присоединится к англо-русскому союзу. В депеше от 12(24) мая, отправленной с фельдъегерем Бенкендорфом, А. К. Разумовский сообщал, что, как заверил его Кобенцль, вопрос о присоединении Австрии к англо-русскому союзу будет решен положительно в ближайшее время.

О депеше, отправленной с Гурьевым, см. прим. 222.—*458, 460, 495, 496, 501, 502, 504, 505*.

[225] В конце мая австрийский посол в С.-Петербурге Стадион представил А. А. Чарторыйскому два документа, составленных в австрийском министерстве иностранных дел. В первом из них («Мнение венского двора о конвенции, заключенной между лондонским и петербургским дворами, и об участии, которое может принять в ней е. в-во») указывалось, что англо-русская конвенция предусматривает более широкие обязательства участников, чем русско-австрийское соглашение от 25 октября (6 ноября) 1804 г., и в то же время не содержит точных указаний на количество войск, которые должны быть выставлены против Франции; что участники конвенции рассчитывают на присоединение Пруссии, тогда как она еще не определила своей позиции; что некоторые из условий примирения, которые должны быть предъявлены Наполеону, неминуемо будут им отвергнуты и приведут не более чем через два месяца к войне, тогда как Австрии нужно еще несколько месяцев для подготовки. Тем не менее

венский двор соглашался принять участие в переговорах Н. Н. Новосильцева в Париже и в то же время немедленно приступить к укреплению обороны итальянских границ. Высказывая надежду на то, что эти замечания будут одобрены в Лондоне и С.-Петербурге, австрийское министерство приглашало Англию присоединиться к соглашению от 25 октября (6 ноября) 1804 г.

Во втором документе («Замечания о некоторых особых вопросах конвенции от 30 марта (11 апреля) 1805 г.») австрийское министерство высказывало некоторые замечания по поводу вознаграждения короля Сардинии, просило сообщить, что подразумевается под вознаграждением для Пруссии, предлагало управлять завоеванными территориями не от имени их владетелей, а от имени союзников, отказывалось от притязаний на Бельгию, с тем чтобы Англия освободила Австрию от уплаты займов, сделанных ею в две последние войны, и выражало надежду, что Англия удовлетворит потребности Австрии в субсидиях.—*459*, *461*.

[226] Генуя и Лукка были присоединены к Франции в мае—июне 1805 г. Акты о присоединении опубл. *G. Martens*, S. IV, p. 120—135, 139—157.—*462*, *465*, *469*.

[227] Имеется в виду предписание А. А. Чарторыйского Н. Н. Новосильцеву от 9(21) июня 1805 г. отказаться от поездки в Париж для ведения переговоров с Наполеоном в виду нового нарушения последним обязательств по отношению к России, Англии и Австрии, выразившегося в присоединении Генуи и Лукки к Франции. Н. Н. Новосильцеву предписывалось возвратить прусскому министерству иностранных дел паспорта для въезда во Францию, сопроводив их нотой с изложением мотивов отказа от ведения переговоров, однако окончательное решение вопроса оставлялось на усмотрение Н. Н. Новосильцева, в зависимости от исхода его переговоров с Пруссией о присоединении ее к коалиции.—*462*, *465*, *470*.

[228] Нота была опубликована в газете «Journal de Francfort» от 19 августа 1805 г., № 231.—*463*, *465*.

[229] А. А. Чарторыйский просил ганноверского посланника в С.-Петербурге Мюнстера, отъезжавшего в Лондон, убедить английского короля не настаивать на исключении вопросов об о. Мальта и пересмотре морского кодекса из текста англо-русской союзной конвенции. В своих письмах А. А. Чарторыйскому от 16 и 21 мая, доставленных курьером Дэвисоном, Мюнстер извещал А. А. Чарторыйского о том, что английское правительство не уступит в вопросе о морском кодексе, но, возможно, согласится на отказ от о. Мальта, если ему будет дан другой порт в Средиземноморье.—*463*, *465*.

[230] Имеется в виду письмо премьер-министра Англии Питта А. А. Чарторыйскому от 7 июня 1805 г., в котором он обосновывал необходимость владения Мальтой для Англии как единственную возможность воспрепятствовать завоевательным планам Франции в Средиземноморье. Однако Питт допускал возможность отказа от Мальты, если Англии будет предоставлена Менорка. В этом же письме Питт предупреждал, что Англия никогда не согласится на пересмотр морского кодекса.—*463*, *465*.

[231] В упоминаемых письмах от 28 апреля (10 мая) и 6(18) мая 1805 г. С. Р. Воронцов сообщал, что английское правительство было неприятно поражено, обнаружив в тексте англо-русского союзного договора условие, в силу которого Англия обязывалась отказаться от владения Мальтой, если это окажется необходимым для достижения мира с Францией (см. док. 117, приложение к ст. отд. X), и заявило, что оно будет категорически настаивать на исключении этого условия из текста договора. С. Р. Воронцов сообщал также, что английское правительство воспротивится каким бы то ни было попыткам пересмотра морского права.—*464*, *466*—*468*.

[232] Речь идет о записке Александра I А. А. Чарторыйскому по поводу его предписаний Н. Н. Новосильцеву о целесообразности отказа от поездки в Париж, если он получит извещение о несогласии английского правительства на то, чтобы вопросы об о. Мальта и пересмотре морского права обсуждались при переговорах с Наполеоном. «Я возвращаю Вам, мой дорогой друг, Ваши депеши, конфирмованные мной. Я нашел их удовлетворительными и могу добавить только, что, на мой взгляд, нужно было бы заявить более ясно Новосильцеву, что в этом деле полностью полагаются на его мнение, следует ли ему или нет продолжать его поездку в Париж, что Вы и могли бы добавить в постскриптуме».—*464*, *466*.

[233] Речь идет о письме А. А. Чарторыйского от 13(25) июня 1805 г., в котором он предписывал С. Р. Воронцову поставить в известность английское правительство о том, что ввиду нового нарушения Наполеоном *status quo* в Европе, выразившегося в присоединении Генуи к Франции, русское правительство сочло невозможным вести мирные переговоры с Наполеоном и решило отозвать Н. Н. Новосильцева. В письме выражалась надежда на то, что это решение будет полностью одобрено английским правительством, ибо миссия Н. Н. Новосильцева становится беспредметной, поскольку цель, которую ставили себе Россия и Англия, предпринимая эти переговоры,— разоблачение захватнического характера французской внешней политики и лицемерности мирных предложений Наполеона — уже достигнута при помощи самого Наполеона, захватившего Геную в тот самый момент, когда должны были начаться мирные переговоры.—*467*, *468*.

[234] В соответствии с VII ст. англо-русской союзной конвенции (см. док. 117) обмен ратификационных грамот должен был состояться в течение десяти недель; таким образом, срок обмена ратификациями истек 9 июня 1805 г.—*467, 468, 478, 479, 489, 490.*

[235] Речь идет о проекте подполковника русской службы Ареншильда (бывшего мекленбургского офицера) использовать для обороны Шведской Померании офицеров и солдат бывшей ганноверской армии. Ареншильд предложил послать его в Померанию, где он мог бы, используя свои прежние связи с ганноверским офицерством, организовать набор ополчения численностью 8—9 тыс. человек. Предложение Ареншильда было принято Александром I, и в октябре 1804 г. он был отправлен в Шведскую Померанию. Весной 1805 г. русское правительство сообщило Англии о миссии Ареншильда и просило оказать финансовую поддержку создаваемому Ареншильдом ополчению и помочь укомплектовать его командирами из числа эмигрировавших в Англию ганноверских офицеров.—*469, 470.*

[236] Нота была вручена прусскому министерству иностранных дел 10 июля 1805 г. В ней Н. Н. Новосильцев сообщал, что новое нарушение Наполеоном своих договорных обязательств, выразившееся в присоединении Лукки и Генуи к Франции, не оставляет никакой надежды на возможность достижения с ним договоренности о восстановлении мира в Европе на справедливой основе, вследствие чего Н. Н. Новосильцев вынужден отказаться от ведения переговоров и вернуть паспорта для въезда во Францию. (опубл. The Paget Papers, v. II, p. 186).—*471, 472, 534, 536.*

[237] Речь идет о письме Густаву-Адольфу IV от 30 июня (12 июля) 1805 г., в котором Александр I извещал о полной готовности русского 15 тыс. корпуса, предназначенного для действий в Шведской Померании, и просил у короля разрешения на высадку этого корпуса в Померании. Александр I выражал надежду, что вместе со шведским корпусом и корпусом, набранным из ганноверцев, этих сил будет достаточно, для того чтобы успешно действовать против французских войск и заставить Пруссию присоединиться к коалиции. В письме сообщалось также о том, что Д. М. Алопеусу даются полномочия для заключения со Швецией соглашения об усилении гарнизона Штральзунда.—*473, 474.*

[238] Речь идет о секретной англо-шведской конвенции о субсидиях от 3 декабря 1804 г. (опубл. *G. Martens*, S. IV, p. 158—160).—*473, 474, 537, 540—545.*

[239] В тексте ошибка. Речь идет о русско-персидском пограничном договоре от 12(23) сентября 1723 г. (опубл. ПСЗРИ, т. VII, стр. 110—112).—*475.*

[240] В упоминаемой ноте английский посол, обеспокоенный намерением Александра I не ратифицировать конвенцию от 30 марта (11 апреля) 1805 г., если Англия не согласится полностью с редакцией приложения к X отдельной статье (см. док. 117), настаивал на том, чтобы Россия дала свое согласие на исключение из этого приложения пункта о Мальте и указывал, что разрыв переговоров будет иметь пагубные последствия для Европы.—*476, 478.*

[241] Имеются в виду вопросы о Мальте и морском праве.—*477, 479.*

[242] Упоминаемой депешей (также от 12(24) июля) А. А. Чарторыйский ставил А. К. Разумовского в известность об отозвании Н. Н. Новосильцева. В связи с этим А. К. Разумовскому предписывалось добиться от австрийского правительства принятия нового плана действий, изложенного в декларации, которую ему поручалось вручить Австрии (см. док. 151).—*482, 484.*

[243] Речь идет о так называемой предварительной декларации австрийского министерства иностранных дел послу в Вене А. К. Разумовскому от 7 июля 1805 г. Министерство объявляло, что Австрия готова присоединиться к англо-русской союзной конвенции от 30 марта (11 апреля) 1805 г., если правительство России согласится внести в план действий против Наполеона (см. прим. 192) следующие изменения:

«Во-первых, е. в-во не желает подвергаться необходимости вновь вовлекать свои владения в борьбу после всех бедствий, которые им уже причинили десять лет войны, не будучи в состоянии сказать себе и показать со всей очевидностью своим народам и всей Европе, что если война и стала неизбежной, то все же были использованы все возможности для предотвращения этого бедствия путем примирительной и умеренной политики.

Е. в-во поэтому убежден, что требование о возвращении королю Сардинии Пьемонта неминуемо приведет к разрыву переговоров, так как на подобную уступку со стороны Бонапарта можно надеяться только после очень удачной войны. Е. в-во считает также, что нельзя исключать из переговоров вопроса о присоединении этой провинции к Франции, так как узурпатор никогда не согласится поставить там у власти одного из своих родственников, предоставив ему подлинную независимость на длительный срок, а кажущаяся и непрочная независимость мало чем отличается от присоединения. Наконец, если, кроме этого основного пункта, для сохранения мира нужно будет дать согласие на воцарение одного из членов этой семьи в какой-либо части Итальянской республики, исключая, конечно, левый берег р. По, то е. в-во думает, что на это можно согласиться, лишь бы в остальном мирное урегулирование обеспечивало достаточную безопасность против дальнейших французских посягательств.

В этом случае е. в-во, если потребуется, удовлетворится границей от р. Минчо до р. По, включая Мантую и Полезину Ровигойскую. Если, однако, можно будет надеяться на достаточно благоприятное урегулирование дел в Италии, которое позволило бы предоставить королю Сардинии за его потери возмещение даже и за пределами Пьемонта, то надо полагать,

что петербургский и лондонский дворы сочтут тогда сами, что венский двор, согласившийся предпринять такие громадные усилия и подвергающийся столь грозной опасности, имеет больше прав на дальнейшее расширение своих границ, например до Ольо, чем сардинский двор на получение возмещения, превышающего его потери.

Е. в-во надеется, что российский императорский двор благосклонно рассмотрит его пожелания, относящиеся к этой первой поправке, и пошлет соответствующие инструкции г-ну Новосильцеву. Он надеется также, что г-н посол граф Разумовский и г-н генерал барон Винцингероде соблаговолят написать предварительно об этом указанному уполномоченному.

Было бы желательно, чтобы он нашел возможным сочетать со своими инструкциями изменения, о которых идет речь, а если это не в его силах, то либо повременить со своей поездкой во Францию и отложить ее до получения из Петербурга новых инструкций, либо, если этого никак нельзя сделать, начать переговоры с общих предложений, чтобы выгадать время и все же получить вовремя новые инструкции. К мотивам, приводимым нижеподписавшимся в пользу этого образа действий, присоединяются и другие, относящиеся к поправкам иного рода, о которых он имеет честь сообщить ниже.

2. Император глубоко убежден, что никакие примирительные переговоры, каким бы умеренным ни был их тон, не смогут привести к сколько-нибудь приемлемым результатам, если они не будут подкреплены внушительными демонстрациями силы. Е. в-во, следовательно, полагает, что движение союзных войск не должно откладываться до разрыва вышеупомянутых переговоров, а должно начаться именно в момент их открытия.

Эта одновременность продвижения войск и первых предложений о мирном урегулировании кажется необходимой е. в-ву еще по одной важной причине.

Несмотря на все, что делается уже сейчас для улучшения военного положения Австрии, потребуется еще по крайней мере четыре месяца, чтобы полностью привести ее войска в боевую готовность. Но как только Франция узнает о мерах для осуществления этой цели, она постарается их предупредить и немедленно атакует австрийские границы, что она может сделать примерно в двухмесячный срок. Венскому двору пришлось бы тогда одному выдержать весь удар с силами еще слишком незначительными задолго до получения помощи от России, что с самого начала поставит под угрозу владения е. в-ва и успех общего дела и может повлиять на весь ход войны и ее исход.

Поэтому необходимо со всех точек зрения избежать подобного оборота дела и принять такой образ действий, который позволил бы 100 тыс. русских, предназначенных для совместных действий с австрийскими войсками, и в особенности первым 50 тыс., прибыть еще до французских войск.

Все эти соображения побуждают е. в-во предложить следующие поправки к плану российского императорского двора.

К тому времени, когда могли бы быть сделаны мирные предложения, примерно 10—12 августа, все силы, которые Россия намечает ввести в действие, двинутся вперед через короткие промежутки времени. 50-тысячная русская армия, стоящая у г. Броды, двинется первой через Восточную Галицию, Моравию и Австрию к Браунау, продвигаясь достаточно быстро, чтобы войти в Баварию до того, как французы достигнут ее с силами, превосходящими эту русскую армию и австрийскую армию, которая присоединится к ней к этому времени. Прилагаемый при сем документ содержит по этому поводу расчеты о возможности такого предположения (к декларации действительно приложен расчет движения русских и французских войск, согласно которому русские войска должны были прибыть в Браунау на 16 дней раньше французских. — *Прим. ред.*).

Весть об этом движении войск может дойти до берлинского двора в шестидневный срок, и русский посланник заявит тогда прусскому королю о твердом намерении императора Александра подкрепить начатые в Париже мирные переговоры мощной демонстрацией силы для осуществления посредничества и наблюдения; он укажет этому монарху на необходимость продвинуть войска, предназначенные для этой цели, до рубежа, с которого они смогут действовать активно, если переговоры не увенчаются успехом, до того, как зима и приближение французов не сделают этого невозможным; он потребует с этой целью права прохода через прусские земли и укажет, что его государь, не будучи в состоянии медлить и не сомневаясь в добрых намерениях и прежних заверениях короля, был вынужден приказать своим войскам перейти немедленно границу Пруссии и Галиции; наконец, русский посланник в Берлине предложит е. в-ву королю Пруссии действовать заодно с ним и Австрией, присоединив часть своих войск к армиям обоих императорских дворов, чтобы осуществить намеченную демонстрацию силы. Одновременно австрийский посланник заявит о полном одобрении венским двором решений императора Александра и поддержит предложение, сделанное Пруссии русским посланником.

Если в проходе русских войск будет отказано, то последний должен будет сделать заявление о том, что он все равно будет осуществлен, будь то с согласия прусского двора или с помощью силы.

Чтобы придать предложению и вышеуказанной декларации необходимый вес и преодолеть пассивность и нерешительность прусского короля, 80 тыс. русских, сосредоточенных у литовской границы, вторгнутся в Пруссию спустя несколько дней после вступления первой

русской армии в Восточную Галицию. 40 тыс. из них, предназначенные для военных действий против Франции, войдут в прусскую Польшу, сопредельную с Литвой, а остальные 40 тыс. займут позиции, позволяющие поддержать, в случае надобности, первую группу войск.

В это же время вторая 50-тысячная армия, сосредоточенная Россией у Бреста, пересечет Западную Галицию, двигаясь прямо на Варшаву, с тем чтобы быть готовой войти затем в Богемию либо через Краков, либо через прусскую Силезию, если будет разрешен проход; эта вторая армия численностью в 50 тыс. человек поможет, таким образом, оказать давление на Пруссию, не задерживая существенно помощь, которая должна быть быстро оказана Австрии, поскольку путь через Силезию короче, а из Варшавы в Краков — ненамного длиннее, чем через Люблин.

Высадка 16 тыс. русских и 16 тыс. шведов, предназначенных для военных действий в Шведской Померании, будет осуществлена своевременно, с тем чтобы совместно с армиями, продвигающимися из Литвы и из Бреста, заставить берлинский двор принять нужное нам решение. Таким образом, можно не сомневаться, что этот двор, которому будут угрожать с трех сторон 160 тыс. солдат, уже находящихся на марше, и которым, несомненно, окажет помощь Австрия, разрешит русским войскам пройти через его владения, что также не может не побудить его присоединить часть своих войск к объединенной армии обоих императорских дворов.

Тогда 40 тыс. солдат из армии, находящейся в Литве и предназначенной для военных действий против французов, составят с 16 тыс. русских и 16 тыс. шведов, высаженными в Померании, корпус в 72 тыс. человек, к которому, надо полагать, Пруссия присоединит на первых порах, по крайней мере, 60 тыс. человек; ее пример и внушительные представления России, наверное, побудят Саксонию присоединить к ним от 16 до 20 тыс. человек ее войск; в общей сложности это составит примерно 150 тыс. солдат, сосредоточенных на севере, в то время как на юге 100 тыс. русских присоединятся к 220 тыс. австрийцев (что соответствует примерно той части вооруженных сил Австрии мирного времени, которой можно будет располагать), а 25 тыс. русских с о. Корфу, высаженных в Неаполитанском королевстве, совместно с 5 тыс. англичан, находящимися на Мальте, и 15 тыс. неаполитанцев образуют корпус в 40—45 тыс. человек.

В общей сложности это составит более 500 тыс. человек для намечаемой демонстрации сил, готовых сражаться, если нельзя будет достигнуть удовлетворительного мирного урегулирования.

Наконец, эти объединенные силы превысят 600 тыс. человек, когда австрийские вооруженные силы будут приведены в полную боевую готовность и составят 300 тыс. человек, когда Дания и германские князья выделят помощь, которой от них ожидают». (По арх. материалам, перевод с франц.).—*482*, *484*, *485*, *487*, *491—496*, *500*, *502*.

[244] Упомянутая декларация (идентичная по тексту декларации, врученной А. К. Разумовским,— док. 165) была вручена посланником в Берлине М. М. Алопеусом прусскому министру иностранных дел Гарденбергу 11(23) сентября 1805 г. В тот же день Гарденберг вручил М. М. Алопеусу ноту, в которой сообщил, что ответ на декларацию будет дан королем в письме Александру I. В этом письме, как указывал Гарденберг, король даст согласие на встречу с Александром I для обсуждения вопросов, изложенных в декларации, но одновременно заявит протест против намерения русского правительства провести свои войска к границам Франции через территорию Пруссии. Такое письмо было написано Фридрихом-Вильгельмом III 21 сентября 1805 г. (опубл. *Bailleu*, Correspondance inédite, p. 76—78). Вручая М. М. Алопеусу ноту, Гарденберг заметил, что намерение России двинуть войска через прусские границы 16(28) сентября 1805 г. известно королю, так как план военных действий союзников был опубликован в английской печати.—*482*, *484*.

[245] Эта дополнительная статья была ратифицирована Англией 2 сентября 1805г.—*488*,*489*.

[246] Жобер был направлен Наполеоном в качестве специального эмиссара в Иран в марте 1805 г. с заданием склонить иранского шаха к возобновлению дружественных и торговых отношений с Францией. Жоберу было поручено вручить шаху письмо Наполеона от 18 февраля 1805 г. (опубл. Correspondance de Napoléon I, X, p. 184—186), в котором он призывал шаха продолжать войну против России и обещал свою помощь. Подробнее о миссии Жобера см. *А. Р. Иоаннисян*, Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958, стр. 91—100; *P. A. Jaubert*, Voyage en Arménie et en Perse, P., 1821; *V. J. Puryear*, Napoleon and the Dardanelles, Berkeley and Los Angelos, 1951.—*494*.

[247] Ромье был вторым французским эмиссаром, направленным Наполеоном в Персию вслед за Жобером. Ромье вез с собою новое письмо Наполеона персидскому шаху (опубл. Correspondance de Napoléon I, X, p. 342—344). В середине мая 1805 г. Ромье прибыл в Константинополь. Пробыв там непродолжительное время, он выехал в Алеппо, откуда отправился далее в Персию. А. Я. Италинский в своем письме главноуправляющему в Грузии П. Д. Цицианову от 3 (15) июня следующим образом описывает пребывание Ромье в Константинополе: «Эмиссар сей, избранный Бонапартом, конечно, для подаяния персидскому владетелю советов для соображения с ним средств, могущих послужить ко вреду России, имел здесь ночные свидания с верховным визирем. Предмет оных не мог не быть неприятельским в рассуждении нас. Можно заключить, что Ромье нужен в Персию для поддержания и оживления там войны противу нас, не преминул предложить визирю проекты, которые, будучи

приняты и принятие их будучи сообщено им в Персию, могли сделать удобнее принадлежащие там ему подвиги; предложениями такого рода мог он обратить внимание Порты на Грузию и заставить ее заниматься со стороны оного края военными приготовлениями». (По арх. материалам. Опубл. АКАК, т. II, стр. 883.) Подробнее о миссии Ромье см. в литературе, указанной в прим. 246.—*494*.

[248] Имеется в виду протокол конференции 16 июля 1805 г. между представителем Александра I Ф. Ф. Винцингероде и австрийскими представителями: вице-президентом Военного совета Шварценбергом, генерал-квартирмейстером Маком и представителем венского двора Колленбахом, на которой были обсуждены вопросы, связанные с движением русских армий через территории Австрии и Пруссии к границам Франции (время перехода русской границы, маршруты, сроки движения, снабжение и т. п.). Протокол конференции, скрепленный подписями вышеуказанных лиц, получил силу соглашения. (Опубл. М. И. Кутузов. Сб. документов. М., 1951, т. II, стр. 3—18).—*495—498, 504, 505*.

[249] В силу сложившихся обстоятельств стороны не осуществили своего намерения составить формальный акт о присоединении Австрии к англо-русской союзной конвенции.—*496—499, 501, 502*.

[250] Обмен грамотами о ратификации Англией и Россией настоящей декларации, а также деклараций, которыми обменялись уполномоченные России, Англии и Австрии 28 июля (9 августа) 1805 г. (док. 154, 155, 156), был произведен в С.-Петербурге 15 февраля 1806 г.—*496—500*.

[251] В упоминаемой объяснительной памятной записке от 21 июня 1805 г. австрийское министерство иностранных дел указывало, что отозвание Н. Н. Новосильцева создаст угрозу немедленного нападения Франции на Австрию, в то время как ее военные приготовления еще не завершены. С тем чтобы отвратить или, по крайней мере, отсрочить эту угрозу, министерство предлагало возобновить переговоры с Наполеоном через Н. Н. Новосильцева или же, если Александр I сочтет это невозможным, через австрийского посла в Париже. Венское министерство предлагало следующий план действий: австрийские представители вручат Франции, России, Пруссии и Англии декларации о намерении Австрии возобновить мирные переговоры с Наполеоном. В ответ на это русское правительство вручит в Вене и Берлине декларации о согласии с австрийским предложением, заявит о своем намерении поддержать переговоры вооруженной демонстрацией и пригласит оба двора принять в ней участие. Одновременно русские армии должны будут двинуться к границам Франции через территории Австрии и Пруссии. Австрийский уполномоченный будет вести переговоры с Наполеоном на условиях, изложенных в предварительной декларации Австрии от 7 июля 1805 г. (см. прим. 243). Если же они будут отклонены Наполеоном, то нужно будет еще более смягчить их, вплоть до признания присоединения Пьемонта к Франции и признания королевства Ломбардии, при условии предоставления ему полной независимости от Франции и выделения вознаграждения королю Сардинии на правом берегу р. По.—*500, 502, 504, 505*.

[252] Упоминаемым фирманом Али-паше было предписано применять самые суровые меры наказания к лицам, производящим набор на русскую службу и к поступающим на нее.—*503, 595 596*.

[253] Речь идет о переговорах с австрийским послом в С.-Петербурге Стадионом относительно представленных им замечаний на русский план действий против завоевательной политики Наполеона (см. прим. 192).—*504, 505*.

[254] Имеются в виду изменения, которые австрийское правительство предложило внести в планы союзников, изложенные им в предварительной декларации от 7 июля 1805 г. (см. прим. 243) и объяснительной памятной записке от 21 июля 1805 г. (см. прим. 251).—*504, 505*.

[255] Речь идет о декларации австрийского министерства иностранных дел правительствам России, Англии, Пруссии и Франции от 5 августа 1805 г. (врученной А. К. Разумовскому в Вене и А. А. Чарторыйскому в С.-Петербурге 7 августа 1805 г.). В этой декларации сообщалось о намерении австрийского правительства возобновить переговоры с Францией, прерванные Н. Н. Новосильцевым. (Текст декларации, врученной французскому послу в Вене, опубл. *Garden*, Histoire générale des traités de paix, v. 8, p. 421—426).—*504, 506, 509, 511, 513, 514, 516, 517, 533, 535—537, 549, 550, 552, 555*.

[256] См. совместную ноту Моркова — Талейрана Имперскому сейму от 22 мая (3 июня) 1802 г. (т. I, док. 81) и декларацию России Имперскому сейму от 4(16) июля 1802 г. (опубл. *G. Martens*, S. III, p. 238—310).—*505, 510*.

[257] Речь идет о так называемой Лионской консульте, которая 25 января 1802 г. провозгласила Наполеона президентом Цизальпинской республики.—*507, 510*.

[258] 17 марта 1805 г. Наполеон провозгласил себя королем Италии, ссылаясь на то, что Лионская консульта предоставила ему на это право. (Акт о преобразовании Итальянской республики в Итальянское королевство опубл. *G. Martens*, S. IV, p. 136—137).—*507, 510*.

[259] Имеется в виду конституция, выработанная Наполеоном для Швейцарии и изложенная в так называемом «Акте посредничества» от 19 февраля 1803 г. (опубл. *G. Martens*, S. III, p. 373—459).—*507, 510*.

[260] В районе Брод была дислоцирована Подольская армия под командованием генерала М. И. Кутузова.—*512, 516*.

[261] Речь идет о письме Александра I Фридриху-Вильгельму III от 7(19) августа 1805 г. (см. аннотацию на стр. 533).—*513, 516*.

[262] В районе Брест-Литовска была дислоцирована Волынская армия под командованием генерала Ф. Ф. Буксгевдена.—*513, 517*.

[263] Литовская армия состояла из двух корпусов, расположенных на линии Таурогген—Гродно. Командиром одного из них был генерал И. Н. Эссен. Командир другого корпуса—генерал Л. Л. Беннигсен — являлся одновременно командующим Литовской армией.—*513, 517*.

[264] Имеется в виду корпус под командованием генерала П. А. Толстого.—*514, 517*.

[265] В Гродно находилась штаб-квартира генерала И. И. Михельсона, главнокомандующего Волынской и Литовской армиями.—*514, 517*.

[266] Имеется в виду письмо Александра I Фридриху-Вильгельму III от 23 августа (4 сентября) 1805 г. (см. аннотацию на стр. 563).—*514, 517, 526, 530, 602, 605*.

[267] Австрия полностью согласилась с мероприятиями, предложенными Россией в декларации от 31 августа (см. док. 172).—*514, 517*.

[268] Австрийский посланник в Берлине Меттерних и генерал Мерфельдт, прибывший в Берлин 12 сентября 1805 г. с заданием убедить короля присоединиться к коалиции, настойчиво добивались от прусского правительства согласия на присоединение к коалиции и на проход русских войск через прусские владения. Однако прусское правительство категорически отказалось присоединиться к действиям союзников, пока оно не выяснит их истинных намерений и не убедится в невозможности урегулирования противоречий с Наполеоном мирным путем. 20 сентября прусский министр иностранных дел Гарденберг предупредил Меттерниха, что переход русскими войсками прусских границ без разрешения короля будет рассматриваться как объявление войны.—*515, 518*.

[269] Излагаемые мероприятия не были осуществлены, так как Александр I отменил приказ о переходе границы Пруссии (см. прим. 298).—*521*.

[270] Имеются в виду миссии эмиссаров Наполеона Жобера и Ромье в Персию (см. прим. 198 и 246).—*522, 528*.

[271] Речь идет о заключении Пруссией 5 апреля 1795 г. в Базеле сепаратного мирного договора с Францией, что явилось началом распада первой антифранцузской коалиции, одной из участниц которой была Пруссия. (Текст договора опубл. *G. Martens*, R. VI, p. 495—498).—*523, 528*.

[272] Имеются в виду письма, которые были посланы Александром I Фридриху-Вильгельму III в соответствии с планом привлечения Пруссии к коалиции (см. прим. 261, 266).—*525, 530*.

[273] В упоминаемом донесении от 29 июня (7 июля) 1805 г. М. М. Алопеус сообщал, что курфюрст Гессенский в беседе с ним заявил, что он не может присоединиться открыто к России ввиду соседства Франции. Однако если Александр I двинет 100-тысячную армию к французской границе, то он присоединится к ней с 30-тысячной армией при условии предоставления ему английских субсидий и командования объединенной армией.—*532, 533*.

[274] Мероприятия, излагаемые в настоящей декларации, не были осуществлены, так как русская армия не была пропущена через территорию Пруссии.—*534*.

[275] Имеется в виду провозглашение Наполеона королем Италии (см. прим. 258) и присоединение Генуи и Лукки к Франции (см. прим. 226).—*535, 536*.

[276] Вместо фразы «немедленно... к Дунаю» в декларации, врученной М. М. Алопеусом, говорилось: «кроме двух армий через Галицию, еще две армии из Бреста к Пилице и через Варшаву и Бреслау в Германию, и из Гродно к границам Ганновера».—*535, 537*.

[277] Вскоре после заключения англо-шведской секретной конвенции 3 декабря 1804 г. (см. прим. 147), в силу IV ст. которой шведское правительство обязывалось усилить гарнизон на о. Штральзунд, между Швецией и Англией возникли разногласия по поводу толкования этой статьи. Английское правительство настаивало на том, что Швеция должна постоянно содержать на острове усиленный гарнизон, тогда как шведское правительство утверждало, что оно этого делать не обязано, и требовало субсидий на содержание постоянного гарнизона на о. Штральзунд. Весной 1805 г. между английским представителем в Стокгольме Пьерпонтом и шведским министерством иностранных дел начались переговоры по этому вопросу. Одновременно шведское правительство начало переговоры с Англией о предоставлении Швеции субсидий на содержание 25-тысячного корпуса согласно IV отдельной секретной статье русско-шведской конвенции от 2(14) января 1805 г. (см. док. 89). Но английское правительство сочло чрезмерно высоким размер субсидий, которых требовало шведское правительство, и переговоры были прерваны. Русское правительство, рассчитывавшее использовать Штральзунд в качестве операционной базы для ведения военных действий на северном фланге французских войск, вмешалось в ход переговоров и предписало своему посланнику в Стокгольме Д. М. Алопеусу приложить все усилия к тому, чтобы Англия и Швеция пришли к соглашению. По инициативе русского правительства переговоры были продолжены, и вскоре Д. М. Алопеусу удалось настолько сблизить позиции обеих сторон, что они уже были готовы подписать договор. В этот момент Пьерпонт потребовал включения в конвенцию ряда пунктов о предоставлении английской торговле различных льгот в Шведской Померании. В свою

очередь шведское правительство потребовало, чтобы Россия взяла на себя обязательство выплачивать Швеции обусловливаемые конвенцией субсидии, если Англия в силу каких-либо причин откажется платить их. Переговоры вторично были прерваны. Д. М. Алопеус согласился на то, чтобы Россия взяла на себя гарантию конвенции, однако на его предложение возобновить переговоры обе стороны заявили, что они согласятся начать их только в том случае, если Д. М. Алопеус выступит в них в качестве официального посредника. Д. М. Алопеус согласился с этим требованием. Ему удалось убедить английского посланника не настаивать на включении в текст конвенции статей о предоставлении льгот английским купцам, и 19(31) августа 1805 г. переговоры завершились подписанием публикуемых нами конвенции и акта гарантии ее Россией. Вопрос о предоставлении Швеции субсидий на содержание корпуса войск, который должен был действовать на континенте против Франции, остался открытым и был урегулирован англо-шведским договором о союзе и субсидиях от 3 октября 1805 г. (опубл. *G. Martens*, S. IV, p. 183—185).—*537*.

[278] На аудиенции Д. М. Алопеуса у шведского короля 11(23) августа 1805 г. Густав-Адольф IV заявил, что он согласен разрешить русским войскам высадку в Шведской Померании даже в том случае, если шведские войска не примут участия в войне против Франции, но предложил, чтобы это разрешение было зафиксировано не в англо-шведской конвенции, а путем обмена нотами между Алопеусом и шведским министерством иностранных дел.—*540, 558, 561*.

[279] Обмен ратификационными грамотами конвенции, акта гарантии Россией конвенции и актов принятия русской гарантии правительствами Швеции и Великобритании был произведен в Стокгольме 31 октября (12 ноября) 1805 г.—*539, 541—543*.

[280] Речь идет о согласии австрийского правительства с планом мероприятий, изложенным в декларации министерства иностранных дел России министерству иностранных дел Австрии от 22 июля (3 августа) 1805 г. (см. док. 151).—*543, 545*.

[281] Шведский король заявил, что он разрешит высадку русских войск в Шведской Померании лишь в том случае, если английское правительство согласится выделить дополнительные субсидии для содержания шведского гарнизона в Штральзунде, а русское правительство гарантирует это обязательство.—*544, 545*.

[282] Имеется в виду циркулярное письмо А. А. Чарторыйского посланникам в Дрездене, Мюнхене, Штутгарте и Бадене от 20 августа (1 сентября) 1805 г. Наряду с изложением основ русской внешней политики с 1801 г. до попытки мирных переговоров с Наполеоном через Н. Н. Новосильцева, письмо содержало предписание указанным посланникам вступить в переговоры с соответствующими правительствами с целью добиться от них оказания военной помощи русским войскам. Ниже приводится часть письма, адресованного посланнику в Мюнхене Бюлеру: «Именно Россия должна побудить действовать своих соседей и доказать им, что, хотя она и находится вне опасности в силу своего положения, русское правительство готово принять все меры к тому, чтобы послать свои войска туда, где их присутствие будет необходимо.

Европа знает, что все представления, все требования России были до сих пор бесплодными, что глава французского правительства часто встречал их высокомерно и что умеренность, с которой действовал е. и. в-во, никогда не была оценена по достоинству.

Если бы Россия не заявила уже давно державам, с которыми она поддерживает дружеские отношения, о своем намерении оказать им энергичную помощь, она бы заслужила их справедливые упреки; теперь только лишь уверенность в том, что подготовлены все средства для оказания вооруженного противодействия Бонапарту, может заставить его образумиться.

Убеждение, сложившееся у государя после всех его бесплодных усилий склонить Бонапарта к более умеренным действиям, побудило е. и. в-во принять решение о приведении в исполнение мер, указанных в прилагаемой декларации, врученной г-ном послом графом Разумовским министерству его императорского и королевского в-ва. (См. док. 172.— *Ред.*).

Вам надлежит, милостивый государь, немедленно уведомить об этом баварский двор и заявить самым решительным образом, что е. и. в-во надеется, что принципы, которыми он руководствуется, будут оценены по достоинству его высочеством курфюрстом Баварским и что он присоединится к ним открыто, как только обстоятельства это позволят.» (По арх. материалам, перевод с франц.)—*549, 550*.

[283] Речь идет о письме посланника в Неаполе Д. П. Татищева от 1(13) августа 1805 г., в котором он сообщал, что по некоторым известиям Наполеон намеревается усилить свою армию в Италии и потребовать от короля Обеих Сицилий смены министра иностранных дел, ухода английского флота с рейда Неаполя, высылки английского посланника и разрешения на размещение французского гарнизона в г. Ариано. Учитывая, что предъявление подобных требований будет равносильно объявлению войны, Д. П. Татищев просил А. К. Разумовского срочно сообщить, будет ли этот шаг Франции расценен Россией и Австрией как один из «casus foederis», предусмотренных русско-австрийским соглашением от 25 октября (6 ноября) 1804 г., с тем чтобы он мог определить свою линию поведения, если король потребует от России оказания ему военной помощи.—*550, 554*.

[284] Имеется в виду союзный договор между Россией и Королевством Обеих Сицилий 18(29) декабря 1798 г. (опубл. *G. Martens*, R. VII, p. 303—307).—*551, 554, 570, 575, 598—601*.

[285] По согласованию с Россией австрийское правительство после вступления русских войск на его территорию должно было послать Мерфельдта в Берлин и Шварценберга — в Мюнхен с заданием склонить соответственно Пруссию и Баварию пропустить русские войска через их территории, а также принять участие в создании обсервационной армии на период предполагавшихся переговоров между Австрией и Францией о восстановлении мира в Европе.—*551, 554*.

[286] Имеется в виду письмо А. К. Разумовского от 13(25) августа 1805 г., в котором он предписывал командующему русской армией в г. Броды ускорить переход австрийской границы, так как промедление могло неблагоприятно отразиться на планах союзников.—*551, 554*.

[287] Речь идет о декларации австрийского министерства иностранных дел французскому правительству от 3 сентября 1805 г., в которой наряду с заверениями в стремлении Австрии к миру с Францией содержалось перечисление последовательных нарушений Наполеоном *status quo*, установленного Люневильским и Амьенским мирными договорами. Венское министерство подтверждало желание начать переговоры с Францией и указывало, что, если все же война окажется неизбежной, союзники воздержатся от вмешательства во внутренние дела Франции и не будут стремиться к изменению устройства Германской империи и разделу Турции.—*552, 555*.

[288] Имеются в виду две ноты Талейрана австрийскому послу в Париже Ф. Кобенцлю. Первая из них — от 13 августа 1805 г. — являлась ответом на австрийскую декларацию от 5 августа 1805 г. (см. прим. 255). Талейран заявлял об отказе французского правительства от предложенного Австрией посредничества. Указывая на то, что Англия и Россия не в состоянии предпринять войну против Франции без участия Австрии, Талейран предлагал австрийскому правительству заявить, что оно будет придерживаться системы строгого нейтралитета. Во второй ноте Ф.Кобенцлю — от 16 августа 1805 г.— Талейран заявил протест по поводу военных приготовлений Австрии. Отмечая, что французское правительство рассматривает эти приготовления как враждебные по отношению к Франции, Талейран потребовал, чтобы австрийское правительство немедленно отозвало свои войска из Тироля, сократило армию до штатов мирного времени и объявило о принятии Австрией системы нейтралитета. (Обе ноты опубл. *Neumann*, Recueil des traités, t. II, p. 167—173).—*552, 555*.

[289] Декларация Австрии правительствам России, Англии, Пруссии и Франции от 5 августа 1805 г. (см. прим. 255), ноты Талейрана австрийскому послу в Париже от 13 и 16 августа 1805 г. (см. прим. 288), декларация, врученная А. К. Разумовским австрийскому министерству иностранных дел 31 августа 1805 г. (см. док. 165), а также декларация австрийского министерства иностранных дел французскому правительству от 3 сентября 1805 г. (см. прим. 287) были опубликованы в Вене в сентябре 1805 г. в брошюре, озаглавленной «Déclarations échangées entre les cours de Vienne, de Pétersbourg et de Paris concernant le renouvellement des négociations pacifiques proposées par la première de ces cours».—*552, 555*.

[290] Имеется в виду нота генерала Толя Д. М. Алопеусу от 21 августа (2 сентября) 1805 г., в которой он сообщал, что разрешение на высадку русских войск в Штральзунде может быть дано только при условии, что русское правительство согласится доверить верховное командование ими шведскому королю, а на время его отсутствия — генерал-губернатору Шведской Померании, и обязуется полностью и своевременно оплачивать все закупки продовольствия и фуража, которые могли бы быть сделаны русским командованием.—*556, 557, 560, 562*.

[291] Речь идет о ноте от 21 августа (2 сентября) 1805 г., в которой генерал Толь сообщал, что он довел до сведения короля содержание ноты Д. М. Алопеуса от 21 августа (2 сентября) 1805 г. (см. док. 180) и что король счел изложенные в ней предложения Д. М. Алопеуса недостаточными, для того чтобы разрешить русским войскам высадку в Штральзунде.—*560, 563*.

[292] В ноте Д. М. Алопеусу от 22 августа (3 сентября) 1805 г. генерал Толь сообщал, что король разрешил русским войскам высадиться в Штральзунде при том условии, что верховное командование ими будет осуществлять генерал-губернатор Шведской Померании. Д. М. Алопеус должен был поставить об этом в известность командира русского корпуса, предназначенного для высадки, и предупредить его, что если русские войска высадятся в Шведской Померании, то это будет означать согласие на подчинение их генерал-губернатору этой провинции.—*561, 563*.

[293] Речь идет о письме от 12(24) мая 1805 г., в котором А. А. Чарторыйский сообщал о миссии Г. А. Строганова в Мадрид (см. док. 130). Г. А. Строганову предписано было также посетить Лондон для переговоров с английским правительством о примирении Англии с Испанией в соответствии с IX отд. ст. англо-русского союзного договора (см. док. 117). С. Р. Воронцову поручалось оказать Г. А. Строганову содействие в его переговорах с английским правительством.—*564, 566*

[294] Имеется в виду конвенция о нейтралитете, подписанная в Париже 21 сентября 1805 г. посланником Королевства Обеих Сицилий Галло и Талейраном (опубл. *Auriol Ch.*, France, Angleterre et Naples, P. 1905, v. 2, p. 578—579). В силу этой конвенции Королевство Обеих Сицилий обязывалось соблюдать нейтралитет в войне Франции с державами антифранцузской коалиции и не допускать на свою территорию и в порты войска воюющих держав и их суда. При условии выполнения этих требований Наполеон соглашался вывести

французские войска с территории королевства через месяц после обмена ратификациями. Секретная статья конвенции обязывала неаполитанского короля не признавать прав Англии на о. Мальту без согласия на это Франции. Желая возможно быстрее получить ратификацию конвенции неаполитанским королем, Наполеон направил французскому посланнику в Неаполе Алкье предписание добиться ратификации не позже 48 часов после прибытия курьера с текстом конвенции. В случае отказа Алкье должен был оставить Неаполь. Как только в Неаполе стало известно о подписании франко-неаполитанской конвенции, русский посланник Д. П. Татищев направил премьер-министру маркизу Люцци 27 сентября 1805 г. ноту, в которой, в частности, говорилось: «Я льщу себя надеждой, г-н маркиз, что даже в случае, если французы оставят Неаполитанское королевство до прибытия русских войск, условия только что подписанной конвенции (см. док. 179.— *Ред.*) безусловно сохранят свою силу и будут в точности соблюдены и что вследствие этого е. в-во император всероссийский равным образом сможет ввести свои войска в провинции его сицилийского в-ва». (*Auriol Ch.*, op. cit., v. 2, p. 540). Д. П. Татищев просил дать письменную гарантию, которая подтвердила бы действительность заключенной им конвенции. 8 октября 1805 г. король под давлением со стороны Алкье подписал ратификацию, но в тот же день Д. П. Татищеву была направлена публикуемая секретная декларация неаполитанского правительства, которая по существу аннулировала данную королем ратификацию. Подробней по этому вопросу см. *Auriol Ch.*, op. cit., v. 2, p. 538—540, 594—605; *Driault, J. E.*, Napoléon en Italie (1800—1812), P., 1906, p. 373—375.—*574, 577, 597, 598, 646, 647, 649, 651, 652.*

[295] Конвенция и отдельная статья были ратифицированы королем Обеих Сицилий 30 декабря 1805 г.—*574, 577.*

[296] Имеются в виду письма австрийского посла Стадиона интернунцию в Константинополе Штюрмеру от 29 августа (10 сентября) и английского посла Гоуэра послу в Константинополе Арбатноту от 24 августа (5 сентября) 1805 г. В письмах указывалось, что Россия, Англия и Австрия, связанные между собой тесным союзом, должны совместными усилиями воспрепятствовать интригам французской миссии в Константинополе, пытающейся сорвать ведущиеся А. Я. Италинским переговоры о возобновлении русско-турецкого союзного оборонительного договора. Английскому и австрийскому представителям в Константинополе рекомендовалось поддерживать в своих демаршах перед турецким правительством позицию русского посланника.—*578.*

[297] Из сведений, полученных из Константинополя, русскому правительству стало известно, что в результате интриг французской миссии реис-эфенди Махмуд Раиф был отстранен от участия в переговорах с А. Я. Италинским о возобновлении русско-турецкого союзного оборонительного договора.—*578.*

[298] В упоминаемом письме А. А. Чарторыйский сообщал, что, основываясь на содержании донесения М. М. Алопеуса от 25 августа (6 сентября) 1805 г. (см. док. 178), Александр I приказал командующим русскими армиями воздержаться от перехода прусских границ. М. М. Алопеусу предписывалось сообщить прусскому министерству иностранных дел, что Александр I готов немедленно встретиться с Фридрихом-Вильгельмом III для обсуждения вопроса о позиции Пруссии.—*579.*

[299] Имеются в виду донесения П. Д. Цицианова Александру I от 23 июля (4 августа) 1805 г. (опубл. АКАК, т. II, стр. 837—839).—*580.*

[300] Речь идет, в частности, о письме А. А. Чарторыйского П. Д. Цицианову от 8(20) сентября 1805 г. (опубл. АКАК, т. II, стр. 849).—*302.*

[301] Имеется в виду попытка иранского шаха вторгнуться с войсками в Грузию летом 1805 г. с целью отторжения Грузии от России. Авангард иранских войск под командованием сына шаха Аббас-Мирзы потерпел поражение от значительно уступавшего ему в численности русского отряда, вследствие чего главные силы Ирана под командованием Фетх-Али-шаха были вынуждены отступить за Аракс, не принимая боя с русскими войсками. См. об этом *Дубровин*, Закавказье, стр. 413—435.—*580.*

[302] Имеется в виду письмо А. А. Чарторыйского Ибрагим-хану Карабахскому от 8(20) сентября 1805 г. (опубл. АКАК, т. II, стр. 719—720).—*580.*

[303] Договор был составлен в двух экземплярах: на французском и турецком языках. Экземпляр на французском языке был подписан А. Я. Италинским и вручен турецкому правительству. Экземпляр на турецком языке, подписанный турецкими уполномоченными, был переслан А. Я. Италинским в Петербург одновременно с переводом его на французский язык, заверенным драгоманом Порты Калимаки. Поскольку А. Я. Италинский не выслал в Петербург копии оригинала договора на французском языке, перевод, заверенный Калимаки, явился рабочим документом министерства иностранных дел России, ввиду чего Редколлегия сочла полезным опубликовать его.—*584.*

[304] В полномочиях русскому посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому на заключение русско-турецкого оборонительного союзного договора, утвержденных Александром I 17(29) декабря 1804 г., было указано, что цель возобновления русско-турецкого союза «...есть взаимное согласие и склонность возобновить и вящше утвердить политическую связь, ныне между нами существующую, главным предметом имеющую оборону целости владений его султанова в-ва и охранение государств его от всяких властолюбивых или других вредных

против них замыслов французского правительства». (По арх. материалам).—*584, 586, 589, 592, 638, 639.*

[305] Договор был ратифицирован Александром I 19(31) октября 1805 г., а Селимом III—30 сентября (11 октября) 1805 г. Обмен ратификационными грамотами состоялся 18 (30) декабря 1805 г. в Константинополе.—*589, 594.*

[306] В упоминаемых выдержках из писем янинского Али-паши и правителя Валоны Ибрагим-паши сообщалось о том, что во исполнение фирмана Порты (см. прим. 252) ими приняты меры к тому, чтобы воспрепятствовать вербовке населения этих областей в войска, формируемые генералом Анрепом на о. Корфу (см. прим. 134). К лицам, вербующимся в эти войска и отказывающимся возвращаться с о. Корфу, согласно приказу Порты будут применяться самые строгие наказания.

Сообщалось также, что из ряда районов христианские подданные Порты продолжают, несмотря на уговоры и угрозы со стороны турецких властей, тайно переправляться на о. Корфу.—*594, 596.*

[307] Имеются в виду переговоры по заключению нового русско-турецкого союзного договора вместо договора 1799 г.—*595, 596, 638, 639.*

[308] Английское правительство отклонило просьбу об отзыве Мориера, и он оставался генеральным консулом в Албании и Греции до 1809 г. По просьбе А. Я. Италинского английский посол в Константинополе Арбатнот неоднократно предписывал Мориеру не препятствовать действиям русских представителей, но он не выполнил этих указаний. В связи с этим у русского правительства составилось мнение, что Мориер противодействовал политике России на Балканах на основании секретных инструкций своего правительства.—*599, 600.*

[309] Поражение Австрии и России под Аустерлицем и изменение политической обстановки в Европе помешали осуществлению планов о возобновлении договора 1798 г. и создании конфедерации итальянских государств. В депеше от 24 ноября (6 декабря) 1805 г. (см. док. 208) А. А. Чарторыйский сообщил Д. П. Татищеву о решении русского правительства вывести войска из Италии.—*601, 602.*

[310] Письмо составлено в Пулавах, имении Чарторыйских, где находился в это время Александр I со своей свитой.—*603, 605.*

[311] Генерал-адъютант П. П. Долгорукий был отправлен 27 сентября 1805 г. в Берлин с письмом Александра I Фридриху-Вильгельму III от 15(27) сентября (см. аннотацию на стр. 594), в котором царь извещал короля о своем желании встретиться с ним в ближайшее время и просил немедленно дать разрешение на проход русских войск через территорию Пруссии.—*603, 605.*

[312] 27 сентября 1805 г. в Бресте была получена депеша М. М. Алопеуса от 8(20) сентября, извещавшая о том, что Фридрих-Вильгельм III согласился на встречу с Александром I.—*603, 605.*

[313] Гаке доставил в Пулавы письмо Фридриха-Вильгельма III Александру I от 21 сентября 1805 г. (опубл. *Bailleu*, Correspondance inédite, p. 76—78), в котором сообщалось о согласии короля на свидание с Александром I, если царь будет настаивать на этом, и его категорическом протесте против намерения Александра I провести русские войска через территорию Пруссии.—*603, 605.*

[314] Имеется в виду письмо Александра I Фридриху-Вильгельму III от 18(30) сентября 1805 г. (опубл. *Bailleu*, Correspondance inédite, p. 79—80), в котором царь настаивал на личном свидании с королем и предлагал местом встречи Грушин.—*603, 605.*

[315] Имеются в виду донесения М. М. Алопеуса, извещавшие о том, что Фридрих-Вильгельм III отдал распоряжение о приведении всей прусской армии в боевую готовность и о движении ряда прусских воинских частей к русской границе.—*603, 605.*

[316] Австрийский посол Стадион, сопровождавший Александра I в его поездке, получил письмо своего министерства иностранных дел от 28 сентября 1805 г., в котором ему предписывалось приложить все усилия к тому, чтобы убедить императора не доводить дело до войны с Пруссией, так как это отвлечет значительную часть русской армии от борьбы с Францией, но добиваться присоединения Пруссии к коалиции или в крайнем случае—соблюдения ею строгого нейтралитета.—*603, 605.*

[317] Сведений об этой беседе Меттерниха с Гаугвицем не обнаружено. Притязания Пруссии на Голландию были известны русскому правительству также из донесений графа Мерфельдта из Берлина, куда он был послан Францем II для ведения переговоров о привлечении Пруссии к коалиции. В депеше от 20 сентября 1805 г., копия которой была сообщена русскому правительству австрийским послом в С.-Петербурге, Мерфельдт сообщал о своей беседе с Гаугвицем 19 сентября, в ходе которой прусский кабинет-министр говорил о том, что Пруссия весьма заинтересована в приобретении Голландии, ибо ее выгодное географическое положение чрезвычайно облегчает оборону Рейна. Гаугвиц выразил сожаление по поводу того, что в 1799 г., когда Пруссии предложили Голландию в качестве вознаграждения за присоединение ее ко второй коалиции, не последовали его совету и отказались от этого предложения.—*608.*

[318] Указанная записка являлась ответом датского правительства на сделанное Россией в начале сентября 1805 г. предложение усилить оборону датских границ в Северной Герма-

нии. Русское правительство просило также оказать дружественный прием и содействие русским войскам, если ход военных действий с Францией вынудит их вступить на территорию германских владений Дании. В своем ответе датское правительство сообщило, что оно принимает активные меры к укреплению своих границ и увеличению армии и что оно окажет всемерную помощь русским войскам, которые будут действовать в Северной Германии.—*609*.

[319] В сентябре 1805 г. прусское правительство предложило Дании принять участие наряду с Пруссией, Саксонией, Гессен-Касселем и ганзейскими городами в системе вооруженного нейтралитета с целью обороны Северной Германии. Прусское правительство ставило Данию в известность, что оно предполагает в случае возникновения войны оккупировать своими войсками Мекленбург, и предлагало Дании осуществить ту же меру в отношении ганзейских городов.—*609*.

[320] В пакете содержались сведения о французской армии, которые датское правительство высылало А. А. Чарторыйскому по его просьбе.—*609*.

[321] Выдержка из 9-й статьи Кяхтинского договора 1727 г. между Россией и Китаем (опубл. Сб. договоров России с Китаем, 1689—1881, СПб, 1889, стр. 59 и сл.).—*610*.

[322] Речь идет о грамоте Александра I от 29 июля (10 августа) 1805 г., в которой он извещал китайского императора о своем восшествии на престол и о желании поддерживать дружественные связи с Китаем.—*610*.

[323] Речь идет о письме, в котором китайские пограничные власти сообщали Ю. А. Головкину о необходимости сократить свиту посла до 60—70 человек и извещали его о том, что только при исполнении этого требования русское посольство будет допущено в Китай.—*610*.

[324] В упоминаемом письме китайские пограничные власти давали согласие на использование посольством для перевозки людей и багажа 150 принадлежавших посольству лошадей.—*611*.

[325] Имеется в виду письмо М. И. Кутузова А. К. Разумовскому от 11(23) октября 1805 г. (опубл. М. И. Кутузов, Сб. документов, т. II, стр. 113).—*611*, *612*.

[326] Речь идет о поражении в октябре 1805 г. в Баварии австрийской Дунайской армии под командованием эрцгерцога Фердинанда и генерала Мака. Австрийская армия была окружена французскими войсками и блокирована в крепости Ульм. Часть армии под командованием Фердинанда предприняла попытку пробиться из окружения, но была разгромлена. Командовавший остававшимися в крепости войсками Мак подписал 17 октября капитуляцию и 19 октября сдал крепость, в которой находилось до 30 тыс. солдат, обеспеченных продовольствием и боеприпасами.—*611*, *612*, *627*, *629*, *634*, *635*, *641*, *642*, *649*, *651*.

[327] Имеются в виду австро-французская конвенция от 26 декабря 1802 г. о вознаграждении герцога Моденского и великого герцога Тосканского (опубл. *G. Martens*, S. III, p. 228—231) и решение Имперского сейма в Регенсбурге от 25 февраля 1803 г. (опубл. *G. Martens*, S. III, p. 239—355).—*613*, *617*.

[328] Конвенция, а также отдельные и секретные статьи (см. док. 195) были ратифицированы Александром I и Фридрихом-Вильгельмом III 22 октября (3 ноября) 1805 г. в Берлине.—*616*, *619—621*.

[329] Переговоры о заключении конвенции велись в Потсдаме. В них участвовали, кроме Александра I и Фридриха-Вильгельма III, от России — А. А. Чарторыйский, П. П. Долгорукий, М. М. Алопеус, от Пруссии — Гарденберг, Гаугвиц, Ломбард, от Австрии — Меттерних. Последний 22 октября (3 ноября) заявил о присоединении Австрии к конвенции и в тот же день подписал соответствующие декларации (см. док. 197, 198).—*616*, *619*.

[330] Данный документ является приложением к V статье конвенции (см. док. 194). В публикации Ф. Мартенса (т. II, стр. 491—493) этому документу ошибочно предпослан заголовок самого договора — «Конвенция, заключенная е. в-вом императором всероссийским и е. в-вом королем прусским относительно образа действий по общему соглашению в их настоящих сношениях с Францией».—*622*.

[331] Декларация была ратифицирована Францем II в Ольмюце 23 ноября 1805 г.; тогда же был ратифицирован Александром I акт принятия декларации.—*624—627*.

[332] Александр I прибыл в Берлин 13(25) октября 1805 г.—*627*, *629*.

[333] В конце октября 1805 г. армия, действовавшая в Северной Италии под командованием эрцгерцога Карла, была атакована армией Массены, но сумела отбить атаки французов и нанести им урон.—*634*, *635*.

[334] 19(31) октября 1805 г. в Штральзунде высадился русский корпус под командованием генерал-лейтенанта П. А. Толстого. Если бы Пруссия присоединилась к коалиции, этот корпус должен был действовать совместно с английскими, шведскими и датскими войсками против французских войск в Ганновере. Если бы Пруссия отказалась вступить в коалицию и в результате этого возникла война между Россией и Пруссией, корпус генерала Толстого должен был начать военные действия против Пруссии.—*636*, *637*.

[335] В октябре 1805 г. одна из колонн французской армии, двигавшаяся из Булонского лагеря к австрийскому театру военных действий, прошла через территорию Пруссии в районе Ансбаха. Этот факт во многом способствовал принятию прусским правительством решения о присоединении к коалиции, убедив его в том, что французское правительство не намерено считаться с нейтралитетом Пруссии.—*637*, *638*, *649*, *651*.

[336] Цитируется по тексту инструкции А. А. Чарторыйского В. Г. Лизакевичу от 9(21) октября 1805 г.—*637*.

[337] В своем ответе В. Г. Лизакевичу от 11(23) ноября 1805 г. датское правительство, ссылаясь на изменение международной обстановки и на ненадежность таких участников коалиции, как Австрия, Пруссия и Швеция, отказалось от своих обещаний, изложенных в записке В. Г. Лизакевичу от 18(30) сентября 1805 г. (см. прим. 318), и заявило о своем желании сохранить нейтралитет, обещая, однако, оказать содействие русским войскам в снабжении продовольствием и фуражом.—*637, 638*.

[338] В письме Александру I (сентябрь 1805 г.) Селим III писал: «Главной целью союза, без сомнения, является обеспечение взаимной безопасности и устранение всякого подозрения и недоверия. Однако введение войск зависит от времени и условий и, помимо того, что ничто не вызывает необходимости ввода войск раньше, чем агрессия будет совершена, наши войска, находящиеся на границе, несомненно, могли бы неправильно понять это, что вызвало бы среди них всевозможные толки.

Что касается райя, то поскольку они рассматриваются как истинный источник наших доходов, наши законы, как религиозные, так и политические, требуют защищать их и оказывать им покровительство. Доныне мы никогда не отступали от этих законов. Но предоставление райя привилегий и равенства в правах противоречит нашим политическим и религиозным принципам.

Поэтому мы убеждены, что в. в-во согласитесь с нашими столь очевидными доводами относительно этих двух статей. За исключением этих двух статей, остальные были подписаны, и когда в. в-во узнаете, что нашей надеждой и особым желанием является то, чтобы в. в-во передали свои ратификационные грамоты, исключив две вышеупомянутые статьи, несовместимость которых с нашими принципами известна, Вы тем самым проявите свое желание завершить это спасительное дело вышеизложенным способом и тем самым вызовете зависть и огорчение среди всех недоброжелателей наших двух империй». (По арх. материалам, перевод с франц.) — *638—640, 642*.

[339] Имеются в виду 3-я и 8-я секретные статьи проекта русско-турецкого оборонительного союзного договора (см. прим. 157).—*638, 639*.

[340] В депеше от 8(20) октября 1805 г. А. А. Чарторыйский сообщал о ратификации Александром I русско-турецкого союзного оборонительного договора, заключенного А. Я. Италинским (см. док. 184).—*640, 642*.

[341] Речь идет о ноте министра иностранных дел Пруссии Гарденберга маршалу Дюроку и французскому посланнику в Берлине Лафоре от 14 октября 1805 г. (опубл. *Ranke*, Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg, Bd. 2, S. 292—295). Заявив о том, что проход французских войск через территорию Пруссии освобождает ее от обязательства сохранять нейтралитет, Гарденберг сообщал о том, что прусским войскам дан приказ занять позиции для обеспечения безопасности государственных границ Пруссии.—*641, 643*.

[342] В письме от 10 года 9 луны 4 дня [13(25) октября 1805 г.] китайские пограничные власти настаивали на сокращении свиты посла до 60—70 человек. Аргументируя свой отказ от нового уменьшения свиты, Ю. А. Головкин в ответном письме от 20 октября (1 ноября) 1805 г. ссылался, в частности, на то, что первоначально такого ограничения трибунал не ставил, и напоминал, что свита его предшественника составляла 120 человек. Посылая для дополнительных разъяснений секретаря посольства Байкова, Ю. А. Головкин одновременно подчеркивал желание способствовать утверждению и развитию дружбы и согласия между обеими странами.—*643*.

[343] В упоминаемом письме от 10 года 10 луны 6 дня [14(26) ноября 1805 г.] китайские пограничные власти вновь настаивали на сокращении свиты посла и требовали ответа на все поставленные ими вопросы (о подарках, грамоте богдыхану, церемонии представления, составе посольства и др.).—*643*.

[344] Решение об отступлении было принято М. И. Кутузовым в связи с тем, что французская армия захватила 13 ноября 1805 г. мост через Дунай в Вене и начала переправу на левый берег Дуная с намерением атаковать армию Кутузова, значительно уступавшую французам в численности (см. рапорт М. И. Кутузова Александру I от 2(14) ноября 1805 г., опубл. М. И. Кутузов, Сб. документов, т. II, стр. 156—157).—*644, 646, 648, 650*.

[345] Как известно, Аустерлицкое сражение началось вопреки мнению М. И. Кутузова, считавшего необходимым дать отдых войскам и дождаться подхода подкреплений. Однако Александр I, поддавшись настояниям своих советников и австрийских генералов, принял решение дать сражение. Этим воспользовался Наполеон, которому нужно было отвлечь союзную армию от занятых ею сильных оборонительных позиций. Союзные войска действовали на основе плана, разработанного полковником австрийского генштаба Вейротером, который составил его без учета особенностей местности и не имея данных о силах и намерениях противника. Наполеон разгадал этот план, что помогло ему разъединить главные силы союзников и нанести им тяжелое поражение. Благодаря мужеству русских войск Наполеону не удалось полностью уничтожить войска союзников.—*645, 646, 648, 650*.

[346] Австрийский посол при русском дворе Стадион и генерал-адъютант Франца II Гьюлаи были посланы 22 ноября 1805 г. к Наполеону с письмом от Франца II, содержавшим пред-

ложение начать переговоры о мире (опубл. *Hanoteau*, Lettres personnelles des souverains, p. 28—29). Письмо было вручено Наполеону 27 ноября, но осталось без ответа. Австрийские представители вели с Талейраном бесплодные переговоры о заключении мира вплоть до сражения под Аустерлицем.—*645, 647, 648, 650.*

[347] Генерал-лейтенант Лихтенштейн 3 декабря 1805 г. явился к Наполеону в Сарошицы и от имени Франца II предложил заключить перемирие между Францией и Австрией. Предложение было принято, и 4 декабря Франц II прибыл в Сарошицы для ведения переговоров. Александр I был уведомлен Францем II о его намерении начать мирные переговоры с французами, но категорически отказался от какого-либо участия в них, предоставив австрийцам полную свободу действий.—*645, 647, 648, 650.*

[348] Перемирие было подписано 6 декабря 1805 г. в Аустерлице. Его условия определяли демаркационную линию между французскими и австрийскими войсками, предусматривали немедленный вывод русских войск из австрийских владений и заключение окончательного мирного договора (опубл. *Neumann*, Recueil des traités, t. II, p. 181—182).—*645, 647, 648, 650, 653, 655.*

[349] В соответствии с условиями перемирия переговоры о заключении мирного договора были начаты в Никольсбурге, но затем были перенесены сначала в Вену, а потом в Пресбург, где и завершились подписанием 26 декабря 1805 г. мирного договора (опубл. *G. Martens*, S. IV, p. 212—220).—*645, 647, 648, 650.*

[350] 6 декабря 1805 г. в Берлин был отправлен П. П. Долгорукий с письмом Александра I к Фридриху-Вильгельму III от 24 ноября (6 декабря) 1805 г. В письме сообщалось об исходе сражения под Аустерлицем и выходе Австрии из войны. Александр I выражал надежду, что поражение союзных войск не повлечет за собой неприятных последствий для Пруссии, сообщал о предоставлении в полное распоряжение короля корпусов П. А. Толстого и Л. Л. Беннигсена и обещал королю всемерную помощь России в случае необходимости (опубл. *Bailleu*, Correspondance inédite, p. 88—89).—*645, 647, 649, 651, 652, 654.*

[351] Письмом от 24 ноября (6 декабря) 1805 г. А. А. Чарторыйский известил главнокомандующего союзными войсками в Италии генерала Ласси о поражении под Аустерлицем и о выходе Австрии из войны и предписал ему принять меры к немедленному выводу русских войск из Италии и переброске их в Россию.—*646, 647, 649, 651, 652.*

[352] Шведский король Густав-Адольф IV согласно 2-й отдельной секретной статье русско-шведской конвенции (см. док. 89) являлся главнокомандующим союзными войсками в Северной Германии. Несмотря на то, что русский корпус генерала Толстого продвигался, не встречая сопротивления со стороны французов, к границам Голландии, король медлил с принятием решения о присоединении шведских войск к русскому корпусу и не давал приказа об открытии активных военных действий. В обоснование своей позиции король ссылался на то, что Пруссия якобы намерена воспользоваться уходом шведских войск из Шведской Померании, для того чтобы захватить ее. Когда, наконец, уступая настойчивым требованиям русского и английского правительств, король отдал приказ своим войскам двигаться на соединение с русским корпусом в Ганновер, время было уже упущено, так как через несколько дней было получено известие о поражении под Аустерлицем и о выходе Австрии из войны.—*649, 651.*

[353] Английские и ганноверские войска начали высадку в устьях Эльбы и Везера в середине ноября, тогда как они должны были высадиться в середине октября 1805 г.—*649, 651.*

[354] Александр I выехал из Голича в Россию 27 ноября (9 декабря) 1805 г.—*652, 654.*

[355] Генерал Савари и австрийский представитель Штуттерхейм посетили 23 ноября (5 декабря) 1805 г. штаб-квартиру Александра I в Голиче и сообщили ему предварительные условия, на которых предполагалось заключить перемирие между Францией и Австрией.—*653, 654.*

[356] Эрцгерцог Карл командовал армией, предназначавшейся для действий в Италии и не принимавшей участия в сражении под Аустерлицем.—*653, 655.*

[357] В ряде донесений М. М. Алопеуса А. А. Чарторыйскому и писем прусского министра иностранных дел Гарденберга прусскому представителю при австрийском дворе Финкенштейну сообщалось о деятельной подготовке Пруссии к вступлению в войну против Франции. В частности, в депеше от 25 ноября (7 декабря) 1805 г. М. М. Алопеус сообщал о следующем заявлении Фридриха-Вильгельма III: «Я исполняю долг моей совести, делая все возможное для сохранения мира, это также мой долг перед моим народом. Но как только выяснится тщетность моих усилий в этом отношении, я выкажу столько же энергии в ведении войны, сколько я выказал упорства в попытках избежать ее».—*654, 655.*

[358] В соответствии с решениями Потсдамского договора (см. док. 194) кабинет-министр Пруссии Гаугвиц был послан в Австрию для вручения Наполеону прусского ультиматума. Однако Гаугвиц не только не объявил Наполеону решения союзников, но, узнав о результатах сражения под Аустерлицем, согласился на сделанное ему Талейраном предложение заключить с Францией договор об оборонительном и наступательном союзе (опубл. *Ranke*, Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten v. Hardenberg, Bd. II, S. 389—392). — *656.*

[359] Речь идет о восстановлении дипломатических отношений между Францией и Россией.—*656.*

[360] Имеется в виду 34 бюллетень Наполеона, в котором наряду с похвалами в адрес Гаугвица содержались намеки на то, что Гарденберг берет якобы взятки от англичан.—*656.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

* В указатель включены как основные написания, так и все существенные русские и иноязычные разночтения имен, встречающиеся в документах, в аннотациях на ранее опубликованные документы и примечаниях тома (разночтения повторяются также в скобках после основного написания). Приводимые в указателе краткие биографические сведения носят формально-справочный характер и ограничены, как правило, периодом, охватываемым данным томом. Цифры в указателе обозначают страницы.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

* В указатель включены как основные написания, так и все существенные русские и иноязычные разночтения географических названий, встречающиеся в документах, аннотациях на уже опубликованные ранее документы и примечаниях данного тома (разночтения повторяются также в скобках после основного написания). Цифры в указателе обозначают страницы.

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ *

* В указателе обозначены порядковые номера документов тома, страницы аннотаций на опубликованные ранее документы и номера примечаний.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХ ВО II ТОМЕ

арх. — архивный
в. в-во — Ваше величество
в. и. в-во — Ваше императорское величество
в. пр-во — Ваше превосходительство
в. с-во — Ваше сиятельство
г-н — господин
док. — документ, документы
е. в-во — его величество
е. и. в-во — его императорское величество
е. с-во — его сиятельство
кн. — книга
опубл. — опубликовано
печат. — печатается
прим. — примечание, примечания
см. — смотри
ст. — статья, статьи
M^r — monsieur
s. m. — sa majesté
s. m. i. — sa majesté impériale
S^r — sieur
s. ex. — son excellence
v. ex. — Votre excellence
v. m. — Votre majesté
v. m. i. — Votre majesté impériale
АКАК — Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Под ред. Ад. Берже, т. I—VI, Тифлис, 1866—1875.
Арх. Воронцова — Архив князя Воронцова, кн. 1—40, М., 1870—1895.
Васильчиков, Семейство Разумовских — Васильчиков А. А., Семейство Разумовских, т. III, СПб., 1882, т. IV, СПб., 1887.
Дубровин, Закавказье — Дубровин Н. Ф., Закавказье от 1803—1806 года, СПб., 1866.
Из бумаг гр. Ю. А. Головкина — Из бумаг гр. Ю. А. Головкина. Документы о посольстве гр. Головкина в Китай, СПб., 1904.
М. И. Кутузов, Сб. документов — М. И. Кутузов, Сборник документов. Под ред. Л. Г. Бескровного, т. I—II, М., 1951.
Ф. Мартенс — Мартенс Ф. Ф., Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. I—XV, СПб., 1874—1909.
Попов, Россия и Сербия — Попов Н., Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 гг., М., 1869.
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи с 1649 г., СПб., 1830 (собрание первое).
Сб. РИО — Сборник русского исторического общества, т. 77, СПб., 1891, т. 82, СПб., 1892.
Вукићевић, Карађорђе — Вукићевић М., Карађорђе, кн. 1—2, Београд, 1907—1912.
Bailleu, Correspondance inédite — Bailleu P., Correspondance inédite du roi Frédéric-Guillaume III et de la reine Louise avec l'empereur Alexandre I, Leipzig-Paris, 1900.
Bailleu, Preussen und Frankreich — Bailleu P., Preussen und Frankreich 1795 bis 1807. Diplomatische Correspondenzen, Bd. 1—2, Leipzig, 1880—1887.

Beer, Österreich und Russland — Beer A., Österreich und Russland in den Jahren 1804 und 1805, Wien, 1875.

Czartorisky, Mémoires — Czartorisky A., Mémoires du prince Adam Czartorisky et correspondance avec l'empereur Alexandre I, P., 1887.

Correspondance de Napoléon — Correspondance de Napoléon I publiée par ordre de l'empereur Napoléon III, v. I—XXXII, P., Plon, 1858—1870.

Garden, Histoire générale des traités de paix — Garden G., Histoire générale des traités de paix et autres transactions principales entre toutes les puissances de l'Europe depuis la paix de Westphalie, v. I—XV, P., 1848—1887.

Hanoteau, Lettres personnelles des souverains — Hanoteau, Jean. Lettres personnelles des souverains à l'empereur Napoléon Ier. Paris, 1939.

G. Martens — Martens G. F., Recueil des principaux traités d'alliance, de paix, de trêve, de neutralité, de commerce, de limites, d'échange etc. conclus par les puissances de l'Europe tant entr'elles qu'avec les puissances et Etats dans d'autres parties du monde depuis 1761 jusqu'à présent, v. I—VII, Gottingue, 1791—1801. В соответствии с Table générale du Recueil des traités de G. F. Martens et de ses continuateurs. Gottingue, 1876, приняты следующие сокращения:

R. — Recueil, I-ère édition.

S. — Supplément.

Metternich's nachgelassene Papiere — Metternich Klemens Lothar, Aus Metternich's nachgelassenen Papieren. Hrsg. von dem Sohne des Staatskanzlers... Geordnet und zusammengestellt von A. v. Klinkowström, Wien, Braumüller, 1880.

Neumann, Recueil des traités — Neumann L., Recueil des traités et conventions conclus par l'Autriche avec les puissances étrangères, depuis 1763 jusqu'à nos jours, Bd. 1—6, Leipzig, 1855—1859.

Noradounghian, Recueil d'actes internationaux — Noradounghian G., Recueil d'actes internationaux de l'Empire ottoman, t. I—II, P., 1900.

The Paget Papers — Paget A., The Paget Papers. Diplomatic and other Correspondence of the Right Hon. sir A. Paget, v. I—II, 1794—1807, L., 1896.

Ranke, Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten v. Hardenberg — Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg. Herausgegeben von Leopold von Ranke. Bd. 1—5, Leipzig, 1877.

Rose, Select dispatches — Rose J. H., Select Dispatches from the British Foreign Office Archives relating to the Formation of the Third Coalition against France, 1804—1805, L., 1904.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИЗДАНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ РУССКИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ за 1804—1805 гг.

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Архив главного управления наместника кавказского, т. II, издан под редакцией председателя комиссии Ад. Берже, Тифлис, 1868.

Англия перед угрозой десанта Наполеона I (1801—1805 гг.). Вводная статья А. Попова. [Документы подготовлены к печати А. А. Юрьевым]. «Красный архив», т. 3 (106), 1941.

Арсеньев К. И. Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. Приведены в порядок и изданы акад. П. Пекарским, СПб., 1872. (Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 9).

Архив князя Воронцова, кн. 10—12, 14—16, 18—20, 22, 28, 30, М., 1876—1884. (См. также к этому изданию «Роспись сорока книгам архива князя Воронцова с азбучным указателем личных имен», М., 1897).

Богишич В. Разбор сочинения Н. А. Попова «Россия и Сербия». С приложением некоторых документов, почерпнутых преимущественно из архива Министерства иностранных дел в С.-Петербурге, СПб., 1872.

Болховитинов Н. Н. (сост.). К истории установления дипломатических отношений между Россией и США (1808—1809 гг.). «Новая и новейшая история», 1959, № 2.

Бурбоны в изгнании в Митаве и в Варшаве. «Русская старина», т. 101, 1900, март.

Васильчиков А. А. Семейство Разумовских, т. III. Светлейший князь Андрей Кириллович, ч. 1, СПб., 1882; т. IV, ч. 2, СПб., 1887; т. V. Приложения к биографии князя А. К. Разумовского, изд. А. Брикнера, СПб., 1894. (Имеется также издание на французском языке — Wassiltchikow *A.* Les Razoumowski. Edition française par Alexandre Brückner. Tome II. Le comte André Razoumowski. Deuxième partie. (Règne d'Alexandre I). 1801—1806, Halle s. S., 1893. Quatrième partie. Correspondance politique du comte André, Halle s. S., 1894).

Военский К. Посольство Резанова в Японию в 1803—1805 гг. на судах первой русской кругосветной экспедиции под начальством Крузенштерна. С предисловием Н. Кладо. «Морской сборник», т. CDVIII, 1919, март, апрель, №№ 3, 4. (Бо́льшая часть материалов, помещенных в «Морском сборнике», была опубликована К. Военским ранее в журнале «Русская старина», т. 84, 1895, июль, октябрь).

Головизнин К. Очерки из истории русского флота. Капитан-командор Сорокин в Ионической республике. «Морской сборник», т. CLXXXXII, 1882, сентябрь, № 9.

Горяинов С. М. Договор 11 (23) сентября 1805 года между Россиею и Турциею. «Известия Министерства иностранных дел», 1912, кн. V.

Дубровин Н. Закавказье от 1803—1806 года СПб., 1866.

Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. IV, СПб., 1886.

Дубровин Н. Сербский вопрос в царствование императора Александра I. «Русский вестник», т. 46, 1863, июль, № 7.

Жмакин В. Россия и Черногория в начале XIX века. «Древняя и новая Россия», т. XIX, 1881, март, № 3.

Журналы комитета министров [1802—1826 гг.]. Царствование императора Александра I, т. I, 1802—1810 гг., СПб., 1888.

Из бумаг графа Ю. А. Головкина. Документы о посольстве гр. Головкина в Китай, СПб., 1904.

Куракин А. Б. Записка, поданная князем А. Б. Куракиным императору Александру Павловичу после Аустерлицкого сражения. «Русский архив». Год седьмой (1869). М., 1870, стб. 1125—1138.

Кутузов М. И. Сборник документов. Под ред. полк. Л. Г. Бескровного, т. II, Военное издательство, М., 1951.
Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. II, СПб., 1875, т. VI, СПб., 1883, т. XI, СПб., 1895.
Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.), т. IV,М.—Л., 1940.
Н. Д. Попытка к борьбе с Наполеоном при помощи периодической печати. Сообщил Н. Д., «Русская старина», т. 113, 1903, март.
Николай Михайлович, вел. князь. Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I, т. II, СПб., 1903.
Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. [собрание 1-е, с 1649 г. по 12 декабря 1825 г.], т. XXVIII (1804—1805), [СПб.], 1830.
Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени, ч. II, СПб., 1863.
Трачевский А. (ред.). Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I, т. II (1803—1804); т. III (1805—1806), Сборник русского исторического общества, т. 77, СПб., 1891; т. 82, СПб., 1892.
Шемелин Ф. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара, сочиненный под высочайшим е. и. в-ва покровительством Российско-американской компании главным комиссионером, московским купцом Федором Шемелиным, ч. 2, СПб., 1818.
Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование, изд. 2-е, т. II, СПб., 1904.
Вукићевић М. Карађорђе, кн. II. Историја устанка од 1804—1807. У Београду, 1912.
Драговић М. Прилози за историју Црне Горе и Боке Которске почетком XIX стољећа. Из петроградскога државнога архива преписао Марко Драговић, «Споменик», Београд, XXXI, други разред 29, 1898.
Amort Č. Dopisy Michaila I. Kutuzova v československých archivech. «Sovětská historie». Zprávy Československo-sovětského institutu, Praha, roč. IV, 1954, č. 6.
The Annual Register, or a View of the History, Politics and Literature, for the year 1804, London, 1806.
The Annual Register, or a View of the History, Politics and Literature, for the year 1806, London, 1808.
Auriol Ch. La France, l'Angleterre et Naples de 1803 à 1806, t. II, Paris, 1905.
Bailleu P. Correspondance inédite du roi Frédéric-Guillaume III et de la reine Louise avec l'empereur Alexandre Ier d'après les originaux des archives de Berlin et de Saint-Pétersbourg, Leipzig — Paris, 1900.
Beer A. Österreich und Russland in den Jahren 1804 und 1805, Wien, 1875. [Aus dem Archiv für österreichische Geschichte (LIII Bd., I Hälfte, S. 125) besonders abgedruckt].
Beer A. Zehn Jahre österreichischer Politik. 1801—1810, Leipzig, 1877.
Cobbett's Parliamentary Debates. Vol. VI. Comprising the period between the 21-st of January and the 6th of May, 1806. Appendix to the Parliamentary Debates, London, 1806.
Czartoryski A. Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre I-er. Préface de Ch. de Mazade, t. II, Paris, 1887. (Есть русский перевод. *Чарторыйский А.* Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Ред. и вступительная статья А. Кизеветтера, т. 2, М., 1913).
Fournier A. Gentz und Cobenzl. Geschichte der österreichischen Diplomatie in den Jahren 1801—1805, Wien, 1880.
Garden [*G.*] Histoire générale des traités de paix et autres transactions principales entre toutes les puissances de l'Europe depuis la paix de Westphalie, ouvrage comprenant les travaux de Koch, Schoell etc. Entièrement refondus et continués jusqu'à ce jour, t. 8, Paris.
Gopčević Sp. Russland und Serbien von 1804—1915. Nach Urkunden der Geheimarchive von St. Petersburg und Paris und des Wiener Archivs, München, 1916.
Hans N. Tsar Alexander I and Jefferson: Unpublished Correspondence. «The Slavonic and East European Review», vol. XXXII, № 78, 1953, December.
Hurmuzaki E. Documente privitóre la istoria Românilor. Urmare la colecţiunea lui Eudoxiu de Hurmuzaki. Suplement I, vol. II, 1781—1814. Documente culese din archivele Ministerului afacerilor străine din Paris de A. I. Odobescu, Bucureşti, 1885.
Martens G. F. Supplément au Recueil des principaux traités d'alliance, de paix, de trêve, de neutralité, de commerce, de limites, d'échange etc. conclus par les puissances de l'Europe tant entre elles qu'avec les puissances et Etats dans d'autres parties du monde depuis 1761 jusqu'à présent..., t. III—IV, Gottingue, 1807—1808. (См. также указатель

к этому изданию: Table générale du Recueil des traités de G. F. de Martens et de ses continuateurs, Gottingue, 1876).

Metternich [*C. W. L.*] Aus Metternich's nachgelassenen Papieren. Herausgegeben von dem Sohne des Staatskanzlers Fürsten Richard Metternich-Winneburg. Geordnet und zusammengestellt von A. v. Klinkowström. Erster Teil. Bd. 2, Wien, 1880. (Имеется также издание на французском языке).

Neumann L. Recueil des traités et conventions conclus par l'Autriche avec les puissances étrangères, depuis 1763 jusqu'à nos jours, t. II, Leipzig, 1856.

Noradounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire ottoman, t. II, 1789—1856, Paris — Leipzig — Neuchatel, 1900.

Paget A. The Paget Papers. Diplomatic and other Correspondence of the Right Hon. sir Arthur Paget, G. C. B. 1794—1807. [With two appendices 1808 and 1821—1829]. Arranged and edited by his son the Right Hon. sir Augustus B. Paget, G. C. B... With notes by J. R. Green, v. II, London, 1896.

Ranke L. Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg. Herausgegeben von Leopold von Ranke. Bd. II, Leipzig, 1877.

Rose J. H. ed. Select Dispatches from the British Foreign Office Archives Relating to the Formation of the Third Coalition against France 1804—1805, London, 1904.

Stedingk [C.] Mémoires posthumes du feld-maréchal comte de Stedingk, rédigés sur des lettres, dépêches et autres pièces authentiques laissées à sa famille, par le général comte de Björnstjerna, t. 2, Paris, 1845.

Tatistcheff S. Alexandre I-er et Napoléon d'après leur correspondance inédite. 1801—1812, Paris, 1891.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

1804 г.

1805 г.

ПЕРЕЧЕНЬ АННОТАЦИЙ НА РАНЕЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1804 г.

1805 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор Н. Алентьева

Художник А. Кобрин

Художественный редактор Н. Симагин

Технический редактор Ю. Мухин

Сдано в набор 29 декабря 1960 г. Подписано в печать 11 мая 1961 г. Формат $70 \times 108^1/_{16}$. Физ. печ. л. $46^1/_2$. Условн. печ. л. 66,7. Учетно-изд. л. 77,37. Тираж 8 тыс. экз. Заказ 1-1769. Цена 2 р. 40 к.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Отпечатано с матриц Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова. Москва, на Книжной фабрике имени М. В Фрунзе Главполиграфиздата Министерства культуры УССР, Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
20	11 сверху	Vassilctchikoff	Vassiltchikoff
56	1 снизу	Карађорђе	Карађорђе
58	16 снизу	l'inquétude	l'inquiétude
58	18 сверху	leur	leurs
149	19 сверху	большее,	большее
184	24 сверху	vingt cinq	vingt-cinq
210	3 сверху	mo difications	modifications
229	3 снизу	doutte	doute
252	13 снизу	державой	державой,
356	4 снизу	accèderont	accéderont
357	20 сверху	n'excèdera	n'excédera
367	19 сверху	règnera	régnera
401	14 снизу	Iahre	Jahre
457	1 сверху	lesengagements	les engagements
573	5 снизу	écessaire	nécessaire
615	6—7 сверху	le midi de de	le midi de
629	23 сверху	d'avantage	davantage
670	13 сверху	артиллеристы	артиллеристами

Stanford University Libraries
3 6105 013 548 842